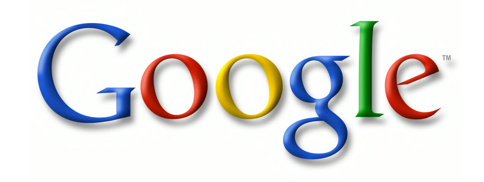
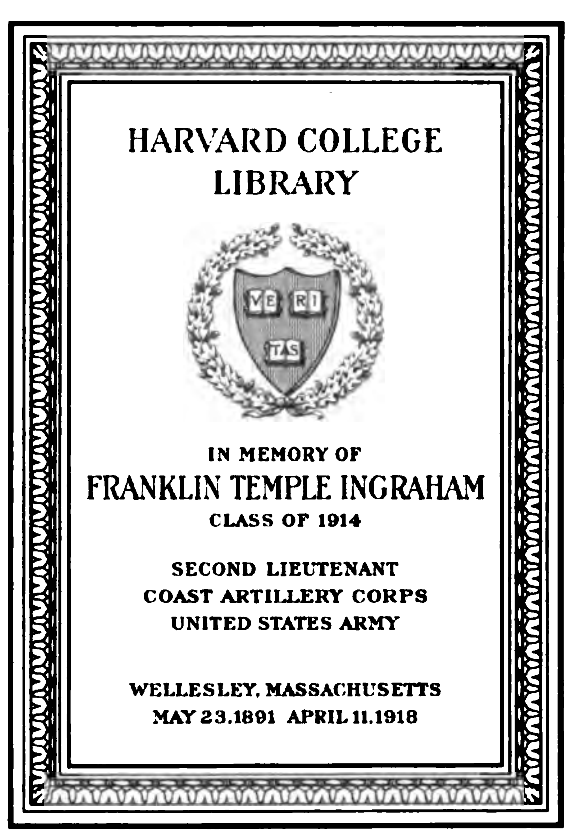

HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE RI TAS
IN MEMORY OF
FRANKLIN TEMPLE INGRAHAM
CLASS OF 1914
SECOND LIEUTENANT
COAST ARTILLERY CORPS
UNITED STATES ARMY
WELLESLEY, MASSACHUSETTS
MAY 23, 1891 APRIL 11, 1918

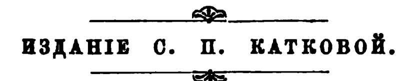
М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ

ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1879 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.

1879 ГОДЪ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Администрація.

Военное дѣло.

Законодательныя мѣры.

Крестьянское дѣло.

Крамола и нигилизмъ.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Литература, науки и искусства.

Москва.

Морское дѣло.

Народное здравіе.

Польскій вопросъ.

Почтовое и телеграфное дѣло.

Пути сообщенія.

Пожары.

Сельское хозяйство.

Судебное дѣло.

Торговля и промышленность.

Учебное дѣло.

Финансовые и экономическіе вопросы.

Церковь.

Русскія владѣнія въ Азіи.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Ватиканъ.

Восточный вопросъ.

Обозрѣніе иностранной политики.

Австро-Венгрія.

Англія.

Германія.

Египетъ.

Испанія.

Нидерланды.

Франція.

1879 ГОДЪ.

№ 2.

Москва, 2-го января.

Послѣ вызваннаго Восточнымъ вопросомъ тревожнаго напряженія послѣднихъ трехъ лѣтъ, мы встрѣтили Новый Годъ среди общаго мира, и если при этомъ нѣтъ спокойной увѣренности въ будущемъ—въ томъ не вина Россіи.

Первые дни истекшаго года застали наши геройскія войска уже за снѣжными вершинами Балканъ, гдѣ они не отставали ни на шагъ отъ бѣжавшаго въ дикомъ смятеніи непріятеля, переходили въ бродъ рѣки съ плывущимъ льдомъ, наконецъ сломили послѣднюю возможность сопротивленія. Сокрушенная Турція взмолилась о пощадѣ. Лживыя обнадеживанія ея друзей еще разъ сослужили ей плохую услугу, и затянувъ переговоры безполезными проволочками, дали время нашимъ войскамъ приблизиться къ самой турецкой столицѣ. Этотъ моментъ далъ намъ новый случай убѣдиться въ недобросовѣстности англійской дипломатіи и въ невозможности полагаться на ея обѣщанія. Англію быстрая развязка войны захватила врасплохъ также какъ и Турцію, ибо обманувшись нашими первыми неудачами, Англія ожидала что война протянется по крайней мѣрѣ еще годъ и дастъ ей время приготовиться чтобы выступить самой, а можетъ-быть и подстроить коалицію. Англійское министерство заметалось, спѣшно созвало парламентъ и дало приказъ флоту двинуться въ Мраморное Море. Два министра, лордъ Карнарвонъ и лордъ Дарби, подали въ отставку, сознавая какъ опасно могло быть для Англіи играть открыто на вызовъ; но только что принятая мѣра была отмѣнена, и лордъ Дарби остался еще на нѣкоторое время въ кабинетѣ, а съ Россіей состоялось соглашеніе, по коему, за отозваніе англійскаго флота, русскія войска не должны были ни занимать Галлиполи, ни высаживаться на азіятскомъ берегу. Но едва остановилось движеніе на Галлиполи нашихъ войскъ преслѣдовавшихъ Сулеймана, какъ англійскій флотъ очутился въ Мраморномъ Морѣ, не найдя нужнымъ испрашивать на то позволенія Порты и вопреки ея протесту. Мы могли, конечно, отвѣтить на это занятіемъ Босфора и турецкой столицы, но въ то время уже было подписано перемиріе, и войска наши остановились въ Санъ-Стефано.

Мѣсяцъ спустя послѣ перемирія, въ ознаменованный столь многими великими актами настоящаго царствованія день 19-го февраля былъ подписанъ Санъ-Стефанскій мирный трактатъ. Умѣренность условій поставленныхъ Россіей побѣжденному врагу простиралась до того что самому трактату дано было названіе „предварительнаго,“ чѣмъ заявлено что она допускаетъ въ немъ возможность нѣкоторыхъ перемѣнъ. Тѣмъ не менѣе, обнародованіе этого трактата не могло доставить удовольствія недоброжелателямъ Россіи. Австрія поспѣшила предложить конгрессъ. Правительство ея, по примѣру Англійскаго, вооружилось истребованнымъ отъ палатъ кредитомъ въ 60 милліоновъ флориновъ, которые пришлись кстати, — не противъ Россіи, а для иной цѣли. Въ Англіи лордъ Дарби совсѣмъ вышелъ въ отставку и замѣненъ былъ лордомъ Солсбери, и этотъ министръ, который на конференціи въ Константинополѣ столь презрительно трактовалъ турецкихъ министровъ, не постыдился завести рѣчь о поддержаніи „мусульманской юрисдикціи;“ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы на смѣхъ всей Европѣ, были привезены изъ Индіи *семь тысячъ* мусульманскихъ сипаевъ!

Послѣ долгихъ пререканій, при посредствѣ честнаго маклерства князя Бисмарка, состоялся, наконецъ, конгрессъ въ Берлинѣ, подготовленный предварительнымъ соглашеніемъ графа Шувалова съ лордомъ Солсбери въ Лондонѣ. Ровно мѣсяцъ длились совѣщанія этого ареопага, и дѣло рукъ его—Берлинскій трактатъ — у насъ предъ глазами. Жестокая Немезида постигла авторовъ хитроумныхъ, враждебныхъ Россіи, плановъ. Кромѣ нажитыхъ ими себѣ затрудненій, они теперь сами видятъ какъ легко было исполнять въ Берлинскомъ трактатѣ то что̀ было не болѣе какъ подтвержденіемъ постановленій Санъ-Стефанскаго договора, и напротивъ подъ какимъ сомнѣніемъ и неизвѣстностью остается все остальное, особенно все навѣянною злобой и ненавистью къ Россіи и къ покровительствуемымъ ею христіанамъ. Конгрессъ былъ безсиленъ совершенно лишить Россію вознагражденія за понесенныя ею тяжкія жертвы: она удержала Батумъ и столь славно взятыя въ Азіи крѣпости, и добровольно отказавшись тамъ отъ долины Алашкерта, возвратила себѣ свою кровную полосу Бессарабіи, коей лишилась въ 1856 году. Равнымъ образомъ конгрессъ долженъ былъ признать и призналъ, хотя и не въ полной мѣрѣ, справедливость совершеннаго Россіей дѣла, утвердивъ полную независимость прежнихъ вассальныхъ княжествъ Сербіи и Румыніи,—которую они уже пріобрѣли себѣ вооруженнымъ участіемъ въ борьбѣ,—а также признавъ независимость части Болгаріи лежащей къ сѣверу отъ Балканъ. Но конечно не за этимъ только собирался конгрессъ. Его цѣлью, какъ хвастали наши недруги, было вновь поставить Турцію на ноги, возвративъ ей бо́льшую часть потеряннаго. Въ этихъ видахъ и было предположено возвратить подъ отеческую власть султана южную часть Болгаріи, подъ именемъ Восточной Румеліи, одаривъ ее призрачною автономіей... Но за то конгрессъ отхватилъ отъ Турціи двѣ другія провинціи, Боснію и Герцеговину, съ которыхъ загорѣлся весь сыръ-боръ Восточнаго вопроса, подаривъ ихъ одному изъ друзей Порты, Австріи, между тѣмъ какъ другая защитница Турціи, Англія, уже безъ конгресса, втихомолку ото всѣхъ, захватила Кипръ и протекторатъ надъ Малою Азіей.

Австрія добилась завѣтной цѣли своихъ мечтаній, ради коей возбуждены были всѣ восточныя замѣшательства и потребовалось столько крови и страданій, — добилась благодаря чужимъ жертвамъ и трудамъ. Но сорванный, казалось зрѣлый, плодъ оказался горькимъ. Благодѣтельные австрійскіе штыки были встрѣчены выстрѣлами, и на мирное занятіе не хватило ассигнованныхъ 60 милліоновъ. Самое занятіе совершилось болѣе въ нарушеніе чѣмъ въ исполненіе Берлинскаго трактата, такъ какъ Австрія до сихъ поръ не можетъ придти къ соглашенію съ Портой по предмету необходимой для сего конвенціи, и повело только къ раздраженію мусульманскаго фанатизма и къ образованію Албанской лиги. Эта лига отпугиваетъ Австрію отъ занятія Новаго Базара и проявила себя умерщвленіемъ Мегметъ-Али-паши, посланнаго для успокоенія смутъ, а вызванныя этимъ волненія даютъ Портѣ предлогъ медлить исполненіемъ условій трактата относительно Черногоріи. Точно также остается *en suspens* и рекомендованное конгрессомъ исправленіе границъ Греческаго королевства. Но самымъ главнымъ камнемъ претковенія къ буквальному исполненію Берлинскаго трактата остается созданіе Восточной Румеліи. Раздробленіе освобожденной войною Болгаріи на три части, подвергшіяся разной участи, уже выразилось, вмѣсто умиротворенія, кровавою усобицей въ Македоніи, которая безусловно должна возвратиться подъ произволъ мусульманскаго владычества. Попытки македонскихъ Болгаръ воспротивиться этому уже вызвали кровавыя репрессаліи со стороны Турокъ, судя по всѣмъ извѣстіямъ ни въ чемъ не уступающія ужасамъ 1876 года. Жители Румеліи, дышащіе покамѣсть свободно благодаря присутствію русскихъ войскъ, заранѣе поголовно протестуютъ противъ осужденія ихъ на такую же участь, слишкомъ хорошо ими извѣданную. Европейскіе коммиссары засѣдающіе въ Филиппополѣ завалены этими протестами. Сама эта международная коммиссія нарушила букву Берлинскаго трактата; ибо въ трехмѣсячный срокъ съ ея открытія назначенный для выработки органическаго статута для провинціи коммиссія успѣла составить только двѣ изъ четырнадцати главъ принятой ею самою программы. А между тѣмъ ея работы, по ихъ окончаніи, должны еще подвергнуться разсмотрѣнію и обсужденію державъ. Впрочемъ, коммиссія, какъ можно полагать, сама уже, вѣроятно̂, убѣдилась въ совер-

шенной безплодности своихъ работъ. Между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе одной изъ послѣднихъ телеграммъ, хотя мы и не можемъ вполнѣ давать ему вѣру, будто самъ англійскій коммиссаръ сэръ-Друммондъ Вольфъ подалъ мысль поручить охрану Балканскихъ проходовъ болгарской милиціи, чему, впрочемъ, противится англійскій посолъ сэръ-Генри Леярдъ, находя эту мѣру „опасною“ для Турціи. Но развѣ безопаснѣе было бы для ней возобновленіе тѣхъ сценъ ужаса и насилій которыя уже разъ вызвали войну и привели Порту на край гибели? Эта возможная участь злополучной Южной Болгаріи, въ случаѣ подчиненія ея вновь турецкой власти и возвращенія въ нее турецкихъ войскъ для занятія Балканскихъ проходовъ, и составляетъ главную тревогу завѣщанную минувшимъ наступающему году. И если всѣ державы искренно желаютъ мира прочнаго который далъ бы имъ возможность посвятить вниманіе внутреннимъ затрудненіямъ какъ можно менѣе отвлекаясь отъ нихъ восточными дѣлами, то имъ слѣдовало бы неотлагательно озаботиться исправленіемъ оказанной Болгарамъ несправедливости.

А внутреннихъ заботъ у всѣхъ странъ накопилось не мало, и именно тѣ страны которыя были затронуты превратностями на Востокѣ и нуждаются болѣе всѣхъ въ спокойствіи. Прежде всего, въ такомъ ли положеніи находится Турція чтобъ ей только и мечтать о возстановленіи своей власти надъ забалканскими Болгарами, когда правительство ея подавлено массой другихъ неотложныхъ, тревожныхъ дѣлъ? Полное неустройство господствуетъ во всей Оттоманской имперіи. Вопросъ признается ли еще въ Албаніи власть Порты покрытъ тайной. Равнымъ образомъ не хочетъ знать этой власти и куча мусульманскихъ оборванцевъ согнанныхъ отовсюду въ Родопскій округъ Сулейманомъ. Волненія въ Ѳессаліи и предстоящій разчетъ съ Греціей, коего Порта не можетъ избѣжать, грозятъ новыми затрудненіями. Нельзя также ей вѣчно медлить и исполненіемъ условій относительно Черногоріи по передачѣ уступленной ей Подгорицы. Въ Критѣ всѣ обѣщанія Порты, даже данныя въ самое послѣднее время ѣздившимъ туда для успокоенія острова Мухтаръ-пашой, такъ и остаются только обѣщаніями. Объѣзжающій ея азіятскія провинціи корреспондентъ *Times* рисуетъ положеніе ихъ, въ письмахъ изъ разныхъ мѣстностей, въ самомъ плачевномъ видѣ, приписывая господствующую вездѣ неурядицу распущенности и безпорядочности турецкаго управленія. Въ самой турецкой столицѣ хроническая тревога, постоянныя опасенія бунтовъ, новыхъ переворотовъ. Султанъ спитъ и видитъ вездѣ заговоры. Въ теченіе года смѣнилось до пяти великихъ визирей съ полною перемѣной всего кабинета, и уже поговариваютъ что ожидается новая смѣна послѣ недавно бывшей. Чернь въ столицѣ волнуется обезцѣненіемъ каиме, хлѣбопеки закрываютъ лавки. Вотъ сколько хлопотъ у Порты, и въ добавокъ ее осаждаютъ своею заботливостью нѣжные опекуны. Австрія пристаетъ съ конвенціей о Новомъ Базарѣ, англійскій посолъ досаждаетъ своими проектами о реформахъ въ Малой Азіи. Порта ссылается на безденежье и проситъ у друга помощи. Другъ не прочь ссудить, и неизвѣстно только какого требуетъ залога. Порта проситъ денегъ конечно не на реформы, а для удовлетворенія голоднаго чиновничества и на выкупъ хотя части каиме. Англія знаетъ это и, пожалуй, дастъ нѣкоторую сумму, лишь бы, вдобавокъ къ какому-нибудь новому захвату, вырвать кое-что въ уплату прежнимъ кредиторамъ Турціи. Но не должно забывать что въ этомъ дѣлѣ должна имѣть голосъ и Россія. Она въ правѣ требовать отъ Порты обезпеченія признаннаго за нею права на военное вознагражденіе. Порта должна помнить что Санъ-Стефанскій трактатъ не упраздненъ, и что всѣ статьи его оставшіяся не тронутыми на конгрессѣ должны быть окончательно оформлены. Не ясно ли изо всего этого что собственный интересъ долженъ побуждать Порту, оставивъ въ покоѣ Болгаръ, заняться устройствомъ оставшихся за нею провинцій и приведеніемъ въ порядокъ своихъ отношеній ко всѣмъ сосѣдямъ?

Но можетъ-быть это не въ интересѣ тѣхъ кто попеременно смущаютъ и обольщаютъ Порту своими интригами? Такъ ли, однако? Какая выгода, напримѣръ, сосѣдней Австро-Венгерской имперіи чтобы продолжались безпорядки въ имперіи Турецкой? Захвативъ давно намѣченную добычу, двойственная имперія сама не знаетъ что̀ дѣлать съ лакомымъ кускомъ, какое устройство дать занятымъ провинціямъ, къ какой половинѣ монархіи при-

мкнуть ихъ. Между тѣмъ расходы занятія растутъ не по днямъ, а по часамъ и превосходятъ всѣ смѣты. Вопросъ о Босніи едва не пошатнулъ положенія самаго графа Андраши и вызвалъ уже два министерскіе кризиса, въ Транс- и Цислейтаніи. Въ Венгріи кабинетъ Тисы еще устоялъ, нѣсколько преобразившись. Но Цислейтанскій кабинетъ и по сю пору остается у дѣлъ временно, пока выяснится кѣмъ его замѣнить и возможно ли замѣнить. Въ самой Цислейтаніи партіи и народности борются съ ожесточеніемъ, а предъ самымъ закрытіемъ Австрійскаго рейхсрата еще возбудила скандалъ выходка депутата Шёнерера заявившаго о стремленіи австрійскихъ Нѣмцевъ возсоединиться съ Германскимъ отечествомъ. Казусъ этотъ показалъ самымъ близорукимъ надъ какою бездной стоитъ Австро-Венгерская монархія и какою цѣной пришлось бы ей заплатить за дальнѣйшее честолюбивое движеніе на Востокъ. Истинно понятый интересъ ея, интересъ самосохраненія, долженъ скорѣе воздержать ее отъ того что̀ могло бы дать сигналъ къ расторженію имперіи. Къ тому же и экономическое положеніе ея крайне неприглядное. Торговый трактатъ съ Германіей продолженъ лишь на короткій срокъ, а въ торговомъ отношеніи Австрія находится въ большой зависимости отъ Германіи, черезъ которую идетъ къ ней весь транзитъ. Между тѣмъ въ обѣихъ странахъ возобладали покровительственныя тенденціи, и война тарифовъ можетъ повести къ большимъ непріятностямъ съ Германіей. Не новый ли это поводъ для Австріи остерегаться затѣй на Востокѣ?

У нашихъ добрыхъ друзей Англичанъ хлопотъ и заботъ больше чѣмъ у кого другаго, что̀ объясняется не одною раскинутостью ихъ владѣній, а зависитъ отъ многихъ причинъ, въ чемъ не малая вина падаетъ на ту суетливую, задорную политику которою лордъ Беконсфильдъ сумѣлъ такъ обольстить націю что она безотвѣтно отдала свою участь въ его руки. Начать съ того что Англія ввязалась въ неблагодарную войну противъ Афганистана, которую въ извѣстной степени, пожалуй, можно считать отраженіемъ восточныхъ замѣшательствъ. Въ то время когда отношенія между Англіей и Россіей были опасно натянуты, Англичане были вдругъ встревожены появленіемъ русской миссіи въ Кабулѣ и извѣстіями о движеніяхъ русскихъ отрядовъ для диверсіи къ сторонѣ Индіи. Болѣе всего была имъ досадна готовность съ какою Афганскій эмиръ принялъ русскую миссію, въ то же время упорно отвергая дружбу Англіи навязываемую ему въ формѣ вассальнаго подчиненія императрицѣ Индійской. Но тутъ были, конечно, и другія соображенія, кромѣ страха внушаемаго русскою диверсіей. Уже задолго до нея Англійское правительство безпокоилось поддержаніемъ своего престижа въ Индіи. При самомъ наступленіи минувшаго года, въ обычномъ обозрѣніи за предшедшій годъ, намъ пришлось уже упоминать о неудовлетворительности отношеній Англіи къ Афганистану и о недовольствѣ котораго не могло не возбудить въ населеніи Индіи, только что пережившемъ страшный голодъ, возвышеніе налоговъ на 8 милліоновъ. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ прошедшаго года, англійскими властями было усмотрѣно зловѣщее безпокойство между туземцами, какъ объясняютъ Англичане, „вслѣдствіе отозвавшагося во всей Индіи потрясенія отъ русско-турецкой борьбы.“ Оно проявилось де въ томъ что въ туземной печати стали появляться самыя рѣзкія нападки на англійское управленіе и высказываться „искаженныя понятія“ о томъ что̀ дѣлалось въ Европѣ. Вице-король поспѣшилъ пресѣчь эту опасность подчинивъ индійскую печать самой строгой цензурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англичанъ начали заботить войска содержимыя вассальными принцами, и зашла рѣчь о необходимости заставить ихъ сократить эти контингенты; хотя эта мѣра еще не принята, но привозъ оружія въ Индію и право имѣть его подчинены строгимъ постановленіямъ. Очень можетъ быть что это настроеніе въ Индіи, безпокоившее Англичанъ, было отчасти извѣстно и эмиру и входило въ его разсчеты. Тѣмъ болѣе Англичанамъ казалось нужнымъ поддержать свой престижъ. Такимъ образомъ Афганская экспедиція одновременно и цѣль и средство. Только со странною непослѣдовательностью Англичане возложили расходы поддержанія своего престижа на самое же Индію, хотя это едва ли можетъ увеличить довольство ея населеній англійскимъ управленіемъ. Бремя этихъ расходовъ, въ которыхъ со временемъ придется принять нѣкоторую долю участія и самой Англіи, будетъ тѣмъ больше чѣмъ дольше затянет-

ся экспедиція. А между тѣмъ до сихъ поръ не видно чтобы удаленіе эмира изъ Кабула упрощало дѣло и вело къ заявленію имъ покорности, какъ надѣялись Англичане. Напротивъ, теперь признаютъ что удаленіе эмира изъ Кабула могло быть съ его стороны стратегическою уловкой. Вести регулярную войну противъ англійскихъ войскъ было для него невозможно, а въ партизанской войнѣ, чѣмъ дальше продвинутся Англичане, тѣмъ ихъ предпріятіе будетъ опаснѣе и убыточнѣе.

Но это не единственная забота Англіи. Что ея правительство не рѣшилось внести въ англійскій бюджетъ расходовъ Афганскаго предпріятія, это объясняется небывалымъ на нашей памяти торгово-промышленнымъ бѣдствіемъ въ самой Англіи. Мы еще недавно говорили о немъ довольно подробно, и къ сказанному прибавлять нечего. Замѣтимъ только что англійскія газеты по прежнему ежедневно наполняются горькими сѣтованіями и сообщеніями о нищетѣ рабочихъ и застоѣ торговли.

Въ добавокъ у Англіи есть еще предпріятіе бремя коего не такъ легко свалить на чужія плечи какъ бремя Афганской войны. Это также результатъ бойкой политики кабинета Беконсфильда — война съ Кафрами, начавшаяся съ самаго поглощенія Англіей независимой Трансваальской республики и не прекращающаяся до сего времени. Теперь она возбуждаетъ въ Англіи большое безпокойство, ибо грозитъ принять весьма обширные размѣры вслѣдствіе открыто враждебнаго положенія принятаго вождемъ племени Зулу — Сетевайо. Ему, также какъ минувшею осенью эмиру Афганскому, отправленъ ультиматумъ, а между тѣмъ лордъ Чельмсфордъ, командующій войсками въ Наталѣ, то и дѣло требуетъ изъ Англіи новыхъ подкрѣпленій.

Переходя къ другимъ государствамъ, менѣе заинтересованнымъ восточными замѣшательствами, мы видимъ что бо́льшая часть ихъ также далеко не были свободны въ минувшемъ году отъ важныхъ заботъ и затрудненій которыя завѣщаются и будущему. Кромѣ восточнаго кризиса, въ минувшемъ году Европа была потрясена нѣсколькими случаями дерзкихъ покушеній на цареубійство. Первымъ изъ этихъ безумныхъ преступленій было покушеніе Гёделя на жизнь императора Вильгельма, столь популярнаго и всю жизнь трудившагося на пользу и славу своей страны. Несмотря на негодованіе возбужденное этимъ покушеніемъ, рутинное доктринерство въ первое время отказывалось видѣть въ немъ пагубный плодъ безпрепятственнаго распространенія въ Германіи соціалистическихъ и анархическихъ ученій, и Рейхстагъ отвергнулъ предложенныя княземъ Бисмаркомъ мѣры противъ развившагося зла. Но черезъ три недѣли, 21 мая, второе, адски задуманное покушеніе Нобилинга должно было отрезвить умы. Къ несчастію, на этотъ разъ императоръ Вильгельмъ не избѣгнулъ опасности какъ въ первый разъ. Полученныя имъ тяжкія пораненія представляли, при его преклонныхъ лѣтахъ, большую опасность для жизни, и на нѣсколько мѣсяцевъ бремя правленія долженъ былъ принять на себя наслѣдный принцъ. Рейхстахъ былъ немедленно распущенъ, и результаты общихъ выборовъ не только нанесли пораженіе крайнимъ партіямъ, но оказались не совсѣмъ благопріятны и для націоналъ-либераловъ, которые, поэтому, оказались въ новомъ Рейхстагѣ болѣе сговорчивыми и утвердили внесенныя вновь княземъ Бисмаркомъ строгія мѣры для подавленія соціалистической агитаціи. Другая забота Германіи, — экономическій кризисъ, хотя и не столь тяжелый какъ въ Англіи, — заставила князя Бисмарка искать необходимыхъ средствъ для покрытія дефицита въ повышеніи таможенныхъ пошлинъ и вообще обратиться къ покровительственной системѣ, которой давно требуетъ германская промышленность для своего оживленія. Мѣра эта, кромѣ вліянія на Австрію, не можетъ быть пріятна и Англичанамъ, грозя еще бо́льшимъ сокращеніемъ рынковъ сбыта для ея производства. Но Англія должна поневолѣ мириться съ этимъ фактомъ, когда, не говоря уже о возобладаніи протекціонизма въ Австріи Германіи, къ нему находитъ полезнымъ прибѣгнуть даже такое небольшое государство какъ Швейцарія.

И въ Италіи первый годъ царствованія короля Гумберта, хотя онъ весьма скоро заслужилъ такую же преданность народа какою пользовался покойный отецъ его, не обошлось безъ важныхъ затрудненій. Вслѣдствіе дробленія партій, частые министерскіе кризисы не даютъ странѣ успокоиться. Кабинетъ Депретиса долженъ былъ уступить мѣсто кабинету бывшаго Гарибальдійца Каироли, а послѣдняго не-

давно опять смѣнилъ Депретисъ. Оба они одинаково принадлежатъ къ лѣвой партіи, но дѣло въ томъ что люди оной, достигнувъ власти, оказываются, при всемъ своемъ патріотизмѣ, слишкомъ мало опытными въ дѣлахъ и на первыхъ порахъ были склонны давать практическій ходъ увлеченіямъ коими они отличались будучи въ оппозиціи и отъ коихъ лишь понемногу начинаетъ ихъ отрезвлять отвѣтственность офиціальнаго положенія. Но самымъ главнымъ событіемъ въ Италіи было, подобно тому какъ и въ Германіи, покушеніе на жизнь короля совершенное соціалистомъ Пассананте. Вскорѣ послѣ того, разрывныя бомбы брошенныя злодѣйскими руками въ толпы народа по случаю вѣрноподданныхъ демонстрацій обнаружили какъ глубоко и въ Италіи развѣтвилась язва разлагающихъ соціалистическихъ ученій и что на преступленіе Пассананте нельзя смотрѣть какъ на случайный актъ дикаго безумства. Прискорбное событіе еще болѣе увеличило популярность молодаго короля, но не спасло кабинета Каироли отъ паденія, несмотря на рану нанесенную цареубійцей самому Каироли. Впрочемъ, по общему мнѣнію, и положеніе его преемника въ дѣлахъ, г. Депретиса, также не прочно.

Спокойная въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, Италія обнаружила, однако, большое недовольство въ виду даровагo пріобрѣтенія сдѣланнаго Австріей на счетъ Турціи и въ виду еще болѣе усилившагося съ захватомъ Кипра преобладанія Англіи на Средиземномъ Морѣ. Недовольство это сказалось множествомъ митинговъ въ пользу *Italia irredenta*, начавшихся немедленно послѣ конгресса. Хотя Италія теперь не въ такихъ обстоятельствахъ и не настолько сильна чтобы выступить съ дѣятельною политикой, тѣмъ не менѣе эти проявленія народнаго протеста показали Англіи что ей нечего разчитывать на Италію какъ на свою союзницу на Востокѣ, а что скорѣе она, при случаѣ, можетъ встрѣтить ее въ числѣ своихъ противниковъ.

Кончина папы Пія IX была событіемъ имѣвшимъ большій интересъ для всего католическаго міра чѣмъ для самой Италіи. Хотя новый папа Левъ XIII не оправдалъ еще возлагавшихся на него надеждъ и не измѣнилъ ни въ чемъ политики Пія IX, но вообще онъ дѣйствуетъ примирительнѣе своего предмѣстника.

Во Франціи не прекращающаяся внутренняя борьба партій была въ истекшемъ году тише обыкновеннаго, потому что республиканцамъ важнѣе всего было обезпечить успѣхъ Всемірной выставки, столь нужный въ ихъ разчетахъ для впечатлѣнія на массы. Этотъ годъ показалъ какъ удивительно изучили истые республиканцы правительственную тактику второй имперіи и до какой степени умѣютъ подражать ей. Выставка была для нихъ первымъ маневромъ показать что и республика, не хуже имперіи, умѣетъ привлекать иностранцевъ въ Парижъ. Затѣмъ при выставкѣ устроена была громадная лотерея, съ коей половина доходовъ назначена была на даровой провозъ рабочихъ и крестьянъ на выставку. Далѣе, министръ публичныхъ работъ г. Фрейсине испросилъ громадный кредитъ на разныя общественныя работы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, коими преимущественно имѣютъ быть облагодѣтельствованы тѣ округи гдѣ нужно привлечь избирателей на сторону республики. Наконецъ, какъ Наполеонъ III заискивалъ англійскаго союза для укрѣпленія своего положенія, такъ и республиканцамъ крайне льстило кокетничанье принца Вельсскаго. Отъ полнаго подражанія Наполеону III и во внѣшней политикѣ быть-можетъ воздерживаетъ республиканцевъ примѣръ бѣдствій навлеченныхъ ею на Францію. Да и обстоятельства теперь не тѣ. Мы видѣли что несмотря на всѣ взаимныя любезности, захватъ Англичанами Кипра и протектората надъ Малою Азіей произвелъ во Франціи самое тягостное впечатлѣніе, и Англія уже опасается раздражить еще болѣе это чувство занятіемъ Александретты. Также и относительно Египта Франція обнаружила ревность, настоявъ, къ немалой досадѣ Англичанъ, чтобы министерство публичныхъ работъ въ этой странѣ было поручено Французу г. Блиньеру, на равныхъ правахъ съ Англичаниномъ Уильсономъ коему поручены египетскіе финансы.

Во всякомъ случаѣ, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика Франціи можетъ яснѣе опредѣлиться только въ наступающемъ году, когда республиканцы, пріобрѣтшіе нынѣ большинство и въ сенатѣ, съ большею чѣмъ прежде свободой будутъ давать ей направленіе. До сихъ же поръ, не будучи увѣрены въ сенатѣ, имѣющемъ право объявлять распущеніе палаты де-

путатовъ, они по необходимости довольствовались тою уступкой какую имъ сдѣлалъ маршалъ Макъ-Магонъ принявъ кабинетъ Дюфора. Но этотъ кабинетъ далеко не удовлетворяетъ рьяныхъ республиканцевъ. Не слѣдуетъ притомъ забывать что черезъ годъ истекаетъ семилѣтнее полномочіе самого маршала-президента, и потому можно ожидать ожесточенной борьбы за власть.

Политическая жизнь другихъ странъ не представляла въ истекшемъ году ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ только Испаніи, гдѣ покушеніе Монкаси дополнило рядъ цареубійственныхъ попытокъ Гёделя, Нобилинга и Пассананте.

№ 3.

Москва, 3-го января.

Года три тому назадъ князь Бисмаркъ при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ о своей усталости и разстроенномъ здоровьѣ. Онъ неоднократно подавалъ формально въ отставку и оставался въ должности лишь по настоятельному требованію императора Вильгельма и подъ условіемъ чтобъ ему предоставленъ былъ неограниченный отпускъ, коимъ онъ пользуется съ тѣхъ поръ и такъ что бо́льшую часть времени проводитъ въ своихъ помѣстьяхъ, Фарцинѣ и Фридрихсруэ, и только изрѣдка и на короткое время пріѣзжаетъ въ Берлинъ. Съ тою же цѣлью „облегченія имперскаго канцлера“ предпринято было законодательное измѣненіе круга обязанностей высшаго сановника имперіи и учреждена должность такъ-называемаго вице-канцлера, или замѣстителя имперскаго канцлера, на которую и призванъ графъ Стольбергъ-Вернигероде. Со времени назначенія послѣдняго прошелъ уже цѣлый годъ; но до сихъ поръ ни въ чемъ не выразилось сколько-нибудь замѣтное личное участіе замѣстителя князя Бисмарка въ главномъ управленіи дѣлами Пруссіи и Германской имперіи. За то князь Бисмаркъ не только не сократилъ своей дѣятельности, но какъ будто только и ждалъ формальнаго установленія новаго порядка чтобы съ тѣмъ большею энергіей выдвинуть на первый планъ свою мощную личность. Въ истекшемъ году князь Бисмаркъ обнаружилъ болѣе кипучую и разнообразную дѣятельность чѣмъ когда-либо. Не говоря уже о Берлинскомъ конгрессѣ въ коемъ онъ игралъ такую преобладающую роль, онъ провелъ значительную часть остальнаго лѣтняго времени въ дѣятельныхъ переговорахъ съ Ватиканскимъ престоломъ, а въ началѣ осени потратилъ не мало труда на проведеніе въ Рейхстагѣ закона о соціалистахъ. Удалившись затѣмъ для „заслуженнаго отдыха“ въ свои помѣстья, князь Бисмаркъ обнародовалъ въ половинѣ декабря свою обширную программу финансовыхъ и таможенныхъ преобразованій, поразившую неожиданностью и друзей его и противниковъ. Программа эта столь самобытна и проникнута такимъ духомъ рѣшимости и личной инціативы что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ что князь Бисмаркъ принялъ все дѣло будущихъ преобразованій въ *свои* руки и намѣренъ направлять оное съ начала до конца и бороться со свойственною ему энергіей за осуществленіе идей столь ясно имъ намѣченныхъ. Идеи эти поразили многихъ въ Германіи не только вслѣдствіе ихъ самобытности и характера личной инціативы коими онѣ запечатлѣны, но еще болѣе потому что онѣ идутъ въ совершенный разрѣзъ съ убѣжденіями и программой той политической партіи на которую князь Бисмаркъ болѣе всего опирался во всѣхъ своихъ начинаніяхъ по созданію и укрѣпленію Германской имперіи. Глубоко убѣжденный въ своемъ вѣрномъ пониманіи потребностей теперешняго времени, онъ не колеблясь подвергнулъ коренному измѣненію одинъ изъ существенныхъ пунктовъ программы своихъ вѣрныхъ союзниковъ, какъ бы зная напередъ что націоналъ-либералы, вопреки всѣмъ ихъ возраженіямъ, послѣдуютъ за нимъ. И князь Бисмаркъ не ошибся. Націоналъ-либералы долго не могли опомниться отъ неожиданнаго удара. Ихъ руководящіе органы долго хранили молчаніе и вовсе не высказывали своего мнѣнія по поводу проектированнаго финансоваго преобразованія. Лишь на дняхъ *Національная Газета* принялась за подробный разборъ письма князя Бисмарка отъ 15 декабря, и первая же статья показываетъ что націоналъ-либералы рѣшились покориться непреклонной волѣ „желѣзнаго канцлера.“ Названная газета припоминаетъ что князь Бисмаркъ никогда еще не отступался отъ того что̀ имъ разъ признано было желательнымъ, и его никогда де

не пугала „непослѣдовательность въ выборѣ средствъ“ коль скоро онъ сознавалъ себя послѣдовательнымъ въ стремлении къ извѣстной цѣли. Руководящій органъ націоналъ-либераловъ признаетъ что „было бы пагубно затѣять противъ князя Бисмарка такую же борьбу какую вела противъ него эта партія пятнадцать лѣтъ тому назадъ“ и предполагаетъ что придется ограничиваться критикой по отдѣльнымъ статьямъ, то-есть, другими словами, и не покушаться на противодѣйствіе общимъ принципамъ. Особенно предостерегаетъ названная газета противъ „ироніи и насмѣшекъ,“ этого любимаго способа къ коему постоянно прибѣгала партія прогрессистовъ въ то время когда князь Бисмаркъ былъ для нея лишь ненавистнымъ вожакомъ юнкеровъ. „Еще никому не удавалось,“ прибавляетъ названная газета, „побороть князя Бисмарка насмѣшками.“

Въ виду этихъ заявленій, проникнутыхъ духомъ смиренія, можно было ожидать что князь Бисмаркъ проведетъ свой финансовый планъ безъ ожесточенной борьбы, тѣмъ болѣе что по этому вопросу партія центра стала рѣшительно на его сторону. Но мѣра испытаній приготовленныхъ княземъ Бисмаркомъ для націоналъ-либераловъ еще не исполнена. Ихъ оцѣпенѣлой доктринѣ подготовленъ былъ новый ударъ. Мы говоримъ о законопроектѣ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ членовъ Рейхстага за злоупотребленія въ рѣчахъ, внесенномъ 9 января отъ имени князя Бисмарка въ Союзный Совѣтъ и имѣющемъ ближайшею цѣлію ограничить злоупотребленія парламентскимъ словомъ депутатами-соціалистами. Вчера мы сообщили содержаніе этого законопроекта, внесеніе котораго подтверждаетъ замѣчаніе *Національной Газеты*, высказанное ранѣе его обнародованія, что князь Бисмаркъ „ничего не забываетъ и ни отъ чего не отказывается.“ Всѣмъ еще памятна ожесточенная борьба происходившая въ Прусскомъ ландтагѣ между графомъ Бисмаркомъ и либеральною оппозиціей по тому же самому вопросу еще до Шлезвигъ - Гольштейнской войны. Князь Бисмаркъ настойчиво добивался тогда чтобы депутаты могли быть подвергаемы *судебной* отвѣтственности за злоупотребленіе свободой слова въ палатѣ. Либералы упорно этому противились; раздраженіе вызванное этою попыткой министра - президента ограничить свободу парламентскихъ преній достигло самыхъ крайнихъ предѣловъ, и неизвѣстно чѣмъ бы это кончилось еслибы не начались войны приведшія къ пересозданію Германіи, вслѣдствіе коихъ прекратилась и рознь между княземъ Бисмаркомъ и либеральною оппозиціей, превратившеюся въ преданную ему партію націоналъ-либераловъ. При установленіи конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, а затѣмъ Германской имперіи, послѣдніе озаботились формально оградить свободу парламентскихъ преній и ст. 30-я конституціи гласитъ что члены Рейхстага ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть подвергаемы *внѣ онаю* отвѣтственности за рѣчи произнесенныя въ парламентскихъ засѣданіяхъ. Старинный споръ, вызванный главнымъ образомъ молчаніемъ Прусской конституціонной партіи на счетъ этого предмета, казался устраненнымъ.

И вдругъ князь Бисмаркъ возобновляетъ свою давнишнюю попытку ограничить эту, какъ казалось націоналъ-либераламъ, упроченную привилегію! На этотъ разъ князь Бисмаркъ, правда, не добивается установленія отвѣтственности предъ судомъ, что̀ было бы явнымъ нарушеніемъ указанной ст. 30 конституціи: законопроектъ предполагаетъ вручить карательную власть особой коммиссіи изъ среды самого Рейхстага, но вмѣстѣ съ тѣмъ проектированъ цѣлый рядъ довольно строгихъ взысканій, доходящихъ до исключенія изъ Рейхстага съ лишеніемъ права избираемости и даже съ преданіемъ обыкновенному уголовному суду по постановленію дисциплинарной коммиссіи.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ либеральныя газеты накинулись на новый проектъ князя Бисмарка, но съ гораздо меньшимъ раздраженіемъ чѣмъ можно было ожидать. Правда, они ставятъ на видъ что проектируемый законъ поработитъ меньшинство Рейхстага большинству, что это будетъ особенно гибельно во времена реакцій. Но съ другой стороны націоналъ-либералы не могутъ отрицать злоупотребленій словомъ въ Рейхстагѣ, сожалѣютъ что иниціативу противодѣйствія этимъ злоупотребленіямъ не принялъ на себя самъ Рейхстагъ и далъ себя предупредить канцлеру, и придираются къ законопроекту съ формальной стороны, — зачѣмъ онъ вносится не членами Рейхстага, а исполнительною властію. Наложивъ на общество извѣстныя ограниченія правъ для противодѣйствія соціальной

пропагандѣ, либеральныя партіи сами приходятъ теперь къ сознанію что для той же цѣли Рейхстагъ долженъ принять мѣры и въ своей средѣ. Какая бы борьба ни предстояла князю Бисмарку, но во всякомъ случаѣ въ томъ или другомъ видѣ онъ добьется своей цѣли,—ограничитъ соціальную пропаганду и съ парламентской каѳедры.

№ 4.

Москва, 4-го января.

Третьяго дня, въ обозрѣніи за минувшій годъ, мы упоминали о затрудненіяхъ, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, осаждающихъ со всѣхъ сторонъ правительство Порты. Практическое подтвержденіе тому находимъ въ обнародованныхъ весьма важныхъ дипломатическихъ документахъ. Ниже мы помѣщаемъ циркулярную депешу адресованную французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтономъ, къ представителямъ Франціи при великихъ державахъ и показывающую что Франція намѣрена энергически продолжать принятую ею на себя на конгрессѣ роль заступницы за интересы Греческаго королевства. Извѣстно что въ тринадцатомъ засѣдаиіи Берлинскаго конгресса было рѣшено пригласить Порту условиться съ Греціей касательно исправленія границъ Ѳессаліи и Эпира, причемъ было указано что это исправленіе должно слѣдовать по долинѣ Саламиріаса со стороны Эгейскаго и по долинѣ Каламаса со стороны Іонійскаго моря. Кромѣ того, въ XXIV статьѣ Берлинскаго трактата предоставлено державамъ предложить свое посредничество заинтересованнымъ сторонамъ если онѣ не будутъ въ состояніи придти къ соглашенію. На эту-то статью и опирается французскій министръ въ своей депешѣ.

Эллинское правительство не замедлило сдѣлать шагъ къ осуществленію предоставленныхъ ему конгрессомъ выгодъ, и уже 17 іюля обратилось къ турецкому посланнику въ Аѳинахъ съ предложеніемъ о назначеніи Портой коммиссаровъ которые, совмѣстно съ греческими коммиссарами, приступили бы къ проведенію новой границы. Порта хотѣла затянуть дѣло обычными ей проволочками, и 8 августа обратилась къ державамъ съ циркуляромъ, въ коемъ указывала на опасность греческихъ требованій для общаго мира. А когда Греческое правительство стало настаивать чтобъ ему данъ былъ прямой отвѣтъ, Порта объявила что она желаетъ сперва выждать мнѣнія державъ по обращенному ею къ нимъ представленію. Греческое правительство ловко воспользовалось этимъ заявленіемъ Порты, найдя въ немъ предлогъ обратиться къ посредничеству державъ на основаніи XXIV статьи Берлинскаго трактата, и если Порта надѣялась выиграть что-нибудь своимъ промедленіемъ, то она ошиблась въ разчетѣ. Французское правительство открыто стало на сторону Греціи и, въ циркулярѣ 21 октября, засвидѣтельствовавъ неуспѣхъ прямыхъ обращеній Аѳинскаго кабинета къ Портѣ, высказалось что „державы не могутъ закрыть глаза на неудобства такого положенія вещей.“ Г. Ваддингтонъ выразилъ при этомъ надежду что и Лондонскій кабинетъ, одинаково съ Франціей, найдетъ что „для Европы наступила минута предложить Турціи и Греціи свое посредничество.“ Въ циркулярѣ намѣчены заранѣе и характеръ, и способъ исполненія этого шага. Державы должны де выразить желаніе чтобы Порта безпрекословно приняла принципъ исправленія границъ въ пользу Греціи *согласно съ желаніемъ выраженнымъ въ засѣданіи конгресса 5 іюля*, и этому общему дѣйствію державъ предлагается дать форму „тождественнаго и одновременнаго сообщенія.“

Такимъ образомъ Франція даетъ дѣлу практическій оборотъ ставящій Порту и ея названныхъ друзей въ затруднительную дилемму. Самое поясленіе на свѣтъ циркулярной депеши г. Ваддингтона въ настоящую минуту есть признакъ что затронутый въ немъ вопросъ скоро долженъ будетъ обратить на себя вниманіе. Текстъ этого документа впервые сообщенъ римскимъ корреспондентомъ газеты *Times*, въ виду того что графъ Корти, возвращаясь къ своему прежнему посту италіянскаго представителя въ Константинополѣ, взялъ съ собой текстъ означеннаго французскаго циркуляра, получивъ при этомъ, по словамъ корреспондента, инструкцію „оказать всевозможную поддержку требованіямъ Франціи для скорѣйшаго рѣшенія греко-турецкаго спорнаго вопроса.“ Не подлежитъ сомнѣнію что Франція въ этомъ случаѣ найдетъ также самую искреннюю и твердую поддержку со стороны Германіи и Россіи. Но труднѣе предвидѣть каковы

будутъ при этомъ дѣйствія друзей Оттоманской Порты, - Австріи и Англіи,—которые ограждаютъ ее отъ всякихъ посягательствъ и отстаиваютъ ея достояніе съ цѣлію сберечь его для себя, а потому и не могутъ смотрѣть благосклонно на малѣйшую уступку онаго хотя бы и въ пользу небольшаго Греческаго королевства. Неизвѣстно, напримѣръ, отказалась ли вполнѣ Австрія отъ мысли распространить свое вліяніе въ западной части Балканскаго полуострова до самаго Эгейскаго моря и Салоникъ. А съ расширеніемъ границъ Греческаго королевства осуществленію этихъ грандіозныхъ мечтаній будетъ грозить оппозиція, кромѣ славянскихъ племенъ, также и со стороны весьма энергическаго и предпріимчиваго Эллинскаго племени, которое само лелѣетъ не менѣе честолюбивыя притязанія. Еще менѣе подлежитъ сомнѣнію что предложеніе Французскаго правительства отнюдь не можетъ доставить удовольствія Англіи. Она несомнѣнно должна видѣть въ столь способной къ мореходству Греческой націи самаго серіознаго соперника въ будущемъ своей торговлѣ на Востокѣ, и всѣ были свидѣтелями ея отношеній къ Греческому королевству какъ до конгресса, такъ и на немъ самомъ. Во исполненіе своихъ обѣщаній что Греція ничего не потеряетъ воздерживаясь отъ участія въ войнѣ противъ Порты, Англія должна была предложить на конгрессѣ выслушать греческихъ делегатовъ, но затѣмъ ея министры мало того что устранились отъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія въ пользу Греціи, уступивъ эту роль французскому представителю, а еще сами всячески ратовали противъ нея, стараясь сократить предложенную въ ея пользу уступку. Достойно вниманія и полное бездѣйствіе Англіи послѣ конгресса, между тѣмъ какъ ея вліяніе безраздѣльно господствовало въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ идущее отъ Франціи приглашеніе сдѣлать общее представленіе Портѣ должно поставить своекорыстныхъ друзей Турціи въ немалое затрудненіе. Уклониться отъ участія въ дѣлѣ подъ какими-нибудь предлогами неловко, такъ какъ подписью австрійскихъ и англійскихъ министровъ запечатлѣны не только Берлинскій трактатъ, но и тотъ протоколъ конгресса гдѣ обозначена граница уступаемой Греціи территоріи. А съ другой стороны, нельзя терять изъ виду и характеръ того шага къ которому ихъ приглашаютъ. На „тождественное и одновременное“ сообщеніе желаній державъ участвовавшихъ въ конгрессѣ Порта должна была бы обратить серіозное вниманіе. Пассивное противленіе такому сообщенію лишь тогда было бы возможно еслибъ оно съ чьей-либо стороны сопровождалось оговорками и тайными обнадеживаніями, какъ это было во время Константинопольской конференціи и переговоровъ о Лондонскомъ протоколѣ, словомъ, еслибы повторилась старая комедія. Но кромѣ того что опытъ уже доказалъ разъ опасность подобной игры, такой образъ дѣйствій при настоящемъ случаѣ только обнаружилъ бы всю фиктивность согласія которое, какъ предполагается, установилось между державами для уложенія восточныхъ затрудненій. Искреннее же участіе друзей Порты въ тождественномъ и одновременномъ представленіи въ пользу Греціи должно будетъ ослабить кредитъ ихъ въ глазахъ султана и турецкихъ министровъ. Оно пожалуй сдѣлало бы Порту еще менѣе расположенною и къ заключенію конвенціи съ Австріей относительно Новаго Базара и къ принятію англійскаго плана реформъ для Азіятской Турціи. А между тѣмъ обнародованная на дняхъ дипломатическая корреспонденція по этому предмету раскрываетъ до извѣстной степени виды Англіи постепенно забрать въ свои руки контроль надъ всѣмъ управленіемъ въ Турціи...

№ 5.

Москва, 5-го января.

А.

Нѣсколько лѣтъ къ ряду, изо дня въ день, тысячи голосовъ не переставая оплакивали бѣдственное экономическое и финансовое положеніе Россіи, неустанно пророча ей горшія съ каждымъ годомъ бѣдствія. Совершенное истощеніе источниковъ экономическаго благосостоянія и государственное банкротство — вотъ тотъ неизбѣжный будто бы результатъ отъ котораго, со всѣхъ сторонъ, предостерегали Россію наканунѣ недавней войны. Общее народное разореніе и неисходность бюджетныхъ затрудненій — вотъ оцѣнка послѣдствій этой войны для Россіи, оцѣнка

которая еще недавно, какихъ-нибудь два мѣсяца назадъ, выдавалась за фактъ. Дѣйствительность не замедлила дать отвѣтъ на эти зложелательные толки и прорицанія. Общее оживленіе торговли и промышленности, бо́льшая выгодность сельскаго хозяйства, несомнѣнный подъемъ благосостоянія въ крестьянскомъ быту и въ средѣ рабочаго люда, были отвѣтомъ на толки о постигшемъ будто бы Россію экономическомъ разореніи. Опубликованная 1 января, первая по прекращеніи войны, государственная роспись доходовъ и расходовъ на наступившій 1879 годъ, со всеподданнѣйшимъ о ней докладомъ министра финансовъ, какъ бы подарокъ русскому народу на Новый Годъ, служитъ отвѣтомъ на толки о воображаемой неисходности постигшихъ Русское правительство бюджетныхъ затрудненій.

Никогда еще, можно сказать, опубликованіе государственной росписи не ожидалось съ такимъ интересомъ и нетерпѣніемъ какъ въ наступившемъ году. И это вполнѣ понятно. Съ какимъ бы недовѣріемъ ни относилась публика къ газетнымъ и салоннымъ толкамъ, настойчивые пессимистскіе отзывы не могли не производить нѣкотораго впечатлѣнія. Девизъ извѣстной части печати: „calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose,“ неизбѣжно оправдывался на практикѣ; въ каждый умъ невольно закрадывалось сомнѣніе: а что̀ если мы и въ самомъ дѣлѣ находимся на краю указуемой намъ бездны? Рядъ крупныхъ фактовъ, на первый взглядъ, какъ бы подтверждалъ усердно проповѣдуемыя мрачныя воззрѣнія.

На блестящіе по внѣшности финансовые результаты 1875 года нельзя было смотрѣть какъ на нѣчто прочное, дающее вѣру въ свѣтлое будущее. Что̀ въ томъ что въ этомъ году оказалось превышеніе доходовъ надъ расходами слишкомъ на $33\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей? Что̀ въ томъ что къ 1 января 1876 г. наше государственное казначейство имѣло совершенно свободныхъ остатковъ, образовавшихся отъ избытка доходовъ, слишковъ *сорокъ милліоновъ* рублей? Значеніе этихъ блестящихъ результатовъ совершенно уничтожалось ошибочною, но правдоподобною мыслію, которая такъ краснорѣчиво и убѣдительно изложена у г. Леруа-Больэ, что „все это прекрасное, съ такимъ трудомъ построенное зданіе русскихъ финансовъ зиждется на хрупкомъ основаніи и на зыбкой почвѣ;“ что русскій бюджетъ есть какъ бы „ледяной домъ, полированныя стѣны коего остаются цѣлыми и прочными пока длится холодъ, но съ наступленіемъ весны и оттепели рушатся и таютъ на солнцѣ;“ что наши финансы крайне нуждаются „въ мирѣ и осторожномъ, бережномъ съ ними обращеніи,“ ибо Россія, относительно финансовъ, есть какъ бы „больной или раненый въ періодѣ выздоровленія, который, подвергая себя новымъ опасностямъ когда его рана еще не закрылась, рискуетъ разбередить ее и сдѣлать неисцѣлимою....“

И вотъ, эти опасности для русскихъ финансовъ наступили именно въ ту минуту когда ихъ всего болѣе опасались, когда старались отсрочить ихъ всѣми возможными и невозможными мѣрами. Начались займы налагающіе на бюджетъ новое бремя платежа процентовъ и погашенія, сталъ быстро падать вексельный курсъ; начались столь непомѣрно пугающіе многихъ выпуски кредитныхъ билетовъ, грозившіе возникновеніемъ общей дороговизны не могущей не отозваться и на государственномъ бюджетѣ.... И все это при полномъ разгарѣ экономическаго кризиса постигшаго одновременно и сельское хозяйство, и промышленность, и торговлю.

Финансовые результаты 1876 года служили какъ бы подтвержденіехъ грустныхъ предзнаменованій. Войны еще не было, но тѣмъ не менѣе, помимо чрезвычайныхъ расходовъ по военнымъ приготовленіямъ, политическія и иныя обстоятельства и паденіе курса уже вызвали увеличеніе расходовъ и по обыкновеннымъ смѣтамъ. А между тѣмъ, параллельно съ увеличеніемъ расходовъ, доходы не только не возрасли, но напротивъ значительно понизились. Оказались чувствительные недоборы и по податямъ, и поземельному налогу, и по питейному доходу. Недоборъ по таможенному доходу былъ еще крупнѣе и съ небольшимъ за десять мѣсяцевъ простирался почти до семи милліоновъ руб. (6.885 000 р.). Желаніе избѣжать уплаты золотой пошлины и спѣшная вслѣдствіе этого очистка пошлиной въ 1876 году товаровъ которые собственно должны были бы оплачиваться пошлиной не въ этомъ, а въ слѣдующемъ году, сдѣлали, правда, то что таможенныя поступленія въ послѣдніе два неполные мѣсяца 1876 года достигли небыва-

лой цифры 24.200.000 рублей. Но даже и такое экстренное поступленіе пошлинъ, такъ сказать авансомъ, не могло поправить дѣла, общій итогъ государственныхъ доходовъ, несмотря на эти авансныя поступленія, понизился противъ 1875 года на $17^{1}/_{4}$ милліоновъ, и балансъ по исполненію государственнаго бюджета завершился дефицитомъ почти въ 14 милліоновъ, для покрытія коего пришлось коснуться и специальныхъ запасныхъ фондовъ, Военнаго и Морскаго Министерствъ, и сорокамилліоннаго капитала свободныхъ остатковъ отъ бюджетовъ прежнихъ лѣтъ.

Государственная роспись на 1877 годъ представлялась еще менѣе утѣшительною. Въ этой росписи, опубликованной за четыре мѣсяца до объявленія войны, едва, и притомъ только по внѣшности, сводились концы съ концами. По расходамъ, напримѣръ, вовсе не была внесена въ смѣту уплата процентовъ по заключенному въ прошедшемъ году займу, а платежи въ металлической валютѣ были разчитаны по слишкомъ высокому курсу; вмѣстѣ съ тѣмъ въ предположенныхъ доходахъ преувеличенія бросались въ глаза, и напримѣръ по таможенному доходу заносилась въ смѣту цифра, которой, послѣ усиленныхъ таможенныхъ поступленій двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 года, очевидно невозможно было ожидать даже и помимо всякихъ политическихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ война была уже у дверей.

Наконецъ, по росписи на 1878 г. бюджетное равновѣсіе являлось въ еще болѣе печальномъ видѣ. Роспись прямо заключалась предполагаемымъ дефицитомъ въ $27^{1}/_{2}$ милліоновъ, который на дѣлѣ могъ оказаться гораздо крупнѣе уже по тому одному что, напримѣръ, помимо все еще недостаточнаго принятія въ разчетъ паденія курса, въ смѣту вовсе не была включена уплата процентовъ по заключенному въ 1877 году заграничному займу... А между тѣмъ война была въ полномъ разгарѣ.

Эта война оказалась, однако, безсильною остановить естественное развитіе экономическаго благосостоянія Россіи. Уже исполненіе бюджета 1877 года дало гораздо болѣе благопріятные результаты чѣмъ какихъ можно было ожидать. Недоборъ доходовъ противъ преувеличенной бюджетной смѣты былъ менѣе $9^{1}/_{2}$ милліоновъ (и былъ только *кажущійся*, а не дѣйствительный, ибо *гораздо большая* цифра приходившихся на этотъ годъ таможенныхъ сборовъ поступила авансомъ въ предшедшемъ году), такъ что несмотря на обремененіе обыкновеннаго бюджета сверхсмѣтными кредитами на сумму до сорока милліоновъ рублей (чрезвычайные военные расходы стоятъ внѣ росписи и падаютъ на обыкновенный бюджетъ лишь уплатой процентовъ по займамъ и потерями при переходахъ суммъ за границу), весь оказавшійся дефицитъ былъ легко покрытъ сбереженіями прежнихъ лѣтъ, то-есть отчисленіями изъ свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ и изъ запасныхъ фондовъ Военнаго и Морскаго Министерствъ. Затѣмъ, въ 1878 году поступленіе доходовъ было столь благопріятно и дало такіе виды на будущее что возстановленіе не кажущагося только, а дѣйствительнаго равновѣсія въ бюджетѣ на наступившій 1879 годъ перестало быть неодолимымъ затрудненіемъ.

Сумма расходовъ которые предстоитъ покрыть въ наступившемъ году оставляетъ далеко позади смѣты расходовъ прежнихъ лѣтъ. Она на *шестьдесятъ милліоновъ* болѣе итога расходовъ по росписямъ 1876 и 1877 годовъ и слишкомъ на *двадцать девять милліоновъ* болѣе итога расходовъ по бюджету 1878 года. При такомъ увеличеніи расходовъ, чтобъ избѣжать повторенія прошлогодняго дефицита въ $27^{1}/_{2}$ милліоновъ, требуется увеличеніе доходовъ противъ прошлогодней смѣты болѣе чѣмъ на 56 милліоновъ. Какія мѣры приняты для того чтобы достигнуть такого увеличенія доходовъ?

1. Установленный акцизъ съ водокъ выдѣлываемыхъ изъ спирта долженъ дать 3.500.000 руб.

2. Возвышеніе гербоваго сбора и введеніе въ Привислинскихъ губерніяхъ вексельной бумаги установленной для прочихъ частей Имперіи—2.906.000 р.

3. Возвышеніе пошлинъ за страхованіе имуществъ отъ огня 2.251.000 р.

4. Сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и съ перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ большой скорости—7.500.000 р.

5. Таможенная пошлина съ хлопка — 2.000.000 р.

Въ общей сложности, отъ всѣхъ этихъ пяти мѣръ по установленію новыхъ и по-

вышенію прежнихъ налоговъ ожидается увеличеніе доходовъ казны на 18.157.000. Откуда же будетъ взята недостающая за симъ слишкомъ вдвое бо́льшая сумма *тридцати восьми милліоновъ* рублей? Вся эта сумма ожидается и, какъ свидѣтельствуетъ опытъ минувшаго года, несомнѣнно должна быть получена (если всѣ разчеты не будутъ ниспровергнуты искусственными мѣрами къ поднятію вексельнаго курса) *отъ естественнаго возрастанія* общихъ государственныхъ доходовъ.

Такимъ образомъ не новые налоги, а именно это естественное возрастаніе доходовъ вслѣдствіе оказавшагося, вопреки политическимъ обстоятельствамъ, общаго подъема народнаго благосостоянія играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ возстановленія равновѣсія въ нашемъ государственномъ бюджетѣ такъ сказать на другой день послѣ большой войны. Конечно, равновѣсіе доходовъ и расходовъ *по росписи* можетъ имѣть дѣйствительно важное значеніе для государственныхъ финансовъ только въ томъ случаѣ если предположенія ея оправдаются *при исполненіи*. Но порукой въ этомъ служатъ слѣдующія слова министра финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „Въ этомъ отношеніи позволяю себѣ выразить надежду что отчетъ государственнаго контролера по исполненію росписи 1879 года покажетъ что достигнутое при сведеніи росписи равновѣсіе не было въ теченіе года нарушено. Надежду эту я основываю на томъ что расходы въ росписи исчислены съ достаточною полнотой, а доходы съ большою осторожностію.“

Дѣйствительно, осторожность съ какою исчислялись предположенные на наступившій годъ доходы, можно сказать, не оставляетъ ничего желать. Какъ на образчикъ этой осторожности укажемъ на исчисленіе предполагаемаго питейнаго дохода. По свѣдѣніямъ за одиннадцать мѣсяцевъ истекшаго года, доходъ этотъ столь значительно усилился что превышеніе противъ бюджетной смѣты за весь 1878 годъ должно составить не менѣе 21 милліона рублей. Всѣ данныя, и бывшій въ прошломъ году урожай, и наступившее мирное время, и общій подъемъ благосостоянія, даютъ основаніе разчитывать съ полною увѣренностью на столь же обильное поступленіе питейнаго дохода и въ наступившемъ 1879 году. Но въ видахъ осторожности, цифра питейнаго дохода по росписи увеличена не на 21, а только на 16 милліоновъ, на пять милліоновъ менѣе несомнѣннаго увеличенія этого дохода. Такимъ образомъ, не будь этой, во всякомъ случаѣ не лишней и весьма благоразумной осторожности въ предположеніяхъ, для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ, можетъ-быть, вовсе не понадобилось бы нѣкоторыхъ изъ вновь установленныхъ или повышенныхъ налоговъ.

Но прочно ли, надолго ли удержится столь благополучно достигнутое нынѣ равновѣсіе бюджета? Полную надежду на это даетъ состоявшееся 29 минувшаго декабря Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи изъ высшихъ сановниковъ государства *Особой Высшей Коммиссіи* для изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Обширныя права предоставленныя этой коммиссіи, и въ особенности право повергать свои соображенія непосредственно на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, не допускаютъ опасенія чтобы труды новой коммиссіи могла постигнуть участь столь часто, къ сожалѣнію, постигавшая труды многихъ иныхъ коммиссій.

Въ дѣлѣ поддержанія равновѣсія въ бюджетѣ и вообще улучшенія финансовъ, разумная экономія и предписываемое ею сокращеніе расходовъ несравненно важнѣе придумыванія новыхъ налоговъ. Примѣры другихъ государствъ представляютъ наглядное тому доказательство. Англіи въ 1786 году, при доходахъ въ 15.397.000 ф. ст. и расходахъ въ 17.320.000 ф. ст., угрожалъ дефицитъ въ 1.923.000 ф. ст. Но при твердой рѣшимости возстановить равновѣсіе бюджета безъ новыхъ налоговъ, оказалось возможнымъ сократить расходы на 2.840.000 фунт., то-есть на $14^1/_4\%$, и дефицитъ замѣнился излишкомъ доходовъ въ 919.000 ф. Пруссіи, въ 1820 году, при доходахъ въ 50.863.150 и расходахъ въ 58.092.622 талеровъ, угрожалъ дефицитъ въ 7.229.473 тал. Но тщательное изслѣдованіе показало возможность уменьшить расходы почти на 15%, и при той же цифрѣ доходовъ, безъ новыхъ налоговъ, крупный дефицитъ обратился въ излишекъ 863.150 талеровъ. Франція, въ 1832 году, точно также нашла возможнымъ уменьшить расходную смѣту въ своемъ бюджетѣ на $12^3/_4\%$. Если нѣчто подобное будетъ достигнуто у насъ, то этимъ не

только будетъ обезпечено сохраненіе бюджетнаго равновѣсія, но и будетъ дана возможность отмѣнить нѣкоторые налоги „подтачивающіе народное благосостояніе,“ и облегчится исполненіе давно признанной необходимою общей податной реформы.

Б.

Послѣ письма папы Льва XIII на имя бывшаго архіепископа Кельнскаго, которое вызвало столько толковъ и догадокъ насчетъ политики коей намѣренъ слѣдовать преемникъ воинствовавшаго Пія IX, надняхъ обнародованъ новый, еще болѣе объемистый документъ исходящій отъ папскаго престола — папская энциклика отъ 7 января сего года, значительно дополняющая скудный матеріалъ изъ котораго до сихъ поръ выводились заключенія объ образѣ дѣйствій и о намѣреніяхъ новаго главы католической церкви. Духъ примиренія отличающій манифестаціи Льва XIII отъ вызывающаго тона рѣчей и актовъ его предшественника составляетъ характеристическую черту и этой энциклики. Папа Левъ XIII постоянно выражаетъ заботливость объ охраненіи и поддержаніи современнаго общественнаго порядка, между тѣмъ какъ Пій IX въ 80-мъ пунктѣ своего знаменитаго *Силлабуса* провозгласилъ полную непримиримость папства съ современною цивилизаціей. Но склоненъ ли папскій престолъ къ дѣйствительнымъ уступкамъ изъ своихъ властолюбивыхъ притязаній, это пока составляетъ лишь предметъ догадокъ. *Бреве* на имя архіепископа Кельнскаго адресовано прелату который по судебному приговору лишенъ своего сана за то что не соглашался исполнить требованіе закона по коему епископы обязаны увѣдомлять свѣтскую власть о каждомъ новомъ назначеніи на духовныя мѣста по своей епархіи, а между тѣмъ папа говоритъ архіепископу о „ввѣренной его попеченію паствѣ Кельнской церкви.“ Въ глазахъ нѣмецкой печати борющейся противъ ультрамонтанства уже одно это служитъ указаніемъ что по существу дѣла нельзя ожидать отъ Ватикана никакихъ уступокъ, и это же настойчиво поддерживаютъ германскіе органы ультрамонтанства, которые попрежнему утверждаютъ что не церковь, а государство должно вступить на путь фактическихъ уступокъ.

Энциклика, о коей рѣчь, посвящена вопросу о соціальной пропагандѣ. „Мы говоримъ,“ сказано въ началѣ оной, „о той „сектѣ людей кои, подъ разными, почти „варварскими, наименованіями соціали„стовъ, коммунистовъ и нигилистовъ, рас„пространились почти на весь міръ и, тѣс„но соединенные между собою въ безбож„номъ союзѣ, уже не ищутъ болѣе для „себя прикрытія въ тайныхъ сообществахъ, „но выступаютъ открыто и вызывающе, „стараясь осуществить издавна питаемый „ими замыселъ о ниспроверженіи всѣхъ „основъ гражданскаго общежитія.“ Папа указываетъ что предшественники его давно уже уразумѣли грядущее зло соціализма и предостерегали міръ противъ онаго. Вообще же энциклика признаетъ что умственная зараза, отъ которой страдаетъ современное общество, получила начало „въ той „безумной войнѣ которая предпринята бы„ла въ XVI столѣтіи и продолжается до „нашихъ дней противъ католической цер„кви.“ Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе ученій церкви о свѣтской власти, семьѣ и собственности, долженствующее показать что католическая церковь есть надежнѣйшая и единственная союзница государства противъ революціонной пропаганды, и въ заключеніе энциклика взываетъ къ монархамъ чтобъ они „возстановили наконецъ католическую церковь въ ея прежнемъ положеніи и дали ей прежнюю свободу развить свою благотворную дѣятельность на пользу всего человѣческаго общества.“

При всей умѣренности тона, энциклика заключаетъ въ себѣ одно мѣсто касающееся щекотливаго вопроса о случаяхъ столкновенія между велѣніями церкви и предписаніями государства, и тутъ поставленія главы католической церкви ни въ чемъ не разнятся отъ прежнихъ принциповъ Ватикана. Указавъ на то что церковь запрещаетъ сопротивленіе предержащимъ властямъ, энциклика содержитъ слѣдующую оговорку: „Если однако предписанія законодателей и монарховъ заключаютъ въ „себѣ что-либо противное божественному „или естественному закону, то достоин„ство христіанскаго имени, долгъ христіа„нина и ученіе апостоловъ предписываютъ „повиноваться болѣе Богу нежели человѣ„ку.“ Эта оговорка какъ бы дополняетъ то мѣсто въ письмѣ папы къ архіепископу Кельнскому гдѣ говорится что католики должны повиноваться установленнымъ

отъ государства законамъ насколько они не противорѣчатъ велѣніямъ церкви. Въ примѣненіи къ практическому вопросу о возможности прекращенія „культурной борьбы" въ Германіи, это папское наставленіе толкуется клерикальными газетами въ такомъ смыслѣ что папа вполнѣ одобряетъ партію центра которая не перестаетъ настаивать что примиреніе возможно лишь подъ условіемъ отмѣны майскихъ законовъ, которые противорѣчатъ велѣніямъ церкви, и которымъ, поэтому, католики подчиниться не могутъ. Либеральныя же газеты утверждаютъ что, въ виду этого наставленія преподаннаго германскимъ католикамъ съ высоты папскаго престола, исчезаетъ всякая надежда на то чтобы теперешніе переговоры съ Ватиканомъ, о содержаніи коихъ никому ничего неизвѣстно, привели къ какому-нибудь удовлетворительному результату, такъ какъ министръ Фалькъ недавно заявилъ отъ имени правительства что объ отмѣнѣ майскихъ законовъ не можетъ быть и рѣчи.

Самъ министръ Фалькъ, однако, повидимому иного мнѣнія. 10 января въ Прусскомъ ландтагѣ обсуждался бюджетъ министерства исповѣданій, и партія центра, по обыкновенію, воспользовалась этимъ для предъявленія своихъ стереотипныхъ сѣтованій на стѣсненія и „преслѣдованія" коимъ подвергается католическая церковь. Предводитель партіи, г. Виндгорстъ, высказалъ при этомъ что онъ, при всемъ желаніи мира, не предвидитъ окончанія борьбы, если считать неподлежащими измѣненію заявленія г. Фалька что майскіе законы останутся въ силѣ. Къ этому г. Виндгорстъ не преминулъ присовокупить нѣсколько ѣдкихъ намековъ на то что такая программа министерства находится въ прямомъ противорѣчіи съ заявленіями исходящими лично отъ императора Вильгельма, который горячо желаетъ „возстановить въ народѣ утраченную вѣру." Министръ Фалькъ возразилъ на это что онъ поддерживаетъ во всей силѣ заявленіе сдѣланное имъ 11 декабря, и что въ этомъ отношеніи въ предположеніяхъ правительства не произошло никакихъ перемѣнъ. Но затѣмъ г. Фалькъ сослался на обнародованіе послѣ его заявленія папское бреве на имя архіепископа Кельнскаго и приглашалъ партію центра послѣдовать указанію этого бреве о подчиненіи тѣмъ законамъ государства кои не противорѣчатъ обязанностямъ католика. „Пусть сдѣлаютъ это господа приверженцы партіи центра," замѣтилъ министръ, „и мы будемъ тогда не въ началѣ только мирнаго соглашенія, но въ самой срединѣ его, ибо всѣмъ извѣстно, и клерикалы сами неоднократно признавали, что майскіе законы заключаютъ въ себѣ множество постановленій кои ни въ чемъ не затрогиваютъ католической вѣры."

Это заявленіе показываетъ что переговоры между германскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ вращаются около майскихъ законовъ, и рѣчь повидимому идетъ о томъ чтобы папская курія предписала повиновеніе тѣмъ изъ нихъ кои не противорѣчатъ догматамъ церкви. Въ этомъ случаѣ миръ уже будетъ готовъ, по словамъ г. Фалька, изъ чего должно заключить что германское правительство, въ свою очередь, соглашается если не отмѣнить, то оставить въ бездѣйствіи тѣ постановленія майскихъ законовъ кои въ принципѣ сталкиваются съ догматами католической церкви.

№ 6

Москва, 8-го января.

Вѣнскій корреспондентъ газеты *Times*, сообщая извѣстіе о происходящихъ теперь переговорахъ о продленіи срока занятій Румелійской коммиссіи, замѣчаетъ что всего болѣе объ этомъ заботится Порта, по инціативѣ коей они де и возникли, вслѣдствіе сознанной Турками истины что только при помощи этой коммиссіи могутъ они надѣяться на возстановленіе своей власти надъ Восточною Болгаріей. Корреспондентъ присовокупляетъ что Турки при этомъ отнюдь не отказываются отъ надежды, при помощи коммиссіи, забрать въ свои руки управленіе провинціей „даже прежде очищенія ея Русскими." Россія, однако, по словамъ того же корреспондента, ставитъ свое согласіе на продолженіе срока коммиссіи въ зависимость отъ условія чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было соотвѣтственно продолжено и русское занятіе, что можетъ де нѣсколько разстроить разчеты Турокъ.

Желанія и надежды Турокъ легко понять. Но вотъ одинъ изъ Беконсфильдовскихъ органовъ, *Morning Post*, съ увѣренностью утверждаетъ что продолженіе полномочій европейской коммиссіи въ Во-

сточной Румеліи будетъ потребовано и *должно* быть уступлено. Аргументомъ же въ пользу этого новаго отступленія отъ „буквальнаго" исполненія Берлинскаго трактата (такъ какъ коммиссія уже не исполнила своей работы въ назначенный срокъ), вдобавокъ ко всѣмъ другимъ отступленіямъ совершаемымъ Портой, приводится разсужденіе что „прежняя администрація Восточной Румеліи была такова что европейскіе коммиссары не могли имѣть того успѣха *въ водвореніи порядка и закона* какъ они бы то сдѣлали при другихъ обстоятельствахъ." Въ то же время, однако, лондонская газета находитъ „очевидно нелѣпымъ и возмутительнымъ" чтобы соотвѣтственно былъ продолженъ и періодъ русскаго занятія. „Изъ того что́ мы знаемъ," повторяетъ она, „объ отношеніяхъ установившихся между Русскими и *мятежною* частью населенія Восточной Румеліи вполнѣ достовѣрно что продленіе присутствія русской арміи можетъ быть только постояннымъ возбужденіемъ къ недовольству и *безпорядку* и постояннымъ препятствіемъ и помѣхой къ организаціонной работѣ коммиссіи."

Въ этихъ злобныхъ словахъ мы скорѣе должны видѣть выраженіе досады Англійскаго правительства на то что ему не удалось разъединить два вопроса касательно Восточной Румеліи, находящіеся въ тѣсной связи. По этому поводу даже столь благодушный листокъ какъ *Agence Générale Russe* замѣтилъ что въ случаѣ продленія полномочій коммиссіи по необходимости будетъ продолженъ и срокъ русской администраціи. Что касается куріознаго заявленія будто присутствіе русскихъ войскъ ведетъ къ анархіи, будто только съ возвращеніемъ турецкихъ властей водворятся „порядокъ и законность," то оно не заслуживаетъ и возраженія. Всѣмъ извѣстно какіе *порядокъ и законъ* были прежде въ Румеліи при господствѣ Турокъ. А о томъ чего можно въ будущемъ ожидать отъ турецкихъ чиновниковъ мы находимъ краснорѣчивое свидѣтельство въ недавно обнародованной обширной дипломатической корреспонденціи между лордомъ Солсбери и сэръ-Генри Леярдомъ. Правда, она касается не европейскихъ провинцій Порты, а Азіятской Турціи, которую Англія намѣтила забрать въ свои руки, но вѣдь никто же не можетъ сказать чтобы турецкіе чиновники были иного пошиба въ Европѣ чѣмъ въ Азіи.

Въ первой же депешѣ, отъ 8 августа, въ коей лордъ Солсбери поручалъ сэръ-Генри Леярду увѣдомить Порту о реформахъ какія Англія находитъ желательными для Азіятской Турціи, нельзя не обратить вниманія на практическій характеръ рекомендуемыхъ мѣръ, которыя, въ случаѣ исполненія ихъ, совершенно измѣнили бы все управленіе этою частью имперіи. Здѣсь нѣтъ ни требованія новыхъ законовъ, ни провозглашенія „правъ гражданъ," ни представительныхъ мѣстныхъ собраній, о коихъ англійскій министръ упоминаетъ лишь затѣмъ чтобы сказать что онъ находитъ „мусульманскія племена неспособными къ учрежденіямъ такого рода, которыя чужды ихъ преданіямъ и образу мыслей." Взамѣнъ того, лордъ Солсбери ищетъ „простѣйшихъ формъ порядка и хорошаго управленія," и предлагаетъ для того три мѣры. Вопервыхъ, для поддержанія порядка, учрежденіе жандармеріи, организованной и командуемой европейскими офицерами. Затѣмъ, для обезпеченія правосудія, рекомендуется учрежденіе центральныхъ трибуналовъ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городахъ, такъ чтобы въ каждомъ трибуналѣ былъ непремѣннымъ членомъ свѣдущій въ законахъ Европеецъ, согласіе коего должно быть необходимо для каждаго приговора. Относительно этой мѣры въ депешѣ сказано: „Въ Берлинскій трактатъ включены въ высшей степени благодѣтельныя распоряженія, распространяющія одинаковыя гражданскія права на всѣ исповѣданія, и формально были даны увѣренія что эти распоряженія уже составляютъ часть закона Турецкой имперіи. Но если не будутъ учреждены трибуналы коимъ можно довѣрить приведеніе этихъ законовъ въ исполненіе, то слѣдуетъ опасаться что и *въ будущемъ*, какъ *въ прошедшемъ*, они останутся *безъ практическаго результата*." Третій пунктъ касается системы сбора доходовъ, и лордъ Солсбери рекомендуетъ замѣнить сборъ десятинной подати постоянною рентой, опредѣляемою на извѣстное число лѣтъ; но и здѣсь главное обезпеченіе въ принятіи и исполненіи этой мѣры онъ видитъ въ томъ чтобы въ большей части случаевъ сборщиками были назначаемы Европейцы. При этомъ онъ также напоминаетъ что отмѣна сдачи на откупъ десятинной подати была обѣщена еще гатти-гумаюномъ 1856 года, но обѣщаніе до сего времени остается на бумагѣ.

Къ этимъ тремъ пунктамъ присоединяется еще указаніе на „важность разсудительнаго выбора“ лицъ назначаемыхъ на должность вали, для чего англійскому послу поручается оказать его султанскому величеству пособіе къ какому дають ему возможность его „опытность въ восточныхъ дѣлахъ и знаніе турецкихъ государственныхъ людей.“ Выражено притомъ желаніе чтобы вали, также какъ судьи и сборщики податой, были обезпечены отъ произвольныхъ смѣщеній; но способа какъ этого достигнуть не указывается, и сэръ-Генри Леярду предоставляется самому обсудить этотъ вопросъ.

Такова англійская программа. Она, какъ видно, не довѣряетъ никакимъ новымъ законамъ и еще менѣе довѣряетъ дѣйствіямъ турецкихъ властей, но въ то же время она и не заботится оградить отъ нихъ населенія какимъ-либо способомъ самоуправленія. Она попросту желаетъ подчинить всѣ главныя функціи исполнительной власти руководству и контролю Англичанъ. Замѣчательно еще что въ послѣдующей депешѣ лордъ Солсбери, въ пользу необходимой бдительности надъ дѣлами Порты со стороны дружественныхъ державъ и особенно Англіи, ссылается на то что имѣется на это право по трактату. Всѣмъ понятно какую злобную вражду въ былое время возбуждалъ въ Англіи давно забытый Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, который отнюдь не давалъ Россіи никакого права вмѣшательства во внутреннее управленіе Порты, за исключеніемъ только признаваемаго за нею права заступничества за обиженныхъ христіанъ. Но теперь дѣло идетъ не о Россіи, а объ Англіи, и потому считается натуральнымъ присвоить ей такое вліяніе надъ турецкимъ управленіемъ и даже надъ верховною властью султана которое постепенно должно привести его въ положеніе вассальнаго индійскаго раджи. Жандармеріей будутъ командовать Англичане, судьями будутъ Англичане, сборщиками податей будутъ Англичане; наконецъ султанъ долженъ назначать всѣхъ главныхъ чиновниковъ не иначе какъ съ одобренія англійскаго посла.

Планы эти хорошо были поняты самою Портой, которая долго не могла рѣшиться какой дать отвѣтъ. Сэръ-Генри Леярдъ писалъ что „въ министерствѣ и среди лицъ имѣющихъ большое вліяніе въ странѣ есть сильная партія которая рѣшительно противится всякому вмѣшательству иностранцевъ въ ея внутреннія дѣла и видитъ въ требуемыхъ реформахъ нарушеніе верховныхъ правъ султана и независимости Турціи.“ Въ объясненіе такого непатріотическаго образа мыслей онъ полагаетъ что на эту партію не безъ успѣха дѣйствовало де нѣкое „иностранное вліяніе.“ Въ другой депешѣ онъ прямѣе объясняетъ причину оппозиціи Порты. „Нѣкоторые изъ министровъ,“ пишетъ онъ, „и вліятельная партія внѣ кабинета были очень расположены отправить отвѣтъ на мою ноту который былъ бы равносиленъ отклоненію требованій правительства ея величества. Были употреблены старанія убѣдить султана что принять эти требованія значило бы отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ и поставить его азіятскія территоріи подъ прямой протекторатъ и контроль Англіи, какъ подготовленіе для присоединенія къ ней.“ Поэтому, въ началѣ въ Портѣ было рѣшено дать такой отвѣтъ который былъ бы сочтенъ Англійскимъ правительствомъ за крайне-неудовлетворительный, и только де благодаря желанію самого султана и Сафвета-паши войти, сколько возможно, въ виды Англійскаго правительства, благодаря также энергическимъ стараніямъ Леярда, котораго „едва не вывели изъ терпѣнія проволочки Порты,“ первое рѣшеніе было отмѣнено. Англія выпуталась изъ неловкаго и фальшиваго положенія тѣмъ что былъ принятъ принципъ ея реформъ, но принятъ съ такими оговорками которыя явно показываютъ недовѣріе Порты, и о силѣ его можно судить по тому что самъ Леярдъ находитъ ихъ довольно резонными. Относительно жандармеріи Порта не допускаетъ чтобы начальство надъ нею было поручено европейскимъ офицерамъ, но соглашается принять таковыхъ въ качествѣ инструкторовъ, а также допустить ихъ въ совѣтъ центральной администраціи жандармеріи. Также и въ судахъ Порта не находитъ возможнымъ дать мѣсто иностранцамъ не знающимъ ни языковъ, ни законовъ, ни обычаевъ страны, и соглашается только на назначеніе иностранцевъ въ качествѣ судебныхъ инспекторовъ, которые, объѣзжая вилаеты, будутъ надзирать за отправленіемъ правосудія. Относительно фискальной реформы Порта указываетъ на трудности отмѣны десятинной подати, и соглашается въ началѣ испытать реформу въ одной или двухъ провинціяхъ, причемъ

изъявляетъ готовность принять на службу нѣсколько иностранцевъ знакомыхъ съ финансовою наукой.

Любопытно отмѣтить что самъ лордъ Солсбери согласился допустить основательность резоновъ приведенныхъ Портой во всѣхъ ея оговоркахъ. Планъ Порты для судебной реформы онъ нашелъ даже лучше чѣмъ имъ предложенный. Только относительно жандармеріи онъ тверже настаиваетъ на важности ея, выражая надежду что „ревность къ иностранной помощи не помѣшаетъ принятію самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ возстановленію порядка.“

Изъ того что Англійское правительство готово принять нѣкоторыя возраженія Порты не слѣдуетъ однако заключать чтобъ оно удовольствовалось одними обѣщаніями. Оно дѣйствуетъ осторожно чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Какъ пишетъ Леярдъ, „хотя Порта и не была бы расположена въ началѣ давать Европейцамъ мѣста высокаго довѣрія и независимыя отъ офиціальнаго контроля, но моя опытность приводитъ меня къ убѣжденію что когда намъ удастся разъ ввести европейскій элементъ въ три отрасли администраціи по способу предложенному Турецкимъ правительствомъ то не встрѣтится серіознаго затрудненія дать этому элементу большій вѣсъ, авторитетъ и преобладаніе.“

Кромѣ того, должно прибавить что лордъ Солсбери долженъ былъ признать серіозное препятствіе для реформъ въ недостаточности средствъ, на которую ссылалась Порта. Объ этомъ предметѣ въ депешахъ трактуется глухо; только г. Леярдъ замѣчаетъ: „Я не вижу какимъ образомъ реформы могутъ быть дѣйствительно исполнены пока Порта не будетъ въ состояніи получать достаточный доходъ для необходимыхъ издержекъ, или не возстановитъ кредита, или не получитъ иностраннаго пособія.“ Это дѣйствительно критическій вопросъ, и вѣроятно объ этомъ идетъ теперь торгъ, то-есть за какую цѣну Порта согласится урѣзать свои верховныя права въ пользу Англіи.

Такимъ образомъ, всѣ англійскіе проекты реформъ сводятся единственно къ тому чтобы какъ можно болѣе ослабить и ограничить права турецкихъ властей, начиная съ самаго султана, но не въ пользу автономіи самихъ населеній, а единственно въ интересѣ Англіи и всевозможныхъ авантюристовъ которые явятся изъ нея для эксплуатаціи населеній и наживы.

№ 7.

Москва, 9-го января.

Одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ извѣщаетъ что, по словамъ *Политической Корреспонденціи*, обыкновенно получающей свѣдѣнія весьма близкія къ истинѣ, представители всѣхъ европейскихъ державъ въ засѣдающей въ Филиппополѣ международной коммиссіи уже приходятъ къ убѣжденію въ невозможности дать Восточной Румеліи организацію согласную съ постановленіями Берлинскаго конгресса.

Извѣстіе это не удивляетъ насъ. Мы уже были приготовлены къ нему многими указаніями, и съ увѣренностью ожидаемъ что они съ каждымъ днемъ должны умножаться. Развѣ только люди столь свыкшіеся съ турецкими порядками какъ г. Леярдъ и англійскіе консулы, притомъ находящіе въ поддержаніи ихъ свой личный интересъ, могутъ не признавать очевидности. Даже такой завзятый туркофилъ какъ англійскій членъ Румелійской коммиссіи, сэръ-Друммондъ Вольфъ, долженъ былъ увидѣть въ Филиппополѣ дѣла совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ чѣмъ они ему представлялись въ то время какъ онъ сидѣлъ на своей скамьѣ въ парламентѣ. Дѣйствительно, извѣстіе о томъ что отъ него исходило предложеніе поручить охрану Балканскихъ проходовъ болгарской милиціи было повторено въ англійскихъ газетахъ и до сихъ поръ не опровергнуто. Затѣмъ было извѣстіе что коммиссія приняла третью главу организаціоннаго проекта Восточной Румеліи, касающуюся устройства жандармеріи и требующую чтобъ обученіе и командованіе этою силой были поручены французскимъ офицерамъ. Если такъ будетъ продолжаться, то пожалуй, по окончаніи работъ коммиссіи, можетъ оказаться что выработанный ею проектъ организаціи, если и не удовлетворитъ желаніямъ Болгаръ, то не будетъ имѣть никакого сходства съ указаніями намѣченными въ Берлинскомъ трактатѣ. Но самое важное свидѣтельство противъ возможности мирно и легло водворить въ южной Болгаріи турецкія власти вмѣстѣ съ турецкими гарнизонами представляетъ возникшая мысль о смѣшанномъ

занятіи этой провинціи по уходѣ русскихъ войскъ. Вѣнскій корреспондентъ *Times* на дняхъ еще сообщалъ что эта мысль пока еще не выступила изъ фазы академическаго обсужденія. Мы думаемъ что ей по всѣму вѣроятію такъ и суждено остаться при академическомъ обсужденіи. Не говоря уже о трудностяхъ практическаго осуществленія этой мѣры, которая можетъ состояться только при соглашеніи между всѣми державами, мы не можемъ представить себѣ какая держава могла бы взять на себя обязанность принудить забалканскихъ Болгаръ силой вновь подчиниться турецкому владычеству. Даже Австрія, даже Англія, едва ли отважились бы на это. Въ обѣихъ странахъ правительство встрѣтило бы сильную оппозицію въ палатахъ противъ тяжкихъ расходовъ на это предпріятіе. Но въ особенности заслуживаетъ вниманія замѣчаніе вѣнскаго корреспондента *Times* что проекту смѣшаннаго занятія всего болѣе противится сама Порта, готовая предпочесть ему даже русское. Это мнѣніе Порты весьма характеристично. Она не надѣется чтобъ англійскія или австрійскія войска могли возвратить Болгаръ подъ ея владычество. Порта вѣритъ въ свою власть только при турецкомъ занятіи, которое дастъ ей возможность подавлять недовольство и возстанія угнетаемыхъ христіанъ своеобразнымъ способомъ истребленія, который она искусно практиковала въ 1876 году въ Филиппопольскомъ вилаетѣ и теперь практикуетъ въ Македоніи. Но, разумѣется, не можетъ длиться вѣчно и русское занятіе, столь обременительное для нашей арміи, а потому неизбѣжно долженъ возникнуть серіознымъ образомъ вопросъ о болѣе справедливомъ удовлетвореніи забалканскихъ Болгаръ.

Объ этомъ предметѣ на дняхъ говорилъ съ большою убѣдительностью одинъ изъ вождей либеральной партіи въ Англіи, сэръ-Вильямъ Гаркортъ, на митингѣ своихъ избирателей въ Оксфордѣ. Сэръ-Вильямъ Гаркортъ былъ постояннымъ противникомъ Биконсфильдовской политики, но ни разу еще мы не встрѣчали ни у него, ни у другаго оратора такихъ мѣткихъ и безпощадныхъ изобличеній всей несостоятельности этой политики, и энергія ихъ свидѣтельствуетъ о возрастающей смѣлости оппозиціи, соразмѣрно съ ослабѣвающею популярностью министерства. Оппозицію часто упрекали въ томъ что, критикуя правительство, она не рѣшается выставить свою политику. По словамъ сэръ-Вильяма Гаркорта, можно думать что оппозиція теперь, повидимому, готова на это. Онъ высказываетъ убѣжденіе что Турція неизбѣжно идетъ къ разложенію, и не смущается этимъ фактомъ. Онъ готовъ привѣтствовать молодыя силы возникающія на развалинахъ Оттоманской имперіи; онъ желалъ бы только чтобъ Англія приняла участіе въ ихъ освобожденіи и заслужила бы себѣ ихъ симпатіи. Намъ нѣтъ надобности излагать всѣ его доводы противъ несостоятельности плановъ лорда Биконсфильда о реформахъ въ Азіятской Турціи, также относительно Кипра и Афганской войны; но мы не можемъ не привести его словъ о Восточной Румеліи, такъ какъ ими подтверждаются слухи объ убѣжденіи возникающемъ въ умахъ посланныхъ туда европейскихъ коммиссаровъ. Вотъ что̀ говорилъ объ этомъ предметѣ сэръ-Вильямъ Гаркортъ:

„Вамъ извѣстно что засѣдаетъ коммиссія для образцоваго устройства Восточной Румеліи. Но успѣхъ устройства главнымъ образомъ зависитъ отъ того какъ думаютъ о немъ люди которымъ придется жить среди его условій. Русскіе должны будутъ увести свои войска въ маѣ мѣсяцѣ, и они безъ сомнѣнія уведутъ ихъ... Но есть другой народъ, кромѣ Русскихъ, который можетъ сказать кое-что о конституціи Восточной Румеліи,—это народъ Восточной Румеліи. Предположите что у него будетъ непобѣдимое отвращеніе къ конституціи которую лордъ Биконсфильдъ, по своей добротѣ, придумалъ для нихъ. Народъ этотъ можетъ воспротивиться, и къ нему можетъ присоединиться окружающее населеніе которое еще подвластно Туркамъ, и тогда будетъ новая Сербская или Болгарская война со всѣми удовольствіями отличающими непріятельскія дѣйствія въ этихъ краяхъ. Это не мое предположеніе. Я читалъ въ министерскихъ газетахъ о предложеніяхъ для совокупнаго занятія Европы по уходѣ Русскихъ; но совокупное занятіе есть признаніе въ неудачѣ Берлинскаго трактата. Вы дѣлаете конституцію для удовлетворенія народа, и затѣмъ посылаете армію чтобы навязать ее. Позвольте мнѣ сдѣлать вопросъ. Если вы разъ впутаетесь въ совокупное занятіе, то какимъ образомъ вы изъ него выпутаетесь? Вы помните что когда Французы отправились въ Римъ для

поддержанія свѣтской власти папы, то главное затрудненіе для нихъ потомъ было найти удобное время и случай уйти назадъ. Папа не могъ самъ держаться какъ не можетъ держаться и султанъ, и Французы выпутались изъ затрудненія только раздѣлавшись съ папой. Точно также и вы выпутаетесь только раздѣлавшись съ султаномъ. Такимъ образомъ совокупное занятіе есть практическая отмѣна Берлинскаго трактата, —и совокупное занятіе для какой цѣли? чтобы навязать народу ненавистное правленіе. Думаете ли вы что англійская нація когда-либо согласится принять въ этомъ участіе? Это хорошо для Австріи; она привыкла къ такого рода дѣламъ. Скажутъ что „это есть рѣшеніе великихъ государственныхъ людей, и что оно должно быть поддержано." Однако не въ первый разъ великіе государственные люди и конгрессы дѣлали большія ошибки. На Вѣнскомъ конгрессѣ считалось мудрымъ дѣломъ усилить Австрію, давъ ей Ломбардію съ Венеціей и протекторатъ надъ Италіей. Какія же были послѣдствія? Всеобщее недовольство, постоянные заговоры, и наконецъ бѣдственная война. Съ моей стороны, я не вѣрю чтобъ это было мирнымъ улаженіемъ. Напротивъ, я полагаю что оно чревато будущими войнами. Силы работающія надъ возрожденіемъ Восточной Европы не могутъ быть остановлены. Восточная Румелія и остальныя провинціи еще оставшіяся у султана имѣютъ такія же стремленія, такое же право на свободу какъ Сербія и Болгарія, и онѣ навѣрное достигнутъ ея; и *я*, съ своей стороны, порадуюсь увидѣть этотъ день. Если мы примемъ участіе въ ихъ освобожденіи, то эти народы будутъ относиться къ намъ, какъ Греція и Италія, съ признательностью и почетомъ. Но если мы станемъ покровителями ихъ тирановъ, то они отдадутъ свое сердце тѣмъ кто будутъ орудіями ихъ освобожденія."

Вообще о сильномъ впечатлѣніи произведенномъ рѣчью сэръ-Вильяма Гаркорта можно судить по тому что газета *Times* въ досадѣ не находитъ другаго пріема ослабить его аргументы какъ уличать его въ недостаткѣ патріотизма, за то де что онъ не посовѣстился „своими изобличеніями выставить въ смѣшномъ видѣ предъ Европой не только министровъ, но и парламентъ который ихъ поддерживалъ и страну подтвердившую ихъ образъ дѣйствій, и обратить въ фарсъ трактатъ торжественно заключенный и ратификованный во имя Великобританіи."

Сэръ-Вильямъ Гаркортъ выставилъ дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, и если оно въ этомъ свѣтѣ кажется смѣшнымъ и ненавистнымъ, то не онъ виноватъ...

№ 8.

Москва, 10-го января.

Германскій Рейхстагъ будетъ открытъ, какъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ берлинскія газеты, 12 и никакъ не позднѣе 16 февраля. Съ большимъ напряженіемъ органы всѣхъ партій выжидаютъ эту сессію. По словамъ *Національной Газеты*, она по важности своей превзойдетъ всѣ до сихъ поръ бывшія сессіи Рейхстага съ самаго основанія Германской имперіи, ибо на этотъ разъ „или окончательно устранены будутъ существовавшія до сихъ поръ глубокія несогласія, или возникнутъ совершенно новыя комбинаціи." Рѣчь идетъ прежде всего о новомъ поворотѣ въ экономической политикѣ Германіи, затѣянномъ княземъ Бисмаркомъ. Либеральная партія, какъ мы уже сообщали, и не думаетъ на этотъ разъ предпринять серіозную борьбу противъ могучаго канцлера, какъ ни чувствительно для нея отступленіе отъ доктрины фритредерства, составляющей одинъ изъ самыхъ выдающихся пунктовъ ея политической программы. Въ этомъ отношеніи она не ожидаетъ ни малѣйшей уступки отъ князя Бисмарка. Послѣ знаменитаго офиціальнаго отношенія своего отъ 15 декабря Союзному Совѣту, въ коемъ изложена въ общихъ чертахъ новая экономическая программа, въ печати появилось нѣсколько частныхъ писемъ князя Бисмарка въ отвѣтъ на многочисленные адресы и сочувственныя заявленія. Въ этихъ письмахъ князь Бисмаркъ подтвердилъ и во многомъ дополнилъ начертанный имъ въ офиціальной бумагѣ планъ; изъ нихъ же видно что буря возраженій и протестовъ поднятая въ либеральной печати не смутила его нисколько. Онъ твердо стоитъ на своемъ, и въ ближайшемъ Рейхстагѣ онъ выступитъ съ готовымъ и подробно-разработаннымъ „автономнымъ" таможеннымъ тарифомъ, который между тѣмъ будетъ подготовленъ

коммисеіей Союзнаго Совѣта, въ председательствѣ г. фонъ-Варнбюлера. Князь Бисмаркъ не отказался даже отъ своего проекта введенія табачной монополіи, противъ котораго высказалась спеціальная коммиссія, имъ же назначенная для изслѣдованія этого вопроса два года тому назадъ, и признавшая что для Германіи было бы вредно введеніе того порядка который установился во Франціи и въ Австріи по табачному налогу.

Въ виду такой настойчивости канцлера, либеральная партія, какъ сказано, рѣшилась покориться ему; она хлопочетъ лишь о томъ чтобы получить другаго рода уступки, а именно пресловутыя „конституціонныя гарантіи,“ то-есть болѣе широкія права для парламентовъ отдѣльныхъ государствъ, и преимущественно Прусскаго Ландтага, въ установленіи бюджета. Въ этомъ отношеніи, повидимому, имѣются нѣкоторые виды на установленіе согласія, и перcпектива не представлялась бы особенно мрачною для національно-либеральной партіи еслибы не законопроектъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ за злоупотребленія свободой парламентской рѣчи, коимъ князь Бисмаркъ затронулъ за живое другой чувствительный пунктъ либеральной доктрины. Въ этомъ отношеніи имѣется гораздо менѣе видовъ на соглашеніе. На первыхъ порахъ націоналъ-либеральные органы отнеслись къ этому законопроекту съ рѣзкостью которая указывала на готовящійся безусловный разрывъ между ними и княземъ Бисмаркомъ. Вліятельнѣйшіе органы этой партіи прямо заявили что они предпочтутъ диктатуру подобному „униженію“ имперскаго парламента. Въ настоящее время раздраженіе нѣсколько улеглось, чему способствовалъ слухъ, настойчиво поддерживаемый, будто иниціатива ненавистнаго либераламъ законопроекта исходитъ не отъ князя Бисмарка, а лично отъ императора Вильгельма. Но и до сихъ поръ не замѣтно никакихъ признаковъ готовящагося по этому предмету компромисса. Противъ законопроекта въ его настоящемъ видѣ высказалась не одна либеральная печать, но и независимые консервативные органы, какъ напримѣръ *Крестовая Газета*. Нечего говорить что клерикальные католическіе органы, принявшіе на себя въ Германіи столь имъ несвойственную роль поборниковъ идеи свободы, болѣе всѣхъ нападали на князя Бисмарка за этотъ законопроектъ. Партія центра воспользовалась этимъ случаемъ дабы снова попытаться стать во главѣ „либеральной оппозиціи,“ что до сихъ поръ ей ни разу не удавалось.

Не дожидаясь открытія Рейхстага, партія эта вздумала начать кампанію противъ князя Бисмарка въ Прусскомъ Ландтагѣ. Съ этою цѣлью одинъ изъ членовъ этой партіи внесъ 16 января предложеніе въ Ландтагъ „пригласить королевское правительство чтобъ оно уполномочило своихъ представителей въ Союзномъ Совѣтѣ отвергнуть внесенный въ Совѣтъ законопроектъ о взысканіяхъ съ членовъ Рейхстага.“ Предложеніе это еще не обсуждалось въ Ландтагѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, судя по сужденіямъ о немъ либеральныхъ газетъ, что оно будетъ отвергнуто. *Timeo Danaos et dona ferentes* — таковъ смыслъ этихъ сужденій о помощи предлагаемой либераламъ съ клерикальной стороны. Съ формальной стороны предложеніе клерикаловъ считается неудобнымъ, потому что оно установило бы нежелательный для друзей германскаго единства прецедентъ: законодательныя собранія отдѣльныхъ государствъ Союза имѣли бы право контролировать дѣйствія представителей правительства въ Союзномъ Совѣтѣ.

Впрочемъ, еще неизвѣстно какъ отнесется Союзный Совѣтъ къ законопроекту князя Бисмарка. До сихъ поръ, правда, еще не было примѣра чтобъ имперскій канцлеръ терпѣлъ пораженіе въ нѣдрахъ этого собранія. Но дѣло въ томъ что настоящій законопроектъ заключаетъ въ себѣ измѣненіе имперской конституціи. При составленіи послѣдней, либеральныя партіи, памятуя прежнія ожесточенныя препиранія по поводу свободы парламентской рѣчи въ Прусскомъ Ландтагѣ, обставили это дѣло очень тщательно. Въ имперской конституціи есть не менѣе трехъ статей посвященныхъ этому предмету, установляющихъ полную безотвѣтственность депутатовъ внѣ парламента за рѣчи произнесенныя съ трибуны Рейхстага. А такъ какъ по новому законопроекту предполагается не только усилить мѣры дисциплинарныхъ взысканій налагаемыя самимъ Рейхстагомъ и его президентомъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ предавать виновнаго уголовному суду, то въ этомъ заключается измѣненіе подлежащихъ статей конституціи; предложенія же объ измѣненіи

конституціи считаются отвергнутыми Союзнымъ Совѣтомъ если противъ такого измѣненія будетъ подано не менѣе 14 голосовъ.

Вотъ почему либеральныя нѣмецкія газеты не теряютъ еще надежды что ненавистный имъ законопроектъ вовсе и не дойдетъ до Рейхстага и будетъ отвергнутъ самимъ Союзнымъ Совѣтомъ, такъ какъ въ числѣ второстепенныхъ государствъ имѣется достаточное количество несогласныхъ съ законопроектомъ чтобы составить въ Союзномъ Совѣтѣ оппозицію изъ 14 голосовъ.

Офиціозная замѣтка, появившаяся 18 января въ газетѣ *Post*, заявляетъ что имперскій канцлеръ не думаетъ чтобы Рейхстагъ имѣлъ въ своихъ рукахъ достаточно власти дабы предупредить тѣ злоупотребленія свободой слова которыя до сего времени дозволяли себѣ съ парламентской трибуны депутаты изъ соціалъ-демократовъ.

Полученныя нами сегодня берлинскія газеты принесли намъ разказъ о новомъ эпизодѣ приключившемся 18 января въ Прусскомъ Ландтагѣ. Этотъ скандалъ, вызванный невоздержными на языкъ членами партіи центра, послужитъ новымъ аргументомъ въ пользу предложенія князя Бисмарка.

№ 9.

Москва, 11-го января.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ № 5 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы имѣли уже случай сказать нѣсколько словъ объ опубликованной 1 января государственной росписи доходовъ и расходовъ на наступившій 1879 годъ и о сопровождавшемъ ее всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ. Но эта роспись есть столь важный финансовый актъ что намъ, вѣроятно, еще не разъ придется къ ней возвращаться. Это первая роспись составленная по окончаніи большой, дорого стоившей войны; эта первая роспись составленная новымъ министромъ финансовъ. На ней несомнѣнно должны были отразиться и созданныя войной финансовыя затрудненія, и экономическія и финансовыя воззрѣнія лица столь недавно еще поставленнаго Высочайшею властію во главу финансоваго управленія.

Государственные люди платятъ дань господствующимъ понятіямъ наравнѣ съ людьми стоящими не у дѣлъ. Такую дань долго платилъ и Робертъ-Пиль до знаменитой перемѣны въ его убѣжденіяхъ; ее долго платилъ и князь Бисмаркъ до своего недавняго, надѣлавшаго столько шуму письма къ Союзному Совѣту Германской имперіи. Съ небольшимъ два года тому назадъ, констатируя блестящіе по внѣшности финансовые результаты 1875 года, указывая на большое превышеніе доходовъ надъ расходами (слишкомъ на $33^1/_4$ милліоновъ) и на сорокамилліонный капиталъ совершенно свободныхъ остатковъ отъ бюджетныхъ смѣтъ, государственный контролеръ, нынѣ министръ финансовъ, не считалъ однако возможнымъ успокоивать себя и другихъ относительно будущаго. Напротивъ, высказанный имъ тогда взглядъ былъ не чуждъ нѣкотораго пессимизма, можетъ-быть навѣяннаго общими толками, которые нельзя же было совсѣмъ оставлять безъ вниманія. Бывшія у насъ тогда въ ходу воззрѣнія нашли себѣ истолкователей въ иностранной печати, какъ французской такъ и англійской, особенно въ г. Анатолѣ Леруа-Больё, который краснорѣчиво оплакивалъ въ *Revue des deux Mondes* наше бѣдственное предъ войной финансовое положеніе.

Государственному контролеру казалось тогда, между прочимъ, что благодѣтельное вліяніе реформъ нынѣшняго царствованія на экономическій бытъ выразилось уже почти окончательно; что, вслѣдствіе этого, „хотя естественный ростъ государственныхъ доходовъ и можетъ еще продолжаться отъ постепеннаго возрастанія народнаго богатства,—*если внѣшнія событія не положатъ преградъ мирному развитію государства*,—но увеличенія доходовъ годъ изъ году въ размѣрахъ послѣдняго десятилѣтія едва ли можно ожидать безъ открытія новыхъ или усиленія существующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.“

Прошло какихъ-нибудь два года послѣ того какъ былъ высказанъ этотъ нѣсколько мрачный взглядъ, и въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, какъ извѣстно, не было недостатка во внѣшнихъ событіяхъ долженствовавшихъ положить преграды мирному развитію государства, почему, естественно, слѣдовало ожидать, вмѣсто возрастанія, упадка государственныхъ доходовъ. Но экономическіе факты коими ознаменовались

для Россіи эти два года прошли безслѣдно лишь для тѣхъ доктринеровъ которые и очами видятъ, и ушами слышатъ, но не разумѣютъ Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1879 годъ, эти факты должнымъ образомъ приняты во вниманіе, и соотвѣтственно имъ измѣнились самые взгляды на наше экономическое положеніе.

Всѣ ожидали огромнаго дефицита. Роспись даетъ полное равновѣсіе доходовъ и расходовъ, съ нѣкоторымъ превышеніемъ первыхъ надъ послѣдними. Озадаченные этимъ результатомъ, нѣкоторые пессимисты стараются смутить публику тѣмъ что бюджетное равновѣсіе пока „существуетъ только на бумагѣ и едва ли осуществится на дѣлѣ,“ подкрѣпляя свой скептицизмъ указаніями на возможность недобора предположенныхъ доходовъ и на обычныя у насъ крупныя цифры сверхсмѣтныхъ расходовъ. Такой скептицизмъ, можетъ-быть, и былъ бы умѣстенъ еслибы роспись исходила не отъ лица имѣвшаго возможность, при исполненіи должности государственнаго контролера, вполнѣ ознакомиться со всѣми случайностями могущими ниспровергнуть бюджетныя предположенія. Но когда бывшій государственный контролеръ, при полномъ сознаніи что бюджетъ и его исполненіе далеко не одно и то же, говоритъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „въ этомъ отношеніи позволяю себѣ выразить надежду что отчетъ государственнаго контролера за 1879 годъ покажетъ что достигнутое при сведеніи росписи равновѣсіе не было въ теченіе года нарушено; надежду эту я основываю на томъ что расходы въ росписи исчислены съ достаточною полнотой, а доходы съ большою осторожностью,“ — скептицизмъ не подкрѣпленный вѣскими доводами становится подозрительнымъ подобно разнымъ слухамъ распускаемымъ отъ времени до времени биржевыми дѣятелями. Во всякомъ случаѣ публика болѣе повѣритъ вышеприведеннымъ словамъ всеподданнѣйшаго доклада чѣмъ инсинуаціямъ какого-нибудь живущаго казенною поддержкой заводчика, который проповѣдуетъ, съ помощію наглой подтасовки фактовъ, что ни возможности равновѣсія въ русскомъ бюджетѣ, ни разчетамъ министра финансовъ не слѣдуетъ вѣрить...

Оставляя въ сторонѣ этотъ недостойный серіознаго вниманія скептицизмъ и довѣряя соображеніямъ министра финансовъ что при исполненіи росписи бюджетное равновѣсіе не будетъ нарушено, не можемъ однако не остановиться на вопросѣ какимъ путемъ это равновѣсіе достигается. Вслѣдствіе увеличившихся расходовъ, для соблюденія равновѣсія въ бюджетѣ необходимо было увеличеніе доходовъ противъ прошлогодней смѣты на *пятьдесятъ шесть милліоновъ* рублей слишкомъ. Откуда ожидается приливъ такой суммы въ Государственное Казначейство?

Еслибъ оставались въ силѣ воззрѣнія 1876 года, не допускавшія, въ случаѣ внѣшнихъ событій, никакой надежды на увеличеніе государственныхъ доходовъ отъ естественнаго возрастанія народнаго благосостоянія, потребовалось бы для сохраненія бюджетнаго равновѣсія добыть всю необходимую сумму 56 милліоновъ единственно путемъ возвышенія прежнихъ и установленія новыхъ налоговъ. То ли видимъ въ опубликованномъ 1 января бюджетѣ?

Отъ введенія новыхъ и возвышенія прежнихъ налоговъ ожидается лишь *восемнадцать милліоновъ* съ небольшимъ. Вся остальная слишкомъ вдвое бо́льшая сумма *тридцати восьми милліоновъ* ожидается отъ *естественнаго роста доходовъ*, и ожидается по росписи составленной, какъ мы имѣли случай замѣтить въ № 5 *Московскихъ Вѣдомостей*, дѣйствительно съ большою осторожностью въ исчисленіи предполагаемыхъ доходовъ, съ преуменьшеніемъ, а не съ преувеличеніемъ оныхъ. Въ сущности же министръ финансовъ, несомнѣнно, ожидаетъ поступленія доходовъ въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ и, высказывая увѣренность что при исполненіи росписи бюджетное равновѣсіе не будетъ нарушено, конечно, всего болѣе разчитываетъ на то что обычные сверхсмѣтные кредиты будутъ покрыты именно усиленнымъ, противъ предположенія, поступленіемъ доходовъ.

Но еслибы даже ожидаемый естественный ростъ доходовъ ограничивался всего только цифрою 38 милліоновъ, — какой громадный шагъ отъ прежнихъ взглядовъ составляетъ одно это ожиданіе! Два года тому назадъ не допускалось и возможности, даже при устраненіи внѣшнихъ событій, разчитывать на естественное возрастаніе доходовъ *въ размѣрахъ десятилѣтія 1866—1875*. Теперь, послѣ внѣшнихъ событій, при всей осторожности въ разчетахъ, предвидится несомнѣнное естественное возра-

станіе доходовъ въ размѣрѣ *вдвое большемъ средняго естественнаго ихъ роста за указанное десятилѣтіе*. Такая перемѣна во взглядахъ лица стоящаго во главѣ русскаго финансоваго управленія, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнена публикой съ искреннею признательностью, не меньшею той съ какою отнеслись въ Англіи къ перемѣнѣ во взглядахъ Роберта Пиля. Сказавшіяся въ ней чуткое пониманіе дѣйствительныхъ условій существующаго экономическаго положенія и свойственная истинно государственнымъ людямъ способность отрѣшаться отъ ошибочныхъ воззрѣній даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду что въ недалекомъ будущемъ русскіе финансы будутъ освобождены и отъ послѣдствій того вліянія ошибочной экономической доктрины которое еще проглядываетъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1879 годъ. Оно слышится въ мимоходомъ проскользнувшемъ замѣчаніи что нынѣшнее оживленіе оборотовъ, вызванное изобиліемъ обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ, есть *искусственное возбужденіе*; та же привычная доктрина побуждаетъ видѣть въ кредитныхъ билетахъ *подлежащій обязательной уплатѣ долгъ* Государственнаго Казначейства Государственному Банку.

Считать ли искусственнымъ или естественнымъ обнаружившійся во время и послѣ войны благопріятный оборотъ въ дѣлахъ сельско-хозяйственнаго, промышленнаго и торговаго міра, вызванный преимущественно усиленіемъ слишкомъ скуднаго до войны денежнаго обращенія,—споръ о томъ былъ бы безплоднымъ словопреніемъ. Если признавать это экономическое оживленіе искусственнымъ, то съ равнымъ правомъ можно признавать искусственнымъ и то экономическое оживленіе которое было результатомъ освобожденія крестьянъ, постройки желѣзнодорожной сѣти и другихъ мѣръ, вліяніемъ коихъ столь справедливо объясняется подъемъ народнаго благосостоянія и естественный ростъ государственныхъ доходовъ въ десятилѣтіе 1866—1875 годовъ. По теоріи, Богъ вѣсть на сколько заслуживающей уваженія и вѣры, выпускъ въ послѣдніе два года около полумилліарда кредитныхъ билетовъ можетъ-быть и очень дуренъ; но на практикѣ онъ не привелъ ни къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ, и не имѣется въ виду никакихъ заслуживающихъ уваженія фактовъ которые давали бы сколько-нибудь серіозныя основанія опасаться отъ него вредныхъ результатовъ въ будущемъ. Напротивъ, изъ сравненія финансовыхъ результатовъ недавней войны, приводимыхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, оказывается слѣдующее: *Семьсотъ милліоновъ* добытые для военныхъ расходовъ путемъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ возложили на русскую казну тяжкое бремя уплаты 35 милліоновъ рублей процентовъ. Одновременный выпускъ около *пятисотъ милліоновъ* кредитныхъ билетовъ, вызвавъ экономическое оживленіе въ странѣ и естественное возрастаніе доходовъ, такъ сказать снялъ съ казны это бремя, съ избыткомъ доставивъ денежныя средства для уплаты процентовъ по сдѣланнымъ займамъ. Это можетъ не нравиться доктринерамъ, но это фактъ засвидѣльствованный нашею государственною росписью на наступившій годъ, и для непредубѣжденнаго ума „искусственное“ экономическое оживленіе дающее такіе результаты предпочтительнѣе столь недавняго у насъ „естественнаго“ экономическаго застоя, усиленію коего не мало способствовали дорого стóящія мѣры поддержанія вексельныхъ курсовъ на выгодномъ для иностранцевъ уровнѣ и сокращенія бумажно-денежнаго обращенія посредствомъ продажи для вывоза за границу, наканунѣ войны, громадныхъ запасовъ золота (бóльшихъ чѣмъ сколько могъ дать внѣшній стомилліонный заемъ) изъ кладовыхъ Государственнаго Банка.

Что касается доктрины будто государственные кредитные билеты составляютъ какой-то подлежащій обязательной уплатѣ долгъ Государственнаго Казначейства Государственному Банку, то, признаемся, намъ такой взглядъ совершенно не понятенъ. Этотъ государственный долгъ есть долгъ государства самому себѣ. Для правильности въ счетоводствѣ можетъ-быть и необходимо чтобы два кармана одного и того же сюртука вели между собою аккуратные счеты: но чтобы владѣлецъ сюртука считалъ себя въ неоплатномъ долгу если онъ переложилъ деньги изъ одного своего кармана въ другой,—это превышаетъ понятія простыхъ смертныхъ... Государство у насъ, слава Богу, пока еще остается полнымъ хозяиномъ и владѣльцемъ и своего Казначейства, и своего Банка. Оно само, а не какіе-нибудь акціонеры, пользуется выгодами и терпитъ невыгоды выпадающія на долю обоихъ этихъ отдѣловъ его хо-

зяйства. Оно, конечно, можетъ, если пожелаетъ, платить долги самому себѣ но чтобы ради этого требовалось налагать на страну всевозможныя тягости, — это заблужденіе на которомъ не стóитъ и останавливаться.

Выпускъ бумажныхъ денегъ въ Россіи такая же регалія какъ и чеканка монеты. Считая выпущенные кредитные билеты государственнымъ долгомъ придется, чтобъ быть послѣдовательнымъ, считать такимъ же долгомъ и выпуски мѣдной и низкопробной серебряной монеты, а не заносить получаемыя отъ ея чеканки выгоды въ рубрику „монетнаго дохода.“ Между мѣдною и низкопробною монетой и кредитными билетами въ существѣ нѣтъ никакой разницы. Они одинаково обращаются не въ силу своего внутренняго достоинства, а въ силу государственнаго кредита. Размѣры ихъ обращенія одинаково опредѣляются существующею въ странѣ потребностью въ денежныхъ знакахъ различной цѣнности, и выпуски ихъ въ предѣлахъ этой потребности одинаково составляютъ государственный монетный доходъ, а не долгъ казны монетному двору. Выпускъ кредитныхъ билетовъ или низкопробной монеты сверхъ существующей въ нихъ въ данное время потребности можетъ оказаться вреднымъ только при отсутствіи регулятора денежнаго обращенія. Но если имѣется такой регуляторъ, если избытокъ денежныхъ знаковъ можетъ всегда выйти изъ обращенія вернувшись въ сундуки — Государственнаго ли Казначейства, или Государственнаго Банка, все равно — никакого серіознаго вреда отъ выпусковъ государственныхъ кредитныхъ денегъ произойти не можетъ. Слабая сторона русскихъ бумажныхъ денегъ заключается не въ чрезмѣрности ихъ выпусковъ, а въ принятыхъ Государственнымъ Банкомъ аллюрахъ какого-то частнаго акціонернаго учрежденія. Возвращеніе Государственнаго Банка къ его серіозному назначенію вѣрнаго регулятора денежнаго обращенія — вотъ въ чемъ задача поставленная недавними выпусками бумажныхъ денегъ, а не въ заботахъ объ извлеченіи ихъ изъ обращенія во чтò бы ни стало и о подъемѣ вексельныхъ курсовъ во вредъ своей странѣ и къ выгодѣ иностранцевъ.

№ 10.

Москва, 12-го января.

Какъ ни относиться, съ точки зрѣнія той или иной доктрины, къ провозглашенной княземъ Бисмаркомъ новой программѣ экономической политики, нельзя не признать того что и на этотъ разъ руководитель судебъ Германской имперіи обнаружилъ удивительную чуткость и пониманіе потребностей эпохи. Реакція противъ доктрины фритредерства давно уже обнаруживалась въ Германіи съ постоянно возрастающею силой. Движеніе охватило прежде всего тѣ сферы которыя матеріально терпѣли отъ наступившаго повсюду промышленнаго кризиса. Фабричные округа Германіи первые завели рѣчь о необходимости оградить отечественную промышленность отъ разорительной иностранной конкурренціи, дабы тѣмъ хоть сколько-нибудь облегчить тяжелыя бѣдствія коими постигнуты многочисленные классы извлекающіе изъ фабричнаго производства средства къ жизни. Но кромѣ торговыхъ классовъ и людей биржи, откуда преимущественно пополняются ряды національ-либеральной партіи, отстаивающей теорію свободной торговли, противниками германскихъ протекціонистовъ являлась въ то время и консервативная партія, представители коей принадлежатъ главнымъ образомъ къ земледѣльческимъ классамъ. Еще весьма недавно одинъ изъ выдающихся вожаковъ прусскихъ „юнкеровъ“ г. Ніендорфъ (нынѣ умершій) горячо ратовалъ противъ національ-либераловъ за то что они недостаточно отстаиваютъ ученіе фритредерства и въ 1873 году подали свой голосъ за временное удержаніе ввозной пошлины на металлическія произведенія которую предполагалось отмѣнить. Теперь же послѣ обнародованія письма князя Бисмарка отъ 15 декабря, не только національ-либералы притихли и изъявляютъ готовность покориться вновь изготовленному таможенному тарифу, но одержана еще болѣе важная и притомъ принципіальная побѣда: консервативная партія перешла совсѣмъ на сторону протекціонистовъ и ратуетъ теперь противъ приверженцевъ фритредерства, робко протестующихъ тамъ и сямъ противъ готовящихся радикальныхъ перемѣнъ. Этой по-

бѣды князь Бисмаркъ достигъ своимъ заявленіемъ о томъ что онъ намѣренъ подвергнуть ввозной пошлинѣ и сырье, „дабы тѣмъ возложить и на иностранныхъ производителей ту долю денежныхъ тяжестей которыя падаютъ на туземнаго землевладѣльца подъ видомъ поземельнаго налога.“ Землевладѣльцы Помераніи и прочихъ исключительно земледѣльческихъ провинцій такъ соблазнились перспективой возвышенія цѣны на продукты земледѣлія, вслѣдствіе уменьшенія конкурренціи иностраннаго привоза, что сразу перешли на сторону своихъ бывшихъ противниковъ и стали въ ряды защитниковъ проекта князя Бисмарка.

Изъ послѣднихъ нумеровъ берлинскихъ газетъ мы узнаемъ что князь Бисмаркъ уже приступилъ къ осуществленію другаго предположенія, намѣченнаго лишь въ общихъ чертахъ въ его отношеніи отъ 15 декабря, а именно къ устраненію тѣхъ препятствій которыя могла бы встрѣтить его таможенная реформа со стороны желѣзныхъ дорогъ которыя своими тарифами имѣютъ огромное вліяніе на стоимость провозныхъ товаровъ. Руководясь исключительно своими интересами, желѣзныя дороги изобрѣли разнообразную систему тарифовъ съ цѣлью искусственнаго привлеченія грузовъ. Такъ - называемые дифференціальные желѣзно-дорожные тарифы часто имѣютъ своимъ результатомъ что провозъ товаровъ идущихъ изъ-за границы оплачивается сравнительно съ пройденнымъ пространствомъ дешевле туземныхъ произведеній. Князь Бисмаркъ высказалъ намѣреніе отнять у желѣзныхъ дорогъ ту безусловную автономію которою онѣ пользовались до сихъ поръ въ своихъ тарифахъ, и подчинить эти послѣдніе контролю государства. Изъ берлинскихъ газетъ мы узнаемъ что по этому предмету предполагается внести въ ближайшую сессію Рейхстага проектъ закона чтобы тарифы желѣзныхъ дорогъ устанавливались въ законодательномъ порядкѣ, по примѣру почтоваго тарифа. Съ этою цѣлью князь Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ во Фридрихсруэ генералъ-почтмейстера г. Стефана и президента имперскаго желѣзно-дорожнаго департамента, г. Керте. Это будетъ совершенно новый опытъ въ области желѣзно-дорожной регламентаціи, назидательный не для одной Германіи.

Но смѣлая иниціатива князя Бисмарка не ограничивается тѣми важными перемѣнами которыя уже теперь произведены ею въ политическихъ и экономическихъ сферахъ Германіи. Обнародованіе его программы совпадаетъ съ огромнымъ поворотомъ совершившимся въ концѣ 1878 года въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ всѣхъ почти европейскихъ государствъ, поворотомъ нанесшимъ системѣ фритредерства еще болѣе сильный, почти уничтожающій ударъ. Мы говоримъ о цѣломъ рядѣ международныхъ трактатовъ частью прекращенныхъ, частью заявленныхъ къ прекращенію къ концу истекшаго года. Съ 1860 года въ Европѣ воцарилась система торговыхъ трактатовъ, для которой послужилъ прототипомъ англо-французскій трактатъ заключенный въ томъ году по иниціативѣ знаменитаго поборника такъ-называемой свободной торговли и основателя Манчестерской школы, Кобдена. Отличительная черта этихъ трактатовъ заключалась въ томъ что договорныя государства отрекались въ нихъ отъ своей автономіи въ таможенномъ дѣлѣ и соглашались взимать провозную пошлину со взаимно - обмѣниваемыхъ произведеній на основаніяхъ льготныхъ „конвенціональныхъ“ тарифовъ, статьи коихъ уже не могли быть измѣняемы въ періодъ дѣйствія трактатовъ, заключаемыхъ большею частью на десять лѣтъ, или же безсрочно съ правомъ заявленія о прекращеніи дѣйствія трактатовъ за годъ впередъ. Въ теченіе 18 лѣтъ почти всѣ государства Европы вступили между собою въ такого рода соглашенія, такъ что международный оборотъ въ Западной Европѣ почти повсемѣстно принялъ характеръ „свободы всемірнаго обмѣна,“ который Манчестерская школа выставляла идеаломъ экономической жизни человѣчества. Лишь Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты отказывались пристать къ этой системѣ, и за это подвергались ожесточеннымъ нареканіямъ со стороны увѣренныхъ въ своей конечной побѣдѣ фритредеровъ. Но вотъ въ декабрѣ 1878 года насталъ срокъ возобновленія значительной части этихъ торговыхъ трактатовъ, и реакція оказалась полная. Принципы провозглашенные княземъ Бисмаркомъ сразу возобладали, не въ силу его авторитета, а потому что принципы эти дѣйствительно знаменуютъ радикальную перемѣну въ воззрѣніяхъ на вопросы экономической политики. Князь

Бисмаркъ способствовалъ лишь тому что эти измѣнившіяся воззрѣнія были заявлены смѣлѣе, и фритредерство перестало считаться синонимомъ всякаго прогресса.

Съ 1-го января сего года прекратились слѣдующіе торговые трактаты: между Австріей и Франціей (отъ 11 декабря 1866 года), между Германіей и Бельгіей (отъ 22 мая 1865 г.) и между Германіей и Швейцаріей (отъ 13 мая 1869 г.). Сверхъ того, торговый трактатъ между Италіей и Австріей, истекшій 1 января, продолженъ лишь *на одинъ мѣсяцъ*, а торговый трактатъ между Германіей и Австріей хотя и возобновленъ съ 1 января на одинъ годъ, но на основаніяхъ совершенно отличныхъ отъ прежняго, а именно съ устраненіемъ конвенціональнаго тарифа. Но, кромѣ этихъ перемѣнъ, уже наступившихъ, еще важнѣе заявленіе сдѣланное 16 января французскимъ министромъ торговли въ Версальской палатѣ депутатовъ о томъ что Французское правительство рѣшило вернуться на путь автономнаго тарифа и отказаться отъ всѣхъ торговыхъ трактатовъ; а такъ какъ всѣ трактаты съ иностранными государствами по коимъ установленъ конвенціональный тарифъ истекаютъ въ 1879 году, за исключеніемъ трактатовъ съ Англіей и Бельгіей кои не имѣютъ опредѣленнаго срока, то правительство рѣшилось не возобновлять ни одного изъ срочныхъ трактатовъ, а Англіи и Бельгіи сдѣланы уже заявленія что трактаты съ этими государствами должны считаться упраздненными съ 1-го января 1880 года.

Вотъ какъ окончилось знаменитое „созданіе“ Кобдена.

Одинъ изъ членовъ англійскаго правительства, г. Гиксъ Бичъ, уже высказался на дняхъ (17 января) по поводу паденія созданной стараніями Англіи системы, изъ которой она одна извлекла колоссальную выгоду. И слова англійскаго министра обличаютъ великое уныніе! Въ виду того что рынокъ Европы и Америки закрытъ для произведеній англійской промышленности, имѣется де въ виду приложить старанія чтобы расширить англійскій сбытъ... въ Африкѣ! Едва ли эта перспектива снабженія жителей Гвинеи и Зензибара и Кафровъ съ Готтентотами послужитъ утѣшеніемъ для бѣдствующихъ фабрикантовъ Бэрмингама, Манчестера и Шеффильда.

№ 11.

Москва, 13-го января.

Въ понедѣльникъ, 13-го января, начались во Французской палатѣ депутатовъ пренія по поводу программы министерства Дюфора письменно сообщенной 16-го января какъ палатѣ, такъ и сенату. Поводъ преній уже извѣстенъ изъ телеграммъ, и съ тѣхъ поръ ежедневно получаются новыя свѣдѣнія о сложившемся послѣ голосованія 20-го января положеніи дѣлъ. Но эти свѣдѣнія такъ кратки и скудны что нельзя составить себѣ точное понятіе о готовящихся во Франціи событіяхъ.

Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего что ожесточенная борьба началась такъ скоро послѣ республиканскаго торжества 5-го января, которое, по ожиданію парламентскихъ доктринеровъ, должно было упрочить республику во Франціи и водворить миръ и согласіе въ странѣ. До сего года утверждали что этому желательному обороту были единственнымъ препятствіемъ реакціонныя партіи, державшія въ своихъ рукахъ сенатъ. Но вотъ едва эта послѣдняя преграда исчезла, какъ уже сбылись предсказанія что немедленно возгорится борьба между истыми республиканцами и тѣми которые приняли республику какъ *le pis-aller*. Немедленно сдѣлана была попытка низвергнуть столь ненавистнаго радикаламъ г. Дюфора. Республиканцы не довольствуются тѣмъ что господство перешло въ ихъ руки. Какъ всякая партія во Франціи и въ другихъ странахъ лишенныхъ блага прочной и безспорной власти, они спѣшатъ до конца воспользоваться плодами своей побѣды, сознавая что при первомъ дуновеніи политической бури опрокинется возводимое ими зданіе. Кабинетъ Дюфора постарался удовлетворить этому требованію въ своей программѣ 16-го января. Ожидали что программа эта будетъ изложена въ формѣ президентскаго посланія. Но маршалъ Макъ-Магонъ не счелъ нужнымъ связать свое имя съ теперешнимъ переходнымъ и зыбкимъ положеніемъ вещей. Онъ сдѣлалъ, правда, большую уступку согласившись на увольненіе военнаго министра, генерала Бореля, навлекшаго на себя гнѣвъ теперешнихъ политическихъ вожаковъ. Кабинетъ Дюфора неминуемо былъ бы ниспровергнутъ

еслибы генералъ Борель не вышелъ изъ его состава до открытія палатъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить что Макъ-Магонъ и тутъ показалъ нѣкоторое противодѣйствіе и не пожелалъ окончательно выпустить изъ рукъ военное управленіе; онъ избралъ въ преемники г. Борелю генерала Греле, умѣреннаго республиканца, перешедшаго въ этотъ лагерь изъ партіи орлеанистовъ вмѣстѣ съ Тьеромъ, а не генерала Фарра, котораго избралъ г. Гамбетта. Далѣе этого маршалъ-президентъ не пошелъ и счелъ за лучшее не связывать себѣ рукъ, а предоставить министерству выпутываться какъ само знаетъ. Вотъ почему программа министерства была изложена не въ формѣ президентскаго посланія, обычнаго при открытіи парламентской сессіи, а какъ письменное сообщеніе подписанное лишь членами кабинета. Какъ всегда бываетъ въ эпохи крайняго политическаго ожесточенія и борьбы непримиримыхъ партій, оно не удовлетворило никого, ибо въ немъ выразилась попытка удовлетворить по возможности всѣхъ. Имъ осталась довольна лишь та фракція „умѣренныхъ республиканцевъ" (лѣваго центра) которая сама по себѣ есть политическій абсурдъ, состоя изъ людей сознающихъ непригодность республики для Франціи, но признающихъ эту форму единственно возможною „въ настоящее время." Кабинетъ Дюфора самъ состоитъ изъ людей этой фракціи. И вотъ они постарались составить такую программу которая удовлетворяла бы требованіямъ на коихъ настаиваютъ радикальныя республиканскія фракціи, то-есть огромное большинство. Требованія эти сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ пунктамъ: полная амнистія всѣхъ осужденныхъ за участіе въ возстаніи коммунистовъ 1871 года; радикальныя перемѣны въ личномъ составѣ администраціи, которую республиканцы желали бы сверху донизу отдать въ руки людей своего лагеря; изгнаніе монархистовъ (преимущественно бонапартистовъ) изъ состава французской магистратуры, что невозможно безъ отмѣны закона о несмѣняемости судей (и республиканцы требуютъ такой отмѣны); наконецъ борьба съ католическимъ духовенствомъ и отмѣна тѣхъ льготъ коими духовенство успѣло заручиться при министерствѣ Броль-Фурту. Сверхъ того, радикальныя фракціи, повидимому, твердо рѣшились добиться преданія суду министерства 16-то мая, хотя до сихъ поръ предложеніе объ этомъ еще не внесено въ палату.

Министерская программа касается въ общихъ выраженіяхъ большей части указанныхъ пунктовъ, но не даетъ опредѣленныхъ и точныхъ обѣщаній ни по одному: что же касается амнистіи, то эта мѣра отвергнута, и въ программѣ лишь указано что и до сихъ поръ правительство широко примѣняло способъ помилованія, такъ что болѣе двухъ тысячъ осужденныхъ получили прощеніе. Этому порядку предполагается слѣдовать и впредь; но помиловать *всѣхъ* общимъ актомъ амнистіи теперешнее правительство не согласно.

Огромное большинство органовъ республиканской печати отнеслось крайне неблагопріятно къ этой „умѣренной" программѣ и предсказывало немедленное паденіе кабинета Дюфора. Въ этомъ же смыслѣ высказались на частныхъ сходкахъ различныя фракціи лѣвой. Тѣмъ не менѣе, въ палатѣ оказалось значительное большинство въ пользу кабинета. По поводу программы министерства, въ палатѣ депутатовъ предложены были двѣ резолюціи: одна г. Ферри (изъ лѣваго центра), состоящая въ изъявленіи довѣрія правительству, а другая г. Флоке (радикала), предлагавшая простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Въ случаѣ принятія предложенія Флоке министерство должно было бы пасть. Но предложеніе это было отвергнуто большинствомъ всего 54 голосовъ. За то послѣ предложеніе Ферри было уже принято большинствомъ 102 голосовъ. Разница объясняется тѣмъ что въ первомъ случаѣ г. Гамбетта и часть его приверженцевъ подали голосъ въ пользу предложенія г. Флоке, а затѣмъ воздержались отъ голосованія о резолюціи Ферри.

Еще наканунѣ, однако, этотъ результатъ считался крайне сомнительнымъ. Большинство газетъ, даже довольно умѣренныхъ какъ *Temps* и *Journal des Débats*, выражали крайнее недовольство министерскимъ заявленіемъ; самыя же крайнія, какъ *Rappel*, *Voltaire*, *Révolution Française*, *Marseillaise* и имъ подобныя называли это заявленіе „безсмысленнымъ," „плодомъ безумія," и другими не менѣе лестными эпитетами. Была всеобщая увѣренность въ паденіи кабинета. Многія газеты даже открывали свои статьи словами: „*Le ministère a vécu. Fuit Dufaure.*"

Это ожиданіе раздѣлялъ и органъ г. Гамбетты *République Française*, стоявшій во главѣ недовольныхъ. „Если, какъ все повидимому предвѣщаетъ,“ писалось въ этой газетѣ за два дня до голосованія, „правительство должно будетъ перейти въ другія руки, то слѣдуетъ сформировать и рѣшительно поддержать министерство союза лѣвыхъ. Такое министерство, соединяющее въ своей программѣ стремленія общія всѣмъ отдѣламъ республиканской партіи, одно только имѣло бы достаточный авторитетъ чтобы подбодрять робкихъ и сдерживать нетерпѣливыхъ. Оно дало бы полное удовлетвореніе странѣ и было бы дѣйствительно сильно. Въ эту сторону, безъ сомнѣнія, обращены теперь заботы нашихъ политическихъ людей. Ни правительство, ни палата не могутъ ошибаться въ свойствѣ своихъ взаимныхъ отношеній.“ Таковъ былъ смертный приговоръ кабинету изреченный г. Гамбеттой, который, по общему мнѣнію, послѣ выборовъ 5-го января, болѣе чѣмъ когда-либо сталъ *maître de la situation*. Поэтому, газеты уже были переполнены толками о новыхъ министерскихъ комбинаціяхъ въ случаѣ паденія Дюфора. Толковали о министерствѣ Дюклера или Альберта Греви, брата президента палаты, или Марсера, или Жюля Симона.

Несмотря на неожиданную побѣду, положеніе кабинета „консервативныхъ республиканцевъ“ едва ли можетъ считаться упроченнымъ. Дѣло въ томъ что г. Гамбетта подалъ голосъ за простой переходъ, предложенный г. Флоке; это дурное предзнаменованіе для кабинета ибо вліяніе экс-диктатора остается попрежнему преобладающимъ. Большинство оказавшееся въ пользу правительства можно объяснить просто неготовностью радикаловъ составить новый кабинетъ. Г. Гамбетта очень хорошо сознаетъ что ставъ министромъ онъ ступилъ бы на тернистый путь и могъ бы только испортить свои шансы на будущее президентство. Весьма вѣроятно что значительное большинство въ пользу кабинета Дюфора образовалось потому что республиканцы лагеря г. Гамбетты, по его же приказанію, подавали голоса за правительство, между тѣмъ какъ онъ самъ вотировалъ противъ, „ради соблюденія принципа.“

Что дѣло не совсѣмъ ладно, на это указываетъ вчерашнее извѣстіе изъ Парижа о томъ что маршалъ Макъ-Магонъ счелъ нужнымъ предварить президента палаты депутатовъ, г. Жюля Греви, что онъ оставитъ свой постъ если бывшіе министры кабинета Броль-Фурту будутъ привлечены къ суду. Изъ этого видно что радикалы не отказались даже отъ этого намѣренія, чреватаго большими опасностями; они полагаютъ что сила все-таки на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ умѣренныхъ, какъ можно было бы думать судя по результатамъ голосованія 20-го января.

№ 13.

Москва, 15-го января.

Едва ли въ чемъ другомъ слову и мысли приводилось до такой степени разойтись съ дѣйствительностью какъ въ толкахъ объ экономическомъ положеніи Россіи и объ ея финансахъ. Благодаря и чужимъ, и своимъ усиліямъ, наше экономическое положеніе и наши финансы давно уже сдѣлались какою-то притчей во языцѣхъ. Весь міръ пріобыкъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же сожалѣніемъ и съ тою же заботливостью съ какими относится, напримѣръ, къ экономическому положенію и финансамъ Турціи или Египта. И въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, многое множество русскихъ по происхожденію людей привыкли смотрѣть на свою страну чужими глазами и, въ простотѣ сердца, вѣрить въ искренность и этихъ сожалѣній, и этой заботливости, питая дѣтскую вѣру что только слѣдуя совѣтамъ иностранцевъ и при ихъ помощи можетъ и Россія, подобно Турціи и Египту, выбраться, тѣми же какъ и они способами, на торную тропу ведущую къ лучшей будущности. Но никогда благожелательные совѣты не сыпались на Россію въ такомъ изобиліи и не навязывались ей съ такою назойливостью какъ со времени возникшей на Востокѣ смуты которая привела къ недавней войнѣ. Чѣмъ настоятельнѣе событія вызывали Россію къ дѣйствію, тѣмъ усиленнѣе доказывалась необходимость для нея, въ виду грозящихъ ей финансовыхъ бѣдствій, отказаться отъ всякаго участія въ дѣлахъ Востока. Извѣстныя статьи о русскихъ финансахъ г. Анатоля Леруа-Больэ въ *Revue des deux Mondes* появились какъ разъ во время засѣданій Константинопольской конференціи и

можетъ-быть не совсѣмъ остались безъ вліянія на роль которую Россія вынуждена была играть въ этой международной комедіи...

Написанныя искуснымъ перомъ, при популярномъ изложеніи изысканнымъ французскимъ языкомъ, при почти художественномъ распредѣленіи свѣта и тѣни, статьи г. Леруа-Больё, отъ начала до конца проникнутыя благоволительностью къ Россіи, отличались всѣми качествами разчитанными на то чтобы, расположивъ читателей въ свою пользу, произвести нужное впечатлѣніе въ тѣхъ сферахъ для которыхъ предназначались. Каждая страница ихъ дышетъ нѣжнѣйшею заботой о нашемъ благополучіи. Какъ старательно отмѣчались многоразличные успѣхи достигнутые нами въ разныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, съ какимъ восторгомъ—въ самый разгаръ кризиса постигшаго тогда весь экономическій быть Россіи—привѣтствовалось установленіе равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ и подъемъ курса русскихъ фондовъ почти до одинаковой высоты съ французскими, съ какою похвалой отзывался французскій благопріятель нашъ о мудрой политикѣ нашего правительства давшей такіе результаты, и какъ боялся чтобъ эти результаты (конечно, съ экономическимъ кризисомъ включительно) не были потеряны вслѣдствіе одного опрометчиваго шага! Для показанія своего безпристрастія, авторъ, на ряду съ достигнутыми результатами, указывалъ и на слабыя стороны нашей финансовой и денежной системы, успокоительно замѣчая, впрочемъ, что эти слабыя стороны не представляютъ собою ничего тревожнаго и не ослабляютъ увѣренности въ блестящей будущности несомнѣнно предстоящей Россіи если только она будетъ слушаться совѣтовъ благоразумія. Эти совѣты благоразумія, по правилу gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cabendo, разсыпаны щедрою рукой чуть не на каждой страницѣ. Было бы слишкомъ долго и утомительно исчислять всѣ эти совѣты, касающіеся чуть не всѣхъ отраслей администраціи, скучно распространяться о томъ какъ на ряду съ соболѣзнованіемъ о податныхъ и иныхъ тягостяхъ которыя несетъ на себѣle moujik, рекомендуется не отмѣнять вредныхъ, по собственному мнѣнію автора прямыхъ налоговъ; какъ на ряду съ указаніями на ненормальность финансовой системы основанной на спаиваніи народа наше Министерство Финансовъ приглашается, однако, быть на сторожѣ противъ противниковъ кабацкаго пьянства; какъ, при всѣхъ указаніяхъ на несовершенство нашей системы податей и налоговъ, рекомендуется отложить преобразованіе нашихъ финансовъ до времени когда въ нашей странѣ разовьется богатство... Не въ этихъ, и не въ подобныхъ имъ совѣтахъ заключается суть. Главный совѣтъ состоялъ въ томъ чтобы Русское правительство усвоило себѣ убѣжденіе что „все прекрасное, съ таким трудомъ построенное, зданіе русскихъ финансовъ зиждется на хрупкомъ основаніи и зыбкой почвѣ;“ что русскій государственный бюджетъ есть какъ бы ледяной домъ, гладкія стѣны коего остаются цѣлыми и прочными пока длится холодъ, но съ наступленіемъ весны и оттепели рушатся и таютъ на солнцѣ;“ что русскіе финансы крайне нуждаются „въ мирѣ,“ ибо по части финансовъ Россія есть какъ бы „больной или раненый въ періодѣ выздоровленія, который, подвергая себя новымъ опасностямъ когда его рана еще не закрылась, рискуетъ разведить ее и сдѣлать неисцѣлимою ..“ Воздержитесь отъ заступничества за Балканскихъ христіанъ, воздержитесь отъ всякой внѣшней дѣятельности до будущаго столѣтія, до 1910 года (до того же срока слѣдуетъ отложить и финансовыя реформы),—вотъ смыслъ всѣхъ поученій заботливаго о Русскихъ Француза. Неужели равновѣсіе бюджета, „одинъ изъ великихъ результатовъ царствованія Александра II, должно быть компрометтировано политикой, и русскій бюджетъ долженъ быть снова задавленъ дефицитомъ?“ восклицалъ съ паѳосомъ г. Леруа-Больё, и затѣмъ на каждомъ шагу, какъ неизбѣжный припѣвъ, проводилъ рѣзкій контрастъ между благоденствіемъ ожидающимъ Россію если она будетъ сидѣть смирно, и бездною золъ до банкротства включительно, куда она низвергнется если отважится дѣйствовать. При нѣсколько продолжительной кампаніи, предсказывалъ онъ между прочимъ, Россія быстро очутится въ критическомъ положеніи: „ея доходы уменьшатся при одновременномъ увеличеніи расходовъ и, въ добавокъ, иностранные капиталы не захотятъ болѣе отвѣчать на призывъ С.-Петербургскаго кабинета, а капиталы внутренніе не будутъ въ состояніи отвѣчать на него...“

Какъ отозвались въ петербургской пе-

чати эти поученія? Для образца и ради куріоза, приведемъ отзывы двухъ петербургскихъ газетъ, *Голоса* и *Биржевыхъ Вѣдомостей*. „Многіе и многіе наши соотечественники, даже спеціально занимающіеся финансами,“ восклицалъ стоящій на стражѣ здравыхъ экономическихъ понятій публицистъ *Голоса*, „могутъ многому поучиться въ сочиненіи французскаго автора, если только захотятъ больше учиться чѣмъ писать. Мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ такого вѣрнаго, доступнаго для публики и безпристрастнаго очерка нынѣшняго нашего финансоваго положенія.“ *Биржевыя Вѣдомости* отнеслись къ статьямъ французскаго экономиста нѣсколько иначе. Признавая эти статьи „самымъ капитальнымъ за послѣднее время трудомъ о нашихъ финансахъ,“ финансисты этой газеты осыпали однако автора рѣзкими упреками за черезчуръ будто бы розовый цвѣтъ которымъ онъ рисовалъ наше финансовое положеніе. „Ахъ, г. Леруа-Больё,“ восклицали эти мрачные финансисты, „еслибы вашими устами да медъ пить!“

Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ толкамъ о русскихъ финансахъ, какъ было не подумать что несчастная Россія еще болѣе чѣмъ Турція нуждается въ заботливой помощи и дѣятельной опекѣ столь расположенныхъ къ намъ сострадательныхъ иностранцевъ? И удивляться ли что европейская дипломатія не считала нужнымъ церемониться съ Россіей болѣе чѣмъ это признается приличнымъ по отношенію къ хедиву Египетскому?

Отъ толковъ и сужденій относящихся къ эпохѣ Константинопольской конференціи и Лондонскаго протокола, обратимся къ толкамъ и сужденіямъ болѣе близкой эпохи—къ періоду времени между подписаніемъ Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата,—къ той эпохѣ когда для устрашенія Россіи (не прибѣгавшей къ общей мобилизаціи, но тѣмъ не менѣе уже доведшей къ концу 1877 года, какъ свидѣтельствуетъ *Русскій Инвалидъ*, численность войскъ предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій противъ разгромленной Турціи до цифры 942.949 человѣкъ) выписывалась изъ Индіи грозная сила *семь тысячъ* сипаевъ.

Какъ разъ ко времени, въ мартовской книжкѣ журнала Лондонскаго статистическаго общества, появилась статья г. Роберта Гиффена объ общественномъ достояніи Великобританіи,—какъ матеріалъ для сравненія съ вышеобъясненнымъ состояніемъ русскихъ финансовъ. Ослѣпительнымъ блескомъ озаряла эта статья финансовое могущество Англіи. Стоимость доходнаго имущества Соединеннаго Королевства исчислялась въ 8 548.120.000 фунт. стерл., или приблизительно въ 85 милліардовъ нашихъ кредитныхъ рублей. Ежегодный доходъ съ этого капитала, не считая доходовъ отъ личнаго труда и промышленныхъ занятій, процентовъ государственнаго долга, жалованья, пенсій и прочаго, исчислялся въ 484.586.000 фунт. ст. чуть не въ пять милліардовъ нашихъ рублей. Ежегодное возрастаніе народнаго капитала опредѣлялось въ 240.000.000 ф. ст. или $2^1/_2$ милліарда рублей, и т. д. Къ голосу г. Роберта Гиффена скоро присоединились и другіе голоса общимъ хоромъ воспѣвавшіе неодолимую финансовую мощь гордыхъ и непреклонныхъ островитянъ. Между прочимъ, г. Леруа-Больё увѣрялъ что Англія шутя можетъ увеличить свои государственные доходы на милліардъ франковъ.

Какъ было не смутиться предъ такими краснорѣчивыми цифрами? Удивляться ли что голосъ Англіи покрылъ голоса ея противниковъ и что она, не прибѣгая къ оружію, вынесла изъ столкновенія лучшую добычу чѣмъ всѣ другія державы,—когда въ самомъ Петербургѣ, въ *русской* печати, напримѣръ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, торжественно заявляется что „Англія имѣетъ такіе безконечные вспомогательные источники что она можетъ вести величайшую и продолжительную войну не опасаясь истощить свои средства,“ и что „напрасно было бы вступать въ вооруженную съ нею борьбу, такъ какъ она обладаетъ несравненно бо́льшимъ запасомъ силъ чѣмъ какимъ могутъ располагать ея противники, и въ концѣ концовъ непремѣнно осталась бы побѣдительницей?“

Перейдемъ отъ словъ и сужденій къ фактамъ. Чѣмъ сильнѣе была увѣренность въ финансовомъ безсиліи Россіи, чѣмъ тяжеле былъ господствовавшій въ ней экономическій кризисъ, чѣмъ неизбѣжнѣе казались грозившія ей, въ случаѣ войны, полное разореніе и банкротство, тѣмъ выше, конечно, нравственное значеніе подъятаго ею подвига. Но какія были экономическія послѣдствія этой самоотверженной жертвы?

Вопреки всѣмъ предугадываніямъ, раз-

четамъ и соображеніямъ, безкорыстно предпринятая Россіей война за святое дѣло, вмѣсто разоренія, избавила ее отъ экономическаго кризиса который въ другихъ странахъ теперь напротивъ усиливается. Мертвенный застой смѣнился плодотворнымъ движеніемъ воскресшей жизни и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности, и въ торговлѣ; благодаря ихъ оживленію, государственная приходо-расходная смѣта сводится безъ дефицита и оказываются средства для покрытія новыхъ расходовъ на платежъ процентовъ по займамъ и на курсовыя потери по заграничнымъ платежамъ безъ чрезмѣрнаго обремененія народныхъ платежныхъ силъ. Въ жалкомъ положеніи очутились только наши лжепророки.

А одновременно съ такимъ нежданно благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ въ Россіи едва вышедшей изъ тяжкой, дорогой и кровавой войны, какую картину представляетъ экономическое положеніе Англіи, не потратившей ни денегъ, ни крови и избивавшей Балканскихъ христіанъ руками Турокъ? Давно ли, кажется, исходили отъ нея самохвальныя заявленія о неисчерпаемыхъ богатствахъ на коихъ зиждутся ея благоденствіе и могущество, — заявленія столь живо напоминающія языкъ апокалипсической, упоенной кровію, великой блудницы сидящей на водахъ многихъ? Какимъ поваппенымъ гробомъ, при всемъ ея громадномъ денежномъ богатствѣ, нежданно-негаданно явилось міру ея пресловутое экономическое благоденствіе! Вся страна поражена небывалымъ на нашей памяти общимъ торгово-промышленнымъ кризисомъ, принявшимъ размѣры народнаго бѣдствія. Торговый застой вслѣдствіе сокращенія сбыта англійскихъ продуктовъ; фабрики безъ дѣлъ, рабочіе безъ работы; быстро распространяющаяся нищета, постигающая не только рабочіе, но и достаточные классы, и противъ которой оказываются равно безсильны какъ добровольная, такъ и обязательная по англійскимъ законамъ благотворительность; усиливающаяся смертность отъ недостатка пищи; безчисленныя крупныя банкротства: вотъ въ общихъ чертахъ нынѣшнее экономическое положеніе Англіи, какъ оно рисуется изъ заявленій самихъ Англичанъ въ ихъ печати и на митингахъ. Народное бѣдствіе нѣсколько облегчается лишь дешевою на звонкую монету цѣной привозимаго изъ Россіи хлѣба; но и эта выгода имѣетъ обратную сторону: спасительная для массы населенія дешевизна хлѣба ставитъ почти въ безысходно-критическое положеніе все англійское земледѣліе и всѣ связанные съ нимъ интересы. Въ виду такого положенія страны, Англійское правительство, могущее будто бы шутя увеличивать государственные доходы на милліарды франковъ, не отваживается даже принять на счетъ своего бюджета относительно небольшихъ расходовъ Афганской войны, относя ихъ на злополучную Индію. А на свѣтлое будущее мало надежды. Экономическая система, созданная стараніями Англіи и изъ которой она одна извлекла колоссальныя выгоды, въ ущербъ всѣмъ странамъ коимъ эта система была навязана какъ послѣднее слово экономической науки и государственной мудрости,—эта система доживаетъ свои послѣдніе дни, и заключенные во имя ея трактаты отмѣняются одинъ за другимъ. Близится время когда этимъ всесвѣтнымъ купцамъ и фабрикантамъ придется поднять болѣе горькій чѣмъ нынѣ плачъ о томъ что товаровъ ихъ никто не покупаетъ...

Рѣзкій контрастъ между оборотомъ какой приняли дѣла въ Англіи и тѣмъ что замѣчается нынѣ въ Россіи невольно заставляетъ задать себѣ вопросъ: имѣютъ ли вексельные курсы и неразмѣнныя государственныя бумажныя деньги то значеніе которое такъ настойчиво, не слушая никакихъ доводовъ, приписываютъ имъ такъ-называемые экономисты?

До войны, въ Россіи и кредитныхъ билетовъ было меньше, и курсы стояли много выше чѣмъ теперь, а между тѣмъ страну угнеталъ тяжкій надолго затянувшійся экономическій кризисъ, такой кризисъ что государственный контроль почти отчаивался въ поправленіи дѣлъ и не разчитывалъ болѣе на естественный ростъ доходовъ. Теперь у насъ и кредитныхъ билетовъ въ обращеніи стало слишкомъ въ полтора раза болѣе, и курсъ понизился, а вмѣсто всякихъ вредныхъ послѣдствій замѣчается экономическое преуспѣваніе, и бывшій государственный контролеръ, нынѣ министръ финансовъ, уже съ довѣріемъ смотритъ на будущее, основывая бюджетное равновѣсіе именно на естественномъ ростѣ государственныхъ доходовъ вслѣдствіе подъема народнаго благосостоянія. Съ другой стороны, въ Англіи о неразмѣнныхъ бумаж-

ныхъ деньгахъ нѣтъ и помина; о вексельныхъ курсахъ нечего и говорить: такими прочными высокими курсами едва ли какая другая страна можетъ похвалиться. Но спасло ли все это Англію отъ торгово-промышленнаго кризиса? Такъ-называемая правильная, то-есть основанная единственно на звонкой монетѣ система денежнаго обращенія, какъ видно, не есть панацея отъ разстройства экономическихъ силъ страны...

№ 14.

Москва, 16-го января.

Въ № 10 нашей газеты была воспроизведена интересная статья, появившаяся въ органѣ Военнаго Министерства, *Русскомъ Инвалидѣ, о развитіи нашихъ силъ въ послѣднюю Турецкую войну 1876—1878 годовъ.* „Начиная со второй половины 1876 года, говоритъ *Русскій Инвалидъ,* и до средины 1878 года получилась возможность развить численность нашихъ вооруженныхъ силъ до такихъ размѣровъ какихъ онѣ не достигали въ моменты наибольшаго напряженія государственныхъ силъ.“ Предъ объявленіемъ о мобилизаціи, къ ноябрю 1876 года у насъ числилось войскъ всѣхъ родовъ оружія, по составу мирнаго времени, до 855.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 57.000 казачьихъ войскъ. Къ іюлю же 1878 года, предъ заключеніемъ Берлинскаго трактата, силы эти были развернуты настолько что въ общей сложности, въ дѣйствующихъ войскахъ и внутри Имперіи, числилось 1.788.677 человѣкъ. Такимъ образомъ, численный составъ нашихъ вооруженныхъ силъ, по замѣчанію *Русскаго Инвалида,* превысилъ почти въ $2^1/_4$ раза обыкновенную численность мирнаго времени. Въ виду этихъ цифръ, конечно, никто не посмѣетъ болѣе утверждать чтобы Россія могла казаться безоружною предъ какимъ бы то ни было врагомъ. Поучительно сравнить эти цифры съ военнымъ положеніемъ Россіи въ эпоху Крымской войны, когда намъ пришлось вести борьбу съ могущественною коалиціей при самыхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Въ то время, предъ началомъ войны, въ нашей арміи, по штатамъ мирнаго времени, числилось не болѣе 448.000 человѣкъ не считая, впрочемъ, иррегулярныхъ войскъ.*) Предъ заключеніемъ же Парижскаго мира, къ 1 января 1856 года, послѣ крайне напряженныхъ усилій, численность всѣхъ дѣйствующихъ, резервныхъ и запасныхъ войскъ достигла 1.575.374 человѣкъ, слѣдовательно на 200.000 слишкомъ менѣе чѣмъ наши силы въ 1878 году, и немного превосходила ихъ только съ причисленіемъ до 240.000 созваннаго ополченія.**) Но одно сравненіе приведенныхъ цифръ не даетъ еще полнаго понятія о разницѣ въ боевой готовности какую представила Россія по истеченіи 22 лѣтъ. Мы не говоримъ уже о совершенномъ различіи условій сложившихся за это время, объ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая облегчаетъ движеніе и содержаніе войскъ, о полномъ преобразованіи внутренняго быта нашего отечества; мы ограничиваемся лишь указаніями на численный составъ нашей арміи. Въ 1856 году, хотя, по словамъ историка,***) „мы могли встрѣтить непріятеля на всякомъ изъ пунктовъ нашихъ границъ значительными силами,“ и никто не скажетъ чтобы Россія находилась въ истощеніи, хотя безспорно что силы ея были уже крайне напряжены, и что уже было созвано и организовано ополченіе, а потому не легко было бы далѣе усиливать армію еслибы въ томъ встрѣтилась надобность. Лѣтомъ же 1878 года у насъ оставались еще не тронутыми огромные ресурсы военныхъ людей. Мобилизована была далеко не вся армія. Немобилизованными оставались еще 12 пѣхотныхъ дивизій, три стрѣлковыя бригады, одна саперная бригада и шесть кавалерійскихъ дивизій, съ соотвѣтствующими этимъ войскамъ пѣшею и конною артиллеріей, парками и лазаретами, что, по разчету военной газеты, съ приведеніемъ этихъ частей въ штатные составы военнаго времени, дало бы силу слишкомъ въ 200.000 человѣкъ. Затѣмъ, статья указываетъ что на формированіе новыхъ резервныхъ частей, по образцу уже сформированныхъ, имѣлись „достаточныя средства въ кадрахъ крѣпостныхъ и мѣстныхъ войскъ и въ томъ громадномъ запасѣ ратниковъ 1-го разряда изъ котораго въ 1877 году

*) Богдановичъ, *Исторія Восточной войны* 1853—56 г. т. I. Приложеніе къ IV главѣ объ организаціи русской арміи.

**) Тамъ же, т. IV. Глава XLII, стр. 407.

***) Тамъ же стр. 408.

была взята только $^1/_8$ часть, съ избыткомъ пополненная при очередномъ призывѣ 1877 года;" далѣе, казачьи войска не выставили еще всего числа по штатамъ военнаго времени „изъ однихъ только служилыхъ людей полеваго разряда." И, наконецъ, послѣднее средство, къ которому мы прибѣгали во всѣ прежнія большія войны—созывъ государственнаго ополченія—оставалось совершенно нетронутымъ. Мы едва ли ошибемся въ предположеніи что всѣ эти нетронутые рессурсы оставляли намъ запасъ еще до милліона воиновъ.

Все это весьма утѣшительно; все это подтверждаетъ твердую вѣру всякаго Русскаго въ непоколебимое могущество Россіи. Недостаточность средствъ можетъ сдѣлать безплодными усилія самаго высокаго духа, подвиги самой доблестной отваги, самыя искусныя примѣненія знанія. Но Россія имѣла возможность выставить силу вполнѣ соотвѣтственную ея значенію въ критическій моментъ полной реорганизаціи ея арміи, и сдѣлать это безъ особеннаго напряженія.

Чѣмъ же могло быть вызвано то прискорбное впечатлѣніе нашей слабости, нашей военной неготовности, которое было произведено за границей во время хода кампаніи, и которое отразилось и внутри на насъ самихъ? Объясненіе извѣстно, и оно какъ нельзя болѣе подтверждается самими цифрами упомянутой статьи, указывающими на численность нашей арміи въ различные моменты истекшихъ трехъ лѣтъ. Наши временныя неудачи, какъ въ Европейской такъ и въ Азіатской Турціи, имѣли причиной недостаточность силъ съ какими начата кампанія. Эффектъ былъ тѣмъ поразительнѣе что такъ недавно предъ тѣмъ Франко-Германская война блистательнѣйшимъ образомъ доказала какъ выгодно во всѣхъ отношеніяхъ мобилизовать сколь можно большее число войскъ при самомъ началѣ войны. Послѣдовавъ этому примѣру мы избѣгли бы неудачъ и задержекъ, война была бы быстрѣе и рѣшительнѣе, она потребовала бы менѣе пролитія крови, менѣе страданій и менѣе издержекъ. Но въ томъ-то и дѣло что въ развитіи нашихъ вооруженій соблюдалась, предъ началомъ и во время войны, слишкомъ большая постепенность. Первоначально для дѣйствій въ Европейской Турціи было назначено всего четыре корпуса, въ составѣ 188.463 человѣкъ, а въ Азіатской—58.726 чел. Въ видѣ резерва, въ Кіевскомъ округѣ находилось 74.170 чел., и затѣмъ, кромѣ войскъ назначенныхъ для охраны побережья Чернаго Моря и войскъ Кавказскаго округа, остальная часть нашей арміи оставалась немобилизованною, даже послѣ начала кампаніи, несмотря на то что, какъ читаемъ въ статьѣ *Инвалида*, „шаткость политическихъ отно„шеній, обнаружившаяся въ 1876 году, „*обязывала*, одновременно съ приготовле„ніемъ къ войнѣ съ Турціей, не упускать „изъ виду возможности возникновенія та„кихъ политическихъ компликацій при ко„торыхъ потребовалась бы мобилизація „остальной части нашей арміи, для охра„ненія западной границы на всемъ ея про„тяженіи, отъ береговъ Финскаго залива „до предѣловъ Румыніи."

Недостаточность силъ обнаружилась въ самомъ началѣ, когда потребовалось усилить дѣйствующую армію резервомъ изъ Кіевскаго округа составившимъ два новые корпуса 13-й и 14-й. На ходъ кампаніи они, какъ извѣстно, мало имѣли вліянія, имѣя отдѣльное назначеніе въ Добруджѣ. дѣйствующая же армія оставалась вовсе безъ резерва. Оттого, когда случившіяся потомъ въ іюлѣ серіозныя задержки доказали невозможность успѣшно дѣйствовать со столь малыми силами на такихъ обширныхъ театрахъ войны какъ Европейская и Азіатская Турція, пришлось двигать резервы изъ глуби Имперіи, изъ Москвы и Петербурга, а именно гвардію, двѣ гренадерскія и двѣ пѣхотныя дивизіи. Эти мѣры были приняты во вторую половину іюля, и прибывшія подкрѣпленія почти утроили нашу армію на одномъ театрѣ войны и почти удвоили на другомъ. Тогда только нашимъ войскамъ дана была возможности дѣйствовать вполнѣ неотразимо. Къ концу 1877 года, нашихъ войскъ находилось въ непріятельскихъ предѣлахъ уже 667.110 человѣкъ (554.462 въ Европейской Турціи и 112.648 въ Азіатской); всего же, вмѣстѣ съ войсками Кавказскаго округа и оберегавшими прибрежья Чернаго Моря, мы располагали для дѣйствій противъ одной Турціи силой въ 942.949 человѣкъ.

Изъ статьи военной газеты не видно чтобъ эта постепенность мобилизаціи зависѣла отъ особенной трудности или даже невозможности произвести ее полнѣе въ одно время. Напротивъ мы читаемъ: „По-

веленіе о мобилизаціи (для сформированія четырехъ корпусовъ Дѣйствующей Арміи и особаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ) послѣдовало въ самое неблагопріятное время года; несмотря на то, а также на сравнительно слабыя силы нашихъ желѣзнодорожныхъ линій, мобилизація и сосредоточеніе нашихъ войскъ на югѣ совершились вполнѣ соотвѣтственно составленному для нихъ заранѣе плану, и въ этомъ отношеніи мы достигли результатовъ немыслимыхъ для Россіи 20 лѣтъ тому назадъ. Призывъ людей на сборныхъ пунктахъ былъ оконченъ на четвертый день мобилизаціи; поставка лошадей на сдаточныхъ пунктахъ была окончена на одиннадцатый день мобилизаціи. Укомплектованіе всѣхъ войскъ людьми и лошадьми до штатовъ военнаго времени было окончено чрезъ три недѣли, а черезъ шесть недѣль по объявленіи мобилизаціи всѣ войска Дѣйствующей Арміи были сосредоточены въ Бессарабіи." Но если это было возможно въ ноябрѣ 1876 года, то конечно ничто не препятствовало столь же успѣшно дополнить и подкрѣпить эти войска въ апрѣлѣ 1877 года, когда война стала неизбѣжна.

Статья *Русскаго Инвалида* убѣдительно доказываетъ что мы располагаемъ огромными военными средствами и, принимая во вниманіе наши громадныя разстоянія, полною возможностію ихъ скораго сосредоточенія большими массами, хотя мы и невоспользовались этою возможностью въ началѣ минувшей кампаніи.

Вотъ выводы къ коимъ приводятъ насъ данныя сообщенныя въ военной газетѣ, и мы ими ограничиваемся. Безполезно пускаться въ пререканія о прошедшемъ; безплодно сѣтовать зачѣмъ было сдѣлано такъ, а не иначе; но нельзя не пожелать чтобы мы на будущее время сумѣли воспользоваться уроками опыта.

№ 15.

Москва, 17-го января.

Франція находится быть-можетъ наканунѣ кризиса. Маршалъ Макъ-Магонъ рѣшительно отказывается уступить по вопросу о военныхъ назначеніяхъ. Онъ уступилъ во всемъ, но на этомъ пунктѣ держится непреклонно. Старый маршалъ хорошо понимаетъ по крайней мѣрѣ то что съ отнятіемъ у него военной власти онъ теряетъ всякое значеніе и становится только мѣстоблюстителемъ президентскаго престола для воздухоплавателя Гамбетты. Макъ-Магонъ предпочитаетъ вовсе удалиться и теперь же отказаться отъ своего мишурнаго президентства. А когда это совершится, республика во Франціи перестанетъ быть консервативною шуткой, и мы посмотримъ въ какомъ тогда положеніи очутятся г. Дюфоръ и его друзья Но не будемъ предупреждать событій...

За французскими дѣлами, конечно, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ теперь въ Берлинѣ. Германія также переживаетъ критическую пору. Но она имѣетъ человѣка который держитъ въ сильной рукѣ всѣ нити волнующихъ ее вопросовъ.

Теперь засѣдаетъ въ Берлинѣ ландтагъ. Въ ландтагъ внесено предложеніе пригласить Прусское правительство подать свой голосъ въ Союзномъ Совѣтѣ противъ законопроекта имперскаго канцлера о карательной власти рейхстага надъ его членами. Это предложеніе внесенное партіей центра подверглось обсужденію въ засѣданіи 23 января. Исходъ преній уже былъ сообщенъ по телеграфу. Теперь мы имѣемъ предъ собою подробный отчетъ объ этомъ засѣданіи. Для внутренняго положенія дѣлъ въ Германіи весь этотъ эпизодъ какъ нельзя болѣе характеристиченъ. Не куріозно ли на самомъ дѣлѣ что прусскому народному представительству было предложено принести Прусскому правительству жалобу на главу этого самого правительства? И кто же взялъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ сопротивленія „реакціонной затѣѣ?" Партія для которой въ сущности совершенно безразлично все то что доктрина парламентаризма выработала мало-по-малу въ неизмѣнный кодексъ парламентскихъ привилегій,—партія которая въ сущности не имѣетъ отечества и для которой всѣ пути политической агитаціи хороши лишь бы „вели въ Римъ." Отмѣтимъ еще одну черту о которой тщательно умолчано было во время преній въ ландтагѣ. Законопроектъ выработанный княземъ Бисмаркомъ мотивированъ, какъ извѣстно, тѣмъ что въ виду принятаго закона преграждающаго всѣ пути къ зловредной соціалистической агитаціи, нельзя не обратить вниманія на то что трибуна имперскаго парламента остается единствен-

нымъ способомъ для провозглашенія разрушительныхъ теорій, а потому требуется принять мѣры чтобы соціалистскіе агитаторы не воспользовались этимъ могучимъ средствомъ всенародной пропаганды. Участвовавшіе въ преніяхъ ораторы ландтага не упомянули о томъ что имперскій парламентъ находится по отношенію къ этой опасности въ совершенно иныхъ условіяхъ нежели собранія представителей отдѣльныхъ государствъ входящихъ въ составъ Германской имперіи, ибо рейхстагъ одинъ только избирается по системѣ всеобщей подачи голосовъ; отдѣльные же парламенты избираются совершенно на иныхъ основаніяхъ, весьма далекихъ отъ демократическаго начала положеннаго въ основаніе имперской конституціи. По этой причинѣ депутаты изъ соціалъ-демократовъ имѣются лишь въ рейхстагѣ, а въ Прусскомъ ландтагѣ, напримѣръ, нѣтъ ни одного представителя этой партіи, между тѣмъ какъ остальные члены онаго всѣ почти входятъ и въ составъ рейхстага. Сверхъ того, доказано на основаніи статистическихъ данныхъ что всеобщая подача голосовъ введенная въ Германіи по иниціативѣ князя Бисмарка главнымъ образомъ содѣйствовала усиленію и размноженію приверженцевъ соціализма; что послѣдніе стали политическою партіей имѣющею свою организацію исключительно лишь благодаря этой системѣ, давшей имъ возможность вербовать своихъ адептовъ дозволенными закономъ способами избирательной агитаціи. Казалось бы что въ виду этихъ фактовъ всѣми сознаваемыхъ естественно было бы возразить князю Бисмарку указаніемъ на послѣдствія созданнаго имъ порядка? Но объ этомъ не заикнулись ни однимъ словомъ не только либералы, но и консервативы.

Всѣ эти странности во внутренней германской жизни указываютъ лишь на то что весь внутренній строй новой имперіи имѣетъ характеръ временнаго, переходнаго состоянія и связанъ съ личностью могучаго государственнаго человѣка который его создалъ. Пока живъ князь Бисмаркъ никто не рѣшается затрогивать основы этого строя, и такова сила его обаянія что машина работаетъ удовлетворительно несмотря на то что всѣ части далеко не слажены между собою. Другой вопросъ: какова будетъ ея функція когда не станетъ машиниста который одинъ умѣетъ придать единство дѣйствія ея разнокалибернымъ частямъ. Но этимъ вопросомъ никто пока въ Германіи открыто не задается.

Предложеніе г. Гермеца (изъ партіи центра) было отвергнуто большинствомъ ландтага. Точно также отвергнуто было предложеніе о простомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ исходившее отъ консервативовъ, которые, согласно съ заявленіемъ сдѣланнымъ отъ имени правительства графомъ Штольбергомъ-Вернигероде, не находили возможнымъ предварительно обсуждать и разрѣшать въ ландтагѣ дѣла подлежащія вѣдѣнію общеимперскаго законодательнаго собранія. Мотивированная резолюція которую предложили либералы, и которая была принята ландтагомъ, въ сущности высказываетъ тотъ же принципъ; но либеральная партія не пожелала упустить случай высказать свое мнѣніе по поводу законопроекта. Въ резолюціи сказано что „1) существующія гарантіи свободы рѣчи и самостоятельность законодательныхъ собраній въ установленіи своихъ регламентовъ и относительно дисциплины надъ своими членами составляетъ неотъемлемую основу какъ Прусской, такъ и имперской конституціи,“ и что „2) можно съ увѣренностью предоставить рейхстагу самому оградить свои права въ виду законопроекта внесеннаго въ рейхстагъ.“

Резолюція эта предложена и принята по единогласному соглашенію обѣихъ либеральныхъ фракцій (національ-либераловъ и прогрессистовъ). Это опять указываетъ на своеобразность германскихъ парламентскихъ отношеній и порядковъ. Указанныя двѣ фракціи много разъ расходились между собою въ послѣдніе годы, и не далѣе какъ въ сентябрѣ прошедшаго года, при обсужденіи закона о соціалистахъ, между ними произошелъ, какъ оказалось, окончательный и полный разрывъ. Теперь они снова дѣйствуютъ заодно и конечно пойдутъ рука объ руку и въ рейхстагѣ при обсужденіи законопроекта о карательныхъ мѣрахъ за злоупотребленіе свободной рѣчи, тѣмъ болѣе что личный составъ обѣихъ фракцій въ ландтагѣ цѣликомъ состоитъ въ рядахъ той же партіи рейхстага. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ заключать, по примѣру другихъ парламентскихъ собраній, что противъ князя Бисмарка сплотилась крѣпкая оппозиція, и что онъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ

стараніяхъ окончательно раздвоить либеральную партію и привлечь національ-либераловъ на свою сторону создавъ изъ нихъ и консервативовъ прочное большинство въ пользу правительства. Судьбу законопроекта о карательной власти рейхстага уже предсказываютъ: онъ будетъ отвергнутъ не только всѣми голосами либеральной партіи и партіи центра, но къ нимъ по всей вѣроятности присоединится и значительная часть консервативовъ, какъ можно судить изъ ихъ заявленій въ ландтагѣ и по отзывамъ ихъ органовъ печати. Князь Бисмаркъ не испугался однако этого громаднаго большинства и на дняхъ заставилъ офиціозно опровергнуть слухъ будто онъ намѣренъ взять назадъ законопроектъ. Было лишь заявлено отъ его имени что онъ „равнодушно приметъ рѣшеніе которое по этому предмету постановитъ рейхстагъ.“ Дѣло въ томъ что онъ во всякомъ случаѣ достигнетъ своей цѣли, — будетъ ли законъ принятъ или не принятъ. Если законъ принятъ не будетъ, то парламентъ самъ своимъ регламентомъ сдѣлаетъ то чего требуетъ проектъ закона.

Гораздо большее значеніе придаетъ князь Бисмаркъ своимъ предложеніямъ о коренномъ измѣненіи обще-германскаго тарифа подлежащимъ разсмотрѣнію ближайшей сессіи рейхстага. А по этому предмету онъ напередъ увѣренъ въ побѣдѣ, ибо на его сторонѣ будутъ и консервативы, и партія центра, и національ-либералы, послѣдніе потому что они сознаютъ свое безсиліе бороться противъ того что князь Бисмаркъ рѣшился достигнуть во что бы то ни стало.

Князь Бисмаркъ и маршалъ Макъ-Магонъ!

№ 16.

Москва, 18-го января.

Сообщаемое сегодня въ телеграммѣ нашего петербургскаго корреспондента рѣшеніе принятое Комитетомъ Министровъ, по иниціативѣ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, должно, полагаемъ, подѣйствовать успокоительно на ту часть публики которая наклонна предаваться паникѣ. Всю Астраханскую губернію предполагается уединить строгимъ карантиннымъ кордономъ, для чего положено двинуть необходимое количество войскъ, а весной сжечь Ветлянку, ставшую источникомъ заразы; также и въ другихъ селеніяхъ рѣшено сожигать всѣ зданія гдѣ были случаи заболѣванія. Кромѣ того, какъ слышно, будетъ принята въ высшей степени важная мѣра назначенія правительственнаго коммиссара съ обширными полномочіями въ мѣстности посѣщенныя эпидеміей. Въ случаяхъ гдѣ часто требуется принятіе быстрыхъ мѣръ ничто такъ не важно какъ единство распоряженій, устраняющее столкновеніе властей и излишнія проволочки.

Слухами о появленіи заразы въ немногихъ степныхъ селеніяхъ Астраханской губерніи, лишенныхъ желѣзнодорожнаго сообщенія, встревожились и за границей. Германское и Австрійское правительства сочли нужнымъ вступить между собою въ совѣщаніе о нѣкоторыхъ мѣрахъ по этому поводу, командировать къ намъ врачей для изслѣдованія болѣзни, ограничить привозъ нѣкоторыхъ товаровъ изъ Россіи.

Но о чумѣ стало слышно не въ первый разъ въ декабрѣ или ноябрѣ минувшаго года. Еще въ 1877 году сообщалось о появленіи чумы въ Рештѣ, въ Персіи. Ранѣе того были извѣстія о чумѣ въ Багдадѣ. Отчего же никто тогда не тревожился и никакихъ мѣръ въ Европѣ противъ занесенія заразы не принималось? Даже мало заботились вопросомъ о свойствѣ болѣзни и дѣйствительно ли она чума. Изъ Багдада и Решта чума легко могла предпринять кругосвѣтное путешествіе, еще легче чѣмъ изъ Астраханской Ветлянки. Дорога ей на всѣ стороны была тамъ открыта. Восточная грязь и невѣжество могли бы, кажется, послужить ей отличными пособниками. Во всякомъ случаѣ, не все ли по крайней мѣрѣ равно, въ Рештѣ или въ Ветлянкѣ появилась зараза? Почему ветлянская чума страшнѣе багдадской? Впрочемъ, нашимъ правительствомъ были своевременно приняты нѣкоторыя мѣры карантинно-полицейскаго свойства въ сношеніяхъ съ Персіей черезъ Каспійское море, и также командированы были врачи въ囘囘 Рештъ. Послѣ того о чумѣ вѣсти совсѣмъ заглохли, пока черезъ полтора года, въ концѣ прошедшей осени, зараза будто искра занесенная отъ пожара и долго тлѣвшая, вдругъ вспыхнула въ низовьяхъ Волги. Было бы важно удостовѣриться въ томъ продолжается ли и теперь эпидемія въ Рештѣ и въ другихъ

мѣстахъ Персіи, а также опубликовать свѣдѣнія какія были доставлены командированными туда нашими врачами. Какого рода болѣзнь была ими найдена въ Рештѣ, какой характеръ она имѣла и какое было ея распространеніе? Принимались ли противъ нея на мѣстѣ какія-либо мѣры, и въ чемъ онѣ состояли, и какіе были отъ того результаты? Отвѣты на эти вопросы было бы крайне желательно знать, такъ какъ они по всему вѣроятію могли бы много способствовать разъясненію вопроса о появленіи болѣзни въ предѣлахъ Россіи, а также установить мнѣніе о свойствѣ болѣзни. Всѣ въ правѣ ожидать что врачи ѣздившіе въ Рештъ не замедлятъ сообщить свои наблюденія и выводы къ которымъ они пришли.

Какъ бы то ни было, но заразительная болѣзнь появилась въ одной изъ окраинъ нашего отечества, и предстоитъ озаботиться мѣрами противъ ея распространенія. Врачи до сихъ поръ не совсѣмъ согласны между собою касательно свойства появившейся болѣзни; иные отрицаютъ даже чтобъ это была чума. По крайней мѣрѣ, случай бывшій въ селеніи Селитряномъ съ крестьяниномъ Плаксинымъ имѣлъ большое сходство съ сибирскою язвой. Большинство, однако, склоняется къ тому что болѣзнь эта есть дѣйствительно одинъ изъ видовъ чумной эпидеміи, которая, подобно другимъ болѣзнямъ, можетъ проявляться въ различныхъ формахъ, что и подаетъ поводъ къ спорамъ врачей. Повидимому вполнѣ достовѣрно что чумная зараза распространяется только прикосновеніемъ, и что воздухъ не служитъ ей проводникомъ. Вотъ почему для преграждения ей пути оказываются существенно полезными карантинныя мѣры, то-есть разобщеніе пораженныхъ мѣстностей, а также и въ зараженныхъ мѣстностяхъ отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ. Но именно по поводу этихъ карантинныхъ мѣръ, составляющихъ наше главное орудіе для борьбы со зломъ, мы позволимъ себѣ высказать замѣчаніе внушаемое фактомъ который сталъ достояніемъ науки. Слѣдуетъ озаботиться чтобы карантины сами не стали очагами заразы. Разобщеніе больныхъ не должно вести къ ихъ скученію. Мы имѣемъ очень мало строго-научныхъ данныхъ касательно прежнихъ нашествій чумы. Но есть основаніе полагать что тотъ страшный характеръ который она принимала зависѣлъ, кромѣ паники овладѣвавшей населеніемъ, и отъ того скученія на которое обрекали больныхъ, сваливая ихъ въ одно мѣсто. Теперь всѣми признано какъ вредно бываетъ скученіе больныхъ при всякой эпидеміи. Кто не знаетъ что съ госпитальнымъ тифомъ гораздо труднѣе бороться чѣмъ съ тѣмъ же эпидемическимъ тифомъ если больной лѣчится дома? Извѣстно что отъ скученія больныхъ развиваются и спеціальныя болѣзненныя формы, какъ напримѣръ госпитальный антоновъ огонь, госпитальная рожа. Тѣмъ болѣе должно быть это примѣнимо къ чумѣ. Если на Востокѣ чума, появляясь довольно часто и принимая эпидимическій характеръ, не обнаруживается съ такою истребительною силой, несмотря на отсутствіе всякихъ санитарныхъ мѣропріятій и при всѣхъ выгодныхъ для ея развитія условіяхъ, то именно потому что населенія, привыкнувъ къ ней, мало обращаютъ на нее вниманія и относятся къ ней какъ мы къ оспѣ или тифу. Быть-можетъ чума сама по себѣ не такъ злокачественна и губительна; быть-можетъ злѣйшій ядъ ея вырабатывается искусственно, вслѣдствіе мѣръ внушаемыхъ паникой въ тѣхъ странахъ гдѣ она является рѣдкою гостьей. Отдѣлять больныхъ отъ здоровыхъ необходимо, но скучивая чумныхъ не усиливаемъ ли мы ядъ заразы, не дѣлаемъ ли его интенсивнѣе, а тѣмъ самымъ не способствуемъ ли и распространенію его? Ядъ выработанный сотнею чумныхъ не будетъ ли дѣйствительнѣе и зараза сильнѣе чѣмъ въ разрозненныхъ случаяхъ той же болѣзни? А потому, въ большихъ, густо населенныхъ центрахъ, не слѣдуетъ ли, готовясь къ борьбѣ съ чумною заразой, озаботиться устройствомъ, внѣ городской черты, павильйонныхъ помѣщеній, хотя бы простыхъ избъ, но въ большомъ количествѣ и значительномъ разстояніи одна отъ другой? Чѣмъ меньше въ каждомъ изъ домиковъ будетъ помѣщаться такихъ больныхъ, по одному, по два или не болѣе какъ по три, окруженныхъ возможными удобствами, тѣмъ лучше будетъ и для больныхъ, и для здоровыхъ. Болѣзнь не приметъ интенсивнаго характера, и можетъ-быть дастъ большій процентъ выздоровленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствіи скопленій ядовитаго вещества, легче будетъ и искоренить его.

№ 17.

Москва, 19-го января.

Печатаемыя нами сегодня официальныя телеграфныя сообщенія о ходѣ чумной эпидеміи въ Астраханской губерніи нельзя не признать успокоительными какъ по содержащимся въ нихъ свѣдѣніямъ, такъ въ особенности по указаніямъ на ту энергію и единодушіе коими проникнуты всѣ правительственныя и частныя лица несущія тѣ или другія обязанности въ борьбѣ со страшнымъ врагомъ. Не странно ли что въ виду этихъ фактовъ и той безусловной и широкой гласности которой держится наше правительство относительно появившейся въ отдаленномъ углу Россіи заразы, тревога въ Европѣ не только не уменьшается, а напротивъ возрастаетъ и уже повела къ обширнымъ мѣрамъ стѣсненія торговаго оборота съ Россіей, какъ видно изъ декрета опубликованнаго вчера въ Германскомъ *Имперскомъ Указатель* коего содержаніе передано намъ вчера по телеграфу? Есть указаніе на то что помимо официальныхъ донесеній изъ Астраханской губерніи публикуемыхъ ежедневно внутри Россіи и передаваемыхъ по телеграфу заграничной печати, иностранная дипломатія получаетъ еще непосредственныя свѣдѣнія по этому предмету отъ Русскаго правительства. Это видно изъ отвѣта на запросъ о чумной эпидеміи, даннаго 25 января въ Австрійскомъ рейхстратѣ министромъ-президентомъ княземъ Ауэрспергомъ. Князь Ауэрспергъ сообщилъ очень точныя и ясныя свѣдѣнія какъ объ общемъ ходѣ эпидеміи, такъ и о мѣстности въ которой она появилась, и при этомъ заявилъ что они получены чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ официальнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе не только иностранная печать (въ большинствѣ враждебная Россіи), но и иностранныя правительства считаютъ себя въ правѣ не довѣрять Русскому правительству. Мадьярскій министръ-президентъ, г. Тиса, вообще не стѣсняющійся въ выраженіяхъ когда рѣчь идетъ о Россіи, прямо отвѣтилъ на подобный же запросъ что Австро-Венгерское правительство не будетъ довѣрять свѣдѣніямъ получаемымъ изъ Россіи, и что для этой цѣли будутъ посланы особые уполномоченные на мѣсто эпидеміи, что̀, какъ извѣстно изъ телеграммъ, уже исполнено. Такъ мы узнаемъ изъ вчерашней телеграммы изъ Берлина что изъ Германіи командированъ въ качествѣ наблюдателя на мѣстѣ берлинскій профессоръ г. Гиршъ. Этотъ самый профессоръ Августъ Гиршъ напечаталъ въ *Національной Газетѣ*, отъ 26 января, любопытную замѣтку о чумѣ, въ которой излагаетъ краткую исторію ея возникновенія и распространенія въ послѣднее время. Она появилась въ первый разъ въ 1867 году, среди одного кочующаго арабскаго племени въ Месопотаміи, а именно въ селеніи Иракъ-Араби на западномъ берегу Евфрата, къ югу отъ Гиллаха. Изъ 1.000 человѣкъ умерло 300, и врачи изъ Багдада и Константинополя, прибывшіе для наблюденія болѣзни, были разныхъ мнѣній; одни признавали ее за чуму, другіе за „злокачественную маларію." Но лѣтомъ того же года эпидемія прекратилась вполнѣ. Четыре года спустя, эпидемія совершенно схожая съ указанною, и признанная на этотъ разъ „чумой," появилась въ мѣстности весьма отдаленной отъ названной выше, а именно въ западныхъ округахъ персидской провинціи Адербейджанъ. Эпидемія прекратилась тутъ въ сентябрѣ 1871 года, и два года о ней не было слышно ничего, какъ вдругъ зимою 1873—74 года она снова появилась въ Иракъ-Араби, оттуда распространилась далѣе до Багдада и съ тѣхъ поръ возобновлялась ежегодно въ центральной части Месопотаміи, затронувъ также и нѣкоторыя мѣстности Персіи; а въ февралѣ 1877 года она показалась въ Рештѣ, главномъ городѣ персидской провинціи Гиланъ, лежащемъ въ пятнадцати верстахъ отъ южнаго побережья Каспійскаго моря. Здѣсь она свирѣпствовала, и истребила значительную часть населенія. Г. Гиршъ далѣе замѣчаетъ что „если „принять во вниманіе положеніе всѣхъ ука„занныхъ мѣстностей и припомнить что „всѣ онѣ лежатъ на великихъ путяхъ обо„рота соединяющихъ переднюю Азію съ „прибрежьемъ Средиземнаго, Чернаго и „Каспійскаго морей, нельзя было не опа„саться заноса болѣзни въ Европу и не „было недостатка въ голосахъ которые „предваряли противъ опасности." Самъ г. Гиршъ напечаталъ объ этомъ года два тому назадъ статью въ одномъ нѣмецкомъ медицинскомъ журналѣ. Г. Гиршъ убѣжденъ что зараза занесена на низовья Волги не съ театра войны изъ Арменіи, а изъ Решта.

Но самыя эти свѣдѣнія не служатъ ли указаніемъ на то что теперешняя тревога черезчуръ преувеличена? Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ появилась эпидемія. Но съ тѣхъ поръ она оставалась въ предѣлахъ сравнительно небольшаго района, пропадала на нѣсколько лѣтъ, и вовсе не приняла характера тѣхъ страшныхъ заразъ которыя въ Средніе Вѣка разомъ охватывали весь старый міръ? А какая великая разница между тогдашними и теперешними средствами сообщенія! Но сверхъ того путь въ Европу былъ и короче и удобнѣе изъ долины Евфрата нежели изъ тѣхъ немногихъ казачьихъ станицъ въ Астраханской губерніи куда зараза переброшена была чрезъ Каспійское море изъ Персіи. Отчего же, спрашиваемъ еще разъ, Европа не обратила почти никакого вниманія на появленіе чумной заразы въ Месопотаміи и Персіи, и почему она такъ встревожена теперь? Неужели багдадскія власти казались европейскимъ правительствамъ болѣе надежными въ этомъ отношеніи нежели агенты русскаго правительства въ Астраханской губерніи?

Намъ сдается что во всей этой тревогѣ есть не малая доля искусственности и намѣреннаго преувеличенія. И вотъ небольшой, но знаменательный фактъ, могущій служить тому подтвержденіемъ. Берлинская печать на первыхъ порахъ соблюдала тонъ благоразумія по вопросу объ эпидеміи и изъявляла полное довѣріе къ свѣдѣніямъ идущимъ отъ Русскаго правительства. Нѣкоторыя берлинскія газеты осыпали упреками вѣнскую печать которая обрадовалась случаю клеветать и злословить противъ Россіи и сообщала разныя небылицы о чумѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Одессѣ. Но вотъ въ Берлинѣ полученъ былъ нумеръ петербургской нѣмецкой газеты *Herold* отъ 22 января. Въ этой газетѣ напечатана была замѣтка слѣдующаго содержанія:

„Среди крестьянскаго населенія Кролевецкаго уѣзда (Черниговской губерніи), въ селеніяхъ Блистовѣ и Лукновѣ появилась, по свѣдѣніямъ *Голоса*, опасная болѣзнь, коей до 50 человѣкъ уже сдѣлались жертвами. Такъ какъ, согласно сообщенію названной газеты, у заболѣвающихъ наблюдались припухлости и быстрое теченіе болѣзни, то оказывается необходимымъ точное изслѣдованіе этой болѣзни которая, судя по сообщенію, имѣетъ *признаки чумы* (*pestartige Symptome aufweist*).“

Это извѣстіе было немедленно подхвачено берлинскою печатью, и оно послужило предметомъ для самыхъ тревожныхъ толковъ. Если чума уже перескочила изъ Астраханской въ Черниговскую губернію (такъ разсуждали берлинскія газеты), то это само по себѣ указываетъ на страшно увеличившуюся опасность ея распространенія на западъ за предѣлы Россіи. Главнымъ же образомъ усмотрѣла берлинская печать въ этомъ сообщеніи поводъ недовѣрія къ Русскому правительству и правдивости его сообщеній. Если извѣстіе *Голоса* вѣрно, то почему объ этомъ фактѣ офиціально умалчивается, а если оно ложно, то почему оно не опровергнуто? спрашивали въ Берлинѣ.

Мы были не мало озадачены этимъ извѣстіемъ, предполагая что оно ускользнуло отъ нашего вниманія. По справкамъ въ № 9 *Голоса* отъ 9 января, оказалось что тамъ это извѣстіе передано слѣдующимъ образомъ:

„Намъ пишутъ изъ Кролевецкаго уѣзда: „въ селахъ Блистовѣ и Бирковѣ *между дѣтьми* появилась болѣзнь сопровождающаяся опухолью и жаромъ. 50 человѣкъ, *до пятнадцатилѣтняго возраста*, сдѣлались жертвою этой болѣзни, для прекращенія которой въ настоящее время приняты самыя энергическія мѣры.“

Петербургская нѣмецкая газета сочла нужнымъ придать этому извѣстію болѣе яркую окраску: она, вопервыхъ, *умолчала* о томъ что рѣчь идетъ о какой-то дѣтской болѣзни и *отъ себя прибавила* будто бы въ ней оказались чумные симптомы.

Не служитъ ли этотъ фактъ указаніемъ на то что имѣется надобность преувеличивать и раздувать дѣло? Кому и для какой цѣли это нужно, объ этомъ трудно пока судить. Но по поводу обнародованнаго въ Германіи декрета, не мѣшаетъ припомнить что князь Бисмаркъ, въ своемъ посланіи Союзному Совѣту, отъ 15 декабря, о таможенныхъ реформахъ, весьма ясно намекнулъ что онъ имѣетъ въ виду принудить „нѣкоторыя иностранныя государства“ къ облегченію условій привоза къ нимъ произведеній германской промышленности путемъ бо́льшаго стѣсненія привоза продуктовъ этихъ государствъ въ Германію.

№ 18.

Москва, 20-го января.

Министерскій кризисъ во Франціи кончился паденіемъ не кабинета, а самого президента республики. Маршалъ Макъ-Магонъ третьяго дня сложилъ съ себя санъ президента и возвратилъ палатамъ довѣренныя ему полномочія. Въ тотъ же день, по офиціальномъ объявленіи его отставки, обѣ палаты соединились въ узаконенное конституціей общее собраніе и приступили къ выбору новаго президента. Выбранъ г. Греви, большинствомъ 563 голосовъ изъ 713. Быстрота съ какою все это совершилось показываетъ что дѣло было заранѣе слажено.

Это событіе выставляетъ намъ въ новомъ свѣтѣ и кризисъ прошедшей недѣли. Сомнительная побѣда одержанная въ палатѣ представителей кабинетомъ г. Дюфора должна была привести къ подобной развязкѣ; это была дѣйствительно борьба за власть. Маршалъ Макъ-Магонъ, въ письмѣ къ президентамъ палатъ, такъ пояснилъ свою отставку: „Будучи несогласенъ съ министерствомъ, не видя возможности составить новый кабинетъ, не желая принимать мѣры во вредъ странѣ и арміи, я передаю палатамъ довѣренныя мнѣ полномочія.“ Бѣдный маршалъ! Онъ не замѣчалъ какъ настойчиво и послѣдовательно отбиралась у него власть и подкапывалось его положеніе. Онъ не обладалъ правомъ какое имѣетъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, правомъ налагать *veto* на постановленія палатъ. Это не имѣло особой важности пока онъ могъ опираться на большинство собранія, поставившаго его въ 1873 году во главѣ государства. Но первые же выборы, на основаніи новой республиканской конституціи, лишили его этой поддержки. Затѣмъ у него остались только право номинальнаго назначенія министровъ и право распущенія палаты по соглашенію съ сенатомъ. При первомъ же столкновеніи съ палатой, онъ сдѣлалъ этотъ опытъ, и хотя потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ вновь взять себѣ въ министры г. Дюфора, но возможность новаго распущенія оставалась постоянною угрозой надъ головами республиканцевъ и побуждала ихъ быть умѣреннѣе и терпѣливѣе, такъ какъ сенатъ былъ на сторонѣ маршала-президента. Но они выждали свое время. Январьскіе выборы лишили его поддержки сената, и республиканцы потребовали дѣйствительнаго участія во власти. Имъ не могла быть привлекательна фикція республики существующей на бумагѣ, въ которой и порядки управленія и люди движущіе административнымъ механизмомъ оставались тѣ же что и при прежнихъ правленіяхъ. Они не остановились въ суевѣрномъ благоговѣніи предъ принципомъ несмѣняемости судей.

Съ этого, какъ извѣстно, начались нападки на кабинетъ Дюфора. Какъ ни желалъ г. Дюфоръ спасти чиновниковъ и въ особенности отстоять принципъ „несмѣняемости судей,“ но республиканцы знать не хотѣли этого принципа. Маршалъ Макъ-Магонъ согласился подписать декретъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ магистратуры, но отказался допустить перемѣны въ высшихъ должностяхъ по арміи, объявивъ что не хочетъ брать на себя отвѣтственность за мѣры могущія повести къ разстройству арміи. Не совсѣмъ понятно упорство съ какимъ маршалъ до послѣдней минуты отстаивалъ за собой исключительный контроль надъ арміей, послѣ того какъ онъ уступилъ все прочее. Можетъ-быть онъ искренно убѣжденъ что арміи грозитъ дезорганизація, которую могъ предотвратить только его безотчетный контроль, но теперь ему уже не оставалось иного выбора какъ подчиниться или удалиться. Не сумѣвъ удержать за собой ни палаты, ни сената, принужденный брать министровъ по выбору республиканскаго большинства, онъ передалъ въ его руки всю администрацію, сохраняя за собою только одно право — остаться еще полтора года президентомъ, подъ условіемъ исполнять всѣ желанія большинства, и республиканцы логично требовали чтобы въ ихъ руки было передано и распоряженіе арміей. Что они твердо рѣшились добиться этого, можно было предвидѣть изъ того что, по поводу предпочтенія оказаннаго маршаломъ генералу Греле предъ генераломъ Фарромъ при назначеніи на постъ военнаго министра, органъ г. Гамбетты *République Française* безцеремонно заявилъ что не имѣетъ ничего противъ генерала Греле, кромѣ только того что „онъ не кандидатъ г. Гамбетты.“

Какъ ни спокойно совершилась перемѣна, но это обстоятельство не умаляетъ ея важности. *République Française*, какъ передалъ вчера телеграфъ, характеризуетъ

совершившійся фактъ такъ: „со вчерашняго дня мы дѣйствительно находимся въ ререспубликѣ" Это вѣрно. Собственно только съ этой минуты будетъ на дѣлѣ производиться опытъ республики во Франціи. Нынѣшніе министры остаются еще при дѣлахъ, но едва ли надолго. Достаточно припомнить что вышеназванный военный министръ, генералъ Греле, назначенъ по настоянію маршала; но и другіе министры принадлежатъ главнымъ образомъ къ лѣвому центру, а сомнительно чтобъ истые республиканцы согласились оставить львиную долю за орлеанистами

Новый президентъ республики пользуется уваженіемъ, но лично никогда не имѣлъ большаго авторитета и вліянія. Онъ выдался особенно въ 1848 году. Будучи тогда тоже президентомъ палаты, онъ, при обсужденіи конституціи, совѣтовалъ постановить чтобы президентъ республики избирался не націей, а палатой, дабы не могло быть столкновенія. *Coup d'état* совершенный потомъ Лудовикомъ Наполеономъ возвысилъ мнѣніе о мудрости г. Греви. Нынѣшняя республиканская конституція устроена въ этомъ отношеніи по его идеѣ. По уходѣ маршала, въ ней уже нѣтъ болѣе раздѣленія властей. Президентъ есть лишь покорный слуга палатъ, машинка для подписанія декретовъ. Сенатъ, какъ избираемый ограниченною подачей голосовъ, не можетъ имѣть ни власти, ни авторитета. Слѣдовательно, вся власть сосредоточена въ вожакахъ палаты, которая назначаетъ министровъ и предписываетъ имъ политику. Самый вліятельный вожакъ республиканскаго большинства, г. Гамбетта, устранился отъ прямаго и отвѣтственнаго участія въ управленіи, а принялъ лишь почетную должность президента палаты. Но такъ какъ многолюдное большинство само не правитъ, то всѣ дѣла будутъ дѣлаться въ комитетахъ, которые будутъ предварительно сговариваться и предопредѣлять рѣшенія палаты. Нѣчто подобное представлялъ собою лишь конвентъ революціонной Франціи.

Теперь, когда палата можетъ дѣйствовать безъ стѣсненія и на всей своей волѣ, плотность ея большинства и характеръ всѣхъ ея партій должны вполнѣ обозначиться. Припомнимъ что группами лѣвой поставлены на очередь слѣдующіе вопросы: амнистія коммунникамъ, преданіе суду министерства Броль-Фурту, немедленный пересмотръ конституціи съ запрещеніемъ потомъ будущихъ пересмотровъ, и перенесеніе палатъ въ Парижъ. Обсужденіе этихъ мѣръ, конечно, вызоветъ ожесточенную борьбу партій.

№ 20.

Москва, 22-го января.

Мнѣніе Комитета Министровъ о мѣрахъ противъ появившейся въ Астраханской губерніи заразы уже стало фактомъ получивъ Высочайшее утвержденіе.

Сущность этихъ мѣръ извѣстна. Станицу Ветлянку, какъ средоточіе заразы, рѣшено сжечь, а ея жителей выселить въ другія мѣста, внутри карантиннаго района, съ обезпеченіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ и съ вознагражденіемъ за все движимое и недвижимое имущество которое будетъ преданно сожженію. Расходы на этотъ предметъ будутъ отнесены на Государственное Казначейство. Эти же мѣры сожженія предоставлено распространять и на другія селенія, а также на отдѣльныя строенія въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ будетъ признано необходимымъ. Это несомнѣнно поведетъ къ оздоровленію зараженныхъ мѣстностей: огонь есть самое вѣрное дезинфицирующее средство. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается строгое оцѣпленіе района эпидеміи, и для исполненія карантинной службы въ распоряженіе администраціи предоставляется необходимое число войскъ. Наконецъ, на мѣста заразы назначается облеченное полнымъ довѣріемъ Государя Императора лицо, уполномоченное спеціально на принятіе въ Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ чрезвычайныхъ мѣръ, какъ по прекращенію заразы, такъ и для предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, единство распоряженій, въ случаяхъ требующихъ чреавычайныхъ мѣръ, лучше всего можетъ обезпечить быстроту ихъ исполненія.

Въ томъ же засѣданіи Комитета Министровъ также было принято въ соображеніе, по словамъ *Agence Générale Russe*, заключеніе лейбъ-медика Здекауэра, съ коимъ согласился и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, о томъ что, въ виду крайне преувеличенныхъ извѣстій распро-

странившихся въ печати о чумной эпидеміи въ Россіи, слѣдовало бы обратиться къ правительствамъ сосѣднихъ государствъ съ приглашеніемъ командировать врачей для изученія на мѣстѣ свойства и развитія болѣзни, дабы они могли доставить своимъ правительствамъ точныя свѣдѣнія объ эпидеміи и о мѣрахъ противъ нея.

Принятыя и далѣе принимаемыя правительствомъ энергическія мѣры налагаютъ и на общество обязанность всячески способствовать имъ. Нѣтъ основанія тревожиться, не слѣдуетъ вѣрить всякому слуху, не должно предаваться паникѣ, которая никогда ни въ чемъ не бываетъ доброю совѣтницей и можетъ только накликать всякую бѣду. Но слѣдуетъ спокойно готовиться къ борьбѣ, принимая заранѣе дѣйствительныя мѣры противъ врага. Богъ дастъ, врагъ не дойдетъ до насъ; но принятыя нами мѣры во всякомъ случаѣ не пропадутъ даромъ. Дай Богъ чтобы бѣдствіе, до сихъ поръ насъ не коснувшееся, отозвалось благомъ, заставивъ насъ относиться менѣе равнодушно къ условіямъ жизни въ нашихъ многолюднѣйшихъ городахъ, особенно въ столицахъ. Едва мы, встревоженные вѣстью о грозной опасности, примемся, наконецъ, рѣшительно и настойчиво за мѣры къ оздоровленію почвы, воды, воздуха и жилищъ въ нашихъ городахъ, за мѣры которыя давно требуются настоятельно и отъ принятія коихъ мы удерживаемся единственно нашею косностью, то этимъ мы не только предохранимъ себя отъ чумы, но и вооружимся противъ множества всякихъ других эпидемій, изъ году въ годъ похищающихъ несмѣтное число жертвъ и не пугающихъ насъ только потому что мы съ ними свыклись. Въ настоящую минуту чума заставила насъ встрепенуться. Мы видѣли какъ въ мѣстностяхъ пораженныхъ заразой и сосѣднихъ съ ними жители шли на встрѣчу и помогали всѣмъ мѣрамъ какія принимало правительство. Въ Царицынѣ дума принялась за оздоровленіе города. Самарская городская дума, въ ряду мѣръ принятыхъ на мѣстѣ въ предупрежденіе распространенія заразительной болѣзни съ низовьевъ Волги, постановила, на случай если правительство признаетъ нужнымъ сжечь поселенія въ зараженной мѣстности, участвовать въ денежныхъ на это расходахъ. Даже въ наиболѣе отдаленномъ отъ района эпидеміи Петербургѣ обсуждаются городскимъ управленіемъ мѣры не только для предупрежденія, но и на случай занесенія болѣзни. Между прочимъ, Петербургская городская управа произвела весьма интересный и, по словамъ корреспондента, оказавшійся удачнымъ опытъ сожиганія экскрементовъ.

Какъ бы ни велика была наша увѣренность что всѣ принятыя мѣры на мѣстѣ заразы окажутся достаточными чтобъ уничтожить ее и преградить ей дальнѣйшій путь, нельзя не порадоваться тѣмъ профилактическимъ мѣрамъ какія принимаются въ Москвѣ. По пословицѣ, береженаго Богъ бережетъ, — а наша столица отнюдь не можетъ похвалиться чтобъ она береглась въ обыкновенное время. Теперь предохранительными мѣрами озабочены какъ наше городское управленіе, такъ и спеціалисты. Сегодня мы печатаемъ интересное извлеченіе изъ протокола засѣданія спеціальной коммиссіи Московскаго Медицинскаго Общества. Тутъ особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе, въ числѣ спеціальныхъ мѣръ по отношенію къ чумѣ, совѣтъ заранѣе устраивать для заболѣвающихъ помѣщенія внѣ города, не вблизи рѣкъ и въ формѣ небольшихъ отдѣльныхъ домиковъ (павильйонная система). Это мнѣніе было высказано и нами. Павильйонная система, давно признанная безусловно вѣрною для устройства больничныхъ помѣщеній, въ данномъ случаѣ особенно пригодна по легкости ея исполненія. Такъ какъ главнымъ образомъ здѣсь требуется соединять два условія: отдѣлять больныхъ и избѣгать ихъ скученія, которое усиливаетъ заразу, то задача разрѣшается просто и дешево. Ничто не препятствуетъ въ короткое время построить за городомъ хотя бы нѣсколько сотъ простыхъ деревянныхъ избъ, просторныхъ, свѣтлыхъ и не тѣсно другъ подлѣ друга. Расходъ въ этомъ случаѣ, по всему вѣроятію, окажется незначительнымъ. Если же, какъ мы надѣемся, опасность минуетъ насъ, то эти готовыя помѣщенія легко было бы распродать безъ убытка.

Что касается санитарныхъ мѣръ по городу, то здѣсь нашей думѣ предстоитъ много сдѣлать. Изъ напечатаннаго вчера заявленія московскаго городскаго головы усматриваемъ что предположено немедленно открыть на счетъ города безплатные ночлежные дома на 2.000 человѣкъ, и немедленно закрыть ночлежныя квартиры по-

мѣщающіяся какъ въ подвальныхъ этажахъ, такъ и вообще тѣ которыя будутъ признаны вредными для жилья. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже исполняется мѣра снабженія горячею пищей лицъ находящихъ пріютъ въ ночлежныхъ домахъ. Затѣмъ, кромѣ другихъ мѣръ, проектированы новыя обязательныя для жителей постановленія, между прочимъ объ очищеніи дворовъ, отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ въ сроки опредѣленные санитарными попечителями или полиціей, съ тѣмъ что при неисполненіи требованій попечители или полиція будутъ производить очистку сами за счетъ домовладѣльцевъ. Завтра, 23-го января, вмѣстѣ съ проектомъ этихъ правилъ будетъ обсуждаться думой и докладъ управы объ учрежденіи при городскомъ управленіи постоянной санитарной коммиссіи.

Итакъ, нѣтъ худа безъ добра. Благодаря вѣсти о чумѣ, Москва и другіе наши города наконецъ умоются...

№ 21.

Москва, 23-го января.

На отдаленнѣйшей окраинѣ Европейской Россіи, болѣе въ Азіи чѣмъ въ Европѣ, на луговой сторонѣ низовьевъ Волги, на одномъ хуторѣ, тлѣетъ искра чумной заразы въ нѣсколькихъ строго разобщенныхъ семьяхъ, гдѣ уже болѣе недѣли число больныхъ не превышаетъ шести,—и что же?—противъ Россіи сосѣдними государствами принимаются строжайшія мѣры разобщенія какъ будто въ ней дѣйствительно свирѣпствуетъ и хлещетъ во всѣ стороны страшная *черная смерть!* Замѣчательнѣе всего то что изъ сопредѣльныхъ намъ державъ Германія первая предалась этимъ заботамъ, и всѣ мѣры строгости относительно „зачумленной" Россіи исходятъ отъ нея съ быстротой натиска изумившаго на первыхъ порахъ даже берлинскую печать. Сама Австрія была удивлена этимъ напоромъ и увлекаемая Германіей едва поспѣваетъ за ея стремительностью, такъ что мы пока еще не имѣемъ извѣстій о мѣрахъ принятыхъ Австро-Венгерскимъ правительствомъ дабы пополнить воздвигаемый противъ Россіи предохранительный кордонъ. Но такъ какъ распоряженіе Германскаго правительства суть послѣдствія предварительнаго соглашенія между Берлинскимъ и Вѣнскимъ кабинетами, для чего изъ Берлина ѣздилъ въ Вѣну особый уполномоченный, тайный совѣтникъ Фанкельнбургъ, но нѣтъ сомнѣнія что и Австрійская граница будетъ приведена въ столь же грозное оборонительное положеніе противъ „русской чумы." Румынія тоже привлечена къ Австро-Германскому соглашенію, а наконецъ и Турецкое правительство приглашено *германскимъ посломъ* присоединиться къ карантиннымъ предосторожностямъ принимаемымъ противъ Россіи! Лучшаго доказательства лицемѣрія, прикрывающаго совсѣмъ иные замыслы, не могло и быть какъ это стараніе оградить Турцію отъ чумной заразы изъ Россіи,—Турцію въ предѣлахъ которой чума гнѣздится съ поконъ вѣка, гдѣ она вновь показалась съ признаками эпидеміи уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, откуда она и проникла, чрезъ Персію или инымъ путемъ, въ небольшую кучку злополучныхъ казачьихъ станицъ на низовьяхъ Волги!...

Противъ эпидеміи свирѣпствовавшей въ послѣднее время ежегодно въ долинѣ Тигра и Евфрата не было принимаемо никакихъ мѣръ со стороны Европы. Морскія суда, которыя всего легче могутъ переносить заразу, тысячами уходили и приходили къ побережью Малой Азіи, и о карантинныхъ мѣрахъ никто не помышлялъ. Началась русско-турецкая война захватившая значительную часть сопредѣльныхъ съ Месопотаміей турецкихъ владѣній; огромное передвиженіе людей, припасовъ и всякаго рода продуктовъ, неизбѣжныхъ во время войны, ни мало не встревожило санитарныхъ стражей Европы. Опасенія чумной заразы не возникали и тогда какъ въ конецъ истощенная турецкая армія стала пополняться массами туземцевъ изъ Месопотаміи, гдѣ въ 1877 году чума свирѣпствовала съ особенною силой.

Но станица Ветлянка разомъ привлекла къ себѣ взоры „всегоцивилизованнаго міра," и шесть человѣкъ больныхъ въ хуторѣ Селитрянномъ такъ устрашили нашихъ западныхъ сосѣдей что предпринято отрѣзать Россію съ ея 80-милліоннымъ населеніемъ даже отъ Турціи.

Не далѣе какъ въ пятницу Германское правительство издало декретъ о безусловномъ воспрещеніи ввоза изъ Россіи цѣлаго ряда продуктовъ способныхъ перенести заразу, но при этомъ допущено одно очень характеризующее эту мѣру исключеніе, а

именно овечья шерсть не только мытая, но и не мытая. Казалось бы что немытая шерсть отнюдь не менѣе опасна какъ носитель заразы чѣмъ кожа или мѣхъ, которые при выдѣлкѣ подвергаются тщательной очисткѣ. А между тѣмъ кожа и мѣха запрещены безусловно, шерсть же предписано лишь подвергать дезинфекціи. Дѣло въ томъ что нѣмецкія суконныя фабрики безъ русской шерсти обойтись не могутъ, а мѣхами, изъ Америки привозимыми, производится большая торговля въ Лейпцигѣ.

Но не довольствуясь запретомъ на русскіе продукты, Германское правительство обнародовало вчера запретъ на людей ѣдущихъ изъ Россіи. Предписано пропускать изъ Россіи въ Германію не иначе какъ по предъявленіи паспорта визированнаго въ германскомъ посольствѣ или въ консульствѣ, а сіи послѣднія будутъ давать свою визу лишь тѣмъ кто представитъ надежное удостовѣреніе что не былъ, за двадцать дней до предъявленія паспорта, въ зачумленной мѣстности или въ такой которая „подозрѣвается“ въ зачумленіи. Неизвѣстно какія удостовѣренія агенты германскаго правительства въ Россіи будутъ считать „надежными,“ неизвѣстно также чѣмъ будутъ руководиться тѣ же агенты при признаніи той или другой мѣстности Россіи „подозрительною.“ Еслибы Германскому правительству угодно было довѣрять свѣдѣніямъ столь точно и подробно сообщаемымъ отъ Русскаго правительства, то не могло бы быть и рѣчи о „подозрительныхъ“ мѣстностяхъ, ибо до сихъ поръ еще не было ни одного случая заразы внѣ того тѣснаго и отдаленнаго района гдѣ она обнаружилась и гдѣ, благодаря принятымъ мѣрамъ, удалось вполнѣ локализовать ее до такой степени что зараза не коснулась до сихъ поръ ни одного изъ близлежащихъ городовъ. Если же агентамъ Германскаго правительства предоставлено самимъ заподазривать различныя мѣстности Россіи, то никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ что ему будетъ дозволено вступленіе на Германскую почву, тѣмъ болѣе что мѣстныя власти въ Германіи будутъ еще вторично визировать паспорты пріѣзжающихъ изъ Россіи и, стало-быть, отсылать обратно тѣхъ кои покажутся имъ почему-либо подозрительными, несмотря на пропускъ добытый вѣроятно не безъ хлопотъ и затрудненій отъ представителей Германскаго правительства внутри Россіи.

Посмотримъ какъ отзовется германская печать объ этой новой мѣрѣ Германскаго правительства. Впрочемъ, первое запрещеніе касающееся продуктовъ провозимыхъ изъ Россіи далеко не встрѣтило одобренія въ германской публикѣ. Берлинская независимая печать протестовала, хотя и сдержанно, противъ непонятной поспѣшности правительства выработавшаго свою мѣру въ нѣдрахъ канцеляріи.

Эти дѣйствія Германскаго правительства относительно Россіи никакъ нельзя признать дружелюбными. Князю Бисмарку, безъ сомнѣнія, извѣстно истинное положеніе дѣла, и афишируя свое недовѣріе къ Русскому правительству онъ внутренно не можетъ сомнѣваться въ правдивости его показаній. Германскій канцлеръ, въ своихъ карантинныхъ заботахъ, конечно, руководится мыслію которая ничего общаго съ опасеніями чумы не имѣетъ. Но онъ можетъ ошибиться въ разсчетахъ. Стѣсненіе взаимнаго оборота между Россіей и Германіей падетъ тяжеле на Германію чѣмъ на Россію... А между тѣмъ образъ дѣйствій нашего „добраго союзника“ будетъ отмѣченъ въ русской памятной книжкѣ.

№ 22.

Москва, 24-го января.

Мы не знаемъ какія *цѣли* имѣютъ въ виду „друзья“ Россіи торопясь отрѣзать ей сообщенія съ западомъ. За то открытые наши недруги успѣли уже съ полною откровенностью высказать свои задушевныя *желанія* по поводу призрака чумы, возставшаго предъ испуганнымъ воображеніемъ германскаго канцлера, а за нимъ и Европы со включеніемъ Турціи, которая тоже командируетъ врача въ Россію для изученія свойствъ чумы. Не комедія ли это, въ родѣ Константинопольской конференціи?

Вопросъ о чумѣ ставится въ прямую связь съ Восточнымъ вопросомъ и дѣлается попытка „изгнать дьявола чрезъ Вельзевула.“

Вѣнская печать ухватилась за астраханскую чуму для новыхъ озлобленныхъ нападокъ на Россію. Сначала нужно было выгородить Турцію отъ обвиненія въ томъ что чума зародилась въ ея предѣлахъ и оттуда проникла въ Россію. Руководящій турецкій органъ вѣнской печати, *Neue*

Freie Presse, не замедлилъ отличиться въ этомъ смыслѣ какъ только появились первыя извѣстія о заразѣ на низовьяхъ Волги. Во всѣ времена моровая язва дѣйствительно приходила въ Европу съ Востока, но на этотъ разъ она зародилась де въ нѣдрахъ Россіи. Поставивъ это положеніе исходнымъ пунктомъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденій, вѣнскій листокъ „приходитъ въ ужасъ при мысли что Россія, разорвавъ чрезъ войну съ Турціей благодѣтельныя преграды поставленныя ея завоевательнымъ замысламъ Парижскимъ миромъ, нынѣ изливаетъ на Европу новое бѣдствіе—чуму." Будетъ де совершенно безполезно если дѣло ограничится установленіемъ карантиннаго кордона лишь вдоль границы Россіи съ Германіей и Австріей; одновременно съ этимъ слѣдуетъ де и Румынію разобщить съ Россіей. По удостовѣренію нѣмецкой газеты, на это обстоятельство впервые указалъ уполномоченный отъ Германіи во время недавнихъ санитарныхъ совѣщаній въ Вѣнѣ. Въ этомъ-то пунктѣ дѣло и получаетъ де политическое значеніе. Русскія войска находящіяся на Балканскомъ полуостровѣ имѣютъ свой главный путь сообщенія съ Россіей чрезъ Румынію; если путь этотъ будетъ прегражденъ или по крайней мѣрѣ затрудненъ, то русскимъ войскамъ, получающимъ бóльшую часть своего довольствія изъ Россіи, невозможно будетъ оставаться за Дунаемъ. *Вотъ почему* „абсолютно" необходимо, по мнѣнію вѣнскаго листка, немедленно прервать сообщеніе между Россіей и ея войсками на Балканскомъ полуостровѣ, и вѣнскій листокъ опять-таки опирается на авторитетъ германскаго уполномоченнаго который настаивалъ на этой необходимости. Итакъ, стóитъ де только установить строгій кордонъ вдоль русско-румынской границы, и Россіи не останется ничего иного какъ поспѣшно отозвать всѣ свои войска до сихъ поръ остающіяся за Дунаемъ. Маленькое препятствіе предвидится въ томъ что по точному смыслу Берлинскаго трактата Россіи предоставленъ свободный путь военныхъ сообщеній через Румынію до конца іюля. Даже пештскія оффиціальныя газеты, не преминувшія конечно задаться вопросомъ объ „извлеченіи политическаго капитала" изъ „Русской чумы," затруднились какъ быть съ этимъ постановленіемъ Берлинскаго трактата. Но вѣнская газета смѣло перешагнула черезъ него; она находитъ что было бы глупо говорить о неприкосновенности этого трактата когда рѣчь идетъ объ интересахъ Европы *противъ* Россіи. Чего тутъ церемониться? восклицаетъ *Neue Freie Presse.*

И нужно сознаться что съ Россіей въ самомъ дѣлѣ не церемонятся. Наша такъ-называемая офиціозная печать продолжаетъ и по поводу „чумы" расшаркиваться предъ Европой. Берлинскія газеты съ особенною тщательностью отмѣчаютъ всѣ исходящія изъ Петербурга заявленія о томъ что мы молъ вполнѣ одобряемъ мѣры принимаемыя противъ насъ Европой, и отнюдь не обижаемся тѣмъ что намъ не довѣряютъ и посылаютъ къ намъ своихъ ревизоровъ которые имѣютъ убѣдиться на мѣстѣ насколько справедливы офиціальныя свѣдѣнія о ходѣ эпидеміи, показывающія что до сихъ поръ удалось локализовать заразу въ небольшомъ районѣ. Въ Петербургѣ придумано было на дняхъ даже такое извѣстіе будто Германское правительство мобилизуетъ 80-тысячную армію для охраненія русско-германской границы, и петербургская газета *Голосъ* нашла что и это очень хорошо. Берлинскія газеты опровергаютъ слухъ о мобилизаціи, но одобрительный отзывъ петербургской газеты принимаютъ онѣ къ свѣдѣнію, усматривая въ немъ лишь подтвержденіе того что опасность дѣйствительно велика. Берлинская печать въ сущности недовольна слишкомъ энергическими мѣрами принятыми Германскимъ правительствомъ и вовсе не убѣждена въ ихъ полезности. Въ послѣднемъ нумерѣ *Національной Газеты*, отъ 1 февраля, мы даже встрѣчаемъ прямое сознаніе въ томъ что въ этой напускной паникѣ „играютъ роль и интересы" (Die Interessen mögen in das Spiel eingegriffen haben). Тѣмъ не менѣе, названная газета охотно становится на ту почву которую подготовила нашимъ доброжелателямъ петербургская печать. Притворно или серіозно, но дѣло выставляется такимъ образомъ будто Русское правительство не столько заботится о томъ чтобы сберечь отъ заразы прежде всего самую Россію, а какъ бы оградить отъ нея *Европу*. Послѣднее постановленіе Комитета Министровъ объ энергическихъ мѣрахъ противъ заразы прямо приписывается дѣйствію Германскаго правительства, которое будто бы и побудило Русское правительство къ болѣе серіозной дѣятельности.

Казалось бы что когда рѣчь идетъ о заразѣ, то надо прежде всего себя поберечь и тѣмъ охранить сосѣда. Но намъ внушаютъ изъ Берлина что мы должны содѣйствовать только тому чтобы строго исполнялся таможенный запретъ положенный на насъ Германіей. Предполагается повидимому что мы не особенно будемъ стараться о томъ чтобы преградить распространеніе по Россіи продуктовъ идущихъ изъ зараженной мѣстности. Бдительность въ этомъ отношеніи ставится намъ въ особую „международную" обязанность лишь по той чертѣ гдѣ кончается наша обширная страна и гдѣ мы соприкасаемся съ сосѣдями.

№ 23.

Москва, 25-го января.

9 іюня состоялся указъ объ усиленіи средствъ уѣздной полиціи и Высочайше утвержденное Временное Положеніе о полицейскихъ урядникахъ; затѣмъ 19 іюля утверждена управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ „Инструкція полицейскимъ урядникамъ." Все ограничилось этими простыми мѣрами, но благодаря имъ у насъ есть теперь уѣздная полиція которая до послѣдняго времени существовала болѣе на бумагѣ чѣмъ въ дѣйствительности. Изъ уѣздовъ только и слышались что постоянныя жалобы на отсутствіе полицейской охраны, доводившія до увѣреній что въ деревняхъ просто нельзя жить. Жалобы эти бросали тѣнь на самое упраздненіе крѣпостной зависимости, отмѣнившей прежнюю вотчинную полицію и не давшее ничего взамѣнъ.

Всю уѣздную полицію, до недавней реформы, составляли уѣздные исправники и становые пристава какъ власти распорядительныя, и сотскіе и десятскіе какъ органы исполнительные. Но многосложность занятій, большая переписка и обширность районовъ порученныхъ уѣзднымъ исправникамъ и становымъ приставамъ ставили ихъ въ положительную невозможность давать населенію необходимую полицейскую охрану во всѣхъ мелочахъ ежедневной жизни. Дѣло это, самое существенное для полиціи, почти сполна оставалось на обязанности десятскихъ и сотскихъ. Но извѣстно какіе люди избираются обществами на эти должности и чего можно отъ нихъ ожидать, при отсутствіи руководительства ихъ дѣйствіями и надзора за исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Именно эти необходимые надзоръ и руководительство и даны учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ.

Учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ созданъ именно тотъ посредствующій органъ, то колесо въ машинѣ уѣздной полиціи безъ котораго она не могла дѣйствовать. Поставлены они, сколько можно судить по данной имъ „инструкціи," какъ нельзя болѣе правильно. Опредѣляемые уѣзднымъ исправникомъ, находясь въ полномъ подчиненіи становымъ приставамъ, они въ то же время прямые начальники всѣхъ находящихся въ ихъ участкахъ сотскихъ и десятскихъ, которые за неисполненіе приказаній урядниковъ „отвѣчаютъ какъ за ослушаніе начальству." „Особенное вниманіе полицейскаго урядника," какъ гласитъ § 31 данной урядникамъ „инструкціи," „должно быть обращено на подвѣдомственныхъ ему сотскихъ и десятскихъ малограмотныхъ, а тѣмъ болѣе, вовсе неграмотныхъ. Онъ обязанъ возможно чаще прочитывать и разъясиять имъ" возложенныя на нихъ закономъ обязанности—обязанности, которыя равнымъ образомъ лежатъ и на самомъ урядникѣ. Но обязанности лежащія на урядникѣ много шире, и у него гораздо болѣе средствъ къ ихъ исполненію. Прежде всего урядники гораздо подвижнѣе сотскихъ и десятскихъ. Въ силу § 16 „Инструкціи," они „обязаны возможно чаще обходить или объѣзжать днемъ и ночью ввѣренную имъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ большихъ и проселочныхъ дорогъ, посѣщать селенія, деревни, поселки, фабрики и заводы, бывать на базарахъ, ярмаркахъ, сельскихъ торжкахъ, пристаняхъ, храмовыхъ праздникахъ, вообще въ такихъ мѣстахъ въ коихъ, по разнымъ обстоятельствамъ, скопляется большое число народа, чаще осматривать глухія мѣста, для убѣжденія не скрываются ли въ оныхъ подозрительныя и опасныя лица." Нѣтъ надобности распространяться въ какой мѣрѣ важны и полезны подобные объѣзды, особенно въ виду лежащей на урядникахъ обязанности (§ 34) „подавать помощь каждому если только будетъ усмотрѣно что кто-либо въ ней нуждается; прекращать всякій безпорядокъ въ виду полицейскаго

урядника совершающійся, а тѣмъ болѣе явное нарушеніе закона, *хотя бы для сего надлежало перейти въ сосѣдній участокъ*. Если на мѣстѣ случившагося несчастія или происшедшаго безпорядка нѣтъ мѣстнаго полицейскаго урядника, то увидѣвшій это, хотя бы случайно проходившій мимо, урядникъ долженъ тотчасъ же замѣнить его и сдѣлать надлежащее распоряженіе.“ Если урядникъ самъ лично или черезъ кого-либо узнаетъ о какихъ-либо противозаконныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ совершаемыхъ въ чужомъ, хотя бы весьма отдаленномъ отъ мѣста его службы участкѣ, онъ отнюдь не долженъ оставлять этого безъ вниманія, а обязанъ разузнать, по возможности подробно и обстоятельно, кто, гдѣ и въ чемъ именно обвиняется, и свѣдѣнія эти тотчасъ же передать своему становому приставу (§ 35). Этого мало: „каждый изъ полицейскихъ урядниковъ, дѣйствуя въ предѣлахъ своего круга занятій, долженъ имѣть постоянныя сношенія съ полицейскими урядниками пограничныхъ участковъ, для чего они должны знать мѣсто жительства сосѣднихъ урядниковъ, хотя бы таковые проживали *въ другомъ станѣ, уѣздѣ и даже губерніи*, и оказывать имъ содѣйствіе“ (§ 14). Все это дѣлаетъ порученную урядникамъ полицейскую охрану живымъ и дѣйствительнымъ, а не мертвымъ, и формальнымъ дѣломъ, и облегчаетъ порученное имъ негласное наблюденіе за неблагонадежными и подозрительными лицами, равно какъ и производство негласныхъ дознаній, между прочимъ, при преслѣдованіи конокрадства, на которое обращено особенное вниманіе урядниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подвижность и достаточные размѣры предоставленной имъ власти даютъ полицейскимъ урядникамъ возможность приносить большую пользу и при пожарахъ, наводненіяхъ, падежахъ скота, повальныхъ болѣзняхъ и другихъ несчастіяхъ, и при поимкѣ лѣсныхъ порубщиковъ, бродягъ, воровъ, конокрадовъ и другихъ преступниковъ, и при прекращеніи всякихъ насилій, безпорядковъ и безобразій. Вообще дѣятельность полицейскихъ урядниковъ, по данной имъ „инструкціи,“ весьма разнообразна и можетъ-быть также сложна какъ и дѣятельность становаго пристава, но они стоятъ по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей въ болѣе выгодныхъ условіяхъ и по сравнительной ограниченности района, и по большей близости къ населенію, и, въ особенности, благодаря освобожденію ихъ отъ всякой переписки: по § 2 „Инструкціи,“ „въ сношеніяхъ какъ становые пристава, такъ и урядники должны, по возможности, избѣгать письменнаго производства, отдавая первые свои приказанія, а послѣдніе дѣлая свои донесенія на словахъ.“ Все письмоводство полицейскихъ урядниковъ ограничивается, благодаря этому, лишь составленіемъ, въ необходимыхъ случаяхъ, протоколовъ о замѣченныхъ нарушеніяхъ, да внесеніемъ нужныхъ замѣтокъ въ обязательно имѣющіяся при нихъ записныя книжки.

Главное дѣло, впрочемъ, какъ давно показано опытомъ, не въ правилахъ и инструкціяхъ, а въ ихъ исполненіи. „Инструкція полицейскимъ урядникамъ“ пока не оставляетъ ничего желать; но каковы исполнители этой „Инструкціи?“

Хотя со времени учрежденія полицейскихъ урядниковъ прошло едва полгода, но благодаря полной широкой гласности приданной съ самаго начала всему касающемуся этого новаго у насъ учрежденія, публика имѣла уже возможность достаточно ознакомиться съ нимъ не въ теоріи только, а и на практикѣ. Назначеніе цѣлой массы людей на новыя должности полицейскихъ урядниковъ, конечно, трудная задача, можетъ-быть болѣе трудная чѣмъ составленіе для нихъ дѣльной, обдуманной „инструкціи.“ Найти сразу не одну тысячу способныхъ и благонадежныхъ людей не легко. Въ выборѣ этихъ людей не могло не случиться ошибокъ, и съ первыхъ же мѣсяцевъ дѣйствія Временнаго Положенія о полицейскихъ урядникахъ, не было недостатка въ офиціальныхъ заявленіяхъ объ увольненіи урядниковъ или за нетрезвое поведеніе, или за небрежное исполненіе обязанностей, или просто за неспособность. На эти увольненія только что назначенныхъ урядниковъ было обращено вниманіе, въ нихъ хотѣли видѣть неудачу практическаго исполненія задуманныхъ улучшеній. Но именно эти-то быстрыя увольненія, эта немедленная очистка новаго учрежденія отъ непригодныхъ элементовъ и говоритъ всего болѣе въ его пользу, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ что завѣдующая имъ правительственная власть зорко слѣдитъ за нимъ, заботясь чтобы на первыхъ же порахъ личный со-

ставъ полицейскихъ урядниковъ усвоилъ себѣ именно тотъ характеръ который долженъ имѣть по мысли законодателя, чтобы съ самаго начала должность полицейскаго урядника выработалась именно въ тотъ типъ и пріобрѣла ту репутацію, которые должна сохранить навсегда и которые такъ трудно исправить если они разъ испорчены. Удивляться надо не увольненіямъ полицейскихъ урядниковъ, свидѣтельствующимъ объ ошибкахъ при выборѣ людей на эту должность, а малому проценту уволенныхъ по отношенію къ общей массѣ людей назначенныхъ исправлять важныя обязанности въ совершенно новыхъ, непривычныхъ условіяхъ и огромная масса свѣдѣній о дѣятельности полицейскихъ урядниковъ показываетъ что никогда еще, можетъ-быть, выборъ людей на новыя должности не былъ въ такой мѣрѣ удаченъ.

Дѣятельность полицейскихъ урядниковъ, можно сказать, только что началась, но уже и теперь трудно было бы перечислить массу оказанныхъ ими услугъ населенію. Начиная съ минувшей осени, когда въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* открылась постоянная рубрика извѣстій о дѣятельности полицейскихъ урядниковъ, чуть не каждый день публикуются длинные перечни случаевъ обнаруженія виновныхъ въ кражахъ, причемъ—что̀ въ недавнее еще время было большою рѣдкостью—отыскивается и украденное; столь же успѣшно и въ огромномъ числѣ случаевъ идутъ розыски уведенныхъ лошадей и немедленное возвращеніе ихъ хозяевамъ; розыски и задержаніе конокрадовъ, иногда цѣлыми партіями свыше десяти человѣкъ, розыски и задержаніе грабителей, убійцъ, бѣглыхъ арестантовъ, бродягъ, дезертировъ и т. д. Помимо всего этого, полицейскіе урядники уже успѣли обнаружить множество случаевъ безпатентной торговли виномъ и другихъ нарушеній питейнаго и акцизнаго уставовъ. Мало этого, даже въ поджогахъ—преступленіяхъ въ которыхъ, какъ извѣстно юристамъ, особенно трудно открытіе виновныхъ,—обнаруженіе поджигателей, благодаря полицейскимъ урядникамъ, стало дѣломъ весьма частымъ. Были уже случаи арестованія поджигателей при самомъ покушеніи на поджогъ. О распорядительности полицейскихъ урядниковъ при тушеніи пожаровъ тоже получаются самые одобрительные отзывы. О пользѣ которую успѣли уже принести полицейскіе урядники по принятію карантинныхъ мѣръ по случаю чумы появившейся въ Астраханской губерніи свидѣтельствуетъ телеграмма астраханскаго губернатора, отъ 17 января, на имя управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ этой телеграммы видно что вслѣдъ за появленіемъ болѣзни въ селеніи Селитряномъ и сосѣднихъ хуторахъ, мѣстность эта была на первыхъ порахъ, до отправки туда полуроты солдатъ, оцѣплена населеніемъ „подъ наблюденіемъ урядниковъ," и очевидно оцѣплена хорошо, ибо случаевъ прорыва заразы за карантинную черту не было. Все болѣе радуетъ проявляемый полицейскими урядниками духъ инціативы и отважной настойчивости въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей. При тушеніи пожара, напримѣръ, бывшая на одномъ урядникѣ одежда неоднократно загоралась и по прекращеніи пожара оказалась почти вся истлѣвшею. При преслѣдованіи конокрадовъ и грабителей, урядникамъ не разъ уже случалось встрѣчать упорное сопротивленіе, получать раны и все-таки достигать цѣли—арестованія виновныхъ. Вообще въ преслѣдованіи конокрадства, этого страшнаго бича нашего сельскаго населенія, дѣятельность полицейскихъ урядниковъ сопровождается особеннымъ успѣхомъ. Урядники преслѣдуютъ конокрадовъ неотступно по горячимъ слѣдамъ, не стѣсняясь переходомъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Одному уряднику, напримѣръ, пришлось сдѣлать при такомъ преслѣдованіи болѣе трехсотъ верстъ по дурной дорогѣ, большею частію лѣсомъ, причемъ онъ отъ скорой ѣзды даже испортилъ свою лошадь (урядники должны обзаводиться лошадьми на свой счетъ). Этотъ прекрасный духъ которымъ уже на первыхъ порахъ успѣли ознаменовать себя полицейскіе урядники несомнѣнно поддерживается въ нихъ сознаніемъ что на ихъ дѣятельность обращено серіозное вниманіе, что все что̀ они дѣлаютъ доводится до свѣдѣнія не только губернатора, но и самого министра, а затѣмъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Помимо того, энергія полицейскихъ урядниковъ поддерживается, съ одной стороны, увольненіями, безъ проволочки, неспособныхъ и недостойныхъ, съ другой—денежными наградами выдаваемыми особенно отличившимся, наградами, размѣры коихъ (напримѣръ 50 р.) весьма привлека-

тельны для людей довольствующихся содержанiемъ не свыше 250 рублей, а также возмѣщенiями понесенныхъ при исполненiи обязанностей убытковъ (такъ, напримѣръ, урятнику заморившему свою лошадь въ погонѣ за конокрадами было выдано, кромѣ 50 р. наградныхъ, еще 105 р.—стоимость заморенной лошади).

Слабая сторона учрежденiя полицейскихъ урядниковъ, сколько можно пока судить, заключается въ маломъ ихъ числѣ сравнительно съ огромнымъ пространствомъ на которомъ они призваны дѣйствовать и съ массами населенiя нуждающагося въ полицейскихъ охранѣ и наблюденiи. Полицейскихъ урядниковъ на 1.368 становъ въ 46 губернiяхъ полагается лишь до 5.000, такъ что на каждый станъ, среднимъ числомъ, не приходится и четырехъ человѣкъ. Сдѣлать болѣе для улучшенiя и усиленiя уѣздной полицiи правительству было бы затруднительно. Уже то что̀ сдѣлано въ этомъ отношенiи возложило на государственный бюджетъ новый ежегодный расходъ въ 1.897.250 рублей (въ томъ числѣ 273.600 рублей на усиленiе канцелярскихъ средствъ становыхъ приставовъ), и финансовыя соображенiя едва ли позволятъ въ скоромъ времени увеличить эту цифру. Но еще серiознѣе финансовыхъ административныя соображенiя побудившiя ограничиться на первыхъ порахъ относительно скромной цифрой полицейскихъ урядниковъ: трудно найти *разомъ* 5.000 пригодныхъ людей, а при большей цифрѣ пришлось бы набирать ихъ съ меньшею разборчивостью, что̀, конечно, не преминуло бы вредно отозваться на всемъ учрежденiи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не желать чтобы столь удачно начатое дѣло усиленiя полицейской охраны въ уѣздахъ развилось вполнѣ, и чтобы число полицейскихъ урядниковъ постепенно и по мѣрѣ возможности увеличилось до полнаго удовлетворенiя существующей потребности въ полицейскихъ агентахъ этого рода. Но такое усиленiе личнаго состава полицейскихъ урядниковъ требуется, въ сущности, уже не общегосударственными, а мѣстными интересами каждой губернiи и каждаго уѣзда, да и самая потребность усиленiя полицейской охраны ощущается мѣстами сильнѣе, мѣстами слабѣе. Естественно поэтому ожидать удовлетворенiя этой потребности отъ органовъ мѣстнаго самоуправленiя, то-есть отъ земскихъ учрежденiй. Прекрасный примѣръ въ этомъ отношенiи уже поданъ Мокшанскимъ уѣзднымъ земскимъ собранiемъ, которое, вопервыхъ, постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ увеличенiи числа полицейскихъ урядниковъ въ Мокшанскомъ уѣздѣ тремя человѣками, содержанiе которыхъ уѣздное земство принимаетъ на свой счетъ, а вовторыхъ, ассигновало 300 рублей на выдачу наградъ тѣмъ изъ полицейскихъ урядниковъ которые будутъ отличаться полезною дѣятельностiю, поручивъ управѣ просить уѣзднаго исправника представлять урядниковъ къ денежнымъ наградамъ. Слѣдуетъ ожидать что подобныя же ходатайства не замедлятъ и отъ другихъ земствъ. Большаго отягощенiя земскихъ бюджетовъ отсюда не произойдетъ, ибо содержанiе урядника съ лошадью простирается лишь до 350 р.—а что такой расходъ не будетъ непроизводительнымъ, уже достаточно доказано находящеюся у всѣхъ на виду дѣятельностью этихъ полицейскихъ органовъ.

Въ офицiальномъ отдѣлѣ сегодняшняго нумера печатается циркуляръ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ по поводу вышеупомянутаго ходатайства Мокшанскаго уѣзднаго земскаго собранiя. Комитетъ Министровъ призналъ это ходатайство „утѣшительнымъ явленiемъ сочувственнаго отношенiя мѣстнаго населенiя къ усилiямъ администрацiи въ дѣлѣ упроченiя общественнаго порядка“ и испросилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволенiе на объявленiе Мокшанскому уѣздному земству что „ходатайство его обратило на себя одобрительное вниманiе правительства.“

№ 24.

Москва, 26-го января.

Въ то время какъ во всей западной Европѣ, какъ бы по даннному сигналу, вдругъ съ шумомъ принялись ограждаться отъ Россiи, гдѣ нѣсколько человѣкъ, въ отдаленныхъ степяхъ, заболѣли чумной заразой (занесенною конечно изъ Турцiи), австрiйскiй генеральный консулъ изъ Салоникъ офицiально сообщаетъ о появленiи чумы въ деревнѣ Яниковѣ, близъ Ксанти. Вслѣдствiе этого, какъ присовокупляетъ телеграмма, морскiя власти въ Трiестѣ распорядились о принятiи предписанныхъ

мѣръ предосторожности противъ всего идущаго изъ турецкихъ гаваней и вышедшаго послѣ 4 февраля. Какія это предписанныя мѣры мы не знаемъ, такъ какъ ни о какихъ предосторожностяхъ со стороны Турціи въ Европѣ мы до сихъ поръ ничего не слыхали, хотя извѣстно что тамъ чума есть болѣзнь всегдашняя, по временамъ вспыхивающая съ особой силой то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ; въ 1858 году она свирѣпствовала въ Аравіи, затѣмъ съ 1867 года, особенно съ 1871 и 1874, не переставала появляться то около Багдада, въ Месопатоміи, то въ различныхъ провинціяхъ Персіи, спорадическіе же случаи той же болѣзни несомнѣнно бываютъ и въ Турціи, и въ Персіи постоянно. Между тѣмъ до сихъ поръ никѣмъ, кромѣ насъ, не принималось никакихъ мѣръ противъ занесенія чумы въ Европу.

Случай въ Салоникахъ избавитъ теперь Порту отъ лишнихъ хлопотъ и расходовъ. Она тоже собиралась командировать врача въ Астраханскую губернію для „ознакомленія“ съ неизвѣстною ей болѣзнью: зачѣмъ предпринимать столь дальнее путешествіе когда можно ближе и удобнѣе „ознакомиться“ съ чумой въ Салоникскомъ вилаетѣ?

Другой любопытный фактъ узнаемъ сегодня изъ обнародованнаго на дняхъ отчета медицинскаго департамента за 1877 годъ. Наше правительство въ тотъ годъ посылало врачей въ囘ештъ для изслѣдованія появившейся тамъ заразительной болѣзни, и въ упомянутомъ отчетѣ изложены доставленныя ими свѣдѣнія. Въ Персіи чума не прекращалась съ 1871 года, но только въ 1877 году, когда она появилась въ Рештѣ, который состоитъ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими портами на Каспійскомъ морѣ, было на нее обращено вниманіе. Командированные туда наши врачи не только признали болѣзнь за чуму, но и приняли „съ полнымъ успѣхомъ“ мѣры къ ея прекращенію, несмотря на равнодушіе и даже сопротивленіе оказанное жителями Решта. Наши врачи, вмѣстѣ съ персидскими, образовали международную коммиссію которая дезинфицировала городъ, вывозя нечистоты или засыпая ихъ сухою землей и заливая нефтяными остатками. Кромѣ командировки врачей, медицинскимъ департаментомъ были, въ 1877 году, приняты карантинныя мѣры. Немедленно послѣ того какъ опредѣлилось что болѣзнь въ Рештѣ была чума, открыты карантины приморскіе въ Астарѣ и Баку, и сухопутные въ Белясуарѣ, съ примѣненіемъ карантинныхъ правилъ во всей строгости къ судамъ приходящимъ изъ Энзелійскаго порта. Затѣмъ была учреждена еще наблюдательная брандвахта на островѣ Сарѣ.

Но вотъ что интересно: характеръ болѣзни былъ нашими врачами опредѣленъ вопреки „пристрастнымъ доводамъ англійскихъ врачей“, которые упорно утверждали что присутствіе пятенъ у больныхъ было признакомъ не чумной, а тифозной заразы. Вотъ тутъ,—не то что въ Россіи,—и чума не чума. Фактъ этотъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на загадочное обстоятельство почему такъ долго не хотѣли обращать вниманіе на заразу, извѣстія о которой появились въ 1867, 1871 и 1874 годахъ. Для Англичанъ невыгодна всякая тревога которая можетъ вести къ стѣсненію торговыхъ сношеній, и вотъ, въ 1877 году, англійскіе врачи противъ очевидности спорили съ русскими о характерѣ эпедиміи въ Рештѣ. Да и теперь Англія отнюдь не готовится послѣдовать примѣру нашихъ сосѣдей для ограниченія торговыхъ сношеній съ нами. Она рада бы воспользоваться и чумой противъ насъ, но принимать серіозное участіе въ мѣрахъ которыя стѣснили бы ея торговыя сношенія съ нами—ей невыгодно, и это весьма откровенно высказываетъ *Times*, осуждая карантинныя мѣры. Вотъ что̀ читаемъ въ полученномъ сегодня нумерѣ этой газеты: „Если, какъ это возможно, болѣзнь подвинется ближе къ западнымъ націямъ, „то не слѣдуетъ думать что мы въ первый разъ встрѣчаемся съ опасностью зараженія. Ни наша страна, ни какая другая не прекращала обычнаго сношенія „моремъ и сухимъ путемъ съ тѣми восточными странами гдѣ до самаго нашего „времени чума всегда была. Дѣятельность „тѣхъ правительствъ которыя или прямо „озабочены пресѣченіемъ недавнихъ случаевъ появленія болѣзни, или готовятся „предотвратить распространеніе ея на австрійскую или германскую территорію, „поведетъ къ серіозному вреду если одержитъ верхъ требованіе карантинныхъ постановленій. Предлагаемыя мѣры для изолированія больныхъ и для уничтоженія „огнемъ зараженныхъ матеріаловъ скорѣе „будутъ ослаблены чѣмъ усилены надеж-

„дой на карантины. Карантинъ рѣдко, да „и едва-ли когда-либо, бывалъ дѣйствительенъ для огражденія отъ заразы, между „тѣмъ какъ онъ оказываетъ парализующее „дѣйствіе на торговлю. Контрабандая торговля, которую всегда вызываетъ карантинъ, обращаетъ въ ничто всѣ обычныя „санитарныя предосторожности. Какова бы „ни была опасность отъ передачи заразы „посредствомъ торговли, карантинъ не есть „обезпеченіе отъ нея. Но не можетъ быть „сомнѣнія въ ущербѣ который карантинъ, „если онъ будетъ наложенъ на русскую „торговлю, причинитъ какъ самой Россіи „такъ и всѣмъ торгующимъ съ ней націямъ. Хлѣбные рынки нашей страны будутъ стѣснены закрытіемъ черноморскихъ „портовъ для міровой торговли, и мы съ „сожалѣніемъ видимъ что Румынское правительство вступило на путь куда за нимъ „могутъ послѣдовать и болѣе могущественныя государства,—путь который послѣ „можетъ-быть уже трудно будетъ покинуть.“

Но хотя Англіи, дѣйствительно, не выгодно прекращать торговыя сношенія съ нами, мы можемъ быть увѣрены что она не преминетъ принять участіе во всякой враждебной противъ насъ демонстраціи. На это указываетъ вчерашняя куріозная телеграмма съ Мальты. Между тѣмъ какъ въ самой Англіи и не думаютъ налагать запретъ на суда идущія изъ Чернаго Моря, такъ какъ это немедленно отозвалось бы вздорожаніемъ хлѣба, британскія власти на островѣ Мальтѣ предписываютъ двадцатиоднодневный карантинъ на все идущее изъ Чернаго Моря: это безопасно для интересовъ англійской торговли такъ какъ на Мальту торговля не направляется...

Вообще всѣ эти мѣры за границей противъ Россіи по поводу чумы имѣютъ явно характеръ демонстраціи. Мы видѣли что даже Турція готовилась отправить къ намъ врача для изслѣдованія болѣзни. Тоже и Египетъ, который, по дипломатическимъ наущеніямъ, готовится принять мѣры противъ занесенія чумы изъ Россіи. Странныя извѣстія и изъ Италіи. Итальянское правительство предписало семидневный карантинъ для судовъ прибывающихъ изъ русскихъ портовъ, мѣра очевидно не серіозная,—но вотъ сейчасъ полученная телеграмма сообщаетъ о продленіи карантиннаго срока, конечно вслѣдствіе настояній Англіи или Германіи. На то же предположеніе наводитъ и сообщаемое въ Агентство Рейтера изъ Рима опроверженіе что нѣтъ де никакого основанія въ частныхъ извѣстіяхъ будто Италія обращалась съ увѣщаніями къ Австрійскому и Германскому правительствамъ противъ мѣръ задуманныхъ къ стѣсненію сообщеній съ Россіей.

Вообще вопросъ о чумѣ господствуетъ надъ положеніемъ. Подъ этимъ искусственно возбужденнымъ вопросомъ все какъ будто притихло. Но это затишье обманчивое. Мы очень хорошо знаемъ что ничто въ положеніи дѣлъ не измѣнилось, и ни одинъ изъ сомнительныхъ вопросовъ не подвинулся къ рѣшенію...

№ 25.

Москва, 27-го января.

Несмотря на краткость времени протекшаго съ тѣхъ поръ какъ бывшій государственный контролеръ сталъ министромъ финансовъ, публика не разъ уже имѣла возможность знакомиться съ его воззрѣніями на разныя стороны сложнаго финансоваго управленія. Не дѣлая, гдѣ не нужно, тайны изъ своихъ взглядовъ и предположеній, генералъ-адъютантъ Грейгъ не разъ уже, хотя кратко и въ общихъ выраженіяхъ, высказывалъ ихъ при разныхъ представлявшихся случаяхъ. Такъ изъ немногихъ, но вѣскихъ словъ сказанныхъ имъ 25 сентября минувшаго года при пріемѣ депутаціи отъ Общества Русской Промышленности и Торговли, публика могла составить себѣ понятіе о направленіи въ какомъ предполагается дѣйствовать по отношенію къ торговлѣ и промышленнымъ предпріятіямъ. Разныя замѣчанія и мнѣнія выраженныя министромъ въ опубликованномъ 1 сего января всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи разъяснили во многомъ взгляды министра на общее положеніе государственныхъ финансовъ и на соединяющіяся съ нимъ задачи, и тѣмъ не мало содѣйствовали устраненію той смуты въ умахъ которая была порождена настойчивыми пессимистскими разглагольствіями своей и заграничной печати. Недавно министру финансовъ представлялся новый удобный случай познакомить публику, хотя бы вскользь и въ об-

щихъ чертахъ, со своими взглядами по вопросамъ относящимся къ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ и ихъ операціямъ. Можно было, по бывшимъ примѣрамъ, ожидать что въ рѣчи обычно произносимой каждый годъ министромъ финансовъ въ засѣданіи Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій найдутъ себѣ мѣсто нѣкоторыя указанія и разъясненія по особенно интересующимъ публику вопросамъ. Правда, предстояло вести рѣчь объ операціяхъ кредитныхъ учрежденій не за послѣдній, а за 1877 г., но это конечно не препятствовало сказать мимоходомъ нѣсколько словъ и о находящихся съ ними въ связи операціяхъ послѣдующаго времени. Да и помимо указаній на 1878 годъ, въ самихъ операціяхъ 1877 года было много такихъ сторонъ по коимъ публика естественно могла желать нѣкоторыхъ разъясненій. Такъ, напримѣръ, желательны были, особенно въ виду недоброжелательныхъ газетныхъ толковъ, нѣкоторыя разъясненія о ходѣ и результатахъ выпавшихъ въ 1877 г. на долю Государственнаго Банка операцій по внутреннимъ займамъ, по покупкѣ золота, серебра и заграничныхъ векселей, по поддержкѣ оказываемой Банкомъ частнымъ кредитнымъ и инымъ предпріятіямъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ ожиданія какихъ-либо указаній по этимъ предметамъ не оправдались. Въ рѣчи произнесенной въ Совѣтѣ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій 16 января, какъ могли видѣть читатели изъ текста ея помѣщеннаго въ двухъ послѣднихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, министръ финансовъ, говоря объ операціяхъ кредитныхъ учрежденій за время когда онѣ не состояли подъ его вѣдѣніемъ, не счелъ удобнымъ привести что-нибудь кромѣ чисто формальнаго свода цифръ заключающихся въ представленныхъ Совѣту отчетахъ Кредитныхъ Учрежденій,—цифръ, имѣющихъ для публики единственно статистическій, и притомъ не современный, а скорѣе историческій интересъ.

Вполнѣ цѣня деликатность побудившую министра финансовъ воздержаться въ своей рѣчи отъ всякихъ указаній и разъясненій которыя имѣли бы большой интересъ для публики, но могли быть нежелательны для финансоваго управленія, не можемъ однако не посѣтовать на происшедшую отсюда не только канцелярскую сухость и безцвѣтность, но и неполноту изложеній операцій государственныхъ кредитныхъ учрежденій. Неполнота эта простирается до того что въ рѣчи министра финансовъ ни однимъ словомъ не упомянуто даже о производившихся въ 1877 году чрезъ Государственный Банкъ чрезвычайныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ,—выпускахъ на которые обращено нынѣ вниманіе какъ практическихъ здравомыслящихъ людей судящихъ о нихъ по ихъ результатамъ, такъ и доктринеровъ которые считаютъ долгомъ своимъ пребывать глухими и слѣпыми къ указаніямъ дѣйствительности.

Кстати объ этихъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ. Ниже мы помѣщаемъ статью Д. П. Шипова, пожелавшаго отозваться на высказанныя нами по этому предмету мнѣнія. Не перетолковывая ихъ, какъ дѣлаютъ иные, и соглашаясь съ нами, почтенный авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ что отнюдь не въ бывшихъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ лежитъ причина упадка нашихъ вексельныхъ курсовъ. Г. Шиповъ видитъ ее въ невыгодности нашего торговаго баланса. Съ этимъ можно согласиться лишь отчасти. Торговый балансъ имѣетъ, конечно, нѣкоторое значеніе въ этомъ дѣлѣ, но едва ли въ этомъ балансѣ заключается главная сила управляющая паденіями и возвышеніями вексельныхъ курсовъ. Курсы у насъ часто возвышаются и понижаются независимо и отъ того расширяется или сокращается въ странѣ бумажно-денежное обращеніе, и отъ того въ выгодную или невыгодную сторону склоняется нашъ торговый балансъ. На высоту вексельныхъ курсовъ, конечно, не остаются безъ вліянія и выпуски бумажныхъ денегъ, въ томъ случаѣ когда эти выпуски становятся чрезмѣрными, и уклоненіе торговаго баланса въ ту или другую сторону,—но едва ли не гораздо большее вліяніе на курсы имѣютъ заграничныя денежныя биржи, къ коимъ наши биржи давно уже стали въ подчиненное положеніе. Вслѣдствіе этого нашъ курсъ падаетъ и возвышается смотря по тому что выгодно иностранцамъ и въ той мѣрѣ какъ это для нихъ выгодно. Заключайте иностранные займы, и курсы будутъ повышаться на все время ихъ реализаціи, такъ что казна пріобрѣтетъ займомъ возможно меньшія суммы въ кредитной валютѣ; пріостановите внѣшніе займы, и курсъ понизится, такъ что на уплату

процентовъ по заключеннымъ займамъ государству придется тратить несоразмѣрно большія суммы въ кредитной валютѣ. То же самое случается и при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, между прочимъ и при международныхъ разчетахъ за привозные и отпускные товары, при колебаніяхъ торговаго баланса въ ту или другую сторону. Эта столь невыгодная и постыдная зависимость наша отъ иностранцевъ есть плодъ той ошибочной финансовой политики которой мы столь долго слѣдовали и которая заключалась въ постоянномъ обращеніи къ иностраннымъ капиталамъ предпочтительпо предъ отечественными, хотя бы послѣдніе предлагались за меньшій процентъ. Иностранцы натвердили намъ что Россіи „трудно еще обходиться безъ помощи европейскихъ капиталистовъ“—и мы свято этому вѣрили. „Сожалѣемъ что не можемъ исчислить и взвѣсить плоды которые Сѣверная Имперія собрала уже благодаря содѣйствію капиталовъ Запада. Золотой дождь пролитой Европой на лѣса и степи Россіи не остался для нея безплоднымъ,“ восклицали два года тому назадъ иностранные руководители наши,—и наши доморощенные экономисты посылали русскихъ людей учиться у нихъ правильнымъ финансовымъ взглядамъ. „Естественныя, еще не эксплуатированныя богатства Россіи, чтобы получить цѣнность, требуютъ большихъ капиталовъ,“ справедливо замѣчали наши заграничные менторы,—и наши экономисты, признавая это, соглашались, вмѣстѣ съ тѣмъ, что требуемые капиталы должны быть именно иностранные! Только отъ иностранныхъ капиталовъ можно Россіи ожидать добра, появленіе же своихъ капиталовъ, возможность что на разработку лежащихъ втунѣ богатствъ родной страны направятся отечественные капиталы,—это бѣдствіе хуже чумы, это гибельная экономическая болѣзнь, которой имя „промышленная лихорадка.“ Въ устраненіи финансовой политики опиравшейся на подобныя воззрѣнія заключается чуть ли не главное цѣлительное средство противъ существенныхъ золъ нашего финансоваго положенія, а не въ преимущественныхъ заботахъ объ искусственномъ наклоненіи торговаго баланса въ выгодную сторону. При правильной финансовой политикѣ, онъ и безъ особыхъ о немъ заботъ не замедлитъ сдѣлаться выгоднымъ. Главная задача не въ улучшеніи баланса и курсовъ, а въ отмѣнѣ нашей крѣпостной зависимости отъ иностранныхъ биржъ, и еслибы располагающія громадными средствами государственныя кредитныя учрежденія направили свою дѣятельность въ эту сторону, они оказали бы странѣ неоцѣненную услугу.

Чтобы улучшить вексельный курсъ, по мнѣнію г. Шипова, нужно улучшить торговый балансъ, а для этой послѣдней цѣли нужно, помощію серіознаго покровительства, поднять русское желѣзное производство. Мы согласны съ нимъ въ настоятельной необходимости принять энергическія мѣры къ поддержанію и развитію этого производства и расходимся только въ мотивахъ къ этимъ мѣрамъ. Эти мотивы, по нашему мнѣнію, заключаются не въ высотѣ курсовъ и не въ торговомъ балансѣ. Они заключаются въ положительной необходимости для Россіи выйти изъ невозможной для нея, по невыгодности и постыдности, зависимости отъ другихъ странъ, по такой важной отрасли народной экономической жизни какъ желѣзное производство. Въ настоящее время, когда потребность въ желѣзѣ, вслѣдствіе постройки слишкомъ двадцати тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, чрезвычайно увеличилась, а между тѣмъ отечественное желѣзное производство почти убито (оно немного вздохнуло лишь благодаря упадку вексельнаго курса),—въ какомъ затруднительномъ положеніи очутились бы мы еслибы снабжающія насъ желѣзомъ страны вздумали вдругъ, по какимъ-нибудь побужденіямъ, отказать намъ въ немъ? А вѣдь послѣ тѣхъ каверзъ которыя стараются нынѣ дѣлать намъ западные доброжелатели, вступившіе противъ насъ въ общій заговоръ, по такому пустому поводу какъ появленіе чумной болѣзни въ нѣсколькихъ поселкахъ Астраханской губерніи, трудно, кажется, полагаться на ихъ благосклонное къ намъ расположеніе. Положимъ, въ настоящую минуту, по части снабженія Россіи желѣзомъ, насъ обезпечиваетъ постигшій Англію кризисъ, вынуждающій ее дорожить всякимъ рынкомъ сбыта своего производства. Но этотъ кризисъ не будетъ продолжаться вѣчно, и нельзя отрицать возможности что въ одну прекрасную минуту Россія вдругъ будетъ оставлена безъ привознаго желѣза. Россія обладающая громадными залежами самаго

лучшаго желѣза, Россія имѣющая богатыя залежи его и на востокѣ и на сѣверѣ и на югѣ, гдѣ разработка его облегчается счастливою близостію залежей каменнаго угля и антрацита,—Россія при такихъ обстоятельствахъ можетъ остаться безъ желѣза!

№ 27.

Москва, 29-го января.

Чума, какъ было нами замѣчено, отвлекла вниманіе отъ всѣхъ другихъ вопросовъ. Въ какомъ положеніи находятся въ настоящее время дѣла Англичанъ въ Афганистанѣ? Близко ли къ концу ихъ предпріятіе, или же грозитъ имъ новыми трудностями? Послѣднія извѣстія оттуда скудны; по длиннымъ описаніямъ корреспондентовъ сопровождающихъ различныя колонны, трудно составить себѣ понятіе объ общемъ ходѣ дѣла. Министерскіе органы старались все время выставить на видъ блестящій успѣхъ зимней кампаніи, предусмотрительность и хорошую подготовку, устранившія всякую возможность сопротивленія. Однако не видно еще чтобы дѣло было кончено, и мы знаемъ что изъ Англіи недавно еще отправлялись подкрѣпленія въ Индію.

Чтобы судить о дѣлахъ Англичанъ въ Афганистанѣ, слѣдуетъ сравнить ихъ теперешнее положеніе съ тѣмъ какое могло бы удовлетворить англійскую политику. Отмѣтимъ сперва достигнутое. На сѣверѣ Англичане, выйдя изъ Хайберскаго прохода, заняли Джеллалабадъ; средняя колонна заняла Курумскую долину; а южный отрядъ изъ Кветты занялъ Пишинъ, потомъ въ послѣднее время продвинулся до Кандагара, и даже выслалъ отряды къ Гиришку и Келатъ-и-Гилзаю. За исключеніемъ единственной битвы выдержанной среднею колонною генерала Робертса при Пейваръ-Котулѣ, всѣ эти движенія совершились не встрѣтивъ серіознаго сопротивленія. Такимъ образомъ, все то что̀ было предположено для зимней кампаніи дѣйствительно исполнено. Но подвигается ли этимъ дѣло къ развязкѣ? Ожидалось что эти успѣхи убѣдятъ Афганцевъ въ невозможности сопротивленія и заставятъ ихъ покориться. Несомнѣнно что для Англичанъ лучше всего было бы еслибы Ширъ-Али теперь же согласился исполнить всѣ требованія Англичанъ, признать себя вассаломъ Индійской императрицы и добровольно уступить имъ тѣ пункты которые намѣчены ими для своей новой границы. Но, какъ ни стараются Англичане выставлять дѣла въ благопріятномъ для себя свѣтѣ, именно эта цѣль остается болѣе чѣмъ когда-либо сомнительною.

Не странно ли, вопервыхъ, что о мѣстопребываніи самого эмира Ширъ-Али, послѣ того какъ онъ оставилъ Кабулъ, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій? То съ увѣренностью сообщали что онъ удалился въ русскіе предѣлы, и даже присовокупляли что при этомъ свита его была обезоружена, что только ему самому дозволено было сохранить оружіе, и что онъ будто бы прибылъ въ Ташкентъ; то опять извѣщали что онъ находится въ Балхѣ, или въ Маймене, или въ Мазаръ-и-Шерифѣ, около Балха. Сегодня изъ Калькутты сообщаютъ даже о его смерти, будто бы случившейся на возвратномъ пути его изъ Ташкента, но калькутскими вѣстями уже много разъ передавались ложные слухи за факты. Затѣмъ, самое его удаленіе изъ Кабула англійскія извѣстія объясняли чѣмъ-то въ родѣ революціи въ его столицѣ, и что будто онъ принужденъ былъ бѣжать почти поголовнымъ неудовольствіемъ. Потому ожидали что оставшійся послѣ него правителемъ сынъ его, Якубъ-ханъ, не замедлитъ вступить въ переговоры съ англійскими генералами и даже воспользуется этимъ случаемъ чтобы, подъ покровительствомъ Англичанъ, утвердить престолъ за собой вмѣсто своего отца. Со времени удаленія Ширъ-Али изъ Кабула прошло однако около двухъ мѣсяцевъ, и что̀ же на повѣрку? Якубъ-ханъ и не думаетъ идти навстрѣчу желаніямъ Англичанъ. Напротивъ, они сами старались завязать съ нимъ сношенія, и политическимъ агентомъ сопровождающимъ отрядъ генерала Брауна, занявшій Джеллалабадъ, было отправлено къ нему письмо, на которое, наконецъ, недавно полученъ отвѣтъ. Въ немъ Якубъ-ханъ рѣшительно отказывается исполнить англійскія требованія и высказываетъ рѣшимость удерживать Кабулъ „согласно приказаніямъ полученнымъ имъ отъ отца." Когда такимъ образомъ слухи калькутскихъ телеграммъ объ ожидаемой покорности Якубъ-хана оказались вздорными, газеты признаютъ что „это слѣдовало предви-

дѣть,“ и вызывающимъ положеніемъ Якубъ-хана объясняютъ остановку отряда генерала Брауна въ Джеллалабадѣ, вмѣсто того чтобъ идти на Кабулъ, въ виду необходимости „спѣшно дополнить коммиссаріатскія и транспортныя приготовленія для резервныхъ дивизій.“

Другое обстоятельство. Мы то и дѣло читали въ англійскихъ телеграммахъ изъ Индіи что пограничныя горныя племена добровольно покоряются Англичанамъ, выдаютъ заложниковъ и изъявляютъ готовность помогать имъ. Не подлежитъ сомнѣнію что Англичане истратили не мало золота на подкупъ этихъ горныхъ племенъ. И, несмотря на то, изо всѣхъ трехъ отрядовъ продолжаютъ получаться однообразныя извѣстія о не прекращающихся убійствахъ лагерныхъ прислужниковъ и о систематическихъ нападеніяхъ на транспорты. А отсюда заключаютъ объ „очевидной“ необходимости поддержать сильными подкрѣпленіями слабыя передовыя колонны, дабы обезпечить свободную линію колонны, сообщеній, въ тылу, которой „ежеминутно могутъ угрожать большіе отряды хорошо вооруженныхъ и храбрыхъ, хотя и не дисциплинованныхъ горцевъ.“ Такъ напримѣръ, генералу Моду въ Хайберскомъ проходѣ понадобилось вторично въ теченіе одного мѣсяца предпринять экспедицію противъ неукротимыхъ Закаръ-хейлей, одного рода изъ племени Афридіевъ. Первая экспедиція не привела ровно ни къ какому результату, такъ какъ отряды двухъ англійскихъ генераловъ, направленные съ двухъ противоположныхъ сторонъ, сошлись не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. О результатѣ второй экспедиціи до сихъ поръ еще ничего неизвѣстно.

Еще хуже извѣстія изъ средней колонны, подъ начальствомъ генедала Робертса, оперирующей въ Курумской долинѣ. Тамъ, вслѣдствіе угрожающаго образа дѣйствій Мангаліевъ, генералъ Робертсъ принужденъ былъ отвести свои отряды изъ Матуна на Сабири, при чемъ арріергардъ былъ постоянно тревожимъ горцами. Экспедиція предпринятая имъ въ долину Хоста для наказанія горцевъ за ночное нападеніе на его лагерь, 7 января, также оказалась безъ результата. Она еще болѣе распалила ненависть горцевъ, и послѣ публичнаго возвѣщенія старшинамъ что управленіе ихъ долиной переходитъ въ англійскія руки, генералъ Робертсъ принужденъ былъ вовсе удалиться изъ занятой мѣстности. Въ объясненіе неудачи теперь признаютъ что онъ предпринялъ слишкомъ много для своего слабаго отряда, и что хотя его первыя движенія и сопровождались успѣхомъ, но что успѣхъ былъ слишкомъ дорого купленъ и „не обезпечилъ безопасности англійскихъ войскъ въ этихъ мѣстностяхъ.“ Допускаютъ даже что, въ стратегическомъ смыслѣ, движеніе этого отряда было ошибкой.

Все это не только не свидѣтельствуетъ о легкости исполненія затѣяннаго предпріятія, но, напротивъ, лишь подтверждаетъ то что давно предвидѣли и предсказывали многіе, а именно что Англичанамъ придется имѣть дѣло съ упорною партизанскою войной въ трудной и скудной продовольствіемъ мѣстности, при необезпеченномъ сообщеніи. Между тѣмъ, по англійскимъ же свѣдѣніямъ, Якубъ-ханъ укрѣпляетъ Кабулъ, а въ Гератѣ остается еще Афганская армія въ 20.000 человѣкъ, съ 30 орудіями, могущая угрожать позиціи Англичанъ въ Кандагарѣ.

Объ этомъ южномъ отрядѣ, который безпрепятственно продвинулся далѣе всѣхъ другихъ, до Кандагара, также имѣются не утѣшительныя вѣсти. Отступившій оттуда афганскій генералъ уничтожилъ всѣ лодки на рѣкѣ Гельмундѣ, что затруднитъ начатое движеніе на Гиришкъ и потребуетъ постройки моста черезъ рѣку, которая съ наступленіемъ весеннихъ дождей и до августа мѣсяца становится непереходимою. Въ Кандагарѣ продовольствіе добывается съ большими затрудненіями. Настроеніе горныхъ племенъ считается по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Коммиссаріатъ оказался крайне неудовлетворительнымъ, а дороги крайне плохими. Такъ пишутъ что мулы и волы на коихъ были привезены батареи въ Кветту оказались вовсе негодными для службы, что дороги загромождены обозами вслѣдствіе падающихъ верблюдовъ, солдаты же терпятъ отъ недостатка теплой одежды.

Итакъ, по всему судя, Англичанамъ не обойтись безъ весенней кампаніи, если они хотятъ довести до конца начатое ими дѣло. Но что потомъ? Если и Якубъ-ханъ послѣдуетъ примѣру отца, и съ приближеніемъ Англичанъ оставитъ Кабулъ, ближе ли они будутъ къ политическому разрѣшенію своей задачи? А долговременное занятіе Афганистана должно будетъ возвы-

сить расходы экспедиціи до размѣровъ какіе трудно и предвидѣть. Объ этихъ расходахъ и теперь не имѣется свѣдѣній, и ими не очень пока интересуются, такъ какъ парламентъ рѣшилъ возложить ихъ на Индію. Но ими придется заняться, такъ какъ финансы самой Индіи далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, а между тѣмъ засуха уже вновь возбуждаетъ опасенія за урожай въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи. Бремя новаго тяжкаго расхода будетъ совершенно не по силамъ для Индіи, какъ это доказываетъ профессоръ Фосеттъ въ статьѣ о финансовомъ положеніи Индіи въ февральской книжкѣ журнала *Nineteenth Century*, въ которой онъ, на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что доходы Индіи совершенно не эластичны; 2) что расходы усилились замѣтнымъ образомъ въ послѣднее время; 3) что расходы на армію въ ней чрезмѣрны, поглощая 45% всего чистаго дохода, и что расходъ этотъ увеличится если границы Индіи будутъ раздвинуты, какъ это замышляется; 4) что въ послѣднія двадцать лѣтъ долгъ Индіи удвоился, и 5) что поэтому для покрытія дефицита придется прибѣгнуть къ возвышенію налоговъ, что всѣми вице-королями признавалось весьма опаснымъ.

Такимъ образомъ Индіи трудно и даже едва ли возможно будетъ покрыть расходы Афганской войны. Но это все-таки расходъ временный. Къ этому надо еще принять во вниманіе что, по разчету военныхъ авторитетовъ, расширеніе границы до Кандагара и Джеллалабада, потребуетъ постояннаго усиленія арміи въ Индіи на 14.000 человѣкъ, что обойдется не менѣе милліона въ годъ, не считая расходовъ на укрѣпленія и на плату субсидій горнымъ племенамъ.

Въ такомъ состояніи представляется вопросъ, не лишенный значенія, о которомъ всѣ какъ будто забыли въ послѣднее время.

№ 28.

Москва, 30-го января.

А.

Наконецъ послѣ долгихъ переговоровъ, — столь долгихъ что они казались умышленною проволочкой со стороны Порты, — подписанъ окончательный мирный трактатъ завершающій нашу войну съ нею. До сихъ поръ, несмотря на Берлинскій трактатъ, и хотя военныя дѣйствія прекратились еще гораздо раньше того, мы не могли считать военное положеніе оконченнымъ и имѣть увѣренность что нашимъ войскамъ не потребуется новыхъ трудовъ. Берлинскій трактатъ былъ лишь соглашеніемъ между державами по спеціально интересовавшимъ ихъ пунктамъ, и потому онъ естественно долженъ былъ оставить нетронутыми много отдѣльныхъ пунктовъ касающихся Россіи и Турціи, которые хотя и значились въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, но по его прелиминарному характеру еще нуждались въ окончательной формѣ. Только теперь можемъ мы сказать что находимся въ мирѣ съ Портой.

Въ телеграммѣ вѣнской *Политической Корреспонденціи* приводятся и условія этого мирнаго договора. Но такъ какъ сообщеніе это едва ли можетъ быть полно и точно, и такъ какъ срокъ ратификаціи повидимому назначенъ весьма короткій, то вѣроятно не замедлитъ офиціальное обнародованіе договора, и до того времени нѣтъ надобности пускаться въ гадательныя сужденія о немъ. Теперь достаточно порадоваться что подписаніе Портой трактата освободило насъ, наконецъ, отъ тревожной неизвѣстности

Почти одновременно съ этимъ мы узнали объ исполненіи Портой условій касательно Черногоріи, о сдачѣ Подгорицы, Спужа и Жабляка. Совпаденіе во времени этихъ двухъ извѣстій указываетъ на тѣсную связь этой уступки съ заключеніемъ окончательнаго договора между Россіей и Турціей. Спокойно совершившаяся передача Турками Черногорцамъ упомянутыхъ мѣстностей показываетъ всю фальшивость извѣстій о какой-то Албанской лигѣ, которая будто бы ставила Порту въ невозможность исполнить это условіе. Россія оказала Черногорцамъ новую услугу давъ имъ мирную возможность вступить во владѣніе тѣмъ что дважды пріобрѣтено ими оружіемъ. Еслибы только отъ Берлинскаго трактата зависѣло удовлетвореніе ихъ права, то Порта можетъ-быть и до сихъ поръ медлила бы его исполненіемъ. Но, но счастію для Черногоріи, Россія еще прежде выговорила отъ Порты уступку купленную геройскою доблестью Черногорцевъ, и кончая свои счеты съ Портой она конечно не могла забыть своего вѣрнаго союзника.

Событія эти, обращая вновь наше вниманіе на юго-востокъ Европы, отъ коего оно такъ долго было отвлечено толками и заботами о чумѣ, напоминаютъ намъ какъ много еще тамъ остается не конченнаго и подверженнаго сомнѣніямъ. Вдобавокъ къ прежнимъ вопросамъ возникъ еще новый, споръ между Россіей и Румыніей о пограничной линіи между Румыніей и Болгарскимъ княжествомъ. Случай этотъ подалъ поводъ заграничной, преимущественно англійской, печати поднять новый гвалтъ противъ якобы русской притязательности вопреки волѣ совокупной Европы. Въ сущности же причина спора заключалась только въ неясности и неточности Берлинскаго трактата. Въ немъ сказано только что пограничная линія должна пройти отъ Мангаліи къ пункту восточнѣе Силистріи, самое же проведеніе границы предоставлено международной коммиссіи. Въ сей послѣдней возникло разногласіе. Большинство членовъ приняло рѣшеніе, согласно съ желаніями Румынъ, провести границу всего въ 800 саженяхъ отъ Силистріи, вслѣдствіе чего крайній фортъ этой крѣпости, Арабъ-Табія, оказался бы на Румынской территоріи, такъ какъ въ иномъ мѣстѣ будто бы невозможно поставить мостъ для сообщенія Румыніи съ отошедшею къ ней Добруджей. Русскій же коммиссаръ предлагалъ провести линію восточнѣе на основаніи стратегическихъ соображеній, дабы Силистрія не находилась менѣе чѣмъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Румынской территоріи; для постройки же моста указывалъ другое удобное мѣсто. Дѣло усложнилось тѣмъ что Румынское правительство, полагаясь на рѣшеніе большинства коммиссіи какъ на законъ, приказало генералу Ангелеску немедленно занять фортъ Арабъ-Табію, хотя бы тамъ были русскія войска. Начальникъ небольшаго русскаго отряда, будучи увѣдомленъ что Румыны явившіеся въ большомъ числѣ готовы прибѣгнуть къ силѣ, очистилъ фортъ заявивъ протестъ. Узнавъ объ этомъ, наше правительство потребовало въ свою очередь отъ Румынскаго очистить фортъ. Тогда послѣднее обратилось къ покровительству державъ, объясняя что оно де исполнило лишь „европейское рѣшеніе." Такъ излагаетъ дѣло между прочимъ, вѣнскій корреспондентъ газеты *Times*, въ полученномъ сегодня нумерѣ, утверждая будто Россія обязана была принять рѣшеніе большинства коммиссіи за окончательное. Конгрессомъ, однако, не было дано такого широкаго полномочія ни одной коммиссіи. Это явствуетъ изъ того что хотя самою коммиссіей и было принято рѣшать дѣла большинствомъ, однако въ первомъ же ея протоколѣ было оговорено и неотчуждаемое право правительствъ принимать или отвергать, въ совокупности или частію, дипломатическій инструментъ который долженъ имъ быть представленъ по окончаніи работъ коммиссіи. Румынское же правительство поступило самоуправно не выждавъ этого утвержденія. Россія не настаивала непремѣнно на своемъ, а лишь требовала, по случаю возникшаго разногласія, чтобы вопросъ былъ пересмотрѣнъ или новою коммиссіей, или же конференціей пословъ въ Константинополѣ. Этому требованію, по слухамъ, противились другія державы; но, какъ извѣщаетъ одна изъ сегодняшнихъ телеграммъ, конференція пословъ по этому предмету въ Константинополѣ уже назначена.

Въ Восточной Румеліи дѣла также не подвигаются. Восточно-румелійская коммиссія, въ послѣднее время, по слухамъ, болѣе занималась измышленіемъ мѣръ противъ занесенія чумы изъ Россіи, для чего придумала запереть всѣ порты для русскихъ судовъ, то-есть желала присвоить себѣ право отрѣзать морское сообщеніе русскимъ войскамъ въ Румеліи. Отъ окончанія же собственнаго дѣла, выработки регламента для провинціи, она также далека какъ прежде. Впрочемъ, англійскій делегатъ сэръ-Генри Вольфъ, по извѣстіямъ отъ 4 февраля, представилъ проектъ закона для выборовъ въ генеральный совѣтъ, на основаніи коего каждому изъ 14 округовъ предоставляется выбирать по два члена, тогда какъ 24 члена будутъ назначаемы губернаторомъ и естественно будутъ представлять турецкіе интересы. Этимъ и ограничивается извѣстіе. Константинопольскій корреспондентъ *Times* сообщаетъ нѣсколько болѣе. По его словамъ, въ оффиціальномъ и дипломатическомъ мірѣ два противоположныя теченія: одни требуютъ возстановленія, въ возможно большей степени, власти Порты въ новой провинціи; другіе же склоняются къ удовлетворенію, по возможности, благоразумныхъ желаній жителей. Первые изобличаютъ эти желанія какъ „панславизмъ, болгарскія и революціонныя тенденціи;" вторые же ука-

зывають что всякая попытка къ возстановленію прежняго порядка вещей поведеть къ безпорядкамъ, и что прежняя система можеть поддерживаться только терроризмомъ. Такое же разногласіе оказывается и по введенію новаго статута который еще не выработанъ. Одни хотѣли бы прямо призвать турецкія войска; другіе изыскивають средства обойтись безъ этого, напримѣръ помощью жандармеріи подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ или смѣшаннымъ занятіемъ, но всѣ эти планы встрѣчають де затрудненія.

Все это свидѣтельствуеть несомнѣнно что дѣло Восточной Румеліи, поставленное на ложную почву, нейдеть ладно, и что оно грозить большими замѣшательствами ко времени срока назначеннаго для ухода оттуда русскихъ войскъ. Но о возможности новыхъ бѣдствій для несчастной провинціи не хотять подумать. Газета *Times* старается успокоить сомнѣнія замѣчаніемъ что „многое еще можеть случиться въ теченіи трехъ мѣсяцевъ." Она ублажаеть румелійскихъ Болгаръ что никто де не желаеть ограничивать ихъ льготы, и султанъ де не имѣеть надъ ними другаго права какъ только проводить свои войска въ балканскія крѣпости. Однако далѣе она сама же говорить, по поводу толковъ что исполненіе Берлинскаго трактата относительно Румеліи можеть встрѣтить сопротивленіе со стороны жителей, слѣдующее: „Должно приготовиться не къ тому „чтобы добиваться измѣненій въ трактатѣ, „а чтобы справиться съ положеніемъ вещей „которое представится когда наступить время для окончательнаго исполненія его постановленій. Если необходимо подвергнуться „ся нѣкоторому риску новаго взрыва революціонной борьбы по уходѣ русскихъ „войскъ, то этому риску должно подвергнуться. Смѣлый образъ дѣйствій бываеть часто и болѣе благоразумный въ такихъ случаяхъ, и даже еслибъ опасность „была больше чѣмъ мы думаемъ, эта альтернатива все-таки предпочтительнѣе отказа отъ трактата въ минуту когда его „исполненіе такъ близко."

Иными словами, это опять *some fighting*, лишь бы торжествовала англійская политика...

Б.

Принимая мѣры стѣснительныя для русской торговли, какъ будто для огражденія себя отъ чумы, Германское правительство никакъ не хочеть допустить чтобъ эти мѣры, вовсе не вызываемыя однако близостью опасности, имѣли въ сущности не ту цѣль какая заявляется гласно. „Нѣкоторые органы русской печати," говорить берлинская газета *Post*, получающая, какъ извѣстно, внушенія отъ князя Бисмарка, „хотять увѣрить своихъ читателей будто мѣры предосторожности, принимаемыя сосѣдними съ Россіей государствами, имѣють иную, именно политико-экономическую цѣль. Разглашается даже басня о задуманной будто бы *таможенной войнѣ*." Политико-экономическія или просто политическія цѣли, вопросъ не въ томъ. Спрашивается только откуда этотъ внезапный страхъ? чтò вызвало вдругъ такія тревожныя мѣры? Чума одиннадцать лѣтъ уже свирѣпствуеть въ Азіятской Турціи и въ Персіи мѣстностяхъ находящихся въ постоянныхъ и частыхъ сообщеніяхъ съ западною Европой, и никто не думалъ прерывать или затруднять эти сообщенія. Товары шли безпрепятственно изъ долины Евфрата; отъ ѣдущихъ изъ Сиріи и Малой Азіи никто не требовалъ удостовѣренія что они не побывали въ „подозрительныхъ мѣстностяхъ." Чтò же теперь случилось такого чтò могло бы испугать Европу до забвенія всѣхъ приличій? Въ двухъ-трехъ степныхъ станицахъ, отдаленныхъ отъ всякихъ путей сообщенія, въ государствѣ конечно болѣе способномъ принять охранительныя мѣры нежели Турція или Персія, появилась эпидемія въ родѣ чумы (теперь больна только одна дѣвочка въ селеніи Селитряномъ), и Германія тотчасъ же налагаеть запрещеніе на ввозъ русскихъ товаровъ. Не всѣхъ, однако. Такіе товары которые ей нужны, безъ которыхъ ей трудно было бы обойтись, благоразумно исключаются. Такъ, напримѣръ, шерсть ввозить изъ Россіи дозволяется, а кожи, икру и рыбу не дозволяется. Почему же это? Развѣ доказано новѣйшими открытіями что чумной ядъ легче передается посредствомъ кожъ, икры или рыбы нежели посредствомъ шерсти? Но не далѣе какъ въ предпослѣднемъ нумерѣ *Сѣверогерманской Всеобщей Газеты* помѣщена длинная статья о чумѣ, написанная, какъ заявляеть редакція, знатокомъ дѣла, въ которой говорится положительно что „мѣха и *шерсть* всякаго рода въ особенности воспріимчивы къ чумному яду." Одинъ изъ

опасныхъ товаровъ (шерсть) дозволяется возить въ Германію, а другой (мѣха), вмѣстѣ со многими представляющими гораздо менѣе опасности, какъ напримѣръ, икра, которой трудно придти въ соприкосновеніе съ чумнымъ, поражаются запрещеніемъ. Одно изъ двухъ: или мѣры принимаемыя Германіей противъ ввоза русскихъ товаровъ не имѣютъ смысла, или онѣ имѣютъ какой-нибудь задній смыслъ? Для чего же спорить противъ очевидности? Пользоваться обстоятельствами чтобъ извлечь для себя выгоду не считается въ политикѣ предосудительнымъ; но отнѣкиваться отъ такого намѣренія когда оно явно для всякаго, значитъ вносить въ политику ненужный и безцѣльный обманъ.

Мѣры принимаемыя Германскимъ правительствомъ кажутся недостаточными нѣкоторымъ органамъ германской печати. „Трудно будетъ бороться съ заразой когда она охватитъ огромныя пространства и дойдетъ до нашихъ границъ, говоритъ *Кельнская Газета*. Гораздо легче подавить ее въ ея теперешнемъ гнѣздѣ за Волгой. Нельзя положиться что Россія будетъ въ силахъ это сдѣлать одна, своими средствами. Врачи ея не надежны, чиновники также, кордоны ея небрежны и безпечны. Не ученыхъ только для изслѣдованія болѣзни должна Германія послать въ зараженныя мѣстности, а снабженныхъ полномочіемъ опытныхъ должностныхъ лицъ, которыя могли бы распоряжаться лучше чѣмъ русскія власти.“ Зачѣмъ же останавливаться на полдорогѣ? Вѣдь Русскіе, пожалуй, не сумѣютъ съ достаточною точностью исполнить распоряженія германскихъ властей. Почему же не послать и войско для содержанія исправныхъ кордоновъ? Всего желательнѣе и цѣлесообразнѣе была бы просто военная оккупація „подозрительныхъ“ мѣстностей. Тогда Европа могла бы быть спокойна, и Россія была бы благодарна за то что съ нея сняли непосильную ей отвѣтственность. Любопытно что германская газета, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, приводитъ выписку изъ *Голоса*, доказывающую какъ полезно было бы и для Европы, и для насъ дѣятельное вмѣшательство иностранныхъ властей.

№ 29.

Москва, 31-го января.

Сегодня, 12 февраля н. ст., предстоитъ открытіе Германскаго рейхстага, и князь Бисмаркъ, прибывшій по этому случаю на сихъ дняхъ въ Берлинъ, явится предъ собраніемъ народныхъ представителей Германіи не только двигателемъ новыхъ экономическихъ проектовъ, приходящихся не по вкусу либеральнаго большинства рейхстага, но и виновникомъ новаго политическаго успѣха одержаннаго Германіей чрезъ отмѣну V статьи Пражскаго трактата 1866 года. Надо ожидать что этотъ успѣхъ усилитъ популярность имперскаго канцлера и еще болѣе усмиритъ противниковъ его экономическихъ предположеній, и безъ того не особенно увѣренныхъ въ себѣ и въ возможности бороться противъ новыхъ предпріятій могучаго государственнаго человѣка. Но и помимо этого, конвенція объ отмѣнѣ сказанной статьи Пражскаго трактата, заключенная еще 11 октября прошлаго года и только теперь обнародованная, имѣетъ немаловажное значеніе. Мотивы конвенціи важнѣе самаго ея содержанія. Въ конвенціи сказано что обѣ договорныя стороны согласились между собою на отмѣну V статьи Пражскаго трактата, въ виду того что „императоръ Германскій и король Прусскій далъ понять какое значеніе онъ придалъ бы устраненію этого условія Пражскаго мира; а императоръ Австрійскій принялъ во вниманіе тѣ трудности которыя „противостоятъ осуществленію положеннаго въ основаніе той статьи принципа и, „кромѣ того, желалъ дать доказательство „своего желанія *еще тѣснѣе затянуть узы „дружбы соединяющія обѣ державы.*“

Для уразумѣнія дѣла считаемъ не лишнимъ припомнить вкратцѣ исторію V статьи Пражскаго трактата. Война противъ Даніи изъ-за Шлезвигъ-Гольштейна ведена была совокупными силами Австріи и Пруссіи, являвшимися въ этомъ случаѣ исполнителями предписанія тогдашняго Германскаго Сейма. Герцогство Шлезвигъ-Гольштейнъ было уступлено Даніей, по Вѣнскому трактату, 30 октября 1864 года, обѣимъ этимъ державамъ въ совокупности. Это совмѣстное владѣніе послужило, два года спустя, внѣшнимъ поводомъ къ столкновенію между Австріей и Пруссіей, повлекшему за собою полное пораженіе Австріи при Садовой и

изгнаніе ея изъ Германскаго Союза. Австро-Прусская война окончилась мирнымъ трактатомъ заключеннымъ въ Прагѣ 23 августа 1866 года, при содѣйствіи Франціи. Императоръ Наполеонъ III принялъ на себя роль „спасителя" Австріи отъ окончательнаго погрома, и князь Бисмаркъ охотно предоставилъ ему этотъ дешевый тріумфъ, ибо, съ одной стороны, это избавило Пруссію отъ войны съ Франціей, къ которой подстрекали Наполеона всѣ шовинистскіе элементы Франціи, въ томъ числѣ либеральная оппозиція съ Тьеромъ во главѣ, а съ другой, князь Бисмаркъ уже тогда вѣрно разчиталъ шансы будущаго политическаго тяготѣнія и тотъ переворотъ вслѣдствіе котораго Австрія не только не связала своей судьбы съ Франціей, но, напротивъ, превратилась въ союзника, или вѣрнѣе, вассала Германіи. Въ тѣхъ же видахъ князь Бисмаркъ не отказался и отъ другаго тщеславнаго домогательства Франціи, предъявленнаго во имя „принципа національности" въ интересахъ Даніи, и этото домогательство породило ст. V Пражскаго трактата, которая гласитъ такъ: „Императоръ Австрійскій уступаетъ королю „Прусскому всѣ пріобрѣтенныя имъ по Вѣнскому трактату 30 октября 1864 права на герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, съ „тѣмъ однако чтобы сѣверные округи Шлезвига были уступлены Даніи если населенія оныхъ, посредствомъ свободнаго голосованія, выскажутъ желаніе присоединиться къ Даніи."

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ прошедшихъ со времени Пражскаго мира, Австрія не разу не сдѣлала попытки воспользоваться приведенною статьей; тѣмъ настойчивѣе пыталась добиться ея осуществленія Данія. Но именно Данія, которая одна имѣла въ этомъ дѣлѣ матеріальный интересъ, юридически лишена была возможности опираться на обязательствѣ принятомъ Пруссіей только относительно Австріи. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ протекшихъ между Пражскимъ миромъ и Франко-Прусскою войной, Данія еще находила поддержку въ правительствѣ императора Наполеона, и въ это время князь Бисмаркъ неоднократно заявлялъ о готовности осуществить условіе касательно сѣвернаго Шлезвига. По этому поводу велись формальные переговоры; но уже въ то время князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ оговориться (въ рѣчи произнесенной въ Сѣверо-Германскомъ рейхстагѣ 17 марта 1867) что по отношенію къ сѣверному Шлезвигу Пруссія несетъ формальную обязанность исключительно предъ Австріей. Переговоры съ Даніей не привели ни къ чему, такъ какъ Пруссія ни въ какомъ случаѣ не соглашалась возвратить Даніи островъ Альсенъ и сверхъ того выговаривала себѣ такія права вмѣшательства въ пользу нѣмецкаго населенія предположенныхъ къ возврату округовъ на которыя Данія не могла согласиться безъ ущерба своей государственной независимости. Въ 1870 году, когда вспыхнула Франко-Прусская война, Данія стала было готовиться въ свою очередь къ войнѣ съ Германіей изъ-за сѣвернаго Шлезвига, но прежде чѣмъ прибыла къ ней помощь обѣщанная Франціей послѣдовалъ Седанскій погромъ, послѣ котораго Данія разумѣется не могла ужь и помышлять и борьбѣ противъ своего могучаго противника. Съ тѣхъ поръ о V статьѣ Пражскаго трактата офиціально не было болѣе рѣчи, пока конвенція 11 октября 1878 года не возобновила воспоминаній о ней и не разбередила старыхъ ранъ. Французская печать на первыхъ порахъ отказывалась вѣрить въ возможность такого соглашенія. Во Франціи все еще не перестаютъ мечтать о томъ что Австрія когда-нибудь вспомнитъ что и ей должно искать возмездія за понесенное со стороны Германіи пораженіе, и что въ благопріятную для того минуту Пражскій трактатъ могъ бы послужить отличнымъ предлогомъ для разрыва съ Германіей. Несомнѣнно что Австрія приберегла до сихъ поръ это оружіе на всякій случай, ибо невозможность исполнить условіе V статьи Пражскаго трактата, которою мотивирована отмѣна ея, существуетъ не со вчерашняго дня, а между тѣмъ о ней не было рѣчи со времени основанія Германской имперіи, хотя объ „узахъ дружбы" соединяющихъ съ тѣхъ поръ обѣ имперіи не переставали заявлять съ той и другой стороны при всякомъ случаѣ.

И вотъ теперь Австрія не только отказывается отъ принадлежащаго ей права, но выставляетъ это какъ знаменіе еще болѣе тѣснаго сближенія съ Германіей. Всякій понимаетъ что въ области политики нѣтъ мѣста сентиментальности, и если Австрія склонилась на желаніе выраженное Германіей и ради еще болѣе тѣснаго сближенія удовлетворила этому желанію, то изъ этого слѣдуетъ что Германія имѣла поводъ

домогаться именно теперь указанной уступки. Почему же именно теперь, и какое вознагражденіе получила или имѣетъ получить за это Австрія?

Берлинскія газеты сами ставятъ этотъ вопросъ; но яснаго отвѣта, по своему обыкновенію, онѣ не даютъ. Изъ туманныхъ рѣчей берлинской печати по поводу конвенціи 11 октября одно только вытекаетъ съ достаточною ясностью, а именно что область въ которой Австрія можетъ ожидать для себя взаимную услугу находится на Балканскомъ полуостровѣ. Турецкіе Славяне, такъ разсуждаетъ *Національная Газета*, также далеки отъ интересовъ Германіи какъ Датчане Сѣвернаго Шлезвига отъ интересовъ Австріи. И если Германія должна чѣмъ-нибудь отплатить за то что ей развязаны руки относительно Датчанъ, то издержки взаимной услуги могутъ де нести только Славяне, а отнюдь не сама Германія. При этомъ берлинская газета указываетъ и на то что мѣры принятыя сообща съ Австріей противъ Россіи по поводу чумы не могутъ также не остаться безъ вліянія на будущія отношенія къ Россіи. А это въ свою очередь есть де новый поводъ ко взаимному сближенію между Австріей и Германіей.

Но не вѣрнѣе ли будетъ сказать что и самыя мѣры принятыя противъ Россіи — не столько поводъ сколько послѣдствіе разныхъ комбинацій и вознагражденій „насчетъ Славянъ“ придуманныхъ германскимъ канцлеромъ?

№ 30.

Москва, 1-го февраля.

Вчера только англійскія газеты принесли намъ извѣстіе что 12 января начались военныя дѣйствія Англичанъ, на границѣ колоніи Наталь, на мысѣ Доброй Надежды, противъ кафрскаго племени Зулу, причемъ одинъ изъ министерскихъ органовъ, *Morning Post*, выразилъ кичливую надежду что кампанія будетъ краткая и сравнительно безкровная, и вчера же телеграфъ огласилъ страшное пораженіе нанесенное англійскому оружію. Англичане въ битвѣ близь рѣки Тугелы потеряли все: людей, офицеровъ, весь транспортъ продовольствія, пушки, 1.000 ружей, огромное количество зарядовъ, знамя полка,—и это въ битвѣ съ дикарями! Не легко поправить такую неудачу. Не мудрено что телеграмма присовокупляетъ въ заключеніе: „колонія Наталь въ опасности; генералъ-губернаторъ требуетъ подкрѣпленій изъ Англіи.“ Какой ударъ для „бойкой политики“ и „имперскихъ идей“—*spirited policy and Imperial ideas*—лорда Беконсфильда. Вотъ какимъ подаркомъ можетъ онъ порадовать открывающійся сегодня парламентъ!

Неожиданность удара для самонадѣянности Англичанъ объясняется тѣмъ что съ Мысомъ Доброй Надежды нѣтъ телеграфнаго сообщенія. Ближайшая телеграфная станція находится, кажется, только на островѣ Мадерѣ, куда вѣсти должны доставляться съ Мыса пароходами. Поэтому мы находимся въ неизвѣстности о времени когда была битва съ плачевнымъ для Англичанъ исходомъ, и число 27 января, которымъ помѣчено извѣстіе, вѣрнѣе относится ко дню когда оно дошло до Мадеры. Самая же битва, повидимому, должна случиться много раньше, вѣроятно вскорѣ по началѣ кампаніи.

Въ извѣстіяхъ вчерашнихъ газетъ мы находимъ нѣкоторыя подробности нѣсколько поясняющія случившееся.

11 января истекъ срокъ ультиматума даннаго сэръ-Бартлемъ Фреромъ царьку племени Зулу, Сетевайо, и на слѣдующій же день англійскія войска вторглись въ непріятельскую страну, въ числѣ 13.000, изъ коихъ наполовину было Европейцевъ, на половину обученныхъ Англичанами туземцевъ. Три изъ этихъ колоннъ направлены были изъ Наталя, четвертая изъ Трансвааля. Имя англійскаго полка, упоминаемое въ телеграммѣ, показываетъ какая изъ этихъ колоннъ подверглась пораженію. Это была самая сильная изо всѣхъ, обозначаемая названіемъ „лѣвой центральной,“ въ коей было 4.000 человѣкъ, на половину Европейцевъ. Она состояла изъ двухъ баталіоновъ 24 пѣхотнаго полка, одной батареи, отряда туземной конной полиціи, около 200 конныхъ англійскихъ волонтеровъ и 2-го туземнаго пѣхотнаго полка. Этотъ 24 англійскій полкъ и потерялъ знамя. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на центральное положеніе уничтоженной колонны. Пораженіе ея заставитъ и другія колонны попятиться. Въ первыхъ извѣстіяхъ о движеніяхъ англійскихъ войскъ упоминается именно только о двухъ центральныхъ колоннахъ, о фланговыхъ же ничего

не было извѣстно. Эти первыя извѣстія, только что полученныя англійскими газетами, сообщаютъ о начальныхъ успѣхахъ Англичанъ, о томъ какъ Зулу отступали въ глубь страны, о нерѣшительности Сетевайо, о деморализаціи его войскъ, о томъ будто бы что сами его подданные желаютъ успѣха Англичанамъ. Полагаясь на эти свѣдѣнія, многіе ничего такъ не желали какъ скорѣйшаго столкновенія, то-есть несомнѣнной побѣды. Только немногіе опасались, соображая что войска Сетевайо пожалуй снабжены и скорострѣльными ружьями и горными орудіями, благодаря дружеской помощи бёрмингамскихъ же фабрикантовъ. Но всего болѣе страшились отступленія Кафровъ въ глубь страны и затяжной борьбы въ дебряхъ лѣсовъ и кустовъ (*bushfighting*). Съ этою цѣлью экспедиціонный корпусъ и былъ раздѣленъ на четыре колонны, чтобъ охватить непріятеля со всѣхъ сторонъ и кончить кампанію до наступленія дождливаго времени года. Всѣ эти планы теперь конечно рушились, и Англичанамъ приходится думать уже объ охраненіи безопасности своихъ владѣній. Чтобы судить объ опасности достаточно взять во вниманіе что въ колоніи Наталь, и безъ вторженія Зулу, живутъ только 20.000 Европейцевъ среди 400.000 туземцевъ.

Кстати теперь разъяснить обстоятельства подавшія поводъ къ этой новой затѣѣ торійскаго кабинета, которая надолго дастъ себя чувствовать карманамъ британскихъ плательщиковъ податей. Она представляетъ большое сходство съ Афганскимъ предпріятіемъ. Кафрская война на Мысѣ Доброй Надежды есть наслѣдіе и результатъ самовольнаго, не имѣющаго никакого оправданія захвата Англичанами независимой Трансваальской республики. Говорили только что это было будто бы необходимо для избѣжанія войны съ Кафрами, которую будто бы возбуждало неспособное правительство этой республики. Но именно тотчасъ за присоединеніемъ и началась война, и сначала вовсе не тамъ гдѣ ожидалось, а южнѣе, на границахъ Капской колоніи. Она кончилась успѣшно еще въ прошломъ году, когда одинъ изъ кафрскихъ вождей, Сандилли, былъ убитъ, а другой, Крели, бѣжалъ неизвѣстно куда, а племена ихъ покорились. Что же касается рода Зулу, живущаго сѣвернѣе, на границахъ Наталя и Трансвааля, то онъ все это время считался союзникомъ Англичанъ, которые и поддерживали его противъ трансваальскихъ *буровъ*. Но, вскорѣ по присоединеніи Трансваальской республики, взгляды Англичанъ измѣнились. Началось со спора о территоріи. Хотя прежде Англичане признавали права на нее Зулу, а тѣ въ свою очередь готовы были предложить свою армію на помощь Англичанамъ противъ трансваальскихъ буровъ, однако новое англійское управленіе Трансвааля объявило претензіи Зулу на спорную территорію неосновательными и предложило рѣшить споръ третейскимъ разбирательствомъ. Варвары Зулу немедленно и охотно согласились на это, и третейская коммиссія изъ самихъ же Англичанъ признала справедливость ихъ претензіи. Но новый губернаторъ сэръ-Бартль Фреръ уже началъ примѣнять въ Африкѣ ту самую политику которую онъ рекомендовалъ своему правительству относительно Афганистана. Опасаться южныхъ Кафровъ уже было нечего, и сильный отрядъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи былъ двинутъ въ Наталь. На пути онъ захватилъ и объявилъ британскою территоріей, не обращая вниманія на возраженія, полосу земли племени Пондо, варварскаго, но очень мирнаго, которое неизмѣнно было въ дружескихъ сношеніяхъ съ Англичанами. Затѣмъ сборы войскъ и всѣ приготовленія явно обнаруживали желаніе завязать ссору съ Сетевайо, вождемъ Зулу, чтобы разнести *„to smash up“* и это племя. Начались придирки, но Сетевайо всячески уклонялся. Ни сборы войскъ, ни даже экспедиція предпринятая Англичанами противъ вассальнаго ему вождя Секосени, — мимоходомъ сказать кончившаяся неудачно и только усилившая жалобы и недовольство насильно присоединенныхъ голландскихъ буровъ Трансваальской республики,—не могли вызвать его изъ выжидательнаго положенія. Тѣмъ не менѣе, хотя съ его стороны не было ни одного случая нападенія на колонистовъ, сэръ-Бартль Фреръ отправилъ ему въ минувшемъ декабрѣ ультиматумъ съ разными требованіями, между прочимъ съ такимъ чтобы браки заключались безъ разрѣшенія царя, а главное чтобы Сетевайо принялъ къ себѣ англійскаго резидента и распустилъ свою армію. Срокъ для принятія условій былъ данъ мѣсячный. Онъ истекъ 11 января, и какъ Сетевайо не далъ никакого отвѣта, то немедленно и начались непріятельскія дѣйствія.

Такова вкратцѣ исторія этого дѣла, отлично характеризующая дѣйствія Англичанъ въ ихъ колоніяхъ и владѣніяхъ. Объ отношеніяхъ же вообще Англичанъ къ низшимъ племенамъ еще лучше даетъ понятіе выдержка изъ едва ли кому въ Европѣ извѣстной капской газеты *Argus*, которую мы прочли въ *Herald of Peace*. Въ ней разказывается объ облавѣ сдѣланной колонистами противъ Бушменовъ укравшихъ быка. Колонисты, подъ начальствомъ офицеровъ, настигли Бушменовъ когда тѣ веселились и пировали за изжаренным быкомъ. Пиръ былъ прерванъ выстрѣлами, и началось страшное избіеніе... Одинъ изъ участниковъ экспедиціи разказываетъ:

„*Затѣмъ стали бросать жребій кому разстрѣливать плѣнныхъ, я долженъ пояснить что намъ приказано было убивать всѣхъ кто не могъ идти*, и я радъ что по счастію мнѣ не выпалъ жребій. Одна дѣвочка была ранена въ ногу и не могла идти. Я стоялъ въ двоемъ съ товарищемъ, и въ немъ она узнала господина у котораго прежде была въ услуженіи три года. Онъ хотѣлъ помочь ей и привести ее въ лагерь, но нѣкоторые изъ нашихъ товарищей рыскали между кустами ища кого бы подстрѣлить изъ раненыхъ которыхъ не доглядѣлъ капитанъ. Они убили дѣвочку въ то время какъ она перевязывала себѣ ногу платкомъ который далъ ей прежній господинъ. *Никто не спасся*."

Это случилось не за три столѣтія предъ симъ, а въ ноябрѣ прошлаго года. Удивляться ли послѣ этого что Англичане, способные сами совершать хладнокровно такія звѣрства, оставались равнодушны, и даже злорадствовали, при избіеніи христіанъ Турками. Въ утонченномъ варварствѣ цивилизованные мореплаватели не уступятъ никому въ свѣтѣ, ни Туркамъ, ни Кафрамъ, развѣ Австро-Венгерцамъ.

Пораженіе понесенное Англичанами на рѣкѣ Тугелѣ, это начало суда Божія. Вѣсть о немъ разнесется далеко, можетъ-быть отзовется въ Афганистанѣ...

№ 31.

Москва, 3-го февраля.

Въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* появилась замѣтка которая сама по себѣ не заслуживала бы вниманія еслибъ эта газета не считалась ближайшимъ органомъ князя Бисмарка. Замѣтка ссылается на сдѣланное будто бы нами поразительное утвержденіе (überraschende Behauptung) что, „война" увеличила благосостояніе Россіи. Нужды нѣтъ что въ нашей газетѣ этого не утверждалось, а заявлялся лишь тотъ фактъ что вопреки всѣмъ предположеніямъ и разчетамъ, экономическое положеніе Россіи послѣ войны не только не стало хуже чѣмъ было до нея, но напротивъ улучшилось,—не по причинѣ самой войны, а благодаря именно тѣмъ обстоятельствамъ отъ которыхъ ожидали наибольшихъ бѣдствій, напримѣръ отъ пониженія вексельныхъ курсовъ. Замѣчая что достигаемые войной результаты покупаются только соотвѣтствующими жертвами, авторъ замѣтки самъ конечно хорошо зналъ что дѣлаетъ холостой выстрѣлъ. Ссылка на *Московскія Вѣдомости* и искаженіе нашихъ словъ понадобились ему единственно какъ предлогъ заговорить о нынѣшнемъ экономическомъ положеніи Россіи.

Фактъ обнаружившагося въ Россіи экономическаго улучшенія, очевидно, пришелся не по вкусу автору замѣтки въ берлинской газетѣ. Не отрицая этого факта, онъ ограничивается искаженіемъ его, низводя всѣ признаки улучшившагося экономическаго положенія въ Россіи къ какому-то небывалому проявленію роскоши въ жизни собравшейся въ Петербургѣ русской знати. „Дѣло въ томъ," говоритъ органъ германскаго канцлера, „что послѣдній зимній сезонъ въ Петербургѣ былъ исключительно блестящій, и что бывшіе въ продолженіи этого сезона въ столицѣ крупные землевладѣльцы жили съ почти неслыханною роскошью." Вотъ все въ чемъ, по словамъ замѣтки, выразился замѣченный въ послѣднее время подъемъ благосостоянія въ русской экономической жизни. Всѣ думали до сихъ поръ что этотъ подъемъ благосостоянія выразился въ успѣхахъ русской промышленности и торговли, въ томъ что фабрики и заводы, которые предъ войной закрылись или сократили производство, теперь открылись вновь и расширили свои обороты, въ томъ что расторжки на ярмаркахъ шли дѣйствительно съ небывалымъ успѣхомъ, въ томъ что народныя массы пользуются достаточными заработками давшими имъ возможность съ большею чѣмъ прежде исправностью внести свой трибутъ

въ казну и прямыми, и косвенными налогами. Берлинская газета замѣчаетъ только небывалую будто бы роскошь развившуюся въ Петербургѣ. Въ чемъ именно проявилась эта роскошь мы, къ сожалѣнію, остаемся въ неизвѣстности. Съѣхавшіеся въ Петербургъ землевладѣльцы, напротивъ, сѣтуютъ на затруднительность своего положенія, вслѣдствіе хода дѣлъ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, гдѣ они имѣли неосторожность заложить свои имѣнія, и отъ вексельныхъ курсовъ поднявшихъ до неожиданной высоты норму процентовъ уплачиваемыхъ ими по полученнымъ ссудамъ. Вообще Петербургъ, мало чуткій къ тому какъ живетъ вся русская земля и во многихъ отношеніяхъ имѣющій общіе интересы не съ нею, а съ иностранцами, напротивъ, склоненъ видѣть перемѣну къ худшему, на которую и слышатся оттуда безпрестанно эгоистическія жалобы. Не свидѣтельствуютъ объ усилившейся будто бы расточительности и размѣры потребленія предметовъ роскоши: достаточно отмѣтить, для примѣра, что потребленіе шампанскаго въ Россіи уменьшилось слишкомъ вдвое противъ времени до войны.

Но главный интересъ помѣщенной въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣтки умышленно не замѣчаетъ несомнѣнныхъ признаковъ въ Россіи экономическихъ успѣховъ, указывая взамѣнъ того на фантастическіе признаки благосостоянія тамъ гдѣ ихъ нѣтъ. Интересъ замѣтки заключается въ указаніи причинъ подмѣченнаго въ Россіи возрастанія богатства.

Объ этихъ причинахъ не мало было толковъ; но ни кому и въ голову не приходило искать ихъ тамъ гдѣ указываетъ газета германскаго канцлера. Русскіе, видите ли, разбогатѣли разомъ благодаря дифференціальному тарифу германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Благодаря этому тарифу, значительная сумма, до 90 милліоновъ марокъ (что по курсу составитъ отъ 45 до 50 милліоновъ кредитныхъ рублей), перешла де къ Русскимъ изъ германскихъ кармановъ. Безъ этого тарифа не на что было бы развернуться русскимъ землевладѣльцамъ въ Петербургѣ, но благодаря ему, была де ввезена въ Германію въ 1877 году масса русскаго хлѣба, въ общей сложности на сумму $178^1/_2$ милліоновъ марокъ, причемъ русскій продавецъ могъ де продавать, напримѣръ, рожь на Одерѣ за 100—110 марокъ, наживая на виспелѣ *) 50—60 марокъ, то-есть рубль на рубль.

Такъ ли велики были барыши русскихъ хлѣботорговцевъ при сбытѣ хлѣба на германскіе рынки, это, конечно, извѣстно только имъ, и можетъ-быть они не оставятъ безъ вниманія сдѣланныя на этотъ счетъ берлинскою газетой заявленія. Но дѣло не въ этихъ барышахъ; дѣло въ виновникѣ обнаружившагося въ послѣднее время въ Россіи благосостоянія. Этотъ виновникъ наконецъ найденъ,—это чрезмѣрно выгодный для Россіи дефференціальный тарифъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ!

Странное, однако, дѣло,—германскій желѣзнодорожный тарифъ оказался выгоднымъ для Россіи и сталъ обогащать ее лишь въ послѣдніе два года. Объ особенно благопріятныхъ перемѣнахъ въ этомъ тарифѣ эти годы что-то не было слышно; онъ оставался вообще такимъ же какимъ былъ и до войны. Но тогда отъ него никакихъ выгодныхъ Россіи результатовъ не было. Несмотря на этотъ благодѣтельный германскій желѣзнодорожный тарифъ, въ Россіи былъ экономическій кризисъ и деньги соотечественниковъ князя Бисмарка не переходили въ русскіе карманы. А теперь вдругъ тотъ же самый тарифъ оказался причиной нашего обогащенія.

Какъ могло это произойти? Не вслѣдствіе ли паденія нашихъ вексельныхъ курсовъ?

Вексельные курсы, дѣйствительно имѣютъ нѣкоторое значеніе въ международныхъ разчетахъ по дефференціальнымъ желѣзнодорожнымъ тарифамъ, ибо разчеты эти ведутся не по ежедневно мѣняющимся на биржахъ курсамъ, а по условленному на тотъ или другой срокъ постоянному курсу. Въ теченіе такихъ сроковъ, вообще очень краткихъ, считаемыхъ не годами, а мѣсяцами, условленный курсъ, естественно, можетъ быть и выше, и ниже дѣйствительнаго. Въ случахъ когда биржевой курсъ падаетъ ниже условленнаго для разчетовъ по смѣшанному тарифу Русско-Германскаго Желѣзно-дорожнаго Союза, русскіе товаро-отправители, конечно, пользуются въ цѣнахъ провоза кратковременною выгодой разницы между дѣйствительнымъ и условнымъ курсомъ. Но выгоды эти уравновѣшиваются невыгодами въ случаяхъ ког-

*) Виспель—хлѣбная мѣра равняющаяся приблизительно $12^1/_2$ осминамъ.

да курсъ поднимается выше условнаго. Русско-Германскій Желѣзно-дорожный Союзъ съ его дифференціальнымъ тарифомъ существуетъ не годъ, не два; за время его существованія не мало было колебаній курса въ обѣ стороны, — и кто, Россія или Германія, въ общемъ итогѣ выиграла болѣе отъ колебаній въ нашихъ курсахъ, управляемыхъ, какъ извѣстно, преимущественно Берлинскою биржей (сомнительно чтобы къ русской выгодѣ), вопросъ спорный. Рѣчь идетъ, впрочемъ, не о прежнемъ, а только о послѣднемъ времени. Допустимъ что въ послѣдніе два года паденіе русскихъ курсовъ, несмотря на всѣ измѣненія условной ихъ нормы компетентными въ этомъ дѣлѣ людьми, постоянно дѣлало германскій дифференціальный желѣзно-дорожный тарифъ выгоднымъ только для русскихъ товароотправителей. Какъ велики, по разчетамъ Бисмаркова органа, барыши полученные русскими хлѣботорговцами отъ этого опорожняющаго германскіе и наполняющаго русскіе карманы тарифа? Risu teneatis: отъ 50 до 60 марокъ барыша при продажѣ виспеля ржи за 100—110 марокъ! Любопытно было бы знать, во чтò, при такомъ разчетѣ, обошелся самый провозъ ржи по желѣзнымъ дорогамъ, и по чемъ должны были покупать рожь для сбыта въ Германію сами русскіе торговцы.

Ничего, кромѣ приведеннаго хитросплетенія, въ упомянутой замѣткѣ не сказано. Спрашивается, для чего же понадобилась эта явная фальшь?

Открылся Германскій рейхстагъ, и всѣмъ извѣстно что одною изъ главныхъ задачъ его будетъ убсужденіе проектовъ германскаго канцлера о повышеніи таможенныхъ пошлинъ и о регулированіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Это внутреннее германское дѣло и, конечно, не Россія возьметъ на себя заботу препятствовать его рѣшенію согласно видамъ германскаго канцлера. Если Германія находитъ вреднымъ для себя ввозъ русскаго хлѣба, она можетъ принять какія хочетъ мѣры для стѣсненія ввоза. Налагайте на русскій хлѣбъ какія хотите таможенныя пошлины, возвышайте желѣзнодорожный тарифъ, такъ чтобы ни одна четверть русскаго хлѣба не пошла въ Германію, — это въ вашей волѣ. Но неужели нельзя сдѣлать все это не прибѣгая къ извращенію фактовъ?

Германія, видите ли, слишкомъ много проигрываетъ отъ ввоза въ нее русскаго хлѣба, и весь этотъ проигрышъ идетъ будто бы въ пользу Россіи. Не наоборотъ ли? Сколько извѣстно, изъ привозимаго въ Германію русскаго хлѣба, въ ней потребляется лишь незначительная часть, а все остальное сбывается въ другія страны, и барыши наживаемые германскими торговцами при этой перепродажѣ обогащаютъ никакъ не Россію.

Германскія желѣзныя дороги съ ихъ тарифами, видите ли, благодѣтельствуютъ Россіи въ ущербъ Германіи. Не наоборотъ ли? Не русскія ли дороги со своими тарифами оказываютъ Германіи услуги съ пожертвованіемъ собственно-русскихъ интересовъ? Не для каго не тайна что именно въ угоду германскимъ интересамъ многія русскія желѣзно-дорожныя линіи сооружены такъ что направляютъ наше товарное движеніе на Кенигсбергъ и Данцигъ предпочтительно предъ русскими портами. А гдѣ не помогаетъ направленіе дорогъ, тамъ подслуживаются Германіи наши желѣзно-дорожные тарифы. За примѣрами ходить не далеко. Не задолго предъ войной, въ докладной запискѣ поданной въ Совѣтъ Торговли и Мануфактуръ Одесскимъ комитетомъ торговли и мануфактуръ, были указаны, между прочимъ, такіе факты: четверть хлѣба изъ Кіева въ Одессу доставлялась за 2 р., а изъ Кіева въ Кенигсбергъ, несмотря на то что разстояніе на 300 верстъ болѣе, за 1 р. 90 к. Товаръ провозимый въ Кенигсбергъ оплачивался за разстояніе въ 1.435 верстъ менѣе 37 коп., а провозимый въ Одессу оплачивался, за меньшее разстояніе (1.321 верста), почти 67 коп.

Несмотря на все это, газета князя Бисмарка выставляетъ Германію въ положеніи стороны обиженной, а Россію—въ качествѣ ея эксплуататора. Чтò же? Отчего намъ не измѣнить своего поведенія въ отношеніи къ Германіи? Взамѣнъ принимавшихся прежде мѣръ къ направленію русскихъ грузовъ въ германскіе порты, почему, не принять мѣръ которыя помогутъ Германіи избавиться отъ налагаемаго на нее этими грузами бремени, почему не направить ихъ въ русскіе порты, которые могутъ отъ того только выиграть, равно какъ и наше судоходство? По извѣстіямъ изъ Петербурга, такія мѣры уже обсуждаются въ Министерствѣ Путей Сообщенія. Именно въ виду ожидаемаго установленія Германіей пошлины на привозимые изъ Россіи хлѣбъ и другіе товары, равно какъ и по

случаю принятія Германіей и Австріей карантинныхъ мѣръ, предполагается прежде всего усилить перевозочныя средства нашихъ желѣзныхъ дорогъ ведущихъ къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей. Тѣ же мѣры, конечно, могутъ быть приняты и относительно портовъ Балтійскихъ, между коими есть и такіе которые почти не замерзаютъ, напримѣръ Либавскій. За усиленіемъ перевозочныхъ средствъ вѣроятно не замедлитъ послѣдовать, по подаваемому Германіей примѣру, пересмотръ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ. А затѣмъ, можно надѣяться, въ самой сѣти желѣзныхъ дорогъ могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя дополненія которыя, насколько возможно, исправятъ ошибки допущенныя именно въ германскихъ интересахъ, ошибочно нами принятыхъ какъ нынѣ оказывается. Можно надѣяться что эта сторона желѣзно-дорожнаго дѣла не ускользнетъ отъ вниманія учрежденной въ Петербургѣ коммиссіи для изслѣдованія истиннаго положенія нашей рельсовой сѣти въ отношеніи къ хозяйственнымъ, промышленнымъ, торговымъ и стратегическимъ интересамъ, и что отправленныя уже этою коммиссіей въ разныя мѣстности Россіи подкоммиссіи успѣшно исполнятъ свою задачу — провѣрить насколько наши желѣзно-дорожныя сообщенія удовлетворяютъ потребностямъ государства и указать способы къ постановкѣ дѣла въ лучшія условія.

Итакъ, въ дѣлѣ заграничнаго сбыта русскаго хлѣба и другихъ продуктовъ, Россія и Германія могутъ разойтись полюбовно и къ обоюдному удовольствію. Россія можетъ устроиться такъ чтобы сбывать свои продукты безъ посредничества кенигсбергскихъ коммерсантовъ, и князь Бисмаркъ можетъ сберечь деньги своихъ соотечественниковъ въ ихъ карманахъ и не поощрять ими непохвальной расточительности русскихъ землевладѣльцевъ въ Петербургѣ.

Зачѣмъ же понадобилась мелкая фальшь?

Нѣтъ ли ключа ко всему этому въ знаменитомъ письмѣ князя Бисмарка къ Союзному Совѣту, гдѣ впервые категорически высказаны его принципы по отношенію къ таможеннымъ и желѣзно-дорожнымъ тарифамъ?

Письмо это, какъ извѣстно, предлагая установленіе пошлинъ на *всѣ* привозные товары, допускаетъ и исключенія. Оно допускаетъ *безпошлинный* привозъ нѣкоторыхъ товаровъ если онъ будетъ разрѣшенъ спеціальными съ другими государствами договорами. Затѣмъ заключительный параграфъ письма гласитъ слѣдующее: „При предстоящемъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа мы можемъ руководиться только нашими собственными интересами. Эти интересы поведутъ, можетъ-быть, къ новымъ переговорамъ съ иностранными государствами относительно установленія новаго тарифа...“

Ужь не имѣется ли въ виду подобныхъ переговоровъ съ Россіей, и не для побужденія ли ея къ вящей уступчивости понадобились и старанія изолировать Россію въ экономическомъ отношеніи ославивъ ее гнѣздомъ чумной заразы, и завѣренія о великихъ благодѣяніяхъ оказанныхъ будто бы Россіи дифференціальными тарифами германскихъ желѣзныхъ дорогъ?

№ 33.

Москва, 5-го февраля.

Недавній внутренній переворотъ во Франціи совершился съ такимъ внѣшнимъ спокойствіемъ и быстротой что друзья нынѣшней Франціи не нахвалятся; съ торжествующею миной они припоминаютъ что со времени „великой революціи“ еще не было примѣра столь мирной и правомѣрной перемѣны главы государства. Теперь Французская республика находится, такъ сказать, въ своемъ „медовомъ мѣсяцѣ,“ и съ перваго взгляда можетъ показаться что Франція въ самомъ дѣлѣ вошла въ спокойную гавань послѣ бурь и невзгодъ выдержанныхъ ею въ продолженіи девяноста лѣтъ. 6 февраля прочитано было въ обѣихъ палатахъ посланіе новаго президента республики, г. Жюля Греви, которое хотя и не отличается опредѣленностью и вовсе не касается тѣхъ вопросовъ кои послужили поводомъ къ несогласію между прежнимъ президентомъ и народнымъ представительствомъ, тѣмъ не менѣе „вообще удовлетворило республиканцевъ,“ какъ удостовѣряютъ руководящіе нынѣ органы парижской печати. На другой день, г. Леонъ Гамбетта дебютировалъ въ своей новой и совершенно для него непривычной роли президента палаты представителей и привелъ всѣхъ въ восторгъ своею вступительною рѣчью, исполненною „олимпійскаго

спокойствія“ и сознанія окончательной побѣды одержанной республикой надъ всѣми ея врагами. Словомъ, восторгъ и ликованіе всеобщіе. Надолго ли однако? Къ этому вопросу относятся скептически не одни открытые противники существующаго порядка, не одни приверженцы различныхъ династій претендующихъ на престолъ Франціи. Сомнѣніе овладѣваетъ и всякимъ наблюдателемъ, хладнокровно слѣдившимъ за событіями послѣдняго переворота. Однимъ изъ ближайшихъ поводовъ борьбы возгорѣвшейся въ послѣднее время было неистовое требованіе предъявленное со стороны „крайней лѣвой“ о полной амнистіи *всѣмъ* безъ исключенія осужденнымъ за участіе въ Парижской коммунѣ 1871 года. Заявленіе бывшаго кабинета Дюфора что правительство, не прибѣгая къ общей амнистіи, въ широкихъ размѣрахъ примѣняетъ частное помилованіе, благодаря коему не менѣе 2.000 сосланныхъ получатъ вскорѣ свободу, не удовлетворило радикаловъ. Г. Луи Бланъ возобновилъ предложеніе объ амнистіи въ одномъ изъ первыхъ засѣданій послѣдовавшихъ за установленіемъ новаго правительства, и телеграфъ извѣщаетъ насъ что министерство уже внесло свое предложеніе по этому предмету. Но такъ какъ и это предложеніе все-таки дѣлаетъ еще нѣкоторыя исключенія, то и оно не удовлетворяетъ крайнихъ радикаловъ, и по этому поводу правительству придется выдержать сильное нападеніе, тѣмъ болѣе для него опасное что бонапартисты, какъ сообщаетъ телеграфъ, рѣшились идти въ этомъ дѣлѣ рука объ руку съ крайними радикалами. Но еслибы даже и удалось отстоять предложеніе въ томъ видѣ какъ оно формуловано теперь, осуществленіе онаго заключаетъ въ себѣ зародыши роковыхъ смутъ. Дѣло въ томъ что министерство Дюфора не даромъ возставало противъ „амнистіи“ и настаивало на томъ чтобы былъ удержанъ путь частнаго помилованія. Помилованный преступникъ, по французскимъ законамъ, можетъ быть оставленъ подъ надзоромъ полиціи, а состоящимъ подъ такимъ надзоромъ можетъ быть воспрещено пребываніе въ Парижѣ; амнистія же возстановляетъ осужденныхъ во всѣхъ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Благоразумные люди во Франціи болѣе всего опасаются именно въ настоящее время возвращенія въ Парижъ цѣлой арміи озлобленныхъ коммунниковъ, и между ними не малаго числа бывшихъ вожаковъ, коимъ по возвращеніи изъ ссылки только и остается приняться за старое ремесло. Но именно этого и добивается крайняя радикальная фракція представляющая нынѣ собою лишь разрозненные обломки соціально-революціонной организаціи которая въ 1871 году привела въ ужасъ цивилизованный міръ своими подвигами въ Парижѣ. Этихъ-то героевъ-петролейщиковъ поджидаютъ „истинные“ республиканцы чтобы пополнить ими свои ряды.

Насколько торжествующіе нынѣ радикалы чужды всякаго духа примиренія доказывается тѣмъ что амнистія, ими предположенная и принятая теперь въ существенныхъ чертахъ правительствомъ, не распространена, какъ предположено, на весь періодъ времени до 1878 года. Этимъ путемъ думали предать забвенію „преступный умыселъ“ министерства Броль-Фурту. Изъ парижскихъ газетъ мы узнаемъ что республиканская унія отнюдь не отказалась отъ своего намѣренія предать суду виновниковъ переворота 26 мая 1877 года. Что же касается „очищенія“ арміи и администраціи отъ всякихъ элементовъ враждебныхъ республикѣ, то телеграфъ уже извѣстилъ насъ что президентъ Греви подписалъ декреты объ измѣненіи команды 12 армейскихъ корпусовъ и о перемѣнѣ въ личномъ составѣ прокуратуры.

Такимъ образомъ, все клонится къ тому чтобъ отдать судьбы Франціи въ руки той радикальной партіи которая сама не отрицаетъ своего сродства съ героями бывшей Парижской коммуны, и уже теперь нѣтъ недостатка въ зловѣщихъ предтечахъ грядущихъ смутъ и переворотовъ. Вожаки радикаловъ вовсе не скрываютъ своего неудовольствія противъ „умѣренныхъ и примирительныхъ“ заявленій президента Греви и его новаго правительства, и ихъ крикливая брань звучитъ рѣзкимъ и зловѣщимъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ ликованій по поводу „упроченія“ республиканскаго порядка.

Но еще важнѣе то что съ отставкой маршала Макъ-Магона самая конституція Французской республики претерпѣла существенное измѣненіе, послѣдствія котораго не замедлятъ обнаружиться. Первый президентъ Французской республики Тьеръ былъ свергнутъ вслѣдствіе оказавшагося противъ него консервативнаго большинства въ па-

латѣ при голосованіи 24 мая 1873 года. Но въ то время власть президента еще не была установлена органическимъ закономъ; президентъ основывалъ тогда свою власть исключительно на волѣ національнаго собранія. Въ послѣдствіи, при установленіи основныхъ законовъ республики, власть президента получила совсѣмъ иной характеръ и значеніе. Было признано неудобнымъ, въ виду Наполеоновскаго coup d'état 1851 года, учредить эту власть, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ, на народномъ избраніи. Но съ другой стороны, президенту дано было положеніе основанное на самостоятельномъ правѣ, независимое отъ измѣнчиваго парламентскаго большинства. На основаніи закона 28 февраля 1875 года, президентъ Французской республики, избираемый въ соединенномъ собраніи сената и палаты представителей, получаетъ свою власть на семь лѣтъ; причемъ онъ не подлежитъ отвѣтственности за свою политику, и ему дано право распускать, съ согласія сената, палаты предстрвителей. 20 ноября 1880 года истекалъ срокъ президентства маршала Макъ-Магона; но 30 января сего года большинству французской палаты удалось доказать что благоразумная предусмотрительность конституціи осталась мертвою буквой, и первый же президентъ вынужденнымъ нашелся оставить свой постъ почти за два года до истеченія законнаго срока. Но маршалъ Макъ-Магонъ вышелъ въ отставку еще добровольно; онъ могъ бы, опираясь на букву закона, прибѣгнуть къ распущенію.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывается его преемникъ. Президентъ Греви въ своемъ посланіи прямо заявляетъ что онъ „искренно преданъ режиму парламен-„таризма, и что онъ никогда не вступитъ „въ борьбу противъ воли народа выражен-„ной ею конституціонными органами,“ другими словами, что онъ считаетъ себя обязаннымъ оставить свой постъ коль скоро въ какомъ-либо случаѣ парламентское большинство окажется противъ него. Отсюда ясно что отнынѣ президентъ Французской республики есть не что̀ иное какъ покорное орудіе велѣній большинства палаты.

А много ли нужно чтобы въ сыпучемъ пескѣ Французской палаты сегодня образовалось большинство діаметрально противоположное вчерашнему? И этотъ-то порядокъ политическіе фразеры провозглашаютъ упроченіемъ государственнаго зданія Франціи!

№ 34.

Москва, 6-го февраля.

Немногія подробности которыя принесли намъ англійскія газеты о страшномъ пораженіи нанесенномъ Кафрами-Зулу англійскому оружію на мысѣ Доброй Надежды отнюдь не ослабляютъ, а напротивъ усиливаютъ впечатлѣніе перваго извѣстія прошедшей недѣли. Намъ передана была только телеграмма *Рейтерова Агентства*. Но, кромѣ нея, на другой день военнымъ статсъ-секретаремъ была получена офиціальная телеграмма отъ главнокомандующаго войсками въ Капѣ, лорда Чельмсфорда, которая была отправлена экстренно съ пароходомъ не на Мадеру, а къ острову Святаго Викентія, ближайшей телеграфной станціи, въ двухъ недѣляхъ пути отъ мыса Доброй Надежды. Главнокомандующій не перечисляетъ съ такою подробностью потери понесенныя Англичанами, ограничиваясь извѣщеніемъ что „лагерь въ которомъ находился весь запасъ зарядовъ и обозъ колонны № 3 былъ взятъ, и лишь немногіе изъ его защитниковъ спаслись.“ Но за то онъ объясняетъ какъ это случилось, не къ выгодѣ впрочемъ англійскаго военачальства. Какъ мы и предполагали, битва произошла дѣйствительно не 27 января, а за пять дней ранѣе, съ небольшимъ недѣлю спустя по открытіи кампаніи. Первые успѣхи одержанные колоннами № 2 и № 3 подъ начальствомъ полковниковъ Дарнфорда и Глина, повидимому, внушили непростительную безпечность англійскимъ офицерамъ, и 22 января самъ главнокомандующій, устроивъ лагерь въ мѣстѣ называемомъ *Rourke's Drift*, въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Тугелы, выступилъ съ частью войскъ на рекогносцировку. Въ то время какъ онъ уже отошелъ на 12 миль, на лагерь гдѣ оставались пять ротъ 1-го баталіона 24-го полка одна рота 2-го баталіона того же полка, два орудія, два ракетные станка, 100 конныхъ волонтеровъ и около 800 человѣкъ туземнаго войска, напали Зулу, въ числѣ, какъ теперь сообщаютъ, не 20.000, а 15.000 присутствія коихъ въ такой близости никто не подозрѣвалъ. Число убитыхъ главно-

командующій, въ своей телеграммѣ, показываетъ около 600 человѣкъ, изъ коихъ 30 офицеровъ, обѣщая сообщить подробности со слѣдующею почтой. Но позволительно усомниться въ вѣрности этой цифры, такъ какъ въ телеграммѣ *Рейтерова Агентства* приводится поименный списокъ 28 убитыхъ офицеровъ и прибавлено что еще убиты 21 офицеръ командовавшіе туземцами. При томъ замѣтить должно что упомятутая цифра относится къ потерѣ *англійскихъ* войскъ; потеря же вспомогательныхъ войскъ изъ туземцевъ остается пока неизвѣстною. Потерю непріятеля, одержавшаго такой блестящій успѣхъ, лордъ Чельмсфордъ, скромнѣе телеграммы *Рейтерова Агентства*, исчисляетъ не въ 5 000, а около 3.000 человѣкъ. Онъ извѣщаетъ также что предписалъ произвести слѣдствіе объ „этомъ несчастномъ дѣлѣ". Утѣшительно для англичанъ! Но какъ же онъ самъ, главнокомандующій, находясь въ близкомъ разстояніи, всего въ 12 миляхъ, ничего не зналъ о битвѣ продолжавшейся цѣлый день, и только на другой день, вернувшись въ лагерь, увидѣлъ совершившееся тамъ бѣдствіе? Разумѣется, послѣ этого пораженія, всѣ англійскіе отряды принуждены были отступить.

Неудивительно что этотъ разгромъ произвелъ страшное впечатлѣніе во всей Англіи. О силѣ впечатлѣнія мы лучше всего можемъ судить по тому обстоятельству что полученное извѣстіе тотчасъ же отозвалось общимъ паденіемъ всѣхъ биржевыхъ цѣнъ, на консоли, желѣзнодорожныя акціи, и даже на иностранныя бумаги. Такая чувствительность биржи несомнѣнно есть новый признакъ затруднительнаго положенія Англіи въ настоящую минуту. Никто конечно не можетъ вообразить чтобъ это пораженіе могло нанести чувствительный ударъ англійскому могуществу; но необходимость спѣшно отправить большія подкрѣпленія на Капъ должна будетъ разстроить финансовыя смѣты на текущій годъ.

Для самого правительства, повидимому, ударъ былъ такою же неожиданностью какъ для всѣхъ другихъ. Немедленно по полученіи извѣстія, премьеръ „собственноручно", какъ сообщено во всѣ газеты, разослалъ приглашенія къ министрамъ собраться на совѣщаніе, которое и состоялось въ тотъ же день. Обыкновенно о совѣщаніяхъ кабинета соблюдается глубочайшая тайна. На этотъ же разъ сдѣлано исключеніе, и не только газетамъ въ точности извѣстно что единственнымъ предметомъ обсужденія были капскія дѣла, но для успокоенія публики подробно извѣщается какія именно части войскъ приказано приготовить къ отправкѣ. Министерство, говорятъ, рѣшило послать подкрѣпленій болѣе чѣмъ требовалъ лордъ Чельмсфордъ, а именно до 5.000 пѣхоты, 800 сабель и шесть орудій.

Едва ли, однако, скоро пройдетъ мрачное настроеніе, которое всего сильнѣе выразилось въ военныхъ округахъ: Чатамѣ, Вуличѣ, Алдершоттѣ, Портсмутѣ. Причина унынія заключается въ убѣжденіи что подкрѣпленія не могутъ прибыть такъ скоро какъ было бы желательно. Въ Портсмутѣ, военныя власти утверждаютъ даже что ни одинъ полкъ не можетъ быть снаряженъ для спеціальной службы въ Африкѣ ранѣе чѣмъ въ двѣ недѣли. Вообще полагаютъ что никакія подкрѣпленія изъ Англіи, при всевозможной спѣшности, не могутъ прибыть на мѣсто ранѣе мѣсяца. Правительство, въ виду этого, поспѣшило по телеграфу дать приказаніе вице-королю Индіи чтобъ онъ слалъ немедленно подкрѣпленія въ Наталь. Но и изъ Индіи помощь не можетъ прибыть ранѣе какъ недѣли въ двѣ, а пока лордъ Чельмсфордъ долженъ будетъ довольствоваться полученіемъ одной батареи артиллеріи съ острова Маврикія, за которою уже отправленъ транспортъ адмираломъ находящимся въ Африкѣ.

Англійская печать не можетъ придти въ себя отъ оглушающаго удара. Самые ревностные изъ министерскихъ органовъ не находятъ слова чтобъ умалить значеніе событія, и всѣ должны признать крайнюю опасность угрожающую колоніи. *Standard* не скрываетъ „горькаго разочарованія, соединеннаго со стыдомъ и негодованіемъ" и присовокупляетъ: „Къ несчастію мы окружены со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ туземнымъ населеніемъ, которое до сихъ поръ удерживалось въ покоѣ безспорнымъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ британской силы. Когда же оно увидитъ что намъ приходится сражаться за побѣду, даже за безопасность, то еще сомнительно останутся ли, эти населенія спокойны, не присоединятся ли, какъ это бывало въ прежнихъ случаяхъ, къ нападающимъ." Съ

своей стороны, *Daily Telegraph* замѣчаетъ что „нравственное впечатлѣніе пораженія будетъ еще сильнѣе чѣмъ военное, и мы можемъ ожидать что и другіе враги, кромѣ Зулу, постараются имъ воспользоваться.“ *Morning Post*, въ свою очередь, восклицаетъ: „Наше пораженіе въ южной Африкѣ причиняетъ глубокую рану нашей національной гордости. Нашъ престижъ потерпѣлъ страшный ударъ.“ Даже *Times* находитъ безполезнымъ отрицать „прискорбность и серіозное значеніе катастрофы,“ и еще болѣе „важную опасность вызываемую пораженіемъ.“ Словомъ, нѣтъ исключенія въ общемъ плачѣ. Газета *Times*, въ другой статьѣ, приглашаетъ публику не предаваться ненужной паникѣ, но успокоеніе это слабо дѣйствуетъ въ виду ея же замѣчанія что „цѣна возстановленія чести британскаго оружія въ южной Африкѣ будетъ тяжкая, до такой степени тяжкая что общественное вниманіе настоятельно обратится на вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ южно-африканскимъ колоніямъ.“

Еще одно любопытное замѣчаніе высказывается по поводу всей этой исторіи. Между тѣмъ какъ нѣкоторые уже готовы требовать отозванія лорда Чельмсфорда и замѣны его сэръ-Гарнетомъ Вулзлеемъ, праздно проводящимъ время на Кипрѣ, въ ультраторійской *Pall Mall Gazette* читаемъ замѣчаніе что безпокойство внушаемое численною слабостью англійскихъ войскъ на границѣ Зулу усиливается „у наиболѣе свѣдущихъ людей и недовѣріемъ къ ихъ качеству!“ А вѣдь этими самыми войсками, не только ничтожными числомъ, а еще для свѣдущихъ сомнительными *по качеству*, Англія недавно стращала насъ!

Впрочемъ, Зулу, какъ видно, вовсе не такіе презрѣнные противники какъ можно думать о дикаряхъ. Они своею стратегіей сумѣли обмануть опытнаго генерала который служилъ въ Индіи и Абиссиніи, и вообще пользовался репутаціей весьма способнаго и тактически образованнаго офицера. До несчастія съ нимъ мы читали въ англійскихъ газетахъ похвалы его искусству и выраженія полнѣйшаго довѣрія къ его планамъ. Да и вооружены эти Зулу не совсѣмъ плохо. Прежде у нихъ были обыкновенныя ружья, но въ послѣднее время ихъ король Сетевайо приказалъ каждому воину обзавестись скорострѣльнымъ ружьемъ, и въ послѣдніе мѣсяцы тысячи такихъ ружей были выгружены въ бухтѣ Делагоа и перешли въ руки Зулу, благодаря заботливости и патріотизму „англійскихъ“ же фабрикантовъ.

Впечатлѣніе, конечно, было бы еще сильнѣе еслибъ и въ Афганистанѣ дѣла шли не ладно. Но тамъ Англичане имѣютъ добрыхъ сосѣдей.... Хотя исходъ дѣла и тамъ остается все еще не рѣшеннымъ, но наши друзья Англичане разчитываютъ что мы попустимъ, даже поможемъ имъ довести успѣшно начатое дѣло до конца. Въ послѣдніе дни снова, какъ видно по газетамъ, оживились у нихъ надежды что Ширъ-Али обратится къ нимъ съ повинною. Сначала когда онъ удалился изъ своей столицы, Англичане вообразили что это произошло вслѣдствіе революціи въ Кабулѣ, что эмиръ былъ принужденъ бѣжать вслѣдствіе недовольства своихъ подданныхъ, и что оставшійся въ Кабулѣ сынъ эмира, Якубъ-ханъ, не замедлитъ вступить въ переговоры. Вскорѣ это оказалось мечтою и Якубъ-ханъ, въ отвѣтъ на авансы Англичанъ, отвѣчалъ что онъ сообразуется съ приказаніями отца. На дняхъ, благодаря телеграммамъ корреспондента *New-York-Herald*, обнаружилось что Ширъ-Али вовсе и не былъ въ русскихъ предѣлахъ, а остановился больной въ Мазаръ-и-Шерифѣ, и оттуда отправилъ новое посольство къ генералу Кауфману въ Ташкентъ. И вотъ, на основаніи этихъ извѣстій, въ англійскихъ газетахъ дѣлаются предположенія что къ тому времени эмиръ долженъ былъ удостовѣриться что ему нечего надѣяться на какую-либо поддержку отъ Русскихъ и вѣроятно уже извѣстилъ о томъ своего сына, такъ что вскорѣ де можно будетъ ожидать и открытія переговоровъ съ Якубъ-ханомъ. вслѣдствіе новыхъ инструкцій отъ его отца.

Афганамъ не такое счастье какъ Кафрамъ-Зулу. На бѣду свою, Афганы не имѣютъ морскаго берега, и бермингамскіе фабрики не могутъ прямо снабдить ихъ скорострѣльнымъ оружіемъ. Наши же тульскіе фабриканты не такъ предпріимчивы, или болѣе бермингамскихъ ревнуютъ о престижѣ Англіи.

№ 35.

Москва, 7-го февраля.

Тронная рѣчь которою императоръ Германскій открылъ 12 февраля имперскій парламентъ (мы привели ее вчера *in extenso*) имѣлъ бо́льшее значеніе нежели какимъ обыкновенно отличаются подобные офиціально-торжественные акты. Германскій народъ не могъ не порадоваться что маститый императоръ пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ чтобы явиться снова предъ лицомъ представителей націи и выразить чувства коими онъ проникнутъ вслѣдствіе граничащаго съ чудомъ избавленія его отъ послѣдствій двукратнаго покушенія противъ его жизни. По истинѣ трогательны слова коими монархъ, вступившій въ девятое десятилѣтіе жизни, припоминаетъ это событіе, смиренно заявляя что онъ будетъ съ благодарностью помышлять и объ этомъ тяжкомъ испытаніи если ему дано будетъ осуществить свое высокое призваніе въ духѣ указываемыхъ имъ предначертаній. Утѣшительно увѣреніе императора Вильгельма въ дружественныхъ отношеніяхъ его къ Россіи, о коихъ онъ счелъ нужнымъ упомянуть по поводу мѣръ карантиннаго огражденія, принятыхъ его правительствомъ. Въ чувствахъ одушевляющихъ императора Германскаго въ отношеніи къ Россіи никогда впрочемъ не было сомнѣнія. Жаль только что это искренно-дружественное расположеніе не рѣдко служитъ въ ловкихъ рукахъ прикрытіемъ для иныхъ цѣлей. Будемъ впрочемъ надѣяться что не останется пустымъ словомъ увѣреніе тронной рѣчи что стѣсненія взаимныхъ сношеній между обоими государствами, столь поспѣшно приведенныя въ дѣйствія, будутъ вскорѣ устранены въ виду возрастающаго съ каждымъ днемъ убѣжденія что заразу на низовьяхъ Волги уже удалось подавить. Германское правительство, почему-то не довѣрявшее свѣдѣніямъ которыя сообщались по этому предмету русскими властями, имѣетъ наконецъ возможность убѣдиться въ преувеличенности своихъ опасеній чрезъ посредство своихъ агентовъ проѣхавшихъ на дняхъ чрезъ Москву въ Астраханскую губернію. Жаль только что эти господа такъ замедлили своимъ пріѣздомъ; ученымъ спеціалистамъ, очень можетъ-быть, не представится болѣе случая непосредственно наблюдать симптомы язвы занесенной въ наши предѣлы изъ глубины Азіи и извлечь хоть эту практическую пользу изъ дальней поѣздки. Сверхъ того, болѣе ранній пріѣздъ ихъ можетъ-быть предотвратилъ бы самое установленіе карантиннаго кордона оцѣпляющаго теперь почти всю западную границу Россіи. Не даромъ поэтому говорятъ что иностранные делегаты-спеціалисты потому и пустились въ путь такъ поздно, дабы не отнять повода къ принятію санитарныхъ мѣръ которыми прикрываются иного рода цѣли.

Толки о затѣваемой княземъ Бисмаркомъ „таможенной войнѣ“ противъ Россіи получаютъ значительное подкрѣпленіе въ тронной рѣчи 12 февраля. Программа изложенная германскимъ канцлеромъ въ знаменитомъ посланіи Союзному Совѣту, отъ 15 декабря прошедшаго года, не только подтверждена тронною рѣчью, но высказана въ ней съ рѣзкостью нѣсколько совсѣмъ не обычною въ такомъ парадо-офиціальномъ актѣ. Князь Бисмаркъ вложилъ въ уста императора прямое осужденіе экономической политики которой держалась Пруссія, а затѣмъ и Германія, съ 1865 года. Берлинская печать крайне озадачена этимъ самообличеніемъ. Если князю Бисмарку, такъ разсуждаютъ органы этой печати, непремѣнно нужно было принести публичное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, то онъ могъ сдѣлать это въ собственной рѣчи при парламентскихъ преніяхъ, а не возносить это покаяніе на высоту трона.

Въ исходѣ борьбы затѣянной княземъ Бисмаркомъ для водворенія новой экономической системы трудно впрочемъ сомнѣваться, такъ какъ по этому вопросу ему обезпечена поддержка многочисленной партіи центра, безусловно одобряющей новую программу. Партія эта, въ первый разъ со времени своего существованія, будетъ на сторонѣ правительства, а это, въ связи съ примирительными заявленіями идущими изъ Ватикана, само по себѣ очень знаменательно и служитъ указаніемъ на готовящійся въ Германіи коренной переворотъ во всей внутренней политикѣ. Но для князя Бисмарка, по мнѣнію многихъ, внутренняя политика никогда не была сама для себя цѣлью. Вотъ почему полагаютъ что лихорадочною торопливостью съ которою онъ принялся, неожиданно для всѣхъ, за различные вопросы финансовыхъ пре-

образованій, скрываются какіе-либо европейскіе планы имѣющіе связь съ задачей его жизни. По всей вѣроятности, ему желательно покончить свое поприще увѣнчаніемъ зданія германскаго единства, которое онъ не можетъ признавать вполнѣ воздвигнутымъ.

Несмотря однако на успѣхъ коимъ, по всей вѣроятности, увѣнчаются финансовые планы князя Бисмарка, предстоящія пренія въ Германскомъ рейхстагѣ обѣщаютъ быть весьма интересными и назидательными. Націоналъ-либералы повидимому не намѣрены уступить безъ боя и готовятся къ жаркимъ преніямъ прежде чѣмъ имъ придется покориться слагающемуся противъ нихъ большинству. Въ этой борьбѣ они будутъ имѣть на своей сторонѣ сильнаго союзника въ лицѣ бывшаго ближайшаго сотрудника князя Бисмарка, г. Дельбрюка, который намѣренъ выступить открыто на защиту своихъ экономическихъ принциповъ, коимъ онъ остался вѣренъ, что̀ и послужило поводомъ, какъ теперь оказывается, къ его удаленію отъ дѣлъ. Г. Дельбрюкъ обнародовалъ на дняхъ брошюру въ которой разбираетъ одну сторону новой программы князя Бисмарка, наиболѣе волнующую различныя общественныя сферы Германіи и имѣющую также наибольшій интересъ для Россіи, а именно проектируемую привозную пошлину на зерновой хлѣбъ. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, предполагаетъ обложить привозный хлѣбъ пошлиной въ 50 пфенниговъ на центнеръ, мотивируя это тѣмъ что производство хлѣба въ Германіи обходится дороже нежели въ тѣхъ странахъ откуда онъ провозится, причемъ онъ желаетъ возложить на иностранныхъ производителей часть тѣхъ тяжестей которыя лежатъ на германскихъ землевладѣльцахъ въ видѣ земельныхъ налоговъ и болѣе высокихъ нежели въ другихъ странахъ издержекъ производства.

Г. Дельбрюкъ исходитъ изъ того положенія что потребность Германіи въ хлѣбѣ превышаетъ ея собственныя производительныя силы; стало-быть, въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о прямомъ покровительствѣ внутреннему производству. Хлѣбъ будетъ привозиться какъ бы дорогъ онъ ни былъ; но послѣдствіемъ налога на привозный хлѣбъ будетъ то что и внутреннее производство получитъ возможность возвысить продажную цѣну своихъ продуктовъ насколько вздорожаетъ заграничный хлѣбъ. Это общее возвышеніе падетъ всею своею тяжестью на потребителей, то-есть на весь народъ; прибыль же казны будетъ равна лишь суммѣ налога съ привознаго хлѣба. Въ прошедшемъ году въ Германію привезено 27 милліоновъ центнеровъ хлѣба, что̀ при пошлинѣ въ 50 пфенниговъ дастъ всего $13^1/_2$ милліоновъ марокъ. Но всего въ Германіи потребляется хлѣба 406 милліоновъ центнеровъ, и при вздорожаніи, вслѣдствіе налога на привозный хлѣбъ, Германскій народъ будетъ платить за хлѣбъ около 200 милліоновъ марокъ дороже. Такимъ образомъ, выводитъ г. Дельбрюкъ, новый доходъ казны въ 13 милліоновъ обойдется народу въ $15^1/_2$ разъ дороже этой суммы. „Это былъ бы,“ заключаетъ авторъ брошюры, „идеалъ налога какихъ *не должно быть.*“

Эти выводы знаменитаго государственнаго дѣятеля произвели въ Германіи глубокое впечатлѣніе. Изъ нихъ видно что не такъ-то дешево обойдется Германіи попытка стѣснить вывозъ сырья изъ Россіи дабы понудить ее къ облегченію привоза фабричныхъ произведеній Германіи.

№ 36.

Москва, 8-го февраля.

Долго смущавшая всѣхъ загадка чѣмъ объяснить обнаружившееся въ послѣднее время улучшеніе въ экономической жизни Россіи разрѣшена хитрымъ Эдипомъ *Сѣверогерманской Всеобщей Газеты*:—Россію обогатилъ большой сбытъ хлѣба въ Германію въ 1877 году, давшій русскимъ продавцамъ неслыханные барыши благодаря дифференціальному тарифу германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но земное счастье непрочно. Карманы земляковъ князя Бисмарка, столь щедрые по отношенію къ Россіи въ 1877 году, стали много скупѣе въ 1878. Предъ нами лежитъ таможенная вѣдомость о заграничномъ привозѣ и отпускѣ за одиннадцать мѣсяцевъ минувшаго года сравнительно съ тѣмъ же періодомъ 1877, и офиціальныя цифры свидѣтельствуютъ о значительномъ (на 1.168,949 четвертей, въ томъ числѣ на милліонъ четвертей по одной Вержболовской таможнѣ) уменьшеніи сбыта русскаго хлѣба по сухопутной гра-

ницѣ. *) Итакъ, въ минувшемъ году и притокъ нѣмецкихъ денегъ въ русскіе карманы уменьшился, и благодѣтельное для Россіи вліяніе германскаго желѣзнодорожнаго дифференціоннаго тарифа ослабѣло; развернувшимся было русскимъ землевладѣльцамъ приходится, стало-быть, возвращаться къ скромной жизни, а всѣмъ кто было порадовался экономическому успѣху въ русской жизни остается вздохнуть: бѣдная Россія!

Подождемъ, однако, приходить въ отчаяніе. Въ 1877 году, когда были закрыты наши южные порты, отпускъ хлѣба чрезъ сухопутную границу, дѣйствительно, игралъ видную роль въ нашей внѣшней торговлѣ. Какъ показываетъ вышеупомянутая таможенная вѣдомость, изъ общаго одиннадцатимѣсячнаго отпуска хлѣба (28.580.390 четвер.), нѣсколько болѣе *трети* (9.584.486 четвертей) прошло тогда за границу чрезъ сухопутныя таможни, прусскія, австрійскія и румынскія. Но въ 1878 году значеніе сухопутнаго отпуска много умалилось: на долю его (8.415.537 четв.) далеко не пришлось и *четвертой части* всего отправленнаго въ одинадцать мѣсяцевъ изъ Россіи за границу хлѣба (38.995.952 четв.). Сбытъ хлѣба моремъ оказался слишкомъ *въ три съ половиной раза* болѣе сухопутнаго. Крокодиловы слезы о разореніи Германіи отъ выгоднаго будто бы однимъ Русскимъ сбыта въ нее русскаго хлѣба, по странному стеченію обстоятельствъ, полились какъ разъ въ то время когда приливъ русскаго хлѣба въ Германію сталъ уменьшаться и когда Россія стала наименѣе нуждаться въ сбытѣ его именно сухимъ путемъ!

Позволительно, поэтому, усомниться въ томъ что нашихъ разчетливыхъ сосѣдей безпокоитъ масса отправляемаго чрезъ ихъ границу русскаго хлѣба. Напротивъ, все заставляетъ думать что ихъ гораздо сильнѣе заботятъ тѣ несравненно бóльшія массы хлѣба которыя сбываются изъ Россіи помимо германскихъ рукъ. По крайней мѣрѣ что касается настойчиво проповѣдуемыхъ изъ Берлина суровыхъ карантинныхъ мѣръ которыя должна де принять вся *здоровая* Европа (со включеніемъ даже *Турціи*) противъ всего идущаго изъ *больной* Россіи, незамѣтно чтобъ этими мѣрами предполагалось стѣснить преимущественно сухопутный отпускъ русскаго хлѣба. Объ особыхъ карантинныхъ стѣсненіяхъ при пропускѣ хлѣба чрезъ прусскія сухопутныя таможни что-то не слышно. Но карантинныя формальности, которымъ, благодаря энергической чумной пропагандѣ Берлинскаго кабинета, болѣе или менѣе должны подвергаться почти во всѣхъ иностранныхъ портахъ корабли везущіе хлѣбъ изъ русскихъ портовъ, безъ сомнѣнія причинятъ не малое стѣсненіе морскаго отпуска русскаго хлѣба.

Впрочемъ, результаты экономическаго вреда Россіи, который долженъ быть причиненъ предпринятымъ противъ нея чумнымъ походомъ, еще впереди. Что же касается экономическихъ результатовъ недавняго прошлаго, именно минувшаго года, то они такъ благопріятны что, пожалуй, можно и не удивляться если у сосѣдей является дружеское желаніе, по мѣрѣ возможности, затормозить оказавшееся въ Россіи неожиданное экономическое движеніе. Наша внѣшняя торговля въ минувшемъ году шла весьма благопріятно для Россіи. Съ одной стороны, русскіе продукты пользовались обильнымъ и выгоднымъ сбытомъ за границу. Съ другой, ввозъ иностранныхъ товаровъ превзошелъ ожиданія въ такой мѣрѣ что таможенныхъ сборовъ, по полученнымъ пока еще неполнымъ свѣдѣніямъ, поступило свыше $75\frac{1}{2}$ милліоновъ кредитныхъ рублей (считая по чрезмѣрно высокому курсу 28 пенсовъ за рубль, а по дѣйствительному курсу гораздо болѣе), — слишкомъ *на двадцать милліоновъ рублей* болѣе того что̀ ожидалось по бюджету (55.484.000 руб.) Внутренняя торговля шла также очень успѣшно. Такой удачной расторжки какъ на прошлогодней Нижегородской ярмаркѣ торговцы почти не запомнятъ. Также хорошо шли и украинскія ярмарки. Уже въ 1877 году итогъ оборотовъ четырехъ ярмарокъ въ Харьковѣ (Крещенской, Троицкой, Успенской и Покровской) поднялся до 40.908.446 р. съ 31.045.135 р. въ 1876.

*) Вотъ цифры отпуска хлѣба изъ Россіи по сухопутнымъ таможнямъ:

Таможни:	Съ 1 янв. по 1 дек. 1877		Съ 1 янв. по 1 дек. 1878	
Варшавская . . .	243.678	четв.	132.710	четв.
Вержболовская	2.323.685	„	1.330.407	„
Граевская	1.626.804	„	1.486.845	„
Нешавская . . .	647.073	„	623.806	„
Сосновицкая . .	575.982	„	424 328	„
Радзивиловск . .	642.972	„	426.702	„
Волочиская . . .	1.120.317	„	994.318	„
Прочія	2.403.975	„	2.996.421	„
Итого . .	9.584.486	„	8.415.537	„

Въ какой пропорціи расширились эти обороты въ минувшемъ году, показываютъ цифры оборотовъ главной изъ этихъ ярмарокъ, Крещенской. Именно эти обороты (не принимая въ разчетъ сдѣлокъ по торговлѣ хлѣбомъ и спиртомъ) составляли:

Въ 1876 году	14.371.970	руб.
„ 1877 „	16.901.270	„
„ 1878 „	20.410.450	„

Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о расширеніи торговыхъ оборотовъ усилившееся товарное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Опубликованная недавно вѣдомость о движеніи по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ за одиннадцать мѣсяцевъ по 1 декабря 1878 года показываетъ что товарное движеніе по нимъ возрасло противъ соотвѣтственнаго періода 1877 года слишкомъ на 251¼ милліоновъ пудовъ *), —цифра почти *втрое* большая всей, столь напугавшей экономиста *Сѣверогерманской Всеобщей Газеты*, массы хлѣбныхъ грузовъ провезенныхъ въ 1877 году изъ Россіи чрезъ сухопутную границу.

Параллельно успѣхамъ внѣшней и внутренней торговли шли успѣхи и русской промышленности. „Всѣ почти фабрики", говоритъ Д. П. Шиповъ достаточно знакомый съ ихъ нынѣшнимъ положеніемъ, „усилили значительно свое производство. Многія изъ нихъ увеличились вдвое противъ прежняго, а другія возникли вновь." Соотвѣтственно такому положенію русской промышленности, привозъ заграничнаго сырья для нашихъ фабрикъ (хлопка, бумажной пряжи, шелка-сырца, крашеной шерсти, пряденой пуши и т. п.) значительно возросъ противъ размѣровъ до которыхъ онъ доходилъ предъ войной, а привозъ издѣлій заграничныхъ фабрикъ (бумажныхъ, полотняныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ), въ томъ числѣ и германскихъ, напротивъ много сократился.

Сбытъ русскаго хлѣба въ Германію (въ минувшемъ году значительно уменьшившійся) и дифференціальный тарифъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ тутъ, конечно, ни при чемъ. Но понизившійся вексельный курсъ дѣйствительно сослужилъ на этотъ разъ Россіи добрую службу, оказавъ одновременно равномѣрное покровительство и всей русской промышленности, и заграничному сбыту русскаго хлѣба. Этотъ сбытъ, благодаря понизившемуся курсу, дѣйствительно достигъ неслыханныхъ размѣровъ. Отпускъ безъ малаго *тридцати девяти милліоновъ* четвертей въ одиннадцать мѣсяцевъ, стало-быть много болѣе сорока милліоновъ четвертей въ годъ,—это такая цифра о какой въ недавнее еще время едва ли кто нибудь даже мечталъ. Дабы ясно представить себѣ всю ея громадность надо сравнить ее съ размѣрами прежнихъ отпусковъ хлѣба. По пятилѣтіямъ, со времени Крымской войны, средній годовой отпускъ хлѣба былъ:

Въ 1857—1861	9.080.000	четв.
„ 1862—1866	9.183.000	„
„ 1867—1871	16.385.000	„
„ 1872—1876	22.061.000	„

И послѣ этихъ среднихъ цифръ мы разомъ переходимъ къ такимъ размѣрамъ отпуска:

Въ 1877 году	30.579 716	четв.
Въ *одиннадцать мѣсяцевъ* 1878 года	38.995.952	четв.

Одной пшеницы, самаго цѣннаго хлѣба, котораго въ Германію идетъ всего менѣе, въ одиннадцать только мѣсяцевъ минувшаго года отпущено (16.351 757 ч.) почти столько, сколько въ пятилѣтіе 1867—1871 отпускалось въ цѣлый годъ всѣхъ сортовъ хлѣба вмѣстѣ взятыхъ! Не мудрено что денежныя средства доставшіяся русскимъ земледѣльцамъ благодаря такому отпуску дали имъ возможность предъявить русскимъ фабрикамъ такой спросъ на ихъ издѣлія, на какой онѣ не могли бы расчитывать ни при какомъ таможенномъ покровительствѣ. Не мудрено что и послѣдній зимній сезонъ въ столицахъ,—не тотъ который слѣдовалъ за усиленнымъ отпускомъ хлѣба въ Германію въ 1877 году, а именно послѣдній на которомъ должно было отозваться сокращеніе сбыта хлѣба въ эту страну въ 1878 году,—оказался очень оживленнымъ. Усиленный сбытъ сельскихъ продуктовъ по выгоднымъ цѣнамъ, не въ Германію, а въ другія страны, далъ обществу возможность отпраздновать возвращеніе съ театра войны родныхъ героевъ. Еслибъ оживившіе столичный сезонъ балы и празднества давались главнымъ образомъ нажившимися во время войны подрядчиками и поставщиками, въ чьихъ рукахъ, по извѣстной доктринѣ, скопились выпущенные правительствомъ кредитные билеты, можно бы-

*) Всего съ 1 января по 1 декабря провезено товаровъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ:

Въ 1877 году	1.574.159.232	пуд.
„ 1878 „	1.825.444.743	„

ло бы, пожалуй, видѣть въ этихъ балахъ признакъ вредной роскоши развиваемой выпусками бумажныхъ денегъ. Но когда балы даются людьми непричастными подрядамъ и поставкамъ, они служатъ лишь однимъ изъ признаковъ общаго благосостоянія, увеличившагося благодаря усиленному сбыту отечественныхъ продуктовъ подъ покровительствомъ благопріятнаго для Россіи уровня вексельныхъ курсовъ, частныя невыгоды коего съ лихвой выкупаются общими выгодами.

Въ виду такихъ обстоятельствъ распространить, при усердномъ и безкорыстномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ услужливыхъ русскихъ газетъ, убѣжденіе что Россія страна зачумленная, отъ которой должна сторониться вся „здоровая" Европа (съ родиной чумы—Азіятскою Турціей и Египтомъ — включительно), — распространить такое убѣжденіе есть дѣло весьма подходящее нашимъ заграничнымъ доброжелателямъ. Прямой вредъ причиненный Россіи болѣзнью, которую настойчиво стараются выдать за „черную смерть", пока, слава Богу не великъ. Далѣе Ветлянки и нѣсколькихъ поселковъ отдаленной Астраханской губерніи она не пошла, да и тамъ прекратилась, и число похищенныхъ ею жертвъ считается едва нѣсколькими сотнями. Но забитый по поводу ея набатъ несомнѣнно отзывается на Россіи чувствительными экономическими недочетами. Весьма возможно что въ ходѣ нашей отпускной торговли не обойдется безъ нѣкоторой заминки вслѣдствіе принятыхъ противъ насъ карантинныхъ мѣръ. Раздутыя опасенія чумной заразы не пройдутъ, вѣроятно, безслѣдно и по отношенію ко внутренней торговлѣ. По нѣкоторымъ желѣзнымъ дорогамъ, движеніе, по всей вѣроятности, должно будетъ сократиться. Обороты нѣкоторыхъ ярмарокъ, напримѣръ Сборной Симбирской, несомнѣнно пострадаютъ. Возможно также что карантинныя мѣры принятыя въ мѣстности лежащей на торговомъ пути изъ Москвы въ Персію отзовутся, къ ущербу русскихъ фабрикъ, и на сбытѣ туда русскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Еще важнѣе распространяемая чумными толками общая паника. Но какъ бы ни былъ великъ ущербъ отъ всего этого, можно быть вполнѣ увѣрену что причины его не просуществуютъ долго, особенно въ виду энергическихъ мѣръ принятыхъ въ этихъ видахъ нашимъ правительствомъ. Цѣною понесеннаго ущерба Россія пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую политическую опытность. Но какую выгоду извлекутъ изъ всего этого ея доброжелательные сосѣди?

№ 37.

Москва, 12-го февраля.

А.

На мѣсто лорда Лофтуса, переселяющагося, по собственному желанію, губернаторомъ въ Новый Южный Валлисъ, британскимъ посломъ въ Петербургъ назначенъ лордъ Дэфферинъ, что подало поводъ къ демонстраціи, замѣчательно характеризующей наши отношенія къ Англіи. Въ рѣчахъ произнесенныхъ при этомъ случаѣ, какъ ни кратко передана ихъ сущность по телеграфу, видна цѣлая программа. Слѣдуетъ замѣтить что лордъ Дэфферинъ не принадлежитъ къ партіи нынѣ стоящей при дѣлахъ. Онъ былъ членомъ администраціи г. Гладстона и состоялъ, по его назначенію, генералъ-губернаторомъ Канады. Выборъ замѣчателенъ еще потому что лордъ Дэфферинъ никогда не служилъ прежде по дипломатической части, но онъ извѣстенъ какъ человѣкъ свѣтскій, очень любезный, умѣющій снискать доброе къ себѣ расположеніе, способный стать вездѣ *persona grata*, а потому, какъ замѣтила одна газета, имѣющій задатки лучше иного дипломата по профессіи вести переговоры щекотливаго свойства. Этими особенностями новаго посла и объясняется то обстоятельство что органы обѣихъ партій не нахвалятся его назначеніемъ. Но проводы ему предъ отъѣздомъ естественно дѣлались его же партіей, то-есть либеральною оппозиціей. Банкетъ въ честь лорда Дэфферина былъ данъ въ Реформъ-клубѣ, въ предсѣдательствѣ вождя оппозиціи лорда Гранвиля.

Случай этотъ не представляетъ ничего необыкновеннаго, но онъ весьма рельефно выставляетъ послѣдовательность англійской политики. Какъ бы ни были запальчивы пререканія обѣихъ правительственныхъ партій, это ихъ домашніе счеты между собой, весьма мало имѣющіе вліянія на политику Англіи, и было бы ошибочно видѣть въ ея нынѣшней политикѣ только личные взгляды лорда Биконсфильда и

воображать что она въ сущности могла бы быть иною при министерствѣ Гранвиля или даже Гладстона. Пріемы могутъ быть различные, но цѣль и общее направленіе англійской политики остаются неизмѣнны, какая бы партія ни стояла во главѣ. Отчасти достаточнымъ тому доказательствомъ могли уже служить неискреннія дѣйствія оппозиціи въ парламентѣ съ тѣхъ поръ какъ возникли восточныя замѣшательства. Солидарность политики обозначается по мѣрѣ того какъ популярность нынѣшняго кабинета слабѣетъ, и либераламъ представляется надежда получить парламентское большинство при новыхъ выборахъ, которые не могутъ долго откладываться. Либералы спѣшатъ заявлять при случаѣ что и они способны вести политику въ томъ же направленіи какъ ихъ противники. Уже предъ открытіемъ парламента одинъ изъ ихъ вождей опровергалъ мнѣніе будто оппозиція готова пренебречь результатами Берлинскаго трактата. Такой же тонъ слышится и въ рѣчи лорда Гранвиля на банкетѣ въ честь новаго посла. Онъ желалъ лорду Дэфферину успѣха въ его миссіи, и при этомъ заговорилъ о какихъ-то еще имѣющихся претензіяхъ Англіи къ Россіи. Лордъ Дэфферинъ, въ свою очередь, обѣщалъ постараться обезпечить интересы, честь и достоинство Англіи безъ нарушенія мира, что̀ и было политикой лорда Биконсфильда.

Но англійскимъ политикамъ не приходитъ въ голову что Россія также можетъ имѣть поводы къ неудовольствіямъ на Англію, что Россія также можетъ имѣть свои интересы и заботиться о своей чести и своемъ достоинствѣ. Все подобное англійскіе политики привыкли считать исключительнымъ достояніемъ Англіи. Пусть мы оказывали угодливое вниманіе ко всѣмъ интересамъ Англіи и заботились до самопожертвованія о сохраненіи ея *престижа* на Востокѣ; пусть мы всячески стѣсняли себя въ самомъ веденіи нашей войны съ Турціей, строго держась данныхъ намъ указаній и не отваживаясь касаться запрещенныхъ лордомъ Биконсфильдомъ пунктовъ; пусть, несмотря на блестящія побѣды и громадныя принесенныя нами жертвы, мы, въ минуту полнаго торжества, оставили начатое нами дѣло не конченнымъ; пусть мы были столь же внимательны къ Англіи и въ Средней Азіи, облегчивъ ей дѣла ея въ Афганистанѣ и отдавъ ей въ жертву эмира, который искалъ съ нами сближенія въ ту минуту когда мы сами вынуждены были думать о мѣрахъ самообороны противъ притязательнаго задора Англіи, всѣмъ этимъ мы не удовлетворили Англію: она все имѣетъ еще какія-то неудовольствія и объявляетъ новыя претензіи.

Образчикъ того какъ Англія ведетъ свои дѣла мы видимъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ касательно Афганскаго дѣла. По поводу парламентскаго заявленія маркиза Солсбери, что вслѣдствіе отозванія Русской миссіи изъ Кабула, Англійское правительство *согласилось* на возстановленіе прежняго уговора между обѣими странами относительно Афганистана, *Journal de St.-Pétersbourg* объясняетъ что наше правительство, изъявляя готовность отозвать свою миссію, желало прежде получить увѣренность что независимость Афганистана будетъ уважена. По толкованію нашего французскаго органа, лордъ Солсбери объяснилъ графу Шувалову что Англія отнюдь не имѣетъ намѣренія посягать на независимость Афганистана, и это увѣреніе было де подтверждено и рѣчами лорда Биконсфильда, вслѣдствіе чего и явилась возможность возвратиться къ прежнему порядку вещей. Признаемся, намъ не совсѣмъ понятно это франко-русское объясненіе. Мы поняли бы его еслибъ услышали что англійскія войска очистили Афганистанъ. Но вѣдь Англія объявила что она намѣрена раздвинуть свои границы на счетъ Афганистана, что она ищетъ „научной границы,“ и тотъ же лордъ Биконсфильдъ, по открытіи парламента, съ радостью объявилъ что англійскія войска уже заняли въ Афганистанѣ всѣ тѣ позиціи кои предполагалось занять. Гдѣ же тутъ *возвращеніе* къ прежнему порядку? Не выходитъ ли скорѣе что, вмѣсто возвращенія къ прежнему соглашенію, Англія ищетъ наложить на насъ новыя обязательства при совершенно иныхъ чѣмъ прежде условіяхъ?

Кстати, англійскія газеты принесли намъ сегодня краткое изложеніе дипломатическихъ сношеній о коихъ упоминаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, и вотъ оказывается что во взглядѣ на „независимость“ Афганистана было, повидимому, недоразумѣніе между обоими правительствами, которое такъ и осталось не разъясненнымъ. Въ депешѣ, отъ 13-го декабря, лордъ

Солсбери писалъ къ лорду Лофтусу, между прочимъ, слѣдующее:

„...Графъ Шуваловъ спросилъ меня допускаю ли я что мы обязались уважать независимость Афганистана, утверждая что такое обязательство было принято нами въ меморандумѣ приложенномъ къ депешѣ лорда Дарби къ г. Даріа, отъ 25-го октября 1875 года. Я сказалъ что считаю еще имѣющими силу всѣ обязательства принятыя нами или Русскимъ правительствомъ; *но я не могъ допустить чтобы слова лорда Дарби ставили поддержаніе независимости Афганистана предметомъ обязательства съ нашей стороны въ отношеніи къ Россіи*... Меморандумъ 1875 года, по нашему сужденію, не выдерживаетъ даваемаго ему истолкованія, и потому *я не могъ допустить чтобы мы подлежали какому-либо обязательству относительно независимости Афганистана.*“

Такимъ образомъ, по толкованію лорда Солсбери, мы не имѣли даже права выговаривать независимость Афганистана, такъ что уважить или не уважить ее будетъ доброю волей Англіи, равно какъ и дать Афганистану тѣ или другія границы По толкованію британскаго министра, Англія не несетъ предъ Россіей никакихъ обязательствъ относительно Афганистана. Отъ насъ же она *требовала* отозванія нашей миссіи въ силу якобы нашего обязательства.

Но вотъ сегодняшнія телеграммы приносятъ вѣсть о безнадежномъ состояніи неповинной жертвы алчности Англіи, эмира Ширъ-Али. Смерть его можетъ вызвать новый и неожиданный оборотъ дѣлъ въ Средней Азіи.

Б.

Харковскій губернаторъ, князь Крапоткинъ. на улицѣ, близъ своего дома, подвергся нападенію тайнаго убійцы. Чтò это? новое ли политическое убійство или личная месть, какъ сообщаетъ сегодня одна изъ петебургскихъ газетъ, присовокупляя что убійца отысканъ? Подождемъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но вѣсть объ мрачномъ случаѣ должна тяжело отозваться повсюду. Всякій невольно думаетъ что выстрѣлъ въ князя Крапоткина есть продолженіе начавшагося ряда политическихъ убійствъ... Не возмутительно ли что горсть злоумышленниковъ безнаказанно издѣвается надъ цѣлымъ народомъ и его правительствомъ? Къ чему придемъ мы если такое состояніе продлится?...

№ 38.

Москва, 13-го февраля.

Официальныя извѣстія о чумной заразѣ съ каждымъ днемъ гласятъ все успокоительнѣе. Облеченный чрезвычайною властью, временный генералъ-губернаторъ Волжскаго низовья не только не нашелъ повода усилить мѣры предосторожности принятыя ранѣе его прибытія, но напротивъ, находитъ возможнымъ отмѣнять нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, снимая оцѣпленія коими спеціально (сверхъ общей карантинной линіи) окружены были тѣ селенія и станицы гдѣ были случаи эпидеміи, такъ какъ прошло уже *шесть недѣль* съ тѣхъ поръ какъ ни одного такого случая тамъ не повторялось. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о каждомъ сколько-нибудь сомнительномъ случаѣ заболѣванія во всей остальной Россіи съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и симптомовъ, и всѣ эти сообщенія вполнѣ подтверждаютъ заявленіе Министерства что оно не имѣетъ „никакой надобности скрывать подобные случаи,“ и что „нѣтъ повода скрывать и распоряженія которыя при этомъ принимаются.“

Но, рядомъ съ этими сообщеніями, *Правительственному Вѣстнику* приходится чуть не ежедневно опровергать ложныя извѣстія сообщаемыя то тѣмъ, то другимъ изъ органовъ нашей печати. И добро бы еслибъ это были только невѣрныя извѣстія которыя частныя газеты сообщаютъ *bona fide*, не имѣя подобно правительству необходимыхъ средствъ провѣрки. Нѣтъ, къ стыду печати, были газеты которыя пользовались этимъ случаемъ для какихъ-то своихъ особенныхъ цѣлей и распространяли *умышленную* ложь. Такою ложью нельзя не признать извѣстіе о громадной смертности въ Харьковѣ, о „массѣ гробовъ“ провозимыхъ по улицамъ и о моленіяхъ въ тамошнихъ церквахъ о прекращеніи чумы. Извѣстіе это появилось впервые въ одесской газетѣ *Правда* и оказывается ложью отъ перваго слова до послѣдняго, какъ видно изъ приведеннаго

нами вчера официальнаго опроверженія. Помѣщеніе такого извѣстія нельзя объяснить необдуманностью, легкомысліемъ, паникой. Это очевидно завѣдомая ложь. Редакція газеты, если надъ ней дѣйствительно подшутилъ кто-нибудь, не могла не отдать себѣ отчета въ страшномъ значеніи сообщаемаго факта, и ей ничего не было легче какъ справиться есть ли хоть тѣнь правды въ полученномъ ею извѣстіи. А между тѣмъ оно перешло и во многія столичныя газеты, которыя сочли возможнымъ перепечатать такую грубую ложь.

Но это не единичный фактъ. Всѣмъ еще памятна зловѣщая телеграмма появившаяся въ концѣ декабря въ газетѣ *Голосъ* о чумѣ въ Царицынѣ; она напечатана со слѣдующею помѣткой: *Царицынъ, 28 декабря, 2 часа 39 минутъ дня*. Когда извѣстіе *Голоса* было опровергнуто офиціально, другая газета высказала предположеніе что телеграмма эта была сфабрикована въ Петербургѣ. Издатель *Голоса* обидѣлся этимъ и призвалъ своихъ обличителей къ отвѣту. Чтò же оказывается? На примирительномъ разбирательствѣ у мироваго судьи выяснилось что упомянутая телеграмма *изъ Царицына* сфабрикована въ *Харьковѣ*. Она сфабрикована не въ „главной редакціи“ *Голоса* въ Петербургѣ, а въ ея „южномъ отдѣленіи, не въ Петербургѣ, а въ Харьковѣ! .“

Вчера нами полученъ *Астраханскій Справочный Листокъ*, отъ 18 января, и въ немъ мы находимъ другой фактъ печатнаго подлога въ той же газетѣ *Голосъ* опять таки по поводу чумы. Въ № 357 *Голоса* за прошедшій годъ появилась корреспонденція изъ Астрахани, отъ 19 декабря, за подписью „А. Мироновъ.“ Въ этой корреспонденціи, перепечатанной цѣликомъ всѣми другими газетами, описывалось какъ появилась эпидемія въ Енотаевскомъ уѣздѣ и чтò было сдѣлано для прекращенія. Г. Мироновъ, въ письмѣ къ редактору названнаго *Листка* заявляетъ что корреспондентомъ газеты *Голосъ* онъ никогда не состоялъ и не состоитъ и что корреспонденцію отъ 19 декабря онъ не писалъ, не подписывалъ и не посылалъ. Г. Мироновъ присовокупляетъ что онъ вообще ничего не писалъ въ газеты о чумѣ „имѣя въ виду что когда само правительство вступило на путь гласности, то увеличеніе частными лицами и безъ того тревожныхъ слуховъ не только безполезно, но и вредно,“ добавляя что „онъ совсѣмъ не раздѣляетъ той тревоги какую затрубили столичныя газеты.“ Это послѣднее замѣчаніе лица находящагося на мѣстѣ заслуживаетъ вниманія въ виду того что оно писано 15 января, то-есть въ самый разгаръ чумной тревоги.

Дѣятельность *Голоса* по вопросу о чумѣ и то усердіе съ которымъ эта газета тревожила общество ложными извѣстіями до такой степени бросались въ глаза что на это наконецъ обратила вниманіе и заграничная печать, и даже въ Вѣнѣ предостерегаютъ общественное мнѣніе противъ извѣстій *Голоса*. Вѣнская *Deutsche Zeitung*, въ замѣткѣ отъ 10 февраля, указываетъ что означенная петербургская газета выдумала чуму въ Оренбургѣ, въ Рузѣ, на Дону, два раза въ Тамбовѣ, въ Черниговѣ, наконецъ въ Борисоглѣбскѣ—итого замѣчаетъ вѣнская газета, семь разъ.

Deutsche Zeitung, въ видѣ укора Россіи, прибавляетъ къ этому что еслибы русскія газеты дозволили себѣ подобныя нарушенія истины въ области политики, то ихъ давно бы постигла кара, но что за ложныя извѣстія о чумѣ нѣтъ карательной статьи въ Сводѣ Законовъ.

Вѣнская газета ошибается. Нашъ уголовный законъ, ст. 301 Улож. о Нак., подвергаетъ взысканію за опубликованіе ложныхъ извѣстій „могущихъ имѣть какія-либо вредныя послѣдствія.“ Объ этой статьѣ закона не мѣшало бы припомнить тѣмъ изъ органовъ нашей печати, которые не сознаютъ или не хотятъ сознавать что ихъ предосудительныя преувеличенія и вымыслы по поводу чумы уже успѣли причинить не малый вредъ...

№ 39.

Москва, 14-го февраля.

Въ воскресенье, при всеобщемъ ликованіи народа, открылось въ Тырновѣ собраніе болгарскихъ нотаблей для устроенія освобожденнаго Россіей Болгарскаго княжества. Церемонія была торжественная и радостная. Болѣе тридцати тысячъ Болгаръ изъ окрестностей Тырнова собрались на празднество. На банкетѣ который, послѣ открытія собранія, Императорскій коммиссаръ князь Дондуковъ-Корсаковъ далъ болгарскимъ депутатамъ, присутствовавшіе

на немъ коммиссары другихъ великихъ державъ были свидѣтелями необычайнаго энтузіазма вызваннаго провозглашеніемъ тоста за здоровье и многолѣтіе Государя Императора.

Россія исполнила по крайней мѣрѣ ту часть дѣла которая осталась за нею относительно ограниченнаго Берлинскимъ конгрессомъ Болгарскаго княжества, и тѣмъ положила начало будущности всего Болгарскаго народа. Между тѣмъ какъ участь оторванныхъ дипломатіей частей этого народа остается подъ тяжкимъ сомнѣніемъ, здѣсь, по сю сторону Балканъ, трудолюбивое и мирное племя, послѣ четырехвѣковаго рабства, вступаетъ въ новую жизнь.

Въ то время какъ международная европейская коммиссія для Восточной Румеліи до сихъ поръ, несмотря на дàвно истекшій срокъ ея занятій, все еще не можетъ справиться съ выработкой устава для этой провинціи и далека отъ окончанія своей задачи, русскимъ управленіемъ уже окончены всѣ приготовительныя работы для организаціи Болгарскаго княжества, задолго до истеченія срока и занятія русскими войсками.

Въ краткихъ корреспонденціяхъ англійскихъ газетъ изъ Болгаріи, за послѣднее время, намъ случалось встрѣчать инсинуаціи будто Болгары, хорошенько освоившись и ознакомившись съ русскими чиновниками, начали тяготиться ихъ опекой и ждутъ не дождутся когда отъ нея освободятся. Въ особенности же ихъ будто бы раздражала крайняя расточительность русскаго временнаго управленія. На дѣлѣ же оказывается что ко времени открытія собранія въ Тырновѣ, княжество находится уже въ обладаніи полной системы административнаго, судебнаго, учебнаго и сельскохозяйственнаго управленія, и имѣетъ до 20.000 хорошо вооруженнаго и отлично обученнаго войска. И вся эта организація, созданная заново и въ неимовѣрно короткій срокъ, тотчасъ послѣ войны, была исполнена столь экономнымъ образомъ что изъ собранныхъ пятнадцати милліоновъ франковъ израсходовано только семь, и такимъ образомъ новое княжество вступаетъ въ жизнь располагая восьмимилліоннымъ излишкомъ. Оно имѣетъ также въ своемъ распоряженіи опытный административный персоналъ до 2,000 должностныхъ лицъ, изъ коихъ Русскихъ было всего 150, а остальные всѣ Болгары.

Не довольствуясь временнымъ устройствомъ и управленіемъ княжества, русская администрація озаботилась облегчить и созванное въ предстоящей ему работѣ нынѣ народное собраніе, изготовивъ для его обсужденія проектъ „органическаго устава государственнаго устройства княжества,“ помѣщенный въ № 37 *Московскихъ Вѣдомостей*. Не будь этого элабората, собравшимся нотаблямъ пришлось бы нарядить изъ себя коммиссію для такой же работы и отложить свои занятія на долгое время. Теперь же, имѣя уже предъ собою нѣчто, собраніе не теряя времени можетъ приступить къ главной своей задачѣ—дать странѣ окончательныя учрежденія и выбрать князя. Болгарамъ предстоитъ показать свой здравый практическій смыслъ, котораго признаки они обнаруживали, несмотря на гнетъ четырехвѣковаго мусульманскаго ига. Будутъ ли они умны или дадутся въ обманъ мишурѣ, отъ этого зависитъ судьба ихъ. Первымъ опытомъ ихъ государственной жизни предопредѣляется вся ихъ будущность.

Подвергать критическому сужденію обширный проектъ переданный на обсужденіе болгарскимъ нотаблямъ и касающійся всѣхъ отраслей государствнннаго устройства, теперь едва ли умѣстно. Здѣсь все дѣло въ томъ насколько этотъ проектъ соотвѣтствуетъ потребностямъ. Мы въ правѣ, во всякомъ случаѣ, полагать что администрація, показавшая себя столь внимательною и осмотрительною въ дѣлѣ временной организаціи княжества, и при этой работѣ, по всему вѣроятію, руководилася гораздо болѣе вниманіемъ къ мѣстнымъ условіямъ края чѣмъ отвлеченными соображеніями. Во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ проектъ, и князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ рѣчи прочтенной имъ при открытіи перваго Болгарскаго собранія и встрѣченной горячимъ сочувствіемъ, обратился къ депутатамъ съ приглашеніемъ обсудить представленный имъ органическій статутъ, видоизмѣнить и дополнить его, если то окажется нужнымъ, по своему разумѣнію.

Задача русской администраціи состояла лишь въ томъ чтобъ облегчить Болгарамъ вступленіе ихъ въ новую жизнь. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ англійскій корреспонцентъ высказывалъ надежду что европейская коммиссія одаритъ Болгаръ Восточной Румеліи такими учрежденіями которымъ позавидуютъ и Болгары свобод-

наго княжества, такъ какъ они никогда не могутъ получить такихъ отъ Русскихъ. Но коммиссія до сихъ поръ таитъ подъ спудомъ это чудо совершенства, а между тѣмъ, съ приближеніемъ времени открытія собранія въ Тырновѣ, въ иностранной печати уже начали высказываться опасенія какъ бы это событіе не подало повода къ демонстраціямъ въ Восточной Румеліи въ пользу соединенія съ княжествомъ и не затруднило бы еще болѣе исполненіе постановленій Берлинскаго трактата относительно этой провинціи. Дѣйствительно, открывается странное зрѣлище: по одну сторону Балканъ народъ призывается свободно устроить свою участь какъ онъ находитъ для себя лучше, а по другую сторону тому же народу будутъ навязываться англо-турецкія патентованныя учрежденія подъ политическою и военною властію султана. Болгары княжества, при созданіи своихъ учрежденій, впрочемъ, окажутъ нѣкоторую услугу своимъ злополучнымъ собратьямъ если заставятъ международную коммиссію быть по-осторожнѣе въ ея предначертаніяхъ и болѣе озаботиться интересами населеній чѣмъ прерогативами турецкаго чиновничества, дабы избѣжать слишкомъ вопіющаго контраста съ порядками свободнаго княжества.

Что касается органическаго проекта для княжества, то въ немъ благопріятное впечатлѣніе производитъ довольно широкая власть предоставляемая князю. Въ юныхъ обществахъ, только что начинающихъ жить самостоятельною жизнью, наибольшую опасность всегда представляетъ неустойчивость происходящая отъ безвластія и споровъ за власть.

Сейчасъ полученная нами запоздавшая телеграмма изъ Филиппополя свидѣтельствуетъ о скорбномъ настроеніи населеній Балканъ. Тамъ радуются освобожденію Болгарскаго народа и молятся за Россію, но скорбятъ разлучаясь съ братьями и возвращаясь въ турецкую неволю. Духовенство въ Филиппополѣ совершало молебствіе въ черныхъ ризахъ, и городъ былъ украшенъ траурными флагами...

№ 40.

Москва, 15-го февраля.

Вотъ уже полтора мѣсяца какъ чума у всѣхъ на языкѣ и ни о чемъ другомъ почти не слыхать. Многіе просто бредятъ чумой и во снѣ и на яву, отыскивая ее въ каждомъ уголкѣ и усматривая ее въ каждомъ, чѣмъ бы ни заболѣвшемъ и отчего бы ни умершемъ человѣкѣ. Нѣкоторые товары у торговцевъ нейдутъ съ рукъ: ихъ не покупаютъ изъ страха купить чуму. Биржа и книжная торговля, пользуясь такимъ настроеніемъ, съ успѣхомъ спекулируютъ на чуму. На нее же спекулируютъ и газеты. Загляните въ бо́льшую часть ихъ, и увидите на первомъ планѣ вѣсти изъ „чумной губерніи“, изъ „зачумленнаго края“, изъ „края заразы“, изъ „царства смерти“...

Стало-быть, дѣйствительно, въ Астраханской губерніи творится что-нибудь неслыханно-ужасное? Ничуть не бывало. Приходящія оттуда каждый день извѣстія однообразно твердятъ одно и то же: ни въ Астраханской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ никакихъ признаковъ эпидеміи, ни одного умершаго, ни одного больного отъ заразы. Пріѣхавшіе въ „чумный“ районъ „иностранные врачи и делегаты весьма недовольны тѣмъ что больныхъ нѣтъ.“ Пострадавшія селенія, послѣ того какъ тамъ въ теченіе шести недѣль, при самомъ строго-подозрительномъ наблюденіи, не оказывается ни одного случая сомнительнаго заболѣванія, одно за другимъ освобождаются отъ тѣснаго карантиннаго оцѣпленія, торжествуя свое освобожденіе ликованіемъ и пѣснями.

Можетъ-быть, впрочемъ, Астраханская губернія заслужила наименованіе „чумной“ не тѣмъ что̀ теперь происходитъ въ ней, а тѣмъ что творилось тамъ въ недавнее время. „Чума прекратилась, но можетъ-быть оставила по себѣ страшныя опустошенія; можетъ-быть цѣлый край обезлюдѣлъ отъ постигшей его Божьей кары. Ничего подобнаго не случилось. 450-тысячное населеніе губерніи, слава Богу, здравствуетъ и нисколько не уменьшилось. Была въ нѣсколькихъ селеніяхъ, въ ноябрѣ, въ декабрѣ и частію въ январѣ какая-то болѣзнь, отъ которой умерло до 350 человѣкъ. Вотъ и все. Событіе конечно, прискорбное, но подобныя событія, въ размѣрахъ гораздо болѣе крупныхъ, безпрестанно случаются то въ томъ, то въ другомъ углу какъ Россіи, такъ и всякой другой страны. Большею частью, однако, о появляющихся то тутъ, то тамъ повальныхъ болѣзняхъ (оспѣ, скарлатинѣ, горячкѣ, тифѣ, сибирской язвѣ и т. д.) не

доходитъ до публики и слуховъ. Лишь изрѣдка болѣзнь, отъ которой какая-нибудь волость пострадаетъ не меньше чѣмъ Ветлянка съ ея округомъ, оставляетъ по себѣ слѣды въ какой-нибудь газетной корреспонденціи, гдѣ на ряду съ извѣстіями о провинціальныхъ скандалахъ, часто фигурируетъ стереотипная, фраза что въ такой-то мѣстности свирѣпствуетъ такая-то болѣзнь, со стереотипными же жалобами на бездѣйствіе земства и администраціи. Почему же Ветлянка съ окрестными селеніями, гдѣ число жертвъ повальной болѣзни едва доходило до 350, вдругъ пріобрѣла не только всероссійскую, но и всемірную извѣстность, и превратила всю Астраханскую губернію, все „временное генералъ-губернаторство", чуть не всю Россію въ „царство смерти?"

Потому только что произнесено *страшное слово*: „чума". А „страшныя слова" пугаютъ не одну Настасью Панкратьевну, каковымъ обстоятельствомъ всегда рады воспользоваться ловкіе люди.

Любопытно прослѣдить на какихъ данныхъ основалось сдѣлавшееся вдругъ господствующимъ мнѣніе что повальная болѣзнь въ Ветлянкѣ не иная какъ чума, да еще самая ужасная—индійская, pestis indica. Прежде многихъ другихъ наблюдалъ старшій врачъ Астраханскаго казачьяго войска Dr. Деппнеръ. Вотъ что между прочимъ, читаемъ въ его отзывѣ о ней. Получивъ извѣстіе что въ началѣ ноября 1878, въ станицѣ Ветлянкѣ, появилась какая-то болѣзнь, онъ прибылъ туда 18 ноября и нашелъ восемь человѣкъ больныхъ; *всѣ они въ послѣдствіи выздоровѣли*. Болѣзненныя явленія, теченіе болѣзни и ея исходъ (выздоровленіе) оказались тѣ же какія были наблюдаемы еще въ маѣ 1877 въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Астраханской губерніи и въ самой Астрахани: ничего особенно опаснаго, ничего похожаго на чуму, несмотря на припуханіе железъ; вскрывшіеся нарывы выдѣляли *доброкачественный* гной. По отъѣздѣ Dr. Деппнера, съ 27 ноября обнаружилась болѣзнь съ болѣе жестокимъ характеромъ, и 5 декабря онъ вторично прибылъ въ Ветлянку. Десятидневныя наблюденія тамъ надъ болѣзнью (по признакамъ, сходною во многомъ съ тою которая наблюдалась въ ноябрѣ, но въ гораздо болѣе острой формѣ) показали ему „сущность болѣзни горячечною, съ типомъ похожимъ на *возвратную горячку*." „Признаки этой жестокой болѣзни," писалъ почти вслѣдъ за этими словами Dr. Деппнеръ въ своемъ донесеніи, „даютъ мнѣ право смотрѣть на нее *или* какъ на самый жестокій *тифъ*, *или* какъ на *болѣзнь новую*, *среднюю* между тифомъ и чумой." 14 декабря, Dr. Деппнеръ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ (что можетъ-быть отозвалось и на написанномъ имъ послѣ того донесеніи о болѣзни), почему дальнѣйшихъ наблюденій для опредѣленія болѣзни производить не могъ и покинулъ Ветлянку съ однимъ лишь убѣжденіемъ что для пресѣченія болѣзни необходимъ карантинъ. Противъ какой именно болѣзни направлялись карантинныя мѣры, — противъ возвратной горячки, тифа или новой средней болѣзни, — оставалось неизвѣстнымъ.

За приведеннымъ весьма неопредѣленнымъ отзывомъ о болѣзни исходившимъ отъ врача два раза посѣтившаго Ветлянку, послѣдовалъ уже весьма опредѣленный о ней отзывъ—отъ врача тамъ еще не бывшаго. Астраханскій врачебный инспекторъ Цвингманъ прибылъ въ Енотаевскъ, поговорилъ съ г. Деппнеромъ, въ то время больнымъ нервнымъ разстройствомъ, и не побывавъ въ Ветлянкѣ, не видавъ ни одного изъ тамошнихъ больныхъ, подписалъ актъ выражающій положительное мнѣніе что тамошняя болѣзнь есть *чума*. Какую цѣну придаетъ самъ г. Цвингманъ этому своему заявленію, и въ какой мѣрѣ серіозно на него смотритъ, неизвѣстно. Изъ напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* официальной телеграммы видно что подписавъ актъ утверждающій существованіе чумы, г. Цвингманъ, на другой же день, 19 декабря, прибывъ въ Ветлянку, вмѣстѣ съ двумя военными врачами лѣчившими тамъ больныхъ, составилъ и подписалъ другой актъ, гласящій что существовавшая въ Ветлянкѣ эпидемія по признакамъ своимъ *только подходитъ къ чумѣ*, и что „только въ виду возможности возврата бывшей той болѣзни признается еще необходимымъ оставить оцѣпленіе станицы." Этотъ подписанный г. Цвингманомъ актъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ полученною нами отъ него изъ Астрахани, отъ 22 января, телеграммой. Но смыслъ этой телеграммы такъ теменъ что мы до сихъ поръ остаемся въ сомнѣніи при какомъ изъ прежнихъ своихъ мнѣній г. Цвингманъ „продолжаетъ оставаться," и

на которое изъ нихъ можно опереться какъ на нѣчто серіозное.

Наконецъ, 27 декабря, прибылъ въ Ветлянку командированный туда изъ Петербурга Dr. Красовскій, который послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія тамъ, далъ слѣдующій опредѣленный отзывъ о болѣзни: „Осмотръ наличныхъ больныхъ, списокъ ихъ оставшійся послѣ покойнаго (врача) Морозова, объясненія врача Григорьева и самый актъ врачебнаго инспектора (Цвингмана) въ которомъ онъ заключаетъ, что болѣзнь въ Ветлянкѣ есть чума, привели меня къ убѣжденію что болѣзнь эта есть весьма скоротечный тифъ, осложнившійся въ большинствѣ случаевъ воспаленіемъ легкихъ, чѣмъ объясняется большая смертность при *плохихъ гигіеническихъ и діэтическихъ условіяхъ.*"

Вѣрить или нѣтъ такому отзыву врача, сдѣланному прямо съ мѣста, послѣ добросовѣстнаго изслѣдованія?

Можетъ-быть ему и повѣрили бы, но 11 января, на столь далекихъ отъ устьевъ Волги устьяхъ Невы, въ засѣданіи Общества Петербургскихъ Врачей, профессоръ лейбъ-медикъ Боткинъ (публично признавшій между прочимъ что мы до сихъ поръ *не имѣемъ ни обстоятельнаго описанія случаевъ заболѣванія* этою смертоносною эпидеміей, *ни одной полной исторіи болѣзни*, въ присутствіи многочисленной публики и врачей, прямо и рѣшительно изрекъ что бывшая въ Ветлянкѣ эпидемія есть „индійская чума" или „черная смерть." Послѣ такой *заочной* діагнозы разсуждать нечего; остается только крикнуть: спасайся кто можетъ!

На чемъ основалъ свое мнѣніе профессоръ Боткинъ, никому до этого нѣтъ дѣла. Голосовъ не согласныхъ съ нимъ врачей никто и слышать не хочетъ и по пословицѣ „добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ," вѣра въ высказанное имъ мнѣніе о характерѣ Ветлянской болѣзни мало ослаблена даже отзывомъ берлинскаго профессора Dr. Гирша, специалиста по части эпидемій. „Профессоръ Боткинъ," сказалъ между прочимъ Dr. Гиршъ на обращенный къ нему вопросъ своего ученика, прежде времени и необдуманно высказалъ свое заключеніе въ Петербургѣ по такимъ правительственнымъ донесеніямъ и и частнымъ извѣстіямъ врачей изъ Астраханской губерніи по которымъ положительно ничего нельзя было сказать"...

Въ Астраханской губерніи появилась индійская чума, черная смерть! Но кто ее туда занесъ, откуда могла она туда проникнуть? Не занесли ли ее наши войска возвращавшіеся изъ Азіятской Турціи? Нѣтъ, о такой болѣзни въ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ въ Азіятской Турціи не было слышно, и графъ Лорисъ-Меликовъ, принимая въ Царицынѣ корреспондентовъ газетъ, категорически сказалъ имъ: „У меня въ арміи прошлою зимой умирало по 20 человѣкъ въ день съ опухолью железъ, но медики болѣзни чумой не признавали." Не занесена ли къ намъ индійская чума изъ Решта? но вѣдь и тамъ индійской чумы не было. Была тамъ правда, повальная болѣзнь, отъ которой умерло не 350 какъ у насъ, а какъ полагаютъ до 3.000 чел., но была ли это не только индійская, а даже просто чума, осталось вопросомъ спорнымъ. Русскіе врачи послѣ долгихъ колебаній признали наконецъ рештскую болѣзнь чумою, но англійскіе остались при мнѣніи что въ Рештѣ была не чума, а тифъ.

Вѣра въ высказанное профессоромъ Боткинымъ мнѣніе держалась и держится, конечно, главнымъ образомъ благодаря тому что у страха глаза велики. Всѣхъ пугаетъ множество жертвъ болѣзни въ Ветлянкѣ (около 300 человѣкъ); всѣ заболѣвающіе умираютъ: отчего можетъ быть такая смертность какъ не отъ чумы? На причины такой смертности, на мѣстныя исключительныя гигіеническія условія при этомъ почти не обращается вниманія. А эти условія таковы что, какъ заявлено между прочимъ и Dr. Депнеромъ, „Ветлянка почти всегда, преимущественно предъ прочими окрестными селеніями, въ холеру подвергалась особенной болѣзненности; такъ въ эпидеміи холерныя, кори, скарлатины, лихорадочныя, она представляла наибольшій процентъ больныхъ; въ 1859 и 1860 годахъ въ ней особенно былъ развитъ сифилисъ, въ 1864 году было много больныхъ горячкой." Это и не удивительно если принять въ соображеніе что, тѣсноты и неопрятности жилищъ, саженяхъ во ста отъ Ветлянской станицы, на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ находится кладбище, откуда воды насыщенныя выдѣленіями разлагающихся труповъ должны стекать къ самому селенію. Естественно что и послѣдняя посѣтившая Ветлянку болѣзнь произвела въ ней большія опусто-

шенія чѣмъ какія могла бы произвести въ мѣстности сколько-нибудь менѣе невыгодно поставленной въ санитарномъ отношеніи.

Все это извѣстно, но это факты, а чумной пропагандѣ до фактовъ нѣтъ дѣла. Если чумы нѣтъ, то надобно ее выдумать. И чума усердно выдумывается, и не только Астраханская губернія, но по возможности и вся Россія ославляется гнѣздомъ заразы. Печатаются подложныя, подписанныя чужими именами корреспонденціи, сочиняются фальшивыя телеграммы о появленіи или страшномъ развитіи чумы то тутъ, то тамъ, выдумываются небывалые факты, — администрація спѣшитъ разслѣдованіями, мѣстныя власти мчатся, отложивъ другія дѣла, въ ославленную мѣстность, выдуманные факты естественно оказызываются выдумкой, о чемъ и возвѣщается публикѣ. Но впечатлѣніе сдѣлано, и наши заграничные друзья между тѣмъ обдѣлываютъ свои дѣла, которыя быть-можетъ дорого обойдутся нашему народу.

Публика, можно сказать, устала читать офиціальныя опроверженія ежеминутно фабрикуемой тенденціозной лжи. Дня не прошло какъ опровергалось извѣстіе о „массахъ гробовъ“ провозимыхъ по улицамъ Харькова и о всенародныхъ тамъ молебствіяхъ о прекращеніи чумы, и вотъ уже является новое опроверженіе пущеннаго *Голосомъ* извѣстія о появившейся будто бы заразѣ среди Калмыковъ на одномъ изъ волжскихъ острововъ близь хутора Екатериновки. Наглость съ какою выдумывается и поддерживается ложь превосходитъ всякое вѣроятіе. Недостаточно было, напримѣръ, напечатать сфабрикованную отдѣленіемъ редакціи *Голоса* въ Харьковѣ подложную телеграмму изъ Царицына о появленіи тамъ чумы, отъ которой де, „по офиціальнымъ извѣстіямъ, изо 189 заболѣвшихъ умерли 173 челквѣка.“ На другой же день это извѣстіе было опровергнуто, и *Голосу* пришлось публично каяться во лжи, вывертываться, кадить администраціи и заявлять безспорную истину что панику вызвать легко, но успокоить потомъ населеніе также трудно какъ трудно исчислить вредъ ею наносимый.“ Но съ полнымъ сознаніемъ этой истины, въ томъ же самомъ нумерѣ гдѣ она высказана печатается другая подложная телеграмма изъ Царицына, еще тенденціознѣе той которая только что была офиціально опровергнута: „Кликните кличъ къ русскому народу,“ гласила это новая телеграмма,“ призовите его помочь погибающему населенію. Люди мрутъ безпомощно.“ И люди фабрикующіе и распространяющіе ложь съ сознаніемъ причиняемаго ею вреда не только не считаютъ себя предъ кѣмъ-нибудь отвѣтственными, а еще зовутъ къ суду тѣхъ кто осмѣливается назвать ихъ поступокъ надлежащимъ именемъ!

Параллельно съ пропагандой чумы которую такъ настойчиво ведутъ *Голосъ* съ братіей, за границей идетъ противъ насъ не менѣе настойчивая чумная агитація направляемая ловкою и сильною рукой изъ Берлина. Волей-неволей подчиняются ей одно за другимъ правительства, другихъ странъ принимая большее или меньшее участіе въ устраиваемой противъ Россіи карантинной демонстраціи. При всей невыгодѣ отъ того для собственныхъ экономическихъ интересовъ, въ ней вынуждены были принять участіе и Австрія и Италія. Въ затѣянную игру противъ насъ вовлечена, смѣшно сказать, даже Турція. Менѣе всѣхъ по своимъ экономическимъ интересамъ, расположена принимать участіе въ этой игрѣ Англія. Но и она, въ угоду берлинскому агитатору, должна была что-нибудь сдѣлать, хоть для виду, чтобы не отстать отъ другихъ,—и учредила имѣющій весьма сомнительное практическое значеніе карантинный надзоръ на Мальтѣ. Но недостаточное практическое участіе въ чумной демонстраціи восполняется парламентскими рѣчами, въ родѣ заявленія герцога Ричмонда въ Верхней Палатѣ о которомъ извѣстилъ насъ телеграфъ. Изъ этого заявленія какъ нельзя яснѣе видно прежде всего что въ Англіи вовсе не вѣрятъ въ появленіе чумы въ Россіи, такъ что даже ограниченіе ввоза тряпья изъ Россіи не признается нужнымъ, — хотя тряпье при дѣйствительномъ существованіи заразы, было бы самымъ опаснымъ орудіемъ ея распространенія. Русское тряпье нужно Англіи, и запретить его ввозъ, только ради того чтобы сдѣлать скандалъ Россіи, было бы демонстраціей начетистою; также начетисты были бы и карантинныя мѣры противъ русскихъ судовъ изъ Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ навигація почти не прекращается. А между тѣмъ сдѣлать скандалъ, въ виду извѣстныхъ дипломатическихъ настояній, было не лишнимъ, и вотъ англійскіе лорды услыхали изъ устъ гер-

нога Ричмонда что предохранительныя отъ чумы мѣры относительно судовъ изъ русскихъ гаваней Балтійскаго моря имѣются въ виду какъ только откроется тамъ судоходство...

Чума, слава Богу, у насъ не болѣе какъ выдумка, — но предпринятая противъ Россіи карантинно-дипломатическая кампанія далеко не выдумка. Ее чувствуютъ на себѣ и торговцы посылающіе товары моремъ съ перспективой возвышенія фрахтовъ вслѣдствіе карантинныхъ задержекъ судовъ въ разныхъ портахъ. Ее чувствуютъ и товароотправители на нашихъ западныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочитавшіе на дняхъ въ офиціальномъ объявленіи списокъ товаровъ которые будутъ задерживаться на станціяхъ отправленія вслѣдствіе наложеннаго на нихъ запрета Германіей и Австріей. Ее испытываютъ и русскіе пассажиры обоего пола раздѣваемые до нага на прусской границѣ и проводящіе по шести часовъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ въ устроенныхъ ad hoc зловонныхъ помѣщеніяхъ. Ее оцѣниваютъ по достоинству и всѣ вообще русскіе люди не утратившіе способности принимать близко къ сердцу покушенія поставить родную страну въ унизительное положеніе. До сихъ поръ въ Европѣ титулъ „больнаго" примѣнялся только къ Турціи; теперь его относятъ къ намъ. До сихъ поръ только турецкая администрація пользовалась такою репутаціей что для провѣрки ея заявленій посылались международныя коммиссіи; теперь мы видимъ международныхъ делегатовъ въ русскомъ Царицынѣ...

И при всемъ этомъ, столь свысока трактующіе насъ заграничные доброжелатели имѣютъ именно въ русской печати готовое оправданіе своей направленной противъ Россіи дѣятельности.

А эта „русская печать," въ сознаніи важности предпринятаго ею дѣла чумной агитаціи уже готовится приступить къ полемикѣ о томъ, кому принадлежитъ честь перваго произнесенія слова „индійская чума." Въ астраханской корреспонденціи, въ полученномъ вчера нумерѣ *Голоса*, настоятельно доказывается что пальма первенства въ этомъ отношеніи должна быть отдана астраханскому врачу Мейерсону... Г. Цвингманъ, видите ли, утверждалъ что въ Ветлянкѣ господствуетъ „восточная чума," а г. Мейерсонъ доказывалъ что это не восточная, а „идійская чума," или „черная смерть," и убѣдилъ таки, наконецъ, своего оппонента.

№ 41.

Москва, 17-го февраля.

При настоящемъ кажущемся затишьѣ въ политикѣ не безынтересно остановиться на нѣкоторыхъ туманныхъ разсужденіяхъ газеты *Times* по поводу открывшагося Болгарскаго собранія въ Тырновѣ. Размышленія лондонскаго оракула о болгарскихъ національныхъ стремленіяхъ наводятъ на мысль что вопросъ о будущемъ положеніи южной части Болгаріи, окрещенной именемъ Восточной Румеліи, едва ли считается поконченнымъ, и даже весьма возможно что онъ находится въ настоящую минуту на чеку, но разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ повидимому связано съ осуществленіемъ какихъ-либо другихъ плановъ касательно самой Турціи.

Поводъ къ статьѣ *Times* данъ весьма пространнымъ письмомъ корреспондента этой газеты изъ Тырнова, которое отнюдь не отличается дружелюбнымъ тономъ въ отношеніи къ Русскимъ и Болгарамъ. Но въ немъ корреспондентъ весьма убѣдительно доказываетъ, во-первыхъ, что Турція нынѣ перестала быть европейскимъ государствомъ, что она не считается уже дипломатіей необходимостью для поддержанія „равновѣсія державъ," и что поэтому отнынѣ роль ея должна ограничиться только политическою миссіей на Босфорѣ, то-есть охраненіемъ Проливовъ и Константинополя; во-вторыхъ, что для этой цѣли занятіе Балканъ турецкими войсками не только не полезно, а положительно вредно, и что несравненно выгоднѣе чтобъ оборона Проливовъ ограничивалась болѣе удобною и менѣе растянутою линіей Адріанополя, что́ подтверждается весьма обстоятельными соображеніями какъ стратегическими, такъ и политическими; втретьихъ, наконецъ, что раздѣленіе Болгаріи и Румеліи было величайшею политическою ошибкой, такъ какъ оно ведетъ лишь къ раздраженію христіанскихъ населеній и вызываетъ весьма естественныя стремленія ихъ къ объединенію, коими только поддерживается русское вліяніе, въ ущербъ вліянію запад-

ныхъ державъ. „Мусульманская власть погибла навсегда какъ въ Болгаріи, такъ и въ Румеліи,“ говоритъ корреспондентъ, „и политика пренебрегающая признаніемъ этого факта напрасно тратитъ время и ничего не достигнетъ кромѣ собственнаго пораженія въ этихъ провинціяхъ.“

Таково впечатлѣніе вынесенное наблюдателемъ изъѣздившимъ страну изъ края въ край и смотрящимъ на дѣло съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ. Отвернуться отъ этого факта невозможно даже газетѣ *Times*, — и вотъ она съ отеческою нѣжностью готова уже взглянуть на стремленія Болгаръ. Въ „энергіи и даже преизбыткѣ національнаго импульса“ кроется де лучшій залогъ будущности страны. Но юность де слишкомъ пылко и нетерпѣливо относится къ реальной жизни. Юная Болгарія хочетъ де тотчасъ же, ни на что не взирая, сочетаться съ Восточною Румеліей.

Въ этомъ заигрываньи съ Болгарами *Times* быстро дѣлаетъ такой поворотъ какого, пожалуй, трудно было ожидать даже отъ англійской печати. Лондонская газета не только готова сочувственно отнестись къ настроенію Болгарскаго народа и видѣть въ немъ „добрый знакъ,“ но прямо говоритъ что „ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ смотрѣть на предписанную Берлинскимъ трактатомъ организацію Балканскаго полуострова какъ на неизмѣнную. Это не есть конечный результатъ, а только опытъ.“ Что же? тѣмъ лучше! Но этотъ опытъ былъ навязанъ желаніемъ исключительно одной Англіи. Если она сама теперь признаетъ что Берлинскій трактатъ никѣмъ не считается за „неизмѣнный и. конечный результатъ;“ если „опытъ“ относительно Румеліи оказывается не только не практичнымъ, но и вреднымъ, даже невозможнымъ, по убѣжденію самихъ англійскихъ наблюдателей, то вотъ почва для мирнаго дополненія европейскаго рѣшенія дѣломъ справедливости, для устраненія грозящихъ затрудненій, которыя многихъ повергаютъ въ смущеніе. Неужели, однако, Англія, которая есть главный врагъ справедливыхъ стремленій христіанъ въ Турціи, дѣйствительно такъ круто повернула во взглядахъ и въ самомъ дѣлѣ не воспротивилась бы нѣкоторымъ перемѣнамъ въ Берлинскомъ трактатѣ благопріятнымъ для забалканскихъ Болгаръ? Неужели и имъ возможно перемѣнить траурныя одежды на праздничныя?

Нѣтъ, радоваться рано. *Times* вдругъ обливаетъ насъ холодною водой: „Опытъ,“ говоритъ она, „однако *долженъ* быть сдѣланъ,“ а въ объясненіяхъ почему такъ — *Times* вновь окутываетъ себя непроницаемымъ лондонскимъ туманомъ, сквозь который не пробивается ни одного луча свѣта. „Всѣ эти разсужденія,“ вѣщаетъ газета по поводу доводовъ своего корреспондента, „можетъ-быть весьма основательны; но, къ несчастію, они совершенно не идутъ къ дѣлу. Европейскія державы собирались на конгрессъ въ Берлинѣ для цѣли которая, какъ видно, совершенно опускается изъ виду болгарскимъ воззрѣніемъ на миръ. Ихъ первою заботой было возстановить миръ, а миръ могъ быть возстановленъ только какимъ-либо компромиссомъ между противоположными претензіями и планами.“

Странная фразеологія! Допустимъ что въ пору засѣданій конгресса опасность для мира отъ разгара страстей была такъ велика и неминуема (съ чѣмъ мы, впрочемъ, не могли согласиться) что для заклятія ея не было другаго средства какъ то которое было придумано. Но и въ такомъ случаѣ громоотводъ уже сдѣлалъ свое дѣло, и теперь, какъ говорятъ люди свѣдущіе, онъ только мѣшаетъ правильной постройкѣ зданія мира. Зачѣмъ же нуженъ громоотводъ, и гдѣ новая туча? Какимъ образомъ дарованіе Румеліи того что дано уже Болгарскому княжеству, то-есть полной свободы отъ турецкой администраціи, могло бы помѣшать миру уже возстановленному, или снова угрожать столкновеніемъ между державами? Вѣдь теперь между Россіей и Портой заключенъ уже окончательный миръ, русскія войска очистили Адріанополь и возвращаются на родину. Въ этомъ сама газета *Times* усматриваетъ благопріятный признакъ. Въ чемъ же затрудненіе или препятствіе? Опасаются ли сопротивленія со стороны Турціи? Нѣтъ, лондонская газета ни словомъ не заикается объ этой возможности, о правахъ или интересахъ Порты. Она мрачно лишь замѣчаетъ что если де берлинская сдѣлка не есть наилучшая для Болгаръ, то никто не предполагаетъ чтобъ она была наилучшею и для Англіи, а затѣмъ съ улыбкой убѣждаетъ Болгаръ что вѣдь они „не первый же народъ которому приходится тер-

пѣливо ждать, покоряясь европейскимъ трактатамъ, пока явится благоразумная возможность уступить его желаніямъ.“ Итакъ всѣ льстивые комплименты многообѣщающей юности Болгаръ приводятся къ приказанію имъ *ждать*...

Мы живо помнимъ какъ лордъ Биконсфильдъ, выступивъ сперва якобы защитникомъ интересовъ эллинизма противъ славянства, потомъ на конгрессѣ быстро повернулъ въ противоположную сторону и давалъ такой же совѣтъ — терпѣливо *ждать* — греческому племени, которое англійскіе министры восхваляли какъ даровитое и имѣющее будущность. Послѣ того Англія даже старалась оказать давленіе на Греческое правительство чтобъ оно не настаивало на исполненіи рекомендацій сдѣланныхъ Берлинскимъ трактатомъ въ пользу Греціи. Заключеніе возможно только одно: такъ какъ, по требованію Англіи, и Болгары, и Греки должны *ждать* для полученія того что̀ признастся справедливымъ и законнымъ, то значитъ права и интересы этихъ народностей идутъ въ разрѣзъ съ цѣлями самой Англіи, значитъ развитіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ она считаетъ опаснымъ для себя *пока она* не достигнетъ осуществленія *своихъ* плановъ на Востокѣ...

№ 42.

***Москва**, 17-го Февраля.*

Не только Петербургъ, но и Москва были глубоко взволнованы извѣстіемъ о болѣзни столь знаменитаго теперь Наума Прокофьева, извѣстіемъ, по счастію, быстро разрѣшившимся въ пуфъ. Только и рѣчи что объ этомъ невѣроятномъ сюрпризѣ. То же, полагать надо, происходитъ во всѣхъ нашихъ градахъ и весяхъ куда уже дошли телеграммы и газеты сообщившія этотъ поразительный казусъ. Слава Богу, страхъ заразы миновалъ, но какое всетаки тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ случай!

Есть общественныя бѣдствія которыхъ вліяніе на умы гораздо пагубнѣе вреда непосредственно ими причиняемаго. Къ такимъ бѣдствіямъ принадлежитъ чума въ странахъ гдѣ она не акклиматизовалась, какъ, напримѣръ, въ Турціи, и потому вызываетъ всеобщій ужасъ. Такъ, въ памятныя всѣмъ эпохи моровой язвы не столько увеличеніемъ смертности и количествомъ унесенныхъ болѣзнію жертвъ, сколько страхомъ, овладѣвавшимъ всѣми, останавливалось правильное теченіе жизни, колебался общественный порядокъ, разрушалось народное благостояніе... Въ такія эпохи никто не думаетъ спрашивать сильна ли зараза, какъ и откуда могла она появиться? Страхъ овладѣвающій людьми въ такихъ случаяхъ вовсе не соразмѣряется съ дѣйствительною опасностью, а самъ создаетъ опасность тамъ гдѣ ея нѣтъ.

И вотъ у насъ безъ достаточнаго повода, даже наперекоръ очевидности, возбуждается и поддерживается этотъ столь вредный и для общественнаго порядка, и для благосостоянія каждаго страхъ. Медицинскій авторитетъ сначала заочно, не имѣя положительныхъ данныхъ, провозглашаетъ плохо изслѣдованную болѣзнь индійскою чумой, черною смертью, а потомъ, встрѣтивъ довольно обыкновенный случай сифилиса, поспѣшно, не слушая возраженій, объявляетъ что это чума, что чума стало-быть въ Петербургѣ. Что̀ еслибы Прокофьевъ умеръ прежде чѣмъ ошибка успѣла обнаружиться? Не распространилась ли бы тогда паника по Петербургу, по всей Россіи, и какія произошли бы затѣмъ послѣдствія? Не было ли бы тогда искусственно произведено бѣдствіе большее чѣмъ даже смерть нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ?

Фальшивая тревога причиненная куріознымъ и прискорбнымъ случаемъ съ сифилитикомъ Прокофьевымъ, котораго профессоръ Боткинъ съ такимъ невѣроятнымъ легкомысліемъ призналъ за больнаго чумой, у себя дома конечно не замедлитъ улечься, но случай этотъ, какъ видится, не останется безъ международныхъ послѣдствій далеко не такъ скоро изглаживающихся. Телеграфъ изъ Берлина уже возвѣщаетъ новыя мѣры строгости противъ Россіи подготовляемыя тамошнимъ правительствомъ, и если мы вѣрно поняли полученную нами вчера телеграмму, то рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ объ установленіи полнаго карантина съ задержаніемъ на границѣ на извѣстный срокъ всѣхъ ѣдущихъ изъ Россіи. Телеграмма прямо ссылается на то что мѣра эта была предусмотрѣна „еще въ началѣ мѣсяца.“ 2 февраля былъ изданъ императорскій декретъ коимъ, въ дополненіе къ декрету отъ 29 января воспрещавшему привозъ нѣкоторыхъ това-

ровъ изъ Россіи, установлены были извѣстныя паспортныя правила для ѣдущихъ изъ Россіи. Одновременно съ этимъ послѣднимъ декретомъ въ *Имперскомъ Указателѣ* появилась офиціальная замѣтка разъяснявшая распоряженія отъ 29 января и 2 февраля. Къ этимъ разъясненіямъ въ замѣткѣ добавлено слѣдующее: „Дальнѣйшія мѣропріятія имѣются въ виду лишь „на тотъ случай *еслибъ опасность значи-„тельно возрасла*. Къ числу этихъ пред-„положенныхъ мѣръ относятся въ особен-„ности ограниченіе сообщеній между Рос-„сіей и Германіей извѣстными пунктами и „установленіе въ послѣднихъ пограничнаго „загражденія съ учрежденіемъ тамъ каран-„тиновъ. Эти послѣднія мѣропріятія, пред-„положенныя въ будущемъ, также уже вы-„работаны въ основныхъ чертахъ коммис-„сіей для обсужденія предохранительныхъ „мѣръ противъ чумной заразы."

И вотъ Германское правительство нынѣ признало повидимому что „опасность чумы значительно возрасла," и нужно ожидать не нынче-завтра обнародованія новаго императорскаго декрета о полномъ пограничномъ загражденіи противъ Россіи, причемъ всѣмъ ѣдущимъ за границу указаны будутъ извѣстные пункты гдѣ имъ дозволенъ будетъ пропускъ лишь по выдержаніи карантина въ теченіе нѣсколькихъ дней, а можетъ-быть и недѣль. Нѣтъ сомнѣнія что если эта мѣра состоится, то къ ней немедленно примкнутъ и Австро-Венгрія съ Румыніей, ибо въ томъ же *Имперскомъ Указателѣ* было заявлено что „относительно опасности занесенія чумы и мѣръ имѣющихъ быть принятыми противъ нея достигнуто полное соглашеніе между Германіей и Австро-Венгріей, къ каковому соглашенію присоединилась и Румынія."

12 февраля былъ открытъ имперскій рейхстагъ, и въ тронной рѣчи, по поводу принятыхъ мѣръ, было сказано слѣдующее: „Тревожныя извѣстія о появленіи чумы на „востокѣ Европы поставили насъ въ пе-„чальную необходимость принять охрани-„тельныя мѣры которыя тяжело отзыва-„ются на сообщеніяхъ между странами. „Новѣйшія извѣстія даютъ поводъ надѣ-„яться что энергическимъ усиліямъ Импе-„раторскаго Русскаго правительства удаст-„ся въ скоромъ времени искоренить зара-„зу въ Россіи. Какъ только это подтвер-„дится, пограничныя сообщенія будутъ не-„медленно возстановлены на той сосѣд-„ственной ногѣ какая соотвѣтствуетъ по-„литическимъ отношеніямъ обѣихъ друже-„ственныхъ между собою странъ."

Вмѣсто исполненія этихъ торжественныхъ обѣщаній данныхъ императоромъ, прусскій министръ просвѣщенія, коему подвѣдомо санитарное дѣло, готовитъ „дружественной странѣ" полное загражденіе не только отъ Германіи, но и отъ всей Европы! Что̀ же случилось такого чѣмъ бы могла быть вызвана такая мѣра въ то самое время когда усердные розыски цѣлой международной коммиссіи, къ прискорбію составляющихъ ее европейскихъ медицинскихъ знаменитостей, не могутъ открыть, даже въ мѣстности ославленной „гнѣздомъ заразы", никакихъ слѣдовъ чумной эпидеміи, и даже утрачиваютъ надежду увидать хотя одного чумнаго больнаго? Очевидно что предлогомъ къ принятія подобной мѣры могъ послужить единственно дворникъ Артиллерійскаго училища въ Петербургѣ, все тотъ же Наумъ Прокофьевъ.

Напрасно было бы разчитывать что вчерашнее правительственное сообщеніе разъясняющее этотъ казусъ возымѣетъ и въ Берлинѣ то же дѣйствіе что̀ и у насъ въ Россіи; что въ Германіи придадутъ офиціальному разъясненію большую вѣру чѣмъ возвѣщенію профессора Боткина, хотя это разъясненіе и основано на свидѣтельствѣ самыхъ видныхъ медицинскихъ авторитетовъ въ Петербургѣ. Всякія розовыя надежды на то должны исчезнуть въ виду отвѣта даннаго въ Германскомъ рейхстагѣ президентомъ Гофманомъ на запросъ Тиленіуса. Германское правительство поставляетъ своимъ долгомъ скептически относиться къ заявленію Русскаго правительства что бывшій въ Петербургѣ случай вовсе не чумной. Но еслибы Германское правительство даже вполнѣ убѣдилось въ этомъ, это не придастъ ему увѣренности, и оно будетъ продолжать „свои старанія по всѣмъ направленіямъ" чтобы не упустить ни малѣйшаго способа удержать (несуществующую) эпидемію вдали отъ границъ Германіи. Ясно что въ Берлинѣ не желаютъ отказаться отъ мѣръ кои, по сознанію тронной рѣчи императора Вильгельма, такъ мало соотвѣтствуютъ взаимной дружбѣ обѣихъ странъ. Были и прежде достаточныя основанія полагать что въ Берлинѣ воспользовались чумой не болѣе какъ предлогомъ для своихъ особенныхъ цѣлей находящихся въ связи съ обширны-

ми планами экономическихъ и таможенныхъ преобразованій подготовляемыхъ княземъ Бисмаркомъ. Въ Германіи и прежде нисколько не скрывали что имѣется въ виду „дѣйствовать на Россію принудительно“ посредствомъ стѣсненія ея вывоза. Тамъ имѣли всѣ средства убѣдиться, и не могли не убѣдиться, что вся агитація по поводу чумы была ничѣмъ инымъ какъ пуфомъ; еслибъ Европа дѣйствительно трепетала предъ заразой, то она имѣла несравненно болѣе поводовъ встрепенуться и принять охранительныя мѣры не со стороны Россіи, а со стороны восточнаго побережья Средиземнаго Моря, гдѣ чума появилась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣя оттуда гораздо болѣе прямые и удобные доступы въ Европу. Но въ томъ что въ дѣлѣ чумнаго загражденія отъ Россіи играютъ роль совсѣмъ иного рода интересы сознавались въ самой Германіи, сознавалась, между прочимъ, цитованная нами въ свое время берлинская *Національная Газета*.. Послѣднія сомнѣнія какія еще могли оставаться по сему предмету разсѣяны заявленіемъ въ Германскомъ рейхстагѣ.

Одновременно съ телеграммою извѣстившею о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ противъ Россіи въ дополненіе къ уже принятымъ, услужливый берлинскій телеграфъ передалъ намъ содержаніе появившейся вчера въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* полемической замѣтки, въ которой органъ князя Бисмарка причисляетъ насъ ко „враждебнымъ Германіи органамъ русской печати“ и доказываетъ что мы неправы „не желая никакъ примириться съ мыслью“ что и „многострадальная“ (!!) Германія (das alle Zeit duldende Deutschland) рѣшилась оказать умѣренное покровительство своему производству, тогда какъ Россія „вотъ уже 50 лѣтъ придерживается относительно Германіи самой стѣснительной таможенной системы равняющейся герметической обособленности.“

Вотъ ужъ, что называется, съ больной головы на здоровую! Мы не станемъ увѣрять почтенную берлинскую газету что она относительно насъ находится въ заблужденіи и что мы вовсе не враждуемъ противъ Германіи за ея желаніе оградить свое производство,—не станемъ между прочимъ потому что сомнѣваемся чтобъ она дѣйствительно находилась въ такомъ заблужденіи. Но для чего понадобилась приведенная іеремiада офиціозной газеты противъ небывалыхъ нападокъ нашей газеты на таможенныя затѣи князя Бисмарка? Подлинный текстъ замѣтки берлинской газеты можетъ-быть поможетъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ. А покамѣстъ въ этой новой берлинской выходкѣ очень характеристично указаніе на Германію какъ на страстотерпицу, а на Россію какъ на обидчицу! Оно въ особенности эффектно въ виду проектированныхъ, а можетъ-быть уже и принятыхъ новыхъ мѣръ чумнаго загражденія противъ Россіи!

№ 44.

Москва, 20-го февраля.

Египетскій казусъ приключился весьма кстати чтобы показать какая участь готовится и Турціи ея западными друзьями. Въ послѣднее время въ газетахъ было не мало извѣстій о конвенціи заключенной Портой съ представителемъ французскихъ владѣльцевъ оттоманскаго долга, г. де-Токвиллемъ, въ силу коей администрація всѣхъ главныхъ доходовъ Турецкой имперіи должна быть передана въ руки англійскихъ и французскихъ чиновниковъ. Порта была склонена къ согласію на эту сдѣлку предложенною ей взяткой новаго займа. Хотя сдѣлка все еще облечена какою-то таинственностью, но о вѣроятныхъ результатахъ ея, еслибъ она осуществилась на дѣлѣ, можно судить по тому что случилось въ Египтѣ.

Въ Египтѣ именно произведены тѣ реформы которыя теперь навязываются Портѣ. Тамъ, еще до турецкой войны, учреждены были смѣшанные трибуналы, завѣдуемые Европейцами и назначенные вѣдать всѣ дѣла по тяжбамъ Европейцевъ съ туземцами,—суды рѣшающіе безапелляціонно. Важность этого судебнаго вмѣшательства оказалась уже на практикѣ когда ему принужденъ былъ подчиниться самъ хедивъ въ предъявленныхъ противъ него искахъ. Это былъ первый шагъ необходимый Англичанамъ чтобы забрать страну въ свои руки. Потомъ, покупкой Суэзскихъ акцій Англія пріобрѣла уже себѣ прямой интересъ въ надзорѣ за египетскими финансами. Здѣсь, правда, ей пришлось посчитаться съ Франціей. Какъ ни побуждалъ князь Бисмаркъ Англію

искать себѣ вознагражденія въ Египтѣ, но уже обнародованныя депеши г. Ваддингтона достаточно показали что въ этомъ дѣлѣ нельзя было разчитывать на безучастіе Франціи. Странѣ, однако, отъ совокупнаго вмѣшательства вышло отнюдь не легче. Египтомъ были заключены чрезмѣрныя долговыя обязательства, превышавшія его средства, кредитъ былъ потрясенъ, и ему грозило банкротство по примѣру Турціи. Для устраненія этой опасности, Англійскимъ и Французскимъ правительствами были сначала посланы чиновники разслѣдовать положеніе египетскихъ финансовъ, а позднѣе гг. Гошеномъ и Жуберомъ, представителями англійскихъ и французскихъ владѣльцевъ египетскихъ облигацій, была заключена сдѣлка объ объединеніи всѣхъ разрядовъ египетскаго долга, для обезпеченія коего хедивъ вынужденъ былъ уступить въ европейское распоряженіе даже всѣ частныя владѣнія какъ свои, такъ и своего семейства. Для дальнѣйшей охраны этой сдѣлки отъ его произвола, хедива принудили согласиться на положеніе „конституціоннаго“ государя, то-есть взять „отвѣтственнымъ“ министромъ Набаръ-пашу, который немедленно назначилъ министромъ финансовъ Англичанина Вильсона, а по требованію г. Ваддингтона, взялъ на одинаковыхъ правахъ министромъ также Француза де-Блиньера. Предъ кѣмъ „отвѣтственны“ эти иностранцы, назначенные съ согласія ихъ правительствъ, легко пойметъ всякій *).

Но этимъ затрудненія не кончились. У хедива оставался большой текущій долгъ. Для ликвидаціи онаго г. Вильсономъ былъ заключенъ новый заемъ у Ротшильда въ Лондонѣ, на сумму $8^1/_2$ милл. ф. ст. ($212^1/_2$ милліоновъ франковъ). Вмѣсто погашенія текущаго долга, изъ занятой суммы въ первый же годъ пришлось отнести часть на покрытіе послѣдняго купона объединеннаго долга, такъ какъ лордъ Солсбери въ августѣ прошедшаго года, какъ объяснилъ въ парламентѣ канцлеръ казначейства, не только съ согласія, но по прямому приглашенію Французскаго правительства, требовалъ полной оплаты майскаго купона.

*) Объ офиціальномъ положеніи г. де-Блиньера мы не знаемъ, но г. Вильсонъ находится на англійской службѣ и долженъ былъ получить отъ своего правительства двухлѣтній отпускъ чтобъ ѣхать въ Египетъ.

Всѣмъ этимъ мало интересовалась европейская публика и крайне была удивлена происшедшими недавно въ Каирѣ безпорядками которые привели къ отставкѣ Нубаръ-паши. Виновниками ихъ были около 400 офицеровъ явившихся къ министру требовать давно задолженнаго имъ содержанія. Англійская и французская печать, въ одинъ голосъ *Times* и *République Française*, толкуютъ это какъ демонстрацію подстроенную самимъ хедивомъ чтобы вновь освободиться отъ докучной опеки. Не вдаваясь въ подробныя цифры, мы знаемъ, однако, что весь долгъ Египта простирается свыше 84 милліоновъ ф. ст.; доходы же страны, изъ коихъ слѣдуетъ дань султану (идущая также въ карманы Европейцевъ, такъ какъ ею обезпечены нѣкоторые оттоманскіе долги), немногимъ превышаютъ 8 милліоновъ, и въ самомъ отчетѣ международной коммиссіи за прошедшій годъ значится дефицитъ въ 2.300.000. Г. Самюэльсонъ, въ Англійской палатѣ общинъ, утверждалъ что за уплатой всѣхъ обязательствъ, Египту остается не болѣе полутора милліона на расходы арміи, флота и всего управленія страны. А между тѣмъ *Times*, въ гнѣвѣ на увольненіе Нубаръ-паши, грозитъ хедиву низложеніемъ, замѣчая что интересы Англіи отнюдь де не связаны съ личностью правителя. Въ англійской печати твердятъ что одно средство къ поправленію финансовъ Египта—сокращеніе расходовъ. Легко говорить это, но бунтъ произвели именно уволенные чиновники за недоданное жалованье, на уплату коего нѣтъ средствъ. А между тѣмъ сэръ-Джорджъ Кампбеллъ указывалъ на чрезмѣрное количество европейскихъ чиновниковъ нахлынувшихъ въ Египетъ. Разумѣется, этимъ нельзя не доплачивать жалованья, да и содержаніе ихъ гораздо выше чѣмъ для туземцевъ. Не пускаемся въ догадки чѣмъ разыграется исторія съ отставкой Нубаръ-паши для хедива, но ясно что Египетъ пересталъ быть независимой страной и эксплуатируется исключительно въ интересахъ иностранцевъ.

Явно такая же участь готовится для Турціи. Англійское правительство уже отрядило одного изъ своихъ чиновниковъ, г. Гаррисона, чтобы доставить полный отчетъ о „дѣйствительномъ состояніи турецкихъ финансовъ.“ По словамъ канцлера казначейства, онъ еще не успѣлъ окон-

чить свое порученіе. Между тѣмъ, благодаря ловкости французскаго посла, г. Фурнье, представитель французскихъ владѣльцевъ оттоманскихъ облигацій, маркизъ де-Токвилль, и здѣсь предупредилъ Англичанъ, успѣвъ выхлопотать согласіе султана на конвенцію касательно объединенія и конверсіи турецкаго долга. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: За исключеніемъ займовъ 1854, 1855, 1871 и 1877 годовъ, спеціально гарантированныхъ Англіей и Франціей, а также египетскою данью, номинальный размѣръ процентовъ по всѣмъ остальнымъ турецкимъ займамъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, будетъ сокращенъ и соразмѣренъ съ выпускною стоимостью этихъ займовъ, а затѣмъ совокупность ихъ будетъ замѣнена новыми облигаціями изъ 5%. Для уплаты процентовъ этого объединеннаго и превращеннаго долга назначаются прежде всего доходы съ таможень и „косвенныхъ налоговъ“ имперіи, включая табакъ, соль, штемпельныя пошлины, спиртъ и „прочіе подобные налоги,“ а затѣмъ: дань съ Болгаріи, часть турецкаго долга причитающаяся на Болгарію, Сербію и Черногорію, доходы съ Румеліи, доходы съ острова Кипра которые Англія гарантировала Портѣ по конвенціи. Но эти же самые доходы *прежде* всего должны обезпечивать уплату новаго займа, который г. де-Токвилль берется заключить для Порты, на сумму въ 200 милліоновъ франковъ (8 милліоновъ ф. ст.), и при выпускѣ этого новаго займа концессіонеры разумѣется выговариваютъ себѣ весьма выгодную коммиссію.

Весь этотъ планъ представляетъ удивительную аналогію съ Египтомъ. И здѣсь, взяткой за согласіе на сдѣлку, дается новый заемъ, цѣль коего номинально состоитъ въ томъ чтобы раздѣлаться съ самымъ непріятнымъ для Порты долгомъ, обезцѣненными *каиме*, и затѣмъ на главные доходы страны налагается секвестръ въ пользу иностранцевъ; въ довершеніе сходства, сборъ этихъ доходовъ также непремѣнно долженъ поступить въ руки лицъ назначенныхъ Французскимъ и Англійскимъ правительствами. Что̀ же изъ этого выйдетъ? Турція еще въ худшемъ положеніи чѣмъ Египетъ. Она только что окончила тяжкую для ней войну, лишилась провинцій въ Европѣ и Азіи, слѣдовательно доходы ея должны сократиться, а ее заставляютъ платить долгъ коего она не въ силахъ была выдержать и въ 1875 г. Въ *Courrier d'Orient* 19 іюля 1875 года въ изложеніи бюджета за тотъ годъ, былъ офиціально показанъ дефицитъ во 100 милліоновъ франковъ, но въ Константинополѣ считали его въ 300 милліоновъ *). И въ то время бремя долга поглощало болѣе половины всего дохода, то-есть 277 милліоновъ изъ 477 милліоновъ франковъ. Это было предъ тѣмъ какъ Порта объявила о своемъ банкротствѣ. Какимъ же образомъ считается возможнымъ покрыть это бремя теперь, увеличивъ его еще новымъ обязательствомъ? И какіе источники останутся Портѣ для расходовъ своего государственнаго управленія? Въ конвенціи глухо говорится что въ распоряженіе иностранной коммиссіи отойдутъ таможни и сборъ „косвенныхъ налоговъ.“ Но косвенные налоги составляютъ двѣ трети всѣхъ доходовъ Порты, и къ нимъ относится, между прочимъ, извѣстная *десятина* съ земледѣльческихъ продуктовъ, составляющая треть всего дохода имперіи. Изъ конвенціи не видно исключается ли *этотъ* косвенный налогъ изъ вѣдомства международной коммиссіи. Султанъ и его министры, конечно, мало помышляютъ о будущности когда представляется возможность получить тотчасъ же 200 милл. Но искусители очень хорошо знаютъ что̀ послѣдуетъ: Турція, какъ и Египетъ, неизбѣжно не только станетъ ареной для эксплуатаціи ея иноземцами, но и окончательно утратитъ всякую независимость.

Исторія этой конвенціи показываетъ что Франція и здѣсь, подобно тому какъ въ Египтѣ, не намѣрена уступать безраздѣльно вліяніе и господство Англіи. По слухамъ, отозваніе Леярда изъ Константинополя, подъ предлогомъ отпуска по болѣзни, было вызвано именно тѣмъ обстоятельствомъ что онъ не сумѣлъ помѣшать заключенію конвенціи г. де-Токвилля. Англійская печать относится къ этому дѣлу очень сдержанно, и только кое-гдѣ замѣчаютъ что эта конвенція во всякомъ случаѣ потребуетъ измѣненія. Весьма вѣроятно что соглашеніе между обоими правительствами не замедлитъ состояться.

Вотъ новый видъ обращенія чуждыхъ странъ въ рабство, такъ какъ очевидно

---

*) Bianconi *La Question d'Orient dévoilée*. 1876 p. 165.

что народы Египта и Турціи осуждаются работать на Англію и Францію. Но обѣ страны ошибаются полагая что и въ Турціи, какъ въ Египтѣ, онѣ однѣ только заинтересованы. Конвенція де-Токвилля есть прямое нарушеніе правъ Россіи, огражденныхъ даже Берлинскимъ трактатомъ. Трактатъ этотъ не лишилъ Россію права на военное вознагражденіе съ Турціи, и на конгрессѣ русская дипломатія обѣщала только что это вознагражденіе послѣдуетъ не въ ущербъ *прежнимъ* кредиторамъ Порты. Между тѣмъ конвенціей создается *новое* обязательство Порты (по новому займу) имѣющее преимущество какъ предъ вознагражденіемъ для Россіи, такъ и предъ старыми кредиторами Порты.

№ 45.

Москва, 21-го февраля.

Подготовляемая княземъ Бисмаркомъ „новая эра“ таможенной политики Германіи мало-по-малу начинаетъ явственно обрисовываться. До послѣдняго времени, кромѣ общихъ и довольно неопредѣленныхъ указаній, все было покрыто канцелярскою тайной, и коммиссія Союзнаго Совѣта работающая, подъ предсѣдательствомъ г. Варнбюлера, надъ новымъ тарифомъ тщательно избѣгала допустить печать къ обсужденію ея предположеній. Самые принципы новой программы провозглашенной княземъ Бисмаркомъ не были настолько выяснены, чтобъ устранить всякія недоразумѣнія. Но съ появленіемъ князя Бисмарка на парламентской аренѣ все измѣнилось. Рѣчь произнесенная имъ 21-го февраля въ рейхстагѣ сразу положила конецъ многимъ недоразумѣніямъ. Князь Бисмаркъ прямо заявилъ себя приверженцемъ таможенной системы противоположной той которой Германія, а до того Пруссія и бывшій Таможенный Союзъ, придерживались съ начала шестидесятыхъ годовъ. Торговые трактаты коими взаимно связали другъ друга почти всѣ западныя европейскія государства, съ легкой руки императора Наполеона подчинившагося вліянію англійскихъ фритредеровъ, эти трактаты по которымъ установлена система такъ-называемыхъ конвенціональныхъ тарифовъ, признаются нынѣ вредными вожакомъ германской политики, и онъ не обинуясь приписываетъ имъ вину того экономическаго упадка коего послѣдствія тяготѣютъ нынѣ надъ Германіей. Князь Бисмаркъ принесъ въ этомъ отношеніи „повинную“ предъ лицомъ своей страны и не смущаясь заявилъ себя противникомъ г. Дельбрюка, своего бывшаго сотрудника, дѣлившаго съ нимъ всѣ труды и всѣ заслуги по внутреннему политическому переустройству Германіи. Но этого мало. Князь Бисмаркъ не только заявилъ о радикальномъ измѣненіи экономической политики въ будущемъ, но и относительно прошедшаго сдѣлалъ знаменательное признаніе, въ виду коего предположеніе что и подъ теперешними экономическими планами скрываются, быть-можетъ, обширные политическіе замыслы представляется не совсѣмъ лишеннымъ основанія. Одинъ ораторовъ оппозиціи, г. Рихтеръ, напомнилъ что въ 1862 году, когда былъ заключенъ первый торговый трактатъ съ Франціей, князь Бисмаркъ, только-что назначенный прусскимъ министромъ-президентомъ, съ жаромъ отстаивалъ въ Прусской палатѣ господъ этотъ трактатъ и новую систему коей этотъ трактатъ послужилъ исходнымъ пунктомъ. Князь Бисмаркъ нисколько этого не отрицалъ, но заявляетъ что въ то время для него вопросъ экономическій заслонялся вопросами иностранной политики. Вступивъ въ управленіе прусскимъ министерствомъ, онъ имѣлъ въ виду двѣ существенныя и важныя задачи: вопервыхъ, улучшеніе отношеній между Пруссіей и Россіей. „Тутъ мнѣ пришлось,“ сказалъ князь Бисмаркъ, „бороться противъ цѣлаго міра гнѣва и ненависти, и мнѣ удалось наконецъ установить добрыя отношенія къ Россіи посредствомъ конвенціи касательно польскаго возстанія.“ Вовторыхъ, ему предстояла борьба съ Австріей изъ-за гегемоніи въ Германіи. Австрія тогда всячески старалась разрушить основанный Пруссіей таможенный союзъ, изъ котораго Австрія была исключена, и основать другой, общегерманскій таможенный союзъ. Онъ, князь Бисмаркъ, уже тогда сознавалъ что рано или поздно придется свести счеты съ Австріей помощью оружія, и что для этого необходимо было заручиться доброжелательствомъ Франціи. Для этой-то цѣли ему и пригодился торговый трактатъ, и вотъ почему онъ такъ горячо выступилъ въ защиту его. Финансовыя соображенія

которыя онъ приводилъ тогда въ пользу этого трактата были де для него совершенно безразличны и даже вовсе не были имъ самимъ придуманы; ихъ для него сочинилъ кто-нибудь изъ совѣтниковъ министерства. Но благодаря трактату ему удалось сохранить и поддержать вплоть до 1866 года доброе расположеніе Франціи къ Пруссіи. Князь Бисмаркъ увѣренъ что не будь этого трактата, или еслибы Пруссія отъ него отказалась, императоръ Наполеонъ не остался бы безучастнымъ зрителемъ прусско-австрійскаго единоборства въ 1866 году. „Правда что онъ," прибавилъ князь Бисмаркъ, „ошибался въ своемъ разчетѣ. Онъ былъ увѣренъ, какъ „и многіе другіе, что Австрія насъ побьетъ и что онъ окажетъ намъ поддержку за которую получитъ вознагражденіе. „Но для насъ большое счастіе что императоръ Наполеонъ находился въ этомъ „заблужденіи вплоть до Садовой и былъ „къ намъ, и ко мнѣ лично, дружественно „расположенъ." А это расположеніе было послѣдствіемъ торговаго трактата.

Теперь же князь Бисмаркъ утверждаетъ что онъ составилъ себѣ свои собственныя убѣжденія по вопросамъ экономическимъ и будетъ стремиться къ осуществленію своихъ экономическихъ плановъ съ твердостью и настойчивостью. Онъ намекнулъ что не отступитъ и предъ распущеніемъ рейхстага еслибы вновь вырабатываемый тарифъ не былъ утвержденъ въ теперешенюю сессію.

Между тѣмъ и работы тарифной коммиссіи перестали храниться въ непроницаемой тайнѣ, и въ берлинской печати появились указанія на нѣкоторые существенные пункты принятыхъ ею рѣшеній. Указанія эти имѣютъ особенный интересъ для Россіи, такъ какъ они касаются преимущественно тѣхъ предметовъ кои составляютъ главныя статьи вывоза изъ Россіи въ Германію. Рѣшенія относительно этихъ пунктовъ будущаго тарифа состоялись въ коммиссіи 24-го февраля и, по офиціознымъ сообщеніямъ, заключаются въ слѣдующемъ. Пшеница, ячмень и овесъ, также всѣ прочіе виды зерна спеціально не упомянутые, облагаются пошлиной въ 50 пфенниговъ на центнеръ; рожь и кукуруза облагаются 25 пф. на центнеръ; солодъ 1 маркой (100 пфенниговъ). Пошлина на привозный скотъ опредѣлена такъ: лошади, мулы и ослы облагаются 10 марками за каждую голову; быки и коровы 10 марками, волы 20 марками, бычки 4 марками, телята моложе 6 недѣль 2 марками, свиньи 2 марк. 50 пф., поросята 30 пф., овцы 1 марк., ягнята 50 пф.

Берлинскія газеты не только приводятъ указанныя цыфры, но сообщаютъ и о тѣхъ возраженіяхъ кои были представлены въ коммиссіи противъ обложенія ввозною пошлиной зерноваго хлѣба идущаго изъ Россіи. Возраженія эти были представлены отъ имени Ганзейскихъ городовъ, коихъ представители въ коммиссіи внесли въ оную обширную записку подробно разбирающую этотъ вопросъ. Въ извлеченіяхъ изъ этой записки, сообщенной берлинскими газетами, встрѣчаются очень любопытныя соображенія. Въ ней указывается что пошлина на хлѣбъ не только повлечетъ за собою общее вздорожаніе хлѣба въ Германіи, но нанесетъ смертельный ударъ многимъ прусскимъ приморскимъ городамъ, которые ведутъ торговлю русскимъ хлѣбомъ вывозя оный за границу Германіи. Записка предусматриваетъ что эта чрезвычайно выгодная для Германіи отрасль торговли прекратится вовсе; Кенигсбергъ и Данцигъ будутъ разорены, такъ какъ идущій чрезъ эти города русскій вывозъ „проложитъ себѣ новые пути на русскіе прибалтійскіе порты." Изъ той же записки мы узнаемъ еще одну до сихъ поръ мало извѣстную подробность о томъ какое употребленіе дѣлается въ восточной Германіи изъ русскаго зерноваго хлѣба. Онъ подмѣшивается къ плохому зерну производимому жалкою почвой Помераніи, и эта смѣсь продается подъ видомъ собственныхъ произведеній, а безъ этого подмѣшиванія собственное зерно померанскихъ земледѣльцевъ можетъ почти совсѣмъ лишиться возможности сбыта.

Всѣ эти возраженія не привели однако ни къ чему, и тарифная коммиссія, какъ сказано, высказалась за пошлину на хлѣбъ, которая должна принести казнѣ доходъ въ 15 милліоновъ марокъ, а народу по вычисленіямъ сдѣланнымъ противниками Бисмарка въ Германіи, обойдется въ общемъ возвышеніи цѣны на хлѣбъ не менѣе чѣмъ во 150 милліоновъ ежегодно. Очевидно что здѣсь дѣло не въ этой ничтожной прибыли казны, которая притомъ сопряжона со столькими невыгодами для самой Германіи...

№ 46.

Москва, 22-го февраля.

Списокъ лицъ падающихъ подъ ударами потаенныхъ убійцъ все растетъ. Харьковскій губернаторъ, князь Д. Н. Крапоткинъ, скончался 15 февраля, въ 6 часовъ утра, послѣ страшныхъ мученій продолжавшихся долѣе пяти сутокъ. Погребеніе тѣла его, какъ слышно, послѣдуетъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его отца. Первопрестольная столица будетъ имѣть такимъ образомъ возможность достойно отдать послѣдній долгъ человѣку павшему при исполненіи своего долга и тѣмъ засвидѣтельствовать негодованіе противъ злодѣянія коего онъ былъ жертвой.

Тяжело было для харьковскаго губернатора послѣднее время его жизни. Не мало душевныхъ тревогъ должны были причинить ему извѣстныя, вызванныя преступною, тлетворною агитаціей волненія среди учащейся молодежи. Затѣмъ, въ декабрѣ, онъ перенесъ тяжкую болѣзнь, которая потрясла его организмъ такъ что онъ разчитывалъ проситься лѣтомъ въ отпускъ. Послѣдніе дни его жизни бросаютъ свѣтъ на злодѣяніе котораго онъ сталъ жертвой. Въ Харьковской тюрьмѣ содержится „политическій“ преступникъ Ѳоминъ, участвовавшій вмѣстѣ съ другими въ покушеніи отбить у конвоя другаго, тоже политическаго, преступника. Со стороны соумышленниковъ Ѳомина предпринятъ былъ цѣлый рядъ смѣлыхъ мѣръ къ освобожденію его изъ тюрьмы. Одновременно съ этими мѣрами агентовъ революціи, неизвѣстными агентами чумной пропаганды было пущено въ газеты чудовищное извѣстіе о свирѣпствующей будто бы въ Харьковѣ чумѣ, о *массахъ гробовъ* провозимыхъ по улицамъ, о всенародныхъ молебствіяхъ въ харьковскихъ храмахъ о прекращеніи чумы. 8 февраля состоялось постановленіе о передачѣ дѣла Ѳомина въ военный судъ. 9 февраля, утромъ, князь Крапоткинъ отправлялъ въ Петербургъ телеграмму въ отвѣтъ на сдѣланный оттуда запросъ касательно появившейся будто бы въ Харьковѣ чумной заразы, а вечеромъ въ тотъ же день, возвращаясь съ бала въ Институтѣ, онъ палъ жертвою, не воображаемой, а дѣйствительной заразы, для пресѣченія коей не принимается ни карантинныхъ, ни иныхъ дѣйствительныхъ мѣръ...

Обстоятельства покушенія до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснились. Но вотъ данныя заявленныя въ газетахъ. Предъ отъѣздомъ князя Крапоткина въ Институтъ, въ восьмомъ часу вечера, когда ему подали карету, „какой-то неизвѣстный человѣкъ спрашивалъ для кого подана эта карета— для князя или для княгини и, получивъ отвѣтъ, очевидно поджидалъ его.“ Извѣстна была его привычка сидѣть въ углу кареты всегда съ правой стороны, что облегчало задачу убійцы; выстрѣлъ былъ сдѣланъ сверху внизъ, и „полагаютъ что убійца, притаившись за фонарнымъ столбомъ, взобрался на кучу льда убраннаго съ мостовой и оттуда произвелъ выстрѣлъ.“ Карета князя Крапоткина неизбѣжно должна была проѣхать мимо фонарнаго столба и кучи льда съ помѣстившимся на ней убійцей. „Въ роковой вечеръ,“ повѣствуетъ харьковскій корреспондентъ *Молвы*, „карета князя Д. Н. Крапоткина, послѣ отъѣзда его изъ Института съ бала, повернула со Старо-Московской улицы къ Вознесенскому скверу, но здѣсь, по показанію кучера, на углу откуда-то появился впереди ихъ извощичій фаэтонъ съ тремя сѣдоками. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ улица не широка, то кучеру губернаторской кареты пришлось волей-неволей сдерживать лошадей чтобы не наѣхать на фаэтонъ. Когда карета поравнялась съ послѣднимъ фонаремъ сквера, раздался выстрѣлъ, и князь былъ раненъ.“ Не тотъ ли же самый извощичій фаэтонъ съ тремя сѣдоками, который такъ неожиданно и кстати подвернулся чтобы сдержать губернаторскій экипажъ и заставить его тихо проѣхать мимо роковаго фонарнаго столба,— не этотъ ли фаэтонъ содѣйствовалъ и убійцѣ исчезнуть быстро съ мѣста преступленія? Замѣчательно что перебѣгавшій улицу человѣкъ небольшаго роста, котораго замѣтилъ кучеръ ѣхавшей сзади второй кареты, по примѣтамъ, одинъ „изъ тѣхъ которые вмѣстѣ съ Ѳоминымъ дѣлали покушеніе освободить конвоируемаго преступника.“ Еще знаменательнѣе то обстоятельство что вслѣдъ за выстрѣломъ въ князя Крапоткина, „по Петербургу были разосланы прокламаціи, не оставляющія сомнѣнія что это дѣло имѣетъ связь съ происшествіями въ Петербургѣ, въ Одессѣ и другихъ мѣстахъ.“ Въ день же выноса тѣла

князя такія же прокламаціи были наклеены на столбахъ въ Харьковѣ.

Въ иное время смерть князя Крапоткина, при подобной обстановкѣ, была бы крупнымъ событіемъ въ странѣ, отодвигающимъ на второй планъ все другое, была бы господствующимъ предметомъ общихъ толковъ. Теперь не то, теперь не до такихъ заурядныхъ случаевъ, не до такихъ пустяковъ. Но не успѣли еще похоронить князя Крапоткина какъ въ Кіевѣ оказано вооруженное противодѣйствіе при захватѣ тайной типографіи: съ обѣихъ сторонъ не мало убитыхъ и раненыхъ, арестовано свыше пятнадцати человѣкъ. За послѣдніе же дни ходитъ еще упорный слухъ что какой-то жандармскій полковникъ задушенъ въ Одессѣ...

Впрочемъ что̀ значатъ событія дѣйствительной жизни для тѣхъ кто находятся подъ впечатлѣніемъ чумнаго кошемара? Не удивительно, поэтому, что ужасъ кровавой драмы разыгравшейся въ Харьковѣ былъ заглушенъ шумомъ чумной комедіи разыгранной вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ.

Дѣло въ томъ что профессоръ Боткинъ не удовольствовался славой снисканною имъ 11 минувшаго января, когда, по собственному сознанію, не имѣя ни обстоятельнаго описанія случаевъ заболѣванія „ветлянскою болѣзнію,“ ни одной полной исторіи этой болѣзни, онъ сдѣлалъ открытіе что появившаяся въ Ветлянкѣ болѣзнь не какая иная какъ *черная смерть*. Первенство этого открытія стали у него оспаривать; кто-то дерзнулъ заявить что первымъ открывшимъ чуму въ Ветлянкѣ, также заочно какъ и Dr. Боткинъ, былъ не онъ, а нѣкто г. Мейерсонъ. И вотъ петербургскій профессоръ дѣлаетъ новое открытіе, уже безспорно ему одному принадлежащее,—онъ открываетъ *чуму* уже не въ далекой Ветлянкѣ, а въ самомъ Петербургѣ, уже не на основаніи заочной діагнозы, а по тщательномъ изслѣдованіи больнаго со всѣми усовершенствованными пріемами науки. Въ Ветлянкѣ и во всей чумной губерніи чумы нѣтъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ежедневныя телеграммы генералъ-губернатора. Такъ вотъ вамъ чума въ Петербургѣ...

Несчастный которому довелось сыграть роль чумнаго въ Петербургѣ былъ дворникъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища Наумъ Прокофьевъ. Еще минувшею осенью, заболѣлъ онъ сифилисомъ (болѣзнь которая, по свидѣтельству Dr. Деппера, свирѣпствовала и въ Ветлянкѣ), и по невѣжеству своему, не воображая что въ „строго-научномъ смыслѣ“ болѣзнь его есть чума, не обращалъ на нее большаго вниманія и продолжалъ обычныя занятія. Почувствовавъ себя хуже, онъ обратился было въ Обуховскую больницу, но тамъ этого „чумнаго больнаго“ отказались принять за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ, а самую болѣзнь признали незначительною и неопасною. Наконецъ Прокофьевъ отправился въ Клинику. Здѣсь онъ былъ осмотрѣнъ, и вслѣдъ за осмотромъ, вопреки протестамъ нѣкоторыхъ врачей, Dr. Боткинъ авторитетно заявилъ что онъ „не кривя душою не можетъ назвать данную болѣзнь другимъ именемъ какъ *чумною* инфекціей.“

Страхъ и трепетъ объялъ сѣверную столицу послѣ такого заявленія, сдѣланнаго медицинскою „знаменитостью.“ Началось необычайное, лихорадочное „чумное“ движеніе. Больной сифилитикъ и весь медицинскій персоналъ приставленный слѣдить за нимъ были немедленно строжайшимъ образомъ отчуждены отъ всего остальнаго міра. И та палата гдѣ положили Наума Прокофьева и сосѣднія комнаты были тотчасъ же очищены отъ больныхъ и отъ излишней мебели. Всѣ вещи больнаго сожжены. „Всѣ сообщенія съ больнымъ и окружающимъ его медицинскимъ персоналомъ прерваны,“ писали въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, „сноситься съ ними можно только чрезъ стеклянную дверь ведущую въ корридоръ къ палатамъ больнаго. Если что̀ понадобится больному или окружающимъ его, то они пишутъ на бумагѣ и показываютъ чрезъ стеклянную дверь. Пищу подаютъ имъ также чрезъ дверь съ разными предосторожностями.“ Одновременно были приняты чрезвычайныя мѣры относительно сосѣдей Наума Прокофьева, жившихъ въ однихъ съ нимъ, ужасныхъ въ санитарномъ отношеніи, подвалахъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища. По Петербургу потянулся длинный поѣздъ пожарныхъ дрогъ съ 48-ю обитателями этихъ подваловъ (все людьми *совершенно здоровыми*) и съ ихъ имуществомъ. Всѣ они подвергнуты строжайшему карантинному оцѣпленію въ Екатерингофѣ, въ особомъ для того предназначенномъ обсерваціонномъ зданіи. Какое впечатлѣніе произвела на этихъ бѣдныхъ людей стрясшаяся надъ

ними бѣда, неизвѣстно. О немъ можно, впрочемъ, судить по впечатлѣнію произведенному принятыми мѣрами на самого Наума Прокофьева. „Больной," пишутъ въ газетахъ, „догадавшись что у него чума, видя какъ всѣ отъ него отстраняются, пришелъ въ неописанный ужасъ и долго лежалъ блѣдный какъ полотно и въ какомъ-то странномъ умственномъ состояніи..."

По счастію, звѣзда чумы на Петербургскомъ горизонтѣ, какъ скоро взошла такъ скоро и погасла. Больной былъ переосвидѣтельствованъ двумя коммиссіями. Всѣ члены этихъ коммиссій, въ подписанныхъ ими актахъ, дали формальное удостовѣреніе что въ ходѣ и симптомахъ болѣзни несчастнаго Прокофьева нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ чумной заразы, и на основаніи этихъ удостовѣреній тотчасъ отмѣнены принятыя строгія медико-полицейскія мѣры сначала относительно лицъ жившихъ вмѣстѣ съ Прокофьевымъ, а затѣмъ и самого Прокофьева

Итакъ, въ Петербургѣ, какъ и по всей Руси, по поводу чумы, произошло много шуму изъ ничего, и петербургскія газеты уже спѣшатъ въ запуски одна предъ другою оплакивать несчастную жертву ошибки,—не Прокофьева и не людей внезапно схваченныхъ и подвергнутыхъ карантиннымъ стѣсненіямъ,—а медицинскую репутацію г. Боткина. Что̀ же? Не будемъ строги. Зачѣмъ судить ошибку причинившую чумной переполохъ въ Петербургѣ иначе чѣмъ судимъ мы подобный же переполохъ приключившійся, по словамъ корреспондента *Новаго Времени*, въ Царицынѣ? Въ Царицынѣ, простые, неученые люди приняли за умершихъ отъ чумы и таскали баграми чтобы бросить въ оврагъ прикащиковъ угорѣвшихъ на постояломъ дворѣ отъ самоварнаго чаду. Но эти простые добрые люди, убѣдившись въ своей ошибкѣ, конечно, пожалѣли о ней и ужь никакъ не настаивали на мнѣніи что угаръ есть чума, между тѣмъ какъ знаменитый профессоръ въ Петербургѣ продолжаетъ настаивать на своемъ. Онъ все еще хочетъ быть убѣжденнымъ и убѣдить другихъ что болѣзнь Прокофьева есть все-таки чума, хотя бы и не заразительная. По какой-то странной случайности, медицинскіе авторитеты еще не отвѣчали подробно на послѣднее письмо г. Боткина.

Весь этотъ переполохъ весьма кстати для засѣдающей въ Берлинѣ особой коммиссіи по принятію предохранительныхъ мѣръ противъ чумы. Твердите теперь сколько угодно что чумы въ Петербургѣ нѣтъ. „Я человѣкъ вѣрящій въ авторитеты и умѣющій имъ подчиняться," торжественно заявилъ князь Бисмаркъ въ засѣданіи Германскаго рейхстага 21 февраля.

№ 47.

Москва, 23-го февраля.

Впечатлѣніе произведенное на насъ рѣчами произнесенными на либеральномъ банкетѣ въ честь вновь назначеннаго на постъ англійскаго посла въ С.-Петербургѣ лорда Дёфферина подтверждается комментаріями въ англійской печати. Всѣ находятъ что выборъ торійскимъ кабинетомъ либерала на такой важный постъ означаетъ что обѣ партіи въ сущности согласны между собою касательно общаго направленія политики. Впрочемъ это было откровенно высказано самимъ новымъ посломъ, который замѣтилъ въ своей рѣчи что онъ безъ малѣйшаго колебанія принялъ предложеніе вновь послужить своей странѣ въ должности которая „по справедливости считается лежащею внѣ сферы политики партій." Къ этому газета *Times* присоединяетъ замѣчанія болѣе чѣмъ подтверждающія предложеніе что съ миссіей лорда Дёфферина связаны особенныя цѣли. Какъ генералъ-губернаторъ Канады, онъ имѣлъ большой успѣхъ, и въ признаніе именно этихъ заслугъ и былъ устроенъ банкетъ въ честь его, такъ что онъ уже послѣ приглашенія на этотъ банкетъ принялъ предложенное ему правительствомъ назначеніе на новую должность. Газета *Times* и считаетъ нужнымъ пояснить что „обязанности дипломата имѣющаго играть роль въ сложной игрѣ европейской политики очень разнятся отъ обязанностей колоніальнаго губернатора." Различіе де заключается въ слѣдующемъ: Примирительныя способности лорда Дёфферина были испытаны въ Канадѣ, и потому, насколько бы отъ него зависѣло возстановить добрыя и сочувственныя отношенія между Англіей и Россіей, онъ это исполнилъ бы не хуже всякаго другаго. Но все дѣло де въ томъ что „международная ревность не укрощается пріятными словами, и мы болѣе можемъ надѣяться на укрощеніе ея

перемѣной неудовлетворительныхъ отношеній.“ Что же касается вліянія какое личность новаго посла можетъ имѣть для достиженія этой цѣли, то *Times* высокаго мнѣнія о способностяхъ лорда Дёфферина, но съ удареніемъ указываетъ что путь для его дѣятельности уже намѣченъ прежнею политикой Англійскаго правительства. „Лордъ Дёффѳринъ показалъ,“ разсуждаетъ органъ Лондонскаго Города, „что онъ знаетъ какъ пользоваться „выгодными „случаями. Въ С.-Петербургѣ ему можетъ„быть удастся совершить примиреніе между „Англіей и Россіей, но по справедливости „слѣдуетъ допустить что удобный случай „для сего былъ созданъ политикой кото„рая примѣнялась до сихъ поръ и нынѣ „обнаруживаетъ результаты. Мы, подобно „лорду Гранвилю, не видимъ почему Англія „и Россія должны постоянно быть отчуж„даемы другъ отъ друга подозрѣніемъ и „недоброжелательствомъ. По нашему убѣж„денію, этому зложелательству всего болѣе „способствовали тѣ отношенія между Ан„гліей и Россіей которыя предшествовали „настоящему кризису. Одна нація была „побуждаема къ наступательному дѣйствію „кажущеюся слабостью и робостью другой, „которая, чувствуя себя презираемою или „угрожаемою, была унижена, раздражена, „и это дѣлало ее подозрительною. Теперь „Англія показала какъ въ Европѣ, такъ „и въ Азіи, что она твердо *настоитъ* на „своемъ когда нужно. Лорду Дёфферину „стоитъ лишь, освоившись съ этою важ„ною перемѣной, противиться всякому ук„лоненію отъ нея, и затѣмъ онъ можетъ „примѣнять свои примирительныя способ„ности въ полнѣйшей мѣрѣ съ выгодой „для Англіи.“

И такъ, мы отнюдь не безъ основанія заключили что лордъ Дёфферинъ, обладающій пріятными свѣтскими качествами, ѣдетъ вовсе не за тѣмъ въ Петербургъ чтобъ отъ Англіи протянуть руку примиренія Россіи, а чтобы вызвать у Россіи какія-либо новыя доказательства предупредительнаго вниманія къ желаніямъ Англіи. И, кстати, намъ дается указаніе на какой именно почвѣ прежде всего имѣется въ виду потребовать нашихъ любезностей въ отношеніи Англіи. Въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію* сообщаютъ изъ Петербурга якобы тамъ назначеніе лорда Дёфферина возлагаютъ надежды, давно де питаемыя С.-Петербургскимъ кабинетомъ, придти къ полному соглашенію съ Англіей по всѣмъ азіятскимъ и восточно-европейскимъ вопросамъ, и тѣмъ болѣе что почва для сего давно де подготовлена „разсудительнымъ и *правильнымъ* образомъ дѣйствій Россіи въ англо-афганскомъ столкновеніи.“ *Этимъ* де наше правительство разчитываетъ „успокоить“ Англію, не только возстановленіемъ прежняго русско-англійскаго договора о разграниченіи сферъ вліянія въ Средней Азіи, но и вѣроятнымъ его измѣненіемъ и расширеніемъ. За то де въ Петербургѣ полагаютъ что такимъ возможнымъ соглашеніемъ съ Англіей по Средне-Азіятскому вопросу могутъ открыться и благопріятныя заключенія для приближенія Англіи къ русской точкѣ зрѣнія на разнообразные вопросы касающіеся Турціи и Балканскаго полуострова.

Несмотря на туманность этихъ *quasi*-конфиденціальныхъ раскрытій, ясно какое важное значеніе приписываютъ въ Англіи тому чтобы какъ можно скорѣе распутать Афганское затрудненіе удовлетворительнымъ для себя образомъ. Несмотря на всѣ возвѣщенные успѣхи Англичанъ въ Афганистанѣ, дѣла ихъ тамъ очевидно идутъ не совсѣмъ ладно. Число войскъ въ занятыхъ мѣстностяхъ сокращается, а удаленіе эмира изъ Кабула и неопредѣленность престолонаслѣдія въ случаѣ его смерти пораждаютъ неизвѣстность о конечномъ рѣшеніи, если только Англичане находятъ нежелательнымъ полное подчиненіе страны англійскому управленію, по примѣру Индіи. Это безпокойство за будущее явно сказывается въ жалобахъ газеты *Times* на то что, несмотря на занятіе двухъ довольно важныхъ пунктовъ, Джеллалабада и Кандагара, „почти ничего неизвѣстно что дѣлается въ остальной части страны.“ Хорошо еслибъ еще можно было такимъ образомъ навсегда покончить съ Афганцами, но *Times* знаетъ что они „слишкомъ энергичное и безпокойное племя,“ а потому и желала бы имѣть „болѣе ясное указаніе направленіе къ какому стремятся противоположныя вліянія въ этой странѣ.“

Чего требуетъ интересъ Англіи въ этомъ дѣлѣ легко понять. По замѣчанію *Times*, „безконечная услуга была бы оказана Афганцамъ еслибъ ихъ можно было убѣдить въ томъ фактѣ что въ концѣ концовъ они безсильны противиться Англіи. Въ исторіи Индіи много разъ можно было видѣть что когда наше безспорное господство было

такимъ образомъ доказано, то туземцы подчинялись ему какъ неизбѣжной судьбѣ.“ Это мы очень хорошо понимаемъ, но столь же ясно изъ разсужденій *Times* что такого именно впечатлѣнія Англичане, наперекоръ всѣмъ своимъ успѣхамъ, не успѣли произвести на Афганцевъ. Иначе имъ бы нечего разчитывать для сей цѣли на помошь Россіи. А между тѣмъ *Times*, по поводу извѣстія о прибытіи въ Ташкентъ Афганскаго посольства, разсуждаетъ такимъ образомъ: „Весьма вѣроятно что Ширъ-Али и Якубъ-ханъ выжидали пока они окончательно узнаютъ чего имъ ожидать отъ Россіи. Поэтому отъ представителей Русскаго правительства зависитъ, объяснивъ имъ дѣйствителаное положеніе дѣлъ, *убѣдить* эмира въ безплодности дальнѣйшаго сопротивленія намъ.“

Къ сожалѣнію, лондонская печать не беретъ на себя труда при этомъ разъяснить какая же польза намъ оказывать эту добрую услугу Англичанамъ, имѣющую для нихъ несомнѣнную важность. Теперь, когда наши счеты съ Турціей кончены, пора признать что Средне-Азіятскій вопросъ лишь случайно былъ связанъ съ восточными затрудненіями. Но какъ тотъ, такъ и другой вопросъ имѣютъ для насъ отдѣльное и важное значеніе. Едва ли есть надобность жертвовать въ одномъ направленіи ради предполагаемыхъ выгодъ въ другомъ, и тѣмъ болѣе что мы можемъ быть увѣрены что Англія не откажется для насъ ни отъ какихъ своихъ выгодъ, какова ни была наша уступчивость. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на слѣдующее. На Востокѣ, по крайней мѣрѣ относительнно Болгаріи, сила вещей ведетъ къ рѣшенію которое дожно быть благопріятно для вѣковыхъ стремленій русской политики. Въ Средней же Азіи все будетъ зависѣть отъ того *какъ* мы поставимъ тамъ русское имя. Англичане все требуютъ и ожидаютъ отъ насъ какихъ-то доказательствъ нашего дружелюбія. Но не мѣшало бы и намъ обратить вниманіе на слѣдующее свѣдѣніе сообщенное въ *Times of India*. Генералъ Робертсъ, оставляя долину Хостъ, которая кратковременно была занята Англичанами, созвалъ старѣйшинъ туземцевъ и держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой напомнилъ что Англичане имѣютъ ссору лишь съ однимъ Ширъ-Али, который былъ такъ дурно настроенъ что бросился въ объятія Русскихъ, ободрявшихъ его надеждой на помощь людьми, оружіемъ и деньгами.“ Генералъ Робертсъ предостерегалъ туземцевъ что „Россія ничего не имѣетъ удѣлить, вслѣдствіе Турецкой войны въ которой она потеряла убитыми и ранеными 250.000 человѣкъ. Ея казначейство пусто, и она тщетно старается пополнить его, такъ какъ *никто не хочетъ ей вѣрить*.“

Видно что наши друзья Англичане не очень заботятся о поддержаніи нашего *престижа* въ Средней Азіи.

№ 48.

Москва, 26-го февраля.

А.

Торжественно заявленныя, хотя и не облекшіеся пока въ форму детально разработанныхъ проектовъ, экономическіе планы князя Бисмарка уже были предметомъ горячихъ преній въ Германскомъ рейхстагѣ, продолжавшихся нѣсколько дней. Въ преніяхъ принималъ участіе и князь Бисмаркъ давшій понять своею рѣчью что и въ экономическихъ вопросахъ онъ покажетъ себя такимъ же „желѣзнымъ канцлеромъ“ какимъ привыкли видѣть его. въ дѣлахъ политическихъ. Но особенный интересъ въ его рѣчи представляютъ указанія на время когда онъ сталъ интересоваться экономическими вопросами и на обстоятельства побудившія его серіезно заняться ими. Германскій канцлеръ съ полною откровенностью заявилъ что всѣ экономическія и торгово-политическія мнѣнія составились у него лишь въ послѣдніе годы. Пока у него были дѣла поважнѣе чѣмъ изученіе статей тарифа, пока онъ долженъ былъ заниматься иностранною политикой, ему было недосугъ думать объ экономическихъ вопросахъ; но когда занятія иностранною политикой стали давать ему больше досуга, онъ былъ вынужденъ составить себѣ экономическія и торгово-политическія мнѣнія; при этомъ онъ неоднократно просился въ отставку, но ни разу не получилъ ея, почему и счелъ своимъ долгомъ вполнѣ посвятить себя экономическимъ реформамъ.

Итакъ, германскій канцлеръ сдѣлался экономистомъ поневолѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось что-то оставившее князя Бисмарка безъ важныхъ дѣлъ въ

области иностранной политики и понудившее его поставить себѣ такую делемму: или выйти въ отставку, или посвятить себя экономическимъ реформамъ. Какимъ именно событіемъ вызванъ столь рѣшительный кризисъ въ дѣятельности князя Бисмарка, этого онъ, къ сожалѣнію, не сказалъ прямо, но нѣкоторыя соображенія позволяютъ о томъ догадываться. Очевидно что тягостнаго для князя Бисмарка избытка досуга, за недостаткомъ важныхъ дѣлъ, у него не было ни въ періодъ его столкновеній съ прусскимъ парламентомъ (1862—1866), ни въ періодъ ознаменованный громами Германско-Датской, Австро-Прусской и Франко-Германской войнъ. Не могло быть у него слишкомъ много досуга и въ первые годы послѣ Франко-Германской войны, когда Германія, убѣдившись что всѣ тяжкія условія наложенныя ею на Францію, со включеніемъ неслыханно-громадной контрибуціи, не достаточно ослабили этого злопамятнаго сосѣда и не сдѣлали зарейнской границы надолго и вполнѣ безопасною, готовилась съ пѣснью Wacht am Rhein довершить дѣло 1870—1871 годовъ. Эта Германская затѣя, какъ извѣстно, не удалась, и грозившій Франціи новый тяжкій ударъ былъ отвращенъ отъ нея благодаря миротворному заступничеству Россіи. Не съ этихъ ли поръ оказался у князя Бисмарка тотъ избытокъ досуга который побудилъ его посвятить свое время экономическимъ вопросамъ?

Дѣйствительно, нельзя не признать что вслѣдъ за неудачей постигшею попытку выпустить въ свѣтъ Версальскій миръ 1871 года вторымъ изданіемъ съ измѣненіями и дополненіями, въ иностранной политикѣ Германіи наступило, по крайней мѣрѣ по наружности, замѣчательное затишье. Вмѣсто вопросовъ непосредственно близкихъ для Германіи, сталъ выступать на сцену, донынѣ облекающій политическій горизонтъ, вопросъ Восточный, столь мало интересующій князя Бисмарка что онъ для рѣшенія его не захотѣлъ пожертвовать ниже однимъ померанскимъ солдатомъ. Всѣмъ памятны неожиданное возникновеніе этихъ замѣшательствъ, какъ бы по манію волшебнаго жезла; постоянно неудачныя старанія прекратить эти замѣшательства въ самомъ началѣ и не дать имъ разыграться; неимовѣроятныя усилія Россіи добиться какого-нибудь, хотя бы очень неудовлетворительнаго, замиренія на востокѣ лишь бы предотвратить войну; всѣмъ памятны, наконецъ, дипломатическія перепитіи, затруднявшія и замедлявшія ходъ войны когда она началась и ходъ мирныхъ переговоровъ когда война кончилась, и не допустившія, въ концѣ концовъ установленія на Востокѣ прочнаго и удовлетворительнаго порядка. Не заинтересованный непосредственно въ Восточномъ вопросѣ, князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, игралъ въ немъ только роль „честнаго маклера," и рѣшить имѣло ли это маклерство практическое значеніе въ ходѣ Восточнаго вопроса есть, конечно, задача будущаго историка. Но весьма возможно что оно оставляло германскому канцлеру слишкомъ много досуга, такъ что онъ, ставъ маклеромъ по своему изволенію, сдѣлался экономистомъ поневолѣ.

Не лишено интереса слѣдующее совпаденіе. Именно съ того момента какъ Россія, вопреки своему желанію, все затягивалась въ путы восточныхъ замѣшательствъ, долженствовавшихъ завершиться большою и тяжкой для нея войной, а князь Бисмаркъ, на досугѣ, сталъ вырабатывать свои экономическія и торгово-политическія мнѣнія, — именно съ этого момента экономическое и финансовое положеніе Россіи сдѣлалось предметомъ особеннаго, небывалаго прежде, интереса для всей Европы. Европейская печать сперва занималась пророчествами о неизбѣжномъ вслѣдствіе войны полномъ разореніи Россіи; затѣмъ, когда война кончилась, столь же усердно принялась отыскивать признаки этого разоренія, такъ что экономическіе взгляды германскаго канцлера вырабатывались, можно сказать, подъ шумъ толковъ объ экономическомъ и финансовомъ положеніи Россіи. Наконецъ экономическіе взгляды князя Бисмарка выработались, и онъ, круто отвернувшись отъ экономическихъ ученій которыми донынѣ руководилась Германія въ своей таможенной политикѣ, изъявилъ твердое намѣреніе привести въ исполненіе экономическіе планы въ существѣ противные этимъ ученіямъ. И, по странному стеченію обстоятельствъ, этотъ рѣшительный разрывъ съ экономическою доктриной произошелъ именно когда факты экономическаго успѣха Россіи наглядно опровергли основанныя на этой доктринѣ пророчества о грозившихъ Россіи отъ войны бѣдствіяхъ. Впрочемъ, разочарованіе въ этомъ отношеніи было, можно сказать, почти общее.

„Во многихъ сферахъ,“ читаемъ въ *Times*, „много удивляются легкости съ какою Россія преодолѣваетъ финансовыя затрудненія послѣдней войны съ Турціей. Мы не слышимъ ни о прекращеніи уплаты процентовъ по внѣшнему долгу Россіи, ни о важныхъ безпорядкахъ внутри ея какіе предсказывались наканунѣ войны и много мѣсяцевъ потомъ“...

Одну изъ видныхъ частностей задуманныхъ княземъ Бисмаркомъ экономическихъ плановъ составляетъ, какъ извѣстно, проектъ стѣсненія ввоза въ Германію русскихъ товаровъ, къ чему долженъ повести пересмотръ какъ таможенныхъ, такъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Побужденіе къ такой мѣрѣ достаточно ясно выражено въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*: Россія обогащается де вслѣдствіе выгоднаго ей сбыта своихъ продуктовъ въ Германію. Въ проистекающемъ отсюда желаніи „дружественной“ державы сократить такой выгодный для Россіи сбытъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, но нельзя не подивиться смѣлости съ какою въ той же офиціозной газетѣ Россія выставляется обидчицей Германіи въ ихъ обоюдныхъ экономическихъ сношеніяхъ, а Германія нашей злополучной жертвой! Въ доказательство постоянныхъ притѣсненій чинимыхъ Россіей Германіи, органъ князя Бисмарка ссылается на Русскую таможенную политику по отношенію къ Германіи за все послѣднее *пятидесятилѣтіе*. Надо полагать что въ числѣ этихъ притѣсненій намъ ставятся на счетъ, между прочимъ, и наши таможенные тарифы 1850 и 1857 годовъ. Отличительною особенностью этихъ тарифовъ, какъ извѣстно, было большое неравенство пошлинъ взимавшихся съ одного и того же товара, смотря по тому привозился ли онъ къ намъ сухимъ путемъ или моремъ. Сухопутныя пошлины по многимъ статьямъ тарифа были много ниже морскихъ; нѣкоторые товары при ввозѣ въ Россію сухимъ путемъ очищались въ полтора раза и даже втрое меньшею пошлиной чѣмъ какую приходилось платить при ввозѣ тѣхъ же товаровъ моремъ; иные товары, разрѣшенные къ привозу сухимъ путемъ, были вовсе запрещены къ привозу моремъ. Этого недостаточно; даже въ морскихъ пошлинахъ не было равенства. По нѣкоторымъ статьямъ тарифа, товары привезенные моремъ оплачивались различною пошлиной смотря потому откуда они привезены: если изъ Пруссіи, то пошлина взималась вдвое меньшая... На все это, равно какъ и на принятіе въ уваженіе, при постройкѣ русской желѣзнодорожной сѣти, спеціально германскихъ интересовъ иногда предпочтительно предъ собственно русскими, германская печать расположена смотрѣть какъ на явные признаки нерасположенія Россіи къ Германіи. Надо думать что мы заслужили бы ея благодарность еслибы, вмѣсто всего этого, стали оказывать ей услуги подобныя той какую она оказываетъ нынѣ Россіи устройствомъ противъ нея общей карантинной облавы. „Вы должны цѣнить наше дружеское расположеніе къ вамъ,“ говорила недавно *Кельнская Газета*, обращаясь къ Россіи по поводу принимаемыхъ разными государствами, въ угоду князю Бисмарку, карантинныхъ мѣръ противъ Россіи, — „вы должны быть признательны за мѣры внушенныя Германіи столько же пріязнью къ Россіи сколько заботой о себѣ!“

Да, въ Россіи оцѣнятъ по достоинству эту *„пріязнь“*, оцѣнятъ и тѣ заявленія которыя были сдѣланы въ Германскомъ рейхстагѣ, по поводу чумнаго пуфа въ Петербургѣ, однимъ изъ представителей князя Бисмарка. Г. Гофманъ достаточно ясно высказался что для руководителя чумной агитаціи противъ Россіи рѣшительно все равно прекратилась или нѣтъ эпидемія въ Ветлянскомъ районѣ, былъ или не былъ чумный случай въ Петербургѣ. Такъ или иначе, Германское правительство во всякомъ случаѣ „будетъ продолжать свои старанія по всѣмъ направленіямъ.“ „Учрежденіе международной касательно эпидеміи коммиссіи,“ вотъ что̀, по заявленію г. Гофмана, соотвѣтствуетъ намѣреніямъ имперскаго правительства: „оно возобновитъ прежніе переговоры объ этомъ и надѣется что ему во всѣхъ отношеніяхъ удастся разъяснить что оно съ своей стороны не уступило ничего.“

Пока неясно только какія именно цѣли имѣетъ въ виду чумная политика германскаго канцлера. Цѣли эти обыкновенно перестаютъ быть секретомъ для публики лишь когда онѣ уже достигнуты. Въ настоящее время, напримѣръ, князь Бисмаркъ откровенно разъясняетъ значеніе торговаго трактата съ Франціей, заключеннаго не въ экономическихъ, а въ политическихъ видахъ, — обмануть Наполеона III; столь же откровенно разъясняетъ онъ нынѣ и значеніе

заключенной въ 1863 году, во время Польскаго возстанія, конвенціи съ Россіей: только это соглашеніе, говоритъ онъ, воспрепятствовало въ послѣдствіи Россіи вмѣшаться въ германскія дѣла. Интересно знать когда будетъ дано княземъ Бисмаркомъ подобное же откровенное объясненіе его нынѣшней политики относительно Россіи...

Б.

Ниже читатели найдутъ полный текстъ адреса поднесеннаго Н. Г. Рубинштейну вчера, въ пятницу, въ послѣднемъ симфоническомъ собраніи Русскаго Музыкальнаго Общества.

Быть-можетъ ни одна отрасль культуры не находилась и не продолжаетъ находиться у насъ въ такомъ загонѣ какъ искусство. Еще правительство, отъ времени до времени, учрежденіемъ Академіи Художествъ или театровъ и театральныхъ училищъ выказывало желаніе способствовать развитію талантовъ и эстетическаго чувства массы; но оставивъ официальную сферу, мы, особенно въ недавнемъ прошломъ, повсюду натыкаемся на поразительное равнодушіе къ искусству и скупость на его поддержку. Нужно было обаяніе личности чтобы расшевелить эту дремлющую косность; нужно было дѣятеля соединяющаго геніальный талантъ съ пламенною любовью къ дѣлу и съ великодушнымъ самоотверженіемъ, чтобы поставить искусство на подобающую ему высоту и пробудить потребность въ художественномъ образованіи. Такимъ дѣятелемъ для Москвы, въ сферѣ музыкальной, явился Н. Рубинштейнъ. Когда, въ 1860 году, онъ основалъ у насъ отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества (концертное учрежденіе) и музыкальные классы (ядро будущей Консерваторіи), онъ нашелъ въ буквальномъ смыслѣ tabula rasa; такого полнаго отсутствія музыкальной дѣятельности, какъ тогдашняя Москва, не представляла ни одна европейская столица, ни одинъ провинціальный городокъ Германіи. Ему пришлось создать не существовавшій спросъ на незнакомый продуктъ. Предпріятіе не только удалось, но удалось въ колоссальныхъ размѣрахъ и матеріально, и морально. Консерваторія съ сотнями своихъ учениковъ, Музыкальное Общество съ тысячами своихъ абонентовъ, съ двумя каменными домами и большимъ денежнымъ капиталомъ составляютъ матеріальную сторону успѣха. Моральная его сторона, быть-можетъ, лучше всего характеризуется самимъ фактомъ вчерашняго адреса, покрытаго двумя тысячами подписей. Подписавшіе этотъ адресъ сознаютъ что обращаются не только къ блестящему виртуозу или ученому музыканту, что имѣютъ дѣло не съ однимъ только артистомъ. Если-бы въ Н. Рубинштейнѣ они цѣнили только талантъ, имъ не было бы надобности прибѣгать къ такой необычайной формѣ выраженія своихъ чувствъ. Талантъ артиста награждается не адресами; полная зала, высокія цѣны, рукоплесканія и вызовы служатъ достаточною ему наградой, притомъ такою которой артисты, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, жаждутъ болѣе чѣмъ адресовъ или рѣчей. Но дѣло въ томъ что *для себя лично* г. Рубинштейнъ никогда не искалъ ни полной залы, ни высокихъ цѣнъ, ни вызововъ, ни рукоплесканій. Мало сказать что онъ ихъ не искалъ: можно положительно доказать что онъ ихъ избѣгалъ и что не принеси онъ этой жертвы, Консерваторія и Музыкальное Общество не стояли бы на томъ уровнѣ процвѣтанія на которомъ мы ихъ видимъ теперь. Чтобы насадить музыкальное растеніе на скудной московской почвѣ, даровитый артистъ долженъ былъ посвятить своему дѣлу и своему городу всѣ свои силы, долженъ былъ весь уйти въ административную и педагогическую дѣятельность и для этого отказаться отъ заграничныхъ концертныхъ путешествій—единственнаго средства пріобрѣсти не мѣстную только, но всесвѣтную знаменитость. Прошлогодняя поѣздка его въ Парижъ и баснословный успѣхъ встрѣтившій его на выставкѣ показали наглядно *чѣмъ* онъ пожертвовалъ, отъ чего онъ долженъ былъ отказаться во имя избраннаго имъ дѣла. Можетъ-быть время еще не потеряно, и г. Рубинштейнъ еще найдетъ случай наверстать пропущенное; можетъ-быть время потеряно навсегда, и артистъ, столь высоко стоящій въ глазахъ знатока, никогда не пріобрѣтетъ той громкой славы въ массѣ европейскаго и внѣ-европейскаго населенія на которую очевидно имѣетъ право. Во всякомъ случаѣ можно сказать безъ преувеличенія что принесенная имъ жертва безпримѣрна въ исторіи искусства. Въ этой жертвѣ только сказались и горячая

вѣра въ идеалъ, и громадная сила воли. Недостаточно было одной минуты рѣшимости на жертву; она совершалась ежедневно, ежечасно, ежеминутно, въ теченіи долгихъ годовъ, порой среди нареканій, клеветъ и инсинуацій, миріадами жужжавшихъ вокругъ славнаго дѣятеля и затруднявшихъ его путь. Взамѣнъ блестящей карьеры европейскаго виртуоза онъ добровольно избралъ менѣе видную, менѣе заманчивую долю московскаго капельмейстера и педагога; но едва ли онъ предвидѣлъ что на ряду съ этою скромною долей на него выпадетъ и другая — быть мишенью для самой беззастѣнчивой, цинической и нахальной диффамаціи Такова нерѣдко на Руси участь честной общественной дѣятельности.

Насажденіе музыкальнаго образованія въ Москвѣ совершилось не безъ борьбы, и еслибъ эта борьба была ведена г. Рубинштейномъ не изъ-за идеи, еслибъ онъ ее велъ изъ-за личнаго честолюбія, онъ не только не сдѣлался бы предметомъ той всеобщей любви и того уваженія которыя съ такою силой сказались во вчерашнемъ адресѣ, но напротивъ, возбудилъ бы противъ себя весьма законную вражду. Дѣло могло быть спасено только полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, и слѣдуетъ считать величайшимъ счастіемъ для всей исторіи русскаго искусства что въ важную, можно сказать рѣшительную, минуту въ Москвѣ нашелся человѣкъ, рѣшившійся принести себя въ жертву во имя идеи художественнаго развитія. Дѣятельность директора Московской Консерваторіи въ строжайшемъ смыслѣ слова *патріотическая* дѣятельность, и его знаменитое артистическое путешествіе въ пользу Краснаго Креста въ этой дѣятельности не составляетъ ничего неожиданнаго, ничѣмъ (несмотря на громадность результата) не выдѣляется рѣзко изо всего предыдущаго и послѣдующаго. Н. Г. Рубинштейну естественно было собирать своею игрой десятки тысячъ рублей и не пользоваться отъ нихъ ни копѣйкой, какъ естественно ему было не останавливаться предъ неудобствами дальняго зимняго пути, предъ хлопотами безчисленныхъ провинціальныхъ концертовъ, какъ естественно ему было возбуждать повсюду восторги и фуроръ. Но всего естественнѣе ему было сдѣлать это *для Россіи*: горячая любовь къ отечеству, вдохновившая его поѣздку, была постоянною двигательною силой во весь предшествовавшій періодъ его восемнадцатилѣтняго служенія дѣлу русской музыки.

Мы благоговѣемъ предъ борцомъ павшимъ въ борьбѣ за идею, но мы восторженно привѣтствуемъ побѣдителя. До сихъ поръ г. Рубинштейнъ только побѣждалъ: все за что̀ онъ брался — и Московская Консерваторія, и Московское отдѣленіе Музыкальнаго Общества, и поѣздки въ пользу Краснаго Креста, и концерты на Парижской выставкѣ—не только удавалось ему, но даже поразительно удавалось. Каждая новая побѣда въ этой мирной и благородной борьбѣ составляетъ побѣду просвѣщенія, изящнаго вкуса, эстетическаго пониманія. Можно считать вкусъ и эстетическое пониманіе предметами роскоши и не сознавать ихъ всенародной, государственной важности; но горе тѣмъ народамъ у которыхъ подобное пренебреженіе къ искусству, подобный фанатическій утилитаризмъ получитъ преобладаніе. Нѣтъ истиннаго образованія безъ художественнаго элемента; нѣтъ истинной человѣчности безъ чувства мѣры, гармоніи, красоты. Смягчающее и облагораживающее дѣйствіе искусства драгоцѣнно во всѣ времена, но оно быть можетъ вдвойнѣ драгоцѣнно и вдвойнѣ необходимо въ переживаемую нами смутную эпоху, когда со всѣхъ сторонъ на цивилизацію, на общественный порядокъ, на основы нравственныя надвигаются темные, разнузданные инстинкты. Кто знаетъ? Быть можетъ, еслибы предыдущія поколѣнія заботливѣе лелѣяли чувство красоты, еслибъ они болѣе старались развивать въ себѣ изящные таланты, намъ, современнымъ людямъ, не пришлось бы быть свидѣтелями такого нравственнаго безобразія, такого грубаго растлѣнія. Противуобщественная пропаганда дѣйствовала бы медленнѣе, слабѣе мягче. Будемъ благоразумнѣе чѣмъ прежде; будемъ почтительнѣе къ вѣковымъ памятникамъ творческаго генія и заботливѣе о томъ чтобы сдѣлать эти памятники достояніемъ многихъ, путемъ повсемѣстнаго распространенія художественнаго образованія. Много времени упущено, но все же открыта дорога къ улучшенію: нужно только рѣшительно и мужественно стать на эту дорогу. Честь и слава тѣмъ возвышеннымъ дѣятелямъ которые, какъ Н. Рубинштейнъ, возьмутъ на себя починъ въ великомъ дѣлѣ художественнаго образо-

ванія и положать на это дѣло столько же самоотверженія и труда...

№ 50.

Москва, 27-го февраля.

Съ возрастающимъ вниманіемъ общественное мнѣніе Европы, особенно Германіи, слѣдитъ за расширеніемъ политическаго „дѣйствія“ Франціи во внѣшнихъ дѣлахъ. Не подлежитъ сомнѣнію что Франціи, въ лицѣ ея представителя г. Фурнье, удалось пустить довольно глубокіе корни въ столицѣ султана къ великому неудовольствію Англіи. Этимъ многіе объясняютъ самое отозваніе британскаго представителя г. Леярда, не сумѣвшаго воспрепятствовать финансовымъ переговорамъ начатымъ съ г. де-Токвиллемъ. По прежнему, Франція является въ Константинополѣ заступницей притязаній Греціи, хотя нельзя сказать чтобы это заступничество подвинуло до сихъ поръ хотя сколько-нибудь дѣло соглашенія рекомендованное Берлинскимъ конгрессомъ. На дняхъ только слухи объ активной роли которую усвоила себѣ Франція на Востокѣ получили новую пищу въ сенсаціонномъ извѣстіи объ уступкѣ Франціи острова Родоса, о чемъ нашъ берлинскій корреспондентъ два раза сообщалъ намъ съ настойчивостью по телеграфу. Всего же важнѣе „совокупное“ съ Англіей вмѣшательство Франціи въ дѣла Египта, которое легко можетъ превратиться во взаимное соперничество и открытую борьбу между обѣими державами. Египетъ представляетъ собою именно ту добычу которая должна рѣшить вопросъ о преобладаніи въ восточной части Средиземнаго Моря, вопросъ столь жизненный для Франціи, долженствующій рано или поздно поставить ее лицомъ къ лицу съ ненасытнымъ честолюбіемъ ея стародавней соперницы.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтонъ, стоящій нынѣ во главѣ кабинета, какъ нельзя лучше сознаетъ тѣ задачи которыя предлежатъ французской политикѣ въ видахъ огражденія ея интересовъ въ Средиземномъ Морѣ и, сколько можно судить, до сихъ поръ направлялъ это дѣло, хотя и осторожно, но искусною и твердою рукой. Но внутренній переворотъ совершившійся во Франціи въ началѣ этого года спуталъ всѣ разчеты и создалъ такое положеніе вещей что нельзя поручиться и за завтрашній день. Вотъ почему и нельзя пока считать Францію дѣйствительною силой въ той всемірной борьбѣ взаимныхъ интересовъ коихъ развязка такъ или иначе должна разыграться въ недалекомъ будущемъ на Востокѣ. Такое положеніе Франціи представляетъ несомнѣнную выгоду для Англіи; но кто безпристрастно слѣдитъ за тѣмъ что́ происходитъ и что готовится во Франціи, кто относится съ сочувствіемъ къ судьбѣ этой злополучной страны, такъ давно лишенной блага твердаго государственнаго строя, тому не могутъ не показаться зловѣщими многіе признаки приближающихся новыхъ смутъ и внутреннихъ бѣдствій къ коимъ Франція стремится неудержимо какъ по наклонной плоскости.

Маршалъ Макъ-Магонъ былъ свергнутъ подъ тѣмъ предлогомъ что онъ, по мнѣнію „искреннихъ республиканцевъ,“ былъ помѣхой къ „укрѣпленію“ республики. Но благоразумные люди во Франціи всегда сознавали что истинная опасность грозила не съ этой стороны. Не только маршалъ Макъ-Магонъ, ничѣмъ не подававшій повода подозрѣвать его въ „измѣнническихъ“ замыслахъ, но и приверженцы всѣхъ трехъ монархическихъ партій подчинялись существующему порядку, и о дѣйствительныхъ заговорахъ противъ республики не было и рѣчи. Даже пресловутое министерство Броль - Фурту не подозрѣвалось въ томъ чтобъ оно подготовляло какой-либо монархическій *coup d'état*. Истинная опасность всегда сознавалась съ противоположной стороны; воспоминаніе о коммунѣ еще слишкомъ свѣжо въ памяти у всѣхъ, и благоразуміе требовало быть постоянно на сторожѣ противъ врага общественнаго порядка ежеминутно стучащагося въ двери Франціи. Маршалъ Макъ-Магонъ палъ а съ нимъ палъ и главный оплотъ противъ напора революціонныхъ элементовъ, ибо власть президента утратила всякую самостоятельность, вслѣдствіе того что преемникъ маршала получилъ ее непосредственно отъ палатъ до срока опредѣленнаго по конституціи для президентства маршала и самъ заявилъ что считаетъ себя покорнымъ исполнителемъ вліяній большинства. А между тѣмъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ того времени какъ восторжествовала „истинная республика и республиканское правитель-

ство уже находится въ полномъ разгарѣ борьбы противъ тѣхъ радикальныхъ элементовъ кои и не скрываютъ своей солидарности съ приверженцами коммуны. О нихъ, объ этихъ приверженцахъ и вожакахъ коммуны, понесшихъ кару за всѣ ужасы ими совершенные, за вооруженное возстаніе и за междуусобную войну поднятую ими во время нашествія непріятеля, объ этихъ герояхъ баррикадъ Монмартра и Бальвилля былъ поднятъ первый вопросъ при новомъ правительствѣ. Не довольствуясь тѣмъ что девять-десятыхъ изъ нихъ уже до сихъ поръ помилованы, радикалы, съ гг. Луи Бланомъ и Викторомъ Гюго во главѣ, требовали безусловной амнистіи для всѣхъ безъ исключенія, съ возстановленіемъ ихъ во всѣхъ политическихъ правахъ, то-есть съ правомъ возвратиться въ Парижъ и принять снова участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Правительство сумѣло пока устоять противъ этого напора, и безусловная амнистія была отвергнута обѣими палатами. Но чего стоила ему эта побѣда, и надолго ли устояла она противъ неугомонной агитаціи революціонныхъ вожаковъ? Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ теперешняго кабинета, принадлежащаго почти вполнѣ къ лѣвому центру, министръ внутреннихъ дѣлъ г. де-Марсеръ уже палъ жертвой неистовыхъ нападокъ крайней лѣвой. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку вслѣдствіе направленныхъ противъ него „разоблаченій" воскресшаго въ парижѣ органа Рошфора *la Lanterne*. Теперь очередь за другимъ членомъ кабинета, г. Леономъ Се, министромъ финансовъ, обвиняемымъ тѣми же радикалами въ „биржевой игрѣ," для успѣха которой онъ будто бы намѣренно оставлялъ палату и публику нѣсколько дней въ неизвѣстности касательно предположеній о проектированномъ превращеніи французской 5% ренты, чѣмъ причинено было быстрое колебаніе этой ренты на нѣсколько франковъ, разорившее однихъ и обогатившее другихъ, и въ томъ числѣ, какъ утверждаютъ парижскія радикальныя газеты, самого министра финансовъ и банкирскій домъ Ротшильда, съ которымъ г. Леонъ Се находится де въ близкихъ отношеніяхъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, г. Леонъ Се уже подалъ въ отставку, и многіе предвидятъ что и весь кабинетъ г. Ваддингтона, состоящій изъ умѣренныхъ республиканцевъ вынужденъ будетъ уступить мѣсто другому кабинету болѣе радикальнаго оттѣнка. Сомнительно чтобы вожакъ „республиканской уніи," г. Гамбетта, пожелалъ промѣнять свое теперешнее „теплое мѣстечко" на опасную роль главы министерства, опасную для него потому что онъ не сумѣлъ бы съ успѣхомъ бороться противъ крайней лѣвой, для которой Гамбетта есть отсталый человѣкъ. Надолго ли, въ виду всего этого, удержитъ свою власть и г. Жюль-Греви?

№ 51.

Москва, 28-го февраля.

Отвѣтъ британскаго подсекретаря иностранныхъ дѣлъ на сдѣланный въ палатѣ общинъ запросъ о Восточной Румеліи изложенъ такъ что въ немъ скорѣе можно видѣть подтвержденіе чѣмъ опроверженіе слуховъ о какихъ-то переговорахъ между державами по этому поводу. Изъ словъ г. Борка можно видѣть развѣ только то что эти переговоры пока повидимому не привели еще ни къ какому результату. Изъ Берлина сообщалось что переговоры возбуждены циркулярною нотой разосланною Русскимъ правительствомъ по дѣламъ Востока, въ которой де указывалось что хотя Болгары подчинились раздѣленію страны ихъ на двѣ части, но что возвращеніе турецкихъ войскъ въ Балканы поведетъ къ ужасному кровопролитію и подорветъ миръ достигнутый огромными усиліями, и затѣмъ въ нотѣ перечислялось де множество постановленій Берлинскаго трактата остающихся не исполненными. Г. Боркъ ни словомъ не упоминаетъ объ этой нотѣ, но онъ выразилъ увѣренность что полное очищеніе Румеліи русскими войсками совершится въ назначенный трактатомъ срокъ, и затѣмъ счелъ нужнымъ напомнить что трактатъ даетъ Портѣ право занимать границы Румеліи своими гарнизонами, а въ случаѣ волненій вводить войска и внутрь провинціи. Смыслъ словъ ясно показываетъ что Англійское правительство не имѣетъ желанія ни въ чемъ отступать отъ буквы условій выговоренныхъ имъ въ Берлинскомъ трактатѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, на дальнѣйшій запросъ г. Дженкинса: неужели по уходѣ Русскихъ населеніе будетъ предано на произволъ Турокъ?—г. Боркъ не далъ ни-

какого отвѣта, а пожелалъ чтобъ этотъ вопросъ былъ ему предложенъ въ другое время. Отсюда слѣдуетъ что вопросъ этотъ въ той или другой формѣ возбуждалъ вниманіе державъ; только подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, какъ не посвященный въ тайны кабинета, не могъ дать прямаго отвѣта, не получивъ инструкцій отъ своего начальника.

Замѣчаніе объ этомъ же предметѣ сдѣланное графомъ Андраши въ коммиссіи Австрійской делегаціи было нѣсколько опредѣленнѣе. Онъ заявилъ что конференціи пословъ въ Берлинѣ вовсе не предполагается, что вопроса о пересмотрѣ Берлинскаго трактата ни съ чьей стороны возбуждаемо не было, да такое предложеніе и не было бы де принято; но онъ не скрылъ что Болгары требуютъ предоставленія имъ Балканскихъ склоновъ для обезпеченія своей оборонительной позиціи, присовокупивъ что вопросъ этотъ будетъ предметомъ совѣщаній коммиссіи о разграниченіи.

Сопоставляя эти офиціальныя заявленія, нельзя не заключить что, такъ или иначе, но между державами уже была рѣчь о необходимости допустить нѣкоторыя измѣненія въ Берлинскомъ трактатѣ, или по крайней мѣрѣ о затруднительности буквальнаго исполненія всѣхъ его постановленій. На ожидаемыя затрудненія и опасности обращаютъ вниманіе независимые свидѣтели. Въ особенности корреспондентъ *Times*, въ телеграммахъ и письмахъ изъ разныхъ городовъ Болгаріи и Румеліи, въ послѣднее время настойчиво развивалъ доводы о невозможности мирнаго занятія Турками Балканскихъ проходовъ. Онъ, какъ мы уже говорили, доказывалъ что для самой Порты, которая болѣе всѣхъ нуждается въ спокойствіи, было бы выгоднѣе отказаться отъ этого права выговореннаго въ ея пользу. Мысли которыя на устахъ у всѣхъ не могли же укрыться отъ вниманія дипломатовъ и правительствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть другіе слухи, очевидно находящіеся въ тѣсной связи съ вопросами объ исполненіи Берлинскаго трактата. За исключеніемъ одной Россіи, которая недавно подписала окончательный миръ съ Портой и для себя ничего болѣе не ищетъ, у всѣхъ державъ есть свои особые планы, которыхъ конечно каждая желала бы достигнуть не уступая ничего другимъ. Такъ, говорятъ, будто Австрійское правительство, напримѣръ, даже недовольно готовностью, съ какою Россія исполняетъ Берлинскій таракатъ, предвидя что она потребуетъ того же отъ другихъ и тѣмъ затруднитъ Австріи овладѣніе Митровицей. Что Австрія отнюдь не намѣрена отказываться отъ своихъ замысловъ занять Новый Базаръ и тѣмъ проложить себѣ дальнѣйшій путь на югъ до Салоникъ и Эгейскаго моря, это подтвердилъ самъ графъ Андраши, сказавъ что объ отказѣ Австріи отъ права занятія Новаго Базара не можетъ быть и рѣчи, но что онъ только желаетъ достигнуть этого „безъ жертвъ и безъ нарушенія дружескихъ отношеній къ Турціи.“ Словомъ, онъ, какъ и Боснію, желаетъ получить Новый Базаръ все изъ дружбы къ Портѣ. А вотъ и другой другъ ея до сихъ поръ стоявшій въ сторонѣ какъ безкорыстный зритель, также спѣшитъ съ своеобразнымъ доказательствомъ своей нѣжности. Франція, говорятъ, хотѣла бы купить островъ Родосъ, а по другимъ извѣстіямъ добивается покровительства надъ Восточною Румеліей. О главномъ же другѣ Порты, объ Англіи, пока мало слышно, но мы знаемъ что она умѣетъ дѣйствовать втайнѣ, и къ тому же она имѣетъ преимущества чтобы не дать другимъ предупредить себя. Ея флотъ до сихъ поръ, въ нарушеніе всякихъ трактатовъ, продолжаетъ стоять въ Мраморномъ Морѣ, въ виду Константинополя; она взяла уже у Турціи Кипръ и заключила съ нею отдѣльную конвенцію о Малой Азіи; она же, вмѣстѣ съ Франціей, ведетъ рѣчь о томъ чтобы прибрать въ свое распоряженіе и всѣ главные доходы Порты, требуя притомъ чтобы назначаемые этими державами члены таможенной коммиссіи были облечены также и политическою властью. Отъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій Англію на время могутъ задерживать только развѣ ея другія затрудненія, нерѣшительность ея положенія въ Афганистанѣ да принявшая неожиданный оборотъ война съ Кафрами.

Восточный вопросъ развертывается предъ нами въ его настоящемъ видѣ: всѣ спѣшатъ захватить какъ можно болѣе изъ наслѣдства умирающей Турціи. Что всѣхъ страшило въ этомъ роковомъ призракѣ Восточнаго вопроса какъ не борьба за наслѣдіе? Пугаломъ выставлялась Россія, съ ея де ненасытнымъ честолюбіемъ и завоевательными стремленіями. Легко было выставлять ее общимъ врагомъ, потому что

она казалось имѣла выгоды и какъ ближайшій сосѣдъ Турціи, и въ силу своихъ историческихъ связей съ Востокомъ, и по причинѣ сочувствія и вліянія какими она пользовалась среди единовѣрныхъ и соплеменныхъ населеній Турціи. Какъ ни старалась Россія ослабить эту подозрительность къ ней, какъ ни доказывала она свою умѣренность и безкорыстіе во всѣхъ своихъ прежнихъ войнахъ съ Турціей, ничто не помогало. Турцію защищали именно противъ Россіи, защищали какъ необходимость для европейскаго равновѣсія. Теперь обманъ раскрывается. Россія одна вела войну съ Турціей, и обстоятельства сложились такъ что еслибъ она мечтала о наслѣдіи, то она стояла впереди всѣхъ соискателей. Ея войска были подъ Константинополемъ; но она сдержала свое слово. Она воевала за освобожденіе, а не ради стяжанія. Она не пріобрѣла себѣ никакихъ преимуществъ предъ другими державами. Въ Европѣ она не взяла себѣ лично ничего, кромѣ своей же кровной полосы, которая была отнята у ней въ 1856 году, и только въ Азіи, въ вознагражденіе за свои жертвы и потери, взяла крѣпость трижды облитую русскою кровью, да портъ имѣющій значеніе только для Кавказа. Исполнивъ свою задачу, Россія отступила, но за то какъ встрепенулись пресловутые друзья и защитники Турціи! Они поняли что Турціи нанесенъ ударъ отъ коего она не оправится, и уже ловятъ жадными руками и взорами готовую добычу. Одинъ тащитъ Боснію съ Герцеговиной и высматриваетъ какъ бы пробраться еще далѣе; другой хватаетъ Кипръ; третій метитъ на Родосъ, и подготовляются планы еще болѣе смѣлые—забрать власть въ самой турецкой столицѣ. Истинные наслѣдники, дѣти почвы, утучнившіе ее своимъ потомъ и кровью, стоятъ какъ отверженные, не смѣя и заикнуться о своихъ правахъ. Ихъ дѣло покоряться и ждать пока созрѣютъ своекорыстные планы опекуновъ ихъ мучителя.

Эти планы, кои нельзя не прозрѣвать въ противорѣчащихъ слухахъ и пробныхъ внушеніяхъ печати, налагаютъ обязанность особенной сдержанности на нашу дипломатію въ настоящее время. Вопреки громкимъ увѣреніямъ что о пересмотрѣ Берлинскаго трактата не можетъ быть и рѣчи, можно подозрѣвать что главные авторы онаго, очень хорошо понимая его несостоятельность, выжидаютъ лишь того чтобы себѣ выговорить при этомъ приличную компенсацію, и безспорно уже наложить руки на самыя выгодныя части наслѣдія. Россія не можетъ быть пособницей въ этомъ дѣлѣ. Она не можетъ добровольно согласиться чтобы за дѣло справедливости въ отношеніи къ угнетеннымъ христіанамъ, отъ коего сама она не получитъ никакого преимущества предъ другими, чтобы за это простое дѣло справедливости, повторяемъ, пріобрѣли вознагражденія злѣйшіе противники какъ ея самой, такъ и христіанскихъ народовъ Турціи.

№ 52.

Москва, 1-го марта.

Занятія Германскаго рейхстага со дня его открытія (10 февраля) и до сихъ поръ не столько важны сами по себѣ сколько вновь характеризуютъ извѣстныя черты не знающаго препятствій въ своихъ планахъ князя Бисмарка. Важнѣйшая задача предстоящая рейхстагу въ эту сесссію, пересмотръ таможеннаго тарифа, о которомъ съ такою рѣшительностью заявлено было въ тронной рѣчи, еще не затронута и находится до сихъ поръ въ стадіи подготовительныхъ законодательныхъ работъ. Все что до сихъ поръ говорено было по этому предмету въ имперскомъ парламентѣ (главнымъ образомъ во время обсужденія австро-германскаго торговаго трактата) имѣло лишь, по собственному выраженію князя Бисмарка, значеніе „аванпостныхъ стычекъ.“ Но князь Бисмаркъ уже теперь работаетъ неутомимо, зная что вся затѣянная имъ новая кампанія лежитъ исключительно на его плечахъ. Нельзя не подивиться энергіи обнаруживаемой по этому поводу могучимъ канцлеромъ. О нездоровьѣ, разстроенныхъ нервовъ, усталости и необходимости отдохнуть, нѣтъ болѣе рѣчи; ставшія въ послѣднія годы стереотипными заявленія князя Бисмарка что онъ работаетъ поневолѣ и ничего такъ не желаетъ какъ получить возможность вовсе удалиться отъ дѣлъ забыты совершенно. Онъ присутствуетъ постоянно въ рейхстагѣ, говоритъ чаще чѣмъ когда-либо и вдается въ обсужденіе второстепенныхъ вопросовъ которые онъ въ прежнія времена всегда отказывался разбирать, возлагая за нихъ отвѣтственность на сво-

ихъ подчиненныхъ. Но при этомъ, такъ или иначе и о чемъ бы ни шла рѣчь, онъ умѣетъ свести пренія на подготовляемую реформу. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Бисмаркъ открылъ у себя на дому свои обычныя частныя парламентскія собранія, гдѣ онъ умѣетъ въ непринужденной и добродушной бесѣдѣ „за кружкой пива" настраивать умы парламентскихъ дѣятелей на свой ладъ и подготовлять группировку необходимую для его цѣлей. При всемъ этомъ бросается въ глаза всестороннее знакомство князя Бисмарка съ мельчайшими подробностями занимающихъ его нынѣ экономическихъ вопросовъ и что бы ни говорили его противники объ его „диллетантизмѣ" въ вопросахъ этого рода съ точки зрѣнія теоріи, они не могутъ не признать что онъ добросовѣстно и съ полнымъ пониманіемъ изучалъ и изучаетъ дѣло съ практической его стороны. Словомъ, можно бы подумать что князь Бисмаркъ совершенно оставилъ въ сторонѣ свою настоящую „профессію" политика и дипломата ради сравнительно тѣснаго круга финансовыхъ интересовъ, еслибъ онъ самъ не сознался въ одной изъ рѣчей своихъ что эти послѣдніе интересы для него средство къ цѣли, и что онъ и въ прежнее время, въ самомъ началѣ своей министерской дѣятельности, умѣлъ скрыть свои дальновидные планы подъ политически невинными толками объ одномъ изъ торговыхъ трактатовъ.

Не менѣе любопытно и характеристично для Германіи взаимное отношеніе между княземъ Бисмаркомъ и рейхстагомъ. Въ настоящую сессію князь Бисмаркъ, какъ представитель правительства, потерпѣлъ уже два парламентскія пораженія: въ самомъ началѣ сессіи, рейхстагъ почти единогласно отвергъ предложеніе объ арестѣ двухъ депутатовъ Фритче и Гассельмана, явившихся въ Берлинъ къ открытію рейхстага послѣ высылки ихъ оттуда полиціей на основаніи закона о соціалистахъ и малаго осаднаго положенія объявленнаго въ Берлинѣ. На прошедшей же недѣлѣ рейхстагъ, послѣ трехдневныхъ преній, отвергъ также предложеніе объ установленіи карательныхъ мѣръ за злоупотребленіе свободой парламентской рѣчи. Князь Бисмаркъ ограничился лишь тѣмъ что заявилъ о своемъ намѣреніи въ послѣдствіи „вернуться къ этому предмету," а это, по предшествовавшимъ примѣрамъ, означаетъ что онъ отнюдь не преклонился предъ волей большинства, не примирился съ рѣшеніемъ и отъ своей мысли не отказался. И опытъ до сихъ поръ показалъ что онъ въ концѣ концовъ всегда добивался своего и достигалъ принятія въ болѣе рѣзкой формѣ тѣхъ самыхъ предложеній которыя прежде были отвергаемы. Но замѣчательнѣе всего что оба эти непріятныя для либеральнаго большинства предложенія князь Бисмаркъ какъ бы нарочно внесъ въ такое время когда онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ заискиваетъ у нихъ согласія на свои финансовыя преобразованія. Князь Бисмаркъ очень хорошо знаетъ какъ глубоко расходятся съ нимъ либералы въ вопросѣ о таможенной реформѣ. Ему невозможно обойтись вовсе безъ ихъ помощи и опереться исключительно на консервативныя фракціи, къ коимъ готовы присоединиться по этому вопросу и ультрамонтаны, ибо и приверженцы его плановъ распадаются на два лагеря: промышленныхъ протекціонистовъ и землевладѣльцевъ. Первые относятся съ восторгомъ къ проекту огражденія германской промышленности отъ иностранной конкурренціи, но имъ не можетъ быть желательно установленіе ввозной пошлины на хлѣбъ и прочіе предметы первой необходимости, ибо это неминуемо повлечетъ за собою общее вздорожаніе, а стало-быть и возвышеніе заработной платы. Съ другой стороны, землевладѣльцы, или такъ-называемая партія „аграріевъ," привѣтствуя обложеніе привозныхъ земледѣльческихъ продуктовъ сулящее имъ большія выгоды, не могутъ сочувствовать налогу на привозныя земледѣльческія машины и предчувствуютъ что усиленіе фабричнаго производства отвлечетъ много рукъ отъ земледѣлія, что въ свою очередь возвыситъ заработную плату полевыхъ работниковъ. Въ виду этого князю Бисмарку поневолѣ приходится не порывать своей связи съ націоналъ-либералами и добиваться ихъ поддержки.

И, при свойственной ему настойчивости и упорству въ стремленіи къ задуманной цѣли, князь Бисмаркъ, какъ видно, вполнѣ разчитываетъ что націоналъ-либералы послѣдуютъ за нимъ и на этотъ разъ, несмотря на то что затѣваемая реформа во всѣхъ отношеніяхъ имъ несочувственна, несмотря и на то что князь Бисмаркъ какъ бы съ намѣреніемъ еще болѣе отдалился отъ нихъ вышеупомянутыми своими недавними предложеніями, въ неуспѣ-

хѣ которыхъ онъ могъ быть заранѣе увѣренъ.

Націоналъ-либералы возлагали большую надежду на бывшаго министра и сотрудника князя Бисмарка г. Дельбрюка, пользующагося большимъ авторитомъ въ вопросахъ экономическихъ и оставшагося вѣрнымъ системѣ свободной торговли. Они конечно не могли ожидать чтобы г. Дельбрюкъ рѣшился стать во главѣ оппозиціи, но они надѣялись что онъ поможетъ имъ сопротивляться елико возможно и вынудить у князя Бисмарка значительное смягченіе затѣяннаго имъ суроваго протекціонизма. Оказывается однако что и г. Дельбрюкъ не устоялъ предъ желѣзною волей князя Бисмарка. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ принялъ на себя роль „честнаго маклера“ между княземъ Бисмаркомъ и націоналъ-либералами и старается установить соглашеніе по коему эта партія окажетъ поддержку новому таможенному тарифу.

№ 53.

Москва, 2-го марта.

Воспользовавшись относительнымъ затишьемъ въ области политическихъ вопросовъ непосредственно ее интересующихъ, наша ближайшая сосѣдка, Германія, какъ извѣстно, занялась на досугѣ вопросами экономическими. Правильнымъ ли путемъ шла въ послѣднее время таможенная политика Германіи,—вотъ вопросъ на которомъ нынѣ преимущественно сосредоточено тамъ общее вниманіе. Князь Бисмаркъ, взвѣсивъ по этому предмету противоположные интересы и мнѣнія, рѣшилъ наконецъ этотъ вопросъ отрицательно и уже принимаетъ мѣры къ исправленію этого дѣла...

Хорошій примѣръ заслуживаетъ подражанія. Съ заключеніемъ окончательнаго мира съ Турціей, для насъ тоже наступаетъ относительное затишье въ области политики, дающее полный досугъ заняться и экономическими вопросами вообще и основаніями нашего таможеннаго тарифа въ частности. А побужденій обратить самое серіозное вниманіе на эти предметы у Россіи едва ли менѣе чѣмъ у Германіи. Въ этомъ не трудно убѣдиться даже изъ поверхностнаго сравненія хода нашей внѣшней торговли въ послѣднее время съ ходомъ ея двадцать лѣтъ назадъ, непосредственно послѣ Крымской войны. Много воды утекло въ этотъ слишкомъ двадцатилѣтній періодъ времени, во многомъ сдѣланы значительные успѣхи, но во многомъ успѣхи очень не велики, а въ иномъ замѣчается и *попятное* движеніе. Особенно бросается въ глаза это попятное движеніе по тѣмъ статьямъ внѣшней торговли которыя находятся въ связи со внутреннимъ металлическимъ производствомъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ металлы занимали у насъ видное мѣсто между статьями отпуска и играли весьма неважную роль между статьями привоза. Такъ, въ 1856 году, металлы не въ дѣлѣ занимали между отпускными товарами, по цѣнности, восьмое мѣсто, *) а между привозными едва двѣнадцатое. **) Русскихъ металловъ, по европейскимъ таможнямъ, отпущено было за границу на 3.854.797 р.; иностранныхъ же металловъ было привезено въ Россію только на 2.587.790 р. ***).

Прошло двадцать лѣтъ, и декорація совершенно перемѣнилась. Въ ряду привозныхъ товаровъ металлы заняли *первое* мѣсто, впереди даже хлопка и чаю; въ ряду же отпускныхъ товаровъ металлы утратили всякое значеніе. Такъ, въ 1876, металловъ не въ дѣлѣ привезено на 49.309.168 р., а отпущено ихъ по европейской границѣ всего на 958.800 р.

Такіе разительныя цифры поневолѣ заставятъ призадуматься. Еще такъ недав-

---

*) Именно, въ 1856 году было отпущено за границу:

Хлѣба	на	56.212.513	р.
Сѣмени льнянаго	„	15.568.659	„
Сала	„	14.025.674	„
Льна	„	11.579.037	„
Шерсти	„	8.348.741	„
Пеньки	„	7.953.171	„
Лѣса	„	5.933.533	„
Металловъ не въ дѣлѣ . . .	„	3.854.797	„

**) Вотъ главныя статьи привоза изъ-за границы въ 1856 году:

Хлопка	на	15.579.959	р.
Напитковъ	„	7.964.821	„
Красокъ	„	7.271.276	„
Шелковыхъ издѣлій . . .	„	6.115.082	„
Сахару	„	5.610.396	„
Соли	„	4.889.721	„
Масла деревяннаго	„	3.938.590	„
Фруктовъ	„	2.954.095	„
Шерсти	„	2.911.314	„
Бумажныхъ издѣлій . . .	„	2.837.650	„
Табаку	„	2.763.070	„
Металловъ не въ дѣлѣ . . .	„	2.587.790	„

***) Въ томъ числѣ почти на два милліонна свинца и олова, а на остальную сумму—всѣхъ прочихъ металловъ.

но, какихъ-нибудь двадцать лѣтъ назади, Россія была страной богатою металлами и снабжала иностранцевъ избытками своего металлическаго производства. Теперь вдругъ она, при всемъ изобиліи ископаемыхъ богатствъ въ нѣдрахъ ея почвы, оказывается бѣдною металлами, такъ что очутилась бы въ очень затруднительномъ положеніи еслибы, напримѣръ въ случаѣ войны и блокады, привозъ иностранныхъ металловъ прекратился. Какія могли быть тому причины?

Въ виду постройки желѣзнодорожной сѣти и другихъ обстоятельствъ сильно увеличившихъ спросъ на желѣзо въ Россіи, можно было бы думать что вывозъ русскихъ металловъ за границу сократился именно вслѣдствіе этой причины. Нельзя сбывать за границу то что̀ нужно и имѣетъ хорошій сбытъ дома. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этого утѣшенія. При сократившемся сбытѣ металловъ за границу, русское металлическое производство не можетъ радоваться и усиленію внутренняго спроса. Еслибъ оно имѣло хорошій сбытъ для своихъ продуктовъ внутри страны, странно было бы, конечно сѣтовать на то что недостаточность отечественнаго производства восполняется привознымъ желѣзомъ; не задерживать же сооруженія желѣзныхъ дорогъ потому что русскіе желѣзнозаводчики не успѣли расширить свое производство въ уровень возникшимъ потребностямъ. Но въ томъ-то и дѣло что на ряду съ сокращеніемъ сбыта металловъ за границу, наше металлическое производство давно уже терпитъ затрудненія и во внутреннемъ сбытѣ. Привозъ чугуна, желѣза и стали все растетъ и въ 1876 году, напримѣръ, далеко превысилъ двадцать милліоновъ пудовъ, а въ то же время русское желѣзо не находитъ сбыта, и въ томъ же 1876 году болѣе пяти милліоновъ пудовъ сибирскаго желѣза осталось на Нижегородской ярмаркѣ непроданнымъ...

Не въ подобнаго рода фактахъ, конечно, можетъ видѣть наше желѣзнодорожное производство поощреніе къ расширенію своего производства, и не удивительно, поэтому, что вмѣсто развитія въ Россіи желѣзной промышленности замѣчались факты противоположнаго свойства. Нѣкоторые желѣзные заводы у насъ совсѣмъ закрылись, иные пріостановили производство, многіе работали въ убытокъ. Усилившійся у насъ спросъ но желѣзо даетъ хорошую наживу только иностраннымъ, но не русскимъ желѣзнозаводчикамъ.

При такомъ положеніи дѣла, волей-неволей должно согласиться съ людьми видящими причину разстройства русской желѣзной промышленности въ нашемъ таможенномъ тарифѣ. Хотя нашъ тарифъ признается вообще протекціоннымъ, въ такой мѣрѣ что въ Германіи жалуются даже будто Россія герметически замкнула себя отъ ввова въ нее германскихъ продуктовъ, но покровительство оказываемое имъ русской желѣзной промышленности болѣе чѣмъ сомнительно. При послѣдовательныхъ пересмотрахъ тарифа, пошлины на металлы всякій разъ понижались Мало того, пошлины на чугунъ, сталь и желѣзо сдѣлались съ 1869 года, можно сказать, только номинальными. Масса этихъ металловъ допускаются къ призову безъ всякой пошлины. До какихъ размѣровъ доходитъ это освобожденіе отъ уплаты пошлинъ всего лучше показываютъ цифры за 1875—1877 годы. Всего привезено было изъ-заграницы за эти годы:

	1875	1876	1877	Итого.
	Тысячи		пудовъ.	
Чугуна . . .	3.508	2.965	3.229	9.702
Желѣза полосоваго . . .	5.354	5.033	3.157	13.544
Желѣза листоваго . . .	1.894	1.957	1.369	5.221
Желѣза рельсоваго . . .	3.548	1.631	1.029	6.209
Стали . . .	1.198	641	671	2.511
Рельсовъ бессемеровской стали . . .	6.810	9.675	10.422	26.908

Вотъ какая доля этой массы металловъ была пропущена безпошлинно:

	1875	1876	1877	Итого.
	Тысячи		пудовъ.	
Чугуна . . .	2.772	2.446	2.964	8.184
Желѣза полосоваго	2.677	1.912	1.776	6.367
Желѣза листоваго	970	1.045	986	3.002
Жел. рельсоваго	2.477	691	261	3.330
Стали. . . .	925	288	356	1.571
Рельсовъ бессемеровской стали	6.459	6.558	4.096	17.104

Въ общемъ выводѣ оказывается что полосовое и рельсовое желѣзо на половину оплачивается пошлиной, *на половину* пропускается *безпошлинно*; двѣ пятыхъ провозной стали и листоваго желѣза обла-

гаются пошлиной, *три пятыхъ* пропускаются *безпошлинно;* одна треть рельсовъ бессемеровской стали очищается пошлиной, *двѣ трети* пропускаются *безпошлинно;* что же касается чугуна, то онъ *почти весь* ввозится *безпошлинно*, и взиманіе таможенной пошлины не распространяется даже на шестую долю всего ввозимаго количества. Казнѣ этотъ безпошлинный пропускъ чугуна, желѣза и стали (при всей незначительности обложенія) обходится ежегодною потерей отъ четырехъ до пяти милліоновъ рублей (сумма въ два или въ два съ половиной раза бóльшая той ради полученія коей обложено пошлиной привозное сырье нужное нашимъ хлопчато-бумажнымъ фабрикамъ). Но нашей желѣзной промышленности этотъ безпошлинный пропускъ иностранныхъ металловъ обходится несравненно дороже. Д. П. Шиповъ утверждаетъ что годовой итогъ всего русскаго желѣзнаго производства простирается лишь до *четырнадцати милліоновъ* пудовъ. И вотъ этому пришедшему въ разстройство производству приходится выдерживать конкурренцію съ ежегоднымъ *безпошлиннымъ* привозомъ *четырнадцати* же *милліоновъ* иностранныхъ чугуна, желѣза и стали... А вѣдь даже и фритредерамъ непозволительно не принимать въ соображеніе что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шиповъ, „иностранные заводы давно уже установились, имѣютъ всѣ приспособленія и, при обширномъ сбытѣ, нашли возможность спеціализовать работу, что много значитъ для удешевленія производства,“ и чего у насъ нѣтъ.

У насъ въ обычаѣ упрекать Русскихъ и въ недостаткѣ предпріимчивости, и въ неохотѣ устремлять эту предпріимчивость на разработку лежащихъ втунѣ естественныхъ богатствъ страны. Но въ виду вышесказаннаго, справедливо ли было бы объяснять однимъ недостаткомъ предпріимчивости то прискорбное обстоятельство что громадныя ископаемыя богатства не находятъ у насъ желающихъ приступить къ ихъ разработкѣ? Прежде говорили также что разработкѣ этихъ ископаемыхъ богатствъ препятствуетъ недостатокъ свободныхъ капиталовъ. Теперь на недостатокъ капиталовъ перестали ссылаться. Напротивъ, опасаются порожденнаго выпусками кредитныхъ билетовъ избытка свободныхъ капиталовъ, боятся чтобъ эти свободные капиталы не причинили какой-то „промышленной лихорадки,“ болѣзни чуть ли не болѣе страшной чѣмъ болѣзнь Наума Прокофьева. Почему бы, однако, во избѣжаніе этой „лихорадки,“ не направить эти капиталы на разработку естественныхъ богатствъ Россіи и, между прочимъ, на развитіе ея желѣзной промышленности? Но чтобы капиталы пошли по этому направленію, необходимо, конечно, поставить наше желѣзное дѣло въ условія болѣе заманчивыя для предпринимателей чѣмъ въ какихъ оно находится нынѣ. А чтобы поставить въ болѣе благопріятныя условія какъ желѣзную, такъ и многія другія отрасли русской промышленности необходимъ пересмотръ нашего давно устарѣвшаго тарифа, невыгоднаго ни для казны, ни для русскаго производства.

№ 54.

Москва, 3-го марта.

Никому неизвѣстно какого рода соглашеніе скрывается подъ тою дружескою услугой которую недавно оказала Австрія Германіи согласившись на отмѣну V ст. Пражскаго трактата, и что̀ именно Германія предложила взамѣнъ этой важной уступки. Офиціально, правда, было заявлено что это былъ „актъ дружбы,“ безо всякой примѣси своекорыстнаго интереса; но въ наше испорченное время мало людей которые повѣрятъ такому платонизму въ области политики. Къ тому же не можетъ не кидаться въ глаза тотъ фактъ что сказанная уступка сдѣлана спустя много лѣтъ послѣ того какъ между Австріей и Германіей установилась нѣжная дружба. Отчего же Австрія не подумала раньше запечатлѣть эту дружбу отреченіемъ отъ своего права, для нея фиктивнаго, какъ признаютъ теперь австрійскіе государственные люди, но не безразличнаго для Германіи? Какъ давно уже толкуютъ не только о дружбѣ между этими двумя державами, но о „союзѣ“ между ними съ присовокупленіемъ и Россіи. Не странно ли что дружеская услуга Австріи явилась какъ разъ въ то время когда миражъ Тройнаго Союза, коимъ такъ долго и настойчиво обольщаемъ былъ политическій міръ, исчезъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, не оставивъ по себѣ слѣда?

Никто болѣе не поминаетъ нынѣ объ этомъ союзѣ; равнымъ образомъ нѣтъ рѣчи и о томъ чтобы между Австріей и Германіей состоялось иного рода политическое единеніе. Тѣмъ не менѣе отъ внимательнаго взгляда не могутъ укрыться нѣкоторыя указанія на то что взаимныя отношенія между названными державами вступили въ новую фазу, и что исходною точкой для этихъ новыхъ отношеній послужило „окончательное исполненіе Берлинскаго трактата,“ сказавшееся въ Русско-Турецкомъ мирномъ трактатѣ съ коимъ почти совпало и обнародованіе конвенціи объ измѣненіи ст. V Пражскаго трактата. Иныя рѣчи слышатся теперь въ Австріи; да и берлинская печать, столь сдержанная и осторожная въ вопросахъ иностранной политики, стала откровеннѣе высказываться о задачахъ Австріи въ будущемъ.

Ожесточенная оппозиція цислейтанской парламентской партіи противъ присоединенія Босніи и Герцеговины совсѣмъ прекратилась. На дняхъ бюджетная коммиссія австро-венгерской делегаціи разсматривала представленный ей счетъ расходовъ на „оккупацію.“ Оказывается что на это дѣло уже передержано 41 милліонъ (сверхъ 60 милліоновъ которые были прежде разрѣшены). Коммиссія не только утвердила эту передежку, но съ большимъ спокойствіемъ выслушала предложеніе объ ассигнованіи на будущее время 30 милліоновъ гульденовъ *ежегодно* на военныя только надобности по оккупаціи, не считая расходовъ на граждавское управленіе страной. Все это не только не оспаривалось съ прежнею горячностію, но и самая оппозиція, во главѣ которой стоялъ депутатъ Бергеръ, нынѣ распалась и въ нѣдрахъ парламентской партіи происходятъ совѣщанія о полномъ ея переустройствѣ. Вліятельнымъ членомъ этой партіи, вмѣсто г. Бергера, сталъ г. Суессъ, или Зюссъ (Suess). Онъ недавно произнесъ рѣчь въ собраніи этой партіи и изложилъ предъ своими слушателями програму которой, по его мнѣнію, они должны слѣдовать. Программа эта заключается въ томъ чтобы не выдвигать финансоваго вопроса и не парализовать внѣшнихъ предпріятій правительства. Политика бездѣйствія всего де опаснѣе для Австріи; интересы ея неразрывно связаны съ нижнимъ теченіемъ Дуная и она должна де всячески стремиться къ тому чтобы не дать здѣсь упрочиться вліянію Россіи. Въ этомъ де и заключается самая важная задача австрійской политики въ ближайшемъ будущемъ, и парламентская партія должна принять оную существеннымъ пунктомъ своей программы и ради нея заглушить второстепенныя несогласія возникающія въ ея нѣдрахъ.

Итакъ, давно установленная, кромѣ дипломатовъ, всѣмъ ясная задача Бисмарковской политики на Востокѣ приводится въ исполненіе. Всѣ внутреннія противорѣчія въ Австро-Венгріи, всѣ скрупулы ея правительства или ея династіи, всѣ задержки оппозиціи, всѣ препятствія одно за другимъ падаютъ, и Габсбургская имперія, со скрипомъ двинувшаяся на Востокъ, идетъ теперь какъ по маслу въ предначертанномъ направленіи. Габсбургская строптивость, которая долго не могла помириться съ утратой германской гегемоніи, теперь повидимому отказалась отъ своихъ преданій и притязаній. Этому пособили обстоятельства Франко-Германской войны; этому помогъ впослѣдствіи Тройной Союзъ, или *Verhältniss*, какъ подъ конецъ обозначилъ его главный его учредитель. Оставалось замирить Мадьяръ и вовлечь ихъ въ грандіозный планъ предустановленый объединителемъ Германіи, который въ настоящее время играетъ роль историческаго рока. И вотъ ихъ улещаютъ надеждой что только этимъ путемъ могутъ они окончательно восторжествовать надъ Славянствомъ, стереть его и образовать великую мадьярскую державу подъ Габсбургскимъ скипетромъ, господствующую на Востокѣ и солидарную съ Германіей. Мадьяры поддаются на прельщеніе, а берлинскіе публицисты уже обѣщаютъ имъ энергическое содѣйствіе Нѣмецкаго элемента въ Венгріи къ мадьяризаціи Славянъ...

№ 56.

Москва, 5-го марта.

Англійскому министру сэръ-Стаффорду Норткоту угодно было заявить, въ отвѣтъ на запросъ въ нижней палатѣ, что никакихъ „дѣйствительныхъ переговоровъ“ между державами объ исполненіи Берлинскаго трактата не было, хотя де „отъ времени до времени и происходитъ еще обмѣнъ сообщеній о вопросахъ касаю-

щихся этого предмета.“ Онъ увѣдомилъ также что опубликованіе депеши лорда Солсбери, отъ 26 января, къ англійскому послу въ С.-Петербургѣ, неудобно безъ одновременнаго опубликованія отвѣта Россіи и „прочихъ документовъ,“ а это невозможно де безъ согласія Русскаго правительства.

Въ то время какъ данъ былъ этотъ отвѣтъ, депеша лорда Солсбери была, однако, уже опубликована, въ текстуальномъ переводѣ, въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, и содержаніе ея было также передано въ англійскихъ газетахъ. Слѣдовательно она ни для кого уже не была тайной. Въ послѣднее время подобныя дипломатическія нескромности случались такъ часто что теперь не возбуждаютъ удивленія. Довольно замѣчательно, однако, что при этой нескромности, отъ публики остались укрыты какъ письмо князя Горчакова, отъ 3 января, на которое, какъ видно, депеша лорда Солсбери служила возраженіемъ, такъ и отвѣтъ Русскаго правительства на это послѣднее сообщеніе. Содержаніе этого отвѣта лишь вкратцѣ на другой день было изложено въ вѣнскихъ газетахъ. Такимъ образомъ, мы можемъ судить только объ одномъ англійскомъ документѣ, и по немъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о направленіи и характерѣ переговоровъ или пожалуй „обмѣна объясненій,“ которыя несомнѣнно возбуждены между державами.

Депеша англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительно, есть замѣчательный документъ. Изъ его же словъ мы впервые съ точностью узнаемъ что нашимъ правительствомъ было обращено вниманіе на опасности которыя должны послѣдовать если затрудненія возникшія въ международныхъ коммиссіяхъ замедлятъ исполненіе ввѣренной имъ задачи до времени назначеннаго для очищенія странъ занятыхъ русскими войсками. Мы только узнаемъ этотъ фактъ, но дальнѣйшаго содержанія русскаго сообщенія лордъ Солсбери, въ своемъ отвѣтѣ, вовсе не находитъ нужнымъ касаться. Какъ ловкій адвокатъ, онъ остерегается хотя бы однимъ словомъ упомянуть на какія именно опасности наше правительство обращало вниманіе другихъ державъ, и вмѣсто того самъ переходитъ въ рѣзкое обвиненіе Россіи. Единственную опасность онъ видитъ въ присутствіи и дѣйствіяхъ русскихъ властей и обличаетъ ихъ въ томъ что онѣ, и онѣ однѣ, мѣшаютъ спокойному исполненію Берлинскаго трактата. Все въ ихъ поступкахъ подвергается рѣшительному неодобренію; не довольствуясь простымъ осужденіемъ, англійскій министръ допытывается до „очевидной тенденціи“ по внушенію коей будто бы русскіе дѣятели „коимъ поручено временное управленіе сказанною провинціей“ дѣйствовали наперекоръ желаніямъ Англіи. Но въ чемъ заключается это безпримѣрное обвиненіе? По мнѣнію лорда Солсбери, обязанность этихъ русскихъ дѣятелей была *убѣдить* Болгаръ чтобъ они отказались отъ ожиданій какой-нибудь другой сдѣлки, болѣе для нихъ предпочтительной, и справедливѣе цѣнили бы *выгоды* доставляемыя имъ трактатомъ, и затѣмъ подчинились бы ему безъ сопротивленія. Англійское правительство надѣялось было что русскіе дѣятели сочтутъ своимъ долгомъ дѣйствовать именно въ этомъ направленіи, но не видя желаннаго результата, лордъ Солсбери не можетъ себѣ объяснить это упущеніе иначе какъ „очевидною тенденціей“ русскихъ дѣятелей въ противоположномъ смыслѣ.

Итакъ, вотъ еще новое обвиненіе на Россію: она не сумѣла убѣдить Болгаръ чтобъ они цѣнили выгоды своего возвращенія подъ политическую и военную власть султана. Отъ Россіи ожидали что она не только сама исполнитъ въ точности принятыя обязательства Берлинскаго трактата касающіяся ея самой, но понудитъ и забалканскихъ Болгаръ (которыхъ, замѣтимъ кстати, лордъ Солсбери ни разу не называетъ ихъ именемъ, а зоветъ то „Румеліотами,“ то „жителями этой провинціи“) отказаться отъ самыхъ дорогихъ надеждъ, что она заставитъ ихъ высказывать радость и спокойствіе въ виду того что повергаетъ ихъ въ смущеніе и тревогу. Любопытно было бы однако знать какими средствами могла бы Россія исполнить эту странную обязанность, якобы наложенную на нее Берлинскимъ трактатомъ?

Лордъ Солсбери, какъ видно, все еще показываетъ себя новичкомъ въ дипломатіи. Иначе бы онъ зналъ что недовольство есть всегдашняя участь сдѣлокъ касательно третьей стороны, но заключаемыхъ наперекоръ ея желаніямъ. Какъ бы ни были невыгодны сдѣлки заключенныя державами, но нѣтъ невозможности исполнить ихъ когда онѣ касаются ихъ самихъ;

совсѣмъ иное дѣло заставить людей быть довольными когда они приносятся въ жертву чужимъ разчетамъ. Виллафранкскимъ миромъ императоръ Наполеонъ III рѣшилъ съ Австріей возстановить въ Италіи прежній порядокъ вещей, но они не могли убѣдить Италіянцевъ что это для нихъ лучше національнаго единства. Еще ранѣе Парижскимъ трактатомъ, съ участіемъ Англіи, было постановлено раздѣленіе Молдавіи и Валахіи, а онѣ немедленно же соединились наперекоръ дипломатіи. Въ этомъ случаѣ обѣимъ провинціямъ по крайней мѣрѣ предполагалось дать одинаковое устройство. Имъ не было оказано той несправедливости какъ въ отношеніи къ Румеліи; тѣмъ не менѣе, Румынскія княжества не захотѣли подчиниться европейскому рѣшенію и соединились. Что же удивительнаго что забалканскіе Болгары не только не довольны отдѣленіемъ ихъ отъ братьевъ, но еще и ужасаются перспективы возвращенія турецкихъ властей и войскъ? Почему это весьма естественное чувство объясняется единственно поощреніемъ со стороны русской администраціи?

Не Россіей было выдумано искусственное положеніе Румеліи. Этотъ опытъ былъ любимою фантазіей Англіи.

Впрочемъ, счастіе или несчастіе, спокойствіе или недовольство Болгаръ, вопросъ этотъ очень мало заботитъ невозмутимую совѣсть британскаго министра; его безпокоитъ лишь предвидѣніе что недовольство можетъ проявиться практическимъ противодѣйствіемъ.

Обнародованная депеша лорда Солсбери разъясняетъ намъ появлявшіяся въ послѣднее время въ *Times* статьи, въ которыхъ говорится, напримѣръ, слѣдующее: „мы (то-есть Англія) готовы подвергнуться всѣмъ случайностямъ какія могли бы возникнуть при исполненіи Берлинскаго трактата;“ или: „всякая агитація противъ Берлинскаго уговора подлежитъ рѣшительному осужденію, а если понадобится,—и подавленію.“ Очевидно, эти статьи были внушенныя и показывали что Англія, въ своихъ разчетахъ, желаетъ оставаться глухою ко всѣмъ предостереженіямъ о неизбѣжности новыхъ замѣшательствъ.

Обнародованіе англійской депеши въ австрійской газетѣ имѣетъ еще особенное значеніе, на которое намекаетъ нашъ берлинскій корреспондентъ. Въ послѣднее время говорили будто возникшіе между державами переговоры возбудили большое безпокойство въ Австріи, которая опасалась де чтобы Россія и Англія не сговорились между собою о спорныхъ вопросахъ на Востокѣ. Ставшая же теперь извѣстною изъ *Политической Корреспонденціи* депеша лорда Солсбери, по замѣчанію нашего корреспондента, „указываетъ какъ далеко расходятся взгляды Англіи и Россіи, и какъ неоснователенъ былъ слухъ будто между ними уже состоялось соглашеніе по дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ.“ Не для вящаго ли успокоенія Австріи, въ той же *Политической Корреспонденціи*, какъ извѣщала одна изъ вчерашнихъ телеграммъ, была сообщена сущность инструкцій данныхъ лорду Дёфферину при отъѣздѣ его къ новому посту, съ цѣлью настоять на точномъ исполненіи Берлинскаго трактата, такъ какъ Англія де убѣждена что этимъ путемъ, при умѣренности Турціи, безпорядковъ на Балканскомъ полуостровѣ нечего опасаться.

А между тѣмъ, несмотря на всю похвальбу, въ Англіи очень хорошо понимаютъ несостоятельность плановъ касательно Румеліи. Газета *Economist*, отнюдь не сочувственная Россіи, на прошедшей недѣлѣ доказывала что рано или поздно лорду Биконсфильду придется проглотить пилюлю и отречься отъ своихъ словъ. Возвращаясь къ тому же предмету въ послѣднемъ нумерѣ, *Economist* напоминаетъ что Берлинскій трактатъ отнюдь не безусловнымъ образомъ далъ Портѣ право вводить свои войска въ Восточную Румелію, а обязалъ ее „сообщать о своемъ рѣшеніи и объяснять оправдывающую его необходимость представителямъ державъ въ Константинополѣ,“ и что слѣдовательно судьями этой необходимости остаются державы. „Съ ними Порта,“ продолжаетъ газета, „должна будетъ совѣ„товаться и получать ихъ согласіе на по„давленіе возстанія. Это равносильно тому „какъ еслибы было сказано что возстаніе „не будетъ подавляемо тѣмъ способомъ „какъ предположено въ 16 статьѣ трак„тата. Между державами конечно не бу„детъ единогласія для дозволенія усмирять „военными пріемами, обычными у Турокъ, „провинцію которой сами державы обѣ„щали административную автономію. Нѣ„которыя изъ нихъ будутъ настаивать на „необходимости гарантіи противъ повто„ренія событій 1876 года, и единствен-

„нымъ результатомъ сообщенія Порты „державамъ будетъ то что та или другая „изъ нихъ или всѣ предпримутъ возстано„вить спокойствіе и пошлютъ войска для „занятія возмущенной провинціи. Безъ со„мнѣнія, пока это занятіе будетъ продол„жаться не будетъ попытокъ къ соедине„нію Румеліи съ Болгаріей. Но занятіе не „можетъ длиться вѣчно, и какъ только „державы отзовутъ свои войска, повто„рится та же исторія.“

№ 57.

Москва, 6-го марта.

Задуманная княземъ Бисмаркомъ таможенная реформа должна коснуться всѣхъ ввозимыхъ въ Германію товаровъ: возвышеніе пошлинъ предположено распространить на всѣ предметы ввоза; основный принципъ реформы тотъ что каждый предметъ ввоза долженъ подлежать пошлинѣ. Казалось бы, въ виду такого характера реформы, всѣ стороны ея должны возбуждать въ Германіи почти одинаковый интересъ. Не то видимъ мы на самомъ дѣлѣ. Изо всѣхъ рѣшеній на которыхъ остановилась занимающаяся пересмотромъ таможеннаго тарифа коммиссія Союзнаго Совѣта, прежде всѣхъ оглашены и сдѣлались преимущественнымъ предметомъ разнородныхъ толковъ не какія иныя проектируемыя пошлины, а именно тѣ которыя касаются предметовъ вывоза изъ Россіи въ Германію.

Это обстоятельство, конечно, не лишено значенія какъ указаніе въ которую сторону преимущественно направлены удары предпринимаемой Германіею таможенной войны. Но еще замѣчательнѣе то обстоятельство что вѣсть о таможенныхъ пошлинахъ которыми имѣютъ быть обложены въ Германіи главные предметы русскаго производства сдѣлала въ Россіи несравненно меньшее впечатлѣніе чѣмъ въ самой Германіи, по поводу этихъ пошлинъ, тотчасъ же съ разныхъ сторонъ забили тревогу; въ Россіи къ нимъ отнеслись почти съ полнымъ равнодушіемъ. Потребовалось только озаботиться усиленіемъ перевозочныхъ средствъ по дорогамъ ведущимъ къ русскимъ портамъ, куда должны будутъ направиться русскіе грузы шедшіе до сихъ поръ къ портамъ Германскимъ, вотъ и все. Огорчаться же тѣмъ что русскій отпускъ, вмѣсто того чтобъ обогащать, какъ донынѣ чужеземные портовые города, будетъ содѣйствовать впредь развитію и обогащенію своихъ, отечественныхъ портовъ, само собою разумѣется, Русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго повода.

Въ такомъ выгодномъ для Русскихъ и невыгодномъ для германскихъ портовъ результатѣ обложенія пошлиной главныхъ предметовъ русскаго отпуска, въ Германіи сомнѣваются еще менѣе чѣмъ въ Россіи. Въ особой запискѣ поданной въ упомянутую коммиссію Германскаго Союзнаго Совѣта отъ имени Ганзейскихъ городовъ прямо сказано что пошлина на русскій хлѣбъ не только повлечетъ за собою общее вздорожаніе хлѣба въ Германіи, но нанесетъ смертельный ударъ многимъ прусскимъ приморскимъ городамъ которые ведутъ торговлю русскимъ хлѣбомъ вывозя оный за границу; это чрезвычайно выгодная для Германіи отрасль торговли прекратится вовсе; Кенигсбергъ и Данцигъ будутъ разорены, такъ какъ идущій чрезъ эти города русскій вывозъ проложитъ себѣ новые пути на русскіе Балтійскіе порты.

Таковы опасенія представителей прусскихъ приморскихъ городовъ, и едва ли эти опасенія можно признать преувеличенными если взять во вниманіе роль которую играетъ русскій хлѣбъ въ ихъ торговлѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, въ №52 *Московскихъ Вѣдомостей*, были приведены изъ отчета Кенигсбергскаго купечества цифровыя данныя свидѣтельствующія что Кенигсбергскій портъ существуетъ почти исключительно русскими произведеніями. Данныя эти относятся къ 1877 году, къ тому самому году въ который, по завѣренію органа князя Бисмарка, *Сѣверогерманской Всеобщей Газеты*, Россія обогатилась деньгами перешедшими изъ кармановъ его соотечественниковъ въ карманы русскихъ хлѣбныхъ торговцевъ. Изъ упомянутаго отчета оказывается что въ этомъ году всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ было привезено въ Кенигсбергъ 39 милліоновъ пудовъ, и въ томъ числѣ изъ Германскихъ провинцій лишь $4^1/_2$ милліона пудовъ съ небольшимъ, а остальное количество, около $34^1/_2$ милліоновъ пудовъ изъ Россіи. Изъ всей этой массы хлѣба, внутрь Германіи вывезено изъ Кенигсберга по желѣзнымъ дорогамъ только $3^1/_2$ милліона пудовъ, да около $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ отправлено моремъ въ разные сѣверо-германскіе порты. Осталь-

ной затѣмъ хлѣбъ Кенигсбергъ продавалъ въ Англію, въ Норвегію, въ Швецію, въ Данію, въ Бельгію, въ Голландію, во Францію, даже въ Италію, опуская барыши отъ этой торговли ужь конечно не въ русскіе карманы... Неудивительно поэтому что торговцы Кенигсберга, равно какъ и находящагося въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ Данцига, отнюдь не желаютъ проститься съ барышами какіе даетъ имъ торговля русскимъ хлѣбомъ, и въ силу этого становятся въ ряды противниковъ затѣянной германскимъ канцлеромъ таможенной реформы.

Но на всѣ доводы представителей прусскихъ приморскихъ городовъ князь Бисмаркъ, по приходящимъ изъ Германіи свѣдѣніямъ, обращаетъ также мало вниманія какъ и на сдѣланный его противниками разчетъ что пошлина на хлѣбъ, могущая принести казнѣ не болѣе 15 милліоновъ марокъ, обойдется народу, вслѣдствіе общаго возвышенія въ странѣ цѣнъ на хлѣбъ которое будетъ результатомъ этой пошлины, по меньшей мѣрѣ во 150 милліоновъ марокъ ежегодно На первый взглядъ, такая настойчивость германскаго канцлера осуществить мѣру признаваемую столь вредною для Германіи можетъ показаться весьма странною. Его, конечно, не можетъ не заботить дефицитъ обнаружившійся въ Германскомъ бюджетѣ, и 15 милліоновъ марокъ дохода отъ пошлины на хлѣбъ, безъ сомнѣнія, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для покрытія этого дефицита. Но самъ князь Бисмаркъ заявилъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Союзному Совѣту что требуемые государствомъ доходы должны получаться наименѣе обременительнымъ для народа способомъ. А тутъ для полученія какихъ-нибудь 15 милліоновъ марокъ, онъ отстаиваетъ мѣру которая обойдется народу переплатой 150 милліоновъ, разореніемъ германскихъ портовъ и переходомъ изъ нихъ торговаго движенія въ русскіе приморскіе города! Что это, непониманіе дѣла или слѣпое упрямство?

Какъ можно догадаться, ни то, ни другое. Германскій канцлеръ вовсе не разчитываетъ ни поощрять развитіе русскихъ портовъ, ни подрывать торговлю Кенигсберга и Данцига, ни обременять населеніе Германіи дороговизной хлѣба. По принципу заявленному имъ въ упомянутомъ письмѣ къ Союзному Совѣту, всю тяжесть таможенныхъ пошлинъ съ продуктовъ производимыхъ Германіей въ достаточномъ для внутренняго потребленія количествѣ долженъ нести на себѣ иностранный производитель. Къ числу такихъ продуктовъ князь Бисмаркъ несомнѣнно причисляетъ русскій хлѣбъ, такъ какъ хлѣбомъ этимъ Германія почти вовсе не продовольствуется, а только ведетъ имъ торговлю. Онъ хочетъ получить съ него 15 милліоновъ марокъ пошлины, но эта пошлина имѣетъ быть взыскана не съ Германскаго народа и не изъ барышей торгующихъ русскимъ хлѣбомъ нѣмецкихъ торговцевъ, а съ производителя, то-есть съ Россіи. Послѣдователи господствующей экономической доктрины не мало издѣвались надъ мнѣніемъ князя Бисмарка что таможенная пошлина можетъ быть уплачиваема только производителемъ не падая на потребителя. Но они забывали при этомъ брать въ разчетъ что князь Бисмаркъ въ своихъ экономическихъ реформахъ ставитъ таможенный тарифъ въ тѣсную связь съ желѣзнодорожнымъ. А это обстоятельство измѣняетъ всю обстановку дѣла. Такъ, между прочимъ, по отношенію къ Россіи, одно наложеніе пошлины на хлѣбъ могло бы только повести къ увеличенію отпуска его чрезъ наши собственные порты Балтійскаго и Чернаго морей, въ ущербъ отпуску чрезъ германскіе балтійскіе порты. Но такой результатъ былъ бы несомнѣннымъ лишь въ томъ случаѣ еслибы въ цѣнѣ отпускаемыхъ чрезъ Кенигсбергъ и Данцигъ русскихъ произведеній не игралъ большой роли желѣзнодорожный тарифъ Русско-Германскаго сообщенія, и еслибы тарифъ этотъ оставался неизмѣннымъ. А именно на измѣненія въ этомъ желѣзнодорожномъ тарифѣ и направлены нынѣ домогательства Германіи, какъ свидѣтельствуетъ помѣщенное въ № 52 *Моск. Вѣд.* письмо по поводу таможенной реформы въ Германіи, полученное нами отъ лица достаточно компетентнаго въ этомъ дѣлѣ. Именно, Прусское правительство, чрезъ посредство представителей сосѣднихъ съ нами желѣзныхъ дорогъ, въ особенности Восточно-Прусской, которая завѣдуетъ всѣми дѣлами Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго союза, домогается теперь коренной реформы въ тарифахъ прямаго сообщенія этого союза, реформы которая будетъ имѣть послѣдствіемъ столь значительное пониженіе этихъ тарифовъ что оно, по всей вѣрятности, вполнѣ покроетъ ввозную пошлину кото-

рая будетъ наложена Германіей на русскія произведенія.

Требуемое пониженіе тарифа должно распространяться *только на русскія желѣзныя дороги*, но не на Германскія. До сихъ поръ для тѣхъ и другихъ былъ общій тарифъ прямаго сообщенія въ металлической валютѣ, причемъ доля русскихъ желѣзныхъ дорогъ изъ общей цѣны провоза грузовъ исчислялась въ той же металлической же валютѣ съ переводомъ въ кредитные рубли по условленнымъ курсамъ которые время отъ времени измѣнялись по общему соглашенію. Теперь требуютъ установленія *смѣшаннаго* тарифа, по которому доли русскихъ желѣзныхъ дорогъ исчислялись бы *въ рубляхъ*, а доли германскихъ дорогъ *въ маркахъ*. Это требованіе было категорически заявлено въ минувшемъ сентябрѣ на бывшей въ Парижѣ конференціи представителей Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго союза; то же требованіе было энергически поддержано Восточно-Прусскою желѣзною дорогой въ минувшемъ декабрѣ въ особой тарифной коммиссіи собиравшейся въ Берлинѣ; затѣмъ для разсмотрѣнія этого требованія предполагалось собрать въ минувшемъ февралѣ новую конференцію въ Петербургѣ. Въ случаѣ несогласія Россіи на такое обращаемое къ ней требованіе, ей грозятъ распаденіемъ Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго союза. Предполагается что Россія испугается даже этой угрозы...

Придавая, и вполнѣ основательно, большое значеніе желѣзнодорожнымъ тарифамъ, признавая что тарифы эти могутъ совершенно парализовать торговую политику государства выражающуюся въ размѣрахъ таможенныхъ пошлинъ, князь Бисмаркъ требуетъ чтобы въ Германіи правленія желѣзныхъ дорогъ были лишены права установлять по своему произволу высоту своихъ тарифовъ. Право это, по заявленному имъ принципу, должно принадлежать только государству. Но это правило, которымъ отнынѣ предполагаетъ руководиться цивилизованная Германія, не должно быть примѣняемо въ варварской Россіи. Торговая политика Германіи не будетъ нести ущерба ради частныхъ интересовъ желѣзныхъ дорогъ, хотя эти дороги не чужія, а германскія. Торговая политика Россіи должна подчиняться не только частнымъ интересамъ русскихъ желѣзнодорожныхъ компаній, но и общимъ интересамъ дорогъ чужеземныхъ. Тарифы германскихъ желѣзныхъ дорогъ должны быть установлены такъ чтобъ удовлетворять интересы одной Германіи. Въ установленіи тарифовъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, интересы Россіи должны стоять на второмъ планѣ, прежде же всего эти тарифы должны быть выгодны для Германіи. Таково непремѣнное условіе на которомъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ можетъ быть впредь предоставлена честь участія въ Русско-Германскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ. Но имѣетъ ли Россія достаточныя основанія ставить эту честь такъ высоко чтобы купить ее тою цѣной какую отъ нея требуютъ?

А цѣна требуется весьма высокая. Прежде всего русскія желѣзныя дороги, ради сохраненія союза, должны отказаться и отъ вытекающихъ для нихъ изъ него выгодъ и отъ равноправности со своими союзниками. Всѣ выгоды отъ пониженія нашего вексельнаго курса должны доставаться Германіи, всѣ невыгоды одной Россіи. Русскія желѣзныя дороги должны понизить свои тарифы безъ соотвѣтственнаго пониженія тарифовъ германскихъ. Благодаря этому пониженію тарифовъ русскими желѣзными дорогами, прямое русско-германское сообщеніе настолько удешевится что отправителямъ русскихъ продуктовъ, несмотря на налагаемыя Германскимъ правительствомъ пошлины, не будетъ интереса направлять ихъ въ русскіе порты вмѣсто германскихъ; напротивъ, можно ожидать что и часть тѣхъ грузовъ которые нынѣ идутъ чрезъ русскіе порты пойдетъ на Кенигсбергъ и Данцигъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевленный провозъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ понизитъ цѣны русскаго хлѣба для Германскаго народа, такъ что онъ и не почувствуетъ тяжести наложенной на хлѣбъ пошлины. Такимъ образомъ, ничего не потеряютъ ни германскіе приморскіе города, ни германскіе потребители, ни германскіе желѣзныя дороги, по которымъ ни тарифъ не понизится, ни движеніе не сократится. Ни русскіе производители, ни русскіе порты при этомъ ничего не выиграютъ, а только уменьшатся сборы русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ привозимыхъ въ Германію грузовъ, и недоборъ этотъ падетъ на русскую казну въ видѣ приплатъ по гарантіямъ.

Въ конечномъ результатѣ, установляемыя Германскимъ правительствомъ пош-

лины, согласно намѣренію князя Бисмарка, лягутъ налогомъ не на Германскій народъ, а на Русское правительство, другими словами, Россія должна будетъ платить Германіи ежегодную дань.

Таковы разчеты германскаго канцлера, таковы требованія съ которыми онъ столь настойчиво и безцеремонно, повидимому нимало не сомнѣваясь въ успѣхѣ, обращается къ Россіи чрезъ посредство представителей германскихъ желѣзныхъ дорогъ!

Интересно бы знать собиралась ли въ февралѣ въ Петербургѣ та конференція на которой должны были обсуждаться вышеобъясненныя, невѣроятныя съ точки зрѣнія здраваго смысла, претензіи, и если собиралась, то какъ эти претензіи были на ней встрѣчены?..

№ 58.

Москва, 7-го марта.

А.

Ради куріоза воспроизводимъ изъ петербургскаго *quasi*-дипломатическаго листка, *Agence Générale Russe*, довольно длинную элукубрацію о теперешнемъ положеніи на Востокѣ.

Изложивъ сущность доводовъ враждебной намъ заграничной печати, франко-петербургскій дипломатъ-публицистъ восклицаетъ: „Читая эту аргументацію, поневолѣ спрашиваешь себя: неужели послѣдняя война и предшествовавшіе ей три „года Восточнаго кризиса никого ничему „не научили.“ Увы, въ самомъ дѣлѣ, никого ничему не научили! Какъ это ни печально, однако нельзя не разсмѣяться при этомъ восклицаніи, которое никого такъ мѣтко не характеризуетъ какъ самихъ же нашихъ дипломатовъ-публицистовъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы спросить ихъ собственными ихъ словами, послѣдняя война и предшествовавшіе ей годы не убѣдили ихъ въ томъ что̀ само собою такъ ясно для здраваго смысла? Неужели и теперь они все еще вѣрятъ въ дѣйствительность Европы, и все еще убѣждены въ пользѣ нотъ, конференцій и конгрессовъ? Неужели они желаютъ повторенія Андрашевской ноты, Берлинскаго меморандума, Константинопольской конференціи, Лондонскаго протокола? Неужели они недавнимъ горькимъ опытомъ все еще не убѣдились что Европа къ которой они взываютъ есть абстракція, и что умъ, а не фраза управляетъ событіями? Неужели Россіи суждено постоянно обращаться къ призраку Европы, клятвенно свидѣтельствуя предъ этимъ идоломъ о чистотѣ своихъ намѣреній?

Франко-петербургскій публицистъ прежде съ мистическимъ благоговѣніемъ обращавшійся къ Европѣ, теперь повидимому сердится на свой божокъ, укоряя Европу въ индифферентизмѣ и вольтеріанствѣ, однако все еще сохраняетъ вѣру въ него и находитъ все-таки нужнымъ обращаться къ нему предвидя новыя смуты, которыя на Востокѣ вспыхиваютъ де вопреки всѣмъ совѣтамъ державъ и растраиваютъ тамъ всякія соображенія дипломатіи. Россія де исполняетъ только свой долгъ указывая Европѣ, какъ это она „многократно“ дѣлала и прежде, свои опасенія касательно положенія дѣлъ на Востокѣ, а если, несмотря на недавній опытъ, ея предвидѣнія вновь будутъ сочтены преувеличенными, то... что̀ же?—приметъ она мѣры чтобъ обезпечить себя, въ виду опасности, отъ новыхъ смутъ и можетъ-быть новаго кровопролитія?—Нѣтъ, по словамъ *Agence Générale Russe*, исполнивъ честно свои международныя обязательства „предоставитъ *á qui de droit* отвѣтственность за то что̀, вопреки ея желаніямъ, совершится силой вещей.“

Но развѣ этому учитъ насъ бывшій опытъ? Развѣ тому чтобы возлагать на Европу пустую отвѣтственность за нашу кровь и жертвы? Кому не памятно къ чему привели прежнія „многократныя“ наши обращенія съ предвидѣніями и указаніями? Въ теченіе всего двухлѣтняго періода нотъ, меморандумовъ и конференцій, мы убѣждали всѣхъ что если ничего не будетъ сдѣлано, то будетъ война. Но никакая держава не ощущаетъ на себѣ за то никакой отвѣтственности и тягости, кромѣ насъ же самихъ. Германія не пожертвовала въ ней костьми ни одного померанскаго солдата, а Англія и Австрія еще выиграли. Вся тяжесть войны пала на насъ. Правда, наши жертвы могли бы окупиться, но тутъ опять явился призракъ Европы. Войнѣ предшествовала европейская конференція въ Константинополѣ, за войной послѣдовалъ европейскій конгрессъ въ Берлинѣ, и нечего удивляться что ре-

зультатомъ первой была война, а результатомъ Берлинскаго конгресса вышла сдѣлка грозящая новыми опасностями, которыя, по словамъ *Agence Générale Russe*, уже предусматриваются дипломатіей.

Если мы чему-нибудь научились, то намъ надо, безо всякихъ обращеній къ Европѣ, безъ депешъ и конференцій, самимъ рѣшить значеніе нашихъ интересовъ на Востокѣ. Намъ нечего возлагать отвѣтственность на другихъ, и взывать къ безкорыстной помощи, а надо позаботиться о томъ чтобъ усилить свое положеніе, а не ослаблять его. Нужны не конференціи, а реальные союзы; нужно не преклоняться предъ Европой, а искать въ ней солидарныхъ съ нами интересовъ. Словомъ, вмѣсто политики дипломатическихъ словопреній, пользы можно ожидать только отъ политики національной, разумѣющей интересы своей страны и дѣйствующей во всемъ согласно съ ними. Это мнѣніе высказывалось нашею газетой и до войны, и во время войны, и послѣ войны. Если справедливо то что открываетъ намъ теперь дипломатическая *Agence Générale Russe* объ угрожающихъ намъ новыхъ замѣшательствахъ на Востокѣ, какъ послѣдствіи Берлинскаго конгресса, то этимъ лишь вновь доказывается то что наша газета всегда доказывала, и что впрочемъ въ доказательствахъ не нуждается.

Б.

Невѣроятный казусъ съ Наумомъ Прокофьевымъ получилъ въ полномъ смыслѣ слова всемірную огласку. Интересно что въ заграничной печати „вопросъ" о профессорѣ Боткинѣ настойчиво переносится съ почвы научнаго пререканія въ сферу политическую. Такъ берлинскій корреспондентъ лондонской газеты *Daily News* еще 3 марта (19 февраля по старому стилю) телеграфировалъ слѣдующее въ названную газету: „Вторичное заявленіе профессора „Боткина, поддерживающаго свое мнѣніе „о томъ что у Прокофьева чума, произ„вело здѣсь тревогу въ виду репутаціи „которою пользуется этотъ ученый и то„го участія которое онъ принялъ въ этомъ „дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь нѣкоторые „продолжаютъ думать что онъ ошибся, „или что тутъ происходитъ какая-то та„инственная закулисная игра. Изъ досто„вѣрнаго источника мнѣ сообщаютъ изъ „Петербурга что тамъ подозрѣваютъ въ „всемъ этомъ дѣлѣ нигилистическіе про„иски; говорятъ о томъ что въ числѣ ас„систентовъ г. Боткина имѣются двое со„стоящіе вожаками нигилистовъ; сверхъ „того, указываютъ на то что еще нака„нунѣ обнародованія пресловутаго бюлле„теня о Прокофьевѣ студенты съ торже„ствующимъ видомъ разглашали по горо„ду что въ клиникѣ Боткина оказался чум„ный случай. Достовѣрно то что между „революціонерами замѣтна необычайная „дѣятельность и почти невѣроятная дер„зость." Въ подтвержденіе этого корреспондентъ указываетъ на распространенную революціонерами на другой день послѣ убійства князя Крапоткина прокламацію въ которой изложенъ „смертный приговоръ" произнесенный ими надъ харьковскимъ губернаторомъ. По словамъ корреспондента, существуетъ мнѣніе что нигилисты не остановятся предъ тѣмъ чтобы воспользоваться и чумой для осуществленія своихъ замысловъ.

Но имѣются и другаго рода сообщенія представляющія дѣло съ совершенно противоположной точки зрѣнія. Тутъ профессоръ Боткинъ выставляется мученикомъ своихъ убѣжденій. Вопросъ не въ томъ былъ ли въ Петербургѣ случай чумы или нѣтъ, а въ томъ что этотъ случай послужилъ предлогомъ для политической махинаціи ***противъ*** профессора Боткина ***со стороны правительства!*** Въ послѣднемъ нумерѣ вѣнской *Medicinische Wochenschrift* впервые появилась такого рода *Ehrenrettung* профессора Боткина, и эта корреспонденція не замедлила перейти въ столбцы ежедневныхъ политическихъ газетъ. Сообщеніе корреспондента подготовлено имъ телеграфнымъ сообщеніемъ слѣдующаго содержанія: „Петербургъ, 6 марта. Легкій „предвѣстникъ. Ничего специфическаго. „Знаю многое. Хотѣлъ бы, но немогу; не„обходима величайшая осторожность." Эти лаконическіе и таинственные намеки, переданные по телеграфу, корреспондентъ вѣнской медицинской газеты разъясняетъ подробнѣе письменно. По его словамъ, указанная имъ въ телеграммѣ опасность грозитъ въ Петербургѣ со стороны таможней полиціи всѣмъ кто выказываетъ сочувствіе мнѣнію профессора Боткина, который находится де нынѣ въ открытой борьбѣ съ правителъствомъ. О Наумѣ Прокофьевѣ названный ученый высказался

де первоначально въ такомъ смыслѣ что изъ этого „никакъ нельзя было заключить „будто онъ провозгласисъ его одержимыхъ „чумой.“ Но враги Боткина, „то-есть полиція постоянно окружающая его своими агентами,“ сама де поспѣшила опубликовать что въ его клиникѣ оказался чумный больной, съ единственною цѣлью дабы возбудить тревогу въ публикѣ и вызвать раздраженіе противъ Боткина, для чего де и подстроено было на слѣдующій же день опроверженіе со стороны санитарной коммиссіи „осмѣлившейся заявить“ что Прокофьевъ боленъ сифилисомъ. Члены этой коммиссіи всѣ состоятъ на службѣ, и само де собою разумѣется что они высказались такъ какъ „нужно было правительству.“ Профессоръ Здекауеръ стоявшій во главѣ другой коммиссіи, высказавшейся противъ г. Боткина, дѣйствовалъ де также не безпристрастно, такъ какъ онъ „ненавидитъ Боткина замѣнившаго его въ качествѣ лейбъ-медика.“ Для того чтобы подкопаться подъ профессора Боткина „правительство,“ чрезъ посредство полиціи, старается выставить его сообщникомъ партіи нигилистовъ выдумавшимъ чуму въ Россіи съ тою цѣлью дабы вызвать неудовольствія и смуты и тѣмъ содѣйствовать ниспроверженію существующаго порядка. Были де въ Петербургѣ и другіе случаи сходные съ тѣмъ который констатированъ профессоромъ Боткинымъ; но ни одинъ врачъ не осмѣливается о нихъ заявить.

Мы сочли нелишнимъ привести здѣсь это куріозное сообщеніе, которое любопытно главнымъ образомъ потому что въ немъ намѣренно или наивно изложено дѣло такъ какъ его стараются выставить приверженцы чумы во что бы ни стало. Легковѣрнаго иностранца не трудно было убѣдить въ томъ что общественное мнѣніе по вопросу о Прокофьевѣ находится подъ гнетомъ „полицейскаго террора.“ Увы! терроръ есть, но только не полицейскій; болѣе всѣхъ, повидимому, сама полиція состоитъ подъ гнетомъ „террора ..“

№ 59.

Москва, 8-го марта.

Пренія во французской палатѣ депутатовъ о преданіи суду бывшихъ министровъ „16 мая,“ какъ видно изъ газетъ, были просто фарсомъ. Докладъ г. Бриссона о преданіи суду былъ отклоненъ значительнымъ большинствомъ, но это было достигнуто лишь благодаря компромиссу, вслѣдствіе коего такимъ же большинствомъ былъ принятъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, въ которомъ палата выразила осужденіе министрамъ 16 мая за „ихъ преступное покушеніе противъ республики,“ предавая ихъ суду націи, и рѣшила чтобъ это постановленіе было вывѣшено во всѣхъ общинахъ Франціи.

Такой исходъ уже наканунѣ засѣданія считался предрѣшеннымъ вслѣдствіе рѣшенія кабинета поставить отклоненіе доклада г. Бриссона вопросомъ о довѣріи. Крайніе были очень раздражены этимъ, заявляя что они вовсе не имѣли желанія свергнуть правительство, и что обидно поэтому принуждать ихъ этимъ способомъ отказаться отъ возмездія котораго они такъ давно жаждали. Четыре пятыхъ республиканскаго большинства, какъ говорятъ, готовы были подать голоса за преданіе суду, и неожиданный поворотъ приписываютъ главнымъ образомъ появившейся въ *République Française* статьѣ, внушенной г. Гамбеттой и высказавшейся противъ преданія суду. Что побудило кабинетъ г. Ваддингтона поставить это дѣло кабинетнымъ вопросомъ, или что заставило г. Гамбетту дать ему въ этомъ случаѣ свою поддержку, это недостаточно выяснилось. Доводы высказанные самимъ г. Ваддингтономъ въ его рѣчи отнюдь не раскрываютъ этого; они относились къ соображеніямъ постороннимъ предмету. Едва ли не ближе наводитъ на истинные мотивы сообщенное за недѣлю предъ тѣмъ парижскимъ корреспондентомъ *Times* любопытное извѣстіе о внезапно послѣдовавшемъ изъятіи вкладовъ изъ Французскаго Банка. Съ 1 января по 24 февраля (день выбора новой бюджетной коммиссіи, предсѣдателемъ коей состоитъ тотъ же г. Бриссонъ) поступило въ Банкъ вкладовъ 5% ренты на 150 милліоновъ, а вынуто на 60 милліоновъ; съ 24 же февраля по 4 марта поступило вкладовъ на 41 милліонъ, а вынуто на 221 милліонъ. Фактъ этотъ несомнѣнно указываетъ на нѣкоторую панику овладѣвшую зажиточными классами, хотя о томъ и умалчивали газеты, и всего вѣроятнѣе что это обстоятельство и понудило вожаковъ задуматься, не слиш-

комъ ли быстро идутъ они по наклонной плоскости удовлетворенія крайнихъ крикуновъ партіи. Послѣ широкой амнистіи дарованной коммуникамъ и нѣжной заботливости о нихъ, которая сказывается въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ, г. Лепера, о разрѣшеніи неимущимъ изъ нихъ средствъ дароваго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, найдено было кстати успокоить и консервативную часть публики, но такъ однакожь чтобы не вовсе раздражить радикаловъ, что и сказалось въ компромиссѣ по поводу доклада о преданіи суду кабинета Броль-Фурту.

Результатъ голосованія 13 марта поэтому отнюдь не показываетъ чтобы положеніе кабинета г. Ваддингтона стало болѣе прочнымъ, и не оправдываетъ поспѣшнаго заключенія что республиканское большинство будто бы доказало блистательно свою умѣренность и благоразуміе. Напротивъ, самый характеръ преній свидѣтельствуетъ что большинство не охотно повиновалось наложенной на него уздѣ, и что министерству было трудно выпутаться изъ неловкаго положенія. Рѣчь докладчика, г. Бриссона, была покрыта шумными одобреніями, и послѣ нея, говорятъ, многіе сожалѣли о данномъ имъ обѣщаніи поддержать министерство. Напротивъ, говорившій немедленно за нимъ г. Ваддингтонъ былъ очевидно крайне взволнованъ, бормоталъ едва внятно, и непродолжительная рѣчь его была много разъ прерываема шумомъ то на правой, то на крайней лѣвой сторонѣ, такъ что президенту палаты, г. Гамбеттѣ, не легко было водворять въ ней спокойствіе. Но особенно замѣчательно что возраженія премьера противъ доклада г. Бриссона почти не касались существа дѣла. Не глава кабинета, а другой членъ лѣваго центра, г. Леонъ Рено, бывшій полицейскій префектъ Парижа, имѣлъ смѣлость указать на неблаговидность обстоятельствъ при коихъ возбуждалось обвиненіе противъ потерпѣвшихъ пораженіе политическихъ противниковъ. Онъ понялъ бы еслибы преслѣдованіе началось на другой день послѣ 14 декабря 1877 года: но по прошествіи слишкомъ года палата навлекла бы на себя нареканіе что она выжидала удобной минуты и подготовляла ее. Кромѣ того, г. Рено указалъ что защита обвиняемыхъ министровъ неминуемо вовлекла бы въ процессъ и маршала Макъ-Магона. Г. Ваддингтонъ вовсе упустилъ изъ виду эти весьма вѣскія соображенія. Онъ повидимому заботился только о томъ какъ бы польстить большинству, и его рѣчь преизобиловала реторикой. Возражалъ онъ противъ обвиненія не по существу, а единственно съ практической стороны, говоря что оно возбудитъ смуту въ умахъ и волненіе „въ ущербъ республикѣ,“ тогда какъ странѣ болѣе де всего необходимо посвятить свое вниманіе матеріальнымъ интересамъ. Кстати или некстати, онъ нашелъ нужнымъ упомянуть и о прошлогодней выставкѣ, привлекавшей весь свѣтъ посмотрѣть на Францію „такъ быстро возродившуюся послѣ своихъ бѣдствій и наслаждающуюся, подъ республиканскимъ правительствомъ, безопасностью, согласіемъ и спокойствіемъ,“ и въ заключеніе объявилъ себя „рѣшительнымъ приверженцемъ новѣйшихъ идей.“ Нѣкоторый паѳосъ г. Ваддингтонъ обнаружилъ лишь въ той части своей рѣчи гдѣ самъ онъ вполнѣ соглашался съ сущностью доклада г. Бриссона. „Мы вполнѣ согласны съ вашими предпосылками,“ воскликнулъ онъ, „и расходимся съ вами только въ заключеніяхъ. Мы всѣ знаемъ какъ преступно было предпріятіе 1877 года, и въ мысляхъ не имѣемъ умалять факты, подборомъ коихъ г. Бриссонъ оказалъ великую услугу... Да, эти люди были великіе преступники, Франція никогда не забудетъ ихъ вины, и это будетъ имъ самою справедливою карой.“ Изъ этихъ словъ видно что французскій премьеръ и самъ не видѣлъ причины почему бы не предать суду министерство 16 мая, но просилъ палату не дѣлать этого въ виду желанія страны чтобъ ея представители занялись законодательствомъ о желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ.

Постороннимъ наблюдателямъ трудно понять крайнее озлобленіе раздѣляющее политическія партіи во Франціи и разрывающее націю. Не только докладчикъ, но и первый министръ безпощадно клеймили за „измѣну“ виновниковъ приготовленій въ 1877 къ перемѣнѣ правительства, забывая что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, при столь частыхъ перемѣнахъ образа правленія во Франціи, почти не было режима который бы не насильственно утвердился. И нелогичность изобличеній всего страннѣе въ устахъ приверженцевъ нынѣшней республики, которая обязана своимъ происхожденіемъ именно насилію, когда кучка людей въ Парижѣ, притомъ въ ми-

нуту національнаго бѣдствія, захватила власть въ свои руки. Теперь нынѣшняя форма правленія узаконена выборами. Но такое же утвержденіе было дано націей и имперіи, и кто знаетъ?—можетъ-быть ихъ получили бы и министры 16 мая и 23 ноября, герцогъ де-Броль и генералъ Рашбуэ, если ихъ замыслы имѣли осязательную форму и могли разчитывать на успѣхъ. Въ данномъ же случаѣ, злоба противъ нихъ тѣмъ неумѣстнѣе что замыслы ихъ, какъ оказалось, не были опасны: дѣлались какія-то приготовленія къ покушенію, которое не состоялось по безнадежности.

Г. Литтре, обсуждая въ статьѣ, напечатанной въ *Revue Positive*, лучшія средства для упроченія республики, между прочимъ, говоритъ: „Думать что монархія угасла есть заблужденіе; она лишь тлѣетъ подъ пепломъ нашихъ многихъ пожаровъ.“ Итакъ, вотъ убѣжденіе одного изъ самыхъ искреннихъ республиканцевъ что республика не можетъ еще считаться прочно утвердившеюся во Франціи.

Причина этой непрочности различныхъ режимовъ, поочередно смѣнявшихся во Франціи, есть та что каждый былъ дѣломъ партіи и потому не могъ основать истинно національнаго правленія.

Эта неувѣренность въ прочности правительственной формы, сознаваемая и высказываемая самими республиканцами, есть главное препятствіе къ тому чтобы Франція, нынѣ въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ оправившаяся отъ своихъ бѣдствій, заняла подобающее ей мѣсто въ Европѣ, чего должны желать всѣ искренніе патріоты ея и что не преминуло бы благотворно отозваться на общемъ положеніи Европы.

№ 60.

Москва, 9-го марта.

Германскій рейхстагъ засѣдаетъ уже полтора мѣсяца, а вопросъ о таможенной реформѣ, съ такою рѣшительностью возвѣщенный въ тронной рѣчи и не перестающій занимать всѣ умы, волнуя почти всѣ слои обыкновенно флегматическаго германскаго общества, до сихъ поръ еще не формулованъ правительствомъ въ видѣ опредѣленнаго предложенія. На дняхъ только офиціально заявлено что проектъ новаго тарифа будетъ окончательно изготовленъ вовремя предстоящей пасхальной вакаціи, а рейхстагу онъ будетъ предложенъ послѣ праздника, то-есть въ половинѣ апрѣля. Но напряженіе съ какимъ всѣ ожидаютъ преній по этому важному вопросу такъ сильно что ораторы рейхстага хватались за малѣйшій поводъ такъ или иначе высказаться о занимающемъ всѣхъ предметѣ. Примѣръ этому показалъ самъ князь Бисмаркъ, который произнесъ, въ началѣ сессіи, длинную рѣчь въ защиту своихъ будущихъ проектовъ. Князь Бисмаркъ назвалъ эти обсужденія, лишенныя реальной почвы, „аванпостыми дѣлами“ предшествующими генеральной битвѣ. Одна изъ такихъ стычекъ, и притомъ весьма горячая, произошла въ минувшую субботу, 15 марта. И на этотъ разъ самыя жаркія пререканія касались той стороны проекта князя Бисмарка въ коемъ особенно заинтересована Россія. Одинъ изъ вожаковъ партіи прогрессистовъ, г. Рихтеръ, воспользовавшись статьей обычнаго бюджета о косвенныхъ налогахъ, произнесъ длинную рѣчь въ которой безпощадно критиковалъ всю затѣю князя Бисмарка, и въ особенности возставалъ противъ обложенія привознаго хлѣба. Г. Рихтеръ пришелъ къ тому заключенію что Германія не можетъ обойтись безъ привознаго хлѣба, такъ какъ населеніе ея возрастаетъ въ прогрессіи превосходящей возможность расширенія земледѣлія, даже при условіяхъ искусственнаго поощренія. Во всякомъ случаѣ, пользу отъ возвышенія продажной цѣны на продукты земледѣлія, вслѣдствіе обложенія иностраннаго привоза, могли бы извлечь лишь самые крупные землевладѣльцы, между тѣмъ какъ огромное большинство мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ производятъ лишь необходимое для собственнаго потребленія. Но и тѣ кои извлекутъ выгоду изъ возвышенія цѣнъ, понесутъ по крайней мѣрѣ равную оной потерю вслѣдствіе общаго вздорожанія, необходимаго послѣдствія возвышенія цѣны на предметы первой необходимости. Все это будетъ де имѣть мѣсто при условіяхъ обычнаго урожая: въ неурожайные же годы иностранный производитель хлѣба будетъ вознагражденъ за возлагаемую на него долю тягости въ пользу германской казны, причемъ слѣдуетъ де предвидѣть усиленную и опасную агитацію въ средѣ бѣднѣйшаго населенія, которая въ концѣ концовъ вы-

нудить правительство отмѣнить этотъ тяжкій налогъ; но г. Рихтеръ предвидитъ что въ этомъ случаѣ, въ силу закона реакціи, недовольство и внутреннія смуты не будутъ устранены одною этою уступкой и придется считаться съ броженіемъ страстей которое легко вызвать, но не такъ легко замирить. При этомъ, прогрессистскій ораторъ затронулъ и другую цѣль, которая, согласно предположенію, имѣется въ виду княземъ Бисмаркомъ, а именно таможенную войну противъ Россіи, и высказалъ убѣжденіе что русскіе производители вовсе не почувствуютъ тяжести обложенія, а что оно ляжетъ исключительно на потребителей, то-есть на весь Германскій народъ. Г. Рихтеру пытался возражать г. Кордорфъ, извѣстный защитникъ проекта князя Бисмарка. Онъ доказывалъ что германское земледѣліе имѣетъ возможность, чрезъ болѣе интенсивный способъ воздѣлыванія земли, производить столько хлѣба сколько нужно для Германіи, и что вздорожаніе привознаго хлѣба вовсе не повлечетъ за собою общаго вздорожанія продуктовъ земледѣлія и на внутреннемъ рынкѣ. Сверхъ того, и г. Кордорфъ признается что хлѣбный налогъ долженъ послужить для цѣлей таможенной борьбы противъ Россіи. Вслѣдъ затѣмъ и *Національная Газета* признаетъ что налогъ на привозный хлѣбъ имѣетъ въ глазахъ князя Бисмарка „самою главною, если не единственною, цѣлью,“ воспользоваться имъ какъ средствомъ борьбы противъ Россіи.

Намъ съ самаго начала казалось что такова именно цѣль предпринятой германскихъ канцлеромъ таможенной кампаніи. Но видно въ Германіи очень много разчитываютъ на успѣхъ „запугиваній“ хотя бы пустыми призраками по отношенію къ Россіи, если уже теперь безъ церемоніи указываютъ что въ сущности преусловутый проектъ стѣсненія русскаго вывоза грозитъ Германіи, а не Россіи. Подождемъ окончательныхъ рѣшеній которыя будутъ приняты по этому предмету въ апрѣлѣ Германскимъ рейхстагомъ.

На этой недѣлѣ Германскому рейхстагу предстоитъ обсудить другой вопросъ, тоже весьма щекотливый: это законопроектъ объ измѣненіи организаціи управленія Альзасъ-Лотарингіи. Предполагается измѣнить это управленіе сосредоточивъ оное въ Страсбургѣ, съ учрежденіемъ палаты представителей которая имѣла бы рѣшающій голосъ въ вопросахъ мѣстной администраціи, между тѣмъ какъ теперешняя делегація имѣетъ лишь совѣщательный голосъ и притомъ не избирается непосредственно населеніемъ. Но этотъ проектъ признается мало удовлетворительнымъ. Многіе думаютъ что уже настало время покончить съ тѣмъ переходнымъ положеніемъ въ какомъ находилась до сихъ поръ эта отвоеванная у Франціи „коренная нѣмецкая земля.“ Повидимому и князь Бисмаркъ не прочь былъ бы до извѣстной мѣры удовлетворить этому желанію, насколько по-крайней мѣрѣ отъ этого выиграла бы Пруссія. А Пруссія могла бы выиграть въ двоякомъ смыслѣ: еслибъ Альзасъ-Лотарингія стала полноправнымъ членомъ Германскаго Союза, то это могло бы быть, въ силу германской конституціи, лишь подъ тѣмъ условіемъ чтобы провинція эта стала конституціонною монархіей, а для этого имѣлось въ виду превратить эту провинцію въ апанажъ наслѣдника Германскаго престола. Другой проектъ заключается въ томъ чтобъ Альзасъ-Лотарингія была просто присоединена къ Прусской коронѣ, съ тѣмъ чтобы Пруссія сотвѣтственно этому получила и прибавку голосовъ въ Союзномъ Совѣтѣ. Но и тотъ и другой проекты, какъ должно судить по осторожнымъ заявленіямъ прусскихъ газетъ были приняты съ крайнимъ неудовольствіемъ со стороны остальныхъ членовъ Союза, которые всегда противятся тому что̀ должно повести къ увеличенію могущества Пруссіи. Эта глухая борьба рѣдко выходитъ наружу, но она даетъ себя чувствовать, и князь Бисмаркъ повидимому не считаетъ еще своего созданія настолько упроченнымъ чтобъ идти на открытую борьбу противъ этой антипрусской оппозиціи. Вотъ почему онъ и оставилъ пока въ сторонѣ проекты радикальнаго измѣненія въ положеніи Альзасъ-Лотарингіи, о коихъ съ такою настойчивостью толковали еще недавно.

№ 61.

Москва, 10-го марта.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, въ англійскихъ газетахъ вовсе не было извѣстій изъ Афганистана, какъ будто тамъ и войны никакой нѣтъ.

Прежнія извѣстія оттуда, отъ первой половины февраля, были неблагопріятны для Англичанъ. Изо всѣхъ корреспонденцій было видно что дѣла ихъ не подвигались ни на шагъ, и что въ занятыхъ ими пунктахъ безпокоила ихъ необезпеченность сообщеній. „Повѣсть ежедневныхъ убійствъ въ Хайберскомъ проходѣ становится монотонною,“ писалъ корреспондентъ *Manchester Guardian* изъ Джеллалабада, еще отъ 2 февраля. „Для наказанія за эти частыя нападенія, грабежи и убійства, предпринимались экспедиціи противъ тѣхъ или другихъ враждебныхъ горныхъ племенъ, но онѣ не вели ни къ чему и часто вовсе не имѣли никакого результата.“ Тотъ же корреспондентъ, въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 9 февраля, расказывалъ о двухъ неудачныхъ походахъ предпринятыхъ противъ хищническихъ горцевъ. Въ одномъ, отрядъ отправленный для наказанія племени Хейль въ Базарской долинѣ, послѣ десятидневныхъ утомительныхъ переходовъ смѣнявшихся на лагерныхъ стоянкахъ ночными тревогами, не имѣя все это время другихъ дѣлъ кромѣ сожженія беззащитныхъ деревень, встрѣтилъ наконецъ непріятеля, но въ позиціи такъ сильно укрѣпленной что послѣ рекогносцировки, стоившей Англичанамъ 11 человѣкъ убитыми и ранеными, вступилъ въ переговоры. Отвѣтомъ со стороны горцевъ былъ гордый вызовъ: „Идите сюда; здѣсь наши семейства, и мы всѣ умремъ до послѣдняго прежде чѣмъ вы ихъ тронете.“ И англійскій отрядъ отступилъ подъ предлогомъ что война ведется только противъ эмира, а не противъ жителей. Корреспондентъ съ недовольствомъ передавалъ слухъ что, вмѣсто военныхъ дѣйствій, на этихъ горцевъ предполагалось подѣйствовать посредствомъ подкупа. Другая экспедиція, противъ племени Момандовъ за рѣкой Кабуломъ, кончилась не лучше. Тутъ англійскій отрядъ и настичь не могъ непріятеля. Наконецъ, на одной равнинѣ, въ разстояніи двухъ миль, было замѣчено густое облако пыли какъ бы отъ отступившей большой колонны. Быстро весь отрядъ приготовился къ дѣлу, но внезапно вѣтеръ стихъ, пыль разсѣялась, и не оказалось никакого предмета для нападенія. „Эта экспедиція противъ Момандовъ,“ заключалъ корреспондентъ, „была несомнѣннымъ оскорбленіемъ для британскаго могущества.“ И на западномъ театрѣ войны, въ Кандагарѣ, такъ легко и безъ сопротивленія занятомъ Англичанами, дѣла были не въ лучшемъ положеніи. Тамъ англійскія войска главнымъ образомъ страдали отъ затруднительности доставлять продовольствіе и отъ недостатка фуража, такъ какъ отступившіе афганскіе гарнизоны увезли съ собой весь хлѣбъ. Верблюды на пути падали ежедневно штукъ по пятидесяти. Вслѣдствіе ли этихъ или другихъ причинъ, но Англичане были вынуждены отозвать обратно выдвинутые было ими передовые посты къ Гиришку и Келатъ-и-Гильзаю, а это не могло не произвести невыгоднаго для нихъ впечатлѣнія: „ничто такъ не ободряетъ Афганцовъ,“ писалъ одинъ изъ корреспондентовъ, „какъ видъ отступленія противниковъ.“ Средняя колонна генерала Робертса, какъ извѣстно, еще прежде того должна была оставить долину Хоста. А ко всему этому одинъ корреспондентъ писалъ отъ 12 февраля: „До насъ только что дошелъ слухъ о важномъ пораженіи англійскаго оружія въ Южной Африкѣ. Много ходитъ слуховъ и не знаешь чему вѣрить, но они уже произвели глубокое впечатлѣніе.“

Такимъ образомъ, изъ писемъ англійскихъ же корреспондентовъ, обязанныхъ соблюдать большую осторожность въ передачѣ своихъ сообщеній (корреспондентъ газеты *Standard* былъ высланъ изъ отряда Робертса за критику дѣйствій этого генерала), выходило что успѣхи, которыми хвалились Англичане, нисколько не содѣйствовали усиленію ихъ *престижа*; все подтверждало что Афганцы избрали самый удобный для себя и самый отяготительный для Англичанъ способъ партизанскихъ дѣйствій. Съ этимъ вполнѣ согласуется и воспроизведенное во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты изъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей* весьма интересное сообщеніе доктора Яворскаго, врача нашей миссіи состоявшаго при покойномъ эмирѣ, писанное еще изъ Мазаръ-и-Шерифа. По словамъ доктора Яворскаго, у эмира, предъ отъѣздомъ его изъ Кабула, оставалось еще до 20 баталіоновъ, да въ Мазаръ-и-Шерифскомъ и Гератскомъ военныхъ округахъ находилось до 40 баталіоновъ пѣхоты и 10.000 конницы, которые могли бы въ непродолжительное время быть сосредоточены у Кабула. Онъ подтверждаетъ что Афганцами принята система избѣгать открытыхъ сраженій, нападать на обозы и пути сообщенія противника, не давать ему отдыха по-

стоянными внезапными атаками, и вообще вести мелкую, или партизанскую войну. Но всего замѣчательнѣе въ письмѣ г. Яворскаго его наблюденіе надъ отношеніемъ Афганцевъ къ Русскимъ. „Преданность эмира (письмо было писано еще при жизни Ширъ-Али) и Афганскаго народа Россіи," писалъ онъ, „до такой степени велика что просто изумляешься ей." И это не было только личнымъ расположеніемъ покойнаго эмира: „Эмиръ имѣетъ большое число адресовъ отъ разныхъ афганскихъ племенъ, въ которыхъ высказывается сочувствіе и довѣріе его образу дѣйствій. Многія племена въ этихъ адресахъ просятъ эмира отдаться подъ покровительство Бѣлаго Царя." Вотъ какой результатъ имѣла до сихъ поръ затѣя Англичанъ возвысить свой престижъ на счетъ Россіи.

Въ послѣднее время всякія вѣсти изъ Афганистана притихли потому что, по смерти Ширъ-Али, Англичане все ожидали благопріятнаго результата отъ переговоровъ завязанныхъ ими съ сыномъ и наслѣдникомъ его, Якубъ-ханомъ. Въ полученныхъ однако сегодня англійскихъ газетахъ находимъ телеграммы изъ Индіи, изъ коихъ узнаемъ что эти надежды не оправдались. Якубъ-ханъ повидимому не подаетъ никакого признака, и до 16 марта Индійскому правительству было рѣшительно ничего неизвѣстно о его намѣреніяхъ. „Положительно было ошибочно," телеграфируетъ корреспондентъ *Times* изъ Лагора, отъ 16 марта, „предполагать что Якубъ-ханъ искренно желалъ начать дружескіе переговоры. Утверждаютъ даже что его посланецъ въ своихъ сношеніяхъ съ майоромъ Каваньяри держалъ себя грубо и почти вызывающимъ образомъ." Въ той же телеграммѣ, корреспондентъ вновь высказываетъ скорбь о дурномъ впечатлѣніи произведенномъ на сосѣднія горныя племена отступленіемъ генерала Робертса изъ Хоста. Племена эти находятся де въ сильномъ броженіи и въ постоянныхъ сношеніяхъ чрезъ эмиссаровъ съ Кабуломъ. „Еслибы только Якубъ-ханъ имѣлъ возможность и желаніе оказать имъ матеріальную помощь, то результатомъ была бы весьма неудобная комбинація которая сильно стѣснила бы свободу будущихъ движеній генерала Робертса... Отступленіе отъ Шатаргардана и остановка въ Джеллалабадѣ омрачила блескъ кампаніи, въ которой не было ни одной стычки достойной названія сраженія." Въ виду этого, въ военныхъ сферахъ болѣе чѣмъ когда-либо настаиваютъ на необходимости занять Кабулъ, утверждая что безъ этого англійскіе успѣхи не произведутъ никакого впечатлѣнія въ глазахъ Индіи. Другіе же возражаютъ что такъ какъ не имѣется въ виду завоеванія Кабула, то послѣдующее оставленіе его, послѣ временнаго занятія, произведетъ впечатлѣніе обратное предполагаемому. Впрочемъ, планъ этотъ не могъ бы быть исполненъ ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ между Дакой Джеллалабадомъ и Шатаргарданомъ.

Итакъ, послѣ всей этой зимней кампаніи, Англичане въ сущности почти ничего не достигли и попрежнему не знаютъ какъ имъ быть и что̀ дѣлать съ Афганистаномъ.

Газета *Times* желаетъ выставить эти послѣднія вѣсти ея же корреспондентовъ изъ Афганистана „удовлетворительными какъ только можно было желать". Однако, выводы ея не слишкомъ утѣшительны для ея читателей. Она признаетъ что „война, какъ ни успѣшны ея результаты, не ознаменовалась значительными побѣдами; соединенныя войска Англіи и Индіи сумѣли удержаться въ иныхъ направленіяхъ, но имъ не удалось удержаться въ другихъ." Тѣмъ не менѣе, по ея словамъ, благо уже и то что главныя цѣли войны достигнуты, и что заняты территоріи которыя должны де стать вполнѣ англійскими. Какія же отсюда выгоды? „Новая территорія включитъ не мало племенъ которыя были чрезвычайно безпокойны въ прежнее время и до сихъ поръ тревожатъ линію сообщеній между нашими передовыми постами и базисомъ операцій. Намъ придется имѣть дѣло съ дикими или враждебными толпами людей, не знающими никакой власти, готовыми воевать ради грабежа, и которыхъ нельзя укротить иначе какъ превосходной силой. Затѣмъ, должно будетъ пролагать дороги, возводить форты и водворять въ нихъ гарнизоны, обезпечивать сообщенія." При чтеніи этихъ строкъ едва ли прояснятся лица англійскихъ читателей отъ убѣжденія что „цѣли войны уже достигнуты!" И этотъ „удовлетворительный" взглядъ на „достигнутые" результаты войны *Times* высказываетъ въ предположеніи что война ограничится настоящимъ положеніемъ и что можно обойтись безъ похода на Кабулъ. Но однимъ изъ условій мира должно быть пребываніе англійскаго агента въ Кабулѣ,

—а если Афганцы все-таки не примутъ этихъ условій? Тогда партизанская война можетъ затянуться на безконечное время, и все это на счетъ Индіи, долгъ коей и безъ того въ три года увеличился на 20 милліоновъ. Не дешево обходится Индусамъ поддержаніе въ ихъ глазахъ *престижа* англійскаго могущества.

№ 63.

Москва, 12-го марта.

Экономическіе планы князя Бисмарка имѣютъ въ виду Россію чуть ли не въ большей мѣрѣ чѣмъ Германію. Въ задуманной имъ таможенной реформѣ, которая вскорѣ изъ проекта должна стать закономъ, первенствующее значеніе имѣютъ пошлины на русскіе продукты. Поставляемыя германскимъ канцлеромъ въ тѣсную и неразрывную связь съ таможенною политикой, преобразованія желѣзнодорожныхъ порядковъ равнымъ образомъ должны коснуться русскихъ желѣзныхъ дорогъ едва ли не въ большей степени чѣмъ германскихъ. Что экономическіе планы князя Бисмарка отличаются именно такимъ оригинальнымъ характеромъ, это въ Германіи понимаютъ еще лучше чѣмъ въ Россіи. Во всѣхъ вызванныхъ этими планами толкахъ германской печати, заявленіяхъ германскихъ торговыхъ корпорацій и преніяхъ Германскаго рейхстага только и идетъ рѣчь что о Россіи, объ ея хлѣбѣ и другихъ произведеніяхъ, объ ея желѣзныхъ дорогахъ и портахъ, объ ея таможенныхъ и желѣзнодорожныхъ тарифахъ. По отношенію къ самой таможенной реформѣ голоса въ Германіи раздѣлились; между сторонниками и противниками экономическихъ идей князя Бисмарка идутъ горячіе споры. Но по отношенію къ Россіи между тѣми и другими замѣчается умилительное согласіе; они соперничаютъ между собою лишь въ горечи жалобъ противъ чинимыхъ де Россіей Германіи ущербовъ и притѣсненій. Какъ оказывается изъ этихъ безпрерывно и громко повторяемыхъ жалобъ, предъ Германіей давно уже провинилось, прежде всего, Русское правительство, которое де „вотъ уже 50 лѣтъ держится относительно Германіи самой стѣснительной таможенной системы которая равняется герметической обособленности;“ затѣмъ противъ нея провинились производители русскаго хлѣба сбываемаго въ Германію къ ущербу нѣмецкихъ и къ выгодѣ русскихъ кармановъ; далее противъ нея провинились русскія желѣзныя дороги мѣшающія своими тарифами идти русскому хлѣбу въ Германію и побуждающія его идти къ русскимъ портамъ... Впрочемъ, всѣхъ обидъ которыя выноситъ де отъ Россіи „das duldende Deutschland“ не перечтешь. Дѣло въ томъ что терпѣніе ея наконецъ истощилось. Недовольная всею системой своихъ экономическихъ отношеній къ Россіи, Германія хочетъ всю ее перестроить по своему. Всѣ возраженія противниковъ задуманной княземъ Бисмаркомъ таможенной реформы должны пасть предъ тѣмъ соображеніемъ что эта реформа есть средство борьбы противъ Россіи.

Доискиваться логики во всѣхъ настойчивыхъ жалобахъ противъ Россіи, приводимыхъ въ оправданіе затѣваемой противъ нея экономической борьбы, было бы также напрасно какъ и требовать логичности отъ претензій съ которыми обращался Волкъ къ Ягненку въ извѣстной баснѣ. Наши добрые сосѣди одинаково видятъ кровную себѣ обиду и въ томъ что русскія произведенія идутъ въ Германію, и въ томъ что русскіе желѣзнодорожные тарифы мѣшаютъ русскимъ произведеніямъ идти въ Германію: противорѣчіе явное, и логики тутъ нѣтъ, но дѣло не въ логикѣ, а въ томъ къ чему клонятся заявляемые претензіи и чего разчитываютъ добиться отъ Россіи. Клонятся же эти претензіи къ тому чтобы поставить Россію, по возможности, въ тѣ отношенія къ Германіи въ какихъ, напримѣръ, Турція и Египетъ находится по отношенію къ Англіи и Франціи. Какъ эти послѣднія заботятся о томъ чтобы сдѣлать изъ Турціи и Египта рынки для сбыта исключительно своихъ произведеній, подавивъ въ нихъ ихъ собственную промышленность, такъ и Германія желаетъ обратить Россію въ рынокъ преимущественно германскихъ произведеній, въ подрывъ русской промышленности. Какъ Англія и Франція силятся захватить въ свои руки торговлю всѣми произведеніями Египта и Турціи, причемъ всѣ торговые барыши оставались бы въ рукахъ англійскихъ и французскихъ торговцевъ, а на долю турецкихъ и египетскихъ производителей доставались бы только гроши необходимые для ихъ скуднаго пропитанія;

такъ и Германія желаетъ захватить въ свои руки торговлю русскими отпускными товарами, съ тѣмъ чтобы приходящаяся Россіи доля выгоды отъ этой торговли была доведена до minimum. Желѣзныя дороги сооружаемыя въ Египтѣ и Турціи должны служить интересамъ не ихъ самихъ, а государствъ взявшихъ ихъ подъ свою опеку; точно также и русскія желѣзныя дороги должны служить интересамъ не Россіи, а Германіи. Однимъ изъ главныхъ средствъ закрѣпленія той зависимости въ которую Турція и Египетъ стали по отношенію къ Англіи и Франціи служатъ внѣшніе займы, къ коимъ восточныя страны побуждаются всѣми возможными способами; та же политика примѣняется и относительно Россіи: русскій министръ финансовъ, во время своей поѣздки за границу, былъ, можно сказать, осаждаемъ предложеніями займовыхъ условій, и съ тѣхъ поръ толки о русскихъ внѣшнихъ займахъ почти не прекращаются на Берлинской биржѣ...

Случайно или не случайно, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, обстоятельства слагались самымъ благопріятнымъ образомъ для мирно-завоевательныхъ цѣлей Германіи по отношенію къ Россіи. До Крымской войны, роль которую играла Пруссія въ нашей внѣшней торговлѣ была очень незначительная. Въ сороковыхъ годахъ, напримѣръ, и изъ нашего привоза, и изъ нашего отпуска, на долю Пруссіи не приходилось и десятой части; какъ привозъ, такъ и отпускъ не нуждались въ германскомъ посредничествѣ и производились почти полностію помимо Пруссіи чрезъ русскіе портовые города. Но во время Крымской войны, когда наши порты были заперты непріятельскими флотами, торговля по необходимости должна была измѣнить направленіе. Пруссія вдругъ сдѣлалась почти единственнымъ торговымъ посредникомъ между Россіей и другими странами, всѣ наши торговыя сношенія съ ними въ теченіе трехъ лѣтъ войны могли происходить только черезъ Пруссію. Выгоды для нея отъ такого хода дѣлъ были громадныя; прусскіе порты стали быстро обогощаться, создалось и обогатилось множество торговыхъ фирмъ сдѣлавшихъ своею спеціальностью обороты по русской внѣшней торговлѣ. Не удивительно, конечно, что Пруссіи было желательно удержать за собою всѣ эти выгоды и по окончаніи Крымской войны. Но весьма удивительно то что эти прусскіе интересы были приняты къ сердцу въ Россіи чуть ли не съ большею горячностью чѣмъ въ самой Пруссіи, и что именно русская торговая политика съ замѣчательнымъ усердіемъ старалась подчинить Пруссіи русскую внѣшнюю торговлю. Дѣйствовавшіе цѣлыя восемнадцать лѣтъ сряду наши таможенные тарифы 1850 и 1857 годовъ были разсчитаны именно на то чтобъ иностранные товары шли не прямо въ Россію, а черезъ Пруссію. Со многихъ товаровъ привозимыхъ въ русскіе порты пошлина по этимъ тарифамъ взималась въ полтора раза, вдвое, вчетверо, въ десять и болѣе разъ высшая противъ той какая взималась съ тѣхъ же самыхъ товаровъ если они ввозилась черезъ Пруссію. Понятно что русская привозная торговля, благодаря такимъ тарифамъ, приходила все въ бóльшую зависимость отъ прусскихъ торговыхъ домовъ. Предоставить тѣ же выгоды Пруссіи по русской отпускной торговлѣ должна была постройка русской желѣзнодорожной сѣти. Случайно или не случайно, съ гораздо большимъ успѣхомъ строились тѣ дороги которыя должны были направить нашъ отпускъ не къ русскимъ портамъ, а въ Пруссію. Въ дорогахъ ведущихъ русскіе грузы въ Пруссію не замѣтно тѣхъ удивительныхъ искривленій которыя бросаются въ глаза въ направленіи дорогъ идущихъ къ русскимъ портамъ. Но для князя Бисмарка мало всѣхъ этихъ добровольныхъ услугъ сознательно или безсознательно оказанныхъ Пруссіи Россіей. Чтобъ угодить князю Бисмарку, Россія должна сдѣлать Германіи новыя уступки. Тѣхъ выгодъ которыя извлекаетъ Германія изъ русской внѣшней торговли и изъ русскихъ путей сообщенія для нея недостаточно. При нынѣшнихъ порядкахъ, съ русскаго отпуска взимаютъ должный трибутъ только прусскіе торговые дома; нужно чтобы нашъ отпускъ платилъ трибутъ еще и прямо въ германскую казну. Значительная доля русскихъ грузовъ, которые могли бы по русскимъ дорогамъ идти въ Германію, идутъ въ настоящее время въ Либаву и другіе русскіе порты: этого не должно быть; ни одинъ изъ этихъ грузовъ не долженъ миновать Германію и ускользнуть отъ двойнаго трибута въ пользу прусскихъ торговцевъ и германской казны.

Подобныя притязанія могутъ казаться смѣшными и не заслуживающими вниманія. Но эти притязанія, тѣмъ не менѣе, несомнѣнный фактъ, равно какъ и тѣ мѣры которыя принимаются къ ихъ удовлетворенію. Мѣсяцъ тому назадъ, не безъ нѣкотораго изумленія, читали мы въ органѣ князя Бисмарка, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, горькія сѣтованія на то что улучшеніе экономическихъ дѣлъ Россіи есть результатъ перехода денегъ изъ германскихъ кармановъ въ русскіе вслѣдствіе большаго сбыта русскаго хлѣба въ Германію въ 1877 году, причемъ де, благодаря дифференціальнымъ тарифамъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, на долю русскихъ производителей достались слишкомъ большіе барыши. Сѣтованія эти показались намъ странными, да и не могли не показаться таковыми всѣмъ кто знакомъ съ ходомъ русской отпускной торговли черезъ Пруссію. Извѣстно что не столько сами русскіе производители отправляютъ свои произведенія въ Германію, сколько коммиссіонеры прусскихъ торговыхъ домовъ которые закупаютъ русскіе продукты на мѣстѣ и сдаютъ ихъ на разныя станціи русскихъ дорогъ для доставки къ ихъ германскимъ довѣрителямъ. Какъ бы ни были велики барыши нажитые на русскомъ хлѣбѣ шедшемъ въ 1877 году по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ Германію, барыши эти, при указанномъ ходѣ торговли, ужь никакъ не могли поступить въ карманы русскихъ производителей. Тѣмъ не менѣе, однако, въ указаніяхъ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* на выгоды извлеченныя Россіей въ 1877 году изъ сбыта хлѣба въ Германію есть доля правды. Нѣкоторая часть русскаго хлѣба ввезеннаго въ томъ году въ Германію дѣйствительно миновала рукъ кенигсбергскихъ и данцигскихъ торговыхъ домовъ и ихъ коммиссіонеровъ, доставивъ сравнительно хорошіе барыши не имъ, а русскимъ торговцамъ. При общей цифрѣ ввоза русскаго хлѣба въ Германію на сумму свыше 86.700.000 рублей, отпускъ его туда чрезъ сухопутныя таможни выражается цифрой всего 59.200.000 р. Остальная затѣмъ масса хлѣба на сумму до 27½ милліоновъ рублей проникла въ Германію съ меньшими для Россіи невыгодами, преимущественно чрезъ русскіе балтійскіе порты. Такой относительно выгодный для Россіи оборотъ ея внѣшней торговли былъ прямымъ результатомъ пониженія ея вексельныхъ курсовъ. Благодаря этому пониженію, провозная плата по вычисляемому на звонкую монету, въ маркахъ, тарифу Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго сообщенія стала выше провозной платы къ русскимъ портамъ по тарифамъ внутренняго сообщенія, опредѣленнымъ не въ металлической валютѣ, а въ кредитныхъ рубляхъ. Продержись нѣкоторое время эта разница въ выгодности тарифовъ для русскихъ портовъ сравнительно съ прусскими, и торговыя отношенія между Россіей и Германіей могли бы значительно измѣниться; торговая зависимость наша отъ прусскихъ торговыхъ домовъ могла бы много уменьшиться; вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы возрасти и выгоды извлекаемыя Россіей изъ ея отпускной торговли. Понятно что наши сосѣди ни въ какомъ случаѣ не хотятъ этого допустить. Во всей Германіи поднялась буря противъ русскихъ желѣзнодорожныхъ дифференціальныхъ тарифовъ и немедленно возбужденъ былъ вопросъ объ ихъ отмѣнѣ. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, уже обсуждался въ Парижѣ и въ Берлинѣ, а на дняхъ предстоитъ обсужденіе этого же вопроса представителями русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ.

№ 64.

Москва, 13-го марта.

Сегодня полученныя англійскія газеты принесли намъ уже извѣстный, по сообщенію *Политической Корреспонденціи*, текстъ депеши лорда Солсбери, отъ 26 января, и отвѣта на нее князя Горчакова, содержаніе коего также было сообщено по телеграфу. Документы эти не представляютъ поэтому ничего новаго. По поводу встрѣчающагося въ депешѣ князя Горчакова выраженія что истолкованіе и примѣненіе принциповъ намѣченныхъ Берлинскимъ трактатомъ можетъ подать поводъ къ разногласію во мнѣніяхъ „и что русскіе агенты призываются ходомъ событій поддерживать, въ предѣлахъ трактата, интересы населеній на защиту коихъ мы вели войну,“ газета *Times* замѣчаетъ что именно де этого вовсе не требуется, такъ какъ „очевидно такая точка зрѣнія вовсе не согласуется съ главными цѣлями кои слѣдуетъ имѣть въ виду.“ Вотъ

истинная точка зрѣнія англійской политики! Защита населеній за которыя была ведена Россіей война не только не требуется видами англійской политики, но и не согласуется съ ними... Въ заключеніе своей депеши князь Горчаковъ выражалъ мнѣніе что „общее соглашеніе было бы значительно облегчено еслибы населенія (о коихъ рѣчь) убѣдились что ихъ интересы будутъ надежнымъ образомъ защищаемы Европой, въ тѣхъ же предѣлахъ, когда тамъ уже не будетъ нашихъ войскъ, для ихъ огражденія." На это лондонскій органъ восклицаетъ даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: „Конечно „мы будемъ отвѣтственны за послѣдствія; „но эту отвѣтственность мы и готовы „вполнѣ взять на себя. Прежде всего желательно только чтобы Русскіе очистили „страны къ югу отъ Дуная въ началѣ „мая. А когда это будетъ исполнено, „Европа присмотритъ за исполненіемъ другихъ намѣреній." Ея отнюдь не безпокоитъ возможность новыхъ замѣшательствъ которыя грозятъ вспыхнуть въ Румеліи съ возвращеніемъ турецкихъ властей и войскъ, лишь бы достигнуть главной цѣли интересующей Англію — скорѣйшаго удаленія Русскихъ.

А между тѣмъ въ Англіи очень хорошо должны понимать эти опасности. Наканунѣ опубликованія двухъ упомянутыхъ документовъ Англійскимъ правительствомъ былъ обнародованъ сборникъ документовъ по турецкимъ дѣламъ. Эта новая *Синяя Книга*, болѣе 300 страницъ, состоитъ изъ 152 депешъ и приложеній къ нимъ, относящихся ко времени отъ 18 сентября до 10 декабря прошлаго года. Англійскія газеты почему-то обошли этотъ сборникъ молчаніемъ, и только въ немногихъ находимъ краткое указаніе его содержанія, причемъ главное вниманіе обращается на англійскую депешу, въ которой высказана жалоба на русскаго императорскаго коммиссара, князя Дондукова-Корсакова, который де, въ „частномъ разговорѣ" со вторымъ англійскимъ коммиссаромъ по Восточной Румеліи, осмѣивалъ Берлинскій трактатъ и откровенно высказалъ что не сочувствуетъ англійской программѣ. Кромѣ этого, въ сборникѣ находятся депеши по поводу буйствъ будто бы чинимыхъ Болгарами въ Македоніи.

Впрочемъ, мы не остаемся вовсе въ невѣдѣніи о содержаніи этой *Синей Книги*, благодаря передовой статьѣ которую одна только *Daily News* посвятила ей. Изъ нея мы видимъ что сборникъ этотъ хотя и относится къ прошедшему времени, не совсѣмъ лишенъ интереса, и столько же по своему содержанію сколько по своимъ умолчаніямъ. Такъ, органъ оппозиціи не мало разочарованъ тѣмъ что во всемъ этомъ множествѣ документовъ нѣтъ ничего о дѣйствіяхъ восточно-румелійской коммиссіи, тогда какъ за три мѣсяца обнимаемые обнародованною корреспонденціей, сентябрь, октябрь и ноябрь прошлаго года, Англійское правительство несомнѣнно должно было получить много сообщеній касательно Восточной Румеліи. „Послѣ ходившихъ слуховъ о перемѣнѣ взглядовъ англійскаго коммиссара сэръ-Друммонда Вольфа," замѣчаетъ *Daily News*, „о перемѣнѣ которая совершилась въ его умѣ вслѣдствіе личнаго соприкосновенія съ южными Болгарами, интересно было бы видѣть изъ его собственныхъ депешъ какое у него составилось мнѣніе о вопросахъ которые должны вскорѣ выступить на первый планъ." Но изъ того что въ сборникѣ находится, *Daily News* выводитъ заключеніе отнюдь не въ пользу плановъ англійской политики. „Немногіе „обрывки свѣдѣній касающіеся болгарскихъ жителей Восточной Румеліи", говоритъ *Daily News*, „ясно указываютъ „что они твердо рѣшились не подчиняться безъ борьбы турецкой власти, и подтверждаютъ мнѣніе, высказанное всѣми „наблюдателями на мѣстѣ, что вступленіе „турецкихъ войскъ для занятія предполагаемыхъ гарнизоновъ въ Балканахъ немедленно поведетъ ко враждебнымъ столкновеніямъ." Такъ, напримѣръ, два образованные Болгарина, въ разговорѣ съ англійскимъ консуломъ, г. Брофи, безъ малѣйшаго колебанія признались въ рѣшеніи ихъ соотечественниковъ сопротивляться возвращенію оттоманскихъ властей. И мало того что румелійскіе Болгары такъ прямо заявляли еще минувшею осенью о своей рѣшимости, между ними повидимому была организована доставка пособій своимъ соплеменникамъ въ Македоніи. Въ одной изъ первыхъ депешъ сборника упоминается о митингѣ бывшемъ въ Филиппополѣ, подъ предсѣдательствомъ болгарскаго архіепископа, и на которомъ присутствовало до 2.000 Болгаръ, съ цѣлію „содѣйствовать освобожденію ихъ братьевъ

въ Македоніи." Разумѣется, англійскій посолъ въ Константинополѣ, сэръ-Генри Леярдъ, не преминулъ высказать подозрѣнія, основанныя единственно на его внутреннемъ убѣжденіи, что какъ это возстаніе въ Македоніи, такъ и петиціи Болгаръ въ пользу соединенія Болгаріи съ Восточною Румеліей, были результатомъ русскихъ интригъ. Обвиненіе, однако, не только голословное, но прямо противное извѣстнымъ ему самому фактамъ, ибо г. Пальгревъ, англійскій генеральный консулъ въ Софіи, высказывалъ въ своихъ донесеніяхъ полное убѣжденіе что Русскіе не имѣли никакого отношенія къ Македонскому возстанію. Онъ говоритъ: „Русскіе положительно противодѣйствуютъ движенію волонтеровъ съ болгарской границы, и не только нѣтъ никакого достовѣрнаго доказательства, но даже, насколько я могъ узнать, нѣтъ и основательныхъ поводовъ къ подозрѣнію чтобы Русскіе чѣмъ-либо помогали возстанію." Въ другомъ письмѣ онъ заявляетъ что хотя болгарскіе комитеты и доставляли денежное пособіе инсургентамъ, но что онъ имѣетъ де положительное доказательство что „русскія власти въ Болгаріи принимали и принимаютъ и въ настоящее время серіозныя мѣры чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему сообщенію между провинціей и македонскими инсургентами. Но, прибавляетъ онъ, абсолютно исполнить это вдоль всей данной линіи плохо еще обозначенной горной границы почти невозможно." Эти донесенія консуловъ Брофи и Пальгрева такъ характеристичны что намъ остается пожалѣть что мы не имѣемъ предъ глазами подлинныхъ документовъ.

Но бо́льшая часть *Синей Книги* состоитъ изъ документовъ совсѣмъ иного рода, именно донесеній англійскаго консула въ Адріанополѣ, г. Кальверта, отъявленнаго туркофила, который поставилъ себѣ задачей подбирать непровѣренные разказы объ ужасахъ якобы совершаемыхъ Болгарами, приводимые имъ со словъ Турокъ. Въ туркофильствѣ ему конечно не уступаетъ посолъ Леярдъ, который, на свиданіи съ нѣкоторыми болгарскими депутатами въ Константинополѣ, сказалъ имъ что, вмѣсто того чтобы стараться о соединеніи Румеліи съ Болгаріей, они лучше озаботились бы „прекращеніемъ дикихъ насилій надъ мусульманами коими ихъ соотечественники уничтожаютъ сочувствіе къ ихъ дѣлу въ Европѣ." Какъ ни отрицали болгарскіе депутаты справедливость донесеній консула Кальверга о нападеніяхъ болгарскихъ жителей на Турокъ, ихъ представленія не возымѣли никакого дѣйствія на англійскаго посла, и онъ отпустилъ ихъ выразивъ надежду что они въ состояніи будутъ доказать справедливость своихъ отрицаній. По странной логикѣ г. Леярда, не на обвинителѣ лежитъ обязанность подтвердить обвиненіе, а обвиняемый долженъ доказывать неосновательность онаго.

Но какъ ни пристрастны, какъ ни бездоказательны эти донесенія, разчитанныя съ тѣмъ чтобы набросить тѣнь на Болгаръ, даже на основаніи ихъ, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку, *Daily News* приходитъ все къ тому же заключенію что нельзя ожидать спокойствія когда останутся лицомъ къ лицу племена одушевленныя непримиримою ненавистью. „Каковы бы ни были враждебныхъ племенъ свойства, которыя болѣе двухъ лѣтъ тревожили Европу повѣстью своихъ убійственныхъ раздоровъ, очевидно что устраненіе внѣшней преграды, которою въ настоящее время поддерживается порядокъ, будетъ сигналомъ ко взрыву междуусобной войны самаго ужаснаго рода."

№ 65.

Москва, 14-го марта.

Вчера мы имѣли случай указать на то съ какимъ цинизмомъ первенствующій органъ англійской печати прямо объявляетъ что для „главныхъ цѣлей кои слѣдуетъ имѣть въ виду" англійская политика не имѣетъ надобности заботиться о томъ чтобы предотвратить отъ христіанскаго населенія Восточной Румеліи ту страшную участь которая грозитъ ему когда русскія войска, во исполненіе Берлинскаго трактата, недѣль черезъ шесть удалятся изъ-за Балканъ. Fiat justitia, pereat mundus, а „правосудіе" въ данномъ случаѣ состоитъ въ торжественномъ актѣ Берлинскаго конгресса, въ силу коего соединенная Европа возвратила Туркамъ тѣ самыя провинціи гдѣ еще не истлѣли трупы батакской и филиппопольской боенъ. Впрочемъ, одна ли Англія? Въ этомъ отношеніи можно дѣйствительно говорить объ единодушной Европѣ возбуждающей такое умиленіе въ

Agence Générale Russe. Еще недавно была рѣчь о дополнительной къ Берлинскому конгрессу конференціи для обсужденія вопроса о томъ какъ предотвратить повтореніе смутъ на югѣ отъ Балканъ. На этой конференціи, какъ говорили, настаиваетъ Россія, и хотя примѣры прежнихъ дипломатическихъ собраній этого рода могли бы кажется „успокоить" ревнителей „интересовъ Европы" и убѣдить ихъ что они никакой опасности для Турокъ не представляютъ, тѣмъ не менѣе европейская печать общимъ хоромъ отвергла предложеніе Россіи. Но берлинская печать нашла для себя особенное утѣшеніе въ томъ что конференція, формально не состоявшаяся, фактически все-таки имѣла мѣсто. Утѣшеніе заключается въ томъ что эта „фактическая" конференція произошла въ Берлинѣ, и притомъ насколько это входило въ виды князя Бисмарка. Чрезъ Берлинъ проѣхали въ послѣдніе дни, одинъ за другимъ, лордъ Дэфферинъ, графъ Шуваловъ и генералъ Шанзи. Каждый изъ нихъ имѣлъ тамъ довольно продолжительную остановку и подолгу бесѣдовалъ съ княземъ Бисмаркомъ. Это де и было конференціей. Само собою разумѣется что берлинская печать отговаривается невѣдѣніемъ о томъ что̀ было предметомъ этихъ переговоровъ. Но одинъ изъ значительныхъ органовъ этой печати, *Національная Газета*, резюмируетъ оное, въ видѣ предположенія, слѣдующимъ образомъ: „Пусть каждый исполнитъ *честно* „и безъ задней мысли то что̀ приходится „на его долю изъ Берлинскаго трактата, „и тогда машина будетъ спокойно далѣе „работать. Если же разобрать ее теперь „дабы поправить или замѣнить новымъ хоть „малѣйшее изъ ея колесъ, то едва ли „найдется кто сумѣлъ бы вновь ее составить." И не думайте чтобы берлинская газета какъ-нибудь обольщала себя касательно послѣдствій выхода русскихъ войскъ изъ Румеліи. Нѣтъ, она знаетъ что на Турокъ полагаться нечего, и что если Берлинскій трактатъ будетъ въ этомъ отношеніи „честно" исполненъ, то-есть если русскія войска будутъ замѣнены турецкими, то смуты и злодѣянія возобновятся неминуемо. Тѣмъ не менѣе нужно де лишь заботиться о томъ чтобъ охранить неприкосновенность слаженной берлинскимъ мастеромъ машины. Что за бѣда если она раздавитъ еще нѣсколько десятковъ тысячъ турецкихъ христіанъ, лишь бы только всѣ ея колеса и зубцы остались въ цѣлости, какъ это нужно для исполненія дальнѣйшихъ плановъ мастера?

Замѣчательно что извѣстія идущія изъ французскихъ офиціозныхъ источниковъ звучатъ совершенно въ унисонъ съ этими манифестаціями берлинской печати. *Агентство Гаваса*, которое въ послѣдніе годы рѣдко брало на себя роль вѣстовщика по вопросамъ общеевропейской политики, разослало 20 марта телеграмму о томъ что между Россіей и Англіей, благодаря посредничеству графа Шувалова, состоялось сближеніе, коимъ обезпечено точное и всестороннее исполненіе Берлинскаго трактата и вмѣстѣ спокойствіе Румеліи по выходѣ оттуда русскихъ войскъ. Какіе для этого придуманы способы, того французское агентство не сообщаетъ. Но изъ вчерашняго заявленія лорда Солсбери въ палатѣ лордовъ, переданнаго намъ по телеграфу, мы узнаемъ что Англія руководствуется непоколебимою увѣренностью что Россія очиститъ въ свое время Восточную Румелію, Болгарію и Румынію отъ своихъ войскъ, и что въ этомъ убѣжденіи Англія вывела свой флотъ изъ Мраморнаго Моря. Но флотъ тѣмъ не менѣе остается подъ рукой, и если по мнѣнію султана будетъ представляться какое-либо опасеніе насчетъ точности исполненія трактата со стороны Россіи, то онъ, по заявленію британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ правѣ требовать помощи отъ своего союзника, и англійскій флотъ снова появится въ Мраморномъ и даже въ Черномъ Морѣ. Изъ этого заявленія мы узнаемъ что Англія не только гарантировала Турціи, по конвенціи 4 іюня, неприкосновенность ея азіятскихъ владѣній, коимъ не грозитъ нынѣ никакая опасность, но считаетъ себя ея „союзникомъ," обязаннымъ оказывать ей по первому требованію дѣятельную поддержку и по отношенію къ ея европейскимъ владѣніямъ, если, по *мнѣнію султана*, точному исполненію Берлинскаго трактата будетъ угрожать какая-либо опасность. Вотъ, стало-быть, къ чему сводится французское офиціозное извѣстіе о соглашеніи между Россіей и Англіей „гарантирующемъ спокойствіе въ Восточной Румеліи."

Еще нѣсколько дней тому назадъ одна берлинская газета пустила въ ходъ сенсаціонный слухъ будто между княземъ Бисмаркомъ и французскимъ посломъ при

Берлинскомъ дворѣ произошелъ разрывъ, вслѣдствіе чего г. де-Сенъ-Валье оставляетъ де свой постъ. Этотъ слухъ не только отрицается официознымъ сообщеніемъ появившимся 22 марта во всѣхъ берлинскихъ газетахъ, но сообщеніе это осыпаетъ похвалами какъ г. де-Сенъ-Валье, такъ и французскаго премьера г. Ваддингтона и ту политику которой онъ и президентъ Греви держатся и которая вполнѣ одобряется де Германіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ берлинскія газеты сообщаютъ изъ Парижа что именно въ виду полнаго одобренія и сочувствія оказываемаго г. Ваддингтону за границей, положеніе его какъ министра и главы кабинета крѣпче нежели можно было бы судить по его отношеніямъ къ палатѣ депутатовъ, ибо президентъ Греви рѣшится де скорѣе распустить эту палату нежели пожертвовать министерствомъ г. Ваддингтона.

Не забудемъ однако что извѣстіе о разрывѣ между княземъ Бисмаркомъ и г. де-Сенъ-Валье было передано во всѣ стороны по телеграфу, а берлинскій телеграфъ никогда не позволяетъ себѣ нескромностей неугодныхъ правительству. Слухъ о размолвкѣ какъ будто для того и появился чтобы послужить предлогомъ къ дружественной манифестаціи относительно Франціи...

Все это демонстраціи разчитанныя на дешевый эффектъ. Такимъ образомъ вся Европа оказывается противъ насъ, и мы остаемся изолированы. У насъ есть нѣжные друзья, но нѣтъ союзниковъ, такъ какъ союзы между государствами основываются не на платоническихъ чувствованіяхъ, а на солидарности интересовъ. Мы всегда будемъ изолированы и наша политика никогда не можетъ имѣть успѣха въ совѣтахъ Европы пока мы будемъ оставаться безъ такихъ реальныхъ союзовъ. Это понятно, какъ понятно также и то что, при данныхъ условіяхъ, у насъ внутри горсть злоумышленниковъ, управляемыхъ очевидно постороннею и враждебною рукой, издѣвается надъ могущественнымъ правительствомъ, загоняетъ брошенную и ничѣмъ не огражденную молодежь въ сѣти своей организаціи, высылаетъ чуть не ежедневно тайныхъ убійцъ которые совершаютъ свое дѣло съ демонстративнымъ хвастовствомъ, среди бѣлаго дня, на улицахъ столицы, въ виду многочисленной полиціи. Вчера было совершено покушеніе на шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Дрентельна. Богъ помиловалъ, но злоумышленникъ, по обычаю, скрылся. Завтра вѣроятно появится прокламація подземнаго ржонда съ объявленіемъ мотивовъ неудавшейся „казни“ и съ опредѣленіемъ срока когда имѣетъ послѣдовать ея возобновленіе...

За непринятіемъ никакихъ другихъ серіозныхъ мѣръ къ прекращенію зла, что бы хоть возстановить недавній обычай полицейскихъ начальниковъ ѣздить съ конвойными? Бывало оберъ-полицеймейстеръ ѣздилъ по улицамъ не иначе какъ съ тремя казаками; въ ту пору это было не очень нужно, а теперь это было бы мѣрой весьма не лишнею и не для однихъ полицеймейстеровъ...

№ 66.

Москва, 15-го марта.

Едва ли при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ любомъ европейскомъ государствѣ выпадала иностранцамъ такая львиная доля выгодъ какъ при постройкѣ русской желѣзнодорожной сѣти. Не дешево досталась Россіи эта сѣть, и дорогою цѣной продолжаетъ она за нее расплачиваться. Не десятки, а сотни милліоновъ нажиты иностранцами при выпускахъ русскихъ желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій. Между прочимъ, многія, нынѣ первостепенныя, франкфуртскія и особенно берлинскія банкирскія фирмы создались и выросли именно благодаря этому источнику. Массы реализованныхъ за границей русскихъ желѣзнодорожныхъ бумагъ, превосходящія массу облигацій собственно государственныхъ внѣшнихъ долговъ, играли едва ли не главную роль въ постепенномъ подчиненіи нашихъ биржъ иностранцамъ, въ созданіи той крѣпостной зависимости въ которой нынѣ находится Петербургская биржа отъ Берлинской. Ежегодно наживаемые иностранцами, благодаря этой зависимости, крупные и вѣрные барыши на русскій счетъ отъ спекуляцій русскими бумагами не поддаются исчисленію. О томъ что доходы отъ эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ идутъ не столько въ русскіе сколько въ чужеземные карманы, и что по недостаточности этихъ доходовъ русской казнѣ приходится ежегодно приплачивать по гарантіямъ милліоны нѣтъ

надобности упоминать. Но однѣми подобными выгодами отъ русскихъ дорогъ наши заграничные друзья не желаютъ довольствоваться. Ко столь дорого обошедшимся намъ желѣзнымъ дорогамъ безцеремонно предъявляется изъ-за границы такая претензія: онѣ должны оказывать сколь можно бóльшія услуги не Россіи, которая такъ тяжело за нихъ платится, а Германіи, которой наши дороги ничего не стоили.

На направленіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ Германія едва ли имѣетъ поводы сѣтовать. Какъ устья протекающихъ по Россіи рѣкъ Вислы и Нѣмана принадлежатъ не намъ, а Пруссіи, такъ въ ней же лежатъ и конечные пункты торговаго движенія значительной части нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Мы отличались замѣчательною любезностью къ Пруссіи при планированіи нашей рельсовой сѣти. Мы дополняли эту сѣть согласно ея указаніямъ и ходатайствамъ. Мы не воспротивились даже постройкѣ Бресто-Граевской дороги, нужной не намъ, а Пруссіи не только въ экономическомъ, но и въ стратегическомъ отношеніи, и принудившей насъ, въ видахъ самозащиты, тратиться на новыя фортификаціонныя сооруженія. Но если не направленіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, то ихъ тарифы вызываютъ въ Германіи страшное негодованіе. Эти тарифы дѣлаютъ то что хлѣбъ выгоднѣе везти изъ Ромна въ Либаву, а изъ Орла въ Ригу чѣмъ въ Кенигсбергъ, и это до глубины души возмущаетъ нашихъ добрыхъ сосѣдей; такіе тарифы, по ихъ мнѣнію, не могутъ быть терпимы. Изощрившись сама въ комбинированіи своихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ съ цѣлью давать и своимъ и чужимъ грузамъ желательное ей направленіе, при помощи, между прочимъ, усердно практикуемой тамъ системы произвольныхъ скидокъ съ общей нормальной провозной платы въ разныхъ частныхъ случаяхъ, Пруссія не считаетъ возможнымъ допустить чтобы подобныя комбинаціи желѣзнодорожныхъ тарифовъ практиковались въ Россіи. Русскіе порты должны быть лишены оказываемаго имъ русскими желѣзнодорожными тарифами поощренія. Тарифъ Русско-Германскаго сообщенія, поскольку онъ относится къ русскимъ дорогамъ, долженъ быть пониженъ какъ того требуютъ интересы Кенигсберга и другихъ прусскихъ портовъ. Таковъ смыслъ возбужденнаго Германіей и какъ нельзя болѣе рѣзко поставленнаго вопроса, для обсужденія коего собираются нынѣ въ Петербургѣ представители русскихъ желѣзныхъ дорогъ входящихъ въ составъ Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго союза или стоящихъ къ этому союзу въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ.

Цѣль съ какою возбужденъ этотъ вопросъ заключается въ подавленіи той самостоятельности которую начала было проявлять русская торговля долженствующая, по мнѣнію нашихъ сосѣдей, находиться въ ихъ рукахъ. Ради этой цѣли русскія дороги должны подчиниться законамъ предписываемымъ изъ Берлина чрезъ посредство Восточно-Прусской дороги, завѣдующей всѣми дѣлами Русско-Германскаго желѣзнодорожнаго союза и въ то же время находящейся въ прямой зависимости отъ Германскаго правительства. Изъ русскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ должно быть устранено то что способно давать русскимъ грузамъ выгодное Россіи направленіе. Русскія дороги должны вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ равноправности со своими заграничными союзницами, отъ права получать плату за международную перевозку грузовъ по тому же разчету по какому получаютъ ее заграничныя дороги. Вмѣсто общаго для всѣхъ тарифа, русскія дороги должны согласиться на *смѣшанный*, по которому ихъ работа по международной перевозкѣ будетъ оплачиваться кредитными рублями, какъ бы ни понизился ихъ курсъ, а работа заграничныхъ дорогъ—звонкою монетой. Затѣмъ самая классификація товаровъ по разрядамъ желѣзнодорожнаго тарифа на будущее время должна быть принята не та которая существуетъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а новая, введенная въ недавнее время на германскихъ дорогахъ и приноровленная къ германскимъ интересамъ.

Всѣ эти условія должны быть приняты русскими желѣзными дорогами подъ страхомъ исключенія ихъ изъ международнаго союза, и въ Германіи серіозно разчитываютъ что угрозы эти подѣйствуютъ. Но Россія не имѣетъ никакихъ основаній дорожить поддержаніемъ того желѣзнодорожнаго союза изъ котораго ее грозятъ исключить. Русскіе грузы въ своемъ движеніи слишкомъ мало пользуются входящими въ этотъ союзъ заграничными дорогами. По своей громоздкости они есте-

ственно стремятся какъ можно скорѣе перейти съ желѣзнодорожнаго сообщенія на болѣе дешевое морское. Пробѣгая тысячеверстныя разстоянія по русскимъ дорогамъ, наши грузы проходятъ затѣмъ по германскимъ дорогамъ большею частію лишь короткія разстоянія отдѣляющія русскую границу отъ прусскихъ портовъ. Всѣми прочими рельсовыми путями раскинувшагося чуть не по всей Европѣ Русско-Германскаго союза наши грузы, можно сказать, вовсе не пользуются. Совсѣмъ въ иномъ отношеніи стоитъ Германія ко входящимъ въ союзъ русскимъ дорогамъ. Пруссіи необходимо пользоваться ими на громадныхъ протяженіяхъ. Ясно что Германія во много разъ болѣе чѣмъ Россія заинтересована въ удобствахъ Русско-Германскаго сообщенія, и что не со стороны Германіи, а развѣ со стороны Россіи могла бы имѣть смыслъ угроза разрыва желѣзнодорожнаго союза. А насъ этимъ разрывомъ пугаютъ! Что̀ бы это значило? Предполагается, конечно, что то что̀ не есть угроза для Россіи можетъ быть угрозой для нѣкоторыхъ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ; предполагается что русскія дороги десять разъ подумаютъ и пойдутъ на всевозможныя уступки прежде чѣмъ рѣшатся перечить требованіямъ Восточно-Прусской дороги. И нельзя сказать чтобы предположенія эти были совсѣмъ безосновательны. Къ сожалѣнію, должно сказать что шансы борьбы русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ германскими дѣйствительно весьма не равны. Частные интересы многихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, благодаря данному имъ ошибочному направленію, расходятся съ русскими государственными и идутъ на встрѣчу интересамъ германскимъ. Напримѣръ, Главное Общество Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ не разъ дружило Кенигсбергу и вредило Либавѣ не меньше Бресто-Граевской дороги. Солидарности и взаимной поддержки между русскими дорогами не замѣчается; напротивъ, всѣ онѣ смотрятъ врозь и часто стремятся только къ тому чтобы комбинировать свои тарифы въ подрывъ одна другой, внѣ всякихъ соображеній объ экономическихъ и иныхъ государственныхъ интересахъ. Между тѣмъ, противъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ германскія дороги стоятъ какъ одна компактная масса, и почти половина ихъ уже нынѣ находится въ непосредственной зависимости отъ правительства, которое имѣетъ такимъ образомъ возможность давать какое хочетъ направленіе всей желѣзнодорожной политикѣ. И вотъ, при такомъ неравенствѣ шансовъ, очень хорошо сознаваемомъ собирающимися въ Петербургѣ представителями русскихъ желѣзныхъ дорогъ, имъ предстоитъ обсуждать поставленный Германіей вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависятъ не одни интересы владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ акцій, а можно сказать самый характеръ будущихъ торговыхъ отношеній между Германіей и Россіей. Надобно полагать что именно на сознаніи этого неравенства шансовъ зиждется и та увѣренность съ какою князь Бисмаркъ настаиваетъ на своей направленной противъ Россіи таможенной реформѣ. Наложивъ свою руку на русскія желѣзныя дороги, заставивъ ихъ измѣнить какъ ему хочется тарифы, онъ, конечно, обезпечитъ себѣ ту дань которую предположилъ взимать съ русскаго отпуска, а кѣмъ именно, въ конечномъ результатѣ, будетъ эта дань уплачена, русскими ли производителями, русскими ли желѣзными дорогами, или Русскимъ правительствомъ въ формѣ приплатъ по гарантіямъ, это ему конечно все равно. Странно только что не ожидая отпора отъ русскихъ желѣзнодорожныхъ правленій, онъ повидимому не опасается никакого отпора и со стороны самого Русскаго правительства... Есть даже основанія предполагать что въ разсчеты Германіи входитъ чтобы само Русское правительство, особымъ международнымъ актомъ, помогло ему въ подчиненіи русскихъ дорогъ германскимъ законамъ.

Въ маѣ минувшаго 1878 года, въ Бернѣ, по иниціативѣ Швейцарскаго правительства, собиралась международная желѣзнодорожная конференція представителей не какихъ-нибудь желѣзнодорожныхъ обществъ, а самихъ правительствъ разныхъ государствъ, въ томъ числѣ Германіи и Россіи. Предметомъ совѣщаній этой конференціи были проекты *международной конвенціи* о перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ и проектъ конвенціи объ учрежденіи *международной коммиссіи* для высшаго наблюденія за исполненіемъ первой конвенціи и для разбора претензій могущихъ возникнуть при ея исполненіи. Задача проектируемаго международнаго договора сходствуетъ съ задачами какія имѣлись въ виду при заклю-

ченіи общенароднаго почтоваго союза,— установленіе права каждаго государства на желѣзныя дороги въ чужихъ территоріяхъ и такая реформа желѣзнодорожныхъ порядковъ въ каждомъ государствѣ которая отвѣчала бы не мѣстнымъ только потребностямъ и условіямъ, а также потребностямъ и условіямъ другихъ государствъ. Заключеніе подобнаго договора требуетъ, конечно, какъ и было замѣчено предсѣдателемъ Бернской конференціи, чтобы каждое изъ участвующихъ въ ней государствъ, ради общихъ выгодъ поступилось частичкою своей свободы. Преимущественно же придется въ данномъ случаѣ поступиться своею свободой Россіи въ пользу Германіи. По первоначальному предположенію, основаніемъ для преній конференціи долженъ былъ служить швейцарскій проектъ; но въ дѣйствительности въ основаніе ихъ легъ контръ-проектъ предложенный никогда не забывающею своихъ интересовъ Германіей, и ея проекту на конференціи почти во всемъ отдано было предпочтеніе предъ швейцарскимъ. Во время преній, русскимъ представителямъ, очень часто остававшимся въ меньшинствѣ, не разъ приходилось указывать на то что многія изъ проектируемыхъ правилъ не совсѣмъ-то удобны для русскихъ дорогъ, и что поэтому наши желѣзныя дороги откажутся имъ подчиниться. При этомъ представители Россіи высказались въ томъ смыслѣ что правительства не могутъ возлагать на желѣзнодорожныя общества такія обязательства которыя противорѣчили бы правамъ этихъ обществъ основывающимся на ихъ концессіяхъ. Но представители Германіи категорически выразили, впрочемъ небезосновательное (особенно по отношенію къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, строившимся преимущественно на казенныя, а не на частныя средства), мнѣніе что *правительство не только въ правѣ, но даже обязано предписывать къ исполненію обществамъ имѣющимъ монопольный характеръ всѣ тѣ правила которыя вызываются общественными интересами, такъ какъ концессія не можетъ быть считаема частнымъ договоромъ.*

Въ силу этого принципа, Россія, по мнѣнію Германіи, могла бы принудить русскія дороги подчиниться тѣмъ правиламъ которыя имѣютъ быть выработаны въ Бернѣ, гдѣ конференція въ непродолжительномъ времени должна собраться вновь. (Теперь выработанные ею проекты разсматриваются каждымъ государствомъ порознь; между прочимъ въ Петербургѣ обсуждаются представленныя на проектъ замѣчанія со стороны русскихъ желѣзныхъ дорогъ). Но полагая что Русское правительство можетъ понудить свои дороги подчиниться тѣмъ правиламъ которыя выработаетъ Бернская конференція подъ вліяніемъ Германскаго правительства, Германія, повидимому, не допускаетъ и мысли чтобы Русское правительство могло наложить свое veto на тѣ не согласныя съ государственными интересами уступки которыя будутъ, пожалуй, сдѣланы русскими дорогами въ угоду князю Бисмарку по вопросу о тарифахъ Русско-Германскаго сообщенія.

№ 67.

Москва, 16-го марта.

Между державами идутъ переговоры о смѣшаномъ занятіи Румеліи. По извѣстіямъ изъ Вѣны, вопросъ этотъ считается почти окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ въ пользу такой мѣры высказались де Англія и особенно Германія; дѣло стало только за Турціей, которая всѣми силами возстаетъ противъ этого. Нашъ берлинскій корреспондентъ увѣдомляетъ что Англія берется уговорить Турокъ, но не ручается за успѣхъ...

Эти новые переговоры отлично характеризуютъ то „буквальное“ исполненіе Берлинскаго трактата которое такъ недавно еще наши противники ставили непремѣннымъ условіемъ для выхода изъ затрудненій на Востокѣ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ очень существенное отступленіе какъ отъ буквы, такъ и отъ духа Берлинскаго трактата, и за эту идею ратуютъ какъ Германія, подъ эгидой коей происходили знаменитыя совѣщанія европейскаго ареопага, такъ и Англія, виновница и ревнивый стражъ трактата!

Этотъ планъ не новость. Давно уже косвеннымъ образомъ заговаривали о немъ вѣнскія телеграммы и корреспонденціи англійскихъ газетъ, но въ видѣ утопіи, признавая всю трудность дать этой мысли практическую форму. А между тѣмъ зашла было рѣчь о другомъ планѣ, кото-

рый не представлялъ трудностей. Не далѣе какъ на прошедшей недѣлѣ пошли слухи о представленіяхъ Портѣ чтобъ она назначила генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи то самое лицо которое будетъ избрано на Болгарское княженіе. Тутъ не было бы ни малѣйшаго нарушенія Берлинскаго трактата; напротивъ, такая сдѣлка могла бы наилучшимъ образомъ согласить всѣ стороны именно на почвѣ Берлинскаго трактата. Прежде всего намекъ на такое соглашеніе былъ данъ въ замѣткѣ *Agence Havas* о сближеніи между Англіей и Россіей въ вопросѣ о Восточной Румеліи. Затѣмъ, подробнѣе объ этомъ было разказано въ письмѣ изъ Лондона въ вѣнскую *Политическую Корреспонденцію.* Въ виду ходившихъ слуховъ о перемѣнѣ во взглядахъ Британскаго кабинета, пояснялось что хотя онъ и продолжалъ держаться на почвѣ Берлинскаго трактата, но событія на Балканскомъ полуостровѣ произвели де на него впечатлѣніе и убѣдили его что національное движеніе въ Болгаріи нельзя оставлять безъ вниманія. Поэтому, во взглядахъ Британскаго кабинета произошла де перемѣна. Прежде всего онъ будто бы вовсе оставилъ идею, выраженную въ депешѣ лорда Солсбери, предоставить самой Турціи возстановить вооруженною силой, если необходимо, свою власть въ Восточной Румеліи. Но въ то же время лордъ Солсбери былъ де и *противъ* смѣшаннаго занятія. А потому не оставалось де ничего болѣе какъ успокоить агитацію въ Восточной Румеліи нѣкоторою уступкой населенію безъ существеннаго измѣненія Берлинскаго трактата, и разрѣшеніе этой задачи Англійское правительство придумало де въ томъ чтобы Порта назначила генералъ-губернаторомъ Румеліи лицо избранное въ Болгарскаго князя, причемъ какъ верховная власть султана надъ южною провинціей, такъ и стратегическая граница между ею и Болгаріей остались бы безъ измѣненія. Въ заключеніе письма утверждалось что переговоры въ этомъ смыслѣ были начаты *изъ Лондона*, и что инструкціи данныя лорду Дёфферину касательно Румелійскаго вопроса и поѣздка графа Шувалова находятся въ связи съ этою иниціативою Британскаго кабинета.

Таково было первое положительное объясненіе слуховъ, которые предъ тѣмъ смутно носились въ печати. Но вотъ что̀ любопытно. Помѣстивъ означенное письмо изъ Лондона, *Политическая Корреспонденція* тутъ же нашла нужнымъ пояснить читателямъ что̀, по ея „собственнымъ свѣдѣніямъ,“ дѣло изложено невѣрно, и что проектъ такого личнаго соединенія Болгаріи съ Румеліей исходитъ не изъ Лондона, а изъ Петербурга. Это было подхвачено всею вѣнскою офиціозною печатью, которая хоромъ принялась защищать Англію отъ подозрѣній въ такихъ мысляхъ. Вѣнскій корреспондентъ *Times* съ негодованіемъ обозвалъ даже „дерзостью“ попытку приписать означенный планъ Британскому правительству, тогда какъ, по его словамъ, усилія Англіи „направлены не столько къ тому чтобъ уступками успокоить агитацію въ Восточной Румеліи, угрожающую опасностями, сколько къ изысканію способовъ преодолѣть это движеніе.“ Въ поясненіе же того какимъ образомъ предполагается достигнуть этой цѣли, корреспондентъ прибавлялъ: „если Британскій кабинетъ не приглашаетъ Порту отправить войска въ Восточную Румелію, согласно 16 статьѣ Берлинскаго трактата, то онъ отнюдь не отказался отъ идеи смѣшаннаго занятія.“

И вотъ, первая идея изложенная въ лондонскомъ письмѣ вдругъ отодвинулась на заднiй планъ, уступивъ мѣсто проекту смѣшаннаго занятія.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Times*, вѣнскій корреспондентъ этой газеты приписываетъ графу Шувалову *revirement* будто бы совершившійся на дняхъ въ русской политикѣ. Онъ де имѣлъ мужество указать на противорѣчіе заявленій правительства Россіи съ дѣйствіями его агентовъ въ Румеліи, на несостоятельность надеждъ добиться соглашенія державъ на какія-либо перемѣны въ Берлинскомъ трактатѣ; затѣмъ онъ будто бы убѣдилъ правительство покориться неизбѣжному, дѣйствовать совокупно съ Европой и не противиться идеѣ смѣшаннаго занятія. Тонъ этого сообщенія гораздо болѣе указываетъ на *pia desideria* Австрійскаго правительства чѣмъ на фактъ. Виды Австріи на расширеніе своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ хорошо всѣмъ извѣстны, и она была бы не прочь получить новое „полномочіе“ отъ Европы. Дѣйствительно, графъ Андраши еще въ одно изъ засѣданій Берлинскаго конгресса, на замѣчаніе русскихъ уполномоченныхъ о крат-

кости срока назначеннаго для пребыванія русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ, подалъ впервые мысль о смѣшанной оккупаціи. Теперь, какъ видно, Австрійскому правительству вновь удалось привести кабинеты къ своей идеѣ, благодаря сильному содѣйствію князя Бисмарка.

Но эта идея едва ли окажется легкою въ исполненіи. Коль скоро обсужденіе ея перейдетъ на практическую почву, то придется устранить всякую игру словъ, и прежде всего опредѣлить что̀ означаютъ слова: „смѣшанное занятіе." Идея эта включаетъ признаніе въ невозможности исполнить Берлинскій трактатъ какъ онъ есть, то-есть допустить турецкія войска въ Румелію по уходѣ оттуда русскихъ. Продленіе русской оккупаціи конечно не желательно нашимъ противникамъ. Также не легко было бы замѣнить русскія войска другими, принадлежащими какой-либо нейтральной державѣ, напримѣръ французскими или италіянскими. Едва ли бы нашлись охотники взять на себя эту неблагодарную задачу. На согласіе же всѣхъ поручить эту добрую услугу *одной* Австріи она едва ли могла бы надѣяться, такъ какъ она отнюдь не можетъ считаться державой нейтральною и незаинтересованною. Вотъ почему гораздо проще было заговорить болѣе невиннымъ образомъ о „смѣшанной" оккупаціи. Однако все-таки придется опредѣлить: чьи же войска будутъ участвовать въ этомъ совокупномъ дѣлѣ? Затѣмъ сколько трудностей при вопросахъ о разграниченіи смѣшанныхъ войскъ, объ отношеніи ихъ къ администраціи занятой провинціи, о расходахъ на эту оккупацію! Далѣе придется ясно поставить самую цѣль занятія и точно опредѣлить срокъ его. Конечно, европейскія войска не могутъ же придти только затѣмъ чтобы подавивъ оппозицію Болгаръ насильно водворить турецкіе гарнизоны въ Румеліи и затѣмъ удалиться. Если же единственною цѣлью такого занятія будетъ дать время успокоиться волненію умовъ въ населеніи провинціи, то этою самою мѣрой именно и будетъ создано непреодолимое препятствіе къ тому буквальному исполненію Берлинскаго трактата которое теперь выставляется какъ непреложный законъ. Чѣмъ болѣе продлится спокойствіе Румеліи, тѣмъ яснѣе окажется невозможность и несправедливость лишить ея жителей этого блага. Турки очень хорошо понимаютъ это, сопротивляясь идеѣ смѣшаннаго занятія.

Наконецъ, оккупація, если только за нею не скрываются иные планы, не можетъ длиться неопредѣленное время. А какой бы срокъ не назначить для смѣшаннаго занятія, даже если бы такъ или иначе были улажены всѣ другіе трудные и щекотливые пункты къ нему относящіеся, по истеченіи срока возникнутъ съ вящею силой тѣ самыя затрудненія въ Восточной Румеліи кои предполагается избѣжать столь якобы простымъ способомъ.

Идея смѣшаннаго занятія вызываетъ столько сложныхъ вопросовъ что, вопреки всѣмъ увѣреніямъ о серіозномъ обсужденіи ея державами, позволительно сомнѣваться чтобъ она могла перейти въ дѣло.

№ 68.

Москва, 17-го марта.

Проектъ смѣшанной оккупаціи Восточной Румеліи, сопряженный съ большими трудностями, былъ бы существеннымъ отступленіемъ отъ буквальнаго смысла Берлинскаго трактата, о неприкосновенности коего такъ всѣ хлопочутъ. На этомъ основаніи мы выразили сомнѣніе въ томъ чтобы проектъ этотъ могъ перейти въ дѣло. Но вслѣдъ затѣмъ, телеграмма изъ Лондона, передававшая содержаніе преній, происходившихъ третьяго дня въ англійской палатѣ общинъ, принесла намъ офиціальное подтвержденіе изъ устъ канцлера казначейства, г. Норткота, что переговоры о смѣшанной оккупаціи Восточной Румеліи дѣйствительно теперь ведутся, и что они возбуждены русскимъ циркуляромъ. Подождемъ — увидимъ. Но пока любопытно то что телеграммы изъ Петербурга, неизвѣстно кѣмъ разсылаемыя въ иностранныя газеты чрезъ посредство берлинскаго *Вольфова Агентства* и почитаемыя за границей офиціозными, выставляютъ дѣло такъ какъ будто предложеніемъ о смѣшанномъ занятіи Южной Болгаріи дано новое удостовѣреніе въ готовности „исполнить въ точности Берлинскій трактатъ," въ противоположность рекомендуемаго русскою печатью продолженія русскаго занятія этой провинціи. Берлинская печать, съ своей стороны, усматриваетъ въ сказанномъ проектѣ признакъ сближе-

нія между Англіей и Россіей и всячески поддерживаетъ слухъ объ этомъ сближеніи. Въ этомъ смыслѣ толкуется и рѣчь лорда Солсбери въ палатѣ лордовъ, произнесенная имъ 24 марта, въ которой онъ съ такою безцеремонностью пригрозилъ Россіи не только возвращеніемъ британскаго флота въ Мраморное Море, но и вступленіемъ онаго въ Черное, на случай еслибы, по мнѣнію султана, представлялась для этого надобность дабы принудить Россію къ точному исполненію того что Турція считаетъ буквальнымъ толкованіемъ Берлинскаго трактата. Изъ устъ лорда Солсбери мы узнали въ первый разъ и то что Англія успѣла уже расширить свой оборонительный союзъ съ Турціей заключенный 4 іюня, и считаетъ себя охранительницей по формальному обязательству не только азіятскихъ, но и европейскихъ владѣній султана. По мнѣнію берлинской печати, Россіи можно говорить въ глаза подобныя угрозы, и это не только не есть оскорбленіе ея достоинства, но еще можетъ быть истолковано въ смыслѣ сближенія.

Сближеніе это выставляется, сверхъ того, въ такомъ свѣтѣ какъ будто бы оно уже успѣло возбудить ревность другихъ, такъ что были де уже пущены въ ходъ средства разстроить слагающуюся дружбу, и вотъ для какой цѣли была обнародована пресловутая нота лорда Солсбери отъ 26 января, исполненная столь рѣзкихъ и оскорбительныхъ выходокъ противъ Россіи. Въ иностранныхъ газетахъ мы находимъ по этому поводу любопытное раскрытіе. Сказанная нота была де сообщена конфиденціально всѣмъ европейскимъ кабинетамъ, съ предписаніемъ оставить съ оной копіи. Французское правительство также получило такую копію и сообщило ее своему представителю въ Константинополѣ, г. Фурнье. Г. Фурнье, объ интимныхъ отношеніяхъ котораго къ Портѣ давно уже идетъ рѣчь, побудилъ ее „подшутить“ надъ Англіей и сдѣлать ей непріятность чрезъ обнародованіе этой ноты. Порта охотно де приняла это предложеніе, будучи не прочь съ одной стороны взбѣсить своихъ опекуновъ на берегахъ Темзы, а съ другой—надѣясь разстроить какія-то попытки Россіи сблизиться съ Англіей. Турецкому посольству въ Вѣнѣ было предписано обнародовать ноту. Посольство имѣло первоначально въ виду сообщить оную для напечатанія въ газетѣ *Neue Freie Presse*; но такъ какъ послѣдняя слишкомъ хорошо извѣстна за преданный Турціи органъ, то дабы въ Петербургѣ не могли догадаться кто именно виновникъ этой дипломатической нескромности, она была передана въ редакцію *Политической Корреспонденціи*, а такъ какъ эта Корреспонденція есть офиціозный органъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, то этимъ путемъ турецкая дипломатія достигла де еще третьей цѣли, возбудивъ въ Лондонѣ неудовольствіе противъ Вѣнскаго кабинета.

Вообще, нѣмецкая печать въ послѣднее время съ особеннымъ усердіемъ старается о распространеніи извѣстій указывающихъ на дѣятельное вмѣшательство Франціи въ вопросы иностранной политики, отмѣчая въ то же время съ удареніемъ полное согласіе установившееся будто бы по этимъ вопросамъ между Германіей и Франціей. Берлинская печать, не исключая и офиціозной, приняла подъ свое особенное покровительство кабинетъ г. Ваддингтона, коему въ послѣднее время не легко пришлось въ самой Франціи, такъ что, по слухамъ, г. Ваддингтонъ уже предложилъ было президенту Греви отпустить своихъ теперешнихъ министровъ и замѣнить ихъ болѣе сочувственнымъ радикальному большинству кабинетомъ. Но, по извѣстіямъ сообщаемымъ изъ Парижа въ берлинскія газеты, президентъ Греви рѣшился энергически отстаивать теперешній кабинетъ, несмотря на возрастающую противъ него оппозицію, главнымъ образомъ потому что г. Ваддингтонъ есть *persona grata* при „иностранныхъ дворахъ,“ и еслибы для этого пришлось прибѣгнуть къ распущенію палаты депутатовъ, то г. Греви не отступитъ де и предъ этою крайностью.

По всему видно что въ Германіи сочтено теперь нужнымъ всячески задабривать общественное мнѣніе во Франціи и показывать Россіи чтобъ она не надѣялась на сближеніе съ этою державой. Для этого возбуждается вопросъ объ отнятыхъ у Франціи земляхъ. Въ своей недавней рѣчи въ рейхстагѣ, по вопросу о преобразованіяхъ въ политическомъ устройствѣ Альзасъ-Лотарингіи, князь Бисмаркъ мимоходомъ замѣтилъ что можно бы пожалуй раздѣлить эти двѣ провинціи и устроить для каждой изъ нихъ отдѣльное мѣстное управленіе. Это замѣчаніе подхвачено

берлинскими газетами, и вопросъ о выгодѣ такого раздѣленія обѣихъ провинцій обсуждается ими на основаніи тѣхъ самыхъ соображеній по коимъ де и „благоразумные“ Французы считаютъ возможнымъ покончить полюбовно вражду съ Германіей. Указывается именно на то что Альзасъ гораздо болѣе нѣмецкая земля нежели Лотарингія; что послѣдняя слишкомъ проникнута французскимъ патріотизмомъ такъ что ее не легко онѣмечить. Берлинскія газеты не говорятъ что слѣдуетъ возвратить Лотарингію Франціи; но онѣ играютъ на этой струнѣ. Прежде возражали французскимъ „мечтателямъ“ что Лотарингія какъ и Альзасъ земля нѣмецкая, купленная вновь нѣмецкою кровью, и что ни одной пяди этихъ обѣихъ земель не можетъ быть обратно уступлено. А теперь въ Берлинѣ говорятъ что послѣ раздѣленія провинцій „вопросъ о Лотарингіи останется открытымъ.“

Все это, повторимъ, высказывается не столько для Франціи, сколько для Россіи, которая даромъ помогла Германіи разгромить ея соперницу, а потомъ съ такимъ же рыцарскимъ безкорыстіемъ явилась заступницей Франціи,—и такимъ образомъ осталась въ Европѣ безъ всякихъ союзовъ.

№ 70.

Москва, 19-го марта.

„Россія—страна варварская,“ такъ корятъ насъ и заграничные радѣтели о нашемъ благѣ, и наши домашніе европеисты, эти лакеи цивилизаціи, отъ которыхъ да избавитъ насъ Богъ. Но вотъ послушайте:

Англія пріобрѣла Кипръ, но что̀ она тамъ дѣлаетъ и какъ распоряжается, и лучше ли стало отъ того жителямъ острова, этимъ повидимому мало кто интересуется. Пренія бывшія въ англійской палатѣ общинъ 24 марта проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти вопросы. Публику, конечно, не могутъ интересовать пререканія партій о выгодахъ или невыгодахъ этого пріобрѣтенія, о томъ можно ли или нельзя устроить хорошую гавань въ Фамагустѣ. Но при этихъ преніяхъ проскользнули на свѣтъ Божій поразительные факты. Возбудившимъ ихъ сэръ-Чарлзомъ Дилкомъ было обращено вниманіе на то что англійскій коммиссаръ, сэръ-Гарнетъ Волзлей, герой экспедиціи противъ Ашантіевъ, счелъ нужнымъ возобновить на Кипрѣ замаскированное рабство, то-есть систему принудительной работы, барщины, страды (corvée), которая имъ введена какъ форма натуральнаго налога. Указомъ Англійскаго правительства на Кипрѣ объявлено: „каждый Кипріотъ обязанъ въ теченіе года прослужить мѣсяцъ, непрерывно или съ промежутками, на общественныхъ работахъ.“ Этого не бывало и при Туркахъ. Г. Ясонидесъ, Кипріотъ, обучавшійся въ Оксфордскомъ университетѣ, писалъ; „Сколько я знаю и помню, со стороны Турокъ не было ни одного примѣра принудительной работы въ послѣднія 30 лѣтъ. По слухамъ только я знаю что такой обычай существовалъ во время террора 1820—1830 годовъ, и о немъ упоминаютъ теперь какъ объ обычаѣ минувшаго варварскаго времени.“ Замѣчательно что этотъ фактъ не былъ опровергнутъ никѣмъ изъ защитниковъ министерства. Министры утверждали только что въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, ибо такой обычай существуетъ де съ незапамятныхъ временъ на всемъ Востокѣ, что несправедливо называть это принудительною работой, тогда какъ это не болѣе какъ „статутная работа,“ какая водится даже въ англійскихъ колоніяхъ, напримѣръ въ Канадѣ. Но противниками было показано что между этими примѣрами нѣтъ ничего общаго, такъ какъ въ Канадѣ жители работаютъ лишь для своихъ мѣстныхъ потребностей, тогда какъ на Кипрѣ они принуждаются работать для правительства. Наконецъ, въ защиту приводили что рабочимъ платится по шиллингу въ день. Но г. Ясонидесъ писалъ: „Въ Лимасолѣ жители принуждаемые работать на водопроводахъ не получали ни копѣйки и голодаютъ... Греческіе туземцы подвергались тѣлесному наказанію.“ Г. Палеологъ, президентъ греческаго клуба въ Лимасолѣ, сообщалъ: „Теперь въ ходу пытка, которая не употреблялась и въ самое мрачное время турецкаго дурнаго управленія.“ Архіепископъ писалъ: „Турецкіе заптіи совершаютъ болѣе насилій чѣмъ прежде.“ Въ дѣйствіяхъ Англичанъ въ отношеніи къ туземцамъ Кипра, которые въ огромномъ большинствѣ Греки и христіане, замѣтна система. Другой епископъ писалъ: „Англичане не стыдясь открыто объявляютъ что нынѣшняя админи-

страція не есть новая, а продолженіе прежняго, то-есть турецкаго управленія, и что они секретари Турціи. Ихъ дѣйствія, къ несчастію, доказываютъ что они говорятъ правду... Наши крестьяне приводятся въ цѣпяхъ безъ малѣйшаго повода, хотя всѣ бывавшіе у насъ паши признавались мнѣ что они самые мирные и покорные люди во всей Турціи. Приговоры турецкаго кади, извѣстнаго Беккиръ-эфенди, даже болѣе несправедливые чѣмъ прежде, безжалостно приводятся въ исполненіе коммиссаромъ когда эти приговоры падаютъ на христіанъ." Г. Оратисъ, президентъ Кипрскаго братства въ Александріи въ Египтѣ, подтверждаетъ что „жители Кипра справедливо жалуются на нынѣшнюю администрацію... Невозможно изобразить ненависть англійскихъ властей къ христіанамъ Кипра." Г. Палеологъ писалъ: „Наша бѣдная страна гораздо въ худшемъ положеніи чѣмъ была при прямомъ турецкомъ управленіи. Нынѣшняя администрація, мѣрами непостижимо турецкими, старается принудить наиболѣе многочисленную часть населенія покинуть островъ. Нашему епископу запрещается писать по-гречески и приказывается писать всѣ просьбы въ совѣтъ по-турецки. Нашъ епископъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ что онъ не знаетъ другаго языка кромѣ своего роднаго, который даже Турецкое правительство считало официальнымъ языкомъ церковныхъ властей." Также и г. Ясонидесъ утверждаетъ что „не принимаются никакія просьбы писанныя на греческомъ языкѣ, даже отъ деревень исключительно греческихъ." Онъ жалуется также что „насилія и преступленія совершаемыя Турками остаются безнаказанными, а малѣйшій проступокъ христіанина карается тяжкимъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ... Священники въ оковахъ заключаются въ крѣпость и принуждаются публично работать на рынкѣ, что̀ доставляетъ величайшее удовольствіе фанатизму Турокъ." Далѣе заявляются жалобы на запрещеніе привоза греческихъ газетъ въ Кипръ, на вскрытіе частныхъ писемъ, на перехватъ телеграммъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, возвышены въ Кипрѣ налоги, какъ поземельная рента, взыскиваемая строго и съ пенями, такъ и таможенныя пошлины. Г. Ясонидесъ утверждаетъ что одинъ Грекъ былъ заключенъ въ тюрьму и оштрафованъ 25 ф. ст. за то что говорилъ что положеніе Грековъ на островѣ стало хуже съ прибытіемъ Англичанъ, и прибавлялъ: „Я не сомнѣваюсь что не будь нашъ народъ такъ смиренъ и покоренъ, подобныя злоупотребленія вызвали бы возмущеніе. Но робкіе Греки Кипра не похожи на своихъ воинственныхъ братьевъ на Критѣ; они уходятъ, бросая свою собственность."

Вотъ факты. Они были заявлены въ англійской палатѣ и не были опровергнуты. Да и безполезно было бы смягчать ихъ значеніе ненормальностью англійскаго положенія на Кипрѣ. Хотя по конвенціи султанъ и сохраняетъ верховную власть надъ островомъ, но никто не воображаетъ чтобъ Англичане когда-либо возвратили его Туркамъ. Напротивъ, они помышляютъ закрѣпить его совсѣмъ за собою. Недовольные же пріобрѣтеніемъ возражали только что лучше было бы пріобрѣсти Критъ, или Митилену, или Родосъ. Газета *Times* говоритъ: „Весьма было бы для Англіи желательно, въ особенности со времени уступки Іоническихъ острововъ, имѣть твердый пунктъ въ Левантѣ." Нѣтъ, не для Турокъ и не для Грековъ держатъ Англичане Кипръ, а для себя, и всѣ ихъ мѣры явно имѣютъ то значеніе чтобъ убѣдить въ этомъ Грековъ, дабы напередъ отнять у нихъ всякую надежду разчитывать что и съ Кипромъ будетъ то же что̀ и съ Іоническими островами. Кипръ долженъ стать тѣмъ же что̀ и Мальта—англійскимъ гарнизономъ. До жителей же его что̀ за дѣло? Вотъ какъ отзывается *Times* о принудительной работѣ: „Что̀ бы ни говорили экономисты или филантропы противъ этого налога, не легко обойтись безъ corvée тамъ гдѣ нельзя достать наемнаго труда и гдѣ жители слишкомъ бѣдны чтобы платить налоги деньгами."

Другой примѣръ относится къ Египту. Мы упоминали уже разъ о новомъ способѣ цивилизованнаго обращенія цѣлыхъ странъ въ рабство посредствомъ займовъ, для обезпеченія коихъ требуется потомъ контроль надъ финансами. Такіе планы существуютъ относительно Турціи, а Египетъ уже находится въ такомъ положеніи. Но легко ли обходится народу Египта эта крѣпостная зависимость отъ англійскихъ и французскихъ *rentiers*? Масса его населенія представляетъ страшный пролетаріатъ, эксплуатируемый иностранцами, и бѣдствія его не разъ описывалъ въ *Times*

одинъ Англичанинъ путешествующій по странѣ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ, между прочимъ, пишетъ что въ одной изъ деревень на Нилѣ жители уже дошли до такой степени бѣдствія что имъ и помочь нельзя: „они сидятъ голые, какъ дикіе звѣри, питаясь кореньями... Лица этихъ несчастныхъ созданій имѣютъ видъ сверхъестественныхъ призраковъ. Страданія, отчаяніе и безуміе, порожденные голодомъ, наложили такую печать на этихъ феллаховъ что изобразить невозможно.“ Въ одномъ изъ городовъ черезъ которые онъ проѣзжалъ „женщины и дѣти дрались за крошки хлѣба подобно дикимъ животнымъ, причемъ сильнѣйшія вырывали у слабѣйшихъ.“ Почти повсюду взрослые мущины казались „ходячими скелетами.“ Около Бачура жители были такъ робки что „убѣгали при видѣ Франка, очевидно опасаясь какого-нибудь насилія.“ Одна эта черта говоритъ цѣлые томы! Въ другой деревушкѣ, всего изъ десяти хижинъ, корреспондента спрашивали: „Правда ли что султанъ отдалъ Египетъ въ управленіе Англичанамъ?“ Вообще жъ масса этого мрущаго люда остается безъ всякаго призора. „Нѣкто изъ коммиссаровъ и рѣдко кто изъ Европейцевъ посѣщали когда-либо даже большіе города на самой рѣкѣ. Никто и не думаетъ о деревушкахъ внутри, гдѣ поселяне мрутъ какъ собаки.“

Мы знаемъ что французская и англійская печать приписываетъ бѣдственное состояніе Египта дурной администраціи хедива и его расточительности. Но страна уже года два какъ находится подъ финансовымъ управленіемъ ея западныхъ опекуновъ, такъ доброхотно ссудившихъ хедиву подъ неимовѣрные проценты 80 милліоновъ фунт. ст., — истраченныхъ имъ, какъ теперь говорятъ, „на прихоти и спекулятивныя предпріятія.“ А кому приходится расплачиваться за этотъ долгъ какъ не голодающей массѣ пролетаріата, изъ котораго выжимаютъ сокъ европейскіе соблазнители, такъ прежде восхвалявшіе просвѣщенную ревность хедива и быстрые успѣхи которые дѣлала де его страна на пути цивилизаціи? Даже въ *Times* вырвалось признаніе: „Невозможно читать разказъ нашего корреспондента безъ нѣкотораго чувства стыда и самоупрека, и трудно отогнать отъ себя опасеніе что собственный интересъ до нѣкоторой степени ослѣплялъ наши глаза.“ Но газета лицемѣрно отворачивается отъ некрасивой картины съ замѣчаніемъ: „есть основаніе полагать что въ настоящее время англійскіе и французскіе кредиторы уступятъ кое-что изъ полноты своихъ правъ.“ Она хорошо знаетъ что кредиторы ничего не уступятъ, развѣ когда увидятъ что нечего болѣе выжать изъ египетскихъ рабовъ. Въ прошломъ году, въ Египтѣ былъ неурожай. Это очень хорошо было всѣмъ извѣстно. А между тѣмъ лордъ Солсбери напоминалъ правительству хедива озаботиться уплатой послѣдняго купона. И купонъ *былъ* уплаченъ. Цивилизація восторжествовала, хотя лондонскій публицистъ и прикладываетъ платокъ къ своимъ прослезившимся очамъ. Развѣ лорду Солсбери неизвѣстно что однихъ процентовъ Египетъ платитъ болѣе шести милліоновъ при доходѣ всего въ восемь милліоновъ ф. ст.? Но деньги эти именно затѣмъ и были ссужены чтобы потомъ эксплоатировать страну.

Другая англійская газета негодуетъ на сообщенія появившіеся въ *Times* и на ея слабодушіе. „Неправда, возражаетъ *Pall Mall Gazette*, чтобъ обложеніе налогами было само по себѣ отяготительно. Чего требуетъ казначейство, то могутъ довольно легко уплачивать крестьяне.“

Вотъ чѣмъ проявляетъ себя эта цивилизація живущая эксплуатаціей цѣлыхъ народовъ. Ничего подобнаго не останется въ памяти исторіи за варварскою Россіей.

№ 71.

Москва, 20-го марта.

Указъ Правительствующему Сенату, отъ 7 марта, объ отмѣнѣ личнаго задержанія какъ способа взысканія съ неисправныхъ должниковъ есть важный законодательный актъ. Значеніе его далеко не исчерпывается официальнымъ заглавіемъ: это не есть только „отмѣна.“ Устранивъ личное задержаніе за долги въ томъ видѣ какъ оно существовало до сихъ поръ, новый законъ не оставилъ пустаго мѣста, а создалъ новые, гораздо болѣе дѣйствительные способы принудительнаго взысканія. Личное задержаніе за долги, въ томъ видѣ какъ оно практиковалось до сихъ поръ и перенесенное почти безъ измѣненія въ нашъ преобразованный гражданскій процессъ, въ сущности не было мѣрою граж-

данскаго взысканія, а имѣло гораздо болѣе характеръ уголовной кары. Но кара эта постановлялась несоразмѣрно винѣ, независимо отъ того была ли платежная несостоятельность послѣдствіемъ вины или же несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Сроки заключенія были напередъ установлены въ законѣ сообразно съ суммой долга отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, въ шести степеняхъ, за долги отъ ста до ста тысячъ рублей и свыше. За долгъ въ извѣстную сумму, судъ, и притомъ судъ гражданскій, обязанъ былъ назначать извѣстный срокъ заключенія, ни больше ни меньше. Разъ воспользовавшись этимъ способомъ, взыскатель уже лишался права инымъ способомъ домогаться платежа отъ своего должника. Высидѣвъ опредѣленный срокъ или будучи отпущенъ по невзносу кормовыхъ денегъ взыскателемъ, должникъ считался уже навсегда свободнымъ отъ долга по которому былъ лишенъ свободы. Личное задержаніе являлось въ большинствѣ случаевъ лишь средствомъ мести и озлобленія. А потому личное задержаніе примѣнялось на дѣлѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; новые суды крайне неохотно давали приказы объ арестѣ должниковъ и пользовались для отказа въ просьбахъ такого рода неопредѣленнымъ требованіемъ закона, по коему личному задержанію могъ быть подвергнутъ не всякій неисправный въ платежѣ должникъ, а тотъ лишь „который не можетъ указать способа исполненія рѣшенія.“ Должникъ всегда находилъ какія-либо „указанія“ тѣмъ болѣе что они могли быть совершенно голословными. И тогда на взыскателя возлагалась обязанность опровергнуть эти указанія, что̀ сопряжено съ немалыми трудностями: какъ напримѣръ доказать суду находящемуся на одномъ концѣ Россіи что имѣніе отвѣтчика въ другомъ концѣ Россіи не покрываетъ своею стоимостью присужденнаго взысканія? Во всякомъ случаѣ, эта новая процедура затягивала дѣло, и взыскатель часто находился вынужденнымъ махнуть рукой и прекратить преслѣдованіе именно такихъ должниковъ, искусившихся въ изворотахъ этого рода, которые вполнѣ заслуживали грозящей имъ по закону кары за неплатежъ долга. Эти-то недобросовѣстные плательщики не только ничего не выиграютъ вслѣдствіе упраздненія „ямы,“ но новый законъ даетъ въ руки кредиторовъ средства гораздо болѣе дѣйствительныя. Нѣтъ надобности разбирать въ подробности каждый пунктъ довольно обширнаго законоположенія которое приходилось примѣнить и приспособить не къ одному, а къ нѣсколькимъ порядкамъ гражданскаго судопроизводства дѣйствующимъ въ предѣлахъ Имперіи. Достаточно будетъ очертить общія начала коими характеризуется этотъ законъ. Они заключаются въ слѣдующемъ:

Полное лишеніе свободы какъ мѣра гражданскаго *взысканія* отвергнуто вполнѣ; отвергнутъ и тотъ принципъ по коему заимодавцу дана была возможность „на худой конецъ“ хоть сорвать свою злобу противъ должника. Но за то введено *ограниченіе свободы передвиженія* должника, не въ видѣ кары, а какъ средство приведенія въ извѣстность его дѣйствительной платежной способности. Средствомъ этимъ служитъ отобраніе у должника подписки о невыѣздѣ изъ мѣста жительства или временнаго нахожденія. Должникъ давшій такую подписку за нарушеніе оной подвергается аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше 300 руб., на основаніи дополненія къ ст. 63 Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями установленнаго новымъ закономъ. Замѣтимъ мимоходомъ что денежный штрафъ коему мировой судья можетъ факультативно подвергнуть нарушившаго подписку должника было бы лучше исключить вовсе, ибо это послужитъ новою лазейкой для неисправныхъ плательщиковъ. Откупиться штрафомъ въ 300 р. отъ всѣхъ непріятностей принудительнаго взысканія найдется много охотниковъ, особенно если рѣчь идетъ о взысканіи крупной суммы.

Подписка о невыѣздѣ установлена не только какъ мѣра взысканія по состоявшемуся уже рѣшенію, но и какъ мѣра обезпеченія предъявленнаго иска. При теперешней подвижности населенія и легкости переѣзда съ мѣста на мѣсто, трудно бываетъ застигнуть должника не имѣющаго недвижимаго имущества или постояннаго мѣстожительства, не говоря ужь о томъ что по взысканіямъ на небольшія суммы погоня за должникомъ сопряжена съ издержками не соотвѣтствующими иску. А по новому закону задержаніе должника чрезъ подписку о невыѣздѣ допускается и по дѣламъ производящимся въ мировыхъ учрежденіяхъ. Съ другой стороны, нѣтъ повода опасаться чтобъ этотъ новый способъ обез-

печенія исковъ могъ породить слишкомъ большія тягости для плательщиковъ добросовѣстныхъ, но лишенныхъ возможности расплатиться тамъ гдѣ кого случайно застигнетъ истецъ. „Судъ," сказано въ новомъ законѣ, „разрѣшаетъ просьбы этого рода (обезпеченіе иска чрезъ отобраніе у отвѣтчика подписки о невыѣздѣ) примѣняясь къ стт. 590—601 уст. Гр. Суд., а обезпеченіе при самомъ предъявленіи иска принимается, по ст. 591, только въ тѣхъ случаяхъ когда судъ, по соображеніи доказательствъ истца, усмотритъ что необезпеченіе иска можетъ лишить истца возможности получить удовлетвореніе.

Но когда дѣло рѣшено и взысканіе производится по судебному приказу, отобраніе у должника подписки о невыѣздѣ является, по новому закону, такою мѣрой, въ которой судъ, по требованію истца, уже не можетъ отказать ему, если только не имѣется въ наличности имущества вполнѣ покрывающаго взысканіе. Взыскатель можетъ воспользоваться этимъ способомъ не изъ мести, а какъ мѣрой принужденія къ платежу и притомъ лишь насколько она можетъ дѣйствительно повести къ цѣли. На это данъ двухмѣчный срокъ, въ теченіе коего взыскатель обязанъ воспользоваться стѣсненіемъ свободы, наложеннымъ по его требованію на должника, и просить судъ о вызовѣ послѣдняго дабы онъ заявилъ предъ судомъ о средствахъ на удовлетвореніе взысканія. Это послѣднее нововведеніе имѣетъ большую важность. До сихъ поръ взыскатель одинъ обязанъ былъ разыскивать и указывать имущество принадлежащее должнику; послѣдній же не носилъ въ этомъ отношеніи никакихъ обязанностей предъ судомъ и не подвергался никакой отвѣтственности за умышленное укрывательство своего имущества. Теперь эта обязанность цѣликомъ перемѣщена на должника. *Онъ* обязанъ дать суду правдивое указаніе объ имѣющихся у него средствахъ платежа. Для этого онъ прежде всего обязанъ *лично*, а не черезъ повѣреннаго, явиться въ судъ въ округѣ котораго производится взысканіе, или къ ближайшему мировому судьѣ, подъ опасеніемъ понудительнаго привода. За уклоненіе отъ истины предъ судомъ должникъ, независимо отъ того послѣдовалъ ли отъ его неправды какой-либо ущербъ для взыскателя подвергается тюремному заключенію отъ 1 до 8 мѣсяцевъ. Если же должникъ окажется виновнымъ въ какихъ-либо *дѣйствіяхъ* направленныхъ къ тому чтобы скрыть принадлежащее ему имущество, то это влечетъ для него тюремное заключеніе отъ 8 до 16 мѣсяцевъ. Если должникъ, понуждаемый такимъ образомъ къ истинѣ предъ судомъ, окажется дѣйствительно ничего не имѣющимъ, или же имущество его недостаточнымъ для покрытія долговъ, то онъ обязанъ заявить объ этомъ суду, и судъ немедленно объявляетъ его несостоятельнымъ должникомъ и подвергаетъ всѣмъ послѣдствіямъ конкурснаго процесса, безъ тѣхъ ненужныхъ и затягивающихъ дѣло формальностей по приведенію въ извѣстность имущества и долговъ, кои до сихъ поръ обременяли эту процедуру по дѣламъ о несостоятельности неторговой.

Затѣмъ личное задержаніе въ тѣсномъ смыслѣ сохранено, по новому закону, какъ мѣра *предварительная* по вексельнымъ взысканіямъ и какъ мѣра *карательная* по дѣламъ о несостоятельности, и сверхъ того еще въ оригинальномъ процессѣ „суда по формѣ," сохранившемся въ нашемъ законодательствѣ на основаніи Петровскаго указа 1723 года, но существующемъ болѣе на бумагѣ нежели на дѣлѣ, такъ какъ онъ вовсе отмѣненъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ введены уставы 20 ноября.

№ 72.

Москва, 21-марта.

Зима кончилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были значительно облегчиться бѣдствія перенесенныя англійскимъ рабочимъ людомъ въ нынѣшній, безпримѣрно тяжкій для англійской промышленности и торговли годъ. Но наступилъ ли томительно ожидаемый конецъ небывалому кризису? Пока замѣтно лишь весьма не большое оживленіе въ спросѣ и цѣнахъ на хлопокъ и желѣзо; поворотъ же къ лучшему еще не наступилъ. Въ *Manchester Guardian*, отъ 28 марта, читаемъ: „Положеніе производителей остается безъ улучшенія, и можно безошибочно сказать что маржа между цѣнами хлопка и ткани теперь хуже чѣмъ была когда началось недавнее повышеніе цѣнъ въ Ливерпулѣ." Въ *Leverpool Mercury* пишутъ что обычный майскій обѣдъ корпораціи въ нынѣшнемъ году отмѣняется вслѣдствіе „плохихъ временъ" (*bad times*). Сообща-

ютъ что въ этомъ же городѣ, въ минувшую недѣлю, число прибѣгавшихъ къ приходскому пособію превышало всѣ прежнія цифры. Отчеты о торговомъ движеніи желѣзныхъ дорогъ за послѣднюю недѣлю неблагопріятны, въ сравненіи даже съ прошлымъ годомъ. Только отчеты пяти компаній показываютъ прибыль, но въ совокупности не болѣе какъ на 3.072 ф. ст.; между тѣмъ какъ на всѣхъ остальныхъ линіяхъ замѣтна убыль въ общей сложности до 46.579 ф. ст. Все это разумѣется не признаки начинающагося поправленія дѣлъ.

Замѣчательною чертой нынѣшняго кризиса были не только его продолжительность, но и его крайне суровый характеръ при рѣдкой дешевизнѣ хлѣба и вообще всѣхъ предметовъ первой потребности и сырыхъ продуктовъ. Въ *Economist*, отъ 15 марта, было замѣчено: „Мы обладаемъ тремя вещами обыкновенно дающими толчекъ торговлѣ—дешевыми деньгами, дешевыми матеріалами, дешевою пищей. Къ этому вообще можно прибавить и дешевый трудъ. И не смотря на все это, мало признаковъ улучшенія. Небольшое движеніе въ цѣнѣ желѣза, но оно, въ настоящую минуту, стоитъ почти одинокимъ;“ и торгово-промышленный органъ прибавляетъ: „Хотя мы обладаемъ теперь главными условіями для усиленнаго экономическаго производства, но мы еще не пріобрѣли вновь самаго существеннаго элемента, — довѣрія. Когда возратится довѣріе, тогда оживятся и дѣла, но не ранѣе.“

Продолжающійся кризисъ существенно отличается отъ прежнихъ періодическихъ кризисовъ, и для сужденія о его характерѣ мало-помалу накопляется все болѣе данныхъ. Такъ, мы имѣемъ предъ собою приложенную къ одному изъ послѣднихъ нумеровъ *Economist* „Торговую исторію за 1878 годъ“ (*Commercial History and Review of 1878 г.*), „Отчеты англійскаго бюро торговли“ (*Boarb of Trade returns*) въ *Economist*, отъ 15 марта, и весьма интересную статью извѣстнаго французскаго экономиста Мориса Блока въ послѣднемъ нумерѣ *Revue des Deux-Mondes* (*La crise économidue, par Maurice Block*). Статья эта касается общаго экономическаго кризиса, начавшагося съ пресловутаго *краха* въ Австріи въ 1873 году, болѣе или менѣе распространившагося на всѣ страны Европы и даже на Соединенные Штаты, тяжко отразившагося на Германіи, дающаго себя наконецъ въ послѣднее время чувствовать и во Франціи, хотя въ меньшей степени чѣмъ въ другихъ странахъ, но въ громадныхъ размѣрахъ показавшаго себя въ Англіи. „Страна глубже всѣхъ пораженная болѣзнью,“ говоритъ г. Блокъ, „въ настоящую минуту есть можетъ-быть Англія.“ Въ ней самой повидимому преобладаютъ мнѣнія пессимистовъ, со страхомъ восклицающихъ: „Мы проживаемъ нашъ капиталъ.“ И дѣйствительно, нельзя не поразиться постояннымъ пониженіемъ цифры англійскаго отпуска въ виду возрастающаго привоза. Съ 1872 до 1877 года разница между ними послѣдовательно возрасла съ 40 до 142 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. „Долго ли возможно будетъ,“ спрашиваетъ г. Блокъ, „покрывать подобную ежегодную приплату (3.500 милліоновъ франковъ). Что бы ни говорили о громадныхъ англійскихъ капиталахъ помѣщенныхъ за границей и проценты съ коихъ уплачиваютъ часть этой разницы, какъ бы ни преувеличивами выгоды фрахта получаемыя могущественнымъ флотомъ Англіи, пониженіе отпуска остается грубымъ фактомъ коего значеніе слѣдуетъ признать. Соединенное Королевство продаетъ положительно менѣе своихъ продуктовъ: въ 1873 году, сравнительно съ 1872, уменьшеніе было на 89 милліоновъ франковъ; въ 1874, сравнительно съ 1873, оно было на 331 милліонъ; въ 1875 пониженіе достигаетъ 400 милліоновъ; въ 1876 достигаетъ даже 620 милліоновъ, и сокращеніе все продолжается. Если сложить всѣ эти послѣдовательныя сокращенія и прибавить къ итогу 67 милліоновъ за 1877 годъ и 150 милліоновъ за 1878, то получается общая убыль въ 1.597 милліоновъ франковъ, что возвращаетъ Англію по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ назадъ.“ Можно думать однако что гораздо болѣе. Сравнительная вѣдомость цѣнъ на всѣ продукты въ Лондонѣ и Манчестерѣ 1 января 1879 года (см. *Commercial History and Review of* 1878, стр. 44 и 45) показываетъ что цѣны эти вообще почти на всѣ предметы упали ниже цѣнъ бывшихъ въ періодъ 1845—1850 годовъ. И это не только относительно предметовъ потребленія и сырыхъ продуктовъ, но также для издѣлій и главныхъ производствъ Англіи. приведемъ для примѣра изъ этихъ любопытныхъ таблицъ нѣсколько цифръ относящихся лишь къ двумъ статьямъ: желѣзу и хлоп-

чато-бумажнымъ тканямъ, и для болѣе яркаго сравненія цѣнъ возьмемъ и промежуточныя цифры наиболѣе цвѣтущаго времени англійскаго производства въ 1873 г., съ котораго начался постепенный упадокъ. Желѣзо въ 1845—50 годахъ стояло 8 фунт. стерл. за тонну, въ 1873 поднялось до $10^1/_4$ ф. ст., затѣмъ падая дошло къ 1 января 1879 года до $5^3/_8$ ф. ст. Цѣны на бумажныя ткани были: 1845—50 годахъ за кусокъ (29 до $37^1/_2$ ярдовъ) отъ 4 ш. $7^3/_4$ п. до 8 ш. 10 п.; въ 1873 г. отъ 5 ш. 9 п до 11 ш. 3 п.; 1 января 1879 г. отъ 3 ш. $10^1/_2$ п. до 8 ш. 3 п. Въ таблицахъ этихъ можно видѣть постепенное паденіе цѣнъ не только съ году на годъ, но за прошлый годъ и съ мѣсяца на мѣсяцъ. Въ другой таблицѣ цифры этихъ цѣнъ приведены въ процентное отношеніе и, принимая цифры 1845—50 гг. за 100, оказывается что къ январю 1879 г. желѣзо обозначено цифрой 77, а бумажныя ткани 81. Легко понять что если столь низкія цѣны, болѣе дешевыя чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ, не служатъ поощреніемъ къ расширенію потребленія англійскихъ товаровъ, а напротивъ, сопровождаются безпримѣрно быстрымъ и громаднымъ сокращеніемъ англійскаго отпуска, то это является лишь еще болѣе серіознымъ признакомъ глубокой болѣзни которою страадетъ промышленная и торговая Англія.

Приведемъ еще два характеристическія указанія изъ ея торговой исторіи за прошедшій годъ. Цѣны на бумажныя ткани, какъ мы показали, сильно упали, но за то и хлопокъ-сырецъ былъ гораздо дешевле. Въ какомъ отношенія было это удешевленіе того и другаго предмета? Цѣны на *middling upland* были: въ 1876 г. $6^1/_4$ п., въ 1877—$6^5/_{16}$ п., въ 1878—$6^1/_8$ п.; цѣны на ситецъ ($5^1/_4$ ф.) $12^9/_{16}$, $12^7/_{16}$ и $11^1/_2$, на шертингъ(7 ф.)—$11^3/_8$, $11^1/_8$ и $10^7/_{16}$. „Мы видимъ отсюда что между тѣмъ какъ хлопокъ за послѣдній годъ упалъ отъ $^3/_{16}$ $^1/_4$ п. за фунтъ, бумажные товары упали отъ $^3/_4$ до $1^1/_{16}$ п., результатомъ чего вышло то что средняя маржа между хлопкомъ и тканью уменьшилась на $^{11}/_{16}$ съ фунта. Сравненіе съ 1876 годомъ еще болѣе неудовлетворительно“ (*Comm. Hist.* стр. 30). О желѣзномъ производствѣ тамъ же (стр. 22) читаемъ: „Угнетеніе въ Англіи было въ извѣстной степени усилено иностранною конкурренціей, такъ какъ и другія страны стали искать сбыта для своего излишняго производства.“ И дѣйствительно, въ 1878 году было привезено въ Англію желѣза въ полосахъ 102.742 тонны противъ 64.689 тон. 1868 года, и обработанныхъ желѣза и стали—105.719 тоннъ противъ 16.063 тон. 1868 года. Цифры эти могутъ казаться незначительными въ сравненіи съ производствомъ самой Англіи, которое считается милліонами тоннъ, но онѣ тѣмъ болѣе характеристичны, такъ какъ онѣ съ тѣхъ поръ постепенно возрастаютъ изъ года въ годъ.

Мы ограничились немногими цифрами относительно главнѣйшихъ производствъ Англіи, но хроническое угнетеніе простирается и на всѣ другія отрасли, и интересующіеся предметомъ найдутъ тому полное подтвержденіе въ указанныхъ источникахъ.

Видны ли признаки приближающагося выздоровленія?

Обратимся къ цифрамъ за нынѣшній годъ *). Обзоръ предметовъ отпуска произведеній Великобританіи за февраль нынѣшняго года обнаруживаетъ почти всеобщее уменьшеніе цифръ какъ стоимости, такъ и количества отпущенныхъ товаровъ, и въ томъ числѣ находятся главныя производства страны: хлопчатобумажное, шерстяное, желѣзное и мѣдное. Общая цифра всего отпуска показываетъ уменьшеніе на 16,6% противъ прошлаго года, а именно на 9.424.900 фун. ст., противъ 11.283.800 фун., ст. отпущенныхъ въ февралѣ 1878 года. Въ томъ числѣ, сравнивая февраль того и другаго года, отпущено въ нынѣшнемъ году менѣе: мѣди на 33%; бумажной пряжи на 21%; бумажныхъ товаровъ на 15,5%; желѣза и стали на 22%; льняной пряжи на 22%; полотняныхъ товаровъ на 23,6%; суконъ на 12,6%; шерстяныхъ издѣлій на 14,4%; машинъ всякаго рода на 15%. Цифры эти относятся къ стоимости товаровъ, но уменьшеніе отпуска значится также и относительно количества. Англичанамъ, въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ, льститъ утѣшать себя тѣмъ что это уменьшеніе количества отпуска не такъ велико какъ уменьшеніе стоимости; а именно, тогда какъ стоимость отпуска упала на 16,6%, количество онаго уменьшилось только на 13,7%; изъ чего заключаютъ что это уменьшеніе менѣе де за-

* *Board of Trade returns*, въ *Economist*, 15 мар.

висѣло отъ ослабленія спроса чѣмъ отъ паденія цѣнъ Едвали однако этимъ что-либо можно доказать. Намъ кажется, напротивъ, замѣчательнымъ именно уменьшеніе количества отпуска несмотря на еще бо́льшій упадокъ цѣнъ. Не зависитъ ли скорѣе непомѣрное паденіе послѣднихъ отъ уменьшенія спроса и вслѣдствіе того отъ трудности сбыта? Во всякомъ случаѣ, изъ этого факта едвали можно заключить чтобы при возвышеніи цѣнъ долженъ былъ усилиться и спросъ на англійскіе товары.

Привозъ въ Англію въ февралѣ нынѣшняго года также представляетъ нѣкоторое уменьшеніе относительно какъ сырыхъ продуктовъ привозимыхъ для мануфактуръ, такъ и предметовъ пищи. Это объясняется застоемъ въ дѣлахъ и большими запасами остающимися въ Англіи, а равно крайне низкими цѣнами, такъ что напримѣръ американскіе торговцы хлѣбомъ находятъ едва возможнымъ, по лондонскимъ цѣнамъ, покрывать расходы стоимости и перевозки. Но уменьшеніе въ привозѣ менѣе чѣмъ въ отпускѣ. Общая сумма привоза продолжаетъ попрежнему сильно превышать сумму отпуска, а именно на 10.103 850 ф. ст., что̀ въ годовой сложности, по той же пропорціи, должно составить разницу около 120 милліоновъ ф. ст.

Г. Блокъ, который въ своей статьѣ вовсе не касается Россіи, не могъ однако не замѣтить что не въ Россіи, только что выдержавшей кровопролитную войну, обнаруживается бѣдственный экономическій кризисъ, а въ Англіи, хотя нейтральныя государства обыкновенно выигрывали отъ войнъ, какъ и было съ Англіей въ эпоху Американской междуусобной войны и во время Франко-Прусской войны 1870 года...

Пусть же, въ виду этого поразительнаго факта, отрицаетъ кто можетъ Провидѣніе и міроправительный разумъ въ исторіи! Die Weltgeschichte ist das Weltgericht...

№ 73.

Москва, 22-го марта.

Недугъ коимъ поражена Англія не есть случайное явленіе. Онъ касается самыхъ основъ существованія Англіи...

Экономисты разыскиваютъ причины ея нынѣшняго печальнаго состоянія. Причинъ находятъ множество. Были даже охотники находить связь періодическихъ торговыхъ кризисовъ въ Англіи съ періодичностью солнечныхъ пятенъ Голодъ, долгое время свирѣпствовавшій въ Индіи и Китаѣ, естественно долженъ былъ отозваться на сокращеніи торговли Англичанъ съ Востокомъ, и дѣйствительно третья доля въ уменьшеніи англійскаго отпуска зависитъ отъ меньшихъ отправокъ въ Индію. Не менѣе хорошо всѣмъ извѣстно вліяніе безумной спекуляціи, которая довела конкурренцію до послѣднихъ предѣловъ возможности, создала множество дутыхъ предпріятій, рушившихся какъ карточные домики при первомъ дуновеніи и породила *overwork*, преизбытокъ производства, до сихъ поръ лежащій тяжкимъ гнетомъ и на солидныхъ фирмахъ. Слѣдуетъ также упомянуть о безсовѣстной порчѣ качества товаровъ ради удешевленія и увеличеннаго сбыта, на что̀ особенно указываетъ г. Латтимеръ въ мартовской книжкѣ журнала *Nineteenth Century*, въ статьѣ „о вредѣ сдѣльной работы“ (*The evils of piecework*). „Благодѣяніе бѣдному человѣку,“ писалъ онъ, „когда мы предлагаемъ ему болѣе дешевую рубашку, сводится къ тому что мы принуждаемъ его покупать двѣ рубашки по 18 пенсовъ, вмѣсто одной за полкроны, или, другими словами, безъ нужды беремъ съ него лишнихъ шесть пенсовъ, и еще хотимъ убѣдить его что онъ купилъ дешево.“ Но на порчу качества товаровъ при производствѣ ихъ жаловался еще Робертъ Дэль Оуэнъ въ книгѣ изданной имъ въ 1874 году. Наконецъ, были особыя обстоятельства неблагопріятныя для промышленности. Таковы, напримѣръ, участившіяся забастовки рабочихъ, хотя почти всѣ безуспѣшныя. Въ 1877 году ихъ было 177, а въ 1878 — 244. Но забастовки, о коихъ мы многократно имѣли случай говорить, происходили всѣ отъ несогласія рабочихъ на пониженіе заработной платы, слѣдовательно онѣ не могли еще болѣе уронить цѣну товаровъ и ослабить ихъ спросъ. Рабочіе отъ того и бѣдствуютъ что получаютъ менѣе; притомъ множество фабрикъ и заводовъ вовсе закрыты. Въ прошедшемъ году было также въ Англіи необычное множество банкротствъ. По словамъ *Railway News*, въ 1878 году было офиціально объявлено 15.059 банкротствъ. Самыми крупными были банкротства акціонерныхъ банковъ, начиная съ крушенія Глазгоскаго банка, съ потерей почти 7 милліоновъ ф.

ст., за коимъ послѣдовали банкротства многихъ другихъ, чѣмъ на долгое время было почти вовсе подорвано всякое довѣріе. Конечно, всѣ эти причины въ совокупности составляютъ цѣпь очень дурныхъ обстоятельствъ. Но все это только симптомы; все это не причины. Зло коренится гораздо глубже; зло имѣетъ характеръ хроническій. Французскій экономистъ, г. Блокъ, обозрѣвая явленія недуга которымъ страдаетъ Англія, замѣчаетъ: „Если намъ теперь поставятъ вопросъ: Достаточно ли знать зло чтобы найти отъ него средство?— то не раздѣляя оптимизмъ пословицы, мы отвѣтимъ *нѣтъ*. Развѣ нѣтъ болѣзней неизлѣчимыхъ?“ *) Онъ обращаетъ серіозное вниманіе на нарушеніе равновѣсія между промышленностью и земледѣліемъ. Въ Англіи въ особенности промышленное населеніе разраслось до того что вышло изъ нормальнаго положенія. Наблюденіе г. Блока подтверждается цифрами изъ отчета сдѣланнаго профессоромъ Леоне-Леви о заработкахъ рабочихъ классовъ въ 1877—78 годахъ. По его вычисленіямъ, всѣхъ рабочихъ, мущинъ и женщинъ, въ Англіи— 11,509.000, изъ нихъ земледѣліемъ заняты—1.899.000, а различными промыслами—16.526.000. Остальные принадлежатъ къ разнымъ профессіональнымъ занятіямъ и составляютъ домашнюю прислугу и пр. Въ заработкахъ же замѣтно еще большее несоотвѣтствіе. Между тѣмъ какъ общіе заработки промышленныхъ рабочихъ составляли 327 милліоновъ ф. ст., заработки земледѣльческихъ рабочихъ были всего 61 милліонъ ф. ст. **) Между тѣмъ какъ число занимающихся промыслами въ $3^1/_2$ раза превышаетъ число рукъ занятыхъ земледѣліемъ, заработки послѣднихъ *впятеро* менѣе заработковъ первыхъ. Если же притомъ промышленность тяжко страдаетъ отъ застоя, то судя по однѣмъ этимъ цифрамъ, въ какомъ положеніи должно быть земледѣліе?

Дѣло въ томъ что какъ ни велико промышленное бѣдствіе Англіи, но положеніе земледѣлія еще хуже, такъ что возбуждаетъ отчаянныя сомнѣнія въ возможности продолжать его. Затруднительныя обстоятельства объясняли было четырехлѣтними къ ряду неурожаями. Но въ прошедшемъ году урожай былъ хорошъ, а вышло еще хуже: Привозный хлѣбъ былъ такъ дешевъ что англійскому фермеру приходилось продавать свой хлѣбъ въ убытокъ. Квартеръ пшеницы обходится ему въ 48 шилл., а продается отъ 35—40 шилл. Г. Генри-Нильдъ, изъ Ланкашира, писалъ еще въ январѣ нынѣшняго года въ газету *Standard*: „Возрастающій привозъ хлѣба и возрастающая иностранная конкурренція тяжко гнетутъ фермерскіе продукты, такъ что они падаютъ ниже стоимости производства... Тысячи акровъ хорошей земли ищутъ арендаторовъ, и сколько сотенъ арендаторовъ оказываются не въ состояніи уплатить свою ренту. Нѣсколько десятковъ Ландлордовъ (къ ихъ чести) сбавляютъ 10, 15 и 20% своимъ арендаторамъ въ виду труднаго времени. Дай Богъ чтобъ и всѣ послѣдовали ихъ примѣру!“ Затруднительность борьбы съ конкурренціей привознаго хлѣба, безъ коего не можетъ нынѣ обойтись Англія (хотя сто лѣтъ тому назадъ она сама нерѣдко вывозила хлѣбъ), заставляетъ фермеровъ систематически сокращать запашки и обращать ихъ въ пастбища. Болѣе 400.000 акровъ такимъ образомъ отняты у земледѣлія. Но теперь и скотоводство измѣняется въ виду возрастающаго привоза скота и мяса изъ-за границы. Такъ, съ 1876 до 1878 года привозъ этотъ увеличился съ 17.688.000 ф. ст. до 18.300.000 ф. ст., и соразмѣрно съ этимъ, какъ давно уже было замѣчено, уменьшается число скота въ Великобританіи Въ прошедшемъ году уменьшеніе было на $2^1/_2$% противъ 1877 г. и почти на 7% противъ 1874 года. И это несмотря на обращеніе пахотныхъ земель въ пастбища.

Положеніе серіозное. Въ обѣихъ палатахъ уже забили тревоги; просили нарядить слѣдствіе о причинахъ упадка земледѣлія. Разговоры въ парламентѣ не привели ни къ какому результату. Но замѣчанія высказанныя различными ораторами вполнѣ подтверждаютъ все вышепривиденное. Маркизъ Гэнтли привелъ фактъ что въ одномъ нумерѣ провинціальной газеты онъ встрѣтилъ 68 объявленій о сдачѣ арендъ, и, по личному знакомству, высказалъ убѣжденіе что много фермъ въ графствахъ Нортамптомскомъ и Гэнтингтонскомъ останутся не арендованными. „Если цѣны не поправятся, сказалъ онъ, то много земли останется безъ обработки.“ Онъ не вѣритъ

*) *M.* Bliock. *La crise économique*. Въ *Revue des Deux Mondes* 15 *mars* 1878.

**) *Commercial History and Review of* 1878, стр. 59.

чтобы земледѣліе могло поправиться вмѣстѣ съ другими отраслями промышленности, такъ какъ лежащіе на немъ налоги подавляютъ его. Г. Чаплинъ высказалъ почти такое же мнѣніе въ нижней палатѣ, и указалъ что въ послѣднее время даже цѣна сыра упала почти на половину вслѣдствіе американской конкурренціи.

Рѣчь г. Чаплина клонилась къ тому что земледѣлію едва ли можно чѣмъ помочь безъ возвращенія ко „взаимности:“ такимъ благовиднымъ названіемъ прикрываются теперь въ Англіи протекціонистскіе планы. Хотя онъ прямо и не требовалъ этого, но объяснялъ что пониженіе ренты на 25% было бы разореніемъ землевладѣльцевъ и жаловался что земля въ Англіи обложена тяжеле всякой другой собственоcти. Но всѣ знаютъ что возвращеніе къ хлѣбнымъ законамъ невозможно. „Британскіе фермеры,“ замѣтилъ г. Фипсъ, „не высказываютъ желанія чтобы привозъ хлѣба былъ ограниченъ закономъ и они знаютъ что никакое правительство не можетъ отнимать хлѣбъ у народа.“ Въ самомъ дѣлѣ, надо же кормить громадное промышленное населеніе. Да и что̀ съ нимъ дѣлать когда сбытъ англійскихъ продуктовъ съ году на годъ уменьшается?

Г. Блокъ предусматриваетъ что вообще размноженіе въ производствѣ товаровъ должно замедлиться, и замѣчаетъ: „Другія страны захотѣли каждая имѣть свою національную промышленность, и создали ее; онѣ будутъ менѣе брать у Англіи.“ То же замѣчаетъ и г. Латтимеръ въ *Nineteenh Century*, за мартъ: „Громаднымъ расширеніемъ машинъ намъ удалось сбывать излишекъ ситца въ Америку, Россію и пр., и вымѣнивать на хлѣбъ, котораго у насъ не достаетъ; но можетъ ли это вѣчно продолжаться? Захотятъ ли эти страны давать намъ хлѣбъ за ситецъ, когда онѣ сами могутъ надѣлать ситца болѣе чѣмъ сколько имъ нужно?“

„Благодаря давленію высокихъ рентъ и колоссальныхъ участковъ,“ свидѣтельствуетъ г. Латтимеръ, „обработка почвы постепенно сокращается, и всѣмъ должно быть очевидно что въ одинъ день это неожиданно можетъ навлечь голодъ на наши берега. Чтобъ отвратить эту возможность необходимо въ какой-либо практической формѣ проповѣдывать доктрину: „„земля для тѣхъ кто наилучше могутъ обработать ее, и для общей пользы.““

Итакъ, земледѣльческій, или аграрный, или поземельный вопросъ стоитъ въ Англіи на ближайшей очереди. Всѣ основы ея быта потрясены и подточены. Палліативныя мѣры, которыя пока предлагаются менѣе смѣлыми новаторами, въ родѣ пониженія ренты или переложенія разныхъ мѣстныхъ налоговъ на государственное казначейство, только лягутъ новымъ бременемъ на собственность, и вѣроятно лишь ускорятъ переворотъ. Г. Грегъ, въ *Nineteenth Century*, въ статьѣ *A grave perlpeexity before us*, указываетъ на то что, въ виду множества рабочихъ остающихся безъ дѣла вслѣдствіе стачекъ и другихъ причинъ, обязанность содержать ихъ падаетъ на имущіе классы, и изливаетъ горечь своего сѣтованія въ слѣдующихъ словахъ: „Безъ преувеличенія можно сказать что настоящее положеніе закона и обычая въ сущности даетъ въ руки недовольнымъ, жаднымъ и честолюбивымъ рабочимъ власть надъ собственностью ихъ согражданъ, что̀ имѣетъ зловѣщее сходство съ домогательствами соціализма.“

Итакъ вотъ она, эта могущественная и богатая Англія которою насъ пугали, мнящая давать законы міру!..

№ 74.

Москва, 23-го марта.

Кромѣ нововведеній установленныхъ закономъ 7 марта объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги, о коихъ мы уже говорили, въ немъ имѣются указанія на спеціальные способы взысканія по векселямъ.

Вексель, какъ торговое обязательство и важнѣйшее орудіе торговаго кредита, во всѣхъ законодательствахъ обставленъ особенно строгимъ способомъ взысканія, до такой степени суровымъ что въ прежнее время считалось возможнымъ подвергать оному лишь тѣхъ лицъ кои принадлежа къ торговому сословію, могутъ понимать все значеніе векселя. Вслѣдствіе этого лицамъ другихъ сословій воспрещалось обязываться векселями. И по нашимъ законамъ (прим. къ ст. 546 Уст. о векселяхъ) право обязываться векселями было первоначально ограничено, но затѣмъ (послѣ освобожденія крестьянъ) ограниченіе это отмѣнено; взысканіе же „по всей строгости вексельнаго права“ сохранено вполнѣ

въ спеціальномъ Уставѣ о векселяхъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать чтобы въ настоящее время вексель пользовался всѣми тѣми привилегіями какія ему предоставлены по закону. Перемѣна эта совершилась какъ-то сама собою, помимо воли законодателя, и притомъ вслѣдствіе такихъ измѣненій въ нашемъ гражданскомъ процессѣ которыя вообще клонились не къ ослабленію, а къ усиленію интенсивности распоряженій исходящихъ отъ суда. Различіе между векселями и другими денежными обязательствами исчезло со времени введенія судебной реформы и сохранилось лишь въ тѣхъ тѣсныхъ и не многихъ районахъ на которые распространяются юрисдикція коммерческихъ судовъ, да и тутъ (особливо въ Москвѣ и Петербургѣ) вексельное взысканіе потерпѣло перемѣну съ учрежденіемъ особыхъ вексельныхъ отдѣленій при коммерческихъ судахъ, замѣнившихъ Управу Благочинія. Новый Уставъ Гражданскаго Судопроизводства не знаетъ различія между спорными и безспорными взысканіями. Въ прежнее время, безспорныя взысканія (въ томъ числѣ и по векселямъ) производила полиція помимо суда, и полиція обязана была руководиться особыми указаніями закона при взысканіи по векселямъ. Новые же суды признавали для себя вовсе не обязательными предписанія заключавшіяся въ законахъ о безспорныхъ взысканіяхъ, и такимъ образомъ, въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ коммерческихъ судовъ, вексельное взысканіе слѣдовало во всемъ тому порядку который установленъ въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, не дѣлающаго никакого исключенія въ пользу векселей. Законъ 7 марта доказываетъ что это было недоразумѣніемъ; удивительно только какъ оно могло продолжаться около четырнадцати лѣтъ, не будучи затронуто ни въ кассаціонной практикѣ Сената, ни въ порядкѣ законодательнаго разъясненія. Важнѣйшая привилегія векселя заключается въ томъ что по векселю требуется платежъ немедленно по предъявленіи онаго чрезъ посредство органовъ суда векселедателю. Съ перваго дня явки въ управу, сказано въ ст. 654 Уст. о векс., должникъ обязанъ представить поручительство въ неотлучкѣ изъ мѣста пребыванія. Онъ подвергается личному задержанію не только въ томъ случаѣ если поручительства не представитъ, но и въ томъ если истецъ выразитъ сомнѣніе въ надежности поручительства и судъ признаетъ это сомнѣніе основательнымъ. Личному задержанію неисправный плательщикъ по векселю подвергается (по ст. 655) во всякомъ случаѣ если у него не окажется движимаго имущества на покрытіе долга и взысканіе обращено будетъ на недвижимое. Новые суды не считали возможнымъ примѣнять эти строгія правила ко взысканію по векселямъ, потому что мѣры эти суть мѣры предварительныя, предшествующія разрѣшенію спора могущаго возникнуть со стороны отвѣтчика противъ подлинности или обязательной силы предъявленнаго на него векселя; это, другими словами, лишь мѣры *обезпеченія иска*, и въ статьяхъ 590—652 Уст. Гр. Суд., опредѣляющихъ способъ обезпеченія исковъ (секвестръ имущества и поручительство), нигдѣ не указано чтобы допускалось и личное задержаніе какъ спеціальная мѣра обезпеченія по векселямъ. Такое толкованіе ошибочно, ибо Уставъ о векселяхъ никогда отмѣненъ не былъ, и законъ 7 марта напомнилъ объ этомъ новымъ судамъ. Отмѣнивъ личное задержаніе какъ гражданскую кару за неплатежъ *всякихъ* долговъ, въ томъ числѣ и по векселямъ, новый законъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ силу статей 654 и 655 Устава о векселяхъ, указавъ на то что предписываемый оными предварительный арестъ должниковъ при производствѣ взысканій по векселямъ сохраняется. И это не въ видѣ временной мѣры, а „на будущее время.“ Чрезъ это вексель, какъ обязательство, установленное главнымъ образомъ для поддержанія и строгаго огражденія торговаго кредита, вступаетъ вновь во всѣ свои права. Отнынѣ всякій неисправный плательщикъ по векселю можетъ быть заключенъ подъ стражу одновременно съ предъявленіемъ векселя ко взысканію независимо отъ того въ какое судебное мѣсто взысканіе это предъявлено, въ коммерческій ли судъ, или въ окружный, или даже у мироваго судьи. Это предварительное задержаніе можетъ быть, сверхъ того, продолжено и по окончаніи дѣла, послѣ постановленія судебнаго рѣшенія. Новымъ закономъ усилено дѣйствіе ст. 656 Устава о векселяхъ; по этой статьѣ, неисправный плательщикъ по векселю признается несостоятельнымъ должникомъ если у него не оказывается не только движимаго, но и недвижимаго имущества достаточнаго на покрытіе долга (а заключеніе подъ стражу

несостоятельныхъ должниковъ оставлено въ силѣ и по новому закону). Измѣненіе въ редакціи означенной статьи заключается въ томъ что уничтожено различие между послѣдствіями взысканя на сумму свыше и ниже 1.500 р. Прежде неоплатный должникъ на сумму менѣе означенной не объявлялся формально несостоятельнымъ; теперь признаніе несостоятельности поставлено внѣ зависимости отъ суммы неуплаченнаго долга.

Возстановивъ такимъ образомъ значеніе векселя, законодатель не могъ не озаботиться послѣдствіями какія могли бы наступить еслибъ оставлена была безо всякаго ограниченія теперь существующая свобода вексельныхъ обязательствъ. Вексель сталъ теперь наиболѣе популярною и распространенною формой денежныхъ обязательствъ, именно потому что фактически способы взысканія по немъ совершенно сравнялись съ прочими обязательствами и не отличались спеціальною строгостью даже въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ существуютъ коммерческіе суды. А съ другой стороны вексель, по присвоеннымъ ему юридическимъ особенностямъ, наиболѣе соотвѣтствовалъ теперешнему подвижному гражданскому обороту. Вексель можетъ быть передаваемъ по бланковой надписи, причемъ бланконадписатель становится поручителемъ за векселедателя. Огромное число банковъ, которые завелись у насъ и которые столь чрезмѣрно расширили классъ людей прибѣгающихъ къ „коммерческому кредиту," еще болѣе способствовало размноженію векселей, такъ какъ банки по ихъ уставамъ могутъ выдавать ссуды, не обезпеченныя залогомъ, только подъ векселя. Возстановленіе строгости вексельныхъ взысканій должно послужить къ отрезвленію общества и несомнѣнно будетъ способствовать введенію въ должныя границы черезчуръ разнузданнаго торговаго кредита. Но опытъ всѣхъ странъ показалъ что одна строгость взысканія по векселямъ еще не служитъ достаточнымъ средствомъ дабы люди не имѣющіе ничего общаго съ коммерціей остерегались выдавать такія обязательства. Ростовщики же отдаютъ векселю предпочтеніе потому что онъ одинъ еще даетъ имъ возможность дѣйствовать на попавшихся въ ихъ сѣти легкомысленныхъ кредиторовъ путемъ острастки и вымогать отъ нихъ огромные проценты за отсрочки и переписку векселей, ибо при отмѣнѣ личнаго задержанія за долги только вексель можетъ послужить орудіемъ „психическаго принужденія." На дняхъ еще (31 марта) въ Германскомъ рейхстагѣ поднятъ былъ вопросъ о необходимости ограниченія свободы вексельныхъ обязательствъ въ виду злоупотребленій ростовщичества.

Наше правительство, издавая новый законъ, въ которомъ заключаются столь важныя постановленія по вексельному праву, не могло не озаботиться и вопросомъ о послѣдствіяхъ этихъ постановленій еслибъ установившійся порядокъ вещей остался безо всякихъ измѣненій. Приходится ограничить широкую свободу воцарившуюся по этому предмету. Новый законъ прямо указываетъ что въ этомъ отношеніи есть настоятельная надобность въ скорой помощи. Министру юстиціи предоставлено, по ст. VII закона 7 марта, войти въ соображеніе вопроса „о мѣрахъ которыя „должны быть приняты для разграниченія „выдаваемыхъ нынѣ, въ формѣ векселей, „торговыхъ и *не торговыхъ* обязательствъ" и затѣмъ внести свои предположенія по означенному предмету на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ *въ самомъ непродолжительномъ времени.*

№ 75.

Москва, 24-го марта.

Предъ нами лежитъ таможенная вѣдомость о ходѣ русской внѣшней торговли по европейской границѣ въ минувшемъ 1878 году. Въ ней нѣтъ ничего кромѣ цифръ, но эти цифры, по сравненію ихъ съ цифрами прежнихъ лѣтъ, свидѣтельствуютъ о такомъ поворотѣ въ ходѣ экономическихъ дѣлъ въ Россіи что намъ въ виду ихъ остается только сказать: Слава Богу.

Въ ходѣ русской внѣшней торговли давно замѣчалось крайне невыгодное явленіе— постоянное въ теченіе долгаго ряда лѣтъ превышеніе привоза надъ отпускомъ. Еще семь лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1872 года, намъ уже приходилось останавливать вниманіе на этомъ серіозномъ фактѣ. „Нашъ отпускъ," писали мы тогда, „долженъ не только покрывать стоимость всѣхъ привозимыхъ къ намъ товаровъ, но еще возмѣщать проценты по всѣмъ нашимъ за-

граничнымъ долгамъ (государственнымъ, желѣзно-дорожнымъ, кредитныхъ обществъ и т. д.). При нормальномъ ходѣ дѣлъ стоимость нашего отпуска (со включеніемъ вывозимыхъ отъ насъ драгоцѣнныхъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ) должна превышать стоимость привоза на всю сумму всѣхъ нашихъ заграничныхъ долговъ...“

Строки эти были вызваны тѣмъ фактомъ что въ пятилѣтіе 1867—1871 нашъ отпускъ выразился цифрой всего 1.359.841.859 рублей, тогда какъ привозъ въ тѣ же пять лѣтъ представлялъ цѣнность 1.445.858.976 рублей. Вмѣсто перевѣса отпуска надъ привозомъ на покрытіе процентовъ по долгамъ, мы имѣли, такимъ образомъ, дѣло съ ежегоднымъ перевѣсомъ привоза надъ отпускомъ, среднимъ числомъ въ 17.000.000 рублей. Но что̀ значатъ невыгоды такого порядка вещей въ сравненіи съ тѣмъ какой наступилъ въ слѣдующемъ пятилѣтіи 1872—1876 годовъ?

Въ этомъ новомъ пятилѣтіи, при среднемъ годовомъ отпускѣ въ 361.694.000 рублей, цѣнность годоваго привоза дошла уже до 440.392.000 рублей. Ежегодный недочетъ отпуска на покрытіе стоимости привоза представлялъ, такимъ образомъ, уже не 17 милліоновъ, цифру относительно скромную, а громадную сумму 78.700.000 рублей. И на всю эту сумму,+вся сумма процентовъ по всѣмъ нашимъ заграничнымъ долгамъ, росли ежегодно заграничные долги, а конца такому ходу дѣлъ не предвидѣлось...

Въ настоящее время уже нельзя, какъ бывало прежде, ссылаясь на Англію, утѣшать себя что въ подобномъ отношеніи привоза къ отпуску нѣтъ для страны ничего особенно невыгоднаго. Теперь въ самой Англіи раздаются горькія сѣтованія на перевѣсъ привоза надъ отпускомъ. Но если для Англіи тяжело такимъ путемъ „проживать свой капиталъ,“ то во сколько разъ тяжеле намъ, тѣмъ же путемъ, не только проживать свой капиталъ, а еще запутываться въ долгахъ, приближаясь съ каждымъ годомъ къ тому незавидному положенію въ какомъ теперь обрѣтаются Египетъ и Турція? Никакихъ мѣръ къ тому чтобъ измѣнить столь невыгодный намъ ходъ внѣшней торговли у насъ принимаемо не было. Обстоятельства измѣнившія его въ выгодную для Россіи сторону наступили сами собою и даже вопреки всякимъ разчетамъ и предположеніямъ. Не даромъ не смолкавшіе въ теченіе трехъ лѣтъ толки о безвыходномъ экономическомъ положеніи Россіи и о неизбѣжномъ конечномъ разореніи къ которому должна была привести ее война съ Турціей, смѣнились нынѣ въ иностранной печати столь же общими возгласами изумленія въ виду какъ относительной легкости съ какою Россія выдержала тягости войны, такъ и совершеннаго отсутствія въ ней какихъ-либо признаковъ экономическаго кризиса. Дѣйствительно, всѣ разчеты и предположенія какія дѣлались въ этомъ отношеніи разлетѣлись въ прахъ. Вмѣсто того чтобы стать въ критическое положеніе, Россія за время войны вышла изъ того тяжелаго экономическаго кризиса который переживала предъ войной. Одновременно совершился благопріятный поворотъ и въ ходѣ ея внѣшней торговли.

Этотъ поворотъ рѣзко и неожиданно обозначился уже въ 1877 году. При сокращеніи размѣра привоза до 291.491.000 р. отпускъ въ этомъ году неожиданно выросъ до небывалой цифры 508.282.000 рублей. Цифра $216\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей перевѣса отпуска надъ привозомъ есть фактъ огромной важности. Послѣ долгаго ряда лѣтъ Россія въ первый разъ не осталась въ долгу у иностранцевъ за купленные у нихъ товары, напротивъ, могла еще покрыть часть старыхъ счетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не истраченная на закупку иностранныхъ товаровъ и обращенная хотя частію на покупку отечественныхъ произведеній, огромная оставшаяся въ русскихъ рукахъ сумма не могла между прочимъ не послужить и серіознымъ поощреніемъ нашей столь захирѣвшей предъ войной промышленности.

Минувшій 1878 годъ, какъ видно изъ таможенныхъ свѣдѣній, оказался для Россіи по внѣшней торговлѣ столь же, если еще не болѣе, благопріятнымъ.

Мы назвали цифру отпуска 1877 года (на сумму свыше 508 милліоновъ рублей) никогда еще у насъ небывалою. Но сумма до которой дошелъ отпускъ въ 1878 году оставляетъ далеко позади даже и эту цифру. Это не значитъ, конечно, чтобы въ минувшемъ году увеличился сбыть за границу всѣхъ нашихъ отпускныхъ товаровъ. Напротивъ, по многимъ отпускнымъ статьямъ замѣчается противъ 1877 года не увеличеніе, а уменьшеніе. Такъ напримѣръ уменьшился отпускъ сахару, котораго продано

за границу приблизительно на 15 милліоновъ рублей [1]) меньше чѣмъ въ 1877. Льна и пеньки также продано меньше, приблизительно милліоновъ на десять. Сбытъ за границу шерсти равнымъ образомъ уменьшился приблизительно на $4^3/_4$ милл. р. Далѣе замѣчаются, сравнительно съ 1877, недочеты по сбыту невыдѣланныхъ кожъ (на $1^1/_2$ милл.), сала (на $2^3/_4$ милл.), пакли (на $1^1/_4$ милл.), спирта (на $1^1/_2$ милл.), и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ. Въ общей сложности, по всѣхъ товарамъ, заграничный сбытъ коихъ въ минувшемъ году уменьшился противъ 1877, недочетъ отпуска простирается приблизительно на сумму *сорока милліоновъ* рублей. Сумма, конечно, крупная,—но и эта крупная сумма теряетъ всякое значеніе когда мы возьмемъ въ разчетъ что одновременно отпускъ хлѣба увеличился на *сто двадцать милліоновъ* рублей! А къ этому громадному увеличенію сбыта хлѣба должно еще присоединить сильно возросшій сбытъ льнянаго, конопляного и другихъ маслянистыхъ сѣменъ, которыхъ въ минувшемъ году отпущено на 20 милл. рублей болѣе чѣмъ въ 1877. Далѣе, оставляя въ сторонѣ менѣе важныя статьи, нельзя не отмѣтить что сбытъ за границу мелкаго и крупнаго скота и лошадей также превзошелъ въ минувшемъ году отпускъ 1877 года приблизительно на $7^1/_2$ милл. рублей. Въ общемъ выводѣ оказывается что Россія въ минувшемъ году продала своихъ товаровъ за границу, по самому скромному разчету, слишкомъ на сто милліоновъ рублей болѣе чѣмъ въ небывало-благопріятномъ по отпуску 1877 году.

Размѣры привозной торговли въ минувшемъ году не были такъ сжаты какъ въ 1877 году, когда они разомъ сократились подъ вліяніемъ установленія золотой пошлины. Противъ 1877 года увеличился привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ, почти безъ исключенія; привозъ нѣкоторыхъ товаровъ даже болѣе чѣмъ удвоился. Таможенный доходъ, вслѣдствіе этого, возросъ до небывалой цифры и оставилъ за собою даже столь блестящій въ этомъ отношеніи 1875 годъ. Но не оставляя ничего болѣе желать съ этой стороны, привозъ, при всемъ его возрастаніи, все-таки остался въ должныхъ границахъ и не получилъ невыгоднаго для страны преобладанія надъ отпускомъ. Превзойдя по инымъ статьямъ цифры ввоза 1875 года, привозъ минувшаго года оказывается, по другимъ статьямъ, противъ прежняго много сократившимся. И знаменательно при этомъ то обстоятельство что увеличился привозъ не какихъ иныхъ товаровъ, а именно заграничнаго сырья и другихъ предметовъ нужныхъ для нашихъ фабрикъ и заводовъ, привозъ же почти всѣхъ прочихъ товаровъ сократился.

Желать или не желать того чтобъ и на будущее время наша внѣшняя торговля сопровождалась тѣми же результатами какъ и въ минувшихъ 1877 и 1878 годахъ? чтобъ и впредь нашъ отпускъ возрасталъ и стоялъ не позади привоза какъ въ десятилѣтіе 1867—1876, а впереди его? чтобы внѣшняя тоговля содѣйствовала внутреннему производству, а не подавляла его?

Подобные вопросы кажутся праздными и безсмысленными Къ сожалѣнію, у насъ они не лишены смысла. Мы, какъ извѣстно, озабочены въ настоящее время именно тѣмъ чтобы какою бы то ни было дорогою цѣной устранить то обстоятельство которое содѣйствовало возрастанію нашего отпуска и ввело въ должныя границы привозъ. Это обстоятельство есть пониженіе нашего вексельнаго курса. Благодаря этому пониженію, каковы бы ни были невыгодныя стороны его, наше земледѣліе и наша промышленность вздохнули послѣ долгаго ряда трудныхъ лѣтъ, получили выгодный сбытъ и заработки. Благодаря этому пониженію, Россія, по своимъ внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ, вмѣсто того чтобъ изъ года въ годъ увеличивать лежащіе на ней долги, пришла въ положеніе подающее надежду на постепенную расплату съ накопившимися на ней столь обременительными долгами. Примемъ же всѣ мѣры къ тому чтобы поднять вексельный курсъ. Займемъ для этого нѣсколько сотъ милліоновъ рублей за границей. Проценты по этому займу лягутъ тяжелымъ бременемъ на бюджетъ, болѣе тяжелымъ чѣмъ та передержка по заграничнымъ платежамъ которая вызывается нынѣшними вексельными курсами. Новый заемъ увеличитъ нашу зависимость отъ заграничныхъ банкировъ. Поднявшійся разомъ курсъ лишитъ поощренія русскій отпускъ, поощритъ привозъ заграничныхъ продуктовъ, поставитъ въ затрудненіе все русское производство, и вернетъ ходъ нашей торговли на прежнюю стезю вѣчнаго забора въ долгъ. Все это такъ, но за то

[1]) По разчету цѣнъ 1877 года.

въ отмѣткахъ биржевыхъ маклеровъ, при обозначеніи курсовъ, будутъ стоять болѣе красивыя цифры, и любителямъ иностранныхъ товаровъ и заграничныхъ поѣздокъ будетъ гарантировано нѣсколько процентовъ экономіи.

№ 77.

Москва, 26-го марта.

Вчера, 25 марта, въ день Благовѣщенія, обнародована истинно благая вѣсть для нашего народа: Послѣдовало Высочайшее повелѣніе „приступить нынѣ же къ обсужденію предположеній объ отмѣнѣ сборовъ взимаемыхъ въ пользу Государственнаго Казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ."

Освобожденіе крестьянъ при одной отмѣнѣ крѣпостной зависимости, безъ реформы податной системы, было дѣломъ неоконченнымъ. Крѣпостное право умерло, но его духъ продолжаетъ жить въ созданной при его господствѣ и подъ его вліяніемъ финансовой системѣ, лежащей тяжкимъ гнетомъ на всемъ государствѣ и держащей въ оковахъ русскій трудъ во всѣхъ его приложеніяхъ, на всѣхъ путяхъ экономической жизни. Эта скованность русскаго труда, не дозволяющая ему давать тѣ результаты какихъ можно было бы отъ него ожидать, чувствуется на каждомъ шагу. Нужно было бы закрыть глаза чтобы не видѣть вредныхъ ея послѣдствій. Вотъ почему, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ началось великое дѣло освобожденія, каждый разъ какъ заходила рѣчь о финансовыхъ мѣрахъ имѣющихъ серіозное значеніе для экономическаго быта, взоры наши невольно обращались на главную язву этого быта, и указаніе на необходимость податной реформы было неизмѣннымъ caeterum censeo нашихъ сужденій по экономическимъ вопросамъ.

Что въ чрезмѣрной тягости для нѣкоторыхъ классовъ населенія прямыхъ налоговъ, часто превышающихъ средства къ уплатѣ, заключается одна изъ главныхъ язвъ нашего экономическаго быта, и что способъ взысканія этихъ налоговъ есть главный тормазъ развитія благосостоянія въ странѣ, что поэтому податная реформа должна считаться у насъ одною изъ самыхъ важныхъ и неотложныхъ, это было сознано еще задолго до обнародованія Положенія 19 февраля 1861. Для обсужденія податной реформы уже въ 1859 году была учреждена при Министерствѣ Финансовъ особая коммиссія... Но этому дѣлу не посчастливилось. Прошло двадцать лѣтъ, и въ теченіи ихъ совершилось много всякихъ преобразованій, а тормазъ мѣшающій имъ принести ожидаемые отъ нихъ плоды остался донынѣ нетронутъ.

Не малымъ препятствіемъ къ осуществленію податной реформы была, конечно, самая трудность этого дѣла, усугубляемая множествомъ разнообразныхъ и часто противоположныхъ интересовъ которые въ немъ замѣшаны. Отмѣна подушныхъ сборовъ требуетъ одновременнаго установленія иныхъ налоговъ которые возмѣстили бы казнѣ получаемый ею отъ нихъ доходъ. Съ облегченіемъ податной тягости обременяющей одни классы населенія сопряжено возложеніе части этой тягости на другіе классы. И въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, дѣлаемыя съ этой точки зрѣнія возраженія противъ немедленнаго приступа къ податной реформѣ были, можетъ-быть, не совсѣмъ лишены основанія. Но обстоятельства скоро измѣнились, и уже въ 1870 году, когда земскимъ учрежденіямъ предстояло высказать свои замѣчанія на составленный въ Министерствѣ Финансовъ проектъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ налогомъ и поземельною податью, значительное большинство этихъ учрежденій, въ которыхъ отнюдь не крестьянамъ принадлежитъ рѣшающій голосъ, выразили прямо ту мысль что будущая система прямыхъ государственныхъ налоговъ должна быть основана на уничтоженіи различія между податными и неподатными сословіями и на обложеніи всѣхъ подданныхъ государства. При этомъ, 18 губернскихъ собраній и 45 уѣздныхъ коммиссій высказались даже въ пользу подоходнаго или разряднаго налога, вызывающаго столько жалобъ во всѣхъ странахъ гдѣ онъ существуетъ. Они, конечно, не скрывали отъ себя неудобствъ и обременительности этихъ проектированныхъ ими налоговъ, но добровольно шли на нихъ, основываясь на мысли о необходимости одновременной со введеніемъ этихъ новыхъ налоговъ отмѣны системы подушныхъ сборовъ. Можетъ ли быть болѣе яркое и убѣдительное свидѣтельство

до какой степени созрѣла въ общемъ сознаніи мысль о настоятельной и неотложной необходимости податной реформы?

Результаты трудовъ Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства представили новое подтвержденіе о необходимости преобразованія прямыхъ налоговъ и главнаго между ними—подушнаго сбора. „Неравномѣрность раскладки,“ сказано въ докладѣ этой коммиссіи представленномъ въ 1873 году, „составляетъ коренной недостатокъ всего порядка обложенія и крайне вредно отзываются на благосостояніи землевладѣльческаго и особенно крестьянскаго населенія и на развитіи земледѣльческой производительности. Земля и земледѣльческій трудъ, благодаря этой неуравнительности, во многихъ мѣстахъ перестали быть источникомъ дохода и становятся въ тягость. Прискорбный фактъ этотъ, заявленный коммиссіи многими частными лицами и вполнѣ подтверждаемый данными собранными податною коммиссіей, ставитъ общую реформу прямыхъ податей въ число самыхъ насущныхъ потребностей Россіи въ настоящее время и заставляетъ усиленно желать скорѣйшаго осуществленія ея.“

И послѣ всего этого, не далѣе какъ лѣтомъ минувшаго 1878 года, русскимъ людямъ привелось читать въ XVI томѣ *Трудовъ коммиссіи Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ*, въ „Объяснительной запискѣ къ проекту положенія о разрядномъ налогѣ,“ безапелляціонныя сужденія о несвоевременности отмѣны системы подушныхъ сборовъ! „Непосредственно слѣдующіе за войной годы отсутствія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ,“ сказано между прочимъ въ этой запискѣ, „наименѣе благопріятны для такой, столь желательной во всѣхъ отношеніяхъ, реформы подушныхъ сборовъ. Замѣна въ подобное время государственной подушной подати, доставляющей свыше 54 милліоновъ рублей, болѣе правильными и менѣе обременительными налогами не могла бы обезпечить казнѣ необходимаго ей именно въ это время усиленія текущихъ ея средствъ и даже, по всей вѣроятности, только усилила бы въ первый годъ затруднительное ея положеніе. Посему осуществленіе предположеній о преобразованіи подушныхъ сборовъ должно по необходимости быть отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.“

Двадцать лѣтъ ждавшая своего осуществленія неотложная реформа однимъ почеркомъ пера отлагалась такимъ образомъ вновь на неопредѣленное время. Въ этой предполагавшейся отсрочкѣ выразилась столь обычная у насъ прискорбная рознь и даже прямая противоположность между финансовыми и экономическими интересами государства...

Но эта рознь не можетъ продолжаться безъ конца,—и устраненіе ея уже возвѣщено Высочайшимъ повелѣніемъ *нынѣ же* приступить къ обсужденію столь давно ожидаемой податной реформы, не дожидаясь какихъ-то „болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ,“ о которыхъ говоритъ податная коммиссія въ своей вышеупомянутой запискѣ.

№ 78.

Москва, 27-го марта.

А.

Согласно телеграфному извѣстію сообщенному намъ вчера нашимъ берлинскимъ корреспондентомъ, на осуществленіе проекта смѣшаннаго занятія Восточной Румеліи теперь мало надежды. Изъ другаго источника въ петербургскія газеты также сообщаютъ о неудачѣ этого проекта, но по причинамъ совершенно противоположнаго свойства, такъ что будто бы рѣшено *tacito consensu* фактически продлить занятіе этой провинціи русскими войсками. По какой бы причинѣ ни былъ оставленъ этотъ невозможный планъ, не мы конечно будемъ сожалѣть о немъ. Но въ иностранныхъ газетахъ мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о той циркулярной нотѣ въ которой Порта излагаетъ *свои* возраженія противъ проекта, и для уясненія фальшивой игры которую вновь затѣяла дипломатія по поводу злополучной половины Болгаріи, оторванной Берлинскимъ трактатомъ отъ роднаго края по сю сторону Балканъ, не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію эти возраженія. Ихъ сообщаетъ французскій органъ турецкой дипломатіи *Journal des Débats*. Турецкая нота, по словамъ этого парижскаго листка, исходитъ изъ того положенія что опасность грозитъ отнюдь не христіанскому населенію Восточной Румеліи, а Туркамъ. Мотивы ко-

ими подкрѣпляется эта совершенно новая „точка зрѣнія,“ сами по себѣ могутъ послужить указаніемъ на то какая участь готовится христіанскому населенію Южной Болгаріи если оно будетъ предано во власть Турокъ. Турецкое правительство озабочено, видите ли, тѣмъ что магометане, массой ушедшіе изъ этой провинціи при занятіи ея русскими войсками, должны получить обратно оставленную ими собственность, которою между тѣмъ завладѣли христіане, и вотъ Порта желала бы чтобъ ей дана была возможность заняться возстановленіемъ нарушенныхъ правъ. Легко себѣ представить какова будетъ эта справедливость и нельзя не ужасаться перспективы „обратнаго переселенія“ тѣхъ полчищъ Черкесовъ и баши-бузуковъ которыя и до событій послѣднихъ лѣтъ были лишь недавними пришельцами среди забалканскихъ христіанъ и водворены тамъ именно съ цѣлью терроризаціи туземнаго населенія чрезъ грабежъ и насиліе. За этихъ-то разбойниковъ Турецкое правительство заступается нынѣ „по праву,“ опираясь на „точный смыслъ Берлинскаго трактата!“ Оно готово допустить смѣшанную оккупацію; но условія коими оно обставляетъ ее ясно указываютъ на то что Турція видитъ въ этой оккупаціи лишь надежное средство къ достиженію своей цѣли. Оно прежде всего требуетъ чтобы срокъ смѣшаннаго занятія былъ назначенъ на одинъ годъ. Въ теченіе этого года совершится обратное переселеніе магометанъ; Черкессы и прочія полчища дикой орды успѣютъ, въ это время, занять свои прежнія мѣста, а съ ихъ помощью Турецкому правительству уже не трудно будетъ справиться съ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ. Сверхъ того, Турція требуетъ чтобъ ея контингентъ равнялся численностію всѣмъ остальнымъ вмѣстѣ взятымъ, и чтобъ ея войска, а не иныя заняли линію Балканъ. Это послѣднее требованіе подкрѣплено опять-таки ссылкой на Берлинскій трактатъ и еще тѣмъ что „нужно всѣми мѣрами изолировать Восточную Румелію отъ происковъ славянскихъ комитетовъ,“ которые въ противномъ случаѣ сумѣютъ де захватить въ свои руки всѣ турецкія владѣнія до Константинополя. Французская газета вполнѣ раздѣляетъ это опасеніе Турціи и находитъ что „въ интересахъ Европы,“ дѣйствительно, необходимо чтобы Турція, а не Россія, получила возможность немедленно занять линію Балканъ.

Итакъ, вотъ что̀ скрывается подъ проектомъ „смѣшанной оккупаціи,“ и вотъ почему Турція изъявила готовность войти въ это соглашеніе. Противорѣчивыя извѣстія послѣднихъ дней о переговорахъ по этому предмету не даютъ достаточнаго матеріала для сужденія о томъ насколько задуманный планъ имѣетъ шансы; но несомнѣнно то что забалканскимъ христіанамъ нельзя ожидать никакой пользы отъ этого плана въ отвращеніе новыхъ бѣдствій, и не въ этихъ видахъ онъ былъ придуманъ.

Дипломатія, между тѣмъ, подготовила какую-то новую таинственную комбинацію, именуемую „неписаннымъ союзомъ между Англіей и Австріей.“ Возвѣстилъ объ этомъ союзѣ въ первый разъ австро-венгерскій посолъ при Британскомъ дворѣ, графъ Карольи, на банкетѣ бывшемъ 2 апрѣля въ Лондонѣ въ годовщину общества вспоможенія бѣдствующимъ иностранцамъ. Представитель Австро-Венгріи говорилъ объ этомъ союзѣ какъ „о недавно совершившемся историческомъ фактѣ.“ Союзъ этотъ, хотя и неписанный, улаженъ, по его словамъ, между двумя великими государственными людьми и одобренъ государями обѣихъ странъ. Графъ Корольи прибавилъ къ этому обычныя оговорки о томъ что такой союзъ „основанный на взаимныхъ интересахъ служащихъ надежнѣйшимъ фундаментомъ для общаго дѣйствія“ долженъ скорѣе предотвратить нежели вызвать войну. Вѣнская *Montagsrevue*, въ свою очередь, дала вчера офиціозный комментарій къ лондонскому тосту представителя Австріи, комментарій еще болѣе затемняющій, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, эту загадочную манифестацію.

Интересно то что содержаніе рѣчи графа Корольи вовсе не было передано по телеграфу въ Россію. Берлинскія газеты хотя и сообщали на другой день о дружелюбномъ заявленіи австрійскаго посла на лондонскомъ банкетѣ; но въ этомъ сообщеніи обойдено молчаніемъ *фактическое* указаніе заключавшееся въ рѣчи графа Корольи, и ни словомъ не упомянуто ни объ „историческомъ событіи“ на дняхъ совершившемся, ни о соглашеніи слаженномъ „двумя великими государственными людьми и одобренномъ двумя государями.“ Лишь въ вѣнскихъ газетахъ, отъ 3 апрѣ-

ля, появилась телеграмма изъ Лондона, передавшая содержаніе рѣчи графа Корольи въ томъ видѣ какъ мы привели ее вчера. Но и вѣнскія газеты воздержались отъ пространныхъ разсужденій по этому поводу, очевидно выжидая офиціозныхъ сообщеній и комментарія, который появился лишь вчера, 6 апрѣля. Одна лишь *Neue Freie Presse* замѣчаетъ что тостъ австрійскаго посла въ Лондонѣ служитъ будто бы отвѣтомъ на недавній тостъ генерала Швейница въ Петербургѣ, возгласившаго о непоколебимомъ единеніи между Россіей и Германіей.

Мы плохо вѣримъ какъ въ серіозность этого англо-австрійскаго союза, такъ и въ то чтобъ онъ былъ направленъ противъ русско-германскаго единенія, — существующаго, увы, только на словахъ. Однако, кажется, затѣяна какая-то новая дипломатическая игра...

Б.

Воспитанницамъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ въ Москвѣ окончившимъ полный курсъ, Высочайше даровано право быть преподавательницами въ четырехъ младшихъ классахъ мужскихъ и во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій.

Радуемся этому важному преимуществу, радуемся какъ за гимназію, такъ и вообще за образованіе въ нашемъ отечествѣ. Образованіе женщины, во всемъ равное по силѣ мужскому, стало фактомъ благодаря самоотверженному труду основательницы женской классической гимназіи въ Москвѣ. Новое Высочайше дарованное право ея воспитанницамъ есть актъ признанія и узаконенія высшаго образованія женщины въ Россіи. Исполнилось то о чемъ еще недавно можно было только мечтать. Кто искренно желалъ открытія для женщинъ пути къ высшей наукѣ, тотъ вмѣстѣ съ нами порадуется успѣху предпріятія г-жи Фишеръ, которое нынѣ увѣнчивается государственнымъ признаніемъ. Въ нынѣшнемъ году, чрезъ два мѣсяца, послѣдуетъ первый выпускъ воспитанницъ этого заведенія. Съ увѣренностію говоримъ что эти молодыя дѣвушки, прекрасно воспитанныя въ сферѣ чисто-женскаго призванія и сохраняющія всѣ нравственныя особенности своего пола, по своему умственному образованію не только ни въ чемъ не уступятъ воспитанникамъ мужскихъ гимназій, но, говоря вообще, превзойдутъ ихъ. Воспитательница нашла возможнымъ еще возвысить и расширить для нихъ курсъ общеобразовательнаго ученія. Онѣ выйдутъ не только вполнѣ приготовленными къ высшему образованію, но и причастными ему, въ мѣру своего юнаго возраста.

Наши прогрессисты, такъ много кричавшіе о правахъ женщины и женскомъ образованіи, порадуются ли этому факту? Нѣтъ! Ихъ органы уже шипятъ злобой противъ этого дѣйствительнаго прогресса, какъ и противъ всего что̀ возвышаетъ и усиливаетъ въ нашемъ отечествѣ дѣло науки и обезпечиваетъ его будущность...

№ 79.

Москва, 28-го марта.

„Египетъ продолжаетъ быть страной сюрпризовъ,“ читали мы вчера въ парижской корреспонденціи *Times*, по поводу предложенія будто бы сдѣланнаго хедивомъ Англійскому и Французскому правительствамъ уплатить вполнѣ купоны долга по мѣрѣ ихъ срока. Предложеніе это, по замѣчанію корреспондента, должно быдо возбудить недовѣріе какъ прозрачная уловка со стороны хедива чтобъ отдѣлаться отъ докучной опеки навязанныхъ ему иностранныхъ министровъ.

Новый сюрпризъ не заставилъ себя ждать. Вчерашняя телеграмма взъ Каира извѣстила что Измаилъ-паша сообщилъ генеральнымъ консуламъ иностранныхъ державъ свой проектъ преобразованія финансовъ Египта, причемъ, однако, заявилъ что успѣхъ дѣла зависитъ отъ удаленія иностранныхъ министровъ. Вслѣдствіе чего онъ тотчасъ же и уволилъ Англичанина Вильсона и Француза Блиньера отъ занимаемыхъ ими съ прошлаго года должностей министровъ финансовъ и публичныхъ работъ, и затѣмъ составилъ новое министерство исключительно изъ туземцевъ, подъ предсѣдательствомъ Шерифъ-паши. Другая телеграмма извѣщала что упомянутые иностранцы не хотятъ подавать въ отставку пока не получатъ на то разрѣшенія отъ своихъ правительствъ. Этотъ куріозный случай раскрываетъ позицію уже захваченную иностранными правительствами въ Египтѣ. Положеніе французскаго министра намъ въ точ-

ности неизвѣстно, но что касается г. Вильсона, то онъ поѣхалъ въ Египетъ единственно на условіи чтобы за нимъ остался занимаемый имъ постъ контролера національнаго долга въ Англіи. Теперь оказывается что онъ и въ Египтѣ, по его мнѣнію, занимаетъ должность не на службѣ хедива, а въ качествѣ чиновника Англійскаго правительства, предъ нимъ однимъ считаетъ себя отвѣтственнымъ и помимо его не можетъ быть уволенъ.

Вотъ новыя хлопоты для Англійскаго правительства, возникающія тотчасъ послѣ того какъ канцлеръ казначейства внесъ бюджетъ, въ которомъ, отнеся накопившіеся дефициты прежнихъ лѣтъ въ текущій долгъ для покрытія его въ будущемъ, разчитывалъ что въ нынѣшнемъ году не представится никакихъ чрезвычайныхъ расходовъ кромѣ какъ на войну съ Зулу. Въ Лондонѣ уже собирался совѣтъ министровъ для совѣщанія о необходимыхъ мѣрахъ вслѣдствіе кризиса въ Каирѣ. Одинъ изъ министерскихъ вѣстовщиковъ, газета *Morning Post*, хочетъ обойтись безъ прямаго вмѣшательства и рекомендуетъ, вмѣсто того, настоять чтобы султанъ смѣнилъ хедива. Объ этихъ угрозахъ мы уже слышали прежде, по случаю увольненія хедивомъ Нубаръ-паши. На нихъ все время разчитывали въ увѣренности что ими можно заставить хедива подчиниться всѣмъ требованіямъ. Дѣйствительно, у Англичанъ остается эта стрѣла на лукѣ. У хедива есть двоюродный братъ Халимъ-паша, который, по прежнему закону престолонаслѣдія, былъ бы его преемникомъ, и мы читали уже похвалы его просвѣщеннымъ и либеральнымъ взглядамъ, точь въ точь какія нѣсколько лѣтъ тому назадъ расточались самому Измаилъ-пашѣ. Правда указомъ султана Абдулъ-Азиза въ 1866 году былъ измѣненъ порядокъ престолонаслѣдія въ Египтѣ въ пользу прямой нисходящей линіи. Но хедивъ, говорятъ, все-таки остается вассаломъ Порты, прежній *ирадé* можетъ быть отмѣненъ новымъ, и султанъ сохраняетъ право прямо смѣнить хедива. Такою благодарностью сулятъ вознаградить Измаилъ-пашу за помощь оказанную имъ султану въ войнѣ съ Русскими, и оказанную именно по настоянію Англичанъ, которая отнюдь не могла быть въ истинномъ интересѣ Египта и, разумѣется, не могла послужить къ облегченію его затруднительнаго финансоваго положенія, которое давно всѣмъ было извѣстно. И если даже это не пустая угроза, то лучше ли будетъ отъ того Египту, и упростится ли положеніе? Мы недавно сообщали о бѣдственномъ положеніи умирающихъ съ голоду феллаховъ, египетскихъ поселянъ. Волненіе и недовольство далеко не улеглись. Корреспондентъ *Daily News* телеграфируетъ изъ Александріи, отъ 3 апрѣля, что правительственные чиновники все еще обнаруживаютъ угрожающій духъ: „Сегодня 60 офицеровъ и матросовъ съ почтовыхъ пароходовъ хедива сдѣлали демонстрацію по поводу неполученія ими жалованья, но директоръ египетскаго почтоваго вѣдомства успокоилъ ихъ обѣщаніемъ удовлетворить ихъ законныя требованія, и они принялись за работу.“ Корреспондентъ же *Times* въ письмѣ, датированномъ еще 22 марта, писалъ что европейское населеніе въ Каирѣ живетъ въ ежедневномъ опасеніи народнаго взрыва. „Были сборища улемовъ; были сборища египетскихъ нотаблей; уволенные офицеры продолжаютъ дѣйствовать заодно. Къ хедиву являлись депутаціи съ требованіями бо́льшаго участія для Египтянъ въ администраціи страны и съ настояніями на выдачѣ неуплаченнаго жалованья.“ По словамъ корреспондента, однажды опасенія доходили до того что европейскіе министры не рѣшались выйти изъ дома. Между тѣмъ, хотя казначейство было пусто, дѣлались величайшія усилія чтобы набрать по крайней мѣрѣ милліонъ для уплаты хотя половины будущаго майскаго купона!

Какъ-то отзовется этотъ кризисъ на взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Англіи? Въ англійской палатѣ общинъ, 3 апрѣля, канцлеръ казначейства на запросы о проектѣ смѣшаннаго занятія Восточной Румеліи не далъ опредѣленнаго отвѣта, только съ удареніемъ заявилъ что Французское и Англійское правительства дѣйствуютъ вполнѣ согласно по этому вопросу, и это заявленіе было съ радостью подхвачено англійскою печатью. Намъ кажется что пробой этого согласія должны послужить именно египетскія дѣла. Очень вѣроятно что хедивъ именно возлагаетъ надежду на рознь и соперничество своихъ двухъ опекуновъ. Особенно солоно теперь приходится ему отъ Англичанъ. Пуще всего хотѣлось бы ему избавиться отъ г. Вильсона, въ чьихъ рукахъ теперь всѣ финансы Египта, тогда какъ г. Блиньеру, номинальному министру работъ, за неимѣніемъ фондовъ, почти нечего дѣлать.

Что касается состоятельности или несостоятельности Египта, то это не болѣе какъ вопросъ ариѳметики. При этомъ мы должны сдѣлать еще поправку.

Годовой доходъ Египта, какъ намъ доводилось упоминать, простирается до 8 милліоновъ ф. ст. Но это была смѣтная цифра за прошедшій годъ; на дѣлѣ же много хуже. По только что обнародованному отчету, весь доходъ за прошедшій годъ былъ всего $7^1/_4$ милліоновъ, на милліонъ менѣе смѣты, и на полтора милліона менѣе дохода предыдущаго года. И однако, *несмотря на то*, кредиторамъ было пунктуально уплачено отъ шести до семи милліоновъ. Для полнаго понятія объ этой эксплуатаціи не мѣшаетъ припомнить что, по заявленію г. Кева, англійскаго чиновника, два года тому назадъ производившаго слѣдствіе надъ финансами Египта, по всѣмъ сдѣланнымъ займамъ въ египетское казначейство поступило едва ли болѣе половины той суммы которая числится за нимъ въ долгу. Не удивительно что слышатся извѣстія о возобновленіи прежнихъ злоупотребленій, о вымогательствѣ уплаты налоговъ впередъ.

Во всей этой безурядицѣ, печатные органы цивилизованныхъ странъ, получающихъ вѣрный доходъ съ бѣдствующей страны, обличаютъ дурную администрацію хедива, эксплуатирующую страну лишними поборами. Но нынѣшняя администрація въ Египтѣ тѣмъ только разнится отъ бывшей въ прежнее время что ей прежде не приходилось платить свыше шести милліоновъ процентовъ за постройку оперы въ Каирѣ и множества фабрикъ и заводовъ, такъ прельщавшихъ туристовъ, причемъ получали не малые барыши какъ множество промышленниковъ поставщиковъ, такъ и банкирскія фирмы за коммиссію при негоціаціи займовъ. Разумѣется, при иной администраціи, съ устраненіемъ неправильныхъ поборовъ, населенію было бы легче. Но нормальные доходы все-таки не превышаютъ семи милліоновъ, и шесть изъ нихъ должны идти въ карманы Англичанъ и Французовъ. А развѣ, притомъ, честные англійскіе чиновники стали бы работать даромъ? Напротивъ, извѣстно что Англійское правительство навязало хедиву множество чиновниковъ съ высокими окладами, а изъ нихъ нѣкоторымъ почти нечего дѣлать, и они, вслѣдствіе этого, только ссорятся между собою.

Во всемъ этомъ остается много не яснаго. Во многихъ англійскихъ газетахъ, и въ особенности авторъ помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ *Nineteenth Century* весьма обстоятельной статьи объ египетскомъ кризисѣ, г. Эдвардъ Дайси (*Dicey*), недавно возвратившійся изъ Египта послѣ двухлѣтняго тамъ пребыванія, стараются разъяснить что конверсія египетскаго долга въ самомъ дѣлѣ можетъ оказаться неизбѣжною, но что прежде всего слѣдуетъ разслѣдовать причины доведшія страну до такого положенія и устранить ихъ, и потомъ уже, но ни какъ не прежде, можно будетъ подумать о конверсіи, а такому полному разслѣдованію постоянно де противодѣйствуютъ интриги хедива. Но что бы ни говорили о готовности будто бы англійскихъ кредиторовъ согласиться на конверсію египетскаго долга, лишь бы хедивъ далъ гарантіи что не будетъ ни въ чемъ прекословить европейскому контролю надъ его администраціей, готовность эта ни въ чемъ не проявляется. Напротивъ, мы знаемъ что Англійское правительство, вмѣстѣ съ Французскимъ, сильно понуждали хедива къ уплатѣ прошлогоднихъ купоновъ. Едва ли также въ Англіи серіозно принимаютъ къ сердцу бѣдствія феллаховъ. Наряду съ лицемѣрными сожалѣніями о ихъ участи читаемъ, напримѣръ, въ *Saturday Review* такія разсужденія: „если египетскіе крестьяне терпятъ де отъ розогъ и страды на государство, то вѣдь въ прошедшемъ году 4.000 туземцевъ были выпороны въ Мейсорѣ, государствѣ подчиненномъ англійскому верховному контролю, и Англичане ввели принудительную работу на Кипрѣ, послѣ того какъ она была отмѣнена тамъ Турками,“ или далѣе: „египетскихъ крестьянъ очень жалѣютъ за то что ихъ стригутъ для уплаты иностраннымъ кредиторамъ и чтобы доставлять иностранцамъ выгодныя мѣста; во всякомъ случаѣ, ихъ можетъ утѣшить то что многочисленное населеніе Индіи почти въ такомъ же положеніи.“

Нѣтъ, тутъ очевидно дѣло идетъ не просто о состоятельности или несостоятельности Египта. Идетъ ожесточенная борьба за власть, хотя главныя пружины ея тщательно скрываются. Давленіе на хедива съ требованіемъ оплаты купоновъ служитъ явно предлогомъ не только для Англійскаго, но и для Французскаго правительства, которое заботится не объ однихъ интересахъ *Crédit Foncier*. Г. Дайси сожалѣетъ что

Англійское правительство не озаботилось присоединеніемъ Египта въ 1877 году. Съ окончаніемъ же турецкой войны, какъ онъ объясняетъ, Англія утратила послѣдній благопріятный случай покончить Египетскій вопросъ въ своемъ интересѣ: готовился конгрессъ въ Берлинѣ; для успѣха на немъ англійской политики нужно было заручиться поддержкой Франціи, и потому пришлось дѣлать ей уступки въ Египтѣ. Какъ чувствительно отнеслась Франція къ этому вопросу извѣстно изъ сообщеній г. Ваддингтона лорду Сол бери.

Посмотримъ чѣмъ разыграется эта борьба...

№ 80.

Москва, 29-го марта.

Лондонскій тостъ представителя Австро-Венгріи графа Карольи произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, большую сенсацію. Удивительно только то что это торжественное провозглашеніе о совершившемся будто бы на дняхъ тѣсномъ сближеніи между Австріей и Англіей не только было умолчено телеграфомъ, этимъ всемірнымъ вѣстовщикомъ, но прошло на первыхъ порахъ почти незамѣченнымъ и мѣстною печатью. Лондонскія газеты очень мало говорили о рѣчи графа Карольи на другой день послѣ банкета 2 апрѣля, и только теперь мы узнаемъ, и то изъ лондонскихъ телеграммъ сообщаемыхъ въ *вѣнскія* газеты, будто англійская печать придаетъ „чрезвычайно важное значеніе" этой рѣчи. Это довольно странно, ибо лондонскія газеты отличаются большою точностью въ сообщеніи всякаго рода публичныхъ манифестацій со стороны видныхъ политическихъ дѣятелей; въ данномъ же случаѣ мы не находимъ въ лондонскихъ газетахъ, отъ 9 апрѣля, не только никакихъ разсужденій по поводу столь важнаго и близко касающагося Англіи заявленія иностраннаго дипломата, но и самая рѣчь графа Карольи передана репортерами англійскихъ газетъ (присутствовавшими на банкетѣ отъ имени всѣхъ важнѣйшихъ органовъ лондонской печати) въ такомъ видѣ что весьма позволительно усомниться, дѣйствительно ли австро-венгерскій посолъ сказалъ все то что теперь влагается въ его уста и что подаетъ нынѣ поводъ къ самымъ разнообразнымъ и оживленнымъ толкамъ. Такъ *Daily News*, осмѣивая банкетъ на которомъ графъ Карольи предсѣдалъ, сообщаетъ что графъ Карольи произнесъ „сильное и краснорѣчивое воззваніе"... къ благотворительности. *Pall Mall Gazette* вскользь, и очень кратко, сообщаетъ что былъ банкетъ и что графъ Карольи провозгласилъ тостъ въ честь королевы. Только *Times* излагаетъ содержаніе рѣчи графа Карольи; но въ этомъ изложеніи говорится о старинной пріязни между обѣими державами и объ узахъ дружбы теперь ихъ соединяющихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ де недавно совершившееся „историческое событіе;" подъ этимъ историческимъ событіемъ графъ Карольи разумѣлъ, какъ въ послѣдствіи разъяснилъ лондонскій корреспондентъ *Neue Freie Presse*, Берлинскій трактатъ. Но и въ рефератѣ газеты *Times*, ни однимъ словомъ не упомянуто заявленіе австрійскаго представителя о „неписанномъ союзѣ на дняхъ установленномъ двумя великими государственными людьми и утвержденномъ двумя государями."

Новый дипломатическій эффектъ слишкомъ грубъ, и фокусъ слишкомъ виденъ. Лондонскій тостъ выдается въ Вѣнѣ за отвѣтъ на недавній петербургскій тостъ германскаго посла, генерала Швейница. Посмотримъ же какъ эта исторія отозвалась въ Берлинѣ. Берлинская *Національная Газета* высказываетъ увѣренность что вѣнской печати дано указаніе свыше чтобъ она именно такъ истолковала смыслъ лондонскаго тоста. Затѣмъ, та же газета, устами, своего вѣнскаго корреспондента воспроизводящаго то же самое толкованіе, спѣшитъ оговориться что хотя представитель Австро-Венгріи имѣлъ въ виду заявить объ единеніи направленномъ противъ другаго „дружественнаго союза," о коемъ возгласилъ представитель Германіи, тѣмъ не менѣе „все это отнюдь не можетъ измѣнить дружественныя отношенія существующія между Австріей и Германіей." Отношенія эти такъ де крѣпки что ихъ не могли бы расторгнуть никакія событія и замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ. Никто однако не оспариваетъ того что Англія съ Австріей могли сойтись и заключить между собою „неписанный союзъ" главнымъ образомъ въ виду затрудненій могущихъ возникнуть на Балканскомъ полуостровѣ. Съ другой сторо-

ны, и отношенія Россіи къ той или другой изъ европейскихъ державъ обусловливаются въ настоящее время главнымъ образомъ, можно сказать исключительно, дѣлами Балканскаго полуострова. Если же во всѣхъ этихъ взаимныхъ любезностяхъ и изъявленіяхъ дружбы послѣднихъ дней не подразумѣвались интересы связанные съ дѣлами Востока, то какое же имѣли они значеніе? Противъ чего направлена была контръ-демонстрація графа Карольи?

Названная берлинская газета старается, съ своей стороны, дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, который естественно возникаетъ въ виду торопливыхъ заявленій о томъ что Германія во всемъ этомъ дѣлѣ ни при чемъ. Генералъ Швейницъ не только заявилъ о продолжающейся дружбѣ между Россіей и Германіей, но упомянулъ и о „людяхъ тамъ, внѣ," коимъ эта дружба не по сердцу. И вотъ *Національная Газета* даетъ почувствовать что если представитель Германіи и поусердствовалъ немного черезчуръ этимъ указаніемъ, то не слѣдуетъ придавать этому слишкомъ большаго значенія. Указаніе это во всякомъ случаѣ настолько де неопредѣленно что подъ внѣшними завистниками русско-германской дружбы нѣтъ надобности разумѣть кого-либо иного какъ недружелюбную къ Россіи европейскую печать. Притомъ же генералъ Швейницъ говорилъ де въ отвѣтъ на чрезвычайно дружелюбное заявленіе относительно Германіи, и говорилъ на обѣдѣ, а это конечно де не то какъ еслибы подобное заявленіе было выражено въ письменномъ дипломатическомъ актѣ.

Вообще же берлинская газета думаетъ что „великая дипломатическая и журнальная мельница, приведенная послѣдними событіями въ необычайное движеніе, не можетъ такъ скоро возвратиться къ состоянію спокойствія, и потому продолжаетъ молоть несмотря на то что факты доставляютъ ей въ сущности очень немного помолу."

Изъ вѣнскихъ газетъ свободнѣе другихъ высказалась о лондонскомъ тостѣ *Neue Freie Presse*. Эта газета постоянно враждующая противъ графа Андраши прямо говоритъ что она не вѣритъ чтобы все это дѣло имѣло серіозное значеніе, разсуждая весьма резонно что если Австрія съ Англіей не нашли способовъ подать другъ другу руку на общее дѣйствіе во время войны и въ промежутокъ времени отъ Санъ-Стефанскаго договора и до Берлинскаго конгресса, то теперь и подавно нельзя ожидать чтобъ онѣ могли заключить между собой оборонительный и наступательный союзъ. Но названная газета, открыто заступающая турецкіе интересы, обѣщаетъ многое простить графу Андраши если онъ путемъ соглашенія съ Англіей достигнетъ по крайней мѣрѣ того чтобы Россія не помѣшала Туркамъ занять линіи Балканъ.

По всему вѣроятію, такова и есть та цѣль для которой графу Карольи присочинена была рѣчь, имъ въ дѣйствительности не произнесенная.

№ 81.

Москва, 30-го марта.

Обнародованное вчера Высочайше утвержденное 6 марта мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ служитъ дополненіемъ къ закону 7 марта объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги. Вездѣ гдѣ отмѣнено личное задержаніе за долги мѣра эта сопровождалась упраздненіемъ постановленій объ узаконенномъ ростѣ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ одна Франція, гдѣ до сихъ поръ остаются въ силѣ законы о лихвенныхъ процентахъ. Но нельзя не замѣтить что наше законодательство, послѣдовавшее въ этомъ дѣлѣ за общимъ теченіемъ, нѣсколько запоздало и осуществило обѣ указанныя мѣры въ такое время когда вездѣ въ Европѣ начинаетъ сказываться весьма замѣтная реакція противъ тѣхъ принциповъ которые еще 15—20 лѣтъ тому назадъ признавались безусловными. Вездѣ, и съ большею настойчивостью, раздаются возраженія противъ упраздненія законнаго роста. Свобода взаимнаго соглашенія о размѣрѣ процентовъ признавалась въ извѣстномъ смыслѣ замѣной той гарантіи которою прежде заимодавецъ имѣлъ въ возможности угрожать своему неисправному плательщику лишеніемъ свободы. Допущеніе высокаго процента считалось справедливою преміей за увеличенный рискъ. Сверхъ того, въ этомъ случаѣ возобладала общая экономическая доктрина о наименьшей регламентаціи гражданскаго оборота. Деньги—товаръ, а по-

тому и цѣна на него (то-есть процентъ) должна де регулироваться ни чѣмъ инымъ какъ спросомъ и предложеніемъ. Практическій опытъ показалъ, однако, въ этомъ какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, что кабинетныя доктрины экономистовъ не всегда совпадаютъ съ требованіями и нуждами дѣйствительной жизни. Германія, со времени своего возрожденія, отличалась особеннымъ рвеніемъ въ дѣлѣ законодательства, и всѣ тамъ изданные новые законы касающіеся гражданскихъ отношеній и имущественнаго оборота запечатлѣны были духомъ „прогресса,“ какъ его понимаетъ школа политическихъ и экономическихъ доктринеровъ именующихъ себя націоналъ-либералами. Въ 1867 году послѣдовала отмѣна личнаго задержанія за долги, которое сопровождалось упраздненіемъ законнаго роста и ограниченій относительно права обязываться векселями. И вотъ теперь, то-есть не болѣе какъ черезъ 12 лѣтъ, реакція сказывается въ Германіи и по этому предмету, какъ и по поводу принциповъ фритредерства коихъ торжество также наступило въ срединѣ 60 годовъ. 31 марта, Германскій рейхстагъ посвятилъ цѣлое засѣданіе обсужденію вопроса о необходимости принять мѣры противъ постоянно возрастающихъ злоупотребленій ростовщичества, широко раскинувшагося и страшно эксплуатирующаго нищету и невѣжество, благодаря простору дарованному ему либеральнымъ закономъ 1867 года. Внесены были два предложенія: одно со стороны партіи центра, коимъ проектируется введеніе вновь узаконеннаго роста въ 8 % съ оставленіемъ свободы соглашенія о процентахъ лишь для лицъ торговаго званія, а другое отъ партіи германскихъ консерватиновъ коимъ предполагается оставить безъ измѣненія законы о свободныхъ процентахъ и векселяхъ, но съ тѣмъ чтобъ уголовный законъ дополненъ былъ карательными постановленіями противъ умышленнаго и корыстнаго лихоимства, а именно денежный штрафъ въ 1.500 марокъ за корыстную эксплуатацію нужды, легкомыслія или невѣжества должника; тотъ же штрафъ и тюрьма на 3 мѣсяца за сокрытіе лихвенной сдѣлки подъ видомъ торговой, и наконецъ тюрьма до 3 мѣсяцевъ, съ денежнымъ штрафомъ въ 300 марокъ и потерей гражданской чести за занятіе лихоимствомъ какъ промысломъ. Пренія происходившія по поводу этихъ предложеній заслуживаютъ для насъ теперь особеннаго вниманія, въ виду того что вопросъ о лихоимствѣ поставленъ и у насъ на очереди новымъ закономъ. И нашъ законодатель не упустилъ изъ виду реакцію наступившую по этому предмету въ общественномъ настроеніи всѣхъ странъ. По п. IV закона 6 марта, министру юстиціи предоставлено внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ правилъ о мѣрахъ взысканія за такія злоупотребленія заимодавцевъ, которыя съ отмѣной отвѣтственности за взятіе болѣе шести процентовъ въ годъ должны быть считаемы дѣяніями ростовщическими. При составленіи этихъ будущихъ правилъ возможно будетъ воспользоваться и подготовительными работами Германскаго рейхстага въ коемъ будетъ разрабатываться такой же законъ, такъ какъ упомянутыя пренія 31 марта окончились назначеніемъ коммиссіи изъ 21 члена, причемъ представитель Имперскаго правительства, согласно съ большинствомъ рейхстага, высказался противъ предложенія центра о возстановленіи узаконеннаго роста, но изъявилъ готовность правительства дополнить уголовный кодексъ карательными постановленіями противъ ростовщичества. Ораторы рейхстага, говорившіе въ пользу указанныхъ предложеній, указали между прочимъ на одинъ видъ ростовщичества, который успѣлъ уже пустить корни и у насъ несмотря на то что до сихъ поръ законы о ростѣ номинально оставались въ силѣ. Это именно такъ-называемыя главныя кассы ссудъ и вертепы ростовщиковъ скрывающіеся или вѣрнѣе открывающіеся нынѣ на всѣхъ бойкихъ мѣстахъ (столицъ въ особенности) подъ вывѣсками „покупки и продажи разныхъ вещей.“ Въ Берлинѣ „конторы“ эти дѣйствуютъ подъ названіемъ Ruckkaufsgeschäfte, такъ какъ пріемъ вкладовъ совершается большею частью въ формѣ „продажи вещей съ правомъ обратной покупки“ (въ теченіе срока займа). По статистическимъ свѣдѣніямъ, этихъ „заведеній“ существуетъ въ Берлинѣ до тысячи и средняя прибыль взимаемая ими равняется 80 % годовыхъ. Легко представить себѣ какъ широко раскинется сѣть ростовщичества у насъ если съ отмѣной законнаго роста не будутъ въ самомъ скоромъ времени изданы проектированныя правила установляющія кару за ростовщичество. При формализмѣ господствующемъ въ нашихъ судахъ, борьба съ этимъ зломъ бу-

деть, помимо всего, труднѣе чѣмъ гдѣ-либо. Наши судьи еще не привыкли свободно обращаться съ закономъ и руководствоваться болѣе его духомъ нежели буквой Мы припоминаемъ какъ года два тому назадъ въ Вѣнѣ привлеченъ былъ къ уголовной отвѣтственности одинъ гнусный ростовщикъ за невѣроятное вымогательство доведшее должника до самоубійства. Законный ростъ отмѣненъ и въ Австріи (за исключеніемъ Галиціи и Буковины). Тѣмъ не менѣе этотъ ростовщикъ былъ осужденъ и подвергся довольно строгому наказанію. Судъ подвелъ его дѣяніе подъ вымогательство (Erpressung), хотя буквальный смыслъ этого закона совсѣмъ не подходилъ къ данному случаю. У насъ подобная свобода интерпретаціи закона была бы немыслима. Вымогательство фигурируетъ и въ нашемъ уголовномъ кодексѣ (стт. 377 и 378 Улож. о Нак.), но какъ спеціальный видъ преступленія по службѣ, какъ „высшая степень лихоимства.“ Не мыслимо чтобы наши суды рѣшались подводить подъ эти статьи злоупотребленія ростовщиковъ. А потому ростовщичество будетъ теперь совершенно безнаказанно до изданія спеціальнаго закона по этому предмету, ибо ст. 1.707 Улож. о Нак., карающая за взятіе процентовъ свыше установленныхъ по закону, должна почитаться отмѣненною со времени изданія закона объ отмѣнѣ узаконеннаго роста. Впрочемъ, эта статья давно уже фактически перестала дѣйствовать, такъ какъ свыше шести процентовъ взимаетъ даже Государственный Банкъ.

№ 82.

Москва, 2-го апрѣля.

Благодареніе Господу за новое знаменіе Его благоволенія къ нашему отечеству, за истинное чудо нынѣ явленное Имъ въ спасеніи жизни Его Помазанника! Уже не разъ злодѣйская рука покушалась на эту драгоцѣнную и священную намъ жизнь, но никогда чудо спасенія не было такъ поразительно явно какъ нынѣ. Злодѣю какъ бы даны были всѣ льготы и способы къ совершенію его черного дѣла чтобъ очевидно стало дѣйствіе Божьяго Промысла, бодрствующаго надъ Русскимъ народомъ. Но знаменія не втунѣ даются; въ нихъ поученіе и указанія. Пора отнять у враговъ нашего народа льготы и способы дѣйствія. Пора пресѣчь пути злу которое не по днямъ, а по часамъ растетъ въ своей дерзости; пора расторгнуть сѣть обмана безпрепятственно уловляющую легкомысленныхъ; пора оградить отъ заразы дѣтей нашихъ, а съ ними будущность Россіи. Мѣра терпѣнія переполнилась. Еще ли враги наши будутъ безнаказанно издѣваться надъ нами? Еще ли государственный мечъ будетъ коснѣть въ своихъ ножнахъ? Еще ли не пора явить святую силу власти во всей грозѣ ея величія? Ея проявленій на страхъ врагамъ ждетъ не дождется негодующій народъ, безпрерывно оскорляемый въ своей святынѣ.

Никогда Русскій народъ не былъ болѣе единодушенъ и твердъ какъ нынѣ, и его единеніе съ Богодарованнымъ ему Вождемъ никогда не было такъ крѣпко и могущественно. Никогда историческій духъ нашего великаго народа, несомнѣнно призваннаго открыть стези будущаго для человѣчества, не былъ такъ живъ и бодръ какъ въ наши дни, ознаменнованные безпримѣрною по доблести и христіанскому духу борьбой. Исторія не запомнитъ Монарха болѣе человѣколюбиваго и кроткаго, болѣе стяжавшаго правъ на любовь своего народа какъ возлюбленный Государь нашъ, ознаменовавшій Свое царствованіе величайшими благодѣяніями для Своей страны, величайшими заслугами предъ человѣчествомъ. Да даруетъ Богъ Ему еще долгое царствованіе на благо Россіи, и да поможетъ Ему спасительнымъ дѣйствіемъ свыше дарованной Ему власти освободить наше отечество отъ случайно проникшей заразы!

Да очнутся и отрезвятся наконецъ несчастные постигнутые этою заразой! Пора и всѣмъ нашимъ умникамъ прекратить праздномысліе и празднословіе, выкинуть дурь изъ головы и возвратиться къ честному здравому смыслу. Пора нашему обществу, и всѣмъ стоящимъ во главѣ его, найти заглохшій путь къ нашей народной святынѣ, внѣ которой нѣтъ для насъ спасенія, внѣ которой не будетъ намъ ни въ чемъ успѣха. Пора намъ обновить въ себѣ духъ нашей исторіи, перестать быть иностранцами и стать по истинѣ дѣтьми своей страны, живою частью своего народа.

№ 83.

Москва, 3-го апрѣля.

Богъ избавилъ Русскую землю отъ великаго бѣдствія. Мы были на краю страшной бездны, но Богъ спасъ насъ отъ паденія. Совершилось злодѣяніе не достигшее своей цѣли. Событія подобныя покушенію 2-го апрѣля вызываютъ въ душѣ смѣшанное чувство. Радость возвышается надъ скорбію; но скорбь не исчезаетъ, и она не должна исчезать. Она должна слышаться, и она слышится теперь въ народномъ движеніи. Она углубляетъ наше чувство; она придаетъ ему силу и строгость, она не даетъ ему испариться въ ликованіяхъ. Народъ чувствуетъ что Божій перстъ коснулся основъ его жизни, что рѣшались судьбы его. Изъ событій подобнаго рода, и люди и народы должны выносить наученіе и опытъ. Событіе 2-го апрѣля и народное чувство имъ возбужденное должно во всѣхъ общественныхъ слояхъ оставить слѣдъ. Оно должно умудрить и правительство.

Кто этотъ преступникъ? Какое побужденіе могло поднять его цареубійственную руку? Кто бы ни былъ преступникъ, онъ, по всему вѣроятію, былъ слѣпымъ орудіемъ невѣдомыхъ ему замысловъ и цѣлей, какъ изъ многихъ подобныхъ случаевъ явствуетъ. Вся сила зла заключается въ преступной организаціи которая страшною дисциплиной тяготѣетъ надъ людьми попавшими въ ея сѣти. Разъ попавъ въ эту роковую сѣть, жалкій безумецъ теряетъ власть надъ собой. Шагъ за шагомъ онъ запутывается все болѣе. Нѣтъ руки за которую онъ могъ бы ухватиться чтобы вырваться изъ этихъ путъ; не является силы которая могла бы превозмочь держащую его темную власть и ослабить охватившую его сѣть. Страхъ держитъ его въ безпрекословномъ повиновеніи; онъ не разсуждаетъ, не мыслить, не отдаетъ себѣ отчета. Онъ рабъ чужой воли, и пока онъ не совсѣмъ погибъ нравственно, мысль и совѣсть не могутъ не пробуждаться въ немъ. Онъ дѣйствуетъ съ отчаяніемъ, со смертію въ душѣ. Нерѣдко эти несчастные люди ищутъ спасенія въ самоубійствѣ, и вотъ одна изъ причинъ многихъ загадочныхъ самоубійствъ, особенно между молодыми людьми еше не успѣвшими огрубѣть въ преступной дисциплинѣ. Не героизмъ, хотя бы превратный, воодушевляетъ этихъ ратниковъ темной силы, а страхъ и нравственное огрубѣніе какъ его послѣдствіе.

Въ чемъ же должна быть истинная задача правительства? Не въ томъ, конечно, чтобъ обрывать листья оставляя въ силѣ корень. Если дѣйствіе законной власти не достаточно чувствуется, то входятъ въ силу темныя власти. Если ослабляются узы законнаго порядка, если падаетъ семейная, общественная, государственная дисциплина, то растетъ въ силѣ дисциплина тайныхъ обществъ, и незрѣлые люди становятся жертвами всякой пропаганды какая только захочетъ завладѣть ими чтобъ употреблять ихъ для своихъ цѣлей. Страхъ побѣждается страхомъ. Пагубный страхъ предъ темными силами можетъ быть побѣжденъ только спасительнымъ страхомъ предъ законною властью.

№ 84.

Москва, 4-го апрѣля.

Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи 2 апрѣля была ударомъ грома не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ. Отъ всѣхъ правительствъ, изо всѣхъ странъ Европы и изъ-за Атлантическаго Океана несутся поздравленія Богохранимому Государю нашему и съ Нимъ Его народу; вездѣ единодушно раздается крикъ негодованія противъ нечестиваго дѣла. Друзья и противники согласно соединяются въ этихъ изъявленіяхъ. Это не простой актъ международной вѣжливости. Чувство сказавшееся въ этомъ всеобщемъ протестѣ противъ безумнаго злодѣянія такъ естественно во всякомъ не потерявшемся умѣ, во всякомъ обществѣ гдѣ есть какая-либо религія, гдѣ господствуетъ какой-либо нравственный порядокъ!.. Столь же естественна и всеобщая радость о спасеніи жизни Монарха, который высокими качествами Своего сердца и великими дѣяніями Своего царствованія привлекъ къ себѣ симпатіи цѣлаго міра. Какъ вѣрно замѣтила одна изъ берлинскихъ газетъ, „даже враги не могутъ отрицать отличающихъ Русскаго Государя благости, кротости и справедливости.“ Итакъ, мы искренно вѣримъ въ искренность всѣхъ этихъ изъявленій. Они пріятны и утѣшительны нашему русскому серд-

цу. Но уже и теперь, когда эти несущіеся къ намъ голоса слышны какъ бы издали, когда эти сочувственныя выраженія достигаютъ до насъ въ сокращенныхъ и отрывочныхъ передачахъ телеграфа, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторое между ними различіе: одни безпримѣсны и просты, а въ другихъ есть нѣкоторая примѣсь. Въ Германіи, напримѣръ, первое впечатлѣніе сказалось сильно и просто. Въ Германіи еще живы въ памяти два такія же злодѣянія противъ ея доблестнаго императора, побудившія тамъ къ принятію сильныхъ мѣръ и послужившихъ поводомъ къ существенному повороту во внутренней политикѣ страны. Въ отзывахъ изъ Берлина нѣтъ никакихъ инсинуацій о судьбахъ Россіи и неумѣстныхъ опасеній за ея развитіе. Въ Германіи тѣмъ искреннѣе радуются о спасеніи жизни нашего Государя что Онъ всегда былъ ей вѣрнымъ и доброжелательнымъ другомъ.

Не можемъ же мы ото всѣхъ ожидать того же самаго. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ изъ другихъ странъ слышится фальшивая нота. Такъ *République Francaise,* высказавшись съ справедливымъ негодованіемъ противъ цареубійцы, выражаетъ очень не кстати опасеніе какъ бы это событіе не повело къ принятію репрессивныхъ мѣръ. Къ какимъ же, однако, мѣрамъ должно повести подобное событіе? И умѣстно ли подобное опасеніе въ органѣ, который такъ ревностно ратуетъ за репрессивныя мѣры противъ Болгаръ Румеліи чтобы вновь покорить ихъ мусульманскому владычеству? Органъ Города Лондона, *Times*, страшится за „развитіе и подъемъ великой имперіи на востокѣ Европы.“ „Уже простое покушеніе, сказано въ этой газетѣ должно пріостановить движеніе роста Россіи, а удача не только парализовала бы дѣло подъема, но и повела бы къ самой суровой правительственной системѣ во всей Россіи.“ Но почему же, къ великому счастію не удавшееся дѣло злодѣя *должно*, несмотря на то, помѣшать движенію роста Россіи? Мы вѣримъ искренности человѣческаго чувства какъ въ англійскомъ, такъ и во всякомъ другомъ органѣ. Но мы признаемся не вѣримъ искренности англійскихъ политиковъ въ ихъ заботахъ о подъемѣ, развитіи и усиленіи Русскаго царства. Зачѣмъ бы понадобились имъ это развитіе и этотъ подъемъ? Отчего они не опасаются за участь Германіи, гдѣ правительство сочло должнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для борьбы со зломъ? Да развѣ въ Англіи стали бы церемониться съ подобными безобразіями? По поводу ничтожнаго фенійскаго движенія въ Ирландіи, не была ли эта страна, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, съ 1867 по 1870, подвергнута самымъ суровымъ исключительнымъ мѣрамъ? Совершившееся злодѣйское покушеніе не могло не возбудить негодованія въ какой бы то ни было средѣ и, повторяемъ, мы вѣримъ въ искренность отзывовъ англійской печати въ виду этого ужаснаго и возмутительнаго факта. Но печальное шатаніе въ нѣкоторой части нашего общества, это распущенность и разслабленность нашей интеллигенціи, чествующія себя либерализмомъ, были всегда по нраву англійской печати. Она всегда злорадствовала нашему нестроенію, и еще предъ войной распространяла фальшивые слухи о широкомъ развѣтвленіи нигилистическихъ заговоровъ въ *массѣ* нашего народа, совѣтуя намъ либеральныя мѣры въ родѣ турецкой конституціи. Въ послѣднее время, въ ней вдругъ встрепенулся особый интересъ къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ. *Times* и *Daily News* выслали въ Петербургъ спеціальныхъ корреспондентовъ для наблюденія за „постепеннымъ развитіемъ революціоннаго движенія въ Россіи,“ и не болѣе какъ недѣли за двѣ за три предъ симъ, въ этихъ обѣихъ газетахъ стали часто появляться письма и телеграммы съ помѣткой: *отъ нашего корреспондента* (*from our own correspondent*). Эти корреспонденты уже успѣли натолковать своимъ читателямъ о мѣрахъ „репрессіи.“ вслѣдствіе коихъ революціонеры и совершаютъ де свои убійства. Тѣ же корреспонденты находили досугъ наблюдать и за иностранною политикой Россіи, выражая надежду что она сблизится съ англійскою, благодаря усиліямъ графа Шувалова и лорда Дэфферина. Впрочемъ, въ послѣдней телеграммѣ своей корреспондентъ *Daily News* съ сожалѣніемъ извѣщаетъ что эти надежды не оправдались...

Прогрессъ, подъемъ и ростъ Россіи именно и требуютъ усиленнаго дѣйствія власти. Ослаблять ее или коснѣть въ бездѣйствіи было бы прогрессомъ гибели и паденія.

Сейчасъ, поздно ночью, получили мы отъ нашего корреспондента сообщенное въ *Agence Générale Russe* содержаніе словъ

Государя Императора въ отвѣтъ на поздравленіе Петербургскаго дворянства. Во всей Россіи слова эти отзовутся какъ радостная вѣсть освобожденія. Дай только Богъ чтобъ исполнители Государевой воли глубоко прониклись долгомъ своего призванія и сумѣли стать въ уровень его требованіямъ!..

№ 85.

Москва, 5-го апрѣля.

Какія же мѣры полезны и необходимы для прекращенія зла, которому изъ ничего было попущено такъ широко развиться и принять столь опасные размѣры? Чѣмъ ушибся тѣмъ и лѣчись, говоритъ пословица; что способствовало развитію зла, то должно и указать средства къ его пресѣченію.

Мы обладаемъ опытомъ который можетъ многому научить насъ если захотимъ обратиться къ нему. Что способствовало развитію польской революціонной организаціи которая, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, обнаружилась вооруженнымъ возстаніемъ грозившимъ цѣлости Россіи? Недостатокъ государственнаго духа въ служителяхъ государства, легкомысленное желаніе всѣмъ нравиться и угождать, антинаціональное настроеніе въ интеллигентныхъ сферахъ общества, либеральничанье состоящее въ томъ чтобы не скупиться интересами государства, дѣйствіе властей лишенное послѣдовательности и согласія, администрація дававшая водить себя за носъ и сама пособлявшая заговору сложиться и усилиться, правительственныя вѣдомства наполненныя заговорщиками, занимавшими вліятельное положеніе. Припомнимъ какая страшная подземная сила развилась тогда при столь благопріятныхъ ей условіяхъ. Польское тайное правительство располагало не тысячами людей, а сотнями тысячъ, даже милліонами. Оно могло выставить правильно вооруженныя войска, оно имѣло свою полицію безпрекословно покорную его велѣніямъ. У него въ распоряженіи были многія тысячи жандармовъ,— жандармовъ-вѣшателей, жандармовъ-кинжальщиковъ,— и тысячами насчитывались жертвы этихъ палачей и въ западномъ краѣ, и въ Царствѣ Польскомъ. Страхомъ своей расправы они загоняли мирныя населенія въ сѣти революціонной организаціи. Вся шляхта была подъ знаменемъ возстанія; католическое польское духовенство и сильная богатая аристократія были его душой. Въ немъ было все что называется обществомъ, вся интеллигенція Польши, а простой народъ сами власти наши предавали вожакамъ мятежа. Наконецъ, вся Европа (за исключеніемъ Пруссіи) раздувала и подпирала мятежъ, и пугала насъ войною если мы не поладимъ съ нимъ. Съ каждымъ днемъ положеніе становилось все хуже. Чѣмъ миролюбивѣе и уступчивѣе были мы съ враждебною силой, тѣмъ болѣе росла ея дерзость и тѣмъ болѣе лилось крови. Крови пролито было много. Нашихъ солдатъ измѣннически рѣзали, плевали имъ въ лицо; русскихъ женщинъ обливали сѣрною кислотой на улицахъ... Чѣмъ же рѣшена была эта борьба? Патріотическимъ духомъ объявшимъ страну отъ хижинъ до дворцовъ, великимъ народнымъ движеніемъ которое изумило и Европу, и Поляковъ, обманутыхъ гнилью поверхности. Всѣ разногласія исчезли, всѣ нелѣпости и безумія сгорѣли въ очистительномъ огнѣ, а неисправимо дурное смолкло и трепетно спряталось въ норы. Принято было рѣшеніе дѣйствовать. Въ Вильну былъ отправленъ государственный человѣкъ вооруженный полномочіемъ. Въ этомъ полномочіи, въ этой свободѣ дѣйствій, заключается главнымъ образомъ тайна поразительно быстраго успѣха одержаннаго Муравьевымъ. Въ нѣсколько недѣль было раздавлено возстаніе и сломлена подземная организація, казавшаяся столь могущественною. Муравьевъ былъ человѣкъ здраваго смысла и твердаго характера. Вотъ качества,—столь простыя и, увы! столь рѣдкія въ наше время,—вотъ качества, благодаря которымъ Муравьевъ оказался способнымъ къ исполненію возложенной на него государственной задачи. Это повидимому не много, но только этого и требовалось. Горизонтъ мысли покойнаго графа Муравьева не былъ очень обширенъ; за то умъ его былъ свободенъ отъ праздномыслія, за то одуряющая шумиха фразъ на него не дѣйствовала; онъ былъ серіезный и толковый человѣкъ, онъ былъ что называется дѣльный человѣкъ, и не боялся того что о немъ скажутъ во французскихъ фельетонахъ. Онъ дѣлалъ свое дѣло какъ считалъ должнымъ и нужнымъ, и не смущался никакими криками. Озлоб-

ленные успѣхами его дѣйствій, противники ославили виленскаго генералъ-губернатора извергомъ, мучителемъ, людоѣдомъ. а на самомъ дѣлѣ, напротивъ, онъ прекратилъ кровопролитіе и спасъ массы людей отъ гибели. Грозная рука неуклонно настигала виновниковъ, и все ограничилось лишь нѣсколькими ударами которые усмирили мятежную силу и освободили отъ нея массы несчастныхъ людей загнанныхъ страхомъ въ ея ряды.

Что̀ значитъ, въ сравненіи съ польскимъ мятежомъ, тайная организація съ которою нынѣ приходится намъ бороться внутри Россіи, состоящая изъ горсти злоумышленниковъ покорныхъ чужой командѣ и не имѣющая ничего общаго съ нашимъ народомъ? Тѣ же причины, тѣ же наши недуги которые способствовали развитію польскаго мятежа, были виной и развитія преступной пропаганды между нашею бѣдною молодежью, которая за нѣсколько лѣтъ предъ симъ находилась въ ужасающемъ положеніи и изъ которой главнымъ образомъ выходили всѣ герои нашихъ политическихъ процессовъ. Но польская организація имѣла въ себѣ нѣчто положительное, въ ней была все-таки сила съ которою приходилось считаться, между тѣмъ когда русская революціонная организація сильна только безсиліемъ противодѣйствія которое она доселѣ встрѣчала и которое лишь питало и поощряло ее. Что̀ же требуется для прекращенія нашего нынѣшняго зла? Также образъ дѣйствій рѣшительный и послѣдовательный. Также нужно сосредоточеніе власти въ одной сильной рукѣ, при полномъ согласіи правительственныхъ вѣдомствъ и подчиненіи всѣхъ разъ установленному и неуклонно исполняемому плану. Избранный дѣятель, неся на себѣ нераздѣльную отвѣтственность, можетъ успѣшно дѣйствовать только при полномъ довѣріи къ нему, только при полной свободѣ своихъ дѣйствій. Никакія постороннія уваженія не должны его останавливать. Онъ долженъ быть избавленъ отъ всякой надобности входить въ какія-либо сдѣлки. Всѣ созданныя государствомъ учрежденія должны безусловно согласоваться съ требованіями государства, когда дѣло идетъ о его безопасности. Невозможно обыкновеннымъ судамъ предоставлять рѣшеніе въ дѣлахъ касающихся основаній самаго государства. Обыкновенные суды призваны охранять интересы гражданъ внутри ограды государства, соотвѣтственно установленнымъ отъ него законамъ, но они не компетентны вѣдать дѣла самаго государства. Его созданія, они не призваны быть его судьями, и она не можетъ являться стороною въ вопросахъ о своей безопасности.

Мы вспомнили о Муравьевѣ въ Вильнѣ, и не можемъ не присовокупить что тотъ же Муравьевъ гораздо менѣе успѣшно дѣйствовалъ, три года спустя, въ Петербургѣ, призванный освѣтить и изслѣдовать пути внезапно поразившаго тогда Россію цареубійственнаго покушенія. Въ то время уже завязалась, переброшенная польскими революціонерами въ Россію, сѣть преступной организаціи между полудикими молодыми людьми. Она была еще только въ начаткахъ и справиться съ нею было, конечно, легче чѣмъ съ польскою организаціей. Но въ Петербургѣ Муравьевъ не много успѣлъ сдѣлать для раскрытія и пресѣченія зла. Не потому ли что въ Петербургѣ онъ не могъ дѣйствовать такъ свободно какъ въ Вильнѣ, гдѣ онъ не чувствовалъ себя связаннымъ, гдѣ вокругъ него не высились другія власти, и гдѣ онъ не былъ вынужденъ оглядываться по сторонамъ и вступать въ разные компромиссы?...

№ 86.

Москва, 6-го апрѣля.

А.

Въ то время какъ мы писали вчера о мѣрахъ необходимыхъ къ пресѣченію заразы появившейся въ нѣкоторой части нашего общества, такая мѣра уже была принята. Сегодня обнародованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, объявляющій военное положеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ Имперіи, гдѣ наиболѣе сходятся нити злоумышленной организаціи. Рѣшено назначить трехъ новыхъ генералъ-губернаторовъ, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Имъ, также какъ и генералъ-губернаторамъ московскому, кіевскому и варшавскому, предоставляются права главнокомандующихъ въ военное время. Всѣ мѣстныя власти и учрежденія въ означенныхъ пунктахъ подчиняются генералъ-губернаторамъ, которымъ дается такимъ образомъ полная свобода дѣйствовать, по усмотрѣнію, противъ тайной организаціи

и пресѣкать все что можетъ ей способствовать. Да поможетъ Богъ лицамъ облекаемымъ въ столь великое полномочіе оправдать возлагаемое на нихъ довѣріе! Каждый честный человѣкъ не только безропотно, но съ радостью откажется на время отъ нѣкоторой доли своихъ удобствъ и льготъ если то потребуется въ интересѣ общественной безопасности, нарушаемой съ неслыханною дерзостью, по командѣ несомнѣнно чужой и враждебной нашему отечеству.

Но вотъ весьма естественное соображеніе: Хотя агенты и ратники преступной организаціи сосредоточиваются въ нѣкоторыхъ наиболѣе удобныхъ и привольныхъ ей мѣстностяхъ, но они, по всему вѣроятію, имѣютъ свои притоны и въ другихъ мѣстахъ, повинуясь одной командѣ. Районъ же власти каждаго изъ уполномоченныхъ генералъ-губернаторовъ простирается лишь на одну губернію, находящуюся подъ его непосредственнымъ управленіемъ, и въ случаѣ надобности лишь на нѣкоторыя части смежныхъ губерній. Наконецъ, какъ бы согласно ни дѣйствовали въ разныхъ частяхъ Имперіи уполномоченные генералъ-губернаторы, все же ихъ нѣсколько, и все же ихъ дѣйствія будутъ разрозненны. Можетъ-быть для вполнѣ успѣшной и желательно-быстрой расправы со зломъ окажется потребность въ центральномъ, спеціально на тотъ же предметъ уполномоченномъ правительственномъ лицѣ, которое сосредоточивало бы въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣла, восполняло бы дѣйствія генералъ-губернаторовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя не простирается ихъ власть, и ни въ чемъ не стѣсняя ихъ внутреннихъ распоряженій способствовало бы ихъ взаимному соглашенію.

Что мы видимъ въ Германіи? Какъ только обнаружились двумя цареубійственными покушеніями глубина и сила зла сразу были приняты общія рѣшительныя мѣры. Соціалъ-демократическая партія, при всей своей обширной организаціи и распространеніи въ рабочихъ классахъ, тотчасъ смолкла. Ничего похожаго на возмутительныя выходки нашихъ революціонеровъ тамъ не случается. Не затѣвается ни бунтовъ, ни убійствъ. Все смирилось подъ сильною рукой. Рядъ быстрыхъ и послѣдовательныхъ мѣръ обезсилилъ опасную организацію. Успѣшность этихъ мѣръ въ томъ и заключается что они исходятъ изъ одной сильной правительственной руки. Въ Германіи имѣются такъ-называемыя либеральныя учрежденія, шаблонные парламенты, не ознаменовавшіе себя для страны ничѣмъ кромѣ пустыхъ агитацій; но они продолжаютъ свое существованіе только для того чтобы князь Бисмаркъ могъ гимнастически шагать черезъ нихъ. Единство плана и неуклонная послѣдовательность дѣйствій, вотъ въ чемъ главный залогъ успѣха всякой государственной мѣры.

Б.

Изо всѣхъ вопросовъ тревожно безпокоящихъ теперь европейскіе кабинеты, египетскій кризисъ, хотя возникшій послѣ другихъ, до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, именно потому что трудно предвидѣть къ какимъ онъ можетъ повести новымъ замѣшательствамъ. Телеграммы только спѣшили увѣрить всѣхъ что Англія и Франція рѣшились дѣйствовать сообща и и во всемъ согласно. Самая торопливость этихъ увѣреній нѣсколько подозрительна. Конечно, выгоднѣе и удобнѣе дѣйствовать дружно, но легко ли установить согласіе и найти общую почву для совокупнаго дѣйствія? Между обоими правительствами несомнѣнно ведутся дѣятельные переговоры, но они остаются втайнѣ, и привели ли они къ какому-нибудь результату, это остается также неизвѣстнымъ.

Между тѣмъ, въ теченіе промежутка времени протекшаго со времени переворота совершеннаго хедивомъ, начинаетъ разъясняться почему онъ могъ рѣшиться на такой отважный поступокъ какъ вызовъ двухъ великихъ державъ. Сначала пронесся было слухъ будто намѣреніе хедива раздѣлаться съ европейскою опекой нашло себѣ поощреніе въ Константинополѣ, потомъ обвиняли въ томъ же самомъ интриги другихъ державъ, недовольныхъ исключительнымъ протекторатомъ который присвоили себѣ надъ Египтомъ Англія съ Франціей, причемъ въ особенности заподозривали Италію. Самые слухи эти характеризуютъ атмосферу подозрительности господствующую въ дипломатическихъ кругахъ Европы. Но султанъ весьма скоро поспѣшилъ отречься отъ отвѣтственности за дѣйствія своего вассала, даже осудилъ его и предложилъ свою помощь обиженнымъ правительствамъ. Съ другой стороны, непонятно какимъ образомъ Италія могла

бы оградить хедива отъ кары когда бы къ ней рѣшились прибѣгнуть Англія и Франція. Намъ съ самаго начала казалось что хедивъ попросту рaзчитывалъ на рознь и несогласіе между своими двумя опекунами, и все что̀ мы читали съ тѣхъ поръ въ англійской печати убѣждаетъ что онъ повидимому не совсѣмъ ошибся въ разчетѣ.

Вскорѣ же послѣ извѣстія объ увольненіи хедивомъ европейскихъ министровъ оказалось что англійскій подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, очутился въ Парижѣ. Самъ онъ нашелъ нужнымъ заявить что пріѣхалъ безо всякаго дипломатическаго порученія, просто провести праздники въ Парижѣ, и парижская *Temps* также увѣряла читателей что г. Боркъ не привезъ съ собой никакихъ предложеній, а просто, пріѣхавъ въ Парижъ, оставилъ свою карточку и г. Ваддингтона. Но эти увѣренія никого не обманули. Всѣ знаютъ теперь что г. Боркъ посланъ съ порученіемъ отъ Англійскаго правительства, и даже въ общихъ чертахъ извѣстно съ какимъ: онъ пріѣхалъ убѣждать Французское правительство не прибѣгать немедленно къ камимъ-либо героическимъ мѣрамъ, а лучше выждать какой оборотъ примутъ дѣла и положиться на то что самъ хедивъ долженъ будетъ понять свою ошибку. Всѣ разсужденія газеты *Times* явно направлены въ этомъ смыслѣ. Въ одномъ этомъ выборѣ момента для дѣйствія уже явно обнаруживаются неудобства двойственаго протектората. Союзники принуждены дѣйствовать вмѣстѣ изъ опасенія чтобъ одинъ не опередилъ другаго и не пріобрѣлъ бо̀льшаго вліянія. Но мотивы для одновременнаго дѣйствія у обоихъ вовсе не одинаковы. Какъ весьма откровенно разъясняетъ лондонскій корреспондентъ *Manchester Guardian*, „между тѣмъ какъ г. Ваддингтонъ думаетъ только о французскихъ интересахъ на Нилѣ, самое заботливое вниманіе лорда Беконсфильда и лорда Солсбери сосредоточино на Балканахъ.“ Но именно потому-то Франція и имѣетъ всѣ поводы запутать Англію въ египетскихъ дѣлахъ въ такую минуту когда вниманіе послѣдней развлечено и дѣлами Румеліи, и войнами въ Южной Африкѣ и въ Афганистанѣ.

Оттого и читаемъ такого рода куріозныя пререканія. Газета *Times*, ратующая за соблюденіе величайшей осторожности въ египетскихъ дѣлахъ, убѣждаетъ что занятіемъ, напримѣръ, Александріи ничего нельзя выиграть, ибо для принужденія хедива важно дѣйствіе не въ этомъ портѣ, а въ Каирѣ. И пишущій въ духѣ своей газеты парижскій корреспондентъ ея усиливается доказать что Франція, отказавшаяся участвовать въ смѣшанномъ занятіи Румеліи, не болѣе расположена и къ экспедиціи въ Египетъ, въ твердомъ рѣшеніи не употреблять своихъ войскъ иначе какъ для собственной защиты, развѣ еслибъ Англія вздумала дѣйствовать силой противъ Египта. На дѣлѣ же, изъ откровенностей корреспондента *Manchester Guardian* мы узнаемъ что, наоборотъ, Англійское правительство весьма озабочено намѣреніями Франціи: если она вздумаетъ дѣйствовать рѣшительно, то „Англійское правительство не можетъ и не захочетъ допустить ее дѣйствовать одну.“ Такимъ образомъ трогательное согласіе обоихъ союзниковъ взаимно парализуетъ ихъ. Ни одинъ не можетъ дѣйствовать безъ другаго, и каждый можетъ втянуть другаго, въ нежелательное дѣйствіе. Это обстоятельство по всѣму вѣроятію и входило въ разчеты ловкаго хедива, хорошо знакомаго съ тайными пружинами соперничества европейскихъ державъ.

Не всѣмъ, однако, въ Англіи по сердцу такая зависимость отъ Франціи; не всѣмъ нравятся и совѣты *Times* положиться на судьбу. Многіе органы прямо называютъ миссію г. Борка унизительною. Другіе твердятъ что и безъ экспедиціи можно принять рѣшительныя мѣры, дѣйствуя черезъ султана, который можетъ низложить хедива. Къ этому плану, какъ говорятъ, и относится вторая часть миссіи г. Борка ко французскому правительству. О возможности этихъ плановъ мы уже упоминали прежде. И они повидимому облегчаются извѣщеніемъ что султанъ самъ готовъ предложить свои услуги. Онъ, какъ извѣщаютъ, телеграфировалъ лорду Солсбери порицаніе дѣйствій своего вассала, угрожающихъ де спокойствію всего Востока, и изъявилъ готовность, если понадобится, не только низложить Измаилъ-пашу, но отмѣнить фирманъ 1866 года о престолонаслѣдіи и тѣмъ обезпечить немедленное замѣщеніе Египетскаго престола двоюроднымъ братомъ хедива, Халимъ-пашой. Далѣе, если де это предложеніе будетъ одобрено заинтересованными державами, султанъ предлагаетъ отправить Халимъ-

пашу въ Александрію на турецкомъ военномъ судѣ и уполномочить его немедленно вступить въ наслѣдство низложеннаго хедива. Эти предложенія Порты были сообщены лордомъ Солсбери Французскому правительству, и 12 апрѣля въ Парижѣ собирался совѣтъ министровъ для обсужденія оныхъ. Такимъ образомъ, египетскій кризисъ какъ будто принялъ нѣсколько болѣе острый характеръ, но не видно чтобъ онъ до сихъ поръ сколько-нибудь подвинулся къ окончательному рѣшенію.

Эта мысль дѣйствовать чрезъ Порту очень понравилась многимъ органамъ англійской печати видящимъ въ ней единственный исходъ изъ затрудненія. О ней судятъ уже не въ качествѣ простой угрозы, а въ видахъ исполненія, разчитывая что преемникъ Измаилъ-паши, кто бы онъ ни былъ, имѣя предъ глазами примѣръ его участи, уже не посмѣетъ подражать ему и дѣйствовать по своей волѣ, не сообразуясь съ желаніями и предписаніями приставленныхъ къ нему опекуновъ. Но люди болѣе осмотрительные не скрываютъ отъ себя что и при такомъ косвенномъ дѣйствіи явится множество затрудненій. Для принятія великодушныхъ предложеній султана придется вступить въ переговоры съ Портой. Тогда только видно будетъ безкорыстно ли предлагаются ея услуги. Извѣстно что Порта крайне нуждается въ деньгахъ, и чтобы добыть ихъ она, пожалуй, можетъ-быть и пожертвовала бы хедивомъ. А если ея надежды добыть денегъ и на этотъ разъ обманутся, то легко могутъ встрѣтиться разныя затрудненія. Даромъ же султану не разчетъ содѣйствовать мѣрѣ которая потомъ можетъ послужить прецедентомъ и противъ него самого, и принуждать своего вассала отдать все управленіе въ руки иностранцевъ для обезпеченія кредиторовъ, когда онъ самъ давно объявилъ себя банкротомъ. Все это слишкомъ похоже на комедію, а положеніе дѣлъ въ Константинополѣ конечно извѣстно хедиву не хуже всякаго другаго.

Затѣмъ является еще другое соображеніе. Упомянутые планы предполагаютъ что хедивъ покорится первому слову падишаха о его низложеніи. А что если онъ, полагаясь на свою армію, воспротивится? Тогда придется прибѣгнуть къ принужденію, а кто возьмется за это? Порта, при настоящемъ положеніи своей арміи, при затрудненіяхъ въ разныхъ провинціяхъ и недостаткѣ финансовыхъ средствъ, рѣшительно не въ силахъ взять это на себя. Въ концѣ концовъ послѣднее слово все-таки останется за Англіей и Франціей. Почему же Англія теперь колеблется прямо начать съ этого? Почему газета *Times* объявляетъ „очевидно преждевременною“ мысль чтобъ Англія и Франція, вмѣстѣ или порознь, отправили экспедицію въ Египетъ? А вотъ почему: „Мы не можемъ оставаться слѣпы къ тому факту,“ признается газета, „что интересы обѣихъ странъ въ Египтѣ не совпадаютъ и не тождественны. Они, безъ сомнѣнія, на столько схожи что оправдываютъ совокупное дипломатическое дѣйствіе, но между такимъ дѣйствіемъ и совмѣстнымъ развитіемъ силъ разстояніе весьма значительное. При разности интересовъ не легко было бы поддержать общую и согласную политику.“

Итакъ, хедивъ остается пока властелиномъ положенія, и потому въ Англіи болѣе склоняются думать что послѣ нѣкоторыхъ дипломатическихъ препирательствъ хедивъ просто выговоритъ себѣ наилучшія условія. Но это разчеты безъ Франціи, которой намѣренія остаются скрыты.

№ 87.

Москва, 7-го апрѣля.

А.

Изо всего видно что злодѣйское покушеніе 2 апрѣля было частію обширнаго плана. Былъ адскій разчетъ на народную смуту въ случаѣ успѣха злодѣянія. Наши враги, составившіе себѣ контингентъ слугъ изъ одичалыхъ и оторванныхъ отъ своего народа людей, перестали разчитывать на массы Русскаго народа. Всѣ ихъ усилія поколебать его были напрасны, и они перемѣнили систему. Они ищутъ произвести въ народѣ смуту черезъ тѣ самыя свойства его которыя такъ могущественно ограждаютъ его отъ вражескихъ попытокъ. Нѣтъ сомнѣнія что народъ не остался бы равнодушнымъ въ виду столь ужаснаго событія какъ убіеніе Царя, которому онъ такъ безгранично преданъ; неизбѣжно произошло бы страшное броженіе, и злоумышленники конечно были уже начеку чтобы попытаться воспользоваться смутой. Злоумышленники были бы

вѣроятно не прочь явиться въ качествѣ ревностныхъ патріотовъ чтобы направить толпы противъ кого угодно. За недѣлю до праздника въ Москвѣ ходилъ упорный слухъ будто въ ней готовится какая-то Вароѳоломеевская ночь, что въ день праздника будто бы имѣло произойти избіеніе всѣхъ измѣнниковъ. Вражескимъ главнокомандующимъ все равно какой бы характеръ ни приняла смута, лишь бы только смута была.

Обращаемъ вниманіе на переданное намъ телеграфомъ правительственное сообщеніе о безпорядкахъ случившихся въ Ростовѣ-на-Дону именно въ самый день 2 апрѣля. Ростовъ-на Дону — портовый городъ съ самымъ смѣшаннымъ населеніемъ. Здѣсь сбродъ всѣхъ племенъ, и здѣсь множество людей готовыхъ воспользоваться всякимъ поводомъ къ грабежу и буйству. Безпорядки здѣсь вѣроятно были также искусственно подготовлены какъ было искусственно устроено буйство народной толпы собравшейся бить Татаръ въ Петербургѣ вскорѣ послѣ процесса Вѣры Засуличъ и сцены въ Охотномъ ряду въ Москвѣ.

Б.

Почти въ каждомъ нумерѣ германскихъ газетъ появляются статьи о настоящемъ состояніи Россіи, о настроеніи въ ней умовъ, объ источникахъ и значеніи нигилизма, объ обстоятельствахъ благопріятствующихъ распространенію и усиленію этого зла и о мѣрахъ какія могли бы повести къ его искорененію. Стóитъ обратить вниманіе на корреспонденцію изъ Петербурга помѣщенную въ берлинской *National-Zeitung* отъ 4 (16) апрѣля. „Едва ли какой-либо монархъ въ Россіи, сказано въ ней между прочимъ, пользовался такою громадною популярностью какъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Освобожденіе крестьянъ и освобожденіе христіанъ въ Турціи,—эти два великія дѣянія сдѣлали его чуть не предметомъ поклоненія для народа. Вспомнимъ какъ крестьяне преслѣдовали, словно дикихъ звѣрей, польскихъ шляхтичей и выдавали ихъ правительству. Каждую минуту могла бы начаться подобная же охота за нигилистами еслибы правительство постоянно не препятствовало этому. Послѣ убійства князя Крапоткина съ трудомъ помѣшали толпѣ разрушить университетъ и предать студентовъ суду Линча. Въ виду этого, покушеніе на Государя является со стороны нигилистовъ крайнею степенью безумной дерзости. А развилась эта дерзость вслѣдствіе состоянія въ какомъ находится образованное русское общество. Замѣчательно что цѣлый рядъ реформъ послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ вовсе не далъ тѣхъ результатовъ какихъ можно было ожидать отъ него, и новыя учрежденія все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ... Въ этомъ-то и зло той незрѣлости русскаго образованнаго общества которая проявляется каждый разъ какъ только правительство откроетъ ему какой-либо кругъ дѣятельности. Пробѣжавъ наскоро двѣ, три книги, воображаютъ что усвоили себѣ все европейское просвѣщеніе, и гордясь знакомствомъ съ нѣсколькими популярными сочиненіями хотятъ доказать свое развитіе простымъ отрицаніемъ всего существующаго, преувеличеніемъ всякой возникшей въ Европѣ радикальной формулы. Враждебныя порядку стремленія вносятся всюду, гдѣ бы всего менѣе можно ожидать ихъ. Правительство заводитъ воскресныя школы, читальни, студенческія вспомогательныя кассы, и вотъ сейчасъ же являются люди злоупотребляющіе этими учрежденіями для распространенія революціонныхъ идей въ самой худшей, нигилистической формѣ... Уважать законы, нравственность, власть, любить отечество, значитъ быть отсталымъ, держаться отжившихъ предразсудковъ. Отъ этого нигилизмъ и достигъ такого распространенія и у многихъ захлогло естественное человѣку отвращеніе отъ преступленія. Это отсутствіе всякаго нравственнаго чувства, не встрѣчающееся даже у самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ дѣлаетъ нигилистовъ особенно опасными.“

Въ большей части англійскихъ органовъ, какъ мы уже замѣтили по телеграфнымъ сообщеніямъ, слышится фальшивая нота и проглядываетъ задняя мысль. Только въ немногихъ сочувственныхъ строкахъ *Daily News* находимъ близкое къ истинѣ пониманіе дѣла. Останавливаясь въ недоумѣніи предъ „маніей непостижимой измѣны обуявшей полуобразованную Россіей,“ и обозначая ее какъ „политическую чуму, болѣе опасную для національной жизни чѣмъ всякая физическая болѣзнь,“ эта газета, не дѣлая поспѣшныхъ заключеній, полагаетъ что „преж-

няя глубокая преданность, диcциплина и непоколебимая покорность еще живы въ массахъ Русскаго народа.“

Другія газеты болѣе или менѣе пускаются въ отдаленныя обобщенія. Отзывъ *Times* въ главныхъ чертахъ уже извѣстенъ намъ изъ передавшей его телеграммы. Лондонскій органъ замѣчаетъ что успѣхъ злодѣйскаго покушенія парализовалъ бы ростъ и движеніе Россіи, „не говоря уже о вліяніи какое это могло бы имѣть на европейскія и азіятскія замѣшательства,“ и думаетъ что самый фактъ покушенія уже „долженъ задержать движеніе роста въ Россіи “ Удивительныя въ органѣ Англійскаго правительства заботы о ростѣ Россіи! А между тѣмъ къ самому факту преступленія *Times* относится съ замѣчательнымъ легкомысліемъ. Въ этихъ царсубійственныхъ попыткахъ онъ видитъ только вліяніе „моды,“ *fashion*. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „Конечно, весьма естественно что когда общество находится въ броженіи политическаго движенія, когда совершаются великія перемѣны, то эти каррикатуры человѣчества (виновники покушеній) всего болѣе увлекаются желаніемъ выставлять себя *en évidence*. Поэтому мы не можемъ удивляться убійствамъ въ Россіи какъ не можемъ удивляться и появленію чумы въ ней.“

Pall Mall Gazette торопится убѣдить своихъ читателей что „положеніе вещей Россіи не имѣетъ элементовъ прочности и не можетъ продлиться.“

Интересно что въ одинъ день съ вѣстью о покушеніи въ *Standard* было передано по телеграфу же извѣстіе о мятежныхъ прокламаціяхъ которыя накан унѣ разбрасывались по Петербургу, съ подробнымъ изложеніемъ содержанія ихъ. Дѣйствительно ли петербургскій телеграфъ поспѣшилъ такою передачей, или подъ видомъ телеграммъ сообщается то что въ Лондонѣ, главной квартирѣ нашихъ революціонеровъ, заранѣе извѣстно?

№ 89.

Москва, 9-го апрѣля.

Еще недавно иностранныя, преимущественно же англійскія, газеты были наполнены извѣстіями о собирающейся будто бы въ Баку военной экспедиціи подъ начальствомъ генерала Лазарева. Утверждали что цѣль экспедиціи—походъ на Мервъ, сообщали что генералъ Ломакинъ, ходившій въ прошломъ году въ землю Текинцевъ, оставилъ два небольшіе отряда чуть ли не въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Мерва, и что наши идутъ теперь выручать эти отряды; писали что изъ Туркестанскаго края также будутъ двинуты войска на Мервъ, для чего они уже спѣшатъ до въ Чарджуй. Силу одной экспедиціи генерала Лазарева опредѣляли въ 20.000 штыковъ,—цифра небывалая въ нашихъ прежнихъ Закаспійскихъ походахъ и вообще мало вѣроятная. Вскорѣ однако, иностранныя газеты сами стали опровергать свои сообщенія; оказалось что генералъ Ломакинъ никакихъ отрядовъ въ прошломъ году подъ Мервомъ не оставлялъ, а со всѣми своими войсками остановился весьма далеко отъ него, въ земляхъ Текинцевъ. Затѣмъ было возвѣщено что экспедиція въ Мервъ отмѣнена, что не было даже серіознаго предположенія идти на Мервъ, что все дѣло ограничивается экспедиціей для наказанія Туркменъ-Текинцевъ.

За послѣднее время и въ русскихъ газетахъ мы встрѣчаемъ извѣстія о приготовляющейся экспедиціи въ Текинскій оазисъ для усмиренія тамошнихъ полукочевниковъ. Экспедиція вызвана де неудачей которую потерпѣлъ отрядъ генерала Ломакина въ прошломъ году въ землѣ Текинцевъ. Мы не имѣемъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о снаряжаемой экспедиціи, но всѣмъ извѣстно что Текинцы давно уже приняли вызывающее относительно насъ положеніе. Еще въ 1873 году они нападали на отсталыхъ нашихъ отрядовъ возвращавшихся изъ Хивинской экспедиціи чрезъ Кизилъ-Кумы; они даже захватили въ плѣнъ одного, двухъ русскихъ солдатъ и не соглашались выдать ихъ. Затѣмъ Текинцы безпрестанно грабятъ наши караваны слѣдующіе изъ Красноводска въ Хиву. Около года тому назадъ они дошли до такой смѣлости что разбили караванъ на Узбоѣ, у урочища Балаклы, всего въ 70 верстахъ отъ Куна-Ургенча. Прошлымъ лѣтомъ, при движеніи отряда генерала Ломакина вовсе не имѣвшемъ враждебныхъ противу Теке цѣлей, они нападали и на войска, и въ особенности на сообщенія отряда. Словомъ, съ Туркменами-Теке у насъ старые счеты, и усмиреніе ихъ необходимо для успокоенія и для

упроченія безопасности закаспійскихъ степей и самаго Хивинскаго оазиса.

Походъ въ землю Текинцевъ имѣетъ самостоятельное значеніе, и его нельзя считать приступомъ къ движенію на Мервъ, Туркмены Мерва стоятъ подъ русскою рукой вовсе со стороны Теке. Ошибочно полагаютъ будто удобнѣйшій путь для движенія русскихъ войскъ на Мервъ идетъ чрезъ Текинскій оазисъ. Мервъ гораздо ближе къ Аму-Дарьѣ чѣмъ къ Каспію и одинаково отдѣленъ песчаными степями какъ отъ земель Теке такъ и отъ Аму. Отъ береговъ Каспія русскія войска должны идти сотни верстъ узкою полосой Текинскаго оазиса, безпрерывно сражаясь съ Туркменами, не имѣя безопаснаго сообщенія и, пройдя оазисъ, должны вступить въ безводную степь между Таджикомъ и Мурхабомъ, гдѣ почти вовсе нѣтъ колодцевъ. Отъ Чарджуя, или правильнѣе отъ Хаджи-Кундуза, ведетъ до Мерва дорога по всему протяженію, кромѣ перваго перехода, богатая водой; каждыя десять и даже пять верстъ имѣются колодцы; селенія вокругъ Чарджуя изобилуютъ хлѣбомъ. Еслибъ у насъ имѣли серіозныя намѣренія занять Мервъ, то конечно мы начали бы съ устройства опорнаго пункта на Чарджуѣ.

Главное значеніе военной экспедиціи посылаемой въ Текинскія земли заключается въ томъ что она прикроетъ важныя ученыя экспедиціи отправляющіяся для изслѣдованія поворота Аму-Дарьи въ Узбой и изученіе всѣхъ ея сухихъ руселъ. Давній вопросъ о великой, царственной рѣкѣ Средней Азіи, повидимому, близится наконецъ къ рѣшенію. Изъ Петербурга отправляется на мѣсто большая ученая экспедиція состоящая изъ спеціалистовъ различныхъ вѣдомствъ. Изъ Самары организуется частная экспедиція, снаряжаемая недавно составившимся обществомъ для изученія вопросовъ о средне-азіатской желѣзной дорогѣ и объ Аму-Дарьѣ. Правительственная экспедиція отправляется, конечно, съ военнымъ конвоемъ, но всего лучше будетъ она прикрыта тогда когда Текинцы будутъ задержаны въ своемъ оазисѣ русскими войсками. Трудно будетъ оберегать каждую отдѣльную партію экспедиціи которая для изученія всѣхъ руселъ Аму должна разсѣяться на сотни верстъ.

Вопросъ о возможности поворота Аму-Дарьи по прежнему въ Каспій вступаетъ, повидимому, на прямую дорогу. Теперь не время заниматься теоретическими изысканіями о причинахъ оставленія Аму-Дарьей прежняго русла, — прошлогодній прорывъ ея водъ къ Узбою указываетъ прямо на благовременность практическаго рѣшенія. Этотъ взглядъ ясно выраженъ въ письмѣ министра путей сообщенія въ Комитетъ Общества для Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ. Предлагая обществу отправить своего представителя вмѣстѣ съ ученою экспедиціей на Аму, министръ писалъ:

„Министерство Путей Сообщенія, не отступая отъ преслѣдованія предначертанныхъ ему задачъ, не могло остаться безучастнымъ въ отношеніи вопроса, обстоятельства возникновенія котораго носятъ въ себѣ задатки его разрѣшенія. Изслѣдованія Закаспійскаго края и самой рѣки, произведенныя нѣсколькими экспедиціями командированными на мѣсто, даютъ, въ настоящее время достаточно основаній признать что возможность направить воды Аму-Дарьи въ старое русло и установить непрерывное водяное сообщеніе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями не встрѣчаетъ серіознаго научнаго возраженія.“

И министръ путей сообщенія имѣлъ полное право сказать эти слова. Прибавимъ даже что возможность поворота Аму не только къ Сара-Камышу, но и во всѣ прежнія русла лѣваго берега доказана вполнѣ научно экспедиціей полковника Петрусевича, производившаго свои изслѣдованія въ 1877. Экспедиція сдѣлала много точныхъ нивеллировокъ, и въ предварительномъ отчетѣ полковника Петрусевича, появившемся въ послѣднемъ выпускѣ *Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества*, мы читаемъ что паденіе всѣхъ трехъ старыхъ руселъ Аму (въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса) больше чѣмъ паденіе теперешняго ея русла; что для впуска воды въ старыя русла „нѣтъ надобности въ особыхъ затратахъ,“ что „тутъ все дѣло въ земляныхъ работахъ.“

Ученая экспедиція посылаемая на Аму, какъ мы говорили, составлена изъ спеціалистовъ множества вѣдомствъ. Коммиссіи такого состава часто обращаются у насъ въ простыя канцеляріи упускающія за бумагами и подробностями сущность дѣла. Но мы увѣрены что важность задачи поручаемой коммиссіи спасетъ ее отъ подобныхъ недостатковъ, и во всякомъ случаѣ

весьма важно и благопріятно то что труды экспедиціи Министерства Путей Сообщенія будутъ дополнены трудами экспедиціи частной.

Въ важномъ вопросѣ о поворотѣ Аму грозитъ принять участіе еще нежданный спеціалистъ — это Хивинскій ханъ и его диванъ-беги. Они опасаются что поворотъ Аму къ Каспію повредитъ арыкамъ хивинскаго оазиса и ханской политикѣ. Въ предварительномъ отчетѣ полковника Петрусевича упоминается что дѣдъ теперешняго хана былъ иного мнѣнія: онъ копалъ каналы орошавшіе земли по берегамъ прежняго русла Аму. Отецъ же настоящаго хана отвелъ воды чтобы смирить Туркменъ. Надѣются однако разсѣять опасенія хана какъ относительно орошенія его земель, такъ и относительно Туркменъ. Въ 1874 понадобилось лишь двѣ-три роты Петро-Александровскаго отряда чтобы смирить Туркменъ. Впускъ воды въ сухія русла, какъ оказывается изъ данныхъ собранныхъ экспедиціей 1877 года, ни мало не помѣшаетъ теперешнему орошенію Хивинскаго оазиса, а напротивъ, какъ показываютъ тѣ же данныя, будетъ способствовать нѣкоторому осушенію дельты Аму и откроетъ для поселенія много новой земли; эти земли, полагаемъ, могли бы занять и русскіе переселенцы, что много способствовало бы укрѣпленію нашего положенія въ Средней Азіи.

№ 90.

Москва, 10-го апрѣля.

Вслѣдъ за опубликованіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ, наши пессимисты не замедлили заподозрить вѣрность разчетовъ министра финансовъ, представившаго де въ своемъ бюджетѣ финансовое положеніе Россіи въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Съ особеннымъ скептицизмомъ отнеслись они къ предложенному въ бюджетѣ поступленію таможеннаго дохода въ размѣрѣ 75.564.000 рублей; на эту цифру указывали какъ на явно преувеличенную. И на первый взглядъ могло казаться что наши скептики правы. Предположенная сумма таможеннаго дохода, дѣйствительно, еще никогда небывалая въ нашихъ бюджетахъ. Именно, по бюджетнымъ предположеніямъ за послѣдніе годы, поступленіе таможенныхъ доходовъ ожидалось въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ 1871 году	. . .	39.544.000 р.
„ 1872 „	. . .	43.815.500 „
„ 1873 „	. . .	51.077.000 „
„ 1874 „	. . .	53.068.000 „
„ 1875 „	. . .	54 538.000 „
„ 1876 „	. . .	60.470 000 „
„ 1877 „	. . .	57 516.000 „
„ 1878 „	. . .	55.484.000 „

Основываясь на этихъ цифрахъ, пожалуй, можно было не безъ нѣкотораго основанія находить ожиданіе таможеннаго дохода въ размѣрѣ свыше $75^1/_2$ милліоновъ рублей слишкомъ смѣлымъ. Правда, большею частію дѣйствительное поступленіе таможенныхъ доходовъ на значительныя суммы превосходило смѣтныя назначенія, а именно:

въ 1871 году на	. . .	7.779.153 р.
„ 1872 „	. . .	9.695.047 „
„ 1873 „	. . .	3.212.804 „
„ 1874 „	. . .	3.322 320 „
„ 1875 „	. . .	7.845.112 „
„ 1876 „	. . .	10.619.573 „

но одно это обстоятельство, конечно еще не могло давать основаній къ увеличенію смѣтнаго опредѣленія таможеннаго дохода на 1879 годъ слишкомъ на двадцать милліоновъ рублей противъ цифры предшествовавшаго бюджета. Такое повышеніе смѣтной цифры тѣмъ удобнѣе было выдавать за ошибку что еще такъ недавно, въ 1877 году, поступленіе таможенныхъ доходовъ не только не превзошло бюджетнаго ожиданія, а напротивъ оказалось ниже его почти на $5^1/_2$ милліоновъ рублей. Но всѣ сомнѣнія какія могла возбуждать, въ виду этихъ данныхъ, небывало крупная бюджетная цифра таможенныхъ доходовъ на 1879 годъ должны разлетѣться въ прахъ благодаря опубликованнымъ недавно офиціальнымъ свѣдѣніямъ о поступленіи таможенныхъ сборовъ какъ въ минувшемъ 1878, такъ и въ первые мѣсяцы текущаго года. Въ виду этихъ свѣдѣній, о какой-либо преувеличенности бюджетной смѣты по отношенію къ таможеннымъ доходамъ теперь не можетъ быть и рѣчи Наоборотъ имѣются полныя основанія считать смѣтное предположеніе черезчуръ скромнымъ.

Таможенный доходъ на 1879 годъ, какъ сказано, опредѣленъ по бюджетной смѣтѣ въ 75.564.000 кредитныхъ рублей. Эта цифра очень высока сравнительно съ по-

ступленіемъ таможенныхъ сборовъ за всѣ прежніе годы по 1877 включительно, но она перестанетъ казаться высокою когда мы возьмемъ во вниманіе что эти сборы дали въ минувшемъ году, какъ заявлено въ официальномъ отчетѣ, еще бо́льшую сумму 79.644.579 кредитныхъ рублей. Для оправданія бюджетныхъ предположеній достаточно, поэтому чтобы въ текущемъ году поступленіе таможенныхъ сборовъ шло съ тѣмъ же успѣхомъ какъ и въ прошломъ. Но поступленіе этихъ сборовъ въ послѣдніе мѣсяцы, какъ оказывается, оставляетъ далеко за собою даже небывало успѣшное поступленіе ихъ въ минувшемъ году. Именно, по свѣдѣніямъ полученнымъ по 5 текущаго апрѣля, итогъ таможенныхъ сборовъ за первые мѣсяцы настоящаго года (считая по курсу 26 пенсовъ за рубль) уже дошелъ до 13.791.866 рублей, на 3.312.763 руб., или на 24% болѣе той суммы которая была получена за тотъ же періодъ времени въ минувшемъ году.

Въ официальномъ отчетѣ, какъ сказано, сумма полученнаго въ минувшемъ году таможеннаго дохода исчислена въ 79.644.579 кредитныхъ рублей. Но въ сущности эта цифра много ниже дѣйствительной. Получена она вслѣдствіе перечисленія металлическихъ рублей въ кредитные по непомѣрно высокому курсу принятому для государственной росписи 1878 года, именно по курсу 28 пенсовъ на Лондонъ. При исчисленіи по курсу принятому для росписи текущаго года (26 пенсовъ на Лондонъ) таможенный доходъ минувшаго года опредѣлился бы гораздо болѣе почтенною цифрой 85.200.000 рублей. Но и курсъ 26 пенсовъ тоже нельзя не признать слишкомъ высокимъ. Гораздо ближе къ дѣйствительности было бы принять для минувшаго года средній курсъ 25 пенсовъ за рубль, а при разчетѣ по этому послѣднему курсу, таможенный доходъ 1878 года выразился бы цифрой свыше 88 730.000 рублей. До какой же цифры долженъ дойти таможенный доходъ въ текущемъ году при обозначившемся уже усиленіи поступленія таможенныхъ сборовъ на 24% противъ прошлаго года, если конечно не произойдетъ какихъ-либо неблагопріятныхъ перемѣнъ въ ходѣ торговыхъ дѣлъ? Предполагать же подобныя неблагопріятныя перемѣны нѣтъ никакихъ основаній, по крайней мѣрѣ до настоящей минуты.

Такому сильному и быстрому возрастанію таможеннаго дохода нельзя не порадоваться. Какъ нельзя болѣе наглядно и убѣдительно свидѣтельствуя о подъемѣ народнаго благосостоянія въ Россіи за послѣднее время, это возрастаніе таможеннаго дохода даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и точку опоры для столь необходимыхъ у насъ финансовыхъ преобразованій. „Не въ увеличеніи тягостей требуемыхъ государствомъ, а въ перенесеніи большей части этихъ тягостей на менѣе обременительные косвенные налоги заключается сущность финансовой реформы къ осуществленію которой долженъ повести пересмотръ тарифа налоговъ,“ сказалъ князь Бисмаркъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Германскому Союзному Совѣту, опредѣляя цѣль задуманныхъ имъ финансовыхъ преобразованій. Такое перенесеніе тягостей съ прямыхъ налоговъ на косвенные въ Россіи едва ли не болѣе желательно и необходимо чѣмъ въ Германіи. Но до послѣдняго времени надежды на возможность такого перемѣщенія центра тяжести налоговъ въ нашей финансовой системѣ были вообще очень слабы. Мало было бы пользы отъ замѣны прямыхъ налоговъ дальнѣйшимъ растяженіемъ питейнаго дохода, исторически сложившагося у насъ весьма дурно. Всѣ же прочіе косвенные доходы играли въ нашемъ бюджетѣ, сравнительно, слишкомъ незначительную роль. Самымъ важнымъ между ними, конечно, былъ доходъ таможенный, но и его роль въ государственномъ бюджетѣ была далеко не такова чтобы можно было серіозно разчитывать на возмѣщеніе изъ него тѣхъ суммъ которыя потеряла бы казна отъ пониженія и отмѣны прямыхъ налоговъ. Иное дѣло теперь, когда таможенные сборы обѣщаютъ подняться до цифры прямыхъ „податей“ если не превзойти ее. При такихъ обстоятельствахъ, таможенный доходъ невольно прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ виду воспослѣдовавшаго Высочайшаго указа объ изысканіи доходовъ которыми могли бы быть замѣнены государственные подушные сборы. Таможенные сборы растутъ вслѣдствіе оказавшагося подъема народнаго благосостоянія. Они будутъ расти еще успѣшнѣе если совершится пересмотръ таможеннаго тарифа не въ томъ направленіи какого желала бы фритредерская доктрина, а въ видахъ поощренія экономической производительности страны.

№ 91.

Москва, 11-го апрѣля.

Когда проектъ смѣшанной оккупаціи Восточной Румеліи окончательно провалился вслѣдствіе множества затрудненій вызываемыхъ этою мѣрой, державы довольно скоро пришли къ другому соглашенію касательно этой провинціи, а именно согласились на продленіе полномочій европейской восточно-румелійской коммиссіи, которая должна будетъ состоять въ качествѣ совѣта управленія при новомъ губернаторѣ Восточной Румеліи, Алеко-пашѣ, назначеніе коего на этотъ постъ также было одобрено всѣми державами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Порта, по собственному ли побужденію, или быть-можетъ по настояніямъ дипломатіи, для облегченія соглашенія, отказалась, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, отъ немедленнаго занятія Балканскихъ проходовъ, съ тѣмъ однакоже что турецкія войска все-таки могутъ быть призваны губернаторомъ для подавленія безпорядковъ, съ согласія означенной европейской коммиссіи.

Таковы въ общихъ чертахъ сообщаемыя въ газетахъ свѣдѣнія о новомъ рѣшеніи придуманномъ для исхода изъ затрудненія. Подробности проекта неизвѣстны, и можетъ-быть даже о нихъ не вполнѣ еще условились. Способъ и время исполненія также повидимому не опредѣлены еще въ точности. Во всякомъ случаѣ, практиченъ или непрактиченъ окажется на дѣлѣ этотъ планъ, его нельзя назвать буквальнымъ исполненіемъ Берлинскаго трактата. Но легко понять почему онъ такъ скоро могъ снискать общее согласіе. Онъ, какъ всякая отсрочка, далъ дипломатіи возможность сложить съ себя на время заботу. Видя невозможность немедленнаго водворенія турецкихъ войскъ и турецкихъ властей въ Южной Болгаріи, понимая опасности какія могла бы вызвать подобная попытка, но не желая открыто сознаться въ крушеніи своихъ хитроумныхъ плановъ, авторы Берлинскаго компромисса тѣмъ съ большею охотой ухватились за мѣру временную, притомъ какъ будто исходившую отъ иниціативы самой Турціи. Англійскія газеты въ особенности настаиваютъ на временномъ характерѣ этой мѣры. Отсрочка турецкаго занятія Балканскихъ проходовъ объясняется офиціально тѣмъ что коммиссія разграниченія еще не успѣла окончить своей работы по проведенію границы между Болгарскимъ княжествомъ и Восточною Румеліей. И газета *Times*, допуская снисходительно основательность отсрочки, съ удареніемъ замѣчаетъ какъ важно привести къ концу это разграниченіе „въ опредѣленный и неотдаленный срокъ, такъ чтобы турецкіе гарнизоны могли быть наконецъ, поставлены на позиціяхъ которыя имъ обезпечены Берлинскимъ трактатомъ.“

Но между тѣмъ какъ такимъ образомъ упорно отстаивается мысль о непремѣнномъ, хотя бы съ нѣкоторою отсрочкой, подчиненіи вновь Восточной Румеліи турецкой власти, въ провинціяхъ остающихся подъ непосредственною властью Порты начинаются вновь серіозныя волненія и замѣшательства. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Мельницкомъ и Карловскомъ округахъ Македоніи вспыхнуло общее возстаніе, принявшее столь серіозный характеръ что, по свѣдѣніямъ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, русскія войска и болгарскую милицію оказалось необходимымъ придвинуть къ границамъ Македоніи. Еще болѣе серіозны извѣстія изъ Албаніи. Дѣло идетъ уже объ агитаціи пресловутой Албанской лиги, организацію коей поощряла Порта въ видахъ сопротивленія уступкамъ въ пользу Сербіи, Черногоріи и Греціи, какія были утверждены даже Берлинскимъ конгрессомъ. Въ Албаніи, повидимому, уже вовсе не признается власть Порты. Изъ Скутари извѣщаютъ что всѣ католическія племена Албаніи готовятся къ окончательному изгнанію турецкихъ войскъ изъ страны. Опасаются что вскорѣ и тамъ вспыхнетъ возстаніе, и замѣчательно что, по слухамъ, мусульманскіе Албанцы постановили хотя и не принимать участія въ движеніи противъ войскъ султана, но также и не бороться противъ земляковъ. Между тѣмъ, они повидимому начали военныя дѣйствія на свою руку нападеніемъ на Сербію. Около тысячи Арнаутовъ, и въ томъ числѣ низамы, какъ извѣщаютъ изъ Бѣлграда, вторглись у Преполья въ Топлицкій округъ и атаковали Куршумле, гарнизонъ коего вынужденъ былъ оступить предъ численнымъ превосходствомъ нападавшихъ. Князь Миланъ немедленно отправилъ туда 5 баталіоновъ и 2 батареи, и на другой день Сербы атаковали и прогнали Арнау-

товъ изъ Куршумля, но тѣмъ все-таки удалось укрѣпиться на высотахъ Самакова, откуда они въ понедѣльникъ 9 апрѣля опять атаковали Сербовъ у Куршумля. Сербское правительство, вслѣдствіе этого происшествія, потребовало чтобы Порта послала къ границѣ регулярныя войска, извѣщая что иначе оно принуждено будетъ само примѣрно наказать нападающихъ, не обращая вниманія на турецкую территорію. Кромѣ того, Сербское правительство по всей справедливости объявило что считаетъ Порту отвѣтственною за громадный ущербъ причиненный вторженіемъ на Сербскую территорію этихъ Арнаутовъ, которые разграбили всѣ мѣстности на своемъ пути. Когда Порта оказывается столь явно безсильною обуздывать подобное своеволіе своихъ мусульманскихъ подданныхъ даже въ собственныхъ провинціяхъ, кстати ли толковать о томъ что ея войска должны быть вновь водворены въ Восточной Румеліи, такъ жестоко уже отъ нихъ пострадавшей? Хотя эта печальная перспектива отсрочивается для южныхъ Болгаръ мѣсяца на три, тѣмъ не менѣе державамъ придется рано или поздно болѣе серіозно отнестись къ опасностямъ грозящимъ отъ осуществленія этой мѣры.

Порта между тѣмъ, предпочитаетъ сосредоточивать свои войска въ Ѳессаліи и въ особенности въ Эпирѣ для отпора претензіямъ Греціи. Она не только озабочена этими претензіями, но опасается также будто бы высадки въ Эпиръ италіянскихъ и албанскихъ шаекъ въ видахъ провозглашенія автономіи Албаніи, вслѣдствіе чего Турки укрѣпляютъ берега Эпира, въ особенности въ сосѣдствѣ Превезы, и турецкія суда постоянно крейсируютъ тамъ вдоль берега. Объ удовлетвореніи же требованій Греціи по исправленію границы, на основаніяхъ указанныхъ Берлинскимъ конгрессомъ, Порта и не помышляетъ. Дѣло это въ теченіе года не подвинулось ни на шагъ.

Отношеніе Англіи къ этому Берлинскому трактату, нерушимостью коего въ самомалѣйшихъ чертахъ она такъ дорожитъ, лучше всего характеризуется именно этимъ греко-турецкимъ затрудненіемъ. Г. Леярдъ, находящійся нынѣ на возвратномъ пути къ своему посту въ Константинополь, за два дня предъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона принималъ частнымъ образомъ депутацію отъ Патріотической Ассоціаціи, въ числѣ членовъ коей находится цвѣтъ англійской аристократіи, поднесшую ему сочувственный адресъ. Въ краткомъ отвѣтѣ на это привѣтствіе, онъ не только выразилъ увѣренность что увидитъ линію Балканъ занятою Турками, и что въ этомъ мнѣніи съ нимъ согласны лордъ Биконсфильдъ и лордъ Солсбери, но имѣлъ также духъ повторить изреченіе, нѣкогда сказанное его начальникомъ, что поддержаніе этого барьера въ особенности важно въ отношеніи къ Грекамъ. Изъ его словъ выходитъ что Турки должны занимать Балканы для того чтобы не дать Славянамъ подавить Грековъ, которые гораздо де способнѣе ихъ къ высшей цивилизаціи. Вотъ какая нѣжная заботливость о Грекахъ! А между тѣмъ, наканунѣ дня когда была произнесена эта рѣчь, въ англійской палатѣ были возбуждены пренія о Греціи, въ коихъ обнаружилось совсѣмъ иное отношеніе Англійскаго правительства не къ фантастическимъ, а къ реальнымъ правамъ Греціи, признаннымъ за нею представителями державъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Ораторы оппозиціи прямо изобличали правительство что оно есть единственное препятствіе къ тому чтобъ эти права были удовлетворены посредничествомъ державъ, какъ это предусмотрено трактатомъ, а правительство устами министра сэръ-Стаффорда Норткота вотъ какимъ образомъ толковало постановленія трактата относительно Греціи: на конференціяхъ были де указаны „нѣкоторыя линіи" какъ матеріалъ для улаженія; въ 13-мъ протоколѣ конгресса значится де „нѣчто въ родѣ линіи," которая была рекомендована и благопріятно принята представителями державъ чтобъ указать лишь предѣлы предполагаемыхъ претензій и уступокъ; но легко де видѣть что въ словахъ этой рекомендаціи видна „нѣкоторая туманность (*a vagueness*) которая не была неумышленною;" рекомендація не означала де точной линіи которая должна быть принята, и Англійское правительство лишь надѣялось что такимъ образомъ обѣ заинтересованныя стороны легко придутъ къ прямому соглашенію.

Кто же не пойметъ что эта рѣчь англійскаго министра есть прямое поощреніе Портѣ не торопиться уступками въ пользу Греціи? Вотъ какъ заботится англійская политика о трактатѣ, которымъ она такъ гордилась и который ставила

себѣ въ заслугу, когда постановленія онаго не могутъ служить для ея цѣлей.

№ 92.

Москва, 12-го апрѣля.

Въ Петербургѣ, какъ извѣщаетъ помѣщаемая ниже телеграмма, учреждена коммиссія для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и льготахъ по привозу изъ-заграницы металловъ и металлическихъ издѣлій. Такому извѣстію нельзя не порадоваться. Наше металлическое производство давно уже нуждается въ томъ чтобы на него было обращено самое серіозное вниманіе. Изо всѣхъ отраслей русской промышленности, металлическому производству въ послѣднія десятилѣтія особенно не посчастливилось, такъ что въ теченіе долгаго ряда лѣтъ оно не только не развивалось, а напротивъ постепенно упадало. Обстоятельства сложились такъ что на него одинъ за другимъ обрушился цѣлый рядъ ударовъ. Прежде всего таможенный тарифъ 1857 года, который отмѣнивъ запретъ лежавшій на привозимыхъ моремъ чугунѣ и желѣзѣ и вообще понизивъ пошлины на иностранные металлы, измѣнилъ прежнія условія нашей металлической промышленности въ невыгодную для нея сторону. Затѣмъ послѣдовала эманципація, лишившая заводы даровой рабочей силы приписныхъ къ нимъ крестьянъ. Не успѣло металлическое производство справиться съ возникшими отсюда для него тяжкими затрудненіями, какъ новый таможенный тарифъ 1868 года сдѣлалъ положеніе его уже вовсе безвыходнымъ. Мало того что этотъ тарифъ вновь понизилъ и безъ того уже низкія пошлины 1857 года, онъ внесеннымъ въ него примѣчаніемъ сдѣлалъ даже и эти низкія пошлины почти номинальными, такъ какъ въ силу этого примѣчанія всѣмъ механическимъ заводамъ имѣющимъ паровой двигатель дозволено получать изъ-за границы металлъ безпошлинно. Постройка желѣзныхъ дорогъ, бывшая въ другихъ странахъ сильнымъ поощреніемъ желѣзной промышленности, у насъ имѣла обратныя послѣдствія и поощряла не отечественное, а иностранное производство. И строились дороги изъ иностраннаго желѣза, и направленіемъ своимъ поощряли сбытъ въ Россіи иностранныхъ же, а не русскихъ металловъ. Ко всѣму этому присоединились истощеніе лѣсныхъ дачъ въ ближайшихъ окрестностяхъ многихъ изъ нашихъ заводовъ работающихъ на древесномъ углѣ, и многія другія неблагопріятныя обстоятельства. Въ результатѣ вышло то что Россія, обладающая неистощимыми залежами желѣза и другихъ металловъ, не можетъ нынѣ удовлетворять сама свою въ нихъ потребность и стала въ этомъ отношеніи въ полную зависимость отъ иностранцевъ, которые, прекративъ привозъ къ намъ металловъ, напримѣръ въ случаѣ войны, могутъ поставить насъ въ весьма затруднительное положеніе. Оставаться въ такомъ положеніи долѣе невозможно. Сила обстоятельствъ вынуждаетъ, наконецъ, распроститься съ экономическими доктринами приведшими къ такому печальному результату. Необходимость придти на помощь упавшему металлическому производству и оказать ему покровительство, коего оно такъ долго было лишено, стала внѣ спора. Но измѣненіемъ только тѣхъ статей тарифа 1868 года которыя прямо относятся къ металламъ и металлическимъ издѣліямъ въ собственномъ смыслѣ, дѣло, конечно, ограничиться не можетъ. Отмѣна льготъ установленныхъ въ пользу механическихъ заводовъ необходимо должна вызвать, въ огражденіе ихъ, повышеніе пошлинъ на привозныя машины и аппараты, а повышеніе этихъ пошлинъ побуждаетъ обратить вниманіе и на тѣ производства кои нуждаются въ машинахъ и аппаратахъ. Все это позволяетъ надѣяться что вслѣдъ за пересмотромъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ на металлы и металлическія издѣлія не замедлитъ послѣдовать и общій пересмотръ таможеннаго тарифа 1868 года. Благодѣтельный для многихъ отраслей производства, такой пересмотръ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ увеличить государственные доходы, что̀ существенно важно въ виду предположенной отмѣны государственныхъ сборовъ.

Трудно представить себѣ таможенный тарифъ болѣе неудовлетворительный чѣмъ тотъ который дѣйствуетъ у насъ въ настоящее время, и почти невозможно доискаться той общей экономической мысли которою руководились его составители въ 1868 году. Какъ мало приняты были ими во вниманіе интересы отечественнаго про-

изводства всего лучше показываетъ судьба нашей желѣзной промышленности; не большее покровительство оказывается нашимъ тарифомъ и многимъ другимъ отраслямъ производства. Но невыгодный во многомъ для производства, нашъ тарифъ не въ большей мѣрѣ удовлетворителенъ и въ фискальномъ отношеніи. Низкій тарифъ и льготы установленныя имъ во вредъ русскому производству лишаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ крупной цифры дохода и русскую казну; то же самое можетъ быть замѣчено и по многимъ другимъ статьямъ тарифа. Крайняя неуравнительность пошлинъ наложенныхъ на разные товары также невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Во многихъ случаяхъ разныя привозныя статьи обложены пошлиной въ градаціи прямо противоположной той какая требовалась бы экономическими интересами страны, причемъ множество предметовъ роскоши обложены гораздо ниже предметовъ необходимой потребности. Въ этомъ не трудно убѣдиться просмотрѣвъ таможенные отчеты за любой годъ, но всего удобнѣе въ этомъ случаѣ остановиться на данныхъ 1875 года, въ которыхъ выразилось семилѣтнее вліяніе тарифа 1868 года; въ послѣдующее время вліяніе этого тарифа, какъ извѣстно, было уже во многомъ ослаблено паденіемъ курса.

Всѣхъ вообще товаровъ въ 1875 году было привезено въ Россію по Европейской границѣ на 498.886.301 рублей, но изъ этой суммы 96.816.891 рублей приходилось на долю товаровъ допускаемыхъ безпошлинно, слѣдовательно товаровъ оплачиваемыхъ пошлиной ввезено всего на 402.069.410 р.; пошлинъ съ нихъ поступило 60.159.703 рублей. Итакъ средній размѣръ обложенія по нашему тарифу оказался нѣсколько менѣе *пятнадцати* процентовъ (14,96).

Всѣ подлежащіе пошлинѣ товары распадаются на три главныя группы;

1. *Сырыхъ и необработанныхъ матеріаловъ;* привозъ ихъ выражается цифрой 159.617 358 р.; пошлинъ съ нихъ получено 12.959.061 р., такъ что средній размѣръ обложенія нѣсколько менѣе $8^1/_8$%.

2. *Издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ*; итогъ привоза ихъ 134.417.663 р., а полученныхъ съ нихъ пошлинъ — 17.479.179 р.; итакъ средній размѣръ обложенія въ этой группѣ 13%.

3. *Жизненныхъ припасовъ*; общій итогъ ихъ привоза 108,034.389 р., а сумма взысканныхъ пошлинъ 29.721.463 р., такъ что средній размѣръ обложенія выше $27^1/_2$%.

Уже приведенныя цифры невольно заставляютъ подумать, правильна ли и соотвѣтствуетъ ли интересамъ страны такая система таможеннаго обложенія при которой издѣлія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ обложены пошлиной столь мало различающеюся отъ той какая взимается съ сырыхъ и необработанныхъ продуктовъ, и слишкомъ вдвое меньшею той какой подлежатъ привозимые жизненные припасы. Но съ гораздо большею настоятельностью выступаетъ этотъ вопросъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей каждой группы.

Въ первой изъ нихъ, размѣръ взысканныхъ пошлинъ со стоимости привоза, по главнымъ его статьямъ оказывается слѣдующій:

Съ шелка	0,91%
„ мягкой рухляди	5,11%
„ металловъ не въ дѣлѣ.	5,61%
„ химическихъ продуктовъ	5,80%
„ шерсти	6,07%
„ красокъ и красильныхъ веществъ.	6,45%
„ хмѣля и хмѣлевыхъ экстрактовъ.	6,98%
„ бумажной пряжи.	8,88%
„ кожъ.	14,77%
„ петролея	19,27%
„ деревяннаго масла	26,98%

Выдерживаетъ ли критику подобная градація? Менѣе одного процента пошлины съ привознаго шелка и почти 27% пошлины съ деревяннаго масла! Можно подумать что наше шелководство не нуждается ни въ малѣйшемъ поощреніи, что наоборотъ всѣ наши усилія должны быть направлены на поощреніе въ Россіи масличныхъ насажденій, тогда какъ на дѣлѣ для послѣднихъ у насъ не представляется благопріятныхъ условій, а первое могло бы сдѣлаться средствомъ обогащенія для многихъ мѣстностей. Нельзя не замѣтить при этомъ что шелкъ предметъ роскоши, а деревянное масло товаръ необходимый, удешевленіе котораго важно для многихъ производствъ. Ради чего же казна лишаетъ себя почтенной сумма дохода которую могла бы получать съ привознаго шелка? Равнымъ образомъ трудно понять соображенія по которымъ назначена столь низкая пошлина на иностранные мѣха, составляющіе большею частію предметъ роскоши.

О низкомъ размѣрѣ пошлинъ на металлы нечего и говорить.

Переходимъ ко второй группѣ – издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ. Проценты обложенія, по главнымъ статьямъ, оказываются здѣсь слѣдующіе:

Съ издѣлій изъ гипса, мрамора, порфира и т. п. камней	1,09%
„ часоваго товара	3,04%
„ машинъ и аппаратовъ	3,14%
„ вагоновъ	5,35%
„ столярныхъ и токарныхъ работъ	7,93%
„ стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій	9,76%
„ издѣлій изъ золота и серебра	10,95%
„ мѣдныхъ и латунныхъ издѣлій	12,54%
„ фаянса и фарфора	12,69%
„ стеклянныхъ издѣлій	14,48%
„ писчебумажныхъ издѣлій	18,28%
„ кожанныхъ издѣлій	19,67%
„ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій	20,87%
„ шерстяныхъ издѣлій	23,19%
„ издѣлій изъ бронзы и другихъ сплавокъ	23,82%
„ хлопчатобумажныхъ издѣлій	24,40%
„ шелковыхъ издѣлій	26,06%

Пропорціональна ли такая градація степени покровительства которое требуется для каждой изъ соотвѣтственныхъ отраслей отечественнаго производства? По какимъ уважительнымъ соображеніямъ оказывается такая льгота привозу предметовъ роскоши, каковы издѣлія изъ гипса, мрамора и порфира и часовой товаръ? Ради чего казна отказывается отъ полученія болѣе значительнаго дохода съ машинъ и аппаратовъ, коихъ привозится на громадныя суммы? Этотъ доходъ былъ бы вмѣстѣ и покровительствомъ для русскихъ механическихъ заводовъ—покровительствомъ болѣе серіознымъ чѣмъ льгота безпошлиннаго привоза металловъ, столь губительная для нашего желѣзнаго производства. Непонятно, далѣе, почему производству вагоновъ и столярнымъ и токарнымъ работамъ оказывается до того малое поощреніе что пошлина какою по этимъ статьямъ обложены иностранные товары ниже средней пошлины падающей на привозное сырье. Еще менѣе понятно почему столь важное дѣло какъ производство стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій пользуется гораздо меньшимъ поощреніемъ чѣмъ производство бронзы.

Обращаемся къ отдѣлу жизненныхъ припасовъ. Здѣсь средніе проценты обложенія гораздо выше:

Съ рыбы	9,84%
„ овощей и фруктовъ	15,33%
Съ табаку	16,31%
„ рису	18,41%
„ напитковъ	23,76%
„ колоніальныхъ товаровъ	30,01%
„ чаю	31,72%
„ соли	62,58%

Градація оказывается еще болѣе поразительною чѣмъ въ предыдущихъ группахъ, и особенно по сравненію съ ними. Ни на чемъ таможенное обложеніе не тяготѣетъ въ такой мѣрѣ какъ именно на предметѣ первой необходимости—соли. Это конечно обусловливается внутреннимъ акцизомъ,—но тѣмъ болѣе бросается въ глаза болѣе чѣмъ умѣренная пошлина съ привозной рыбы (сельдей, сардинъ и т. д.). На нашихъ рыбопромышленниковъ сыпалась за послѣднее время, особенно по поводу чумы, масса укоровъ за неудовлетворительность заготовленія ими рыбы въ прокъ, на то какъ отстали они въ этомъ отношеніи отъ иностранцевъ. Но легко ли нашимъ рыбопромышленникамъ соперничать съ иностранцами въ сказанномъ отношеніи при отсутствіи покровительства и при создаваемой акцизомъ и тарифомъ дороговизнѣ соли, объ этомъ у насъ обыкновенно забываютъ. Менѣе рѣзки контрасты между размѣрами обложенія другихъ товаровъ въ ряду жизненныхъ припасовъ,—но и тутъ невольно бросается въ глаза что заграничные овощи и фрукты обложены вдвое легче чѣмъ чай, тогда какъ болѣе высокое обложеніе первыхъ было бы покровительствомъ нашему садоводству, особенно въ столь благопріятныхъ ему южныхъ мѣстностяхъ, а пониженіе тарифа съ чая было бы средствомъ и къ ослабленію пьянства, и къ увеличенію таможеннаго дохода, ибо, какъ показываетъ исторія чайной торговли въ Россіи, казенный доходъ съ этой статьи съ пониженіемъ пошлинъ постоянно и быстро возрасталъ. Но нашъ тарифъ гораздо снисходительнѣе къ потребленію публикой привозныхъ напитковъ чѣмъ чая и колоніальныхъ товаровъ...

Ограничиваемся на первый разъ немногими сдѣланными указаніями; читатель самъ легко можетъ дополнить ихъ выводами изъ сравненія приведенныхъ процентныхъ отношеній таможеннаго обложенія къ стоимости товаровъ. И всѣ эти выводы могутъ только подтвердить настоятельную необходимость общаго пересмотра нашего таможеннаго тарифа. Прибавимъ къ этому что у насъ въ числѣ привозныхъ товаровъ многіе совсѣмъ освобождены отъ пошлинъ безъ

достаточнаго къ тому основанія, и трудно было бы сказать ради чего они будутъ пользоваться привилегіей предъ хлопкомъ, обложеннымъ въ текущемъ году 40 копѣечною пошлиной съ пуда. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе привозный каменный уголь. Обложеніе его пошлиной было бы серіознымъ поощреніемъ разработки отечественныхъ каменноугольныхъ залежей, что весьма важно, ибо безъ развитія отечественной каменноугольной промышленности едва ли можетъ стать твердо на ноги само желѣзное производство, о постановкѣ коего въ правильныя и выгодныя условія имѣетъ совѣщаться вновь назначенная коммиссія подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Небольсина.

№ 93.

Москва, 13-го апрѣля.

А.

Въ парижскихъ газетахъ появилось впервые довольно подробное изложеніе переговоровъ между державами касательно новаго проекта выдвинутаго дипломатіей взамѣнъ неудавшагося плана смѣшанной оккупаціи. Общія черты этого новаго проекта уже извѣстны изъ телеграммъ. Онѣ заключаются въ томъ что полномочія международной коммиссіи должны быть продолжены на годъ, и что она будетъ составлять нѣчто въ родѣ совѣта при Алеко-пашѣ, который назначенъ Портой, съ одобренія всѣхъ державъ, губернаторомъ этой провинціи Обнародуемыя нынѣ подробности этого плана, по словамъ сообщившей ихъ константинопольской телеграммы Гавасова Агентства, основаны якобы на „достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ.“ Не придавая слишкомъ большаго значенія этому увѣренію, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее интересное обстоятельство. Новый проектъ, сколько можно судить, есть совокупный продуктъ англійскихъ и турецкихъ предложеній, но замѣчательно что англійскія предложенія, если вѣрить Агентству Гаваса, шли далѣе турецкихъ. Отказываясь временно отъ права помѣщать турецкіе гарнизоны въ Балканахъ, Порта, въ ознаменованіе своей верховной власти надъ Румеліей, настаивала, однако, на занятіи небольшимъ гарнизономъ Бургаса. Англійскій же кабинетъ, кромѣ того, требовалъ для Турокъ права занимать также и Ихтиманъ. Англійскіе министры такимъ образомъ еще разъ отличились, показавъ себя предъ свѣтомъ *plus Turcs que les Turcs*. Далѣе узнаемъ что переговоры эти не совсѣмъ еще приведены къ концу, хотя о существенныхъ пунктахъ уже состоялось де полное соглашеніе между Англіей и Россіей, но продолжаются еще переговоры по поводу возраженій предъявленныхъ Россіей противъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: занятія Ихтимана Турками; вступленія турецкихъ войскъ въ Бургасъ до полнаго очищенія русскими войсками Румеліи, и противъ рѣшенія предоставленныхъ Румелійской коммиссіи вопросовъ большинствомъ голосовъ, тогда какъ, по мнѣнію Русскаго правительства, эти вопросы должны рѣшаться не иначе какъ единогласно. Русское мнѣніе по этому послѣднему пункту, какъ извѣщаютъ, принято и другими кабинетами. Это обстоятельство очень важное въ виду того что, на основаніи временнаго порядка, назначенному Портой губернатору Румеліи предоставлено призывать въ эту провинцію турецкія войска для подавленія безпорядковъ уже не просто въ силу Берлинскаго трактата, а не иначе какъ съ согласія румелійской коммиссіи въ теченіе года на который предположено продлить ея полномочія. Отдать это важное право на рѣшеніе большинства коммиссіи, которое можетъ состоять изъ отъявленныхъ туркофиловъ, значило бы лишить забалканскихъ Болгаръ послѣдней гарантіи.

Между тѣмъ какъ излагаются такія окончательныя свѣдѣнія о новыхъ переговорахъ, страннымъ образомъ въ газетахъ вновь выдвигается казавшійся похороненнымъ планъ смѣшаннаго занятія, хотя нѣсколько въ новой формѣ противъ прежняго. Именно, по словамъ вѣнскаго корреспондента *Times*, возникаетъ мысль, въ случаѣ если губернатору и коммиссіи понадобится призвать вооруженную силу, предоставить имъ призывать для сего не турецкія войска, а какой-либо смѣшанный отрядъ.

Эту же мысль, о томъ что къ проекту смѣшанной оккупаціи все-таки придется де вернуться, совершенно ясно высказываютъ и органы австрійской печати. Имъ особенно не хочется разставаться съ идеей

движенія Австріи на Востокъ. Съ легкой руки „берлинскаго политика," идея эта была усвоена Австрійцами, и смѣшанная оккупація Восточной Румеліи, въ которой они вѣроятно разчитываютъ играть главную роль, была бы для этого случая особенно удобнымъ предлогомъ. Недавно обнародованная офиціальная исторія австрійской оккупаціи Босніи ясно подтверждаетъ давно всѣмъ извѣстныя цѣли Австріи. Эта оккупація уже за три года была не то что задумана, но обсуждена въ подробностяхъ и поѣздка Австрійскаго императора въ Далматію была сигналомъ къ поднятію Восточнаго вопроса. Теперь, когда первый этапъ достигнутъ, остается продвинуться далѣе, почему проектъ смѣшаннаго занятія Восточной Румеліи и озабочиваетъ такъ австро-венгерскую печать. Получающій внушенія *Пештскій Ллойдъ* дѣлаетъ слѣдующее предсказаніе дальнѣйшаго хода Восточнаго вопроса:

„Русскія войска уйдутъ спокойно, и непосредственно за ихъ уходомъ, какъ надо предполагать, возникнутъ безпорядки которые конечно изумятъ князя Дондукова, у котораго на глазахъ совершается раздача оружія болгарскому населенію. Князь Горчаковъ пуститъ въ міръ патетическій циркуляръ въ коемъ будетъ много говориться объ избіенныхъ болгарскихъ братьяхъ, о безкорыстіи всегда исполненной благихъ намѣреній Россіи, но весьма мало о тѣхъ мотивахъ которые привели Петербургъ къ крушенію смѣшанной оккупаціи."

Итакъ въ Австріи открыто высказываютъ разчеты на ожидаемые безпорядки для возобновленія проекта о смѣшанной оккупаціи.

Нельзя не замѣтить что весьма кстати для этихъ плановъ подоспѣло и подписаніе, наконецъ, конвенціи между Австріей и Портой о занятіи Босніи и Новобазарскаго санджака, о которой такъ долго и безуспѣшно переговаривались оба правительства, которая едва не вызвала новаго министерскаго кризиса въ Стамбулѣ, и окончательному заключенію которой, какъ извѣщали, много способствовали настоянія германскаго и англійскаго представителей.

Характеристично еще что австрійская печать съ безцеремоннымъ злорадствомъ высказываетъ усилившуюся надежду на успѣхъ австрійскихъ плановъ, благодаря тому обстоятельству что вниманіе Россіи теперь, по ея мнѣнію, должно быть менѣе занято восточными дѣлами, будучи отвлечено отъ нихъ внутренними замѣшательствами.

Б.

Завтра 14-го апрѣля, исполнится пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ князя Владиміра Андреевича Долгорукова. Четыре года тому назадъ, когда Москвичи праздновали десятилѣтнюю годовщину со дня назначенія его московскимъ генералъ-губернаторомъ, нынѣ почившій митрополитъ Иннокентій, обращаясь къ нему, сказалъ: „Молю Господа, чтобъ онъ ниспослалъ мнѣ утѣшеніе до конца моей жизни видѣть васъ начальствующимъ въ Москвѣ и умирая благословить васъ на многіе и счастливые годы жизни и службы въ древней столицѣ искренно васъ любящей." Слова іерарха простыя и искреннія выражали вѣрно не одни только его личныя чувства.

Какъ всѣ русскія дворяне въ былое время, князь Владиміръ Андреевичъ готовился къ военной службѣ, и путемъ этой службы достигъ высокаго государственнаго положенія. Школа въ которой онъ воспитывался была въ полномъ смыслѣ военною, гдѣ господствовалъ духъ строгой дисциплины о коемъ и помину нѣтъ въ наше время. На службѣ онъ всѣмъ былъ обязанъ себѣ. При своемъ громкомъ историческомъ имени и титулѣ, онъ, какъ всего лучше свидѣтельствуетъ его послужной списокъ, не протекціей подвигался впередъ, не прыжками, но шагъ за шагомъ, собственнымъ трудомъ и заслугой. Каждый успѣхъ свой по службѣ покупалъ онъ цѣною строгаго, точнаго, добросовѣстнаго исполненія возлагавшихся на него обязанностей и порученій. Онъ съ отличіемъ участвовалъ въ бояхъ во время Польскаго мятежа 1831 года и въ послѣдствіи на Кавказѣ. Ему, еще очень молодому человѣку, давались начальствомъ порученія требовавшія иполненія столько же разумнаго, сколько заботливаго и тщательнаго, и всѣ исполнялись съ успѣхомъ. Послужной списокъ князя Владиміра Андреевича показываетъ что чѣмъ болѣе раскрывались его качества, чѣмъ болѣе узнавало его начальство, тѣмъ болѣе оно привлекало его къ такимъ частямъ военнаго управле-

нія которыя требуютъ неподкупности и честности. Его дѣятельность сосредоточилась главнымъ образомъ на военномъ хозяйствѣ, и всѣмъ извѣстно что во время Севастопольской войны генералъ-провіантмейстеромъ въ Россіи былъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, котораго заслуги по этой части были высоко оцѣнены покойнымъ Императоромъ Николаемъ и всѣми современниками тѣхъ событій; они быть-можетъ получатъ еще бо́льшую цѣнность при сравненіи съ тѣмъ что́ въ наши дни бываетъ при условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ для правильнаго веденія военнаго хозяйства. Но цвѣтъ его службы принадлежитъ Москвѣ. Здѣсь является онъ на высшей чредѣ своего государственнаго служенія; здѣсь облекается онъ полнымъ довѣріемъ Государя, здѣсь достигаетъ онъ высшихъ почестей, здѣсь оказываетъ онъ заслуги которыя были оцѣнены за четыре года предъ симъ такъ единодушно всѣми сословіями, учрежденіями и пригородами нашей столицы, когда праздновался юбилей совершившагося десятилѣтія генералъ-губернаторства князя Владиміра Андреевича въ Москвѣ; при немъ вступили въ дѣйствіе нововведенные порядки и вводилось столько новыхъ незамѣтно, безъ потрясеній, безъ столкновеній. Всегда спокойно, но всегда твердо, всегда держась неизмѣнно долга своей службы, московскій генералъ-губернаторъ умѣлъ все улаживать и все держать въ порядкѣ.

Высокое достоинство князя Владиміра Андреевича,—достоинство которымъ запечатлѣна его служебная дѣятельность, но которое особенно даетъ чувствовать свою цѣну въ наши дни, заключается въ его непоколебимой вѣрности долгу. Онъ поистинѣ вѣрный и не лукавый слуга Государя.

№ 94.

Москва, 14-го апрѣля.

Египетскій вопросъ въ послѣднее время болѣе всѣхъ другихъ поглощалъ вниманіе Англіи. Особенно безпокоило всѣхъ опасеніе что Англія можетъ быть втянута въ нежелательное для нея въ настоящую минуту дѣйствіе настойчивостью Франціи. Эта тревога сказывалась и въ успокоительныхъ увѣреніяхъ англійскихъ газетъ якобы Франція вовсе не имѣетъ охоты ввязываться дѣятельно въ дѣла Египта если только того не потребуетъ Англія. Англійское же правительство, повидимому, готово было рѣшиться не предпринимать ничего противъ Египетскаго хедива, а предоставить его собственной участи.

Уклончивыя заявленія Англійскаго правительства въ парламентѣ поддерживали эти предположенія. Въ отвѣтъ на запросъ въ засѣданіи палаты общинъ 17 апрѣля, канцлеръ казначейства уклонился отъ всякаго обсужденія Египетскаго вопроса, такъ какъ де правительство еще не имѣетъ подробныхъ свѣдѣній, и могъ только сообщить что оно де не условилось еще ни о какомъ планѣ дѣйствій совмѣстно съ Франціей. Затѣмъ, въ засѣданіи 21 апрѣля, сэръ-Стаффордъ Норткотъ объявилъ неточнымъ свѣдѣніе будто г. Вильсонъ отказался принять отставку до сношенія съ Британскимъ правительствомъ, присовокупивъ что г. Вильсонъ не подавалъ въ отставку, а былъ уволенъ. Изъ вчерашней телеграммы мы уже знаемъ что г. Вильсонъ находится на возвратномъ пути въ Англію. Отъ другихъ объясненій англійскіе министры уклонялись, обѣщая что въ скоромъ де времени будутъ представлены парламенту документы по египетскимъ дѣламъ.

Въ ожиданіи пока эти обѣщанные документы прольютъ какой-либо новый свѣтъ на темныя интриги разыгрывающіяся въ Каирѣ, достаточно и тѣхъ данныхъ какія имѣются чтобъ убѣдиться какъ ловко были разчитаны хедивомъ ходы въ его игрѣ. Въ англійскихъ газетахъ уже обнародовано нѣсколько документовъ, какъ-то: протесты адресованные хедиву г. Вильсономъ, г. де-Блиньеромъ и слѣдственною коммиссіей надъ финансами Египта бывшею при этихъ двухъ министрахъ. Но почему-то не нашли нужнымъ сообщить текстъ рескрипта хедива къ Шерифъ-пашѣ, которому, по увольненіи иностранныхъ министровъ, было поручено устройство новаго *національнаго* кабинета. Между тѣмъ рескриптъ этотъ, приведенный въ письмѣ нашего константинопольскаго корреспондента помѣщенномъ во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, есть весьма любопытный документъ. Изъ него видно какъ мастерски Измаилъ-паша усвоилъ тотъ самый жаргонъ на которомъ пишутся газетныя статьи изобличающія его управленіе.

Англійская и французская печать доказывали что хедива слѣдуетъ лишить всякой дѣйствительной власти и передать ее иностранцамъ въ интересѣ де населенія. На этой же струнѣ играетъ и хедивъ. Поставивъ себѣ священнымъ долгомъ „давать полное удовлетвореніе законнымъ желаніямъ своей страны,“ онъ укоряетъ уволенный кабинетъ въ томъ что онъ своими дѣйствіями вызвалъ въ населеніи „волненіе и недовольство охватившія всѣ классы нашего общества, нѣкогда столь спокойнаго.“ Онъ говоритъ что неоднократно предупреждалъ о томъ министровъ и аккредитованныхъ при немъ агентовъ, но кабинетъ не принималъ де во вниманіе его совѣтовъ, и, наконецъ, когда этотъ кабинетъ окончательно возбудилъ противъ себя національное чувство, хедивъ нашелся вынужденнымъ поручить Шерифъ-пашѣ составить новый кабинетъ „изъ элементовъ истинно египетскихъ.“ Въ инструкціяхъ же которыя онъ дастъ новому кабинету есть все что̀ угодно: и развитіе реформъ, и отвѣтственность министровъ предъ палатой, и изданіе законовъ по образцу существующихъ въ Европѣ, и строгій контроль доходовъ и расходовъ, и даже указаніе на увѣнчаніе „дѣла цивилизаціи,“ съ которымъ хедивъ желаетъ связать свое имя. Словомъ, весь этотъ рескриптъ годился бы какъ нельзя лучше для статьи въ *Times* или любой англійской газетѣ, не будь только онъ адресованъ Шерифъ-пашѣ, который извѣстенъ какъ заклятой противникъ иноземнаго вмѣшательства въ дѣла Египта, и который одинъ изъ прежнихъ чиновниковъ отказывался отъ дачи какихъ-либо показаній въ бывшей слѣдственной коммиссіи.

И нельзя не признать что точку зрѣнія хедива не легко опровергнуть. Онъ ссылается на недовольство вызванное дѣйствіями прежнихъ министровъ. И дѣйствительно вѣрно что они распустили армію и множество египетскихъ чиновниковъ не уплативъ имъ жалованья. Для оправданія своего переворота хедивъ говоритъ что опирается на поддержку національнаго чувства. И онъ имѣетъ множество петицій въ этомъ смыслѣ. Его „палата“ заявила что при прежней системѣ правительство всегда де съ нею совѣщалось и уважало ее, а иностранные министры обращались де съ нею презрительно. Нотабли въ петиціи объявили финансовые планы г. Вильсона противными „интересамъ и чести страны.“ Въ такомъ же смыслѣ были петиціи отъ 70 улемъ, отъ коптскаго патріарха, отъ главнаго раввина, отъ шейхъ-юль-ислама, отъ 60 пашей, и столькихъ же беевъ, отъ 40 нотаблей и множества военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Пусть *Journal de Débats* и множество англійскихъ газетъ толкуютъ что все это подстроенная самимъ хедивомъ комедія. Но на что̀ же могутъ сослаться гг. Вильсонъ и Блиньеръ, будто бы лучше заботившіеся о благѣ страны? Все было противъ нихъ. Они возбудили противъ себя и туземцевъ, и иностранную колонію. Въ довершеніе ихъ неудачъ, даже домъ Ротшильда, съ которымъ они заключили заемъ подъ залогъ земель уступленныхъ хедивомъ для покрытія текущаго долга, отказался отъ уплаты условленныхъ взносовъ этого займа пока означенныя земли не будутъ освобождены отъ прежнихъ ипотекъ.

Ловкій хедивъ не упустилъ изъ виду ни одной карты въ игрѣ. Ему грозили что онъ можетъ быть низложенъ султаномъ. Было даже извѣстіе что султанъ самъ готовъ предложить для сего свои услуги Англіи и Франціи. Но теперь уже прибылъ въ Константинополь отправленный хедивомъ къ сюзерену для объясненій Талаатъ-паша, какъ говорятъ, съ неотразимымъ аргументомъ мѣшковъ золота. Подъ вліяніемъ ихъ, взглядъ Порты повидимому начинаетъ уже измѣняться, тѣмъ болѣе что она, какъ указываетъ нашъ константинопольскій корреспондентъ, не можетъ имѣть увѣренности что хедивъ покорился бы ея велѣнію, ибо мусульманское духовенство въ Египтѣ, поддержка коего необходима для успѣха велѣній султана, состоитъ изъ Арабовъ, ненавидящихъ Турокъ.

Но замѣчательнѣе всего какъ быстро измѣнились въ самой Англіи взгляды на выгоды искать опоры въ Портѣ для принужденія хедива. Вопервыхъ, въ Англіи всѣ хорошо знаютъ что въ сущности нѣтъ ни одного турецкаго чиновника который въ душѣ не одобрялъ бы поступка хедива, прогнавшаго отъ себя иностранцевъ получавшихъ большіе оклады. Главное же въ томъ что еслибы Порта и въ самомъ дѣлѣ искренно предлагала свои услуги, то виды ея, какъ разъясняетъ *Times*, могутъ вовсе не сходиться съ видами Англіи. Порта въ этомъ случаѣ конечно дѣйствуетъ де не изъ одной любезности къ Англіи и

Франціи: „Она можетъ желать возстановленія своей полной власти надъ Египтомъ, отъ которой отказалась по трактату 1841 года. А не въ интересѣ западныхъ державъ, и особенно не въ интересѣ Англіи чтобъ Египетъ вновь былъ поставленъ въ положеніе турецкой провинціи. Практическая независимость Египта есть одна изъ главныхъ гарантій тѣхъ политическихъ интересовъ которые заставляютъ насъ зорко наблюдать за участью хедива." Также и *Saturday Review* съ замѣчательною откровенностью объявляетъ что „было бы крайне опасно разчитывать, для огражденія тѣхъ интересовъ какіе мы имѣемъ въ Египтѣ, на случайность что мы всегда будемъ имѣть успѣхъ въ интригахъ (*sic*) турецкаго двора."

Поучительно сопоставить эти замѣчанія о Египтѣ съ разсужденіями англійской печати о Восточной Румеліи. Разумѣется, въ глазахъ Англичанъ для той и другой страны разные вѣсъ и мѣра. Въ одномъ случаѣ для англійскихъ интересовъ находятъ опаснымъ еслибы Порта свою номинальную власть надъ страной мусульманскою обратила въ дѣйствительную; въ другомъ же требуется закрѣпить власть Порты надъ христіанскимъ населеніемъ, также для интересовъ Англіи!

Но почему же Англія сама не рѣшалась предпринять принудительныя мѣры противъ хедива. Нѣкоторыя оппозиціонныя газеты ставятъ причину безсилія Англіи въ этомъ случаѣ въ вину той политикѣ правительства которая запутала Англію затрудненіями повсюду: и въ Румеліи, и въ Афганистанѣ, и въ Южной Африкѣ, и того гляди можетъ-быть еще новымъ затрудненіемъ въ Германіи. Но конечно не въ этомъ была главная причина нерѣшимости Англіи, а, какъ мы уже не разъ говорили, въ опасеніи разойтись съ Франціей. Интересы Англіи въ Египтѣ громадны, и она неохотно предоставила бы хедиву полную свободу коей онъ добивается. „Намъ нельзя," говоритъ *Economist*, „допустить ни независимости, ни нейтрализаціи Египта. Необходимо чтобъ его правитель, кто бы онъ ни былъ, на дѣлѣ былъ креатурой Англіи." Но въ то же время какъ оппозиціонные, такъ и министерскіе органы все яснѣе сознаютъ неудобства совмѣстнаго дѣйствія съ Франціей. Доводы *Economist* объ этомъ мы уже не разъ приводили. Вотъ отзывы другихъ органовъ о томъ же: „Мы почти навѣрное перессорились бы за добычу," замѣчаетъ *Saturday Review*. „Совмѣстное дѣйствіе съ Франціей," толкуетъ *Times*, „можетъ вовлечь насъ въ затрудненія и отвѣтственность самаго серіознаго свойства." „Ясно что товарищество съ Франціей должно быть скорѣе помѣхой намъ чѣмъ помощью," говоритъ и *Daily News*, „и въ это товарищество мы никогда бы не вступили еслибы въ то время какъ мы его заключили оно не показалось удобнымъ по другимъ совершенно постороннимъ соображеніямъ."

Въ виду этого, Англія, какъ видно изо всѣхъ разсужденій послѣднихъ газетъ, готова была отречься временно отъ всякаго прямаго участія и выждать болѣе благопріятной минуты. Но всѣ также признавали что если де Франція заблагоразсудитъ дѣйствовать, то ее нельзя будетъ оставить одну, и что она можетъ вынудить и Англію ко вмѣшательству. И вотъ сейчасъ полученная парижская телеграмма извѣщаетъ что такъ и случилось. Оба правительства требуютъ, въ общей нотѣ, чтобы хедивъ вновь взялъ къ себѣ англійскаго и французскаго министровъ и не смѣнялъ ихъ безъ согласія Англіи и Франціи.

Египетскій вопросъ разгарается противъ желанія Англіи. Что же послѣдуетъ если хедивъ откажется исполнить это требованіе? Подобныя требованія имѣютъ вѣсъ только когда поддерживаются силой.

№ 96.

Москва, 16-го апрѣля.

Ожиданія что съ окончаніемъ зимы минуетъ худшее время экономическаго кризиса переживаемаго Англіей и что вскорѣ долженъ наступить поворотъ къ лучшему покамѣстъ не сбываются. Въ началѣ весны, правда, обнаружилось было незначительное оживленіе въ спросѣ и въ цѣнахъ на желѣзо; но теперь новый кризисъ постигаетъ другую отрасль англійскаго производства.

Въ 1866 году г. Гладстонъ, бывшій тогда канцлеромъ казначейства, внося бюджетъ въ періодъ процвѣтанія англійскихъ финансовъ, старался убѣдить своихъ соотечественниковъ воспользоваться этимъ временемъ чтобы серіозно положить начало погашенію государственнаго долга, не оставлять его тяжкаго бремени въ наслѣ-

діе потомкамъ которымъ можетъ-быть придется жить въ странѣ обѣднѣвшей. Въ подтвержденіе своихъ доводовъ г. Гладстонъ указывалъ что одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ богатства Англіи, ея обширныя залежи каменнаго угля не могутъ считаться неистощимыми, и что наступитъ время, хотя можетъ-быть и весьма отдаленное когда онѣ изсякнутъ

Кто бы могъ подумать что всего 13 лѣтъ спустя участь этой именно отрасли, въ которой Англія не можетъ страшиться соперничества, будетъ возбуждать серіозное безпокойство? Правда залежи каменнаго угля въ Англіи не истощились: онѣ остаются при ней. Тѣмъ не менѣе всѣ сильно встревожены ожидаемыми послѣдствіями громадной забастовки болѣе 30.000 рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Дургамскаго округа, на сѣверѣ Англіи, которая продолжается уже болѣе двухъ недѣль. Вначалѣ всѣ были увѣрены что она не можетъ много продлиться, такъ какъ ассоціація этихъ рабочихъ не располагаетъ большими фондами; но на дняхъ рабочими былъ подвергнутъ голосованію вопросъ о томъ продолжать ли забастовку. причемъ громадное большинство (свыше 20.000 голосовъ противъ 200) рѣшило его утвердительно, и до сего дня не замѣтно ничего что̀ бы подавало надежду на скорое ея прекращеніе.

Причиной этой стачки, какъ и всѣхъ другихъ бывшихъ въ прошедшемъ году, было заявленіе хозяевами о пониженіи заработной платы. Это фактъ замѣчательный. Онъ показываетъ что угнетеніе коснулось и каменноугольнаго производства, въ которомъ ничья конкурренція не угрожала Англіи. Копи на сѣверѣ Англіи въ особенности славятся своимъ богатствомъ, и въ послѣднее время далеко затмили копи Вельскаго княжества. Въ Дургамѣ есть фирмы извлекающія отъ полутора до двухъ милліоновъ тоннъ угля въ годъ. О быстромъ развитіи разработки въ послѣднее время можно судить по тому что въ 1861 году число рабочихъ занятыхъ этимъ производствомъ въ округахъ Дургамскомъ и Нортумберландскомъ было 53.524, а въ 1866—107.134; слѣдовательно, производство въ теченіе 15 лѣтъ удвоилось. Несмотря однако на то что каменный уголь есть не только предметъ первой потребности въ самой Англіи, но и вывозится въ громадномъ количествѣ за границу, хозяева копей, чтобы не работать въ убытокъ, нашлись вынужденными предложить рабочимъ понизить въ размѣрѣ отъ 10 до 15 процентовъ ихъ зарабонную плату. Рабочіе соглашались на пониженіе въ меньшемъ размѣрѣ, и предлагали притомъ рѣшить споръ третейскимъ посредничествомъ. Отъ этого хозяева, однако, на отрѣзъ отказались, утверждая что вопросъ слишкомъ ясенъ чтобы допускать въ немъ третейское разбирательство. Такимъ образомъ возникла забастовка, которая на первыхъ же порахъ сопровождалась большимъ раздраженіемъ со стороны рабочихъ. Они прибѣгли къ устрашенію и даже насиліямъ чтобъ отвлечь отъ работъ тѣхъ кто не хотѣли принимать участіе въ забастовкѣ. Во многихъ мѣстностяхъ были даже серіозные безпорядки и схватки съ полиціей. Въ послѣдніе дни волненіе нѣсколько улеглось, но стачка все распространяется. Съ другой стороны, хозяева и владѣльцы копей также твердо стоятъ на своемъ, и имъ тѣмъ легче выдерживать борьбу, что они составляютъ сравнительно небольшой классъ людей обладающихъ большими рессурсами. Въ Сѣверпомъ Дургамѣ главные владѣльцы суть графъ Дургамскій, маркизъ Лондондерри, сэръ-Джорджъ Эллiотъ, членъ парламента, и другіе богачи. Въ Южномъ Дургамѣ почти половина ежегоднаго производства, 20 милліоновъ тоннъ, извлекается изъ копей принадлежащихъ десятку весьма богатыхъ фирмъ. Борьба слишкомъ неравна, и потому ожидаютъ что рано или поздно рабо̀чіе должны будутъ безусловно уступить.

Почему же однако забастовка возбуждаетъ такую сильную тревогу? Въ мануфактурномъ производствѣ безпокойство возбуждаемое прекращеніемъ работъ болѣе понятно, ибо не легко вернуть заказы которые при первомъ извѣстіи о волненіи рабочихъ обращаются къ другимъ странамъ. Относительно каменнаго угля иное дѣло: онъ остается въ Англіи и всегда можетъ найти себѣ выгодный сбытъ по минованіи тревоги. Но дѣло въ томъ что въ зависимости отъ разработки каменнаго угля въ Дургамскомъ округѣ находится множество желѣзныхъ заводовъ въ этомъ и сосѣднихъ округахъ, и остановка въ добычѣ угля случилась весьма не кстати, когда только что показалось было ничтожное оживленіе въ желѣзномъ дѣлѣ. Теперь, вслѣдствіе этой забастовки и пре-

кращенія добычи угля, множество доменныхъ печей погашено и производство на желѣзныхъ заводахъ остановилось. Такимъ образомъ, отъ забастовки углекоповъ, массы и другихъ рабочихъ остаются безъ дѣла. Вычисляютъ что до 80.000 рабочихъ, а по инымъ и болѣе, не имѣютъ занятій. И если такое положеніе долго протянется, оно непремѣнно отзовется усиленіемъ пауперизма. Только теперь начинаетъ обнаруживаться какъ тяжело отозвались на англійскихъ пролетаріяхъ, несмотря на небывалую дешевизну хлѣба, безпримѣрно долгій застой въ дѣлахъ и затѣмъ суровая зима. Отчеты за февраль нынѣшняго года показываютъ, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, что число бѣдныхъ содержимыхъ на общественный счетъ возросло отъ 35% до 56%, и преимущественно въ среднихъ и сѣверныхъ мануфактурныхъ округахъ.

Затѣмъ, забастовка углекоповъ отзывается громадными убытками и на судоходствѣ сѣверо-востока Англіи. На одной рѣкѣ Тайнѣ интересы судоходства громадны: тамъ грузятъ ежегодно свыше семи милліоновъ тоннъ, и главнымъ образомъ угля. Множество судовъ перевозящихъ хлѣбъ грузились углемъ вмѣсто балласта. Теперь большая часть ихъ стоятъ безъ дѣла или уходятъ въ другіе порты. А изъ сего слѣдуетъ что отпускная торговля Англіи углемъ должна сильно пострадать, особенно въ виду того что изъ всего количества отпуска угля (16 милліоновъ тоннъ) не менѣе половины вывозилось изъ Дургамскихъ копей. Значительная часть вывозимаго отсюда угля находила себѣ сбытъ въ сѣверной Европѣ, и теперь опасаются что недостатокъ онаго будетъ восполненъ изъ Бельгіи и Вестфаліи.

Все это вновь подтверждаетъ, какъ мы уже не разъ показывали, до какой степени тѣсно связаны, переплетены между собой всѣ рычаги искуственнаго процвѣтанія Англіи, и какъ въ ней, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, всякая задержка или остановка въ одной отрасли производства чувствительно отзывается на всей сложной организаціи ея экономической жизни.

Этотъ новый кризисъ постигшій производство составляющее естественное богатство Англіи, побуждаетъ многихъ обратить болѣе зоркое вниманіе на сильное возрастаніе расходовъ при нынѣшней администраціи, такъ плохо соотвѣтствующее обстоятельствамъ страны, идущей къ экономическому упадку. Г. Райлендсъ уже возвѣстилъ о намѣреніи внести въ палату общинъ резолюцію въ томъ смыслѣ что палата съ сожалѣніемъ де видитъ чрезмѣрное возрастаніе національныхъ расходовъ. Онъ предлагаетъ заявить что такіе большіе расходы какъ тѣ за которые отвѣтственно нынѣшнее правительство не требуются для огражденія интересовъ страны; что налоги необходимые для покрытія этихъ расходовъ стѣсняютъ земледѣліе и промышленность, ведутъ къ возрастанію пауперизма, и, наконецъ, что палата находитъ нужнымъ принять немедленно мѣры къ сокращенію этихъ расходовъ. Дѣйствительно, сравненіе смѣтъ нынѣшняго года со смѣтами послѣдняго года администраціи г. Гладстона обнаруживаетъ въ нихъ громадный контрастъ. Смѣты на 1873–74 годъ были 71.871.000 ф. ст.; въ нынѣшнемъ году онѣ достигли 81.153.000 ф. ст. Г. Гладстонъ, выходя въ отставку, оставилъ послѣ себя излишекъ въ шесть милліоновъ; въ смѣтахъ нынѣшняго года значится дефицитъ въ пять милліоновъ, увеличивающій собою сумму текущаго долга. Кромѣ того, нынѣшнее правительство истратило уже на экстренные военные расходы свыше восьми милліоновъ, не считая издержекъ Афганской войны, возложенныхъ исключительно на Индію. Разумѣется, въ нынѣшней палатѣ общинъ резолюціи г. Райлендса не могутъ получить хода; тѣмъ не менѣе это постоянное возрастаніе расходовъ начинаетъ сильно ронять популярность кабинета Биконсфильда въ странѣ.

А между тѣмъ доходы не только не обнаруживаютъ эластичности, но, напротивъ, продолжаютъ падать, какъ это видно изъ отчетовъ за первыя двѣ недѣли финансоваго года, начавшагося съ 1 апрѣля. Упадокъ попрежнему всего сильнѣе чувствуется въ двухъ главныхъ источникахъ доходовъ: акцизахъ и пошлинахъ.

№ 97.

Москва, 18-го апрѣля.

Въ виду учрежденія особой коммиссіи для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и льготахъ по привозу изъ-за границы металловъ и металлическихъ произведеній, не безын-

тересно припомнить главнѣйшія изъ этихъ постановленій, имѣвшихъ столь сильное вліяніе на судьбу нашего металлическаго производства, въ ихъ исторической послѣдовательности.

До 1857 года наше желѣзное производство пользовалось особымъ, исключительнымъ покровительствомъ, какого не предоставлялось никакой другой отласли промышленности. Внутри Россіи сбытъ русскаго чугуна и желѣза былъ огражденъ отъ заграничной конкурренціи не покровительнымъ только, а запретительнымъ тарифомъ. Привозъ изъ-за границы чугуна и желѣза по тарифу 1850 года допускался только по западной сухопутной границѣ, съ уплатой пошлины въ 50 к. съ пуда, что для чугуна равнялось почти запрещенію. Конецъ такому ходу дѣлъ былъ положенъ 28 мая 1857 изданіемъ новаго таможеннаго тарифа. Запрещеніе ввоза чугуна и желѣза было оставлено въ силѣ только для портовъ Азовскаго моря [1]); на всемъ остальномъ протяженіи Европейской границы иностранные чугунъ и желѣзо получили невозбранный доступъ въ Россію, съ уплатой умѣренныхъ пошлинъ по 15 к. съ пуда чугуна и съ небольшимъ 40 к. съ пуда желѣза (полосоваго, рельсоваго и въ лому; другіе сорта желѣза были обложены повышенною пошлиной).

За первою льготой данною иностранному чугуну и желѣзу не замедлила послѣдовать новая. Съ небольшимъ черезъ два года послѣ изданія тарифа 1857 года, 16 іюня 1859 года, опредѣленныя этимъ тарифомъ пошлины на чугунъ и желѣзо были по привозу въ Имперію понижены; назначено было взимать съ пуда: желѣза полосоваго, рельсоваго и въ лому — 35 коп., сортоваго—45 к., кубоваго, котельнаго и листоваго — 70 к. Въ слѣдующемъ 1860 году, 28 ноября, взиманіе этихъ пониженныхъ пошлинъ было распространено и на привозъ въ Царство Польское.

Для отечественнаго желѣзнаго производства конкуренція иностраннаго чугуна и желѣза, въ виду указанныхъ мѣръ, должна была уже стать чувствительною. Но особенно тяжелый ударъ нашимъ желѣзозаводчикамъ нанесъ 1861 годъ. Въ ту самую пору когда имъ приходилось напрягать всѣ силы къ переустройству хозяйственной части своихъ заводовъ на новыхъ основаніяхъ въ виду измѣнявшихся отношеній къ заводскимъ рабочимъ, бывшимъ уже наканунѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ заводамъ къ которымъ они были приписаны,—состоялась мѣра имѣющая для нашего желѣзнаго производства еще болѣе серіозное значеніе чѣмъ пониженіе таможенныхъ пошлинъ. 8 мая 1861 года, для поощренія машиностроительнаго производства въ Имперіи, рѣшено было дозволить механическимъ заведеніямъ безпошлинный привозъ изъ-за границы чугуна и желѣза не въ дѣлѣ въ количествѣ необходимомъ для выдѣлываемыхъ ими машинъ и фабричныхъ принадлежностей. [2]) Въ томъ же году, 25 декабря, для поощренія сельскаго хозяйства въ Южной Россіи, разрѣшенъ былъ безпошлинный привозъ къ южнымъ портамъ отдѣльныхъ частей земледѣльческихъ орудій и уменьшена вдвое (съ 1 р. на 50 к. съ пуда) пошлина съ желѣзныхъ лопатъ, заступовъ, грабель, сапъ и вилъ, а 26 іюля 1863 года мѣра эта была распространена и на юго-западную сухопутную границу нашу съ Австріей и Дунайскими Княжествами.

При новомъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа, интересы русской желѣзной промышленности были приняты во вниманіе, кажется, еще въ меньшей степени чѣмъ при обсужденіи всѣхъ вышеисчисленныхъ мѣръ. Пошлины на всѣ сорты желѣза, которыя, вслѣдствіе установленія разновременно надбавочныхъ сборовъ со всѣхъ вообще подлежащихъ пошлинѣ товаровъ, повысились было на 10% противъ нормы опредѣленной въ 1859 году, были вновь и еще болѣе понижены, а именно назначено взимать съ пуда:

		К.	К.
Чугуна	вмѣсто	5½	5
Желѣза полосоваго и въ лому	„	38½	35
Желѣза сортоваго	„	49½	35
Желѣза рельсоваго	„	38½	20
Желѣза кубоваго котельнаго и листоваго	„	77	50

Подъ вліяніемъ послѣдовательно расширяемыхъ льготъ для иностраннаго желѣза, привозъ его въ Россію, естественно, возросталъ въ быстрой прогрессіи. Въ 1856 году, когда еще дѣйствовалъ тарифъ 1850

[1]) Это запрещеніе было отмѣнено тарифомъ 1868 года.

[2]) На Царство Польское льгота эта была распространена съ 6 апрѣля 1867 года.

года, иностраннаго чугуна и желѣза было привезено въ Россію всего 1.899 пуд. Въ 1858 году, вслѣдъ за изданіемъ тарифа 1857 года, привозъ чугуна и желѣза дошелъ до 386.009 пуд. Въ 1860 году, вслѣдъ за новымъ пониженіемъ пошлинъ, онъ поднялся уже до 1.334.168 пуд. Благодаря дальнѣйшимъ льготамъ, въ 1867 году, предъ изданіемъ новаго тарифа, привозъ чугуна и желѣза выразился уже цифрой 12.619.005 пуд., а послѣ изданія тарифа, въ 1870 году цифра привоза дошла уже до 21.500.460 пуд. Выдерживать конкуренцію съ иностраннымъ желѣзомъ становилось для нашихъ заводчиковъ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Противъ нихъ обращались не только наши благопріятные иностранцамъ таможенные тарифы, но и самое развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти. Въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, иностраное желѣзо и при пониженномъ тарифѣ не могло разчитывать на слишкомъ обширный районъ сбыта. Но въ концѣ шестидесятыхъ и особенно въ семидесятыхъ годахъ, къ услугамъ иностраннаго желѣза явилась у насъ уже цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, дающая ему возможность проникать въ самую глубь Россіи и отовсюду вытѣснять русское желѣзо, которому между тѣмъ приходится бороться съ огромными неудобствами сообщеній на территоріяхъ ближайшихъ къ мѣстамъ его производства. Происходящее отсюда неравенство условій при которыхъ нынѣ русское желѣзо должно конкуррировать съ иностраннымъ имѣетъ огромное значеніе и конечно не должно быть упущено изъ виду при опредѣленіи размѣра таможеннаго покровительства въ которомъ нуждается наше желѣзное производство. Тѣ пошлины которыя назадъ тому двадцать, пятнадцать даже десять лѣтъ тому назадъ могли бы казаться вполнѣ достаточными для огражденія производства отечественнаго желѣза и даже излишне-высокими при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не могутъ быть таковыми теперь, при нынѣшней желѣзнодорожной сѣти. Направленіе составляющихъ ее линій такъ благопріятно иностранному и наоборотъ такъ неблагопріятно русскому желѣзу, что уже въ однихъ видахъ возстановленія нарушеннаго такимъ путемъ равновѣсія требуется серіозный подъемъ пошлинъ на привозное желѣзо.

Но главныя сѣтованія русскихъ производителей желѣза вызываются не столько размѣрами нынѣшнихъ пошлинъ на привозное желѣзо, сколько тѣмъ что и эти низкія пошлины остаются большею частію на бумагѣ, такъ что взиманіе ихъ составляетъ скорѣе исключеніе чѣмъ общее правило. И нельзя не признать что эти сѣтованія русскихъ заводчиковъ вполнѣ основательны. Освобожденіе привозныхъ металловъ отъ взысканія пошлинъ практикуется у насъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Возьмомъ для примѣра цифровыя данныя 1875 года, на которыхъ мы уже останавливаясь на дняхъ. Весь ввозъ металловъ не въ дѣлѣ въ этомъ году составлялъ 24.121.263 пудовъ. Съ какой части этой массы привозныхъ металловъ была взыскана пошлина? Съ 7.932.903 пудовъ. Все остальное, слишкомъ вдвое большее количество 16.288.360 пудовъ, было ввезено безпошлинно.

Пошлина съ листоваго желѣза опредѣлена въ 50 к. съ пуда, а съ полосоваго въ 35 к. Но изо всего количества этихъ сортовъ желѣза ввезеннаго въ 1875 году (1.894.381 пуд. перваго и 5.354.235 пуд. втораго) пошлина была взыскана лишь съ меньшей половины (съ 923.456 и 2.676.248 пуд.), а бо́льшая половина (970.925 и 2.677.987 пуд.) прошла безпошлинно.

Сталь по тарифу обложена пошлиной въ 80 коп. съ пуда. Ввезено ея было въ 1875 году 1.198.880 пудовъ, и изъ этого числа оплачено пошлиной только 273.285 пуд., такъ что изо 100 ввозимыхъ пудовъ стали пошлину платили съ небольшимъ 22 пуда, а болѣе 77 пудовъ проходили безпошлинно.

Съ чугуна взимается пошлины всего 5 коп. съ пуда. Но и эта пошлина, изъ числа ввезенныхъ въ 1875 году 3.508.069 пудовъ, была взыскана лишь съ 745.371 пуд., а 2.772.698 пуд. прошли безпошлинно. Таможенный тарифъ имѣлъ силу только съ небольшимъ для одного пуда изъ пяти.

Рельсовое желѣзо обложено пошлиной всего 20 к. съ пуда. Но изъ 3.548.523 пудовъ привезенныхъ въ 1875 году желѣзныхъ рельсовъ, пошлина была взята лишь съ 1.070.764 пуд., такъ что изъ каждаго десятка пудовъ, семь подходили подъ исключеніе и отъ всякой пошлины освобождались.

29 марта 1871 года была установлена пошлина съ рельсовъ изъ бессемеровской

стали въ размѣрѣ 45 к. съ пуда. Въ 1875 году такихъ рельсовъ было ввезено 6.810.202 пуд., но изъ этого количества 6.459.769 пудовъ прошли безпошлинно, а взыскана установленная пошлина только съ 350.433 пудовъ. Общее правило распространялось только на одинъ изъ 19 или 20 пудовъ; всѣ остальные подводились подъ исключеніе.

Въ общей сложности, допущеніе безпошлиннаго ввоза металловъ не въ дѣлѣ обошлось казнѣ въ одномъ 1875 году потерею 5.684.973 р. дохода, при всей умѣренности назначенныхъ тарифомъ пошлинъ. Слѣдовало получить дохода съ этой статьи 8.376.075 р., а было получено всего 2.691.102 р. Но конечно гораздо чувствительнѣе чѣмъ на государственномъ бюджетѣ отозвался этотъ безпошленный ввозъ на всемъ ходѣ русскаго металлическаго производства.

Такова на дѣлѣ роль установленныхъ тарифомъ пошлинъ на иностранные металлы; таково значеніе льготъ допущенныхъ по ихъ привозу. Нѣтъ сомнѣнія что въ то время когда найдено было нужнымъ, не довольствуясь однимъ пониженіемъ пошлинъ, установить эти льготы, имѣлись въ пользу ихъ серіозныя соображенія. Покровительство которое оказывалось прежде отечественному металлическому производству превратилось въ покровительство иностраннымъ производителямъ, конечно, не въ силу одного пристрастія къ иноземному и къ фритредерскимъ теоріямъ. И интересы казны, и интересы русской желѣзной промышленности приносились въ жертву серіознымъ цѣлямъ первостепенной важности. Необходимо было всѣми возможными мѣрами облегчить постройку желѣзнодорожной сѣти въ Россіи; этой цѣли приносились всякія жертвы, ради ея отодвигались на задній планъ не одни интересы металлическаго производства, но и другіе не менѣе, если не болѣе, уважительные. Вся русская финансовая политика, можно сказать, была подчинена желѣзнодорожнымъ соображеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было поощрить и развитіе механическаго производства. Можно или нельзя было достигнуть этихъ цѣлей безъ подрыва нашей металлической промышленности, это другой вопросъ, не имѣющій теперь уже никакого практическаго значенія. Но фактъ тотъ что соображенія, въ той или иной мѣрѣ оправдывавшія тѣ мѣры которыя столь вредно отозвались на этой отрасли производства, въ настоящее время значительно, если не совсѣмъ, утратили свою силу. Желѣзнодорожная сѣть слишкомъ въ двадцать тысячъ верстъ построена, и для дальнѣйшаго ея расширенія уже не представляется надобности въ такихъ мѣрахъ которыя могли быть необходимы на первыхъ порахъ, когда дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ еще не наладилось, шло вяло и встрѣчало на каждомъ шагу затрудненія. Взглядъ на построенныя дороги также значительно измѣнился. Прежде правительство, несмотря на всѣ финансовыя затрудненія, охотно отказывалось отъ слѣдующихъ въ казну сборовъ въ видахъ поощренія желѣзнодорожнаго движенія. Такъ 18 сентября 1861 года былъ отмѣненъ дорожный сборъ съ товаровъ перевозимыхъ по желѣзной дорогѣ между Ковно и Пруссіей; затѣмъ, 17 февраля 1862 года, та же мѣра была распространена и на прочія желѣзныя дороги Царства Польскаго. Нынѣ, какъ извѣстно, повсемѣстно въ Россіи установленъ особый налогъ на пассажирское, а частію и на товарное движеніе. При такой перемѣнѣ въ обстоятельствахъ, нѣтъ основаній строго придерживаться относительно желѣзныхъ дорогъ и прежней системы щедрыхъ льготъ по привозу иностранныхъ металловъ. Что же касается поощренія механическаго производства въ Россіи, то опытъ показалъ что въ этомъ отношеніи безпошлинный ввозъ иностранныхъ металловъ не достигаетъ цѣли. Этотъ безпошлинный ввозъ причинилъ серіозный вредъ нашему желѣзному производству, а въ виду этого вреда мы не имѣемъ и того утѣшенія чтобы наше машиностроеніе сдѣлало серіозные успѣхи. Правда цифра производительности нашихъ механическихъ заводовъ довольно велика; но эта цифра обманчива. Велика она потому что къ механическимъ заводамъ причисляются существующія при желѣзныхъ дорогахъ ремонтныя мастерскія, которыя выписываютъ ежегодно изъ-за границы на огромныя суммы разныя желѣзныя принадлежности и затѣмъ пригоняютъ ихъ вмѣсто сломавшихся. Въ сущности же, вмѣсто дѣйствительныхъ успѣховъ, наши механическіе заводы представляютъ только задатки развитія въ будущемъ, для того чтобы это развитіе совершилось нужны не такія льготы какъ безпошлинный ввозъ металловъ

не въ дѣлѣ, а иныя, болѣе серіозныя мѣры, испытанныя на дѣлѣ при поощреніи хлопчатобумажнаго и свеклосахарнаго производства, — то-есть повышеніе пошлинъ на привозныя машины и ихъ принадлежности. Это сознаютъ и сами наши механическіе заводчики, еще очень недавно ходатайствовавшіе о замѣнѣ для нихъ льготы безпошлиннаго привоза металловъ повышеніемъ пошлинъ на машины. А пошлины эти дѣйствительно очень низки. Въ 1875 году, напримѣръ, машинъ, аппаратовъ и принадлежностей къ нимъ было ввезено на сумму 31.826.605 руб., пошлинъ же со всей этой суммы получено всего 999.470 р., то-есть значительно менѣе $3^1/_4$% съ цѣны товара. А при этомъ мы еще совсѣмъ не беремъ въ разчетъ машинъ сельскохозяйственныхъ и машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ, ввозимыхъ бепошлинно. При такомъ размѣрѣ пошлинъ съ машинъ, можетъ ли одинъ безпошлинный привозъ желѣза не въ дѣлѣ дать нашимъ механическимъ заводамъ силу конкуррировать съ иностранными машинными заводчиками?

Итакъ интересы механическихъ заводовъ не идутъ въ настоящее время въ разрѣзъ съ интересами желѣзнаго производства. Требуемыя желѣзными заводчиками повышеніе пошлинъ на иностранный металлъ и отмѣна льготъ безпошлиннаго ввоза болѣе чѣмъ уравновѣсятся для механическихъ заводовъ и мастерскихъ таковыми же мѣрами относительно привозныхъ машинъ. Пошлина же на машины, какъ доказываетъ Д. П. Шиповъ, въ помѣщаемой ниже, статьѣ, не особенно тяжело падаетъ на производимые этими машинами предметы. Но еслибъ это было и иначе, ничто не могло бы помѣшать, при общемъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа, возмѣстить соотвѣтственными въ немъ измѣненіями могущія произойти отсюда невыгоды для нѣкоторыхъ отраслей промышленности. А общій пересмотръ тарифа нынѣ вообще весьма желателенъ. Измѣнившіяся обстоятельства упразднили тѣ соображенія коими руководствовалась донынѣ наша финансовая политика по отношенію къ металлическому производству. Но перемѣна обстоятельствъ подорвала точно также силу многихъ соображеній на которыхъ основывались и многія другія опредѣленія тарифа 1868 года.

№ 98.

Москва, 19-го апрѣля.

День 17 апрѣля былъ вдвойнѣ отпразднованъ въ столицѣ Болгарскаго княжества. Послѣ молебна отслуженнаго по случаю празднованія дня рожденія нашего Государя Императора, Освободителя Болгаріи, въ Тырновѣ совершилось избраніе князя для начинающаго жить новою жизнью Болгарскаго народа. Избранъ подъ именемъ Александра I молодой принцъ Александръ-Іосифъ Баттенбергскій, второй сынъ принца Александра Гессенскаго и родной племянникъ Ея Величества Государыни Императрицы. Почитаемъ за счастливое предзнаменованіе что первый государь новой независимой Славянской страны которому выпала тяжелая обязанность ввести избравшій его народъ на новую жизненную стезю носитъ то же самое дорогое имя которое навсегда останется въ памяти Болгарскаго народа какъ имя его Избавителя и Благодѣтеля. Воодушевленіе и ликованіе народа были безпредѣльны. Многотысячныя толпы оглашали воздухъ криками: *Да здравствуетъ Царь Александръ! да здравствуетъ князь Александръ! да здравствуетъ Россія и Болгарія!*

Избраніе это давно предусматривалось какъ наиболѣе вѣроятное. Хотя Берлинскій трактатъ, обусловившій только что княземъ Болгаріи не можетъ быть избранъ никто изъ членовъ царствующихъ династій, не поставилъ выбора въ слишкомъ тѣсныя рамки и хотя имена многихъ возможныхъ кандидатовъ нерѣдко упоминались въ печати, но общая молва съ перваго же времени останавливалась преимущественно на вновь избранномъ юномъ князѣ. Кромѣ располагавшей въ его пользу близкой родственной связи его съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ, молодой принцъ и по личнымъ качествамъ своимъ имѣлъ преимущественныя права на призваніе его Болгарскимъ народомъ въ свои правители. Будучи причисленъ къ 8 уланскому полку, шефомъ коего состоитъ его отецъ, онъ принялъ участіе въ Русско-Турецкой войнѣ съ самаго начала ея, весной 1877 года; вмѣстѣ съ генераломъ Гурко онъ совершилъ первый переходъ черезъ Балканы, и въ память участія своего въ кампаніи имѣетъ орденъ Св. Георгія, пожалованный ему въ ознаменованіе

его храбрости и военныхъ заслугъ. Несомнѣнно притомъ что его пребываніе въ Болгаріи, во время этой войны, дало ему возможность ознакомиться и съ народомъ, и со многими особенными условіями его быта.

Принцъ на которомъ остановились голоса Болгарскаго народа уже изъявилъ согласіе принять предложенный ему престолъ. Державы, какъ извѣщаютъ, также согласны утвердить это избраніе. Но съ этой стороны, можно было впередъ быть увѣрену что избраніе принца Баттенбергскаго не возбудитъ затрудненій. Его семейство пользуется высокимъ уваженіемъ во всей Европѣ, и самъ онъ такъ счастливо поставленъ что даже наиболѣе заинтересованныя державы ничего не могли бы возразить противъ него въ смыслѣ преимущественнаго кандидата Россіи. Онъ, правда, въ наиболѣе близкомъ родствѣ съ нашимъ Царствующимъ Домомъ, но въ то же время онъ состоитъ въ родственной связи и съ Англійскою королевскою фамиліей, его двоюродный братъ принцъ Лудвигъ Гессенскій былъ супругомъ дочери королевы Викторіи, принцессы Алисы, во цвѣтѣ лѣтъ похищенной жестокою болѣзнью въ нынѣшнемъ году, а его родной братъ состоитъ на службѣ въ англійскомъ флотѣ, наконецъ, его родитель начавшій службу въ русской арміи нынѣ состоитъ генераломъ австрійской арміи.

Такимъ образомъ для Болгарскаго княжества съ избраніемъ князя окончилось время переходнаго существованія, и оно вступаетъ въ самостоятельную жизнь.

Но не должно себя обманывать. Тяжкая и трудная работа предстоитъ молодому князю, и дай Богъ ему силъ на великій подвигъ правленія! Множество заботъ и неустанный трудъ ожидаютъ его. Онъ пріемлетъ бразды правленія надъ страной только что вышедшею изъ долговременнаго ига, только что пережившею погромъ и ужасы войны. Предстоитъ залѣчить раны, загладить страданія, умиротворять, руководить. Великій трудъ этой задачи усиливается многими неотрадными обстоятельствами. Помимо разоренія въ какое повергнута страна войной, народъ не можетъ быть вполнѣ доволенъ своею участью. Непостижимыя для него требованія дипломатіи разсѣкли его на три части, осужденныя на разную участь. Румелійскіе и македонскіе Болгары не могутъ не устремлять своихъ взоровъ по сю сторону Балканъ, и это естественное стремленіе не можетъ не смущать спокойнаго развитія княжества.

Временное русское занятіе Болгаріи старалось „приготовить ко времени выбора князя національное управленіе въ странѣ, сосредоточенное въ рукахъ лучшихъ и способнѣйшихъ ея гражданъ.“ Докладная записка извѣстнаго профессора Дринова о результатахъ Русскаго управленія въ Болгаріи *) краснорѣчиво свидѣтельствуетъ до какихъ мелочей простиралась при этомъ заботливость русскихъ властей въ освобождаемомъ краѣ. Мы устроили въ Болгаріи школы, больницы, аптеки, почты, телеграфы, таможни и пр. Одною изъ наиболѣе цѣнныхъ услугъ, оказанныхъ Россіей Болгаріи, была организація болгарской милиціи, и эта-то услуга стала предметомъ наибольшаго озлобленія и клеветъ западной, и преимущественно австрійской, печати. Изъ отчета г. Дринова мы знаемъ что Болгарское княжество имѣетъ теперь „для огражденія внутренней и внѣшней безопасности земское войско, состоящее изъ 21 пѣшей дружины, 8 батарей артиллеріи, 4 конныхъ сотенъ, одной саперной строевой, одной саперной учебной роты и осадной артиллеріи. Численность этихъ частей простирается до 21.000, не считая русскихъ кадровъ. Сіи послѣдніе для всего болгарскаго войска состоятъ изъ 394 офицеровъ и 2.694 нижнихъ чиновъ.“ Въ отчетѣ высказывается что „военное образованіе войска подвигается поразительно успѣшно, и можно разчитывать что Болгары, при врожденной ихъ склонности ко всякаго рода труду и занятіямъ, въ скоромъ времени составятъ отличную боевую силу.“ Должно замѣтить при этомъ что все созидаемое, если и возлагало извѣстныя необходимыя тяжести на Болгарскій народъ, сопровождалось вмѣстѣ съ тѣмъ съ нашей стороны пожертвованіями, къ которымъ способна едва ли не одна только Россія. Этихъ жертвъ, матеріальныхъ и нравственныхъ перечислять здѣсь нѣтъ надобности.

Русская администрація, что касается ея временнаго управленія, честно исполняла свои обязанности. Но къ сожалѣнію, мы не захотѣли ограничиться временнымъ уп-

*) Она была напечатана въ *Новомъ Времени*, №№ 1.104 и 1.106.

равленіемъ, мы сочли нужнымъ слиберальничать, одарить освобожденный нами народъ полнымъ „устройствомъ“ по послѣднему шаблону ходячихъ фразъ: русскіе чиновники принялись сочинять и сочинили „конституцію“ для Болгарскаго княжества. Созванное затѣмъ „учредительное собраніе“ принялось перекраивать любезно заготовленный для него проектъ, и Богъ вѣсть чего тамъ не прибавлено и не убавлено. Англійскіе корреспонденты съ злорадствомъ разказывали что Болгарскіе представители обнаружили де при этомъ перекраиваніи большую „независимость,“ благодаря именно тому что за спиной ихъ нашлись добрые иностранные совѣтники которые растолковывали имъ что нужно, а тѣ были де такъ смышлены что поняли.

Дай Богъ чтобъ этотъ „уставъ“ не привелъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, чтобъ онъ не возбудилъ прежде времени деморализующую народъ безцѣльную борьбу партій какая была въ Румыніи, Греціи, Сербіи и какой не знаетъ Черногорія. Твердая власть была бы теперь всего полезнѣе для Болгаріи, болящей и измученной; въ единеніи съ народомъ, эта власть вѣрнѣе выработала бы учрежденія согласныя съ духомъ народа и его дѣйствительными потребностями.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ и облегченіемъ является отсрочка на годъ исполненія постановленій конгресса о восточной Румеліи. До этой отсрочки Турки не займутъ Балканскихъ проходовъ. Не будемъ терять надежды что въ будущемъ году еще яснѣе обнаружится вся неосуществимость положенія искусственно созданнаго для Восточной Румеліи, рядомъ со свободнымъ и независимымъ Болгарскимъ княжествомъ.

№ 99.

Москва, 20-го апрѣля.

Учрежденной недавно особой коммиссіи для пересмотра существующихъ постановленій о таможенныхъ пошлинахъ и льготахъ по привозу изъ-за границы металловъ и металлическихъ издѣлій приходится работать при условіяхъ замѣчательно благопріятныхъ для ея трудовъ. До сихъ поръ у насъ, почти при каждомъ случаѣ общаго или частнаго пересмотра таможенныхъ пошлинъ, замѣчался рѣзкій антагонизмъ между интересами казны, съ одной стороны, и интересами ищущихъ покровительства отраслей промышленности, съ другой. Въ настоящемъ случаѣ эти обыкновенно столь противуположные интересы совершенно совпадаютъ. Повышеніе пошлинъ на металлы, металлическія издѣлія и машины, коего столь усиленно добивается остававшееся долгое время безъ всякаго покровительства отечественное металлическое производство, поведетъ не къ сокращенію, а къ серіозному увеличенію государственнаго дохода. Отмѣна льготъ безпошлиннаго привоза, столь губительныхъ для русской желѣзной промышленности, избавитъ казну отъ потери многихъ милліоновъ рублей въ которую нынѣ обходятся ей эти льготы. Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1872 по 1876 включительно, ввезено въ Россію изъ-за границы:

Металловъ не въ дѣлѣ на	204.057.608 р.
Чугунныхъ издѣлій	14.241.042 „
Стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій	105.122.655 „
Машинъ	152.577.611 „

а таможенныхъ пошлинъ съ этихъ товаровъ, благодаря существовавшимъ порядкамъ, во всѣ пять лѣтъ въ совокупности получено только:

Съ металловъ не въ дѣлѣ . .	14.304.591 р.
„ чугунныхъ издѣлій	1.012.815 „
„ стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій . . .	10.167.980 „
„ машинъ	3.794.345 „

то-есть всего $7_{,01}$% съ цѣны привезенныхъ металловъ, $7_{,11}$% съ цѣны чугунныхъ издѣлій, $9_{,67}$% съ цѣны стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій, и $2_{,22}$% съ цѣны машинъ. Трудно, конечно, счесть насколько больше былъ бы доходъ казны еслибы размѣръ пошлинъ былъ болѣе удовлетворительный для интересовъ русскаго желѣзнаго производства, и еслибы не было льготъ безпошлиннаго привоза уничтожающаго все значеніе даже и тѣхъ пошлинъ которыя значатся въ существующемъ тарифѣ. Но о размѣрахъ потерь казны отъ этихъ льготъ можно составить себѣ приблизительное понятіе по слѣдующимъ цифрамъ относящимся къ 1875 году. При строгомъ примѣненіи тарифа, въ этомъ году слѣдовало получить пошлинъ:

Съ металловъ не въ дѣлѣ . .	8.376.075 р.
Съ чугунныхъ издѣлій	468.984 „
Со стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій	3.974.524 „
Итого . .	12.819.583 р.

Въ дѣйствительности же получено пошлинъ:

Съ металловъ не въ дѣлѣ . .	2.691.102 р.
Съ чугунныхъ издѣлій. . . .	211.327 „
Со стальныхъ, желѣзныхъ и жестяныхъ издѣлій.	2.216.184 „
Итого. .	5.118.613 р.

Недоборъ противъ тарифной нормы оказывается болѣе 7.700.000 р., на 200.000 р. болѣе той суммы ради полученія коей установленъ стѣснительный и грозящій обмануть финансовые разчеты сборъ съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, а равно съ перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ большой скорости. Съ другой стороны, не потеряй казна въ 1875 году сказанныхъ 7.700.000 руб., и русское металлическое производство въ томъ году пользовалось бы нѣкоторымъ огражденіемъ, ибо тогда размѣръ пошлинъ съ цѣны привоза составлялъ бы:

По металламъ не въ дѣлѣ.	$17_{,17}$%
„ чугуннымъ издѣліямъ	$14_{,86}$%
„ стальнымъ, желѣзнымъ и жестянымъ издѣліямъ	$17_{,49}$%

Правда, тарифъ въ такомъ размѣрѣ далеко еще не оказалъ бы желѣзному производству того серіознаго покровительства въ какомъ оно нуждается. Добываніе и выработка металловъ не то что добываніе бьющей изъ земли нефти и выработка изъ нея петролея. Металлическое производство требуетъ и несравненно большихъ затратъ, и гораздо болѣе совершенной техники. Не говоримъ уже о томъ что по важности своего значенія въ государственной экономіи, петролей не можетъ у насъ идти и въ сравненіе съ желѣзомъ. И если, при всемъ этомъ, для огражденія нашего нефтянаго производства, не только не находящагося въ состояніи упадка, а напротивъ дѣлающаго изъ году въ годъ серіозные успѣхи, признается полезною пошлина въ размѣрѣ $16_{,72}$% съ цѣны привоза (по разчету за пятилѣтіе 1872—1876), то нельзя не признать что желѣзное производство, потрясенное и разстроенное рядомъ тяжкихъ, хотя можетъ-быть и неизбѣжныхъ ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, нуждается въ нѣсколько высшемъ покровительствѣ. Самое существенное для него, конечно, отмѣна льготъ безпошлиннаго привоза, ибо безъ такой отмѣны самый высокій покровительный тарифъ останется только на бумагѣ,— наша же металлическая промышленность нуждается въ дѣйствительномъ, а не въ бумажномъ покровительствѣ. Но одной отмѣны этихъ льготъ, очевидно, недостаточно. Такимъ образомъ, работы коммиссіи состоящей подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Небольсина неизбѣжно должны будутъ повести и къ измѣненію самыхъ нормъ обложенія таможенными пошлинами. Пересмотръ этотъ необходимъ, между прочимъ, уже въ видахъ устраненія той замѣчательной аномаліи дѣйствующаго нынѣ тарифа 1868 года что въ немъ, по отношенію къ желѣзной промышленности, не соблюденъ въ достаточной мѣрѣ даже тотъ основной принципъ чтобы привозныя фабричныя и заводскія издѣлія облагались болѣе высокою пошлиной чѣмъ сырые и полуобработанные матеріалы. Нельзя также полагать чтобъ и относительно машинъ прежній тарифъ могъ быть оставленъ въ силѣ. При среднемъ годовомъ привозѣ ихъ (по разчету за пятилѣтіе 1872—1876) на сумму свыше тридцати милліоновъ рублей, казна можетъ получать съ этой статьи немаловажный доходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, установленіе достаточной пошлины на привозныя машины поведетъ къ дѣйствительному развитію въ Россіи механическихъ заводовъ и мастерскихъ, играющихъ нынѣ большею частію какую-то двусмысленную роль лавочекъ занимающихся сборкой привозныхъ частей и торгующихъ не русскимъ, а иностраннымъ товаромъ. Въ желаніи оказать поддержку механическому производству у насъ, очевидно, нѣтъ недостатка. Оно ясно выразилось въ льготахъ дарованныхъ ему еще съ 8 мая 1861 года, а затѣмъ въ широкомъ примѣненіи этихъ льготъ безпошлиннаго привоза металла въ теченіе слишкомъ семнадцати лѣтъ (о субсидіяхъ, различныхъ привилегіяхъ и казенныхъ заказахъ мы пока умолчимъ). Но какое значеніе могутъ имѣть эти льготы при безграничной конкурренціи давно установившихся и упрочившихся иностранныхъ механическихъ заводовъ и мастерскихъ? А вѣдь нельзя же считать ограниченіемъ этой конкурренціи пошлину на машины въ размѣрѣ менѣе $2^1/_2$% съ ихъ цѣны. Необходимость повышенія пошлинъ на машины уже сознана правительствомъ. Въ 1877 году уже состоялось повышеніе пошлинъ на паровозы съ 75 к. до 1 р. 25 к. и на тендеры съ 30 до 50 к.,— но однимъ этимъ едва ли

можно было бы ограничиться. Указанное повышеніе пошлинъ почти не измѣнитъ существующей общей нормы обложенія привозныхъ машинъ. Тарифъ и при этомъ повышеніи останется гораздо болѣе благосклоннымъ къ иностраннымъ машинозаводчикамъ чѣмъ, напримѣръ, къ отечественнымъ филатурамъ, на которыхъ установленная съ нынѣшняго года 40-копѣечная пошлина на хлопокъ отзовется несравненно сильнѣе.

Кстати объ этой пошлинѣ. Установленіе ея служитъ новымъ подтвержденіемъ необходимости общаго пересмотра нашего тарифа. Она въ такой мѣрѣ измѣняетъ бывшую доселѣ пропорцію между пошлинами на сырье, полуобработанные матеріалы и мануфактурныя издѣлія что нельзя не подумать о возстановленіи нарушеннаго такимъ путемъ равновѣсія. Въ пять лѣтъ, съ 1872 по 1876, въ Россію было привезено чрезъ Европейскую границу 20.761.270 п. хлопка, на сумму 179.906.867 пудовъ. Хлопокъ ввозился безпошлинно, но еслибъ уже въ то время существовала 40-копѣечная пошлина съ пуда, всѣхъ пошлинъ съ этого хлопка въ пять лѣтъ было бы взыскано 8.304.508 р., и стало-быть пошлина равнялась бы слишкомъ $4,_{61}\%$ съ цѣны товара. Между тѣмъ въ означенномъ пятилѣтіи размѣръ пошлинъ съ хлопчатобумажныхъ продуктовъ былъ:

Съ бумажной пряжи некрашеной. .	$8,_{59}\%$
„ „ „ крашеной. . .	$8,_{61}\%$
„ бумажныхъ издѣлій.	$27,_{47}\%$

При безпошлинномъ ввозѣ хлопка, пошлина съ небольшимъ въ $8^1/_2\%$ на привозную пряжу могла считаться достаточнымъ огражденіемъ отечественныхъ филатуръ; но съ обложеніемъ хлопка, покровительство отечественнымъ филатурамъ сокращается до 4%, и возникаетъ вопросъ, достаточно ли будетъ для нихъ такое покровительство, особенно въ то время когда, вслѣдствіе кризиса, англійскіе фабриканты, добиваясь расширенія сократившагося сбыта, понижаютъ до нельзя цѣны своихъ произведеній?

Наложеніе пошлины на хлопокъ возбуждаетъ также и другой вопросъ, находящійся въ тѣсной связи съ желѣзнозаводскимъ дѣломъ. Мы говоримъ о каменномъ углѣ. Установляя принципъ обложенія пошлиной привознаго сырья, какъ въ бюджетныхъ разчетахъ, такъ и въ разчетахъ поставить русскую промышленность въ меньшую зависимость отъ иностранныхъ поставщиковъ этого сырья, чтобъ избѣжать непослѣдовательности слѣдуетъ примѣнить этотъ принципъ не къ одному хлопку, а и къ другимъ сырымъ продуктамъ, преимущественно же къ каменному углю. Привозъ его въ Россію все растетъ и растетъ. Въ періодъ 1865—1868 годовъ, средній годовой привозъ угля былъ около 40 милліоновъ пудовъ; въ періодъ 1869—1875, онъ доходилъ уже до 60 милл. пудовъ; въ 1876 и въ 1877 онъ превзошелъ уже 90 милліоновъ, а въ минувшемъ 1878 году превысилъ 111 милл. пудовъ. По цѣнности, привозъ угля уже въ 1876 году дошелъ до $12^1/_2$, а въ 1877 до 13 милл. рублей. Оставлять такую статью безъ обложенія, въ то время когда изыскиваются средства для возмѣщенія потерь которыя должна понести казна съ отмѣной государственныхъ подушныхъ сборовъ, едва ли было бы разчетливо. Таможенная пошлина на уголь, доставивъ казнѣ новый источникъ дохода, поощрила бы вмѣстѣ съ тѣмъ и разработку нашихъ каменноугольныхъ копей, которая нуждается въ такомъ поощреніи едва ли менѣе чѣмъ эксплуатація нефтяныхъ мѣсторожденій, и развитіе которой тѣмъ необходимѣе что безъ этого условія само желѣзное производство не можетъ стать на ноги твердо и прочно.

№ 100.

Москва, 21-го апрѣля.

Изложенныя нами на прошедшей недѣлѣ объясненія египетскихъ дѣлъ какъ нельзя болѣе подтверждаются послѣдними извѣстіями и сужденіями англійскихъ и французскихъ газетъ. Оказывается даже что телеграмма извѣстившая тогда объ отправленіи Англіей и Франціей совокупной ноты хедиву была передана не совсѣмъ точно и давала преувеличенное понятіе о „вмѣшательствѣ“ предпринятомъ обоими правительствами. Въ ней значилось что въ Египетъ была де отправлена совокупная нота Франціи и Англіи, приглашающая хедива, согласно его обязательствамъ, вновь назначить англійскаго и французскаго министровъ и не смѣнять ихъ безъ согласія ихъ правительствъ. Теперь оказывается что на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Канц-

леръ казначейства сэръ-Стаффордъ Норткотъ, въ засѣданіи палаты общинъ 28 апрѣля, въ отвѣтъ на запросъ объявилъ что никакой совокупной ноты отъ имени Англіи и Франціи не было отправлено въ Египетъ, оба правительства сочли де только нужнымъ „выразить хедиву свое мнѣніе о его недавней политикѣ". Кстати онъ прибавилъ что г. Риверсу Вильсону (уволенному хедивомъ англійскому министру) уже отправлена телеграмма съ приказаніемъ вернуться къ должности которую онъ прежде занималъ въ Англіи и которая была имъ оставлена лишь по временному отпуску. Французскія газеты, въ офиціозныхъ замѣткахъ, сверхъ того, пояснили что тождественная нота отправленная хедиву обоими правительствами требуетъ де отъ него исполненія принятаго имъ обязательства лишь въ томъ смыслѣ что въ числѣ его министровъ должны быть одинъ Англичанинъ и одинъ Французъ, но что вопросъ о лицахъ вовсе устраненъ и не требуется непремѣнно возстановленія въ должностяхъ уволенныхъ министровъ; кромѣ того, въ нотѣ не требуется также чтобы хедивъ не могъ увольнять своихъ европейскихъ министровъ безъ согласія Англіи и Франціи. Такимъ образомъ увѣщаніе отправленное хедиву оказывается вмѣшательствомъ весьма невиннаго рода. Газеты обѣихъ странъ усиливаются убѣдить себя и другихъ что оба правительства дѣйствуютъ въ наилучшемъ согласіи другъ съ другомъ; но хедивъ, достигнувъ покамѣсть чего желалъ, можетъ очень спокойно относиться къ этому столь трогательному согласію которое въ существѣ дѣла парализуетъ двѣ могущественныя державы и воздерживаетъ ихъ ото всякаго поступка который принудилъ бы его безпрекословно повиноваться ихъ велѣніямъ.

Но мы узнаемъ еще нѣчто поболѣе. Оказывается что даже согласіе относительно отправленной ноты не легко было установить. Франція первоначально хотѣла потребовать отъ хедива возвращенія прежнихъ министровъ. Англія же имѣла особыя причины не настаивать на этомъ требованіи, въ виду бывшихъ раздоровъ и столкновеній между г. Вильсономъ и прямымъ дипломатическимъ представителемъ Англіи въ Египтѣ генеральнымъ консуломъ г Вивіаномъ, который былъ вызванъ поэтому для объясненій и нынѣ возвращается къ своему посту. Въ виду такого рѣшенія не настаивать на возвращеніи къ должностямъ непремѣнно прежнихъ министровъ, Французскому правительству пришлось отказаться и отъ требованія чтобы хедивъ не увольнялъ министровъ безъ согласія обоихъ правительствъ. Что же касается будущаго, если сдѣланное представленіе окажется недѣйствительнымъ, то судя по сообщеніямъ парижскаго корреспондента *Times,* согласіе еще менѣе можно считать установившимся. Онъ извѣщаетъ что оба правительства, рѣшивъ отправить новыя инструкціи своимъ агентамъ, не могли не обдумать также послѣдствій какія могутъ произойти въ случаѣ отказа хедива подчиниться ихъ требованію. Англія поэтому напомнила Франціи о предложеніи султана низложить хедива и посовѣтовала при случаѣ воспользоваться онымъ. Но это предложеніе не понравилось де Франціи, которая еще предъ Берлинскимъ конгрессомъ поставила единственнымъ условіемъ своего участія въ немъ чтобъ Египетскій вопросъ отнюдь и ни подъ какимъ предлогомъ не былъ связываемъ съ Восточнымъ. Поэтому г. Ваддингтонъ и теперь считалъ опаснымъ принять предложеніе султана. Однако, такъ какъ надо же было подумать о возможности упорства хедива, и единственною другою альтернативой представлялось принятіе принудительныхъ мѣръ самими правительствами, а это, „не говоря о возможныхъ дипломатическихъ затрудненіяхъ," могло быть неудобно и въ виду „внутреннихъ затрудненій существующихъ въ обѣихъ странахъ," то, какъ осторожно выражается корреспондентъ, „повидимому рѣшено принять лишь къ свѣдѣнію предложеніе султана, предоставляя себѣ воспользоваться имъ если окажется нужнымъ." Дальнѣйшія же послѣдствія дѣла, если, напримѣръ, хедивъ вздумаетъ воспротивиться велѣніямъ самого султана, или если султанъ отступится потомъ отъ сдѣланнаго имъ предложенія, вовсе еще не подвергались обсужденію.

Изъ этихъ осторожныхъ и недосказанныхъ намековъ почти навѣрное можно себѣ представить дѣло въ такомъ видѣ что Франція предусматривала и готова была, хотя и не въ настоящую минуту, прибѣгнуть къ прямымъ принудительнымъ мѣрамъ противъ хедива, Англія же всячески старалась воздержать ее отъ этого, и обоимъ правительствамъ удобный предлогъ для отсрочки нашелся во „внутреннихъ затрудненіяхъ".

Такое предположеніе какъ нельзя болѣе подтверждается тономъ и сужденіями англійской печати. Англійскимъ правительствомъ представлена была парламенту *Синяя Книга*, по египетскимъ дѣламъ, но, противъ обыкновенія, въ газетахъ не было приведено ни извлеченій изъ нея, ни даже краткаго изложенія ея содержанія. Ссылаются на то что она уже отчасти устарѣла, такъ какъ содержащіеся въ ней документы доходятъ лишь до конца декабря. Обнародованіе же позднѣйшихъ документовъ правительство обѣщаетъ, но теперь находитъ неудобнымъ въ виду продолжающихся переговоровъ. Но, по немногимъ указаніямъ, есть другая причина малаго вниманія обращеннаго на эту *Синюю Книгу*. Она не совсѣмъ ладитъ съ положеніемъ какое теперь принято Англіей. Въ ней есть данныя указывающія на прежнее дѣятельное участіе и вмѣшательство Англіи въ дѣла Египта. Лондонскій корреспондентъ *Manchester Guardian* утверждаетъ даже что лордъ Солсбери настаивалъ чтобъ и нѣкоторые другіе европейскіе чиновники, кромѣ министровъ, не могли быть увольняемы хедивомъ безъ согласія ихъ правительствъ. Это было, какъ онъ говоритъ, въ январѣ, и какой контрастъ видимъ нынѣ! Правительственные органы наперерывъ стараются оправдать то что̀ они называютъ рѣшеніемъ правительства выпутаться изъ ложнаго положенія. По ихъ толкованію, даже отправленная хедиву нота въ сущности не имѣетъ никакого значенія. „Кабинетамъ,“ объясняетъ *Standard*, „какъ и генераламъ, приходится прикрывать отступленіе, а потому и не удивительно что правительства Англіи и Франціи отправили эту новую ноту хедиву. Что касается Измаилъ-паши, то все что̀ намъ остается дѣлать—это оставить его на произволъ его судьбы. Не наше дѣло низлагать его, какъ и не наше дѣло было бы поддерживать его, еслибъ его правленію угрожало внутреннее потрясеніе.“ А газета *Times* хочетъ даже доказать *выгодность* для Англіи такого оборота дѣлъ. По ея словамъ, „принятое рѣшеніе разсѣкаетъ ту сѣть отвѣтственности въ которую мы постепенно втянулись и затруднительныя послѣдствія которой наконецъ явственно обнаружились.“ И что̀ же въ самомъ дѣлѣ оставалось дѣлать? „Страна не имѣетъ никакой наклонности настаивать на принудительныхъ мѣрахъ противъ хедива... При продолжающихся еще затрудненіяхъ въ Афганистанѣ и южной Африкѣ, при необходимости наблюдать за Балканскимъ полуостровомъ и за нашею Бирманскою границей, при угнетеніи торговли и финансовыхъ затрудненіяхъ, нѣтъ поводовъ искать еще новаго поля для столкновенія.“ Это доводы противъ прямаго вмѣшательства. Прибѣгнуть же ко вмѣшательству султана представляется газетѣ *Times* еще менѣе желательнымъ, такъ какъ это привело бы къ возстановленію политической власти Порты надъ Египтомъ. „Признать за султаномъ, въ теоріи и на практикѣ, такое право значило бы ввести элементъ сомнѣнія въ будущность этой страны. Достовѣрно притомъ что мотивы которые обыкновенно господствуютъ въ Константинополѣ неспособны содѣйствовать установленію хорошаго управленія и финансовой честности въ Египтѣ.“ Видно константинопольскіе порядки хороши только когда дѣло идетъ о подчиненіи Портѣ Болгаръ Румеліи!

Изъ этихъ разсужденій близкихъ къ министерству газетъ легко догадаться что инструкціи съ которыми возвращается въ Египетъ англійскій консулъ г. Вивіанъ отнюдь не имѣютъ „воинственнаго характера.“ Ему поручено „увѣщевать“ хедива чтобъ убѣдить его „въ безуміи“ его образа дѣйствій. И вотъ вся надежда теперь возлагается на то что „можетъ-быть еще хедивъ поправитъ свою ошибку“, и дастъ удовлетвореніе добровольно допустивъ участіе Европейцевъ въ управленіи его финансами.

Можетъ-быть, конечно, хедивъ и уступитъ, если найдетъ въ этомъ свою выгоду, но разумѣется положеніе его новыхъ иностранныхъ совѣтниковъ будетъ далеко не то что̀ уволенныхъ имъ министровъ. Хедивъ оказался не только ловкимъ, но и весьма тонкимъ политикомъ. Онъ вѣрно разчиталъ что, при союзѣ Англіи съ Франціей, онъ почти застрахованъ отъ насильственныхъ дѣйствій. И произведенный имъ удачный опытъ пожалуй сдѣлаетъ его еще болѣе смѣлымъ.

Что̀ же изъ этого произойдетъ? Замѣшательства рано или поздно во всякомъ случаѣ неизбѣжны. Торійская *Pall Mall Gazette*, въ послѣднее время сильно недовольная правительствомъ и все нападающая на него за малодушіе, ворчитъ что оно де добровольно передало Франціи все

средства сдѣлать свое вліяніе въ Египтѣ господствующимъ, и что вслѣдствіе самоустраненія Англіи „администрація Египта быстро перейдетъ подъ французскій контроль, съ согласія англійскихъ министровъ." Это едва ли не преувеличеніе. Хедивъ конечно болѣе всего хотѣлъ освободиться отъ слишкомъ докучной опеки Англіи, но едва ли затѣмъ чтобы промѣнять ее тотчасъ же на опеку Франціи. Съ другой стороны, мы плохо вѣримъ притворному смиренію англійской печати въ настоящемъ случаѣ. Англію очевидно сдерживаетъ *force majeure.* Очень можетъ быть что она просто выжидаетъ момента когда Франція будетъ менѣе свободна въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ въ настоящую минуту. Мы увѣрены только что весьма еще далеки отъ конца этой, такъ неожиданно разыгравшейся траги-комедіи.

№ 102.

Москва, 23-го апрѣля.

Въ пятницу, 2 мая н. ст., началось въ Германскомъ рейхстагѣ первое чтеніе обширнаго проекта таможеннаго тарифа основаннаго на новыхъ началахъ. Берлинскій телеграфъ, всегда отличающійся чрезмѣрнымъ усердіемъ когда рѣчь идетъ объ интересахъ касающихся Германіи, уже передалъ намъ содержаніе преній происходившихъ въ первые два дня, но эти телеграфныя сообщенія даютъ очень смутное понятіе о происходившемъ. Первое чтеніе окончится вѣроятно сегодня, и мы не замедлимъ ознакомить нашихъ читателей съ ходомъ преній когда полученъ будетъ подлинный текстъ рѣчей. Покаместь интересно лишь прослѣдить какъ подъ вліяніемъ властной и могучей иниціативы одного государственнаго человѣка закопошился парламентскій муравейникъ, и какая перетасовка произошла въ его нѣдрахъ, какое перемѣщеніе уже теперь замѣчается въ его политической группировкѣ, несмотря на то что вопросъ о коемъ рѣчь касается политики лишь косвеннымъ образомъ. Корреспонденціи изъ Берлина сообщаютъ что депутаты возвратились послѣ пасхальнаго перерыва настроенные въ болѣе протекціонистскомъ смыслѣ нежели прежде, подъ вліяніемъ господствующаго нынѣ среди большинства избирателей духа приверженности къ реформѣ затѣянной княземъ Бисмаркомъ. Тѣмъ не менѣе никто не убѣжденъ въ окончательномъ торжествѣ правительственнаго проекта, ибо въ дѣлѣ экономическихъ интересовъ, болѣе чѣмъ въ какомъ иномъ, приходится примирять и сглаживать стремленія противоположныя и одно другое исключающія. Князь Бисмаркъ старается удовлетворить по возможности всѣхъ, за исключеніемъ крайнихъ теоретиковъ фритредерства. Благодаря этому онъ и имѣетъ на своей сторонѣ представителей всѣхъ партій, не исключая даже злѣйшихъ его политическихъ противниковъ, клерикаловъ. Но обычная парламентская разладица сказывается уже и въ средѣ этихъ приверженцевъ, и конечный исходъ дѣла, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ составѣ рейхстага, остается сомнительнымъ. Это сомнѣніе сказалось и въ рѣчи князя Бисмарка которою онъ въ пятницу открылъ пренія. Но зная хорошо настоящую цѣну выслушавшаго его собранія, германскій канцлеръ, какъ видится, очень мало озабоченъ этими сомнѣніями. Онъ не обинуясь просилъ рейхстагъ не затягивать преній, предпочитая этой проволочкѣ совершенное отклоненіе проектовъ и имѣя въ виду немедленно распустить рейхстагъ чтобы путемъ новыхъ выборовъ подготовить для себя надежное большинство. Нашъ берлинскій корреспондентъ сообщаетъ что князь Бисмаркъ намѣренъ въ особенности настаивать на принятіи пошлинъ на сырье (хлѣбъ, скотъ и лѣсъ) и на желѣзо, и что онъ распуститъ парламентъ въ случаѣ если эти пошлины будутъ отвергнуты. А между тѣмъ, если вѣрить извѣстіямъ сообщаемымъ изъ другихъ источниковъ изъ Берлина, противниками правительства по этому предмету явятся не только тѣ кому эти пошлины нелюбы по принципу, но и тѣ въ въ чью пользу онѣ проектированы, а именно партія землевладѣльцевъ, такъ-называемые аграріи. Послѣдніе находятъ именно что размѣръ проектированной правительствомъ пошлины на сырье далеко недостаточенъ, и требуютъ чтобъ она была увеличена впятеро. Лишь подъ этимъ условіемъ аграріи соглашаются де утвердить противныя ихъ интересамъ пошлины предназначенныя для покровительства промышленности, а въ противномъ случаѣ они подадутъ голосъ вмѣстѣ съ принципіальными противниками всей реформы. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то рѣшеніе не заставитъ

себя долго ждать, такъ какъ вопросъ о пошлинѣ на сырье будетъ первымъ на очереди. На предварительныхъ совѣщаніяхъ между парламентскими группами рейхстага рѣшено, какъ сообщаютъ берлинскія газеты, избрать коммиссію изъ 28 членовъ для передачи въ оную на разсмотрѣніе всего проекта тарифа за исключеніемъ пошлинъ на сырье, коихъ въ коммиссію не передавать, а приступить къ немедленному обсужденію ихъ въ полномъ собраніи рейхстага.

Партія центра, которая до послѣдняго времени была устранена отъ всякаго вліянія на ходъ законодательства и, несмотря на свою многочисленность, всегда оставалась въ оппозиціонномъ меньшинствѣ, нынѣ почти господствуетъ надъ положеніемъ. Эта партія одна осталась крѣпко сплоченною и по предлежащему экономическому вопросу, и потому понятно что сотня голосовъ которою располагаютъ вожаки этой партіи получила огромное, до сихъ поръ небывалое значеніе. „Это одно уже есть своего рода Каносса,“ замѣчаетъ со вздохомъ *Національная Газета*. Либеральный органъ увѣренъ что эта враждебная Германской имперіи партія болѣе всѣхъ другихъ извлечетъ для себя выгоды изъ происшедшаго нынѣ политическаго замѣшательства и сумѣетъ выудить самую крупную рыбу въ теперешней мутной водѣ. Органъ клерикаловъ, газета *Германія*, не мало злорадствуетъ по поводу этихъ либеральныхъ воздыханій; но заявляетъ и съ своей стороны что ультрамонтаны вовсе не намѣрены слѣдовать безусловно за княземъ Бисмаркомъ въ его экономическихъ начинаніяхъ. Они одобряютъ де вполнѣ его желаніе оказать покровительство отечественной промышленности, но отнюдь не намѣрены развязать ему руки по предмету увеличенія имперскаго бюджета. Клерикалы, стало-быть, будутъ вмѣстѣ съ націоналъ-либералами настаивать на дарованіи рейхстагу такъ-называемыхъ „конституціонныхъ гарантій“ прежде чѣмъ согласиться введеніе тѣхъ косвенныхъ налоговъ, коими князь Бисмаркъ намѣренъ замѣнить матрикулярные взносы. Вотъ какъ переплетается и осложняется игра партій рейхстага, въ которую парламентаризмъ вовлекаетъ князя Бисмарка, хотя самъ же онъ съ первыхъ словъ заявилъ что ему ничего не стоитъ сразу покончить съ этою предстоящею скучною возней. Побѣда же князя Бисмарка въ новомъ рейхстагѣ почти несомнѣнна.

Насколько предпріятіе князя Бисмарка близко къ осуществленію можно судить по тому заунывному тону какимъ англійская печать говоритъ о готовящихся въ Германіи экономическихъ преобразованіяхъ. Нечего говорить что въ глазахъ этой печати, и особливо ея руководящаго органа, газеты *Times*, поворотъ къ протекціонизму есть дѣло безумное и гибельное. Но *Times* сознается что поворотъ этотъ совершается нынѣ повсемѣстно, и что тщетны были бы всѣ попытки борьбы противъ „рокового теченія.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскій органъ признаетъ что движеніе это всецѣло направлено противъ Англіи и грозитъ ей наибольшими бѣдствіями.

№ 103.

Москва, 24-го апрѣля.

Въ то самое время какъ англійская печать по поводу возобладанія протекціонистскихъ теорій почти на всемъ материкѣ Европы, не говоря уже о Соединенныхъ Штатахъ и собственныхъ колоніяхъ Англіи, съ сокрушеннымъ сердцемъ печалится о вредѣ какой наносятъ давно де опровергнутыя экономическія заблужденія, въ то время какъ газета *Times* находитъ даже излишнимъ приводить аргументы въ пользу фритредерства, какъ излишне де доказывать что земля есть шаръ,—мы не мало были удивлены что эти повидимому безповоротно рѣшенные вопросы вновь возбуждаютъ споры въ самой Англіи. Тяжкій торгово-промышленный кризисъ, столь долго угнетающій Англію, въ такой мѣрѣ побуждаетъ многихъ искать какого-либо исхода что уже нѣсколько времени тому назадъ стали раздаваться голоса въ пользу „взаимности.“ Но глашатаи этой скрытой формы протекціонизма выступали такъ робко что не легко было понять ихъ желанія. Наконецъ, однако, ихъ теоріи были болѣе ясно изложены лордомъ Бэтманомъ въ засѣданіи палаты лордовъ 29 апрѣля. Тотъ фактъ что тридцать лѣтъ спустя послѣ окончательнаго принятія Англіей принциповъ свободной торговли, въ ней самой вновь повторяются прежніе аргументы *pro* и *contra* по поводу доктрины считаемой газетой *Times* за аксіому—не лишенъ зна-

чекія. Онъ показываетъ что и въ Англіи есть люди которые, въ виду настоящаго кризиса, видятъ весь вредъ въ чрезмѣрномъ преобладаніи фритредерскихъ ученій, и что сами эти ученія понимаются ими далеко не въ томъ смыслѣ какъ они толковались проповѣдывавшими оныя экономистами.

Лордомъ Бэтманомъ предложены были двѣ резолюціи. Вопервыхъ, онъ предложилъ палатѣ заявить что „признавая благодѣянія которыя послѣдовали бы отъ всеобщаго принятія системы *настоящей* свободной торговли, она находитъ нужнымъ во всѣхъ будущихъ торговыхъ переговорахъ съ другими странами отстаивать политику взаимности;“ а во вторыхъ, онъ требовалъ, въ виду продолжительнаго угнетенія торговыхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ интересовъ страны, назначить парламентское разслѣдованіе, дабы разыскать причины бѣдствія и лучшія средства къ исправленію онаго и „противодѣйствовать вреднымъ послѣдствіямъ чрезмѣрныхъ тарифовъ взимаемыхъ другими націями съ продуктовъ и мануфактуръ Англіи.“

Не смущаясь насмѣшками печати, авторъ этихъ резолюцій имѣлъ мужество открыто защищать свои взгляды, но въ изложеніи ихъ онъ прибѣгнулъ къ довольно странной формѣ. Онъ отнѣкивался отъ протекціонизма и утверждалъ что вовсе не требуетъ возвращенія къ этой системѣ. Но онъ доказывалъ что свобода торговли только тогда хороша когда она настоящая, а та система которая теперь принята въ Англіи не есть де настоящая. Торговля тогда де только можетъ почитаться дѣйствительно свободною когда эта свобода всеобщая. На дѣлѣ же этого нѣтъ. „Ни одну страну въ Европѣ, ни Соединенные Штаты, ни наши собственныя колоніи нельзя никакими искушеніями соблазнить чтобъ они послѣдовали нашему примѣру и открыли свои порты не ограждая пошлинами своихъ туземныхъ производствъ.“ Результатомъ односторонней системы, по мнѣнію оратора, и были то угнетеніе, бѣдствіе и нищета которые привели столь многіе классы на край гибели. Онъ и предшествовавшее эфемерное процвѣтаніе приписывалъ не отмѣнѣ привозныхъ пошлинъ, а открытіямъ золота въ Калифорніи и множеству изобрѣтеній давшихъ толчекъ къ чрезмѣрной спекуляціи. Къ тому же и Англія сама, говорилъ лордъ Бэтманъ, не безусловно слѣдуетъ свободной торговлѣ, взимая налогъ съ солода, продукта земледѣлія, и большія пошлины съ чая и кофе, потребляемыхъ самыми бѣдными рабочими. „Истинной свободной торговли, сказалъ онъ, не можетъ быть безъ взаимности, которая и должна быть краеугольнымъ камнемъ фритредерской системы.“ Поэтому, заключилъ онъ, если иностранныя націи не захотятъ принять этого принципа взаимности, то чтобы побудить ихъ къ тому, Англія должна наложить нѣкоторое стѣсненіе на ихъ привозъ.

Резолюціи лорда Бэтмана были, разумѣется, отвергнуты. Не трудно было вывести что въ сущности его теоріи приводились къ самому чистому протекціонизму, выступающему только подъ другимъ названіемъ и въ новой одеждѣ. Единственный ораторъ одобрившій ихъ, герцогъ Ратландъ, такъ и понялъ ихъ. Онъ смѣло объявилъ что какъ былъ, такъ и остался протекціонистомъ и не прочь бы видѣть возстановленіе хлѣбныхъ пошлинъ, отмѣна коихъ подорвала земледѣліе. Противники лорда Бэтмана также легко доказывали ему что его система „взаимности“ въ сущности есть не что иное какъ предложеніе „войны тарифовъ“ и всего менѣе можетъ склонить другія націи ко всеобщему принятію фритредерства. Аргументы которые приводились разными ораторами противъ протекціонизма скрытаго подъ именемъ „взаимности“ общеизвѣстны, но особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ рѣчь лорда Биконсфильда. Еще прежде, когда предлагалось произвести разслѣдованіе о причинахъ упадка земледѣлія въ Англіи, въ произнесенной имъ тогда рѣчи усмотрѣны были нѣкоторыя странности, изобличавшія прежняго яраго протекціониста, ожесточеннаго противника сэръ-Роберта Пиля. Настоящая его рѣчь представляется не менѣе загадочною. Онъ рѣшительно воспротивился обѣимъ резолюціямъ лорда Бэтмана, но аргументы высказанные имъ противъ нихъ были *sui generis*, а вовсе не въ духѣ ортодоксальнаго фритредерства. Онъ началъ съ заявленія что, по его мнѣнію, національное процвѣтаніе можетъ также быть совмѣстно съ мѣрами для огражденія туземной промышленности какъ и съ системой свободной торговли, и въ подтвержденіе указалъ на примѣръ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. Но Англія уже сорокъ лѣтъ тому

назадъ приняла свободную торговлю, и страна давно безповоротно подтвердила это рѣшеніе. Теперь поздно возвращаться къ прежнему порядку даже въ формѣ „взаимности,“ такъ какъ для этого Англія не имѣетъ уже болѣе средствъ. Что̀ Англія можетъ предложить другимъ странамъ въ видѣ взаимности? Прежде, даже послѣ большихъ перемѣнъ введенныхъ въ англійскомъ тарифѣ сэръ-Робертомъ Пилемъ, въ немъ оставалось еще 168 статей обложенныхъ пошлинами; теперь ихъ осталось всего 22, Къ тому же, обложенію иностранныхъ продуктовъ препятствуетъ статья наибольшаго благопріятства включаемая обыкновенно въ торговые трактаты. Англія имѣетъ много торговыхъ трактатовъ, и не менѣе какъ въ 38 изъ нихъ включено условіе пользованія правами наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. При такихъ обстоятельствахъ, о взаимности теперь не можетъ де быть и рѣчи. Въ сущности, слѣдовательно, аргументы лорда Беконсфильда сводились къ тому что, по его мнѣнію, Англіи не слѣдовало бы отмѣнять запретительныя пошлины пока другія націи не сдѣлали бы того же самаго, но зло уже сдѣлано, и поправить его нечѣмъ. Впрочемъ, онъ надѣется что настоящій кризисъ скоро минуетъ и затѣмъ вновь наступитъ оживленіе торговли и промышленности. Не удивительно что такая рѣчь британскаго премьера на многихъ произвела впечатлѣніе такого рода что лично онъ, пожалуй, былъ бы не прочь наложить какія угодно пошлины на хлѣбъ и на многое другое, но знаетъ что это ни къ чему не поведетъ и что страна едва ли на это согласится.

Не трудно также понять,—отчасти это высказалось и въ преніяхъ возбужденныхъ лордомъ Бэтманомъ, — почему Англія остается и останется страной свободной торговли, хотя бы одна противъ всего свѣта, и въ чемъ тутъ выгода. Приверженцы „взаимности“ со вздохами указываютъ на возрастающій привозъ и падающій отпускъ, и для возстановленія равновѣсія требуютъ огражденія; но какого рода покровительства желалось бы имъ для поправленія настоящаго застоя и усиленія англійскаго отпуска? Не отъ наплыва иностранныхъ мануфактуръ хотѣлось бы имъ оградить Англію—эта опасность далеко еще не страшна, а облегчить ей конкурренцію на чужихъ рынкахъ съ ограждаемыми туземными производствами. Чѣмъ же тутъ могли бы помочь покровительственныя пошлины или система „взаимности.“ Англія находится въ исключительныхъ условіяхъ, отличныхъ отъ всѣхъ другихъ странъ. Было указано во время преній что изо всей суммы около 400 милл. ежегоднаго привоза въ Англію, обработанныхъ и полуобработанныхъ издѣлій привозится не болѣе какъ на 39 милл.; все остальное или сырые продукты требующіеся для англійскихъ мануфактуръ, или предметы потребленія. Обложеніе тѣхъ и другихъ причинило бы вредъ не кому другому какъ самой же Англіи. Вздорожаніе сырья вслѣдствіе этого обложенія не удешевило бы англійскаго производства, а напротивъ, сдѣлало бы для него конкурренцію на чужихъ рынкахъ еще болѣе трудною. Но при этомъ не было еще обращено вниманія на другое возможное послѣдствіе такой мѣры. Англія не можетъ застращать другія страны угрозой стѣсненій въ привозѣ нужнаго ей сырья, ибо въ такомъ случаѣ упадокъ въ цѣнѣ сырья на мѣстѣ производства онаго послужилъ бы лишь новымъ толчкомъ къ усиленію туземныхъ мануфактуръ и удешевленію ихъ продуктовъ, опять къ невыгодѣ англійской конкуренціи. Что̀ касается обложенія предметовъ потребленія, то это просто немыслимо когда третья часть пищи для прокормленія Англійскаго народа получается изъ-за границы. Этого не требовалъ и лордъ Бэтманъ, желавшій, напротивъ, чтобы всѣ предметы потребленія рабочихъ классовъ были изъяты отъ пошлинъ. Противъ такого обложенія завопило бы все рабочее населеніе, обладающее нынѣ избирательными правами, и сознаніе этого факта главнымъ образомъ и лежало въ основѣ аргументовъ лорда Беконсфильда противъ резолюцій лорда Бэтмана гораздо болѣе чѣмъ убѣжденіе по существу въ выгодахъ фритредерства. Дѣйствительно, если Англія можетъ-быть нѣсколько легче переноситъ настоящій безпримѣрно долгій кризисъ чѣмъ болѣе кратковременныя прежнія подобныя бѣдствія, то именно благодаря безпримѣрной дешевизнѣ привозной пищи. Да, наконецъ, развѣ и вздорожаніе предметовъ потребленія не отзовется также на стоимости англійскаго производства?

Вотъ причины по коимъ Англія роковымъ образомъ осуждена на безусловную свободу торговли, причины которыхъ не существуетъ для другихъ странъ, поставленныхъ въ иныя условія.

Замѣчательно что пренія не пролили вовсе новаго свѣта на переживаемый Англіей кризисъ, хотя о немъ всѣ толковали, и рѣдкій журналъ выходитъ безъ новой статьи о немъ. Иные, вмѣстѣ съ премьеромъ, все надѣются что онъ скоро минуетъ, другіе опасаются что къ концу 1879 года будетъ еще хуже чѣмъ въ настоящее время. О причинахъ его попрежнему еще большее разногласіе. Едва ли не болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе лорда Дэнревена: что „торговля мѣняетъ свои центры и капиталъ перемѣщается.“ Прежде, при инавгураціи фритредерства питали мечты что Англія станетъ всемірною мастерскою, а прочія страны удовольствуются тѣмъ что будутъ ея скромными потребителями. Почти всеобщій поворотъ къ протекціонизму въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ показываетъ, къ досадѣ Англичанъ, что эти мечты далеко несбыточны. Но если замѣчаніе лорда Дэнревена вѣрно, то не означаетъ ли оно что торговое преобладаніе Англіи начинаетъ клониться къ упадку?...

№ 104.

Москва, 24-го апрѣля.

Пренія въ Германскомъ рейхстагѣ по поводу перваго чтенія законопроекта о новомъ таможенномъ тарифѣ затянулись болѣе чѣмъ можно было ожидать. Вчерашнее засѣданіе, въ коемъ произнесъ свою рѣчь вожакъ націоналъ-либераловъ Бенигсенъ, было четвертымъ, и несмотря на то что этою рѣчью дѣло было въ сущности рѣшено и главнѣйшіе противники проекта князя Бисмарка выразили устами своего вожака готовность покориться, пренія еще отсрочены до завтра, неизвѣстно съ какою цѣлію. Рѣчь князя Бисмарка, которою онъ открылъ пренія въ пятницу, приведена нами въ сегдняшнмъ нумерѣ *in extenso*. Кромѣ обычныхъ ораторскихъ достоинствъ отличающихъ князя Бисмарка, онъ этою рѣчью еще разъ показываетъ что для государственнаго человѣка вѣрнѣйшій залогъ успѣха заключается въ твердости и послѣдовательности при проведеніи разъ принятой основной идеи. Князь Бисмаркъ ни на шагъ не отступилъ отъ своей знаменитой программы 15 декабря, такъ поразившей всѣхъ своею неожиданностью. Не смутили его никакія возраженія теоретическаго и практическаго свойства, коими въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ наполнялись столбцы и страницы всей либеральной журналистики Германіи, всѣ безчисленныя рѣчи, популярныя чтенія и лекціи его противниковъ въ различныхъ собраніяхъ. Твердою и искусною рукой начерталъ онъ предъ рейхстагомъ общія начала своего проекта, опуская утомительныя подробности, обходя всѣ щекотливые пункты и избѣгая теоретической полемики о фритредерствѣ и протекціонизмѣ; но въ то же время онъ сумѣлъ выставить въ такомъ обаятельномъ свѣтѣ общія выгоды своей реформы и такъ ловко затронулъ спеціальныя выгоды которыя сулитъ онъ и тѣмъ и другимъ что послѣ этой рѣчи трудно усомниться въ громадномъ сочувствіи большинства населенія, и совершенно понятенъ тотъ самоувѣренный тонъ съ которымъ имперскій канцлеръ подъ конецъ увѣщевалъ рейхстагъ не затягивать дѣла и отвергнуть законопроектъ какъ можно скорѣе, если таковъ долженъ быть исходъ настоящихъ преній. Князь Бисмаркъ уже имѣлъ достаточно данныхъ чтобы не сомнѣваться въ противоположномъ результатѣ. Въ это время уже появилось въ берлинскихъ газетахъ краткое извѣстіе о томъ что на дняхъ г. Бенигсенъ „имѣлъ честь обѣдать у князя Бисмарка,“ и это извѣстіе служило явнымъ указаніемъ на то что дѣло рѣшено напередъ и что продолжительныя парламентскія пренія будутъ ничѣмъ инымъ какъ парадною декораціей, публичнымъ спектаклемъ для соблюденія декорума, суть же дѣла будетъ завершена келейно и за кулисами Болѣе другихъ откровонный въ этихъ случаяхъ органъ клерикаловъ, газета *Германія*, напередъ все это предсказалъ. Газета эта не безъ досады отмѣтила признаки новаго сближенія между княземъ Бисмаркомъ и націоналъ-либералами въ рѣшительную минуту, такъ какъ этимъ въ значительной мѣрѣ ослаблены тѣ виды которые питали ультрамонтаны, разчитывая что рѣшительное слово въ предстоящей борьбѣ будетъ принадлежать имъ и что они выторгуютъ для себя кое-что за поддержку которую они въ этомъ дѣлѣ рѣшились оказать князю Бисмарку. „Не все то золото въ нашихъ конституціонныхъ порядкахъ,“ замѣчаетъ *Германія*, „что блеститъ. Дѣла сложились у насъ такимъ образомъ что всѣ великія вопросы

получаютъ свое разрѣшеніе внѣ залы парламентскихъ засѣданій, такъ что пренія въ парламентѣ суть только искусно аранжированный турниръ для вящаго эффекта спектакля. Рѣчи князя Бисмарка и г. Дельбрюка наполнили вчера цѣлое засѣданіе. Но хоть бы еще дюжины Демосѳеновъ и Цицероновъ этихъ первыхъ ораторовъ, самый существенный вопросъ о порядкѣ дальнѣйшаго обсужденія проекта, который имѣетъ быть вотированъ по окончаніи перваго чтенія, уже теперь рѣшенъ на частныхъ собраніяхъ фракцій. А рядомъ съ этимъ идутъ переговоры о компромиссѣ между національ-либералами и князямъ Бисмаркомъ, и двѣ строки коими сообщено что г. Бенигсенъ обѣдалъ у князя Бисмарка имѣютъ гораздо большее значеніе для исхода дѣла нежели цѣлые листы наполненные самыми поразительными аргументами.“

Клерикальный органъ прикидывается очень досадующимъ за все это на національ-либераловъ и обзываетъ ихъ „комедіантами.“ Едва ли бы онъ пустился въ такія же откровенности еслибъ окончательно удалась другая закулисная комбинація по поводу той же таможенной реформы о которой трактовалось съ мѣсяцъ тому назадъ, и въ которой первенствующую роль играла партія центра. Тогда г. Виндгорстъ, вожакъ этой партіи и еще гораздо болѣе рѣдкій гость у князя Бисмарка нежели г. Бенигсенъ, „имѣлъ честь откушать“ у имперскаго канцлера.

Какъ бы то ни было, но приведенныя замѣчанія газеты *Германія*, отъ 3 мая, оправдались какъ нельзя болѣе; предчувствія ея сбылись скорѣе и полнѣе чѣмъ можно было ожидать. Ниже мы приводимъ телеграфное извлеченіе изъ рѣчи произнесенной г. Бенигсеномъ 6 мая. Въ этой рѣчи національ-либералы совершили такой „прыжокъ чрезъ палочку князя Бисмарка“ (какъ иронически называютъ ихъ компромиссы съ имперскимъ канцлеромъ) какого они еще до сихъ поръ не совершали. Г. Бенигсенъ уступилъ на всѣхъ пунктахъ. Забыты всѣ возраженія раздававшіяся до сихъ поръ. Онъ не находитъ чтобы проектъ князя Бисмарка отличался чрезмѣрнымъ протекціонизмомъ; онъ сознается что система свободной торговли вообще не принесла Германіи пользы; онъ вовсе не раздѣляетъ мнѣнія о гибельности проектированной пошлины на сырье; онъ соглашается и на „боевыя пошлины“ коими князь Бисмаркъ намѣренъ воевать съ враждебными Германіи въ таможенномъ отношеніи государствами, и ничего покамѣсть не имѣетъ противъ тѣхъ пошлинъ кои прямо предназначены служить для огражденія отечественной промышленности отъ иностранной конкурренціи. Мы еще не имѣемъ предъ глазами текста рѣчи г. Бенигсена и не знаемъ тѣхъ соображеній коими онъ мотивировалъ свои выводы. Очень любопытно будетъ сопоставить ихъ со всѣми тѣми возраженіями которыя до сихъ поръ съ такимъ жаромъ высказывались органами его собственнаго лагеря. Контрастъ поистинѣ поразительный; онъ поучителенъ какъ новая иллюстрація той фальши и неправды коими проникнутъ современный парламентаризмъ.

Г. Дельбрюкъ, бывшій сотрудникъ, а теперешній противникъ князя Бисмарка по вопросу объ экономической реформѣ, также не совсѣмъ оправдалъ тѣ надежды которыя на него возлагали національ-либералы въ то время когда они еще думали что борьба будетъ ожесточенная. Онъ говорилъ вслѣдъ за княземъ Бисмаркомъ и возражалъ противъ законопроекта. Но рѣчь его вся состояла изъ критики подробностей и отдѣльныхъ статей тарифа. Какъ знатокъ дѣла и опытный практикъ, бывшій министръ указалъ много недосмотровъ и несообразностей въ законопроектѣ. Но и онъ не рѣшился стать на почву общихъ принциповъ развитыхъ княземъ Бисмаркомъ, и то что г. Дельбрюкъ не нашелся или не счелъ нужнымъ спорить противъ принциповъ реформы было само по себѣ важнымъ успѣхомъ для князя Бисмарка.

№ 105.

Москва, 26-го апрѣля.

Въ то время какъ дѣла на Востокѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, начинаютъ приходить въ успокоеніе, если и не обставлены удовлетворительными условіями, не странно ли слышать ноту тревоги съ той именно стороны откуда настаивали на искуственной, возбудившей такъ много недовольства, сдѣлкѣ, которая якобы была нужна именно въ интересѣ мира? Между тѣмъ какъ ни одна изъ другихъ великихъ державъ не подаетъ ни ма-

лѣйшаго повода къ подозрѣніямъ въ желаніи смутить миръ, а всего менѣе Россія, именно въ Англіи, съ приближеніемъ времени когда должны вступить въ дѣйствіе изложенныя главнымъ образомъ согласно съ ея же собственными желаніями предначертанія Берлинскаго конгресса относительно Болгарскаго княжества и Восточной Румеліи, все сильнѣе обнаруживается безпокойство. И первый сигналъ къ тому подалъ самъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Солсбери, рѣчь коего на митингѣ консервативной ассоціаціи Миддльсекса 30 апрѣля возбудила не малое удивленіе и служитъ предметомъ безконечныхъ толковъ печати. Главнымъ образомъ цѣлью этой рѣчи было изобличить либеральную оппозицію въ томъ какъ она мѣшала де патріотическимъ дѣйствіямъ правительства ея величества. Но затѣмъ благородный лордъ нашелъ также нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Берлинскомъ трактатѣ, о Болгарахъ и Туркахъ. „Если,“ говорилъ онъ, „вы услышите или увидите въ извѣстіяхъ Рейтерова Агентства что правительство расположено допустить самомалѣйшее отступленіе отъ Берлинскаго трактата, то я говорю вамъ: не вѣрьте.“ Далѣе онъ вдругъ разразился злобными угрозами противъ румелійскихъ Болгаръ. Указавъ что положеніе созданное для Восточной Румеліи въ отношеніи къ султану не многимъ де отличается отъ положенія англійскихъ колоній относительно королевы, онъ пригрозилъ жителямъ Восточной Румеліи что „если они воспротивятся либеральнымъ постановленіямъ для нихъ придуманнымъ, то послѣдуетъ подавленіе (*repression*,) и въ такомъ случаѣ кровь ихъ падетъ на ихъ собственныя головы.“ Въ *pendant* къ этому лордъ Солсбери тутъ же принялся восхвалять до нельзя просвѣщенныя намѣренія и старанія султана и его великаго визиря, и прибавилъ: „Если эти люди могутъ реформировать настоящую систему, если они могутъ ввести хорошее управленіе если они могутъ обезпечить жизнь и собственность и, прежде всего, если они могутъ водворить хорошую финансовую систему, то я увѣренъ что, несмотря на испытанныя страшныя потрясенія, Турецкая имперія можетъ еще возродиться къ выгодѣ Европы.“ Кстати онъ пророчилъ Европѣ страшную катастрофу въ тотъ день когда исчезла бы Оттоманская имперія.

Нѣтъ надобности останавливаться на бросающихся въ глаза странностяхъ этой рѣчи британскаго министра; на томъ какъ онъ вновь напираетъ на буквальномъ исполненіи Берлинскаго трактата между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно что сама Турція согласилась отказаться на годъ отъ предоставленнаго ей занятія Балканскихъ проходовъ; на лестномъ для королевы сравненіи которое онъ дѣлаетъ между ея управленіемъ надъ колоніями и управленіемъ Порты *); наконецъ на многочисленныхъ „если,“ необходимыхъ для возрожденія Турецкой имперіи, которыя придаютъ такую пикантную, хотя и не предумышленную иронію его словамъ. Все это, пожалуй, въ тонѣ англійскихъ министровъ. Болѣе интересенъ вопросъ, почему лордъ Солсбери нашелъ нужнымъ обратиться къ Болгарамъ съ угрозами новыхъ потоковъ крови.

Разгадка появилась черезъ два дня, когда въ англійскихъ газетахъ обнародована была корреспонденція между прибывшими въ Лондонъ болгарскими делегатами гг. Гешовымъ и Янколовымъ и частнымъ секретаремъ лорда Солсбери. Болгарскіе делегаты просили министра принять ихъ, дабы они, во исполненіе возложеннаго на нихъ порученія, могли объяснить истинное положеніе дѣлъ въ Восточной Румеліи, въ виду того что „участь Болгаръ этой провинціи была рѣшена безъ дозволенія имъ подать голосъ о томъ, и что ихъ мнѣнія не спросили даже при выработкѣ учрежденій подъ коими имъ приходится жить.“ Отвѣтомъ на просьбу былъ рѣшительный отказъ, на томъ де основаніи что, въ виду окончательнаго принятія международною коммиссіей конституціи Восточной Румеліи, Британское правительство не считаетъ себя болѣе въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла этой провинціи. Лишенные возможности личнаго объясненія, делегаты препроводи-

*) Кстати, въ этомъ же родѣ сравненіе прочли мы въ статьѣ леди Странгфордъ о Восточной Румеліи, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ *Nineteenth Century*. Говоря объ угнетеніяхъ которымъ подвергались Болгары со стороны Турокъ, она замѣчаетъ что вѣдь то же самое испытывали и Ирландцы отъ Англичанъ, но что ни Болгарамъ, ни Ирландцамъ это не помѣшало достигнуть процвѣтанія. Хорошо оправданіе звѣрствъ 1876 года! Впрочемъ, туркофильство леди Странгфордъ доходитъ до того что она завѣряетъ что „не всѣмъ болгарскимъ дѣвушкамъ были противны ласки турецкаго эфенди или заптія.“ И это пишетъ женщина!!

ли, однако, лорду Солсбери копію съ заявленія уже представленнаго ими французскому министру г. Ваддингтону. Чтеніе этого документа, полученнаго англійскимъ министромъ накануне произнесенной имъ рѣчи, ясно показываетъ что̀ должно было возбудить такъ сильно его гнѣвъ. Въ заявленіи боргарскихъ депутатовъ говорится что Болгарамъ Восточной Румеліи не безызвѣстно что на Берлинскомъ конгрессѣ сочтено было необходимымъ отдѣлить ихъ отъ ихъ сѣверныхъ братьевъ „въ интересѣ мира,“ и что эту заботливость Европы о мирѣ они цѣнятъ, такъ какъ и ихъ собственный интересъ связанъ съ умиротвореніемъ Балканскаго полуострова. Но, „къ невыразимому горю,“ они видятъ что именно это спокойствіе не только не обезпечено, но еще болѣе чѣмъ когда-либо ненадежно. Провинція ихъ, какъ наиболѣе пострадавшая, имѣла и наибольшее право на свободу, а между тѣмъ въ ней, при данныхъ условіяхъ, не можетъ быть „истинной автономіи, такъ какъ провинціальное собраніе поставлено въ полную зависимость отъ губернатора, а губернаторъ отъ Порты.“ При малѣйшемъ волненіи возбужденномъ турецкими гарнизонами, провинція можетъ быть занята турецкими войсками, и „кто тогда поручится за наши права и привилегіи, за нашу жизнь и честь? Вѣдь конгрессъ отказался гарантировать исполненіе Берлинскаго трактата.“ Эти вопросы повидимому не заключали въ себѣ ничего обиднаго для Англійскаго правительства, отъ коего подчиненное искусственной сдѣлкѣ населеніе желало узнать чѣмъ оно обезпечено по крайней мѣрѣ въ сохраненіи того что̀ ему обѣщано. Но далѣе въ болгарскомъ меморандумѣ было указано что именно „эти условія и опасности побуждаютъ наше населеніе искать спасенія въ соединеніи съ княжествомъ,“ и что „этотъ союзъ есть единственное средство къ возстановленію прочнаго мира въ странѣ “Потомъ еще присовокупляется что „Болгары Восточной Румеліи не перестанутъ стремиться къ этому союзу, въ особенности если останется малѣйшій слѣдъ прежняго режима который будетъ напоминать имъ о безпримѣрныхъ страданіяхъ коимъ они подвергались при немъ.“

Такъ какъ, разумѣется предвидѣлось что этотъ болгарскій меморандумъ и корреспонденція делегатовъ съ лордомъ Солсбери не могутъ остаться скрытыми отъ публики, то можно догадываться что лордъ Солсбери въ своей рѣчи имѣлъ въ виду заранѣе дать тонъ печати, и немедленно всѣ министерскіе органы. *Standard*, *Daily Telegraph*, *Morning Post*, принялись повторять что сдѣланное имъ напоминаніе какъ нельзя де болѣе кстати въ виду затрудненій и опасностей которыя все еще угрожаютъ въ Восточной Румеліи, вслѣдствіе нескрываемаго Болгарами намѣренія не подчиняться положенію созданному для нихъ Берлинскимъ трактатомъ. А газета *Times*, по поводу сдѣланнаго лордомъ Солсбери сравненія участи Болгаръ Румеліи съ жизнью англійскихъ колонистовъ, приходитъ въ такой восторгъ что упрекаетъ первыхъ въ самой черной неблагодарности, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало де признать что „Европа обнаружила нѣкоторое вниманіе къ ихъ интересамъ“ и „дала имъ такую мѣру автономіи о которой три года тому назадъ они не посмѣли бы и мечтать.“ Договориться можно до чего угодно, и лондонская газета забываетъ что если Болгары получили что-либо, то вслѣдствіе войны которую вела Россія, а что безъ этого Европа, для которой требуютъ „благодарности“ Болгаръ, не хотѣла настоять даже на ничтожныхъ рѣшеніяхъ Константинопольской конференціи; послѣ же войны, та же Европа, съ Англіей во главѣ, принялась въ заботахъ о „мусульманской юрисдикціи“ ослаблять и урѣвывать добытое для христіанъ (см. пресловутый циркуляръ маркиза Солсбери.) Чего же плакаться теперь что Болгары не умѣютъ цѣнить этой нѣжной о нихъ заботливости?

Но не въ томъ дѣло. Въ раздраженіи англійской министерской печати, которая поддакиваетъ словамъ министра, есть нѣчто болѣе серіозное. Брань и угрозы не привлекутъ сердецъ Болгаръ, не подѣйствуютъ успокоительно на ихъ опасенія, а скорѣе могутъ имѣть обратное дѣйствіе. Этого ли желаетъ Англійское правительство? Это до такой степени бросается въ глаза что *Daily News* находитъ не слишкомъ удачною фразу лорда Солсбери, „этого гуманнаго и христіанскаго государственнаго человѣка,“ что кровь Болгаръ падетъ на ихъ собственныя головы, и возражаетъ: „Кровь падетъ на головы тѣхъ—и лордъ Солсбери одинъ изъ нихъ—кто сдѣлали пролитіе ея необходимымъ чтобы привести къ рѣшенію которое неизбѣжно, но котораго можно было бы достигнуть мирною дипломатіей, если-

бы дипломатія была умною и честною.“ Но къ чему вызывать кровавые призраки? Если окажется возможнымъ мирный опытъ того устройства которое считается въ Англіи необходимымъ для блага и спокойствія Европы, то отнюдь не вслѣдствіе угрозъ Англіи, а единственно благодаря невѣроятнымъ усиліямъ Россіи успокоить возбужденіе Болгаръ, увѣрить ихъ что для нихъ, ни въ какомъ случаѣ, не вернутся прежніе мрачные дни; благодаря тому что предостереженія высказанныя Россіей во время конгресса должны были наконецъ всѣми быть приняты во вниманіе, почему съ общаго согласія отсрочена на годъ самая главная опасность – присутствіе въ странѣ турецкихъ гарнизоновъ; кабинетамъ пришлось также признать что нельзя оставить съ глазу на глазъ Болгаръ и Турокъ, и они продолжили полномочія международной коммиссіи, предоставивъ ей, а не личной волѣ султана, рѣшеніе о призывѣ турецкихъ войскъ въ случаѣ безпорядковъ. Еслибы лордъ Солсбери желалъ успокоить страсти, утишить возбужденіе которое считаетъ опаснымъ для своего дѣла, то онъ лучше бы сдѣлалъ присоединившись къ миротворнымъ стараніямъ Россіи; онъ принялъ бы болгарскихъ делегатовъ, дружески растолковалъ бы что имъ нечего страшиться мести Турокъ, что они не преданы на жертву и могутъ быть въ этомъ увѣрены. Презрительная же угроза его скорѣе имѣетъ видъ вызова брошеннаго для того чтобы разжечь ту опасность которую хотятъ предотвратить.

Можетъ-быть, впрочемъ, Англійскому правительству просто необходимо прикрыть предъ собственною страной тѣ отступленія которыя оно невольно должно было уже сдѣлать въ теченіе года; ему неловко сознаться въ неудачѣ постигшей уже въ извѣстной мѣрѣ хвастливые замыслы его дипломатіи прошлаго года. Если такъ, то и въ этомъ случаѣ выходка лорда Солсбери была ошибкой. Она никого не можетъ обмануть когда о переговорахъ между державами касательно нѣкоторыхъ перемѣнъ въ исполненіи Берлинскаго трактата толкуютъ во всѣхъ газетахъ.

№ 106.

Москва, 27-го апрѣля.

Какъ ни презрительно отнесся князь Бисмаркъ къ Германскому рейхстагу нынѣшняго состава въ обращенной къ нему 2 мая (20 апрѣля) рѣчи, сдѣлавъ въ ней весьма не двумысленный намекъ что отказъ рейхстага утвердить представленныя финансовыя реформы не поведетъ ни къ чему кромѣ новыхъ выборовъ имѣющихъ выслать въ парламентъ болѣе сговорчивыхъ депутатовъ, тѣмъ не менѣе ему всетаки пришлось въ этой рѣчи, можетъ-быть скрѣпя сердце, въ значительной мѣрѣ раскрыть свои карты. Всѣхъ картъ, конечно, онъ не раскрылъ, всѣхъ мотивовъ задуманной имъ обширной реформы, безъ сомнѣнія, не обнаружилъ; но во всякомъ случаѣ въ рѣчи 2 мая онъ долженъ былъ пойти въ разъясненіяхъ гораздо далѣе того чѣмъ считалъ возможнымъ ограничиться въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Германскому Союзному Совѣту отъ 15 (3) декабря минувшаго года.

Въ этомъ письмѣ, какъ извѣстно, единственными мотивами таможенной и податной реформъ выставлялись финансовыя и экономическія соображенія. Въ виду необходимости изыскать средства къ покрытію бюджетныхъ дефицитовъ, указывалось на преимущества косвенныхъ налоговъ предъ прямыми; указывалось далѣе на выгоды оказанія покровительства отечественному производству, съ отнесеніемъ уплаты части налоговъ на иностранцевъ. Въ рѣчи 2 мая, германскому канцлеру пришлось уже заявить что серьезнѣйшимъ мотивомъ его финансовой реформы служатъ политическія соображенія, въ сравненіи съ коими экономическіе интересы отходятъ на второй планъ, какъ играющіе лишь служебную роль. Такое подчиненіе экономическихъ интересовъ политическимъ не впервые уже практикуется княземъ Бисмаркомъ. Его торговый трактатъ съ Франціей, заключенный въ 1866 году, какъ извѣстно, вовсе не былъ плодомъ увлеченія доктриной фритредерства. Недавно князь Бисмаркъ самъ откровенно сознался что главною цѣлью этого трактата было обмануть Наполеона III, такъ-сказать закупить его въ свою пользу въ тотъ моментъ когда Пруссія, готовившаяся къ войнѣ съ Австріей, долженствовавшей быть первымъ

шагомъ къ объединенію Германіи подъ прусскимъ верховенствомъ, столь нуждалась въ благорасположеніи Франціи. Тѣ же заботы объ единствѣ Германіи, объ упроченіи достигнутаго объединенія, какъ видно изъ рѣчи произнесенной германскимъ канцлеромъ 2 мая, лежатъ въ основѣ и его нынѣшнихъ финансовыхъ проектовъ.

Достигнутое объединеніе Германіи далеко не такъ прочно какъ это можетъ казаться. Германскій патріотизмъ, на коемъ оно, между прочимъ, зиждется, нуждается въ подогрѣваніи. Эффектъ блестящихъ побѣдъ Франко-Прусской войны и пятимилліардной контрибуціи давно уже пересталъ производить желаемое впечатлѣніе. Его мѣсто заступили эффекты экономическаго кризиса и бюджетныхъ тягостей легшихъ на населенія ради удовлетворенія потребностей новосозданной имперіи, — и подъ вліяніемъ такихъ эффектовъ, восторгъ съ какимъ было привѣтствовано осуществленіе германскаго единства сталъ болѣе и болѣе уступать мѣсто ропоту. Со дня на день партикуляризмъ сталъ выше и выше поднимать голову. Финансовыя реформы князя Бисмарка, помимо другихъ цѣлей, имѣютъ въ виду вырвать почву изъ-подъ ногъ партикуляристовъ. Этими реформами должны быть устранены поводы къ неудовольствію и отдѣльныхъ частей имперіи, и разныхъ классовъ ея населенія; у всѣхъ противниковъ князя Бисмарка и созданной имъ имперіи должна быть отнята возможность „пользоваться этимъ неудовольствіемъ для политическихъ цѣлей.“ Съ имперіи долженъ быть снятъ укоръ въ томъ что она только наложила на всѣхъ тягости, что она только беретъ у всѣхъ вошедшихъ въ нее государствъ, ничего съ своей стороны не давая. Финансовая реформа должна обратить ее въ раздавательницу благъ. Вмѣсто того чтобы требовать на свои расходы матрикулярныхъ взносовъ съ отдѣльныхъ государствъ, имперія будетъ распредѣлять между ними избытки своихъ доходовъ. Она, а не кто другой облагодѣтельствуетъ всѣ населенія отмѣной поземельныхъ налоговъ и налоговъ на строенія; она же отмѣнитъ столь ненавистную Нѣмцамъ классную подать; она же освободитъ всѣхъ чиновниковъ отъ уплаты подоходнаго нелога; она же оградитъ всѣ отрасли германскаго производства отъ невыгодъ иностраннаго соперничества, предоставивъ германскіе рынки Нѣмцамъ. Надо полагать что такими выгодами огражденнаго германскаго рынка имѣется въ виду расположить въ пользу Германіи и ея фрондирующихъ донынѣ подданныхъ въ отторгнутыхъ отъ Франціи провинціяхъ, а можетъ-быть и возбудить желаніе воспользоваться этими выгодами въ тѣхъ нѣмецкихъ населеніяхъ на которыя еще не распростерлась сѣнь Германской имперіи...

Все это очень хорошо, но однимъ этимъ политическое значеніе финансовыхъ реформъ князя Бисмарка не исчерпывается. Его таможенныя пошлины, уже получившія столь мѣткое наименованіе боевыхъ, имѣютъ въ виду поразить не однихъ партикуляристовъ. Онѣ направлены также противъ всѣхъ государствъ съ которыми Германія находится въ торговыхъ сношеніяхъ. Въ этихъ пошлинахъ Германскому правительству должно быть дано средство побуждать эти государства къ подчиненію ихъ таможенной политики германскимъ интересамъ.

Трудно, конечно, сказать какія именно государства преимущественно имѣются тутъ въ виду. Можетъ быть не тѣ о которыхъ говорится, а тѣ о которыхъ умалчивается. Но во всякомъ случаѣ не лишено интереса то что изо всѣхъ государствъ особенное вниманіе въ своей рѣчи 2 мая князь Бисмаркъ остановилъ не на какомъ иномъ, а именно на Россіи. Ему, какъ оказывается, положительно не даетъ спокойно спать то экономическое преуспѣяніе которое, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, обнаружилось на Руси послѣ недавней войны. Мнѣніе, высказанное два-три мѣсяца тому назадъ *Сѣверогерманскою Всеобщею Газетой*, будто бы все это благосостояніе есть результатъ того что русскіе производители и торговцы нажились на счетъ нѣмецкихъ кармановъ,—это куріозное мнѣніе торжественно повторено теперь самимъ княземъ Бисмаркомъ. „Россія,“ сказалъ онъ между прочимъ въ своей парламентской рѣчи 2 мая, „только что выдержала дорогую войну, и между тѣмъ процвѣтаетъ на счетъ нашего рынка и при содѣйствіи нашего сборника законовъ...“ „Россія процвѣтаетъ, и главнымъ образомъ на счетъ нѣмецкаго кармана...“ Этому, какъ видится, рѣшено положить конецъ. Притворяя ведущія въ Германію ворота для иностранныхъ товаровъ, проектированные княземъ Бисмаркомъ таможенные тарифы въ особенности должны притворить ихъ для рус-

скаго сырья. На принятіи рейхстагомъ пошлинъ налагаемыхъ на это сырье германскій канцлеръ настаиваетъ болѣе чѣмъ на чемъ другомъ Рѣшено даже не передавать этихъ пошлинъ на разсмотрѣніе назначенной рейхстагомъ коммиссіи, а приступить къ немедленному обсужденію ихъ въ полномъ собраніи рейхстага.

Вѣритъ ли самъ князь Бисмаркъ тому чтò говоритъ о Русской наживѣ на счетъ германскихъ кармановъ, это болѣе чѣмъ сомнительно. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что въ его разчеты входитъ настаивать на этой наживѣ какъ на предлогѣ оказать на Россію экономическое давленіе. Какими побужденіями и цѣлями руководится при этомъ германскій канцлеръ, на этотъ счетъ можно дѣлать какія угодно догадки, но фактъ тотъ что экономическая война противъ Россіи есть для него дѣло рѣшеное. За неимѣніемъ дѣйствительнаго благовиднаго повода къ такой войнѣ, онъ по необходимости довольствуется фиктивными предлогами. Что въ русской наживѣ на счетъ германскихъ кармановъ еще меньше правды чѣмъ въ Боткинской чумѣ, до этого князю Бисмарку, очевидно, нѣтъ никакого дѣла. Лишь ради соблюденія приличій, завѣдомо ложныя заявленія объ эксплуатаціи Германіи Россіей подкрѣпляются ссылками на цифровыя данныя о ходѣ русско-германской торговли въ 1877 году. Этотъ годъ былъ исключительный и не походилъ на другіе. Въ этомъ году, дѣйствительно, русскихъ товаровъ поступило на германскіе рынки (считая вмѣстѣ Пруссію Ганзеатическіе города и прочія Германскія владѣнія) слишкомъ на 47 милліоновъ рублей болѣе противъ привоза товаровъ изъ Германіи въ Россію.*) Но какъ ласточка одна не дѣлаетъ весны, такъ и одинъ исключительный годъ не можетъ служить характеристикой направленія издавна усвоеннаго ходомъ русско-германской торговли. Уже въ минувшемъ 1878 году характеръ торговыхъ сношеній былъ не тотъ чтò въ 1877 году: и сбытъ въ Германію хлѣба и другихъ русскихъ товаровъ сократился, и привозъ товаровъ изъ Германіи увеличился, такъ что не представлялось никакихъ уже предлоговъ къ жалобамъ на русскую эксплуатацію. Но ягненокъ въ баснѣ виноватъ уже тѣмъ что волку хочется кушать. То же оказывается и въ настоящемъ случаѣ.

Недавно мы останавливали вниманіе читателей на хронической за послѣдніе годы невыгодности нашего торговаго баланса. За пятилѣтіе съ 1872 по 76 годъ, не было ни одного года когда бы привозъ равнялся отпуску. Перевѣсъ перваго надъ вторымъ колебался между 26 и 151 ½ слишкомъ милліоновъ рублей въ годъ Въ общей сложности за пять лѣтъ, привозъ перевѣсилъ отпускъ на громадную цифру свыше 391 милліоновъ рублей. Весь этотъ недочетъ отпуска нашихъ товаровъ намъ пришлось покрыть частію отпускомъ золота и серебра, частію займами. Но читатели можетъ-быть не знаютъ въ чью пользу постоянно обращались невыгоды нашего торговаго баланса. Обращались онѣ постоянно въ пользу не какихъ другихъ государствъ, а именно Германіи. Попробуйте, за все пятилѣтіе 1872—1876, исключить изъ торговыхъ оборотовъ по всей Европейской границѣ цифры привоза и отпуска по торговлѣ съ Германіей, и никакой особенной невыгодности въ русскомъ торговомъ балансѣ не окажется. Противъ трехъ лѣтъ (1872, 1873 и 1875) въ которыя, по торговлѣ со всѣми государствами кромѣ Германіи, привозъ превышалъ отпускъ (на 8, на 13 и на 40 милліоновъ рублей) мы увидимъ два года (1874 и 1876) въ которые наоборотъ отпускъ былъ болѣе привоза (на 17 и на 36 милліоновъ рублей). Въ общей сложности за пять лѣтъ, на сумму привоза изо всѣхъ государствъ кромѣ Германіи въ 1.262 милліоновъ, мы имѣемъ цифру отпуска въ тѣ же государства въ 1.254 милліоновъ: перевѣсъ привоза надъ отпускомъ представляетъ всего какихъ-нибудь 8 милліоновъ. Но возьмите отдѣльно торговыя сношенія съ Германіей, и картина будетъ совсѣмъ иная. Вотъ цифры показывающія какой характеръ носятъ эти сношенія:

Годы.	Отпускъ въ Германію.	Привозъ изъ Германіи.	Перевѣсъ привоза надъ отпускомъ.
	Милліоны	рублей.	
1872 . . .	77,3	171,3	94,0
1873 . . .	109,9	167,0	57,1
1874 . . .	136,4	179,7	43,3
1875 . . .	109,8	221,1	111,5
1876 . . .	120,5	197,7	77,2
Итого . .	554,1	937,8	383,0

*) Именно отпущено въ Пруссію, Ганзеатическіе города и прочія Германскія владѣнія на 196.430.796 руб., а привезено оттуда на 149.372.246 рублей.

Въ пять лѣтъ, Россія могла продать въ Германію своихъ товаровъ только на 554 милліоновъ, тогда какъ Германія ввезла въ Россію товаровъ на 937 милліоновъ, то-есть на 383 милліоновъ болѣе. Кто же и на счетъ чьихъ кармановъ тутъ наживался?

Германскій канцлеръ забилъ тревогу какъ только выпалъ одинъ исключительный годъ въ которомъ оказался перевѣсъ баланса въ пользу Россіи на 47 милліоновъ; а мы молчали при ежегодномъ перевѣсѣ балансовъ въ 43, въ 57, въ 77, въ 94, даже во $111^1/_2$ милліоновъ въ пользу Германіи. Изъ дружбы къ Германіи, мы смотрѣли сквозь пальцы на невыгоды въ размѣрѣ 383 милліоновъ; князь Бисмаркъ и по поводу только 47 милліоновъ не прочь сдѣлать изъ мухи слона.

Но наши торговыя сношенія съ Германіей характеризуются не одиѣми постоянными и громадными для насъ невыгодами баланса. Извѣстно въ какой мѣрѣ вредною признается дѣятельность барышниковъ скупающихъ у заставъ привозимые для городскихъ обывателей предметы; подобное барышничество строго преслѣдуется законами общественнаго благоустройства. Въ торговлѣ съ Россіей, Германія именно играетъ роль такого барышника и по привозной и по отпускной торговлѣ. Какъ ни ограниченъ, сравнительно съ привозомъ изъ Германіи, отпускъ въ нее нашихъ товаровъ, значительная часть этихъ товаровъ покупается ею лишь для барышнической перепродажи. И еще съ бо́льшимъ успѣхомъ барышничаетъ она на привозѣ къ намъ (часто сопряженномъ съ порчей и поддѣлкой) товаровъ не производимыхъ ею самою.

Князь Бисмаркъ не доволенъ направленіемъ усвоеннымъ русско-германскою торговлей; онъ хочетъ дать ей иной характеръ. Въ добрый часъ! Ужь конечно не Русскіе, знакомые съ положеніемъ дѣла, пожелали бы ему въ этомъ воспрепятствовать. Напротивъ, для насъ ничего не можетъ быть желательнѣе какъ измѣненіе характера русско-германской торговли въ направленіи діаметрально противоположномъ тому какому она до сихъ поръ слѣдовала.

Экономическая война объявляется намъ со стороны Германіи безо всякихъ опасеній что такою войной могутъ быть въ чемъ-нибудь подорваны или ослаблены старинныя связи традиціонной дружбы двухъ сосѣднихъ имперій. За это нельзя не сказать спасибо. Германскій канцлеръ подаетъ намъ добрый примѣръ придерживаться въ торговыхъ сношеніяхъ извѣстнаго изреченія народной мудрости что́ „счетъ дружбы не теряетъ.“ Принимая мѣры къ сокращенію привоза въ Германію русскихъ товаровъ, онъ тѣмъ самымъ развязываетъ Русскому правительству руки на принятіе мѣръ къ сокращенію привоза въ Россію товаровъ изъ Германіи,—мѣръ которыя, безъ шага сдѣланнаго княземъ Бисмаркомъ, могли бы казаться щекотливыми въ виду существующихъ между обѣими странами столь пріязненныхъ отношеній.

№ 107.

Москва, 28-го апрѣля.

Въ германскомъ рейхстагѣ генеральныя пренія по поводу тарифа (то-есть первое чтеніе законопроекта) окончились лишь вчера. Но этимъ дѣло далеко еще не исчерпано, и въ самомъ рейхстагѣ публичное обсужденіе законопроекта еще неокончено съ передачей онаго на обсужденіе въ коммиссію изъ 28 членовъ, ибо въ коммиссію переданъ не весь законопроектъ: изъ него выдѣлены многія статьи, въ томъ числѣ всѣ пошлины на сырье, коихъ обсужденіе будетъ продолжаться въ полномъ собраніи рейхстага. Съ заключеніемъ генеральныхъ преній, пререканія перейдутъ съ почвы общихъ разсужденій о принципахъ къ разбору отдѣльныхъ цифръ и фактовъ, и слѣдить за этими подробностями станетъ еще утомительнѣе. До сихъ поръ нужно отдать германскимъ парламентскимъ бойцамъ по крайней мѣрѣ ту справедливость что они подвергли вопросъ „всестороннему обсужденію.“ Все что́ только можно прочесть въ богатой литературѣ политической экономіи *pro* и *contra* по вопросу о покровительствѣ и свободной торговлѣ было повторено съ парламентской трибуны. Но тутъ-то и сказалось существенное различіе между аудиторіей и парламентскимъ собраніемъ. Слушателей гораздо менѣе интересовали основательность доктрины развиваемой то тѣмъ, то другимъ изъ ораторовъ нежели вопросъ о томъ какимъ образомъ сгруппируется то большинство которое необходимо князю

Бисмарку, и не смотря на ожесточенную критику коей подвергнуто было съ разныхъ сторонъ предпріятіе имперскаго канцлера, всѣ чувствовали и сознавали что такъ или иначе, а въ концѣ концовъ большинство это будетъ на его сторонѣ. Самъ князь Бисмаркъ болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ эту увѣренность, и когда ему пришлось вторично попросить слова чтобы дать отпоръ г. Ласкеру, этому *enfant terrible* національ-либеральной партіи, который всегда пользуется привилегіей выводить изъ терпѣнія князя Бисмарка, онъ вновь перечислилъ главные пункты своей программы и заявилъ что многочисленныя возраженія рѣшительно ни въ чемъ его не поколебали и онъ остается ей вѣренъ, сожалѣя лишь что предлежащій законопроектъ все-таки еще не вполнѣ осуществляетъ всѣ его планы, такъ какъ ему пришлось уже сдѣлать уступки въ нѣдрахъ самого имперскаго правительства. Князь Бисмаркъ при этомъ упомянулъ вскользь что и его прусскіе товарищи по министерству не во всемъ съ нимъ сходятся. Хотя это было сказано въ подтвержденіе того что онъ, князь Бисмаркъ, „вовсе не такъ всемогущъ" какъ думаютъ, берлинскія газеты приняли это заявленіе какъ „отдаленный раскатъ грома" предвѣщающій грозу которая собирается надъ головами новыхъ министровъ еще такъ недавно выбранныхъ княземъ Бисмаркомъ себѣ въ сотрудники. Мудрено ли что при такой увѣренности въ неуклонной энергіи и настойчивости „желѣзнаго канцлера" никто не придаетъ серіознаго значенія оппозиціи которую пытаются оказать ему разные парламентскіе говоруны?

Партія центра до сихъ поръ одна сумѣла отстоять свою независимость относительно князя Бисмарка и по принципу противодѣйствовала всѣмъ его начинаніямъ, даже такимъ которыя, казалось бы, должны были встрѣтить ея полное сочувствіе. Вспомнимъ какъ энергически возстали ультрамонтаны противъ закона о соціалистахъ, принявъ на себя столь несвойственную имъ роль защитниковъ „свободы совѣсти" и политическихъ вольностей. Но на этотъ разъ, какъ мы уже имѣли случай указать, и ультрамонтаны не стали въ оппозицію съ княземъ Бисмаркомъ. Первоначально они мотивировали поддержку, въ первый разъ ими оказываемую своему могучему противнику, тѣмъ что идеи протекціонизма всегда составляли одинъ изъ пунктовъ программы этой партіи. Но всѣмъ было извѣстно что рядомъ съ этимъ „совпаденіемъ убѣжденій" ведутся какіе-то таинственные переговоры о примиреніи между германскою имперіей и папскимъ престоломъ, и что эти переговоры играютъ несравненно большую роль въ перемѣнѣ фронта со стороны партіи центра нежели общность „принциповъ." Въ чемъ заключаются эти переговоры, и какъ далеко созрѣло готовящееся примиреніе, до сихъ поръ никому, кромѣ посвященныхъ, неизвѣстно. Но на дняхъ еще дано было открытое и явное подтвержденіе тому что дѣло примѣренія идетъ на ладъ. Въ прошедшую субботу у князя Бисмарка былъ обычный парламентскій вечеръ, и на этомъ вечерѣ неожиданно для всѣхъ появился г. Виндгорстъ, вожакъ партіи центра и бывшій министръ короля Ганноверскаго. Г. Виндгорстъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ сдѣлалъ визитъ князю Бисмарку, и уже тогда по этому поводу было не мало толковъ. Но тогда это было дѣловое свиданіе, съ глазу на глазъ. Теперь же г. Вингорстъ принялъ участіе въ многолюдномъ вечернемъ собраніи, причемъ князь Бисмаркъ расточалъ ему нескончаемыя любезности. Эта дружеская встрѣча недавнихъ злѣйшихъ противниковъ произвела огромную сенсацію въ Берлинѣ, и важность ея была признана офиціозною замѣткой сообщенною по этому поводу газетамъ въ которой сказано слѣдующее: „Появленіе г. Виндгорста и нѣкоторыхъ другихъ членовъ центра на вечерѣ у князя Бисмарка и дружеская бесѣда канцлера съ ними по справедливости возбудили всеобщее вниманіе, ибо они доказываютъ что теперешнее „содѣйствіе центра имперскому канцлеру „по вопросу имѣющему жизненный интерѣсъ для всего Нѣмецкаго народа во всякомъ случаѣ способствовало устраненію „суровости и враждебности прежнихъ отношеній."

Не меньшую сенсацію произвело обнародованіе переписки между княземъ Бисмаркомъ и однимъ баварскимъ-землевладѣльцемъ барономъ фонъ-Тюнгеномъ по вопросу о пошлинѣ на привозный хлѣбъ. Баронъ фонъ-Тюнгенъ обратился къ князю Бисмарку съ письмомъ въ которомъ доказываетъ что предположенная въ новомъ тарифѣ пошлина (50 пфеннинговъ съ центнера) не достигаетъ цѣли; что ее нужно по крайней мѣрѣ учетверить дабы добиться

того чтобы Германія сама производила для себя то количество хлѣба которое ей нужно, не прибѣгая къ привозу изъ-за границы. Если не удастся добиться этой цѣли, тогда, по мнѣнію автора письма, германскому сельскому хозяйству грозитъ окончательная гибель, и вотъ въ какихъ мрачныхъ краскахъ представляется ему перспектива будущаго: „Сельскій средній классъ исчезнетъ; бо„гатые капиталисты скупятъ за дешовую „цѣну обширныя земли и будутъ ими поль„зоваться для пастбищъ; крестьянинъ ста„нетъ снова тѣмъ чѣмъ онъ былъ 2.000 „лѣтъ тому назадъ, то-есть пастухомъ. „Часть крестьянъ выселится, другая пре„вратится въ соціалъ-демократовъ. Такимъ „образомъ подготовится соціальная рево„люція, которая завершится цезаризмомъ."

Князь Бисмаркъ, въ своемъ отвѣтѣ на это письмо, соглашается со взглядомъ высказаннымъ баварскимъ землевладѣльцемъ и удостовѣряетъ что не онъ виною тому что на иностранный хлѣбъ проектирована столь низкая пошлина, но что въ этомъ случаѣ ему пришлось покориться необходимости, такъ какъ большинство представителей германскихъ правительствъ въ Союзномъ Совѣтѣ было противъ него. Но онъ проситъ своего корреспондента продолжать свою агитацію и замѣчаетъ что бѣда еще поправима если ему удастся пребразовать систему желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

№ 109.

Москва, 30-го апрѣля.

Англійское правительство имѣетъ особыя причины желать чтобы въ Соединенномъ Королевствѣ всячески поддерживалось тревожное вниманіе къ восточнымъ дѣламъ. Нынѣшій кабинетъ избралъ себѣ спеціальностью внѣшнюю политику, и разъ интересъ къ ней ослабѣетъ, не найдется ничего что бы онъ могъ поставить себѣ въ заслугу предъ страной. Отъ его шестилѣтняго управленія не останется ровно ничего кромѣ полной немощности по внутреннимъ вопросамъ (вниманіе къ коимъ начинаетъ уже вновь пробуждаться въ виду возрастающихъ съ году на годъ расходовъ, упадка торговли и промышленности), множества безъ нужды навязанныхъ странѣ затрудненій и въ Индіи, и въ Африкѣ, и въ Малой Азіи, и въ Египтѣ, да сомнительныхъ присоединеній Фиджи, Кипра, Трансваальской республики и части Афганистана, которыя нисколько не усиливаютъ средствъ Англіи, а скорѣе ложатся на нее новымъ бременемъ. Оттого вся министерская печать и продолжаетъ смотрѣть на восточныя дѣла какъ на какую-то дипломатическую дуэль между Англіей и Россіей, для коей необходимъ такой опытный боецъ какъ Беконсфильдъ. Всѣ дѣйствія и помыслы Россіи направлены де противъ интересовъ, чести и достоинства Англіи, и лордъ Беконсфильдъ, проникнувъ орлинымъ взглядомъ всю глубину алчнаго честолюбія Россіи, одинъ имѣетъ де мужество и энергію противоставить ей преграду. Для репутаціи нынѣшняго кабинета нужно, поэтому, чтобы Россія считалась врагомъ Англіи.

Отсюда же объясняются и то злорадное вниманіе которое въ настоящее время посвящается англійскою печатью нашимъ внутреннимъ дѣламъ, и ея превратныя сужденія о нихъ. Это уже не незнаніе иностранцами русскихъ дѣлъ и русской жизни, а очевидное, умышленное извращеніе. Этимъ дешевымъ способомъ поддерживается вниманіе къ чужимъ дѣламъ и отвлекается отъ своихъ собственныхъ; Россія выставляется въ ненавистномъ свѣтѣ дабы озлобленіе къ ней не ослабѣвало, и дабы, вмѣстѣ съ тѣмъ, дискредитировать оппозицію, которая въ восточныхъ дѣлахъ, по близорукости де и недостатку патріотизма, сочувствовала будто бы видамъ Россіи. Ложь пишется не безъ задней мысли подѣйствовать и въ самой Россіи. Игра ведется тонко: отнѣкиваясь отъ всякаго сочувствія къ нашимъ анархистамъ, намъ толкуютъ однако что они де тѣмъ не менѣе суть симптомъ господствующаго у насъ всеобщаго недовольства. Въ подкладкѣ же всего сказывается страстное желаніе видѣть Россію ослабленною и униженною. Дошло наконецъ, до возмутительныхъ и роняющихъ достоинство самой Англіи запросовъ въ англійскомъ парламентѣ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Такой запросъ былъ сдѣланъ 2 мая въ палатѣ общинъ эксцентричнымъ баронетомъ сэръ Робертомъ Пилемъ. Это тотъ самый Пиль который состоялъ при спеціальной миссіи принесшей поздравленіе нашему Государю Императору при коронаціи и, возвратившись въ Англію, позволилъ себѣ рядъ не-

достойныхъ замѣчаній которыя тогда подверглись строгому осужденію. Въ послѣднее время онъ нѣсколько выдвинулся благодаря лишь тому что изъ ряда либераловъ, по личной ненависти къ г. Гладстону, перешелъ въ правительственный лагерь. Очень хорошо зная что его тепершняя несчастная выходка не можетъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій, сэръ Робертъ Пиль тѣмъ не менѣе пожелалъ узнать отъ правительства, предполагаетъ ли оно принять какія-либо мѣры, по примѣру того какъ это было де сдѣлано много лѣтъ тому назадъ относительно Неаполя, чтобъ „укротить строгости происходящія теперь въ Россіи при осадномъ положеніи.“ Разыгралась затѣмъ злополучная комедія. Другой досточтимый дѣятель ея канцлеръ казначейства, отъ имени правительства, серіозно и внушительно сталъ разъяснять ретивому вопрошателю что правительство не получало никакого сообщенія по этому предмету, что представленія Англіи Неаполитанскому правительству были основаны на протоколахъ Парижскаго трактата (?) и что „не было бы согласно съ обязанностью Англійскаго правительства вмѣшиваться въ дѣла Россіи.“

Жалкое шутовство! Какія могли быть тутъ „сообщенія? При чемъ здѣсь прежній Неаполь? А эта фальшь упоминанія объ „обязанностяхъ“ Англіи по поводу нашихъ анархистовъ! Впрочемъ, недостойная комедія закончилась непредвидѣнно парламентскимъ скандаломъ, — оскорбленіемъ Англіи членомъ ея парламента. Нашелся ирландскій майоръ О'Горманъ, который остался недоволенъ отвѣтомъ канцлера казначейства и сталъ сравнивать министровъ съ подвыпившими джентльменами древняго Рима которые ругали всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ, но трепетали при встрѣчѣ съ эдиломъ. Такъ де и правительство ея величества „оскорбляло и попирало ногами“ всѣхъ слабыхъ, какъ-то Афганцевъ, Зулу и Ирландцевъ, а пасуетъ предъ могуществомъ Россіи, которое производитъ на него такое же отрезвляющее дѣйствіе какъ видъ эдила на римскихъ юношей. Рѣчь эта вызвала ропотъ и постоянные перерывы, а одно изъ ея выраженій касающееся Англіи ораторъ даже принужденъ былъ, по требованію спикера, взять назадъ.

За день предъ этою комедіей въ парламентѣ, въ *Times* появилась лживая отъ начала до конца статья, о которой нашъ благодушнѣйшій *Journal de St.-Péterburg* счелъ нужнымъ помѣстить замѣтку. Въ ней эта газета чуть не съ недоумѣніемъ спрашиваетъ кто могъ передать такія нелѣпыя и ненавистныя сплетни, и не знаетъ вѣрить или не вѣрить тутъ въ злой умыселъ. Въ одно и то же время *Journal de St.-Péterburg* и сомнѣвается „допустить, при всемъ снисхожденіи, добросовѣстность редакціи *Times* и предположить чтобъ она сама была дѣйствительно убѣждена въ истинѣ своихъ увѣреній“ и тутъ же совѣтуетъ газетѣ *Times* прислать въ Петербургъ „одного изъ своихъ способныхъ корреспондетовъ, который тогда узнаетъ есть ли хотя олово правды въ этихъ выдумкахъ.“ И это серіозно говорится даже въ виду запроса Роберта Пиля. Благодушіе удивительное! Впрочемъ наша французская газета замѣчаетъ еще: „Мы не можемъ не сказать газетѣ *Times* что въ день когда она напечатала приведенныя нами свѣдѣнія и разсужденія, она уклонилась отъ роли великаго органа честной публичности на которую она претендуетъ. Посмотримъ какъ она сумѣетъ поправить эту важную ошибку.“

Посмотримъ... Но вѣдь газета *Times* очень хорошо знаетъ откуда она почерпнула свои басни о Россіи; странно что этого не знаетъ *Journat de St.-Péterburg*. Всѣ эти разказы о томъ что въ Петербургѣ „съ извѣстнаго часа дня всякій домъ обращается въ тюрьму, и жильцы пытающіеся выйти считаются какъ бы бѣглыми;“ о томъ что „послѣ 9 часовъ вечера запрещается выходить на улицу безъ письменнаго дозволенія коменданта;“ что „нельзя де отправиться въ гости и даже посѣщать театры безъ дозволенія полиціи;“ что „строго запрещено имѣть огонь въ домахъ послѣ 10 часовъ вечера,“ — все это и многое тому подобное цѣликомъ взято изъ туркофильской *Кельнской Газеты*, которой эти сказки сообщены ея якобы петербургскимъ корреспондентомъ. Не довольно ли, однако, расшаркиваться намъ предъ этими „великими органами честной публицистики?“

№ 110.

Москва, 1-го мая.

Телеграфъ въ Берлинѣ передавшій намъ содержаніе рѣчи г. Беннигсена о таможенномъ тарифѣ (которую мы привели въ нумерѣ 107 *Моск. Вѣдом.*) умолчалъ объ одномъ весьма важномъ обстоятельствѣ которое имѣетъ гораздо болѣе значенія нежели всѣ аргументы высказанные г. Беннигсеномъ въ пользу проектовъ князя Бисмарка. Мы недаромъ удивлялись полному разнорѣчію между взглядами высказанными вожакомъ націоналъ-либераловъ и сужденіями всѣхъ органовъ этой партіи и ораторовъ оной говорившихъ о томъ же предметѣ ранѣе г. Беннигсена. Оказывается что г. Беннигсенъ говорилъ на этотъ разъ не отъ имени партіи, а за себя лично, и рѣчь его не только не принята какъ выраженіе программы этой партіи по предлежащему вопросу, но даже встрѣчена національно-либеральными органами съ явнымъ неудовольствіемъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, въ виду строгой дисциплины господствующей въ этой партіи, что между нею и ея вожакомъ произошелъ разрывъ. Князь Бисмаркъ давно уже соблазнялъ г. Биннигсена министерскимъ порфелемъ; одно время (зимой прошедшаго года) поговаривали даже что г. Беннигсенъ предназначается на постъ вице-канцлера, доставшійся въ послѣдствіи графу Стольбергу-Вернигероде. Но въ то время рѣчь шла объ „обращеніи на путь истинный“ всей представляемой г. Беннигсеномъ партіи, и переговоры окончились ничѣмъ, такъ какъ г. Беннигсенъ отвергъ отъ имени своей партіи экономическую программу князя Бисмарка, о которой уже тогда болѣе всего хлопоталъ имперскій канцлеръ при реорганизаціи имперскаго правительства и прусскаго министерства. Теперь обращеніе совершилось, и слѣдуетъ ожидать что г. Беннигсенъ вскорѣ будетъ министромъ, тѣмъ болѣе что князь Бисмаркъ уже намекнулъ о своемъ недовольствѣ теперешнимъ составомъ кабинета. Нѣтъ сомнѣнія что это не только не поведетъ къ большему сближенію князя Бисмарка съ націоналъ-либералами, но, напротивъ, разрывъ между ними совершится полный. Націоналъ-либералы снова возвратятся къ той оппозиціонной роли которую они играли до великихъ переворотовъ приведшихъ къ созданію Германской имперіи, а князь Бисмаркъ открыто приметъ сторону своихъ старыхъ друзей изъ консервативнаго лагеря. Все это конечно не можетъ не отозваться на всѣхъ сторонахъ внутренней политики Германіи, и эпизодъ съ г. Беннигсеномъ заслуживаетъ потому особеннаго вниманія, знаменуя собою окончаніе цѣлой эпохи въ которую князь Бисмаркъ считалъ нужнымъ играть въ либерализмъ, столь несвойственный ему ни по личнымъ его наклонностямъ, ни по традиціямъ подъ вліяніемъ коихъ сложилась его собственная политическая карьера.

Переписка князя Бисмарка съ барономъ фонъ-Тюнгеномъ, о которой мы уже упоминали, обратила на себя всеобщее вниманіе въ Германіи именно потому что въ ней выразился съ особенною рельефностью этотъ поворотъ князя Бисмарка въ сторону крайняго консервативнаго направленія. Либералы сильно встревожены открытымъ заявленіемъ имперскаго канцлера о своемъ сочувствіи стремленіямъ землевладѣльческихъ классовъ далеко выходящимъ за предѣлы того что проектировано въ ихъ пользу настоящимъ тарифомъ. Князь Бисмаркъ прямо говоритъ что онъ лишь потому не можетъ удовлетворить этихъ стремленій что не встрѣчаетъ поддержки въ средѣ теперешняго имперскаго правительства. Онъ приглашаетъ консервативовъ продолжать свою агитацію, указывая тѣмъ что съ осуществленіемъ теперешняго тарифа не сочтетъ еще своей задачи оконченною: онъ постарается окружить себя болѣе податливыми помощниками, дабы продолжать дѣло возстановленія утратившихъ свою силу землевладѣльческихъ, то-есть консервативныхъ классовъ.

Понятно что подобное заявленіе, открывающее перспективу новыхъ реформъ въ анти-либеральномъ духѣ, должно было сильно взбудоражить либеральный лагерь, и рѣчь г. Ласкера, произнесенная въ четвергъ и приведшая, какъ намъ уже извѣстно, къ столкновенію между княземъ Бисмаркомъ и президентомъ рейхстага, была выраженіемъ этой тревоги охватившей либеральную партію въ виду упомянутой переписки съ барономъ фонъ-Тюнгеномъ и „измѣны“ г. Беннигсена. Интересъ предстоящихъ дальнѣйшихъ преній въ Германскомъ рейхстагѣ еще болѣе сосредоточится поэтому на пошлинахъ съ сырья и преимущественно съ зерноваго хлѣба, которыя

будутъ обсуждаться въ общемъ собраніи рейхстага. Аграріи требуютъ возвышенія этой пошлины вчетверо противъ той нормы которая предположена въ тарифѣ; этимъ путемъ они желаютъ достигнуть поднятія земледѣлія въ Германіи до того уровня чтобы быть въ состояніи самимъ удовлетворять своей потребности въ хлѣбѣ и не прибѣгать къ иностранному привозу. Они будутъ возражать съ настойчивостью противъ пошлины предположенной, какъ извѣстно, въ размѣрѣ 50 пфенниговъ на центнеръ и требовать поднятія оной до такой высоты которая была бы равносильна запретительному тарифу на иностранный хлѣбъ. При всемъ этомъ имѣется въ виду главнымъ образомъ привозъ изъ Россіи. Но мы уже имѣли случай высказаться по этому поводу и остаемся при убѣжденіи что каковъ бы ни былъ исходъ готовящихся въ Германіи стѣснительныхъ мѣръ противъ привоза сырья изъ Россіи, мы можемъ взирать на это дѣло съ полнымъ спокойствіемъ. Не мѣшаетъ однако принять къ свѣдѣнію соображенія которыя въ самой Германіи заставляютъ высказываться противъ задуманной пошлины на привозный хлѣбъ. Соображенія эти приведены и въ мотивахъ къ проекту тарифа. Большинство тарифной коммиссіи приняла такую пошлину руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ что нѣмецкій производитель хлѣба не можетъ выдержать конкурренцію съ дешевымъ заграничнымъ хлѣбомъ и что это имѣло своимъ послѣдствіемъ упадокъ сельскаго хозяйства въ Германіи. Привозная пошлина необходима де поэтому для уравненія шансовъ борьбы противъ иностранной конкурренціи. Но въ мотивахъ приведены и соображенія меньшинства которое возражало противъ пошлины вообще. Эти-то соображенія для насъ всего интереснѣе, ибо они показываютъ наглядно какъ мало Россія можетъ потерять отъ обложенія ея хлѣба въ Германіи. Упомянутое меньшинство коммиссіи несогласно вообще съ мыслію о цѣлесообразности расширенія земледѣльческаго производства въ Германіи искусственными средствами, ибо Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть того чтобы самой производить все нужное для нея количество хлѣба. Болѣе же всего озабочиваетъ меньшинство коммиссіи судьба германской хлѣбной торговли заключающейся преимущественно въ вывозѣ русскаго хлѣба въ другія страны. Количество всего хлѣба привозимаго въ Германію изъ Россіи исчислено во 100.000 вагоновъ ежегодно. Проектированный налогъ возвыситъ издержки нѣмецкихъ хлѣботорговцевъ на 50—100 марокъ на вагонъ. Меньшинство коммиссіи предвидитъ отъ этого гибельныя послѣдствія для прусскихъ и вообще германскихъ портовъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Кенигсбергъ, Данцигъ, Штеттинъ и Любекъ должны будутъ уступить эту ставшую для нихъ насущною торговлю русскимъ хлѣбомъ русскимъ бальтійскимъ портамъ. Вотъ чего опасаются въ Германіи, и опасаются вполнѣ основательно.

Но отсюда ясно что Россія, напротивъ, можетъ только выиграть отъ проектированной перемѣны которая должна будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ отклоненіе пути ея отпускной торговли отъ прусскихъ портовъ къ ея собственнымъ.

№ 111.

Москва, 2-го мая.

Объясненія данныя лордомъ Солсбери касательно исполненія Берлинскаго трактата, въ отвѣтъ на запросъ лорда Гранвиля въ засѣданіи палаты лордовъ 5 мая, возбудили не мало толковъ и споровъ въ англійской печати. Не только оппозиціонныя газеты съ злорадствомъ усматриваютъ въ этихъ объясненіяхъ плохо скрытое признаніе въ крушеніи тѣхъ именно плановъ которое правительство ставило себѣ въ заслугу, но такое же обвиненіе приходится ему выслушивать даже со стороны независимыхъ торійскихъ органовъ. Только немногіе министерскіе органы, по привычкѣ вторить всему что говорится правительствомъ, нашли ихъ удовлетворительными.

Дѣло въ томъ что наступленія критическаго дня 3 мая нов. ст. въ Англіи давно ожидали съ безпокойствомъ. Этой минуты ждали всѣ какъ пробы, чтобы воочію увидѣть результаты того „дипломатическаго торжества“ которое въ прошедшемъ году англійскіе министры одержали въ Берлинѣ. Безо всякаго реальнаго основанія, а лишь вслѣдствіе министерскихъ заявленій да толкованій преданной правительству печати, въ Англіи сложилось убѣжденіе что къ 3 мая, по точной буквѣ Берлинскаго трактата, не должно остаться ни одного рускаго солдата на Балканскомъ по-

луостровѣ, многіе же, не принимая въ разсчетъ трудностей и опасностей положенія, ожидали даже видѣть къ этому сроку турецкіе гарнизоны крѣпко размѣщенными на гребняхъ Балканскихъ проходовъ. Но вотъ наступило и прошло роковое число, а ни того, ни другаго не случилось. О причинахъ промедленія въ очищеніи русскими войсками занятыхъ ими мѣстностей и сдѣланъ былъ запросъ лордомъ Гранвилемъ, который пожелалъ также узнать объ исполненіи и другихъ предначертаній Берлинскаго трактата, именно: что̀ сдѣлано для исправленія греко-турецкой границы, о реформахъ въ греческихъ провинціяхъ, объ обѣщанныхъ реформахъ въ Арменіи, о работахъ различныхъ коммиссій по проведенію границъ. Въ своемъ отвѣтѣ на этотъ запросъ лордъ Солсбери прослѣдилъ по пунктамъ Берлинскій трактатъ и старался доказать что во всемъ существенномъ постановленія онаго или уже исполнены, или находятся на пути къ исполненію. Тѣмъ не менѣе, при этомъ послѣдовательномъ обзорѣ, рѣчь его явилась скорѣе апологіей неудачъ чѣмъ доказательствомъ успѣха.

Что касается срока русской оккупаціи, то лордъ Солсбери несомнѣнно далъ единственно вѣрное толкованіе. Дѣйствительно, какъ показалъ онъ ссылкой на трактатъ, для русской оккупаціи назначенъ былъ десятимѣсячный срокъ, и до его истеченія, то-есть до 3 мая, Россія не была обязана сокращать размѣръ оккупаціоннаго отряда. Она имѣла право до самаго послѣдняго дня поддерживать оккупацію въ полномъ ея размѣрѣ, то-есть въ составѣ четырехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій. Можетъ-быть въ этомъ отношеніи трактатъ изложенъ не съ образцовою ясностью, но по крайней мѣрѣ, изъ буквы его несомнѣнно слѣдуетъ что ранѣе наступленія 3 мая нельзя было требовать русской эвакуаціи. А затѣмъ, разумѣется, она не могла совершиться волшебствомъ въ одинъ день, на нее требуется время. Этотъ взглядъ подтверждается тѣмъ что такъ какъ возвращеніе русскихъ войскъ предполагалось возможнымъ чрезъ Румынію, то на это въ самомъ трактатѣ назначенъ былъ дальнѣйшій трехмѣсячный срокъ.

Это истолкованіе одной изъ статей трактата данное лордомъ Солсбери,—хотя оно вполнѣ согласно съ фактами и онъ не могъ дать другаго,—произвело глубокое разочарованіе въ Англіи. Тутъ только оказалось что въ свое время англійской публикѣ былъ подносенъ совершенно невѣрный комментарій Берлинскаго трактата, изъ коего слѣдовало что Русское правительство будто бы обязалось совершить „въ девятимѣсячный срокъ“ переводъ своихъ войскъ черезъ Румынію и совершенно очистить это княжество. Публика долго поддерживалась въ этомъ заблужденіи, и благодаря ему, 3 мая ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ надѣясь уличить тогда Россію въ якобы въ умышленномъ неисполненіи принятыхъ ею на себя обязательствъ. *Daily Talegraph* до сихъ поръ разсуждаетъ на эту тему, но какое значеніе могутъ имѣть эти разсужденія когда англійскій министръ принужденъ былъ признать что ранѣе 3 мая Россія вовсе не была обязана выводить изъ Румеліи хотя бы одного солдата?

Затѣмъ еще большее неудовольствіе многихъ газетъ возбудило полное умолчаніе лордомъ Солсбери объ отсрочкѣ на годъ занятія Турками Балканскихъ проходовъ. Если въ разъясненіяхъ относительно русской оккупаціи лордъ Солсбери стоялъ твердо на почвѣ трактата, то въ вопросѣ объ отсрочкѣ занятія Балканъ достаточной опоры для него не имѣлось. Отсрочка эта, конечно, весьма благопріятна для дѣла мира; она обезпечиваетъ по крайней мѣрѣ еще на годъ спокойствіе Румеліи и Болгарскаго княжества, но она тѣмъ не менѣе такъ рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ прошлогоднею похвальбой что объ этомъ обстоятельствѣ, дѣйствительно, всего удобнѣе было вовсе промолчать.

Умышленно упустивъ изъ виду это отступленіе отъ постановленій Берлинскаго трактата, которое оказалось необходимымъ, но которое всего менѣе входило въ планы англійской политики и отнюдь не было согласно съ ея желаніями, лордъ Солсбери задался не легкою задачей: прослѣдивъ по пунктамъ Берлинскій трактатъ, успокоить всѣхъ увѣреніемъ что все идетъ какъ нельзя лучше, согласно съ его предначертаніями. Но и въ этомъ отношеніи, даже съ упомянутымъ опущеніемъ важнаго факта и со всякою натяжкой, онъ не достигъ полнаго успѣха. Ему не трудно было указать на полное исполненіе лишь тѣхъ частей трактата которыя и безъ вмѣшательства Англіи легко были улажены. Такъ, напримѣръ, все что̀ касается соб-

ственно Болгарскаго княжества дѣйствительно вполнѣ осуществлено въ установленный срокъ. Временное положеніе княжества не продолжилось и одного дня долѣе чѣмъ было необходимо, къ назначенному сроку княжество вполнѣ устроено, обладаетъ учрежденіями утвержденными собраніемъ, избрало себѣ князя, и выборъ этотъ утвержденъ всѣми державами; различныя коммиссіи о разграниченіи не совсѣмъ кончили свои занятія, но работы ихъ много подвинулись, и онѣ продолжаютъ трудиться въ указанномъ имъ направленіи; Черногорія, Сербія и Румынія получили территоріальныя приращенія имъ присвоенныя, независимость первыхъ двухъ окончательно признана, и лишь относительно независимости Румыніи встрѣчаются еще нѣкоторыя возраженія со стороны западныхъ державъ. Но вѣдь все это и не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій. Вдобавокъ къ помянутому, лордъ Солсбери могъ указать еще, какъ на исполненіе берлинскихъ постановленій, на совершившееся занятіе Босніи и Герцеговины Австрійцами.

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются тѣ части трактата, которыя были предметомъ особенной заботливости Англіи. Здѣсь все большею частью остается еще *en suspens*, въ ожиданіи, въ намѣреніи. Коммиссія для Восточной Румеліи, долженствовавшая выработать статутъ этой провинціи въ трехмѣсячный срокъ, проработала надъ нимъ девять мѣсяцевъ, и статутъ этотъ „ожидаетъ" утвержденія султана; для провинціи готовы и статутъ, и губернаторъ, но новыя учрежденія остается еще ввести, слѣдовательно дѣло нельзя считать исполненнымъ. Объ этомъ лордъ Солсбери благоразумно умолчалъ, какъ и о томъ еще отступленіи отъ трактата что полномочія коммиссіи продолжены на годъ, и что на этотъ срокъ право губернатора призывать турецкіе войска въ провинцію ограничено полученіемъ на то согласія коммиссіи въ смыслѣ непремѣннаго условія. Улаженіе вопроса объ исправленіи греко-турецкой границы лорду Солсбери угодно считать исполненнымъ на томъ основаніи что по этому предмету не состоялось де прямаго соглашенія между заинтересованными сторонами, а потому Французское правительство предложило де посредничество, на которое всѣ державы изъявили согласіе. Относительно предусмотрѣннаго трактатомъ примѣненія учрежденій Восточной Румеліи и къ другимъ областямъ Европейской Турціи, лордъ Солсбери увѣдомилъ что Турецкое правительство „намѣрено" это сдѣлать, и онъ полагаетъ де что „и это также можетъ быть исполнено." Наконецъ, по поводу обѣщанныхъ Портой реформъ въ Арменіи, онъ указалъ что въ Азію отправлена коммиссія, но прибавилъ, однако, что нельзя ожидать никакихъ реформъ *bona fide*, прежде чѣмъ финансы Порты будутъ приведены въ удовлетворительное состояніе.

Не удивительно что такое изображеніе „буквальнаго и техническаго" исполненія Берлинскаго трактата, сдѣланное однимъ изъ его главныхъ авторовъ, не могло возбудить въ англійской публикѣ особеннаго восторга. Даже газета *Times*, хотя и находитъ увѣренія лорда Солсбери вообще ободрительными, полагаетъ что многіе взгляды его отзываются чрезмѣрнымъ оптимизмомъ, и заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Берлинскій трактатъ несомнѣнно былъ исполненъ до настоящаго пункта; но очевидно что самую трудную часть работы остается еще совершить."

Впрочемъ, какъ извѣщаетъ сейчасъ полученная телеграмма, лорду Солсбери пришлось вчера, въ отвѣтъ на сдѣланный ему дальнѣйшій запросъ, дать объясненіе и по поводу заявленнаго султаномъ намѣренія не пользоваться предоставленнымъ ему по Берлинскому трактату правомъ занятія Балканскихъ проходовъ, и объясненіе это столь же характеристично какъ и толкованіе имъ „буквальнаго и техническаго" исполненія Берлинскаго трактата. Право это, за которое такъ ратовали англійскіе министры на Берлинскомъ конгрессѣ, не только остается за султаномъ, говоритъ маркизъ Солсбери, но султанъ даже не могъ бы единолично безъ согласія державъ отказаться отъ него, но дѣло де въ томъ что право это отнюдь не „обязательное," а „факультативное," которымъ султанъ, какъ всякій независимый государь, можетъ пользоваться (а слѣдовательно и не пользоваться) когда найдетъ это для себя удобнымъ по финансовымъ и политическимъ соображеніемъ.

Тонъ этотъ далеко не тотъ какимъ говорилъ по возвращеніи изъ Берлина лордъ Солсбери, только что украшенный тогда орденомъ Подвязки за свои подвиги за зеленымъ столомъ.

Но пусть онъ, ради своего самолюбія, толкуетъ теперь что *такимъ образомъ* Берлинскій трактатъ вполнѣ исполненъ. Порадуемся ради спокойствія Болгаръ что по крайней мѣрѣ случилось такъ, а не хуже...

№ 112.

Москва, 3-го мая.

Цислейтанскій рейхсратъ Австро-Венгріи, окончившій на дняхъ обсужденіе бюджета, будетъ закрытъ, по всей вѣроятности, какъ сообщаютъ вѣнскія газеты, 18 мая. Закрытіе будетъ сопровождаться тронною рѣчью, чего не было съ 1873 года, когда впервые открылся рейхсратъ въ нынѣшнемъ его составѣ. Отъ этой тронной рѣчи ожидаютъ важныхъ заявленій касательно будущей внутренней политики Австро-Венгріи, такъ что эта тронная рѣчь послужитъ избирательнымъ манифестомъ правительства къ предстоящимъ выборамъ въ рейхсратъ, новая законодательная сессія котораго откроется осенью. Ожидаемый поворотъ во внутренней политикѣ Австріи будетъ заключаться, какъ ожидаютъ, въ отступленіи отъ дуалистической системы и исключительнаго преобладанія мадьяро-нѣмецкаго элемента и въ предоставленіи элементу славянскому болѣе дѣятельнаго участія въ политической жизни имперіи. Еще двѣ недѣли тому назадъ нашъ вѣнскій корреспондентъ по случаю происходившихъ въ Вѣнѣ 24 апрѣля празднествъ, въ день серебряной свадьбы императорской четы, указалъ на признаки готовящейся перемѣны. Передавая взгляды преобладающіе въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ, нашъ корреспондентъ писалъ: „Дуалистическая система въ своемъ примѣненіи на практикѣ, въ основу коего положено исключительное преобладаніе мадьяро-нѣмецкаго элемента, начинаетъ сильно заявлять о своей несостоятельности... Въ цислейтанской половинѣ имперіи необходимо учредить новые порядки на мѣсто совершенно расшатавшихся старыхъ... „Вѣрная конституціи“ партія, самою своею оппозиціей поддержавшая иногда правительственную политику, распалась на мелкія фракціи, которыя едвали будутъ въ состояніи образовать изъ себя что-нибудь цѣльное... Правительство ясно видитъ что съ этимъ матеріаломъ ему ничего не сдѣлать.“ Вотъ почему вѣнскія руководящія сферы внезапно прониклись убѣжденіемъ высказаннымъ въ офиціозномъ *Fremdenblat* что „національная (т.-е. исключительно нѣмецкая) организація вѣрной конституціи партіи въ отношеніи къ славянскимъ племенамъ имперіи не соотвѣтствуетъ болѣе настоящему положенію дѣлъ.“ Вслѣдствіе этого ведутся нынѣ дѣятельные переговоры съ вожаками обѣихъ фракцій чешской партіи о томъ чтобъ они отказались отъ упорной пассивной оппозиціи, которую они до сихъ поръ оказывали политическому устройству созданному графомъ Бейстомъ, и вступили въ будущій рейхсратъ, причемъ имъ дается положительное обѣщаніе что на этой легальной почвѣ они имѣютъ всѣ виды на успѣшное достиженіе своихъ завѣтныхъ стремленій. Правда, не совсѣмъ легко понять какимъ образомъ возможно примирить непримиримое и въ какой мѣрѣ, подчинившись существующему устройству разчитанному на то чтобы „припереть Славянъ къ стѣнѣ,“ по памятному изреченію графа Бейста, Славяне получатъ все-таки возможность добиться осуществленія своихъ стремленій направленныхъ именно къ устраненію этого враждебнаго имъ порядка. Поживемъ—увидимъ. Но покаместь не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ что въ обоюдномъ настроеніи нѣмецкой и чешской партій въ послѣднее время замѣтно обозначился примирительный тонъ, хотя вопросъ объ основаніяхъ примиренія и объ условіяхъ при которыхъ Чехи готовы вступить въ рейхсратъ еще неулажены. Чехи требуютъ чтобъ имъ было даровано учрежденіе Чешскаго университета въ Прагѣ; они настаиваютъ на томъ чтобъ эта уступка была имъ сдѣлана „предварительно.“ Съ нѣмецкой стороны имъ возражаютъ что они имѣютъ всѣ шансы на учрежденіе университета; но что предложеніе объ этомъ должно быть ими же внесено въ рейхсратъ. Здѣсь они сами примутъ де участіе во всестороннемъ обсужденіи дѣла, между прочимъ и съ финансовой стороны. Вожакъ младо-Чеховъ, Dр. Карлъ Сладковскій, имѣлъ на дняхъ по этому поводу личное свиданіе съ министромъ-президентомъ графомъ Таафе, который также совѣтывалъ Чехамъ не настаивать на своемъ требованіи и провести свой проектъ объ университетѣ въ самомъ парламентѣ. Всѣ увѣрены что это формальное разногласіе такъ или иначе бу-

детъ улажено и что къ началу будущей сессіи рейхсрата скамьи предназначенныя для чешскихъ депутатовъ не останутся болѣе пустыми. По всей вѣроятности, императоръ Францъ-Іосифъ посѣтитъ въ теченіе лѣта Прагу и тѣмъ закрѣпитъ дѣло „примиренія.“

Надолго ли состоится это примиреніе, это другой вопросъ. Трудно вѣрить въ искренность этого поворота со стороны заклятыхъ противниковъ Славянъ въ Австріи, особливо если принять во вниманіе что во главѣ обще-имперскаго правительства продолжаетъ стоять графъ Андраши, чье закоснѣлое мадьярство до сихъ поръ еще ни въ чемъ и никогда себѣ не измѣняло. Это признаютъ прежде всего австрійскіе Нѣмцы. Но какъ ни враждуютъ они противъ своего венгерскаго канцлера въ своихъ интересахъ, несомнѣнно что въ будущей „легальной“ борьбѣ со Славянами они не пренебрегутъ могучею поддержкой мадьярскаго министра и, можетъ-быть, этимъ въ незначительной мѣрѣ объясняется теперешняя уступчивость ихъ относительно Славянъ, — уступчивость направленная прежде всего къ тому чтобы заманить ихъ на почву „легальной борьбы.“

Къ характеристикѣ графа Андраши, какъ заклятаго противника Славянъ, на дняхъ прибавила новую интересную страницу вѣнская *Deutsche Zeitung* сообщившая разговоръ одного изъ своихъ корреспондентовъ съ однимъ русскимъ дипломатомъ „игравшимъ самую выдающуюся роль въ послѣднемъ восточномъ кризисѣ.“ „Когда рѣчь зашла о графѣ Андраши и его политикѣ,“ сообщаетъ корреспондентъ, „мой собесѣдникъ выразился такъ: „въ Вѣнѣ „не найдется достаточно камней отъ мо„стовыхъ чтобы забросать ими графа Ан„драши, если когда-нибудь обнаружится „вся истина относительно его политики на „Востокѣ. Это не была политика ни нѣ„мецкая, ни славянская, ни вообще авст„рійская, но специфически-мадьярская. „Много разъ его предостерегали противъ „предпринятыхъ имъ шаговъ. Ему настой„чиво отсовѣтывали посылать свою ноту „отъ 31 декабря 1875 касательно турец„кихъ реформъ; ему предсказывали что „онъ чрезъ это вступаетъ на наклонную „плоскость и вызываетъ борьбу исходъ о„торой невозможно предвидѣть. Онъ не „хотѣлъ ничего ни слышать, ни видѣть.“ На Берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши былъ, по словамъ того же дипломата, однимъ изъ главныхъ виновниковъ того что Восточная Румелія была отдѣлена отъ Сѣверной Болгаріи. Соединеніе $5^1/_2$ милліоновъ Болгаръ въ одно государство не представляло никакой опасности для Австріи, и дабы сохранить условія Санъ-Стефанскаго мира, со стороны Россіи было де предложено Австріи посадить на болгарскій престолъ австрійскаго эрцгерцога. Но графъ Андраши отказался и отъ этого.“

№ 113.

Москва, 4-го мая.

Наконецъ для Англичанъ представилась давно желанная возможность окончанія одной изъ мелкихъ войнъ, стоящихъ большихъ расходовъ, но не доставившихъ до сихъ поръ большой славы,—войнъ навязанныхъ безпокойною политикой нынѣшняго кабинета. Съ эмиромъ Афганскимъ Якубъ-ханомъ начаты переговоры о мирѣ, и надѣются, хотя многіе еще не совсѣмъ въ этомъ увѣрены, что они вскорѣ приведутъ къ благополучному концу. Съ чьей стороны сдѣланъ былъ первый шагъ къ этимъ переговорамъ, трудно сказать, такъ какъ майоромъ Каваньяри, дипломатическимъ офицеромъ при колоннѣ выдвинувшейся за Хайберскій проходъ, давно уже велись какія-то сношенія съ Кабуломъ, но во всякомъ случаѣ Якубъ-ханъ прибылъ уже 8 мая въ британскій лагерь въ Гандамакѣ, гдѣ и былъ принятъ съ большими почестями. На границѣ онъ былъ встрѣченъ майоромъ Каваньяри съ эскортой гусаръ, а по всему пути до лагеря, на разстояніи двухъ съ половиною миль, были разставлены британскія войска всѣхъ родовъ оружія; по прибытіи же эмира въ лагерь, онъ былъ встрѣченъ генераломъ Брауномъ со штабомъ, и въ честь его былъ сдѣланъ салютъ въ 21 выстрѣлъ. Затѣмъ эмиръ немедленно увѣдомилъ вице-короля Индіи о своемъ прибытіи, выразивъ при этомъ желаніе возстановить дружескія сношенія между Индіей и Афганистаномъ. Такъ передано было объ этомъ событіи телеграммой Рейтерова Агентства изъ Симлы.

О томъ что привело къ такому обороту дѣлъ мы почти ничего не знаемъ, если не придавать большаго значенія слухамъ которые передаются въ телеграммахъ изъ

Индіи и имѣютъ характеръ базарныхъ сплетень. Никогда и ни по какому предмету англійскія газеты не были такъ скудны извѣстіями какъ во время этой загадочной Афганской войны относительно всего что̀ касалось оной. За исключеніемъ отрывочныхъ телеграммъ не имѣвшихъ никакого особеннаго интереса, да корреспонденцій въ *Daily News*, относившихся къ давно минувшимъ эпизодамъ и экспедиціямъ противъ мелкихъ горныхъ племенъ для наказанія за случайные грабежи и набѣги, въ газетахъ за послѣднее время не помѣщалось никакихъ свѣдѣній съ театра войны. Только на дняхъ, когда эмиръ выѣхалъ изъ столицы и прибылъ 3 мая въ Бутакъ, а майоръ Каваньяри отправился на границу для переговоровъ съ нимъ, посыпались разные слухи, которые провѣрить нѣтъ возможности, и повидимому лишь въ объясненіе мотивовъ „покорности“ эмира. Сперва объясняли что эмиръ понялъ выгодность искать нравственной поддержки Англіи въ виду ненадежности его собственной власти, такъ какъ противъ него возмутились де войска въ Афганскомъ Туркестанѣ и убили посланнаго для укрощенія смутъ Голамъ-Гайдеръ-хана. Потомъ разказывали что какія-то независимыя племена на сѣверо-восточной границѣ Афганистана сами предлагали принять британское покровительство и поддержку, обѣщая за то охранять въ интересѣ Англичанъ проходы Гиндукуша. Наконецъ, былъ еще такой слухъ будто двоюродный братъ Якуба и самый опасный для него претендентъ на Кабульскій престолъ, Абдуррахманъ, живущій, какъ извѣстно, въ предѣлахъ Россіи, готовится захватить Балхъ, будучи въ изобиліи снабженъ деньгами и получивъ обѣщанія помощи отъ эмировъ Бухарскаго и Хивинскаго. Послѣдній слухъ, пущенный газетой *Standard*, явно невѣроятенъ. Но и вообще странно, съ какой бы стати Англичанамъ такъ радоваться переговорамъ съ Якубъ-ханомъ, если его власть была такъ ненадежна и когда, на случай его упорства, у нихъ самихъ былъ на готовѣ претендентъ, также родственникъ эмира, нѣкто Вали-Магометъ-ханъ, постоянно хлопотавшій и разъѣзжавшій изъ лагеря въ лагерь отъ генерала Брауна къ генералу Робертсу и обратно.

А радость эта несомнѣнна и непритворна. *Times* объявляетъ что „прибытіе Якубъ-хана въ нашъ лагерь есть самое важное изо всѣхъ событій въ теченіе этой войны и представляетъ совершенно новую точку отправленія для нашей политики.“ Также и *Daily Telegraph* видитъ въ поѣздкѣ эмира въ Гандамакъ „актъ безмолвнаго подчиненія событіямъ.“ А *Standard* въ полномъ убѣжденіи что „Якубъ-ханъ пришелъ къ логическому заключенію что для него лучше всего помириться съ Англичанами: онъ принялъ наши условія, онъ готовъ стать нашимъ другомъ и союзникомъ.“ Дѣло въ томъ что вся эта обуза давно всѣмъ сильно надоѣла. Даже войска, какъ давно писали, наскучили кампаніей, которая не давала имъ ни славы, ни отличій, и до нельзя томились продолжительнымъ бездѣйствіемъ на бивакахъ въ непріятельской землѣ, которые были ими заняты еще въ началѣ войны и почти безо всякаго сопротивленія. Всѣ, отъ генерала до солдата, рады были бы такъ или иначе покончить съ надоѣвшимъ предпріятіемъ; многіе утѣшались что, по крайней мѣрѣ, ожидавшійся походъ на Кабулъ прерветъ однообразіе бездѣйствія, но за то другіе опасались что и это не приблизитъ къ концу если Якубъ-ханъ, по примѣру отца, оставитъ столицу и удалится въ сѣверныя провинціи. Объявить же его низложеннымъ и посадить на его мѣсто другаго претендента значило бы только навязать себѣ новыя хлопоты. Затрудненія эти не смущали вице-короля Индіи лорда Литтона, и онъ, по общему мнѣнію, желалъ непремѣнно заключить кампанію походомъ на Кабулъ, но въ самой Англіи уже подулъ вѣтеръ въ другую сторону, и кабинетъ сталъ желать скорѣйшаго заключенія мира; по крайней мѣрѣ министрами даны были въ парламентѣ положительныя обѣщанія что ни относительно дальнѣйшихъ движеній въ Афганистанѣ, ни относительно условій мира ничего не будетъ рѣшено безъ вѣдома кабинета и безъ обстоятельныхъ инструкцій изъ Лондона. Все это наводитъ на мысль что авансы въ пользу прекращенія войны миромъ могли, пожалуй, исходить отъ самихъ Англичанъ, хотя и Якубъ-ханъ не прочь былъ прекратить безполезную борьбу, зная что ему не выбить Англичанъ изъ занятыхъ позицій и можетъ-быть въ надеждѣ что-нибудь выторговать переговорами.

Условій какія ему предложатъ Англичане, разумѣется, въ точности теперь нельзя знать. Однако газеты тотчасъ же приня-

лись приготовлять публику къ тому что Англія покажетъ великодушіе, и что присоединенія Афганской территоріи будутъ весьма не велики. Хотя вовсе безъ нихъ нельзя де обойтись, и эмиръ не могъ де прибыть въ англійскій лагерь не будучи готовъ на нѣкоторую уступку своей территоріи, но Англія ограничится де лишь самымъ необходимымъ для усилія своей стратегической границы. Наконецъ корреспондентъ *Standard* сообщилъ что 9 мая Якубъ-ханъ уже принялъ всѣ англійскія мирныя предложенія; по словамъ этого корреспондента, Англія удерживаетъ за собою лишь владѣніе тремя перевалами ведущими въ Индію: Хайберскимъ проходомъ до Лоарги; долиной Курума до Шатаргарданскаго прохода и долиной Пишина вмѣстѣ съ Коджакскимъ проходомъ. Такимъ образомъ Кандагаръ возвращается эмиру, но Англія будетъ имѣть право держать тамъ постояннаго агента, и майоръ Каваньяри будетъ сопровождать Якубъ-хана въ Кабулъ въ качествѣ британскаго посла. О назначеніи постоянныхъ англійскихъ агентовъ въ Гератъ или въ Кабулъ корреспондентъ не имѣетъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ кончается этотъ непостижимый эпизодъ Биконсфильдовской политики. Предположивъ что свѣдѣнія *Standard* въ общихъ чертахъ вѣрны, спрашивается, что же выиграла Англія? Война была выдумана главнымъ образомъ ради поддержанія престижа, но именно престижа вынесено изъ нея всего менѣе. Никакихъ славныхъ битвъ, никакихъ блестящихъ подвиговъ не останется въ ея лѣтописяхъ, ничего подобнаго штурму Карса или полону всей Шипкинской арміи русскими войсками въ войнѣ съ Турками, и населенія въ Индіи лучше кого-либо знаютъ какъ Англичане обезпечивали свое положеніе на позиціяхъ занятыхъ безъ боя главнымъ образомъ золотомъ, подкупая горскія племена. Затѣмъ Англичане укрѣпили свою стратегическую границу, выдвинули ее впередъ и дали ей тотъ „научный“ характеръ который, по заявленію лорда Биконсфильда былъ необходимъ для безопасности Индіи. Но названіе „научной границы,“ конечно, было не болѣе какъ риторическою фигурой. Противъ кого она была нужна? Разумѣется не Афганистанъ считался опаснымъ для Индіи, не онъ могъ грозить ей вторженіемъ. При этомъ имѣлась въ виду возможная опасность со стороны Россіи. Но если считается или, по крайней мѣрѣ, считалось возможнымъ столкновеніе между Русскими и Англичанами, то въ чемъ же обнаруживается перемѣна условій? Они остались совершенно тѣ же что̀ были прежде: англійскія войска все равно стоятъ на границахъ Индіи, выдвинувшись впередъ всего на нѣсколько миль, а русскія владѣнія также далеки отъ Индіи какъ были прежде. Гадательныя будущія опасности не устраняются пустыми заклятіями; измѣрить ихъ можно вѣрнѣе сравненіемъ силы и слабости обѣихъ сторонъ при данныхъ условіяхъ. Для Россіи, еслибъ она могла питать замыслы на Индію, главное препятствіе и затрудненіе представляютъ громадность разстоянія и трудность передвиженія боевой силы черезъ дикія и малонаселенныя страны. Но разъ это препятствіе было бы преодолѣно, противники затѣмъ встрѣтились бы при равныхъ условіяхъ, и та или другая позиція не имѣетъ уже большой важности, ибо результатъ въ такихъ случаяхъ зависитъ отъ отношенія силъ и умѣнья ими пользоваться. Безчисленныя примѣры военной исторіи показываютъ невозможность охранять длинную горную цѣпь со множествомъ проходовъ. Это блистательно подтвердилось и въ послѣднюю войну переходомъ нашихъ войскъ черезъ покрытые снѣгомъ Балканы; это испытали и сами Англичане, заставивъ Афганцевъ безъ боя очистить самый опасный пунктъ Хайберскаго прохода и Пейварскій перевалъ въ долинѣ Курума простыми обходами. Для Англіи имѣютъ мѣсто обратныя условія. Силу ея позиціи въ Индіи именно и составляютъ этотъ громадный промежутокъ дикихъ странъ отдѣляющій ее отъ Россіи и положеніе ея собственной арміи на границѣ, вблизи удобныхъ путей сообщенія и базиса операцій. Это очень хорошо понималъ самъ лордъ Солсбери когда, три года тому назадъ,— въ то время сужденіе Англичанъ не было еще отуманено призракомъ Восточнаго вопроса,—совѣтовалъ алармистамъ, трепетавшимъ за Индію, обратиться къ изученію большихъ картъ. Слабость же Англичанъ въ Индіи заключаются въ томъ что они стоятъ тамъ на волканѣ, и что одно приближеніе равносильнаго противника къ ея границѣ можетъ вызвать страшное возстаніе населеній, которое поставило бы англійскія войска между двухъ огней. Въ этомъ отношеніи передвиженіе границы въ горы

не улучшило, а скорѣе ухудшило условія, такъ какъ оно заставитъ держать сильные гарнизоны. Затѣмъ надо еще узнать во что обошлась эта ничтожная война, бремя которой эгоизмъ Англичанъ всецѣло возложилъ на Индію. На нее сначала было ассигновано два милліона, но правительство уже заявило о намѣреніи потребовать у парламента разрѣшенія для Индіи заключить заемъ въ шесть милліоновъ. А пожалуй ликвидація этой войны продлится также долго какъ Абиссинской, смѣты на которую были составлены г. Дизраэли, но за которую пришлось окончательно расплачиваться г. Гладстону уже года три спустя по ея окончаніи.

Такимъ образомъ отъ всей афганской затѣи главнымъ результатомъ остается развѣ удовлетвореніе оскорбленнаго самолюбія Англіи, за которое пришлось поплатиться бѣдному Ширъ-Али. Дипломатическіе результаты войны, а именно выговоренное Англіей право держать постояннаго агента въ Кандагарѣ, а можетъ-быть и въ другихъ мѣстахъ, также представляетъ едва ли не сомнительную выгоду. Присутствіе такихъ агентовъ среди дикихъ и враждебныхъ населеній по большей части втягивало Англію въ новыя хлопоты и дорого стоящія предпріятія.

Важнѣе же всего не тѣ или другіе результаты, а то что война кончилась. Въ Южной Африкѣ дѣла запутываются, посланныхъ подкрѣпленій оказывается недостаточно, и изъ Англіи готовятся послать туда еще пять тысячъ. А въ *Daily News* сообщаютъ еще тревожныя вѣсти изъ Бирманіи, гдѣ положеніе англійскаго резидента крайне опасно. При такихъ обстоятельствахъ, вѣсть о прекращеніи Афганской войны явились для кабинета лорда Биконсфильда какъ манна небесная.

№ 114.

Москва, 5-го мая.

Между тѣмъ какъ въ Германіи озабочены отмѣной такъ-называемой классной или поразрядной подати и замѣной ея косвенными налогами, у насъ, наоборотъ, въ полномъ ходу мысль о введеніи этой подати, которая несущимъ ее Нѣмцамъ стала такъ ненавистна. Минувшею осенью, выработанный нашею податною коммиссіей проектъ поразрядной подати потерпѣлъ полную неудачу; приговоръ произнесенный надъ этимъ проектомъ былъ такъ единодушенъ что намъ не привелось услыхать ни одного голоса который бы поднялся въ его пользу. Несмотря, однако, на такую неудачу, проектъ поразрядной подати не замедлилъ возродиться и, какъ передаютъ петербургскія газеты, имѣетъ поступить „въ переработанномъ видѣ“ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ предстоящую осеннюю сессію.

Въ какой мѣрѣ переработанъ прежній неудавшійся проектъ поразряднаго налога, какія внесены въ него улучшенія, пока неизвѣстно Но, во всякомъ случаѣ, составители проекта, кажется, имѣютъ нынѣ серіозныя основанія разчитывать что новый трудъ ихъ будетъ встрѣченъ много благопріятнѣе прежняго, особенно если въ пользу новаго проекта будетъ говорить иная мотивировка, иная цѣль рекомендуемаго налога. Въ прошломъ году, установленіе поразрядной подати объяснялось единственно необходимостью усиленія государственныхъ доходовъ введеніемъ личнаго налога съ неподатныхъ сословій. „Въ виду экстраординарныхъ расходовъ вызванныхъ войной,“ —такъ начиналась *Объяснительная Записка* къ прошлогоднему проекту, — „заключены государственные займы, требующіе уплаты по нимъ интересовъ и погашенія. Кромѣ того, война вызоветъ чрезвычайно значительные расходы, которые будутъ продолжаться и послѣ ея окончанія. Посему представляется необходимымъ озаботиться изысканіемъ средствъ къ усиленію ежегодныхъ государственныхъ доходовъ. Средства эти должны быть естественнымъ образомъ извлечены прежде всего изъ тѣхъ слоевъ общества и изъ тѣхъ источниковъ дохода которые доселѣ или вовсе не платили казенныхъ налоговъ, или же сравнительно менѣе обременены податною тягостію. А потому надлежитъ нынѣ же привлечь къ большему участію во взносѣ въ государственную казну такъ-называемыя неподатныя сословія государства, которыя въ настоящее время по владѣнію недвижимою собственностью весьма мало обложены въ пользу казны, а по владѣнію движимыми капиталами изъяты отъ всякаго обложенія.“ Этимъ исчерпывались всѣ доводы податной коммиссіи за введеніе налога признаваемаго вездѣ крайне тягостнымъ и неудобнымъ. Онъ выставлялся не-

обходимымъ единственно въ видахъ поддержанія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ, — и такая „необходимость“ не могла не казаться сомнительною даже въ то время когда еще не была опубликована государственная роспись доходовъ и расходовъ на текущій 1879 годъ, показавшая полную возможность уравновѣсить тѣ и другіе, не прибѣгая ко введенію новыхъ прямыхъ налоговъ. Обстановка при которой появляется новый, переработанный проектъ поразряднаго налога ни въ чемъ не похожа на прежнюю. Мнѣніе о неизбѣжности громадныхъ дефицитовъ не имѣетъ нынѣ уже и десятой доли той силы какую имѣло полгода тому назадъ. Равнымъ образомъ, въ мотивахъ къ поразрядному налогу податная коммиссія не можетъ уже сказать, какъ говорила недавно, что нынѣшнее, слѣдующее за войной, время наименѣе благопріятно для реформы подушныхъ сборовъ, и что „осуществленіе предположеній о преобразованіи подушныхъ сборовъ должно по необходимости быть отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.“ „Необходимость“ отсрочки податной реформы оказалась еще низшей пробы чѣмъ „необходимость“ введенія поразряднаго налога ради устраненія дефицита въ бюджетѣ. Но за то, конечно, тѣмъ большій вѣсъ въ мотивахъ къ переработанному проекту можетъ получить указаніе на состоявшееся 23 минувшаго марта Высочайшее повелѣніе „приступить нынѣ же къ обсужденію предположеній объ отмѣнѣ сборовъ взимаемыхъ въ пользу Государственнаго Казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи для замѣны ихъ другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.“

Нельзя однако упускать изъ виду что въ низшихъ разрядахъ классная или поразрядная подать мало чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ подушныхъ сборовъ. Замѣна послѣднихъ поразрядною податью можетъ оказаться на дѣлѣ лишь перемѣной наименованія прежняго налога, съ распространеніемъ его на тѣхъ кто до сихъ поръ не былъ имъ обложенъ. При немаломъ отягощеніи нынѣшнихъ неподатныхъ классовъ, серіознаго облегченія тяжести прямыхъ налоговъ для податныхъ классовъ можетъ при этомъ совсѣмъ не оказаться, а не таковъ, конечно, желательный результатъ реформы. Правда, хорошо обдуманная, удачная комбинація подворнаго, поземельнаго, класснаго и подоходнаго налоговъ будетъ шагомъ впередъ противъ нынѣшней системы прямыхъ налоговъ, — но и при такой комбинаціи едва ли можно будетъ признать исходъ реформы удовлетворительнымъ если она ограничится единственно перенесеніемъ тягости прямыхъ податей съ однихъ лицъ на другія, безъ общаго для всей страны серіознаго ихъ облегченія. Такое облегченіе можетъ быть достигнуто лишь перенесеніемъ части, и возможно большей части, податныхъ тягостей на косвенные налоги. Но есть ли у насъ такіе косвенные налоги на которые могла бы быть отнесена въ значительной мѣрѣ часть тѣхъ сборовъ которые взимаются нынѣ въ видѣ прямыхъ податей?

Не трудно убѣдиться что есть. Въ ряду источниковъ государственнаго дохода невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе одинъ менѣе всѣхъ другихъ напрягавшійся въ теченіи двухъ цѣлыхъ десятилѣтій. Этотъ источникъ — таможенные сборы Трудно указать такіе налоги и сборы которые не были бы болѣе или менѣе серіозно повышаемы въ видахъ удовлетворенія государственныхъ потребностей. Повышались и подушные оклады, и акцизы съ питей, соли и сахара, и гербовые сборы, и другіе налоги. Только таможенныя пошлины, вмѣсто повышенія, постепенно понижались при каждомъ новомъ пересмотрѣ тарифа*). Вліяніе манчестерской доктрины было такъ сильно что, напримѣръ, въ 1870 году, когда возбужденный въ 1859, но затѣмъ заглохшій вопросъ о податной реформѣ былъ снова подвергнутъ обсужденію, для замѣны подушныхъ сборовъ, на ряду съ подворнымъ, поземельнымъ, поразряднымъ и подоходнымъ налогами предлагалось даже повышеніе акциза съ соли, — но считалось невозможнымъ даже и подумать о возвышеніи таможеннаго тарифа. Теперь эта экономическая доктрина повсюду потеряла кредитъ, и едва ли можно допустить чтобы въ Россіи она могла быть серіознымъ препятствіемъ къ исправленію системы финансовъ признанной неудовлетворительною.

Нашъ таможенный тарифъ ославленъ чрезмѣрно высокимъ, излишне протекціон-

---

*) Сумма пошлинъ по отношенію къ цѣнности привоза по Европейской границѣ составляла: въ 1856 году (по тарифу 1850 года) около $19^{1}/_{4}$%; въ 1858 году (по тарифу 1857 года) около 18%; въ 1864 году — $17^{1}/_{4}$%; въ 1872—1875 годахъ уже менѣе 13%.

нымъ. Но таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Онъ можетъ быть признаваемъ и высокимъ, и протекціоннымъ по сравненію съ тарифами Англіи, Бельгіи и тому подобныхъ странъ, находящихся въ экономическихъ условіяхъ вовсе несоизмѣримыхъ съ тѣми въ какихъ находится Россія. Но высокъ ли нашъ тарифъ сравнительно съ тарифомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,—государства, коего экономическія условія наиболѣе сходны съ нашими? Какой процентъ съ цѣнности привозимыхъ въ Россію по Европейской границѣ товаровъ составляетъ взимаемая съ нихъ сумма таможенныхъ пошлинъ? Въ 1872 году этотъ процентъ былъ $12,_{72}\%$, въ 1873 году—$12,_{39}\%$, въ 1874 году—$12,_{37}\%$, въ 1875 году—$12,_{08}\%$. А какой процентъ съ цѣнности привоза составляетъ сумма таможеннаго дохода въ Америкѣ? Слишкомъ 29% *). Между тѣмъ какой таможенной политики естественнѣе намъ держаться, той ли которую находятъ выгодною страны находящіяся въ условіяхъ діаметрально противоположныхъ нашимъ, или той которую, по зрѣломъ обсужденіи, предпочла съ такою для себя выгодой страна сходная по экономическимъ условіямъ съ нашею?

Вопросъ не въ доктринахъ. Вопросъ о таможенномъ тарифѣ долженъ быть рѣшенъ сообразуясь лишь съ дѣйствительно существующими условіями и нуждами страны. А съ этой стороны въ настоящее время представляется множество соображеній требующихъ возвышенія нашихъ таможенныхъ пошлинъ. Не входя пока въ ихъ изложеніе, замѣтимъ что повышеніе тарифа требуется у насъ нынѣ необходимостью сократить размѣры привоза, растущаго въ сильной прогрессіи, какъ показываютъ офиціальныя данныя. Постоянное въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ паденіе нашего вексельнаго курса будетъ гораздо вѣрнѣе остановлено сокращеніемъ привоза чѣмъ мало надежною мѣрой изъятія изъ обращенія выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, мѣрой не давшею до сихъ поръ никакого результата.

Не послѣднимъ побужденіемъ принять серіозныя мѣры къ сокращенію нашего привоза служитъ и измѣненіе таможенной политики въ сосѣдней намъ Германіи, направленной нынѣ къ сокращенію отпуска изъ Россіи. Мы уже указывали въ № 106 *Московскихъ Вѣдомостей* на крайне невыгодный для Россіи балансъ нашей торговли съ Германіей, на постоянно громадный перевѣсъ привоза къ намъ товаровъ оттуда сравнительно съ размѣрами идущаго туда вывоза. Если проектированныя княземъ Бисмаркомъ пошлины на русскій хлѣбъ и скотъ, вопреки интересамъ германскихъ городовъ поражаемымъ этими пошлинами несравненно сильнѣе чѣмъ интересы русскихъ производителей, будутъ утверждены рейхстагомъ, балансъ русско-германской торговли, вслѣдствіе ограниченія нашего отпуска, сдѣлается для Россіи еще менѣе выгоднымъ чѣмъ прежде. А при такихъ условіяхъ, нельзя не подумать о мѣрахъ къ возстановленію равновѣсія путемъ сокращенія привоза, что, конечно, можетъ быть достигнуто лишь всестороннимъ пересмотромъ нашего таможеннаго тарифа.

Кстати. Упомянутая выше статья *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ сообщаетъ помѣщаемая ниже берлинская телеграмма, вызвала энергическія возраженія со стороны *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, служащей, какъ извѣстно, органомъ князя Бисмарка. Къ сожалѣнію, переданная по телеграфу выдержка изъ статьи названной берлинской газеты не даетъ полнаго понятія о сущности дѣлаемыхъ возраженій, и не сообщаетъ ни малѣйшей убѣдительности сдѣланному княземъ Бисмаркомъ въ парламентской рѣчи категорическому заявленію будто Россія процвѣтаетъ „главнымъ образомъ на счетъ нѣмецкаго кармана...“

№ 116.

Москва, 7-го мая.

Вчера мы привели текстъ австротурецкой конвенціи, заключеніе которой стоило столько труда австрійскимъ дипломатамъ. Девять мѣсяцевъ шли о ней переговоры, съ различными перерывами, сначала въ Вѣнѣ, потомъ въ Константинополѣ. Наконецъ, 21 апрѣля она была подписана участниками переговоровъ, но все еще остава-

*) Въ три года 1873, 1874 и 1875, привозъ въ Соединенные Штаты, въ совокупности, представилъ цифру 1.742.500.000 долларовъ, а таможенный доходъ въ итогѣ за эти три года, 508.361.079 долларовъ. То же процентное отношеніе оказывается и въ 1877 году, именно 130.956.493 долларовъ таможеннаго дохода при привозѣ на сумму 451.300.000 долларовъ.

лась въ секретѣ. Въ газеты попадалъ то одинъ, то другой клочокъ, какой случалось развѣдать назойливымъ репортерамъ, и при этомъ въ Вѣнѣ таинственно разсказывалось что опубликованію конвенціи препятствуетъ самъ султанъ, ибо боится тягостнаго впечатлѣнія на своихъ магометанскихъ подданныхъ. Однако конвенція явилась на свѣтъ не въ Вѣнѣ, а въ Константинополѣ, въ офиціозной газетѣ Турецкаго правительства *Turkuie*. Стало-быть мѣшкали опубликованіемъ въ Вѣнѣ чтобы постепенно подготовить общественное мнѣніе. Содержаніе конвенціи со стороны внѣшней вовсе не обидно Туркамъ. Изъ десяти статей составляющихъ документъ, въ семи идетъ рѣчь исключительно о правахъ султана и привилегіяхъ магометанъ въ Босніи и Герцеговинѣ, одна статья составляетъ простую оговорку и лишь въ двухъ упоминается объ Австро-Венгріи, объ ея правѣ руководить администраціей провинцій и содержать свои гарнизоны въ нѣкоторыхъ пунктахъ Ново-Базарскаго санджака. О послѣднемъ было всего болѣе рѣчи какъ въ переговорахъ между обѣими державами, такъ и въ постороннихъ толкахъ по этому поводу. Всего болѣе интересовалъ вопросъ, далеко ли подвинется конвенціей Австрія на юго-востокъ. „Au delà de Mitrovitza,“ „путь въ Салоники,“ были постоянно на устахъ многочисленныхъ приверженцевъ дѣятельной восточной политики Австріи, какъ въ Вѣнѣ такъ и Берлинѣ. Изъ добавленія къ конвенціи мы узнаемъ теперь что Австрія ограничивается пока посылкой пятитысячнаго гарнизона въ три пункта, Прибой, Преполье и Бѣлополье. Всѣ они расположены на переправахъ черезъ рѣку Лимъ, въ сѣверной части Ново-Базарскаго санджака, вдающейся узкимъ клиномъ между Сербіей и Черногоріей на узлахъ горныхъ дорогъ ведущихъ въ Боснію. Что касается до Рогозны-планины, служащей ключомъ санджака и господствующей надъ Новымъ-Базаромъ и надъ удобнымъ путемъ въ Митровицу, откуда уже идетъ желѣзная дорога въ Салоники, то занятіе этихъ высотъ Порта обусловила заключеніемъ съ ней поваго условія. Такую умеренность Австріи можно было предвидѣть. Опытъ занятія Босніи, стоившій ей 145 милліоновъ гульденовъ, мобилизаціи 300.000 человѣкъ и утраты 10.000 жизней, уже доказалъ ей что̀ значитъ насильственное „водвореніе порядка,“ хотя бы и подъ эгидой европейскаго полномочія. Движеніе далѣе внутрь Турціи стоило бы конечно несравненно большихъ жертвъ, а потому и пришлось ограничиться занятіемъ нѣкоторыхъ важныхъ въ стратегическоаъ отношеніи форпостовъ. Весьма понятно что когда, съ мѣсяцъ тому назадъ, возникли было слухи о намѣреніи Австрійскаго правительства съ весной двинуться далѣе, оно поспѣшило, посредствомъ офиціозной корреспонденціи *Пештскаго Ллойда*, охладить пылкія головы доказывая необходимость предварительно проложить пути для дальнѣйшаго движенія и воздвигнуть обезпечивающія его укрѣпленія, каковыя работы займутъ де нѣсколько мѣсяцевъ. Вопросъ о правѣ Австрійцевъ возводить какія имъ угодно укрѣпленія (вопросъ съ точки зрѣнія возможной потери Босніи для Турціи, весьма важный) вовсе не упомянутъ въ конвенціи, равно какъ и то что документъ толкуя о свободномъ обращеніи турецкихъ монетъ вовсе не упоминаетъ о включеніи занятыхъ правинцій въ таможенную область Австріи. А такое распространеніе таможенной границы, включая въ нее и Сербію, очень заботило австрійскихъ политиковъ.

Опубликованіе конвенціи сопровождалось въ Австріи криками негодованія. Всѣ независимые отъ министерства органы печати соперничаютъ въ обсужденіи политики графа Андраши, и впечатлѣніе ихъ рѣчей пока не могутъ ослабить смущенныя попытки офиціозныхъ органовъ „возстановить истинный смыслъ конвенціи.“ *Neue Freie Presse* называетъ Каратеодори-пашу великимъ дипломатомъ и констатируетъ фіаско политики австовенгерскаго канцлера. *Deutsche Zeitung* идетъ еще далѣе: она „ошеломлена“ (betäubt) конвенціей, и съ паѳосомъ требуетъ чтобъ императоръ отказалъ въ ея ратификаціи. Въ поднятомъ шумѣ весьма комически смѣшались и аннексіонисты, и противники дѣятельной политики. И тѣ, и другіе указываютъ на „пролитую кровь,“ на „принесенныя жертвы.“ Одни жалуются на безцѣліе затѣй подрывающихъ уже и безъ того плохое экономическое положеніе страны, другіе не могутъ перенесть вступительной формулы конвенціи гласящей что она не „должна нарушать *верховныхъ правъ* его величества султана надъ Босніей и Герцеговиной.“ Можно подумать что конвенція, будто разрывной снарядъ, разчитанно была пущена изъ Кон-

стантинополя какъ разъ въ то время когда въ Цислейтаніи начинается избирательная борьба для выборовъ въ рейхстратъ. Она послужитъ, конечно, многочисленнымъ депутатамъ удобною темой для эксплуатаціи избирателей, и въ Вѣнѣ весьма кстати сочинили что 112 депутатовъ, съ Гербстомъ во главѣ выдѣлившіеся изъ своей партіи, клуба лѣвой, потому что не хотѣли согласиться на оккупацію и одобрить восточную политику графа Андраши (продиктованную ему германскимъ канцлеромъ), нынѣ послали ему свои визитныя карточки, иронически поздравляя его съ „успѣхомъ."

Однако, въ самомъ ли дѣлѣ эта конвенція означаетъ такое пораженіе австрійской дипломатіи какъ пока кажется раздраженнымъ умамъ въ Вѣнѣ? Цѣли политики графа Андраши при движеніи на востокъ ни для кого не тайна, а методъ ея онъ не затруднился пояснить самъ назвавъ ее политикой „отъ случая до случая." Поощривъ возстаніе въ Босніи слишкомъ четыре года тому назадъ и воспламенивъ восточный пожаръ, онъ довелъ теперь дѣло до занятія Босніи и Герцеговины. Нынѣ, повидимому, онъ находитъ что первый подходящій „случай" миновалъ. Возбуждать какія-либо новыя усложненія на Балканскомъ полуостровѣ, не обезпечивъ пріобрѣтеннаго и не развязавъ себѣ руки во внутренней политикѣ, не въ его интересахъ. Заключеніемъ конвенціи, чего отъ него такъ настойчиво требовала оппозиція, онъ пока завершаетъ свое дѣло. Онъ сдѣлалъ при переговорахъ всевозможныя уступки, какія только могла придумать турецкая дипломатія для сохраненія престижа султанской власти, но всѣ эти уступки имѣютъ характеръ только теоретическій. Графъ Андраши не сомнѣвается, конечно, что поддержаніе Турціи и сохраненіе султанской власти есть только басня, и что окончательное разложеніе Турціи есть только вопросъ времени. А тогда что̀ станется съ этою конвенціей трактующею о „правахъ султана?" Очевидно графъ Андраши рѣшился выждать дальнѣйшаго „случая," памятуя Бисмарково изрѣченіе: *beati possidentes*. Но главное достигнуто: пріобрѣтенъ базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, утверждено разъединеніе Сербіи и Черногоріи. Остается лишь пожалѣть что при всѣхъ этихъ политическихъ и дипломатическихъ фокусахъ, на долю боснійскихъ и герцеговинскихъ христіанъ досталась только страдательная и страдальческая роль. Права магометанъ выговорены въ султанской конвенціи, а ихъ права?..

№ 117.

Москва, 8-го мая.

Не удивительно что теперь всѣ взоры устремлены на Восточную Румелію, и что объ исполненіи Берлинскаго трактата дѣлаются запросы въ англійскомъ парламентѣ. Теперь настало время когда должна была совершиться проба той сдѣлки которая была провозглашена торжествомъ англійской политики. Всѣ видятъ что въ Румеліи происходитъ совсѣмъ не то что̀ было предположено годъ тому назадъ. Но почему это? Никто не въ правѣ упрекнуть въ помѣхѣ Россію. Все что̀ зависѣло отъ ея воли, что̀ требовалось принятыми ею обязательствами, исполнено въ точности. Она, во вниманіи къ желаніямъ другихъ, и, какъ тогда говорили, въ интересѣ мира, дала согласіе на раздѣленіе и различное управленіе Болгаріи, и она не отступаетъ отъ своего слова. Въ чемъ же встрѣтилось затрудненіе? Для болгарскаго чувства, конечно, прискорбно это раздѣленіе, но не въ одномъ стремленіи Болгаръ къ національному единству встрѣтилась помѣха. Румынія существовала съ полвѣка въ видѣ двухъ раздѣльныхъ княжествъ, но каждое изъ нихъ пользовалось одинаковымъ обезпеченіемъ со стороны Турокъ. Призракъ новыхъ смутъ, опасенія новыхъ кровавыхъ столкновеній вызывались неувѣренностью относительно будущей участи многострадальнаго населенія Восточной Румеліи. Статутъ для провинціи вырабатывался европейскою коммиссіей, а вводить его предоставлялось чиновнику Порты, которому давалось по трактату право призывать турецкія войска для подавленія безпорядковъ. Горькимъ опытомъ было извѣдано христіанскими подданными Порты какъ исполняются султанскія реформы, и это недовѣріе къ обѣщанной автономіи было высказано болгарскими делегатами, гг. Гешовымъ и Янколовымъ въ меморандумѣ представленномъ ими г. Вадингтону и лорду Солсбери. Была распространена всеобщая увѣренность что на-

селенія Румеліи добровольно и мирно не покорятся созданному для них положенію.

Если, однако, румелійскіе Болгары теперь могутъ съ большею увѣренностью уповать что прошлое не вернется и что данныя имъ права не будутъ попраны, то единственно благодаря успокоительному слову Русскаго Монарха. Въ прокламаціи къ Болгарамъ Восточной Румеліи Государь Императоръ обратился къ нимъ со слѣдующими ободрительными словами:

„Обращаясь къ прошлому вашему и „сравнивая его съ тѣмъ новымъ положе-„ніемъ къ которому вы перейдете, вы *съ* „*довѣріемъ можете взирать на ваше бу*-„*дущее*. Отныне вы будете обезпечены въ „гражданскихъ правахъ вашихъ; жизнь, „честь и имущество ваши будутъ нахо-„диться подъ охраной законовъ, исполни-„телями которыхъ вы будете сами. Вамъ „даются широкія права самоуправленія и „возможность распоряжаться средствами „страны по собственному вашему усмо-„трѣнію. Наконецъ, во главѣ управленія „вашего будетъ всегда стоять братъ вашъ „по вѣрѣ, христіанинъ. Такимъ образомъ „за вами обезпечиваются права которыми „вы доселѣ не пользовались. Отъ васъ бу-„детъ зависѣть обратить ихъ на ваше бла-„го, на мирное и правильное развитіе граж-„данской жизни вашей. Будущность ваша, „Болгары Восточной Румеліи, теперь въ „рукахъ вашихъ.“

Но этого мало. Посланный Его Величествомъ въ Румелію генералъ Обручевъ, раздавая по городамъ и селамъ эту ободряющую прокламацію, привезъ съ собой и другую радостную вѣсть. Онъ говорилъ вездѣ жителямъ что, во вниманіе къ представленіямъ Государя Императора, султанъ согласился не оставить турецкихъ гарнизоновъ въ Балканахъ.

Итакъ, благодаря только ручательству Императора Всероссійскаго за будущее Болгарскаго народа, и этому неизбѣжному отступленію отъ буквы Берлинскаго трактата, обезпечивается, наконецъ, можно надѣяться, спокойствіе столь необходимое для Болгаръ какъ княжества, такъ и южной провинціи, послѣ всѣхъ перенесенныхъ ими страданій Въ Англіи теперь видятъ что иначе и быть не могло. Корреспонденты англійскихъ газетъ, въ письмахъ изъ Румеліи отъ послѣднихъ чиселъ апрѣля, предсказывали неизбѣжность кровопролитія если въ провинцію вступятъ турецкія войска. Англійскимъ министрамъ, конечно, не хочется, сознаться въ невозможности мирнаго исполненія того что̀ ими выставлялось прежде какъ самый важный результатъ ихъ стараній. Мы видѣли какъ маркизъ Солсбери убѣждалъ лордовъ что право занятія Балканъ все-таки остается за султаномъ, и что султанъ не могъ бы де отречься отъ него безъ согласія другихъ державъ, но что однако право не есть обязанность, и султанъ, какъ независимый государь, можетъ имъ пользоваться по своему усмотрѣнію, когда найдетъ это удобнымъ. Болѣе всего лорду Солсбери хотѣлось замять впечатлѣніе неопредѣленной отсрочки этого занятія, и объяснить согласіе султана не пользоваться теперь своимъ правомъ лишь какъ временную мѣру. Пусть англійскіе лорды ласкаютъ себя надеждой увидѣть турецкіе гарнизоны въ Балканахъ...

Послѣ того телеграммы принесли намъ новыя объясненія англійскихъ министровъ данныя во время преній въ палатѣ лордовъ 17 мая. Тонъ лорда Биконсфильда уже далеко не тотъ какимъ онъ говорилъ въ августѣ прошлаго года, увѣнчанный лаврами и украшенный Подвязкой по возвращеніи съ конгресса.

Основу своей политики британскій премьеръ излагаетъ теперь такъ: Россія побѣдила Турцію, и на ея притязанія необходимо было обратить вниманіе; правительство же ея величества всегда стремилось къ сохраненію Турціи какъ независимаго государства и всегда де полагало что единственнымъ средствомъ усилить Турцію будетъ улучшить положеніе ея подданныхъ... Говоря эти послѣднія слова, лордъ Биконсфильдъ конечно улыбнулся равно какъ и его слушатели, подобно римскимъ авгурамъ. Кому не извѣстно что всѣ старанія улучшить безъ войны положеніе христіанскихъ подданныхъ Турціи разстраивались именно противодѣйствіемъ Англіи? Цѣлью заботъ Англіи, какъ хвастали прошлымъ годомъ ея министры, было возвратить подъ непосредственную, военную и политическую, власть султана обширную провинцію отторгнутую отъ него войной. Но обозрѣвая теперь результаты этой политики, лордъ Биконсфильдъ, подобно тому какъ это сдѣлалъ прежде и лордъ Солсбери, могъ съ торжествомъ указать лишь на исполненіе тѣхъ частей Берлинскаго трак-

тата, о коихъ Англія отнюдь не хлопотала: признаніе независимости Сербіи и Румыніи, организація Болгарскаго княжества, присоединенія къ Черногоріи, это все результаты побѣдъ Россіи, а не Берлинскаго конгресса. О другихъ же результатахъ говорится глухо и апологетически.

Мы понимаемъ затруднительное положеніе англійскихъ министровъ прикрыть приличнымъ образомъ вынужденное отступленіе. Лорду Беконсфильду все еще хочется увѣрить всѣхъ что великіе результаты его политики „были *можетъ-быть* слѣдствіемъ присутствія англійскаго флота и твердаго тона о намѣреніяхъ британскаго правительства по отношенію къ Петербургу", но какое значеніе этой похвальбы когда тутъ же онъ вынужденъ прибавить что нельзя не признать, и онъ охотно признаетъ, что „Россія обнаружила духъ мудрой умѣренности и искренно желаетъ создать въ той части свѣта такое положеніе къ достиженію котораго Англія будетъ поддерживать ея усилія, не только въ интересѣ Россіи, но въ интересѣ всѣхъ." Лордъ Беконсфильдъ обѣщаетъ Россіи поддержку Англіи въ созданіи такого положенія котораго искренно желаетъ Россія, но у него не достало духа сказать въ какой мѣрѣ было это и для Англіи желательно...

Разумѣется, легко понять что все это относится ни къ чему другому какъ къ положенію Восточной Румеліи. Англійскій министръ не могъ бы впрочемъ говорить иначе, въ виду только что обнародованнаго новаго соглашенія между обѣими державами касательно Восточной Румеліи. Въ немъ Англія *обязывается* энергически требовать отъ Порты чтобъ она свято и неприкосновенно соблюдала права и привилегіи которыя будутъ дарованы Восточной Румеліи, а Россія въ замѣнъ, завѣряетъ что въ такомъ случаѣ Болгарское населеніе этой провинціи не должно ожидать отъ нея поддержки еслибъ оно не захотѣло мирно принять автономныя учрежденія. Это есть двухстороннее обязательство изложенное въ дипломатическомъ документѣ, который притомъ сообщенъ Портѣ.

Что же это означаетъ? То что положеніе для Восточной Румеліи еще не приведено въ исполненіе, и что оказалось невозможнымъ исполнить его безъ помощи и энергіи Россіи. Это явно обнаружилось и абортивнымъ планомъ смѣшанной оккупаціи. Пришлось пойти далѣе въ отступленіи отъ Берлинскаго трактата и дополнить его новою конвенціей. Россію хотѣли устранить, хвалились что устройство южной провинціи вырвано изъ ея рукъ и поставлено подъ эгиду Европы. Между тѣмъ пришлось просить чтобъ она помогла этому устройству, и дать ей за то формальную гарантію что оно не будетъ нарушено Портой. Припомнимъ съ какимъ шумомъ была Англіей отвергнута невинная форма гарантіи какая была въ Берлинскомъ меморандумѣ; припомнимъ какъ на конгрессѣ было отвергнуто предложеніе Россіи о коллективной гарантіи державами всѣхъ постановленій Берлинскаго трактата. И вотъ теперь Англія сама поручилась предъ Россіей за уваженіе Портой всѣхъ правъ для Румелійскихъ Болгаръ. Слѣдовательно, при малѣйшемъ нарушеніи ихъ Портой, Англія уже не въ правѣ возражать противъ заступничества Россіи. Портѣ же, съ другой стороны, извѣстно что ей уже нельзя разчитывать на заступничество Англіи.

Англійскимъ министрамъ выгоднѣе умалчивать также что и въ самомъ устройствѣ Восточной Румеліи пришлось допустить важныя перемѣны: право призыва турецкихъ войскъ въ провинцію для подавленія безпорядковъ уже не безусловно принадлежитъ губернатору назначенному султаномъ, а поставлено въ зависимость отъ согласія на это членовъ европейской коммиссіи, полномочія которой продолжены на годъ. Допуская возможность что англійскіе коммиссары всегда готовы дать согласіе на подобную мѣру, мы въ правѣ усомниться что большинство представителей державъ въ коммиссіи рѣшились быть соучастниками въ повтореніи Батакской рѣзни. Слѣдовательно, нельзя не видѣть въ этомъ новой гарантіи для Болгаръ Румеліи.

Итакъ, берлинскій трактатъ приводится въ исполненіе лишь благодаря существеннымъ отступленіямъ при его исполненіи.

№ 118.

Москва, 11-го мая.

Закономъ 7 марта сего года объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ относительно способовъ производства гражданскихъ взысканій, между прочимъ, предоставлено главноуправ-

ляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, согласовать статьи Свода Законовъ съ издаваемымъ узаконеніемъ, съ тѣмъ что если бы при этомъ встрѣтились вопросы требующіе законодательнаго разрѣшенія, то таковое испрашивалось бы установленнымъ порядкомъ."

Нельзя не пожелать чтобъ эта кодификаціонная работа относительно новаго закона была исполнена въ возможно-скоромъ времени, и чтобы возникшіе на практикѣ вопросы получили вмѣстѣ съ тѣмъ возможно-полное разрѣшеніе. Такихъ вопросовъ уже теперь накопилось не мало, хотя нельзя сказать чтобы всѣ они проистекали изъ дѣйствительной неполноты или неясности новаго закона. Гораздо больше затрудненій нежели законодательные пробѣлы и неточности (коихъ также отрицать нельзя) порождаетъ въ нашей судебной практикѣ канцелярское буквоѣдство, не умѣющее возвыситься до истинно-юридическаго толкованія, каторое никогда не упускаетъ изъ виду руководящей нити заключающейся въ основной мысли закона. Вотъ примѣръ: Указъ 7 марта, отмѣнивъ личное задержаніе какъ способъ взысканія съ неисправныхъ должниковъ, сохранилъ на будущее время, между прочимъ, *предварительный* арестъ должниковъ при производствѣ взысканій по векселямъ установленный въ стт. 654 и 655 Уст. о векс. *Московскія Вѣдомости*, обсуждая новый законъ на другой день послѣ опубликованія онаго (74 сего года), разъяснили эту мѣру въ томъ смыслѣ что ею хотя не вводится ничего новаго, но въ дѣйствитольности возстановляется всѣми забытая и нигдѣ не примѣняемая со времени судебнаго преобразованія привилегія векселя какъ спеціальнаго торговаго обязательства, вездѣ и всегда отличавшагося особою строгостью. Мы замѣтили что законъ 7 марта напомнилъ о томъ что приведенныя статьи вексельнаго устава никогда не были отмѣнены, и нынѣ получили новую силу; что законодатель не только счелъ нужнымъ вновь отмѣнить особенное свойство взысканій по векселямъ, независимо отъ того въ какомъ судѣ они производятся, но повидимому сознавалъ все значеніе этого припоминанія о существующемъ, но фактически потерявшемъ силу законѣ и, во избѣжаніе могущей отъ того произойти излишней строгости къ некупцамъ, счелъ нужнымъ ограничить въ будущемъ примѣненіе онаго исключительно къ такимъ векселямъ которые суть дѣйствительно торговое обязательство, съ какою цѣлію и вмѣнено въ обязанность министру юстиціи въ самомъ непродолжительномъ времени представить въ Государственный Совѣтъ свои соображенія о мѣрахъ для разграниченія выдаваемыхъ нынѣ въ формѣ векселей торговыхъ и неторговыхъ обязательствъ. Казалось бы что, въ виду всего этого, не можетъ быть сомнѣнія что, по мысли законодателя, торговое обязательство *должно быть* обставлено повсюду въ Россіи особою строгостью взысканія, и что признано нужнымъ сохранить эту строгость на будущее время. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ разрѣшенъ на практикѣ иначе. Мы не знаемъ пока примѣняется ли предварительный арестъ по вексельнымъ взысканіямъ по всей Россіи; но здѣсь, въ Москвѣ, дѣло это не обошлось безъ затрудненій. Вексельное отдѣленіе Московскаго Коммерческаго Суда, которому исполнительно подсудны всѣ взысканія по протестованнымъ векселямъ въ Москвѣ и Московскомъ уѣздѣ, стало удовлетворять ходатайства истцовъ о личномъ задержаніи отвѣтчиковъ по вексельнымъ взысканіямъ въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ стт. 654 и 655 Уст. о векс. На это выдавались исполнительные листы. Но рѣшенія Коммерческаго Суда приводятся нынѣ въ исполненіе судебными приставами состоящими при окружныхъ судахъ, а Окружный Судъ считаетъ невозможнымъ назначать судебныхъ приставовъ для приведенія въ исполненіе постановленій Коммеческаго Суда объ арестѣ должниковъ по векселямъ, признавая эти постановленія несогласными съ закономъ. Такимъ образомъ, постановленіе новаго закона относительно особенности вексельнаго взысканія пока парализовано въ Москвѣ, вслѣдствіе возникшаго пререканія между Коммерческимъ Судомъ и Окружнымъ.

Сверхъ того, означенный вопросъ встрѣтилъ возраженія и со стороны теоретическихъ толкователей новаго закона. Нашелся „юристъ," который въ особо изданной брошюрѣ, а затѣмъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, выступилъ съ рѣзкими нападками на *Московскія Вѣдомости*, а также на Коммерческій Судъ, доказывая что мы а за нами и Коммерческій

Судъ, неправильно истолковали законъ 7 марта, и что стт. 654 и 655 Уст. о векс., о коихъ сказано что „онѣ остаются въ силѣ на будущее время,“ не могутъ де быть примѣнены ни коммерческими судами, ни въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ введены уставы 20 ноября, а что правило о предварительномъ арестѣ можетъ де имѣть силу лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ взысканія по векселямъ не утратившимъ силы вексельнаго права, производятся *пока еще* (курсивъ въ подлинникѣ) полицейскимъ порядкомъ, за невведеніемъ новыхъ судебныхъ установленій. Этотъ выводъ куріозенъ уже тѣмъ что онъ придаетъ предварительному аресту по векселямъ значеніе переходной мѣры сохраняемой лишь тамъ гдѣ „пока еще“ не введены новыя судебныя установленія. Зачѣмъ бы законодатель счелъ нужнымъ такъ бережно относиться къ порядку полицейскихъ взысканій, существующихъ лишь временно въ сравнительно небольшомъ районѣ и подлежащихъ отмѣнѣ въ ближайшемъ будущемъ, между тѣмъ какъ тѣмъ же закономъ личное задержаніе вообще отмѣнено повсемѣстно, этого нашъ критикъ не счелъ нужнымъ разъяснить. Не смущаетъ его и то что законодатель предположилъ издать особыя правила въ видахъ разграниченія на будущее время торговыхъ и неторговыхъ векселей дабы особенная строгость вексельныхъ взысканій примѣнялась лишь къ тѣмъ лицамъ которые могутъ себѣ отдавать отчетъ о значеніи денежнаго обязательства имѣющаго форму векселя. До этой столь ясной основной мысли новаго закона относительно векселей нашему критику нѣтъ дѣла. Онъ всетаки утверждаетъ что *п. а* ст. 1 указа Правительствующему Сенату, отъ 7 марта, имѣлъ лишь ту цѣль чтобы сохранить неприкосновенными всѣ особенности порядка полицейскихъ взысканій тамъ гдѣ этотъ порядокъ временно существуетъ, въ ожиданіи давно рѣшеннаго упраздненія онаго. Есть ли тутъ хоть какой нибудь смыслъ, въ особенности если принять во вниманіе что новый законъ радикально измѣнилъ весь порядокъ гражданскихъ взысканій и личное задержаніе призналъ вообще мѣрой не нужною? Но не менѣе куріозенъ и тотъ способъ толкованія который привелъ комментатора къ подобному выводу. Толкованіе это основано на томъ что въ инструкціи министра юстиціи „о порядкѣ внутренняго дѣлопроизводства въ особомъ отдѣленіи Московскаго Коммерческаго Суда,“ изданнаго въ 1876 году, допущено только два вида обезпеченія вексельныхъ исковъ: наложеніе запрещенія на недвижимое имущество и арестъ движимаго Но, не говоря уже о томъ что *инструкція* министра не можетъ быть отмѣной *закона* и что позднѣйшій законъ во всякомъ случаѣ можетъ дополнить и расширить предыдущій о томъ же самомъ предметѣ, упомянутая министерская инструкція и не претендовала на установленіе какихъ-либо правилъ по матеріальному праву, а трактовала лишь о внутреннемъ дѣлопроизводствѣ, то-есть о канцелярскомъ порядкѣ. Между тѣмъ, *отсутствіе* въ этой министерской инструкціи указанія на предварительный арестъ по векселямъ выставляется *единственнымъ* аргументомъ въ пользу того положенія что постановленіе позднѣйшаго Высочайшаго указа не должно имѣть никакой силы!

Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать чтобы вопросъ о примѣненіи предварительнаго ареста по вексельнымъ взысканіямъ не нуждался въ разъясненіяхъ и въ согласованіе съ подлежащими статьями Свода Законовъ, и учрежденіе на которое возложено это дѣло окажетъ истинное благодѣяніе нашей судебной практикѣ изданъ какъ можно скорѣе ожидаемыя разъясненія. Арестъ о коемъ говорится въ стт. 654 и 655 Уст. о векс. названъ въ законѣ 7 марта *предварительнымъ*; но въ самыхъ статьяхъ мы этого термина не находимъ. И понятно почему. Въ Уставѣ о векселяхъ, изданномъ въ 1832 году, не было надобности строго разграничивать производство судебнаго *дѣла* отъ процесса сопряженнаго съ исполненіемъ судебнаго *рѣшенія*. Вексель, какъ вообще безспорное обязательство, предъявлялся въ полицію. Полиція, по вексельному взысканію, прямо приступала къ аресту и продажѣ имущества должника, въ случаѣ неплатежа въ теченіе 24 часовъ. На время между арестомъ имущества и публичною продажей онаго, съ должника требовалось поручительство въ неотлучкѣ изъ мѣста пребыванія, и личный арестъ допускается указанными статьями на тотъ случай если такое поручительство будетъ признано ненадежнымъ, или если по недостатку движимаго имущества взысканіе обращено будетъ на недвижимое.

Теперь нѣтъ вовсе безспорныхъ взысканій. Каждое дѣло проходитъ сначала

стадію производства въ судѣ, и принудительныя мѣры допускаемыя до постановленія рѣшенія суть лишь мѣры *обезпеченія* иска. Личный арестъ который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшается закономъ противъ должника по векселю названъ теперь *предварительнымъ*, то-есть такимъ который можетъ быть принятъ какъ мѣра обезпеченія иска, и только какъ мѣра обезпеченія, потому что лишеніе свободы, какъ мѣра гражданскаго взысканія по рѣшенію уже состоявшемуся, отмѣнена и по отношенію къ вексельнымъ взысканіямъ. Вотъ почему редакція статей 654 и 655 уст. о векс. разчитанныхъ на совершенно иной порядокъ производства нежели тотъ который принятъ нынѣ какъ въ окружныхъ и мировыхъ, такъ и въ коммерческихъ судахъ, становится крайне неточною и нуждается въ разъясненіяхъ которыя согласовали бы ее съ правилами теперешняго гражданскаго процесса. Но разъясненія эти могутъ быть даны и внѣ законодательнаго пути, ибо мысль законодателя уже выражена совершенно ясно; требуется только согласованіе закона устарѣвшаго по формѣ съ позднѣйшими узаконеніями. Въ сущности, предварительный арестъ по векселямъ совершенно параллеленъ „отобранію подписки о невыѣздѣ," которая вновь установлена закономъ 7 марта какъ мѣра обезпеченія иска. И то и другое есть ограниченіе свободы лица въ интересахъ точнаго исполненія будущаго предписанія суда. Для векселей допущено лишь болѣе строгое ограниченіе личной свободы. Отобраніе подписки введено вполнѣ въ существующій порядокъ производства. Остается сдѣлать то же самое и относительно предварительнаго ареста по векселямъ.

№ 119.

Москва, 12-го мая.

Полное изложеніе преній бывшихъ въ англійской палатѣ лордовъ 16 мая, принесенное намъ англійскими газетами, отнюдь не измѣняетъ впечатлѣнія какое должно было произвести телеграфное сообщеніе о нихъ, а скорѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Рѣчи министровъ были переданы въ телеграммахъ съ достаточною полнотой, и онѣ дѣйствительно были не болѣе какъ весьма натянутыми оправданіями неудачъ, рѣзко противорѣчащихъ прошлогодней похвальбѣ. Но изъ полнаго изложенія мы яснѣе видимъ въ какомъ неловкомъ положеніи находилось правительство защищая послѣдовательность и успѣхъ своей политики наперекоръ очевидности. Дѣло въ томъ что прошлогоднія хвастливыя рѣчи о торжествѣ Биконсфильдовской политики на Берлинскомъ конгрессѣ весьма ловко припоминаются теперь оппозиціей чтобы поставить ихъ въ контрастъ съ нынѣшнимъ *исполненіемъ* Берлинскаго трактата, и не только оппозиціей, а весьма многими и изъ рьяныхъ приверженцевъ торійскаго министерства, изъ тѣхъ завзятыхъ руссофобовъ и туркофиловъ которые приняли эту похвалу за чистую монету и теперь крайне разочарованы тѣмъ что не видятъ турецкихъ гарнизоновъ на Балканахъ. Такъ ультра-торійская *Pall Mall Gazette* едва скрываетъ свое негодованіе: „Намъ кажется что правительство совершаетъ величайшую ошибку настаивая на увѣреніи что Берлинскій трактатъ, его планъ и цѣли, или уже исполнены или исполняются. Это совершенно безполезное заявленіе, которое, въ виду очевидности фактовъ, никого не убѣдитъ." А оппозиціонные органы, разумѣется, злорадно вторятъ этому. „Десять мѣсяцевъ тому назадъ," замѣчаетъ *Economist*, „защитники Берлинскаго трактата главнымъ образомъ старались доказать важное значеніе той статьи которая дала Туркамъ пограничную линію Балканъ. Ни одинъ консервативъ не думалъ тогда что не пройдетъ и года какъ статья эта на дѣлѣ будетъ упразднена. Чѣмъ болѣе энтузіазма возбуждало въ нихъ постановленіе оставлявшее Восточную Румелію не только по имени, но и фактически турецкою территоріей, тѣмъ тяжеле имъ теперь перенести доказательство что сдѣлка которую они считали столь необходимою выброшена за бортъ самими авторами. Еще непріятнѣе будетъ убѣдиться что если правительство согласилось подъ конецъ принять то уложеніе которое оно такъ сильно заботилось вначалѣ ниспровергнуть, то деньги потраченныя на это ниспроверженіе просто брошены. Даже нынѣшняя палата общинъ едва ли дала бы сэръ-Стаффорду Норткоту шесть милліоновъ еслибъ ей было сказано что въ маѣ 1879 года зловредныя статьи Санъ-Стефанскаго трактата будутъ

возстановлены попросту тѣмъ что квалификаціи коимъ онѣ были подвергнуты въ Берлинѣ останутся безъ дѣйствія."

Глашатаемъ подобныхъ изобличеній и выступилъ герцогъ Аргайль въ преніяхъ которыя были возбуждены имъ въ палатѣ лордовъ 16 мая. Въ рѣчи длившейся болѣе двухъ часовъ, онъ съ безпощадною иронией изобличалъ результаты правительственной политики, сравнивая ихъ съ тѣми заявленіями въ которыхъ министрами прежде объяснилась ея цѣль. Онъ поздравлялъ министерство съ полною побѣдой какую оно имѣло въ парламентѣ, сокрушивъ и разбивъ въ прахъ оппозицію. Но къ чему послужили эти успѣхи, эти громадныя большинства, на каждомъ шагу восторженно поддерживавшія правительство? Отчего министры теперь обнаруживаютъ такую нервность. обидчивость при упрекахъ въ промахахъ, отчего въ ихъ рѣчахъ, вмѣсто торжествующихъ нотъ, явственно слышатся досада и разочарованіе? „Оттого, объяснялъ герцогъ Аргайль, что хотя ваши мнѣнія восторжествовали въ парламентѣ, наши мнѣнія восторжествовали въ мірѣ; и вы это знаете." И ораторъ доказывалъ что толкованія данныя министрами Англійскому народу относительно Берлинскаго трактата были не что̀ иное какъ великій политическій обманъ, и что „этотъ Берлинскій трактатъ во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ есть не что̀ иное какъ блѣдная копія Санъ-Стефанскаго трактата, съ немногими, сравнительно неважными, а подчасъ и зловредными перемѣнами." Исходя изъ того пункта что правительство бралось урѣзать могущество Россіи и вновь поставить на ноги Турцію, а потомъ хвасталось что достигло этого Берлинскимъ трактатомъ, герцогъ Аргайль утверждалъ что ничего этого не сдѣлано. По его словамъ, Берлинскій трактатъ ослабилъ Турцію, лишивъ ее не только обширныхъ провинцій, но и независимости относительно оставшихся владѣній, обязавъ Порту ввести въ нихъ реформы подъ контролемъ державъ; трактатъ этотъ не ослабилъ и могущества Россіи, которая пріобрѣла Бессарабію, Батумъ, Карсъ. Въ этомъ конечно виденъ реторическій пріемъ. Герцогу Аргайлю также хорошо извѣстно какъ и всѣмъ что не Берлинскій трактатъ, а война лишила Турцію провинцій и утвердила за Россіей ея завоеванія. Онъ только хотѣлъ этимъ сказать что Англійское правительство, вопреки своему хвастовству, не могло уничтожить результатовъ войны, что для этого Англіи пришлось бы самой рѣшиться воевать съ Россіей. Иронія слишкомъ очевидна, но лордъ Беконсфильдъ прикинулся что понялъ слова герцога Аргайля въ буквальномъ смыслѣ и возразилъ что его рѣчь есть де не болѣе какъ страстный доводъ въ пользу войны въ Россіей. Самъ же оправдывался указывая что критики министерской политики и Берлинскаго трактата забываютъ бывшую предъ конгрессомъ войну, фактовъ коей нельзя же было не принять во вниманіе. Это неловкое оправданіе есть не болѣе какъ невольное признаніе что самъ лордъ Беконсфильдъ въ сущности никогда и не помышлялъ о войнѣ противъ Россіи чтобъ уничтожить плоды ея побѣдъ надъ Турціей, что̀, впрочемъ, мы и безъ него давнымъ-давно знали.

Что герцогъ Аргайль говорилъ иронически, это явствуетъ изъ того что самъ онъ очень доволенъ какъ результатами войны, такъ и неудачами правительственной политики. Вотъ какъ отзывается онъ о Берлинскомъ трактатѣ: „Съ этимъ Берлинскимъ трактатомъ мы можемъ посмѣяться надъ вашими парламентскими побѣдами. Нашимъ желаніемъ, по крайней мѣрѣ моимъ, было чтобы Турція, какъ имперія въ Европѣ, была разрушена. Вы сдѣлали это. Что касается похвальбы министровъ которые по возвращеніи изъ Берлина говорили что они принесли „„миръ съ честью,"" то мнѣ кажется что это было отступленіемъ съ хвастовствомъ." Ораторъ великодушно прощаетъ правительству его неудачи: „Я не расположенъ порицать правительство за всякое отступленіе отъ Берлинскаго трактата. Я говорю что не было бы никакого ущерба для чести и кредита, а доставило бы большую честь и кредитъ еслибы правительство согласилось на измѣненіе той статьи трактата которая относится къ занятію Балканъ турецкими гарнизонами."

Если герцогъ Аргайль чѣмъ недоволенъ въ результатахъ дѣйствій правительства, такъ это тѣмъ, вопервыхъ, что будущность Турціи оставлена въ полномъ смятеніи (*in complete confusion*) и, вовторыхъ, что интересы населеній юго-восточной Европы остались отождествленными съ интересами Россіи. „Читали ли вы, милорды,

спросилъ онъ обращаясь къ палатѣ, отчетъ о послѣднемъ засѣданіи Болгарскаго собранія? Имя Англіи ни разу не было упомянуто. Весь энтузіазмъ былъ обращенъ къ Россіи, къ русскай арміи, къ Русскому Императору какъ освободителю страны, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Вся благодарность страны отдана Россіи.“ Да и дѣйствительно, за что же и кто бы могъ выразить благодарность лорду Беконсфильду съ его товарищами?

Эта страстная филиппика герцога Аргайля, о которой агентство барона Рейтера, въ телеграммѣ о засѣданіи палаты лордовъ, упомянуло лишь въ двухъ словахъ, объясняетъ намъ смущеніе и неловкость министровъ. О рѣчахъ этихъ послѣднихъ мы уже достаточно говорили. Намъ остается развѣ указать на одно заслуживающее вниманія обстоятельство. Единственнымъ неоспоримымъ, неопровержимымъ результатомъ политики выраженной въ Берлинскомъ трактатѣ на который могли сослаться англійскіе министры было занятіе Босніи и Герцеговины Австріей, и вотъ какъ они отзывались объ этомъ: „Раздираемыя смутой Боснія и Герцеговина, сказалъ лордъ Беконсфильдъ, поставлены подъ управленіе Австріи, которая такимъ образомъ является барьеромъ противъ славянскаго напора.“ Также говорилъ и лордъ Солсбери: „Желая поставить преграду наплыву славянскихъ принциповъ, мы поступили благоразумно обративъ взоры не только на Порту, но и на Австрію. Я держусь мнѣнія что занятіе Босніи и Герцеговины Австріей есть одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ нами достигнутыхъ.“ Къ благодарности народовъ, о которой упоминалъ герцогъ Аргайль, лордъ Солсбери отнесся съ презрѣніемъ, замѣтивъ что онъ не знаетъ въ исторіи ни одного такого случая. Но замѣчательнѣе всего что говоритъ онъ о самой Турціи: „Мы не можемъ оживлять мертвыхъ, и если вѣрны мрачныя предсказанія которыя мы слышимъ съ другой стороны, то конечно старанія дипломатовъ безполезны. Но во всякомъ случаѣ мы дали время удостовѣриться основательны ли эти предсказанія, и отстрочили катастрофу которая будетъ одною изъ ужаснѣйшихъ для міра когда наступитъ. Вотъ результатъ достигнутый, какъ мы полагаемъ, Берлинскимъ трактатомъ.“ Слова эти показываютъ что англійскіе министры, какъ ни стараются придать благовидную наружность дѣлу рукъ своихъ, сами не вѣрятъ въ его прочность.

№ 121.

Москва, 14-го мая.

Едва началось въ Германіи обсужденіе проектированной княземъ Бисмаркомъ таможенной реформы, какъ уже сразу обнаружилось что первенствующее значеніе въ ней имѣютъ пошлины на русскіе продукты вообще и на хлѣбъ въ особенности. Изо всѣхъ рѣшеній на которыхъ остановилась занимавшаяся пересмотромъ таможеннаго тарифа коммиссія Союзнаго Совѣта, прежде всѣхъ обратили на себя вниманіе и сдѣлались предметомъ горячихъ споровъ не иные пункты тарифа, а именно тѣ что касаются предметовъ вывоза изъ Россіи. Самъ виновникъ реформы, можно сказать, ни на чемъ другомъ не настаивалъ съ такою силой какъ именно на установленіи пошлинъ на русское сырье. Около этихъ именно пунктовъ реформы сосредоточилась, какъ извѣстно, наиболѣе упорная борьба партій, какъ въ самомъ рейхстагѣ такъ и за его стѣнами. Агитація противъ нихъ была очень сильна, и нѣкоторое время можно было думать что главный пунктъ таможенной реформы будетъ отвергнутъ парламентскимъ большинствомъ, и что для осуществленія своихъ плановъ князь Бисмаркъ распуститъ нынѣшній рейхстагъ и созоветъ новый изъ болѣе сговорчивыхъ депутатовъ. Но вся эта агитація и всѣ попытки энергическаго парламентскаго сопротивленія оказались безсильны предъ его непреклонною волей. Произошла полная перетасовка партій, президентъ рейхстага г. Форкенбекъ, по его выраженію, „потерялъ всякое довѣріе къ ходу дѣлъ въ настоящее время“ и отказался отъ занимаемаго имъ мѣста, почти весь личный составъ парламентскаго бюро перемѣнился для противовѣса агитаціи городскихъ представителей выдвинулась агитація въ пользу установленія на хлѣбъ еще болѣе высокихъ пошлинъ чѣмъ какихъ требуетъ князь Бисмаркъ, и рейхстагъ въ концѣ концовъ огромнымъ большинствомъ 226 голосовъ противъ 109 утвердилъ пошлины на хлѣбъ въ томъ видѣ какъ онѣ предложены въ правительственномъ законопроектѣ.

Правда, побѣда одержанная княземъ Бисмаркомъ пока еще не можетъ назваться полною. Многое, и весьма существенное, въ вопросѣ о пошлинахъ на хлѣбъ еще не рѣшено окончательно. Пошлины на хлѣбъ привозимый въ Германію утверждены, но вопросъ о хлѣбѣ проходящемъ черезъ Германію въ другія страны остался открытымъ, и по этому послѣднему вопросу рейхстагъ пока еще не выказалъ полной покорности своему ментору. Предложенія объ облегченіи транзитной перевозки хлѣба дѣлаются одно за другимъ; рѣчь за рѣчью произносятъ противъ этихъ облегченій и самъ князь Бисмаркъ, и его подручники, но ихъ краснорѣчіе еще не увѣнчалось пока успѣхомъ. Вопреки всѣмъ ихъ доводамъ, требующія облегченій транзита предложенія г. Рюккерта и бывшаго министра финансовъ г. Дельбрюка не были отвергнуты, а переданы на обсужденіе въ тарифную коммиссію. Такимъ образомъ для борьбы остается еще широкое поле, и конечно не безъ упорнаго сопротивленія покинетъ это поле новообразующаяся, подъ водительствомъ гг. Форкенбека и Ласкера, лига противъ хлѣбныхъ законовъ. Противники князя Бисмарка отлично знаютъ что вопросъ о транзитѣ хлѣба несравненно важнѣе вопроса о наложеніи пошлинъ на хлѣбъ ввозимый для потребленія въ самой Германіи, ибо для внутренняго потребленія ввозится въ Германію сравнительно малое количество хлѣба, а транзитомъ провозятся цѣлыя массы зерна, и именно отъ этого транзита зависитъ въ большой мѣрѣ благосостояніе приморскихъ германскихъ городовъ. Естественно что представители этихъ городовъ и ихъ парламентскіе сторонники напрягнутъ всѣ свои усилія къ разрушенію плановъ германскаго канцлера, но сомнительно чтобъ и сами они вѣрили въ благопріятный исходъ этихъ усилій. Не увѣренностью, а отчаяніемъ звучала рѣчь г. Форкенбека на съѣздѣ представителей германскихъ городовъ, гдѣ онъ приглашалъ всѣ либеральныя партіи сплотиться для борьбы противъ хлѣбныхъ пошлинъ и не прекращать ся пока эти пошлины не будутъ отмѣнены.... въ одну изъ слѣдующихъ сессій. Не такимъ бы языкомъ говорили противники князя Бисмарка еслибы въ душѣ у нихъ не было горькаго сознанія что всѣ попытки сопротивленія будутъ безуспѣшны.

Энергія обнаруженная княземъ Бисмаркомъ во всемъ этомъ дѣлѣ по истинѣ удивительна. Мастерскою рукой ведетъ онъ его, показавъ міру невиданный доселѣ образчикъ ловкаго умѣнья играть парламентскими партіями какъ маріонетками. Но ради чего исполненъ имъ этотъ блестящій кунстштюкъ? Какими соображеніями и цѣлями вдохновляется онъ въ своей нынѣшней изумительной дѣятельности? Правда, онъ не скупится на изложеніе своихъ мотивовъ. Извѣстно что говорливость и откровенность германскаго канцлера, на ряду со скрытностью и молчаливостью графа Мольтке, вошли чуть не въ пословицу. Но при всемъ томъ князь Бисмаркъ далеко не всегда высказываетъ истинныя побужденія и виды которыми руководится, какъ показали это, между прочимъ, разъясненные недавно имъ самимъ мотивы заключенія торговаго договора съ покойнымъ Наполеономъ III. Едва ли онъ много откровеннѣе и въ изложеніи какъ тѣхъ соображеній которыя легли въ основу его нынѣшнихъ финансовыхъ плановъ вообще, такъ и въ особенности тѣхъ въ силу коихъ онъ придаетъ такое важное значеніе наложенію пошлинъ на главные предметы русскаго отпуска. Каковы бы ни были, впрочемъ, тайные мотивы законопроектовъ объ этихъ пошлинахъ, не лишены интереса и тѣ которыхъ въ Берлинѣ вовсе не находятъ нужнымъ скрывать.

Первоначально, хлѣбныя пошлины, какъ извѣстно, истолковывались какъ охрана германскаго земледѣлія отъ русской конкурренціи и германскихъ кармановъ отъ русской эксплуатаціи. „Наши ворота теперь слишкомъ настежь отворены для избытка произведеній чужихъ странъ,“ говорилъ князь Бисмаркъ обращаясь къ рейхстагу въ рѣчи произнесенной имъ 2 мая. „Избытокъ иностраннаго производства мѣшаетъ оживленію туземнаго промышленнаго оборота. Намъ остается лишь нѣсколько притворить ворота, и мы увидимъ что нѣмецкій рынокъ, еще сегодня такъ сильно эксплуатируемый заграничнымъ производствомъ, завтра будетъ свободенъ для нѣмецкаго производства.“ „Германскому землевладѣльцу слѣдуетъ лишь обезпечить германскій рынокъ,“ сказалъ онъ въ другой своей парламентской рѣчи, доказывая необходимость наложенія пошлинъ на хлѣбъ. Эти аргументы находятся въ прямой связи съ настойчиво повторяемыми и въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ,* и въ рѣчахъ самого князя Бисмарка завѣреніями что

неожиданно обнаружившіеся въ Россіи послѣ недавней войны признаки экономическаго благосостоянія суть результатъ того что русскіе хлѣботорговцы наживаются на счетъ нѣмецкихъ кармановъ. Въ дѣйствительности не только не оказывается никакой эксплуатаціи этихъ кармановъ Россіей, а напротивъ въ теченіи долгаго ряда лѣтъ замѣчалась сильная, бросающаяся въ глаза эксплуатація русскихъ кармановъ Германіей,—о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и яркія цифровыя данныя приведенныя въ № 106 *Московскихъ Вѣдомостей*. Извѣстно также что русскаго хлѣба въ самой Германіи сбывается весьма не много; что нашъ хлѣбъ идетъ туда главнымъ образомъ не для потребленія въ самой Германіи, а для перепродажи въ другія страны,—въ Англію, въ Швецію, въ Норвегію, въ Данію, въ Голландію, въ Бельгію, во Францію, даже въ Италію. Германскимъ карманамъ приходится такимъ образомъ платиться лишь за малую долю русскаго хлѣба остающуюся въ Германіи, а вся остальная масса этого хлѣба, проходящая чрезъ Германію, такъ сказать, только транзитомъ, служитъ къ обогащенію кармановъ германскихъ торговцевъ, ибо платиться за нее приходится не германскимъ, а чужимъ—англійскимъ, голландскимъ, французскимъ и т. д. карманамъ. Само собою разумѣется что въ видахъ обезпеченія германскимъ землевладѣльцамъ *внутренняго* рынка могла идти рѣчь о наложеніи пошлины только на хлѣбъ предназначенный для сбыта именно на внутреннемъ германскомъ рынкѣ, а не на тотъ хлѣбъ который лишь проходитъ чрезъ Германію для сбыта на рынкахъ *иностранныхъ*. Не таковъ характеръ пошлинъ установленія коихъ такъ энергически добивается князь Бисмаркъ. Совершая наложеніемъ пошлинъ „актъ справедливости" по отношенію къ германскимъ землевладѣльцамъ, князь Бисмаркъ вообще находитъ что пошлины на хлѣбъ суть также актъ справедливости и для землевладѣльцевъ Голландіи, Англіи, Сѣверной Франціи. А такъ какъ правительства этихъ странъ небрегутъ оказаніемъ своему землedѣлію этого акта справедливости, то князь Бисмаркъ беретъ на себя оказать имъ эту справедливость наложеніемъ пошлинъ на русскій хлѣбъ сбываемый въ эти страны чрезъ Германію!!! Германскія таможенныя пошлины на хлѣбъ должны воспрепятствовать русскимъ хлѣбнымъ торговцамъ наживаться не только на счетъ германскихъ, но и на счетъ всякихъ другихъ кармановъ. Странамъ потребляющимъ идущій чрезъ Германію русскій хлѣбъ, конечно, не будетъ никакой выгоды отъ того что часть платы за него будетъ поступать въ германскую казну, но за то русскіе карманы не останутся безъ ущерба. И однако *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* не краснѣя утверждала на дняхъ что въ мотивахъ германской таможенной реформы обнаружившееся послѣ войны экономическое преуспѣваніе Россіи, объясняемое усилившимся сбытомъ ея хлѣба, не играетъ никакой роли, а имѣется де въ виду лишь упадокъ германскаго благосостоянія въ экономической и особенно въ сельско-хозяйственной области.... Но нѣсколько дней спустя послѣ такого утвержденія князь Бисмаркъ не церемонясь высказался откровеннѣе. „Пошлина на хлѣбъ," торжественно объявилъ онъ въ рейхстагѣ, „удобна для таможенной борьбы съ Россіей." Онъ былъ бы, впрочемъ, еще ближе къ истинѣ если бы сказалъ что пошлины эти имѣютъ совершенно одинаковую цѣль съ тою агитаціей которая еще недавно такъ энергично велась изъ Берлина подъ видомъ огражденія не одной Германіи, но и всей Европы отъ мнимой чумной заразы, грозившей будто бы изъ Россіи опасностью всему міру.

Какъ можно полагать, не простая случайность и то что князь Бисмаркъ сдѣлался рьянымъ финансистомъ и экономистомъ именно съ той поры какъ обозначилось что выпуски бумажныхъ денегъ и паденіе нашихъ вексельныхъ курсовъ не только не повели къ разоренію Россіи, считавшемуся неизбѣжнымъ, а напротивъ сопровождались улучшеніемъ всѣхъ нашихъ торговопромышленныхъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ наши экономисты, которымъ туманъ доктрины мѣшаетъ видѣть происходящее въ дѣйствительности, не находили достаточно мрачныхъ красокъ чтобы живописать воображаемое бѣдственное положеніе въ которомъ будто бы очутилась Россія, князь Бисмаркъ принялъ къ свѣдѣнію не воображаемые, а дѣйствительные признаки ея возрастающаго экономическаго благосостоянія, и чтобъ уменьшить для нея шансы освобожденія отъ экономической зависимости отъ Германіи, не замедлилъ озаботиться урѣзкой и ограниченіемъ выгодности для Россіи ея отпускной торговли,

поощренной пониженіемъ курсовъ. Подъ предлогами мнимой русской чумы и мнимой эксплуатаціи Русскими германскихъ кармановъ, одинъ за другимъ стали воздвигаться барьеры русскому преуспѣванію, то въ видѣ карантинныхъ, то въ видѣ таможенныхъ преградъ.

Не разъ уже, впрочемъ, случалось замѣчать что направляемыя противъ русскаго отпуска таможенныя мѣры князя Бисмарка не произвели въ Россіи особеннаго впечатлѣнія. У насъ не произошло ничего похожаго на ту тревогу какую забили германскіе города. Объясняется это, конечно, тѣмъ что стѣсненіе провоза русскаго хлѣба чрезъ Германію могло бы лечь серіозною и неотвратимою тяжестью на русскую хлѣбную торговлю лишь въ томъ случаѣ еслибъ у насъ для заграничнаго сбыта не было иного пути кромѣ германскихъ портовъ. Но при возможности сбывать какъ хлѣбъ такъ и другіе продукты, вмѣсто германскихъ, чрезъ русскіе балтійскіе и черноморскіе порты, у насъ мало оказывалось людей наклонныхъ огорчаться тѣмъ что нашъ сбытъ приметъ иное, притомъ болѣе согласное съ русскими интересами, направленіе. Общему успокоенію въ этомъ отношеніи особенно способствовали принимаемыя нашимъ правительствомъ мѣры къ облегченію товарнаго движенія къ русскимъ портамъ. И по мѣрѣ того какъ утверждалась увѣренность въ выгодахъ какія извлекутъ изъ этого русскіе портовыя города, въ Германіи все сильнѣе и сильнѣе убѣждались въ ущербѣ который понесутъ вслѣдствіе этого германскіе порты. Князь Бисмаркъ взялъ на себя трудъ разсѣять русскія иллюзіи, и германскія опасенія. Русскій хлѣбъ непремѣнно будетъ провозиться чрезъ Германію, объявилъ онъ въ засѣданіи рейхстага 21 мая, безъ сомнѣнія въ полной увѣренности что эти слова его произведутъ большее впечатлѣніе чѣмъ всѣ мѣры принимаемыя русскимъ правительствомъ для облегченія вывоза русскихъ продуктовъ помимо германскихъ портовъ... „Торговля балтійскихъ портовъ Германіи не пострадаетъ,“ сказалъ онъ между прочимъ; „пошлина падетъ преимущественно на привозящаго; русская торговля не можетъ обойтись безъ германскаго капитала.“

Выраженная столь рѣзко увѣренность что русскому хлѣбу не миновать провоза чрезъ Германію и не избѣжать уплаты дани въ ея пользу, безъ сомнѣнія, должна на чемъ-нибудь основываться. Всего легче эта увѣренность можетъ опираться на ошибкахъ допущенныхъ у насъ при постройкѣ нашей желѣзнодорожной сѣти. У насъ, къ сожалѣнію, не малому числу дорогъ дано такое направленіе что онѣ заинтересованы въ отвлеченіи грузовъ отъ русскихъ портовъ и въ направленіи ихъ къ германскимъ. Не предполагается ли что эти дороги примутъ мѣры къ такому комбинированію своихъ товарныхъ тарифовъ, при которомъ грузамъ волей-неволей придется идти прежнимъ путемъ къ германскимъ портамъ? Только будетъ ли допущено Русскимъ правительствомъ подобное измѣненіе тарифовъ? При громадныхъ тяжестяхъ какими ежегодно ложатся на государственный бюджетъ приплаты по гарантіямъ и недоборы въ слѣдующихъ съ желѣзныхъ дорогъ взносахъ, потерпитъ ли оно чтобы на счетъ этихъ тягостей для Россіи была куплена гарантія для Германіи въ безнедоимочномъ поступленіи установляемаго ею налога на русскій отпускъ въ разныя страны?

№ 122.

Москва, 15-го мая.

Обширная экономическая реформа предпринятая въ Германіи княземъ Бисмаркомъ близка къ осуществленію. Важнѣйшія изъ статей тарифа, а именно пошлины на металлическія произведенія и пошлины на привозный хлѣбъ, уже приняты рейхстагомъ; остаются затѣмъ статьи переданныя для предварительнаго обсужденія въ особыя коммиссіи. Но уже по самому составу этихъ коммиссій, избранныхъ *ad hoc*, невозможно сомнѣваться въ конечной побѣдѣ правительства, такъ какъ онѣ состоятъ на двѣ трети изъ протекціонистовъ. Вмѣстѣ съ этою экономическою реформой произошла въ Германскомъ парламентѣ большая перетасовка партій. Трудно сказать какую изъ этихъ двухъ перемѣнъ князь Бисмаркъ ставилъ для себя на первый планъ, или вѣрнѣе что̀ было для него цѣлью и что̀ средствомъ; но несомнѣнно то что онъ одержалъ двойную побѣду, и благодаря исключительно своей инціативѣ, своей непреклонной волѣ и изумительной дѣятельности развитой имъ въ послѣднее время, онъ произвелъ такую коренную перемѣну

во всей внутренней жизни Германіи, послѣдствія которой не поддаются никакимъ вычисленіямъ и ставятъ тамъ въ тупикъ самыхъ дальновидныхъ политиковъ. Въ одномъ лишь всѣ согласны: что князь Бисмаркъ знаетъ къ чему онъ стремится и что у него должны быть обширные планы, тѣмъ болѣе что онъ совсѣмъ пересталъ говорить о своемъ утомленіи и о необходимости отдохнуть. Сколько толковъ еще недавно было по поводу должности „вице-канцлера," учрежденія которой князь Бисмаркъ такъ настойчиво требовалъ. А между тѣмъ, вотъ уже болѣе года какъ эту должность занимаетъ графъ Штольбергъ - Вернигероде (стоящій номинально и во главѣ прусскаго министерства); но о дѣятельности графа Штольберга ничего не слышно, и въ преніяхъ рейхстага по поводу теперешней реформы онъ вовсе не участвуетъ. Князь Бисмаркъ всюду поспѣваетъ самъ и по экономическимъ вопросамъ рѣшительно присвоиваетъ себѣ полное знакомство со всѣми подробностями дѣла.

Выходъ въ отставку президента рейхстага, г. Форкенбека, и замѣна его консервативомъ Зейдевицемъ, равно какъ вице-президента Штауфенберга — *клерикаломъ* Франкенштейномъ, запечатлѣли тотъ политическій переворотъ который совершился рядомъ съ экономическимъ преобразованіемъ. Націоналъ-либеральная фракція, какъ партія наиболѣе близкая къ правительству со времени созданія Германской имперіи, перестала существовать. Изъ нея выдѣлилась группа въ 40 человѣкъ, которая послѣдовала за бывшимъ вожакомъ партіи г. Беннигсеномъ, поддерживающимъ новую таможенную политику князя Бисмарка. Главнымъ же образомъ теперешнее большинство рейхстага слагается изъ обѣихъ консервативныхъ фракцій и *партіи центра*. Кто могъ бы подумать еще годъ тому назадъ что князь Бисмаркъ будетъ пользоваться услугами этихъ заклятыхъ враговъ своихъ? И нужно замѣтить что клерикалы вовсе не признаютъ себя побѣжденными, и продолжаютъ утверждать что по дѣламъ церковнымъ они ни въ чемъ не отступились отъ своей программы. Ультрамонтаны Германіи, какъ и всѣхъ прочихъ странъ, всегда остаются себѣ вѣрны; крѣпко организованная и подчиненная строгой и умной дисциплинѣ, партія эта постоянно оглядывается на своихъ руководителей возсѣдающихъ въ Римѣ, у папскаго престола. Въ этомъ всегда заключался главный пунктъ обвиненія который выставлялъ противъ партіи центра князь Бисмаркъ, доказывая что государство не можетъ входить въ соглашеніе съ политическою организаціей коей интересы и центръ тяжести находятся *внѣ* предѣловъ государства, а стало-быть ему враждебны. И вдругъ такая перемѣна! Клерикалы очутились на сторонѣ правительства, а большинство націоналъ-либераловъ, на коихъ князь Бисмаркъ опирался главнымъ образомъ въ своей борьбѣ съ притязаніями папской куріи, отвергнуты имъ и протягиваютъ руку прогрессистамъ, дабы вмѣстѣ съ ними вновь составить либеральную оппозицію поставивъ во главѣ оной г. Форкенбека. Не ясно ли что за всѣмъ этимъ кроется еще нѣчто кромѣ перехода отъ одной таможенной системы къ другой, тѣмъ болѣе что націоналъ-либералы вовсе не были ярыми противниками реформы и содѣйствіе ихъ не трудно было купить лишь немногими, въ сущности неважными уступками, и вовсе не было настоятельной надобности прибѣгать къ помощи клерикаловъ? Какою цѣною куплена эта помощь до сихъ поръ никому неизвѣстно, ибо переговоры которые ведутся съ Римомъ все еще хранятся въ глубочайшей тайнѣ. Но по тону какимъ сталъ говорить руководящій органъ партіи центра, газета *Германія*, лучше всего видно что соглашеніе въ общихъ чертахъ уже состоялось, и что эта партія дѣйствительно заступила мѣсто націоналъ-либераловъ и сама смотритъ на себя въ будущемъ какъ на опору правительства. „Народъ, говоритъ названная газета, жаждетъ внутренняго мира, и онъ съ радостью будетъ привѣтствовать тотъ день когда прекратится злополучная борьба и установится благодатный миръ между церковью и государствомъ, миръ почетный для обѣихъ сторонъ, безъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Народу надоѣли фразы; онъ настойчиво требуетъ законодательной дѣятельности соотвѣтствующей его нуждамъ. На экономическомъ поприщѣ уже совершается благодѣтельное уклоненіе отъ прежняго пути; надѣемся что намъ недолго придется ждать того же и въ области церковно-политической. Либеральнымъ органамъ не удается ни испугать большинство населенія, ни сбить его съ толку возгласами о *реакціи*, коими они теперь по преимуществу пробавляются."

Впрочемъ, и *Германія* оговаривается что она еще не считаетъ своей цѣли окончательно достигнутою, такъ какъ въ числѣ ея теперешнихъ союзниковъ по таможенному вопросу (такъ-называемой клерикально-консервативной коалиціи) находятся и „вольные консервативы,“ фракція не менѣе націоналъ-либераловъ враждебная партіи центра и гораздо болѣе ихъ вліятельная; къ ней причисляетъ себя и ненавистный ультрамонтанамъ министръ исповѣданій, г. Фалькъ. Вотъ почему всѣ въ Берлинѣ заинтересованы въ особенности ближайшею будущностью этого министра. Если оправдаются ожиданія клерикаловъ и онъ выйдетъ въ отставку, то этимъ ознаменуется окончательный поворотъ во внутренней политикѣ князя Бисмарка, то что̀ либеральные органы уже теперь провозгласили полною реакціей.

№ 123.

Москва, 16-го мая.

На дняхъ, какъ будто для развлеченія европейской публики отъ прискучившихъ всѣмъ предметовъ ежедневныхъ толковъ, разыгралась любопытная полемика между французскою и англійскою печатью. Читателямъ нашимъ извѣстно съ какимъ раболѣпствующимъ восторгомъ вліятельнѣйшіе органы французской печати умилялись предъ политикой лорда Биконсфильда, и какъ, съ другой стороны, въ Англіи были увѣрены что могутъ разчитывать на искренюю поддержку Франціи, въ виду общности ихъ интересовъ. Вдругъ теперь, будто ударъ грома среди яснаго неба, въ *République Française*, органѣ г. Гамбетты, появилась рѣзкая изобличительная статья противъ Англіи. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе. По поводу брошеннаго вскользь въ одной англійской газетѣ замѣчанія объ „облачкѣ“ въ отношеніяхъ Англіи и Франціи, *République Française* поспѣшила подтвердить что это не только не лишено основанія, но что даже нѣчто поболѣе облачка смущаетъ добрыя отношенія обѣихъ странъ: „чувство недовѣрія, порожденное событіями послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, постепенно развилось между обѣими націями которыя должны бы быть въ дружбѣ.“ Причину этого недовѣрія французская газета не высказываетъ, но она признается что это недовѣріе развилось преимущественно во Франціи и имѣетъ отношеніе къ восточнымъ дѣламъ. „Недовѣріе это, продолжаетъ она, вполнѣ основательно. Не то чтобы Франція была слишкомъ требовательна. Менѣе честолюбивая, и можетъ-быть болѣе благоразумная и умѣренная чѣмъ многіе другіе, Франція слѣдуетъ иностранной политикѣ которая не можетъ вредить ничьимъ законнымъ интересамъ; и когда эта честная и безкорыстная политика встрѣчаетъ препятствіе, Франція въ правѣ удивляться что препятствіе является со стороны тѣхъ отъ кого она могла бы ожидать добраго расположенія и дружбы.“ Упомянувъ затѣмъ что между французскими и британскими интересами нѣтъ антагонизма, газета продолжаетъ: „Мы принуждены, однако, поставить на видъ что щекотливость Франціи *(les susceptibilités françaises)* не была пощажена тѣми кто не имѣли никакого повода оскорблять ее, а, напротивъ, по многимъ причинамъ, должны бы уважать ее. Все это началось на берегахъ Сиріи, продолжалось въ Египтѣ и теперь кончается въ Греціи. Въ первомъ случаѣ Франція приняла совершившіеся факты съ умѣренностью которая дѣлаетъ величайшую честь ея политической проницательности (!). Во второмъ, она была удивлена непостижимыми для нея колебаніями, противодѣйствіемъ и оговорками. Въ третьемъ, Франціи приходится спросить не лучше ли бы ей было имѣть дѣло съ врагами чѣмъ съ такими друзьями.“ Въ заключеніе, органъ г. Гамбетты выводитъ нравоученіе что если все это происходитъ отъ недостаточнаго пониманія политическихъ потребностей, то это прискорбно для самой Англіи, которой не слѣдовало бы забывать что у ней не слишкомъ много друзей чтобы безнаказанно жертвовать однимъ изъ нихъ; а если де такое положеніе Англіи умышленно и принято съ разчетомъ, то оно тѣмъ серіознѣе и заставитъ Францію глубоко измѣнить свои дѣйствія.

Значеніе этой діатрибы противъ Англіи не умаляется конечно тѣмъ что не въ одной *République Française* появились эти обвиненія. Какъ будто по данному лозунгу встрепенулась парижская печать. *Journal des Débats* бросилъ еще болѣе рѣзкую статью противъ Англіи. Изобличая непостоянство и капризный характеръ англійскаго національнаго темперамента, который отражается и въ колебаніяхъ ея по-

литики, названная газета сѣтуетъ что Англія не интересуется болѣе общими вопросами въ коихъ она замѣшана вмѣстѣ съ Франціей. При этомъ *Journal des Débats* указываетъ на „раздражающее воздержаніе Англіи въ греческомъ вопросѣ," на ея отказъ „устранить затрудненія въ Сиріи," и на „завѣдомое участіе англійскаго консула въ интригѣ низвергшей Египетскій кабинетъ." Перечисливъ эти пункты недовольства, *Journal des Débats*, подобно органу г. Гамбетты, кончаетъ угрозой: „Мы считаемъ себя предупрежденными, но что̀ выиграетъ Англія? Политика лорда Биконсфильда изъ тѣхъ которыя не могутъ обойтись, если не безъ формальныхъ союзовъ, то по крайней мѣрѣ безъ вѣрныхъ и надежныхъ друзей, и такими друзьями никогда не слѣдуетъ пренебрегать."

И другія газеты болѣе или менѣе вторили этимъ жалобамъ, однѣ просто перепечатавъ статьи *Journal des Débats* и *République Française*, другія сопровождая ихъ собственными комментаріями. Такъ парижскій *Télégraphe*, по поводу греческаго вопроса, замѣтилъ что если Порта постоянно возбуждаетъ все новыя затрудненія, то причина этому та что „лордъ Биконсфильдъ не хочетъ и слышать о какомъ-либо французскомъ вліяніи на Востокѣ." И по словамъ *Télégraphe*, англійскій премьеръ желалъ бы даже упразднить французскій протекторатъ надъ Святыми Мѣстами. Газета *Soir* пошла далѣе, и объявила что „англійская политика со времени Берлинскаго трактата, даже со времени Константинопольской конференціи, не была искреннею."

Нѣтъ сомнѣнія что шумъ поднялся не безъ причины, и что въ этой исторіи есть закулисная сторона, публикѣ неизвѣстная. Только давно накипѣвшее чувство можетъ выражаться такими страстными порывами. А что этотъ взрывъ отвѣчалъ общему настроенію большинства Французовъ, это признаютъ парижскіе корреспонденты англійскихъ газетъ. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ *Manchester Guardian*, на другой день послѣ появленія статей *République Française* и *Journal des Débats*, говоритъ что статьи эти были предметомъ всеобщихъ разговоровъ, и что онѣ притомъ „довольно вѣрно выражали настроеніе общественнаго мнѣнія, которое давно сложилось въ такомъ смыслѣ." То же самое долженъ былъ признать и парижскій корреспондентъ *Times*, который, въ длинныхъ телеграммахъ, старался объяснить это, какъ онъ называлъ, „недоразумѣніе" тѣмъ что, по двумъ вопросамъ, египетскому и греческому, оба правительства, „хотя и не разногласятъ, но нейдутъ въ согласіи, и, по нѣкоторымъ личнымъ недоразумѣніямъ, въ глазахъ публики кажутся несогласными." Въ частности же, по обоимъ вопросамъ, объясненія корреспондента *Times* такъ запутаны что мы отказываемся понять ихъ.

Какъ же въ самой Англіи были встрѣчены эти изобличенія со стороны ея добраго друга? Въ большинствѣ корреспонденцій и газетъ видно желаніе замять дѣло, загладить непріятное впечатлѣніе и, пуще всего, не раздувать полемики. Любопытно что газета *Times*, хотя корреспондентъ ея держалъ ея читателей *au courant* всей этой исторіи, не посвятила ни одного *лидера* предмету, хотя онъ долженъ былъ всѣхъ интересовать и близко касался самой Англіи. Но два другіе министерскіе органа, *Standard* и *Daily Telegraph* не выдержали. О греческомъ вопросѣ оба они говорятъ мало, и только *Daily Telegraph* съ досадою проворчалъ: „не можемъ же мы отстаивать покупку греческой славы для г. Гамбетты цѣной территоріи существенно нужной для Турціи." Но особеннаго вниманія заслуживаютъ нетерпѣливыя разсужденія обѣихъ этихъ газетъ о Египтѣ. Вотъ какія фразы встрѣчаемъ мы въ нихъ: „Если результатъ показываетъ что Франція и Англія не могутъ вмѣстѣ дѣйствовать рѣшительно или съ успѣхомъ въ Египтѣ, мы примемъ это заключеніе какъ люди разсудительные." Самый планъ общаго дѣйствія (замѣтимъ послѣ того какъ онъ былъ предметомъ взаимныхъ обязательствъ) объявляется „опытомъ фантастическимъ и неудобнымъ." „Хедивы не могутъ служить двумъ господамъ." „Еслибы Французское и Англійское правительства тотчасъ же взяли на себя обязанность совмѣстнаго управленія дѣлами Египта, то вскорѣ же оказалось бы или что мы серіозно оскорбляемъ французскую щекотливость, или что Французы серіозно вступаются въ наши интересы." Мораль же высказываемая въ заключеніи англійскими офиціозами не уступаетъ въ откровенности французскимъ: „Мы признаемся что Франція неизмѣнно обнаруживала такую щекотливость относительно Египта и Сиріи которая не предвѣщала добраго для націи вступающей въ товарищество съ нею по какому-либо своему дѣлу."

Итакъ мы имѣли право сказать что мы еще не слышали послѣдняго слова объ этомъ египетскомъ вопросѣ, въ которомъ, по общему увѣренію, Франція и Англія дѣйствовали будто бы такъ дружно. Мы никогда не вѣрили въ искренность этой дружбы, зная какъ разнородны интересы обѣихъ странъ на Срецизомномъ Морѣ и на Востокѣ. Дѣло просто въ томъ что, предъ конгрессомъ въ Берлинѣ, Англія, для того чтобы заручиться поддержкой Франціи, заключила извѣстныя обязательства, которыя теперь повидимому англійскими министрами считаются неудобными и обременительными. Отсюда и размолвка. Правда, эта полемика, какъ неожиданно вспыхнула, такъ быстро и улеглась въ одинъ день; но она нѣсколько приподняла завѣсу прикрывающую взаимныя отношенія Англіи и Франціи. Вопервыхъ, мы узнаемъ что есть еще разногласіе между ними по поводу Сиріи. Вовторыхъ, оказывается что англійскій консулъ въ Египтѣ, г. Вивіанъ, принималъ участіе въ интригѣ низвергшей министерство гг. Вильсона и де-Блиньера. Мы знаемъ что первоначальный англійскій планъ былъ навязать хедиву только англійскаго министра, и что Англія очень неохотно согласилась потомъ чтобъ ему былъ данъ товарищемъ Французъ. Далѣе мы знаемъ также что г. Вивіанъ, англійскій консулъ, дѣйствительно былъ въ контрѣ съ иностранными министрами хедива, ссорился и съ г. Вильсономъ, и былъ вызванъ даже изъ Египта, а потомъ, послѣ *coup d'état* хедива, возвратился къ своему посту. Неужели все это было комедіей, лишь бы только вытѣснить г. де-Блиньера, а вмѣстѣ съ нимъ и французское вліяніе изъ администраціи хедива? Наконецъ, и греческій вопросъ для Франціи не просто дѣло самолюбія. Нынѣшнему Французскому правительству, можетъ-быть именно для того чтобы доказать прочность нынѣшняго порядка вещей во Франціи, желательно выступить впередъ и доказать что Франція уже не прежняя разоренная и истощенная войной страна, что она окрѣпла и что ея голосъ имѣетъ значеніе между другими державами. Что̀ могло быть удобнѣе для этой цѣли какъ взять подъ свое покровительство греческій вопросъ, въ которомъ Франція, дѣйствуя безкорыстно, никому не угрожала? А тутъ препятствіе является именно со стороны Англіи, которая и слышать не хочетъ объ уступкѣ Янины и вообще Эпира въ пользу Греціи, несмотря на то что эта уступка была рекомендована Берлинскимъ конгрессомъ. Г. Ваддингтонъ предложилъ, согласно съ Берлинскимъ трактатомъ, посредничество пословъ въ Константинополѣ для улаженія спора между Греціей и Турціей. Но къ чему это поведетъ когда извѣстно что англійскій и французскій послы давно на ножахъ именно по этому вопросу? Константинопольскій корреспондентъ *Times*, еще въ письмѣ отъ 13 мая, писалъ: „Относительно этого греческаго вопроса искры раздора уже существуютъ и легко могутъ быть раздуты въ пламя даже гораздо менѣе лукавымъ дипломатомъ чѣмъ Каратеодори-паша.“

Удивительно какъ это искусная политика лорда Беконсфильда сумѣла устроить такъ что во всей Европѣ не находится никого кто бы искренно молвилъ доброе слово объ Англіи. Даже Турки и тѣ начинаютъ открыто приписывать ей всѣ постигшія ихъ несчастія. Это подтверждаютъ сами англійскіе корреспонденты.

№ 124.

Москва, 17-го мая.

А.

Приведеная ними рѣчь князя Бисмарка, произнесенная имъ 21 мая въ рейхстагѣ въ защиту ввозной пошлины на зерновой хлѣбъ, имѣетъ значительный интересъ независимо отъ пошлины которая при окончательномъ голосованіи была принята большимъ большинствомъ. Чтобы достигнуть этого результата канцлеру вовсе не было надобности потратить такъ много аргументовъ и развернуть такую обширную эрудицію по этому вопросу, эрудицію изумившую самихъ противниковъ князя Бисмарка. Но дѣло въ томъ что князь Бисмаркъ вовсе не довольствуется тѣмъ что теперь достигнуто для огражденія германскаго земледѣлія отъ иностранной конкурренціи. Планы его простираются гораздо дальше; это онъ высказалъ, еще нѣсколько недѣль тому назадъ, въ обнародованной по его желанію перепискѣ его съ барономъ фонъ-Тюнгеномъ. Рѣчь его въ рейхстагѣ была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ программы изложенной въ письмѣ его къ этому южно-германскому „аграрію;“ а эта программа

заключаетъ въ себѣ совершенно новую систему, видимо клонящуюся къ тому чтобы выдвинуть снова на первый планъ землевладѣльческій классъ и дать ему преобладающее положеніе надъ классомъ промышленно-городскимъ, коего представителями по преимуществу являются національ-либералы. Князь Бисмаркъ не столько отстаивалъ пошлину въ томъ размѣрѣ какъ она предложена была въ проектѣ правительства, сколько доказывалъ что она далеко не достигаетъ своей цѣли. По предложенію правительства, утвержденному затѣмъ рейхстагомъ, пошлина эта опредѣлена въ 1 марку со ста килограммовъ пшеницы и овса и 50 пфениговъ со ста килограммовъ ржи, ячменя и кукурузы. Аргументы противниковъ пошлины заключались въ томъ что пошлина эта прежде всего не достигаетъ цѣли, ибо если имѣется въ виду оградить отечественное земледѣліе отъ иностранной, преимущественно русской, конкурренціи; то этого достигнуть нельзя столь низкимъ обложеніемъ, такъ какъ производство хлѣба въ Россіи настолько дешевле производства въ Германіи что оно можетъ легко выдержать сравнительно ничтожную прибавку которая ляжетъ на него при ввозѣ въ Германію, а потому и нѣтъ де повода ожидать что мѣстное производство выиграетъ отъ всеобщаго вздорожанія хлѣба. Выгоду, и притомъ довольно ничтожную, можетъ получить одна лишь казна, если предположить что заграничный хлѣбъ будетъ ввозиться въ Германію въ прежнемъ размѣрѣ. Но и этого ожидать нельзя. Будетъ ввозиться попрежнему то количество хлѣба которое необходимо для пополненія собственной потребности Германіи, не производящей онаго въ достаточномъ для прокормленія населенія размѣрѣ. Но не въ этомъ заключается главная статья иностраннаго привоза; Германія болѣе всего *торгуетъ* русскимъ хлѣбомъ, вывозя оный въ прочія страны. Этой посреднической торговлѣ обязаны своимъ процвѣтаніемъ всѣ прибалтійскіе портовые города Восточной Пруссіи; и этой торговлѣ будетъ де нанесенъ громадный ущербъ, такъ какъ Россія вовсе не нуждается безусловно въ посредничествѣ прусскихъ портовыхъ городовъ и не станетъ уплачивать Германіи особой преміи, въ видѣ пошлины, за провозъ ея хлѣба чрезъ нѣмецкіе порты. Россія имѣетъ де свои собственные портовые города въ Балтійскомъ морѣ: Петербургъ, Либава и Рига привлекутъ къ себѣ тѣ идущіе извнутри Россіи за границу грузы хлѣба которые до сихъ поръ отправлялись на Кенигсбергъ, Данцигъ, и прочіе прибалтійскіе порты Пруссіи. Въ результатѣ, стало-быть, окажется лишь упадокъ этихъ городовъ, а этотъ ущербъ во много разъ превзойдетъ де прибыль которую получитъ казна отъ пошлины за хлѣбъ привозимый собственно для Германіи. Эти аргументы, буквально согласные съ тѣмъ что давно было по этому поводу нами высказано, выставлены со стороны самыхъ серіозныхъ оппонентовъ законопроекта, г. Дельбрюка и профессора Трейчке. Послѣдній прямо указалъ на то что Либава съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе серіознымъ конкуррентомъ прусскихъ портовъ по вывозу русскихъ продуктовъ за границу. Въ послѣдніе годы прусскія прибалтійскія провинціи обогатились благодаря въ особенности Восточной войнѣ и тому что весь вывозъ Россіи былъ направленъ на сѣверъ. Теперь, по окончаніи войны, когда Черноморскіе порты снова открыты, имъ и безъ того трудно удержать на прежней высотѣ свою отпускную торговлю. А если къ этому еще прибавится то преимущество для русскихъ прибалтійскихъ портовъ что грузы идущіе чрезъ нихъ будутъ избавлены отъ добавочнаго расхода на пошлину взимаемую на прусской границѣ, тогда, по мнѣнію профессора Трейчке, въ конечномъ исходѣ борьбы между Либавой и прусскими портами невозможно и сомнѣваться. Это сознаніе, высказанное открыто въ Германскомъ рейхстагѣ, во всякомъ случаѣ весьма знаменательно, особенно въ виду недавняго еще утвержденія *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* будто Россія обогащается послѣ войны на счетъ Германіи. Не въ томъ ли и заключается это обогащеніе что русскіе порты стали сами отчасти пользоваться выгодой отъ иностраннаго вывоза коимъ въ прежнее время всецѣло обогащались Данцигъ и Кенигсбергъ? Надо думать что это дѣйствительно такъ, то-есть что въ Германіи считаютъ русскую отпускную торговлю прерогативой Пруссіи, ибо на возраженія гг. Дельбрюка и Трейчке не только князь Бисмаркъ, но и другіе ораторы защищавшіе законопроектъ отвѣчали, съ небывалою до сихъ поръ откровенностію, что нечего опасаться отклоненія русской отпускной торговли отъ прусскихъ къ рус-

скимъ балтійскимъ портамъ. Любопытно въ особенности что при этомъ было указано депутатомъ Фреге на то что существующіе фрахты желѣзныхъ дорогъ такъ благопріятствуютъ направленію грузовъ изъ Россіи въ Пруссію что нѣтъ повода опасаться отклоненія оныхъ и по введеніи пошлины. Мы сами имѣли нѣсколько разъ случай указывать на эту льготу даруемую нашими же желѣзными дорогами русскимъ грузамъ направляющимся въ ущербъ отечественнымъ къ иностраннымъ портамъ, и очень рады что наши доводы подкрѣплены ораторами Германскаго рейхстага.

Самъ князь Бисмаркъ не менѣе категорически подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ дѣйствительное существованіе указаннаго порядка вещей. И онъ подтвердилъ что русскіе грузы идутъ заграницу преимущественно чрезъ Пруссію, и что пошлина предполагаемая въ Германіи не будетъ имѣть вліянія на это. Князь Бисмаркъ пошелъ еще далѣе: онъ отнюдь не утверждаетъ что-бы такой порядокъ былъ вызванъ дѣйствительною необходимостью, обусловливаемою естественными причинами. Совсѣмъ нѣтъ. Онъ признаетъ что наши порты въ Петербургѣ, Ригѣ и Либавѣ нисколько не хуже прусскихъ для русскаго вывоза. Но онъ думаетъ что русскій вывозъ долженъ навсегда остаться въ зависимости отъ Кенигсберга и Данцига вслѣдствіе того что здѣсь имѣется для этого „великій капиталъ“ котораго въ Россіи нѣтъ, и по мнѣнію князя Бисмарка и впредь не будетъ. Кромѣ того, онъ указываетъ на то что русская рожь вывозимая чрезъ прусскіе порты отпускается не совсѣмъ сухою, вслѣдствіе чего прусскіе торговцы въ Штетинѣ и Данцигѣ смѣшиваютъ ее съ германскою, и уже въ этомъ смѣшанномъ видѣ отпускаютъ ее за границу. По всѣмъ этимъ причинамъ, почитаемымъ повидимому княземъ Бисмаркомъ неустранимыми, онъ полагаетъ что русскій хлѣбъ идущій за границу *вынужденъ* будетъ и впредь направляться по прежнему пути на прусскіе прибалтійскіе порты и что стало-быть торговля русскимъ хлѣбомъ, приносящая такія выгоды сѣверной Германіи, не оскудѣетъ. Лишь мимоходомъ и вскользь князь Бисмаркъ взглянулъ на дѣло и съ другой точки зрѣнія. Но это добавочное замѣчаніе, по нашему мнѣнію, еще болѣе заслуживаетъ вниманія, ибо въ немъ сказалась та задняя мысль, которая, быть-можетъ, болѣе всего побуждаетъ канцлера не обращать вниманія на возгласы защитниковъ прусскихъ приморскихъ городовъ. Его не смущаетъ, сказалъ онъ, и то если капиталистамъ изъ Данцига, Кенигсберга и Штетина придется, вслѣдствіе пошлины, перенести свою дѣятельность въ русскіе портовые города. Если нужно будетъ, то пусть они учредятъ отдѣленія своихъ конторъ въ Ригѣ и Либавѣ и тамъ заработываютъ тѣ барыши которые имъ приноситъ торговля русскимъ хлѣбомъ. Онъ, князь Бисмаркъ, отъ всей души желаетъ чтобъ они имѣли эти барыши, а въ томъ что барыши будутъ, онъ, конечно, не сомнѣвается, такъ какъ онъ твердо убѣжденъ что русская отпускная торговля всецѣло зависитъ отъ нѣмецкаго капитала.

Таковы виды князя Бисмарка на будущія торговыя отношенія между Пруссіей и Россіей. Въ видѣ дополнительнаго довода онъ выставилъ и то что пошлина на привозный хлѣбъ вводимая въ Германіи послужитъ и „боевою пошлиной“ и что съ помощью ея удастся, быть-можетъ, принудить Россію сдѣлаться сговорчивѣе относительно пониженія своего тарифа на произведенія иностранной промышленности. Но мы думаемъ что это соображеніе изложено лишь въ видахъ округленія аргументаціи. Едва ли самъ князь Бисмаркъ серіозно вѣритъ чтобы Россія могла быть къ этому вынуждена обложеніемъ ея хлѣба привозимаго въ Германію.

Б.

Полемика между французскою и англійскою печатью не улеглась такъ скоро какъ мы полагали вчера. Въ отвѣтъ на возраженія англійскихъ газетъ, въ *République Française* появилась новая статья, въ которой поддерживается что прежнія замѣчанія этой газеты были вѣрны и точны. Она ничего не беретъ назадъ изъ прежде сказаннаго и прибавляетъ что считала только своимъ долгомъ предостеречь англійскихъ государственныхъ людей о недовольствѣ Франціи на двусмысленное положеніе Англіи, а что касается до спорныхъ пунктовъ, то Франція, въ случаѣ нужды, можетъ де и сама рѣшить ихъ безъ помощи Англіи. Въ свою очередь *Journal des Débats* въ новой статьѣ говоритъ: „Лордъ Биконсфильдъ первый назвалъ наши интересы въ Сиріи и Египтѣ сентиментальными, про-

тивопоставляя имъ англійскіе интересы какъ существенные. Съ тѣхъ поръ, какъ только Франціи приходилось имѣть дѣло вмѣстѣ съ Англіей, интересы послѣдней всегда были существенными, а интересы Франціи сентиментальными. Англія предлагала Франціи платоническія демонстраціи, а себѣ оставляла матеріальную сущность.“ Въ заключеніе, *Journal des Débats* объявляетъ что Франція не посягаетъ на Египетъ, не желаетъ никакой сдѣлки основанной на какомъ-либо планѣ захвата этой страны, и что она „не можетъ имѣть общаго дѣла съ тѣми кто до сихъ поръ не отрекся отъ намѣренія захватить Египетъ теперь или въ послѣдствіи.“

№ 125.

Москва, 18-го мая.

Афганская война кончена, и Англичанами заключенъ договоръ съ Якубъ-ханомъ, который признанъ отъ нихъ Афганскимъ эмиромъ. Какъ мы уже замѣчали по поводу первыхъ извѣстій о прибытіи Якубъ-хана въ Гандамакъ для переговоровъ съ уполномоченнымъ отъ Индійскаго правительства, въ Англіи радуются вообще окончанію этого дѣла, давно всѣмъ надоѣвшаго и не обѣщавшаго, при дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи, ни выгодъ, ни славы, кромѣ новыхъ расходовъ для давно изнемогающей подъ бременемъ ежегодныхъ дефицитовъ Индіи. Теперь мы опредѣленнѣе знаемъ о результатахъ этой кампаніи, которая была найдена необходимою для поддержанія *престижа* Англіи. Хотя офиціально условія мира еще не обнародованы, но телеграммы изъ Индіи передали ихъ съ такою подробностью что нельзя не считать ихъ весьма близкими къ истинѣ.

Англія показала себя весьма умѣренною въ территоріальныхъ требованіяхъ. Она не удерживаетъ за собой всѣхъ пунктовъ нынѣ занятыхъ ея войсками, и возвращаетъ эмиру со стороны Боланскаго прохода Кандагаръ, а за Хайберскимъ проходомъ Джеллалабадъ, въ послѣдствіи же обѣщаетъ очистить и Дакку. Удерживаются только долины Курама, Сиби и Пишина, непосредственно прилегающія къ Индіи и служащія ключемъ къ главнымъ перевaламъ. Такимъ образомъ оправдывается легендарное изреченія лорда Беконсфильда касательно исправленія границы въ „научномъ смыслѣ.“ Можетъ-быть это и „научно,“ но *престижа* въ этомъ результатѣ но видно. Сами Англичане признаютъ что хотя кампанія и не сопровождалась значительными результатами, но и не ознаменовалась никакими блестящими побѣдами. А если взять въ соображеніе что они радуются миру, между прочимъ потому что онъ избавилъ ихъ отъ необходимости похода на Кабулъ, который потомъ во всякомъ случаѣ пришлось бы оставить чтò произвело бы очень невыгодное для нихъ впечатлѣніе, то спрашивается: развѣ оставленіе ими Кандагара и Джеллалабада не произведетъ такого же впечатлѣнія?

Любопытно еще то что Англія не присоединяетъ къ себѣ названныхъ пограничныхъ округовъ уступаемыхъ эмиромъ, а только принимаетъ ихъ въ свое вѣдѣніе и управленіе. Англійскія газеты называютъ эту уступку не пріобрѣтеніемъ, а „отведенными“ или „уступленными“ округами (*assigned districts*). Англія будетъ возвращать эмиру излишекъ доходовъ съ нихъ за оплатой расходовъ администраціи. Какъ видно, въ дипломатіи рѣшительно входитъ въ моду этотъ оригинальный способъ завладѣнія. Такимъ способомъ Австрія взяла въ свое вѣдѣніе Боснію и Герцеговину; точно также Англія взяла у Порты Кипръ. Къ чему найдено было нужнымъ повторять ту же комедію въ Афганистанѣ, не понимаемъ; мы сомнѣваемся только чтобъ Афганы въ состояніи были оцѣнить эту новоизобрѣтенную тонкость европейской дипломатіи, а если они захотятъ истолковать себѣ разницу между такимъ владѣніемъ и прямымъ присоединеніемъ, то вѣроятнѣе истолкуютъ ее не въ пользу Англіи, тѣмъ болѣе что она возобновляетъ ежегодную субсидію эмиру въ 120.000 ф. ст.

Притомъ позволительно усомниться и въ „научномъ“ превосходствѣ новой границы предъ старою. Во всѣхъ этихъ долинахъ и перевалахъ, принимаемыхъ Англіей въ свое вѣдѣніе, обитаютъ самыя безпокойныя горныя разбойническія племена, которыя и власть эмира Афганскаго признавали лишь номинально; удерживать ихъ въ постоянной покорности будетъ дѣломъ труднымъ и начетистымъ. Восхваляя преимущества новой границы въ сравненіи съ прежнею, *Times*, вынуждена однако на слѣдующее замѣчаніе: „Безполезно было бы отрицать что должно пройти нѣкоторое

время прежде чѣмъ можно будетъ удерживать ее небольшими гарнизонами, и очевидно что прежде чѣмъ можно будетъ съ какимъ-нибудь основаніемъ назвать ее *научною границей* мы должны улучшить наши сообщенія какъ съ нею, такъ и вдоль ея." Не видно въ чемъ можетъ заключаться стратегическая выгода этихъ пріобрѣтеній.

Разумѣется, какъ мы уже замѣчали прежде, стратегическаго обезпеченія искали не противъ Афганистана, который никогда не могъ быть страшенъ для Индіи. „Научною" границей хотѣли оградить Индію отъ возможной опасности со стороны Россіи. Въ этомъ отношеніи мы можемъ повторить что взаимныя условія нисколько не измѣнились. Если Англичане считаютъ возможнымъ русское вторженіе въ Индію, то какое же значеніе имѣетъ тотъ фактъ что Англичане продвинули свою границу на десять или тридцать миль впередъ? Для тѣхъ плановъ какіе намъ приписываютъ Англичане, главнымъ затрудненіемъ было бы провести готовую боевую силу черезъ большія пространства. Если въ глазахъ Англичанъ возможность этого считается доказанною, если ихъ мучитъ кошмаръ такой опасности, то пусть они утѣшаютъ себя своею „научною" границей посреди горъ населенныхъ дикими и воинственными жителями.

Оставляя въ сторонѣ этотъ *humbug* научной границы, остается обратить вниманіе на политическую и торговую сторону новыхъ отношеній Англіи къ Афганистану. Въ англійской печати, въ послѣднее время, жаловались что „торговля Средней Азіи быстро ускользаетъ изъ англійскихъ рукъ." И вотъ, въ числѣ мирныхъ условій, заключена и торговая конвенція. Точныя условія ея не передаются; конечно Англичане постарались выговорить себѣ всякія выгоды и преимущества. Но конвенція эта заключена всего на годъ: не означаетъ ли это что Англичане сами не слишкомъ увѣрены въ прочности своей сдѣлки съ эміромъ? Что касается политическихъ выгодъ извлеченныхъ Англіей изъ согласія Якубъ-хана на ея мирныя условія, то онѣ на первый взглядъ представляются значительными. Англія будетъ впредь держать постояннаго резидента въ Кабулѣ, столицѣ эмира, и этотъ резидентъ будетъ имѣть при себѣ приличную эскорту и можетъ высылать англійскихъ агентовъ къ афганскимъ границамъ. Цѣль назначенія резидента заключается въ томъ что во всѣхъ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, а также и въ дѣлахъ съ пограничными племенами, эмиръ впредь обязанъ будетъ дѣйствовать не иначе какъ въ подчиненіи Британскому правительству. Для облегченія этого контроля, конечно, выговорена и постройка телеграфной линіи до Кабула. Такимъ образомъ, если припомнить что первоначальною причиной войны, какъ выставлялось, былъ отказъ покойнаго Ширъ-Али, отца нынѣшняго эмира, принять англійскую миссію, послѣ того какъ имъ была принята съ большимъ почетомъ русская миссія, то оскорбленное самолюбіе Англичанъ теперь удовлетворено, что́ и сказывается въ торжествующихъ ликованіяхъ англійскихъ газетъ. Но на сколько этотъ результатъ содѣйствуетъ возстановленію достоинства и престижа Англіи, это труднѣе рѣшить. Мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ сомнѣній которыя высказываются въ англійскихъ же газетахъ. Многія изъ нихъ и теперь сомнѣваются слѣдуетъ ли постоянно пользоваться правомъ держать резидента въ Кабулѣ, хотя бы на это и согласился эмиръ. Что эмиръ понялъ выгоду опереться на Англичанъ, вмѣсто того чтобы враждовать съ ними, это въ самихъ извѣстіяхъ изъ Индіи объясняется непрочностью его власти въ Афганистанѣ. Самые разнорѣчащіе слухи носились о томъ признавалась ли его власть въ Гератѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ обозначаемыхъ названіемъ Афганскаго Туркестана. Если въ нихъ есть сколько-нибудь справедливости, то этимъ объясняется его рѣшеніе поладить съ Англичанами которые давно уже чрезъ мѣстныхъ агентовъ старались завязать съ нимъ переговоры. За подчиненіе его во внѣшнихъ сношеніяхъ англійскому контролю, Англичане не только возвращаютъ ему бо́льшую часть занятыхъ ими мѣстностей, не только не берутъ съ него никакой денежной контрибуціи, но сами еще платятъ ему субсидію; кромѣ всего этого, они обязуются поддерживать его противъ нападеній. Словомъ, Англичане гарантируютъ ему обладаніе престоломъ. На чьей сторонѣ тутъ выгода, это зависитъ отъ положенія Якубъ-хана въ своей странѣ. Онъ добился той гарантіи какой напрасно, въ теченіе долгихъ лѣтъ, добивался отъ разныхъ вице-королей Индіи его отецъ, что и было первой причиной досады Ширъ-Али на Англичанъ. Но раз-

нипа та что Ширъ-Али требовалъ гарантіи въ то время какъ былъ безспорнымъ владѣтелемъ всей страны, и не столько для себя сколько для своего наслѣдника. Если же положеніе Якубъ-хана далеко не такъ твердо, то заключенная сдѣлка не имѣетъ большаго значенія.

Пока вся выгода заключеннаго мира состоитъ лишь въ прекращеніи войны, крайне тяжелой для Индіи. Какъ необходимо было скорѣе окончить ее, это явствуетъ изъ бюджета Индіи представленнаго министерствомъ палатѣ общинъ 22 мая. Оно принуждено было въ первый разъ откровенно сознаться въ дефицитѣ, хотя онъ уже много лѣтъ былъ обычнымъ явленіемъ въ бюджетѣ Индіи, но ловко прикрывался смѣтными предположеніями. Не вдаваясь въ подробности индійскихъ бюджетовъ, достаточно указать что голодъ бывшій въ Индіи стоилъ странѣ 13 милліоновъ ф. ст., да Афганская война два милліона. Въ виду безвыходнаго положенія индійскихъ финансовъ, правительство обѣщаетъ сокращеніе въ расходахъ, впрочемъ не болѣе какъ на милліонъ, и вынуждено просить разрѣшенія на новый заемъ въ Англіи въ пять милліоновъ, да въ самой Индіи на четыре милліона.

Продлись еще не много Афганская война, не было бы возможности выслать подкрѣпленія. Война въ Южной Африкѣ уже потребовала тамъ присутствія почти 20.000 англійскихъ войскъ, кромѣ 5.000 колоніальныхъ. И тамъ мы видимъ тоже нѣкоторую перемѣну фронта. Рѣшено отправить въ Наталь сэръ-Гарнета Вользлея съ большими правами, и слѣдовательно ограничить полномочія задорнаго капскаго губернатора, сэръ-Бартля Фрера.

№ 126.

Москва, 19-го мая.

Трехдневныя пренія Германскаго рейхстага о пошлинахъ на хлѣбъ, окончившіяся принятіемъ этого налога, имѣли еще эпилогъ не менѣе для насъ интересный. Никогда еще такъ ясно не рисовалось то положеніе въ коемъ находится Россія относительно своей отпускной торговли къ сосѣдней странѣ, какъ во время этого пререканія между Германскимъ правительствомъ и его оппонентами по поводу русскаго хлѣба. Легко было князю Бисмарку, а затѣмъ и его органу, *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, голословно утверждать будто Россія по этому предмету обогащается насчетъ Германіи. Но когда дѣло дошло до ближайшаго разсмотрѣнія истиннаго положенія вещей обнаружилось какъ разъ противоположное; и нужно отдать справедливость ораторамъ Германскаго рейхстага: они потрудились надъ этимъ вопросомъ и много способствовали тому чтобъ и въ Россіи раскрыть глаза тѣмъ кто смотрѣлъ у насъ на это дѣло въ очки германскаго канцлера. Не мало способствовалъ тому и самъ князь Бисмаркъ, высказавшій съ такою откровенностью свое мнѣніе о томъ будто бы Россія естественная данница „капиталистовъ" спекулирующихъ русскимъ вывозомъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ и Штетинѣ. Удивляться можно лишь тому съ какою безцеремонностью говорятъ намъ въ глаза что мы не сумѣемъ эманципироваться отъ этой эксплуатаціи вопреки природѣ вещей, совсѣмъ насъ къ тому не вынуждающей. Будущее покажетъ насколько вѣренъ этотъ разчетъ германскаго канцлера на нашу апатію и равнодушіе къ своимъ прямымъ интересамъ. Но за откровенность съ какою все это высказано мы не можемъ не поблагодарить.

Эпилогъ о коемъ упомянуто выше заключается въ слѣдующемъ: На другой день послѣ утвержденія хлѣбныхъ пошлинъ, а именно 24 мая, внесены были въ рейхстагъ два предложенія, одно г. Дельбрюкомъ, а другое депутатомъ Рикертомъ, смыслъ коихъ, опуская второстепенныя и техническія подробности, заключался въ томъ чтобы доставлена была возможность избавить отъ платежа новой пошлины тѣ грузы иностраннаго хлѣба которые идутъ чрезъ Германію *транзитомъ*. Дѣло въ томъ что по таможенному регламенту отъ 1 іюля 1869 года, который не отмѣняется теперешнимъ тарифомъ, товары идущіе чрезъ Германію транзитомъ вообще не подлежатъ оплатѣ пошлиной въ пользу германской казны. Но для предупрежденія злоупотребленій, упомянутый регламентъ установляетъ цѣлый рядъ стѣсненій насчетъ склада провозимыхъ чрезъ германскую территорію грузовъ и надзора за ними,—стѣсненій которыя для хлѣбныхъ грузовъ, не имѣвшихся въ виду при утвержденіи регламента 1869 года, были бы равносильны полному запрещенію безпошлиннаго провоза. Такъ,

напримѣръ, предписывается транзитные товары складывать не иначе какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и не только заявлять о нихъ мѣстному таможенному начальству, но и хранить до отправленія за границу подъ двойнымъ замкомъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть отъ таможеннаго чиновника. Зерновой хлѣбъ долженъ быть провѣтриваемъ на открытомъ воздухѣ, а потому его нѣтъ возможности складывать въ закрытомъ помѣщеніи. Сверхъ того, русскій хлѣбъ, какъ извѣстно, подвергается въ прусскихъ приморскихъ городахъ различнымъ манипуляціямъ, главнымъ образомъ смѣшенію съ мѣстнымъ зерномъ. Таможенный чиновникъ, хранящій у себя ключъ отъ помѣщенія транзитнаго груза, не могъ бы дозволить этой операціи не имѣя на то спеціальнаго разрѣшенія. Эти-то неудобства гг. Дельбрюкъ и Рикертъ желали устранить въ интересахъ прусскихъ прибалтійскихъ портовъ вывозящихъ русскій хлѣбъ, и предложили дополнить новый тарифъ соотвѣтственнымъ примѣчаніемъ отмѣняющимъ для транзитнаго хлѣба стѣснительныя правила таможеннаго регламента.

Для насъ имѣютъ особенный интересъ аргументы высказанные г. Рикертомъ въ подкрѣпленіе своего предложенія. Онъ началъ съ того что если предложеніе его не будетъ принято, то это будетъ равносильно запрещенію безпошлиннаго провоза русскаго хлѣба идущаго не въ Германію, а за границу. Еслибы справедливо было мнѣніе будто для русской отпускной торговли нѣтъ иного пути какъ прусскіе порты, тогда бѣды въ этомъ для Германіи не было бы никакой, и ея казна получала бы только лишній доходъ не съ одного только хлѣба который идетъ въ Германію, но со всего количества хлѣба отпускаемаго Россіей за границу сѣвернымъ путемъ. Но депутатъ Рикертъ съ этимъ мнѣніемъ вовсе не согласенъ. Онъ представилъ карту желѣзныхъ дорогъ, и на основаніи ея доказывалъ что пути русскаго вывоза за послѣднія десять лѣтъ значительно измѣнились. Прежде, когда для этого служили преимущественно водные пути, Висла и Нѣманъ дѣйствительно во многомъ привязывали русскій отпускъ къ прусскимъ портамъ лежащимъ у устьевъ этихъ рѣкъ. Но теперь провозъ по этимъ рѣкамъ упалъ на двѣ трети. А желѣзныя дороги, по словамъ г. Рикерта, вовсе не безусловно направляютъ весь транзитъ на Пруссію. Грознымъ конкуррентомъ прусскихъ портовъ въ этомъ отношеніи является Либава. Ораторъ привелъ цифры привоза и отпуска Либавы съ 1872 года, указывающія какъ быстро растетъ этотъ портъ. Въ 1872 году въ Либаву пришли 367 судовъ, а вышли оттуда 354, въ сложности съ 30 тысячами ластовъ; а въ 1878 году ушло изъ Либавы 1.278 судовъ (135.000 ластовъ), а пришло 1.266 судовъ. Данцигскіе и кенигсбергскіе купцы, указалъ далѣе г. Рикертъ, очень зорко слѣдятъ за всѣмъ что дѣлается въ Либавѣ, и одинъ изъ лучшихъ техниковъ командированный туда спеціально для наблюденія за развитіемъ тамошняго порта сообщаетъ объ этомъ свѣдѣнія которыя приводятъ г. Рикерта въ трепетъ за будущность прусскихъ портовъ. По этимъ свѣдѣніямъ, Русское правительство не жалѣетъ никакихъ усилій чтобы въ самомъ скоромъ времени сдѣлать изъ Риги, Либавы и Виндавы первоклассныя гавани. Въ началѣ мая происходили де въ Либавѣ совѣщанія между агентами правительства и представителями тамошняго купечества насчетъ новыхъ сооруженій въ тамошней гавани. Представитель правительства заявилъ что оно употребитъ всѣ усилія дабы продукты Россіи отпускаемые за границу погружались въ ея собственныхъ портахъ, и что предполагается сдѣлать Либаву отпускнымъ портомъ преимущественно для тѣхъ грузовъ которые до сихъ поръ направлялись главнымъ образомъ на Эйдкуненъ и Кенигсбергъ. Никакія издержки, такъ сказалъ представитель правительства, не покажутся чрезмѣрными для достиженія этой цѣли. Было заявлено о необходимости увеличенія числа разъѣздныхъ рельсовыхъ путей у гавани и о многихъ другихъ необходимыхъ сооруженіяхъ въ видахъ увеличенія размѣровъ порта, и все это было немедленно одобрено правительствомъ. Свѣдѣнія эти, если они вѣрны, очевидно относятся къ посѣтившей недавно наши прибалтійскіе порты желѣзнодорожной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Баранова. Нельзя не поблагодарить депутата Германскаго рейхстага за сообщеніе столь утѣшительныхъ свѣдѣній объ энергической дѣятельности этой недавно приступившей къ исполненію своей важной задачи коммиссіи, на которую возлагается столько надеждъ. Но понятно что депутатъ Рикертъ и его прибалтійскіе кліенты смотрятъ на дѣло совсѣмъ съ иной точки зрѣ-

нія. „Что станется,“ воскликнулъ онъ, „съ нашимъ добрымъ Кенигсбергомъ когда окончено будетъ проложеніе втораго пути къ Либавѣ, которое теперь уже начато? Нашимъ новымъ тарифомъ мы только дѣйствуемъ на руку Русскому правительству!“ Г. Рикертъ несогласенъ съ княземъ Бисмаркомъ и въ томъ что русская отпускная торговля не можетъ обойтись безъ содѣйствія капиталовъ сосредоточенныхъ въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Названный депутатъ полагаетъ что если въ нашихъ прибалтійскихъ портахъ окажется надобность въ капиталахъ, то они съ большею легкостью притекутъ туда изъ Петербурга и Москвы. Не согласенъ г. Рикертъ и съ тѣмъ будто хлѣбная пошлина можетъ пригодиться для Германіи какъ средство принужденія противъ Россіи чтобы заставить ее понизить у себя ввозныя пошлины на произведенія привозимыя изъ Германіи. „Въ нашей провинціи (то-есть въ Западной Пруссіи), сказалъ г. Рикертъ, съ трепетомъ взираютъ на эту боевую пошлину, ибо отъ нея ожидаютъ лишь того что Рига и Либава станутъ эмпоріями всемірной торговли русскими продуктами вмѣсто Данцига, Кенигсберга и Штетина.“ Далѣе какъ г. Рикертъ, какъ и г. Дельбрюкъ указали на то что до сихъ поръ привозъ Россіи далеко превосходитъ ея вывозъ, а потому она ни въ какомъ случаѣ не можетъ опасаться предполагаемаго принужденія, но напротивъ имѣетъ въ своихъ рукахъ гораздо болѣе дѣйствительное средство принужденія противъ Германіи, ибо что станется съ послѣднею въ случаѣ если Россія вздумаетъ воспретить вывозъ туда хлѣба въ такіе годы когда будетъ неурожай? По вычисленіямъ одного весьма компетентнаго кенигсбергскаго купца, налогъ на хлѣбъ лишь въ 50 пфениговъ на центнеръ (а на пшеницу установлена пошлина вдвое большая) равносиленъ вздорожанію фрахта на сто марокъ на каждый вагонъ до Кенигсберга, а это значитъ де что въ той борьбѣ которую Кенигсбергъ ведетъ съ Одессой, районъ подвоза для послѣдней подвинется далѣе на сѣверъ на 40—50 миль, другими словами, что кенигсбергская торговля лишится торговой связи съ полосой Россіи въ нѣсколько сотъ квадратныхъ миль, для которой этотъ городъ служилъ до сихъ поръ наиболѣе дешевымъ отпускнымъ портомъ. Послѣднее возраженіе г. Рикерта противъ выводовъ князя Бисмарка заключалось въ томъ что онъ совершенно неосновательно упрекнулъ прусскихъ хлѣбныхъ торговцевъ за то что они смѣшиваютъ русскій хлѣбъ вывозимый ими за границу съ туземнымъ. Вопервыхъ, сказалъ онъ, смѣшеніе это дѣлается открыто, примѣняясь къ потребностямъ англійскаго и другихъ рынковъ; а вовторыхъ, это дѣлается не съ той только цѣлью чтобы возвысить качество плохаго русскаго зерна, а напротивъ весьма часто съ цѣлью сдобрить низкое качество прусскаго зерна.

Казалось бы, всѣхъ этихъ аргументовъ болѣе чѣмъ достаточно дабы убѣдить и самыхъ упорныхъ въ томъ что не Россія останется въ ущербѣ отъ пошлины которою отнынѣ обложенъ будетъ ея хлѣбъ въ Германіи. Если тутъ есть еще что-либо неразъясненное, такъ это развѣ то что обо всемъ этомъ трактуется съ такою откровенностью, какъ бы въ разчетѣ на то что въ Россіи никогда не сумѣютъ или не захотятъ понять необходимость принять и съ своей стороны мѣры къ огражденію себя отъ чужеземной эксплуатаціи. Но г. Рикертъ имѣетъ въ запасѣ еще иные аргументы, кои онъ не счелъ возможнымъ высказать публично съ такою же откровенностью. Онъ настаиваетъ на томъ чтобы предложеніе его было передано въ тарифную коммиссію, которая не засѣдаетъ публично. „Тѣ основанія,“ сказалъ онъ, „которыя мы тамъ выставимъ, надѣюсь, убѣдятъ и имперскаго канцлера, и онъ согласится оказать намъ необходимую помощь дабы предотвратить грозящее намъ бѣдствіе.“

Князь Бисмаркъ однако возражалъ противъ передачи предложеній гг. Рикерта и Дельбрюка въ коммиссію и требовалъ немедленнаго ихъ отклоненія. Но рейхстагъ все-таки рѣшилъ передачу оныхъ въ коммиссію, очевидно заинтересованный этими „конфиденціальными“ доводами, о которыхъ русская публика не должна знать.

Но, повторяемъ, съ насъ довольно и тѣхъ которые высказаны публично.

№ 128.

Москва, 22-го мая.

Политика боевыхъ таможенныхъ пошлинъ, усвоенная нынѣ княземъ Бисмаркомъ, не впервые практикуется противъ

Россіи нашимъ западнымъ сосѣдомъ. Пруссія пыталась примѣнить ее къ дѣлу еще слишкомъ полвѣка тому назадъ, и князь Бисмаркъ счелъ не лишнимъ коснуться этого эпизода въ рѣчи произнесенной имъ въ засѣданіи Германскаго рейхстага 21 (9) мая. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ: Въ двадцатыхъ годахъ, Пруссія требовала чтобы Россія предоставила ей полную свободу торговыхъ сношеній съ отошедшими къ Россіи прежними польскими землями; Россія отклонила это домогательство, а „раздосадованная“ этимъ Пруссія, въ отместку. наложила на идущій изъ Россіи хлѣбъ пошлину въ размѣрѣ 5 зильбергрошей съ шеффеля *). Взиманіе этой пошлины, однако, пришлось вскорѣ прекратить, ибо императоръ Александръ I усмотрѣлъ въ ней уклоненіе отъ преданій политической дружбы между Пруссіей и Россіей, а тогдашняя прусская политика, по выраженію князя Бисмарка, „считала неудобнымъ огорчать императора Александра I.“

Теперь настали иныя времена, и экономическая война объявляется намъ со стороны Германіи уже безо всякихъ соображеній о томъ могутъ или не могутъ быть этою войной въ чемъ-нибудь подорваны или ослаблены старинныя связи традиціонной дружбы двухъ сосѣднихъ имперій. Нравится или не нравится это Россіи, князь Бисмаркъ хочетъ нынѣ брать дань съ русскаго отпуска, и не только съ той его части которая поступаетъ на внутренніе германскіе рынки, а также и съ той несравненно большей которая только проходитъ чрезъ Германію для поступленія на рынки другихъ странъ. Отзывы князя Бисмарка о Россіи и русскихъ интересахъ, какъ могли замѣтить читатели, чѣмъ далѣе тѣмъ развязнѣе. Недавно, можно сказать на дняхъ, истинные мотивы пошлинъ на хлѣбъ еще маскировались желаніемъ помочь пришедшему будто бы въ упадокъ германскому сельскому хозяйству, оградить его отъ конкурренціи русскаго хлѣба на германскихъ рынкахъ. Теперь германскій канцлеръ, въ своей рѣчи 21 мая, уже прямо сказалъ что въ наложеніи пошлинъ на хлѣбъ оказаніе покровительства отечественному земледѣлію играетъ самую малую роль, а что главное ихъ значеніе есть финансовое, состоящее во взиманіи дохода съ русскихъ производителей хлѣба. „На послѣднихъ въ концѣ концовъ,“ сказалъ князь Бисмаркъ, „обрушится вся невзгода, но мы въ Германіи не обязаны объ этомъ заботиться.“

Подобныхъ заботъ со стороны Германіи у насъ, конечно, никто и не ожидаетъ. Но русскіе люди не думаютъ, однако, чтобы „невзгоды“ которыя готовитъ имъ князь Бисмаркъ были неотвратимы. Въ рукахъ нашего правительства имѣются достаточныя средства не допустить чтобы, помимо разныхъ налоговъ лежащихъ на русскомъ земледѣліи и поступающихъ на государственныя и общественныя надобности, русскимъ производителямъ хлѣба пришлось платить ни за что, ни про что еще новый налогъ на покрытіе издержекъ германской казны. Какъ извѣстно, у насъ уже и принимаются мѣры къ предотвращенію тѣхъ невзгодъ которыми германская таможенная реформа грозитъ русскимъ производителямъ. Усиливаются перевозочныя средства по дорогамъ ведущимъ къ русскимъ балтійскимъ и черноморскимъ портамъ, куда должны направиться русскіе грузы шедшіе доселѣ къ портамъ германскимъ; принимаются мѣры и къ тому чтобы приспособить самые порты наши къ новымъ условіямъ болѣе обширной торговли. Судя по приходящимъ свѣдѣніямъ, эти заботы правительства не остаются безплодными, и уже нынѣ, хотя на германской границѣ пошлины съ русскаго хлѣба еще не взыскиваются, замѣчается сокращеніе отпуска русскихъ продуктовъ чрезъ германскіе порты и расширеніе этого отпуска чрезъ порты русскіе. Но у князя Бисмарка всѣ эти мѣры вызываютъ пока только насмѣшливую улыбку. „Измѣненіемъ путей сбыта изъ Россіи, о чемъ теперь не мало толкуютъ,“ пренебрежительно замѣтилъ онъ въ своей рѣчи 21 мая, „можно пугать лишь тѣхъ людей которые не знаютъ ни дѣла, ни географіи.“

Въ какой мѣрѣ искрененъ самоувѣренный тонъ которымъ такъ рѣшительно, вопреки уже начавшимъ обозначаться фактамъ, утверждается невозможность измѣнить пути сбыта русскихъ продуктовъ, это намъ, конечно, неизвѣстно. Мало понятна намъ и сдѣланная княземъ Бисмаркомъ ссылка на географію. Естественныя географическія условія, сколько извѣстно, и нынѣ тѣ же самыя какъ и въ сороковыхъ годахъ. Между тѣмъ, въ сороковыхъ го-

*) Шеффель равняется $2^{9}/_{100}$ четверика.

дахъ Россія пользовалась германскими портами для своего отпуска въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ; чрезъ сухопутную границу шла едва десятая часть нашего сбыта, тогда какъ въ послѣдніе годы въ Германію и чрезъ Германію идетъ болѣе трехъ десятыхъ всей массы нашего отпуска *). Но тѣмъ бóльшаго вниманія, конечно заслуживаетъ въ заявленіяхъ князя Бисмарка указаніе на положеніе дѣлъ ставящее нашу отпускную торговлю въ зависимость отъ германскихъ портовъ помимо географическихъ условій. „Чтò привлекаетъ торговлю хлѣбомъ изъ Россіи въ наши прибалтійскіе города?“ сказалъ онъ между прочимъ въ своей рѣчи 21 мая. „Отнюдь не то чтобы въ Россіи не было хорошихъ гаваней; Русскіе имѣютъ такія гавани въ Ригѣ, Петербургѣ, Либавѣ, но всего этого не достаточно для торговли... Россія можетъ истратить на Либаву сколько захочетъ денегъ, а все не сдѣлаетъ изъ нея торговаго мѣста. Если чтò привлекаетъ грузы въ Данцигъ и Кенигсбергъ, такъ это большое торговое мѣсто, большое купечество и большой капиталъ... Въ силу этого, Данцигу и Кенигсбергу принадлежитъ хлѣбная торговля, и они удержатъ ее за собою, потому что подобнаго торговаго мѣста не въ состояніи никогда импровизовать даже громадныя средства Россійской Имперіи...“

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, можетъ-быть, и есть нѣкоторая доля истины. Да, нашимъ балтійскимъ портамъ (объ Одесскомъ князь Бисмаркъ благоразумно умалчиваетъ), для того чтобы соперничать съ прусскими балтійскими портами, не достаетъ именно тѣхъ условій на которыя онъ указываетъ, и никто не станетъ спорить что созданіе этихъ условій есть для насъ дѣло довольно трудное. Но *трудное* не значитъ *невозможное*, и категорически отрицая чтобы Россійская Имперія, при всѣхъ своихъ средствахъ, могла привлечь въ русскіе порты „большое купечество и большіе капиталы,“ чтобы тѣмъ сдѣлать изъ нихъ „большія торговыя мѣста,“ князь Бисмаркъ, какъ намъ кажется, упустилъ изъ виду историческій ходъ возрастанія именно тѣхъ германскихъ портовъ съ которыми должны соперничать Либава, Рига и пр. Были ли Кенигсбергъ и Данцигъ въ сороковыхъ годахъ тѣмъ чѣмъ они стали теперь, и пріобрѣли ли бы они ту торговую силу которою теперь обладаютъ безъ того содѣйствія которое въ теченіе долгаго ряда лѣтъ постоянно оказывалось имъ именно со стороны Россіи? Извѣстно что наши таможенные тарифы были разчитаны такъ чтобы поощрять именно торговлю Кенигсберга и Данцига, въ ущербъ торговлѣ русскихъ портовъ. Наши желѣзныя дороги строились тоже къ преимущественной выгодѣ германскихъ портовъ. Длиннымъ рядомъ такихъ и подобныхъ имъ искусственныхъ мѣръ, привозная торговля насильно отвлекалась отъ русскихъ портовъ къ которымъ она имѣла естественное тяготѣніе, и направлялась къ портамъ германскимъ, какъ бы затѣмъ чтобы корабли приходящіе къ нашимъ портамъ имѣли какъ можно менѣе груза, чтобы процентъ кораблей приходящихъ къ намъ съ балластомъ былъ по возможности самый высокій, чтобъ отпускъ изъ русскихъ портовъ возможно болѣе затруднялся дорогими фрахтами, и чтобы наоборотъ прусскіе порты пользовались фрахтами какъ можно болѣе дешевыми. Думаютъ ли въ Германіи что систематическое и настойчивое примѣненіе подобныхъ же мѣръ, оказавшихся столь дѣйствительными для подъема Кенигсберга и Данцига, не будетъ имѣть никакого значенія для подъема русскихъ портовъ?

Но еслибы всѣ средства находящіеся въ распоряженіи Русскаго правительства въ самомъ дѣлѣ оказались недостаточными и безсильными исправить допущенныя прежде ошибки и возвратить русскому отпуску естественное направленіе къ русскимъ портамъ, намъ конечно пришлось бы подумать о мѣрахъ возмѣстить инымъ путемъ невыгоды которыми должна, въ такомъ случаѣ, отозваться на Россіи предпринятая нынѣ въ Германіи таможенная реформа. Если Германія хочетъ увеличить свои выгоды съ нашего въ нее отпуска, мы съ равнымъ правомъ можемъ пожелать увеличить свои выгоды съ ея къ намъ привоза. И при этомъ едва ли мы останемся въ проигрышѣ. Какой бы процентъ ни взяли Нѣмцы со стоимости нашего отпуска, тотъ же процентъ съ привоза дастъ намъ гораздо бóльшую сумму, ибо средній годовой отпускъ въ Германію (за пятилѣтіе 1872—1876) составляетъ по цѣнности лишь около 111 милліоновъ рублей, а средній годовой привозъ

*) Въ пятилѣтіе 1872 — 1876, всѣхъ товаровъ по Европейской границѣ было отпущено на 1.808 милліоновъ рублей, и въ томъ числѣ въ Германію на 354 милліона.

изъ Германіи (за то же пятилѣтіе) простирается свыше 187 милліоновъ.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что повышеніе пошлинъ на идущіе къ намъ изъ Германіи товары требуется и по соображеніямъ совершенно независимымъ отъ обсуждаемой нынѣ тамъ таможенной реформы. Помимо огражденія себя отъ „невзгодъ“ которыми грозитъ Россіи князь Бисмаркъ своею реформой, намъ давно пора подумать вообще объ измѣненіи характера нашей заграничной торговли. Какъ намъ уже приводилось замѣчать, вся хроническая невыгодность нашего торговаго баланса есть результатъ именно торговыхъ сношеній съ Германіей. Князь Бисмаркъ считаетъ выгоднымъ только такой ходъ торговли при которомъ другія государства покупали бы въ Германіи болѣе товаровъ чѣмъ сколько Германія покупала бы у нихъ. Держась такого мнѣнія, онъ, конечно, не въ правѣ будетъ сѣтовать если Россія пожелаетъ, путемъ наложенія пошлинъ, сократить свой привозъ изъ Германіи по крайней мѣрѣ до размѣровъ нашего отпуска въ нее. Ежегодно должать Германіи за привозимые изъ нея товары, не покрываемые цѣнностью отпуска, значитъ становиться все въ бо́льшую экономическую зависимость отъ нея,— зависимость, которою германскіе государственные люди, какъ показываетъ примѣръ самого князя Бисмарка, не прочь при случаѣ воспользоваться въ ущербъ Россіи.

№ 129.

Москва, 23-го мая.

Мирное прибытіе Алеко-паши, или князя Александра Вогоридиса, какъ его предпочитаютъ называть Болгары, въ Филиппополь, столицу Восточной Румеліи, вмѣстѣ съ русскимъ генераломъ Столыпинымъ, исполнявшимъ должность Императорскаго коммиссара этой провинціи, лучше всего доказываетъ какъ необходимо было содѣйствіе Россіи для умиротворенія населенія, которое естественно не могло быть довольно сдѣлкой придуманною европейскою дипломатіей. Откровенная и правдивая рѣчь произнесенная экзархомъ Болгарскимъ, въ привѣтствіе вновь прибывшему генералъ-губернатору, указала причины какъ прежняго недовѣрія Болгаръ, такъ и нынѣшняго ихъ успокоенія. Къ самой личности новаго губернатора, какъ видно изъ этой рѣчи, Болгары относятся безъ недовѣрія: онъ христіанинъ и человѣкъ получившій европейское воспитаніе; кромѣ того, хвалятъ его честность и независимый характеръ. Но, какъ говорилъ преосвященный экзархъ, если что́ возбуждало волненіе и недовольство, такъ это убѣжденіе что, „послѣ избіеній и разрушенія селеній и цѣлыхъ городовъ, послѣ почти полнаго разоренія страны,“ даже автономія не представляла достаточной гарантіи противъ возобновленія этихъ ужасовъ, и народъ готовъ былъ скорѣе на смерть чѣмъ оставаться въ такомъ критическомъ положеніи. Что́ же было причиной успокоенія такого отчаяннаго настроенія? „Съ назначеніемъ вашей свѣтлости генералъ-губернаторомъ,“ сказалъ духовный вождь Болгаръ обращаясь къ князю Вогоридису, „и при увѣренности что гарнизоны не будутъ посланы въ Балканы, всемогущее слово Императора Александра успокоило возбужденныя такимъ образомъ опасенія и внушаетъ довѣріе къ будущему.“ Благодаря этому довѣрію, южные Болгары, хотя ихъ національныя стремленія и не удовлетворены, встрѣтили новаго генералъ-губернатора не только радушно, но и обѣщаютъ ему, устами экзарха, поддержку всѣхъ патріотовъ въ трудномъ уврачеваніи многихъ и глубокихъ ранъ, отъ коихъ еще не могла такъ скоро оправиться страна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, телеграммы англійскихъ газетъ увѣдомляютъ что и возвращеніе русскихъ войскъ продолжается безостановочно, и что Восточная Румелія будетъ ими очищена даже ранѣе Болгаріи, вслѣдствіе того что въ этой провинціи ранѣе водворится новое управленіе, тогда какъ князь Александръ Баттенбергскій, пожелавшій прежде вступленія въ управленіе посѣтить европейскіе дворы, прибудетъ въ свое княжество не ранѣе половины іюля.

Казалось бы что́ все это какъ нельзя болѣе успокоительно. То устройство Восточной Румеліи которое возбуждало такія тревожныя сомнѣнія, грозило новыми замѣшательствами и можетъ-быть кровавыми смутами, осуществляется мирно благодаря Россіи при существенномъ отступленіи отъ Берлинскаго трактата по вопросу о занятіи Балканскихъ проходовъ. Только Россіи довѣряютъ населенія Балканскаго полуострова, и только ей воз-

можно было утишить волненіе румелійскихъ Болгаръ и внушить имъ надежду что будущее не будетъ повтореніемъ прошедшаго. Это могучее вліяніе Россіи принуждены признать сами враги ея. Вѣнскій корреспондентъ *Times* указывалъ что „положеніе созданное для Россіи событіями поставило внѣ всякаго сомнѣнія преобладающее вліяніе ея голоса въ Румеліи,“ и что „если постановленія трактата касательно этой провинціи мирно приводятся въ исполненіе, то честь этого Россія въ правѣ приписать себѣ.“ Также и руководители газеты *Times* не могли не признать что „примирительная политика Россіи въ Болгаріи и Румеліи существенно помогла мирному результату,“ и что „еслибъ она захотѣла, то могла бы поставить много препятствій этому.“

Англійская печать была въ послѣднее время очень занята головнымъ уборомъ который будетъ носить губернаторъ Румеліи. Она была огорчена извѣстіемъ что Алеко-паша вступитъ въ Филиппополь не въ фескѣ, а въ болгарской шапкѣ, но затѣмъ англійскія газеты съ радостью отмѣтили телеграмму Рейтерова агентства что, по рѣшенію султана, губернаторъ Румеліи при всѣхъ торжественныхъ и офиціальныхъ случаяхъ долженъ де будетъ появляться въ фескѣ. *Daily Telegraph* приписываетъ особенную важность этому рѣшенію, дѣлая глубокомысленное замѣчаніе что еслибы *вали* „промѣнялъ турецкую феску на русскую каску, то однимъ этимъ поступкомъ онъ измѣнилъ бы вѣрноподданству коимъ онъ обязанъ въ отношеніи къ Портѣ и открыто надѣлъ бы ливрею Русскаго Царя.“ И что же? Говоря такъ, Англичане высокомѣрно смѣются надъ дѣтскою наивностью Болгаръ, споровшихъ о головномъ уборѣ своего правителя и со страхомъ ожидавшихъ увидѣть его въ фескѣ Газета *Times* усматриваетъ въ этомъ „лишь новый примѣръ вліянія какое чувство оказываетъ на дѣла людей.“ Даже *Daily News*, которая впрочемъ не безъ ироніи замѣчаетъ что по всему вѣроятію о фескѣ хлопоталъ особенно англійскій посолъ, находитъ забавнымъ весь этотъ переполохъ. Но развѣ не въ тысячу разъ смѣшнѣе видѣть какъ сами Англичане важно трактуютъ объ этомъ вопросѣ? Если Болгары такія дѣти что у нихъ чувство преобладаетъ надъ дѣломъ и что они приписываютъ значеніе пустякамъ, то почему же заботы Англичанъ о турецкой фескѣ должны служить признакомъ высокой цивилизаціи и политической мудрости? А между тѣмъ весьма не трудно понять что для Болгаръ вопросъ о фескѣ имѣетъ серіозное значеніе. Для нихъ одинъ видъ ея вызываетъ кровавыя воспоминанія. Отсутствіе этого прежняго знака мусульманскаго поставитъ Болгаръ въ болѣе довѣрчивыя отношенія къ генералъ-губернатору, и побудитъ ихъ скорѣе повѣрить въ дѣйствительность дарованной имъ автономіи. Если, какъ замѣчаетъ *Times*, Алеко-пашу придется судить въ будущемъ не по фасону его платья, а потому какъ онъ будетъ исполнять ввѣренныя ему трудныя обязанности, то неужели не важно для него, съ самаго начала, снискать довѣріе жителей управляемой имъ провинціи?

Другаго рода тревожныя извѣстія сообщаются вѣнскими и берлинскими газетами, а именно о преобладающемъ вліяніи какое русская дипломатія пріобрѣтаетъ въ Портѣ. Поѣздка Намыкъ-паши въ Ливадію и переписка которою обмѣнялись султанъ съ Государемъ Императоромъ дала пищу самымъ разнообразнымъ толкамъ. Уже заговорили о начатыхъ будто бы между Россіей и Портой переговорахъ касательно слiянія Восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ, о предполагаемомъ оборонительномъ союзѣ который Порта ищетъ заключить съ Россіей при гарантіи своихъ европейскихъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникаютъ слухи и о готовящихся новыхъ перемѣнахъ въ турецкомъ министерствѣ. Съ одной стороны, пророчатъ возможную перемѣну въ русскомъ смыслѣ, а съ другой, извѣщаютъ объ интригахъ партіи Мидхата, поддерживаемыхъ англійскою политикой. Любопытнѣе же всего что указанія на существованіе не только удовлетворительныхъ, но даже искреннихъ отношеній между Россіей и Турціей возбуждаетъ такую тревогу въ Вѣнѣ что Австро-Венгерское правительство, по слухамъ, усиливается дипломатическими представленіями и угрозами разорвать эти отношенія. Враждуетъ Россія съ Турціей,—бьютъ въ набатъ, кричатъ что Россія злоумышляетъ на цѣлость Турціи, на спокойствіе Европы. Стараемся мы дружить съ Портой и успѣваемъ внушить ей довѣріе,—опять бѣда и новая тревога. Явно что успокоеніе на Балканскомъ полуостровѣ отнюдь не входитъ въ

планы политиковъ которые повидимому такъ объ этомъ заботятся...

№ 130.

Москва, 24-го мая.

Сегодня началась и послѣ-завтра, 26 мая, должна заключиться подписка на новый пятипроцентный внутренній заемъ въ *триста милліоновъ* рублей, предназначаемый на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ минувшею войною и вносимый въ государственную долговую книгу подъ названіемъ „Третьяго Восточнаго займа."

Обстоятельства нашего денежнаго рынка при которыхъ заключается этотъ заемъ мало отличаются отъ тѣхъ при которыхъ въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ шла подписка на подобный же трехъсотмилліонный пятипроцентный Второй Восточный заемъ. Какъ тогда такъ и теперь, замѣчалось и замѣчаются обиліе наличныхъ денегъ ищущихъ помѣщенія; и банки попрежнему не только не заботятся о привлеченіи, а напротивъ затрудняются пріемомъ вкладовъ, и учетный процентъ попрежнему низокъ. Такимъ образомъ шансы успѣшной реализаціи новаго займа въ сущности тѣ же какіе имѣлъ и августовскій заемъ, давшій столь блестящіе результаты. Правда, имѣются въ виду нѣкоторыя обстоятельства какъ бы уменьшающія шансы новаго займа сравнительно съ предшествовавшимъ. Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ можно признать уменьшеніе количества кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи *), но это уменьшеніе (всего на 50 милліоновъ) такъ незначительно что едва ли можетъ оказать замѣтное вліяніе на ходъ подписки. Другое, болѣе серіозное, обстоятельство заключается въ томъ что нынѣшній трехсотмилліонный заемъ требуетъ отъ подписчиковъ большей массы наличныхъ денегъ чѣмъ какая требовалась въ минувшемъ августѣ. Въ счетъ августовскаго займа должны были поступить срочныя $4^1/_2$% обязательства Государственнаго Казначейства двухъ выпусковъ, на сумму 100 милліоновъ, такъ что заемъ былъ въ сущности 200-милліонный. Въ счетъ нынѣшняго займа должны поступить таковыя же обязательства Государственнаго Казначейства лишь одного выпуска, всего на 50 милліоновъ, такъ что заемъ, на дѣлѣ, выходитъ 250-милліонный. Тѣмъ не менѣе, однако, нѣтъ повода опасаться чтобы для нашего денежнаго рынка было нынѣ труднѣе доставить казнѣ 250 милліоновъ чѣмъ 200 при прошломъ займѣ. Условія подписки, гораздо болѣе льготныя для публики чѣмъ въ минувшемъ августѣ, заставляютъ думать, напротивъ, что реализація теперешняго займа должна идти еще легче и успѣшнѣе. Вопервыхъ, всѣ суммы по августовскому займу должны были поступить въ Государственный Банкъ въ теченіе всего *семи съ половиною мѣсяцевъ* *); по нынѣшнему же займу, взносы подписанныхъ суммъ разсрочены *болѣе чѣмъ на одиннадцать мѣсяцевъ* **). Вовторыхъ, новый заемъ выпускается по пониженному противъ прежняго курсу, не по 93, а по $92^1/_2$ за сто. Эта разница въ курсѣ оказывается еще значительнѣе при полной досрочной оплатѣ займовыхъ облигацій. При подпискѣ на Второй Восточный заемъ, такая досрочная оплата понижала выпускную цѣну займовыхъ облигацій до 91 р. 83 коп.; при нынѣшнемъ займѣ, въ случаѣ полной досрочной оплаты, облигація будетъ стоить пріобрѣтателю лишь 90 р. 80 к.,—разница въ цѣнѣ позволяющая не обращать вниманія на то что полученіе процентовъ по первому купону при нынѣшнемъ займѣ послѣдуетъ не черезъ 4, а черезъ $4^1/_2$ мѣсяца послѣ полной досрочной оплаты 15 іюня. Кромѣ указанныхъ, условія нынѣшней подписки на заемъ, сравнительно съ августовскими, представляютъ и другія немаловажныя льготы. Такъ, при Второмъ Восточномъ займѣ, досрочныя оплаты облигацій допускались *только въ сроки* назначенные для взносовъ; при нынѣшней же подпискѣ, „досрочныя оплаты до полной суммы или цѣны облигацій *допускаются во всякое* послѣ 15 іюня *время*". Далѣе, право получать

*) Въ августѣ прошлаго года кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи на сумму свыше 1.180 милліоновъ рублей; нынѣ же, какъ видно изъ баланса Государственнаго Банка къ 30 апрѣля 1879 года, кредитныхъ билетовъ въ обращеніи числится всего 1.130.565.125 рублей.

*) Подписка была открыта 17 августа 1877 года, а крайнимъ срокомъ послѣдняго взноса было 5 апрѣля 1879.

**) Подписка открыта сего 24 мая, а срокъ послѣдняго взноса опредѣленъ съ 1 по 5 мая будущаго 1880 года.

изъ Государственнаго Банка, подъ залогъ облигацій займа и временныхъ свидѣтельствъ на оныя, ссуды на льготныхъ условіяхъ, въ размѣрѣ 90% съ суммы произведенныхъ уплатъ, при августовской подпискѣ было ограничено срокомъ *только восьми мѣсяцевъ* со дня открытія займа; при нынѣшней же подпискѣ, срокъ пользованія этою льготой простирается свыше *одиннадцати мѣсяцевъ*, до 1 мая 1880 года.

Вообще подписка на новый заемъ открывается при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Ни съ какой стороны не заявляется даже и малѣйшихъ опасеній чтобы реализація объявленнаго займа могла потерпѣть неудачу. Въ такомъ общественномъ настроеніи нельзя не видѣть добраго признака. Наглядно обозначившіеся факты русской экономической жизни подорвали кредитъ слишкомъ долго господствовавшихъ у насъ пессимитистскихъ лжетолкований, и теперь даже въ Петербургѣ не дерзаютъ возвышать какъ прежде свой голосъ тѣ мрачные финансисты которые еще такъ недавно (съ тѣхъ поръ не прошло и полутора года) настойчиво утверждали что для Россіи, при ея печальномъ финансовомъ положеніи, „невозможны никакіе займы," на какихъ бы то ни было условіяхъ. Подобныя толкованія могли еще приниматься на вѣру послѣ крайне неудачнаго исхода подписки на *внѣшній стомилліонный* заемъ 1877 года, но полный успѣхъ *внутренняго трехсотмилліоннаго займа* 1878 года долженъ былъ зажать ротъ самымъ отъявленнымъ пессимистамъ.

Нельзя не признать что исторія нашихъ займовъ на покрытіе издержекъ минувшей войны вообще весьма поучительна. Результаты этихъ займовъ представляютъ ясное свидѣтельство на какіе капиталы, внутренніе или иностранные, должны мы впредь въ случаѣ нужды, разчитывать. Въ какомъ непригляднономъ положеніи очутилось бы Русское правительство еслибы держалось мнѣнія тѣхъ финансистовъ которые полагали что безъ заграничнаго кредита намъ нѣтъ спасенія! Какихъ хлопотъ и метаній изъ стороны въ сторону стоило занять за границей даже такую ничтожную сравнительно съ военными потребностями въ деньгахъ сумму, ради которой шло въ 1877 году столько переговоровъ съ иностранными банкирами! И какъ дорого обошлась эта сумма! Въ замѣнъ выданныхъ иностранцамъ долговыхъ обязательствъ на 100 милліоновъ, русская казна получила едва 75 милліоновъ, да и то послѣ долгихъ и вредныхъ для прочности русскаго кредита проволочекъ. А на ряду съ этимъ, внутренніе займы, безъ особыхъ затрудненій, последовательно дали сто, двѣсти и триста, всего шестьсотъ милліоновъ по курсамъ 91 р. 35 к., 88 р. 25 к.—88 р. 65 к. и 91 р. 16 к. за сто, и никто не сомнѣвается въ неменьшемъ успѣхѣ еще новаго трехсотмилліоннаго займа. Опытъ показалъ такимъ образомъ что внутренніе займы и реализуются легче чѣмъ заграничные, и ложатся на государство гораздо меньшимъ бременемъ въ уплатѣ процентовъ. До послѣднихъ дней, однако, публика оставалась въ неизвѣстности какой заемъ будетъ заключенъ, внутренній или внѣшній, какимъ капиталамъ дано будетъ у насъ выгодное и прочное помѣщеніе, своимъ или иностраннымъ. Агитація въ пользу внѣшняго займа не прекращалась нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Особенно старались побудить Россію къ заключенію внѣшняго займа берлинскіе банкиры, можно сказать осаждавшіе русскаго министра финансовъ предложеніями займовыхъ условій. И настойчивость этихъ домогательствъ со стороны берлинскихъ банкировъ весьма понятна. Кромѣ непосредственныхъ барышей какіе достаются на ихъ долю при внѣшнихъ займахъ, они имѣли еще другое, едва ли не болѣе вѣское, побужденіе хлопотать чтобы Россія предпочла внѣшніе займы внутреннимъ. Имъ не можетъ быть по сердцу финансовая независимость Россіи, имъ желательно закрѣплять, а не ослаблять ту зависимость въ какой находятся русскія денежныя биржи отъ Берлинской. Между тѣмъ, въ послѣднее время, на русскихъ биржахъ уже обозначаются попытки эманципироваться отъ вліянія Берлинской,—попытки которыя въ Берлинѣ, конечно, не могутъ нравиться. Заключеніе Россіей крупнаго внѣшняго займа могло бы вновь утвердить за Берлиномъ въ полной силѣ то финансовое вліяніе которое онъ начинаетъ утрачивать,—обстоятельство къ которому берлинскіе банкиры едва ли могутъ равнодушно относиться. Но если нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что берлинскіе банкиры настойчиво агитировали въ пользу заключенія Россіей не внутренняго, а внѣшняго займа, но тѣмъ труднѣе понять почему и нѣкоторые изъ

русскихъ финансистовъ также отдавали предпочтеніе внѣшнему займу предъ внутреннимъ. Ужь не завидовали ли они положенію Турціи и Египта, ставшихъ благодаря системѣ внѣшнихъ займовъ, игрушками въ рукахъ иностранныхъ кредиторовъ?

Наше министерство финансовъ, однако, не прельстилось предложеніями берлинскихъ банкировъ и не нашло убѣдительными доводовъ какіе представлялись домашними финансистами въ пользу внѣшнихъ займовъ, за что русскіе люди, конечно, скажутъ ему спасибо. Объявленная подписка на Третій Восточный заемъ положила конецъ столь долго не прекращавшимся на биржахъ толкамъ о внѣшнемъ займѣ и дай Богъ чтобы какъ можно долѣе не было поводовъ къ возобновленію этихъ толковъ.

131.

Москва, 25-го мая.

Послѣ хлѣбной пошлины утвержденной Германскимъ рейхстагомъ въ размѣрѣ предложенномъ правительствомъ, изъ дальнѣйшихъ статей новаго германскаго тарифа, для Россіи имѣетъ особый интересъ пошлины на привозимый въ Германію лѣсъ. Разсмотрѣніе этой статьи заняло три засѣданія и окончено лишь 28 мая утвержденіемъ почти безъ измѣненій цифръ налога предложенныхъ правительствомъ. Цифры эти слѣдующія: пошлина со строеваго лѣса обработаннаго лишь топоромъ 10 пфенниговъ за 100 килограммовъ, или 60 марокъ за кубическій метръ; съ распиленнаго, или инымъ образомъ предварительно обработаннаго лѣса въ томъ числѣ съ бондарной клепки и съ прутьевъ для корзинъ и для обручей 25 пфенниговъ за 100 килограммовъ, или $1^1/_2$ марки за кубическій метръ. Топливо остается свободнымъ отъ пошлины.

Подобно пошлинѣ на хлѣбное зерно, и эта пошлина мотировалась главнымъ образомъ необходимостью оказать покровительство отечественной лѣсопромышленности и лѣсоводству которыя не могутъ де выдержать конкурренціи съ иностраннымъ привозомъ, преимущественно изъ Австріи и Россіи. Въ Россіи, указывалъ правительственный коммиссаръ г. Майръ, на которато возложена была защита этой статьи тарифа предъ рейхстагомъ, лѣсное хозяйство ведется хищническимъ образомъ; а потому и цѣны на русскій лѣсъ привозимый въ Германію гораздо ниже туземнаго, несмотря на издержки провоза. Вслѣдствіе этого, германскіе лѣсовладѣльцы лишены де возможности выгодно продавать свои лѣсные матеріялы, и имъ поневолѣ приходится сбывать залежавшійся у нихъ строевой лѣсъ на топливо, а это ведетъ де къ тому что лѣсоводство въ Германіи становится съ каждымъ годомъ убыточнѣе, и можно опасаться что въ скоромъ времени частные владѣльцы вовсе перестанутъ охранять и правильно эксплуатировать свои лѣсныя владѣнія и примутся за хищническій способъ изведенія лѣсовъ, что было бы великимъ бѣдствіемъ для Германіи, владѣющей 2.500 квадратными милями лѣса, преимущественно дубоваго, который, по вычисленіямъ, представляетъ собой цѣнность въ 12 милліардовъ марокъ. Сверхъ того, упадокъ лѣснаго хозяйства лишилъ де пропитанія цѣлыя сотни тысячъ населенія, которое въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ находило разнаго рода занятія сопряженныя съ лѣсопромышленностью.

Возраженія противниковъ налога сводились къ тому что пошлина на привозный лѣсъ не можетъ послужить для той цѣли которая выставляется ея главнымъ мотивомъ, ибо нельзя ожидать чтобъ она повліяла на общее вздорожаніе лѣсныхъ матеріаловъ во всей Германіи, такъ какъ по предположеніямъ людей свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ доходъ отъ нея можетъ дать 5 милліоновъ марокъ, или немного болѣе. Если же допустить что вздорожаніе послѣдуетъ, то это именно и послужитъ побужденіемъ къ лѣсоистребленію. Главнымъ же образомъ возраженія направлены были къ доказательству того что новый налогъ отзовется гибелью на торговлѣ Данцига и Мемеля лежащихъ у устьевъ Вислы и Нѣмана и производящихъ огромную торговлю русскимъ лѣсомъ, который сплавляется по этимъ рѣкамъ. Торговля эта есть преимущественно транзитная, и налогъ будетъ имѣть то послѣдствіе что Либава и прочіе остзейскіе порты Россіи отнимутъ у прусскихъ портовъ и эту отрасль торговли. На это со стороны правительства выставленъ былъ тотъ аргументъ что относительно лѣса русская отпускная торговля еще болѣе находится въ зависимости отъ

прусскихъ портовъ нежели относительно хлѣбнаго зерна, ибо лѣсъ идетъ преимущественно водянымъ путемъ и не выноситъ издержекъ перевозки по желѣзной дорогѣ. А такъ какъ Нѣманъ и Висла суть главные пути для сплава лѣса изъ мѣстностей западной Россіи наиболѣе богатыхъ строевымъ лѣсомъ, то Данцигъ и Мемель могутъ не опасаться никакой конкурренціи Либавы и Риги, и стало-быть предполагаемая пошлина всецѣло падетъ на русскаго производителя.

Князь Бисмаркъ также принялъ участіе въ преніяхъ по этому вопросу и изумилъ всѣхъ своимъ всестороннимъ знакомствомъ и съ этимъ предметомъ. Онъ полагаетъ что не только Нѣманъ и Висла, но и Днѣпръ находится въ зависимости отъ прусскихъ портовъ относительно лѣсныхъ сплавовъ. Днѣпръ можетъ де служить путемъ для отправленія лѣса лишь противъ своего теченія, на соединеніе съ Западнымъ Бугомъ и Нѣманомъ, такъ какъ для сплавовъ внизъ по Днѣпру имѣется де неодолимое препятствіе въ днѣпровскихъ порогахъ. Князь Бисмаркъ находится однако въ большомъ заблужденіи на этотъ счетъ. Пороги препятствуютъ пароходному сообщенію между теченіемъ Днѣпра выше и ниже Екатеринослава; но въ весеннее половодье, продолжающееся два мѣсяца, черезъ пороги проходятъ, съ помощью прибрежныхъ лоцмановъ поселенныхъ здѣсь со временъ Екатерины, даже многочисленныя барки съ хлѣбомъ; что же касается лѣсныхъ плотовъ, то они тянутся мимо Екатеринослава нескончаемою вереницей во всѣ лѣтніе мѣсяцы, и пороги этому не препятствуютъ. Когда вода въ Днѣпрѣ спадаетъ до обыкновеннаго уровня, большіе плоты останавливаются у Екатеринослава и здѣсь дробятся на части; но сплавъ черезъ пороги рѣдко прекращается совсѣмъ. Съ верховьевъ Днѣпра, правда, много лѣса идетъ и на сѣверъ по каналамъ, для сплава по Западному Бугу, Нѣману и Вислѣ; но этотъ путь не можетъ не обойтись гораздо дороже сплава плотами по теченію Днѣпра, и потому мы думаемъ что, вопреки князю Бисмарку, не совсѣмъ неправы были тѣ депутаты рейхстага которые указывали на то что возвышеніе цѣны провоза, вслѣдствіе пошлины, вовсе отвлечетъ отпускную лѣсную торговлю Днѣпровскаго бассейна отъ прусскихъ портовъ и стало-быть въ значительной мѣрѣ ослабитъ ту зависимость отъ германскихъ торговыхъ городовъ и капиталовъ въ которой, по мнѣнію князя Бисмарка, мы будто бы роковымъ образомъ находимся.

Приведеннымъ соображеніемъ подрывается и другой аргументъ германскаго канцлера, утверждавшаго что пошлина на лѣсъ послужитъ ему, въ силу указанной имъ зависимости русскихъ сплавныхъ рѣкъ, въ томъ числѣ и Днѣпра отъ прусскихъ портовъ, средствомъ таможеннаго принужденія противъ Россіи. Онъ полагаетъ что этою пошлиной ему удастся болѣе нежели посредствомъ всякой другой заставить Россію понизить свой тарифъ на произведенія германской промышленности. На это князю Бисмарку замѣчено было что Россія въ свою очередь можетъ поступить согласно пословицѣ „какъ аукнется, такъ и откликнется,“ и что для Россіи такой способъ дѣйствій будетъ легче нежели для Германіи, такъ какъ ввозъ изъ Германіи въ Россію въ настоящее время, несмотря даже на золотыя пошлины и низкій курсъ русскихъ денегъ, сдерживающіе нѣсколько расширеніе размѣровъ нашего привоза, все-таки значительно превосходитъ русскій вывозъ въ Германію.

Князь Бисмаркъ отвѣтилъ что онъ этого не боится, ибо Россія, по его мнѣнію, дошла въ дѣлѣ обложенія иностраннаго привоза до крайняго предѣла.

Мы не знаемъ на чемъ основано такое мнѣніе германскаго канцлера, и оно тѣмъ поразительнѣе что князь Бисмаркъ самъ такъ торжественно провозгласилъ себя противникомъ ученія фритредерства и стало-быть сторонникомъ высокихъ пошлинъ.

Но высота извѣстной пошлины есть понятіе относительное, и если князь Бисмаркъ серіозно намѣренъ затѣять таможенную войну противъ Россіи, то конечно не отъ него Россія будетъ ожидать указаній насчетъ возможныхъ предѣловъ повышенія ея таможеннаго тарифа.

№ 132.

Москва, 26-го мая.

А.

Судъ надъ преступникомъ 2 апрѣля совершился. Телеграфъ сообщилъ намъ подробности достаточныя для того чтобы вновь

почувствовать всю мерзость того дѣла которое именуетъ себя русскою соціальною революціей. Вотъ эти рѣшители судебъ человѣчества, эти благотворители народовъ, выдающіе себя бойцами за идею, берущіеся разрушить міръ и создать другой по своему, — вотъ одинъ изъ этихъ героевъ, задумавшій совершить величайшее изъ преступленій! У кого достанетъ духу искать въ этой отвратительной грязи какія-нибудь идеи? Этотъ человѣкъ, вдругъ будто бы по собственному побужденію, рѣшившійся на тяжкое дѣло въ интересѣ революціонной идеи, которой онъ обрекъ себя на служеніе, — какъ онъ готовится къ этому дѣлу, какъ проводитъ онъ эти страшные часы?... Мы не будемъ воспроизводить гнусный цинизмъ его собственныхъ показаній; читатели найдутъ все сами въ телеграммѣ. Ничтожество человѣка уже достаточно выразилось въ его отвѣтѣ на первый обычный вопросъ судьи: „*я такой-то*, крещенъ въ православной вѣрѣ, но религіи не признаю.“ Вспомните что предъ судомъ стоялъ не восемнадцатилѣтній мальчишка, который увлекся удобнымъ случаемъ чтобы щегольнуть своимъ вольнодумствомъ, а человѣкъ 33 лѣтъ, дававшій отвѣтъ на простой предварительный формальный вопросъ. Могъ ли бы человѣкъ сколько-нибудь серіозный и способный къ дѣйствительному убѣжденію такъ мальчишески-торопливо заявлять о своемъ атеизмѣ, какъ будто его преступленіе недостаточно о томъ свидѣтельствуетъ? Гдѣ въ этомъ скудоуміи и въ этомъ развратѣ мѣсто для какой бы то ни было идеи? Какъ родиться здѣсь *свободному* рѣшенію на какое бы то ни было дѣло ради идеи!

Чѣмъ болѣе всматриваешься въ физіономію этихъ „русскихъ революціонеровъ“, съ которыми знакомятъ насъ судебные процессы, тѣмъ болѣе убѣждаешься что они не имѣютъ самостоятельнаго значенія, что они служатъ только орудіемъ неизвѣстныхъ имъ самимъ плановъ, и приспособлены къ этой роли развратомъ и страхомъ. Они уловлялись еще въ юномъ возрастѣ (чему отлично способствовало прежнее пагубное состояніе нашихъ школъ, отъ котораго мы теперь избавлены послѣднею учебною реформой, лишь въ нынѣшнемъ году совершившею свой полный циклъ); они систематически доведены до полнаго одичанія: въ нихъ истреблено всякое нравственное чувство. Все преступное, все осуждаемое и разумомъ и совѣстію, закономъ и Божескимъ и человѣческимъ, для нихъ возводится въ религію и поставляется имъ въ обязанность, и въ то же время они объявляются членами какой-то великой организаціи которая охватываетъ весь міръ; они фанатизируются въ своемъ скудоуміи, и каждому изъ нихъ дается свой нумеръ, и назначается свое мѣсто; ихъ охватываетъ строжайшая дисциплина ножа и револьвера, и они безпрекословно исполняютъ всѣ велѣнія таинственной, тяготящей надъ ними силы. Наша жалкая интеллигенція своею податливостію и потворствомъ, придала духъ и смѣлость этимъ испорченнымъ и погибшимъ людямъ, подняла ихъ въ собственномъ ихъ мнѣніи, и они сочли себя силой, будучи только презрѣннымъ орудіемъ неизвѣстныхъ имъ цѣлей. Не говорилъ ли Мѣрославскій, старый вожакъ польскаго мятежа, что русскими нигилистами слѣдуетъ пользоваться во вредъ Россіи, съ тѣмъ чтобы потомъ перевѣшать ихъ когда бы цѣль была достигнута, и на развалинахъ Россіи возникла бы Польша?...

Б.

Странная полемика между англійскою и французскою печатью по поводу политики кабинета Беконсфильда, въ особенности въ отношеніи къ Египту, хотя и облеченная туманомъ, заслуживаетъ чтобы на нее еще разъ обратить вниманіе. Въ ней явно обозначается какой-то новый оборотъ дипломатическихъ отношеній. Довольно того что предъ обычною вакаціей англійскаго парламента, по случаю Троицына дня, въ въ палатѣ общинъ 28 мая былъ сдѣланъ запросъ по поводу враждебнаго тона французскихъ газетъ обыкновенно относившихся къ Англіи съ особеннымъ дружелюбіемъ. Г. Боркъ, подсекретарь иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ что въ сообщеніяхъ между обоими правительствами не было ничего такого что могло бы подтвердить толки о разногласіи ихъ политики по отношенію къ Египту. Однако онъ прибавилъ что невозможно дать какія-либо подробности о сообщеніяхъ между Британскимъ правительствомъ и его представителемъ въ Парижѣ въ виду ихъ конфиденціальнаго характера. Такое признаніе о какихъ-то продолжающихся переговорахъ, конечно, да-

етъ особенное значеніе и продолжающейся газетной полемикѣ.

Послѣ того что нами было изложено о ней на прошедшей недѣлѣ, намъ остается указать лишь на ея новую фазу. Послѣ долгаго молчанія, вымолвилъ наконецъ слово объ этомъ дѣлѣ лондонскій оракулъ, газета *Times*. Хотя статья этого органа не помогаетъ разъясненію размолвки, но въ уклончивомъ тонѣ ея вообще отражается характеръ Беконсфильдовской политики. Оба правительства, свидѣтельствуетъ она, не могли до сихъ поръ согласиться во всѣхъ подробностяхъ общаго дѣйствія на Востокѣ, однако между ними не возникло де еще дипломатическаго затрудненія. Впрочемъ, продолжаетъ эта газета, „напрасно было предполагать существованіе согласія тамъ гдѣ его нѣтъ.“ Она только старается увѣрить своихъ читателей что разногласіе не такъ значительно и не такъ непреодолимо какъ кажется. Въ особенности что касается египетскаго вопроса, *Times* заявляетъ что „Французскій кабинетъ занятъ изысканіемъ предложеній къ принятію коихъ, въ свое время, Англія будетъ приглашена.“ Подробности этого плана, впрочемъ по словамъ *Times*, еще неизвѣстны и, быть-можетъ, еще не опредѣлились. Но особенно въ статьѣ *Times* бросается въ глаза сентиментальное заискиваніе предъ Франціей. Если вѣрить лондонскимъ публицистамъ, то главная цѣль англійской политики есть поддержаніе самыхъ дружескихъ отношеній ко Франціи. Припоминается что „когда, по общему мнѣнію, Франція была сокрушена и Англія затерта, то возникъ тройственный союзъ сѣверныхъ имперій, съ результатами угрожающими спокойствію и свободѣ материка“. Слѣдовательно, выгоды союза должны же одинаково цѣниться государственными людьми обѣихъ странъ, и потому когда Англійское правительство затрудняется принять какой-либо взглядъ желательный для Французовъ, то они должны де понять что есть на то весьма сильные мотивы. Напомнивъ еще что занятіе Египта уже дважды предлагалось Англіи, *Times* беретъ на себя разъяснить интересы Франціи и замѣчаетъ что ей не можетъ быть никакой выгоды въ поднятіи Египетскаго вопроса, которое можетъ привлечь къ дѣятельному въ немъ участію Германію, Италію, можетъ-быть и другія державы. „Мы предвидимъ отъ этого“, заключаетъ органъ Лондонскаго города, „международныя замѣшательства гораздо болѣе затруднительныя для Франціи чѣмъ для кого-либо другаго, и въ высшей степени пріятныя для тѣхъ кто желаетъ видѣть Францію занятою въ другомъ мѣстѣ для того чтобъ она не могла возвратить свое прежнее вліяніе въ Европѣ.“

Намекъ этихъ словъ, повидимому, не произвелъ ожидаемаго дѣйствія. *Journal des Débats*, возражая на эти доводы въ длинной статьѣ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Мы вполнѣ убѣждены въ выгодахъ тѣснаго союза между Франціей и Англіей но для того чтобы такой союзъ имѣлъ прочность, необходимо чтобъ онъ былъ основанъ на взаимномъ и полномъ довѣріи, и еслибъ обѣ націи согласились для общаго дѣйствія, то Франція не должна подвергаться риску дѣйствовать одиноко, между тѣмъ какъ ея союзникъ будетъ искать себѣ успѣха въ другомъ мѣстѣ.“ *République Française*, съ своей стороны, въ новой статьѣ по этому поводу, говоритъ: „Единственнымъ критеріемъ для сужденія въ международныхъ дѣлахъ должны быть поступки; и лишь этимъ мѣриломъ французское общественное мнѣніе должно рѣшить имѣетъ ли оно поводъ быть недовольнымъ тѣми стремленіями какія обнаруживаются Британскимъ кабинетомъ.“ Органъ г. Гамбетты холодно прибавляетъ: „Мы надѣемся что Французское и Англійское правительства согласятся относительно образа дѣйствій въ Египтѣ, и что не будетъ болѣе косвенныхъ и полуофиціальныхъ интригъ противъ новыхъ представителей обѣихъ странъ аккредитованныхъ къ хедиву.“ Эти замѣчанія противорѣчатъ заявленію г. Борка что ему будто бы ничего неизвѣстно о разногласіи между обоими правительствами.

Размолвка далеко еще не уладилась, несмотря на продолжающіяся какія-то конфиденціальныя сообщенія, о коихъ упомянулъ англійскій подсекретарь иностранныхъ дѣлъ. Въ Лондонѣ хорошо понимаютъ что толки французскихъ газетъ вовсе не личное мнѣніе „какихъ-то сентиментальныхъ или честолюбивыхъ политиковъ,“ какъ съ досады сказано въ *Morning Post*, а что въ нихъ выражается недовольство Французскаго правительства. Болѣе откровенная по своей враждѣ къ лорду Беконсфильду, *Daily News* не безъ юмора изображаетъ эту ссору Англійскаго прави-

тельства съ его единственнымъ континентальнымъ союзникомъ,— почти всегда неизбѣжное послѣдствіе, по замѣчанію газеты, того что на дипломатическомъ жаргонѣ зовется *entente cordiale*. „То что называли нашимъ полнымъ согласіемъ съ Франціей было уговоромъ добиваться различныхъ и даже противоположныхъ цѣлей одними и тѣми же средствами. Лордъ Беконсфильдъ желаетъ воспользоваться г. Ваддингтономъ для своихъ цѣлей, а г. Ваддингтонъ желаетъ оказать такую же услугу лорду Беконсфильду.“ Въ другой статьѣ та же газета разъясняетъ: „относительно Египта, конечно, не было никакого дѣйствительнаго союза, даже сентиментальнаго свойства, между Англіей и Франціей, да и быть не могло. Лордъ Беконсфильдъ, надо отдать ему справедливость, никогда не говорилъ ни о какомъ подобномъ союзѣ съ Франціей. Онъ вѣроятно былъ бы весьма радъ дѣйствовать одинъ и на свой страхъ въ Египтѣ еслибы могъ видѣть къ тому средство. Но для политики Франціи не было бы пригодно чтобъ Англійское правительство взяло Египетъ вполнѣ въ свои руки...“ Отсюда, толкуетъ *Daily News* и возникло то призрачное соглашеніе которое при первомъ напорѣ дѣйствительно сталкивающихся интересовъ и должно было исчезнуть. При такомъ изложеніи дѣла, которое, судя по всему, весьма близко къ истинѣ, какимъ образомъ соглашеніе могло бы возстановиться, и какая можетъ вообще быть основа для соглашенія между обѣими странами на этой почвѣ?

Дѣло усложняется еще тѣмъ что теперь выступаетъ новый факторъ. Неутомый германскій канцлеръ, повидимому весь погруженный въ свои таможенные проекты, зорко слѣдитъ за всѣми изворотами европейскихъ дѣлъ. Онъ нашелъ нужнымъ заявить протестъ Германіи въ египетскомъ затрудненіи. На это расширеніе посторонняго вмѣшательства въ дѣла Египта и намекалось въ *Times*. Но разчетъ парализовать дѣйствіе Франціи подобнымъ отпугиваньемъ едва ли вѣренъ. *Times* намекаетъ что прежде дважды предлагалось англійскимъ дипломатамъ занять Египетъ. Но вѣдь это было до берлинскаго конгресса. Такъ какъ Франція приняла на себя въ Берлинѣ нѣкоторую отвѣтственность за Египетъ, то дѣйствіе князя Бисмарка на руку Франціи, съ которою ему всячески хочется поладить. Извѣстно что и въ Греческомъ вопросѣ Германія съ большимъ рвеніемъ поддерживаетъ Францію.

№ 134.

Москва, 28-го мая.

Если взоры всѣхъ интересующихся политическими событіями все еще не могутъ оторваться отъ Восточной Румеліи, если оттуда, и вообще изъ Турціи, продолжаютъ сообщать разныя тревожныя вѣсти, то на этотъ разъ никакъ нельзя утверждать чтобы виною тому была Россія. Есть, очевидно, интересы которые не хотятъ чтобъ упрочилось успокоеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Ради этого успокоенія, Россіей принесено было въ жертву многое. Султанскій губернаторъ пріѣхалъ въ столицу Румеліи, водвореніе его совершилось мирно съ прочтеніемъ всѣхъ султанскихъ фирмановъ, не слышно ни о какихъ волненіяхъ населенія. Но вотъ вчерашная телеграмма Рейтерова агентства изъ Константинополя извѣщаетъ что Порта недовольна поведеніемъ посланнаго ею губернатора, что она даже обратилась къ державамъ съ циркуляромъ, въ которомъ заявляетъ что ношеніемъ болгарской шапки Алеко поступаетъ вопреки своимъ обязательствамъ предъ Портой. Тѣмъ не менѣе, присовокупляетъ извѣстіе, Порта не намѣрена пока прибѣгать къ какому-либо дѣйствію, а будетъ выжидать полнаго очищенія Румеліи отъ русскихъ войскъ, и уже послѣ того потребуетъ чтобъ Алеко надѣлъ турецкую феску и поднялъ турецкій флагъ, и если де онъ откажется исполнить это, то Порта будетъ настаивать предъ державами о смѣщеніи его и займетъ Балканскіе перевалы. Такимъ образомъ вопросъ о фескѣ, который на прошедшей недѣлѣ такъ сильно занималъ англійскую печать, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ грозитъ новыми замѣшательствами.

Сенсаціонный характеръ этого извѣстія бросается въ глаза, вопервыхъ, уже по странной формѣ проспективной угрозы. Къ чему это возвѣщеніе что Порта будетъ выжидать удаленія русскихъ войскъ чтобы начать расправу надъ своимъ генералъ-губернаторомъ? Развѣ только этимъ имѣется въ виду вызвать волненіе, и на пер-

выхъ же порахъ уничтожить то довѣріе къ будущему которое агентамъ Русскаго правительства съ такимъ трудомъ удалось внушить населенію. Столь же непонятно и извѣщеніе что Порта будетъ настаивать предъ державами о смѣщеніи Алеко-паши если онъ не исполнитъ ея требованій. По органическому статуту, генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи назначается султаномъ на пять лѣтъ съ согласія державъ, но еслибы Порта захотѣла смѣнить его, то для этого постановлена совсѣмъ иная процедура. Въ статьѣ 46, гл. III, органическаго статута Восточной Румеліи на этотъ предметъ сказано: „Въ случаѣ государственной измѣны, нарушенія органическаго статута, злоупотребленій (*malversations*) въ ущербъ имперіи, провинціи или частныхъ лицъ, генералъ-губернаторъ можетъ быть обвиняемъ предъ верховнымъ судомъ, который будетъ составленъ изъ президента и пяти членовъ назначенныхъ Высокою Портой, и пяти членовъ избранныхъ провинціальнымъ собраніемъ.“ Далѣе значится что „если верховный судъ рѣшитъ, семью голосами противъ четырехъ, что обвиненіе противъ генералъ - губернатора основательно, то судъ постановляетъ его низложеніе, независимо отъ кары полагаемой уголовнымъ закономъ.“ Никакихъ другихъ правилъ о смѣнѣ или низложеніи генералъ-губернатора во всемъ органическомъ статутѣ не имѣется, кромѣ того еще случая что онъ по праву подвергается низложенію если удалится изъ провинціи безъ разрѣшенія Порты. Правда, немедленно воспользоваться приведенною статьей Порта не могла бы въ виду того что самый органическій статутъ только что объявленъ и далеко еще не введенъ въ силу, не существуетъ еще и провинціальнаго собранія которое должно бы выбрать пять членовъ въ составъ суда надъ генералъ-губернаторомъ. Кромѣ этого естественнаго промедленія, вся эта процедура была бы весьма продолжительна, да и странно представить себѣ какимъ образомъ неношеніе фески могло бы быть подведено подъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ? Однако, если Восточная Румелія должна довольствоваться дарованнымъ ей органическимъ статутомъ, то и Порта обязана держаться его, и не можетъ прибѣгать къ болѣе суммарной расправѣ съ навлекшимъ на себя ея неудовольствіе генералъ-губернаторомъ. Она даже не въ правѣ обращаться и къ державамъ съ такими настояніями.

Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы Порта сама имѣла интересъ или желаніе создавать себѣ новыя затрудненія въ Румеліи. Объ этомъ скорѣе заботятся ея самозванные друзья въ своекорыстныхъ интересахъ. Вышеупомянутая телеграмма Рейтерова агентства получаетъ другое освѣщеніе читаемая въ связи съ толками распускаемыми въ Вѣнѣ, которые съ весьма явною тенденціей излагалъ всего за четыре дня предъ тѣмъ вѣнскій корреспондентъ газеты *Times*. Такъ, въ телеграммѣ отъ 4 іюня, онъ увѣдомлялъ что „за недавнею горячностью въ отношеніяхъ между Турціей и Россіей наступила нѣкоторая холодность,“ и что эта реакція будто бы въ особенности замѣтна въ султанѣ, „который началъ сомнѣваться въ безкорыстіи и искренности дружбы со стороны Россіи.“ А въ чемъ дѣло, корреспондентъ поясняетъ это такъ: Султанъ понялъ де что утвержденіе его верховной власти въ Восточной Румеліи зависитъ отъ лицъ назначенныхъ на главные посты въ провинціи, въ особенности отъ губернатора, его главнаго секретаря (*secrétaire général*) и начальника милиціи. На эти должности, какъ извѣстно, назначены Алеко-паша Вогоридисъ, Гавриль-эффенди и Французъ г. Виталисъ. Что же оказывается? „Всѣ эти три лица обязаны прямо или косвенно своимъ назначеніемъ русскому вліянію, и всѣ они уже (каково это *уже!*) оказываются людьми неудачными, такъ какъ они показали себя не имѣющими качествъ требующихъ повиновенія и внушающихъ уваженіе.“ Куріозно притомъ что недостатки ихъ обнаружились тѣмъ что они сумѣли предотвратить волненіе: губернаторъ въ вопросѣ о фескѣ, а начальникъ милиціи увѣривъ офицеровъ что онъ не намѣренъ передѣлывать нынѣшнюю организацію милиціи или назначать въ нее офицерами магометанъ. „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ корреспондентъ, такимъ образомъ были предотвращены безпорядки, но цѣной для Порты того авторитета, отъ котораго нынѣ такъ мало остается.“ Но развѣ эти лица показали бы себя болѣе достойными выбора еслибы, вмѣсто успокоенія населенія и стараній внушить ему довѣріе, они вызвали безпорядки? Удивительно еще вотъ что. У газеты *Times* есть корреспонденты

въ Константинополѣ и Филиппополѣ, но они ничего не пишутъ о томъ охлажденіи и недовѣріи султана къ Россіи, о которомъ такъ хорошо знаетъ вѣнскій корреспондентъ этой газеты.

Но онъ знаетъ и еще кое-что, а именно:

Другою, и болѣе важною, причиной охлажденія между Россіей и Турціей, по его словамъ, было открытіе „обширной корреспонденціи между славянскими комитетами въ Россіи и ихъ различными развѣтвленіями въ Европейской Турціи, даже въ самой столицѣ.“ Корреспонденція же эта, которую лица коимъ она попала въ руки не преминули сообщить султану, доказала де внѣ всякаго сомнѣнія что Россія ведетъ прежнюю игру, а именно „въ настоящее время Болгарамъ Македоніи рекомендуется сохранять спокойствіе и съ терпѣніемъ переносить нѣсколько долѣе свою суровую участь, пока вопросы остающіеся еще не рѣшенными на западѣ—въ Греціи, Албаніи, Босніи и Герцеговинѣ, не приведутъ къ замѣшательствамъ которыми Болгарамъ со временемъ можно будетъ воспользоваться для своей выгоды.“

Вотъ какія ужасныя махинаціи ведутъ эти страшные славянскіе комитеты!...

Болгарамъ Россія рекомендуетъ спокойствіе и терпѣніе чтобы воспользоваться замѣшательствами въ Греціи, Албаніи и Босніи,—но вѣдь тамъ, въ этихъ краяхъ, Порта имѣетъ дѣло не съ Россіей, а съ Австріей и Англіей. Не хотятъ ли эти державы создать тамъ замѣшательства нарочно для Болгаръ? Не ясно ли что имъ, напротивъ, спокойствіе въ Болгаріи и Румеліи не на руку, что имъ вѣроятно пріятнѣе было бы видѣть тамъ волненія, можетъ-быть даже маленькую рѣзню, чтобъ отвлечь вниманіе отъ западныхъ провинцій, и исполнить тамъ свои планы?

Нельзя оставить безъ вниманія еще то что именно въ ту минуту когда довѣрчивыя отношенія между Россіей и Турціей, о коихъ извѣщалось въ послѣднее время, возбуждаютъ такую тревогу и когда употребляются всяческія усилія разорвать ихъ, въ Константинополѣ вновь распускаются слухи о заговорѣ противъ султана въ пользу Мурада. Это также признакъ знаменательный...

№ 135.

Москва, 29-го мая.

А.

Надъ преступникомъ 2 апрѣля исполнена грозная, но справедливая казнь. Совершая свое злое дѣло, онъ самъ пытался лишить себя жизни, принявъ отраву. Ему не дано было погибнуть самоубійствомъ; онъ долженъ былъ пасть подъ ударомъ правосудія. Но въ то же время ему выпалъ странный жребій. Величіе преступленія какъ бы отличило его отъ другихъ злодѣевъ также какъ и онъ подвергшихся смертной казни. Тѣ были судимы простымъ судомъ,—этотъ Судомъ Верховнымъ, состоявшимъ изъ сановниковъ Имперіи; его обвинителемъ былъ генералъ-прокуроръ, министръ юстиціи. Какъ обстановка суда, такъ и самой казни отличалась торжественностію. Онъ подвергся одинаковой казни съ другими, ни большей ни меньшей, но ему какъ будто были оказаны особыя почести именно потому что онъ совершилъ самое тяжкое изъ преступленій. Въ послѣднія минуты онъ могъ еще порисоваться предъ многочисленными массами, а люди этого рода любятъ порисоваться. Каждый изъ этихъ Геростратовъ хочетъ прославиться. Было замѣчено что преступникъ, на подмосткахъ висѣлицы, отказавшись отъ напутствія религіи, заботливо поглядывалъ на замѣченную имъ группу газетныхъ корреспондентовъ съ записными книжками и карандашами. Кто знаетъ, быть-можетъ безъ этой обстановки, которая поддерживала въ преступникѣ духъ строптивости, онъ очнулся бы предъ смертію. Ему было стыдно преклониться предъ Распятіемъ; онъ однако поклонился священнику, какъ бы борясь съ совѣстью.

Въ самомъ дѣлѣ, нужна ли такая торжественная обстановка, ничего не прибавляющая къ карѣ, а напротивъ соединяющая ее съ какимъ то почетнымъ отличіемъ, которое можетъ только льстить преступнику, и льститъ въ самомъ дурномъ смыслѣ? Нужно ли вообще дѣлать зрѣлище изъ смертной казни? Едва ли это нужно въ видахъ устрашенія. Устрашать можетъ самый фактъ казни, но не торжественность ея обстановки.

Судебное слѣдствіе констатировало фактъ преступленія, въ чемъ не было надобности;

но едва ли оно много способствовало раскрытію зла. Сколько можно судить по даннымъ которыя мы имѣемъ предъ собою, всего важнѣе предварительное дознаніе о прикосновенности доктора Веймара къ этому дѣлу. Его участіе въ преступной организаціи бросается въ глаза, но это не уличный забулдыга, также не мальчишка сбитый съ толку и уловленный всякими соблазнами. Это человѣкъ уже пожилой, богатый, принадлежащій къ порядочному обществу. Этотъ кажется принадлежитъ не къ уловленнымъ, а къ уловлявшимъ... Онъ находится подъ слѣдствіемъ и будетъ подъ судомъ: посмотримъ удастся ли слѣдствію добраться въ этомъ случаѣ до сущности дѣла и найти къ нему ключъ...

Б.

Въ какой мѣрѣ отзовутся на русскихъ интересахъ установляемыя Германіей пошлины на главные предметы русскаго отпуска, поведутъ ли онѣ къ сокращенію этого отпуска или къ уменьшенію его выгодности, все это вопросы на которые отвѣтъ можетъ дать только будущее. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію что взиманіе Германіей пошлинъ съ нашего отпуска будетъ сопровождаться для насъ не одними отрицательными, а также и положительными результатами. Не малую выгоду для Россіи составляетъ уже одно то что эти пошлины заставили обратить серіозное вниманіе на русскіе порты, которые долго страдали отъ недостатка заботливости объ ихъ благоустройствѣ. Чѣмъ менѣе русскій отпускъ будетъ обогащать чужеземные города и чѣмъ болѣе будетъ онъ обогащать города русскіе, тѣмъ для насъ конечно, лучше и выгоднѣе. Въ возможности же направить хлѣбъ и другіе русскіе продукты, вмѣсто прусскихъ портовъ, на русскіе мало кто сомнѣвается не только въ Россіи, но и въ самой Германіи, и насмѣшливый отзывъ князя Бисмарка о возможности измѣнить пути сбыта изъ Россіи никого тамъ не успокоилъ. Благодаря мѣрамъ принимаемымъ Русскимъ правительствомъ,—мѣрамъ на которыхъ, какъ можно надѣяться, дѣло не остановится,—постепенный переходъ хлѣбнаго рынка изъ Кенигсберга въ Либаву представляется почти несомнѣннымъ и наоборотъ, разчетъ князя Бисмарка брать дань съ русскаго земледѣлія—весьма сомнительнымъ.

На первый взглядъ, гораздо болѣе шансовъ увѣнчаться успѣхомъ имѣетъ другой его разчетъ—брать дань съ отпускаемаго изъ Россіи лѣснаго товара. Полагается что такъ какъ Нѣманъ и Висла суть главные пути для сплава лѣса изъ наиболѣе богатыхъ имъ мѣстностей западной Россіи, то лежащіе при устьяхъ этихъ рѣкъ прусскіе города Мемель и Данцигъ могутъ не опасаться никакой конкурренціи русскихъ портовъ. При доброй волѣ, Россія улучшеніемъ своихъ гаваней, измѣненіемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, проложеніемъ дополнительныхъ путей и разными желѣзнодорожными и иными приспобленіями можетъ де отвлечь отъ прусскихъ къ своимъ портамъ только тѣ грузы которые выносятъ издержки перевозки по желѣзнымъ дорогамъ. Но лѣсъ такихъ издержекъ не выноситъ, онъ долженъ сплавляться по Нѣману и Вислѣ, и стало-быть не можетъ ни миновать прусскихъ портовъ, ни избѣжать уплаты пошлинъ въ Германскую казну. Основываясь на гидрографическихъ соображеніяхъ, князь Бисмаркъ разчитываетъ даже что не только Нѣманъ и Висла, но и Днѣпръ, благодаря своимъ порогамъ, находится въ полной зависимости отъ прусскихъ портовъ относительно своихъ лѣсныхъ сплавовъ. На преувеличенность этого разчета, по отношенію къ днѣпровскимъ сплавамъ, мы уже имѣли случай указывать. Днѣпровскіе пороги, какъ свидѣтельствуетъ практика, вовсе не представляютъ такого непреодолимаго препятствія для движенія лѣсныхъ плотовъ какое видитъ въ нихъ германскій канцлеръ, а при содѣйствіи искусства и нѣкоторыхъ затратахъ, это препятствіе можетъ быть еще въ значительной мѣрѣ уменьшено. Вопросъ объ устраненіи препятствій полагаемыхъ торговлѣ Днѣпровскими порогами былъ у насъ уже не разъ поднимаемъ, но разрѣшеніемъ его мы занимались также вяло какъ и улучшеніемъ Либавскаго порта. Послужившая побужденіемъ къ усиленію и ускоренію работъ въ этомъ послѣднемъ портѣ, германская таможенная реформа, какъ можно надѣяться, ускоритъ работы и на Днѣпровскихъ порогахъ. Но это далеко не все что можетъ быть сдѣлано съ нашей стороны для возможно бо́льшаго освобожденія нашей лѣсной торговли отъ зависимости отъ прусскихъ портовъ. Въ географическомъ отношеніи устья Вислы и Нѣмана несомнѣнно принадлежатъ Пруссіи; но мѣшаетъ

ли это тому чтобы торговыя устья этихъ рѣкъ были перенесены изъ Мемеля и Данцига въ другое мѣсто, напримѣръ Виндаву?

Мысль о такомъ перенесеніи торговаго устья протекающихъ по Россіи Вислы и Нѣмана не новая, и не намъ принадлежитъ. Ею серіозно занимались русскіе государственные люди еще минувшаго царствованія. Для осуществленія этой мысли былъ прорытъ въ 1831 году каналъ Августовскій для направленія грузовъ изъ Вислы чрезъ Наревъ, Бобръ и Нету въ Черноганжу и Нѣманъ; затѣмъ, для осуществленія той же мысли, были начаты работы по прорытію Виндавскаго канала между Дубиссой (притокомъ Нѣмана) и рѣкою Виндавой. Но къ сожалѣнію при постройкѣ этого канала были сдѣланы большія ошибки, а за тѣмъ заботы о постройкѣ желѣзнодорожной сѣти отвлекли вниманіе отъ водяныхъ сообщеній, которыя надолго были забыты и много лѣтъ находились какъ бы въ пренебреженіи. Мысль объ отвлеченіи грузовъ отъ прусскихъ портовъ къ русскимъ не только была оставлена, а еще уступила мѣсто стараніямъ о направленіи русскихъ дорогъ именно къ прусскимъ портамъ въ подрывъ русскимъ. Но пора увлеченій, по счастію, миновала. Заботы о расширеніи и улучшеніи желѣзнодорожной сѣти перестали нынѣ быть препятствіемъ къ заботамъ объ улучшеніяхъ водяныхъ сообщеній, на которыя нынѣ вновь обращено правительствомъ должное вниманіе. *Боевыя* пошлины противъ русскаго отпуска заставляютъ серіозно подумать объ исправленіи ошибокъ допущенныхъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ,— ошибокъ, поставившихъ нашу торговлю почти въ рабскую зависимость отъ иностранцевъ. Необходимость освободиться отъ этой зависимости побуждаетъ также серіозно вернуться и къ той мысли которая руководила строителями Августовскаго и Виндавскаго каналовъ. Къ осуществленію этой мысли имѣются нынѣ болѣе вѣскіе поводы чѣмъ въ эпоху ея возникновенія...

Если такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ, германская таможенная реформа поведетъ у насъ къ улучшенію и обогащенію русскихъ торговыхъ гаваней, къ исправленію и дополненію желѣзнодорожной сѣти и къ развитію и усовершенствованію водяныхъ путей сообщенія, Россія, надо полагать, не останется въ большомъ накладѣ отъ направленныхъ противъ нея германскихъ боевыхъ пошлинъ. Но еще въ большомъ выигрышѣ была бы она еслибы происходившія недавно въ Германскомъ рейхстагѣ пренія о русскомъ лѣсномъ хозяйствѣ пробудили насъ отъ той апатіи съ какою до сихъ поръ смотримъ мы на безпощадное истребленіе лѣсныхъ богатствъ нашей страны. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ пошлины налагаемой на идущій изъ Россіи лѣсъ выставлено въ Германскомъ парламентѣ именно то обстоятельство что лѣсное хозяйство въ Россіи ведется хищническимъ образомъ, и что поэтому цѣны на русскій лѣсъ слишкомъ низки; конкурренція этого продаваемаго по непомѣрно низкимъ цѣнамъ лѣса дѣлаетъ де убыточнымъ лѣсное хозяйство въ Германіи и можетъ де повести и тамъ къ хищническому же изведенію лѣсовъ, о чемъ, какъ о великомъ бѣдствіи, князь Бисмаркъ не можетъ и подумать безъ ужаса. Мы же, съ своей стороны, преспокойно уживаемся много лѣтъ съ этимъ великимъ бѣдствіемъ и не принимаемъ противъ него никакихъ мѣръ, хотя давно убѣдились въ страшномъ вредѣ лѣсоистребленія для всей страны, и въ совершенной ошибочности прежняго мнѣнія о неистощимости русскихъ лѣсныхъ богатствъ. Правда, вопросъ о принятіи мѣръ противъ лѣсоистребленія возбуждался у насъ много разъ, онъ былъ въ большомъ ходу еще недавно, предъ началомъ минувшей войны, но далѣе общихъ разсужденій, да немногихъ частныхъ и мѣстныхъ мѣръ, не имѣющихъ сколько-нибудь серіознаго значенія, дѣло ни разу не подвинулось. Истребленіе лѣсовъ идетъ у насъ все crescendo, и несмотря на многолѣтніе о немъ толки, никакихъ преградъ ему не положено, никакихъ мѣръ къ охранѣ лѣсовъ не принято. Не пристыдятъ ли насъ теперь хоть чужеземные толки о нашемъ непростительно-небрежномъ отношеніи къ одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства?

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ о громадныхъ, невѣроятныхъ размѣрахъ какіе приняло у насъ сплошное вырубаніе лѣсовъ, о гибельныхъ послѣдствіяхъ его, между прочимъ и для земледѣлія, было писано такъ много что распространяться объ этомъ было бы излишне. Но нельзя не признать что сужденія о причинахъ этого зла были большею частію весьма односторонни,

вслѣдствіе чего тою же односторонностью отличались и предлагаемыя противъ него мѣры. Обвинялись въ лѣсоистребленіи и обвинялись съ неумолимою строгостью главнымъ образомъ вырубающіе ихъ лѣсовладѣльцы; предлагалась для обузданія ихъ радикальная мѣра ограниченія права лѣсной собственности. Противъ такой мѣры, признаваемой необходимою во всемъ цивилизованномъ мірѣ, нечего было бы возражать еслибы предлагавшіе ее не упускали изъ виду что положеніе лѣсной собственности во всемъ мірѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ въ какомъ оно находится у насъ. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ лѣсъ находится подъ охраной закона едва ли не болѣе чѣмъ что другое. Ограждая лѣсъ даже отъ безразсудныхъ, хищническихъ распоряженій самого лѣсовладѣльца, законъ тѣмъ паче ограждаетъ его отъ всякихъ посягательствъ на него со стороны лицъ не имѣющихъ на него права. То ли видимъ мы у насъ? Нѣтъ, у насъ, можно сказать, лѣсъ стоитъ какъ бы внѣ закона и, помимо собственника, отданъ на произволъ всякаго кому понадобится строительный или горючій матеріалъ. Крайнее неуваженіе къ лѣсной собственности у насъ идетъ изстари, и вина въ томъ едва ли въ большей мѣрѣ лежитъ на людяхъ чѣмъ на законахъ, которые должны воспитывать людей и направлять ихъ дѣйствія. Лѣсокрадство есть наше старинное зло, но удивительно ли что оно развилось въ такой мѣрѣ когда беззаконная порубка въ чужой дачѣ не карается нашимъ закономъ наравнѣ съ другими преступленіями противъ собственности, когда лѣсокрадство въ большей части случаевъ не влечетъ за собою уголовной отвѣтственности? Украдутъ у васъ со двора охапку дровъ или даже всего одну плаху — укравшій есть воръ и будетъ судимъ уголовнымъ порядкомъ; но если тотъ же воръ будетъ пойманъ на порубкѣ въ вашей рощѣ, то-есть на кражѣ лѣса съ корня, вы можете начать противъ него только гражданскій искъ и должны довольствоваться однимъ гражданскимъ взысканіемъ, если таковое, по состоятельности порубщика, окажется возможнымъ! Такова поразительная аномалія представляемая нашимъ законодательствомъ, — аномалія, на которую мы уже не разъ имѣли поводъ обращать вниманіе. Намъ не разъ приходилось также говорить и о случаяхъ когда владѣльцы вырубали свои лѣса именно съ цѣлію выручить за нихъ что-нибудь пока они не окончательно расхищены порубщиками. Но справедливо ли было бы обвинять этихъ лѣсовладѣльцевъ въ лѣсоистребленіи? Справедливо ли было бы, ограничивъ ихъ право распоряженія своею собственностью, поставить ихъ въ такое положеніе чтобъ они, не пользуясь сами своимъ лѣсомъ, были осуждены смотрѣть какъ онъ безнаказанно расхищается воровскими руками? Огражденію лѣсовъ отъ хищническаго хозяйства лѣсовладѣльцевъ должно предшествовать огражденіе ихъ отъ хищничества лѣсокрадовъ. Прежде чѣмъ регулировать право лѣсной собственности, необходимо еще создать и поддержать уваженіе къ этому праву. Пересмотръ законовъ ограждающихъ лѣсную собственность, въ видахъ устраненія безнаказанности лѣсокрадства, — вотъ первый шагъ къ ограниченію лѣсоистребленія, и не сдѣлавъ его, трудно ожидать чтобы всякія другія мѣры лѣсосохраненія увѣнчались успѣхомъ. Вторымъ шагомъ къ той же цѣли было бы учрежденіе лѣсной стражи, съ постановкой ея, въ связи съ учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ, въ такое положеніе чтобъ она могла преслѣдовать лѣсокрадовъ съ тѣми же шансами успѣха съ какими, во многихъ мѣстностяхъ, урядники преслѣдуютъ конокрадовъ.

Лѣсная собственность, въ видахъ сохраненія лѣсовъ, нуждается еще въ возможно большемъ облегченіи лежащихъ на ней податныхъ тягостей. Намъ не разъ приводилось указывать примѣры того что земство облагало земли находящіяся подъ лѣсомъ непосильными платежами. Удивляться ли при такомъ порядкѣ что землевладѣлецъ предпочтетъ свести лѣсъ, продавъ его за безцѣнокъ, съ цѣлію обратить находящуюся подъ нимъ землю подъ луга или подъ пашню? Не должно ли и въ этомъ случаѣ законодательство придти на помощь лѣсовладѣнію, подобно тому какъ оно вступилось за интересы торговли и промышленности, ограничивъ право земства облагать фабрики и торговыя заведенія. Податное обложеніе лѣсовъ будетъ согласно съ интересами государственной экономіи лишь когда оно будетъ поощрять къ правильному веденію лѣснаго хозяйства, когда налогъ будетъ взиматься не съ лѣса на корню, а съ лѣснаго дохода, то-есть съ лѣсныхъ порубокъ, причемъ болѣе вы-

сокій процентъ обложенія со сплошныхъ порубокъ былъ бы мѣрою справедливою.

Лишь при постановкѣ лѣсной собственности въ подобныя условія законной охраны, наступило бы время подумать о регулированіи самаго права собственности о подчиненіи его видамъ общаго блага. И если необходимость этой послѣдней мѣры уже сознана и представляется неотложною, то тѣмъ сильнѣе должны быть побужденія не откладывать въ дальній ящикъ тѣхъ мѣръ которыя должны ей предшествовать. Дѣло это имѣетъ первостепенную важность, и сравнительно съ нимъ отходятъ далеко на второй планъ заботы о судьбахъ нашей заграничной лѣсной торговли. Относительно ея, какъ не разъ было замѣчено, Россія гораздо болѣе заинтересована сокращеніемъ отпуска лѣса чѣмъ его расширенія. Въ видахъ этого сокращенія не разъ рекомендовалось наложеніе таможенной пошлины на отпускаемый за границу лѣсъ,—пошлины, которая, при отпускѣ лѣса ежегодно на сумму тридцати и болѣе милліоновъ рублей, могла бы дать казнѣ весьма почтенную цифру дохода. У насъ не хотѣли до сихъ поръ пользоваться этимъ источникомъ дохода. Князь Бисмаркъ, какъ оказывается, взялся, въ интересахъ германской казны, оказать русскимъ лѣсамъ ту услугу, которой, вопреки интересамъ русской казны, не хотѣли оказать имъ въ Россіи.

№ 136.

Москва, 30-го мая.

Тотчасъ вслѣдъ за мрачнымъ событіемъ 2 апрѣля, петербургскій листокъ, мало извѣстный внутри Россіи, выпускаемый преимущественно для заграничнаго міра и, къ сожалѣнію, слывущій офиціознымъ, *Agence Générale Russe*, задалъ себѣ вопросъ о причинахъ революціонной язвы въ Россіи. Онъ находитъ ее главнымъ образомъ въ томъ что наши гимназіи слишкомъ, по его мнѣнію, погрузились въ классицизмъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ другой петербургскій листокъ, менѣе дипломатическаго тона, но столь же услужливый, *Голосъ*, возвѣстилъ съ торжествомъ что нынѣ господствующая въ нашихъ гимназіяхъ учебная система должна быть вскорѣ отмѣнена. Около того же времени, въ третьемъ петербургскомъ изданіи, откровенно нигилистическомъ, выражалось горькое сѣтованіе что эта система уже успѣла прочно овладѣть массою учащейся молодежи и по крайней мѣрѣ треть ея сдѣлать совершенно безнадежною для пропаганды новой вѣры. Наконецъ, въ подпольной печати и въ заграничныхъ революціонныхъ изданіяхъ, со скрежетомъ зубовъ, осыпаютъ ругательствами виновниковъ водворенія этой системы въ Россіи. Полная гамма—отъ офиціозной фистулы до подпольнаго basso profundo,—концертъ не хуже европейскаго!

Есть нѣчто хуже зла,—причина его. Въ государственной сферѣ фальшь сужденій непремѣнно отзывается зломъ. Благо той странѣ гдѣ у дѣлъ находятся люди по крайней мѣрѣ настолько умные и просвѣщенные чтобы не хотѣть *казаться* таковыми, люди не рѣшающіе заносчиво вопросовъ государственной важности по первому впечатлѣнію, но способные подумать о дѣлѣ и кружить себя всѣми способами къ его разъясненію прежде чѣмъ произносить о немъ сужденіе, люди, наконецъ, настолько нравственные чтобы въ вопросахъ государственной пользы не руководиться личными мотивами, которымъ нѣтъ нужды до общаго блага лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Еслибы неизвѣстные внушители петербургскаго французскаго листка, который цитовали мы выше, серіозно подумали о заданномъ ими себѣ вопросѣ, и еслибъ они руководились не духомъ интриги, а искреннимъ желаніемъ раскрыть истину, то какъ могли бы они приводить въ связь господствующую нынѣ въ нашихъ школахъ учебную систему съ загадочными смутами которыя производятся шайкою фабрикованныхъ ad hoc людей со времени освобожденія крестьянъ и польскаго мятежа. Едва прошло восемь лѣтъ какъ нынѣшняя учебная система водворилась у насъ послѣ долгой, упорной и тяжкой борьбы. Только теперь она совершила свой полный циклъ, и лишь въ нынѣшнемъ году впервые выходятъ ея воспитанники отъ начала. Она была и призвана за тѣмъ чтобы спасти насъ отъ пагубныхъ послѣдствій того хаоса въ которомъ дотолѣ находилось у насъ дѣло обученія юношества. Воспитанники классической школы, это люди будущаго; теперь же мы переживаемъ прискорбныя послѣдствія прошед-

шаго. Весь этотъ контингентъ революціи, откуда онъ набранъ какъ не изъ людей той позорной школы отъ которой мы на будущее время спасены учебною реформой? Развѣ Каракозовъ и Соловьевъ, и вся эта масса молодыхъ людей которые являлись въ политическихъ процессахъ, эти сотни бывшихъ подъ Жихаревскимъ слѣдствіемъ, загубленныхъ и испорченныхъ людей, развѣ они имѣютъ какую-нибудь связь съ классическою системой? Преступнику 2 апрѣля теперь 33 года отъ роду; стало быть на ученическую скамью онъ сѣлъ впервые за двадцать три года предъ симъ *). То же самое и Каракозовъ. Они продукты той болѣзни отъ которой нынѣ дѣйствующая система пришла спасти наше учащееся юношество. Въ чемъ разница между прежнимъ положеніемъ школы и нынѣшнимъ? Тогда учащаяся молодежь не училась, а только надмевалась. Достаточно было приготовленія по программѣ, въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, для того чтобы какому-нибудь Нечаеву прямо съ улицы поступить въ университетъ. Теперь наша молодежь до восемнадцатилѣтняго возраста учится серіозно, правильно, развиваясь постепенно на здоровомъ трудѣ, безъ празднословія, которое надрываетъ и портитъ умственныя силы въ зародышѣ. Учебная система, такъ недавно вступившая въ жизнь, дѣлаетъ свое дѣло, хотя остается желать еще кое чего, особенно со стороны дисциплины. Въ сравненіи со школами въ другихъ странахъ Европы, наша не обладаетъ вполнѣ достаточными способами къ педагогическому исправленію. Фальшивый либерализмъ ослабилъ до крайности дисциплинарное дѣйствіе воспитателей. Бываетъ такъ что учитель или директоръ заведенія вынужденъ идти къ мировому судьѣ разбираться съ учениками. Чего нигдѣ нѣтъ, чего нигдѣ быть не можетъ, печать у насъ врывается въ школу и шельмуетъ наставниковъ, становясь органомъ учениковъ. Необходимы серіозныя мѣры въ огражденіе школы отъ возмущающихъ ея жизнь вторженій. Есть учебное управленіе, всѣ его власти на мѣстѣ, всякое злоупотребленіе можетъ быть раскрыто и заявлено законнымъ и правильнымъ путемъ. Въ успокоеніе родителей, есть достаточно гарантій, а еслибъ оказалось что ихъ недостаточно, можно создать новыя, озаботиться лучшимъ выборомъ начальствующихъ лицъ, но во всякомъ случаѣ необходимо оградить тишину школы и разобщить ее съ площадью. Скажите, что̀ было бы съ войсками, хотя бы въ тылу дѣйствующей арміи, если бы газеты принялись обсуждать дѣйствія полковыхъ командировъ въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ, или какія-нибудь постороннія власти стали бы помимо начальствующихъ лицъ входить въ потаенныя сношенія съ субалтернъ-офицерами и колебать своимъ вмѣшательствомъ военную организацію?

Въ чемъ заключается преимущество молодыхъ людей прошедшихъ правильную систему ученія до восемнадцатилѣтняго возраста и признанныхъ достаточно зрѣлыми для университетской науки. Въ чемъ сила этой зрѣлости? Въ томъ что они стали обладателями болѣе или менѣе обширной умственной сферы въ которой всякое возбужденіе встрѣчаетъ реакцію, вызывая связные ряды понятій и сужденій, между тѣмъ какъ въ немыслящей, но взбудораженной головѣ всякая новая идея возбуждаетъ галлюцинаціи, обращается въ кривлянье и гримасу, и не спросясь ума спѣшить перейти въ дѣйствіе. Учебная система въ нашихъ преобразованныхъ гимназіяхъ еще не успѣла совершить свой полный курсъ, какъ въ нашихъ университетахъ появились учащіеся какихъ прежде не бывало. Это первые ряды тѣхъ людей которымъ принадлежитъ будущее. Чѣмъ далѣе, съ укрѣпленіемъ и улучшеніемъ

*) Онъ учился въ Петербургской Третьей Гимназіи, которая была не просто отрицаніемъ классической системы, но ея извращеніемъ, что̀ еще хуже. Въ ней, также какъ и въ Московской Второй Гимназіи, было удержано, для приплода филологовъ, необязательное преподаваніе греческаго языка въ ничтожныхъ размѣрахъ. Но воспитательная сила классическихъ учебныхъ заведеній заключается не въ древнихъ языкахъ, а въ томъ что на этихъ языкахъ, въ продолженіе всего курса, сосредоточиваются учебныя занятія воспитанниковъ. Въ Петербургской Третьей и Московской Второй гимназіяхъ древніе языки не только не служили такимъ органомъ учебной концентраціи, но были напротивъ новымъ элементовъ вредной многопредметности. Кромѣ того, эта Третья Гимназія, въ то время когда находился въ ней преступникъ 2 апрѣля, отличалась крайнею распущенностью и дурнымъ настроеніемъ воспитанниковъ, въ чемъ вѣроятно была не безъ вины философія ихъ наставниковъ занимавшихся въ ту злосчастную эпоху, вмѣсто серіознаго преподаванія, развиваніемъ своихъ учениковъ посредствомъ идей. Воспитанники этой Третьей Гимназіи щеголяли особенно кощунствомъ, дошедшимъ разъ (именно около того времени когда въ ней учился Соловьевъ) до возмутительнаго поруганія домовой церкви заведенія...

школы, тѣмъ лучшіе должны выходить изъ нея люди. Но какъ бы ни было успѣшно дѣйствіе учебной системы, она не обладаетъ магическою силой. Она несомнѣнно таитъ въ себѣ зачатки лучшаго будущаго, но она объята со всѣхъ сторонъ наслѣдіемъ прошлаго, полуварварскою, испорченною средой, противодѣйствующею ея усиліямъ. Все что̀ видятъ и слышатъ вокругъ себя учащіеся должно дѣйствовать на нихъ растлѣвающимъ образомъ. Какіе примѣры видятъ они отъ старшихъ, чему они отъ нихъ научаются, что̀ они слышатъ въ тѣхъ кругахъ куда школа за ними слѣдить не можетъ? Посмотрите на нашу печать: она служитъ отголоскомъ нашего такъ-называемаго образованнаго общества, и по ней вы можете судить о той интеллигенціи на которую была до сихъ поръ обречена великая страна какъ Россія.

Какъ живетъ и воспитывается въ родительскихъ домахъ наше юношество, объ этомъ свидѣтельствуютъ судебныя процессы. Недавно въ Петербургскомъ судѣ, разбиралось дѣло объ отравленномъ или отравившемъ себя гимназистѣ, сынѣ респектабельной семьи: мальчикъ жилъ какъ взрослый, дѣлалъ что̀ хотѣлъ, ходилъ куда вздумается, пользовался безконтрольною свободой, и своими родителями подозрѣвался и оставался безъ помѣхи въ любовной связи съ пожилою женщиной дружески принятою въ семействѣ, а потомъ привлеченною къ суду по обвиненію въ отравленіи своего малолѣтняго любовника изъ ревности. Недѣли три назадъ, въ Кіевѣ, приговорена къ каторгѣ дочь весьма почтеннаго лица, всѣмъ извѣстнаго въ Москвѣ, бывшаго профессоромъ университета, потомъ инспекторомъ одного изъ женскихъ институтовъ, пріятнаго въ обществѣ собесѣдника, но имѣвшаго свои взгляды на воспитаніе, до повѣрки которыхъ, къ счастью, не суждено было ему дожить. А вотъ на дняхъ было объявлено распоряженіе харьковскаго генералъ-губернатора о принятіи мѣръ противъ нарушающихъ общественную нравственность безчинствъ въ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ какъ *Шато-де-Флеръ*, *Тиволи* и пр.; причемъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, съ изумленіемъ освѣдомившись что на этихъ гульбищахъ бываютъ мальчики, ученики среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, запретилъ допускать ихъ туда. А кто ихъ туда отпускаетъ, кто эти добрые люди доставляющіе двѣнадцати, четырнадцатилѣтнимъ мальчикамъ столь пикантныя развлеченія? Не учебныя заведенія гдѣ они бываютъ только въ классное время, а родители, родственники и опекуны ихъ! Генералъ-губернаторъ упомянулъ и о дѣвочкахъ, ученицахъ открытыхъ школъ, не желая впрочемъ допускать мысли чтобъ и ихъ тоже водили въ эти увеселительныя мѣста. Но у насъ не рѣдко случается многое чего нельзя было бы допустить въ мысли, и косвенное упоминаніе о дѣвочкахъ сдѣлано, вѣроятно, не безъ повода. Итакъ, вотъ наше образованное общество! Что̀ же тутъ, казалось бы, можетъ сдѣлать школа какъ бы ни была она хорошо устроена? Однакоже, благодаря воспитательной силѣ своей учебной системы, она дѣйствуетъ, и ея дѣйствіе замѣтно для всѣхъ кто хочетъ видѣть. Наши гимназіи, за десять лѣтъ предъ симъ, представляли прискорбное зрѣлище. Помните, почти не проходило недѣли безъ самоубійства, безъ преступленія или скандала среди учившейся въ нихъ молодежи. Но послѣ преобразованія быстро произошла въ нихъ очевидная перемѣна къ лучшему. Онѣ сразу успокоились. Случаи нарушающіе порядокъ и тишину въ этихъ заведеніяхъ стали рѣдкостью. Правильное ученіе несомнѣнно возымѣло свое дѣйствіе, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія среды. Не во всѣхъ учебныхъ округахъ и не во всѣхъ гимназіяхъ достигнуты въ равной мѣрѣ добрые результаты, но и вездѣ чувствуется начало обновленія.

Новая учебная система не есть чья-нибудь выдумка. Да она и не новая. Эта система есть фактъ всемірный и вѣками испытанный. Она значится и въ исторіи нашего просвѣщенія. Это та старая, нами забытая школа, которую еще до Петра Великаго насадила у насъ Кіевская духовная академія и которой какъ самъ преобразователь, такъ и его преемники, въ продолженіи прошедшаго столѣтія, были обязаны столькими сильными дѣятелями въ области церковной и государственной, литературной и научной. Изъ нея выходили Димитріи Ростовскіе, Стефаны Яворскіе, Ѳеофаны Прокоповичи, Георгіи Конисскіе, Ломоносовы, Трощинскіе, Потемкины и столько другихъ.

Все что̀ было у насъ сдѣлано уважительнаго по части науки, всѣ наши ученые, профессоры, учители и дѣльцы по

всѣмъ частямъ государственной службы, какъ въ прошломъ столѣтіи, такъ и въ первой половинѣ нынѣшняго, вышли изъ духовныхъ семинарій, которыя оставались вѣрны классическому типу до 1840 года, когда онѣ были нещадно разрушены неразуміемъ. Но будучи старою школой, она съ тѣмъ вмѣстѣ есть та самая система на которой основано все умственное превосходство современныхъ цивилизованныхъ націй. Она господствуетъ вездѣ въ Европѣ, при всемъ антагонизмѣ и разнообразіи ея народностей, и вездѣ служитъ общимъ корнемъ всѣхъ спеціальностей знанія, приготовляя юношество ко всѣмъ факультетамъ университета, а въ Англіи, странѣ промышленности по преимуществу, она же подъ именемъ грамматической школы (grammar school) служитъ единственною подготовительною школой и къ промышленнымъ профессіямъ, предоставляя своимъ воспитанникамъ пріобрѣтать техническое мастерство на фермахъ и въ мастерскихъ. Франція доказала своимъ опытомъ какъ съ паденіемъ и возстановленіемъ этой системы падаетъ и возвышается уровень науки. Вся мыслящая, образованная, ученая Германія, весь ея административный, судебный, духовный персоналъ, исходитъ изъ этой школы, которой эта страна обязана своимъ умственнымъ авторитетомъ и тѣми внутренними силами которыя создали теперь и политическое величіе ея. Но та же Германія должна служить и предостереженіемъ для насъ. Не довольствуясь своими гимназіями, этими школами *ученой* грамотности, Германія, вопреки предостереженіямъ лучшихъ умовъ своихъ, расплодила у себя послѣ революціоннаго движенія 1848 года множество училищъ фальшиваго свойства, многопредметныхъ и многоклассныхъ, подъ именемъ мѣщанскихъ и реальныхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ пичкать разными свѣдѣніями мальчиковъ которые хотятъ лишь немного поучиться съ тѣмъ чтобы потомъ приняться за шитье сапогъ или помогать отцу въ лавкѣ. Познанія сообщаемыя ни для цѣлей науки, ни для полезнаго практическаго примѣненія, не ведутъ ни къ чему хорошему. Это очевидная фальшь, состоящая въ томъ чтобы незнающихъ дѣлать похожими на знающихъ. Въ Германіи такихъ людей называютъ „полуобразованными“ (halbgebildete), ихъ не признаютъ зрѣлыми къ наукѣ, и кончившихъ курсъ ученія въ подобныхъ заведеніяхъ не допускаютъ въ университеты, ни на государственную службу. Кончившимъ полный курсъ дается выходъ въ высшія техническія училища, которыя однако не нуждаются въ такомъ долгомъ многопредметномъ курсѣ лишенномъ практическаго примѣненія, и лишь незначительная часть учащихся проходитъ этотъ курсъ до конца, а масса съ забитою и отуманенною головой возвращается съ полукурса въ народъ. Эта манія полуобразованія дошла до того что и народныя училища тщатся приблизиться къ типу большихъ многопредметныхъ учебныхъ заведеній, такъ что язва полуобразованія проникаетъ глубоко въ народъ, подмѣняя въ немъ христіанское міровоззрѣніе мнимо-научнымъ. Вотъ гдѣ таится истинная опасность для этой страны! Вотъ почему съ такою быстротой стали распространяться въ ней и пріобрѣтать силу субверсивныя ученія. Обладая богатствами своей науки, Германія увлеклась мыслію распространять въ массахъ результаты знаній безъ опредѣленнаго практическаго примѣненія, и теперь ей приходится платиться за такую ошибку, вредныя послѣдствія которой предвидѣли и предсказывали ея лучшіе умы. Когда Германія не знала у себя никакихъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній высшаго курса кромѣ классическихъ, она была самою спокойною въ мірѣ страною,— замѣтьте, при абсолютной свободѣ научнаго изслѣдованія и университетскаго преподаванія. Тогда набралась она тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ которыя такъ высоко подняли ея національность и которымъ она обязана своими успѣхами. Теперь же, вслѣдствіе непомѣрнаго развитія „полуобразованія,“ она стала страною шатаній которыя быстро приведутъ ее къ упадку если она не поспѣшитъ исправить зло и не возвратится къ указаніямъ и совѣтамъ своего собственнаго лучшаго разумѣнія.

Чтобъ оцѣнить положеніе въ какомъ до реформы находилось у насъ дѣло образованія, достаточно сообразить что школы гдѣ учился цвѣтъ нашего юношества были тѣ самыя многопредметныя училища, только слабѣе и хуже организованныя, какія въ Германіи выпускаютъ людей называемыхъ тамъ „полуобразованными.“ Это образованіе нѣмецкихъ кельнеровъ и купеческихъ прикащиковъ.

Но, скажутъ, дѣло воспитанія не ограничивается только обученіемъ. Кромѣ умственныхъ способностей, требующихъ развитія, есть еще сердце въ человѣкѣ, есть еще воля которая также требуетъ воспитанія. Это справедливо, но одно другому не препятствуетъ, одно другому способствуетъ, одно съ другимъ тѣсно вяжется. Припомнимъ что жизнь учащихся дѣтей и юношей заключается главнымъ образомъ въ ученіи. Здѣсь сосредоточены ихъ занятія, ихъ интересы, ихъ обязанности, исполненіемъ которыхъ они должны готовить изъ себя будущихъ гражданъ. Съ ранняго утра мальчикъ отправляется въ свою гимназію; въ остальное послѣ уроковъ время дня, онъ или отдыхаетъ, или готовится къ завтрашнимъ урокамъ. Вотъ вся жизнь гимназиста: здѣсь онъ весь со своими способностями и наклонностями. Можно ли думать чтобъ условія опредѣляющія существенную часть жизни человѣка во время его развитія и расцвѣта были безразличны для него въ нравственномъ отношеніи, чтобы направленіе его ученія оставалось безъ послѣдствій для образованія его характера? Система введенная послѣднею реформой въ наши гимназіи не оставляетъ ничего въ неопредѣленности. Она не руководствуется никакими суетными побужденіями. Она не обращается къ юнымъ умамъ съ идеями прежде чѣмъ они научились мыслить; она не ставитъ себѣ задачей наряжать юные умы въ пестрыя лоскутья разныхъ, якобы научныхъ свѣдѣній. Ея задача образовать самое существо ихъ, вызвать къ дѣятельности и развить ихъ способности на занятіяхъ соотвѣтствующихъ возрасту учащихся и вмѣстѣ съ ними возрастающихъ. Она не бросаетъ ихъ изъ стороны въ сторону, отъ одного предмета къ другому; но держитъ во все продолженіе курса на одной и той же группѣ предметовъ которая вызываетъ въ правильной послѣдовательности всѣ ихъ мыслительныя способности, занимая ихъ непрерывно изо дня въ день, изъ года въ годъ, и открывая предъ ними новые горизонты, новыя глубины, новыя богатства разумѣнія, такъ что каждый шагъ ихъ есть шагъ впередъ, каждое пріобрѣтеніе ихъ есть дѣло ихъ собственнаго ума. Она учитъ ихъ дѣйствовать мыслію, и практически, изъ ихъ собственнаго опыта, знакомитъ ихъ со всѣми пріемами познающаго мышленія. Она укрѣпляетъ въ нихъ чувство истины, внѣдряетъ въ нихъ чувство различія между ясно и неясно понятымъ, точнымъ и неточнымъ, не только по отношенію къ числовымъ величинамъ, но и къ предметамъ иного порядка, гдѣ опредѣленность и отчетливость мысли пріобрѣтаются несравненно труднѣе. Она регулируетъ ихъ воображеніе и вноситъ въ него чувство мѣры и изящнаго, знакомя ихъ непосредственно съ величайшими образцами творчества, имѣющими всемірное значеніе, на которыхъ воспиталось все образованное человѣчество. Дѣлая ихъ способными къ самостоятельному сужденію, она съ тѣмъ вмѣстѣ цивилизуетъ ихъ и облагораживаетъ ихъ умственные инстинкты. Такова задача учебной системы именуемой классическою. Конечно, не для всѣхъ одинаково разрѣшаетъ она эту задачу. Изъ дурака она не сдѣлаетъ умнаго, она ничего не создастъ изъ ничего; но при хорошемъ исполненіи она въ силахъ образовать и развить данную Богомъ способность каждую въ ея мѣру. Все это слѣдуетъ понимать какъ общее правило, которое всегда имѣетъ исключенія. Изъ самой нравственной семьи можетъ выйти дурной человѣкъ, изъ самой лучшей школы—гнилой плодъ, и наоборотъ, бываетъ что человѣкъ проходившій плохую школу или воспитавшійся среди дурныхъ примѣровъ можетъ благодаря, разнымъ ускользающимъ отъ опредѣленія индивидуальнымъ условіямъ, выйти замѣчательнымъ умомъ и превосходнымъ человѣкомъ. Но нельзя же въ виду подобныхъ случайныхъ примѣровъ отдавать дѣтей на воспитаніе къ порочнымъ людямъ, или учить ихъ въ дурной школѣ.

Пойдемъ далѣе. Гимназія начинаетъ выпускать своихъ воспитанниковъ,—но куда? Въ университеты, а университеты остаются еще на прежней почвѣ: они принадлежатъ прошедшему. Между профессорами нашихъ университетовъ есть люди вполнѣ достойные, способные и свѣдущіе, но есть и всякіе. Во всякомъ случаѣ, наши нынѣшніе дѣятели науки не страдаютъ избыткомъ классическаго образованія. Въ школьные годы свои они не „погружались въ классицизмъ,“ который такъ не нравится равно офиціознымъ и подпольнымъ публицистамъ. Наши ученые для усовершенствованія себя въ наукахъ ѣздили въ заграничные университеты, но потерянныхъ лѣтъ отрочества, драгоцѣннаго вре-

мени роста и подготовленія, возвратить невозможно. Не ихъ вина что ихъ учебные годы протекли непроизводительно, что имъ не дано было воспользоваться преимуществами и выгодами той подготовительной школы которая составляетъ силу ихъ заграничныхъ учителей, и которая, Богъ дастъ, сообщитъ не меньшую силу и нашимъ нынѣ учащимся поколѣніямъ, когда изъ ихъ среды обновятся наши университеты,—но это еще впереди...

Гимназія выпускаетъ своихъ воспитанниковъ на первой порѣ юношества. Какой бы закалъ ни получили они, подумайте, они еще почти дѣти. Затѣмъ сообразите въ какой міръ они вступаютъ; какая интеллигенція окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ; каковы эти старшія поколѣнія которыя должны руководить ихъ своимъ примѣромъ и вліяніемъ, и какое тлетворное дѣйствіе должно производить на эти юные, только что открывшіеся для жизни молодые умы, все что̀ они слышатъ и видятъ вокругъ. Но къ чему общія мѣста когда есть живые факты которыхъ свидѣтельство не отразимо? Вотъ монументальный, уже занесенный въ исторію фактъ, характеризующій нашу старшую интеллигенцію: судъ въ прошломъ году надъ петербургскимъ градоначальникомъ, подвергшимся въ своемъ домѣ, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, покушенію направленному противъ него шайкой злоумышленныхъ заговорщиковъ, и оправданіе преступницы при восторженныхъ рукоплесканіяхъ избраннаго общества... Міръ былъ изумленъ этимъ неслыханнымъ скандаломъ; никто не могъ понять что̀ сотворилось въ Невской столицѣ. Дѣло происходило не въ трущобѣ заговорщиковъ, а въ судѣ государственномъ, среди общества чиновнаго и сановнаго. Безумныя, возмутительныя, оскорблявшія нравственное чувство и здравый смыслъ статьи петербургскихъ газетъ почти всѣхъ оттѣнковъ были только отголоскомъ этой вакханаліи. При такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ удивляться не тому что часть учащейся молодежи увлеклась опьянѣніемъ старшихъ, а тому что среди ея обнаружилась замѣчательная твердость и здравомысліе. Вскорѣ послѣ петербургскаго скандала вотъ что̀ случилось: одинъ изъ профессоровъ Одесскаго университета молвилъ энергическое слово о безобразіяхъ нашей печати, о герояхъ и героиняхъ нашего соціализма, которыхъ приходится наконецъ вѣшать и ссылать на каторгу. Вы помните какой ревъ, за эти вольныя мысли, подняла противъ г. Цитовича почти вся наша печать за малыми исключеніями: это было со стороны старшихъ поколѣній, со стороны нашихъ писателей и публицистовъ, въ томъ числѣ и коллеги г. Цитовича по профессіи. За то студенты, его слушатели, выразили ему горячее сочувствіе и не побоялись выступить на защиту его. Среди бѣшенаго гама поднятаго *старшими*, какъ отрадно было услышать умное, твердое, трезвое слово этихъ юношей! Какъ освѣжительно было ихъ появленіе среди очумѣлой ватаги людей уже пожилыхъ и украшенныхъ не умомъ, такъ сѣдинами, которые все еще наивно считаютъ себя молодымъ поколѣніемъ! Когда случалось у насъ что-либо подобное? Припомнивъ это, скажите, куда намъ смотрѣть, назадъ или впередъ, и на что̀ надѣяться,—на эти ли зрѣющія силы будущаго, или повернуться вспять къ источникамъ того позора какой представляетъ наша нынѣ пишущая и гласящая интеллигенція. Вотъ другой фактъ. Въ прошломъ году дѣлались всевозможныя усилія вызвать на какія-нибудь смуты студентовъ Московскаго университета. Постороннія лица, стриженыя особы и студенты другихъ заведеній вторгались на университетскій дворъ и въ самыя аудиторіи. И вотъ, въ то время когда окружающее общество потворствовало смутамъ и поощряло студентовъ къ безсмысленнымъ требованіямъ, московскіе студенты съ негодованіемъ протестовали противъ этихъ зазывовъ, хотѣли сами расправиться съ возмутителями и изгнать зараженныхъ изъ своей среды. Объ ихъ протестахъ извѣстно офиціально; но только въ нашей газетѣ было обращено вниманіе на этотъ замѣчательный фактъ; но остальная печать постаралась замять его, todtschweigen, или лишить значенія.

При каждомъ смутномъ случаѣ обыкновенно возбуждается вопросъ о студентахъ, какъ будто отъ нихъ исходятъ эти прискорбныя и гнусныя явленія, а не къ нимъ, напротивъ, по мимо ихъ воли, вносится зараза, которая вырываетъ изъ ихъ среды большее или меньшее число жертвъ. Возлагая за все отвѣтственность вообще на учащееся юношество, его не только оставляютъ безващитнымъ и неогражденнымъ

отъ заразы, но какъ бы нарочно открываютъ и облегчаютъ ей доступы въ его среду. Студентъ остается безъ всякаго надзора и контроля, не подчиненъ никакой дисциплинѣ; онъ объявленъ вольнымъ гражданиномъ; онъ дѣлаетъ что̀ хочетъ; онъ не знаетъ никакихъ обязанностей, и никто не осмѣливается напоминать ему о нихъ. Студентъ сталъ львомъ нашего общества. Важныя лица ищутъ его благоволенія и ему кланяются. Какъ тутъ не потерять голову и не сбиться съ толку? Не давно въ Москвѣ и Петербургѣ дѣлались фальшивыя оваціи одному пережившему себя литератору. Явился и неизбѣжный студентъ, который отъ имени всей учащейся молодежи (никого на это не уполномочившей) привѣтствовалъ писателя, отечески журя и поучая его,—и старый чудодѣй со слезами умиленія преклонилъ свою сѣдую голову, выше всякой мѣры осчастливленный этимъ милостивымъ къ нему вниманіемъ.

Есть господа консерваторы которые желали бы сократить число поступающихъ въ университеты посредствомъ какого-нибудь ценза. Но вотъ что̀ странно: тѣ же самые господа спрашиваютъ, зачѣмъ не всѣ учащіеся въ гимназіяхъ доходятъ до окончанія курса и не всѣ поступаютъ въ университеты, ставя это въ вину учебной системѣ и Министерству Народнаго Просвѣщенія. Какъ согласить эти два требованія? Чѣмъ объяснить такое грубое противорѣчіе? Во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ числится учащихся, если не ошибаемся, свыше пятидесяти тысячъ. Еслибы всѣмъ имъ доходить до конца курса и поступать въ университеты, то число студентовъ возрасло бы до двадцати пяти тысячъ! Для такой невѣроятной массы студентовъ не достало бы и мѣста въ нашихъ университетахъ. Но зачѣмъ бы вдругъ могло понадобиться такое страшное приращеніе университетскаго юношества? Для чего, наконецъ, могло бы это понадобиться именно тѣмъ кто изыскиваетъ способы уменьшить число студентовъ? Только для цѣлей интриги...

Требовать чтобы всѣ поступившіе въ гимназію доходили до конца курса и поступали затѣмъ въ университеты столь же безсмысленно и нелѣпо какъ и придумывать сословный или имущественный цензъ для ограниченія пріема въ университеты. Есть только одинъ разумный, справедливый и необходимый цензъ для поступленія въ университеты,—это требованія науки. Кто прошелъ съ успѣхомъ полный курсъ приготовительной школы и доказалъ свою зрѣлость для высшаго образованія,—тотъ, кто бы онъ ни былъ, бѣднякъ или богатый, изъ крестьянъ или изъ дворянъ, и только тотъ, имѣетъ неотъемлемое право на поступленіе въ университеты. Такимъ цензомъ быстро возвышается уровень образованія въ странѣ, оплодотворяется наука, а государство обезпечивается истинно полезными дѣятелями.

Но если университетъ можетъ быть открытъ только для молодыхъ людей прошедшихъ высокую школу и вполнѣ къ нему подготовленныхъ, то гимназіи по необходимости открыты настежь для всѣхъ знающихъ грамоту десятилѣтнихъ мальчиковъ. Можно ли разумно ожидать и слѣдуетъ ли желать чтобы всѣ однажды поступившія въ гимназію дѣти непремѣнно должны были окончить ея курсъ? Учебная система гимназій разчитана на способности даже ниже среднихъ; но есть неспособности которыя при всемъ уходѣ за ними не могутъ выдержать продолжительный курсъ; есть наконецъ нехотѣніе учиться съ которымъ школѣ трудно бороться. Должны ли гимназіи понизить и ослабить свой курсъ до того чтобъ его могли оканчивать и неспособные, и нежелающіе учиться? Но это было бы равносильно уничтоженію школы.

Полный курсъ высшаго образованія требуетъ двѣнадцати лѣтъ ученія. Не всѣ дѣти поступающія въ гимназію предназначаются для столь продолжительнаго ученія. Гимназическій курсъ подраздѣляется на меньшіе курсы; есть курсъ четырехлѣтней прогимназіи, есть еще курсъ прогимназіи шестилѣтней. Законъ признаетъ эти подраздѣленія и сообщаетъ кончившимъ курсъ четырехлѣтнихъ прогимназій военную льготу третьяго разряда. Въ Германіи нѣтъ, какъ у насъ, трехъ степеней военной льготы; единственная льгота, „добровольныхъ одногодниковъ,“ предоставляется тамъ окончившимъ курсъ шести классовъ гимназіи, и эта степень ученія считается достаточною для военныхъ требованій которыя въ Германіи стоятъ высоко, такъ что окончаніе полнаго курса въ гимназіи и ученіе въ университетѣ не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ правъ на военную льготу. Слѣдовательно законъ какъ у насъ, такъ и въ другихъ стра-

нахъ, не требуетъ непремѣнно окончанія полнаго курса въ гимназіи и сообщаетъ важныя права окончившимъ лишь извѣстныя части ея.

Интрига обыкновенно прибѣгаетъ къ такому аргументу: не кончившіе курса гимназіи, по высотѣ ея требованій, выходятъ недоучками, и становятся вредными элементами въ обществѣ. Но развѣ лучше чтобы масса неучей наполняла университеты? Развѣ это будутъ лучшіе элементы въ обществѣ?

Не всѣ имѣютъ виды на высшее образованіе, не всѣмъ поступать въ университеты. Но всякій торговецъ, всякій ремесленникъ въ правѣ желать чтобъ ихъ дѣти могли получить образованіе свыше элементарной школы грамотности. Не всѣмъ быть учеными, не всѣмъ стремиться къ государственнымъ должностямъ; значительная масса учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ остается на мѣстахъ, при промыслахъ своихъ отцевъ, и весьма желательно чтобы люди среднихъ профессій имѣли нѣкоторое образованіе. Мальчикъ, учившійся нѣсколько лѣтъ въ гимназіи въ мѣру своей надобности, не можетъ считаться недоучкой, тѣмъ менѣе вреднымъ. Онъ оказался бы вреднымъ недоучкой въ сферѣ не соотвѣтствующей его образованію; онъ былъ бы таковымъ въ университетѣ и потомъ въ государственныхъ должностяхъ требующихъ высшаго образованія. Много ли мало ли учился мальчикъ въ гимназіи, это ученіе не сдѣлаетъ его всезнайкой; оно не возбудитъ въ немъ фальшивыхъ притязаній; не набьетъ его головы надмевающими фразами и безсвязными свѣдѣніями. Мальчикъ вынесетъ изъ школы практическую логику, плодъ хорошаго грамматическаго ученія на древнихъ языкахъ. Онъ потомъ забудетъ свою латынь, но эта логика останется его всегдашнимъ достояніемъ и пригодится ему при всякомъ дѣлѣ. Онъ вынесетъ умѣнье обращаться съ числовыми величинами. Онъ ближе ознакомится съ истинами своей вѣры и пріобрѣтетъ простыя, необходимыя въ общежитіи, свѣдѣнія географическія и историческія. При этомъ онъ можетъ усвоить себѣ въ нѣкоторой степени знаніе одного или двухъ иностранныхъ языковъ. Вотъ и все. Почему же онъ недоучка, и какой же отъ всего этого можетъ быть вредъ для общества?

№ 137.

Москва, 31-го мая.

Съ принятіемъ въ Германскомъ рейхстагѣ статей тарифа относящихся до желѣза, зерноваго хлѣба и лѣснаго матеріала, полная побѣда князя Бисмарка и возвѣщенной имъ новой эры экономической политики, враждебной фридредерству, можетъ считаться и считается въ Германіи обезпеченною. Дальнѣйшія измѣненія тарифа, довольно значительныя и многочисленныя, уже не потребуютъ столь продолжительныхъ преній, такъ какъ они будутъ вотироваться на основаніи докладовъ наряженныхъ рейхстагомъ коммиссій, самый составъ коихъ уже предрѣшаетъ вопросъ въ принципѣ. Коммиссіи эти дѣятельно продолжаютъ свою работу, согласно извѣстіямъ объ этихъ занятіяхъ, сообщамымъ берлинскими газетами, дѣло подвигается быстро, причемъ если коммиссіи дозволяютъ себѣ какія-либо измѣненія въ отдѣльныхъ статьяхъ, то измѣненія эти всегда въ смыслѣ еще большаго покровительства германскому производству. Третье чтеніе всего тарифа, которое послѣдуетъ по окончаніи работъ коммиссіей, будетъ суммарною процедурой и много времени не отниметъ.

Но князь Бисмаркъ любитъ ковать желѣзо пока оно горячо и желаетъ до конца эксплуатировать ту группировку партій которая, благодаря его энергіи и искусству маневрировать, сложилась теперь. Большинство составившееся благодаря союзу консервативныхъ фракцій съ партіей центра, и давшее князю Бисмарку возможность восторжествовать надъ приверженцами фритредерства, не настолько прочно и надежно чтобы считать оное навсегда установившимся. Да едва ли князю Бисмарку и желательно чтобъ оно сохранилось. Какъ ни „сердечны“ его теперешнія отношенія къ ультрамонтанамъ, они все-таки не совсѣмъ удобные союзники и вовсе не такъ податливы какъ націоналъ-либералы, которые служили ему „вѣрой и правдой“ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онъ нашелъ для себя выгоднымъ обратить ихъ изъ ожесточенныхъ противниковъ въ своихъ друзей и союзниковъ чтобы вновь отъ нихъ отвернуться когда въ нихъ миновалась надобность.

Видимо торопясь завершить свое предпріятіе по экономическому переустройству, князь Бисмаркъ желаетъ чтобъ еще въ настоящую сессію осуществилось и другое задуманное имъ нововведеніе: подчиненіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ полному контролю правительства въ дѣлѣ эксплуатаціи. Съ этою цѣлью внесенъ имъ на дняхъ въ Союзный Совѣтъ законопроектъ объ однообразномъ тарифѣ на товары провозимые по желѣзнымъ дорогамъ въ Германіи. Проектъ этотъ, уже утвержденный Союзнымъ Совѣтомъ, есть смѣлое нововведеніе, ибо имъ установляется принципъ совершенно новый въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. До сихъ поръ государство ограничивало свою регламентацію въ дѣлѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ установленіемъ лишь *высшей нормы* платы за провозъ, далѣе которой желѣзныя дороги не могутъ идти. Но затѣмъ имъ предоставлялась полная свобода какъ въ пониженіи взимаемой платы, такъ и въ классификаціи товаровъ и всего того что̀ касается провознаго тарифа. Германскій законопроектъ, исходя изъ того основнаго положенія что желѣзная дорога, хотя бы она была и частнымъ предпріятіемъ, тѣсно и многообразно связана съ интересами государства, стремится, вопервыхъ, къ подчиненію дорогъ, относительно взимаемой ими платы, безусловной регламентаціи государства и, вовторыхъ, къ системѣ однообразнаго тарифа на провозъ товаровъ по всему государству. Съ этою цѣлью въ немъ установлены слѣдующія основныя правила: цѣна за провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ должна слагаться изъ двухъ элементовъ: платы за провозъ, всегда сообразуемой съ разстояніемъ, и издержекъ отправленія. Плата за провозъ исчисляется по количеству километровъ того рельсоваго пути по коему имѣетъ пройти грузъ. Плата эта различна для различныхъ товаровъ; но классификація товаровъ по группамъ однообразна для всѣхъ дорогъ, равно какъ и цѣна провоза за каждый километръ пути. То и другое установляется по опредѣленію Союзнаго Совѣта. Союзному же Совѣту предоставлено, во вниманіе къ особымъ затратамъ кои потребовались на постройку той или другой дороги сопряженную съ исключительными техническими затрудненіями, сокращать единицу протяженія (километръ) положенную въ основаніе нормальнаго тарифа, и положить для данной дороги больше единицъ протяженія чѣмъ ихъ существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ что доходность оной будетъ выше, но безъ ущерба однообразнаго тарифа, установляемаго для всей территоріи государства. Отступленія отъ нормальнаго тарифа допускаются не иначе какъ съ разрѣшенія того же Союзнаго Совѣта лишь въ двухъ случаяхъ; 1) когда это оказывается необходимымъ для устраненія опасностей угрожающихъ интересамъ отечественнаго производства, 2) для устраненія конкуренціи со стороны иныхъ путей сообщенія, а также иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ. Но при этомъ законопроектъ обращаетъ особенное вниманіе на устраненіе въ будущемъ такъ-называемыхъ дифференціальныхъ тарифовъ въ пользу иностраннаго провоза, то-есть тѣхъ льготъ которыя нынѣ предоставляются многими желѣзными дорогами извѣстнымъ статьямъ провоза съ цѣлью привлеченія грузовъ. Въ законопроектѣ сказано что пониженіе фрахта допускаемое въ видѣ исключенія на извѣстныхъ дорогахъ, или для извѣстнаго разряда товаровъ, ни въ какомъ случаѣ не должно болѣе благопріятствовать иностраннымъ продуктамъ чѣмъ отечественнымъ провозимымъ по тому же пути. Оговорка сдѣлана лишь на тотъ случай еслибъ оказалось что подобное уравненіе платы за провозъ иностранныхъ продуктовъ „можетъ нанести значительный ущербъ важнымъ экономическимъ интересамъ внутри имперіи.“ Это послѣдняя оговорка имѣетъ для насъ особенный интересъ. Насколько выяснилось изъ предшествовавшихъ преній о таможенномъ тарифѣ подобная льгота для иностраннаго провоза, проистекающая изъ дифференціальнаго тарифа, существуетъ нынѣ въ Германіи по преимуществу для русскихъ грузовъ направляющихся транзитомъ для вывоза въ другія страны чрезъ прусскіе порты. Защитники хлѣбной пошлины въ Германскомъ рейхстагѣ, и въ томъ числѣ князь Бисмаркъ, выставляли эти льготы провоза предоставляемыя русскому транзиту на прусскихъ желѣзныхъ дорогахъ одною изъ главныхъ и притомъ *вредныхъ* для интересовъ Германіи причинъ, не дозволявшею отечественному земледѣлію соперничать съ русскимъ привозомъ безъ помощи охранительной таможенной пошлины. Съ нашей стороны, напротивъ, неоднократно указывалось что дифференці-

альные тарифы прусскихъ желѣзныхъ дорогъ суть одна изъ причинъ почему русская отпускная торговля искусственно связана съ прусскими портами въ ущербъ нашимъ собственнымъ балтійскимъ портамъ. До сихъ поръ ни въ преніяхъ рейхстага, ни въ германской печати мы не встрѣчали ни одного указанія на то что дифференціальный тарифъ представляетъ выгоду для Германіи. Этого вопроса тщательно избѣгали какъ тѣ кто отстаивали хлѣбные налоги, такъ и тѣ кто нападали на нихъ, защищая интересы прусскихъ балтійскихъ портовъ. Но теперь, когда съ хлѣбною пошлиной дѣло покончено и предпринято столь коренное преобразованіе желѣзнодорожнаго дѣла, Германское правительство само признаетъ что нѣкоторыя германскія дороги пользуются указаннымъ средствомъ для искусственнаго привлеченія иностранныхъ грузовъ, очевидно съ тою цѣлью дабы отклонить ихъ отъ болѣе естественнаго и прямаго для нихъ пути. И отъ этого средства которое болѣе всего практикуется на прусскихъ восточныхъ дорогахъ, Германія не желаетъ отказаться несмотря на то что имъ создается изъятіе противорѣчащее основаніямъ новаго желѣзнодорожнаго закона.

№ 138.

Москва, 1-го Іюня.

Успѣхъ подписки на Третій Восточный Заемъ не только оправдалъ, но и превзошелъ ожиданія. При подпискѣ на Второй Восточный Заемъ въ триста милліоновъ рублей, въ августѣ прошлаго года, подписная сумма составила 304.368.300, то-есть превысила предложенную къ подпискѣ сумму менѣе чѣмъ на $4^1/_2$ милліона. При подпискѣ на нынѣшній трехсотмилліонный заемъ, подписная сумма составила 744.305.700 рублей, то-есть превзошла предложенную къ подпискѣ сумму почти въ два съ половиной раза. Понадобится слѣдовательно весьма серіозная разверстка облигацій займа между подпищиками, не такъ какъ въ августѣ когда небольшой излишекъ подписки былъ скинутъ лишь съ крупныхъ подпищиковъ, начиная отъ одного милліона рублей. Все ли равно для публики и для государства на какихъ основаніяхъ будетъ сдѣлана эта разверстка? Конечно, нѣтъ; ибо далеко не все равно кому достанется сравнительно бóльшая доля займовыхъ облигацій: людямъ ли ищущимъ прочнаго и выгоднаго помѣщенія для своихъ сбереженій, или биржевымъ спекулянтамъ; еще въ большей мѣрѣ не все равно попадутъ ли эти облигаціи преимущественно въ руки русскихъ людей или въ руки иностранцевъ. А иностранцы разчитываютъ именно на львиную долю въ нынѣшнемъ займѣ и его выгодахъ. Не удалось иностраннымъ банкирамъ усилить зависимость русскаго денежнаго рынка отъ иностранныхъ путемъ внѣшняго займа; они разчитываютъ достигнуть той же цѣли усиленнымъ участіемъ въ займѣ внутреннемъ. Какъ уже сообщалось въ газетахъ, петербургскими банками и банкирами были получены изъ-за границы приказы подписываться на Третій Восточный Заемъ, за счетъ тамошнихъ капиталистовъ, на громадныя суммы. Преимущественно этимъ обстоятельствомъ и объясняется тотъ фактъ что подписка на заемъ въ Петербургѣ, дошедшая въ минувшемъ августѣ до 212.853.400 рублей, дошла на этотъ разъ до 577.624.200. Подписываются же иностранцы на нашъ внутренній заемъ, не въ металлической, а въ кредитной валютѣ, ужь конечно не въ видахъ помѣщенія своихъ капиталовъ въ русскихъ бумагахъ, а единственно въ видахъ спекуляціи ими, столь вредной для русскихъ интересовъ. Отъ способа разверстки зависитъ, однако, насколько обильная пища будетъ дана этой иностранной спекуляціи, и въ какой мѣрѣ будутъ пожертвованы ей интересы собственно русскихъ подпищиковъ. Чѣмъ полнѣе будутъ удовлетворены подпищики на скромныя суммы, и чѣмъ исключительнѣе разверстка будетъ ограничена скидками только съ громадныхъ подписныхъ цифръ, тѣмъ, конечно, выгоднѣе будетъ для подпищиковъ неспекулянтовъ, и тѣмъ бóльшая доля займа ускользнетъ отъ иностранной спекуляціи и останется въ русскихъ рукахъ.

Наша печать, впрочемъ, пренебрегаетъ всѣми подобными соображеніями. Останавливаться на такихъ мелочахъ она считаетъ ниже своего достоинства. Ее интересуетъ только „общегосударственное значеніе новаго займа, по отношенію къ общему финансовому положенію государства.“ Какое употребленіе будетъ дано суммамъ Третьяго Восточнаго Займа, – вотъ вопросъ особенно занимающій нынѣ нашихъ газет-

ныхъ финансистовъ. Во всѣхъ ихъ писаніяхъ по этому предмету идутъ параллельно двѣ струи: одна — опасеніе чтобъ эти суммы не пошли въ самомъ дѣлѣ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ минувшею войной, согласно прямому смыслу указа коимъ этотъ заемъ объявленъ; другая—надежда что добытыя займомъ суммы пойдутъ на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и на подъемъ вексельнаго курса. При этомъ съ восторгомъ цитуется появившаяся въ *Journal de S.-Pétersbourg*, предъ самою подпиской на заемъ, замѣтка, гласившая что онъ долженъ послужить къ изъятію бумажныхъ денегъ изъ обращенія, и что если это предположеніе не высказано въ Высочайшемъ Указѣ, то вѣроятно лишь съ цѣлію избѣжать спекуляціи на вексельные курсы, которые должны подняться отъ уменьшенія находящейся въ обращеніи массы кредитныхъ билетовъ. Если это предположеніе справедливо, то оно, восклицаютъ въ *Голосѣ*, можетъ только „порадовать публику, да и не одну иностранную, для которой издается наша французская газета, но и русскую.“

Точно ли, и какая именно часть *русской* публики могла бы этому порадоваться, — это мы пока оставимъ въ сторонѣ. Но что касается публики *иностранной*, то дѣйствительно едва ли что̀ другое въ ходѣ русскихъ дѣлъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могло бы ее такъ порадовать какъ поднятіе нашихъ курсовъ и серіозное сокращеніе размѣровъ нашего денежнаго обращенія. Не ходя далеко, какія огромныя выгоды нажили бы они уже на одномъ нынѣшнемъ займѣ! При нынѣшнихъ низкихъ курсахъ облигаціи этого займа достаются имъ на металлическія деньги очень дешево, но безъ повышенія курсовъ продавать ихъ пришлось бы имъ тоже не особенно дорого. Иное дѣло при подъемѣ курсовъ: тутъ можно будетъ нажить на русскій счетъ разомъ не пять или десять, а двадцать, тридцать, сорокъ и болѣе процентовъ, смотря по уровню подъема курсовъ. Перспектива для спекуляціи русскими бумагами представляется самая блестящая. Дайте только иностраннымъ капиталистамъ гарантію въ твердомъ и неизмѣнномъ рѣшеніи поднять курсы, и они не замедлятъ бросить сотни милліоновъ на покупку всевозможныхъ русскихъ бумагъ въ кредитной валютѣ при низкомъ курсѣ, чтобы сбыть ихъ потомъ при высокомъ, съ громаднымъ барышомъ на русскій счетъ. Да иностраннымъ банкирамъ не понадобилось бы даже и употреблять на это большіе капиталы. Двойной противъ указаннаго барышъ былъ бы полученъ ими совершенно даромъ, безо всякой затраты, простымъ обмѣномъ на время дорогихъ русскихъ металлическихъ бумагъ на дешевыя кредитныя при низкомъ курсѣ, и обратнымъ обмѣномъ вздорожавшихъ кредитныхъ бумагъ на подешевѣвшія металлическія при совершившемся подъемѣ курсовъ. Разчетъ очень простой и понятный каждому не лишенному простаго здраваго смысла. Трудно полагать чтобъ этотъ разчетъ не былъ понятенъ даже нашимъ газетнымъ финансистамъ. Но если онъ имъ понятенъ, то что̀ же побуждаетъ ихъ желать чтобъ этотъ двусторонній маневръ дароваго перехода денегъ изъ русскихъ кармановъ въ чужеземные совершился какъ можно скорѣе и вѣрнѣе? Ради чего они добиваются чтобы заемъ, ежегодно ложащійся на государственный бюджетъ, и стало-быть на податныя силы Русскаго народа, тягостью въ $16^1/_2$ милліоновъ рублей, былъ употребленъ не на что̀ другое, а именно на доставленіе и обезпеченіе иностранцамъ громадной даровой наживы на русскій счетъ?

Нѣтъ, господа, привѣтствуйте, если вамъ это нравится, подобное употребленіе русскаго займа и податныхъ денегъ на уплату по немъ процентовъ, радуйтесь чужому обогащенію на русскій счетъ, но заявляйте эту радость только отъ своего имени, да отъ лица иностранной публики, а не отъ имени *русской* публики. По меньшей мѣрѣ, пристегивая къ вашей радости и русскую публику, имѣйте на столько честности чтобы точнѣе опредѣлять какую именно „русскую публику“ вы разумѣете. Публика публикѣ рознь. Вѣдь господа рукоплескавшіе оправданію Вѣры Засуличъ, которое привело въ такой восторгъ нашихъ „представителей общественнаго мнѣнія,“ тоже имѣютъ дерзость считать себя русскою публикой. Но значитъ-ли это чтобы настоящая русская публика имѣла тотъ же взглядъ на политическія убійства? Какъ есть разница между публикой и публикой по отношенію къ политическимъ вопросамъ, такъ и по отношенію къ вопросамъ экономическимъ. Есть публика которой экономическіе интересы не имѣютъ ничего об-

щаго съ интересами всего народа, и есть публика имѣющая одни и тѣ же съ нимъ интересы. Есть публика которая ничего не терпѣла отъ того кризиса который съ такимъ трудомъ, такъ болѣзненно, переживался русскимъ экономическимъ бытомъ предъ началомъ минувшей войны. Эта публика ничего не теряла ни отъ того что закрывались и сокращались производства, ни отъ того что земледѣліе было очень затруднено въ сбытѣ своихъ продуктовъ американскою конкурренціей, ни отъ того что массы рабочаго люда бѣдствовали за неимѣніемъ заработковъ при экономическомъ застоѣ. Напротивъ, эта публика извлекала только выгоды изъ этого застоя. Ей была на руку вынужденная имъ ненормальная, убійственная для производства дешевизна и фабрикатовъ, и продуктовъ земледѣлія, и рабочаго труда. Но не такого, конечно, мнѣнія были тѣ чьи интересы связаны съ судьбами земледѣльческой и промышленной дѣятельности, кто вмѣстѣ со всѣмъ народомъ выносили экономическій кризисъ на своихъ плечахъ; кто испытали на самихъ себѣ всѣ его невзгоды, а не вели только салонные о нихъ разговоры за чашкой кофе и рюмкой ликера. Эта наученная опытомъ, а не экономическими учебниками, публика, вмѣстѣ со всею производительною массой народа, вздохнула свободно только когда съ паденіемъ курсовъ и выпусками кредитныхъ билетовъ получили вновь жизнь всѣ главные источники народнаго богатства, и земледѣліе, и промышленность, и внутренняя торговля. И эта, умудренная опытомъ публика, какъ бы насмѣшливо ни отзывались объ ея невѣжествѣ газетные оракулы экономической доктрины, сто разъ подумаетъ прежде чѣмъ порадуется что государственные займы пойдутъ на то чтобы сразу и безъ замѣны уничтожить экономическія условія благодаря которымъ исчезли всѣ слѣды недавняго кризиса, и создать вновь тѣ условія при коихъ этотъ кризисъ постепенно возникъ и принялъ столь грозные размѣры.

Васъ безпокоятъ невыгоды которыя несетъ публика отъ низкихъ курсовъ. Но вы забываете что для значительной части этой публики, именно для той которая заинтересована въ русскомъ земледѣліи и въ русской промышленности, эти невыгоды съ лихвой возмѣщаются происходящими отъ тѣхъ же низкихъ курсовъ выгодами. Вы забываете затѣмъ что вся ваша публика въ Россіи есть не что̀ иное какъ малая горсть сравнительно съ массой народа почти никакихъ иностранныхъ товаровъ не покупающаго, и потому никакихъ потерь на курсѣ не несущаго, а только выигрывающаго отъ той экономической обстановки которая стала у насъ возможною лишь благодаря паденію курсовъ. И вотъ, чтобъ избавить горсть людей отъ потерь на курсѣ при покупкѣ иностранныхъ товаровъ и при заграничныхъ поѣздкахъ, вы готовы вернуть для массъ народа то время когда была утрачена и вѣра въ дальнѣйшее благодѣтельное дѣйствіе совершившихся реформъ, и надежда на естественное возрастаніе и акцизныхъ сборовъ, и другихъ косвенныхъ налоговъ, и когда, при всевозможныхъ усиліяхъ администраціи по взысканію податей, недоимки и въ податяхъ, и въ выкупныхъ платежахъ были роковою неизбѣжностью. Не лучше ли взамѣнъ того посократить покупку иностранныхъ товаровъ и повоздержаться отъ увеселительныхъ заграничныхъ поѣздокъ?

Вы стоите за сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія. Прекрасно. Но почему кажется оно вамъ необходимымъ? Этимъ сокращеніемъ, говорите вы, „предотвратится жестокій кризисъ, которымъ угрожало искусственное промышленное возбужденіе произведенное бумажными деньгами.“ Да полноте, господа, очнитесь, протрите глаза и присмотритесь не къ тому что̀ значится въ вашихъ книжкахъ, а къ тому что̀ на самомъ дѣлѣ происходитъ въ русской экономической жизни. Гдѣ это и въ чемъ проявилось у насъ искусственное промышленное возбужденіе? Въ чемъ и какіе это обозначились признаки грозящаго „жестокаго кризиса?“ Надо полагать что въ тѣхъ самыхъ явленіяхъ которыя побуждаютъ мрачно настроенную газету, именуемую *Молвой* (ci-devant *Биржевыя Вѣдомости*), говорить о „совершеннѣйшемъ застоѣ который,“ будто бы, „царствуетъ теперь въ нашей промышленной предпріимчивости.“ Вѣдь именно за ту статью гдѣ это высказано, другая газета, *Голосъ*, выдала *Молвѣ* аттестатъ въ „осторожности“ и „благоразуміи“ экономическихъ сужденій. Но если такъ, то что̀ же у насъ, наконецъ, такое, промышленная горячка, или промышенная спячка? На дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другаго, а есть публичная фальшь, которая силится выдать себя за голосъ общественнаго мнѣ-

нія, и мечтаетъ подѣйствовать и на публику, и на правительственныя сферы.

№ 139.

Москва, 2-го іюня.

Чтобъ ослабить невыгодное впечатлѣніе произведенное опубликованіемъ австро-турецкой конвенціи, Австрійское правительство пустило въ ходъ весь находящійся въ его распоряженіи аппаратъ офиціозной печати. Защитники конвенціи старались доказать главнымъ образомъ что всѣ внесенныя въ конвенцію оговорки о верховныхъ правахъ султана надъ Босніей и Герцеговиной не имѣютъ никакого значенія, что султанъ не въ правѣ пригласить Австрійцевъ удалиться изъ Босніи когда они водворятъ тамъ болѣе или менѣе прочный порядокъ, что непремѣнное условіе объ употребленіи доходовъ съ Босніи и Герцеговины исключительно на нужды этихъ провинцій не даетъ еще султану права дѣйствительнаго контроля надъ австрійскимъ управленіемъ, и что турецкій флагъ на мечетяхъ и молитвы за султана суть не болѣе какъ выраженіе *церковной* власти калифа. Что графъ Андраши дѣйствительно такъ смотритъ на заключенную имъ конвенцію, въ этомъ нельзя сомнѣваться, и предположеніе это мы высказали какъ только сталъ извѣстенъ текстъ конвенціи. Но нельзя не замѣтить также что настойчивымъ повтореніемъ этихъ разъясненій конвенціи австро-венгерскій канцлеръ едва ли произвелъ желаемое имъ дѣйствіе. Раздраженіе вызванное въ Австріи политикой графа Андраши отнюдь не умалилось отъ офиціозныхъ успокоеній; есть нѣкоторые признаки что оно особенно ощущается въ средѣ арміи, недовольной что она своими трудами и пожертвованіями служитъ для какихъ-то неясныхъ ей и колеблющихся цѣлей. Но за то эти домашнія австрійскія разъясненія должны были произвести, и произвели большое впечатлѣніе въ Константинополѣ. Любопытны свѣдѣнія передаваемыя корреспондентомъ *Politik* изъ Перы о взглядахъ Порты на пресловутую конвенцію. Каратеодори-паша придаетъ особенное значеніе именно тому что отрицается въ Австріи, то-есть верховнымъ правамъ султана. Онъ не скрываетъ отъ себя что всѣ рекламаціи Порты по этому поводу будутъ безуспѣшны если Турцію не поддержитъ въ ея притязаніяхъ какая-либо дружественная держава, но такая держава, по словамъ Каратеодори-паши, *„навѣрно найдется“*, и тогда наступитъ моментъ потребовать обратно, на основаніи конвенціи 21 апрѣля, все то что Берлинскій трактатъ отнялъ у Турціи ради превосходства австрійскаго управленія.“ Пока же, чтобы не дать заглохнуть вопросу о верховныхъ правахъ султана надъ Босніей и Герцеговиной, Порта, основываясь на этихъ правахъ, старается подставить ногу разнымъ начинаніямъ Австріи. Она протестуетъ въ Ватиканѣ противъ конвенціи съ Австріей относительно католической церкви въ Босніи и Герцеговинѣ; предлагаетъ Сербіи заключить съ ней торговый союзъ въ который входили бы и Боснія съ Герцеговиной, вопреки желанію Австрійскаго правительства включить ихъ въ таможенную область своей имперіи, и т. д.

Понятно что Австрійскому правительству въ дѣлѣ дальнѣйшаго захвата турецкихъ земель приходится дѣйствовать теперь съ нерѣшительностью, съ оглядкой, слишкомъ уже явною. Двѣ недѣли тому назадъ венгерскій министръ-президентъ Тиса, отвѣчая въ сеймѣ на интерпелляцію Гельфи, подтвердилъ что Австрія непремѣнно воспользуется своимъ правомъ, но что занятіе будетъ идти постепенно, въ согласіи съ Турціей, чтобы не было надобности ни въ новой мобилизаціи, ни въ новыхъ чрезвычайныхъ расходахъ. Однако каждое изъ этихъ условій, по справедливому замѣчанію *Wiener-Tagblatt*, представляетъ собою весьма неизвѣстное x. Шансы особеннаго согласія съ Турціей не слишкомъ благопріятны для Австріи. Спеціально въ отношеніи къ Ново-Базарскому санджаку Порта уже отвергла требованіе обезоружить Арнаутовъ какъ совершенно неисполнимое; при назначеніи коммиссаровъ, для улаженія вмѣстѣ съ австрійскими властями подробностей дальнѣйшей оккупаціи, она вѣроятно также прибѣгнетъ къ своей обычной системѣ проволочекъ. Но и помимо того, остальныя два условія венгерскаго министра кажутся довольно сомнительными. Вмѣстѣ съ берлинскими газетами можно не придавать большаго значенія тому что теперь разказывается въ вѣнскихъ газетахъ о чрезвычайномъ волненіи умовъ въ Албаніи, находящейся будто бы въ состояніи открытаго возмущенія

противъ властей вслѣдствіе предполагаемаго австрійскаго нашествія; всѣ эти разказы можетъ-быть дѣйствительно раздуты оппозиціонною печатью противящеюся дальнѣйшей оккупаціи, но нельзя упускать изъ вниманія того обстоятельства что въ конвенціи на занятіе первыхъ трехъ пунктовъ Ново-Базарскаго санджака опредѣлено всего пять тысячъ человѣкъ. Они должны занять Прибой, Преполье и Бѣлополье, и если на первые два пункта положить по 1.000 человѣкъ гарнизона, какъ разчитываетъ весьма обстоятельная сараевская корреспонденція по этому предмету, нѣсколько времени тому назадъ напечатанная въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, то на Бѣлополье останется всего 3.000, а между тѣмъ враждебное Австрійцамъ населеніе этого города не уступаетъ по численности подобному отряду и притомъ Бѣлополье отдѣлено отъ Преполья на два дня гористаго тяжелаго пути. Обстоятельства, въ которыя такимъ образомъ будетъ поставленъ этотъ слабый передовой австрійскій отрядъ, не послужатъ ли соблазномъ для албанскихъ магометанъ, не очень-то озабоченныхъ конвенціями и трактатами, и тогда первый выстрѣлъ раздавшійся на Лимѣ не произведетъ ли такого же неожиданнаго дѣйствія какъ катастрофа съ австрійскими гусарами у Маглая и Жепче, въ началѣ Боснійской оккупаціи? Австрійскія войска будутъ, конечно, въ состояніи преодолѣть нестройныя попытки сопротивленія, но придется дѣлать новые расходы и предпринимать новую мобилизацію.

Слѣдуетъ обратить вниманіе также на положеніе дѣлъ въ самой Босніи и Герцеговинѣ. Что дѣлается въ этихъ провинціяхъ, каково настроеніе умовъ тамошняго населенія, объ этомъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ мало свѣдѣній. Со времени вступленія туда Австрійцевъ, тамъ все шито и крыто. Въ то время какъ малѣйшее происшествіе въ Болгаріи или Восточной Румеліи разглашается съ прикрасами на весь міръ цѣлою массой корреспондентовъ о дѣлахъ въ Босніи и Герцеговинѣ соблюдается безусловное молчаніе. Однако въ послѣднее время, особенно въ константинопольскихъ газетахъ, сохраняющихъ связи съ магометанскимъ населеніемъ Босніи, указываются факты свидѣтельствующіе что боснійское населеніе отнюдь не помирилось съ порядками установленными Австріей. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательно начавшееся теперь движеніе въ занятыхъ Австрійцами областяхъ, которое имѣетъ цѣлью добиваться чтобъ австрійское управленіе тамъ было замѣнено международнымъ, какъ въ Восточной Румеліи, и чтобы затѣмъ Боснія и Герцеговина получили автономное управленіе. Въ движеніи этомъ равно участвуютъ и магометанское. и православное населенія.

Вотъ факты которые ставятъ австрійскихъ политиковъ въ комическое положеніе. Они не знаютъ на что рѣшиться; они должны даже сами усердно заявлять объ этомъ, какъ показываетъ сообщеніе появившееся вчера въ *Политической Корреспонденціи;* а между тѣмъ мысль о „настоятельной необходимости обезпечить интересы, могущество монархіи и уваженіе къ ней,“ какъ выражалась австрійская тронная рѣчь при закрытіи рейхсрата, не даетъ покоя австро-венгерскимъ политикамъ. Не льстятъ ли они себя надеждой сдѣлать новый шагъ въ этомъ направленіи, большой или малый, послѣ того какъ русскія войска совершенно очистятъ Балканскій полуостровъ?

№ 141.

Москва, 4-го іюня.

Новые выборы въ цислейтанскій парламентъ Австро-Венгерской имперіи уже начались. Но надежды на внутреннее умиротвореніе и полное торжество созданнаго графомъ Бейстомъ „конституціоннаго порядка“ зависятъ не столько отъ исхода этихъ выборовъ сколько отъ вопроса о томъ рѣшатся ли наконецъ представители Чешскаго народа отказаться отъ „пассивнаго сопротивленія,“ продолжающагося вотъ уже 16 лѣтъ, и вступить въ рейхсратъ. Послѣ паденія кабинета Ауэрсперга виды на примиреніе съ Чехами укрѣпились было значительно; но частные переговоры“ которые велись по этому предмету между членами новаго кабинета и вожаками обѣихъ чешскихъ фракцій, повидимому, не привели еще ни къ чему и скорѣе можно ожидать что ожидаемое примиреніе не состоится. 18 мая въ Прагѣ происходило совѣщаніе между представителями старо- и младо- Чеховъ и принята резолюція, чтобы прежде вступленія въ рейхсратъ, по-

требовать отъ правительства „необходимыхъ гарантій" политической автономіи Чешскаго народа. Собраніе это особенно важно потому что къ резолюціи на немъ постановленной пристала и значительная часть младо-чешской партіи, которая недавно еще склонялась къ противоположному мнѣнію. Но и теперь не всѣ представители младо-Чеховъ согласны съ принятымъ большинствомъ рѣшеніемъ.

Въ этомъ отношеніи много толковъ возбудила въ австрійской печати появившаяся 7 іюня брошюра Dr. Грегра, одного изъ вожаковъ младо-Чеховъ, въ которой онъ энергически высказывается въ пользу безусловнаго вступленія чешскихъ депутатовъ въ рейхсратъ. Онъ доказываетъ что 16 лѣтній опытъ долженъ былъ убѣдить Чеховъ въ полной безплодности ихъ воздержанія отъ участія въ парламентской жизни Цислейтаніи. Главный вредъ заключается де въ томъ что въ настоящее время не легко будетъ и избрать опытныхъ въ парламентской борьбѣ депутатовъ, такъ какъ прежніе бойцы значительно состарились за время бездѣйствія, а молодыя силы не имѣли случая укрѣпиться и пріобрѣсти необходимый закалъ. Dr. Грегръ опровергаетъ далѣе то мнѣніе будто безусловное подчиненіе существующему нынѣ въ Австріи порядку можетъ повредить чести и достоинству, равно какъ и интересамъ Чешской націи. Въ теченіе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ рейхсратъ не стѣснялся отсутствіемъ чешскихъ представителей и принималъ законы относившіеся и до Богеміи, не обращая вниманія на пассивный протестъ. Нѣтъ повода думать что это не будетъ продолжаться и впредь. Императоръ Францъ-Іосифъ считаетъ себя связаннымъ присягой данною имъ въ качествѣ Венгерскаго короля и ни за что не согласился бы, даже во время министерства Гоэнварта, на какое-либо существенное измѣненіе порядка установленнаго соглашеніемъ съ Венгріей. Тѣмъ менѣе можно ожидать чтобъ онъ согласился на что-либо подобное теперь, когда патріотическія демонстраціи всѣхъ народовъ Австріи во время его недавней серебряной свадьбы убѣдили его что онъ пользуется огромною популярностью „какою едва ли пользуется другой монархъ въ Европѣ," и что этою популярностью онъ главнымъ образомъ обязанъ своей непоколебимой вѣрности конституціи. Въ виду всего этого Чехамъ пора де убѣдиться что имъ остаются лишь два пути: или революція, или подчиненіе существующему порядку и вступленіе въ рейхсратъ.

Dr. Грегръ полагаетъ что вступленіе въ рейхсратъ безъ соглашенія съ теперешнимъ правительствомъ о „гарантіяхъ" даже выгоднѣе съ точки зрѣнія интересовъ Чешскаго народа; ибо, вопервыхъ, онъ вовсе не убѣжденъ чтобы министерство искренно желало этого вступленія, а вовторыхъ, еслибъ и такъ, то еще вопросъ есть ли въ томъ выгода чтобы вступленіе совершилось именно при такихъ условіяхъ. Добившись уступокъ отъ правительства, чешскіе депутаты должны были бы уступить кое-что и съ своей стороны. Имъ пришлось бы отказаться отъ своей независимости и обѣщать правительству свою поддержку противъ оппозиціи. Еще менѣе возможно для Чеховъ вступленіе въ союзъ съ либеральною нѣмецкою партіей которая дѣлаетъ оппозицію графу Андраши, ибо оппозиція эта направлена главнымъ образомъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины; а теперь, когда присоединеніе это уже совершилось, усилія нѣмецкихъ либераловъ будутъ клониться къ тому чтобъ эти провинціи не были окончательно включены въ составъ Австрійской монархіи и не усилили собой славянскаго элемента въ Цислейтаніи. Чехи же наоборотъ заинтересованы въ томъ чтобы Боснія и Герцеговина стали равноправными членами западной половины Австро-Венгерской монархіи.

Послѣднее замѣчаніе г. Грегра должно особенно подѣйствовать, ибо дѣйствительно нѣмецкіе органы вѣнскихъ централистовъ уже теперь усиленно агитируютъ противъ предоставленія вновь присоединеннымъ провинціямъ права на участіе въ конституціонной жизни Австріи. *Neue Freie Presse* ратуетъ противъ подобнаго плана главнымъ образомъ потому что, по смыслу австротурецкой конвенціи объ уступкѣ Босніи и Герцеговины, султанъ сохраняетъ свою верховную власть надъ этими провинціями и стало-быть конституція для нихъ можетъ де исходить лишь отъ султана.

Чешскимъ патріотамъ дѣйствительно не мѣшаетъ хорошенько взвѣсить представленные г. Грегромъ аргументы прежде чѣмъ они рѣшатся на продолженіе той тактики которой они держались до сихъ поръ. Австрія переживаетъ нынѣ очень рѣшитель-

ный для ея будущности моментъ, и если Славяне, столь обдѣленные при установленіи дуалистической системы, не могутъ не стремиться къ тому чтобы занять подобающее имъ положеніе въ Габсбургской монархіи, то именно теперь время для нихъ подвергнуть тщательному пересмотру свои старые счеты и выработать для себя новую программу дѣйствій, основанную на началахъ большей солидарности и менѣе проникнутую узкимъ интересомъ „своей колокольни."

Затрудненія предстоятъ для Австріи не вслѣдствіе только странныхъ отношеній въ кои она стала ко вновь присоединеннымъ отъ Турціи провинціямъ. Какъ ни старается графъ Андраши щадить турецкую щепетильность, каковы бы ни были оговорки коими ограждена „верховная власть" султана въ Босніи и Герцеговинѣ, равно какъ въ Новобазарскомъ санджакѣ, куда на дняхъ имѣютъ вступить австрійскія войска, для Италіи, этой старой соперницы Австріи, сущность дѣла остается все та же, и она не можетъ не тревожиться расширеніемъ австрійскаго владычества по всему восточному берегу Адріатическаго Моря. Вотъ почему нельзя не обратить вниманія на усиливающееся съ каждымъ днемъ взаимное раздраженіе которое проявляется въ австрійской и италіянской печати. Агитація приверженцевъ *Italia irredenta* вновь приняла самые широкіе размѣры и австрійскіе офиціозные органы прямо обвиняютъ Италіянское правительство въ намѣренномъ потворствѣ демонстраціямъ этого патріотическаго сообщества. Сверхъ того, много толкуютъ о массахъ войскъ стягиваемыхъ Италіей у своей сѣверовосточной границы, что, по слухамъ, уже подало поводъ къ запросу со стороны Австріи.

Австрійскіе офиціозные органы успокоиваютъ себя тѣмъ что Германія сумѣетъ обуздать всякіе воинственные замыслы Италіи противъ Австріи; однако вѣнская печать, а съ нею и берлинская, не отрицаютъ что на безоблачномъ горизонтѣ Европы появились на юго-западѣ черныя точки.

№ 142.

Москва, 6-го Іюня.

Энергическій протестъ Германіи противъ „самоволія" египетскаго хедива не могъ не возбудить всеобщаго вниманія. По неволѣ всѣмъ припомнилось знаменитое изреченіе князя Бисмарка въ началѣ восточныхъ смутъ что Германія настолько далека ото всего что творится на югѣ-востокѣ и такъ мало заинтересована непосредственно во всемъ что называется Восточнымъ вопросомъ что она „не пожертвуетъ для этого дѣла здоровыми костями хотя бы одного померанскаго мушкатера." И вдругъ Германія заявляетъ о своей готовности дѣятельно вмѣшаться въ такое дѣло которое составляетъ самую отдаленную окраину этого вопроса и которое даже державы болѣе заинтересованныя не сочли до сихъ поръ нужнымъ выдвигать на степень общеевропейскаго интереса, какъ бы молчаливо согласившись предоставить тамъ свободное поле для соперничества между Англіей и Франціей!

Берлинская печать старается отчасти объяснить образъ дѣйствія Германіи пренебреженіемъ къ ней хедива. Въ Египтѣ были нѣкоторые поставщики изъ Нѣмцевъ которымъ слѣдовали деньги отъ египетской казны. Они предъявили свои претензіи въ международномъ трибуналѣ учрежденномъ въ Египтѣ для иностранцевъ. Но выданные имъ исполнительные листы остались бумагой ни къ чему не потребною послѣ недавняго *coup d'état* хедива, а протесты этихъ нѣмецкихъ кредиторовъ заявленные хедиву съ угрозой обратиться къ заступничеству своего правительства были встрѣчены со стороны повелителя Египта однѣми насмѣшками. По словамъ *Journal des Débats*, одинъ изъ министровъ хедива выразился будто бы по этому поводу такимъ образомъ: „Что намъ толкуютъ о Нѣмцахъ? „Очень можетъ быть что въ Европѣ они „обладаютъ большою военною силой; но „какое до этого дѣло намъ, Египтянамъ? „Я знаю только тѣ европейскія націи которыя имѣютъ деньги; я много видѣлъ англійскихъ и французскихъ денегъ. Но „нѣмецкихъ денегъ я еще никогда не видалъ."

Говорятъ что такое пренебреженіе задѣло за живое національную гордость князя Бисмарка, и онъ счелъ необходимымъ

образумить своенравнаго деспота, съ такимъ успѣхомъ насаждавшаго до послѣдняго времени на берегахъ Нила плоды цивилизаціи Парижскихъ бульваровъ. Но этого мотива едва ли было достаточно чтобы побудить князя Бисмарка отступить отъ той программы сдержанности и безучастія которую онъ самъ провозгласилъ относительно дѣлъ Востока и предпринять такой шагъ который, по указанію самой нѣмецкой печати, можетъ повлечь за собою, и по всей вѣроятности повлечетъ, посылку германскаго флота къ берегамъ Египта. Египетскій хедивъ славится своимъ упрямствомъ, и легко можетъ быть что этотъ первый шагъ повлечетъ за собою многіе другіе, и едва ли самъ князь Бисмаркъ можетъ предвидѣть гдѣ остановится его дѣятельное вмѣшательство какъ только онъ замѣнитъ письменные протесты болѣе доступными для восточнаго вниманія аргументами силы.

Протестъ заявленный германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ 18 мая, отъ имени германскаго правительства, отличается чрезвычайною рѣзкостью. Въ немъ указано на то что декретъ хедива отъ 22 апрѣля, односторонне отмѣняющій международныя обязательства Египта по регулированію египетскаго государственнаго долга, заключаетъ въ себѣ прямое нарушеніе права, а потому „Германское правительство возлагаетъ на хедива всю отвѣтственность за его противозаконное дѣйствіе.“ Со времени этого протеста прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и каковы были его послѣдствія до сихъ поръ неизвѣстно; но не слыхать чтобы хедивъ взялъ назадъ свое распоряженіе, или принялъ мѣры къ удовлетворенію своихъ германскихъ кредиторовъ. Офиціозная германская печать уже нѣсколько разъ намекала что предстоитъ посылка германской эскадры къ берегамъ Египта, и хотя до сихъ поръ ничто не указываетъ на дѣйствительное принятіе этой мѣры, тѣмъ не менѣе всѣ убѣждены что князь Бисмаркъ не любитъ пустыхъ демонстрацій и по всему вѣроятію не замедлитъ исполненіемъ своей угрозы.

Какія же цѣли преслѣдуетъ германскій канцлеръ являясь вновь неожиданно для всѣхъ самостоятельнымъ и энергическимъ дѣятелемъ въ египетскомъ отдѣлѣ Восточнаго вопроса? Надъ этимъ вопросомъ ломаютъ въ особенности голову вліятельнѣйшіе органы французской и англійской печати. Берлинская же печать, по обыкновенію своему, высказывается чрезвычайно осторожно и лишь отмѣчаетъ съ интересомъ ту тревогу которую возбудило германское дѣйствіе въ лагерѣ двухъ соперниковъ, глухо борющихся изъ-за Египта и считавшихъ этотъ уголокъ какъ бы отмежеваннымъ для ихъ исключительнаго соревнованія. Французская печать, то какъ будто рада вмѣшательству Германіи, выставляя оное какъ аргументъ противъ эгоистическихъ видовъ Англіи уклоняющейся отъ общаго съ Франціей дѣйствія, то негодуетъ, усматривая въ немъ тайное желаніе парализовать и въ этомъ отдаленномъ углу вѣсъ и значеніе которое Франція вновь стала пріобрѣтать въ иностранной политикѣ. Берлинскія газеты ничего не говорятъ о видахъ какіе преслѣдуетъ Германія въ настоящее время своимъ вмѣшательствомъ въ египетскій вопросъ. За то мы встрѣчаемъ въ нихъ любопытное указаніе на ту роль которую Египетъ игралъ въ прошедшія времена въ вопросѣ объ обоюдныхъ отношеніяхъ между Франціей и Германіей. Болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, великій германскій философъ Лейбницъ посвятилъ этому вопросу цѣлый рядъ монографій на латинскомъ языкѣ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ *Consilium aegyptiacum*. Лейбницъ состоялъ тогда на службѣ Майнцскаго духовнаго курфиршества и, въ виду опасностей грозившихъ его отечеству отъ завоевательныхъ замысловъ Лудовика XIV, старался доказать повелителю Франціи какъ важно для него завладѣть долиной Нила, дабы отвлечь его вниманіе отъ Европы. Замѣчательно что нѣмецкій философъ главнымъ предметомъ выставлялъ возможность для Франціи нанести чрезъ завоеваніе Египта ударъ тогдашней ея соперницѣ, Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ, которые въ то время были единственнымъ европейскимъ государствомъ имѣвшимъ обширныя владѣнія въ Остъ-Индіи. Лейбницъ лично ѣздилъ въ Версаль къ великому королю дабы убѣдить его въ основательности своего совѣта; но Лудовикъ XIV не принялъ его, и совѣту его не послѣдовалъ, а предпочелъ непосредственно напасть на Нидерланды въ 1672 году. Были слухи, подтверждаемые, между прочимъ, и Тьеромъ въ его *Исторіи консульства и имперіи*, что *Consilium aegyptiacum* Лейбница подало сто тридцать лѣтъ спустя первую

мысль генералу Бонапарте предпринять походъ для завоеванія Египта.

Берлинская газета, припоминающая эти историческіе факты, добавляетъ что въ настоящее время Германія не имѣетъ надобности преподать Франціи „Египетскій совѣтъ;“ но тѣмъ не менѣе указываетъ что для Франціи во всякомъ случаѣ гораздо естественнѣе стать во главѣ тѣхъ силъ которыя по природѣ вещей призваны бороться противъ стремленій Англіи захватить въ свои руки Египетъ, нежели показывать видъ будто она дѣйствуетъ тамъ съ Англіей заодно.

Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться, и нѣтъ ничего фальшивѣе той дипломатической игры которая старается увѣрить міръ будто Англія и Франція „дѣйствуютъ заодно“ въ огражденіе своихъ „общихъ интересовъ“ на берегахъ Нила. Ни для кого не тайна, и сами органы французскихъ правительственныхъ сферъ первые на то указали, что „самовольный актъ“ египетскаго хедива, изгнавшаго поставленныхъ надъ нимъ англо-французскихъ опекуновъ, былъ ничѣмъ инымъ какъ ловкимъ маневромъ со стороны Англіи, избавившейся такимъ образомъ отъ докучнаго соопекунства. Сама же Англія продолжаетъ втихомолку обрабатывать дѣла въ своихъ интересахъ. Такъ недавно одна англійская газета сообщила будто султанъ уже согласился на то чтобы хедивъ былъ смѣщенъ и чтобъ Египетъ былъ переданъ въ управленіе Англіи на тѣхъ же основаніяхъ какъ Критъ. Планъ этотъ рушился де только потому что противъ него энергически возсталъ канцлеръ казначейства серъ-Стаффордъ Норткотъ.

Но вѣдь и лордъ Дарби возставалъ противъ конвенціи о Критѣ.

№ 143.

Москва, 6-го іюня.

Иностранные банкиры принявшіе столь дѣятельное участіе въ подпискѣ на Третій Восточный заемъ не имѣютъ повода сѣтовать на объявленныя нашимъ Государственнымъ Банкомъ основанія разверстки займовыхъ облигацій между подписчиками. Ихъ спекуляція на этотъ внутренній русскій заемъ, можно сказать удалась вполнѣ; имъ досталась въ немъ приблизительно именно та доля на которую они разчитывали. Для крупныхъ подписчиковъ на милліонъ и болѣе рублей, эта доля составляетъ правда лишь отъ 33 до 34% съ подписанныхъ ими суммъ. Но вѣдь они и подписывались не съ тѣмъ чтобы получить подписныя суммы полностью. При своихъ связяхъ въ денежномъ мірѣ и при помощи телеграфа они имѣли полную возможность слѣдить чрезъ своихъ агентовъ за ходомъ подписки, такъ сказать изъ часа въ часъ, и соображаясь съ приблизительнымъ итогомъ ея, конечно успѣли въ послѣднія минуты предъ ея закрытіемъ поднять цифры своихъ подписныхъ суммъ до предѣла соразмѣрнаго съ предполагаемою разверсткой. Это не то что искавшая въ объявленномъ займѣ помѣщенія своимъ капиталамъ денежная публика средней руки, подписывавшаяся, напримѣръ, на суммы отъ 20.000 до 100.000 руб. Для значительной части этой публики получить займовыя облигаціи не полностью, а лишь въ размѣрѣ отъ $66\frac{1}{2}$ до 40 и даже менѣе 40% подписной суммы будетъ, по всей вѣроятности, значительною ошибкой въ разчетахъ, которая, пожалуй, заставитъ многихъ пожалѣть что они не усвоили себѣ спекуляторскаго пріема подписываться на суммы превосходящія ихъ средства,—пріема который бьетъ навѣрняка въ рукахъ тузовъ денежнаго міра, но который сопряженъ съ большимъ рискомъ когда къ нему прибѣгаетъ непосвященная публика. Въ общемъ выводѣ, такимъ образомъ, разверсткой дано наиболѣе полное удовлетвореніе и самымъ мелкимъ на суммы до 10.000 рублей), и самымъ крупнымъ подписчикамъ; причемъ нѣкоторое предпочтеніе оказанное неспекулятивной подпискѣ предъ спекулятивною вообще мало уменьшило долю участія послѣдней въ займѣ. При строго пропорціональной разверсткѣ, безо всякаго различія размѣровъ подписки, каждый подписчикъ получилъ бы около $40\frac{1}{2}$% съ подписной суммы. Допущенная разверсткой отдача нѣкотораго преимущества мелкимъ подписчикамъ, какъ сказано, понизила этотъ процентъ для подписчиковъ на милліонныя суммы до 33—34%.

Сдѣлавшіеся обладателями массы облигацій новаго займа въ кредитной валютѣ, иностранцы, въ своихъ интересахъ, будутъ теперь, конечно, какъ воронъ крови, жаждать подъема русскихъ курсовъ и непрекращающаяся у насъ агитація въ пользу

этого подъема, можетъ безъ сомнѣнія, съ полною увѣренностью разчитывать на всяческое съ ихъ стороны сочувствіе. Чѣмъ выше поднимутся наши курсы, тѣмъ больше будутъ ихъ выгоды, а какими жертвами, какими тягостями для Русскаго народа будетъ купленъ этотъ подъемъ курсовъ, это, конечно, до нихъ не касается. Но съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, нельзя ни на минуту упускать изъ виду этихъ жертвъ и тягостей при серіозномъ отношеніи къ вопросамъ о нормальномъ уровнѣ вексельныхъ курсовъ и о нормальномъ денежномъ обращеніи. И прежде чѣмъ приступать къ установленію и упроченію предполагаемыхъ нормъ, слѣдуетъ строго взвѣсить, окупятся ли ожидаемыми отъ нихъ выгодами всѣ тѣ жертвы въ которыя установленіе этихъ нормъ обойдется казнѣ и всему народному экономическому быту. Это самый важный пунктъ въ вопросѣ, и его-то всего болѣе избѣгаютъ у насъ касаться господа кричащіе на всѣ лады о необходимости поднять нашъ вексельный курсъ. Они избѣгаютъ высказываться опредѣлительно даже о томъ до какого именно уровня должны быть подняты курсы, и какими именно размѣрами должно быть ограничено бумажное денежное обращеніе. Требуются дорого стоящія, разорительныя мѣры для достиженія невѣдомыхъ цѣлей.

Замѣчательно при этомъ то что люди настаивающіе на мѣрахъ съ цѣлію подъема курсовъ рекомендуютъ изъ числа этихъ мѣръ именно наиболѣе дорогую и наиболѣе сомнительную—именно извлеченіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Сомнительность этой мѣры уже показана опытомъ. Начался этотъ опытъ еще съ осени. Какъ видно изъ балансовъ Государственнаго Банка, къ 1 октября 1878 года кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 1.214.785.125 рублей; къ 1 мая текущаго года, какъ видно изъ тѣхъ же балансовъ, ихъ оставалось въ обращеніи на сумму 1.129.717.125 рублей.*) Итакъ въ семь мѣсяцевъ было изъято изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на сумму свыше 85 милліоновъ рублей. А какіе результаты дала затрата этой суммы? На много ли благодаря ей повысился вексельный курсъ? Пусть говорятъ цифры. Вотъ курсы стоявшіе на Петербургской биржѣ 29 сентября:

На Лондонъ $23^{15}/_{1}$, $24^{1}/_{32}$.

На Парижъ 251, 252.

А вотъ курсы стоявшіе на той же биржѣ 1 мая текущаго года:

На Лондонъ $23^{1}/_{32}$, $23^{1}/_{8}$, $23^{1}/_{16}$.

На Парижъ 243, $242^{3}/_{4}$.

Затрата 85 милліоновъ рублей на изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, какъ оказывается, не только не повела къ подъему курсовъ, а еще сопровождалась значительнымъ ихъ паденіемъ. И вотъ, однако, то же употребленіе какъ и этимъ 85 милліонамъ рекомендуется дать и тѣмъ 270 милліонамъ которые имѣетъ доставить Третій Восточный заемъ! Затѣмъ, въ ту же бочку Данаидъ, по предположеніямъ нашихъ доктринеровъ, должны быть бросаемы еще новыя и новыя сотни милліоновъ...

А между тѣмъ,—не для подъема курсовъ, который, дойдя до серіозныхъ размѣровъ, можетъ причинить серіозный вредъ, нарушивъ уже установившійся экономическій порядокъ,—а для поддержанія ихъ и недопущенія безграничнаго ихъ паденія, которое, конечно не можетъ быть желательно, имѣются средства не только не ложащіяся на государство столь громадными тратами, а еще обѣщающія значительныя выгоды и казнѣ и народу. Одно изъ такихъ средствъ, судя по ходу дѣлъ въ настоящее время, заключается въ измѣненіи таможеннаго тарифа, какъ на то и было уже указано.

Правда, разные доброжелатели Россіи, въ томъ числѣ и князь Бисмаркъ, утверждаютъ что Россія въ дѣлѣ обложенія иностраннаго привоза дошла до крайняго предѣла, и что слѣдовательно никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи не можетъ быть ею сдѣлано. Но все это слова, а не дѣло. На дѣлѣ же Россія нетолько не шла къ „крайнимъ предѣламъ“ обложенія привозныхъ товаровъ, а напротивъ, въ теченіе долгаго періода времени руководилась политикой пониженія тарифа. Тарифъ 1857 года былъ ниже тарифа 1850 года; тарифъ 1868 года ниже тарифа 1857 года. И если признать нашъ тарифъ достигшимъ предѣловъ крайней высоты, то что же послѣ этого сказать о тарифѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Между тѣмъ, если чей-либо тарифъ можетъ служить намъ примѣромъ, то ужь

*) При опредѣленіи итога кредитныхъ билетовъ мы не принимаемъ въ разчетъ тѣхъ выпусковъ оныхъ которые значатся иногда подъ рубриками счетовъ Банка съ его конторами и отдѣленіями.

конечно тарифъ американскій, ибо по естественнымъ условіямъ своего экономическаго быта. наша страна ни съ какою другою страной не имѣетъ бо́льшаго сходства какъ именно съ Америкой. А американскій тарифъ въ общей сложности слишкомъ вдвое выше нашего. Какъ велика разница между нашими пошлинами и американскими всего лучше можетъ дать понятіе слѣдующій разчетъ. Въ пятилѣтіе 1872—1876, со всей массы привоза по Европейской границѣ, на сумму почти 2.202 милліоновъ рублей, при нашемъ масштабѣ пошлинъ, было получено таможеннаго дохода въ пять лѣтъ всего съ небольшимъ 283½ милліоновъ рублей, то есть около 56.700.000 рублей въ годъ. При американскомъ масштабѣ пошлинъ, съ той же самой цифры привоза было бы получено въ пять лѣтъ болѣе 638½ милліоновъ рублей таможеннаго дохода, то-есть около 127.700.000 рублей ежегодно. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что съ установленіемъ тарифа близкаго къ американскому таможенные доходы казны возрастутъ въ указанной пропорціи, то-есть слишкомъ вдвое. Увеличеніе этихъ доходовъ, хотя и весьма крупное, не будетъ столь значительно. Но общее серіозное возвышеніе таможеннаго тарифа, кромѣ увеличенія казеннаго дохода, необходимаго, между прочимъ, въ виду пріисканія источниковъ для замѣны суммъ получаемыхъ нынѣ отъ подушныхъ сборовъ, будетъ имѣть еще другой, не маловажный результатъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, это возвышеніе пошлинъ должно будетъ сократить размѣры привоза и поставить ихъ значительно ниже размѣровъ отпуска. При разчетахъ съ иностранцами не мы, въ такомъ случаѣ, будемъ затруднены въ покупкѣ во что̀ бы ни стало векселей въ металлической валютѣ для расплаты за иностранные товары, а иностранцы будутъ нуждаться въ покупкѣ русскихъ векселей въ кредитной валютѣ для расплаты за русскіе товары. При такомъ соотношеніи спроса на русскіе и на иностранные векселя можно разчитывать что твердость русскихъ вексельныхъ курсовъ была бы въ значительной мѣрѣ обезпечена безъ затратъ на изъятіе изъ обращенія выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. И однимъ этимъ не ограничились бы выгодные результаты таможенной реформы. Перевѣсъ цѣнности отпуска надъ цѣнностью привоза облегчилъ бы уплату процентовъ по заграничнымъ долгамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ бы, переходу въ русскія руки находящихся у иностранцевъ русскихъ долговыхъ обязательствъ. Значительная доля капиталовъ идущихъ нынѣ на покупку иностранныхъ товаровъ пошла бы на покупку товаровъ русскихъ. Всѣмъ отраслямъ промышленности было бы дано желательное поощреніе. Можно полагать также что при этомъ появилась бы въ обращеніи и перестала бы уходить за границу звонкая монета, чѣмъ было бы облегчено регулированіе денежнаго обращенія безъ „мучительной операціи“ возстановленія прежней цѣнности кредитнаго рубля. Сдѣланъ былъ бы шагъ къ упроченію экономической независимости Россіи, для которой у насъ имѣются гораздо болѣе прочныя основанія въ естественныхъ условіяхъ страны чѣмъ въ ищущей такой независимости Германіи. Увеличились бы шансы накопленія у насъ своихъ капиталовъ и устраненія надобности въ томъ „золотомъ дождѣ“ которымъ такъ стараются благодѣтельствовать намъ добрые иностранцы, конечно не посѣтовавшіе бы еслибъ этотъ ихъ золотой дождь и въ Россіи принесъ со временемъ тѣ же плоды какіе уже созрѣли въ Турціи и Египтѣ. Трудно полагать чтобы всѣ эти соображенія не были доступны нашимъ газетныхъ экономистамъ. Но, какъ видится, это самое и побуждаетъ ихъ всячески возставать противъ повышенія пошлинъ. Наши „фритредеры“ и наши „протекціонисты“ на этотъ разъ подали другъ другу руку и дружно ратуютъ противъ какихъ бы то ни было перемѣнъ въ таможенномъ тарифѣ. Этотъ тарифъ вдругъ сталъ и для того и для другаго лагеря какою-то неприкосновенною святыней. Возвышеніе тарифа, между прочимъ, выставляется установленіемъ „китайской замкнутости.“ Это не лишено своего рода пикантности. До сихъ поръ никто еще не думалъ чтобъ Америка съ ея высокимъ тарифомъ была заражена китаизмомъ.

№ 144.

Москва, 7-го Іюня.

За послѣдніе дни въ европейской печати подняты толки о престолонаслѣдіи въ Нидерландскомъ королевствѣ. Вопросъ этотъ

современенъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ разростись въ весьма тревожный и близко затронуть если не всю Европу, то по крайней мѣрѣ тѣ изъ великихъ державъ, которыя находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Голландіей. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ толкамъ послужила смерть принца Вильгельма Оранскаго, наслѣднаго принца Нидерландскаго королевства, послѣдовавшая въ Парижѣ 11 іюня. Принцъ Вильгельмъ былъ старшимъ сыномъ нынѣ царствующаго короля Вильгельма III. Онъ родился 4 сентября 1840 г. и не былъ женатъ. Со времени своего совершеннолѣтія, принцъ Вильгельмъ жилъ внѣ своей родины, большею частію въ Парижѣ. Между нимъ и его царственнымъ родителемъ существовала рознь, которою нѣкоторые и объясняютъ его постоянное пребываніе во Франціи. Другіе же возлагаютъ всю отвѣтственность за добровольную эмиграцію принца Вильгельма на него самого. У короля Вильгельма есть еще одинъ сынъ отъ перваго брака его съ принцессой Софіей Виртембергскою (умершею въ 1877 году). Но этотъ сынъ, принцъ Александръ, родившійся въ 1851 г., хотя и отличается умомъ и дарованіями, столь слабъ здоровьемъ что нѣтъ никакой надежды чтобъ онъ пережилъ своего родителя и вступилъ послѣ на него на престолъ, а тѣмъ менѣе чтобъ онъ продолжилъ свой родъ чрезъ вступленіе въ бракъ. Въ предвидѣніи этой печальной перспективы для дома Оранскаго, король Вильгельмъ III вступилъ въ январѣ этого года во второй бракъ съ юною принцессой Эммой Вальдекъ-Пирмонтскою. Съ тою же цѣлью братъ короля, принцъ Гейнрихъ, вступилъ въ августѣ прошедшаго года въ бракъ съ прусскою принцессой Маріей, дочерью принца Фридриха-Карла. Но принцъ Гейнрихъ скончался 13 января сего года; и самъ король Вильгельмъ находится въ такомъ возрастѣ (ему теперь 62 года) при коемъ надежда на рожденіе у него наслѣдника очень слаба. Такимъ образомъ мужская отрасль царствующаго въ Нидерландахъ Оранскаго дома ограничивается въ настоящее время тремя лицами: самъ король, его сынъ Александръ и дядя короля принцъ Фридрихъ, которому теперь 82 года. Изъ нихъ одинъ лишь король Вильгельмъ представляетъ нѣкоторую вѣроятность на продолженіе рода. Но еслибъ у короля родилась дочь, а не сынъ, то и въ этомъ случаѣ вопросъ о престолонаслѣдіи получилъ бы различное рѣшеніе для Нидерландовъ и для великаго герцогства Луксембургскаго соединеннаго съ королевствомъ, ибо въ Луксембургѣ дѣйствуетъ такъ-называемый салическій законъ, отдающій безусловное предпочтеніе мужскимъ наслѣдникамъ предъ женскими, тогда какъ въ Нидерландахъ салическій законъ не дѣйствуетъ, и женская наслѣдница по прямой линіи имѣла бы преимущество предъ мужскими наслѣдниками изъ боковыхъ родственниковъ. Въ случаѣ же еслибы второй бракъ короля Вильгельма остался безплоднымъ, вопросъ о престолонаслѣдіи усложняется еще болѣе, въ виду того что, какъ сказано, теперешній наслѣдникъ престола, принцъ Александръ, едва ли его переживетъ. Если престарѣлый принцъ Фридрихъ переживетъ короля, то корона перейдетъ къ нему, а послѣ его смерти ближайшею наслѣдницей въ Нидерландахъ является его дочь Марія, находящаяся въ супружествѣ съ княземъ Видомъ, а въ Луксембургѣ—герцогъ Нассаускій. Но если принцъ Фридрихъ не переживетъ короля Вильгельма III, то ближайшею наслѣдницей послѣ него окажется сестра короля, великая герцогиня Веймарская, а за нею ея единственный сынъ, наслѣдный принцъ Веймарскій, которому въ этомъ случаѣ пришлось бы выбирать между престоломъ Веймарскимъ и Нидерландскимъ.

Эта послѣдняя вѣроятность уже теперь возбуждаетъ не малую тревогу въ Голландіи, гдѣ очень мало чувствуютъ симпатіи къ Германіи. Въ виду этого тамъ уже теперь раздаются голоса о необходимости измѣненія порядка престолонаслѣдія, къ чему конституція Нидерландскаго королевства представляетъ возможность. Ст. XXIII этой конституціи гласитъ именно такъ: „Когда по особеннымъ обстоятельствамъ представляется необходимость въ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, король имѣетъ право внести объ этомъ законопроектъ, который подвергается обсужденію на тѣхъ же основаніяхъ какъ всякое иное предложеніе объ отмѣнѣ или измѣненіи основныхъ законовъ."

Такимъ образомъ отъ инниціативы короля Вильгельма зависитъ устраненіе опасеній возникшихъ въ Голландіи, опасеній что бы престолъ не достался наслѣднику изъ Веймарскаго дома, находящагося въ близкомъ родствѣ съ домомъ Гогенцоллерновъ.

Есть и другой выходъ помимо измѣненія основныхъ законовъ, о коемъ и поговариваютъ въ Голландіи,—это усыновленіе королемъ Вильгельмомъ кого-либо изъ родственныхъ ему принцевъ владѣтельныхъ домовъ, съ тѣмъ чтобъ этотъ усыновленный принцъ вступилъ на престолъ въ случаѣ если король Вильгельмъ не оставитъ послѣ себя никакого потомства. Полагаютъ что выборъ въ этомъ случаѣ падетъ или на принца Вида, супруга двоюродной сестры короля и дочери принца Фридриха, или же на наслѣднаго принца Нассаускаго. Принцъ Видъ пользуется и въ настоящее время популярностью въ Нидерландахъ чрезъ свою супругу и имѣетъ трехъ дѣтей, такъ что съ нимъ дальнѣйшее престолонаслѣдіе было бы обезпечено. Съ другой стороны, наслѣдный принцъ Нассаускій, будучи призванъ на голландскій престолъ, закрѣпилъ бы существующее личное соединеніе королевства съ великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ, такъ какъ онъ имѣетъ самостоятельное право на наслѣдованіе престола этого герцогства въ силу указаннаго выше салическаго закона. Притомъ наслѣдный принцъ Нассаускій, какъ представитель династіи лишенной Пруссіей ея владѣній въ 1866 году, является наиболѣе пригоднымъ кандидатомъ съ точки зрѣнія голландскихъ патріотовъ, въ томъ смыслѣ что воцареніе его положило бы враждебную преграду между Голландіей и Германскими царствующими домами, особливо же съ домомъ Гогенцоллерновъ, съ коими нынѣ царствующая династіи связана многоразличными узами родства.

До сихъ поръ однако король Вильгельмъ III ничѣмъ не обнаружилъ принятаго имъ рѣшенія, коего ожидаютъ съ напряженіемъ не въ одной Голландіи. Какъ бы то ни было, но вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ нынѣ царствующаго Нидерланскаго короля, разъ выдвинувшись на передній планъ, не скоро вѣроятно сойдетъ съ очереди. Въ глухой враждѣ между Франціей и Германіей вопросъ о будущей участи Нидерландовъ, какъ и Бельгіи, всегда игралъ видную роль, и нѣтъ недостатка въ указаніяхъ что съ той и съ другой стороны созрѣваютъ различные планы и замыслы о подчиненіи своему владычеству побережья Сѣвернаго моря, именуемаго въ Германіи Нѣмецкимъ моремъ. Понятно что возникшій теперь вопросъ не можетъ не разжечь еще болѣе этого соперничества.

№ 145.

Москва, 8-го Іюня.

Удивительно какъ англійская печать все еще усиленно занимается Восточною Румеліей, выказывая тревожную досаду на то что тамъ дѣла идутъ не такъ какъ желательно было бы Англіи. На дняхъ Англійское правительство обнародовало новую корреспонденцію касательно Восточной Румеліи, состоящую всего изъ двухъ депешъ коими обмѣнялись лордъ Солсбери и сэръ Генри Лейрдъ. Въ первой изъ нихъ британскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ торжественно допрашиваетъ своего посла, справедливо ли что „султанъ вступилъ съ Русскимъ правительствомъ въ какое-либо соглашеніе которое можетъ воспрепятствовать Портѣ отправить турецкіе гарнизоны на балканскую границу Восточной Румеліи еслибъ это было найдено необходимымъ.“ На этотъ запросъ британскій посолъ въ Константинополѣ столь же торжественно отвѣчаетъ что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ положительно де отрицаетъ существованіе всякаго подобнаго соглашенія между Турціей и Россіей. Однимъ это извѣщеніе доставило несказанное удовольствіе. Другіе же, главнымъ образомъ наиболѣе рьяные туркофилы, не остались имъ довольны, такъ какъ они все-таки не видятъ турецкихъ гарнизоновъ въ Балканахъ. Изъ этого они заключаютъ что въ означенномъ опроверженіи вовсе де не было и надобности, такъ какъ соглашеніе о коемъ ходили толки, упомянутые и въ депешѣ Солсбери, основывались де не столько на уговорѣ относительно будущаго, сколько на взаимномъ признаніи совершившихся фактовъ. Порта замѣтила де что положеніе вещей допущенное въ Восточной Румеліи при исполненіи Берлинскаго трактата дѣлаетъ для нея невозможнымъ настоять на правахъ номинально ей предоставленныхъ въ этой провинціи, и пониманіе этого факта она свидѣтельствуетъ своимъ образомъ дѣйствій; другими словами, Турція признала де фактъ что Берлинскій трактатъ уже самъ собою рушился.

Чего же именно желаетъ англійская печать,—весьма трудно сказать. Въ Восточ-

ной Румеліи все покамѣсть спокойно, и не слышно чтобы тамъ грозили какія-либо замѣшательства если таковыя не будутъ искусственно вызваны. Но дѣло въ томъ что, помимо отсутствія турецкихъ гарнизоновъ въ Балканахъ, англійская печать никакъ не можетъ забыть происшествій съ феской и съ турецкимъ флагомъ и помириться съ ними, и продолжаетъ выражать свою досаду что Болгары смѣются де надъ Европой. Она упрекаетъ Болгаръ въ томъ что они не хотятъ де доказать своего желанія спокойствія и прочнаго умиротворенія „строгимъ исполненіемъ постановленій Берлинскаго трактата." Не мѣшало бы, однако, англійскимъ публицистамъ прислушаться какъ Болгары Румеліи, въ свою очередь, возлагаютъ отвѣтственность за будущее спокойствіе своей страны ни на кого другаго какъ на великія державы. Въ издающейся въ Филиппополѣ болгарской газетѣ *Марица* была напечатана недавно по этому поводу статья на французскомъ языкѣ, въ которой, между прочимъ, весьма откровенно высказывалось слѣдующее: „Всѣ истинные патріоты нашей провинціи готовы сплотиться съ полнѣйшею преданностью вокругъ князя Вогородиса чтобы помочь ему въ исполненіи задачи возложенной на него Европой; но должно также помнить что признанные вожди нашей націи, прежде всего, Болгары. Болѣе способные чѣмъ большинство ихъ соотечественниковъ судить о размѣрѣ бѣдствій и безчинствъ коимъ подверглась наша страна отъ Турокъ, и которымъ они все могутъ еще подвергнуть ее, несмотря на всѣ трактаты и статуты, наши политическіе вожди не могутъ убѣждать народъ пока сами не будутъ убѣждены; они могутъ господствовать надъ положеніемъ лишь когда дѣйствительность фактовъ подтвердитъ ихъ заявленія народу. Поэтому не отъ нашего народа и не отъ нашихъ вождей, даже не отъ князя генералъ-губернатора, намѣренія коего выше подозрѣній, будетъ зависѣть чтобы настоящее фиктивное и условное умиротвореніе нашей провинціи измѣнилось въ дѣйствительный и прочный миръ. Достиженіе этого желательнаго результата болѣе всего находится въ рукахъ великихъ державъ."

Дѣйствительно, державы могутъ оказать Восточной Румеліи большую услугу если какъ можно менѣе будутъ заниматься ея дѣлами. Такъ какъ вмѣшательство ихъ и особенно Англіи въ дѣла этой провинціи было какъ нельзя болѣе неудачно, то онѣ лучше всего сдѣлаютъ если оставятъ ее въ покоѣ.

Можно, впрочемъ, предположить что англійская печать продолжаетъ интересоваться этимъ предметомъ лишь притворно, съ цѣлью занять умы своихъ читателей и отвлечь ихъ вниманіе отъ другихъ вопросовъ, которые болѣе тревожнымъ образомъ должны въ настоящее время озабочивать Англійское правительство. Ибо если дѣла на Востокѣ все еще находятся подъ сомнѣніемъ, если тамъ несмотря на Берлинскій трактатъ, все еще предвидится возможность замѣшательствъ, то новыя усложненія возникаютъ отнюдь не со стороны Восточной Румеліи. И прежде всего египетскія дѣла представляютъ такую путаницу отъ которой мы каждый день можемъ ожидать какого-нибудь сюрприза. Взаимныя отношенія Франціи и Англіи такъ и остаются до сихъ поръ неразгаданной тайной Ясно только что послѣ ихъ уговора дѣйствовать сообща между ними наступилъ какой-то разладъ, и это обстоятельство дало поводъ Германіи выступить на сцену, разумѣется также не безъ важной политической цѣли, такъ какъ прямой интересъ Германіи въ Египтѣ ничтоженъ Во всякомъ случаѣ мы не думаемъ чтобъ этотъ новый оборотъ дѣла нравился обоимъ бывшимъ союзникамъ. Французская печать, по особенному положенія Франціи относительно Германіи, естественно соблюдаетъ нѣкоторую сдержанность. Но Англіи труднѣе скрыть досаду на неожиданное вмѣшательство германскаго канцлера въ дѣла Египта. Въ подтвержденіе того что тамъ вовсе не довольны этимъ новымъ оборотомъ дѣла достаточно привести заявленія двухъ главныхъ финансовыхъ органовъ англійской печати. Газета *Economist*, которая и прежде постоянно указывала на прозрачность англо-французскаго соглашенія по дѣламъ Египта и невыгодность онаго для Англіи, теперь дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Дѣйствіе Германіи совершенно измѣнило положеніе. Дѣла казались уже достаточно плохи для Англіи когда Франція настояла на правѣ имѣть одинаковый съ нею голосъ въ дѣлахъ Египта. Они имѣютъ безконечно худшій видъ теперь когда подобное требованіе предъявляется и Германіей. Если только характеръ германской политики не подвергся незамѣтнымъ образомъ радикаль-

ной перемѣнѣ то навѣрное можно сказать что князь Бисмаркъ выступилъ такимъ образомъ не безъ опредѣленной цѣли, и что разъ выступивъ онъ не имѣетъ намѣренія отступать назадъ. Послѣдствіемъ германскаго вмѣшательства будетъ то что Египетъ будетъ поставленъ нѣкоторымъ образомъ подъ европейскій протекторатъ, причемъ Германія будетъ руководящимъ директоромъ." Другой органъ финансоваго міра, *Statist*, также высказываетъ мнѣніе что вслѣдствіе вмѣшательства Германіи Египетскій вопросъ вступаетъ въ новую фазу: „Всѣ сомнѣнія относительно дѣйствительности и значенія этого вмѣшательства разсѣяны обнародованіемъ текста протеста адресованнаго княземъ Бисмаркомъ хедиву. Князь Бисмаркъ не такой человѣкъ чтобы заниматься пустыми угрозами, и можно съ увѣренностью предположить что онъ поддержитъ угрозы силой, если на то будетъ вызванъ. Но германскій протестъ касается Англіи и Франціи едва ли менѣе чѣмъ самого хедива. Для Франціи быть принужденною стушеваться предъ Германіей въ Египтѣ было бы горькимъ униженіемъ, за которое она стала бы досадовать на Англію, такъ какъ оно навлечено де несвоевременными колебаніями послѣдней; а что касается Англіи, то она не можетъ, безъ серіозной опасности, дозволить Европѣ взять Египетъ подъ свое попеченіе. Наше правительство всегда отказывалось допустить нейтрализацію Суэзскаго канала, на томъ основаніи что этимъ англійскій флотъ былъ бы исключенъ изъ канала въ случаѣ войны. Европейскій протекторатъ надъ Египтомъ подлежитъ тому же самому возраженію."

Любопытно при этомъ что французская и англійская печать сваливаютъ взаимно другъ на друга вину новаго оборота дѣла, и каждая указываетъ другой странѣ на опасныя для нея послѣдствія отъ вмѣшательства Германіи.

Со стороны Франціи упреки эти еще понятны, потому что они дѣлались и прежде. Но не понятно какимъ образомъ *Morning Post* хочетъ испугать Французовъ увѣреніемъ что вмѣшательство князя Бисмарка въ Египтѣ есть де результатъ ихъ кокетничанья съ Россіей. Еслибы даже допустить справедливость такого предположенія, чисто произвольнаго, такъ какъ кокетничанье Франціи съ Россіей ничѣмъ не проявлялось, то шагъ германскаго канцлера скорѣе можно было бы почесть направленнымъ противъ Россіи, но ни изъ чего не явствуетъ чтобъ онъ былъ враждебенъ Франціи. Напротивъ, германская печать старалась истолковать его пріятнымъ для Франціи образомъ. Берлинская *National-Zeitung* намекала даже что Франція должна быть благодарна князю Бисмарку за то что онъ вступился и избавилъ ее отъ серіознаго затрудненія, такъ какъ Британское правительство на дѣлѣ никогда не имѣло намѣренія дѣйствовать вмѣстѣ съ нею, а стремится присвоить себѣ абсолютный контроль надъ Египтомъ.

Какъ бы то ни было, но Египетскій вопросъ, изъ чисто англійскаго, или даже англо-французскаго, сталъ теперь европейскимъ, а этотъ новый европейскій вопросъ для Англичанъ поважнѣе румелейскихъ дѣлъ. Телеграммы послѣднихъ дней извѣщаютъ о замѣчательныхъ послѣдствіяхъ выступленія Германіи въ этомъ дѣлѣ. Франціи оно какъ будто внушило рѣшимость, которой ей не доставало пока она была парализована соглашеніемъ съ Англіей, выражавшимся въ бездѣйствіи. Изъ Александріи извѣщаютъ что французскій консулъ явился въ полномъ мундирѣ въ Каирскій дворецъ возвѣстить правительству что Франція настоятельно требуетъ низложенія хедива. Сегодня телеграфъ говоритъ что всѣ министры хедива, за исключеніемъ одного, высказались въ пользу отреченія теперешняго хедива. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Германія, съ обычною своею энергіей, не оставляетъ начатаго дѣла. По словамъ одной берлинской телеграммы, князь Бисмаркъ обратился ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ новымъ предложеніемъ принять сообща рѣшительныя мѣры съ цѣлью водворить въ Египтѣ хорошее управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаютъ что германскій военный флотъ отплылъ изъ Кильскаго порта въ воды Востока. И дѣло поставлено такъ что какъ бы ни была Англія недовольна такимъ всеобщимъ интересомъ принимаемымъ въ странѣ гдѣ она думала утвердить свое исключительное господство, она не имѣетъ никакого повода возражать противъ этого участія.

Думалъ ли лордъ Беконсфильдъ, когда онъ принималъ на себя говорить якобы за интересы Европы о такомъ результатѣ своей политики?..

———

№ 146.

Москва, 9-го іюня.

Едва ли что другое въ настоящее время вредитъ въ такой мѣрѣ успѣхамъ русской экономической жизни какъ настойчиво ведомая у насъ агитація въ пользу поднятія курсовъ посредствомъ извлеченія изъ обращенія бумажныхъ денегъ. Если повѣрить на слово господамъ посвящающимъ этой агитаціи свои силы и свои перья, можно подумать что ничто не интересуетъ ихъ такъ какъ упроченіе русскаго денежнаго обращенія; но если обратить вниманіе не на слова, а на дѣло и на смыслъ ихъ агитаціи, то она окажется направленною именно къ противоположной цѣли. Не подвигая ни на шагъ дѣла упроченія нашего денежнаго обращенія, эта агитація вноситъ только смуту, сомнѣнія и неизвѣстность во всѣ сферы экономической жизни связанныя съ ходомъ денежныхъ оборотовъ. Неизвѣстность будутъ ли и когда именно будутъ приняты искусственныя мѣры къ поднятію вексельныхъ курсовъ, какія это будутъ мѣры, будетъ ли и до какихъ предѣловъ будетъ ими поднятъ вексельный курсъ, какія будутъ произведены этими мѣрами финансовыя и экономическія пертурбаціи,—неизвѣстность всего этого, усиленно поддерживаемая нашими экономистами, дѣлаетъ невозможными почти всякіе экономическіе разчеты на сколько-нибудь продолжительные сроки. Производительныя затраты поневолѣ отсрочиваются со дня на день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; столь желательная у насъ предпріимчивость парализуется неувѣренностію въ завтрашнемъ днѣ. Осужденные на тревожно-выжидательное положеніе, капиталы стекаются въ банки, которые не знаютъ что съ ними дѣлать, или побуждаемые сказаннымъ положеніемъ дѣлъ, все болѣе отклоняются отъ своего истиннаго назначенія къ спекуляціямъ на денежные и фондовые курсы, подливая масло въ огонь именно той биржевой игры которая всего болѣе содѣйствуетъ колебанію курсовъ.

Обращая вниманіе на средство рекомендуемое для подъема вексельныхъ курсовъ и для упроченія будто бы тѣмъ нашего денежнаго обращенія, приходится еще болѣе усомниться въ томъ, дѣйствительно ли желаютъ подъема вексельныхъ курсовъ тѣ кто у насъ, на словахъ, всего болѣе о томъ хлопочутъ. Какъ единственное средство къ достиженію сказанной цѣли указывается у насъ сокращеніе денежнаго обращенія изъятіемъ изъ него части кредитныхъ билетовъ. А такое ли это средство чтобы на него можно было смотрѣть какъ на гарантію и подъема курсовъ, и упроченія денежнаго обращенія? История бумажныхъ денегъ и въ Россіи, и въ другихъ странахъ представляетъ не мало яркихъ, бросающихся въ глаза фактовъ побуждающихъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Между прочимъ, эти факты непререкаемо свидѣтельствуютъ что между количествомъ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ и ихъ металлическимъ курсомъ нѣтъ прямаго соотношенія. Бумажныя деньги, какъ свидѣтельствуютъ историческіе факты, могутъ сильно понижаться въ цѣнѣ на звонкую монету, несмотря на значительное сокращеніе количества ихъ въ обращеніи, и наоборотъ, могутъ сильно повышаться въ цѣнѣ на звонкую монету, несмотря на увеличеніе количества ихъ въ обращеніи. Приведемъ для образца два примѣра, одинъ изъ исторіи бумажнаго денежнаго обращенія въ Англіи, другой изъ новѣйшей исторіи бумажныхъ денегъ въ Америкѣ. Въ 1816 году въ Англіи обращалось бумажныхъ денегъ на 42 милліона фунтовъ стерл., и лажъ на золото былъ свыше $16^1/_2$ процентовъ; чрезъ два года, въ 1818 году, количество бумажныхъ денегъ возрасло до $46^3/_4$ милл., то-есть увеличилось на $4^3/_4$ милл. ф. ст., но лажъ не только не повысился, а напротивъ понизился съ $16^1/_2$ до $2^5/_8$%, такъ что разница между цѣной бумажныхъ денегъ и звонкой монеты стала почти ничтожною. Въ Америкѣ, въ 1865 году, при бумажномъ денежномъ обращеніи въ размѣрѣ 625 милліоновъ долларовъ, курсъ бумажныхъ денегъ стоялъ такъ низко что бумажный долларъ стоилъ слишкомъ вдвое дешевле золотаго (въ пропорціи 100 къ 202); черезъ десять лѣтъ, въ 1875 году, количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи увеличилось противъ 1865 года слишкомъ на 100 милліоновъ долларовъ (съ 625 до 726 милліоновъ), но несмотря на это курсъ ихъ повысился такъ что за сто золотыхъ долларовъ давали уже не 202, какъ въ 1865 году, а лишь 113 долларовъ бумажными деньгами. То же самое отсутствіе прямой связи между курсами и лажемъ,

съ одной стороны, и количествомъ бумажныхъ денегъ, съ другой, подтверждается и фактами нашей собственной исторіи. Въ 1817 году, у насъ обращалось ассигнацій на 836 милліоновъ рублей; чрезъ три года, количество это сократилось до 685 милліоновъ, то-есть уменьшилось слишкомъ на полтораста милліоновъ. Что же, поднялись отъ этого курсы? Справьтесь съ тогдашними вексельными курсами на Лондонъ, и увидите что по этимъ курсамъ ассигнаціонный рубль стоилъ, среднимъ числомъ, въ 1817 году $29,_1$, а въ 1820 году $25,_9$ металлическихъ копѣекъ; то-есть изъятіе весьма крупной суммы ассигнацій, стоившее государству большихъ пожертвованій и заключенія займовъ за высокіе проценты и съ большими преміями, не только не повело къ повышенію курсовъ, а еще сопровождалось весьма большимъ ихъ паденіемъ. Въ томъ же родѣ результатъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ полученъ и при изъятіи изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 85 милліоновъ рублей въ періодъ съ 1 октября 1878 по 1 мая текущаго 1879 года. И вотъ, однако, несмотря на рядъ подобныхъ фактовъ, у насъ, въ видахъ подъема курсовъ, рекомендуется прибѣгнуть именно къ сокращенію денежнаго обращенія, и именно на этотъ предметъ предлагается употребить суммы добытыя Третьимъ Восточнымъ займомъ! Впрочемъ, предлагая такое ихъ употребленіе, сами же предлагающіе замѣчаютъ что не слѣдуетъ надѣяться чтобъ отъ этого могли подняться наши вексельные курсы и цѣны бумажныхъ денегъ. Для чего же въ такомъ случаѣ нужна рекомендуемая затрата громадныхъ суммъ?

И Англія, и Америка возстановили курсъ своихъ бумажныхъ денегъ и упрочили свое денежное обращеніе не превращая безпроцентнаго долга въ процентный. При всей громадности своихъ финансовыхъ средствъ, эти страны не считали добрымъ дѣломъ возлагать на податныя силы тягость уплаты процентовъ и расходовъ на изъятіе бумажныхъ денегъ когда въ ней не предстояло надобности. Америка, правда, пошла было вначалѣ путемъ изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія; но эта система продержалась только два года, а затѣмъ была рѣшительно оставлена чтобы не причинить недостатка въ денежныхъ знакахъ при быстромъ развитіи производительныхъ силъ страны. Именно этимъ развитіемъ производства и была поднята въ обѣихъ указанныхъ странахъ цѣнность бумажныхъ денегъ, именно этимъ путемъ и было достигнуто упроченіе денежнаго обращенія. У насъ же ведется агитація именно съ цѣлію повести дѣло путемъ прямо противуположнымъ. Посредствомъ тяжкаго обремененія бюджета рекомендуется отнять у производительности въ возможно большемъ размѣрѣ необходимыя ей мѣновыя средства, а настойчивымъ указаніемъ такой перспективы парализуется самый духъ предпріимчивости необходимой для развитія производительныхъ силъ страны, которое, не такъ какъ сомнительная мѣра изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, могло бы дѣйствительно повести къ упроченію денежнаго обращенія.

Но, какъ оказывается, радѣтели о благополучіи Россіи ничего другаго такъ не боятся какъ именно появленія въ Россіи духа предпріимчивости русскихъ капиталистовъ и развитія русскаго производства на русскіе капиталы. Давно ли, кажется, раздавалось столько жалобъ на недостатокъ и капиталовъ, и предпріимчивости въ Россіи? Не было тѣхъ жертвъ на которыя поскупились бы когда только возникала рѣчь о возможности привлеченія на русскую почву иностранныхъ капиталовъ и иностранныхъ предпринимателей. Но вотъ, вслѣдъ за прекращеніемъ бывшаго до войны экономическаго кризиса, появились на Руси свои капиталы, готовъ проявиться, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, духъ предпріимчивости въ своихъ капиталистахъ. Что же, радуются ли у насъ этому? Нѣтъ, такой оборотъ дѣлъ приводитъ нашихъ экономистовъ въ ужасъ. Ничто ихъ такъ не страшитъ какъ то что накопившіеся въ русскихъ рукахъ капиталы могутъ пойти на развитіе русскаго производства, и ни о чемъ они такъ не хлопочутъ какъ о томъ чтобы помѣшать русскимъ капиталамъ пойти на такое употребленіе. Это будетъ де промышленною лихорадкой. Иное дѣло иностранный золотой дождь. Цѣлебность его уже испытана на извѣстныхъ „больныхъ людяхъ" мусульманскаго Востока...

Заботясь объ огражденіи русскаго производства отъ прилива къ нему накопившихся русскихъ капиталовъ (иностраннымъ дозволяется приливать въ какомъ угодно количествѣ), экономисты самопроизвольно взявшіе это производство подъ свою опе-

ку въ не меньшей мѣрѣ озабочены также огражденіемъ его отъ возможнаго усиленія его путемъ таможенной охраны. Едва зашла рѣчь о необходимости пересмотра нашего крайне неудовлетворительнаго во многихъ отношеніяхъ таможеннаго тарифа, какъ не замедлилъ раздаться вопль о могущихъ произойти отъ сего бѣдствіяхъ. Заговорили о крайнемъ вредѣ колебаній въ таможенной политикѣ и непослѣдовательныхъ и противорѣчивыхъ перемѣнъ въ тарифахъ; заговорили, — едва ли отдавая сами себѣ отчетъ въ томъ что̀ говорятъ, — о необходимости „уваженія къ правамъ собственности, къ капиталамъ и дѣятельности затраченнымъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ,“ которое де „возможно только при нѣкоторомъ постоянствѣ размѣровъ таможеннаго налога, необходимомъ для коммерческаго разчета.“ Интересно было бы знать, въ чемъ это и чьи пострадали бы права собственности, капиталы и дѣятельность затраченные въ промышленныя предпріятія, еслибы повышеніемъ тарифовъ было имъ оказано большее чѣмъ нынѣ покровительство, еслибъ они были болѣе чѣмъ нынѣ ограждены отъ иностраннаго соперничества, еслибы нѣкоторымъ стѣсненіемъ иностраннаго привоза продуктамъ русскаго производства былъ открытъ болѣе широкій и обезпеченный сбытъ въ странѣ. Въ чемъ, при такомъ измѣненіи тарифа, обманулись бы въ своихъ разчетахъ русскіе предприниматели? Въ томъ что производство оказалось бы болѣе выгоднымъ чѣмъ они разчитывали? Но вѣдь обмануться въ эту сторону ни для кого бѣды не составляетъ. Да и вообще не понятна такая щепетильность относительно измѣненія тарифовъ въ людяхъ которые не знаютъ какъ превознести рядъ послѣдовательныхъ измѣненій нашего тарифа въ смыслѣ его пониженія, которое дѣйствительно серіозно затрогивало тѣ интересы къ которымъ нынѣ проповѣдуется уваженіе. Но еще непонятнѣе какой смыслъ имѣютъ вышеприведенныя фразы о бережномъ обращеніи съ основами коммерческихъ разчетовъ въ устахъ людей съ такою легкостію готовыхъ грубымъ пріемомъ изъятія изъ обращенія массы кредитныхъ билетовъ произвести во всей экономической сферѣ такія пертурбаціи, размѣры коихъ невозможно предвидѣть и которыя дѣйствительно могутъ разбить въ прахъ всѣ разчеты сдѣланные въ русскомъ производствѣ съ той поры когда оно оживилось послѣ недавняго кризиса.

№ 148.

Москва, 11-го Іюня.

Физіономія германскаго имперскаго парламента, будто по манію волшебнаго жезла, совершенно измѣнилась. Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ вожаковъ партіи центра, г. Шорлемеръ-Альстъ, явившись надняхъ, въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни, въ засѣданіе рейхстага, началъ свою рѣчь съ того что ему почти не вѣрится чтобъ это было то же самое собраніе. И дѣйствительно, перемѣны радикальныя. Вмѣсто націоналъ-либераловъ, которымъ принадлежало президентство рейхстага, на президентскомъ креслѣ возсѣдаетъ членъ партіи прусскихъ феодаловъ; что̀ еще поразительнѣе, рядомъ съ нимъ сидитъ, въ качествѣ вице-президента, клерикалъ Франкенштейнъ. Партія націоналъ-либераловъ, еще такъ недавно составлявшая главную опору правительства, находится въ состояніи полнаго разложенія; меньшинство ея, пока еще незначительное по численности, съ бывшимъ вожакомъ всей партіи г. Бенигсеномъ, продолжаетъ поддерживать правительство; остальная же часть перешла на сторону рѣшительной оппозиціи, и рѣчь идетъ объ измѣненіи самого названія этой группы. Предполагается соединененіе ея съ партіей прогрессистовъ подъ общею кличкой bürgerlich liberale, съ г. Форкенбекомъ, прежнимъ президентомъ рейхстага, во главѣ.

Все это свидѣтельствуетъ конечно о силѣ вліянія князя Бисмарка. Но это еще не значитъ что князь Бисмаркъ вполнѣ овладѣлъ новымъ положеніемъ, имъ самимъ созданнымъ, и едва ли кто-нибудь въ Германіи имѣетъ теперь ясное понятіе о томъ что̀ именно ему нужно. Говорили было что онъ рѣшился серіозно войти въ сдѣлку съ папскою куріей и прекратить свою борьбу противъ притязаній католической іерархіи; многіе, и въ томъ числѣ клерикальные органы, уже провозглашали его „на пути къ Каноссу.“ Но оказывается что дѣло не совсѣмъ такъ. По поводу недавняго праздника золотой свадьбы Германской императорской четы ожидали общаго акта амнистіи распространеннаго преиму-

щественно на приговоренныхъ по суду къ тюремному заключенію, на болѣе или менѣе продолжительные сроки, католическихъ священниковъ, коихъ не одна сотня томится въ заключеніи; думали что будетъ объявлено прощеніе и католическимъ епископамъ Германіи, лишеннымъ своихъ мѣстъ и находящимся въ изгнаніи. Но ожиданія эти не сбылись. Общаго акта амнистіи объявлено не было. Прощеніе даровано 800 лицамъ, но по спеціальнымъ представленіямъ, и между ними нѣтъ ни одного осужденнаго въ силу „майскихъ законовъ." Помилованіе даровано осужденнымъ въ прошедшемъ году за дерзкіе отзывы объ императорѣ Вильгельмѣ и изъявившимъ раскаяніе. Исключеніе клерикаловъ изъ этого акта помилованія объясняется съ офиціозной стороны тѣмъ что католическимъ священникамъ и епископамъ и не могло бы быть желательнымъ подойти подъ одну категорію съ этими прощенными, кои удостоились милости лишь въ той мѣрѣ какъ было засвидѣтельствовано объ ихъ раскаяніи и исправленіи. Это объясненіе, конечно, мало удовлетворяло ультрамонтанъ, полагающихъ что не трудно было придумать другую формулу для освобожденія людей коимъ, по сознанію самого правительства, не въ чемъ раскаяваться. Но этимъ свидѣтельствуется что дѣло примиренія между правительствомъ и партіей центра еще далеко не состоялось, и даже по вопросу о финансовыхъ преобразованіяхъ, послужившихъ поводомъ къ сближенію между княземъ Бисмаркомъ и клерикалами, оказываются важные пункты несогласія, заставляющіе сомнѣваться въ полномъ осуществленіи проектовъ нынѣ обсуждаемыхъ рейхстагомъ. Пошлины которыя до сихъ поръ обсуждались въ имперскомъ сеймѣ принадлежатъ къ разряду покровительственныхъ, задуманныхъ, какъ утверждаютъ со стороны правительства, не прямо въ интересахъ казны, а для пользы отечественнаго производства. Таковы пошлины на металлическіе продукты, на хлѣбъ и на лѣсъ. Но сверхъ того имѣются еще въ виду пошлины чисто-финансовыя, именно на пиво и табакъ. Эти послѣдніе еще обсуждаются въ коммисіяхъ, и пока неизвѣстно какая участь ожидаетъ ихъ въ парламентѣ. Партія центра поддерживала правительство по вопросамъ о покровительственныхъ пошлинахъ, такъ какъ, согласно заявленіямъ ораторовъ этой партіи, протекціонизмъ или по крайней мѣрѣ борьба противъ доктрины фритридерства, всегда входили въ программу этой партіи. Въ этомъ отношеніи, замѣчаютъ горделиво клерикальное органы, не они перешли на сторону князя Бисмарка, а напротивъ онъ десамъ обратился на путь. Совсѣмъ иное дѣло финансовыя пошлины. Послѣднія проектированы, по заявленію князя Бисмарка, съ тою цѣлію дабы „упрочить финансовую независимость имперіи отъ отдѣльныхъ членовъ Германскаго союза" и упразднить матрикулярные взносы. Но послѣднее для ультрамонтанъ вовсе не желательно; они никогда не были ревнителями праобладанія имперіи надъ отдѣльными членами союза, а напротивъ всегда старались оберегать автономію послѣднихъ. Вотъ почему, на частномъ собраніи вожаковъ этой партіи, происходившемъ въ Берлинѣ 16 іюня, рѣшено подавать голосъ за финансовыя пошлины лишь подъ тѣмъ условіемъ чтобы переборъ ожидаемый отъ вновь вводимыхъ косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ былъ распредѣляемъ между отдѣльными государствами, которыя попрежнему должны будутъ дѣлать соразмѣрные величинѣ этихъ государствъ взносы въ имперскую казну. Это рѣшеніе діаметрально противоположно тому чего добивается князь Бисмаркъ, и нельзя ожидать чтобъ онъ въ этомъ отношеніи согласился на какую бы то не было сдѣлку. Но и этого мало. Вожаки партіи центра постановили въ томъ же собраніи согласиться на введеніе финансовыхъ пошлинъ лишь подъ тѣмъ условіемъ если срокомъ дѣйствія новаго закона будетъ назначенъ 1 апрѣля 1881 года. Въ этотъ день истекаетъ „септеннатъ," семигодичный срокъ установленный рейхстагомъ въ 1874 году для имперскаго военнаго бюджета. Германскіе партикуляристы, коимъ главнымъ образомъ принадлежатъ ультрамонтаны, всегда противились исключенію военнаго бюджета изъ-подъ контроля народнаго представительства и не желаютъ чтобы цифра этого бюджета была установлена неизмѣнно на продолжительный періодъ. Теперь они высказываютъ опасеніе чтобы, при усиленіи самостоятельныхъ источниковъ дохода имперіи, воинскій бюджетъ не былъ фактически вовсе изъятъ изъ регулированія со стороны рейхстага. Это было бы равносильно, по мнѣнію клерикаловъ, фактическому отреченію рейхстага отъ существеннѣйшей пре-

рогативы всякаго народнаго представительства—бюджетнаго права, а германскіе клерикалы, какъ извѣстно, имѣютъ претензію выставлять себя ревностными защитниками конституціонныхъ вольностей... Либералы въ свою очередь требуютъ чтобы правительство, взамѣнъ проектируемыхъ финансовыхъ пошлинъ, на которыя они въ принципѣ вполнѣ согласны, даровало рейхстагу „конституціонныя гарантіи,“ не опредѣливъ впрочемъ до сихъ поръ въ точности въ чемъ эти гарантіи должны заключаться.

Такимъ образомъ, весьма возможно что при предстоящемъ обсужденіи косвенныхъ налоговъ на пиво и табакъ теперешніе непримиримые враги, либералы и ультрамонтаны, подадутъ другъ другу руки для общаго сопротивленія притязаніямъ князя Бисмарка. Это будетъ явленіемъ весьма характеристичнымъ для „парламентскаго порядка.“ Но князь Бисмаркъ вѣроятно не смутится и этимъ, и если ему не удастся пріобрѣсти безусловную поддержку со стороны клерикаловъ, то у него есть въ запасѣ еще одно средство которое онъ приберегаетъ на „худой конецъ“—распущеніе рейхстага.

Офиціозные берлинскіе органы уже теперь объ этомъ поговариваютъ.

Впрочемъ, какъ слышно, націоналъ-либералы уже вступили въ переговоры съ несговорчивымъ канцлеромъ, и еще возможно что бо̀льшая часть этой партіи присоединится къ своему главному вождю, г. Беннигсену, и согласится на финансовыя реформы, лишь бы оттѣснить отъ власти клерикаловъ...

№ 149.

Москва, 12-го Іюня.

Трудно представить себѣ самоувѣренность бо̀льшую той съ какою проповѣдуется у насъ, во имя науки, необходимость будто бы изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ превращеніемъ такъ-называемаго безпроцентнаго долга въ процентный. Въ этомъ рецептѣ заключается де единственный якорь спасенія отъ всѣхъ экономическихъ и финансовыхъ золъ; отказаться отъ него значитъ де осудить страну на неисчетныя бѣдствія. Не признавать этого можетъ де одно только круглое невѣжество.

Замѣчательно что тотъ же самый рецептъ, который такъ настойчиво предлагается теперь Россіи, въ недавнее еще время съ тою же настойчивостію, тѣмъ же самоувѣреннымъ тономъ и тоже во имя науки, предлагался и другой странѣ, именно, Сѣверо - Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. По окончаніи междуусобной войны, эта страна очутилась въ положѐніи которое во многомъ было сходно съ нашимъ. Она вышла изъ войны обремененная громадною тягостью процентныхъ долговъ и съ разстроенною системой денежнаго обращенія. Ея долгъ превысилъ всю сумму долговъ лежащихъ нынѣ на русской казнѣ; курсъ ея бумажныхъ денегъ стоялъ много ниже курса нашихъ кредитныхъ билетовъ. Адептамъ экономической доктрины предстоялъ рѣдкій случай испытать на практикѣ цѣлебность рекомендуемыхъ ими средствъ, и они не замедлили осыпать американскаго паціента своими совѣтами. Во имя экономической науки начертана была цѣлая система дѣйствій которой Америка должна была слѣдовать. Первымъ и главнымъ пунктомъ этой системы было немедленное возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія изъятіемъ бумажныхъ денегъ. Вторымъ пунктомъ рекомендовались внѣшніе займы, которые для Америки, какъ для страны нуждающейся въ капиталахъ, не только де не вредны, но напротивъ благодѣтельны. Третьимъ пунктомъ требовалось чтобъ Америка не только не повышала, а напротивъ понижала свой таможенный тарифъ, чтобъ она не обращала вниманія на свой торговый балансъ, и не только не огорчалась бы превышеніемъ привоза надъ отпускомъ, но радовалась бы ему. При условіи слѣдованія этимъ и подобнымъ правиламъ, Америкѣ предвѣщалось скорое наступленіе эры благоденствія; въ случаѣ же отказа подчиниться предлагаемымъ совѣтамъ, ей предвѣщались гибельныя послѣдствія, неизбѣжныя де при нарушеніи основныхъ законовъ экономической науки.

И что̀ же? Дерзкіе Янки осмѣлились пренебречь всѣми прописанными имъ рецептами. Они не только не пошли рекомендованнымъ путемъ, но избрали путь прямо противоположный. Принятая было мѣра изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія была скоро и рѣшительно оставлена, что-

бы не причинить недостатка въ денежныхъ знакахъ необходимыхъ при развитіи производительныхъ силъ страны. Этого мало: открыта была возможность умноженія массы бумажныхъ денегъ путемъ выпуска билетовъ частными банками,—билетовъ размѣнныхъ не на золото, а на бумажныя правительственныя деньги, такъ-называемые *гринбаки*. Вмѣсто заключенія займовъ для изъятія изъ обращенія бумажныхъ денегъ, Америка озаботилась, вопервыхъ, сокращеніемъ цифры не безпроцентнаго, а процентныхъ долговъ; вовторыхъ, сокращеніемъ размѣра платимыхъ по этимъ долгамъ процентовъ. Наконецъ, къ вящему горю своихъ совѣтчиковъ, она сильно повысила свой таможенный тарифъ; повышеніе это измѣнило ея торговый балансъ, крайне стѣснило размѣры привоза и оказало американскому производству сильное покровительство. Такой образъ дѣйствій снискалъ Американцамъ наименованіе невѣждъ не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ простыхъ основаніяхъ политической экономіи, невѣждъ ведущихъ финансы и экономическій бытъ страны къ неминуемому совершенному разстройству. Умные Янки не смутились, однако, ни укорами въ невѣжествѣ, ни зловѣщими предсказаніями, и продолжали идти своимъ путемъ. Кто же оказался правъ, совѣтчики ли, или отказавшіеся слѣдовать ихъ совѣтамъ Американцы?

Факты уже дали отвѣтъ на этотъ вопросъ. Результаты достигнутые тою экономическою политикой которую усвоила себѣ Америка у всѣхъ предъ глазами. Поощренное таможеннымъ покровительствомъ, американское производство развилось въ неожиданныхъ размѣрахъ, сдѣлавшись гораздо болѣе чѣмъ прежде грознымъ конкуррентомъ для Англіи и другихъ странъ. Никакой надобности обременять страну процентнымъ долгомъ для замѣны имъ безпроцентнаго, то-есть бумажныхъ денегъ, не оказалось. Курсъ этихъ денегъ, безъ искусственныхъ мѣръ, безъ потрясеній сопровождающихъ изъятіе ихъ изъ обращенія, возстановился и дошелъ до al pari самъ собою, естественнымъ путемъ, благодаря широкому развитію нуждающагося въ денежныхъ знакахъ производства, такъ что правительству, установившему съ 1 января текущаго года металлическое денежное обращеніе, оставалось только закрѣпить своею санкціей уже совершившійся фактъ. Благодаря вызванному высокимъ тарифомъ выгодному торговому балансу, обращеніе бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, вопреки ученію доктринеровъ, не только не вытѣсняло изъ страны звонкой монеты, а напротивъ сопровождалось приливомъ золота и серебра изъ-за границы. Благодаря тому же выгодному балансу, Америка получила въ своемъ отпускѣ средства не только для расплаты за привозные товары и для уплаты процентовъ по заграничнымъ долгамъ, но и для выкупа у иностранцевъ большей части находившихся въ ихъ рукахъ займовыхъ облигацій. Параллельно съ погашеніемъ долга (процентнаго, а не безпроцентнаго) правительствомъ, совершался такимъ образомъ переходъ остающихся непогашенными облигацій этого долга изъ рукъ иностранцевъ въ руки Американцевъ, и совершался въ такихъ размѣрахъ что, по разчету президента Гейеза, сумма американскихъ займовыхъ облигацій находящаяся въ рукахъ иностранцевъ сократилась въ семь лѣтъ, отъ 1871 до 1878, съ 800—1.000 милліоновъ, до 250 - 300 милліоновъ долларовъ.

Таковы факты. Что̀ же сказать въ виду представляемаго Америкой примѣра?

Господа самоувѣренно-докторальнымъ тономъ предлагающіе у насъ изъятіе кредитныхъ билетовъ путемъ займовъ и возстающіе противъ всякаго повышенія таможеннаго тарифа вовсе не находятъ нужнымъ основывать эти свои сужденія о столь важныхъ предметахъ на предварительномъ изслѣдованіи происходящихъ въ странѣ финансовыхъ и экономическихъ явленій и на изученіи обстоятельствъ, постоянныхъ и временныхъ, вызывающихъ эти явленія. Каждый дѣльный врачъ, прежде чѣмъ установить систему лѣченія своего паціента, старается какъ можно обстоятельнѣе изслѣдовать состояніе больнаго и ознакомиться со свойствами его натуры. Инымъ путемъ нельзя идти и въ экономическихъ вопросахъ, когда въ виду дѣйствительно имѣется благо страны. Но для людей къ мысли неспособныхъ законъ не писанъ.

Нельзя сказать чтобы наши экономисты совсѣмъ не отдавали себѣ отчета въ тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ къ которымъ должна повести диктуемая ими программа. Они знаютъ что рекомендуемое ими искусственное сокращеніе размѣровъ бумажнаго денежнаго обращенія не можетъ обойтись безъ

тяжкихъ экономическихъ потрясеній, они сами называютъ предлагаемую ими государству мѣру „мучительною операціей." И однако, въ своей невинности, ничего они такъ не желаютъ какъ совершенія этой операціи.

№ 150.

Москва, 13-го іюня.

Высочайше утвержденное 24 апрѣля сего года мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ открытія и содержанія ссудныхъ кассъ есть одно изъ необходимыхъ дополненій состоявшейся незадолго предъ тѣмъ отмѣны законнаго роста. При изданіи сего послѣдняго указа вмѣнено было въ обязанность министру юстиціи войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о мѣрахъ къ предупрежденію ростовщичества. Такъ-называемыя гласныя кассы ссудъ, столь развившіяся въ послѣднее время въ большихъ городахъ и особенно въ столицахъ, были, какъ мы уже имѣли случай указать, настоящими вертепами ростовщичества, ибо, прикрываясь полученнымъ отъ правительства разрѣшеніемъ, кассы эти въ сущности не были подчинены никакой регламентаціи и надзору. Единственнымъ тормазомъ противъ широкаго развитія столь свойственной этого рода промыслу наклонности къ злостной эксплуатаціи нуждающихся въ денежной ссудѣ было существовавшее въ законѣ запрещеніе взимать проценты свыше установленной въ законѣ нормы, а именно 6% годовыхъ. Но ограниченіе это было совершенно фиктивнымъ, ибо съ одной стороны этотъ законный ростъ давно уже пересталъ выражать собою дѣйствительную стоимость капитала въ Россіи, обусловливаемую положеніемъ денежнаго рынка и экономическимъ закономъ спроса и предложенія, что̀ доказывалось лучше всего отступленіемъ отъ законной нормы даже казенныхъ кредитныхъ учрежденій. А съ другой стороны и не было никакой надобности для промышлявшихъ ростовщичествомъ приходить въ открытое столкновеніе съ формальнымъ закономъ о ростѣ. Сдѣлки о ссудѣ подъ залогъ движимаго имущества рѣдко облекались въ ту юридическую форму которая соотвѣтствовала ихъ сущности и которая установлена была въ законѣ (глава IV раздѣлъ II книги IV законовъ гражданскихъ, въ которой предписанъ порядокъ совершенія закладныхъ на движимое имущество или домовыхъ заемныхъ писемъ съ закладомъ движимаго имущества). Обычною формой такого рода сдѣлокъ были такъ-называемыя продажныя расписки съ правомъ выкупа до истеченія извѣстнаго срока. Расписки эти закладчики брали отъ кредиторовъ, и хотя юридическая сила такого рода документа была весьма сомнительна, ибо законъ не знаетъ *условной* передачи права собственности, способъ этотъ практиковался повсюду и достигалъ своей цѣли, благодаря тому что заемщикъ, съ своей стороны, не получалъ отъ закладчика никакого письменнаго акта по которому онъ могъ бы требовать свое имущество обратно. Ссудныя кассы нашли, впрочемъ, и другой, болѣе благовидный способъ обходить законъ о ростѣ: онѣ взимали проценты превосходившіе законную норму не въ видѣ интереса на капиталъ, а *платы за храненіе* заклада.

Новый законъ открываетъ полную возможность къ прекращенію всѣхъ этихъ злоупотребленій, по крайней мѣрѣ со стороны гласно дѣйствующихъ ссудныхъ кассъ. Правда что съ отмѣной законнаго роста отпала надобность въ обходѣ существовавшихъ по этому поводу законовъ. Но главное зло заключалось и прежде не въ этомъ, а въ томъ что за указанный промыселъ могъ приниматься всякій безъ разбора, и что кассы эти дѣйствовали почти безо всякаго контроля со стороны властей, которыя при томъ и лишены были возможности прекращать творимыя въ этихъ кассахъ злоупотребленія, если въ нихъ соблюдаемъ былъ формальный законъ, а для этого, какъ сказано, житейскій опытъ и юридическая изобрѣтательность ростовщиковъ по профессіи сумѣли придумать очень надежные извороты. Теперь въ этихъ изворотахъ нѣтъ болѣе надобности; размѣръ процента за ссужаемый капиталъ предоставленъ вполнѣ свободному соглашенію. Но новый законъ принялъ во вниманіе всѣ условія неравенства обыкновенно существующія между нуждающимся въ денежной ссудѣ и тѣмъ кто занимается такими ссудами по профессіи, и установилъ весьма дѣйствительныя средства къ предупрежденію корыстной эксплуатаціи первыхъ послѣдними. Разрѣшеніе на откры-

тіе ссудныхъ кассъ дается по усмотрѣнію высшаго представителя мѣстной административной власти, и притомъ лишь такимъ лицамъ коихъ нравственная благонадежность ничѣмъ не опорочена. Разрѣшеніе это имѣетъ силу лишь въ теченіе пяти лѣтъ и даже въ теченіе этого срока можетъ быть отнято (по опредѣленію суда) за всякое серіозное нарушеніе правилъ преподанныхъ закономъ съ цѣлью предупрежденія злоупотребленій со стороны содержателей кассъ. Въ этомъ отношеніи главная забота обращена на то чтобъ отдающій въ закладъ свое имущество всегда имѣлъ возможность воспользоваться излишкомъ стоимости онаго сравнительно съ полученною подъ него ссудой. Письменный документъ выдается закладчикомъ заемщику, а не на оборотъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ Всѣ заклады записываются въ шнуровую книгу выдаваемую кассамъ изъ Городской Управы; въ записи обозначаются какъ заложенная вещь, такъ и условія заклада; къ закладу прикрѣпляется ярлыкъ вырѣзываемый изъ этой книги, въ которомъ прописываются тѣ же условія, и такого же содержанія билетъ вручается заемщику. Послѣднему предоставляется выкупить закладъ и до наступленія первоначально установленнаго срока займа, уплативъ причитающіеся проценты за время дѣйствительнаго пользованія ссудой. Въ случаѣ же просрочки со стороны заемщика, касса обязана предоставить послѣднему двухмѣсячную льготу. Но и затѣмъ закладъ не поступаетъ непосредственно въ собственность закладопринимателя, но долженъ быть проданъ съ аукціоннаго торга съ возвращеніемъ заемщику излишка вырученной отъ продажи суммы за покрытіемъ ссуды съ процентами и издержекъ аукціонной продажи. Касса можетъ оставить за собою закладъ лишь въ томъ случаѣ если на аукціонѣ предложена сумма не покрывающая всѣхъ требованій кассы. За исключеніемъ этого, содержатель кассы и его прикащикъ не можетъ пріобрѣтать заложенную вещь въ свою собственность *даже по соглашенію съ заемщикомъ.* За нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ содержатели кассы подвергаются денежнымъ штрафамъ отъ 50 до 300 рублей, но при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, лишаются навсегда права содержать ссудныя кассы. Сверхъ того, положены болѣе строгія наказанія, — арестъ и заключеніе въ тюрьму, — за лживое показаніе о томъ что домогающійся разрѣшенія на открытіе кассы не принадлежитъ къ числу лицъ лишенныхъ этого права навсегда, а также за присвоеніе, растрату или отдачу въ пользованіе заложенныхъ предметовъ.

Само собою разумѣется однако что признанная нашимъ законодательствомъ необходимость искорененія ростовщичества далеко не исчерпывается обнародованными правилами о ссудныхъ кассахъ. Гораздо большія злоупотребленія нежели въ „гласныхъ кассахъ ссудъ“ совершались и до сихъ поръ совершаются негласными ростовщиками всѣхъ разрядовъ, начиная съ тѣхъ которые эксплуатируютъ нужду въ деньгахъ и легкомысленную расточительность людей принадлежащихъ къ высшимъ и среднимъ классамъ общества и кончая тѣми темными личностями которыя гнѣздятся въ закоулкахъ неимущаго рабочаго населенія, коему и впредь будетъ гораздо сподручнѣе обращаться къ *своему* ростовщику нежели нести свои грошевые заклады въ ссудную кассу.

Эту наиболѣе зловредную форму ростовщичества законъ конечно не оставитъ въ полной свободѣ продолжать свое гнусное ремесло, хотя теперь гораздо труднѣе установить юридическіе признаки этого преступленія, въ виду того что съ отмѣной законнаго роста приходится установить менѣе формальныя, но болѣе характеристичныя черты разграниченія между нравственно дозволенною торговлей денежнымъ капиталомъ и злостною эксплуатаціей нужды и легкомыслія.

Необходимость преслѣдованія растовщичества какъ преступленія сознана въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, отмѣнившихъ у себя законный ростъ на капиталъ. Но нигдѣ еще пока не выработаны точные признаки этого преступленія. Надъ этимъ вопросомъ трудится въ настоящее время особая коммиссія германскаго рейхстага предсѣдаемаго извѣстнымъ криминалистомъ Шварце. На работы этой коммиссіи, представившей на дняхъ свой обширный докладъ, мы обращаемъ вниманіе тѣхъ кому предстоитъ подготовить у насъ новый законъ объ уголовной карѣ за ростовщичество. Коммиссія германскаго рейхстага проектировала весьма строгія взысканія за преступленіе этого рода, а именно: тюремное

заключеніе отъ одного мѣсяца до пяти лѣтъ, соединенное съ денежнымъ штрафомъ отъ 150 до 6.000 марокъ, а также лишеніе гражданской чести.

№ 151.

Москва, 14-го Іюня.

Мы были правы не придавая на прошедшей недѣлѣ большаго значенія телеграммамъ и извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, заставлявшихъ ожидать какихъ-то новыхъ замѣшательствъ въ Восточной Румеліи. Прошло нѣсколько дней, и въ телеграммѣ вѣнскаго корреспондента *Times* читаемъ уже слѣдующее: „Все повидимому спокойно въ Восточной Румеліи. Губернаторъ и начальники департаментовъ ежедневно много совѣщаются, но въ результатѣ обыкновенно дѣла оставляются какъ и есть.“ Этотъ вѣнскій корреспондентъ даже хорошо знаетъ о намѣреніяхъ Порты, и объявляетъ положительно лишенными всякаго основанія слухи будто она уже обратилась къ державамъ съ представленіями по дѣлу о феской и знамени. Корреспондентъ не считаетъ вѣроятнымъ такое обращеніе Порты къ державамъ и въ будущемъ, и опровергаетъ также, какъ совершенно не основательное, извѣстіе объ отказѣ Порты утвердить назначенія сдѣланныя Алеко-пашой. Дѣло въ томъ что статутъ предоставляетъ губернатору полную свободу относительно назначеній, и утвержденіе султана требуется только для военныхъ чиновъ; а такъ какъ составъ офицеровъ милиціи остается тотъ же какой былъ при временномъ русскомъ управленіи, то и не было до сихъ поръ случая пользоваться правомъ назначенія въ этомъ отношеніи, и предметъ этотъ остается *en suspens*, что̀, какъ прибавляетъ корреспондентъ, „безъ сомнѣнія есть самое благоразумное рѣшеніе въ настоящее время.“

Вообще держаться благоразумія совѣтуютъ обстоятельства. Если вниманіе Англіи теперь болѣе всего обращено на Египетъ, то Австріи, съ другой стороны, не до того чтобы думать о румелійскихъ дѣлахъ, когда она не знаетъ какое принять рѣшеніе по вопросу о Новомъ Базарѣ. Послѣ долгихъ проволочекъ, ей удалось наконецъ заключить съ Портой конвенцію о совокупномъ занятіи на первое время части Ново-Базарскаго санджака. Заключеніемъ конвенціи надѣялись предотвратить повтореніе непріятныхъ казусовъ какіе были при занятіи Босніи и Герцеговины: если де теперь и придется двинуть австрійскія войска далѣе, то теперь это совершится мирно, безъ лишнихъ жертвъ и большихъ расходовъ. Однако извѣстно что конвенція произвела неблагопріятное впечатлѣніе, а когда въ послѣдніе дни разнеслись было слухи о начатыхъ уже военныхъ приготовленіяхъ для движенія на Лимъ и объ усиленной дѣятельности въ складѣ военныхъ матеріаловъ въ Пештѣ, то вѣсти эти вызвали 17 іюня на вѣнской биржѣ настоящую панику. Вслѣдствіе этого, въ *Политической Корреспонденціи*, которая и прежде старалась успокоить общее недовольство и опасенія, и намекала что „*быть-можетъ*“ правительство и вовсе отдумаетъ занимать Новый Базаръ въ нынѣшнемъ году еслибъ это потребовало значительныхъ издержекъ,“ на другой день, 18 іюня, появилось офиціальное сообщеніе, объявившее всѣ толки о военныхъ приготовленіяхъ не имѣющими основанія. Для вящаго же успокоенія публики, объявлялось далѣе что еще и не назначены коммиссары которые, согласно конвенціи, должны предварительно осмотрѣть мѣстности предназначенныя для австрійскихъ гарнизоновъ и вообще дѣйствовать согласно съ турецкими коммиссарами. Это извѣщеніе произвело успокоительное впечатлѣніе на биржу. Но доказательствомъ до какой степени ожидаемое движеніе на Новый Базаръ возбуждаетъ въ Австріи опасенія, можетъ служить то что *Политическая Корреспонденція* и на слѣдующій день нашла нужнымъ возвратиться къ этому и еще разъ подтвердить неосновательность всѣхъ слуховъ о мобилизазіи новыхъ частей войскъ для предстоящаго похода. Имѣется де въ виду только посылка военныхъ коммиссаровъ, которые должны развѣдать состояніе дорогъ, средства сообщенія и мѣста для помѣщенія гарнизоновъ; а уже результатъ этихъ развѣдокъ рѣшитъ будутъ ли посланы гарнизоны, когда и куда именно, и во всѣхъ этихъ вопросахъ главную роль будутъ де имѣть экономическія соображенія.

Итакъ, Австрійское правительство находитъ нужнымъ соблюдать величайшую осторожность относительно того дальнѣйшаго движенія на югъ, въ направленіи

къ Салоникамъ, которое завѣдомо входило въ планы политики графа Андраши. Но мотивы колебаній и нерѣшительности менѣе ясны. Вѣнскій корреспондентъ *Times*, въ телеграммѣ отъ 19 іюня, приписывалъ эту сдержанность правительства близости общихъ выборовъ. Оппозиція уже пользовалась этимъ случаемъ чтобъ указывать на опасность для имперіи отъ рискованныхъ честолюбивыхъ предпріятій и требовать мира, экономіи и заботы о благосостояніи. Многіе изъ избирательныхъ программъ уже протестовали противъ всякаго расширенія оккупаціи безъ согласія парламента. Въ послѣднемъ письмѣ нашего вѣнскаго корреспондента по этому поводу повторялись и всѣ ходившіе въ послѣднее время слухи о вновь будто бы поколебленномъ положеніи графа Андраши. Еслибъ исполненіе программы графа Андраши само по себѣ не представляло трудностей, то правительство и не стало бы тревожиться возгласами противъ нея. Но въ томъ-то и дѣло, какъ указываетъ вѣнскій корреспондентъ *Times*, что такой повидимому незначительный шагъ какъ передвиженіе австрійскихъ гарнизоновъ на рѣку Лимъ, всего на 50 миль отъ мѣста ихъ нынѣшней стоянки, представляется въ глазахъ всѣхъ сопряженнымъ съ большими опасностями, безконечными замѣшательствами и неисчислимыми жертвами; оно возбуждаетъ де всякаго рода предположенія ускользающія отъ разчета. Болѣе всего, по крайней мѣрѣ на словахъ, тревожатъ опасенія со стороны непостояннаго и задорнаго характера Албанцевъ, и вообще много толкуютъ о дикомъ характерѣ страны и ея не менѣе дикихъ жителяхъ, раздѣленныхъ на многочисленные кланы, среди коихъ, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, начинаетъ де впервые бродить національное чувство. Этимъ пробужденіемъ національнаго сознанія между Албанцами Порта, повидимому, отлично сумѣла воспользоваться для своихъ цѣлей. Пресловутая Албанская лига, послѣ убіенія Мегмедъ-Али-паши, ничѣмъ не проявила своей дѣятельности. Говорили будто она располагаетъ силой около 30.000 вооруженныхъ человѣкъ; но турецкаго губернатора Коссова, Нури-пашу, гораздо менѣе безпокоила эта миѳическая сила чѣмъ тысячъ восемь албанскихъ иррегулярныхъ войскъ, номинально считавшихся на службѣ султана, въ дѣйствительности же не признававшихъ никакой власти кромѣ собственныхъ вождей и позволявшихъ себѣ всякія безчинства. При помощи весьма небольшихъ расходовъ, Портѣ удалось перевести въ Эпиръ и Ѳессалію большую часть этихъ безпокойныхъ элементовъ, прежде сосредоточенныхъ около Новаго Базара и Митровицы, подъ предлогомъ что тамъ имъ придется защищать албанскіе интересы отъ притязаній Грековъ. А затѣмъ турецкая власть возстановлена во всей верхней Албаніи водвореніемъ гарнизоновъ не только въ Сѣницѣ, Новомъ Базарѣ, Митровицѣ, Приштинѣ и Ускюбѣ, но и далѣе на югъ, въ Призренѣ, Дьяковѣ и даже въ Ипекѣ, въ равнинѣ Метохіи, который былъ занятъ безо всякаго сопротивленія, несмотря на то что находится близь самаго гребня горъ, гдѣ имѣетъ де свое мѣстопребываніе Албанская лига. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно что не столько опасенія со стороны Албанцевъ отпугиваютъ Австро-Венгерское правительство отъ занятія Новаго Базара, сколько именно это прочное возстановленіе власти Порты въ верхней Албаніи, на пути къ Салоникамъ.

Не меньшее вліяніе въ этомъ направленіи можетъ-быть оказываютъ и опасенія со стороны Италіи. Дипломатическія отношенія между Австро-Венгріей и Италіей вообще считаются натянутыми, и извѣстно что Италія весьма недружелюбно смотритъ на планы Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Былъ даже слухъ будто Италія готовитъ протестъ противъ движенія австрійскихъ войскъ въ Ново-Базарскій санджакъ, а въ Вѣнѣ такъ чутко относятся ко всѣмъ признакамъ со стороны Италіи что почему-то приписали большое значеніе присутствію короля Гумберта при освященіи памятника сооруженнаго въ честь Италіянцевъ павшихъ при Кустоццѣ, въ 1866 году. Не малое также впечатлѣніе произвело въ Вѣнѣ опубликованное недавно въ *Daily News* письмо италіянскаго дипломата г. Корте къ Мухтаръ-пашѣ, въ которомъ онъ, еще 6 апрѣля, выражалъ надежду что Порта „ни подъ какимъ видомъ не рѣшится вручить ключъ Албаніи и Босніи (то-есть Новый Базаръ) державѣ которая завѣдомо стремится овладѣть путемъ къ Салоникамъ.“

Всѣ эти соображенія, въ связи съ путаницей внутренней политики Австро-Венгерской монархіи, отчасти объясняютъ благоразуміе ея правительства въ томъ что

оно не торопится воспользоваться заключенною имъ конвенціей касательно Новаго Базара. А благодаря этому, благоразуміе должно побуждать его и менѣе заниматься дѣлами Восточной Румеліи.

№ 152.

Москва, 16-го Іюня.

Полагаемъ что читатели обратили вниманіе на *Необходимое объясненіе* директора Кіевской 1-й гимназіи, г. Андріяшева, помѣщенное въ № 148 (отъ 12 іюня) нашей газеты и опровергающее безстыдныя выдумки и сплетни какого-то неизвѣстнаго „корреспондента," касательно учебныхъ заведеній Кіева, напечатанныя въ *Педагогической Хроникѣ*, издаваемой г. Краевичемъ, въ видѣ приложеній къ довольно распространенному педагогическому журналу *Семья и Школа*. На первомъ планѣ, конечно, опять та же капитальная выдумка, которую нынѣ почему-то въ обычаѣ повторять на разные лады — о исключаемыхъ будто бы массами, вслѣдствіе строгостей нынѣшней системы, учащихся изъ гимназій, чрезъ что̀ образуется де „готовый матеріалъ для революціонной пропаганды." На эту „опасность" указываетъ и благонамѣренный корреспондентъ *Педагогической хроники*, выдумавъ, для большей полагать надо убѣдительности, будто изъ Кіевской 1 и 2-й гимназій, въ прошломъ году, изъ 1.310 учащихся исключено за безуспѣшность педагогическимъ совѣтомъ этихъ заведеній 289 человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ директоръ, въ теченіе *четырехъ* лѣтъ, на пять тысячъ учащихся, за безуспѣшность и дурное поведеніе уволено изъ двухъ упомянутыхъ гимназій 24 ученика, да около 70 выбыло не перешедшихъ въ слѣдующій высшій классъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ низшемъ, такъ что среднимъ числомъ приходится на каждое заведеніе по 12 уволенныхъ воспитанниковъ въ годъ, вмѣсто почти *полутораста* выдуманныхъ „корреспондентомъ." Дѣйствительное число безъ церемоніи умножено само на себя въ 12 разъ и чрезъ такое квадратное вранье получилось 145 жертвъ пропаганды оплакиваемыхъ заботливою хроникой педагогическаго журнала. Добросовѣстный пріемъ не въ первый и не въ послѣдній разъ употребляемый новыми оградителями юношества отъ пропаганды, неожиданно выступившими изъ самыхъ разнообразныхъ лагерей, — отъ высоко-консервативныхъ до красно-радикальныхъ, и изъ тѣхъ гдѣ клянутся конституціей, и изъ тѣхъ что̀ божатся революцій, — и увѣряющими что корень зла ими найденъ, и корень сей заключается де въ гимназистахъ не доходящихъ вслѣдствіе требованій „неумѣреннаго классицизма" до конца курса. Дѣло ставится съ замѣчательною простотой. Каждый выбывающій гимназистъ, хотя бы былъ перемѣщенъ въ другую гимназію своими родителями переходившими въ другой городъ или на другую улицу, хотя бы уволенъ былъ изъ втораго или третьяго класса, хотя бы былъ двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, немедленно становится „готовымъ матеріаломъ для революціонной пропаганды." Можно подумать что при дверяхъ каждой гимназіи поставленъ революціонеръ берущій за шиворотъ каждаго выбывающаго мальчика, отводящій его въ школу революціи и немедленно сажающій на скамью въ томъ или въ другомъ классѣ такого интереснаго приготовительнаго заведенія. Дѣйствительно, развратители рыщутъ у входовъ и выходовъ всякихъ учебныхъ заведеній, и развратителей не мало, особенно благодаря системѣ административныхъ высылокъ снабжающихъ провинцію на казенный счетъ бойкими представителями столичнаго нигилизма; и бойцы эти вредятъ пребывающимъ въ заведеніяхъ не менѣе чѣмъ выходящимъ изъ нихъ. Но не слишкомъ ли уже много силы приписывается этимъ „революціонерамъ," и въ нихъ ли однихъ бѣда? Безсмертный Крыловъ написалъ басню *Пастухъ*, содержаніе которой въ томъ что пастухъ Савва самъ бралъ овецъ изъ стада, а вину сваливалъ на волковъ. Оказалось однако что была „на волка только слава, а ѣлъ овецъ-то Савва." Басню эту по временамъ вспоминать не мѣшаетъ. Конечно, волковъ надлежитъ истреблять, и чѣмъ рѣшительнѣе тѣмъ лучше; это звѣри дикіе, неспособные къ прирученію; думать что ихъ можно ублаготворить кротостью и дозволеніемъ съѣсть отъ времени до времени по овечкѣ значитъ сильно ошибаться. Но и пастухи Саввы, безсознательно или сознательно работающіе на тотъ же конецъ какъ и волки, заслуживаютъ вниманія и противодѣйствія. Школы подготовляющія, какъ принято выражаться, „ма-

теріалъ для революціонной пропаганды" есть; но искать ихъ должно прежде всего не въ подпольяхъ революціонеровъ. Учебные классы ихъ разсѣяны повсюду, ученье идетъ среди бѣлаго дня, вслухъ, публично, чрезъ учебный персоналъ самый разнообразный, въ которомъ не мало даже думающихъ что дѣлаютъ дѣло охраненія. Уроки можно услышать въ журналѣ, въ судѣ, съ каѳедры, въ домашней бесѣдѣ. Это тотъ духъ разшатыванья всего что̀ должно бы быть прочно, духъ во все вносимаго разлада, который съ такою силой вѣетъ въ головахъ нашей интеллигенціи. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ революціонная подготовка? Въ томъ прежде всего чтобъ оторвать человѣка отъ школы, отъ семьи, отъ церкви и государства, и заставить его возненавидѣть и школу, и семью, и государство, и церковь. Оторвать ученика отъ школы, да развѣ на это не направлены тысячи усилій? Развѣ не этой цѣли служитъ все что̀ ведетъ къ подрыву въ школѣ дисциплины въ обширномъ ея смыслѣ,— всѣ эти безчисленныя нападенія на школу едва начавшую крѣпнуть, всѣ эти вторженія между учащими и учащимися, между школьною системой и невѣдѣніемъ родителей; развѣ не направлено все это къ обману учащихся и родителей показываемымъ вдали призракомъ, вмѣсто школы, увеселительнаго заведенія, гдѣ ученье не есть трудъ, гдѣ распущенность чудодѣйно ведетъ къ добру, гдѣ даромъ даются и мудрость, и права? А такой приманчивый идеалъ не долженъ ли отрывать отъ дѣйствительности, дѣлая ее ненавистною, влагая зерно недовольства и озлобленія? Это ли не приготовительная школа сбиванія съ толку? Къ ея учащему персоналу принадлежатъ и лжецы корреспонденты, представляющіе ученикамъ ихъ начальствующихъ въ ненавистномъ и смѣшномъ видѣ, оправдывающіе всякія нарушенія дисциплины, якобы вызванныя несправедливостями; и публицисты проповѣдующіе скорую отмѣну ненавистной имъ системы; и ихъ внушители поддерживающіе ихъ въ этомъ заблужденіи, всѣ эти воины и полководцы отъ времени до времени возобновляющагося похода на наше бѣдное просвѣщеніе. Всякій знаетъ что низкій уровень умственнаго и нравственнаго образованія нашей интеллигенціи есть главный источникъ той смуты понятій которая вноситъ неразуміе и шаткость во всѣ наши дѣла. Всякій понимаетъ что только̀ правильная школа и серіозное образованіе могутъ истребить корень зла. И между тѣмъ походъ противъ этой школы предпринимаемый, очевидно, изъ побужденій низшаго порядка, встрѣчается рукоплесканіями не только со стороны тѣхъ кому на руку приготовленіе „матеріала для пропаганды," но и въ рядахъ тѣхъ кого зло тревожитъ и которые готовы глубокомысленно разсуждать о мѣрахъ противъ распространенія вредныхъ ученій.

Кромѣ вопроса о выбывающихъ, есть еще сторона въ бытѣ учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія на которую, хотя и съ меньшею яростію, однако охотно направляются стрѣлы противниковъ нынѣшней учебной системы. Это — санитарное состояніе заведеній, недостаточное будто бы соблюденіе требованій школьной гигіены. Такъ какъ въ этомъ отношеніи всякое улучшеніе желательно, то представляется весьма удобная почва для критиканства: не достаетъ де того, упущено де другое,—и вотъ дешевый способъ доказывать неудовлетворительность порядковъ, намекая что и тутъ виновата принятая система. Типическій корреспондентъ *Педагогической Хроники* не упустилъ конечно случая сообщить вранье и по этой части. Начальство гимназій, видите ли, „грызя букву закона" заставляло воспитанниковъ въ дни тропической жары, когда въ тѣни было выше 20° Реомюра, ходить въ суконной одеждѣ, съ тяжелымъ ранцемъ на плечахъ, не дозволяя надѣть лѣтнихъ парусинныхъ блузъ. „Дѣти, печалится корреспондентъ, изнемогали отъ палящихъ лучей солнца." Для опроверженія этого вздора почтенный директоръ вынужденъ былъ обратиться къ бюллетенямъ главной физической обсерватріи въ Кіевѣ, изъ коихъ оказалось что въ періодъ времени указанный корреспондентомъ температура въ Кіевѣ была среднимъ числомъ около 8° по Реомюру. „Безпристрастный читатель, замѣчаетъ директоръ, легко можетъ представить себѣ, была ли какая возможность при такой температурѣ позволить ученикамъ ходить въ лѣтней одеждѣ." Санитарныя условія зданія Кіевской 1-й гимназіи кажутся корреспонденту крайне неудовлетворительными, и онъ съ рѣшимостью заявляетъ что „процентъ заболѣванія и смертности въ гимназіи выше чѣмъ гдѣлибо въ Кіевѣ." Здѣсь уже и почтенный

директоръ, крайне сдержанный въ выраженіяхъ, не выдержалъ чтобы не назвать обвиненія возмутительнымъ. Онъ подробно описываетъ санитарное устройство зданія и доказываетъ что устройство это едва ли не самое лучшее во всемъ Кіевѣ, и что въ тѣхъ именно частяхъ гдѣ перстъ корреспондента указываетъ фокусъ болѣзненности и смертности, умеръ въ теченіе девятнадцати лѣтъ одинъ семидесятилѣтній старикъ страдавшій хроническою болѣзнію.

Почтенный директоръ заключаетъ свое объясненіе словами: „Вотъ какія корреспонденціи безыменныхъ корреспондентовъ помѣщаетъ г. Краевичъ въ своей *Педагогической Хроникѣ*, не считая нужнымъ даже печатать опроверженія невѣрныхъ свѣдѣній. Считаемъ долгомъ такой поступокъ редактора и его корреспондента отдать на судъ общественнаго мнѣнія. Каждый безпристрастный и понимающій дѣло читатель знаетъ до какой степени трудна задача школы и можетъ убѣдиться что осложнять эту и безъ того сложную задачу возбужденіемъ антагонизма и всякимъ глумленіемъ значитъ завѣдомо мѣшать дѣлу обученія и воспитанія молодыхъ поколѣній. Въ видахъ противодѣйствія такой дѣятельности издателя *Педагогической Хроники* и его корреспондента, покорнѣйше прошу редакторовъ газетъ сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія помѣстить настоящее заявленіе на страницахъ своихъ изданій.“

Интересно, — помѣстятъ ли „сочувствующіе дѣлу народнаго образованія“ редакторы, такъ охотно печатающіе разный вздоръ вымышленный съ цѣлію смущать и родителей и учениковъ, объясненіе г. Андріяшева?

№ 153.

Москва, 16-го Іюня.

А.

Въ нынѣшнемъ году вышла книжка: *Коранъ нигилизма. Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать?“* Хрестоматія „новаго слова“ проф. Цитовича. Одесса. 1879. Какъ мусульмане чтутъ Коранъ, такъ чтится поклонниками „новаго слова“ романъ Чернышевскаго *Что дѣлать?* Предпринявъ изданіе „хрестоматіи новаго слова,“ профессоръ Цитовичъ естественно прежде всего остановился на этомъ пресловутомъ произведеніи. „Это,“ говоритъ онъ, „не только энциклопедія, справочная книга, но и кодексъ для практическаго примѣненія *новаго слова*. Въ немъ *новыя начала* воплощены въ лицахъ, осуществлены въ поступкахъ, съ точнымъ указаніемъ средствъ проведенія *началъ* въ дѣйствительность.“ Почтенный издатель хрестоматіи, стеревъ романическія прикрасы и разсѣявъ обманъ фразы, выставилъ лица и дѣянія, описываемыя въ романѣ Чернышевскаго, въ ихъ натуральной прелести и дѣйствительныхъ побужденіяхъ. Вышла циническая, но вѣрная картина нравовъ и обычаевъ, понятій и дѣйствій *новыхъ людей*. Надо отдать справедливость и автору романа *Что дѣлать?* Онъ изображалъ то что̀ видѣлъ въ дѣйствительности въ нигилистическомъ кружкѣ который чтилъ въ немъ своего патріарха, а теперь чтитъ въ немъ своего пророка. И дѣйствительно, авторъ *Что дѣлать?* въ своемъ родѣ пророкъ. Многое что̀ представлялось ему какъ греза совершилось во очію: новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казенный счетъ по градамъ и весямъ, тщатся на практикѣ осуществить уроки учителя, далеко превзойдя его надежды, еще запечатлѣнныя нѣкоторою сентиментальностью.

Брошюра г. Цитовича представляетъ собою характеристику героевъ романа и послѣдовательный пересказъ его содержанія съ разъясненіемъ истинной основы дѣяній, подлежащихъ, какъ показываетъ авторъ брошюры, примѣненію цѣлаго ряда параграфовъ уголовнаго кодекса.

Въ нашей печати нынѣ часто звучитъ нота что русскій нигилизмъ и соціализмъ есть достояніе какихъ-то *недоучекъ* изъ гимназистовъ, въ распложеніи которыхъ виновата де строгость дѣйствующей въ гимназіяхъ системы, оставляющей за флагомъ массу недоучившихся, не находящихъ будто бы другаго исхода какъ поступленіе въ соціалистическіе легіоны. Пущенная мысль повторяется безъ критики, лица власть имѣющія не прочь устроить цѣлыя высшія учебныя заведенія для этихъ несчастныхъ недоучекъ (на подобіе Петровской Земледѣльческой Академіи) дабы конкуррировать со школами нигилизма. Вся бѣда, говорятъ намъ, въ недоучкахъ-гимназистахъ. Недоучки высшихъ учебныхъ заведеній почему-то менѣе внушаютъ за-

боты. Къ „университетской наукѣ“ петербургская интеллигенція гораздо снисходительнѣе. Тутъ принято съ особымъ удареніемъ настаивать что печальныя явленія, заботящія правительство, ни въ какой связи съ состояніемъ высшихъ учебныхъ заведеній и дѣйствующими въ нихъ порядками не находятся; да и явленія-то эти, прибавляютъ для большей убѣдительности иные, чрезъ мѣру усердные, — совершенно исключительныя, случайныя уродства. Вотъ недоучки гимназій другое дѣло; тутъ не случайность; тутъ надо устроить такъ чтобы дѣти какъ можно менѣе серіозно учились, лишь бы только университеты были отворены для нихъ настежь. Но вотъ предъ нами романъ Чернышевскаго. Онъ изображаетъ фундаментальный слой, первую формацію нигилизма. Гимназисты ли это? Тутъ на первомъ планѣ ученый молодой человѣкъ, Кирсановъ, питомецъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, докторъ медицины, „котораго всякая болѣзнь боится,“ физіологъ одобренный Клодъ Бернаромъ (непремѣнно, конечно, Клодъ Бернаромъ), наконецъ профессоръ, по государственной табели о рангахъ состоящій въ пятомъ классѣ и въ ономъ немедленно утверждаемый. Какой же это гимназистъ? Это полный нашъ ученый, хотя въ сущности навѣрное недоучка! Іерей Мерцаловъ также конечно не изъ этого сорта: онъ преподаватель Закона Божія въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ и навѣрное съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ преобразованной графомъ Киселевымъ древней семинаріи. Супруга генерала, тогда еще съ нѣкоторою осторожностію примыкавшая къ нигилистическому кругу, тоже, конечно, не изъ гимназистовъ. Не гимназистъ и Вѣра Павловна познавшая въ бракѣ и безъ онаго двухъ мужей и бывшая, согласно роману, первымъ русскимъ женщиной-медикомъ. Можно навѣрное назвать недоучкою, но отнюдь не гимназистомъ, и Лопухова, такъ усердно работавшаго съ Кирсановымъ надъ нервною системой, котораго голова была „набита книгами да анатомическими препаратами, составляющими, какъ выражается авторъ *Что дѣлать?*, самую милую пріятность, самую сладостнѣйшую пищу души для хорошаго медицинскаго студента,“ — Лопухова, который только по собственному нежеланію не сдѣлался профессоромъ, въ каковые его прочили въ Академіи. Не гимназистъ-недоучка и Рахметовъ, восточнаго происхожденія, человѣкъ дѣла, съѣдавшій по четыре фунта ветчины заразъ, — отъ котораго и пошло, полагать надо, нынѣ столь употребительное въ нигилистическомъ кругу слово *жрать*, — малый вполнѣ отвѣтственный за свои дѣянія и котораго трудно было „совратить“ какими-нибудь ученіями способными прельщать неопытные умы. Можетъ-быть послѣ все перемѣнилось? Едва ли. И теперь, какъ прежде, бѣда именно въ томъ что Кирсановы могутъ быть профессорами, Мерцаловы іереями, ихъ пріятели мировыми судьями, членами судовъ, полковниками генеральнаго штаба, тайными совѣтниками (благо ихъ тысяча одинъ какъ ночей Шехерезады). Не гимназисты-недоучки и докторъ Веймаръ, и офицеръ Дубровинъ, и директоръ казеннаго патроннаго завода Зиновьевъ, и мировой судья Самарскаго округа, и Каракозовъ, и Соловьевъ, тридцати-трехлѣтній учитель, благополучно въ свое время кончившій курсъ ученія въ гимназіи стараго порядка и погулявшій десять мѣсяцевъ въ университетѣ. А великіе вожаки революціи живущіе за границей, начиная съ полковника Лаврова, бывшаго профессоромъ Военной Академіи въ то самое время когда авторъ романа *Что дѣлать?* имѣлъ столько друзей въ этой самой Академіи, — развѣ онъ и всѣ они недоучки изъ гимназистовъ?

Безумное потворство, практика безвластія подъ фирмою либеральничанья, разслабленіе мысли страшащейся всего твердаго, государственный практическій нигилизмъ, — который постóитъ нигилизма противогосударственнаго, — порождающій ожесточенную войну вѣдомства противъ вѣдомства, лоскомъ прикрытое ничтожество и невѣжество: вотъ великіе источники откуда орошаются всходы нигилизма.

Нѣтъ, дай Богъ чтобы требованія нашей школы не понижались, а повышались, такъ чтобы наши университеты не наполнялись незрѣлыми и ни къ чему негодными молодыми людьми, и чтобы недоучкамъ и неучамъ не были открыты государственныя должности. Не всѣ учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должны непремѣнно поступать въ университеты, точно также какъ не всѣ учащіеся въ начальныхъ школахъ могутъ поступать въ гимназіи.

Но возвратимся къ роману Чернышевскаго. Теперь, когда прошло болѣе шест-

надцати лѣтъ съ его появленія, онъ становится не безынтереснымъ историческимъ матеріаломъ. Это картина первыхъ временъ нигилизма, изображеніе его въ нѣкоторомъ родѣ золотаго вѣка, періода сравнительной невинности. Тотъ рядъ правонарушеній, подходящихъ подъ уголовный кодексъ, какой указанъ г. Цитовичемъ, еще значительно маскированъ, грязь и цинизмъ еще прикрыты вуалью шаловливости. Даже Вѣрочка отправляясь къ любовнику, по отъѣздѣ мужа въ Рязань, нѣсколько конфузится предъ горничной, а предъ „честнымъ" объявленіемъ мужу что намѣрена завести любовника испытываетъ нѣкоторую борьбу. Еще невольно отдается дань старымъ понятіямъ. Кодексъ старой нравственности только замаранъ, а не совсѣмъ разорванъ; проглядываетъ желаніе *оправдать* поступки героевъ во имя нѣкотораго высшаго кодекса: поступки эти слѣдовательно не представляются еще безусловно правыми. Авторъ до приторности сентиментальничаетъ, напоминая Дюкредюмениля и г-жу Жанлисъ. Онъ искренно убѣжденъ что его герои наипрекраснѣйшіе люди, и готовъ презирать читателя который бы въ этомъ усомнился. Онъ закрываетъ глаза на выводы и послѣдствія ученія. Его цѣль — изобразить Магометовъ рай нигилизма, самому насладиться картиною и прельстить способныхъ за нимъ увѣровать. Его идеалъ блаженнаго состоянія человѣчества съ виду самый наивно-невинный. Это обращеніе нашей небольшой планеты въ театральные подмостки, на которыхъ пляшутъ въ вѣнкахъ пейзаны и пейзанки изъ балета. Всѣмъ весело! Правда, для того чтобы было всѣмъ весело, требуется все поворотить вверхъ дномъ не останавливаясь предъ средствами; но утопистъ въ это не входитъ, какъ не желаетъ смущать себя мыслію что можетъ-быть и не всѣмъ будетъ весело при новомъ устройствѣ. Картина рисуется въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны. Устроятся фаланстеры, на 2.000 человѣкъ каждая, среди садовъ съ лимонными, персиковыми, апельсинными деревьями и прирученными дикими звѣрями. Поработаютъ въ удовольствіе, и пойдутъ въ обширное заведеніе гдѣ шумно веселятся красавцы и красавицы въ греческихъ костюмахъ. „Ты видѣла, - говоритъ фантастическая царица показывающая фаланстеру Вѣрѣ Павловнѣ,—въ залѣ какъ горятъ щеки, какъ блистаютъ глаза; ты видѣла — они уходили, они приходили; они уходили: это я увлекала ихъ. Здѣсь комната каждаго и каждой мой пріютъ; въ нихъ мои тайны ненарушимы, занавѣсы дверей, роскошные ковры поглощающіе звукъ, тамъ тишина, тамъ тайна. Они возвращались: это я ихъ возвращала изъ царства моихъ тайнъ въ легкое веселье." Итакъ, замѣчаетъ г. Цитовичъ, „отдѣльные нумера для каждаго и каждой, съ удобствами и даромъ: такова цѣль жизни... Берлинскій Орфеумъ только съ греческими костюмами."

Философія, очевидно, не новая и не сложная, но приведенная въ весьма своеобразную форму. Животное съ приправой наслажденіе есть единственный истинный источникъ и должно быть единственною цѣлью человѣческихъ дѣяній; въ немъ основа всего нравственнаго бытія. Требуется чтобы всѣ, хотя бы насильно, наслаждались. Прочь всякая „метафизика" совѣсти, долга, блага иной жизни, и прочихъ выдумокъ! Человѣкъ долженъ приблизиться къ натурѣ. Одинъ философъ хитро говорилъ: „человѣкъ есть животное, которое потому не есть животное что оно знаетъ что оно животное." Философъ понималъ подъ этимъ нѣчто весьма возвышенное. По философіи скотоподобія, требуется понимать это такъ: человѣкъ долженъ сознать себя животнымъ и поступать какъ сугубо животное. Но сознавай, не сознавай, желаемое блаженство недостижимо при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, со всѣмъ его вѣковымъ историческимъ хламомъ. Требуется его разрушить и направить на это доброе дѣло разоренія всѣ разнузданные инстинкты звѣря...

Новая философія, повторяемъ, въ произведеніи г. Чернышевскаго является еще въ опоэтизированной формѣ, пріурочена почти исключительно къ привлекательному вопросу о сближеніи половъ. Тѣмъ удобнѣе пресловутое произведеніе могло служить къ выработкѣ типа новыхъ людей въ его разновидностяхъ. Это было бы много труднѣе еслибы новая философія прямо явилась въ своей натуральной прелести, свободною, какъ нынѣ, отъ всякихъ прикрасъ. „Я хотѣлъ, — говорилъ въ свое время романистъ, — изобразить обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія, людей которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни. Я взялъ троихъ такихъ людей: Вѣру Павловну, Лопухова, Кирсанова... Недавно родился этотъ типъ. Онъ рожденъ време-

немъ, онъ знаменіе времени, и сказать ли? Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнію. Шесть лѣтъ тому назадъ (то-есть до 1857 года) этихъ людей не видѣли... Еще немного лѣтъ, и станутъ ихъ проклинать, и они будутъ согнаны со сцены, ошиканные, срамимые.“

Увѣреніе автора что онъ тогда уже встрѣчалъ „сотни“ Маниловыхъ нигилизма дышетъ правдой. Но пророчество о согнаніи ихъ со сцены не оправдалось. Этотъ типъ разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляютъ теперь главную часть нашей интеллигенціи. Куда ни посмотришь, вездѣ Лопуховы, Кирсановы и Вѣры Павловны. Типъ расплодился, но съ тѣмъ вмѣстѣ изъ его среды выработалась дальнѣйшая метаморфоза. Коммуны незлобивыхъ юношей и дѣвъ въ вѣнкахъ и аѳинскихъ костюмахъ, весело приходящихъ и уходящихъ, превратились въ шайки чисто разбойничьяго характера. Среди несмѣтнаго множества Маниловыхъ производятъ безпрепятственно свои операціи Собакевичи нигилизма...

Б.

Въ египетскомъ *imbroglio* наступилъ, наконецъ, переломъ. Послѣ немногихъ дней пререканій между представителями державъ, требовавшими отъ хедива отреченія, и самимъ Измаилъ-пашой, который то отсылалъ ихъ къ султану, то торговался объ условіяхъ этого акта, константинопольская телеграмма увѣдомила что наконецъ, въ четвергъ, султанъ подписалъ ираде низлагающее нынѣшняго намѣстника Египта и назначающее его преемникомъ сына его принца Тевфика, который, въ присутствіи дипломатическихъ представителей и при пушечныхъ выстрѣлахъ, вчера и провозглашенъ уже хедивомъ. Не далѣе какъ 20 іюня англійскіе министры въ палатѣ положительно отказались дать какія-либо объясненія, въ виду того что переговоры по этимъ важнымъ дѣламъ между державами еще продолжаются, а неполныя сообщенія могутъ де повредить дѣлу; и вотъ шесть дней спустя оказывается уже достигнутый результатъ. Что̀ происходило въ эти шесть дней, и какими дерганьями въ разныя стороны сопровождались эти спѣшные переговоры, объ этомъ мы не скоро узнаемъ во всей подробности. Телеграммами же передавались лишь весьма смутные и неясные слухи. Какъ бы то ни было, но султанъ низложилъ хедива, а такъ какъ онъ назначилъ ему преемникомъ его старшаго сына, то слѣдовательно рѣшено оставить во всей силѣ ираде султана Абдулъ-Азиза, отъ 27 мая 1866 года, коимъ было утверждено въ Египтѣ престолонаслѣдіе въ прямой нисходящей линіи мужескаго пола. Телеграфъ извѣстилъ только что султанъ отмѣнилъ позднѣйшее ираде 1873 года, коимъ нынѣ низложенному Измаилъ-пашѣ были даны нѣкоторыя особыя преимущества и привилегіи.

Тѣмъ не менѣе, какъ бы мирно и просто ни совершилась перемѣна, она достаточно важна по самому факту дѣятельнаго вмѣшательства, вынудившаго перемѣну. Это не есть развязка, а начало новаго, весьма смѣлаго опыта. Хедивъ лишается власти не за личное оскорбленіе нанесенное одной державѣ, а по совокупному вмѣшательству нѣсколькихъ державъ; обида же заключалось въ томъ что онъ хотѣлъ править у себя по своему, а не такъ какъ ему указывали. Еслибъ это случилось по требованію одной державы, то это означало бы вассальное подчиненіе страны этой державѣ. Но здѣсь принимаютъ участіе многія державы, и слѣдовательно новый правитель долженъ будетъ сообразоваться съ желаніями многихъ. Такой оборотъ несомнѣнно данъ дѣлу энергическимъ вмѣшательствомъ германскаго канцлера.

Главную роль въ болѣе быстромъ ходѣ событій послѣднихъ дней видимо играла Франція. Французскій генеральный консулъ первый офиціально потребовалъ отъ хедива отреченія отъ престола. Потомъ уже къ его шагу присоединились и другіе представители. Теперь не тайна что еще г. Блиньеръ, въ бытность свою министромъ хедива, открыто выражалъ убѣжденіе что нѣтъ другаго исхода какъ устранить хедива отъ управленія дѣлами страны. Въ Англіи также признаютъ теперь что не одни „сентиментальные интересы,“ какъ говорилъ лордъ Беконсфильдъ, руководятъ дѣйствіемъ Франціи, а весьма ясные политическіе мотивы. Что̀ бы ни говорили англійскіе министры о будто бы полномъ согласіи дѣйствій обѣихъ странъ, они были рѣшительно противъ совокупнаго энергическаго вмѣшательства. Не далѣе какъ за двѣ недѣли предъ симъ писали въ *Times* изъ Александріи что „насильственныхъ мѣръ не ожидается; возстановленіе евро-

пейскихъ министровъ считается невозможнымъ. Иностранный контроль оказывается непригоднымъ." Но предсказаніе не сбылось, и когда, послѣ вмѣшательства Германіи, Франція не удовольствовалась тѣмъ что хедивъ отмѣнилъ свои недавніе финансовые декреты, а открыто выступила съ болѣе рѣшительнымъ требованіемъ которое готовы были поддержать и другіе, то Англіи ничего болѣе не оставалось какъ присоединиться къ общему дѣйствію. Что оно ей не по нраву, это почти прямо высказывается въ разсужденіяхъ *Times*, который съ явною досадой посмѣивается надъ страстью Французовъ искать выхода изъ всякихъ затрудненій въ „перемѣнѣ династіи" и, не безъ нѣкоторой нѣжности вспоминая объ управленіи Измаилъ-паши и о томъ какъ его расточительность прежде поощрялась его нынѣшними критиками, замѣчаетъ что перемѣна тогда только будетъ дѣйствительна если новый вице-король согласится на контроль резидентовъ въ лицѣ консуловъ или министровъ, которыхъ нельзя будетъ смѣнять безъ согласія державъ. „Такая перемѣна," продолжаетъ лондонская газета, „была бы радикальною и можетъ-быть дѣйствительною, но хорошо заранѣе дать себѣ отчетъ въ томъ что̀ она означаетъ. Пользованіе совокупнымъ контролемъ всегда затруднительно, и конечно оно не менѣе затруднительно въ Египтѣ чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Слово *condominium* не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Мы знаемъ уже какъ легко возбуждаются зависть и препирательства въ долинѣ Нила между представителями различныхъ державъ и даже между представителями одной и той же державы. Единство надзора которое дѣлаетъ возможнымъ утвержденіе нашего авторитета въ туземныхъ государствахъ Индіи невозможно въ Египтѣ. Мы можемъ ожидать что иностранные министры въ Египтѣ будутъ столько же заняты наблюденіемъ другъ за другомъ какъ и наблюденіемъ за хедивомъ поставленнымъ подъ ихъ опеку."

Понятно, разумѣется, что Англіи было бы предпочтительнѣе поставить Египетъ въ положеніе подобное Индіи. Весьма вѣроятно что эта идея блеснула въ умѣ лорда Беконсфильда еще при покупкѣ суэзскихъ акцій. Но для осуществленія плана онъ пропустилъ удобную минуту, увлекшись болѣе честолюбивою мечтой — нанести ударъ Россіи на Востокѣ... Какимъ образомъ устроится новый порядокъ управленія въ Египтѣ, какая форма будетъ найдена для совокупнаго контроля, посмотримъ. Но тамъ открывается обширное поле дипломатическихъ интригъ и ожесточенной борьбы интересовъ. Франція не только возстановила свой престижъ на Востокѣ, но и открыто выступила изъ пассивнаго положенія которое долго держалось, и смѣло подала свой голосъ въ европейской политикѣ. Теперь она принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Египта уже не въ силу снисхожденія Англіи и не по фиктивному соглашенію между ними, а по безспорному признанію всѣхъ. Интересы Германіи въ Египтѣ, конечно, остаются также незначительны какъ и прежде, но князь Бисмаркъ держитъ въ своей рукѣ узелъ интригъ по этому вопросу. Его вмѣшательство открыло путь ко вмѣшательству другихъ, Австріи и Италіи. Открываются такимъ образомъ виды на возможность разныхъ новыхъ комбинацій, и разстроена возможность сепаратнаго соглашенія между Франціей и Англіей, которое могло бы быть неудобно для германскаго канцлера въ другомъ мѣстѣ. Такъ созрѣваетъ сѣмя посѣянное на Берлинскомъ конгрессѣ.

Опытъ начинаемый дипломатіей въ Египтѣ и таящій въ себѣ начало невѣдомыхъ усложненій интересенъ будетъ еще потому что онъ можетъ быть прецедентомъ того что̀ потомъ можетъ предстоять и въ столицѣ Турціи. Тамъ и теперь уже идетъ глухая борьба интригъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ періодически возобновляющіеся слухи объ ожидаемыхъ министерскихъ перемѣнахъ. Что въ Англіи почему-то недовольны и константинопольскими дѣлами, это доказывается недавнею статьей *Times*, въ которой между прочимъ сказано что „султанъ хотя и заслуживаетъ воздаваемыя ему похвалы за его добрыя намѣренія и хотя обладаетъ значительнымъ умомъ, но не обнаружилъ еще способностей и энергіи необходимыхъ для обезпеченія сильной и согласной администраціи въ своей странѣ." *Times* заключаетъ: „не далеко время когда, даже для ретроградовъ между Турками, станетъ очевидно что управленіе страны не можетъ идти далѣе безъ денежнаго и административнаго пособія Европы, и что оба вида пособія нераздѣльны." Это было писано прежде приключенія въ Египтѣ. Теперь же лондон-

скимъ политикамъ кстати было бы сообразить что на Босфорѣ англійскіе планы обойтись безъ „совладѣнія,“ посредствомъ безкорыстной денежной и административной помощи, возбудятъ еще бо́льшую подозрительность чѣмъ въ Александріи.

№ 155.

Москва, 18-го іюня.

Нашъ Берлинскій корреспондентъ, посвященный въ закулисныя тайны тамошнихъ политическихъ сферъ, сообщаетъ намъ отъ 26 іюня о новомъ поворотѣ, для него самого неожиданномъ, въ который вступилъ вопросъ о будущей группировкѣ партій въ рейхстагѣ, и о томъ большинствѣ на которое отнынѣ будетъ опираться князь Бисмаркъ. До сихъ поръ вопросъ этотъ подвергался многоразличнымъ колебаніямъ, и главныя фазы его были нами отмѣчены въ виду важности которую перемѣна правительственной системы въ Германіи должна имѣть и для внѣшней политики этой страны. Дабы осуществить задуманную коренную реформу въ финансовомъ управленіи имперіи, князь Бисмаркъ вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію партіи центра. Послѣдствіемъ этого до сихъ поръ уже было полное измѣненіе внѣшней физіономіи рейхстага и замѣна національ-либеральнаго президентства онаго консервативно-ультрамонтанскимъ. Клерикалы оказывали полную и безусловную поддержку правительству пока рѣчь шла объ измѣненіи таможеннаго тарифа въ смыслѣ протекціонизма. Но была ли эта поддержка результатомъ какого-либо соглашенія между имперскимъ канцлеромъ и его недавними врагами на основаніяхъ взаимности, или же ультрамонтаны дѣйствовали такъ лишь потому что, какъ утверждали ихъ органы, протекціонизмъ всегда составлялъ ихъ собственную программу и они охотно протянули руку правительству перешедшему въ этомъ дѣлѣ на *ихъ* сторону, этотъ вопросъ оставался до сихъ поръ загадкой для всѣхъ непосвященныхъ въ дѣло, даже между самими дѣятелями рейхстага. Но вотъ обсужденіе таможеннаго тарифа подвинулось къ концу, и на очередь стала вторая половина финансоваго проекта князя Бисмарка, вопросъ о нѣкоторыхъ косвенныхъ налогахъ въ пользу имперской казны проектированныхъ съ прямою цѣлью увеличенія доходовъ имперіи, дабы отмѣнить существовавшіе до сихъ поръ матрикулярные взносы и, установивъ такимъ образомъ независимость имперскаго финансоваго управленія отъ денежной поддержки отдѣльныхъ государствъ, сдѣлать еще одинъ шагъ по тому пути по которому князь Бисмаркъ не перестаетъ подвигаться хотя медленно, но неуклонно, дабы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ упразднить послѣдніе остатки федеративнаго устройства имперіи. Но относительно этого вопроса настроеніе политическихъ партій рейхстага діаметрально-противоположно тому которое господствовало относительно покровительственныхъ пошлинъ. Національ-либералы готовы содѣйствовать всему что̀ клонится къ усиленію имперіи насчетъ отдѣльныхъ государствъ; клерикалы же, напротивъ, ревниво оберегаютъ федеративное устройство и заранѣе обьявили что они ни въ какомъ случаѣ не согласятся на установленіе финансовыхъ пошлинъ если имъ не будутъ даны „федеративныя гарантіи.“ Дабы добиться своего, князю Бисмарку предстояло одно изъ двухъ: либо вновь перемѣнить фронтъ, привлечь опять на свою сторону національ-либераловъ и провести съ ихъ помощью финансовыя пошлины, либо уступить требованіямъ клерикаловъ въ вопросѣ о федеративныхъ гарантіяхъ. И вотъ мы узнаемъ что князь Бисмаркъ избралъ послѣднее, и что связь его съ національ-либералами окончательно порвана.

До какой степени это рѣшеніе неожиданно, видно изъ письма того же нашего берлинскаго корреспондента, отъ 17 іюня, въ которомъ высказаны предположенія о предстоящихъ по этому вопросу рѣшеніяхъ. Недѣлю тому назадъ въ берлинскихъ политическихъ сферахъ готовились къ исходу совершенно противоположному и думали что князь Бисмаркъ, пользуясь тѣмъ что часть національ-либераловъ съ г. Беннигсеномъ во главѣ осталась ему вѣрна до сихъ поръ, отрекшись для этого отъ завѣтныхъ для нихъ преданій фритредерства, въ концѣ концовъ осуществитъ свое предпріятіе съ ихъ помощью, а не съ помощью клерикаловъ, коимъ приходится уплатить слишкомъ высокую цѣну. Національ-либералы сами готовились въ послѣдніе дни къ такому исходу. Берлинскія га-

зеты обнародовали условія поставленныя съ одной стороны г. Беннигсеномъ отъ имени большинства націоналъ-либераловъ, а съ другой ультрамонтанами. Націоналъ-либералы требовали чтобы рейхстагу дарованы были такъ-называемыя конституціонныя гарантіи взамѣнъ того вліянія на установленіе имперскаго бюджета которое принадлежало ему до сихъ поръ при ежегодномъ опредѣленіи цифры матрикулярныхъ взносовъ, подлежащихъ нынѣ отмѣнѣ. Гарантіи эти формулованы были г. Беннигсеномъ въ двухъ пунктахъ: 1) чтобы доходъ въ пользу имперіи съ нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ (съ кофе и соли) опредѣлялся ежегодно въ имперскомъ бюджетѣ и 2) чтобъ излишекъ отъ доходовъ съ косвенныхъ налоговъ, буде таковой окажется, былъ распредѣляемъ, на основаніи бюджетнаго же закона, между отдѣльными государствами, съ цѣлью облегченія податныхъ тягостей населенія. Эти условія, сколько можно судить со стороны, кажутся весьма умѣренными, въ особенности если принять во вниманіе что націоналъ-либералы обязывались, въ случаѣ принятія оныхъ, подать голосъ не только за финансовыя пошлины еще предстоящія обсужденію рейхстага, но и завесь новый таможенный тарифъ, который подлежитъ еще голосованію въ третьемъ чтеніи. Притомъ, второе условіе о передачѣ излишковъ въ пользу отдѣльныхъ государствъ не только не противорѣчитъ желаніямъ князя Бисмарка высказаннымъ имъ въ первой его рѣчи, посвященной изложенію общихъ основаній его финансовой программы, но напротивъ вполнѣ согласуется съ его тогдашними предположеніями.

Тѣмъ не менѣе, мы узнаемъ что князь Бисмаркъ отвергъ „конституціонныя гарантіи" предложенныя націоналъ-либералами и принялъ тѣ условія на основаніи которыхъ клерикалы обязывались поддерживать финансовыя пошлины, къ обсужденію коихъ рейхстагъ имѣетъ приступить на дняхъ. Условія эти также обнародованы и вполнѣ согласны съ тѣмъ что̀ мы сообщили по этому поводу на дняхъ, основываясь лишь на газетныхъ слухахъ. Клерикалы требуютъ: 1) чтобы матрикулярные взносы были сохранены, а отдѣльнымъ государствамъ предоставляемъ былъ весь излишекъ доходовъ имперіи ожидаемый вслѣдствіе возвышенія таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ; 2) чтобы нѣкоторыя изъ установляемыхъ нынѣ пошлинъ были разрѣшены лишь на срокъ, а именно до 1 апрѣля 1881 года, когда истекаетъ семилѣтіе нынѣ дѣйствующаго военнаго бюджета, и 3) чтобы даны были гарантіи что излишки доходовъ будутъ употреблены на облегченіе податныхъ тягостей. Всѣ ли эти условія приняты княземъ Бисмаркомъ безъ измѣненія, или же соглашеніе, о коемъ насъ извѣщаютъ, состоялось на основаніяхъ какихъ-либо уступокъ и смягченій со стороны клерикаловъ, мы пока не знаемъ. Но несомнѣнно что отъ самаго существеннаго своего условія—удержанія матрикулярныхъ взносовъ и на будущее время—клерикалы не отказались. Стало-быть князь Бисмаркъ измѣнилъ въ угоду имъ важнѣйшій пунктъ своей программы и отказался отъ той цѣли которая, какъ онъ самъ заявилъ, главнымъ образомъ внушала ему мысль о теперешней реформѣ, а именно финансовую эманципацію имперіи. И на такую уступку онъ пошелъ не потому чтобы въ этомъ была крайняя необходимость,—ибо несравненно легче было принять условія націоналъ-либераловъ, и тогда не было бы никакой необходимости входить въ сдѣлку съ клерикалами.

Не ясно ли что за всѣмъ этимъ кроется нѣчто болѣе важное нежели интересы финансовой автономіи имперіи? Очевидно что князь Бисмаркъ бросилъ „культурную борьбу," для которой поддержка либераловъ была ему нужна, и что во внутренней политикѣ Германіи дѣйствительно наступила новая эра. Значитъ ли это что князь Бисмаркъ идетъ теперь прямымъ путемъ „въ Каноссу," какъ думаютъ клерикалы, или же дѣло заключается въ какихъ-либо скрытыхъ пока замыслахъ выходящихъ за предѣлы внутренней политики Германіи, какъ полагаютъ другіе? Посмотримъ какой отвѣтъ на это дадутъ дальнѣйшія событія...

№ 156.

Москва, 19-го іюня.

Еще въ 1871 году, слѣдомъ за Франко-Германскою войной, у насъ было обращено вниманіе на пріученіе войскъ къ устройству малыхъ укрѣпленій на полѣ

сраженія, ложементовъ для отдѣльныхъ стрѣлковъ, стрѣлковыхъ ровиковъ, такъ называемыхъ заслоновъ и другаго рода насыпей долженствующихъ скрывать войска „отъ взоровъ и выстрѣловъ непріятеля, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность поражать послѣдняго наиболѣе мѣткимъ огнемъ.“ Кругомъ нашихъ учебныхъ лагерей лопата работала усердно, набрасывая по всемъ правиламъ инженернаго искусства красивые земляные верки.

Но дѣло было ново и не могло пойти разомъ: не были выработаны соотвѣтствующіе пріемы обученія всей массы войскъ дѣлу самоокапыванія, на которое многіе военные люди еще и смотрѣли недовѣрчиво, находя что всѣ эти ровики и ложементы, годные де можетъ быть въ оборонительномъ бою, мало пригодны въ бою наступательномъ. Еще подозрительнѣе относились къ вопросу о возможности возведенія поспѣшныхъ укрѣпленій во время самого дѣла, а тѣмъ болѣе „подъ выстрѣлами непріятеля.“ Шанцевый инструментъ нашъ не былъ приноровленъ къ такимъ работамъ: большая, неуклюжая, тяжелая лопата, неудобная для носки, по неволѣ сваливалась строевыми начальниками на повозку, вмѣстѣ съ другимъ инструментомъ предназначавшимся преимущественно для возведенія укрѣпленій заблаговременно и вдали отъ непріятеля. Но и этотъ инструментъ находился у войскъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Въ такомъ положеніи застала насъ послѣдняя война. Градъ турецкихъ пуль сыпавшихся на наши войска, часто наступавшія по мѣстности вовсе лишенной естественныхъ закрытій, заставлялъ живо чувствовать всю необходимость быстраго самоокапыванья и всю нашу неприготовленность по „этой важной части военнаго образованія.“ Участники очевидцы, въ своихъ всѣмъ памятныхъ еще разказахъ, живыми красками описываютъ затруднительное положеніе части войскъ попавшей подъ градъ турецкихъ пуль и лишенной почти всякой возможности окопаться и прикрыться хоть немного отъ Турка сидящаго за прекрасно возведеннымъ брустверомъ: роетъ солдатъ землю штыкомъ, тесакомъ, гребетъ ее руками, сознавая что самая ничтожная ямка всетаки лучше чѣмъ ровное поле... А шанцевый инструментъ переходилъ изъ полка въ полкъ: иногда одному полку давали инструментъ чуть ли не всей дивизіи.

Война еще не окончилась, армія наша еще стояла въ виду Константинополя, какъ уже начались опыты съ шанцевымъ инструментомъ новаго болѣе удобнаго для носки образца, который наконецъ и былъ введенъ въ концѣ 1878 года. Но только теперь, на дняхъ состоялся приказъ по военному вѣдомству, при коемъ разослано въ войска *Временное Наставленіе по самоокапыванію пѣхоты малою лопатой*.

Это временное, наскоро составленное *Наставленіе* намѣчаетъ, однако, ясно тотъ путь какимъ пойдетъ обученіе войскъ „этой,“ какъ выражается приказъ, „важной части военнаго образованія.“

Новый инструментъ выданъ въ войска обильно: на роту дано 80 лопатъ и 20 топоровъ. Теперь наставленіемъ опредѣляется порядокъ распредѣленія этого инструмента между частями роты поровну, съ тѣмъ чтобы вещи были носимы „постоянно одними и тѣми же людьми“ и непремѣнно „употреблялись для практическихъ работъ,“ чего прежде вовсе не дѣлалось.

Далѣе *Наставленіе* хотя не опредѣляетъ точно, но въ общихъ чертахъ даетъ ясно понять весь ходъ обученія войскъ этому дѣлу. „Всѣ работы,“ сказано въ *Наставленіи*, производимыя вблизи непріятеля, должны быть охраняемы или секретами, или цѣпью, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ.“ Что̀ придется дѣлать на войнѣ и въ бою, тому нужно учить солдата въ мирное время, слѣдовательно обученіе самоокапыванья должно слиться неразрывно съ обученіемъ войскъ всей полевой и строевой службѣ. Эта мысль подтверждается и въ другомъ мѣстѣ *Наставленія*, гдѣ указано различіе производства работъ стрѣлковою цѣпью подъ выстрѣлами и внѣ ихъ, и примѣчаніемъ что „такъ какъ разбивку окоповъ „и постройку ихъ придется иногда производить въ сумерки или даже ночью, то „полезно было бы практиковать въ этомъ „войска и въ мирное время.“

Самая разбивка укрѣпленій, то-есть планировка ихъ на мѣстности, *Наставленіемъ* поставлена въ зависимость не отъ какихълибо заранѣе условленныхъ геометрическихъ фигуръ, а отъ позиціи и условій расположенія на ней войскъ, доступовъ къ ней непріятеля, отъ направленія какое въ наступательномъ бою будетъ дано частямъ

нашихъ войскъ и отъ другихъ „военныхъ обстоятельствъ.“ Окопы не должны, согласно *Наставленію*, ни препятствовать переходу отъ обороны къ наступленію, ни служить непріятелю закрытіемъ въ случаѣ еслибъ ему удалось занять ихъ; наша вторая линія должна имѣть полную возможность обстрѣливать ихъ.

Не менѣе важно то что *Наставленіе*, точно опредѣляя кругъ дѣятельности каждаго начальника при возведеніи окоповъ, предоставляетъ ротному командиру полную самостоятельность и требуетъ отъ него полнаго умѣнья примѣняться къ мѣстности: полковой командиръ только указываетъ „общее направленіе окоповъ;“ баталіонный командиръ только „провѣряетъ правильность разбивки окоповъ ротами;“ ротный же командиръ „долженъ умѣть быстро выбрать „и обозначить для своей роты наивыгод„нѣйшее, смотря по мѣстности и располо„женію роты, направленіе и протяженіе око„повъ, какъ въ оборонительномъ, такъ и „въ наступательномъ бою,“ и руководить самымъ возведеніемъ окоповъ.

Такимъ образомъ, обученіе войскъ возведенію поспѣшныхъ укрѣпленій приводится въ неразрывную связь со всѣми прочими частями ихъ обученія и заставитъ наконецъ наши войска въ ихъ строевыхъ упражненіяхъ сойти съ ровныхъ утоптанныхъ плацъ-парадовъ, что̀ между прочимъ уже указано войскамъ Петербургскаго округа въ приказѣ о занятіяхъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Приказомъ этимъ прямо предписывается учить войска придерживаясь какъ можно ближе къ требованіямъ военнаго времени.

Въ *Наставленіи по самоокапыванію* затронутъ еще другой, не менѣе важный, вопросъ военнаго дѣла: о расходѣ патроновъ. Признавая всю важность мѣткой стрѣльбы, оно стремится достигнуть этой цѣли путемъ стрѣльбы спокойной, въ положеніи наиболѣе удобномъ и наименѣе опасномъ, а не путемъ насильственнаго сбереженія патроновъ. Когда обстоятельства и время позволяютъ, *Наставленіе* рекомендуетъ „устраивать въ толщѣ бруст„вера небольшія углубленія для патроновъ“ дающія возможность стрѣлку располагать значительнымъ ихъ количествомъ. Такія „небольшія углубленія“ обильно наполненныя патронами и давали турецкимъ войскамъ возможность, не боясь отстаться безъ патроновъ; производить тотъ частый огонь отъ котораго такъ много терпѣли наши войска при атакахъ всѣхъ турецкихъ укрѣпленій, особенно подъ Плевною.

Война научила насъ что патроновъ жалѣть нечего ни въ мирное время для тщательнаго обученія солдата, ни въ бою: чѣмъ больше онъ выпуститъ патроновъ тѣмъ лучше, лишь бы выпускались они съ толкомъ. Не зачѣмъ было бы и заводить скорозарядное оружіе, если думать только о сбереженіи патроновъ и всѣми силами добиваться сдѣлать огонь цѣпи какъ можно болѣе рѣдкимъ: огонь долженъ быть и мѣткимъ, и сколь возможно болѣе частымъ.

№ 157.

Москва, 20-го Іюня.

А.

Нѣкоторыя подробности переговоровъ предшествовавшихъ разрѣшенію египетскаго кризиса поясняютъ и подтверждаютъ то что̀ мы говорили на дняхъ по этому поводу. Прямое обращеніе державъ первоначально къ хедиву съ требованіемъ его отреченія показываетъ что онѣ, въ особенности Англія, вовсе не желали давать Портѣ поводъ проявить свой авторитетъ надъ Египтомъ. Но упрямство хедива не дозволило обойтись безъ помощи Порты, и низложеніе Измаилъ-паши въ пользу сына его, принца Тевфика, совершилось фирманомъ султана, который вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ и фирманъ 1873 года, предоставлявшій хедиву извѣстныя прерогативы. Шагъ этотъ, по словамъ телеграммы, приписываютъ личной инциціативѣ султана и считаютъ направленнымъ противъ политики Англіи и Франціи, а протестъ, по слухамъ, заявленный противъ этого подтверждаетъ что между Портой и нѣкоторыми державами нѣтъ въ этомъ дѣлѣ солидарности интересовъ. У Порты, когда она еще прежде сама предлагала свои услуги для низложенія хедива, были конечно особые разчеты; она желала закрѣпить давно ослабѣвшую связь свою съ вассальною провинціей. Но ультиматумъ обращенный державами къ хедиву, безъ предварительнаго увѣдомленія, былъ неожиданностью и для Порты и далъ поводъ къ разнымъ соображеніямъ. О самомъ хедивѣ Портѣ было мало забо-

ты, но ее безпокоилъ вопросъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ державъ, и въ особенности о водвореніи, при Тевфикѣ, той финансовой иностранной опеки отъ которой старался освободиться его отецъ. Двоякое опасеніе тревожило Порту: вопервыхъ, что при участіи иностранцевъ въ исполнительной власти Египта, авторитетъ султана въ этой странѣ почти совсѣмъ утратится, а вовторыхъ, что введеніе такой системы въ Египтѣ можетъ стать опаснымъ прецедентомъ для самой Турціи. Такъ подтверждается тѣсная связь египетскаго вопроса съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, на которую мы уже указывали.

Положительно подтверждается англійскими газетами что султанъ хотѣлъ отмѣнить и фирманъ 1866 года о прямомъ престолонаслѣдіи, назначивъ преемникомъ Измаилу принца Халима. Но такое проявленіе власти султана не всѣмъ нравилось. По крайней мѣрѣ въ *Times* было замѣчено что „державы едва ли могутъ утвердить такое закрѣпленіе узъ соединяющихъ участь Египта съ участью Турціи, испытавшей столько перемѣнъ и которой впереди предстоитъ еще столько хлопотъ.“ Султану пришлось уступить. За то онъ отмѣнилъ фирманъ 1873 года, дававшій египетскому правителю право заключать договоры съ иностранными державами.

Есть поводъ думать что въ вопросѣ о выборѣ преемника низложенному хедиву не обошлось безъ борьбы и между самими державами. Между тѣмъ какъ французскія газеты давно уже рекомендовали кандидатуру Халима, какъ человѣка опытнаго и просвѣщеннаго и, кромѣ того, даже законнаго наслѣдника на основаніи фирмана 1841 года, который былъ де не единоличнымъ актомъ султана, а соглашеніемъ его съ державами, въ англійскихъ газетахъ напротивъ въ послѣднее время утверждали что Халимъ, несмотря на лоскъ европейской цивилизаціи, считается Туркомъ старой школы, и что онъ окруженъ сомнительными людьми, между тѣмъ какъ молодой Тевфикъ трудолюбивъ, обнаружилъ способности, честность и рѣшимость, и менѣе фанатикъ чѣмъ его братья. По этому поводу, однако, въ *Daily News* напечатано любопытное письмо анонимнаго корреспондента, за подписью „Другъ феллаховъ,“ который изображаетъ этого юнаго принца въ самомъ нелестномъ свѣтѣ. Самъ отецъ презираетъ де его какъ „мокрую курицу.“ Его вѣчно де кто-либо водитъ на помочахъ. Прежде онъ былъ подъ вліяніемъ своего слуги *Monsieur Frédéric*, отчего и былъ самъ прозванъ *Mademoiselle Frédéric*, а теперь его держитъ де въ рукахъ одинъ молодой Италіянецъ. Далѣе корреспондентъ утверждаетъ что онъ невѣжественъ, не знаетъ хорошо даже своего языка, что онъ золъ, лѣнивъ и тщеславенъ. Таковъ, по инымъ, портретъ новаго правителя. Выборъ его, вмѣсто дяди, объясняется его большею податливостью и безхарактерностью. Онъ, впрочемъ, не такъ важенъ, такъ какъ главную роль въ Египтѣ будетъ играть теперь не столько личность правителя сколько борьба разныхъ вліяній. Возможно что и здѣсь былъ компромиссъ, что въ выборѣ его выразилось то соглашеніе съ Франціей которымъ такъ хвастаютъ англійскіе министры. За низложеніе Измаила, котораго требовало оскорбленное достоинство Франціи, Англія могла настоять на замѣнѣ его не Халимомъ, а Тевфикомъ.

Несмотря на то Англичане все-таки недовольны. Мы уже приводили разсужденія *Times* по этому поводу. Лондонскій органъ повторяетъ ихъ съ большею силой: „Намъ нечего поздравлять себя съ перемѣной, и еще менѣе воспѣвать паденіе Измаилъ-паши, какъ будто бы это было торжествомъ для насъ. При всѣхъ вопіющихъ ошибкахъ его управленія, при его безмѣрной расточительности, его необдуманныхъ планахъ цивилизаціи и завоеваній, его незрѣломъ честолюбіи, онъ допускалъ чтобы наша страна въ его царствованіе слѣдовала своей традиціонной политикѣ въ Египтѣ. Цѣлью нѣсколькихъ поколѣній англійскихъ государственныхъ людей было удерживать Египетъ внѣ сферы европейскихъ ссоръ. Они были ревнивы къ возможнымъ соперникамъ. И вдругъ, въ 1879 году, все это измѣняется. Фактъ что правительство наше вынуждено было на перемѣну не дѣлаетъ ее болѣе удовлетворительною. Германское правительство своимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ ускорило дѣйствіе Французскаго правительства, также какъ Французское правительство повліяло на наше. Это, можетъ-быть, очень натурально, но въ этомъ нѣтъ повода для поздравленій.“ И это недовольство всеобщее. Съ одинаковою силой высказываютъ его, напримѣръ, и торійская *Pall Mall Gazette*, и вліятельная провинціальная газета *Manchester Guardian*.

Куріозно еще что нѣкоторыя газеты, отчасти *Times*, а болѣе всего *Morning Post*, при этомъ случаѣ срываютъ злобу на Россіи. Послѣдняя газета говоритъ: „нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что Россія старательно пользуется египетскимъ вопросомъ въ Константинополѣ для цѣлей своего нескрываемаго честолюбія пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ совѣтахъ Порты.“ Какъ явно сказывается здѣсь досада на то что дѣла вообще на Востокѣ не идутъ согласно съ желаніями Англіи!

Что касается плановъ будущей администраціи Египта, то пока высказываются только одни сомнѣнія. Будущій правитель, кто бы онъ ни былъ, по словамъ *Times*, будетъ лишь выставкой, но, прибавляетъ газета съ глубокимъ вздохомъ, „Англія будетъ лишь единицей въ пентархіи, а можетъ-быть и въ гептархіи.“

Б.

Нынѣшнею весною пожары взяли на Руси дань больше обыкновенной. Сгорѣлъ Оренбургъ, сгорѣлъ Уральскъ, горѣли Пермь и другіе города, не говоря уже о весяхъ. Чрезвычайная опустошительность пожаровъ въ нынѣшній сезонъ не можетъ быть объяснена случайными причинами. Разсылались письма съ угрозами жечь города и села, въ разныхъ мѣстахъ дѣйствительно открыты поджоги, схвачены мальчики-поджигатели подученные „какими-то дядюшками.“ Но и безъ „экстраординарныхъ агентовъ,“ велика у насъ истребительная сила пожаровъ. По приблизительнымъ разчетамъ, вся Россія обыкновеннымъ порядкомъ выгораетъ въ сорокъ восемь лѣтъ и ежегодно теряетъ десятки милліоновъ отъ пожаровъ. Отъ чего же такъ малоуспѣшна борьба съ этимъ бѣдствіемъ? Чѣмъ объяснить что количество пожарныхъ убытковъ, какъ нѣчто роковое, не уменьшается?

Недостатка въ законодательной регламентаціи противопожарныхъ мѣръ, кажется, нѣтъ. Мало того что у насъ имѣется масса законоположеній и въ уставѣ строительномъ, и въ уставѣ пожарномъ и другихъ, наши мѣстныя общественныя учрежденія имѣютъ право издавать „обязательныя“ по пожарной части постановленія. Должно сказать что при всемъ несовершенствѣ нашего законодательства по этой части, существующія постановленія могли бы значительно уменьшить опустошительность пожаровъ если-бы только они исполнялись. Недостатокъ хорошо организованнаго надзора за соблюденіемъ предписанныхъ правилъ по огнехранительной и огнегасительной части и незначительность средствъ расходуемыхъ для ея устройства, вотъ главнѣйшія причины безплодности нашей борьбы съ пожарами.

Истребленіе пожарами цѣлыхъ кварталовъ, даже губернскихъ городовъ, не говоря объ уѣздныхъ, а тѣмъ болѣе деревень, указываетъ на недостаточность существующей системы надзора за соблюденіемъ предписанныхъ правилъ по огнеохранительной и огнегасительной части. Какъ извѣстно, этотъ надзоръ ввѣренъ *мѣстному* начальству въ лицѣ губернатора, полицеймейстеровъ, исправниковъ и т. д. Но какъ бы человѣкъ ни былъ добросовѣстенъ и свѣдущъ, онъ, оставаясь въ одной и той же обстановкѣ, до такой степени къ ней приглядывается что его глазъ уже перестаетъ замѣчать недостатки поражающіе свѣжаго человѣка. До чего доходитъ бездѣйствіе мѣстныхъ инспекцій, объ этомъ свидѣтельствуютъ изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ не утратившія значенія *Соображенія о мѣрахъ къ предупрежденію и пресѣченію пожаровъ въ городахъ и селеніяхъ* полковника (нынѣ генералъ-майора) Е. В. Богдановича. Вотъ одно изъ множества приводимыхъ имъ проявленій слабости мѣстнаго надзора въ пожарномъ дѣлѣ. Въ іюлѣ 1864 года, какъ извѣстно, Нижегородскую ярмарку постигъ огромный пожаръ. Огонь вспыхнулъ во 150 саженяхъ отъ пожарнаго депо и въ 50 саженяхъ отъ Лондонской трубы, поставленной у Обводнаго канала, но ни въ депо, ни у трубы, ни людей, ни лошадей не было; даже на каланчѣ не стояло караульнаго. Пожаръ распространялся быстро и съ такою силой что едва не сгорѣла самая Лондонская труба, не выбросившая въ пожаръ ни одного ведра. Чтобы спасти этотъ дорогой пожарный инструментъ, полицемейстеръ затопилъ его въ каналѣ. Въ послѣдствіи оказалось что и люди, и лошади были во время пожара на работѣ у строившагося дома брантмейстера. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Въ виду недостаточности одного мѣстнаго контроля, законодательство установило такъ - называемыя общія инспекціи: по вѣдомству военному есть ин-

спекторы войскъ, по учебной части инспекторы училищъ, по водяной инспекторы судоходства и т. п. По части пожарной нѣтъ центральной инспекціи, а потому и неудивительно что нѣтъ фактическаго надзора за исполненіемъ правилъ установленныхъ законами и особыми распоряженіями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за исправностью содержанія пожарныхъ командъ, вольныхъ пожарныхъ обществъ и рѣчныхъ полицій, за распространеніемъ въ населеніи свѣдѣній и указаній по частямъ огнеохранительной и огнегасительной и т. п.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ нельзя не признать желательнымъ учрежденіе общей инспекціи по пожарному дѣлу, представляющему громадную экономическую важность для всей Россіи. Мы не сомнѣваемся что назначеніе вполнѣ опытнаго по пожарной части лица на должность инспектора послужитъ къ успокоенію общества, встревоженнаго пожарами.

Но что̀ сказать о денежныхъ тратахъ на мѣры предупрежденія и прекращенія пожаровъ? Мы при всей производительности этихъ тратъ оказываемся болѣе чѣмъ скупы на нихъ Только нѣкоторыя земства приступили къ составленію плановъ селеній въ видахъ охраненія отъ пожаровъ. Извѣстій же о перестройкѣ по этимъ планамъ селеній, даже послѣ пожаровъ, что-то совсѣмъ не слышно. Мало слышно и о посадкѣ деревьевъ по деревенскимъ улицамъ и между сельскими постройками. Особенно желательно распространеніе въ народѣ свѣдѣній объ устройствѣ дешевыхъ огнебезопасныхъ построекъ изъ полеваго камня, соломеннаго землянаго кирпича, построекъ глинобитныхъ, песчанобитныхъ и объ устройствѣ кровель черепичныхъ, соломо-глиняныхъ и др., такъ какъ кирпичныя зданія съ желѣзными крышами не по средствамъ громадному большинству нашихъ домовладѣльцевъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ читателямъ что разработка вопроса объ огнебезопасныхъ постройкахъ и кровляхъ обратила на себя особенное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ, и въ настоящее время въ Министерство уже сообщаются свѣдѣнія о существующихъ способахъ возведенія такихъ построекъ и устройства такихъ крышъ которыя могутъ противиться дѣйствію пламени. Труды по этому предмету, какъ сообщаютъ намъ, появятся въ теченіе нынѣшняго года въ извѣстномъ журналѣ *Хозяйственный Строитель*. Нельзя не указать также и на скудость во многихъ мѣстахъ ассигновокъ общественными учрежденіями на пожарные инструменты и содержаніе пожарныхъ командъ. Въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, эти учрежденія находятся въ жалкомъ положеніи: что̀ же сказать о сельскихъ пожарныхъ средствахъ?

№ 158.

Москва, 21-го іюня.

Извѣстія изъ Берлина, полученныя въ послѣдніе дни, изображаютъ тамошнее политическое настроеніе, наступившее послѣ новой уступки сдѣланной княземъ Бисмаркомъ ультрамонтанамъ, еще болѣе натянутымъ нежели можно было ожидать. Еслибы князь Бисмаркъ принадлежалъ къ числу государственныхъ людей которые любятъ театральные эффекты, то можно было бы сказать что послѣдній его шагъ былъ самымъ удачнымъ опытомъ этого рода. Но событія послѣднихъ дней въ Берлинѣ имѣютъ болѣе серіозное значеніе чѣмъ парламентская борьба. Собственно въ интересѣ предпринятой финансовой реформы князю Бисмарку не было никакой надобности такъ рѣзко перемѣнять фронтъ и вступать въ союзъ съ своими недавними непримиримыми врагами. Клерикалы совсѣмъ не то что̀ націоналъ-либералы: ихъ нельзя подкупить мнимыми уступками въ области внутренней политики. Но всего важнѣе то что ультрамонтаны суть партія коей важнѣйшіе интересы находятся внѣ предѣловъ Германской имперіи, а потому нельзя не полагать что при теперешнемъ сближеніи съ ними немаловажную, а можетъ-быть и первенствующую роль играли соображенія не имѣющія ничего общаго съ вопросомъ о тарифѣ и матрикулярныхъ взносахъ. Недаромъ вотъ уже годъ ведутся какіе-то дѣятельные переговоры между папскою куріей и имперскимъ правительствомъ, переговоры облеченные въ глубочайшую тайну, но съ коими совпало постепенное сближеніе между княземъ Бисмаркомъ и партіей центра, завершившееся 25 іюня принятіемъ тарифною коммиссіей рейхстага предложенія Франкенштейна.

Сущность этого предложенія мы уже приводили прежде чѣмъ состоялось сказанное

рѣшеніе коммиссіи. Коммиссія приняла, большинствомъ 16 противъ 11, лишь первый пунктъ онаго, по коему излишекъ отъ возвышаемыхъ нынѣ косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ будетъ считаться собственностью не имперской казны, а отдѣльныхъ государствъ, и распредѣляется между ними сообразно съ количествомъ населенія; отдѣльныя же государства будутъ и впредь поддерживать бюджетъ имперіи посредствомъ матрикулярныхъ взносовъ опредѣляемыхъ ежегодно рейхстагомъ. Отъ втораго своего предложенія, о томъ что теперешніе пошлины и налоги утверждаются лишь до 1881 года, Франкенштейнъ и приверженцы его изъ партіи центра отказались, и подали голосъ противъ предложенія Беннигсена о квотизаціи налога на кофе и соль, имѣвшаго ту же цѣль охраненія конституціонныхъ прерогативъ рейхстага при установленіи бюджета имперскихъ доходовъ.

Офиціозные органы князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* и *Почта*, выбиваются изъ силъ чтобы доказать что сохраненіе на будущее время матрикулярныхъ взносовъ не заключаетъ въ себѣ ничего тревожнаго съ точки зрѣнія интересовъ германскаго единства, и что въ сущности сдѣлана лишь формальная уступка, такъ какъ матрикулярные взносы будутъ впредь имѣть совсѣмъ иной характеръ нежели до сихъ поръ, ибо имперское правительство будетъ вычитать оные изъ сборовъ имъ же производимыхъ за счетъ отдѣльныхъ государствъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ эти взносы дѣйствительно поступали въ имперскую казну отъ отдѣльныхъ государствъ.

На это съ національ-либеральной стороны возражаютъ что дѣло не въ практическихъ послѣдствіяхъ принятаго рѣшенія, а въ принципѣ. И въ практическомъ отношеніи нельзя де не задуматься надъ возможными послѣдствіями. Князь Бисмаркъ не вѣчно де будетъ держать бразды имперскаго управленія, и нельзя знать какой оборотъ приметъ дѣло когда возникнутъ серіозныя пререканія между отдѣльными государствами и союзною властью,— пререканія, коихъ и теперь возникаетъ не мало, но которыя пока еще не доходили до столкновенія лишь благодаря умѣнью и огромному вѣсу имперскаго канцлера. Но всего де важнѣе то что имперія *въ принципѣ* отказалась отъ своего финансоваго верховенства, выговореннаго для нея въ имперской конституціи. По ст. 38 конституціи, таможенныя пошлины должны составлять собственность имперской казны. Матрикулярные взносы установлены по ст. 70 лишь въ видѣ временной мѣры пока будутъ установлены непосредственные имперскіе налоги. Теперешній финансовый законъ имѣетъ именно эту цѣль, и самъ князь Бисмаркъ, въ началѣ обсужденія закона, указалъ его главное назначеніе въ томъ чтобы замѣнить финансовую зависимость имперіи открытіемъ для нея самостоятельныхъ источниковъ дохода. А теперь имперія навсегда отрекается отъ принадлежащаго ей права, и возвращаетъ отдѣльнымъ государствамъ одну изъ самыхъ существенныхъ своихъ прерогативъ. Это есть де шагъ назадъ къ бывшему Таможенному Союзу. Подобно тому какъ въ прежней Германской имперіи, при избраніи императоровъ, имъ предлагались такъ-называемыя „избирательныя капитуляціи," коими ограждались верховныя права сюзереновъ отдѣльныхъ государствъ, точно также и теперь имперія „капитулировала" предъ сепаратистскими стремленіями партіи центра. „Съ принятіемъ предложенія Франкенштейна," замѣчаетъ *Національная Газета*, „князь Бисмаркъ отрекся отъ принадлежавшаго ему донынѣ титула *Semper Augustus*, всегдашній множитель имперіи."

Всѣ экономическія пререканія между приверженцами фритредерства и протекціонизма, коими переполнены были органы германской почати со времени обсужденія новаго тарифа, отступили теперь на задній планъ въ виду новаго политическаго рѣшенія. Упомянутый органъ національ-либераловъ предвидитъ что принятіе резолюціи Франкенштейна станетъ началомъ новой борьбы, долженствующей совершенно измѣнить взаимное отношеніе партій; что эта борьба поглотитъ всѣ остальные политическіе интересы внутри Германіи и окончится не ранѣе какъ съ отмѣной этого „роковаго" рѣшенія.

Что принятіе резолюціи Франкенштейна, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ нѣчто гораздо болѣе важное чѣмъ то формальное значеніе какое старается придать ей офиціозная печать, это лучше всего видно изъ разсужденій руководящаго органа партіи центра, газеты *Germania*. Она находитъ что попытки офиціозной газеты придать дѣлу значеніе чисто-формальной

уступки предназначены лишь для успокоенія „умовъ болѣе слабыхъ,“ и находитъ что князь Бисмаркъ дѣйствительно совершилъ такой шагъ, который показываетъ что онъ вовсе не солидаренъ съ націоналъ-либералами въ своихъ взглядахъ на задачи германскаго единства. „Партія центра,“ замѣчаетъ *Германія*, „всегда была того мнѣнія что князь Бисмаркъ, съ его способностью взирать на вещи съ высокой точки зрѣнія и дѣйствовать широкою и свободною рукой, гораздо болѣе способенъ придти со временемъ къ *церковному миру* нежели узкая бюрократія и либералы-теоретики.“ Предсказаніе это нынѣ де оправдалось, и князь Бисмаркъ въ рѣшительную минуту „сумѣлъ дать государственной колесницѣ могучій толчекъ, сразу поворотившій ее въ совершенно новую колею, не имѣющую ничего общаго съ прежнею либеральною рутиной.“

Этотъ взглядъ на значеніе новѣйшаго рѣшенія князя Бисмарка подтверждается и сообщаемыми по телеграфу извѣстіями о выходѣ разомъ въ отставку трехъ прусскихъ министровъ: Гобрехта — министра финансовъ, Фриденталя—министра торговли и земледѣлія, и Фалька—министра исповѣданій и народнаго просвѣщенія.

Въ особенности знаменательна отставка г. Фалька, этого стойкаго бойца въ прекращаемой нынѣ борьбѣ князя Бисмарка противъ притязаній папскаго престола.

№ 159.

Москва, 22-го іюня.

Не проходитъ дня безъ того чтобы въ нашей печати не появлялось статей трактующихъ о денежномъ обращеніи и экономическомъ положеніи Россіи, преимущественно же о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ по этимъ предметамъ. Просматривая эти статьи и оставляя въ нихъ безъ вниманія все то что составляетъ у насъ обычныя полемическія украшенія, нельзя не усмотрѣть измѣненій къ лучшему во мнѣніяхъ ихъ авторовъ. Тонъ рѣчи остался прежній и даже сталъ еще задорнѣе и ругательнѣе чѣмъ въ былое время; но сущность высказываемыхъ мнѣній много измѣнилась. Съ небольшимъ полгода тому назадъ, русскіе финансы и экономическій бытъ рисовались самыми мрачными красками и представлялись въ положеніи мало уступающемъ тому какое девяносто лѣтъ тому назадъ вызвало во Франціи созывъ Учредительнаго Собранія. Теперь о безвыходности нашего финансоваго и экономическаго положенія нѣтъ болѣе помину. Идетъ рѣчь только о желаемыхъ улучшеніяхъ, да о застрахованіи страны отъ финансовыхъ и экономическихъ бѣдствій, которыхъ, слава Богу, нѣтъ, но которыя могутъ де постигнуть ее въ будущемъ. Толки по этимъ предметамъ весьма разнообразны, но и въ нихъ нельзя не замѣтить нѣкотораго успѣха противъ прежняго. Еще недавно идеи такъ-называемой свободной торговли господствовали у насъ почти безраздѣльно и безпрекословно; теперь голоса фритредеровъ раздаются робко и одиноко, и чтобы сколько-нибудь расположить въ свою пользу они уже вынуждены прибѣгать къ хитростямъ, впрочемъ столь наивнымъ что едва ли кого удастся имъ поймать на удочку. Неоспоримо-выгодные результаты покровительства которое было оказано русскому производству паденіемъ курсовъ не позволяютъ прямо возставать противъ пользы покровительства, и вотъ люди приходившіе въ восторгъ отъ всякаго измѣненія таможеннаго тарифа сопровождавшагося пониженіемъ пошлинъ вдругъ пришли къ убѣжденію что для коммерческихъ разчетовъ необходимо постоянство размѣровъ таможеннаго налога. Противъ покровительства отечественному производству они теперь ничего не имѣютъ, находя только что оно уже оказывается ему въ достаточной будто бы степени, особенно со времени повышенія тарифа установленіемъ взиманія пошлинъ золотомъ. Всѣ желанія этихъ господъ, надѣвшихъ на себя столь нейдущую къ нимъ маску консерватизма, ограничиваются нынѣ лишь тѣмъ чтобы были подняты вексельные курсы, причемъ они благоразумно не договариваютъ что этотъ подъемъ курсовъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіемъ платимыхъ золотомъ пошлинъ, а стало-быть уменьшеніемъ покровительства оказываемаго отечественному производству и ниспроверженіемъ только что провозглашенной теоріи незыблемости нормъ таможеннаго тарифа. Помимо подобныхъ уловокъ, падающихъ въ виду представляемыхъ ими очевидныхъ противорѣчій, не остается впрочемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, никакихъ иныхъ средствъ для поддержки

фритредерскихъ ученій въ Россіи. Въ виду этого, кредитъ этихъ ученій не могъ не упасть, и голоса противъ нихъ раздаются все громче, все чаще, все настоятельнѣе и все убѣдительнѣе. Указывается прямо и рѣзко, съ полною основательностью и справедливостью, что сама родина манчестерской школы, Англія, перешла къ идеямъ свободной торговли лишь когда ея промышленность достигла уже полнаго развѣта и перестала бояться чьей-либо конкурренціи, а до тѣхъ поръ держалась системы не только покровительственной, но запретительной; указывается при этомъ что и самый переходъ къ фритредерству былъ произведенъ тамъ вовсе не подъ вліяніемъ „послѣдняго слова науки," а подъ вліяніемъ иныхъ, практическихъ соображеній. Воздается затѣмъ должная похвала Американцамъ установившимъ высокій тарифъ, которымъ было поощрено домашнее производство и разчищено поле духу предпріимчивости, благодаря чему ихъ промышленность, менѣе чѣмъ въ два десятилѣтія, развилась такъ что вступила теперь въ состязаніе съ англійскою всюду, не исключая самой Англіи. Выставляется затѣмъ необходимость повышенія таможеннаго тарифа и въ Россіи, и замѣчается при этомъ что въ случаѣ подъема нашихъ курсовъ, вредъ этого подъема для русской промышленности долженъ быть парализованъ одновременно возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Въ томъ что подобныя сужденія начинаютъ мало-по-малу пріобрѣтать господство нельзя не видѣть что сила дѣйствительности беретъ наконецъ верхъ надъ мертвою доктриной, по крайней мѣрѣ по отношенію къ таможенному вопросу. Нельзя сказать того же относительно вопросовъ касающихся денежнаго обращенія. Рутинно-книжное воззрѣніе на бумажныя деньги пока еще продолжаетъ господствовать и нѣтъ тѣхъ изворотовъ къ какимъ не прибѣгали бы у насъ съ цѣлію убѣдить въ необходимости подъема вексельныхъ курсовъ изъятіемъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. На тѣхъ кто позволяетъ себѣ находить эту мѣру неумѣстною и вредною накидываются съ бѣшенствомъ; никакія доказательства и указанія на чужіе примѣры не принимаются въ уваженіе, а если принимаются, то подвергаются перетолкованію и извращенію. Можно было бы подивиться какъ обращаются при этомъ съ фактами, если бы дѣло шло не о нашей печати, уже пріучившей публику ко всевозможнымъ кунстштюкамъ въ этомъ отношеніи. Между прочимъ, намъ привелось указать на примѣръ Америки, гдѣ бумажныя деньги не помѣшали росту общаго экономическаго благосостоянія, и гдѣ подъемъ курса бумажныхъ денегъ совершился естественнымъ путемъ, безъ превращенія бумажныхъ денегъ въ процентный долгъ. Примѣръ былъ убѣдительный и не могъ не поразить людей желающихъ искусственнаго возстановленія металлической цѣнности кредитнаго рубля во что̀ бы то ни стало. Тѣмъ не менѣе они силятся доказать что примѣръ этотъ никуда не годится. Какъ же они это доказываютъ?

Отрицать блестящіе финансовые и экономическіе результаты какихъ достигла Америка менѣе чѣмъ въ два десятилѣтія, въ то самое время когда бумажно-денежное обращеніе было тамъ въ полномъ ходу, невозможно. Но въ теченіе этихъ десятилѣтій, годъ на годъ не приходился, и вотъ, со всевозможными натяжками, всяческія бѣдствія которыя пришлось переживать Америкѣ поставлены на счетъ бумажно-денежнаго обращенія. Прежде всего бумажнымъ деньгамъ поставлена въ вину невыгодность будто бы американскаго торговаго баланса. Невыгодность этого баланса доказывается цифрами взятыми за два года, 1872 и 1873. Но два года эти ничего не доказываютъ, и если бы взятъ былъ цѣлый рядъ лѣтъ, напримѣръ съ 1870 по 1878, то вмѣсто невыгодности торговаго баланса оказалась бы несомнѣнная его выгодность. Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло, а въ томъ, можетъ ли указанная громадная невыгодность баланса 1872 и 1873 годовъ быть приписана бумажно-денежному обращенію, которое въ равной мѣрѣ существовало и прежде, и послѣ этихъ лѣтъ. По справкѣ оказывается что въ 1872 году въ Америкѣ состоялось нѣкоторое пониженіе тарифа̀ (хотя и послѣ этого пониженія онъ остался слишкомъ вдвое выше нашего) и снятіе пошлинъ съ нѣкоторыхъ привозныхъ товаровъ (преимущественно съ сырыхъ продуктовъ), вслѣдствіе чего привозъ безпошлинныхъ товаровъ сразу болѣе чѣмъ утроился. Вызванный тарифными послабленіями наплывъ иностранныхъ товаровъ не могъ не наклонить торговаго баланса въ невыгодную сторону; но при чемъ же тутъ, спрашивается, бумажно-денежное

обращеніе? Имъ ли созданы благопріятныя условія для иностраннаго ввоза?

Затѣмъ, въ 1873 году, въ Америкѣ произошелъ страшный кризисъ. Лопнуло много банковъ и коммерческихъ предпріятій, много фабрикъ остановилось. Произошло это вскорѣ послѣ тарифныхъ послабленій, въ чемъ и можно было бы, пожалуй, искать причины кризиса, хотя съ большею основательностью онъ объясняется злоупотребленіями частнаго банковаго кредита. Злоупотребленія, какъ извѣстно, имѣютъ мѣсто не въ одномъ, покойной памяти, Коммерческомъ Ссудномъ Банкѣ въ Москвѣ, они едва ли не въ большей мѣрѣ практикуются и въ другихъ странахъ, чьи банковыя учрежденія ставятся намъ въ образецъ. Доктрина требуетъ, однако, чтобъ американскій кризизъ 1873 года былъ поставленъ на счетъ бумажнымъ деньгамъ. Но, господа, если такъ, то будьте послѣдовательны. Если вы хотите, безо всякаго изслѣдованія, однимъ почеркомъ пера, приписать американскій кризисъ 1873 года бывшей тогда въ Америкѣ системѣ денежнаго обращенія, то приложите тотъ же способъ и къ объясненію продолжительнаго и тяжкаго кризиса который въ послѣднее время постигъ Англію, гдѣ тоже лопались банки и коммерческія предпріятія и останавливались фабричныя и заводскія производства, при самомъ твердомъ металлическомъ денежномъ обращеніи. Кстати не забывайте при этомъ что не сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія помогло Америкѣ неожиданно скоро и легко выйти изъ кризиса 1873 года, а напротивъ нѣкоторое его расширеніе; что въ числѣ мѣръ содѣйствовавшихъ выходу изъ кризиса былъ экстренный выпускъ *гринбаковъ* на покупку государственныхъ облигацій.

Нелѣпыя обвиненія американскихъ бумажныхъ денегъ въ порчѣ торговаго баланса и причиненіи кризиса 1873 года завершаются,—смѣшно сказать,—обвиненіемъ тѣхъ же бумажныхъ денегъ въ продажности тамошней администраціи, въ общемъ нравственномъ растлѣніи и еще—въ чемъ бы вы думали?—въ томъ что Америка увидала у себя въ 1876 году „грозное зрѣлище соціалистическихъ армій готовившихся брать желѣзныя дороги, города, цѣлые штаты!“ Не достаетъ только того чтобы въ вину бумажнымъ деньгамъ были поставлены и дѣянія Нечаевыхъ, Каракозовыхъ, Соловьевыхъ, Гэделей и прочей сволочи.

Такова сила будто бы неотразимо побѣдоносной аргументаціи направленной противъ людей не желающихъ потрясенія экономическаго быта рискованною мѣрой искусственнаго подъема курсовъ и сокращенія денежнаго обращенія въ Россіи. Что побуждаетъ настаивать на этой несомнѣнно тяжкой и пагубной въ своихъ послѣдствіяхъ мѣрѣ,—неизвѣстно. Люди не понимающіе дѣла думаютъ облагодѣтельствовать ею „русскаго человѣка,“ который будто бы вслѣдствіе паденія курсовъ „будетъ почесывать себѣ затылокъ, кряхтѣть и вздыхать о томъ что вотъ молъ какъ теперь на рубль-то мало даютъ, и что отъ дороговизны вообще тяжело стало жить.“ Но знающимъ людямъ въ самой средѣ сторонниковъ искусственнаго подъема курсовъ не безызвѣстно что цѣны поднялись замѣтно лишь на крупныхъ рынкахъ, притомъ только на биржевые товары, вообще же въ странѣ цѣны предметовъ обиходнаго потребленія до сихъ поръ стоятъ приблизительно на прежнемъ уровнѣ. Еще менѣе могутъ они не знать тѣхъ благотворныхъ результатовъ какими сопровождалось въ странѣ нѣкоторое пониженіе курсовъ и расширеніе денежнаго обращенія, довольно умѣренное, если принять во вниманіе численность населенія и пространство Имперіи. Для наглядности же, пусть сравнятъ они хоть результаты поступленія государственныхъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей въ 1876 году съ таковыми же результатами 1878 года. Извѣстно каково бываетъ экономическое благосостояніе крестьянъ въ тѣ времена когда за ними накапливаются недоимки, когда всякія мѣры съ цѣлію безнедоимочнаго взысканія съ нихъ подлежащихъ сборовъ остаются недѣйствительными. И вотъ именно въ такомъ положеніи были они въ 1876 году, памятномъ между прочимъ тѣмъ что тогда вплоть до осени Государственный Банкъ занимался операціей поддержанія курсовъ и сокращенія бумажнаго денежнаго обращенія, употребивъ на это восемьдесятъ милліоновъ металлическихъ рублей. Не то видимъ въ 1878 году. Поступленіе окладныхъ сборовъ по Имперіи превысило окладъ почти на три милліона рублей, не смотря на неурожайное бѣдствіе въ Казанской губерніи, отозвавшееся увеличеніемъ слишкомъ на полмилліона чи-

слящихся за нею недоимокъ. Одновременно и по выкупнымъ платежамъ поступленіе превысило окладъ болѣе чѣмъ на полтора милліона рублей. Но непризванные радѣтели о Русскомъ народѣ недовольны положеніемъ при которомъ онъ оказывается въ состояніи не только вносить оклады, но и уплачивать старыя недоимки. Они выставляютъ первымъ для него благомъ вернуться къ той экономической обстановкѣ при которой ему приходилось биться какъ рыба объ ледъ, полагая, вѣроятно, что этимъ, между прочимъ, будетъ отнята почва у соціалистской пропаганды...

№ 160.

Москва, 23-го Іюня.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 155), подъ заглавіемъ „Мореходныя школы и русское торговое мореходство въ Бѣломъ Морѣ,“ письмо нашего корреспондента изъ Архангельска. Бѣлое Море — колыбель русскаго торговаго мореходства, которое возникло здѣсь само собой, и теперь держится само собой, борясь съ безчисленными затрудненіями и препятствіями, забытое и брошенное на произволъ случая. Что̀ было бы съ этою торговлей, какое могло бы быть значеніе ея не только для Бѣломорскаго края, но и для всей Россіи еслибъ ей были оказаны помощь и содѣйствіе, еслибъ ей былъ облегченъ доступъ къ нѣкоторымъ непочатымъ до сихъ поръ естественнымъ богатствамъ края; еслибы выручаемые ею капиталы не сосредоточивались преимущественно въ рукахъ иностранцевъ; еслибы, наконецъ, русскому мореходству удалось воспользоваться тѣми фрахтами которые составляютъ до сихъ поръ монополію иностранныхъ судохозяевъ? Обѣщая прислать намъ въ отвѣтъ на эти вопросы новыя данныя, корреспондентъ нашъ уже и теперь сообщилъ намъ свѣдѣнія изъ коихъ можно составить себѣ понятіе о нынѣшнемъ состояніи бѣломорской торговли.

Всего *русскихъ* морскихъ купеческихъ судовъ насчитывается въ Бѣломъ Морѣ до *девятисотъ*, цифра, конечно, весьма значительная если принять въ соображеніе тѣ, исчисленные нашимъ корреспондентомъ, разносторонніе препятствія, неудобства и недостатки, съ коими приходится бороться нашему бѣломорскому мореходу. Изъ этихъ девятисотъ судовъ, до *четырехъ сотъ* выходятъ изъ Бѣлаго Моря для плаванія по Ледовитому и Атлантическому Океанамъ, посвящая себя исключительно мѣновой торговлѣ съ Норвегіей, доходя до Тромзэ и Гамерфеста, сбывая тамъ, по преимуществу, зерновой хлѣбъ, лѣсъ и дрова, и пополняя тамъ, по большей части, оказывающійся недостаточнымъ добываемый на нашихъ промыслахъ грузъ рыбы. Но этимъ не ограничивается отважная предпріимчивость нашихъ бѣломорскихъ моряковъ. Не менѣе *двѣнадцати* судовъ нашего Бѣломорскаго торговаго флота ежегодно совершаютъ дальнія плаванія по Атлантическому Океану, доходя до береговъ не только Англіи, но и Португаліи; нѣкоторыя входятъ даже въ Средиземное Море и сбываютъ тамъ свою полярную соленую треску. Независимо отъ этого, каждый годъ нѣсколько бѣломорскихъ судовъ совершаютъ рейсы въ Балтійское Море и Финскій заливъ, и обратно въ Архангельскъ...

Если принять въ соображеніе что эти дальнія плаванія совершаются исключительно на парусныхъ судахъ, а особенно то что только нынѣ,—благодаря просвѣтительному вліянію недавно открытыхъ мореходныхъ школъ и столь ограниченнаго своими матеріальными средствами Архангельскаго отдѣленія Общества для Содѣйствія Русской Торговлѣ,—только нынѣ *начинаютъ* вводиться въ употребленіе у нашихъ бѣломорскихъ мореходовъ считающіеся во всемъ просвѣщенномъ мірѣ *необходимѣйшими* мореходные инструменты, безъ которыхъ невозможно опредѣленіе на картѣ мѣста нахожденія судна въ открытомъ морѣ,—если принять въ соображеніе особенно послѣднее изъ этихъ обстоятельствъ, то нельзя не воздать хвалу отвагѣ этихъ достойныхъ соперниковъ тѣмъ первымъ мореплавателямъ для которыхъ личная доблесть и опытность должна была замѣнять всѣ пособія доставляемыя наукой новѣйшимъ мореходамъ. Нѣтъ сомнѣнія что въ нашихъ бѣломорскихъ мореходахъ обнаруживаются при этихъ условіяхъ вѣрные залоги превосходнаго торговаго флота.

Между тѣмъ, въ настоящее время, на Бѣломъ Морѣ самая значительная часть фрахтовъ, самые прибыльные грузы нахо-

дятся въ рукахъ не русскаго, а иностраннаго мореходства. Всего, круглымъ числомъ, ежегодно приходитъ въ Архангельскъ до *пятисотъ* иностранныхъ кораблей вмѣстимостью до 80.000 ластовъ; отплываютъ они обратно изъ Архангельска, постоянно съ полнымъ грузомъ, по 26 шиллинговъ за ластъ, что̀ уже составляетъ болѣе одного милліона кредитныхъ рублей.

Что касается *привознаю* фрахта, то ограничиваясь одними предметами роскоши и машинами (безпошлинными), онъ едва составляетъ 10% общей сложности *вывознаю* фрахта.

Само собою разумѣется что съ развитіемъ русскаго бѣломорскаго мореходства и соотвѣтствующимъ ему развитіемъ благосостоянія Бѣломорскаго края, всѣ вышеприведенныя цифры будутъ быстро измѣняться въ смыслѣ для насъ благопріятномъ.

Съ открытіемъ на Бѣломорскомъ побережьи мореходныхъ школъ и съ учрежденіемъ въ Архангельскѣ особаго отдѣленія Общества для Содѣйствія Русской Торговлѣ сдѣланъ уже шагъ къ постепенному устраненію неблагопріятной обстановки судоходнаго дѣла.

Школы, несмотря на недавнее ихъ открытіе, отлично привились на Бѣломорскомъ побережьи и благодѣтельное вліяніе ихъ уже выразилось многими интересными фактами, въ подробности исчисленными нашимъ архангельскимъ корреспондентомъ.

Что же касается Архангельскаго отдѣленія Общества для Содѣйствія Русской Торговлѣ, то съ перваго взгляда казалось что учрежденіе это, обстоятельно изучивъ потребности бѣломорской торговли, успѣетъ дать имъ дѣйствительное удовлетвореніе какъ своими матеріальными пособіями, такъ и ходатайствомъ предъ высшими административными сферами. Увы! На дѣлѣ оказалось иначе. Со стороны отдѣленія сдѣлано много, даже *все*, чего можно было ожидать отъ его скудныхъ средствъ. Оно успѣло снабдить многихъ судохозяевъ и шкиперовъ отличными и дешево купленными за границей инструментами; оно содѣйствовало распространенію въ номорскомъ населеніи не только довѣрія къ мореходнымъ школамъ, но и сознанія необходимости для мореходнаго дѣла практическихъ научныхъ свѣдѣній; оно, по мѣрѣ силъ своихъ, снабдило школы столь дорогими у насъ учеными и учебными книгами. Но самый капитальный трудъ его, проектъ устава взаимнаго страхованія бѣломорскихъ судовъ и грузовъ, конечно не по винѣ отдѣленія, до сихъ поръ остается мертвою буквой.

Едва ли есть надобность объяснять кому бы то ни было какое огромное значеніе имѣетъ для мореходнаго дѣла, особенно столь опаснаго какъ бѣломорское, обезпеченіе судохозяевъ и грузоотправителей отъ ежедневно грозящихъ имъ, въ борьбѣ съ суровою полярною стихіей, бѣдствій и потерь. Понятно также что пока въ Архангельскѣ не будетъ учреждено Общества страхованія судовъ и грузовъ, для русскаго бѣломорскаго морехода будетъ немыслима никакая серіозная конкурренція съ застрахованными за границей иностранными судами; не менѣе понятно и то подавляющее матеріальное и нравственное вліяніе, которое должно производить на общее благосостояніе края, на бѣдныхъ поморовъ, на готовность ихъ довѣрять морю свои трудовыя сбереженія—неизбѣжная въ мореходномъ дѣлѣ ежегодная потеря значительныхъ капиталовъ, безо всякой на ежды на возмѣщеніе ихъ. Между тѣмъ, еще въ 1876 году, Архангельскимъ отдѣленіемъ Общества для Содѣйствія Русской Торговлѣ былъ представленъ проектъ устава взаимнаго страхованія бѣломорскихъ судовъ и грузовъ, и до сихъ поръ проектъ этотъ остается безъ послѣдствій.

Корреспондентъ нашъ недоумѣваетъ предъ этимъ фактомъ. Онъ опасается чтобы причиной нерасположенія центральной администраціи къ проекту не оказался испрашиваемый у казны, только *на первое время*, кредитъ во 100.000 рублей на Архангельское отдѣленіе Государственнаго Банка. Но причина побудившая къ этому ходатайству подробно изложена въ представленной вмѣстѣ съ проектомъ объяснительной запискѣ: при нѣкоторыхъ мѣстныхъ предразсудкахъ, особенно же при своекорыстномъ нерасположеніи и недовѣріи къ преуспѣянію русскаго торговаго мореходства со стороны сосредоточившихъ въ рукахъ своихъ главные капиталы Бѣломорскаго края архангельскихъ иностранныхъ торговцевъ, это пособіе во 100.000 руб., по крайней мѣрѣ, на первое время, есть совершенная необходимость. Къ тому же, извѣстно что эта сумма не разъ была обѣщана прежнимъ министромъ финансовъ.

Предъ нашими глазами составленный Архангельскимъ отдѣленіемъ проектъ устава.

При первомъ взглядѣ, встрѣчаемъ мы еще одно обстоятельство, которое могло навлечь на него недовѣріе высшей администраціи. Въ основаніе предлагаемаго учрежденія положена не одна взаимность, но и акціонерное начало, такъ какъ имѣется въ виду выпустить 300 паевъ *денежныхъ* по 50 рублей каждый, *всего на сумму 15.000 рублей*, будто бы „для составленія предварительнаго фонда.“ Этою ничтожною суммой и ограничивается все участіе акціонернаго начала въ этомъ предпріятіи. Самая незначительность этой суммы уже доказываетъ что введеніе въ это предпріятіе акціонернаго начала имѣло цѣлію не столько доставленіе ему капитала, и именно такого который могъ бы служить предметомъ биржевой спекуляціи, какъ удовлетвореніе какой-либо другой потребности этого дѣла. Дѣйствительно, по справкамъ оказывается что безъ этого акціонернаго начала было бы немыслимо устройство правильной администраціи всего этого дѣла, такъ какъ огромное большинство бѣломорскихъ судохозяевъ, состоя изъ государственныхъ крестьянъ, расходится на зиму по деревнямъ, а именно зимой и будетъ предстоять для администраціи этого страховаго учрежденія составленіе отчетовъ и вообще самая трудная канцелярская работа; включеніе же акціонернаго начала, хотя бы и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, въ основаніе этого учрежденія, было единственнымъ средствомъ ввести въ Общество не-судохозяевъ, постоянныхъ жителей Архангельска, которые могли бы посвятить себя и въ зимнее время канцелярской дѣятельности въ правленіи страховаго Общества.

Итакъ, при серіозномъ обсужденіи этого дѣла становится очевиднымъ что оно не могло обойтись ни безъ *временнаго* кредита во 100.000 рублей, ни безъ введенія въ основаніе своей программы акціонернаго начала, какъ разъ настолько чтобы сдѣлать возможнымъ устройство въ немъ постоянной администраціи и правильной отчетности. Возможно ли послѣ этого чтобъ одинъ изъ этихъ фактовъ оказался тѣмъ препятствіемъ которое побудило нашу высшую администрацію оставить безо всякихъ послѣдствій предложенный Архангельскимъ отдѣленіемъ Общества для Содѣйствія Русской Торговлѣ проектъ взаимнаго страхованія бѣломорскихъ судовъ и грузовъ? Намъ сдается скорѣе что проектъ просто залежался въ какой-нибудь канцеляріи. А между тѣмъ эта неудача произвела тягостное впечатлѣніе на людей, которые такъ охотно взялись было за поправленіе нашего бѣломорскаго торговаго флота. Какъ видно изъ послѣдняго отчета Архангельскаго отдѣленія, при основаніи его въ немъ считалось 122 члена; въ настоящее же время, послѣ трехлѣтняго существованія, въ немъ членовъ только 41. Въ продолженіе трехъ лѣтъ оно лишилось 80 слишкомъ членовъ. Потеря огромная, которую само отдѣленіе, въ послѣднемъ отчетѣ своемъ, прямо объясняетъ уныніемъ наведеннымъ на всѣхъ сочувствующихъ нуждамъ нашего сѣвера сознаніемъ невозможности исполнить предпринятую ими задачу, въ виду неуспѣха ихъ ходатайствъ о настоятельныхъ нуждахъ края.

№ 162.

Москва, 26-го Іюня.

На дняхъ желѣзнодорожная коммиссія, предсѣдаемая графомъ Барановымъ, находясь въ Динабургѣ, какъ передаетъ нашъ корреспондентъ, послѣ двухдневнаго засѣданія выяснила мѣры „настоятельно необходимыя для приведенія Петербурго-Варшавской дороги въ возможность удовлетворять требованіямъ безостановочной перевозки войскъ въ военное время.“

Пока, слава Богу, намъ никакая война непосредственно не грозитъ, но — si vis pacem para bellum — мы не должны терять времени на приведеніе въ военную готовность такого важнаго элемента какъ пути сообщенія и особенно такіе какова Варшавская желѣзная дорога.

Наши громадныя разстоянія чрезвычайно увеличиваютъ, сравнительно съ сосѣдями, время необходимое на мобилизацію и сосредоточеніе войскъ на данномъ пунктѣ. Даже при полной исправности и военной готовности нашихъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, мы можемъ сосредоточить войска лишь много позднѣе противника, который всегда будетъ разчитывать воспользоваться этимъ. „Вторженіе въ Россію,“ говоритъ одинъ изъ австрійскихъ военныхъ писателей, „имѣетъ весьма мало „шансовъ успѣха, такъ какъ Россія по „необходимости будетъ держаться старой „системы обороны, самой гибельной для

„противника, клонящейся къ постепенно„му истощенію его силъ.“ Это обусловливается ея пространствомъ, но отсюда же слѣдуетъ и то что „самый драгоцѣнный „шансъ, какой представляется противни„ку, заключается въ затрудненіяхъ Рос„сіи относительно сосредоточенія ея силъ. „Должно напасть неожиданно на невпол„нѣ готовую русскую армію и стараться „нанести ей возможно полное пораженіе, „оттѣснивъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ отъ внут„реннихъ губерній.“

Здѣсь разумѣется нападеніе съ запада, изъ Австріи или изъ Германіи, преимущественно на Привислинскій край, для обороны котораго Петербурго - Варшавская желѣзная дорога имѣетъ хотя не исключительное, но въ высшей степени важное значеніе.

Привислинскій край клиномъ вдается во владѣнія Пруссіи и Австріи и представляетъ собою чрезвычайно важную какъ въ оборонительномъ, такъ и въ наступательномъ отношеніи позицію. Сосредоточеніе тамъ большихъ массъ войскъ препятствуетъ наступленію изъ Австріи съ юга на Волынь и Подолію и изъ Пруссіи въ Прибалтійскій или Сѣверо-Западный край.

Для непосредственной обороны Прибалтійскаго края, Петербурго-Варшавская дорога имѣетъ столь же важное значеніе, особенно въ случаѣ угрозы съ моря. Это лучше всего доказала наша Крымская война, когда для поддержки войскъ у Риги и Ревеля изъ резерва стоявшаго подъ Петербургомъ были устроены перевозочные парки дававшіе возможность ускорить движеніе резервовъ до 50 верстъ въ день. Это ускореніе было ничтожно въ сравненіи со средствами противника, который, обладая паровымъ флотомъ, могъ въ 18—20 часовъ изъ-подъ Кронштадта явиться къ Ревелю, а чрезъ 30 предъ Ригой. Петербурго - Варшавская дорога съ вѣтвями на Ревель, Ригу, Либаву уравновѣшиваетъ средства противниковъ.

Привести Петербурго-Варшавскую дорогу въ такое положеніе чтобъ она могла удовлетворять требованіямъ безостановочной перевозки въ военное время большихъ массъ войскъ необходимо, но еще важнѣе обезпечить возможность пользоваться этою дорогой на всемъ ея протяженіи, что̀ во всякомъ случаѣ не легко, такъ какъ начиная отъ Вильны она слишкомъ близко подходитъ къ границѣ. Такъ отъ Бѣлостока, гдѣ отъ нея отходитъ весьма важная стратегическая вѣтвь къ Брестъ-Литовску, до Прусской границы около 80 верстъ, между тѣмъ какъ до Варшавы 150, а до Бреста около 110. У Вильны разстояніе до Прусской границы около 110 верстъ, то-есть приблизительно то же что̀ и до нашей крѣпости Динабурга. Такимъ образомъ желѣзнодорожная линія у Вильны и Бѣлостока легко можетъ быть прервана непріятелемъ, а между тѣмъ Вильна и Бѣлостокъ суть важные узлы пересѣченія дорогъ. Вильна стоитъ на пересѣченіи пути изъ Петербурга въ Варшаву съ путемъ отъ Либавы и Прусской границы на Минскъ и Бобруйскъ, а отъ Бѣлостока отходитъ путь на Брестъ-Литовскъ. Такое положеніе Петербурго-Варшавской дороги обусловливаетъ двѣ мѣры одинаково важныя. Съ одной стороны, усиленіе до крайняго предѣла военно-перевозочной способности пути Москва - Смоленскъ-Брестъ, а съ другой укрѣпленіе Бѣлостока и Вильны въ такой мѣрѣ чтобы вторженіе на линію Варшавской дороги не могло совершиться безнаказанно. Русская армія, которая справедливо гордится мастерски-задуманною и энергически-исполненною операціей къ Барбошкому мосту въ минувшую кампанію, конечно, не можетъ упустить изъ виду необходимости сооруженій прикрывающихъ важнѣйшій путь сообщенія.

Мы живемъ въ мирѣ съ Германіей и Пруссіей, но это не мѣшало имъ соорудить въ полной готовности цѣлую линію крѣпостей вдоль нашей границы: Кенигсбергъ, Летценъ, Грауденцъ, Торнъ, Познань, Глогау, Бреславль, Козель.

Въ случаѣ войны, опираясь на Торнъ и Кенигсбергъ, Прусаки могли бы двинуть большія массы по правому берегу Вислы и Нарева, и этимъ поставить оборону въ Царствѣ Польскомъ въ затруднительное положеніе, по крайней мѣрѣ на первое время войны, когда перевѣсъ въ силахъ будетъ несомнѣнно на ихъ сторонѣ.

Вся оборона Польши основана на оборонѣ средняго теченія Вислы. Между тѣмъ позиція эта, въ томъ видѣ какъ она создана природой, лишена опоры для фланговъ и легко можетъ быть обойдена. Крѣпости Иванъ-Городъ, Брестъ-Литовскъ и Ново-Георгіевскъ восполняютъ этотъ недостатокъ, но лишь въ томъ случаѣ если противникъ не располагаетъ значитель-

нымъ превосходствомъ въ силахъ. Въ обратномъ же случаѣ, противникъ легко можетъ явиться на одномъ изъ главнѣйшихъ путей сообщенія арміи, даже безъ особаго риска, въ то время когда обороронющая Вислу армія еще не вполнѣ готова для начатія военныхъ дѣйствій.

Иначе становится дѣло когда путь сообщенія привислинской арміи будетъ обезпеченъ сооруженіями способными дать серіозный отпоръ наступающему.

Въ этихъ именно видахъ уже давно идетъ рѣчь о возведеніи долговременныхъ укрѣпленій у Бѣлостока и Вильны. Только съ возведеніемъ ихъ, Варшавская желѣзная дорога получитъ все свое значеніе, и затраты какихъ безъ сомнѣнія потребуетъ приведеніе ея въ полную способность служить къ безостановочной перевозкѣ войскъ въ военное время станутъ дѣйствительно производительными.

И для обороны Прибалтійскаго края Варшавская дорога получитъ совсѣмъ иное значеніе. Теперь она важна какъ путь облегчающій оборону противъ всякаго покушенія съ моря, а не съ сухаго пути. Напротивъ, армія расположенная во фланговой позиціи и опирающаяся на линію крѣпостей отъ Ново-Георгіевска до Динабурга дѣлаетъ сухопутное вторженіе въ Прибалтійскій край съ юго-запада совершенно невозможнымъ.

Возведеніе крѣпостей стóитъ несомнѣнно большихъ денежныхъ затратъ, и въ этомъ дѣлѣ конечно требуется большая осмотрительность. Слѣдуетъ возводить только тѣ постройки необходимость которыхъ почти очевидна. Съ другой стороны, было бы весьма ошибочно, въ видахъ сокращенія расходовъ, отказываться отъ своевременнаго возведенія сооруженій, отсутствіе которыхъ можетъ имѣть въ военное время пагубныя послѣдствія.

№ 163.

Москва, 26-го іюня.

Былъ судъ. Судили въ Тифлисѣ, въ Судебной Палатѣ; обвинялъ, и обвинялъ энергически, редакторъ мѣстной газеты *Обзоръ*, г. Николадзе; обвиняемымъ было Тифлисское цензурное вѣдомство; въ качествѣ прикосновеннаго къ дѣлу привлечено было къ суду управленіе Намѣстника Кавказскаго. Судъ вынесъ обвинительный приговоръ. Восторгъ по его поводу сообщился въ Петербургѣ. „Какая талантливая, глубоко прочувствованная, гуманная рѣчь!“, воскликнулъ одинъ изъ петербургскихъ фельетонистовъ, говоря о рѣшившемъ дѣло обвинительномъ словѣ г. Николадзе, съ паѳосомъ напоминающимъ восторги по поводу осужденія генерала Трепова въ дѣлѣ Вѣры Ивановны Засуличъ. Правда, между дѣлами этими есть нѣкоторая аналогія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь судъ занимался не тѣмъ собственно дѣломъ какое подлежало обсужденію. Въ Тифлисѣ на судъ было принесено неважное обвиненіе въ нарушеніи цензурныхъ правилъ (наказаніе при виновности ограничивается штрафомъ скромныхъ размѣровъ), а судили наши общіе порядки. Что порядки эти въ разныхъ отрасляхъ государственной жизни, съ судомъ включительно, не особенно хороши, въ этомъ можно согласиться; но едва ли въ дѣлѣ былъ достаточный поводъ почтенному учрежденію такъ увлечься краснорѣчіемъ г. Николадзе чтобъ изъ безстрастной и разсудительной Ѳемиды обратиться въ необдуманную общественную Немезиду новаго рода.

Дѣло поступившее на судъ было таково. Редакторъ Тифлисской газеты *Обзоръ* (газеты въ провинціяхъ, какъ извѣстно, подлежатъ цензурѣ) былъ недоволенъ цензорскими помарками и воевалъ съ цензоромъ. Изъ обстоятельствъ дѣла не видно чтобы со стороны цензора была какая-либо придирчивость или личные счеты съ редакторомъ. Цензоръ, повидимому, дѣйствовалъ только чтобы самому не быть въ отвѣтѣ. А въ отвѣтъ попасть было не трудно, ибо г. Николадзе, какъ самъ объяснилъ на судѣ, хотѣлъ изданіемъ своей газеты испытать до какой грани можетъ идти у насъ свобода „легальной оппозиціи“ существующему порядку. Въ этихъ видахъ онъ примкнулъ къ „крайнимъ“ органамъ столичной печати. Цензоръ принялъ оборонительное положеніе, редакторъ рѣшительно наступательное. Цензоръ вычеркнетъ, редакторъ напечатаетъ; цензоръ колеблется, редакторъ ночью отправляется на его квартиру и, какъ свидѣтельствуетъ на судѣ товарищъ прокурора, „выламываетъ двери и выбиваетъ окна:“ цензоръ уступаетъ. Не рѣшился цензоръ пропустить извѣстіе будто подрядчики поднесли „подарокъ“ генералу завѣдующему ин-

тендантствомъ въ Тифлисѣ, г. Николадзе все-таки ставитъ „извѣстіе“ въ газету, и непропускъ такого „невиннаго“ извѣстія фигурируетъ нынѣ на судѣ какъ одно изъ главныхъ обвиненій цензора въ невыносимомъ угнетеніи провинціальной печати и въ погруженіи тифлисскаго общества „во тьму кромѣшную.“ Что опасенія поставленнаго между двухъ огней цензора были не безъ основанія видно уже изъ того что нынѣ Тифлисское интендантское вѣдомство вошло куда слѣдуетъ съ жалобой на цензоровъ за пропускъ какихъ-то статей о дѣйствіяхъ этого вѣдомства. Взмолилось цензурное управленіе; приняты мѣры какого-то двойственнаго характера: за кулисами полиція приставленная къ типографіи, конфискующая, какъ показываетъ г. Николадзе, „подписанные цензурою листы,“ арестующая „послѣдній нумеръ *Обзора*, хотя онъ цѣликомъ былъ дозволенъ цензурой; предъ публикой гласное разбирательство по незначительному обвиненію, на основаніи 1.029 ст. Улож. о Наказ., о напечатаніи (по недосмотру, напримѣръ) зачеркнутыхъ цензоромъ словъ, когда въ этихъ словахъ ничего недозволительнаго не заключается. Дѣло разсматривается въ Окружномъ Судѣ. Судъ убѣжденный смѣлою аргументаціей г. Николадзе признаетъ вмѣстѣ съ нимъ что цензоръ просматривавшій *Обзоръ* есть цензоръ-самозванецъ, такъ какъ по уставу въ Тифлисѣ должны быть два цензора, одинъ для изданій на восточныхъ языкахъ, другой для русскихъ, а между тѣмъ должность русскаго цензора не замѣщена и исправленіе его должности поручено цензору восточныхъ языковъ, что̀, по мнѣнію г. Николадзе и суда, незаконно и освобождаетъ редактора отъ подчиненія помаркамъ самозванца. Прокуроръ протестуетъ противъ вынесеннаго судомъ оправдательнаго приговора и переноситъ дѣло въ Палату. Палата, выслушавъ такъ восхитившую *Голосъ* горячую рѣчь г. Николадзе о легальной, а если не помогаетъ, то и насильственной борьбѣ со властію, сугубо его оправдываетъ, приведя даже *Голосъ* въ нѣкоторое недоумѣніе. Для недоумѣній, дѣйствительно, есть поводы. Еслибы требовалось вести дѣло такъ чтобы власть явилась компрометтированною, а бойкому борцу доставленъ случай, ничѣмъ не рискуя, порисоваться въ одѣяніи служителя свободнаго слова и явиться смѣлымъ обличителемъ стѣсненій, то нельзя было выбрать процедуры лучше тифлисской. Странныя дѣла у насъ дѣлаются,—да и на окраинахъ ли только? Точно все изъ рукъ валится...

Процессъ во всякомъ случаѣ весьма поучителенъ. Сталкиваются двѣ повидимому далеко не равныя силы—власть и „оппозиція,“ какъ характеризуетъ г. Николадзе сторону къ какой объявляетъ себя принадлежащимъ: власть въ образѣ цензурнаго вѣдомства, мѣстнаго управленія и самого суда какъ государственнаго учрежденія; оппозиція въ образѣ бойкаго редактора провинціальной газеты. Власти всунуты въ руки всякаго сорта орудія, и копье, и мечъ и щитъ; кажется трудно ей повернуться въ доспѣхахъ своихъ чтобы кого-нибудь не задѣть; съ другой стороны, оппозиція, безоружная, не прикрытая, безгласная, скованная, какъ выражается г. Николадзе. И что̀ же? Слабѣйшая сторона гордо поднимаетъ голову, держитъ громкую и твердую рѣчь, въ конецъ загоняетъ противника и выходитъ увѣнчанная побѣдой. А власть, о силѣ и произволѣ которой отъ господина же Николадзе можно было услыхать столько ужасовъ, какъ-то жалобно присѣла запутавшись въ собственномъ вооруженіи.

Только начался судъ, г. Николадзе имъ уже овладѣваетъ. Вводятъ свидѣтеля Пудцоладзе, предсѣдателя цензурнаго комитета въ Тифлисѣ. Что̀ у васъ тамъ такое творится? спрашиваетъ г. Ноколадзе. „Имѣли ли вы право дѣлать такое распоряженіе (поручить цензурованіе *Обзора* цензору восточныхъ языковъ)?.. Какъ полагаете въ случаѣ еслибы сегодня для производства суда надо мною, г. старшій предсѣдатель Тифлисской палаты, за неимѣніемъ необходимаго числа членовъ палаты, распорядился посадить въ числѣ судей какого-нибудь секретаря палаты или товарища прокурора... обязанъ ли былъ бы я подчиниться приговору такого состава.“—„Г. Николадзе, замѣчаетъ свидѣтель, знаетъ что у насъ не было цензора русскаго языка и что Великій Князь повелѣлъ временно поручить кому-нибудь исполненіе этой обязанности.“—„Да развѣ, восклицаетъ г. Николадзе, могутъ законы Россійской Имперіи и надлежащимъ образомъ обнародованныя Высочайшія повелѣнія быть отмѣняемы распоряженіями Намѣстника Кавказскаго или начальника его Главнаго Управленія, а тѣмъ болѣе словесными при-

казаніями?“ „Гдѣ это видано (дополняетъ г. Николадзе свой запросъ въ защитительной рѣчи) чтобъ отъ такихъ распоряженій не оставалось письменныхъ слѣдовъ и гдѣ, въ какомъ вѣдомствѣ, допускается такая халатность отношеній?“ Предсѣдатель пробуетъ вставить свое слово, но г. Николадзе неудержимъ, онъ продолжаетъ допросъ свидѣтеля поставляя ему на видъ разныя упущенія. Предсѣдатель рѣшается наконецъ высказать скромное предположеніе. „Я полагаю, замѣчаетъ онъ, что всѣ эти пререканія обвиняемаго со свидѣтелемъ къ дѣлу нисколько не относятся.“ Приступили къ судебнымъ преніямъ. Послѣ рѣчи товарища прокурора, съ защитительнымъ словомъ выступилъ самъ г. Николадзе. Въ этомъ словѣ главная суть процесса. Это не столько защитительная рѣчь по неважному обвиненію сколько въ нѣкоторомъ родѣ манифестъ. Г. Николадзе вполнѣ откровенно объясняетъ исторію и характеръ своей дѣятельности. „Уже десять лѣтъ назадъ, говоритъ онъ, я задалъ себѣ цѣль — испробовать собственнымъ опытомъ, и испробовать честно, искренно, въ какой мѣрѣ возможно у насъ, въ Россіи, примирить интересы желательнаго и необходимаго общественнаго прогресса съ требованіями легальности, то-есть въ какой мѣрѣ наши законы, обычаи и порядки допускаютъ заботы (чьи) объ общественномъ развитіи. Съ этою цѣлью я рѣшился исчерпать все что̀ наши законы дозволяютъ оппозиціи, разумѣется легальной. Съ душевнымъ прискорбіемъ приходится мнѣ заявить теперь что десятилѣтній мой опытъ не оправдалъ надеждъ и иллюзій друзей спокойнаго и мирнаго совершенствованія общества.“ Мирное и спокойное совершенствованіе при нашихъ порядкахъ оказывается невозможнымъ, остается прогрессъ не мирными и не спокойными средствами. Дипломатическіе переговоры прерваны, приходится объявить войну. Съ своей стороны, г. Николадзе, оставивъ безполезный путь легальности, сдѣлалъ по отношенію къ Тифлисской цензурѣ опытъ, и надо сказать удачный, не мирнаго прогресса. Дѣйствія свои онъ самъ охотно признаетъ „самоуправствомъ,“ но прибавляетъ что на самоуправство это „не зря рѣшился.“ „Я согласенъ, говоритъ онъ, что ночныя нападенія неодобрительны и некрасивы. Но развѣ не ночью нападала на меня цензура насильно отбирая въ типографіи въ 5—6 часовъ пополуночи уже подписанные ею цензурные листы, когда нумеръ газеты печатался во всемъ согласно съ ея помарками? А это случалось не разъ и не два. Не ночью развѣ напали на меня полицейскіе, когда они пришли въ типографію арестовать послѣдній нумеръ газеты *Обзоръ* цѣликомъ дозволенный цензурой? Насиліе за насиліе, произволъ за произволъ.“ Въ виду объявленія такого воинственнаго характера уже нѣкоторымъ анахронизмомъ и несообразностію является благоразумный рецептъ предлагаемый г. Николадзе для того чтобы былъ въ государствѣ возможенъ мирный прогрессъ. „Во всякомъ обществѣ, господа, говоритъ онъ, на ряду съ довольными и счастливыми членами имѣются и недовольные, обездоленные, находятся люди стремящіеся къ лучшимъ порядкамъ и судьбамъ. Мыслимъ ли былъ бы общественный прогрессъ безъ существованія такихъ элементовъ? Для мирнаго развитія страны желательно и необходимо чтобъ эти элементы имѣли возможность проявлять свои стремленія и доказывать свои убѣжденія. Когда элементы эти находятъ въ свободной печати возможность пропагандировать свои мысли и стремленія, въ нихъ оживаетъ надежда на будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается и терпѣливость; они убѣждаются что сразу всего не передѣлаешь, что всѣхъ сразу не убѣдишь и ждутъ десятки лѣтъ не бросаясь въ крайности и не компрометтируя выходками кропотливаго труда времени. Но когда эти жизненные элементы поневолѣ убѣждаются что имъ не оставлено ни малѣйшаго мѣста на аренѣ открытой и легальной борьбы за убѣжденія, куда же вы прикажете имъ дѣться какъ не въ область подпольной дѣятельности, для всѣхъ такъ нежелательной?“ Такъ какъ дѣло идетъ не объ отвлеченномъ какомъ государствѣ, для котораго проектируется наилучшее устройство, и всякій понимаетъ о какихъ нашихъ „недовольныхъ“ и „подпольныхъ“ жизненныхъ элементахъ идетъ рѣчь, то едва ли совѣтъ г. Николадзе можно счесть достаточно практическимъ. Да и сулитъ онъ не особыя блага. Дайте *имъ* свободу *доказывать*, и они, видите ли, будутъ терпѣливѣе, перестанутъ компрометтировать „дѣло“ выходками и на нѣсколько лѣтъ отложатъ операціи давъ времени сдѣлать свою работу. Въ заключеніе г. Николадзе приглашаетъ судъ послѣ-

довать за нимъ на путь избранный имъ послѣ десятилѣтняго опыта „легальной борьбы,“ на путь незаконнаго и самоуправнаго дѣйствія дать оправдательнымъ приговоромъ хорошій щелчокъ администраціи и тѣмъ сдѣлать „шагъ къ освобожденію провинціальной печати.“ Товарищу прокурора онъ дѣлаетъ хорошую нотацію. „Не знаю, говорилъ онъ, кто выигрываетъ въ той кромѣшной тьмѣ которую водворила надъ нами цензура. Но достойно сожалѣнія что одинъ изъ представителей гласнаго суда, г. товарищъ прокурора судебной палаты, въ виду этой борьбы и этого положенія дѣла, забывая традиціи гласности и гласнаго суда, такъ рѣшительно (надо замѣтить что рѣчь товарища прокурора была самая спокойная и скромная, и предлагалъ онъ присудить г. Николадзе къ штрафу въ 25 руб.) становится на сторону тѣхъ кто умерщвляетъ литературу отдавая ее скованною въ распоряженіе гг. Меликъ-Меграбовыхъ, Гордзіевскихъ и К° (несчастные тифлисскіе цензоры). Я убѣжденъ что не такъ отнесетесь къ дѣлу вы, господа судьи. Въ окружномъ судѣ я просилъ вынести мнѣ оправдательный приговоръ, въ которомъ я видѣлъ первый шагъ къ освобожденію провинціальной печати. Съ тою же самою просьбой и надеждой обращаюсь я теперь къ вамъ, прося утвердить вашимъ авторитетомъ оправдательный приговоръ вынесенный мнѣ окружнымъ судомъ.“ Судъ уважилъ просьбу г. Николадзе.

№ 164.

Москва, 27-го Іюня.

А.

Берлинскія газеты принесли намъ подробности о вторично разбиравшемся 3 іюля предъ тамошнимъ апелляціоннымъ трибуналомъ дѣлѣ отставнаго полковника гвардіи Базилевича. Въ Берлинѣ были не менѣе заинтересованы этимъ процессомъ чѣмъ въ Россіи. Еще наканунѣ были разобраны всѣ билеты на мѣста для публики въ залѣ суда. При разбирательствѣ присутствовало не мало представителей высшаго берлинскаго общества и дипломатіи. Самъ обвиняемый явился въ залу суда въ сопровожденіи старшаго совѣтника русскаго посольства въ Берлинѣ, г. Арапова.

Читатели наши вѣроятно не забыли содержанія этого казуснаго дѣла. Полковникъ Базилевичъ обвинялся въ похищеніи изъ кармана пальто одной берлинской „дамы“ портмоне гдѣ находилась одна марка, то-есть 30 копѣекъ на наши деньги. Совершилось это преступленіе въ Паноптикумѣ, и притомъ вслѣдствіе „предварительнаго соглашенія“. Но соглашеніе было дѣломъ не совершившаго преступленія, а „потерпѣвшей“ отъ онаго, дѣвицы Кобельтъ, съ содержателемъ Паноптикума и еще двумя личностями. Они будто бы сговорились между собою предать въ руки правосудія русскаго полковника по его наклонности къ карманному воровству которая была ими подмѣчена, и съ этою цѣлію распредѣлили между собою роли такимъ образомъ что Кобельтъ положила въ одинъ изъ своихъ наружныхъ кармановъ портмоне, а другіе стали подсматривать что̀ изъ этого выйдетъ. Русскій гвардейскій полковникъ не замедлилъ де попасть въ эту ловушку почтенныхъ берлинскихъ гражданъ, движимыхъ безкорыстною ревностью къ правосудію, и „преступникъ“ былъ ими задержанъ немедленно послѣ того какъ онъ на ихъ глазахъ запустилъ руку въ карманъ мнимой жертвы преступленія. Тщетны были всѣ протестаціи г. Базилевича, который первоначально думалъ, будучи окруженъ темными личностями безцеремонно наложившими на него руку, что на него среди бѣлаго дня и въ столицѣ Германской имперіи напали грабители. Когда же къ вящему своему ужасу онъ узналъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ настоятельно требовать чтобъ его обыскали тутъ же на мѣстѣ. Но полицейскіе чины подоспѣвшіе на помощь упомянутыхъ добровольныхъ изобличителей его преступныхъ наклонностей, не рѣшились собственною властью преступить къ такому „слѣдственному дѣйствію“, а препроводили преступника въ ближайшій полицейскій участокъ, удостовѣривъ впрочемъ въ послѣдствіи предъ судомъ что они все время зорко слѣдили за арестованнымъ и что онъ не *имѣлъ никакой возможности* выбросить что-либо такъ чтобъ они этого не замѣтили. Будучи доставленъ въ участокъ г. Базилевичъ снова настаивалъ чтобъ его обыскали. Но и полицейскій инспекторъ *изъ деликатности* на это не рѣшался узнавъ кто такой обвиняемый, который въ удостовѣреніе своей личности сослался между прочимъ на ближайшаго

лейбъ-медика императора Вильгельма, подтвердившаго что онъ знаетъ г. Базилевича 19 лѣтъ какъ человѣка принадлежащаго къ высшимъ кругамъ общества, съ большимъ состояніемъ и безупречною репутаціей. Главный начальникъ берлинской полиціи, г. Мадаи, какъ показалъ предъ апелляціоннымъ судомъ г. Базилевичъ, также принялъ въ немъ „на словахъ" живѣйшее участіе, и пожимая ему руки въ присутствіи многихъ лицъ находившихся въ его пріемной залѣ, увѣрилъ г. Базилевича что, хотя онъ, г. Мадаи, уѣзжаетъ въ отпускъ, но онъ передастъ своему преемнику заботу о полномъ разъясненіи этого дѣла. Разбирательство въ аппелляціонномъ судѣ доказало, какъ увидимъ ниже, что въ рукахъ берлинской полиціи дѣйствительно были всѣ средства разоблачить ту гнусную махинацію жертвой которой сталъ г. Базилевичъ. Но въ первой инстанціи суда ничего со стороны полиціи не было сдѣлано. Полицейскіе агенты присутствовавшіе при задержаніи г. Базилевича дали уклончивыя показанія. Тѣмъ усерднѣе изобличала его честная компанія которая противъ него сговорилась. Результатъ перваго разбирательства извѣстенъ. Коллегіальный судъ первой инстанціи призналъ г. Базилевича виновнымъ въ карманной кражѣ одной имперской марки и приговорилъ его къ тюремному заключенію на три мѣсяца, согласившись оставить осужденнаго на свободѣ лишь по представленіи имъ денежнаго залога въ 30.000 марокъ. Соображенія на которыхъ основанъ былъ этотъ поистинѣ ужасный приговоръ берлинскихъ судей стали лишь теперь извѣстны. Судъ разсуждаетъ что показанія свидѣтелей, видѣвшихъ движеніе руки г. Базилевича въ направленіи къ карману дѣвицы Кобельтъ, представляются ему вполнѣ правдивыми; а то что поличнаго не оказалось въ рукахъ обвиняемаго объясняется де малымъ объемомъ похищеннаго портмоне. „По симъ соображеніямъ", сказано буквально въ рѣшеніи, „судъ пришелъ къ „полному убѣжденію въ виновности обвиняемаго, хотя возможность совершенія подобнаго преступленія лицомъ находящимся въ положеніи обвиняемаго *представляется и для суда неразрѣшимою психологическою задачей.*"

Неразрѣшимою задачей представляется подобный судебный приговоръ постановленный берлинскими судьями. Это не мы только говоримъ. Это высказалъ и прокуроръ г. Фейге, дававшій заключеніе предъ аппелляціоннымъ судомъ и высказавшійся съ настойчивостью за оправданіе обвиняемаго. Но само по себѣ обвиненіе взведенное противъ г. Базилевича какъ нельзя яснѣе раскрыто теперь предъ судомъ, и въ этомъ отношеніи никакихъ „не разрѣшимыхъ вопросовъ" не осталось. Карманные воры, дѣйствовавшіе по предварительному между собою уговору, оказались; это была сама мнимообворованная Кобельтъ, проститутка $14\frac{1}{2}$ лѣтъ, уже два года занимающаяся этимъ промысломъ, ея почтенная мать и тѣ два свидѣтеля-очевидца относительно правдивости которыхъ судъ первой инстанціи не допустилъ никакого сомнѣнія. Одинъ изъ этихъ „достовѣрныхъ лжесвидѣтелей," карманный воръ, самъ вытащилъ изъ кармана Кобельтъ портмоне положенное туда съ цѣлью изловленія на воровствѣ русскаго гвардейскаго офицера. Такъ показала на судѣ второй инстанціи свидѣтельница видѣвшая этотъ маневръ. Но любопытнѣе и важнѣе всего то что доказать принадлежность обвинителей г. Базилевича къ шайкѣ карманныхъ воровъ взяли на себя агенты берлинской полиціи, и вполнѣ это доказали, изъ чего позволительно заключить что берлинскій оберъ-полицеймейстеръ г. Мадаи дѣйствительно обладалъ всѣми средствами избавить г. Базилевича отъ позора который палъ на него при первомъ разбирательствѣ, вслѣдствіе „психологическаго" приговора суда первой инстанціи. Почему же полиція не подѣлилась своими свѣдѣніями объ „обвинителяхъ" и съ первою инстанціей суда?

Неужели берлинская полиція такъ равнодушно относится къ продѣлкамъ *своихъ* карманныхъ воровъ и допускаетъ ихъ не только свободно практиковать свое ремесло въ публичныхъ мѣстахъ Берлина, но и устраивать ловушки для честныхъ людей?

Или же подобную небрежность слѣдуетъ приписать лишь тому обстоятельству что жертвой такой продѣлки сдѣлался русскій полковникъ?

Б.

Дѣятельное участіе принятое Франціей въ дѣлахъ европейской политики, послѣ продолжительнаго бездѣйствія, возобновило нѣкоторый интересъ къ французскимъ дѣламъ, а неожиданно случившаяся тра-

гическая смерть принца Лудовика-Наполеона дала поводъ къ новымъ толкамъ о безконечномъ вопросѣ касательно формы правительства въ этой странѣ. Вся иностранная печать съ обиліемъ расточала по этому поводу совѣты, предположенія, предсказанія. На первое время никто не могъ отрицать что событіе это облегчало положеніе нынѣшняго республиканскаго правительства; были охотники утверждать что устраненіе одной изъ враждебныхъ ему партій поведетъ наконецъ со временемъ къ прочному и безспорному утвержденію республики во Франціи. Другіе, напротивъ, находили возможнымъ что крушеніе имперіалистскихъ надеждъ заставитъ поневолѣ консервативовъ и монархистовъ всякихъ оттѣнковъ возвратиться къ идеѣ законной монархіи. Но для легитимистовъ едва ли встрѣтится болѣе удобная минута какъ при выборахъ въ 1871 году послѣ страшнаго погрома войны; этою минутой они не сумѣли или не смогли воспользоваться. Съ каждымъ годомъ обнаруживалось все очевиднѣе что единственными серіозными соперниками могутъ быть республика и имперія. Первая находится во власти, но слабость ея въ томъ что республиканская партія не составляетъ чего-либо цѣльнаго, тогда какъ имперія, представляемая бонапартизмомъ, выражаетъ ясную и опредѣленную идею. Что касается бонапартистовъ, то они понесли жестокій ударъ, который тѣмъ чувствительнѣе для нихъ въ минуту когда они, въ парламентской борьбѣ по поводу закона Ферри о высшемъ преподаваніи, тѣсно связанномъ съ вопросами религіи, готовились выступить съ небывалою смѣлостью и энергіей, какъ бы сознавая свои окрѣпшія силы. Теперь кончина молодаго принца оставила партію безъ главы. Что̀ бы ни говорили о завѣщаніи принца въ пользу двоюроднаго брата Виктора-Наполеона, старшаго сына принца Наполеона, невозможно отстранить вовсе права его отца, извѣстнаго принца *Plon-Plon*, а самъ онъ, по общему признанію, претендентъ невозможный. Такимъ образомъ, партіи грозитъ или расколъ, или долгій параличъ. Однако, справедливо припомнить что и послѣ реставраціи 1815 года надежды бонапартистовъ были отнюдь не лучше, и что самъ покойный императоръ, пока былъ претендентомъ, долгое время имѣлъ весьма не лестную репутацію.

Едва ли не ближе всѣхъ другихъ къ истинѣ мѣткое сужденіе высказанное въ послѣднемъ нумерѣ лондонскаго *Economist*. Онъ замѣчаетъ что великія партіи рѣдко рушатся со смертью отдѣльной личности. А въ основѣ имперіалистской идеи лежитъ де весьма укоренившееся въ демократической Франціи сознаніе потребности болѣе сильнаго и простѣйшаго правительственнаго орудія чѣмъ парламентская форма, то-есть что для націи лучше и удобнѣе говорить и дѣйствовать чрезъ представительное лицо, будь оно императоръ или диктаторъ, чѣмъ чрезъ представительное собраніе. Съ этой точки зрѣнія, идея имперіализма отнюдь не связана съ однимъ семействомъ, и даже крушеніе бонапартистскихъ надеждъ скорѣе облегчитъ выборъ новаго цезаря, если что-либо побудитъ націю искать таковаго, такъ какъ открывается безграничный просторъ честолюбію другихъ. „Бонапартизмъ можетъ быть и парализованъ смертью принца Лудовика“, заключаетъ *Economist*, „но ошибочно думать что цезаризмъ сталъ вслѣдствіе этого невозможенъ.“

Находятъ также что смерть императорскаго принца не только не уменьшила, а скорѣе увеличила опасности для республики которыя болѣе всего кроются въ нѣдрахъ самихъ ея приверженцевъ, въ раздорѣ доходящемъ до ожесточенной вражды. Только страхъ предъ бонапартизмомъ нѣсколько сдерживалъ эту вражду, и теперь, когда страхъ этотъ ослабѣлъ, *Economist* предвидитъ даже возможность междуусобной войны...

№ 165.

Москва, 28-го іюня.

Экспедиція генерала Лазарева вступила уже въ глубь за-Каспійскихъ степей и вѣроятно уже проникла теперь въ полосу текинскихъ поселковъ которая тянется отъ верховьевъ Атрека къ Мерву, вдоль сѣвернаго склона горъ окаймляющихъ пустыню Кара-Кумъ. Надъ этою экспедиціей ломаютъ себѣ голову въ Европѣ. Что̀ за цѣль этого похода? Для чего эта небывалая въ нашихъ среднеазіятскихъ войскахъ численность отряда, отъ 20 до 30 тысячъ, въ который вошли еще отборныя кавказскія войска, и гренадеры, и драгуны? Чи-

сленность отряда и громадныя тяжести которыя слѣдуютъ съ нимъ даютъ догадываться что русскія войска пойдутъ такъ-называемымъ этапнымъ порядкомъ, залагая укрѣпленія по пути, какъ шелъ въ первый разъ Маркозовъ къ Хивѣ, когда былъ остановленъ у самой границы Хивинскаго оазиса приказаніемъ: „въ Хиву не ходить.“ Это было за два года до экспедиціи въ Хиву. Этапнымъ порядкомъ ходятъ лишь въ далекій путь, когда нуждаются въ обезпеченіи сообщеній. Догадываются что генералъ Лазаревъ имѣетъ въ виду пройти всѣ текинскія кочевья, а конецъ имъ Мервъ. Среднеазіятскіе походы не могутъ быть заранѣе строго ограничены извѣстнымъ райономъ; часто вынуждаютъ они къ неожиданнымъ движеніямъ и занятіямъ. Не знаемъ въ какой мѣрѣ вѣрны догадки иностранной печати о конечной цѣли похода Лазарева, но куріозно что протестъ противъ возможной случайности занятія Мерва раздался прежде всего въ русской печати. Петербургская газета, о которой мы говоримъ, знаетъ что въ Россіи много невоздѣланныхъ земель, а потому зачѣмъ намъ Мервъ? Она утѣшается тѣмъ что англійская печать не ворчитъ на насъ за походъ Лазарева; это де значитъ что Мерва мы ни въ какое случаѣ не займемъ. Петербургскій публицистъ, повидимому, полагаетъ что пока не будетъ осушено и обработано послѣднее болото подъ Петербургомъ до тѣхъ поръ мы должны бросить всѣ интересы Россіи.

Такъ ли смотрѣлъ на наши интересы въ Средней Азіи великій основатель Петербурга, стóитъ вспомнить его заботы о поворотѣ Аму-Дарьи къ Каспію...

Мы получили на дняхъ изданную въ Самарѣ брошюру *Аму и Узбой*, которая украшена превосходнымъ снимкомъ съ портрета Петра Великаго писаннаго въ годъ Хивинской экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго (1717). Въ этой замѣчательной брошюрѣ мы нашли, между прочимъ, очеркъ тѣхъ настойчивыхъ усилій съ которыми Петръ Великій до конца жизни добивался открытія большаго воднаго пути въ Среднюю Азію, то-есть поворота Аму-Дарьи въ старое Каспійское русло. Всѣмъ извѣстна печальная судьба экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго отправленнаго для „открытія“ Аму-Дарьи, но „гибель Черкасскаго,“ говоритъ авторъ брошюры, не разстроила видовъ Петра на Аму-Дарью и не охладила государя въ разысканіи торговаго пути на Востокъ.

Въ 1718 году, морякъ князь Урусовъ посланъ „ѣхать до того мѣста гдѣ будто бывалъ протокъ Аму-Дарьи рѣки... осмотрѣть оную протоку и буде есть прямой знакъ протоки что бывала рѣка, ѣхать пока оной начало сыщешь.“

Въ 1719 году, Лихареву, отправленному чрезъ Сибирь къ Яркенду, приказано „провѣдывать нѣтъ ли вершинъ какихъ рѣкъ, которыя впали въ Дарью рѣку или въ Аральское море.“

Въ томъ же духѣ поручалось дѣйствовать и Артемію Волынскому, отправленному посломъ въ Персію (1715) и Флоріо Беневени, посланному въ Бухару (1719).

„Присматривать прилежно и искусно провѣдывать, сказано въ наставленіи Волынскому, какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море.“

Беневени изъ Бухары писалъ государю (1722): „Рѣка Аму въ старые годы заподлинно въ Каспійское море текла, но не вся, токмо половина, а для которой причины отведена вода и такъ крѣпко запруженъ протокъ, никто о томъ вѣрно донести не можетъ.“ Гонецъ его Николо Миньеръ, посланный въ Москву, между прочимъ въ сенатѣ разсказывалъ что „изъ Каспійскаго моря до той рѣки хотя и бывалъ путь, токмо нынѣ пресѣкли тотъ путь Хивинцы.“

Петру не удалось повернуть Аму-Дарью въ Каспій и проложить водяной путь на на Востокъ. Но онъ до конца жизни не переставалъ разыскивать пути для среднеазіятской торговли.

Мурза Тевкелевъ, царскій переводчикъ въ персидскомъ походѣ (1722), говоритъ: „Государь будучи въ Астрахани чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться что хотя де Киргизъ-Кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо де ко всѣмъ азіятскимъ странамъ оная орда ключъ и врата.“

Другой близкій къ Петру человѣкъ, Кирилловъ, основатель Оренбурга, свидѣтельствуетъ (1734): „Отворенія свободнаго съ товарами пути въ Бухары, Бадакшанъ, Балхъ и Индію императоръ Петръ Великій весьма домогался, не жалѣя ни казны, ни людей.“

Во время персидскаго похода (1722), Петръ сказалъ моряку Соймонову: „Отъ Астрабада до Балха и Бадакшана только двѣнадцать дней ходу, а тамъ, во всей Бухаріи, середина всѣхъ восточныхъ коммерцій и тому пути никто помѣшать не можетъ“

Вотъ почему Петръ желалъ покорить Хиву и Бухару, и лично предводя войсками отнялъ у Персіи прикаспійскія области.

На этомъ онъ не остановился, и въ послѣдній годъ своего царствованія думалъ окончательно подчинить Персію.

Дѣйствительно, необъятны были бы послѣдствія для Россіи еслибъ обширный и смѣлый замыселъ Петра былъ приведенъ въ исполненіе. Являлся величественный, непрерывный, внутренній водный путь, не имѣющій себѣ подобнаго на земномъ шарѣ. Срединою своею пролегая чрезъ Россію, онъ соединилъ бы преддверія Индіи и Китая со всею Европой.

Но мысль Петра Великаго никогда не пропадала въ русскомъ обществѣ.

Мы читаемъ въ брошюрѣ *Аму и Узбой* слѣдующій сводъ мнѣній о значеніи Аму:

Немедленно по заложеніи Оренбурга (1735), Кирилловъ составилъ проектъ объ открытіи сношеній Россіи чрезъ Аралъ и Аму съ Индіей.

Н. Муравьевъ (Карскій), посланный въ Хиву и Туркменію (1822), представилъ Ермолову соображеніе о необходимости завоеванія Хивы, вслѣдствіе чего „торговые пути учинились бы чрезъ Индусъ и Аму-Дарью въ Россію и вся азійская торговля и даже индійская могла бы обратиться чрезъ Хиву на Астрахань.“ „Островъ сей, посреди песчанаго океана, писалъ онъ о Хивѣ, сдѣлался бы средоточіемъ всей азійской торговли и поколебалъ бы сильно торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи.“ Мнѣніе это было поддержано Ермоловымъ въ письмѣ его къ государственному канцлеру графу Нессельроде.

Платонъ Голубковъ (1847), предлагая составить русско-среднеазіятское товарищество, подобное знаменитой Англо-Остъ-Индской компаніи, указывалъ на Аму какъ на надежный и выгодный путь для торговли со Среднею Азіей и Индіей. Въ послѣдствіи (1863), съ такимъ же предложеніемъ выступилъ Хрулевъ, одинъ изъ памятныхъ защитниковъ Севастополя.

Первый русскій изслѣдователь Аму-Дарьинской дельты, Алексѣй Бутаковъ, въ донесеніи генералъ-адмиралу (1859), писалъ: „Я совершенно убѣжденъ что еслибы мы владѣли Хивинскимъ ханствомъ, то конечно имѣли бы всегда возможность управлять водами Аму-Дарьи, для поддержанія на ней судоходства и водянаго сообщенія.“

Не терялась также надежда повернуть Аму къ Каспію. Бланкеннагель, говоритъ авторъ брошюры *Аму и Узбой*, первый со временъ Петра напомнилъ о возможности поворота Аму къ Каспію (1794):

„Впадалъ въ Каспійское море рукавъ рѣки Аминь-Дарьи, котораго постель я самъ ясно видѣлъ и переѣзжалъ. Мѣсто, гдѣ рукавъ сей протекаетъ изъ Аминь-Дарьи и гдѣ его Осбеки плотиною заклали, лежитъ отъ Хивы въ 35 верстахъ... Земля по обѣимъ сторонамъ Аминь-Дарьи была прежде обитаема и вчетверо больше заселена нежели нынѣ. Цѣлые города и села, гораздо лучшаго построенія нежели нынѣшніе, стоятъ пустыми... Рукаву Аминь-Дарьи, впадавшему прежде въ Каспійское море и загражденному Осбеками плотиною, дать прежній токъ можно, какъ увѣряли меня, въ 30 дней, употребя на работу сію не болѣе 500 человѣкъ. Рукавъ сей, по открытіи своемъ, доставитъ торговлѣ русской величайшія выгоды. Посредствомъ онаго, съ малыми издержками, доставлять могутъ изъ Астрахани всякіе товары въ Хиву, Бухарію и Бадакшанъ, который городъ близь Индіи.“

Величко, изучавшій Хиву по распросамъ (1803), полагалъ что нѣсколькихъ тысячъ русскаго войска совершенно достаточно чтобы заставить Хивинцевъ снова открыть теченіе Аму въ Каспій.

Когда императоръ Николай рѣшилъ военный поискъ на Хиву (1839), Императорская Академія Наукъ, предлагая одновременное снаряженіе ученой экспедиціи для изученія арало-каспійской низменности, высказала военному министру графу Чернышеву слѣдующее мнѣніе:

„Со времени неудачной экспедиціи Черкасскаго, прежнее теченіе Аму сдѣлалось предметомъ общихъ догадокъ и толковъ. Но съ тѣхъ поръ не совершено ничего для собранія объ этомъ вопросѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Разысканія же сіи ученый свѣтъ въ правѣ ожидать отъ Россіи... Отнюдь не осмѣливаясь утверждать навѣрное чтобы возможно было возобновить водяной путь между Аму и Каспіемъ (если

онъ въ самомъ дѣлѣ загражденъ исусственно), а впрочемъ и не покидая совсѣмъ этой надежды (если Аралъ дѣйствительно выше Каспія), Академія довольствуется только замѣчаніемъ что слѣдуетъ прежде всего удостовѣриться можно ли еще распознать прежнее русло Аму къ сторонѣ Каспія и изсохло ли оно вслѣдствіе искусственной запруды или отъ дѣйствія природы... Само собою ясно что если найдено будетъ возможнымъ привести въ исполненіе планъ Великаго Петра, то слѣдствія были бы неисчислимы. Хотя бы даже оказалось невозможнымъ открыть водяной путь, то ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ зодчества, уцѣлѣвшихъ отъ времени прежняго блеска, между Араломъ и Каспіемъ, уже было бы научнымъ доспѣхомъ, достойнымъ имени Его Императорскаго Величества и ученой чести Имперіи."

Въ 1864 году, В. В. Григорьевъ, близко знакомый со Средней Азіей, возбудилъ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ вопросъ—текла ли когда Аму въ Каспій? Въ его запискѣ сказано:

„Возможность возвращенія водъ Аму въ старое ихъ русло къ Каспію, представляющуюся съ перваго взгляда чистѣйшею фантазіей, считаю я почти несомнѣнною...

„Если токъ воды, который устремится въ старое русло со снятіемъ плотины, окажется недостаточнымъ чтобы сдѣлать русло это судоходнымъ, придется исполнить мысль Петра Великаго, возвести въ низовьяхъ Аму плотину, которая, препятствуя стоку водъ въ Аралъ, всю массу водъ этой рѣки заставить течь по руслу въ Каспій. Ясно для всякаго образованнаго человѣка что еслибы послѣднее предположеніе было выполнимо, выгоды Россіи требуютъ чтобы она осуществила его. Тогда для торговыхъ сношеній Европы съ Азіей открылся бы путь новой, удобнѣйшій, дешевѣйшій и безопаснѣйшій всѣхъ существующихъ. Путь этотъ находился бы въ исключительной власти Россіи. Осуществленіе помянутаго предпріятія, не требуя и сотой доли тѣхъ капиталовъ какіе нужны для канализаціи Суэзскаго перешейка, было бы дѣломъ, по всемірноисторическому значенію своему, почти столь же важнымъ какъ и соединеніе Чернаго Моря съ Средиземнымъ... Въ виду громаднаго значенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму въ Каспій, пора бы уже, кажется, приступить къ разслѣдованію его на мѣстѣ".

Въ нынѣшнее царствованіе мы стали твердою ногой въ Красноводскѣ, и оттуда рядомъ экспедицій изучили все сухое русло (Узбой) до самаго Хивинскаго оазиса. Оказалось что она имѣетъ достаточное паденіе къ Каспію. Во время Хивинскаго похода были найдены „старицы" въ самомъ Хивинскомъ оазисѣ и опредѣлена ихъ связь съ теперешнимъ Аму. Затѣмъ, точно вычислено превышеніе Арала надъ Каспіемъ, а также паденіе теперешняго Аму и „старицъ". Оказалось что склонъ мѣстности къ Каспію круче чѣмъ къ Аралу, что воды Аму до сихъ поръ рвутся къ Каспію, но задерживаются плотинами. Оказалось что для обводненія Каспійскаго русла достаточно сравнительно небольшое количество водъ несомыхъ Аму, что впускъ воды въ старое русло можно сдѣлать ниже всѣхъ арыковъ, гдѣ воды Аму непроизводительно разливаются въ поросшую камышемъ дельту. Оказалось, словомъ, что обводнить Узбой можно безо всякаго ущерба Хивинскому оазису, а еще съ великою пользой для него. Наконецъ, въ прошломъ году Аму снова прорвалась въ старое русло, и хотя хивинскій ханъ тотчасъ принялся чинить отводящія плотины, дошла до Сары-Камыша.

Въ такихъ обстоятельствахъ надо было ожидать повидимому что мы съ полнымъ единодушіемъ приступимъ тотчасъ къ осуществленію мысли Петра Великаго. Не тутъ-то было! Правда, заговорили было что имѣется въ виду отправить на Аму экспедицію состоящую изъ множества спеціалистовъ, чуть ли уже не чрезмѣрнаго. Стало извѣстно затѣмъ что образовавшееся въ Самарѣ общество для изученія среднеазіятской дороги намѣрено распространить свои изысканіи на Аму. Но тутъ и посыпались возраженія.

Наша интеллигенція считаетъ за достоинство не относиться серіозно къ серіознымъ задачамъ Россіи и острится надъ „золотою мечтой славянскаго легковѣрія" касательно Аму. Даже въ ученыхъ обществахъ раздались голоса о невозможности повернуть Аму къ Каспію. Одинъ ученый, съ совершеннымъ равнодушіемъ къ вопросу, утверждалъ что есть надежда довести воды Аму до Сары-Камыша въ то время когда онѣ уже вошли въ него. Другой, зоотехникъ,—и зоотехники приняли уча-

стіе въ вопросѣ объ Аму—сталъ считать паденіе русла будто бы доказывающее невозможность даже совершившагося изворота. Вспомнили прошлогоднюю статью какого-то офицера въ *Военномъ Сборникѣ* о невозможности поворота Аму.

Нѣсколько выходокъ оказалось достаточно чтобъ охладить вниманіе общества: заглохли и слухи о правительственной экспедиціи. Въ это время весьма кстати является энергическая брошюра *Аму и Узбой*, всесторонне разсматривающая вопросъ. Подъ этою небольшою книжкой лежитъ настойчивый большой трудъ. Авторъ просмотрѣлъ всю громадную литературу объ Аму, и свелъ показанія древнихъ писателей, средневѣковыхъ, особенно арабскихъ, и новѣйшихъ временъ до послѣдняго дня. Особенно интересны показанія русскихъ изслѣдователей и путешественниковъ, разбросанныя въ мало доступныхъ изданіяхъ; сдѣланъ также сводъ интереснымъ туркменскимъ преданіямъ. Авторъ замѣчаетъ въ заключеніе: „Общій обзоръ литературы, историческихъ событій и преданій касающихся Аму-Дарьи, приводитъ къ вѣроятному предположенію что эта рѣка, впадая поперемѣнно то въ Каспій, то въ Аралъ, неоднократно мѣняла свое направленіе исключительно по волѣ человѣка“.

Это же подтверждается и всѣми новѣйшими, уже вполнѣ точными, свѣдѣніями. Преградили же Хивинцы, послѣ 1859, рукава Улькунъ и Талдынъ, которые теперь почти обмелѣли, а это почти равняется прегражденію Куна-Дарьи (Каспійскаго рукава). По послѣднимъ извѣстіямъ, и новый прорывъ Аму уже прегражденъ Хивинцами.

Въ брошюрѣ сдѣланъ также сводъ всѣхъ добытыхъ въ послѣдніе годы спеціальныхъ инженерныхъ данныхъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса.

Воды Аму можно направить къ Каспію по многимъ русламъ, но лучшій для того можетъ быть опредѣленъ въ точности лишь на мѣстѣ. Теперешняя минута самая удобная для экспедиціи на Аму. Вода еще держится въ старомъ руслѣ, и теперь не придется вернуться съ Сара-Камыша отъ жажды, какъ это было съ экспедиціей Глуховскаго въ 1873 году. Изслѣдованія въ Кара-Кумахъ теперь безопасны. Текинцамъ довольно будетъ дѣла и съ Лазаревымъ.

Вопросъ объ открытіи Аму не такъ нагляденъ какъ осушеніе луга или расчистка земли подъ пашню, но все-таки, кажется, трудно не понимать значенія этой рѣки для Россіи. Возможно ли, однако, мирное судоходство по Аму пока не усмиренъ Мервъ, пока правый берегъ Аму отъ Хивы до Афганистана находится подъ ударомъ текинскихъ шаекъ?

№ 166.

Москва, 30-го Іюня.

Какой вопросъ занимаетъ въ настоящее время нашу интеллигенцію, безъ различія партій, начиная отъ подпольныхъ и восходя до высоко-консервативныхъ? Какъ бы устроить такъ что бы дѣти въ школѣ учились какъ можно хуже и чтобы всѣ такимъ образомъ учащіеся или, вѣрнѣе, неучащіеся оканчивали курсъ. Окончить курсъ должны непремѣнно всѣ кто разъ поступилъ въ школу,—а какъ окончить и какой курсъ,—до этого нѣтъ дѣла. Въ цѣломъ мірѣ заботятся о томъ чтобъ учащееся юношество дѣйствительно училось, училось хорошо и съ пользой, вездѣ требуютъ чтобы школа честно, строго и внимательно исполняла свой долгъ и выпускала бы людей сколько можно лучшаго достоинства. Мы же, подъ предлогомъ либерализма, прогресса, а также изъ консерватизма, тщимся уронить какъ можно ниже уровень нашего народнаго образованія и требуемъ чтобы школа у насъ не исполняла своего главнаго долга, не заботилась бы о серіозномъ образованіи своихъ воспитанниковъ, а только выпускала бы какъ можно болѣе людей съ университетскими правами. Въ Германіи, Англіи, Франціи, курсъ гимназій девятилѣтній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже десятилѣтній, не считая приготовительныхъ классовъ (у насъ только восьмилѣтній); тамъ на оба древніе языка, служащіе предметомъ концентраціи, полагается до шестнадцати часовъ въ недѣлю; испытанія тамъ, какъ извѣстно, очень строгія. Юношество тамъ учится серіозно, и всѣ находятъ это въ порядкѣ вещей. Всѣ заботятся чтобы школа держалась на высотѣ своего призванія; правительства всячески поощряютъ трудъ учащихъ и учащихся и не требуютъ чтобы субъекты неспособные или нежелаю-

щіе учиться доходили тѣмъ не менѣе до окончанія курса, то-есть до поступленія въ университеты, а затѣмъ и на всякія государственныя должности. Всѣмъ предоставляется учиться въ мѣру своихъ потребностей и способностей, и гимназіямъ не вмѣняется въ обязанность дѣло невозможное и безсмысленное дотягивать quand même всѣхъ своихъ учениковъ до университетовъ. Наконецъ, зачѣмъ ходить далеко?—такія же какъ вездѣ въ Россіи имѣются гимназіи и въ Балтійскихъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ: отчего же тамъ не жалуются на строгость требованій, а напротивъ стали бы вѣроятно сѣтовать еслибы возникъ вопросъ о томъ какъ бы устроить такъ чтобъ учащаяся молодежь ничему не выучивалась, а только получала права сопряженныя съ окончаніемъ курса. Или дѣти въ Ригѣ и Варшавѣ иначе созданы чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ, или тамъ учиться здорово, а здѣсь нездорово, или нѣтъ надобности Русскому государству въ серіозномъ и дѣйствительномъ образованіи? Поневолѣ подумаешь что есть какіе-то интересы которымъ невыгодно развитіе русскаго образованія и нежелательно чтобы русское разумѣніе соотвѣтствовало государственному величію Россіи...

Мы только что прочли въ одной изъ петербургскихъ газетъ будто бы имѣется въ виду запретить принимать на должность сельскаго учителя людей не окончившихъ курса гимназіи. Но это значило бы запереть всѣ выходы воспитанникамъ гимназій и заставить ихъ доходить непремѣнно до окончанія курса, а такъ какъ всѣмъ по разнымъ причинамъ до окончанія узаконеннаго курса дойти нельзя, то либо измѣнить учебный планъ гимназій, либо обязать учителей не исполнять его. Другаго смысла не могутъ имѣть эти странныя, нигдѣ не слыханныя заботы чтобы всѣ начинающіе учиться въ гимназіяхъ непремѣнно оканчивали въ нихъ курсъ. Да развѣ окончившій курсъ въ гимназіи пойдетъ въ сельскіе учителя когда ему открытъ непосредственно доступъ въ университетъ? Съ другой стороны, неужели человѣкъ прошедшій курсъ не только шестиклассной, но даже четырехклассной прогимназіи, omnibus ceteris paribus, менѣе способенъ исполнять обязанности сельскаго учителя чѣмъ воспитанникъ учительской семинаріи? Мало ли какія обстоятельства, кромѣ неспособности и дурнаго поведенія, могутъ заставить мальчика выйти изъ гимназіи до окончанія курса: неужели потому что ему довелось побывать въ гимназіи, онъ долженъ оставаться какъ бы заклейменнымъ на вѣки? Если онъ учился хорошо и выдержалъ испытаніе хотя бы четвертаго класса гимназіи, и если его поведеніе безукоризненно, и онъ ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, то отчего же отказывать ему въ правѣ учить сельскихъ ребятишекъ грамотѣ? Неужели для этого необходимо пройти полный курсъ гимназіи?

Полный курсъ гимназіи есть дѣло условное. Кончившій курсъ въ какой-либо изъ русскихъ гимназій окажется недоучкой при сравненіи съ абитуріентами германскихъ гимназій. У насъ курсъ восьмилѣтній, а тамъ десятилѣтній, и тамъ онъ идетъ гораздо выше нашего. А между тѣмъ слышатся у насъ голоса которые жалуются даже на восьмилѣтній курсъ нашихъ гимназій и требуютъ возвращенія къ семилѣтнему. Курсъ нашей четырехклассной, а тѣмъ болѣе шестиклассной прогимназіи есть также своего рода полный курсъ. Курсы нашихъ прогимназій не разнятся отъ соотвѣтствующихъ курсовъ въ Германіи и другихъ странахъ. Молодой человѣкъ окончившій курсъ шести классовъ нынѣшней русской гимназіи и получающій вслѣдствіе этого военную льготу стоитъ по образованію нисколько не ниже своего сверстника въ Германіи также окончившаго шестиклассный курсъ гимназіи и на томъ же основаніи получающаго военную льготу, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ получившій аттестатъ зрѣлости въ нашей гимназіи стоитъ по своему развитію и зрѣлости ниже окончившаго курсъ въ германской гимназіи. Чего же хотятъ наши интеллигенты? Они желали бы поставить русскаго студента еще на много степеней ниже въ сравненіи съ германскимъ, англійскимъ, французскимъ; а съ другой стороны, они не хотятъ признавать никакого права за людьми прошедшими курсъ прогимназіи не только четырехклассной, но и шестиклассной. Въ Германіи, гдѣ военное образованіе стоитъ на высшемъ въ цѣлой Европѣ уровнѣ, шесть классовъ гимназіи считаются совершенно достаточнымъ условіемъ военной льготы; у насъ же, предоставленіе этой важной льготы шестиклассникамъ возбуждало сильныя возраженія. И хотя имъ даровано право вольноопре-

дѣляющихся втораго разряда, но при экзаменѣ на офицера имъ не вмѣняется ни во что ихъ ученіе въ гимназіи, и ихъ заставляютъ держать экзаменъ въ юнкерскомъ училищѣ не изъ однихъ военныхъ предметовъ какъ бы слѣдовало ожидать, но и изъ предметовъ общаго курса. Неужели шестилѣтнее ученіе въ гимназіи менѣе ручается за общее образованіе будущаго прапорщика чѣмъ юнкерское училище? Итакъ, видите ли: съ одной стороны, мы желали бы довести до ничтожества требованія для поступленія въ университеты, желали бы какъ можно болѣе ослабить, сократить и понизить курсъ ученія подготовляющій молодыхъ людей къ занятіямъ высшими науками въ университетѣ; а съ другой стороны, мы страшно требовательны, и молодыхъ людей прошедшихъ успѣшно курсъ шестиклассной прогимназіи прижимаемъ къ стѣнѣ юнкерскаго училища и безъ нужды муштруемъ ихъ изъ русской грамматики, цифири, исторіи и т. п., для полученія перваго офицерскаго чина...

№ 168.

Москва, 2-го Іюля.

Экспедиція въ землю Ахалъ-Текинцевъ началась, авангардъ выступилъ 6 іюня и теперь уже долженъ быть далеко. Дѣло за главными силами, которыя 12 до іюня пока еще не тронулись, какъ надо полагать потому только что еще не собрано все то количество верблюдовъ которое по разчетамъ признается необходимымъ.

Экспедиція эта обставляется предусмотрительно: войскъ собрано много, транспортныя средства задуманы въ широкихъ размѣрахъ. Текинскій отрядъ, говоритъ нашъ корреспондентъ, „считается значи„тельнымъ, и онъ дѣйствительно прево„сходитъ даже отрядъ генералъ-адъютан„та Кауфмана дѣйствовавшій противъ Хи„вы.“ Значитъ, составъ его не меньше 15—16 баталіоновъ, десятка другаго сотенъ и эскадроновъ съ такимъ же числомъ орудій.

Для подъема тяжестей такого отряда требуется и обозъ большой. Обозъ этотъ частью колесный, частью верблюжій. Колесный транспортъ состоитъ изъ 1.500 арбъ. Верблюдовъ полагалось собрать до трехъ тысячъ. Не довольствуясь этимъ, въ Персіи нанимаютъ еще лошадей и муловъ съ погонщиками, часть коихъ уже прибыли.

Средства противника тоже не малы. По собраннымъ свѣдѣніямъ, все племя Ахалъ-Теке состоитъ изъ полумиліона душъ и можетъ выставить до 30 тысячъ болѣе или менѣе порядочно вооруженныхъ воиновъ.

Но этимъ воинамъ недостаетъ организаціи и обученія и, какъ доказали всѣ наши прежнія кампаніи въ Средней Азіи, такая сила не можетъ противостоять даже далеко меньшему числу войскъ чѣмъ какое назначается для Ахалъ-Текинской экспедиціи.

Можетъ казаться даже страннымъ для какой цѣли было собирать столь большія силы. Этотъ вопросъ служитъ поводомъ къ тѣмъ многочисленнымъ догадкамъ и предположеніямъ о таинственной цѣли отряда генералъ-адъютанта Лазарева который, по мнѣнію большинства заграничныхъ политиковъ, долженъ де имѣть задачу далеко выходящую за предѣлы скромной экспедиціи въ землю Ахалъ-Текинцевъ. Стратегическій объектъ этого отряда долженъ де быть Мервъ.

Забываютъ что на сторонѣ Текинцевъ природа и разстоянія. Предъ нами бѣдная полоса, слабо орошенная, мѣстами вовсе безводная и покрытая сыпучими песками.

Характеръ предстоящаго театра военныхъ дѣйствій вынудилъ прежде всего организовать столь громадный обозъ для экспедиціоннаго отряда. „Въ Ахалъ-Теке,“ говоритъ нашъ корреспондентъ, „мы ед„ва ли найдемъ продовольствіе“ разумѣет„ся въ достаточномъ количествѣ, а потому, „если надежды на доставку провіанта изъ Персіи окажутся призрачными, „мы должны на первый разъ везти его „съ собою, а затѣмъ получать изъ Че„кишляра“. Требуется взять съ собою двухмѣсячный запасъ.

Необходимость постояннаго подвоза изъ Чекишляра вынуждаетъ принять серіозныя мѣры для охраненія нашего длиннаго и труднаго пути сообщеній съ Чекишляромъ, что потребуетъ правильной организаціи этапныхъ пунктовъ и отдѣленія значительныхъ силъ на занятіе оныхъ. Самое конвоированіе большаго транспорта, колесное отдѣленіе котораго займетъ не менѣе семи верстъ въ длину, требуетъ тоже не мало войскъ. Такимъ образомъ

окажется что собственно для военныхъ операцій у насъ „останется весьма не много", во всякомъ случаѣ, не столько чтобы рискнуть выдѣлить еще часть для занятія этаповъ на протяженіи пятнадцати трудныхъ переходовъ отдѣляющихъ крайній текинскій городокъ Гяурсъ отъ Мерва.

Страна куда направляются наши силы намъ мало извѣстна. Наши новѣйшія карты театра предстоящихъ дѣйствій представляютъ много пробѣловъ, но и то что намъ теперь въ точности извѣстно показываетъ что отряду предстоитъ на пути къ указанной ему цѣли взять нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, съ болѣе или менѣе высокими стѣнами, обороняемыхъ не одними фитильными, но и англійскими казнозарядными ружьями доставляемыми чрезъ Гератъ, что противникъ не выставитъ противъ насъ сразу всѣхъ своихъ силъ, и что съ нимъ не придется покончить, какъ говорится, однимъ ударомъ. Говорятъ даже о намѣреніи Текинцевъ въ случаѣ неудачи не покоряться, а уйти въ Мервъ. Объ этомъ передаетъ и нашъ корреспондентъ со словъ одного Туркмена-Гоклена, бывшаго недавно у Текинцевъ. Еслибъ это дѣйствительно совершилось, то экспедиціонный отрядъ былъ бы поставленъ въ большое затрудніе: пришлось бы или возвратиться такъ сказать ни съ чѣмъ, или продолжать движеніе впередъ, на Мервъ, что, какъ мы уже сказали, трудно.

Что трудно для войскъ, то еще болѣе трудно для полумилліоннаго населенія Стоитъ только сообразить какая масса воды потребуется для этихъ переселенцевъ и ихъ скота на пути въ эту обѣтованную землю, которой имя Мервъ. Можно ли серіозно думать о такомъ переселеніи въ краѣ гдѣ въ сторонѣ отъ единственнаго прямаго пути лежитъ чуть ли не на десяти переходахъ степь глинистая, совершенно безводная, на которой, какъ говоритъ помянутый Туркменъ, „даже никогда не кочуютъ?"

Но этого мало. Между Текинцами едва ли есть и можетъ быть единодушіе какое необходимо не только для общаго переселенія, но и для успѣшнаго сопротивленія наступающему. Отъ урочища Кизылъ-Арвата, до котораго въ 1872 году доходилъ отрядъ Маркозова и откуда начинаются собственно земли Текинцевъ, верстахъ въ шестидесяти (по картѣ) находится укрѣпленіе Бурема, резиденція ближайшаго текинскаго сардаря, который по слухамъ вовсе не расположенъ оказать никакого сопротивленія нашимъ войскамъ и будто бы объявилъ во всеуслышаніе что „считаетъ безразсуднымъ воевать съ тѣми, съ кѣмъ не могъ бороться самъ падишахъ истамбульскій."

Если текинскій сардарь безнаказанно и открыто могъ выражать такія идеи, это значитъ что такъ думаетъ не одинъ онъ, что между Текинцами быть-можетъ имѣется значительная партія которая не желаетъ войны съ Русскими. При такомъ положеніи дѣлъ весь дальнѣйшій ходъ войны будетъ зависѣть отъ первыхъ удачъ, Каждый разгромъ текинскаго скопища повлечетъ за собою увеличеніе числа сторонниковъ Беурменскаго сардаря. А этотъ разгромъ не замедлитъ вѣроятно на первыхъ же порахъ. Главный городъ Текинцевъ Карызъ (если не ошибаемся, иначе Геокъ-тепе), около котораго организуется по слухамъ главное сопротивленіе нашимъ войскамъ со стороны Текинцевъ, лежитъ не болѣе какъ въ 60—70 верстахъ отъ Беурмы. На пути къ нему лежатъ три по всей вѣроятности небольшія укрѣпленія: Арчманъ, Караганъ и Ярaджи, занятіе коихъ открытою силой, какъ и всякой среднеазіятской крѣпосцы, конечно не представитъ серіозныхъ затрудненій, а между тѣмъ легкость ихъ взятія несомнѣно должна повліять на рѣшимость гарнизона не оборонять Карызъ до послѣдней крайности. Къ этому нужно прибавить что подъ Карызомъ мы будемъ еще въ значительныхъ силахъ, такъ какъ на устройство этаповъ уйдетъ пока меньше половины предназначаемыхъ для этой цѣли войскъ.

Занятіе главнаго города въ Средней Азіи производитъ великое нравственное впечатлѣніе. При нашей удачѣ подъ Карызомъ, дальнѣйшее движеніе будетъ уже легко, и всѣ послѣдующія дѣйствія сойдутъ на преодоленіе сравнительно слабыхъ отрядовъ туземцевъ.

№ 169.

Москва, 3-го іюля.

Одну изъ любопытнѣйшихъ загадокъ настоящаго времени представляетъ экономическое положеніе Англіи. Три мѣсяца тому

назадъ министерство отклонило просьбу заявленную маркизомъ Гэнтли въ палатѣ лордовъ о назначеніи коммиссіи для разслѣдованія объ угнетенномъ положеніи земледѣлія и торговли въ Соединенномъ Королевствѣ, и лордъ Беконсфильдъ выразилъ даже мнѣніе что такое разслѣдованіе не только не приведетъ ни къ чему, а скорѣе причинитъ вредъ тѣмъ самымъ классамъ коимъ хотятъ помочь. Въ засѣданіи же палаты общинъ 4 іюля, правительство съ готовностію согласилось на таковую же просьбу одного изъ своихъ приверженцевъ, г. Чаплина, который просилъ нарядить королевскую коммиссію для разслѣдованія о причинахъ упадка земледѣлія, и о томъ „насколько онѣ были вызваны или могутъ быть облегчены законодательствомъ.“

Дѣйствительно, извѣстно что Англія, страна громадныхъ капиталовъ и кипучей промышленной дѣятельности, присвоившая себѣ почти монополію всемірной торговли, обладающая для сего необыкновенно счастливыми географическими условіями, господствующая на моряхъ, открывшая себѣ повсюду обширные рынки, завладѣвшая всѣми торговыми путями и станціями, и ревниво ихъ оберегающая даже отъ предполагаемыхъ опасностей въ отдаленномъ будущемъ, переживаетъ небывалый и продолжительный экономическій кризисъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали что лѣтомъ долженъ наступить давно желанный поворотный пунктъ. Май мѣсяцъ порадовалъ было легкимъ оживленіемъ въ цифрахъ отпуска. Оказалось что то былъ миражъ, вызванный случайными и посторонними обстоятельствами, между прочимъ усиленнымъ отпускомъ въ Германію, въ виду ожидавшагося сильнаго повышенія германскаго тарифа. Увы! надежды были слишкомъ мимолетны, и даже призракъ ничтожнаго оживленія не удержался. Наступилъ и миновалъ іюнь, и слышатся опять прежнія сѣтованія. Обнародованныя цифры торговаго отчета за іюнь не обнаруживаютъ ни малѣйшаго оживленія торговой дѣятельности и возрождающагося довѣрія; напротивъ, онъ хуже цифръ прошлаго года, которыя также были хуже въ сравненіи съ предпрошлымъ, и показываютъ что угнетеніе продолжаетъ тяготѣть надъ главными отраслями англійской промышленности: желѣза и стали, машинъ, льняныхъ издѣлій, шелковыхъ, а также шерстяныхъ издѣлій, Англія вывозитъ меньшее количество и на меньшую сумму; незначительное же увеличеніе въ количествѣ вывезенныхъ бумажныхъ издѣлій не радуетъ, ибо замѣчательнымъ образомъ сопровождается уменьшеніемъ въ стоимости. Вотъ общія цифры привоза и отпуска за іюнь и за истекшее полгода, въ сравненіи съ двумя предыдущими, также неблагопріятными, годами. Общая стоимость отпуска за минувшій іюнь была 14.583.540 ф. ст. (за іюнь 1878 года — 15.091.638 ф. ст., за іюнь 1877 г.—15.305.639 ф. ст.), а за все полугодіе—88.826.493 ф. ст. (94.660.400 ф. ст. въ 1878 и 95.234.130 ф. ст. въ 1877 году, за тотъ же періодъ). Цифры привоза также показываютъ уменьшеніе: за іюнь—27.768.780 ф. ст. 172.641.723 за полгода (противъ 28.661.103 ф. ст. и 189.647.854 ф. ст. въ 1878 г., и 29.810.370 ф. ст. и 195.448.403 ф. ст. въ 1877 г.). Относительно многихъ сырыхъ продуктовъ уменьшеніе въ общей цѣнности сопровождается увеличеніемъ количества привоза, но, по замѣчанію *Times*, причиной этого обратный вывозъ этихъ продуктовъ въ другія мануфактурныя страны, а не усиленный спросъ на нихъ въ самой Англіи. „Въ особенности для хлопка и шерсти, говоритъ упомянутая газета, наша страна съ каждымъ годомъ все болѣе становится складочнымъ мѣстомъ, и наши домашніе промыслы потребляютъ меньшую пропорцію общаго производства. Оттого вывозъ мануфактуръ не показываетъ увеличенія соотвѣтствующаго увеличенному привозу сырыхъ продуктовъ.“

Этотъ общій упадокъ дѣлъ отзывается и на доходахъ. Изъ обнародованныхъ цифръ за первую треть финансоваго года (апрѣль, май и іюнь) видно уменьшеніе на 300.000 ф. ст. въ акцизахъ и на 325.000 ф. ст. въ пошлинахъ, двухъ главныхъ источникахъ дохода, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. Недоборъ едва покрывается сборомъ возвышеннаго подоходнаго налога, и всѣ заключаютъ что годъ долженъ окончиться дефицитомъ противъ смѣтъ.

Но болѣе всего въ послѣднее время раздавалось жалобъ на полный упадокъ земледѣлія. Послѣднія двѣ недѣли нынѣшняго холоднаго и дождливаго лѣта окончательно уничтожили всякую надежду на урожай въ Англіи, — тяжкій ударъ послѣ четырехъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, и убытки фермеровъ тѣмъ значительнѣе что цѣны всѣхъ хлѣбовъ дешевле цѣнъ прош-

лаго года, вслѣдствіе иностраннаго привоза. Также и цѣны на мясо. Газеты переполнены письмами съ жалобами и исчисленіями убытковъ. Множество фермъ стоятъ пустыми. Многіе помѣщики, въ томъ числѣ лордъ Дарби, добровольно сдѣлали сбавки арендной платы. Ассоціація фермеровъ разослала циркуляръ, въ которомъ перечислены восемь указаній на причины труднаго положенія ихъ.

Пренія возбужденныя по этому поводу г. Чаплиномъ представляютъ интересъ въ томъ отношеніи что въ нихъ смѣлѣе чѣмъ когда-либо заявлены были протекціонистскія требованія. Въ Англіи, родинѣ свободной торговли, нашлись изобличители „рушившихся теорій“ (*the exploded theories*) фритридерства! Самъ г. Чаплинъ осторожно оговорился что онъ не требуетъ возвращенія къ покровительству, не желаетъ облагать пошлиной пищу народа; онъ не предлагалъ никакихъ мѣръ, а только желалъ разслѣдованія. Но въ сущности вся его рѣчь была доводомъ за покровительство, и иного смысла не могла имѣть. Онъ указывалъ что всѣ увѣренія и предсказанія г. Кобдена и его товарищей не сбылись; доказывалъ что устраненіе стѣсненій перечисленныхъ въ циркулярѣ ассоціаціи фермеровъ не приведетъ ни къ чему; указывалъ что благосостояніе земледѣлія имѣетъ величайшую важность и для мануфактурныхъ классовъ; а въ особенности развивалъ идею что земледѣліе невозможно будетъ вести съ выгодой если и въ будущемъ хлѣбъ привозимый изъ Америки будетъ конкуррировать дешевизной съ мѣстнымъ продуктомъ. Другіе ораторы были прямѣе и не боялись, подобно г. Чаплину, произнести слово: покровительственныя пошлины. Г. Макъ-Айверъ изобличалъ свободную торговлю не только въ отношеніи хлѣба, но и относительно мунуфактуръ. „Я полагаю,“ говорилъ онъ, „что мы слишкомъ въ зависимости отъ иностранныхъ націй въ доставкѣ намъ пищи. Нѣтъ страны въ мірѣ которая хотѣла бы теперь брать въ обмѣнъ наши мануфактуры. Вопросъ не въ томъ желательна ли свободная торговля, а практична ли она. Всѣ запираютъ для насъ двери, и нерезонно при такихъ условіяхъ ожидать возрожденія нашей отпускной торговли. При этомъ ораторъ указывалъ что Англія и теперь уже ввозитъ обработанныхъ и полуобработанныхъ товаровъ на сумму до 60 милліоновъ ф. ст., и потому чтобъ избѣжать этихъ „злоупотребленій свободной торговли“ въ ущербъ Англіи, рекомендовалъ взаимность, то-есть облагать товары тѣхъ странъ которыя не допускаютъ англійскихъ произведеній. Г. Бентинкъ утверждалъ что свободная торговля въ сущности сводится де лишь къ тому что Англія должна давать все и не получать ничего. Онъ указывалъ также на опасность зависимости отъ Америки для полученія хлѣба въ случаѣ войны съ этою державой.

Впрочемъ, не было надобности въ этихъ откровенныхъ рѣчахъ чтобы видѣть что цѣлью какъ предложенія г. Чаплина, такъ и согласія на него правительства, было возбудить хотя бы призрачную надежду на то что земледѣлію можетъ быть со временемъ оказано покровительство. Въ коммиссіи для разслѣдованія собственно нѣтъ никакой нужды. Факты и безъ того слишкомъ извѣстны. Причины бѣдствія и ежегодныхъ убытковъ фермеровъ суть пятилѣтніе неурожаи и низкія цѣны привознаго хлѣба. Плохой сборъ приходится продавать дешевою цѣной, при высокой цѣнѣ рабочаго труда. И всѣ эти радѣтели земледѣлія толкуютъ что мѣстными средствами бѣдѣ не помочь, что сократить стоимость производства невозможно, а также и пониженіе ренты не важно, такъ какъ она де составляетъ незначительный процентъ въ общемъ фермерскомъ оборотѣ. Слѣдовательно, что̀ же предвидится логически какъ не огражденіе туземнаго производства отъ иностранной конкурренціи. Это поняли сторонники свободной торговли, и г. Брайтъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, изобличая эти тайныя надежды, высказалъ что еслибы въ палатѣ было 400 фермеровъ вмѣсто 400 землевладѣльцевъ, то они предложили бы другія мѣры, а именно устраненіе стѣсненій закрѣпляющихъ поземельную собственвость и дѣлающихъ ее „гигантскою монополіей.“

Министры разумѣется не отреклись отъ свободной торговли. Канцлеръ казначейства напротивъ успокоивалъ что предлагаемое разслѣдованіе не можетъ поколебать доктрины свободной торговли, которая „есть доктрина истины.“ Но торійское министерство имѣетъ свои разчеты, не заручаясь ничѣмъ, подавать туманныя надежды. Согласіе нарядить коммиссію ни къ чему не обязываетъ. Коммиссія эта представитъ докладъ не ранѣе какъ че-

резъ два или три года, и къ тому времени многое можетъ измѣниться. А теперь страна можетъ-быть наканунѣ общихъ выборовъ, для коихъ, какъ говорятъ ожидаютъ лишь благопріятныхъ извѣстій о скоромъ окончаніи войны въ южной Африкѣ. Въ виду выборовъ, торіямъ желательно удержать на своей сторонѣ фермеровъ, которые до сихъ поръ были вообще консервативнымъ классомъ, и поощряя ихъ надеждами на покровительство, отвлечь отъ агитаціи о пересмотрѣ поземельныхъ законовъ, которою ихъ заманиваютъ либералы. Но объ особенностяхъ англійскаго землевладѣнія и о томъ что̀ высказывалось либералами по поводу предложенія г. Чаплина отлагаемъ рѣчь до другаго раза.

№ 170.

Москва, 4-го Іюля.

12 іюня окончилась самая продолжительная изъ бывшихъ до сихъ поръ сессій Германскаго рейхстага, и окончилась она, какъ, и слѣдовало ожидать, полною побѣдой князя Бисмарка надъ націоналъ-либералами, которые торжественно заявили о переходѣ своемъ на сторону оппозиціи и подали *in corpore* свои голоса противъ всѣхъ новыхъ финансовыхъ законовъ принятыхъ, несмотря на это, огромнымъ большинствомъ 100 голосовъ (217 противъ 117).

Окончательный разрывъ между княземъ Бисмаркомъ и его бывшими союзниками сталъ уже совершившимся фактомъ еще въ засѣданіи 9 іюня, когда обсуждался § 7 тарифнаго закона въ новой его редакціи, приданной ему тарифною коммиссіей и заключавшей въ себѣ знаменитое „предложеніе Франкенштейна.“ Сущность этого предложенія, получившого нынѣ силу закона, заключается въ томъ что излишекъ доходовъ отъ нововведенныхъ и повышенныхъ налоговъ и табачнаго акциза, въ случаѣ если этотъ излишекъ будетъ превышать 130 милліоновъ марокъ, распредѣляется между отдѣльными государствами Германскаго Союза по соразмѣрности причитающихся съ нихъ матрикулярныхъ взносовъ въ пользу имперіи, каковые взносы сохраняются и на будущее время, то-есть устанавляются какъ мѣра окончательная, между тѣмъ какъ по имперской конституціи матрикулярные взносы были установлены лишь на время, впредь до полнаго развитія системы имперскихъ финансовъ, коихъ источникомъ конституція указала таможенные и прочіе косвенные налоги. Князь Бисмаркъ старался доказать что уступка имъ сдѣланная есть чисто формальная, и что верховныя права имперіи отнюдь не умалены увѣковѣченіемъ матрикулярныхъ взносовъ, такъ какъ сборъ налоговъ и пошлинъ остается въ рукахъ имперскаго управленія, равно какъ за нимъ же остается установленіе размѣра указанныхъ взносовъ, и что стало-быть все дѣло ограничится бухгалтерскимъ разчетомъ, а не дѣйствительною передачей поступающихъ суммъ, доколѣ не будутъ покрыты всѣ нужды имперіи. Совершенно иначе смотрятъ на дѣло націоналъ-либералы. Но для посторонняго наблюдателя нѣтъ никакого интереса взвѣшивать всѣ *pro* и *contra* этого пока еще чисто-теоритическаго пререканія. Гораздо интереснѣе обратить вниманіе на тѣ фактическія данныя при коихъ совершился столь рѣзкій поворотъ въ политикѣ князя Бисмарка, приведшій его къ полному разрыву съ его недавними союзниками и къ союзу съ врагами. Каково бы ни было значеніе предложенія Франкенштейна съ точки зрѣнія интересовъ германскаго единства, несомнѣнно то что для успѣха своего финансоваго преобразованія князь Бисмаркъ весьма мало въ немъ нуждался. Еще 2 мая князь Бисмаркъ объяснялъ предпринятую имъ реформу *прежде всего* необходимостью отмѣнить матрикулярные взносы. Если даже допустить что въ этомъ отношеніи взгляды его измѣнились и что онъ теперь уже не придаетъ этому вопросу главнаго значенія, то все-таки нельзя не предположить что уступка сдѣланная имъ по этому предмету—уступка важная уже потому что ея потребовали злѣйшіе противники его—вызвана настоятельною необходимостю, и что безъ нея нельзя было бы достигнуть желанной цѣли. Такъ князь Бисмаркъ и объяснилъ свое согласіе на предложеніе Франкенштейна, доказывая что безъ этого было невозможно добиться большинства въ пользу новыхъ финансовыхъ мѣръ. Но депутатъ Беннигсенъ вычислилъ предъ рейхстагомъ что голоса партіи центра, купленные цѣной предложенія Франкенштейна, были необходимы лишь для сравнительно ничтожной части проектированныхъ налоговъ, а именно для такъ-называемыхъ „финансовыхъ

пошлинъ" (кофе, соль, петролей и прочіе предметы потребленія), которые въ сложности могутъ дать не болѣе 30 милліоновъ марокъ Всѣ же прочіе новые налоги, простирающіеся по крайней мѣрѣ на 100 милліоновъ, имѣли бы за себя большинство рейхстага и въ томъ случаѣ еслибы партія центра подавала свои голоса противъ нихъ, такъ какъ значительная часть націоналъ-либераловъ, съ нимъ, Беннингсеномъ, во главѣ, не были противниками всѣхъ прочихъ таможенныхъ налоговъ и подаютъ теперь свои голоса противъ нихъ единственно лишь потому что союзъ имперскаго канцлера съ центромъ, сказавшійся въ принятіи предложенія Франкенштейна, отбросилъ ихъ на сторону принципіальной оппозиціи.

Князь Бисмаркъ ничего не возразилъ на этотъ довольно вѣскій аргументъ, и вообще послѣдняя рѣчь произнесенная имъ въ рейхстагѣ не отличалась ясностью и опредѣленностью. Бо́льшая часть ея посвящена была рѣзкимъ нападкамъ на крайнюю притязательность націоналъ-лебераловъ. Но упреки эти не могли не показаться преувеличенными въ виду приведеннаго соображенія г. Беннингсена. Ни однимъ словомъ князь Бисмаркъ не упомянулъ также о совпавшемъ съ его новыми рѣшеніями министерскимъ кризисомъ, и ничего не возразилъ противъ укоровъ въ отступничествѣ отъ политики „культурной борьбы." Это было тѣмъ болѣе поразительно что вожакъ центра, г. Виндгорстъ, говорилъ тономъ побѣдителя и бросилъ прямой вызовъ князю Бисмарку, сказавъ въ отвѣтъ на замѣчанія либеральной печати чтобъ центръ не слишкомъ увлекался своимъ торжествомъ, такъ какъ князь Бисмаркъ и ихъ проведетъ: „Тому нужно рано встать кто захочетъ меня провести,"

Все это приводитъ и нѣмецкую печать, недоумѣвающую предъ неожиданнымъ и трудно понимаемымъ оборотомъ, къ тому заключенію которое высказалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ и нашъ берлинскій корреспондентъ, а именно, что князь Бисмаркъ въ дѣйствительности руководствуется совсѣмъ иными мотивами, и что внезапная вражда его противъ націоналъ-либераловъ служитъ де лишь прикрытіемъ для иныхъ, пока еще скрытыхъ, видовъ связанныхъ съ общеевропейскою политикой и не имѣющихъ ничего общаго со внутреннимъ отношеніемъ политическими партіями въ Германіи. Замѣчательно что германская печать съ нѣкоторыхъ поръ старается усмотрѣть эту связь въ охладѣвшихъ будто бы въ послѣднее время взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Германіей, съ одной стороны, а съ другой, въ замѣчаемомъ будто бы тѣснѣйшемъ сближеніи между Россіей и Франціей.

Ближайшимъ поводомъ къ этимъ толкамъ послужило слѣдующее обстоятельство, коимъ сильно заняты нѣмецкія газеты. Въ Мюнхенѣ на дняхъ имѣетъ открыться международная выставка картинъ. Мѣсяца два тому назадъ Французское правительство, получивъ отъ Баварскаго приглашеніе участвовать въ этой выставкѣ, дало на это свое согласіе, обѣщавъ прислать новыя картины пріобрѣтенныя въ послѣднее время для французскихъ музеевъ и побудить къ участію въ выставкѣ французскихъ художниковъ. Но на дняхъ г. Ваддингтонъ извѣстилъ представителя Баваріи въ Парижѣ что правительство вынуждено взять назадъ свое обѣщаніе, такъ какъ во Франціи дѣйствуетъ законъ возбраняющій вывозить за границу художественныя произведенія принадлежащія публичнымъ музеямъ.

Нѣмецкія газеты усматриваютъ въ этой ссылкѣ на французскій законъ лишь плохую отговорку, указывая на то что не далѣе какъ въ 1873 году многія картины и статуи принадлежащія французскимъ музеямъ были присланы на вѣнскую всемірную выставку. А въ берлинской *Національной Газетѣ*, отъ 10 іюля, мы читаемъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „Эта застегнутость Франціи въ отно„шеніи къ Германіи поражаетъ тѣмъ бо„лѣе что одновременно съ этимъ францу„скій посолъ въ Петербургѣ, генералъ „Шанзи, производитъ формальную инспек„цію(?) русскимъ сухопутнымъ и морскимъ „силамъ, отличіе которое обыкновенно пре„доставляется лишь *будущему союзнику*. „Рядомъ съ этимъ, отношенія между Рос„сіей и Германіей омрачаются подозритель„ною тѣнью которую набрасываютъ на „нихъ отмѣна поѣздки Императора Все„россійскаго въ Германію и недавній про„ѣздъ чрезъ Берлинъ князя Горчакова не „посѣтившаго при этомъ князя Бисмарка."

№ 171.

Москва, 5-го Іюля.

Долгое время обсуждавшійся въ нашей печати съ чисто-финансовой и экономической сторонъ, вопросъ о русскомъ денежномъ обращеніи сводится вновь на политическую почву. Помимо финансовыхъ и экономическихъ соображеній, необходимость обременить страну громаднымъ процентнымъ долгомъ, съ цѣлію какъ можно скорѣе уменьшить находящееся въ обращеніи количество кредитныхъ билетовъ и поднять нашъ вексельный курсъ до al pari выставляется какъ условіе sine qua non для того чтобы Россія, въ финансовомъ отношеніи, была поставлена въ положеніе готовности къ войнѣ. Этому заключенію предпосылается довольно подробный разборъ вопроса „что̀ значитъ быть въ финансовомъ отношеніи готовымъ къ войнѣ.“ Разсматривается этотъ вопросъ и вообще, и по отношенію къ разнымъ государствамъ.

Исходною точкой сужденій по этому вопросу служитъ сравненіе войнъ съ чахоткой, ракомъ и другими болѣзнями, а государствъ ведущихъ войны—съ „крѣпкими и слабыми субъектами“ подвергающимися этимъ болѣзнямъ, смотря по тому какими, хорошими или плохими, экстраординарными финансами располагаетъ воюющая страна. Для опредѣленія же того въ чемъ заключаются хорошіе и плохіе экстраординарные финансы существуетъ де „лишь одинъ признакъ: возможность во время войны избѣгнуть бумажно-денежныхъ выпусковъ или необходимость къ нимъ прибѣгнуть. Если правительство чрезвычайными налогами или нормальными займами, долгосрочными или краткосрочными, въ состояніи добыть всѣ средства потребныя для военныхъ расходовъ, то его экстраординарные финансы хороши. Если же чрезвычайные налоги и нормальные займы оказываются невозможными и приходится обращаться къ выпуску неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, то экстраординарные фисансы—плохи.“

Приложеніе этой мѣрки къ главнымъ европейскимъ государствамъ Европы даетъ тотъ результатъ что единственнымъ крѣпкимъ субъектомъ для перенесенія чахотки и рака, то-есть войнъ, оказывается Англія. Положеніе Франціи уже много хуже. Ея экстраординарныя средства хороши лишь пока война не переносится на ея территорію. Еще менѣе крѣпкимъ субъектомъ представляется Германія, финансовое положеніе коей требуетъ не только чтобы война велась на чужой территоріи, но еще на богатой территоріи изъ которой можно было бы выжать нужныя средства. Но самыми слабыми субъектами, самыми неспособными къ перенесенію войнъ государствами, оказываются Австрія и Россія, которыя „въ воинственную вторую половину нашего вѣка не оказывались способными воевать не прибѣгая всякій разъ къ бумажно-денежнымъ выпускамъ.“

Таковы основанія въ силу которыхъ Россіи болѣе чѣмъ всякой другой державѣ рекомендуется „мирная политика.“ Англіи позволительно вести политическую игру, она имѣетъ на то достаточныя средства, ибо, „какъ бы ни были велики военые инстинкты Европы, они едва ли могутъ возжечь столько войнъ сколько необходимо“ не для того чтобы довести Англію до полнаго финансоваго разстройства, но даже для того чтобы вернуть ея финансы къ положенію въ какомъ они находились въ 1816 году. Не безъ оглядки, но все-таки еще могутъ дозволять себѣ дѣятельную политическую роль Франція и Германія. Для Россіи же, наравнѣ съ Австріей, не остается ничего какъ быть тише воды, ниже травы, относиться пассивно къ политическимъ махинаціямъ затѣваемымъ другими и стараться лишь о томъ чтобъ эти другіе забыли о самомъ ихъ существованіи...

Впрочемъ, этотъ взглядъ проповѣдывался со всею силой лишь наканунѣ и во время войны. Теперь, пока никакой большой войны еще не предвидится, особая политическая сдержанность не ставится Россіи въ непремѣнную обязанность. Напротивъ, ставится вопросъ: „Если наши экстраординарные финансы слабы, то слѣдуетъ ли изъ этого что для насъ забота приготовиться къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи совершенно невозможна?“ — и дается отвѣтъ что „совершенно возможна“ при соблюденіи рекомендуемаго условія—подъема курсовъ и превращенія безпроцентнаго долга въ процентный. Такъ какъ мы не можемъ вести войнъ на средства доставляемыя чрезвычайными налогами и займами, а должны вести ихъ съ помощію вы-

пусковъ бумажныхъ денегъ, то и должны заботиться объ обезпеченіи себѣ этого послѣдняго рессурса. Мы должны, поэтому, поторопиться подъемомъ вексельныхъ курсовъ и изъятіемъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, дабы, при первой надобности, имѣть драгоцѣнное удобство выпустить ихъ вновь и вновь уронить курсы, послѣ чего должна вновь начаться забота объ изъятіи кредитныхъ билетовъ и подъемѣ курсовъ, съ тою же цѣлью, и т. д. до безконечности.

И эта работа Сизифа поставляется въ обязанность русскому финансовому управленію,—кѣмъ бы вы думали? какими-нибудь газетными борзописцами? Нѣтъ, „докторомъ политической экономіи,“ г. Кауфманомъ. Вы думаете, можетъ-быть, что статья, присуждающая русское денежное обращеніе быть камнемъ попеременно поднимаемымъ на гору и падающимъ съ нея, появилась на летучихъ листкахъ какой-нибудь ежедневной газеты? Нѣтъ, она помѣщена въ изданіи имѣющемъ претензіи на вполнѣ научный характеръ и выходящемъ подъ напыщеннымъ титуломъ „Сборника государственныхъ знаній!“

По смыслу теоріи развиваемой въ этой статьѣ, „мы къ Первой Восточной Войнѣ были въ финансовомъ отношеніи *готовы*,“ ибо имѣли предъ войной высокіе курсы и размѣнныя бумажныя деньги. „Эту услугу намъ оказала Канкринская реформа 1839—1843 годовъ. Напротивъ, къ послѣдней войнѣ мы были *не готовы*,“—потому что не привели въ исполненіе составленнаго въ ноябрѣ 1874 года г. Кауфманомъ проекта преобразованія нашего денежнаго обращенія, съ возстановленіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету рубль за рубль. Еслибъ этотъ проектъ былъ исполненъ, цѣною крупнаго увеличенія лежащихъ на населеніи податныхъ тягостей въ самый моментъ экономическихъ потрясеній неизбѣжныхъ съ искусственнымъ подъемомъ цѣнности монетной единицы, Россія черезъ пять-шесть лѣтъ будто оказалась бы готовою къ войнѣ, то-есть къ необходимымъ у насъ на этотъ случай выпускамъ бумажныхъ денегъ и къ новымъ экономическимъ потрясеніямъ. Но по непростительной ошибкѣ, война была начата ранѣе чѣмъ этотъ или другіе подобные проекты были приведены въ исполненіе,—и этимъ объясняется до почему предъ послѣднею войной въ такой мѣрѣ господствовало мнѣніе о нашей неготовности къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи: „всѣ чувствовали что наше политическое положеніе зависитъ совсѣмъ не отъ успѣховъ оружія, а отъ нашихъ финансовъ. Стыдно только было высказать слово, но втайнѣ всѣ сознавали что не судьба сраженій, а колебанія вексельнаго курса опредѣляютъ ходъ событій...“

Читаешь подобныя сужденія и недоумѣваешь, шутки шутятъ, или взаправду такъ думаютъ наши финансисты, выдающіе себя за людей науки и между тѣмъ ставящіе вексельный курсъ распорядителемъ политическихъ судебъ царствъ и народовъ, считающіе Россію *слабымъ субъектомъ* неспособнымъ, въ финансовомъ отношеніи, къ веденію войнъ, утверждающіе бóльшую финансовую готовность ея къ Крымской чѣмъ къ послѣдней войнѣ и присуждающіе ее къ непрерывной цѣпи экономическихъ потрясеній отъ послѣдовательныхъ расширеній и насильственныхъ сжатій денежнаго обращенія, паденій и искусственныхъ подъемовъ вексельнаго курса? Думаютъ ли они сколько-нибудь о томъ какъ должна отозваться на „слабомъ субъектѣ“ именуемомъ Россіей рекомендуемая ими финансовая система, станетъ ли этотъ субъектъ крѣпче вслѣдствіе ея примѣненія, и къ чему эта система можетъ привести въ концѣ концовъ?

Хорошо или дурно то что Россія для веденія послѣдней войны воспользовалась рессурсомъ выпуска кредитныхъ денегъ, объ этомъ, конечно, можно теоретически судить различно, равно какъ и о томъ повредилъ ли странѣ этотъ выпускъ. На практикѣ, вредныхъ результатовъ не обозначилось, а напротивъ, вслѣдствіе обстоятельствъ при которыхъ совершился выпускъ, оказались благодѣтельныя послѣдствія. Наконецъ, еслибъ отъ выпуска кредитныхъ билетовъ и произошли дѣйствительно невыгодные результаты, мѣра эта все-таки находила бы себѣ оправданіе въ государственной необходимости. Но въ чемъ нашла бы себѣ оправданіе обратная мѣра изъятія кредитныхъ билетовъ, ради подъема курсовъ? Люди рекомендующіе эту мѣру отлично знаютъ что она неизбѣжно сопровождалась бы экономическими потрясеніями, отнюдь не менѣе тяжкими чѣмъ тѣ которыя такъ картинно изображаются когда нужно доказывать вредъ выпуска бумажныхъ денегъ. Ради чего же страна должна выдерживать эти потрясенія? Ради госу-

дарственной необходимости? Нѣтъ, такой необходимости не оказывается. Страна должна подвергнуться экономическимъ потрясеніямъ единственно въ угожденіе ходячей экономической доктринѣ. И эта доктрина побиваетъ сама себя доказывая что только путемъ такихъ потрясеній будто бы могутъ быть созданы экстраординарные рессурсы для будущихъ государственныхъ надобностей. Экстраординарные, какъ и всякіе финансовые рессурсы могутъ прочно опираться только на успѣхи экономической жизни, а эти успѣхи могутъ быть только парализованы и подорваны тѣми потрясеніями которыми хотятъ облагодѣтельствовать страну, между прочимъ, съ цѣлію будто бы сдѣлать ее готовою къ войнѣ...

Новосозданная теорія необходимости изъятія бумажныхъ денегъ съ цѣлію расчистить поле для новыхъ выпусковъ оныхъ, въ случаѣ неустранимыхъ государственныхъ надобностей, могла бы еще имѣть какой-нибудь смыслъ еслибы, въ подобныхъ случаяхъ, безъ принятія рекомендуемой мѣры, новые выпуски были дѣйствительно невозможны. Но этого на дѣлѣ нѣтъ. Новые выпуски, конечно оправдываемые дѣйствительною въ нихъ надобностью, весьма удобно могутъ быть дѣлаемы и безъ насильственнаго сокращенія денежнаго обращенія. Для того же чтобъ эти выпуски не оказались экономически вредными, для гарантированія экономическаго быта отъ болѣзненныхъ явленій чрезмѣрной денежной раздутости требуется мѣра не имѣющая ничего общаго съ искусственными изъятіями бумажныхъ денегъ до и послѣ выпусковъ: нужно созданіе естественнаго регулятора денежнаго обращенія. Обращикъ такого регулятора мы уже имѣли въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ той формы въ какой они существовали до конца пятидесятыхъ годовъ. Пока дѣйствовалъ этотъ регуляторъ, выпуски кредитныхъ билетовъ не производили никакихъ вредныхъ экономическихъ послѣдствій: противъ этого не спорятъ даже завзятые противники нашихъ кредитныхъ денегъ. Деньги превышавшія экономическую въ нихъ потребность стекались въ кассы въ видѣ вкладовъ, обращаясь временно въ безсрочный процентный долгъ, и могли снова расходиться по странѣ при предъявленіи на нихъ спроса самою экономическою жизнью, причемъ казна освобождалась отъ уплаты процентовъ. Лишь когда былъ уничтоженъ этотъ благодѣтельный регуляторъ, произошелъ тотъ кризисъ который наши экономисты такъ любятъ ставить въ вину бумажнымъ деньгамъ, чтобы выгородить отъ отвѣтственности свою собственную доктрину банковыхъ учрежденій. Ничто не мѣшаетъ, однако, создать вновь неосмотрительно разрушенный регуляторъ денежнаго обращенія, обезпечивъ тѣмъ государству удобство пользоваться, въ случаѣ нужды, рессурсомъ бумажно-денежныхъ выпусковъ, и одновременно гарантировавъ страну отъ опасностей чрезмѣрной полноты денежнаго обращенія. Благодаря такому регулятору, размѣры необходимаго странѣ денежнаго обращенія опредѣлялись бы въ каждую данную минуту дѣйствительнымъ, естественнымъ ходомъ экономической жизни, а не гадательными и фиктивными кабинетными разчетами, чѣмъ, какъ можно полагать, были бы устранены причины многихъ кризисовъ, вызываемыхъ, при разныхъ обстоятельствахъ, то избыткомъ, то недостаткомъ въ денежныхъ знакахъ. Правильный порядокъ въ денежномъ обращеніи установился бы такимъ образомъ безъ экономическихъ потрясеній, безъ усиленія нашей зависимости отъ иностранцевъ, неизбѣжнаго при всякихъ займахъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ (при послѣднихъ, правда, въ меньшей мѣрѣ), и съ возложеніемъ на податныя средства страны несравнено меньшихъ тягостей противъ тѣхъ какія желаютъ наложить на нее составители проектовъ изъятія кредитныхъ билетовъ путемъ государственныхъ займовъ.

№ 172.

Москва, 6-го іюля.

У всѣхъ еще на свѣжей памяти подвиги нашихъ моряковъ въ минувшую компанію и на Черномъ Морѣ, и на Дунаѣ. Съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою отвагой, на утлыхъ посудинахъ, шли они на встрѣчу врагу, врывались ночью въ его неосвѣщенные порты, гдѣ по случаю войны были сняты всѣ вѣхи, бакены, голики и прочіе предостерегательные знаки? Во всю кампанію и наши берега оставались темными, знаки были также сняты, но все шло благополучно, ни о какихъ аваріяхъ,

ни постановкахъ на мель, ничего не было слышно...

Но вотъ кончилась кампанія, зажглись маяки, выставлены вѣхи, бакены и гоки... Поплыла другая плеяда мореходцевъ, и пошло несчастіе за несчастіемъ, случай за случаемъ. Приткнулась къ камнямъ *Ливадія*, *Петръ Великій*, поповка *Вице-адмиралъ Поповъ*, наконецъ *Держава*, на которой находилась Е. И. В. Государыня Цесаревна. Гдѣ же они садились на мель, притыкались къ камнямъ? У своихъ береговъ, на самыхъ торныхъ путяхъ, на самыхъ знакомыхъ мѣстахъ. Пошли аваріи: то батарея *Первенецъ* расшибла англійское торговое судно, то крейсеръ *Забіяка* столкнулся тоже съ англійскимъ купцомъ.

Рядъ несчастій закончился взрывомъ шестовой мины во время ученья, тогда какъ всю войну наши миноноски работали, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, тѣми же шестовыми минами вполнѣ удачно и благополучно.

Винить за несчастія весь составъ нашего флота, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлается, было бы опрометчиво: прикосновенны къ этимъ случаямъ не всѣ. Въ нашемъ флотѣ есть много заслуженныхъ репутацій, много именъ пользующихся громкою извѣстностью, опытныхъ мореходовъ и храбрыхъ бойцовъ.

Но въ нашемъ флотѣ есть и могутъ быть, какъ и вездѣ, люди мало опытные, недостаточно внимательные и неосторожные. Еще не такъ давно, въ Англіи, знаніе и опытность моряковъ которой стоятъ внѣ сомнѣнія, случилось нѣчто совершенно сходное съ тѣмъ что̀ дѣлается у насъ теперь. Приняты были должныя мѣры, и несчастія прекратились. Эти мѣры заключались въ устраненіи нѣсколькихъ командировъ не отвѣчавшихъ своему назначенію, нѣсколькихъ адмираловъ опочившихъ на лаврахъ. И только. Англичанамъ и въ голову не приходило обрушиться съ нареканіями на весь свой флотъ. Но въ Англіи не думали также находить что притыкаться къ мелямъ слѣдуетъ, не говорили: „какой же морякъ, молъ, не притыкался,“ какой морякъ не сталкивался съ купцомъ, не сваливали всей бѣды на то что въ моряхъ существуютъ мели, что по морямъ плаваютъ неосторожные и даже злоумышленные „купцы,“ которые думаютъ топить военныя суда.

Постановка судна на мель даже въ случаѣ явной виновности командира, также какъ и всякая аварія, всякое столкновеніе, еще не доказываютъ незнанія, неумѣлости, невсегда даже служатъ доказательствомъ его неопытности; чаще, эти случаи бываютъ признакомъ неосторожности, небрежности, риска.

Судъ по дѣлу о крушеніи яхты *Ливадія* доказалъ что причиною несчастія была неосторожность, рискъ въ назначеніи курса и нѣкоторыя упущенія по вахтѣ. Поповка *Вице-адмиралъ Поповъ* приткнулась къ мели потому что вдругъ „рискнула,“ то-есть ослушалась руля. *Держава* сѣла на мель потому что не слушалась руля вовсе. Въ обоихъ случаяхъ, прикосновенные къ дѣлу командиры могутъ быть обвиняемы развѣ лишь въ неосторожномъ разчетѣ на бо̀льшую чѣмъ оказалось на дѣлѣ послушность судна рулю и за рискованно выбранный путь.

Еще нагляднѣе это обнаруживается въ столкновеніи нашего крейсера *Забіяка* въ Ламаншѣ съ англійскимъ купеческимъ пароходомъ *Лордъ Байронъ*. Командиръ и команда крейсера *Забіяка* не могутъ быть обвиняемы въ неопытности: они шли съ Океана,—не могутъ быть укоряемы въ небрежности и невниманіи: это показываютъ подробности столкновенія.

Идутъ два судна на перерѣзъ одно другому. По „Правиламъ пути въ морѣ,“ нашъ крейсеръ долженъ былъ дать дорогу встрѣчному судну, что̀ и было исполнено своевременно. Англичанинъ, вопреки правиламъ, самъ вздумалъ мѣнять курсъ, и опять возникла опасность столкновенія. *Забіяка* вновь далъ ему дорогу, Англичанинъ повторилъ свой маневръ; наше судно еще уклонилось, Англичанинъ еще разъ пошелъ на перерѣзъ. Вѣроятность столкнуться была велика. Что̀ оставалось дѣлать командиру? Одно изъ двухъ: или идти назадъ взятымъ въ послѣдній разъ курсомъ, или попытаться проскочить у встрѣчнаго парохода „подъ носомъ.“ Первое рѣшеніе сводилось бы къ избитому правилу формулованному въ видѣ переведеннаго съ англійскаго языка „пунктику.“

За всѣмъ окружающимъ
Сомнѣнье внушающимъ
Зорко должно наблюдать,
Мѣста жь при малости,
Или въ опасности,
Ходъ задній дать...

Командиръ, такъ свидѣтельствуетъ его рапортъ, выбралъ второе рѣшеніе, и перемѣнивъ уменьшенный уже ходъ на полный, рѣшился „проскочить подъ носомъ," въ чемъ „однако не успѣлъ, такъ какъ „пароходъ повидимому не уменьшилъ своего хода." Опять не незнаніе или неумѣнье, а рискъ; можетъ-быть даже желаніе щегольнуть.

Между тѣмъ, случай этотъ приводитъ иныхъ къ подозрѣнію не было ли у купеческаго парохода *Лорда-Байрона* злаго умысла таранить и топить *Забіяку*.

Другой вопросъ, насколько опытность способствуетъ развитію въ морякѣ разумной осторожности. Кто читалъ донесенія нашихъ моряковъ плавающихъ на дальнемъ Востокѣ, въ открытомъ океанѣ, входящихъ въ чужіе порты, тотъ не можетъ не признать ихъ дѣйствія весьма осторожными; но въ томъ-то и дѣло что далеко отъ своего берега, въ чужихъ водахъ, помощь можетъ явиться слишкомъ поздно, опасность увеличивается, близокъ немедленный разчетъ, суровая отвѣтственность за малѣйшую неосторожность—и желаніе рискнуть сдерживается. Въ своихъ водахъ совсѣмъ иное. Вотъ почему несчастія чаще въ своихъ водахъ, гаваняхъ и рейдахъ чѣмъ за границей.

Привычка, говорятъ, вторая натура. Морякъ много плававшій за границей легко становится осторожнѣе того чья практика и служба состоятъ только въ плаваніи у своихъ береговъ.

Позволительно желать чтобы всѣ наши моряки проходили суровую школу Океанской службы, чтобы командиры, которымъ довѣряется жизнь нѣсколькихъ сотенъ людей и судно стоящее милліоны, были люди прошедшіе эту школу истаго моряка, но не менѣе должна быть желаема и дѣйствительная, серіозная отвѣтственность предъ закономъ за неумѣстный рискъ, неосторожность и небрежность. Слишкомъ слабая отвѣтственность сама по себѣ можетъ стать причиной развитія неосторожности и небрежности въ широкихъ размѣрахъ даже и у людей знающихъ и опытныхъ.

№ 173.

Москва, 7-го Іюля.

Новый германскій тарифъ, ставшій нынѣ закономъ, былъ задуманъ, согласно неоднократнымъ публичнымъ заявленіямъ князя Бисмарка, не только въ видахъ возвышенія финансовыхъ средствъ имперіи, но и для того чтобы дать имперскому правительству боевые способы для принужденія другихъ государствъ къ таможеннымъ соглашеніямъ съ Германіей, дабы облегчить вывозъ ея промышленныхъ произведеній за границу. Россія „упорно закрывавшая свои двери германской торговлѣ" стояла при этомъ на первомъ планѣ, чего князь Бисмаркъ также не скрывалъ.

Слѣдя за многообразными и продолжительными перипетіями которыя прошелъ этотъ важный актъ германскаго законодательства, мы съ самаго начала утверждали что Россія можетъ съ полнымъ спокойствіемъ взирать на готовящуюся въ Германіи перемѣну, и что не только ей нѣтъ повода опасаться ущерба своимъ матеріальнымъ интересамъ отъ обложенія ея продуктовъ на германской границѣ, но что напротивъ ей предстоитъ возможность извлечь изъ этой перемѣны значительную для себя выгоду. Именно, мы указывали на представляющуюся возможность кореннымъ образомъ измѣнить, съ помощью новаго нѣмецкаго тарифа, тотъ ненормальный порядокъ вещей благодаря коему огромная доля выгоды отъ нашей сѣверной вывозной торговли доставалась германскимъ портамъ на Балтійскомъ морѣ, искусственно направившимъ къ себѣ пути нашего отпуска.

Предсказанія наши сбылись ранѣе чѣмъ можно было предположить. Германскій рейхстагъ принялъ, правда, ввозную пошлину на хлѣбное зерно и на лѣсъ, и даже возвысилъ, при третьемъ чтеніи тарифа, пошлину на рожь до 1 марки за центнеръ (вмѣсто 50 пфенниговъ предложенныхъ правительствомъ); но вмѣстѣ съ тѣмъ, рейхстагъ, при этомъ послѣднемъ чтеніи, назначилъ срокомъ введенія въ дѣйствіе новыхъ пошлинъ на указанные продукты не 1 октября сего года, какъ настаивало правительство, а 1 января 1880 года. Главнымъ мотивомъ для такой отсрочки служили плохіе виды на урожай этого лѣта въ Германіи, но изъ этого ясно что Гер-

манія, относительно хлѣба, сама сознаетъ свою зависимость отъ Россіи. Новую пошлину не считаютъ тамъ возможнымъ взимать въ такое время когда предвидится *дѣйствительная* потребность въ привозѣ изъ Россіи, очевидно по той причинѣ что налогъ этотъ былъ бы уплаченъ не производителями русскими, какъ настойчиво доказывалъ князь Бисмаркъ при обсужденіи хлѣбныхъ налоговъ, а германскими потребителями. Но и помимо того, если хлѣбная пошлина должна имѣть значеніе „боевой," дабы побудить Россію домогаться ея отмѣны соотвѣтственнымъ пониженіемъ *ея* тарифа на предметы привоза изъ Германіи, то не мѣшаетъ знать какъ велика вообще цифра ожидаемаго отъ этого налога прихода для германской казны, независимо отъ вопроса изъ чьего кармана приходъ этотъ въ концѣ концовъ поступитъ. Для этого мы имѣемъ указаніе изъ устъ столь компетентнаго въ дѣлѣ налоговъ и пошлинъ г. Дельбрюка, который въ послѣднемъ засѣданіи рейхстага засвидѣтельствовалъ что хлѣбная пошлина, то есть *весь* привозъ хлѣба изъ Россіи и Австріи, можетъ дать не болѣе 17 милліоновъ марокъ, то-есть около 6 милліоновъ рублей. Но можетъ ли идти эта цифра въ сравненіе съ суммами взимаемыми русскою таможней на германской границѣ?

Гораздо важнѣе хлѣбнаго привоза изъ Россіи собственно для Германіи та масса хлѣбнаго зерна, а также строеваго лѣса, которая идетъ изъ Россіи транзитомъ чрезъ Германію, обогащая прусскія гавани на счетъ естественныхъ исходныхъ пунктовъ русской торговли на нашемъ побережьи. Князь Бисмаркъ имѣлъ въ виду взимать свои новыя пошлины и съ этого транзита, и доказывалъ что русская отпускная торговля настолько закрѣпощена Кенигсбергу, Данцигу и Мемелю что она скорѣе выдержитъ этотъ добавочный расходъ на пограничную германскую пошлину нежели уклонится отъ прежняго пути къ русскимъ портамъ. На дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ не такъ, и едва ли князь Бисмаркъ, какъ теперь оказывается, самъ вѣрилъ въ то что утверждалъ. Приведенныя соображенія были имъ высказаны въ то время когда приходилось бороться всѣми средствами за хлѣбныя пошлины предъ рейхстагомъ и когда противники ихъ выставляли интересы прусскихъ балтійскихъ портовъ однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ противъ этихъ пошлинъ вообще. Но какъ только рейхстагъ принялъ оныя, балтійскимъ портамъ была сдѣлана уступка которой они добивались, и въ тарифный законъ былъ включенъ параграфъ освобождающій отъ налога всѣ продукты которые идутъ транзитомъ чрезъ Германію, причемъ этою льготой пользуются и *смѣси* русскаго хлѣба съ нѣмецкимъ (въ размѣрѣ русской примѣси), причемъ склады торговцевъ производящихъ такія смѣшенія избавлены отъ слишкомъ для нихъ тягостныхъ формальностей надзора для огражденія казеннаго интереса. Льгота эта дарована и лѣсоторговцамъ разрабатывающимъ русскій и австрійскій лѣсъ съ цѣлью дальнѣйшаго вывоза. Словомъ, прусскимъ балтійскимъ портамъ возвращены всѣ тѣ преимущества какія имъ нужны чтобы попрежнему эксплуатировать русскую отпускную торговлю. Мы думаемъ, однако, что дѣло это все-таки не возвратится къ своему прежнему положенію и что разчетъ на обычную безпечность Россіи въ дѣлѣ ея собственныхъ интересовъ на этотъ разъ удастся не вполнѣ. Не пиши чорта на стѣнѣ, гласитъ нѣмецкая пословица. А на этотъ разъ Германія, кажется, погрѣшила противъ этого правила, выяснивъ намъ до очевидности какъ великъ ущербъ наносимый Россіи отвлеченіемъ ея отпуска къ прусскимъ портамъ. Въ берлинскихъ газетахъ то и-дѣло появляются плачевныя сообщенія о томъ какъ энергически принялись въ Россіи за измѣненіе существовавшаго до сихъ поръ порядка вещей, какъ Либава со своимъ портомъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и какъ падаетъ пограничный городъ Эйдкуненъ, смежный съ Вержболовымъ, гдѣ, по словамъ тѣхъ же газетъ, недавно упразднены и закрыты обширныя приспособленія для склада отпускаемыхъ изъ Россіи товаровъ.

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить еще слѣдующей попытки Германскаго правительства заручиться боевымъ противъ Россіи средствомъ, попытки не увѣнчавшейся успѣхомъ.

Въ проектъ тарифнаго закона включенъ былъ параграфъ предоставляющій правительству возвысить на 50 процентовъ пошлину на продукты изъ странъ гдѣ германскій привозъ поставленъ въ условія менѣе благопріятныя нежели какой бы то ни было иностранный привозъ. Этимъ имѣлось въ виду, помощью репрессіи, со-

хранить за Германіей возможность пользоваться и впредь правомъ „наиболѣе благопріятствуемыхъ націй" въ тѣхъ странахъ которыя держатся системы торговыхъ трактатовъ. Параграфъ этотъ прошелъ безпрепятственно въ рейхстагѣ. Но преобразователямъ германскаго тарифа этого было недостаточно, именно потому что установленныя такимъ образомъ репрессаліи были непримѣнимы къ Россіи, ибо Россія, какъ извѣстно, ни съ кѣмъ торговыхъ трактатовъ не заключала, и никакое государство состоящее съ нею въ торговыхъ сношеніяхъ не пользуется какими-либо преимуществами предъ другими.

И вотъ, въ засѣданіи 8 іюля, депутатъ графъ Удо Штольбергъ внесъ къ указанному параграфу дополненіе, въ силу коего имперское правительство можетъ примѣнить сказанную репрессалію (возвышеніе пошлины вдвое противъ тарифа) къ произведеніямъ такихъ странъ „которыя взимаютъ съ привозимыхъ къ нимъ германскихъ произведеній пошлину *значительно бо́льшую* противъ взимаемой съ иностраннаго привоза въ Германіи." Президентъ имперскаго канцлерства, г. Гофманъ, усердно поддерживалъ это предложеніе, очевидно направленное спеціально противъ Россіи. Рейхстагъ однако отвергъ оное. Основаніемъ для отказа послужило, конечно, не большее дружелюбіе къ Россіи сравнительно съ правительствомъ, а то что съ принятіемъ столь растяжимаго и неопредѣленнаго правила рейхстагъ фактически предоставилъ бы министерству полную власть измѣнять и передѣлывать вновь утвержденный тарифъ по своему усмотрѣнію. На такую существенную уступку не могло рѣшиться и теперешнее, столь усердствующее князю Бисмарку, большинство.

№ 175.

Москва, 9-го Іюня.

Интересъ возбужденный трудомъ экономическимъ положеніемъ Англіи, кромѣ рѣшенія нарядить королевскую коммиссію для разслѣдованія причинъ упадка земледѣлія обозначился еще другимъ обстоятельствомъ. Черезъ немного дней послѣ преній касавшихся учрежденія упомянутой коммиссіи, другой членъ палаты общинъ внесъ въ нее резолюцію о томъ чтобы всѣ отрасли исполнительной власти относящіяся къ торговлѣ и земледѣлію были соединены въ особый департаментъ подъ управленіемъ статсъ-секретаря, который долженъ быть непремѣнно членомъ кабинета. Правительство высказалось противъ предложенія, но покорное большинство измѣнило ему, и и резолюція объ учрежденіи министерства земледѣлія и торговли была принята большинствомъ 76 голосовъ противъ 56.

Но ни учрежденіе министерства земледѣлія и торговли котораго пока еще не существуетъ, ни разслѣдовательная коммиссія, доклада коей придется дожидаться года два или три, разумѣется ничѣмъ не помогутъ нынѣшнему бѣдственному положенію.

Главными причинами убытковъ понесенныхъ въ послѣдніе годы англійскими фермерами были постоянные неурожаи и низкая цѣна привознаго хлѣба главнымъ образомъ изъ Америки. Первая причина не зависитъ отъ воли человѣческой, но можно надѣяться что за плохими годами наступитъ рядъ урожайныхъ. Важнѣе дознаться въ состояніи ли англійское земледѣліе и въ благопріятные годы само устанавливать цѣны на хлѣбъ и выдерживать иностранную конкурренцію.

Обработка земли въ Англіи стоитъ выше чѣмъ въ какой-либо странѣ, за исключеніемъ развѣ Голландіи. Тамъ земледѣліе давно обставлено научнымъ образомъ и извлекаетъ изъ даннаго пространства почвы болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Оно имѣетъ еще на своей сторонѣ то преимущество что сбываетъ свои продукты тутъ же на мѣстѣ, тогда какъ стоимость привозныхъ продуктовъ увеличивается цѣной транспорта. Однако привозные-то продукты и подрываютъ цѣну туземныхъ. Стало-быть производство первыхъ настолько дешевле что, вмѣстѣ съ расходами дальняго провоза, оставляетъ еще земледѣльцу барышъ какого, при настоящихъ цѣнахъ, не даетъ производство англійскимъ фермерамъ. Въ Англіи полагаютъ что нынѣшнія цѣны провоза ненормально низки. Во первыхъ, говорятъ ихъ сбила лихорадочная конкурренція американскихъ желѣзныхъ дорогъ съ тѣхъ поръ какъ производство хлѣба въ центральныхъ и западныхъ штатахъ приняло громадные размѣры, и предсказываютъ что это не можетъ продолжаться. Но сомнительно чтобъ и теперь эти желѣзныя дороги работали въ убытокъ.

Какъ на другое условіе дешевизны провоза указываютъ на низкость морскихъ фрахтовъ, вслѣдствіе общаго упадка торговыхъ предпріятій, а слѣдовательно и судоходства; поэтому надѣются что съ оживленіемъ торговли дожны будутъ подняться и фрахты. Можетъ-быть, только неизвѣстно когда это наступитъ, а доселѣ признаковъ оживленія не замѣтно.

За всѣмъ тѣмъ, если и поднимутся фрахты, остается еще неизвѣстнымъ не можетъ ли американскій хлѣбъ по дешевизнѣ производства, выдерживать и высокіе фрахты. Громадное земледѣльческое производство Соединенныхъ Штатовъ есть явленіе лишь послѣднихъ лѣтъ, и можно сказать что оно находится еще только въ началѣ своего развитія. Замѣчателенъ фактъ что толчокъ ему былъ данъ именно тѣмъ промышленнымъ кризисомъ который такъ тяготѣетъ надъ Англіей, отъ котораго не свободны болѣе или менѣе и другія страны, и который прежде всего наступилъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1873 году. Но Америка имѣла рессурсъ котораго именно лишена Англія. Мануфактурный кризисъ тамъ направилъ широкую волну переселенія изъ при-Атлантическихъ штатовъ на западъ, въ неизмѣримыя пространства дѣвственной почвы въ Канзасѣ, Небраскѣ, Дакотѣ и Миннезотѣ, и оживилъ ихъ кипучею сельскою дѣятельностью. Но, кромѣ того что и тамъ еще далеко не все занято и остаются громадныя пространства дѣвственной почвы ожидающія появленія человѣка въ сосѣдствѣ этихъ штатовъ и въ связи съ ними находится другая область уже привлекающая переселенцевъ и обѣщающая не меньшее богатство, а именно мало извѣстная провинція Манитоба въ Британской Колумбіи, нынѣ включенная въ Канадскую федерацію. На нее обращаетъ вниманіе очень интересная статья г. Вернона Смита въ послѣднемъ нумерѣ журнала *Nineteenth Century*. О томъ какъ выгодно земледѣліе въ новыхъ штатахъ, напримѣръ въ Миннезотѣ, г. Смитъ приводитъ слѣдующія данныя. Онъ высчитываетъ что 30 бушелей пшеницы съ акра (бушель=1 четв. 3 гарнца, акръ=859 кв. саж.) покрываютъ всѣ расходы по покупкѣ земли и разчисткѣ, обработкѣ и сбору жатвы, включая даже погрузку въ вагоны и процентъ на затраченный капиталъ, и затѣмъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ 30 бушелей съ акра первой жатвы покрываютъ всѣ издержки, возвращаютъ капиталъ и оставляютъ первоклассную огороженную ферму въ высокой степени обработки для послѣдующаго употребленія. Все свыше 30 бушелей есть барышъ по возвращеніи капитала и процентовъ, а между тѣмъ эта земля производитъ часто 40 и 50 бушелей, оставался 2 и 3 ф. ст. на акръ барыша за всѣми расходами и покрытіемъ капитала и процентовъ. Гдѣ вы найдете дѣло которое бы въ одинъ годъ оплачивало всѣ расходы по покупкѣ и учрежденію и оставляло бы денежный барышъ и обзаведеніе стоящее вчетверо противъ первоначальнаго расхода?“ Мѣстность о которой это говорится лежитъ по Красной Рѣкѣ и включаетъ американскій штатъ Миннезоту и сопредѣльную съ нимъ канадскую провинцію Манитобу. Громадныя продажи земли тамъ показываютъ что въ приведенномъ отзывѣ едва ли есть преувеличеніе. Въ одномъ прошедшемъ году было продано по обѣимъ сторонамъ границы болѣе шести милліоновъ акровъ земли! Авторъ высчитываетъ что черезъ пять лѣтъ воздѣлка пшеницы въ этой плодородной мѣстности прибавитъ до 100 милліоновъ бушелей къ ежегодной доставкѣ этого хлѣба, тогда какъ теперь изо всѣхъ американскихъ и канадскихъ портовъ доставляется пшеницы еще менѣе 50 милліоновъ *). О громадномъ пространствѣ этихъ территорій можно судить по тому что пріобрѣтенныя Канадой западныя провинціи, бывшія владѣнія Гудзонбейской Компаніи, заключаютъ 2.984.000 квадр. миль, между тѣмъ какъ всѣ Соединенные Штаты заключаютъ 2. 933.600 квадр. миль.

При такихъ обширныхъ пространствахъ для воздѣлыванія и при такомъ плодородіи, очевидно что и возвышеніе фрахтовъ не можетъ задержать это развитіе. Кромѣ того, и пути сообщенія далеко еще не развиты. Проектируются и пролагаются все новые рельсовые пути которые облегчатъ доступъ къ мѣстамъ пока не имѣющимъ сообщенія. Г. Смитъ указываетъ на возможность и непрерывнаго воднаго пути. Вся эта мѣстность обильно орошена боль-

*) Кстати замѣтимъ что американская конкуренція не мѣшаетъ привозу русскаго хлѣба въ Англію. Хотя г. Смитъ не касается Россіи, но онъ приводитъ что въ 1877 году. несмотря на закрытіе черноморскихъ портовъ, было привезено изъ Россіи въ Англію хлѣба 188 625.000 бушелей.

шими судоходными рѣками которыя, вмѣстѣ съ озерами, составляютъ одну водную систему, изливающуюся черезъ мало извѣстную рѣку Нельсонъ въ Гудзонбейскій заливъ. Портъ Нельсонъ, при устьѣ ея, лежитъ въ обширной и безопасной естественной гавани, которая на 80 миль ближе къ Ливерпулю чѣмъ Нью-Йоркъ, и съ іюня по октябрь доступна для океанскихъ пароходовъ.

Г. Смитъ радуется что эти богатыя поля западной Канады сдѣлаютъ Англію независимою отъ *иностраннаго* хлѣба, какъ будто канадскій хлѣбъ для англійскихъ фермеровъ не все равно что иностранный! Канада же, какъ и всѣ англійскія колоніи, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана свобода внутренняго управленія, держится покровительственной системы не менѣе строго чѣмъ Соединенные Штаты. Слѣдовательно, и къ ней пришлось бы примѣнить взаимность?

Въ виду всего этого, англійскому земледѣлію остается удешевить производство. Желающіе возвращенія къ протекціонизму, твердятъ что это невозможно. Противники же ихъ указываютъ на другія причины стѣсняющія земледѣлія. Стѣсненій этихъ множество. Жалуются на необезпеченность арендъ, на рискъ капитала затраченнаго фермеромъ на улучшенія, на стѣсненіе въ свободѣ обработки и въ распоряженіи продуктами, на чрезмѣрное охраненіе дичи для охоты ландлордовъ, на законъ *distress* дающій землевладѣльцу преимущественное право предъ всѣми прочими кредиторами фермера, на стѣснительный законъ объ ипотекахъ, особенно въ Шотландіи. Другіе идутъ дальше и требуютъ пересмотра всѣхъ законовъ касающихся перехода и передачи земли, требуютъ примѣненія и къ землѣ свободной торговли — *free trade in land*. Дѣйствительно, поземельная система въ Англіи единственная въ своемъ родѣ, какой нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, какъ замѣтилъ лордъ Гартингтонъ. Съ особенною рѣзкостью обличалъ ея недостатки г. Брайтъ, задѣтый за живое слишкомъ явными стремленіями многихъ къ возстановленію хлѣбныхъ законовъ. Онъ изобличалъ ее какъ гигантскую монополію. Въ Англіи и Вельсѣ болѣе 9 милліоновъ акровъ, или четверть всей почвы, есть собственность 874 лицъ; въ Шотландіи 70 лицъ владѣютъ 9.400.000 акровъ, то-есть болѣе половины всей почвы, а 1.700 лицамъ принадлежатъ девятнадцать двадцатыхъ всей страны; въ Ирландіи почти половина земли принадлежитъ 744 лицамъ. „Вы слѣпы, восклицалъ г. Брайтъ своимъ противникамъ, вашей коммиссіи придется разслѣдовать отчего въ нашей странѣ такъ мало владѣльцев почвы.“ Въ Америкѣ же фермеры, какъ онъ указывалъ, воздѣлываютъ почву и владѣютъ ею, не зная ни ренты, ни десятинъ, ни налога на содержаніе бѣдныхъ.

Но и этого мало. Посредствомъ субституціи разныхъ повинностей, налагаемыхъ на землю въ завѣщаніяхъ (*entail and settlement*), земля такъ закрѣплена въ Англіи что и эти немногіе владѣльцы большею частью не свободны распоряжаться ею и ограничиваются пожизненнымъ правомъ пользованія. Это конечно препятствуетъ привлеченію капиталовъ къ землѣ. На это обстоятельство, между прочимъ, указывалъ и лордъ Макдуфъ, самъ наслѣдникъ обширныхъ помѣстій. Въ пользу пересмотра и нѣкоторыхъ перемѣнъ поземельныхъ законовъ высказался и лордъ Гартингтонъ, вождь либеральной партіи, который, впрочемъ, не совсѣмъ въ ладахъ со своими ретивыми послѣдователями. Его, повидимому, испугала перспектива открывающейся въ будущемъ агитаціи, когда онъ, говоря о невозможности такой „революціонной“ мѣры какъ обложеніе налогомъ пищи, убѣждалъ что люди утверждающіе что земля въ Англіи не можетъ быть обрабатываема съ выгодой при настоящихъ условіяхъ сами обращаютъ вниманіе на недостатки этой поземельной системы, коей подобной нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, „системы при которой земля раздѣлена на большія помѣстья, а собственники, хотя богатые люди, не полные господа своей собственности, не могутъ распоряжаться ею какъ пожелаютъ; системы, при коей обработкою почвы занимается классъ людей которые и не владѣльцы почвы и не просто земледѣльцы, и при ней же настоящіе земледѣльцы никогда не могутъ надѣяться стать владѣльцами.“ Когда наслѣдникъ герцога Девонширскаго говоритъ такимъ образомъ, значитъ онъ предвидитъ какія требованія можетъ возбудить неосторожная агитація въ пользу хлѣбныхъ законовъ.

Если же поземельный вопросъ будетъ поднятъ въ Англіи иначе чѣмъ въ видѣ хлѣбныхъ законовъ, то трудно и предвидѣть къ чему это поведетъ. Одно можно сказать: въ Англіи, гдѣ богатство такъ странно переплелось съ пролетаріатомъ,

подготовляется, а можетъ-быть и близится переворотъ, въ результатѣ коего она будетъ уже не тою Англіей какую мы знаемъ нынѣ.

№ 176.

Москва, 10-го іюля.

Послѣдняя рѣчь князя Бисмарка произвела сенсацію въ Европѣ, помимо ея экономическихъ тезисовъ, главнымъ образомъ по тѣмъ выраженіямъ въ коихъ онъ откровенно высказалъ свой взглядъ на значеніе такъ-называемаго конституціонализма. Эти выраженія породили смятеніе не въ однихъ рядахъ германскихъ либеральныхъ парламентаристовъ. Вмѣстѣ съ ними, и англійскіе органы печати всѣхъ партій оплакиваютъ паденіе парламентской жизни въ Германіи. Дѣйствительно, всѣ крики о томъ будто принятіемъ предложенія Франкенштейна о „федеральныхъ“ гарантіяхъ князь Бисмаркъ сдѣлалъ уступку въ пользу партикуляризма и ослабилъ строеніе имперіи, воздвигнутое его же руками, лживы какъ онъ это блистательно доказалъ, и въ сущности выражаютъ лишь досаду на то что онъ поставилъ финансы имперіи на прочномъ основаніи. Это внѣ всякихъ соображеній объ экономическихъ послѣдствіяхъ его плановъ. Польза или вредъ ихъ для экономическаго быта страны обнаружится въ будущемъ. Теперь же все дѣло въ томъ что отдѣльнымъ государствамъ князь Бисмаркъ сдѣлалъ уступку, давъ имъ долю участія въ выгодахъ имъ ожидаемыхъ отъ новыхъ таможенныхъ налоговъ; но за то имперское правительство избавилось отъ „конституціонныхъ“ гарантій какихъ требовали либералы и радикалы, т.-е. отъ необходимости ежегодно препираться о бюджетѣ имперіи и быть въ зависимости отъ всякой случайной коалиціи группъ. Очевидно что это отнюдь не ослабляетъ имперіи, а скорѣе придаетъ ей прочность. Съ отдѣльными правительствами, которыя притомъ сами заинтересованы, получая часть доходовъ въ свою пользу, всегда будетъ легче столковаться чѣмъ съ корифеями разнохарактерныхъ кликъ въ рейхстагѣ. Единство имперіи отъ того не пострадаетъ, да и нелѣпо думать чтобы князь Бисмаркъ принималъ его менѣе близко къ сердцу чѣмъ гг. Ласкеръ и Рихтеръ.

Съ точки зрѣнія парламентскаго доктринерства, перемѣна фронта князя Бисмарка, избавившая его отъ „конституціонныхъ“ гарантій, является ересью. Но его никогда не смущало поклоненіе фразѣ. „Не думаете ли вы,“ воскликнулъ онъ въ рейхстагѣ, „что я поступалъ изъ любви къ конституціонной системѣ? Отнюдь нѣтъ, господа. Правда, я не противникъ ея, но будь я убѣжденъ что диктатура, абсолютизмъ вѣрнѣе утвердили бы германское единство, я безъ колебаній сталъ бы на сторону абсолютизма.“ Говоря въ палатѣ представителей, онъ конечно соблюдалъ извѣстныя приличія; но онъ такъ рельефно выставлялъ несостоятельность доктринерскаго парламентаризма что нельзя сомнѣваться въ его образѣ мыслей. „Правительство не можетъ,“ говорилъ онъ, „бѣгать за отдѣльными фракціями... По моему взгляду, я бы измѣнилъ дѣлу за которое взялся во имя отечества еслибъ изъ-за вздорныхъ пререканій, противорѣчивыхъ теорій бросилъ цѣль не достигнутою, въ ту минуту когда мнѣ оставалось бы только протянуть къ ней руку.“ Намекъ показывающій что князь Бисмаркъ не считаетъ еще свою задачу устроенія и обезпеченія Германской имперіи оконченною. А стѣсняетъ его парламентская борьба въ достиженіи цѣли тѣмъ что въ Германіи партіи дробятся на клики, изъ коихъ каждая представляетъ собою ничтожную группу, и случайнымъ сдѣлкамъ между ними невозможно подчинять дѣла великой страны. Притомъ ни отъ либераловъ, ни отъ прогрессистовъ онъ не слыхалъ ни одного положительнаго предложенія, а лишь отрицанія всего что̀ сдѣлали бы другіе. По его объясненію, онъ могъ бы допустить большее вліяніе парламента на правительство только въ томъ случаѣ „еслибы въ Германіи была партія которая имѣла бы за собою дѣйствительное большинство,“ а не такое которое, даже при единодушіи, что рѣдкость, не достигаетъ и четверти парламента. Въ этихъ словахъ видятъ указаніе на примѣръ Англіи, гдѣ двѣ плотно консолидированныя партіи, либеральная и консервативная, чередуются во власти, по мѣрѣ того какъ овладѣваютъ большинствомъ.

Князь Бисмаркъ изобразилъ парламентскіе порядки очень мѣтко и справедливо не только по отношенію къ Германіи, но и ко всѣмъ континентальнымъ странамъ устроившимся по шаблону. То же явле-

ніе видимъ во Франціи, Италіи, Австріи; то же дробленіе на кучки и безсмысленная борьба. Въ Аѳинахъ и Букурештѣ разыгрываются по нѣскольку разъ въ годъ бури въ стаканѣ воды. Дошло до того что кучки зовутся попросту именами вожаковъ. Копируя у Англіи форму, забыли о духѣ, смыслѣ и реальной силѣ англійскихъ порядковъ. Прибавить впрочемъ слѣдуетъ что англійскіе порядки, плѣнившіе своими верхушками континентальныхъ политиковъ, принадлежатъ къ жизни прошлаго столѣтія. Въ нынѣшней Англіи многое уже такъ сильно измѣнилось что преданіе и уваженіе къ прошлому, столь сильныя въ этой странѣ, едва удерживаютъ прежніе порядки. Теперь, напримѣръ, сессія близится къ концу, а дѣла въ полномъ хаосѣ, и въ палатѣ общинъ разыгрывается рядъ шумныхъ сценъ приводящихъ въ стыдъ Англичанъ и ни въ чемъ не уступающихъ безобразіямъ Версальскаго собранія.

Правительство въ Англіи теперь сильное, имѣющее за собою безусловно покорное большинство. Оппозиція же тѣмъ слабѣе что въ рядахъ ея номинально числится группа ирландскихъ непримиримыхъ, такъ называемыхъ *гомъ-рулеровъ*, добивающихся поставить Ирландію относительно Англіи въ такое же положеніе какъ Венгрія относится къ Австріи. Эта кучка оказалась большимъ затрдуненіемъ и для правительства. Она почти захватила монополію преній и тормозитъ весь ходъ механизма, отчего и возникаютъ бурныя, доходившія до безобразія, сцены. Въ послѣднее время она сосредоточила свои нападки на биллѣ о дисциплинѣ въ арміи, благо къ ней въ этомъ вопросѣ примкнули и англійскіе радикалы. Надо знать что въ Англіи до сихъ поръ всѣ регламенты касающіеся войска не составляли постояннаго закона, а зависѣли отъ акта о мятежѣ (*Mutin Act*), ежегодно возобновляемаго. Въ нынѣшнемъ году правительство задумало измѣнить этотъ порядокъ и, получивъ согласіе парламента на временное возобновленіе акта о мятежѣ до 25 іюля, внесло билль о дисциплинѣ въ арміи въ видѣ постояннаго закона. Всѣ сначала встрѣтили эту мѣру сочувственно. Но едва началось комитетское обсужденіе билля какъ Ирландцы, а за ними и радикалы, возстали противъ тѣлеснаго наказанія въ арміи, отмѣненнаго во всѣхъ континентальныхъ арміяхъ, и остающагося только въ Англіи въ видѣ „девятихвостной кошки,“ *cat o'nine tails*. Не станемъ передавать всѣхъ перепитій этой борьбы (еслибы собрать всѣ рѣчи произнесенныя по этому поводу, составился бы изрядно толстый томъ), укажемъ лишь на выдающіеся моменты. Жертвуя всѣмъ другимъ для проведенія этого билля, правительство принуждено было вступить въ сдѣлки, къ великому соблазну и негодованію своихъ приверженцевъ. Оно согласилось сократить максимумъ наказанія девятихвосткой съ 50 ударовъ на 25. Потомъ Ирландецъ Калланъ потребовалъ представить парламенту утвержденные образцы кошекъ, утверждая что въ адмиралтействѣ три разные вида ихъ, и всѣ съ узлами. Морской министръ отрицалъ это, и всѣ три вида запечатанныхъ образцовъ были доставлены парламенту. Наступилъ іюль, и для ускоренія обсужденія, противъ обыкновенія, назначили засѣданіе въ субботу 4 іюля. Засѣданіе длилось съ половины перваго пополудни до полуночи, и ирландскіе тормозители (*obstructionists* какъ ихъ называютъ теперь) распорядились такъ что дѣло не подвинулось почти ни на шагъ, кромѣ того что военный министръ, полковникъ Станлей, обѣщалъ дать въ понедѣльникъ „удовлетворительное“ рѣшеніе по вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Многіе поняли это какъ рѣшеніе правительства вовсе упразднить кошку. Поэтому, когда 6 іюля было возвѣщено что тѣлесное наказаніе удерживается лишь для военныхъ проступковъ которые могутъ быть наказуемы смертью, поднялся новый гвалтъ. Вождь регулярной оппозиціи лордъ Гартингтонъ, который не хотѣлъ принять на себя отвѣтственость за тормозительную тактику, готовъ былъ поддержать правительство и отрекся отъ солидарности съ людьми не внимающими рѣшеніямъ большинства, и за это радикальный представитель Бёрмингама, г. Чамберленъ, назвалъ его „бывшимъ вождемъ“ оппозиціи, и послѣдовали вовсе не назидательныя перебранки между самими членами оппозиціи. По этому случаю лордъ Солсбери, послѣ на одномъ банкетѣ, сравнилъ лорда Гартингтона съ Турецкимъ правительствомъ, которое, кромѣ регулярной арміи, пользуется услугами Черкесовъ, отрекаясь отъ ихъ дѣйствій. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ возникли пререканія непримиримыхъ со спикеромъ или президентомъ палаты. Напослѣдокъ, въ рядахъ оппозиціи совершилось примиреніе, и лордъ

Гартингтонъ возвѣстилъ 16 іюля резолюцію о томъ что „никакой билль о дисциплинѣ въ арміи не можетъ быть удовлетворителенъ если въ немъ удерживается тѣлесное наказаніе за военные проступки.“ Интересенъ мотивъ приведенный имъ въ объясненіе перемѣны мнѣнія. Онъ поддерживалъ де правительство пока полагалъ что оно само основывается на мнѣніи военныхъ авторитетовъ, но не считаетъ своимъ долгомъ продолжать поддержку убѣдясь что правительство противится отмѣнѣ кошки вслѣдствіе напора консервативовъ въ парламентѣ. То-есть, слѣдуетъ понять это такъ что и въ рядахъ консервативовъ есть де свои баши-бузуки, 17 іюля произошло генеральное сраженіе, и побѣда осталась, конечно, за консервативнымъ большинствомъ и за девятихвосткой. Субботняя телеграмма извѣстила что билль объ арміи прошелъ, наконецъ, третьимъ чтеніемъ въ палатѣ общинъ.

Вотъ что̀ творится въ англійскомъ парламентѣ. Наказаніе девятихвосткой солдатъ мѣра жестокая, но въ спорѣ о ней никто не потрудился указать какою практическою мѣрой обуздывать буйныхъ или дезертировъ, если не примѣнять ко всѣмъ безразлично смертной казни. Одинъ только сэръ-Джорджъ Кампбеллъ попробовалъ было предложить чтобы для примѣненія тѣлеснаго наказанія было установлено нѣчто въ родѣ нашего разряда штрафованныхъ по военному суду, но его не захотѣли и слушать.

Да не подумаютъ, однако, читатели чтобъ англійскимъ законодателямъ дѣлать нечего. До конца сессіи осталось всего три недѣли, а бюджета принято едва половина. Но и помимо этой рутинной работы, дѣлъ много затрогивающихъ важныя стороны жизни. Давно, напримѣръ, ощущается настоятельная нужда въ кодификаціи уголовныхъ законовъ Англіи. Матеріалъ готовъ. Онъ разработанъ человѣкомъ свѣдущимъ и авторитетнымъ, г. Фисджемсомъ Стивеномъ, посвятившимъ этому дѣлу всю жизнь, и его трудъ былъ просмотрѣнъ многими судьями. Правительство воспользовалось имъ и изложило его въ формѣ билля, три года сряду вноситъ этотъ билль, и все напрасно. Въ нынѣшнюю сессію онъ уже выброшенъ за бортъ. Законъ о банкротствахъ также давно требуетъ пересмотра и, по вычисленіямъ *Экономиста*, въ теченіе пяти лѣтъ повелъ къ потерямъ до 100 милліоновъ ф. ст. И на это нѣтъ времени, и билль о банкротствахъ раздѣлитъ участь уголовнаго кодекса. Такихъ мѣръ множество.

Скажутъ, можетъ-быть, что это не болѣе какъ временное явленіе, что торійское правительство мало заботится о внутреннихъ реформахъ, и что дѣло могло бы пойти иначе въ рукахъ энергическихъ, напримѣръ, г. Гладстона. Едва ли. Партіи то и дѣло дробятся, и дроби вступаютъ въ яростную между собою борьбу. Это и было причиной почему г. Гладстонъ, когда былъ премьеромъ, въ пять лѣтъ растерялъ свое громадное большинство.

Дѣло въ томъ что и въ Англіи парламентаризмъ, такъ отлично пригодный въ прошедшемъ столѣтіи когда борьба двухъ партій ограничивалась немногими, ясно поставленными вопросами, не можетъ справиться со сложными условіями нынѣшней жизни. Съ усложненіемъ и расширеніемъ вопросовъ, о какихъ и понятія не имѣли въ добрыя старыя времена, при многословіи и празднословіи, — болѣзни нашего вѣка, — дѣйствительно ни на что̀ не достаетъ времени. Каждая вѣтвь желѣзной дороги, постройка газоваго завода въ маленькомъ городкѣ, все это вызываетъ нескончаемыя рѣчи. Понадобилось Манчестеру провести воду изъ сосѣдняго Тэрльмирскаго озера, нашлись возражатели что безобразные водопроводы испортятъ красоту вида для туристовъ. Проектъ расширенія моста черезъ Темзу въ Лондонѣ также возбуждаетъ споры съ точки зрѣнія живописности. Одинъ такой проектъ въ нынѣшнюю сессію запнулся въ палатѣ лордовъ. Кромѣ того, надо еще имѣть время для удовольствія заниматься дѣлами всего свѣта, спрашивать зачѣмъ Русскіе идутъ на Мервъ, или отчего въ Россіи нѣтъ конституціи.

Есть и другое обстоятельство. Послѣ двукратной реформы, нынѣшніе парламенты уже не то что̀ бывали прежде. Нужно задабривать мясниковъ, булочниковъ, рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ; это все нынѣшніе избиратели. Ихъ голоса нужны, и за голоса ихъ и ведется вся борьба партій. Весь споръ о кошкѣ, напримѣръ, является исключительно въ этомъ свѣтѣ. Лордъ Гартингтонъ быстро перемѣнилъ фронтъ изъ страха чтобы лордъ Беконсфильдъ, подобно тому какъ онъ это сдѣлалъ въ 1867 году по вопросу объ избирательной реформѣ, не предупредилъ

маневра либераловъ. Либералы подготовляютъ множество другихъ интересныхъ вопросовъ, о новомъ расширеніи избирательныхъ правъ, объ отмѣнѣ церкви какъ государственнаго учрежденія, о перемѣнѣ поземельныхъ законовъ. И если Англія не будетъ вовлечена въ большую войну, то и не пройдетъ десяти лѣтъ какъ поднимется тамъ небывалая ломка. Торіи же, съ своей стороны, страшась этого, отвлекаютъ націю внѣшними дѣлами, отдаленными экспедиціями, и можетъ-быть дѣйствительно втайнѣ помышляютъ постепенно привести страну изъ парламентаризма, приходящаго въ тупикъ, къ откровенному имперіализму, въ чемъ давно уличаютъ ихъ либеральные органы. Но какъ все это не похоже на ту Англію которая такъ соблазняла Монтескье...

№ 177.

Москва, 11-го іюля.

А.

Окончившееся на дняхъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло о двухъ убійствахъ совершенныхъ 25 мая гвардейскимъ офицеромъ Карломъ фонъ-Ландсбергомъ и состоявшійся по оному приговоръ Суда вызываютъ на размышленіе.

Присяжные засѣдатели отнеслись къ преступленію подсудимаго съ должною строгостью. Они признали его виновнымъ въ томъ что онъ убилъ Власова съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и съ цѣлью похищенія своей долговой расписки въ 5.000 р. Далѣе, они признали Ландсберга виновнымъ и въ убійствѣ проживавшей у Власова служанки Семенидовой, хотя и безъ предумышленія, и наконецъ въ похищеніи цѣнныхъ документовъ на 14.000 р. также безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. *Заслуживающимъ снисхожденія присяжные Ландсберга не признали*. На основаніи нынѣ дѣйствующаго закона о наказаніяхъ за убійство, Ландсбергъ могъ быть приговоренъ за одно убійство Власова къ каторжной работѣ въ рудникахъ *безъ срока* (п. 4 ст. 1.453 Улож. о Нак. по прод. 1871 г.). Въ виду же совокупности двухъ уголовныхъ преступленій, Судъ согласно п. 1 ст. 152 Улож. о Нак., обязанъ былъ приговорить преступника къ тягчайшему изъ положенныхъ за каждое изъ нихъ наказаній и „въ самой высшей онаго мѣрѣ.“

А между тѣмъ Ландсбергъ приговоренъ къ каторжной работѣ лишь на пятнадцать лѣтъ, то-есть къ наказанію двумя степенями ниже и въ самой низшей онаго мѣрѣ, если принять за норму положенную въ законѣ безсрочную каторгу; другими словами, Судъ оказалъ Ландсбергу то снисхожденіе въ коемъ ему отказали присяжные и дошелъ въ этомъ отношеніи до самаго крайняго предѣла вообще допускаемаго по закону.

Что̀ же, спрашивается, могло дать Ландсбергу право на такое снисхожденіе? Намъ нѣтъ надобности останавливаться на разборѣ подробностей этого кроваваго и дерзкаго злодѣянія. Личность подсудимаго, его общественное положеніе, мундиръ который онъ носилъ во время преступленія, были конечно поводами къ отягченію, а не смягченію его вины. Мы не присутствовали на судѣ и не знаемъ какое впечатлѣніе произвелъ преступникъ на своихъ судей непосредственно. Но то что̀ мы прочитали по этому предмету въ судебномъ отчетѣ рѣшительно не говоритъ въ его пользу. Ландсбергъ, правда, сознался на судѣ въ своихъ преступленіяхъ. Но важно не это вынужденное сознаніе послѣ массы собранныхъ слѣдствіемъ подавляющихъ уликъ; важно то что Ландсбергъ только тогда и сознался когда уже не было выхода, а до того онъ ничѣмъ не обнаружилъ ни ужаса предъ содѣяннымъ имъ, ни раскаянія, и на другой же день послѣ убійства занялся сбытомъ части похищенныхъ имъ билетовъ. На судѣ Ландсбергъ видимо рисовался, говоря что „для него жизни больше нѣтъ,“ и что онъ не проситъ для себя снисхожденія. Еслибъ это дѣйствительно такъ было, Ландсбергъ не могъ бы столь усиленно настаивать предъ Судомъ что онъ былъ доведенъ до преступленія житейскими обстоятельствами (то-есть игрой въ карты и жизнью не по средствамъ), въ его разказѣ о преступленіи было бы болѣе искренности; между тѣмъ онъ выставлялъ себя дѣйствовавшимъ въ припадкѣ безпамятства и по этому поводу говорилъ совершенно несообразныя вещи. Полная обдуманность его дѣйствій видна ужь изъ того что служанка была отослана, что покончивъ съ Власовымъ въ ея отсутствіе, Ландсбергъ поджидалъ ея возвращенія и зарѣзалъ ее почти на порогѣ.

Въ виду всего этого, повторяемъ, снисхожденіе оказанное Ландсбергу Судомъ представляется намъ непостижимымъ.

Процессъ Ландсберга невольно вызываетъ воспоминаніе о возмутительномъ преступленіи совершившемся 13 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Мы говоримъ объ убійствѣ отставнаго капитана Попова и его служанки Нордманъ совершенномъ 12 января 1866 года студентомъ Московскаго университета Алексѣемъ Даниловымъ. Оба эти преступленія представляютъ во многихъ отношеніяхъ поразительно сходныя черты. И здѣсь, и тамъ преступленіе совершено лицомъ принадлежащимъ къ лучшимъ классамъ общества и имѣющимъ всѣ виды на прекрасную будущность. Жертвой преступленія были лица внѣшняя обстановка коихъ очень сходна. И самое убійство совершилось при условіяхъ совершенно одинаковыхъ. Даниловъ также проникъ къ Попову подъ предлогомъ существовавшихъ между ними денежныхъ разчетовъ; служанка Нордманъ также была удалена на время изъ квартиры для покупки содоваго порошка и лѣкарства въ аптекѣ, и Даниловъ, зарѣзалъ въ ея отсутствіе Попова, убилъ затѣмъ Нордманъ какъ только она вступила на порогъ квартиры Попова. Злодѣяніе также оставалось нѣсколько дней необнаруженнымъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ указаній для поимки преступника послужила рана на рукѣ убійцы оставившаго по себѣ кровавые слѣды.

Но кромѣ сходства есть и важное различіе, которое далеко не въ пользу Ландсберга: Поповъ былъ ростовщикъ и отношенія къ нему Данилова ограничились связью какая существуетъ между закладчикомъ и должникомъ, которая обыкновенно не отличается дружелюбіемъ. А покойный Власовъ отнюдь не былъ ростовщикомъ, и все что̀ извѣстно объ его отношеніяхъ къ Ландсбергу показываетъ что онъ принималъ въ немъ самое горячее участіе, радовался его радостямъ и былъ его благодѣтелемъ.

Даниловъ понесъ наказаніе еще болѣе легкое нежели Ландсбергъ. Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжную работу лишь на 9 лѣтъ. Вопервыхъ, Данилову присяжные почему-то дали снисхожденіе; вовторыхъ, ему еще не было полныхъ 21 года и срокъ наказанія былъ ему по закону уменьшенъ на одну треть. Наконецъ и самый законъ былъ въ то время менѣе строгъ. Лишь въ 1871 году наказаніе за предумышленное убійство съ цѣлію грабежа возвышено до безсрочной каторги, тогда какъ прежде высшая мѣра онаго была 20 лѣтъ каторжной работы.

Но и въ то время наказаніе которое понесъ Даниловъ глубоко возмутило общественную совѣсть. Теперь нѣтъ уже ни одной цивилизованной страны въ мірѣ, по законамъ которой преступленіе Данилова, а тѣмъ болѣе Ландсберга, не подлежало бы смертной казни.

Б.

Третьяго дня телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о новомъ несчастіи въ нашемъ Балтійскомъ флотѣ. Фрегатъ *Свѣтлана*, идя курсомъ показаннымъ на картѣ, ударился о камень и повредилъ всю подводную носовую часть. *Свѣтлана* пришла въ Кронштадтъ „запластыренная парусомъ." Несчастіе случилось въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Кронштадта, Біоркэ-Зундѣ, и на этотъ разъ видимо не по винѣ командира, а вслѣдствіе неточности карты финскихъ шхеръ въ томъ мѣстѣ гдѣ лѣтомъ обыкновенно плаваютъ наши броненосцы.

Изслѣдованіе водъ, составленіе и исправленіе картъ лежитъ на обязанности Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства, содержаніе и расходы коего достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ.

Каждый годъ на изслѣдованіе и огражденіе шхерныхъ фарватеровъ высылаются чуть не цѣлыя эскадры, изученіе тянется десятки лѣтъ, а между тѣмъ, даже въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Кронштадта, судно наталкивается неожиданно на подводный камень.

Въ отчетѣ директора Гидрографическаго Департамента за 1868 годъ сказано что „шхернымъ фарватерамъ Финскаго залива „имѣются точныя и подробныя карты." Несмотря на это, изслѣдованія продолжались въ довольно широкихъ размѣрахъ, и въ отчетѣ за 1874 годъ прямо даже сказано что лодка *Хватъ*, работая „въ Біоркэ-„Зундѣ, противъ кирки Койвиста, провѣ-„рила положеніе острова Пертсара и гряды „Мандарлода и изслѣдовала промѣромъ „пространство отъ кирки Койвиста къ сѣ-„вѣрной оконечности острова Пертсара."

Такъ какъ въ слѣдующемъ 1875 году, около острова Біоркэ, изслѣдованій уже не производилось, то можно бы полагать что мѣстность эта считалась достаточно изслѣдованною. На дѣлѣ оказалось однако не то: мѣстность эта была изучена такъ же не точно какъ и теченія около Тарханкутскаго маяка въ Черномъ Морѣ, послужившее одною изъ причинъ несчастія яхты *Ливадія*.

Нельзя не порадоваться извѣстію что наша Академія Наукъ вступилась въ гидрографическое дѣло и выработала проектъ устройства ученаго гидрографическаго института, который, находясь въ полномъ подчиненіи Академіи, былъ бы въ самой тѣсной связи съ Гидрографическимъ Департаментомъ. Институтъ этотъ, по проекту находящемуся, по слухамъ, уже на разсмотрѣніи министерствъ Морскаго, Народнаго Просвѣщенія и Путей сообщенія, предполагается открыть въ будущемъ году.

Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Опытъ доказываетъ что силъ, а можетъ-быть и средствъ Гидрографическаго Департамента не достаетъ даже на изслѣдованіе водъ ближайшихъ къ главнымъ центрамъ нашего флота.

Обязанности Гидрографическаго Департамента, какъ извѣстно, весьма широки. Онѣ состоятъ, по словамъ тѣхъ же отчетовъ, „въ распоряженіяхъ по производству „морскихъ съемокъ и промѣровъ въ на„шихъ моряхъ; въ учрежденіи и содержа„ніи маяковъ, входныхъ огней, башенъ и „другихъ предостерегательныхъ знаковъ; „въ содержаніи правительственныхъ спа„сательныхъ станцій; въ составленіи и пе„чатаніи перемѣнъ по лоціи морей всего „земнаго шара; въ изданіи правилъ, ру„ководствъ и таблицъ до гидрографіи и „безопаснаго мореплаванія относящихся; „въ составленіи, исправленіи и гравирова„ніи картъ русскихъ морей; въ выдѣлкѣ, „исправленіи и испытаніи судовыхъ ком„пасовъ и нѣкоторыхъ другихъ инстру„ментовъ; въ разсмотрѣніи вахтенныхъ „журналовъ, астрономическихъ, метеоро„логическихъ и магнитныхъ наблюденій „произведенныхъ на судахъ и обсервато„ріяхъ и наконецъ въ организаціи метео„рологическихъ станцій и устройствѣ се„мафорнаго телеграфа.“

Программа дѣятельности разнообразная: въ ней замѣчательнымъ образовъ переплетаются самыя разнородныя спеціальности; астрономія, устройство метеорологическихъ станцій, магнитныя наблюденія на обсерваторіяхъ, устройство телеграфовъ, спасательныя станціи, изготовленіе и повѣрка физико-математическихъ инструментовъ и т. д. Добрая доля всѣхъ этихъ занятій имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ мореплаванію и съ большею пользой можетъ быть исполнена учрежденіемъ чисто научнаго характера, имѣющимъ возможность располагать большими къ тому средствами, по своей связи съ Академіей, безъ помощи которой и теперь не всегда и не во всемъ обходится Гидрографическій Департаментъ; напримѣръ, въ области метеорологическихъ изслѣдованій, магнитныхъ наблюденій, свѣдѣній астрономическихъ.

Въ пользу учрежденія гидрографическаго института говоритъ и то что въ настоящее время метеорологическія и отчасти даже гидрографическія работы исполняются независимо въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ; съ учрежденіемъ же института явилась бы возможность установить единство въ дѣятельности всѣхъ учрежденій направленныхъ къ одной общей цѣли.

Освободясь отъ работъ выходящихъ за предѣлы прямой спеціальности, Гидрографическій Департаментъ получитъ возможность удѣлить болѣе средствъ и времени непосредственно на изученіе водъ нашихъ морей и на практическое примѣненіе для цѣлей мореплаванія наблюденій и выводовъ по наукамъ вспомогательнымъ. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы заниматься наблюденіями астрономическими, магнитными, метеорологическими, какъ это дѣлается теперь, Департаментъ могъ бы обратиться къ тщательному изслѣдованію далеко не вполнѣ извѣстныхъ теченій у нашихъ морскихъ береговъ, на что теперь у него вѣроятно нѣтъ времени.

Столь же значительное облегченіе Гидрографическому Департаменту и проектируемому Институту доставило бы содѣйствіе Военнаго Министерства; въ его рукахъ находятся обширныя средства для производства геодезическихъ и топографическихъ работъ, которыми обремененъ теперь Гидрографическій Департаментъ къ явному ущербу въ работахъ его прямой спеціальности. Такъ, напримѣръ, въ 1875 году, по берегамъ только Чернаго и Азовскаго морей, опредѣлено положеніе свыше 150 пунктовъ; произведены обширныя треангуляціонныя работы; опредѣлено превы-

шеніе надъ уровнемъ моря около полутора тысячъ береговыхъ пунктовъ, и наконецъ *топографически снятъ городъ Ѳеодосія съ окрестностями*. Эта послѣдняя работа уже никакъ не можетъ относиться къ гидрографіи, точно такъ же какъ и топографическія съемки береговъ нѣкоторыхъ рѣкъ, чѣмъ занималась также гидрографическая часть. Подробно описывая всѣ эти работы, отчетъ 1875 года, относительно одной изъ важнѣйшихъ спеціальностей морскаго вѣдомства, глухо замѣчаетъ: „сверхъ этихъ работъ, на судахъ гидро-„графической экспедиціи производилось фи-„зическое изслѣдованіе моря, а именно те-„ченія, температуры и плотности морской „воды на поверхности и на глубинѣ.“ А между тѣмъ результатомъ этихъ „сверхъ того“ получилось почти полное незнакомство съ теченіемъ около пункта столь опаснаго какъ Тарханкутская гряда. Императорская яхта *Ливадія* и теперь *Свѣтлана* не единственныя суда потерпѣвшія вслѣдствіе плохаго изслѣдованія водъ омывающихъ наши берега: перечень судовъ былъ бы даже утомителенъ; довольно что еще въ 1868 году несчастіе съ фрегатомъ *Петропавловскъ* „приткнувшимся къ мели“ послужило, какъ говоритъ отчетъ, „къ *открытію*“ рядомъ двухъ банокъ близь Либавы, всего въ десяткѣ морскихъ миль отъ двухъ маяковъ.

Нашъ флотъ плавающій главнымъ образомъ у своихъ береговъ какъ бы призванъ своими несчастіями дополнять пробѣлы на картахъ нашего гидрографическаго вѣдомства, занятаго цѣлою массой почти посторонних для него работъ. Въ виду высокой стоимости теперешнихъ морскихъ судовъ, нельзя не желать чтобы такому положенію вещей былъ положенъ конецъ.

№ 178.

Москва, 12-го Іюля.

Вчера мы воспроизвели изъ петербургскихъ газетъ пріятное извѣстіе будто, „въ видахъ развитія у насъ частнаго судостроенія, въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ учебной судостроительной мастерской въ которую поступали бы окончившіе курсъ ученики мореходныхъ классовъ.“

Наше частное мореходство находится въ состояніи младенческомъ и болѣе всѣхъ другихъ отраслей народнаго труда нуждается въ правительственной поддержкѣ. Казна уже несетъ расходы по содержанію мореходныхъ школъ приготовляющихъ будущихъ шкиперовъ для торговаго флота; но этого еще недостаточно: для развитія торговаго флота необходимо развитіе въ странѣ частнаго судостроенія; требуются дѣльные мастера для частныхъ верфей.

Но въ дѣлѣ развитія мореходства огромную роль играетъ устраненіе всякаго рода организованной конкурренціи иностранныхъ судовъ и монопольныхъ компаній съ большими казенными субсидіями. Извѣстно какой ущербъ развитію мореходства на Черномъ Морѣ нанесенъ привилегіями и субсидіей Русскаго Общества Пароходства и Торговли, съ которымъ не могли конкуррировать мелкіе частные предприниматели и компаніи не пользовавшіяся субсидіями. Не меньшій вредъ можетъ причинить всякая другая компанія, которая по обширности своихъ денежныхъ средствъ могла бы подавляющимъ образомъ дѣйствовать на небольшіе капиталы, сбивая ихъ съ рынка пониженіемъ цѣнъ каждый разъ какъ только явится какой-нибудь конкуррентъ. Пріемъ этотъ хорошо извѣстенъ и часто практикуется Англичанами въ странахъ гдѣ они думаютъ захватить въ свои руки какую-либо отрасль торговли или промышленности.

Повидимому нѣчто подобное грозитъ и нашему только что зараждающемуся мореходству, особенно на сѣверѣ, если вѣрить извѣстію что въ настоящее время въ Петербургѣ уже находится представитель нѣсколькихъ англійскихъ капиталистовъ, прибывшій съ цѣлью организаціи англійской компаніи для разработки минеральныхъ и другихъ богатствъ сѣвернаго края и торговли ими. Утверждаютъ будто бы компанію эту предполагается учредить на широкихъ началахъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ русскихъ именъ, испросивъ болѣе или менѣе важныя привилегіи по вывозу названныхъ продуктовъ за границу и по привозу на Сѣверъ товаровъ изъ-за границы. Пріобрѣтая за свой счетъ или зафрахтовавъ на большіе сроки цѣлый флотъ англійскихъ судовъ, такая компанія можетъ убить едва оживающее наше бѣломорское мореходство и захватить всю отпускную и ввозную торговлю въ свои руки

Мысль объ учрежденіи промышленной и торговой компаніи на Сѣверѣ не новая. Помнится, еще въ 1861 году, кто-то предлагалъ учредить тамъ „Лукоморскій Ллойдъ" суля огромные барыши. Настоящее время можетъ особенно располагать Англичанъ къ устройству такой компаніи. Въ виду затруднительнаго положенія какъ фабричной, такъ и сельско-хозяйственной промышленности въ Англіи, тамошніе капиталы должны искать себѣ наиболѣе выгоднаго помѣщенія внѣ своей страны, а фабрики новыхъ мѣстъ сбыта своихъ продуктовъ, хотя бы съ самымъ ничтожнымъ барышомъ, лишь бы только окупить производство. Англійскіе судохозяева точно также готовы къ услугамъ всякой новой промышленной компаніи, такъ какъ привозъ и вывозъ изъ Англіи уменьшился почти на 9% своей цѣнности, вслѣдствіе чего потребность въ судахъ сократилась и фрахтъ упалъ. Такимъ образомъ, условія для устройства большой англійской компаніи на Сѣверѣ складываются самыя благопріятныя, тѣмъ болѣе что мѣстныя торговля и мореходство находятся почти въ первобытномъ состояніи: изъ 900 русскиху судовъ семьсотъ, вмѣстимостью до 12—13.000 тоннъ, ходятъ только къ сѣвернымъ берегамъ Норвегіи съ хлѣбомъ, а изъ 500 иностранныхъ значительная часть уже принадлежитъ Англичанамъ.

Что англійскіе капиталы дѣйствительно ищутъ помѣщенія это доказываетъ и ожидаемое открытіе въ Одессѣ новаго пароходства для хлѣбной торговли по Днѣпру, Днѣстру и Бугу. Нѣкто г. Григорій Гуровичъ, какъ намъ пишутъ изъ Одессы, „до того повліялъ на Англичанъ что они, „несмотря на часто появляющіяся какъ въ „русской, такъ и въ иностранной печати „статьи о томъ что финансовое положеніе „Одессы крайне критическое, *довѣряютъ „ему открыть на свое имя пероходство* „подъ русскимъ флагомъ съ основнымъ „капиталомъ, на первое время, до двухъ „съ половиной милліоновъ рублей." Это „первое время" вѣроятно будетъ очень коротко, такъ какъ новое пароходство намѣрено конкуррировать съ двумя старыми компаніями, и въ видахъ де содѣйствія хлѣбной торговлѣ „значительно удешевить перевозку." Итакъ, компанія Гуровича будетъ англійская, только подъ русскимъ именемъ. Нашъ случайный корреспондентъ увѣряетъ что Англичане простерли свою любезность даже до того что всѣ выгоды новаго пароходства предоставляютъ намъ, а за свои деньги и пароходы будутъ довольствоваться лишь „незначительнымъ процентомъ." Утвержденіе проекта Гуровича уже „ожидается."

Замѣчательное умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ! На югѣ, въ Одессѣ переполненной англійскими конторами, въ виду цѣлаго лѣса мачтъ иностранныхъ судовъ, Англичане бросаются для начала на устройство рѣчнаго пароходства. Со временемъ, въ дополненіе къ этому пароходству, можетъ появиться въ Англіи особая компанія для вывоза хлѣба изъ Черноморскихъ портовъ и войти въ соглашеніе съ компаніей рѣчнаго пароходства чтобы захватить въ свои руки главную часть хлѣбныхъ оборотовъ на югѣ Россіи. Для Сѣвера же прямо проектируется компанія со всѣми аттрибутами для успѣшной эксплуатаціи.

Любопытно что оба предпріятія замышляются подъ прикрытіемъ русскихъ фамилій: при этомъ условіи легче испросить разныя льготы и привилегіи.

Легко можетъ статься что предпріятія эти и не состоятся, вслѣдствіе отказа въ разрѣшеніи на ихъ устройство или на выдачу особыхъ привилегій, но это только отсрочитъ осуществленіе ихъ основной мысли, заставитъ принять другія формы, но не устранитъ ее, если русскому судостроенію не будетъ оказана поддержка болѣе существенная нежели устройство мореходныхъ школъ и учебныхъ мастерскихъ. Петръ Великій завелъ и поддерживалъ казенную постройку купеческихъ судовъ, которая, въ Архангельскѣ, напримѣръ, продолжалась до 1722 года. Теперь такая мѣра конечно не мыслима. Учрежденіе большихъ пароходныхъ компаній, въ родѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, съ большими субсидіями отъ казны и ссуды пароходнымъ заводамъ, приносятъ также не много пользы, обходятся слишкомъ дорого казнѣ, окружая ее только кучею почти неоплатныхъ должниковъ. Развитія русскаго судостроенія, быть-можетъ, удобнѣе было бы достигнуть выдачею концессій на рейсы по извѣстнымъ линіямъ, между извѣстными портами, на тѣхъ же основаніяхъ на какихъ выдаютъ концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, что́ привлекло бы капиталы къ этимъ предпріятіямъ, ослабивъ въ то же время иностранную кон-

курренцію до тѣхъ размѣровъ при коихъ она не могла бы препятствовать русскому судостроенію.

№ 179.

Москва, 13-го іюля.

Съ развитіемъ цивилизаціи въ городѣ Саратовѣ, купчиха Корнѣева, владѣлица зимняго тропическаго сада,—куда, по свидѣтельству мѣстной печати, не только дамамъ, но и мущинамъ наконецъ стало невозможно ходить и который извѣстенъ подъ именемъ мѣста „постояннаго мордобитія,“ — пожелала вывесть свое полезное учрежденіе на открытый воздухъ и устроить въ центрѣ города саратовскій *Шато-де-Флеръ*. Все это можетъ очень хорошо и просвѣтительно, но не ладно то что Шато-де Флёръ приходится какъ разъ о бокъ съ городскимъ Александровскимъ Ремесленнымъ Училищемъ, закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ помѣщается и домовая церковь. Нашелся человѣкъ, законоучитель училища, отецъ Владыкинъ, который, опираясь на мнѣніе многихъ отцовъ и матерей внимательныхъ къ дѣлу воспитанія, имѣлъ смѣлость сдѣлать заявленіе о неудобствѣ открывать подобный увеселительный притонъ подъ окнами училища. Городъ, въ лицѣ значительнѣйшихъ его представителей, губернатора, архіерея, городскаго головы и другихъ почетныхъ лицъ, отнесся къ заявленію сочувственно. Совѣтъ саратовскаго духовно-просвѣтительнаго съѣзда братства Св. Креста выразилъ, въ засѣданіи на которомъ присутствовало 25 членовъ, единодушное сочувствіе протесту отца Владыкина. Губернаторъ жметъ руку и обѣщаетъ всякое содѣйствіе, архіерей благословляетъ. Наконецъ городская управа, куда поступило прошеніе учредительницы сада, отвѣчаетъ ей рѣшительнымъ отказомъ. И несмотря на все это, купчиха Корнѣева торжествуетъ, побѣдивъ всѣ препятствія! Садъ открытъ, музыка гремитъ подъ окнами училища, гдѣ классныя занятія продолжаются до семи часовъ вечера; учителя затыкаютъ уши, дѣти прислушиваются и подпрыгиваютъ на лавкахъ; надзиратели вечеромъ бѣгаютъ за воспитанниками, отгоняютъ ихъ отъ оконъ, отъ заборовъ; замазываютъ окна: дѣти отковыриваютъ замазку; посторонніе мастеровые работающіе въ мастерскихъ училища приносятъ ученикамъ разказы о чудныхъ увеселеніяхъ въ сосѣднемъ раю, куда входъ всего 20 коп. Дѣло въ томъ что купчиха Корнѣева нашла неожиданнаго союзника, который и доставилъ ей полную побѣду надъ всѣмъ городскимъ синклитомъ. Союзникъ этотъ городской попечительный совѣтъ училища, не только принявшій сторону увеселительнаго заведенія, но и съ ожесточеніемъ набросившійся на законоучителя за его якобы незаконный образъ дѣйствій. Какъ смѣлъ этотъ законоучитель радѣть объ училищѣ помимо совѣта и тѣмъ умолять верховныя права городомъ приставленныхъ блюстителей? „Совѣтъ, — пишутъ блюстители училища въ своемъ отвѣтѣ на запросъ городской управы,—призналъ дѣйствія священника Владыкина вполнѣ неправильными, такъ какъ заключенія своего онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права, помимо совѣта, высказать (?), а свое мнѣніе или встрѣчаемыя имъ затрудненія обязанъ былъ представить на благоусмотрѣніе попечительнаго совѣта отъ котораго и зависѣли бы дальнѣйшія дѣйствія къ охраненію ввѣреннаго довѣріемъ (sic) города попеченія училища.“ Между тѣмъ сами блюстители, объявляя въ томъ же отвѣтѣ что открытіе сада отношенія къ училищу не имѣетъ и дѣло „не относится до предметовъ вѣдомства училища,“ тѣмъ самымъ наивно открываютъ какъ было бы принято ими ходатайство священника еслибъ онъ вздумалъ къ нимъ обратиться. Совѣтъ находитъ что открытіе „трактировъ,“ хотя бы вблизи церквей и училищъ „по закону не возбранено“ (блюстители притворяются полагающими что дѣло идетъ о простомъ открытіи трактира въ закрытомъ помѣщеніи). Чтобы не было шума, игрищъ и пѣнія въ часы богослуженія, за этимъ де строго смотритъ полиція. Опасенія что веселый притонъ подъ глазами можетъ причинить вредъ занятіямъ и нравственности воспитанниковъ члены совѣта и понять де не могутъ: „Внутренняя дисциплина училища, пронизируютъ они, и наблюденіе за учениками поставленныхъ за ними начальниками не допускаютъ такого предположенія; иначе допустивъ его, пришлось бы признать наблюденіе за учениками и надзоръ за ними поставленными лицами крайне слабымъ и по неудовлетворительности своей нетерпимымъ.“

Дѣло разсматривалось въ Думѣ 7 мая, и гласные, вопреки мнѣнію головы и управы, склонились на сторону совѣта и купчихи Корнѣевой. Рѣшеніе управы признано большинствомъ 18 голосовъ противъ 15 неправильнымъ, а просьба увеселителей Саратова, поддержанная его просвѣтителями, подлежащею удовлетворенію. Подняли было вопросъ о продерзости священника и препровожденіи его заявленія въ попечительный совѣтъ для разрѣшенія и „заключенія,“ но препровожденіе милостиво отклонено 20 голосами противъ 18.

Вотъ любопытный фактъ съ которымъ можно ознакомиться изъ № 185 мѣстной газеты *Волга*, гдѣ помѣщенъ подробный отчетъ о засѣданіи Саратовской думы, извлеченіе изъ котораго читатели могутъ найти въ помѣщаемой ниже корреспонденціи изъ Саратова. Событіе довольно типическое и не лишенное интереса. Для кого не кстати огласился такой пассажъ,— такъ это для газеты *Голосъ*, которая на этихъ дняхъ (передовая статья № 185) воспѣла гимнъ дѣятельности училищныхъ совѣтовъ назначаемыхъ отъ нашихъ общественныхъ учрежденій и громкому сѣтованію о томъ что ихъ дѣйствія на пользу школы будто бы связаны вѣдомствомъ просвѣщенія. Дѣятельность эта, повѣствуетъ *Голосъ*, „свѣтлая страница въ нашей жизни, на которой неизгладимо начертаны безусловная любовь и чуткость русскаго общества къ школѣ, стремленье стать у самой школы, сдѣлать ее разсадникомъ только свѣта и гражданственности...“ Дѣятели, по словамъ гимна,— „опекуны и охранители школы, дозорцы за нравственнымъ строемъ школы... Не ихъ вина (дѣло идетъ о земствѣ), если обстоятельства помѣшали имъ стать на стражѣ школы, быть охранителями ея отъ *зловредныхъ элементовъ*, какъ желали того члены училищныхъ совѣтовъ—земцы. Десять лѣтъ назадъ, начались ходатайства земствъ о необходимости земствамъ имѣть своихъ инспекторовъ для изученія моральнаго строя и быта школы и отношенія ея къ жизни. Какъ извѣстно, ходатайства эти продолжаются и понынѣ, но безуспѣшно...“

Справедливо говорилъ Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училища въ *Ревизорѣ* Гоголя: „не приведи Богъ служить по ученой части. Всякій мѣшается, всякому хочется показать что онъ тоже умный человѣкъ.“ Справедливы были слова эти когда были сказаны, едва ли не еще справедливѣе нынѣ когда столько развелось желающихъ показать себя тоже умными людьми и открылось не мало новыхъ поприщъ доставлять собою такое пріятное для собственнаго самолюбія зрѣлище. По вопросамъ чисто практическимъ одною болтовней трудно взять, незнаніе слишкомъ легко обнаруживается, нелѣпое вмѣшательство скоро само себя выдаетъ; но въ школьныхъ вопросахъ полный просторъ: здѣсь всякій считаетъ себя и съ чрезвычайною легкостію можетъ прослыть компетентнымъ: разбирай потомъ что̀ дѣло что̀ не дѣло. Нигдѣ, какъ въ несчастныхъ вопросахъ о школѣ, не представляется такихъ удобствъ „проводить идеи“ вычитанныя въ фельетонахъ, блеснуть либерализмомъ, показать что мы не только не отстали отъ прогресса, но что прогрессъ отъ насъ отсталъ и выдвинуть себя въ качествѣ просвѣщеннаго и передоваго дѣятеля. Вотъ почему вопросы эти такъ любятъ тѣ наши „дѣятели“ которые прилагаютъ особое стараніе обратить общественныя учрежденія назначенныя для дѣла въ спеціально говорильныя собранія. Почему члены попечительнаго совѣта въ Саратовѣ такъ рѣшительно высказались за учрежденіе увеселительнаго заведенія о бокъ съ педагогическимъ? Подкладку дѣла трудно усмотрѣть изъ отчета о засѣданіи Думы. Считаютъ ли они, быть-можетъ, увеселительные сады такимъ знаменіемъ современной цивилизаціи и такою непремѣнною ея принадлежностію что не содѣйствовать ихъ процвѣтанію въ Саратовѣ было бы признакомъ варварства и отсталости, или имѣютъ и иные резоны? По нѣкоторымъ признакамъ можно также подозрѣвать не отголосокъ ли это въ Саратовѣ „культурной борьбы“ западныхъ странъ, о которой не мало писано въ газетахъ. Не о борьбѣ ли въ Саратовѣ съ „клерикальною партіей“ и „клерикальнымъ направленіемъ“ идетъ дѣло? Подозрѣніе подтверждается тѣмъ что мѣстная печать, охотно разоблачавшая скандалъ зимняго тропическаго сада, немедленно приняла сторону учредительницы этого заведенія какъ только выступилъ противъ него отецъ Владыкинъ.

Не лишены поучительности и думскіе „дебаты.“ Думскіе ораторы, говорившіе *за* садъ, упирали на то что купчиха Корнѣева стоитъ на законной почвѣ и съ боль-

шою тонкостію разбирали что̀ такое трактиръ по русскому законодательству. Особенно краснорѣчивъ былъ гласный г. Песковъ, выразившій сожалѣніе что городская управа не держалась почвы закона, отказавъ купчихѣ Корнѣевой открыть въ саду ея полезное учрежденіе, „имѣющее типъ трактирнаго заведенія.“ „Охраненіе нравственности учащихся въ Александровскомъ училищѣ, говорилъ ораторъ, есть дѣло не городской управы, а попечительнаго совѣта училища въ которомъ засѣдаетъ пять членовъ, лицъ вполнѣ компетентныхъ для разрѣшенія вопросовъ касающихся училища.“ Ораторское искусство въ Саратовѣ стоитъ, очевидно, высоко. Петрушку Чичикова, какъ извѣстно, занималъ процессъ чтенія: какъ изъ буквъ и слоговъ выходитъ слово которое иногда чертъ его знаетъ что̀ значитъ. Въ нашихъ собраніяхъ нерѣдко овладѣваютъ дѣломъ бойкіе ораторы которыхъ искусство въ томъ что они владѣютъ запасомъ готовыхъ словъ — почва закона, иниціатива, широкое пониманіе, постановка вопроса, особыя обстоятельства, прискорбное недоразумѣніе, прогрессъ, компромиссъ, компетентность, реакція и прочее,—и которые слагаютъ эти слова, согласно своимъ цѣлямъ въ разныя комбинаціи, прельщая такимъ процессомъ благосклонныхъ слушателей, не очень заботящихся, какой въ этомъ смыслъ и что̀ выйдетъ изъ этихъ комбинацій...

№ 180.

Москва, 14-го іюля.

На этихъ дняхъ мы указали на непостижимую для насъ снисходительность оказанную судомъ двойному убійцѣ Ландсбергу, который какъ бы самъ засвидѣтельствовалъ что раскаяніе обнаруженное имъ на судѣ не было искреннимъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ телеграфъ сообщилъ намъ что онъ повидимому несовсѣмъ тяготится жизнью, которая, по словамъ его, для него кончена, и подалъ кассаціонную жалобу на приговоръ по которому его постигло самое низшее изъ возможныхъ по закону наказаній. Очевидно Ландсбергъ, почему-то уволенный изъ военнаго вѣдомства и преданный суду гражданскому, тогда какъ по точному смыслу ст. 244 Военно-Судебнаго Устава, онъ, какъ совершившій преступленіе во время состоянія на дѣйствительной службѣ, подлежалъ военному суду, не теряетъ надежды что другой составъ присяжныхъ можетъ его и вовсе помиловать. Не явствуетъ ли отсюда что чрезмѣрная снисходительность судебной власти, оскорбляя чувство справедливости, имѣетъ деморализующее дѣйствіе и на самихъ преступниковъ коимъ правосудіе представляется уже не правомѣрнымъ и неминуемымъ воздаяніемъ за содѣянное ими, а какою-то слѣпою лотереей, въ которой авось-либо достанется и совсѣмъ „счастливый нумеръ“?

Коснувшись этого предмета, мы не можемъ обойти молчаніемъ и другаго судебнаго приговора, о которомъ на дняхъ сообщено было въ нашей газетѣ. Мы говоримъ о дѣлѣ крестьянина Θедора Петрова, который судился временнымъ отдѣленіемъ Московскаго окружнаго суда въ Богородскѣ за убійство роднаго отца Показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей, подтвержденными самимъ подсудимымъ, обстоятельства этого дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ. Θедоръ Петровъ пришелъ вечеромъ 30 января сего года въ домъ своего отца и сталъ упрекать его въ томъ что онъ его обидѣлъ при выдѣлѣ. Отецъ прогналъ сына, но вышелъ его провожать. На дворѣ Θедоръ Петровъ сталъ просить чтобъ отецъ далъ ему сани, и когда ему было въ этомъ отказано, Θедоръ „ударилъ отца по уху, свалилъ его однимъ ударомъ на землю, вскочилъ на него самъ и сталъ топтать его ногами.“ Другой сынъ лишь съ помощью сосѣдей высвободилъ несчастнаго отца, и къ 7 час. утра побитый скончался. Судебно-медицинское вскрытіе показало прямую связь смерти съ сыновними побоями: на тѣлѣ убитаго во многихъ мѣстахъ кожа оказалась сине-багроваго цвѣта, въ особенности на груди и спинѣ. При внутреннемъ изслѣдованіи трупа, врачъ пришелъ къ заключенію что „смерть Петра Гурьева послѣдовала отъ общаго скоротечнаго воспаленія брюшины и грудной плевы, причиной чего были побои нанесенные покойному не задолго до прекращенія жизни.“ Экспертъ призналъ далѣе что побои относятся по своему характеру къ тяжкимъ, хотя „въ самый моментъ ихъ нанесенія они не угрожали немедленнымъ прекращеніемъ жизни.“ Не знаемъ для чего понадобилось это послѣд-

нее „ученое“ замѣчаніе. Изъ дѣла само собою видно было что Петръ Гурьевъ былъ еще живъ когда его вытащили изъ-подъ ногъ сына и что онъ умеръ чрезъ нѣсколько часовъ. Важно то что смерть, по признанію врача, была прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ побоевъ. А между тѣмъ, вышеприведенное замѣчаніе совсѣмъ сбило съ толку присяжныхъ, которые признали подсудимаго виновнымъ, но прибавили что Петръ Гурьевъ „померъ не отъ нанесенныхъ побоевъ.“ Противорѣчіе съ очевидными фактами несомнѣнное. Какъ бы то ни было, но судъ былъ связанъ этимъ рѣшеніемъ присяжныхъ и уже не могъ постановить наказанія ни за прямое отцеубійство, для котораго по нашему закону не требуется заранѣе обдуманнаго намѣренія, ни даже за нанесеніе тяжкихъ побоевъ послѣдствіемъ коихъ была смерть. Въ томъ и другомъ случаѣ наименьшая мѣра наказанія коей подсудимый подлежалъ была бы 15 лѣтъ каторжной работы въ рудникахъ. Но судъ не только принялъ ничѣмъ необъяснимое смягченіе вины допущенное присяжными въ противность очевиднымъ фактамъ, но и съ своей стороны спустился до снисхожденія совершенно непостижимаго въ виду буквы относящихся къ данному случаю законовъ За нанесеніе тяжкихъ побоевъ, хотя бы послѣдствіемъ оныхъ и не была смерть побитаго, въ законѣ опредѣлено наказаніе по 1, 2 или 3 степени ст. 31 Улож. о Нак. (см. 1.489 ст. Улож. о Нак.), то-есть арестанскія роты отъ $2^1/_2$ до 4 лѣтъ, или даже каторжная работа отъ 4 до 6 лѣтъ, еслибы судъ примѣнилъ ст. 1.490 по которой вмѣняются въ особую вину побои повлекшіе за собою тяжкія послѣдствія за исключеніемъ смерти, причемъ не требуется чтобы на причиненіе этихъ послѣдствій было прямое намѣреніе. Одно изъ указанныхъ здѣсь наказаній предписывалось бы закономъ въ томъ случаѣ еслибы Петръ Гурьевъ былъ подсудимому совершенно посторонній человѣкъ. Но по ст. 1.492 Улож. о Нак. строгость этихъ наказаній должна была быть возвышена на три степени вслѣдствіе того что побои нанесены родному отцу. Если судъ руководился этими законами и не считалъ нужнымъ ограничиваться наименьшею степенью предоставленой ему въ предѣлахъ этихъ статей власти, въ виду того что присяжные уже безъ того допустили несообразное съ обстоятельствами дѣла смягченіе вины подсудимаго, то виновнаго должна была постигнуть каторга отъ 10 до 12 лѣтъ.

А между тѣмъ судъ приговорилъ Ѳедора Петрова къ заключенію въ рабочій домъ на *восемь мѣсяцевъ!*

Непостижимо, повторяемъ, какими указаніями закона руководствовался судъ при опредѣленіи такого наказанія за столь ужасное преступленіе. Но мы укажемъ на слѣдующее:

Нашъ законъ, какъ и всякій разумный законъ, относится съ особенною строгостью къ преступленіямъ дѣтей противъ родителей; онъ не только значительно усиливаетъ наказаніе за побои и увѣчья нанесенные родителямъ, но возводитъ въ въ спеціальное преступленіе какое бы то ни было насильственное дѣйствіе, „хотя бы и не соединенное съ побоями,“ противъ родителей. Такое преступленіе влечетъ за собой, по стт. 1.591 и 1.534 Улож. о Нак., арестантскія роты отъ одного до полутора года, или ссылку на житье въ Томскую или Тобольскую губерніи для лицъ привилегированныхъ сословій, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

Наказаніе постигшее Ѳедора Петрова, звѣрски избившаго своего отца *до смерти,* оказывается *на три степени пониженнымъ* противъ наказанія которое должно было бы постигнуть его по закону еслибъ онъ не нанесъ ему ни одного удара, а лишь поднялъ бы на него руку или дозволилъ бы себѣ иное оскорбительное противъ отца дѣйствіе.

Удивительная у насъ нѣжность ко всему преступному! Какая общественная нравственность устоитъ предъ такимъ добродушнымъ правосудіемъ? .

№182.

Москва, 16-го іюля.

Въ отчетѣ о засѣданіяхъ Кіевскаго военно-окружнаго суда по дѣлу о Валерьянѣ Осинскомъ, Софьѣ Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и Александрѣ Волошенкѣ бросается въ глаза дерзость и избалованность этихъ людей, изъ коихъ первые два оказались лицами занимающими высокія ступени въ

организаціи нигилизма, такъ какъ съ арестованіемъ Осинскаго въ Кіевѣ, какъ видно изъ дѣла, исчезла и ввѣренная ему одному печать „революціоннаго комитета.“ Представъ предъ судъ, оба эти коновода кіевскаго нигилистскаго стада объявили наотрѣзъ что не признаютъ надъ собою суда и безусловно отказываются отъ защитниковъ и отъ дачи всякихъ отвѣтовъ, присовокупляя что они „имѣютъ *честь*“ принадлежать къ русской соціально-революціонной партіи, то-есть къ обществу людей отрицающихъ самое понятіе *чести*.

Изъ отчета узнаемъ что Осинскимъ было написано на бланкѣ, съ приложеніемъ печати „революціоннаго комитета,“ въ іюлѣ 1878 года, начальнику Харьковскаго жандармскаго управленія „предостереженіе,“ конечно подъ страхомъ смертной казни, требовавшее чтобъ онъ „не особенно усердствовалъ“ при производствѣ слѣдствія надъ арестованнымъ государственнымъ преступникомъ Ѳедоровымъ и даже постарался бы „замять это дѣло,“ а въ августѣ того же года такое же „предостереженіе“ прокурору Петербургской судебной палаты Лопухину, съ требованіемъ чтобы всѣ арестованные по дѣлу объ убійствѣ Мезенцева „были выпущены на свободу въ теченіе трехнедѣльнаго срока“ и кончавшееся словами: „*Надѣемся*, г. прокуроръ, „что вы не оставите безъ вниманія наше „предостереженіе... Если по какому-нибудь „случаю вы не будете болѣе руководить „слѣдствіемъ, то *чтобы не вводить насъ* „*въ заблужденіе*, потрудитесь заявить объ „этомъ печатно...“

Не свидѣтельствуетъ ли такая увѣренность о томъ что нигилисты уже пріобрѣли опытомъ право *надѣяться* на исполненіе ихъ требованій даже высокостоящими должностными лицами?

Ни генералъ Ковалинскій, ни прокуроръ Лопухинъ не уклонились отъ своего долга изъ страха предъ угрозами нигилистовъ. Но кто поручится что всѣ получившіе такого рода „предостереженія“ всегда оказывали гражданское мужество и вѣрность своему долгу? Кто поручится и за то что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нигилистовъ не выручало изъ бѣды прямое потворство со стороны лицъ располагавшихъ ихъ участью?

Въ отчетѣ обнаруживается цѣлый рядъ по истинѣ загадочныхъ исчезновеній преступниковъ изъ рукъ разныхъ общественныхъ властей. Начиная съ Осинскаго, который въ 1875 году былъ просто „уволенъ“ отъ должности секретаря Ростовской (на Дону) городской управы „за *антиправи*„*тельственное направленіе*, послѣ чего онъ „*скрылся* изъ Ростова.“ Хотя и выборная по своему составу, городская управа есть официальное учрежденіе, есть общественная *власть*: какимъ же образомъ, убѣдясь въ *антиправительственномъ направленіи* Осинскаго, Ростовская управа ограничилась „увольненіемъ“ его, вмѣсто того чтобы передать его въ распоряженіе прокурора? Или же Осинскій, будучи подъ слѣдствіемъ, „*скрылся* изъ Ростова?“ Однако, *скрывшись* изъ Ростова, Осинскій вскорѣ опять попался. Въ 1877 году онъ „задержанъ въ Петербургѣ съ *подложнымъ* билетомъ для входа въ залу засѣданій особаго присутствія Правительствующаго Сената,“ причемъ онъ назвалъ себя фальшивымъ именемъ... *Подлогъ* есть преступленіе, но и въ этотъ разъ Осинскій вышелъ сухъ изъ воды, просто опять *скрылся*, такъ какъ уже въ слѣдующемъ 1878 году онъ былъ привлеченъ въ Одессѣ къ дознанію „по дѣлу о революціонномъ сообществѣ стремящемся къ низверженію существующаго порядка,“ но опять „успѣлъ *скрыться*...“

Къ тому же дѣлу былъ привлеченъ и обвиняемый Волошенко, называвшій себя Вишняковымъ, но и онъ „также (разумѣется) *скрылся*.“

Всего страннѣе исчезновеніе изъ рукъ полиціи „милой Сони,“ какъ называлъ Осинскій сорока-лѣтнюю Софію Лешернъ фонъ-Герцфельдъ. Уже въ 1878 году она была приговорена за государственное преступленіе къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь. Но, вслѣдствіе ходатайства министра юстиціи, по Высочайшему повелѣнію исполненіе этого приговора отсрочено на три года; на весь этотъ срокъ, въ видѣ испытанія, по тому же Высочайшему повелѣнію, Лешернъ должна была состоять подъ надзоромъ Санктпетербургской полиціи, но „вскорѣ скрылась,“ лаконически сообщаетъ цитуемый отчетъ...

Неужели во всемъ этомъ виновна только оплошность? Неужели всѣ эти исчезновенія преступниковъ остались безъ послѣствій для допустившихъ эти исчезновенія властей?

Но въ отчетахъ о политическихъ процессахъ есть и еще куріозы, поучитель-

ные, къ сожалѣнію, не столько для насъ сколько для самихъ нигилистовъ. Уже въ засѣданіи по дѣлу Соловьева, экспертиза спеціалистовъ оружейнаго дѣла, по вопросу о промахахъ злодѣя на столь близкомъ разстояніи, объяснила что револьверъ Соловьева принадлежалъ къ разряду самыхъ дальнобойныхъ, изъ которыхъ, вѣроятно вслѣдствіе высоты прицѣла, на близкомъ разстояніи нельзя стрѣлять иначе какъ прицѣливаясь въ ноги, напримѣръ, чтобы попасть въ голову. Еще болѣе поучительно было въ дѣлѣ другаго преступника, Дубровина, прочтеніе вслухъ письменныхъ наставленій его о необходимости выучиться владѣть револьверомъ прежде чѣмъ покуситься съ нимъ на убійство. Въ настоящемъ дѣлѣ судъ также призналъ необходимымъ прибѣгнуть къ оружейной экспертизѣ. Поводомъ къ тому послужила двойная осѣчка револьвера приставленнаго Софіей Лешернъ въ упоръ къ груди помощника пристава. Благодаря лишь этимъ осѣчкамъ, г. Левицкій спасся отъ неизбѣжной смерти. Экспертиза доказала что осѣчки эти произошли оттого что пружина револьвера не была довольно сильна чтобы разбить капсюль на зарядѣ, что доказывало де что револьверъ былъ купленъ безъ предварительной пробы.

Такимъ образомъ, благодаря гласности данной ученымъ экспертизамъ суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, нигилисты цѣлаго міра должны знать впредь что изъ дальнобойнаго револьвера, дабы попасть въ голову на близкомъ разстояніи, надо цѣлить въ ноги, и что не слѣдуетъ покупать револьвера безъ предварительнаго испытанія...

То же самое можно сказать и объ экспертизѣ химической, понадобившейся въ разбираемомъ нами дѣлѣ по поводу найденныхъ у обвиняемыхъ двухъ ядовъ, ціанистаго кали и *кураре*. Экспертиза заявила что „ціанистый кали, отъ времени „и отъ прикосновенія воздуха теряетъ свое „ядовитое свойство... что же касается *ку*„*раре*, то таковое отъ времени не измѣ„няется.“

Вотъ доброе предостереженіе для несвѣдущихъ въ токсикологіи нигилистовъ, разчитывавшихъ до сихъ поръ не только на кураре, но и на ціанистый кали какъ на постоянно вѣрное средство немедленнаго и неизлѣчимаго отравленія. Быть-можетъ, этимъ невѣдѣніемъ нигилистовъ въ токсикологіи, а особенно неумѣніемъ ихъ обращаться съ такимъ замысловатымъ оружіемъ какъ револьверъ, уже была спасена не одна человѣческая жизнь. Благодаря всемірной гласности данной ученымъ экспертизамъ, подобнаго *грѣха* не случится впредь ни съ револьверами, ни съ ціанистымъ кали, въ рукахъ нигилистскихъ „уестествителей.“

Конечно, для суда всѣ эти ученыя экспертизы могутъ быть необходимы. Но какая же надобность, спрашивается, давать имъ всемірную гласность?

Экспертъ докторъ Заславскій объявилъ предъ судомъ что какъ ни страшно ядовиты найденныя при обвиняемомъ два вещества,—ціанистый кали и кураре, но они не особенно дороги, „и хотя въ силу из„вѣстныхъ статей закона XIII тома апте„кари и дрогисты не могутъ отпускать „ихъ *иначе какъ лицамъ имѣющимъ на*„*то свидѣтельства*, но на практикѣ эти „законы *иногда и нарушаются*.“

Намъ сдается что въ этомъ случаѣ докторъ Заславскій могъ бы смѣло сказать не „иногда,“ а часто, почти „обыкновенно.“ По свидѣтельству экспертовъ, количество ядовъ найденнаго у одного Осинскаго было достаточно „чтобы причинить смерть тридцати человѣкамъ.“

Подъ страхомъ строгой отвѣтственности ограничена продажа оружія. Не слѣдуетъ ли и продажу ядовъ подчинить достаточно строгому контролю, чтобы нарушеніе касающихся этого предмета статей закона не оставалось безнаказаннымъ?...

№ 183.

Москва, 17-го іюня.

Между тѣмъ какъ въ послѣднее время печать готова была забыть про восточныя дѣла, занявшись другими дѣлами, ближе касающимися интересовъ каждаго, между тѣмъ какъ и телеграфъ съ каждымъ днемъ давалъ все болѣе скудную пищу для продолженія полемики, къ немалому удивленію именно въ Англійскомъ парламентѣ было обращено вниманіе на неудовлетворительность положенія дѣлъ въ Турціи. Не задолго до предстоящаго закрытія парламента, послѣ крайне утомительной и замѣчательно безплодной сессіи, англійскіе законодатели нашли время и не могли

отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать о результатахъ исполненія Берлинскаго трактата, о необходимости энергически побуждать Турокъ къ реформамъ, о намѣреніяхъ султана, о положеніи турецкихъ провинцій, и о прочемъ въ этомъ родѣ. Была моція со стороны оппозиціи, побуждающая правительство къ извѣстному образу дѣйствій, и поправка къ моціи со стороны правительственной партіи выражающая одобреніе всѣмъ дѣйствіямъ правительства; съ обѣихъ сторонъ произносились рѣчи; но конца преній мы еще не знаемъ, такъ какъ продолженіе ихъ отложено до другаго раза, и не знаемъ найдется ли еще время продолжать ихъ. Забавна серіозность съ какою ведутся эти разсужденія. Верховное собраніе представителей „имперіи" (какъ все болѣе усвоиваютъ этотъ терминъ въ примѣненіи къ своему государству Англичане), обладающей громадными владѣніями во всѣхъ частяхъ свѣта, обремененной столь тяжкою отвѣтственностью и заботами о нихъ, превращается въ дебатирующій клубъ для теоретическаго разсужденія о томъ *какъ* должны идти дѣла въ Турціи, и всѣмъ участникамъ въ этомъ представленіи думается что это можетъ имѣть какія-то важныя послѣдствія. Вѣдь всѣмъ извѣстно что торійское правительство, безсильное справиться съ ирландскими „тормозителями" и предлагающее имъ теперь взятку въ видѣ милліоннаго фонда на пенсіи католическимъ учителямъ ирландскихъ первоначальныхъ школъ *), было всемогуще въ своей иностранной политикѣ благодаря столько же покорному большинству сколько и отсутствію серіознаго противодѣйствія со стороны регулярной опозиціи. Какое же значеніе можетъ имѣть теперь *post factum* обсужденіе сдѣланнаго или указаніе правительству какъ ему поступать въ будущемъ? Но еще забавнѣе что эти досужіе законодатели для всего свѣта сами не замѣчаютъ какъ въ этомъ вѣчномъ повтореніи одного и того же, что̀ мы читали еще во времена блаженной памяти лорда Пальмерстона, изобличается пустота и безцѣльность „традиціонной" политики Англіи на Востокѣ.

Какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, роли были регулярно распредѣлены. Правительство обязалось найти свободный вечеръ для обсужденія резолюціи сэръ-Чарлза Дилка о подачѣ адреса королевѣ съ просьбой „употребить свое вліяніе для обезпеченія скораго исполненія тѣхъ статей Берлинскаго трактата которыя касаются реформъ въ Турціи, и для посредничества, на основаніи 24-й статьи того же трактата, съ цѣлью доставить Греціи исправленіе границъ условленное державами;" консервативомъ же г. Ганбери была предложена поправка „выражающая удовольствіе по поводу исполненія главной части постановленій Берлинскаго трактата и одобряющая мѣры принятыя правительствомъ для исполненія тѣхъ частей трактата которыя еще находятся въ въ періодѣ исполненія (*in course of execution*)." Такимъ образомъ пренія возбужденныя въ засѣданіи 22 іюля распадались на двѣ части: объ уступкѣ которую должна Порта сдѣлать Греческому королевству и о реформахъ которыя она обязалась ввести въ провинціяхъ оставшихся вполнѣ подъ ея властью. Что̀ касается перваго вопроса, то велись сухія техническія пререканія о разныхъ документахъ *Синей Книги:* оппозиція утверждала что главною помѣхой для удовлетворенія Греціи было само Англійское правительство, защитники же послѣдняго спорили что конгрессомъ обозначено лишь „общее" направленіе границы. Вообще, всѣ эти пренія, и въ особенности заключеніе подсекретаря иностранныхъ дѣлъ г. Борка о томъ что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Константинополѣ, и всего лучше взаимнымъ соглашеніемъ между обѣими странами, едва ли будутъ утѣшительны Грекамъ. Для публики эти пререканія ничего новаго не разъясняютъ, но кабинетамъ по всему вѣроятію лучше извѣстно почему вопросъ объ исправленіи греческой границы согласно съ рѣшеніемъ Берлинскаго конгресса не подвигается ни на шагъ.

По вопросу о реформахъ въ турецкихъ провинціяхъ самыя интересныя заявленія были сдѣланы правительственными ораторами. Вернувшійся на свое мѣсто въ парламентѣ, бывшій англійскій коммиссаръ въ

*) Изъ оставшихся свободныхъ суммъ упраздненной г. Гладстономъ протестантской государственной церкви въ Ирландіи. Такая же взятка была дана Ирландцамъ въ прошедшемъ году на среднія школы, за поддержку министерства въ восточной политикѣ. Теперь же сомнительно еще примутъ ли они предлагаемую взятку, такъ какъ они мечтаютъ получить изъ того же фонда субсидіи на основаніе католическихъ университетскихъ коллегій въ Ирландіи.

восточно-румелійской коммиссіи, сэръ-Генри Друммондъ Вольфъ, старается изобразить что въ Македоніи не Турки надъ Болгарами, а Болгары надъ Турками совершали неистовства, и тутъ же говоритъ слѣдующее: „Положеніе въ Константинополѣ есть нѣчто совершенно ужасающее, и мнѣ непріятно было бы разказать о всѣхъ случаяхъ продажности дошедшихъ до моего вѣдома.“ Онъ полагаетъ что изъ 25 милліоновъ взимаемыхъ съ плательщиковъ налоговъ, государство никогда не получаетъ и половины, и восклицаетъ: „если такова неурядица (*misgovernment*) въ столицѣ, то какова же она въ провинціяхъ!“ Однако, этотъ очевидецъ неурядицы *надѣется* что если Хайреддинъ-паша, „коего взгляды всегда либеральны и просвѣщенны,“ удержится во власти, то все можетъ уладиться удовлетворительно, хотя тутъ же, въ той же фразѣ, высказываетъ убѣжденіе что развѣ только „полная система децентрализаціи“ можетъ поддержать Турецкую имперію. Самъ же онъ былъ посланъ затѣмъ, и ревностно старался о томъ, чтобы сколь возможно болѣе закрѣпить власть Порты надъ Восточною Румеліей.

Немногимъ отсталъ въ изображеніи печальной картины Турціи и подсекретарь иностранныхъ дѣлъ г. Боркъ: „Мнѣ прискорбно сказать что донесенія нашихъ консуловъ изъ Малой Азіи обнаруживаютъ весьма неудовлетворительное положеніе вещей. Я не думаю чтобы что-нибудь могло быть хуже золъ описываемыхъ нѣкоторыми изъ консуловъ въ Арменіи. Это положеніе въ высшей степени возмутительно.“ Однако что́ же дѣлать? Вѣдь нельзя же, убѣждалъ онъ, возлагать на Англійское правительство отвѣтственность за исполненіе реформъ, отвѣтственность, которая собственно падаетъ на Порту. Англійское же правительство старается де по мѣрѣ своихъ силъ помочь злу, оно обращаетъ на все это вниманіе Порты, и г. Боркъ полагаетъ что султанъ „вполнѣ убѣжденъ что рекомендуемыя ему мѣры суть единственное основаніе для процвѣтанія его имперіи.“

Все это въ порядкѣ вещей. Оправданія англійскихъ министровъ въ дѣлаемыхъ имъ упрекахъ, при откровенномъ признаніи что дѣла въ Турціи идутъ попрежнему, указываютъ что преслѣдуемая Англіей политика и не можетъ вести къ иному рѣшенію задачи. Англія приняла Турцію подъ свое покровительство и охраняетъ ея неприкосновенность; для приличія она за то обязываетъ Порту совершить реформы, и Порта съ удовольствіемъ принимаетъ обязательство; англійскіе консулы пишутъ донесенія, Англійское правительство адресуетъ своему послу депеши съ представленіями султану; слѣдуютъ новыя обѣщанія и оправданія съ указаніемъ на разныя затрудненія, на недостатокъ времени, на невозможность сразу привести все въ порядокъ. Чего же другаго и можно ожидать? Когда г. Гладстонъ напомнилъ было что послѣ гаттигумаюна 1856 года были сдѣланы по крайней мѣрѣ нѣкоторыя дѣйствительныя начатки реформъ, то г. Боркъ, не безъ справедливости, возразилъ что именно пренебреженіе въ побужденіи Порты къ реформамъ въ теченіе 18 лѣтъ послѣ Крымской войны (то-есть пока въ Англіи управляли либералы) и было причиной бѣдствій недавно постигшихъ Европу. Онъ также напомнилъ что либеральныя министерства Англіи, въ 1854, въ 1862 и въ 1870 годахъ, съ угрозами совѣтовали Греціи воздержаться отъ всякихъ честолюбивыхъ идей насчетъ Турціи. Явная насмѣшка надъ тѣмъ что всѣ эти сердобольныя заботы о Греціи и о реформахъ въ Турціи дѣлаются только для приличія, съ надлежащимъ распредѣленіемъ ролей?

Удивляться можно не тому что все это говорится въ Англійскомъ парламентѣ— все это такъ избито, старо, и прежде, право, говорилось веселѣе и лучше, тогда какъ отъ нынѣшнихъ преній вѣетъ невыразимою скукой,—а удивительно что сами Англичане повидимому думаютъ что ихъ рѣчи могутъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Газета *Times*, напримѣръ, по этому поводу преважно разсуждаетъ что „однимъ изъ результатовъ этихъ преній, какъ бы они ни кончились, будетъ то что они дадутъ возможность правительству еще разъ (!) потребовать отъ Порты исполненія ея обязательствъ и на этотъ разъ съ совокупнымъ голосомъ парламента.“ Но лондонская газета очень хорошо знаетъ что изъ этого ничего не выйдетъ, по той простой причинѣ что еслибъ Англійское правительство и въ самомъ дѣлѣ радѣло о реформахъ въ Турціи, то ничего не можетъ для нихъ сдѣлать. У сэръ-Генри Вольфа, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ видѣннаго имъ въ Константинополѣ, выр-

валась фраза что только „полная децентрализація“ можетъ поддержать Турецкую имперію. Это вѣрно только въ томъ смыслѣ если подъ этими словами разумѣть не фиктивную административную автономію, о которой такъ много прежде толковали, а полную автономію частей, при независимости ихъ управленія отъ Порты, хотя и съ сохраненіемъ верховной власти султана. На это нормальное и уже испытанное рѣшеніе турецкихъ затрудненій всегда указывала Россія. Но вѣдь именно это и претитъ англійской политикѣ, которая, напротивъ, дорожитъ сохраненіемъ „мусульманской юрисдикціи“ во всей ея неприкосновенности, какъ это было выражено въ пресловутомъ циркулярѣ лорда Солсбери.

Кстати припомнить что лордъ Солсбери еще откровеннѣе своего помощника высказалъ свой взглядъ на турецкія реформы въ рѣчи произнесенной имъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ по поводу потребованныхъ лордомъ Карнарвономъ документовъ о реформахъ въ Арменіи: „Много говорятъ объ угнетеніяхъ Турками — не правительствомъ, а магометанскимъ населеніемъ — своихъ согражданъ-христіанъ. Это печальная истина, но развѣ это такая вещь которую какое-либо правительство можетъ исцѣлить, а тѣмъ болѣе дипломатія? Вещи эти суть, конечно, злое наслѣдіе столѣтій, онѣ суть преданія народа; и если можно уврачевать ихъ, то разумѣется не политиками или дипломатами. *Quid leges sine moribus?* Совершенно безполезно умножать кодексы или обѣщанія если вы ожидаете ими измѣнить природу или характеръ народа.“

Въ преніяхъ въ палатѣ общинъ, о которыхъ мы упоминали выше, единственное дѣльное замѣчаніе было сдѣлано г. Гладстономъ, который, говоря о необходимости для Турціи поладить съ Греціей, указалъ что „Австрія съ каждымъ мѣсяцемъ принимаетъ положеніе все болѣе и болѣе грозное и враждебное въ отношеніи къ Турціи, изготовляя планы для смуты провинцій, для пріобрѣтенія и присвоенія турецкихъ земель и для открытія себѣ территоріальнаго доступа къ Эгейскому морю.“ Замѣчаніе это прошло безслѣдно, вѣроятно потому что и у Англійскаго правительства также изготовлены планы соотвѣтствующіе австрійскимъ.

№ 184.

Москва, 18-го апрѣля.

Подъ заглавіемъ: *Отъ чего произошло паденіе курса нашего бумажнаго рубля и что можно сдѣлать для его возвышенія?* вышла въ Кіевѣ брошюра которая по своему содержанію заслуживаетъ чтобы на нее было обращено нѣкоторое внимаиіе. Мы не хотимъ этимъ сказать чтобы поставленный авторомъ (который означилъ себя только заглавными буквами своего имени Н. Р.) вопросъ былъ исчерпанъ въ его брошюрѣ: этого нельзя было и сдѣлать на какихъ-нибудь сорока страницахъ малаго формата. Равнымъ образомъ, и между прочимъ въ силу этого самаго, нельзя признать достаточно удовлетворительнымъ и предлагаемое авторомъ рѣшеніе вопроса. Самое изложеніе, кромѣ неполноты, не чуждо и другихъ недостатковъ и можетъ вызвать не мало серіозныхъ возраженій. Но при всемъ этомъ, нельзя не признать той заслуги автора что онъ смотритъ на дѣло прямо, а не сквозь призму схоластической доктрины, судитъ о немъ самостоятельно, а не по чужой указкѣ, и разбираетъ его съ тѣхъ именно сторонъ которыя въ нашей печати не принимались въ разчетъ. Благодаря этому, брошюра г. Н. Р. представляетъ собою дѣйствительный вкладъ въ дѣло обсужденія важнаго вопроса о денежномъ обращеніи и финансахъ Россіи.

Отчасти, въ извѣстномъ отношеніи, сторонники подъема вексельныхъ курсовъ могутъ смотрѣть на автора кіевской брошюры какъ на своего союзника: также какъ и они, г. Н. Р. сѣтуетъ на упадокъ курсовъ и не менѣе чѣмъ они желаетъ повышенія оныхъ, даже не задаваясь вопросомъ въ какихъ размѣрахъ это повышеніе курсовъ можетъ быть желательно, и точно ли возвышеніе металлической цѣны кредитнаго рубля до al pari будетъ пользой для страны. Тѣмъ не менѣе, однако, находящіеся въ обращеніи кредитные билеты не возбуждаютъ въ немъ ни того мистическаго ужаса, ни той слѣпой ненависти съ какою относятся къ нимъ наши доктринеры, считающіе такое отношеніе къ нимъ, повидимому, самымъ „научнымъ“ пріемомъ. Говоря о бумажныхъ деньгахъ, онъ не теряетъ самообладанія и спокойствія сужденій, и вслѣдствіе этого не видитъ того

чего нѣтъ и не усматриваетъ въ кредитныхъ билетахъ воображаемой причины всѣхъ нашихъ золъ. Такое отношеніе къ дѣлу у насъ вообще рѣдкость, и его не мѣшало бы поставить себѣ въ примѣръ и образецъ многимъ нашимъ „докторамъ политической экономіи“ чтобы не договариваться до странностей подобныхъ той до которой договорился г. Кауфманъ объявившій въ *Сборникѣ Государственныхъ Знаній*... что̀ бы вы думали? Что извѣстный *крахъ* Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ въ 1875 году и такъ-называемый Струсберговскій процессъ были результатомъ дѣйствія находившейся тогда въ обращеніи массы кредитныхъ билетовъ!

Не желая продолженія выпусковъ кредитныхъ билетовъ, но и не преувеличивая вреда этихъ выпусковъ, авторъ кіевской брошюры прежде всего прямо отвергаетъ ставшій у насъ общимъ мѣстомъ, какъ бы аксіомой, извѣстный софизмъ что выпуски безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ вреднѣе заключенія процентныхъ займовъ, потому будто бы что безпроцентныя бумажныя деньги легче выпускаются неосмотрительнымъ финансовымъ управленіемъ, между тѣмъ какъ выпуски процентныхъ бумагъ, въ виду предстоящаго платежа по нимъ процентовъ, заставляютъ де финансовое управленіе быть болѣе осторожнымъ. Этотъ софизмъ какъ нельзя рѣшительнѣе опровергается приводимыми авторомъ фактами русской финансовой практики двухъ послѣднихъ десятилѣтій, свидѣтельствующей что соблазнъ заключенія процентныхъ займовъ едва ли не поопаснѣе соблазна выпуска кредитныхъ билетовъ. У финансоваго управленія все это время были постоянно подъ рукой оба эти соблазнительныя средства; которое же изъ нихъ оказалось вреднѣе? Сумма кредитныхъ билетовъ оставшихся въ обращеніи послѣ Крымской войны увеличилась къ 1876 году лишь на скромную цифру ста милліоновъ съ небольшимъ. Сумма же государственныхъ процентныхъ долговъ подъ разными наименованіями, внутреннихъ и внѣшнихъ, возрасла въ то же время на громадную сумму не какой-нибудь сотни милліоновъ, а цѣлыхъ милліардовъ рублей. Перспектива платежа процентовъ по займамъ, какъ оказалось, не внушила финансовому управленію желаемой осторожности въ расширеніи расходныхъ смѣтъ и не помѣшала накопить громадный долгъ въ продолжительный періодъ мира, обременивъ бюджетныя средства громадною цифрой подлежащихъ уплатѣ ежегодныхъ процентовъ и погашенія, а въ то же время легкость добыванія средствъ выпусками бумажныхъ денегъ вовсе не склонила къ пользованію этимъ ресурсомъ, до тѣхъ поръ пока не принудили обратиться къ нему чрезвычайныя, военныя обстоятельства. Но и тутъ не столько выпуски кредитныхъ билетовъ сколько займы были главнымъ источникомъ откуда черпались необходимыя средства. У кредитныхъ билетовъ не оказывается такимъ образомъ никакого будто бы присущаго имъ свойства располагать финансовое управленіе къ легкомыслію въ распоряженіи денежными средствами, и равнымъ образомъ въ процентныхъ займахъ тоже вовсе не оказывается воображаемаго свойства сдерживать это легкомысліе Напротивъ, сравнивая употребленіе какое давалось суммамъ добытымъ изъ этихъ двухъ источниковъ, нельзя не придти къ мысли что далеко не всѣ расходы сдѣланные изъ занятыхъ суммъ могутъ найти себѣ столь же вѣскія оправданія какія могутъ быть представлены по отношенію къ расходамъ сдѣланнымъ на выпуски кредитныхъ билетовъ. Авторъ кіевской брошюры высказываетъ даже мысль, хотя и граничащую съ парадоксомъ, но не совсѣмъ лишенную основанія, что безпроцентные займы, въ видѣ выпуска кредитныхъ билетовъ, представляютъ бо́льшую гарантію къ тому чтобы сдерживать финансовое управленіе въ предѣлахъ благоразумія, уже по одному тому что такой безпроцентный заемъ не можетъ быть увеличиваемъ до громадной цифры процентныхъ долговъ.

Обращаясь къ главному предмету своей брошюры, къ причинамъ вызвавшимъ паденіе курса, г П. Р. спрашиваетъ ограничивается ли циклъ этихъ причинъ только тѣми на которыя у насъ обыкновенно указываютъ, то-есть чрезмѣрностью выпусковъ кредитныхъ билетовъ, убыточностью торговаго баланса, политическими обстоятельствами и т. п.? Не отрицая относительнаго значенія каждой изъ этихъ причинъ и разсматривая ихъ и порознь, и въ совокупности, онъ приходитъ къ выводу что одними этими причинами не можетъ быть объясняемо то паденіе курса съ какимъ мы имѣемъ дѣло. Масса находящихся нынѣ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ вовсе не такъ велика чтобы сама по

себѣ могла уронить курсы. При отсутствіи звонкой монеты, эта масса скорѣе ниже чѣмъ выше размѣровъ потребности у насъ въ орудіяхъ денежнаго обращенія, и съ этимъ трудно не согласиться если принять во вниманіе размѣры нашихъ бюджетовъ, численность населенія, громадность пространства и сравнительную съ другими странами медленность денежныхъ оборотовъ. Въ виду этого, авторъ полагаетъ, и не безъ основанія, что при иной обстановкѣ, цифра находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ могла бы быть больше нынѣшней не вызывая собою неизбѣжно паденія курсовъ. Невыгодность торговаго баланса несомнѣнно вредно отзывается на курсахъ и ведетъ къ ихъ пониженію. Но не во всѣ годы этотъ балансъ былъ невыгоденъ; были годы, и даже ряды лѣтъ, когда онъ былъ относительно выгоденъ, а между тѣмъ курсы не поднимались въ желаемой степени. Затѣмъ частныя колебанія въ курсѣ и временныя его пониженія могутъ происходить отъ многихъ причинъ, въ томъ числѣ и отъ политическихъ,—но эти причины не существенны и скоропреходящи. Должна быть постоянно дѣйствующая причина держащая курсъ нашихъ денегъ на низкомъ уровнѣ,—и эту постоянно дѣйствующую причину авторъ видитъ въ иностранныхъ и вообще во всякихъ займахъ по которымъ является необходимость постоянныхъ, ежегодныхъ непомѣрныхъ уплатъ за границу, и которые ставятъ Россію по отношенію къ другимъ странамъ въ положеніе той зависимости какая почти всегда имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ запутавшагося должника къ безцеремонному кредитору.

Такой выводъ, безъ сомнѣнія, очень не понравится нашимъ экономистамъ мечтающимъ о замѣнѣ такъ-называемаго безпроцентнаго долга, то-есть кредитныхъ денегъ, займами процентными, то-есть объ усиленіи, въ видахъ временнаго подъема курсовъ, именно той причины которая оказывается самою постоянною и самою сильною въ дѣлѣ ихъ пониженія. Но какъ бы ни былъ противенъ имъ этотъ выводъ, трудно опровергать его вѣрность. Огромное вліяніе непомѣрно большихъ заграничныхъ платежей на высоту курсовъ не подлежитъ сомнѣнію. „Международныя денежныя отношенія,“ говоритъ авторъ кіевской брошюры, „не тѣ что между людьми принадлежащими одному государству. Послѣдніе при покупкѣ и продажѣ своихъ продуктовъ и товаровъ пользуются общею имъ денежною единицей, какая бы она ни была. Когда же уплаты должны быть производимы въ иностранномъ государствѣ или получаемы отъ него, то, при различіи денежной единицы, естественно приходится каждый разъ условливаться сколько франковъ или марокъ нужно считать за рубль, или сколько рублей нужно считать въ фунтѣ стерлингъ...“ „Еслибъ иностранцы вынуждены были за товары и за что̀ бы то ни было платить намъ столько же сколько мы имъ, то естественно они были бы вынуждены принимать нашъ рубль по его номинальной стоимости, потому что иначе и мы не принимали бы ихъ денегъ по ихъ нарицательной цѣнѣ, а еслибъ они вынуждены были платить намъ больше нежели мы имъ, то мы имѣли бы возможность назначать цѣну ихъ монетѣ, сравнительно съ нашимъ рублемъ, смотря по обстоятельствамъ...“ Но „государство которому нужно перевести за границу денегъ больше нежели оно можетъ получить оттуда,—вслѣдствіе ли того что оно получило больше товаровъ нежели отпустило, или потому что оно должно заплатить по заграничнымъ займамъ и другимъ затратамъ,—естественно попадаетъ въ зависимое положеніе. Оно дѣлается плательщикомъ, а не получателемъ; агенты его, которые должны дѣлать расплату, какъ бы говорятъ таковымъ же иностраннымъ: мы вамъ должны столько-то фунтовъ стерлингъ или франковъ за товары, или просимъ васъ заплатить столько-то франковъ или фунтовъ вашимъ заводчикамъ за пушки, корабли, рельсы и локомотивы нами заказанные, или выдать ихъ нашимъ посольствамъ и морякамъ заходящимъ для снабженія въ ваши порты, или уплатить проценты по нашимъ займамъ тѣмъ кто представятъ купоны по нашимъ облигаціямъ; вотъ вамъ наши рубли, сдѣлаемъ разчетъ сколько за нихъ придется франковъ или фунтовъ. Если эти рубли металлическіе, то разчетъ очень легко можетъ быть сдѣланъ, но если у плательщика нѣтъ металла, то начинается торгъ; тогда плательщикъ уже въ полной зависимости отъ получателя; послѣдній можетъ назначить какую угодно цѣну своимъ франкамъ и фунтамъ стерлингъ; за 400 франковъ онъ будетъ требовать не 100 рублей, какъ бы слѣдовало, а 120, 140 рублей, за одинъ

фунтъ стерлингъ не 6 р. 29 к., а 7, 8, 9 рублей...“

Россія, благодаря преимущественно своей задолженности иностранцамъ, находится именно въ такомъ невыгодномъ къ нимъ отношеніи что ей изъ году въ годъ приходится гораздо болѣе платить имъ чѣмъ получать отъ нихъ, то-есть въ положеніи неизбѣжно ведущемъ къ ущербу цѣнности ея монетной единицы по всемірному металлическому разчету. Скажутъ что самый прямой выходъ изъ этого положенія—возстановленіе металлическаго обращенія посредствомъ изъятія кредитныхъ билетовъ и возстановленія ихъ размѣна на звонкую монету. Съ возстановленіемъ де такого размѣна, дѣло международныхъ разчетовъ облегчится и они перестанутъ тяготѣть надъ курсами... Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Оставимъ въ сторонѣ цѣну въ какую должно обойтись странѣ возстановленіе размѣна, то-есть и ту тягость которая должна лечь въ виду уплаты процентовъ по сдѣланнымъ для сего займамъ, и тѣ экономическія потрясенія которыя неизбѣжны при измѣненіи цѣнности монетной единицы лежащей въ основаніи всевозможныхъ экономическихъ разчетовъ, и тѣ не менѣе серіозныя бѣдствія которыя тоже неизбѣжны при сильномъ сжатіи привычныхъ размѣровъ денежнаго обращенія, – оставимъ въ сторонѣ всѣ эти явленія, мѣтко охарактеризованныя самими доктринерами признающими въ рекомендуемой ими мѣрѣ „мучительную операцію“ для страны. Спросимъ только будетъ ли страна и съ возстановленіемъ размѣна имѣть такой достаточный запасъ металла въ своемъ распоряженіи чтобы не затрудняясь уплачивать ежегодную разницу дебета и кредита въ своихъ международныхъ разчетахъ и не допускать тѣмъ паденія курсовъ? Иные изъ нашихъ „возстановителей размѣна“ въ самомъ дѣлѣ воображаютъ что съ принятіемъ этой мѣры золото и серебро, какъ бы по щучьему велѣнію, не замедлятъ появиться въ обращеніи въ утѣшительномъ изобиліи. Но думать такъ можно только не принимая въ соображеніе вѣскаго факта—громадной массы разнаго рода правительственныхъ и частныхъ, гарантированныхъ и негарантированныхъ бумагъ, какъ въ металлической такъ и въ кредитной валютѣ, находящихся въ рукахъ иностранцевъ и купоны коихъ ежегодно аккуратно предъявляются къ уплатѣ. А къ массѣ золота которая ежегодно требуется для уплатъ по этимъ купонамъ нужно еще присоединить уплаты по заграничнымъ заказамъ и другимъ заграничнымъ расходамъ правительства, по заграничнымъ расходамъ довольно многочисленныхъ Русскихъ путешествующихъ или проживающихъ за границей, наконецъ — уплаты по недочетамъ торговаго баланса, который при искусственномъ подъемѣ курсовъ не замедлилъ бы обернуться самымъ невыгоднымъ образомъ... Авторъ кіевской брошюры дѣлаетъ приблизительный разчетъ до какой цифры простирается ежегодный перевѣсъ уплатъ которыя должны быть ежегодно дѣлаемы изъ Россіи надъ уплатами какія ей приходится получать за покупаемые у нея товары. Это разчетъ, конечно, не совершенно точный, но тѣмъ не менѣе онъ достаточно бросаетъ свѣта на сторону дѣла, умышленно или неумышленно, но постоянно оставляемую въ тѣни. Ежегодная ликвидація международныхъ разчетовъ, по сказанному исчисленію, требуетъ отъ Россіи приплаты ста восьмидесяти, если не болѣе, милліоновъ звонкою монетой. Можетъ ли изъятіе кредитныхъ билетовъ поставить Россію въ положеніе при которомъ она могла бы съ легкостью уплачивать ежегодно подобную сумму? Какой металлическій фондъ выдержалъ бы ежегодное предъявленіе къ размѣну кредитныхъ билетовъ въ такихъ размѣрахъ, и какими путями, кромѣ новыхъ займовъ которые только усиливали бы тягость положенія, можно было бы пополнять кассы этого фонда?

„Возстановители размѣна“ повидимому воображаютъ что возвращеніе къ условіямъ денежнаго обращенія бывшимъ до Крымской войны не представляетъ иныхъ затрудненій кромѣ заключенія займа для изъятія кредитныхъ билетовъ, и что съ преодолѣніемъ этого единственнаго затрудненія дѣло пойдетъ и курсы получатъ желаемую твердость. Но пусть вспомнятъ они въ какихъ громадныхъ размѣрахъ возрасла съ тѣхъ поръ сумма обязательствъ выданныхъ на себя Россіей иностранцамъ. Пусть вспомнятъ они также что и въ эпоху до Крымской войны размѣнъ не обезпечивалъ твердости курсовъ, что и въ ту эпоху вексельная цѣнность нашего рубля колебалась между $90\frac{1}{2}$ и 102 копѣйками, и что правительство даже въ тѣ времена принимало искусственныя мѣры для поддерж-

ки курсовъ, употребляя на то весьма почтенныя суммы. Припомнивъ это и сообразивъ измѣнившіяся обстоятельства, нельзя не отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ дѣлаемому авторомъ кіевской брошюры заключенію что „пока наши заграничные платежи не будутъ заключаться въ предѣлахъ торговаго баланса, то-есть пока стоимость нашего вывоза не будетъ равняться привозу *плюсъ* всей уплатѣ которую мы должны дѣлать за границей за что̀ бы то ни было,—до тѣхъ поръ нельзя ожидать поднятія нашего курса.“ И люди желающіе дѣйствительнаго и прочнаго, а не мнимаго и мимолетнаго подъема курсовъ должны, думается намъ, серіозно считаться съ этою истиной и сообразовать съ нею предлагаемыя ими мѣры. Они должны признать что главное, коренное зло заключается не въ упадкѣ курсовъ (который въ существующихъ размѣрахъ и при существующихъ обстоятельствахъ сопровождался даже многими выгодами, перевѣшивающими невыгоды), а въ финансовой и экономической зависимости отъ иностранцевъ,—зависимости которая ни при какихъ обстоятельствахъ не ведетъ и не можетъ вести къ добру, — и что поэтому только тѣ мѣры къ подъему курсовъ (если будетъ доказано что такой подъемъ дѣйствительно нуженъ) могутъ быть одобрены, какъ согласныя съ государственными интересами, которыя ослабляютъ, а не усиливаютъ сказанную зависимость. А такой ли характеръ носятъ появляющіеся у насъ одинъ за другимъ проекты преобразованія кредитной денежной системы въ Россіи?

№ 185.

Москва, 19-го іюля.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ по поводу билля о дисциплинѣ въ арміи, о коихъ мы упоминали въ № 176 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ связи съ вопросомъ о необходимости или безполезности удержать девятихвостку для поддержанія дисциплины, усилили въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо интересъ къ состоянію британской арміи. Означенный билль, какъ мы говорили, касается собственно только дисциплины и вообще регламентовъ службы, замѣняя обычный *Mutiny Act*, и не имѣетъ никакого отношенія къ организаціи арміи. Толки же идутъ главнымъ образомъ о послѣдней, о томъ обладаетъ ли Англія достаточною и даже вообще годною боевою силой. Этимъ вопросомъ заняты всѣ газеты, объ этомъ пишутся статьи, и сводъ всѣхъ сужденій выходитъ крайне неблагопріятный, приводящій къ заключенію что гордая владычица морей вовсе не имѣетъ надежной арміи на которую могла бы положиться въ случаѣ немедленной въ ней надобности. Это доказывается людьми компетентными не метафорически, не по сравненію съ другими, а въ буквальномъ значеніи слова. Всѣмъ извѣстно что Англія никогда не держала большаго войска и не могла въ этомъ отношеніи тягаться съ великими континентальными государствами, но считалось что ея небольшая армія была отличною закаленною боевою силой. Теперь же утверждаютъ что она не имѣетъ и этой прежней арміи. Фактъ интересенъ если припомнить что всего съ небольшимъ годъ тому назадъ Англія грозила намъ войной, собирала резервы, мобилизовала два корпуса и истратила на эту забаву шесть милліоновъ фунтовъ стерлингъ.

Предъ нами факты и цифры на которые указываютъ люди военные, ссылаясь на офиціальные отчеты. Въ особенности обратила на себя вниманіе статья подполковника Ноллиса въ іюльской книжкѣ журнала *Nineteenth Century*, подъ заглавіемъ „Мальчики-Солдаты,“ и печатавшіяся въ послѣднихъ нумерахъ *Times* письма „о положеніи арміи“ одного военнаго корреспондента, который, какъ думаютъ, долженъ былъ имѣть доступъ къ офиціальнымъ источникамъ. Чтобы яснѣе понять жалобы этихъ критиковъ, съ которыми, впрочемъ, согласны почти всѣ, необходимо припомнить тѣ перемѣны которыя сдѣланы въ организаціи англійской арміи послѣ 1870 года.

Англія не знаетъ военной повинности и, полагаясь на всемогущество кармана, охраняетъ свое могущество наемными войсками, набирая ихъ вербовкой. До 1870 года рекруты нанимались на срокъ 21 года службы, съ правомъ по выслугѣ на пенсію, и по смѣтамъ этого года Англія держала около 160.000 человѣкъ боевой силы, то-есть пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи * (изъ нихъ 63.000 въ Индіи), и

*) Не считая обоза, саперовъ, санитаровъ и проч.

содержаніе арміи стоило 14.250.000 ф. ст. Это была армія на мирномъ и вмѣстѣ на военномъ положеніи, такъ какъ она не имѣла резервовъ, и въ случаѣ большой войны увеличить ее можно было только новою усиленною вербовкой. Разгромъ французскихъ армій, однако, заставилъ Англичанъ задуматься и задаться задачей какъ бы создать нѣчто въ родѣ національнаго резерва, для пополненія и подкрѣпленія арміи въ случаѣ первой неудачи, держась однако все-таки системы найма. Бывшій тогда военнымъ министромъ въ кабинетѣ Гладстона, г. Кардвеллъ (нынѣ лордъ Кардвеллъ), придумалъ такой планъ: онъ замѣнилъ долгосрочную вербовку краткосрочною на 12 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы рекруты обязаны были прослужить шесть лѣтъ въ арміи и шесть лѣтъ числиться въ резервѣ, съ обязанностью явиться по первому призыву. Предоставлялось также право и чрезъ три года вступить въ резервъ съ сохраненіемъ права на пенсію, но считая въ такомъ случаѣ два года нахожденія въ резервѣ за одинъ годъ службы въ арміи. Другою чертой военной реформы лорда Кардвелла было то что онъ измѣнилъ прежнюю полковую систему на систему сводныхъ баталіоновъ (*linked battalions*), имѣющихъ одинъ нумеръ и составляющихъ вмѣстѣ бригаду, такъ что одинъ баталіонъ назначался для службы внѣшней, а другой оставался бы дома и могъ бы служить для пополненія убыли въ первомъ Далѣе, для всѣхъ бригадъ были устроены мѣстныя депо, обязанность коихъ вербовать и обучать рекрутъ для обоихъ баталіоновъ. Таковы были основныя черты новаго плана на бумагѣ; что же изъ него вышло на дѣлѣ? Съ самаго начала реформа вызвала много возраженій; вскорѣ же недовольные стали сѣтовать что она де совсѣмъ разстроила англійскую армію, приходилось читать въ газетахъ насмѣшки надъ „мальчиками-солдатами“ и „баталіонами-скелетами“ (*skeleton dattalions*) Однако сѣтованія эти представлялись весьма туманными и голословными, тѣмъ болѣе что, съ перемѣной кабинета въ 1874 году, и нынѣшнее торійское министерство оставило реформу лорда Кардвелла во всей силѣ. Она прельщала надеждой создать со временемъ резервъ безъ помощи общеобязательной конскрипціи, и дѣйствительно Англія имѣетъ теперь на бумагѣ резервъ въ 43 тысячи человѣкъ. Эти то резервы и были созваны на показъ въ началѣ 1878 года, во время препреканій англійской дипломатіи съ Россіей. Но, вопервыхъ, воинственныя демонстраціи Англіи противъ Россіи были не серіозны, а притомъ и неудобно было тогда говорить о недостаткахъ арміи. Затѣмъ, для Афганской войны потребовалось весьма мало подкрѣпленій, такъ какъ она велась войсками бывшими въ Индіи. Только внезапная вѣсть о разгромѣ тысячнаго англійскаго отряда въ Африкѣ Кафрами Зулу при Исандланѣ, потребовавшемъ спѣшной отправки подкрѣпленій, вызвала тревогу и неизбѣжный вопросъ: что было бы еслибы случилось большое бѣдствіе? Тутъ обнаружились недостатки показавшіе какъ не приготовлена Англія ко внезапной серіозной опасности. Выписка изъ статьи подполковника Ноллиса покажетъ въ чемъ дѣло: „Отчетъ полковника Мьюра, пишетъ онъ, о состояніи пяти полковъ отправленныхъ въ Южную Африку въ минувшемъ февралѣ не доставляетъ всѣхъ свѣдѣній какія желательны. Однако и такъ въ немъ раскрываются данныя тревожнаго свойства. Во второмъ баталіонѣ 21 полка числилось по списку 961 рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, и изъ нихъ найдено было нужнымъ оставить дома 355, или болѣе трети. Изъ нихъ 52 были негодны по состоянію здоровья, и 15 мальчиковъ недостигшихъ возраста (*under age*); *необученныхъ ружейнымъ пріемамъ*, то-есть не вполнѣ освоившихся со службой, другими словами новобранцевъ, считалось 248. Для пополненія этихъ вакансій пришлось пригласить волонтеровъ изъ другихъ полковъ, ибо депо не могло доставить ни одного человѣка, а сводный баталіонъ находился внѣ Англіи, въ Мадрасѣ. Эти волонтеры были получены не изъ одного, а изъ многихъ полковъ.“ Суммируя такіе же факты относительно другихъ полковъ, онъ продолжаетъ: „Въ итогѣ мы находимъ что въ этихъ пяти полкахъ, при полученіи приказа объ отправкѣ, числилось рядовыхъ и унтеръофицеровъ 4.066, изъ нихъ 1.045 были оставлены дома, за немногими исключеніями, потому что были физически негодны или новобранцы, и для укомплектованія полковъ по военному положенію были взяты 1.414 человѣкъ изъ другихъ баталіоновъ; всѣ они разумѣется совершенно чужіе своимъ новымъ офицерамъ и товарищамъ. Глядя далѣе на состояніе этихъ пяти полковъ въ томъ видѣ какъ они от-

правились, я нахожу что изъ 4.435 человѣкъ 781 были моложе 20 лѣтъ, а 905 были менѣе года на службѣ. Конечно, не требуется болѣе убѣдительнаго доказательства полной негодности нашей системы."

Военный корреспондентъ *Times* беретъ болѣе общія цифры и утверждаетъ что въ 56 баталіонахъ пѣхоты находящихся въ Англіи, солдатъ прослужившихъ болѣе трехъ мѣсяцевъ имѣется не болѣе 21.950 челов., и изъ нихъ большой процентъ негодныхъ выступить въ поле, по физическимъ или другимъ причинамъ. „Въ 1873 году, пишетъ онъ, когда численность большинства баталіоновъ была сокращена до 520 человѣкъ, полагали что сокращенія достигли послѣдняго предѣла. Тогда линейная пѣхота состояла изъ 70 баталіоновъ, и въ нихъ подъ знаменами было 39.200 человѣкъ. Въ настоящее время у насъ нѣтъ и 27.000, и изъ нихъ болѣе мальчиковъ не прослужившихъ и двухъ лѣтъ."

Еще интереснѣе слѣдующее замѣчаніе его: „Наша армія не только недостаточна, но и дисциплина ея быстро портится. Причины не далеко искать. При краткосрочной системѣ главное затрудненіе находить пригодныхъ людей для унтеръ-офицеровъ, и когда самые почтенные выбраны для повышенія, казарменныя залы остаются на попеченіи чисто мальчиковъ, не имѣющихъ силы характера и опытности и потому не могущихъ поддерживать порядокъ въ своихъ взводахъ. Всѣ признаютъ что сквернословіе и ссоры гораздо болѣе въ ходу при настоящей системѣ чѣмъ когда-либо прежде." И въ другомъ письмѣ читаемъ тоже: „Изъ Капа доходятъ слухи, къ сожалѣнію не допускающіе опроверженія, что тамъ приходится прибѣгать постоянно къ строгимъ наказаніямъ,—доказательство того что, какъ бы ни казался полкъ выправленнымъ, юноши составляющіе его едва ли могутъ назваться опытными солдатами, потому что они еще не постигли истиннаго значенія слова дисциплина. Настоящее положеніе нашей арміи удручающее, чтобы не сказать крайне тревожное. Наши полки за границей состоятъ изъ мальчиковъ неспособныхъ справиться съ трудностями дѣйствительной службы. Въ Афганистанѣ, какъ и въ Зулуландѣ, слышны были однѣ и тѣ же жалобы."

На первый взглядъ странно слышать это, и трудно понять причемъ же тутъ краткосрочная служба, такъ быстро измѣнившая характеръ англійской арміи. Намъ даютъ объясненіе. „Къ несчастію вѣрно, говоритъ тотъ же военный корреспондентъ *Times*, что большая пропорція нашихъ рекрутъ какъ рабочіе не стоятъ и той цѣны какую получаютъ какъ солдаты. Никогда не было труда вербовать подонки (*the scum*) нашихъ улицъ; но въ прежнее время эти принуждались къ дисциплинѣ примѣромъ старшихъ, которые начали смотрѣть на солдатскую службу какъ на профессію. Съ теченіемъ времени рекруты, силой примѣра, и сами становились стойкими солдатами. Теперь мы набираемъ рекрутъ тѣмъ же способомъ—изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, но не даемъ имъ времени развиться въ старыхъ солдатъ. Двухъ или трехъ лѣтъ пребыванія въ рядахъ недостаточно чтобъ отучить уличнаго бродягу отъ его порочныхъ привычекъ; краткосрочная система, при нашемъ настоящемъ матеріалѣ, несовмѣстна съ высокимъ состояніемъ дисциплины." Корреспондентъ весьма толково объясняетъ что, по причинѣ этого сырого матеріала, невозможно и сравнивать англійскую армію съ континентальными, въ коихъ, при обязательной повинности, имѣется сырой матеріалъ со всѣмъ иного свойства, который можетъ скоро обучаться какъ строю, такъ и дисциплинѣ. Въ Англіи же, гдѣ только „самые низшіе слои смотрятъ на армію какъ на прибѣжище для отверженцевъ общества," нельзя ихъ и заставлять учиться строю много часовъ въ день, ибо „большое число людей избираютъ ее себѣ карьерой потому только что работа легка," и если бы принуждать ихъ работать столько же какъ въ другихъ войскахъ, то „и безъ того большое число дезертирствъ страшно увеличилось бы." Люди же лучшаго класса не нанимаются въ армію потому что находятъ болѣе выгодныя занятія, а еще и потому что „служба въ арміи непопулярна и считается унизительною."

Въ результатѣ всѣ жалобы сводятся къ тому что, увлекшись системой краткосрочной службы для созданія необходимаго резерва, упустили изъ виду постоянную армію и совершенно ее разстроили. Можно полагать, однако, что при такомъ матеріалѣ, плохо обученныхъ и не вполнѣ дисциплинированныхъ солдатъ, пресловутый резервъ долженъ быть еще хуже дѣйствующей арміи.

Всѣ, впрочемъ, твердо держатся за этотъ резервъ, и потому не находятъ возможнымъ вовсе бросить новую систему. Но какъ поступить чтобы поправить армію—на это указанія пока весьма скудны. Ноллисъ хотѣлъ бы чтобы разомъ были и краткосрочная, и долгосрочная вербовка, но весьма смутно излагаетъ это въ немногихъ словахъ. Корреспондентъ *Times* горячо, но не менѣе туманно, ратуетъ за привлеченіе къ службѣ въ арміи лучшихъ, болѣе почтенныхъ классовъ, хотя бы это стоило и очень большихъ расходовъ. Но англійская армія и безъ того дороже обходится странѣ чѣмъ всякая другая. Для разслѣдованія вопроса о положеніи англійской арміи назначена коммиссія. Любопытно будетъ видѣть какія перемѣны найдутъ нужнымъ сдѣлать. Мы впрочемъ думали что задача едва ли разрѣшима. Англія держится устарѣлой системы, которая годилась для прошлаго столѣтія, но не пригодна въ наше время вооруженныхъ націй. Она хвалится что не отвлекаетъ конскрипціей производительныхъ силъ занятыхъ увеличеніемъ богатства страны. Но люди поглощенные наживой и не желающіе лично нести тягость защиты страны, а поручающіе это наемникамъ, не имѣютъ права жаловаться на характеръ послѣднихъ. Еслибъ Англія и вдвое тратила на армію чѣмъ сколько тратитъ теперь, то и тогда ея войско будетъ вербоваться все изъ тѣхъ же слоевъ: „благовоспитанный классъ“ людей, коихъ корреспондентъ *Times* желалъ бы привлечь къ арміи, не пойдетъ въ наемники.

Очень возможно что теперь въ радости отъ полной побѣды надъ Зулуями и въ виду скораго окончанія войны, всё на время опять забудутъ объ этомъ вопросѣ до новаго переполоха. Тѣмъ не менѣе африканская война кстати обнаружила для всѣхъ закрытую доселѣ для многихъ слабую сторону Англіи.

№ 186.

Москва, 20-го іюля.

„Нужно сознаться что и безъ того пошатнувшееся значеніе германскаго парламентаризма еще болѣе пострадало послѣ окончившейся сессіи Германскаго рейхстага,“ —такъ восклицаетъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей либеральной партіи, профессоръ Трейчке, въ послѣднемъ нумерѣ редижируемаго имъ журнала *Preussische Jahrbücher*. Такой приговоръ надъ основнымъ стремленіемъ своей партіи ученый публицистъ выводитъ изъ ожесточенной борьбы эгоистическихъ интересовъ по поводу новаго тарифа, борьбы лицемѣрно прикрывавшейся громкими фразами объ общемъ благѣ и интересахъ государства. Тотъ же профессоръ Трейчке впрочемъ засвидѣтельствовалъ еще болѣе нагляднымъ образомъ полное банкротство политическаго направленія къ которому онъ самъ принадлежалъ: онъ вышелъ изъ націоналъ-либеральной фракціи, и примѣру его послѣдовали еще 16 членовъ этой партіи, мотивируя этотъ выходъ тѣмъ соображеніемъ что программа этой недавно еще самой сильной партіи не представляется имъ болѣе соотвѣтствующею потребностямъ времени и благу земли.

Еще болѣе тяжкій ударъ постигъ эту партію на дняхъ вслѣдствіе заявленія депутата Беннигсена что онъ намѣренъ сложить съ себя званіе депутата и вовсе отказывается „на время“ отъ всякой политической дѣятельности. Г. Беннигсенъ былъ главнымъ вожакомъ этой партіи во все время ея политическаго могущества; онъ служилъ связующимъ звеномъ между нею и княземъ Бисмаркомъ и долгое время умѣлъ мирить имперскаго канцлера съ нѣкоторыми тенденціями своей партіи, которыхъ князь Бисмаркъ не терпѣлъ, нисколько не скрывая своей антипатіи къ г. Ласкеру, второму вожаку партіи, олицетворявшему болѣе радикальные элементы націоналъ-либераловъ. Теперешній выходъ г. Беннигсена тѣмъ знаменательнѣе что шагъ этотъ не можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ новаго сближенія съ княземъ Бисмаркомъ. Еще въ послѣднюю фазу разразработки въ рейхстагѣ новаго тарифа, г. Беннигсенъ открыто заявилъ о своей безусловной оппозиціи князю Бисмарку вслѣдствіе принятія имъ резолюціи Франкенштейна. Г. Беннигсенъ не можетъ уже разчитывать на удовлетвореніе личнаго честолюбія и сдѣлаться членомъ министерства, а между тѣмъ онъ отступается и отъ своихъ парламентскихъ единомышленниковъ; очевидно что и онъ, подобно г. Трейчке, созналъ всю несостоятельность либеральнаго катехизиса и пришелъ къ убѣж-

денію что въ настоящее время ихъ пѣсенка спѣта.

Удивляться ли въ виду этого всего что князь Бисмаръ, всегда державшійся „реальной“ политики и умѣющій дѣйствовать лишь съ помощью дѣйствительныхъ силъ и опредѣленныхъ величинъ, обладая притомъ удивительнымъ чутьемъ для угадыванія политической дѣйствительности, еще ранѣе созналъ этотъ знаменательный фактъ и отвернулся отъ либерализма которому нынѣ суждено уступить мѣсто другому элементу на первомъ планѣ политической арены?

Разъ покончивъ съ либерализмомъ, князь Бисмаркъ куетъ желѣзо пока оно горячо. Не успѣлъ онъ завершить многотрудную сессію рейхстага, въ теченіе которой либеральная партія понесла столь чувствительное пораженіе, какъ онъ подготовилъ ей новый, еще болѣе тяжкій ударъ. Прежде чѣмъ былъ закрытъ Союзный Совѣтъ, на обсужденіе его представленъ былъ законопроектъ объ измѣненіи четырехъ статей Германской конституціи (12, 24, 69 и 72), опредѣляющихъ способъ установленія имперскаго бюджета и продолжительность законодательныхъ сессій. Вмѣсто одногодняго бюджета, установляемаго въ законодательномъ порядкѣ, князь Бисмаркъ предлагаетъ установить двухгодичный бюджетъ; а такъ какъ сессія рейхстага опредѣлена на три года, то оказывается необходимымъ измѣнить и этотъ срокъ такимъ образомъ чтобы конецъ бюджетнаго періода могъ совпадать съ истеченіемъ законодательной сессіи рейхстага утвердившаго бюджетъ. На этомъ основаніи предполагается продолжить законодательную сессію до 4 или даже до 6 лѣтъ. Это измѣненіе должно повлечь за собою соотвѣтственныя измѣненія и въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ, гдѣ также установлены одногодніе бюджеты, которые придется превратить въ двухгодичные, такъ какъ они находятся въ тѣсной связи съ имперскимъ бюджетомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ будетъ то что впредь не будетъ надобности ежегодно созывать парламенты какъ имперскій, такъ и отдѣльныхъ государствъ для утвержденія бюджета, а это повлечетъ за собою ослабленіе по крайней мѣрѣ на двѣ краты того вліянія которое такъ или иначе парламентъ имѣетъ на ходъ управленія вообще. Въ Германіи, правда, нигдѣ не существуетъ строго-парламентской системы, при которой министерство должно зависѣть отъ парламентскаго большинства. Но и въ Германіи, если большинство бываетъ не на сторонѣ правительства, контроль его становится иногда весьма тягостнымъ и назойливымъ, и правительству не можетъ не быть желательно чтобы собранія народныхъ представителей, съ ихъ неизбѣжными запросами, безконечными преніями и страстными нападками, происходили какъ можно рѣже. Въ этомъ несомнѣнно заключается главнѣйшая цѣль новѣйшаго замысла князя Бисмарка, и насколько она пришлась не понутру приверженцамъ парламентской рутины доказывается выходомъ въ отставку трехъ прусскихъ министровъ, гг. Фалька, Гобрехта и Фриденталя, которые, какъ теперь сообщаютъ за достовѣрное, именно по этой причинѣ не сочли возможнымъ остаться долѣе на своихъ мѣстахъ, а не вслѣдствіе предложенія Франкенштейна, какъ полагали во время сессіи рейхстага, когда новое предположеніе князя Бисмарка тщательно сохранялось въ тайнѣ.

Само собою разумѣется что измѣненіе конституціи (для котораго требуется утвержденіе большинствомъ двухъ третей) можетъ быть достигнуто лишь при помощи партіи центра, которая заняла нынѣ какъ разъ то самое положеніе какое до послѣдняго времени занимали національ-либералы. А ультрамонтаны не такъ сговорчивы какъ были послѣдніе. Интересы парламентаризма для нихъ не имѣютъ важности; но тѣмъ важнѣе для нихъ добиться радикальнаго измѣненія политики „культурной борьбы.“ Князь Бисмаркъ находится нынѣ на отдыхѣ въ Киссингенѣ; туда же, по примѣру прошлаго года, прибылъ монсиньйоръ Мазелла, папскій нунцій при Баварскомъ дворѣ, на котораго папа возложилъ веденіе переговоровъ о примиреніи между Германскою имперіей и папскимъ престоломъ.

Переговоры эти ведутся дѣятельно, и если вѣрить италіанской газетѣ *Diritto*, не далеко то время когда „культурной борьбѣ“ будетъ положенъ конецъ заключеніемъ конкордата съ Германіей.

Къ этому прибавляютъ будто и Россія заключитъ съ папскою куріей такой же конкордатъ, и что въ ожиданіи этихъ вождѣленныхъ событій папа Левъ XIII уже предписалъ всеобщее празднество католической церкви.

№ 187.

Москва, 21-го Іюля.

Въ числѣ вредныхъ заблужденій получившихъ у насъ значеніе безспорныхъ истинъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ крѣпко засѣвшая во многія головы мысль о несомнѣнной будто бы благодѣтельности золотаго дождя изливаемаго Европой на лѣса и степи Россіи. Какою цѣной достается странѣ этотъ дождь, въ какія отношенія ставитъ онъ ее къ проливающей его Европѣ, къ какимъ результатамъ долженъ онъ привести при конечномъ разчетѣ, и кому достается львиная доля плодовъ съ орошенной иностраннымъ золотомъ почвы,—на все это у насъ обыкновенно не обращалось вниманія. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, впереди всѣхъ подобныхъ соображеній постоянно была одна забота—о возможно большемъ привлеченіи иностранныхъ капиталовъ какъ для государственныхъ, такъ и для общественныхъ нуждъ и предпріятій. Безъ содѣйствія этихъ капиталовъ казались невозможными ни постройка желѣзныхъ дорогъ, ни другія серіозныя предпріятія, ни даже снабженіе русскаго земледѣлія необходимыми денежными средствами. Такъ нашъ главный земельный банкъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, выпускалъ только металлическія облигаціи для помѣщенія ихъ почти исключительно на иностранныхъ биржахъ. Земельные же банки выпускающіе долговыя обязательства въ кредитной валютѣ, не столь охотно пріобрѣтаемыя иностранцами, представлялись какъ бы аномаліей, и для устраненія ея считалось необходимымъ учрежденіе такого центральнаго банка который обмѣнивалъ бы эти кредитныя облигаціи на металлическія, въ видахъ болѣе удобнаго сбыта ихъ за границу. Вообще успѣшности сбыта иностранцамъ всякаго рода русскихъ акцій и облигацій, какъ казенныхъ такъ и частныхъ, постоянно радовались у насъ какъ маннѣ небесной; степенью этой успѣшности, то-есть благосклонности съ какою иностранцы соглашались пріобрѣтать русскія доходныя бумаги, измѣряли даже самую степень нашего экономическаго преуспѣянія. Однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ соображеній въ силу коихъ, наканунѣ недавней войны, рекомендовалось Россіи воздержаться отъ сколько-нибудь достойной ея политики, было именно то что золотой дождь перестанетъ литься изъ нѣдръ Европы на ея почву, что ей будетъ отказано во внѣшнемъ кредитѣ. И наши финансисты съ глубокою печалью взирали на такую перспективу, не допуская и мысли чтобы Россія могла обойтись безъ иностраннаго золотаго дождя, и чтобъ отказъ въ ссудѣ иностранныхъ капиталовъ не былъ для нея тяжкимъ лишеніемъ. Самому прекращенію войны и возстановленію мира многія у насъ, повидимому, радуются какъ возобновленію возможности широкаго пользованія внѣшнимъ кредитомъ. „Во время войны намъ за границей денегъ не даютъ, потому что тамъ не сочувствуютъ цѣлямъ нашихъ войнъ. Такой иделизмъ, однако, водворяется на денежныхъ рынкахъ всегда лишь временно... Съ миромъ все-таки воцаряется ясный разчетъ что давать намъ деньги и капиталъ выгодно, очень выгодно. Стало-быть невелика бѣда что намъ ихъ не даютъ во время войны; послѣ войны дадутъ тѣмъ охотнѣе.“ Въ годы предшествовавшіе войнѣ, Россія съ возраставшимъ успѣхомъ заключила цѣлый рядъ внѣшнихъ займовъ на многія сотни милліоновъ рублей: „очевидно, остается только пожелать чтобы впредь было не хуже.“ Таковы сужденія которыя приходится читать въ настоящее время въ статьяхъ написанныхъ, по увѣренію нашихъ присяжныхъ финанистовъ, „съ безспорно научнымъ знаніемъ дѣла.“ Чтобъ угодить этимъ финанистамъ, колесо русскихъ финансовъ должно вновь быть пущено по наклонной плоскости возрастающей задолженности иностранцамъ. Только употребленіе капиталовъ которые имѣютъ быть впредь занимаемы за границей должно быть нынѣ иное чѣмъ прежде. Въ годы предъ войною, „полученный за границей капиталъ наше правительство лишь самою незначительною долей затратило на неудачныя попытки помочь денежному обращенію; главнымъ же образомъ капиталы израсходованы на покрытіе дефицитовъ и желѣзнодорожныхъ сооруженій.“ Это признается ошибкой, ибо „само собою разумѣется что за границей никто не былъ бы на насъ въ претензіи еслибы мы воспользовались заграничными капиталами для возстановленія металлическаго обращенія. Напротивъ, такая затрата нашему внѣшнему государственному кредиту принесла бы одну лишь чистую и даже очень значитель-

ную пользу.*" Итакъ, даже и въ вопросѣ о внутреннемъ денежномъ обращеніи не покидаетъ нашихъ финансистовъ забота о внѣшнемъ кредитѣ, конечно въ видахъ дальнѣйшаго, повидимому безконечнаго пользованія онымъ, и на первый разъ предлагается обратиться къ нему съ цѣлью уничтожить именно то условіе которое давало въ послѣднее время возможность обходиться безъ внѣшнихъ займовъ. „Внутреннимъ займамъ бумажно-денежные выпуски прямо *благопріятствуетъ*." Поспѣшимъ же извлечь изъ обращенія эти бумажно-денежные выпуски чтобы сдѣлать внутренніе займы невозможными, и не оставить для государственнаго кредита иной формы кромѣ займовъ внѣшнихъ?..

Не пора-ли однако, отрезвиться отъ опылкихъ увлеченій воображаемыми благами внѣшняго кредита, хотя бы въ виду находящагося у всѣхъ предъ глазами примѣра Турціи и Египта? Эти страны, какъ извѣстно, были поощряемы къ широкому пользованію внѣшнимъ кредитомъ тѣми же самыми широковѣщательными разглагольствіями о благодѣтельномъ иностранномъ золотомъ дождѣ какими столь долго убаюкивали, да и понынѣ не перестаютъ убаюкиваютъ насъ, Русскихъ. Зависимость отъ иностранцевъ въ какую стали упомянутыя страны вслѣдствіе своей задолженности имъ и результаты этой зависимости, какъ финансовые такъ и политическіе, уже успѣли обозначиться во всей силѣ и какъ нельзя нагляднѣе. Не долженъ ли примѣръ этихъ странъ послужить предостереженіемъ и для другихъ, между прочимъ и для насъ? Правда, наши долги иностранцамъ далеко еще не дошли до тѣхъ размѣровъ какихъ достигла задолженность Турціи и Египта, но вѣдь это только вопросъ времени, и ничто не помѣшаетъ намъ рано или поздно сравняться съ ними въ этомъ отношеніи, если мы не отрѣшимся отъ установившихся фальшивыхъ взглядовъ на пользованіе внѣшнимъ кредитомъ. Положимъ, никакіе долги не могутъ поставить Россію въ такую политическую зависимость отъ другихъ державъ въ какую попалъ Египетъ: порукой въ томъ наше національное могущество. Однако, слишкомъ большая задолженность не совсѣмъ безопасна для насъ даже и въ политическомъ отношеніи. Уже при нынѣшнихъ размѣрахъ государственныхъ и частныхъ внѣшнихъ долговъ, наше правительство, какъ показалъ недавній опытъ, чувствовало себя не вполнѣ свободнымъ въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ, а этого, кажется, уже достаточно для того чтобы серіозно подумать объ измѣненіи приведшей къ тому системы кредита и объ избраніи такой которая не создавала бы политическихъ затрудненій для будущаго. Въ экономическомъ же отношеніи, при слѣдованіи системѣ непрерывныхъ внѣшнихъ займовъ, мы уже ровно ничѣмъ не гарантированы отъ участи постигшей Турцію и Египетъ. Уже теперь значительная часть собираемыхъ со страны налоговъ передается ежегодно иностраннымъ кредиторамъ, и экономическое значеніе для страны этихъ ежегодныхъ уплатъ ничѣмъ не разнится отъ уплаты ежегодной дани вассальными государствами ихъ сюзеренамъ. Допустите дальнѣйшее безостановочное возрастаніе внѣшнихъ долговъ,—сперва для возстановленія металлическаго обращенія, а тамъ для другихъ цѣлей,—и дань эта будетъ все расти и расти, и сборъ податей и налоговъ будетъ все болѣе обращаться въ сборъ своего рода оброка съ громаднаго помѣстья именуемаго Россіей въ пользу пріобрѣтшихъ на него ипотечное право иностранцевъ, а самому Русскому Государству будетъ приходиться изъ его доходовъ все меньшая и меньшая часть. Равнымъ образомъ, и широкое употребленіе иностранныхъ капиталовъ для разныхъ частныхъ предпріятій ведетъ къ тому, что эти предпріятія дѣлаются достояніемъ иностранцевъ, а мы становимся ихъ данниками. Предпріятія эти могутъ быть сами по себѣ весьма полезны, но существенную пользу странѣ они могутъ приносить лишь когда находятся въ рукахъ туземцевъ, когда наживаемыя отъ нихъ прибыли остаются внутри государства, а въ противномъ случаѣ они получаютъ для страны характеръ такой же чужеземной эксплоатаціи какая практикуется столь безпощадно въ Турціи, Египтѣ и Индіи. Помимо всего этого, какъ убѣдительно доказывается въ той кіевской брошюрѣ на которую мы недавно обращали вниманіе читателей*, наша

(* См. *Сборникъ Государственныхъ Знаній*, т. VII, статью г. Кауфмана, стр. 336 и 337.

*) *Отъ чего произошло паденіе курса нашего бумажнаго рубля, и что можно сдѣлать для его возвышенія?* Н. Р. Кіевъ, 1879.

задолженность иностранцамъ есть одна изъ главнѣйшихъ, если не самая главная, причинъ низкаго уровня нашихъ вексельныхъ курсовъ. Можно ожидать, правда, что наши финансисты, привыкшіе и другихъ пріучившіе думать что упадокъ курсовъ есть результатъ не чего другаго какъ обилія бумажныхъ денегъ, встрѣтятъ такое мнѣніе насмѣшливымъ пожиманіемъ плечъ и будутъ отрицать какъ какую-нибудь нелѣпость мнѣніе что внѣшніе займы могутъ имѣть вліяніе на курсъ кредитнаго рубля. Но если они потрудятся вникнуть въ дѣло, то хоть не вслухъ, а про себя должны будутъ съ нимъ согласиться. Они не могутъ отрицать что заключеніе крупныхъ внѣшнихъ займовъ, то-есть переводъ за границу русскихъ долговыхъ обязательствъ, постоянно сопровождалось у насъ повышеніемъ курсовъ. А признавъ это, будетъ уже черезчуръ непослѣдовательно утверждать чтобъ уплаты по займамъ, то-есть обратный переводъ изъ-за границы въ Россію займовыхъ купоновъ и погашаемыхъ облигацій, ежегодно на сумму равную весьма почтенному займу, не отзывался на курсѣ въ противоположномъ смыслѣ.

Съ какой стороны ни смотрѣть на дѣло, система внѣшнихъ займовъ, и государственныхъ и частныхъ, оказывается для Россіи положительно вредною. Но какою же системой можетъ быть она замѣнена съ наибольшею выгодой?

Авторъ вышеупомянутой кіевской брошюры, на которую мы сочли своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей, рекомендуетъ систему воздержанія отъ всякаго рода займовъ, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, какъ процентныхъ такъ и безпроцентныхъ, а чтобы такое воздержаніе стало возможнымъ предлагаетъ сокращеніе бюджетовъ всѣхъ нашихъ министерствъ, примѣрно, на 20%. Противъ выгодъ какихъ можно ожидать отъ соблюденія строжайшей экономіи въ расходахъ, противъ возможности сократить размѣры многихъ государственныхъ расходовъ; а иные отмѣнить совсѣмъ безъ вреда для дѣла, едва ли кто будетъ спорить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно признать чтобы съ государственными интересами было согласно отказаться совсѣмъ отъ пользованія такимъ сильнымъ орудіемъ какъ кредитъ,—орудіемъ опаснымъ когда имъ злоупотребляютъ, но въ высшей степени полезнымъ когда имъ пользуются разумно и съ должною осторожностью. Отказавшись отъ пользованія этимъ орудіемъ, наше финансовое управленіе во многихъ случаяхъ могло бы навлечь на себя укоры не менѣе сильные и не менѣе справедливые чѣмъ тѣ какіе навлекаетъ на себя, напримѣръ, Московская Городская Дума, упорно не желающая заключить займа для приведенія города въ надлежащее благоустройство, и предпочитающая ежегодное растрачиваніе городскихъ средствъ безъ ощутительныхъ полезныхъ результатовъ. Слѣдовать ея примѣру для государства невозможно. Притомъ, если внѣшній кредитъ ставитъ насъ въ положеніе данниковъ предъ иностранцами, то вѣдь нельзя сказать того же, по крайней мѣрѣ въ той же силѣ, по отношенію къ кредиту внутреннему. Этотъ кредитъ въ недавнее время уже оказалъ странѣ неоцѣненныя услуги: онъ далъ правительству средства исполнить задачу возложенную на него неустранимыми политическими обстоятельствами въ то время когда со стороны внѣшняго кредита встрѣченъ былъ положительный отказъ въ этихъ средствахъ, и когда наше положеніе считалось чуть не безвыходнымъ. Пренебрегать такимъ рессурсомъ и впредь не слѣдуетъ. Напротивъ, требуется принять всѣ возможныя мѣры къ упроченію и поддержанію внутренняго кредита, посвятивъ на то заботы во всякомъ случаѣ не меньшія тѣхъ какія посвящались донынѣ упроченію и поддержанію кредита внѣшняго.

На какихъ изъ разнообразныхъ формъ внутренняго государственнаго кредита всего выгоднѣе остановиться, вотъ вопросъ который прежде всего требуетъ серіознаго обсужденія, при которомъ никакія соображенія и никакія указанія опыта не должны быть упускаемы изъ виду. Одно изъ такихъ указаній дано между прочимъ недавнею подпиской на Третій Восточный заемъ. Огромная масса облигацій этого займа досталась, какъ извѣстно, въ руки иностранцевъ, такъ что онъ оказался лишь отчасти внутреннимъ, и въ значительной мѣрѣ внѣшнимъ, хотя и заключеннымъ въ кредитной валютѣ. При избраніи же наивыгоднѣйшихъ для насъ формъ кредита, безъ сомнѣнія предпочтительнѣе было бы остановиться на такой которая въ возможно большей мѣрѣ гарантировала бы область русскаго кредита отъ чужеземной эксплуатаціи. Одною изъ самыхъ простыхъ и наиболѣе гарантированныхъ въ этомъ отно-

шеніи формъ кредита представляется намъ та которая съ успѣхомъ практиковалась у насъ въ эпоху Крымской войны. Вмѣсто прямыхъ процентныхъ займовъ, выпускались въ размѣрѣ дѣйствительной надобности безпроцентныя государственныя кредитныя бумаги, всѣми охотно принимаемыя,—кредитные билеты. Часть ихъ, въ размѣрѣ требуемой ходомъ экономической жизни, оставалась въ обращеніи въ качествѣ безпроцентнаго долга, къ очевидной выгодѣ казны не платившей процентовъ когда платежъ ихъ не требовался, и безъ ущерба для хода чьихъ-либо дѣлъ. Другая часть выпускаемыхъ билетовъ, та которая оставаясь въ обращеніи могла бы стать вреднымъ избыткомъ, сама собою возвращалась къ источнику изъ котораго была выпущена и становилась государственнымъ процентнымъ долгомъ, въ видѣ вкладовъ въ государственныя кредитныя учрежденія. Система была въ равной мѣрѣ удобная и выгодная и для правительства, и для публики.

Она давала возможность правительству находить всегда денежныя средства за такой процентъ, за какой при нынѣшней системѣ занять ихъ невозможно. И въ то же время этотъ процентъ былъ достаточно привлекателенъ для публики, что̀ доказывается цифрами до которыхъ доходили размѣры вкладовъ. Не было ли серіозною ошибкой оставленіе этой системы, и не несемъ ли мы нынѣ на себѣ вредныя послѣдствія этой ошибки? Если да, то не слѣдуетъ ли сознаться въ ней и постараться возстановить разрушенное, къ чему пока никакихъ препятствій не имѣется. Вопросъ этотъ, кажется намъ, заслуживаетъ серіознаго вниманія, и мы не замедлимъ къ нему возвратиться.

№ 189.

Москва, 23-го Іюля.

А.

Недѣлю тому назадъ, говоря о предполагаемомъ „въ видахъ развитія у насъ частнаго судостроенія“ учрежденіи учебной судостроительной мастерской, мы замѣтили что „наше частное мореходство находится въ младенческомъ состояніи и болѣе всѣхъ другихъ отраслей народнаго труда нуждается въ правительственной поддержкѣ,“ и притомъ поддержкѣ болѣе существенной нежели учрежденіе учебной мастерской, ссуды пароходнымъ заводамъ или субсидіи крупнымъ пароходнымъ компаніямъ. Геніальный преобразователь Россіи не остановился даже предъ такою мѣрой какъ казенная постройка купеческихъ судовъ, въ настоящее время, конечно, немыслимой.

Но за то возможны ссуды изъ государственнаго казначейства подъ вновь построенныя суда. Предположеніе объ этихъ ссудахъ, какъ говорятъ, уже разсматривается въ правительственныхъ сферахъ. Условія такой ссуды не особенно сложны: судно подъ залогъ котораго могутъ быть выданы деньги должно быть непремѣнно деревянное и „удовлетворять требованіямъ Международнаго Ллойда,“ то-есть быть такого рода мореходнымъ судномъ которое легко застраховать, что̀ возлагается за счетъ владѣльца, на „учрежденіе выдающее ссуду.“ Размѣръ судды опредѣляется шестьюдесятью рублями съ ласта выдаваемыми въ два срока; половина при спускѣ судна на воду, другая половина по изготовленіи судна къ плаванію и освидѣтельствованіи его судоходною инспекціей. Погашеніе производится въ десять лѣтъ, кредиторъ выговариваетъ интересъ въ 6% годовыхъ. Сумма ежегодно ассигнуемая на ссуды не ограничивается. Ее опредѣлитъ спросъ, но надо думать что на первое время она выйдетъ не велика и казначейства не обременитъ такъ какъ еслибы выдать ссуду даже подъ всѣ теперь плавающія суда разомъ, то она едва ли бы достигла 10—12 милліоновъ рублей.

Доходы получаемые судовладѣльцами вообще таковы что погашеніе въ теченіе 10 лѣтъ при шести процентахъ годоваго интереса по ссудѣ не можетъ считаться особенно обременительнымъ. Государственное казначейство останется также не безъ выгоды, даже если принять что оно платитъ по послѣднимъ займамъ въ дѣйствительности около 5,5%. Выданный въ ссуду капиталъ обезпеченъ вполнѣ и тѣмъ надежнѣе что судовладѣлецъ имѣетъ право передать заложенное судно другому лицу не иначе какъ „по соглашенію съ учрежденіемъ которымъ ссуда выдана“ Этимъ способомъ можно даже удержать вновь строимыя суда въ рукахъ исключительно русскихъ судохозяевъ, что̀ конечно не

только желательно, но и положительно необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ казенный карманъ былъ бы открытъ въ пользу не русскаго только, но всесвѣтнаго деревяннаго судостроенія.

Не менѣе можетъ-быть важно чтобы ссудами не могли пользоваться судоходныя кампаніи, такъ какъ опытъ уже достаточно показалъ что всякая поддержка крупнымъ кампаніямъ идетъ прямо въ ущербъ дѣлу. Желательно, напротивъ, возбудить строительную предпріимчивость частныхъ лицъ, мелкихъ предпринимателей и безъ того поставленныхъ уже въ необходимость соперничать съ иностранными судохозяевами. Нужно замѣтить еще что только частное, а не компанейское мореходство можетъ содѣйствовать развитію русскихъ верфей.

Въ какой мѣрѣ все это справедливо лучшимъ примѣромъ можетъ служить Русское Общество Пароходства и Торговли на Черномъ Морѣ, новый уставъ котораго только что распубликованъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

До войны Общество это пользовалось огромными субсидіями и другими отъ казны вспоможеніями. Со всѣмъ этимъ приходилось скрѣпя сердце мириться, разчитывая воспользоваться услугами судовъ Общества въ военное время.

Минувшая кампанія показала какъ тщетны были и эти надежды, и эти затраты. Помощь которую оказали суда Общества была сравнительно съ затратами ничтожною, и главная услуга Общества заключается едва ли только не въ обратной перевозкѣ нашихъ войскъ изъ Турціи. А между тѣмъ благодаря этому Обществу русское судоходство на Черномъ Морѣ не подвигается впередъ почти вовсе, запуганное печальнымъ примѣромъ Товарищества Новороссійскаго Пароходства задавленнаго конкурренціей Русскаго Общества, съ разчетомъ понижавшаго фрахты до предѣловъ только ему одному доступныхъ. Уничтоживъ всякую конкуренцію на Черномъ Морѣ, ставъ монополистомъ, Общество не задумалось сейчасъ же послѣ войны поднять фрахтъ почти вдвое: такъ напримѣръ, фрахтъ на сахаръ вмѣсто 19 копѣекъ былъ поднятъ до 35 копѣекъ съ пуда, и отправители лишь недавно, и то съ большимъ трудомъ, добились что плата была понижена до 30 коп. за пудъ отъ Одессы до Поти.

Измѣненія этой цѣны нельзя ожидать даже и съ утвержденіемъ новаго устава Общества, такъ какъ уставъ обязываетъ его представить на утвержденіе министра финансовъ проектъ тарифа на перевозку грузовъ по одной лишь Кавказской линіи (Керчь-Батумъ), хотя „въ кругъ дѣйствій Общества входитъ большею частію „каботажное между россійскими портами Чернаго и Азовскаго морей судоходство.“

Русское Общество принадлежитъ къ числу дѣйствительно привилегированныхъ и особо благопріятствуемыхъ, какъ свидѣтельствуетъ параграфъ 17 устава, обязывающій „всѣ военныя и гражданскія начальства разумѣть Общество какъ учрежденіе „особенно полезное для отечественной торговли и промышленности“ и оказывать ему „всякую помощь, защиту и покровительство, предостерегая отъ убытковъ и вреда.“ Слѣдующій 18 параграфъ обязываетъ всѣхъ нашихъ консуловъ „принимать самое живое участіе въ интересахъ „Общества, всемѣрно стараясь о развитіи „торговыхъ его отношеній и самаго круга „дѣятельности Общества.“

Конкуррировать съ Обществомъ располагающимъ десятимилліоннымъ капиталомъ, получающимъ по всѣмъ важнѣйшимъ линіямъ субсидію въ видѣ помильной платы за срочные рейсы, едва ли можетъ сколько-нибудь выдающійся частный мореходъ. Такимъ образомъ, новая мѣра къ развитію у насъ судоходства и судостроенія пропадетъ для Чернаго Моря, но она можетъ оказать дѣйствіе на развитіе судостроенія и судоходства въ моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ, а можетъ-быть въ непродолжительномъ времени даже въ Охотскомъ и на Восточномъ Океанѣ, гдѣ, если не ошибаемся, дѣйствуетъ въ настоящее время только фирма Филиппеуса. Есть признаки что въ эту сторону уже обращено вниманіе правительства. Такъ, по свѣдѣніямъ *Иркутскихъ Вѣдомостей*, послѣдовало уже приказаніе „собрать данныя по вопросу объ „избраніи и укрѣпленіи порта который „могъ бы служить морскою станціей для „нашего флота въ Восточномъ Океанѣ.“ Распоряженіе это находится, какъ надо полагать, въ связи съ уваженнымъ уже, по слухамъ, ходатайствомъ губернатора Приморской области объ оказаніи содѣйствія русскому купечеству перенести свою торговую дѣятельность въ этотъ край.

Б.

Въ прошлогоднюю весну, въ парижской *Revue des Deuxs Mondes*. по поводу завершавшихся тогда событій, появилось нѣсколько статей, на которыя не безынтересно оглянутся бѣглымъ взглядомъ. Одна изъ нихъ г. Меррюо, озаглавлена *Русская морская сила и Турецкій флотъ въ Черномъ Морѣ.**) „Морская сила Россіи,“ такъ начинается эта статья, “ознаменовалась подвигами личной отваги и мужества, но самое учрежденіе исполняло лишь второстепенную роль… Это положеніе возбудило нѣкоторое удивленіе. Всѣ предполагали что по примѣру Германіи, Австріи и Италіи, Россія воспользовалась предшествовавшими годами мира чтобы создать себѣ флотъ способный возобновить въ Черномъ Морѣ Синопское сраженіе. Оказалось, напротивъ, что въ этотъ разъ оттоманскія эскадры могли свободно плавать по Черному Морю и бомбардировать его берега.“

Первоначальную причину этого небывалаго до сихъ поръ факта авторъ находитъ въ томъ впечатлѣніи которое оставили Россіи союзные англо-французскіе флоты въ 1854 и 1855 годахъ, постоянно угрожавшіе ея берегамъ. Вслѣдствіе этого впечатлѣнія, весьма естественно де что Русское правительство озаботилось прежде всего сооруженіемъ морской силы спеціально назначенной для защиты береговъ. Результатомъ этой заботливости была постройка тринадцати мониторовъ и сильной береговой батареи.

Хотя Россія позднѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ приступила къ постройкѣ судовъ для эскадреннаго боя, въ открытомъ морѣ, но цитуемая статья полагаетъ что Россія отъ этого ничего не потеряла, такъ какъ со времени введенія броненосцевъ произошло такъ много улучшеній въ ихъ постройкѣ что первые броненосцы, стоившіе милліоны, были не разъ продаваемы какъ старое желѣзо. „Русское морское вѣдомство могло слѣдовательно, по примѣру Пруссіи,“ продолжаетъ г. Меррюо,—„создать новый флотъ пользуясь для этого пріобрѣтенною за границей опытностью… Но русское адмиралтейство возымѣло мысль построить судно по своимъ особымъ планамъ; этимъ судномъ былъ *Князь Пожарскій*, съ 10 орудіями отъ 20 до 21 сантиметра и съ быстротой всего въ 11 узловъ. Россія, настаивая на своей рѣшимости слѣдовать лишь собственнымъ планамъ, заложило еще нѣсколько судовъ съ орудіями отъ 22 до 27 сантиметровъ, съ блиндажемъ отъ 11 до 15 сантиметровъ, но также съ быстротой лишь въ 11 узловъ.“

Если принять въ соображеніе что отстроенный и вооруженный Италіей въ прошломъ году *Дуилій*, съ броней въ пятьдесять пять сантиметровъ на дубовой подкладкѣ также въ 50 сантиметровъ съ орудіями во 100 тоннъ, извергающими снарявъ 1.000 килограммъ, все-таки имѣетъ до 14 узловъ ходу, то эти первые результаты нашей изобрѣтательности въ дѣлѣ судостроенія, конечно, не блистательны. Правда, предъ самою войной былъ спущенъ и вооруженъ въ Кронштадтѣ *Петръ Великій*, съ броней въ 38 сантиметровъ, съ 4 орудіями въ 38 тоннъ вѣсу бросающими снаряды въ 295 килограммъ, 6 стальными нарѣзными пушками и двумя картечницами, и достигшій наконецъ той же скорости какъ и *Дуилій*..

Въ продолженіе семи лѣтняго срока истекшаго до объявленія послѣдней войны съ того времени какъ Россія возвратила себѣ право самообороны въ Черномъ Морѣ, созданіе новаго флота „было замедлено опытомъ,“ продолжаетъ цитуемая статья, „на который повидимому могла бы рѣшиться одна Англія, и безъ того владѣющая флотомъ готовымъ ко всякимъ случайностямъ какъ вблизи береговъ, такъ и въ открытомъ морѣ. Вмѣсто того чтобы строить корабли по образцамъ обыкновеннымъ, испытаннымъ и уже принятымъ всѣми великими флотами, Россія позволила себѣ фантазію новизны.“ Этою „новизной“ были наши ***поповки***, круглые броненосцы, названные именемъ ихъ изобрѣтателя. „Несмотря на толщину брони и силу ихъ артиллеріи,“ продолжаетъ г. Меррюо, „мы не слышали чтобы флагъ ихъ развѣвался предъ полумѣсяцемъ… Не предрѣшая будущности и не отрицая остроумія этой системы, можно сказать однако что не пускаясь въ этотъ дорогой и невѣрный опытъ, Россія не предназначенная природой быть морскою державой и обладающей не очень

*) *La marine russe et la flotte turque dans la Mer Noire*, par Paul Merruau *Revue des Deux Mondes* du 15 mars 1878.

цвѣтущими финансами, могла бы предоставить другимъ роль изобрѣтателей и и ограничиться воспроизведеніемъ лучшихъ образцовъ англійскаго флота Не надо искать излишняго когда не имѣешь необходимаго. Излишнее, это суда необычайной формы, коихъ достоинства еще загадочны и не подтверждены серіознымъ испытаніемъ, то-есть боемъ. Но уже теперь можно навѣрное упрекнуть это нововведеніе въ томъ что въ продолженіе столь драгоцѣннаго времени оно поглощало всѣ силы Николаевскаго арсенала и тѣмъ помѣшало постройкѣ въ этой гавани судовъ готовыхъ къ немедленной борьбѣ съ непріятелемъ... Благодаря этимъ измышленіямъ, оставшимся безплодными, Россія оказалась безоружною предъ непріятелемъ, котораго она привыкла побѣждать и который нынѣ безнаказанно задираетъ ее на морѣ. Каковы бы ни были услуги какія *поповки* могутъ оказать со временемъ противъ первостепенныхъ флотовъ, но въ минувшую войну онѣ оставили Россію почти беззащитною даже относительно второстепеннаго флота...“

Дѣйствительно, дорогая и трудная задача изобрѣтателя новыхъ системъ судостроенія можетъ быть принята на себя лишь тѣми державами кои уже имѣютъ въ готовности, на всякій случай, достаточную для охраненія ихъ интересовъ и политическаго значенія морскую боевую силу, и за удовлетвореніемъ всѣхъ существенныхъ потребностей, располагаютъ достаточнымъ запасомъ свободныхъ финансовыхъ средствъ чтобы позволить себѣ фантазію. Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть что въ этомъ дѣлѣ мы не послѣдовали примѣру данному намъ не только Пруссіей, но и Италіей, такъ какъ даже знаменитый *Дуилій*, фениксъ между всѣми построенными до сихъ поръ броненосцами, представляющій собою единственный типъ коимъ обезпечена въ настоящее время побѣда за броней надъ артиллеріей безъ значительнаго ущерба для быстроты и поворотливости судна, — даже *Дуилій* не есть плодъ какой-либо новой системы: это только существующая система доведенная до совершенства.

Несмотря на все это, по словамъ автора, —

„патроны Турціи (Англичане), знатоки мореходнаго дѣла, остались недовольны своими кліентами и очень порицали способъ какимъ тѣ пользовались своимъ прекраснымъ вооруженіемъ... Состоявшій на службѣ Соединеннаго Королевства, адмиралъ Гоббартъ-паша руководилъ дѣйствіями этого флота, номинально подчиненаго болѣе искреннимъ чѣмъ онъ мусульманамъ. Способность послѣднихъ такъ и осталась недоказанною; они оказались болѣе поспѣшными принять ввѣренныя имъ высокія должности чѣмъ способными исполнять ихъ удовлетворительно. Особенно же вмѣнили имъ въ вину то что они не исполняли цѣли указанной имъ инструкціями, что они не лишили Русскихъ возможности плавать между ихъ гаванями, перевозить между ними войска, припасы и всякія подкрѣпленія“.

Если вспомнить, однако, что и въ 1854 году, когда все Черное море было испещрено безчисленными флагами самой грозной армады когда-либо существовавшей, русскіе крейсеры, подъ командой Бутакова, но особенно того же самаго Попова, чье имя связано нынѣ со столь дорого стоившимъ намъ изобрѣтеніемъ, — и многихъ другихъ нашихъ отважныхъ черноморцевъ, не только плавали у береговъ Крыма, Новороссійскаго края и Кавказа, но дѣлали рекогносцировки у самаго входа въ Босфоръ, истребляли непріятельскія купеческія суда у самаго побережья Анатоліи, — если вспомнить всѣ эти блестящіе подвиги, возбудившіе въ Англіи взрывъ негодованія противъ находившихся въ Черномъ морѣ ея адмираловъ, то не слѣдуетъ слишкомъ строго относиться къ Туркамъ. Дѣло въ томъ что въ 1854, какъ и въ 1877 году, нашихъ моряковъ одинаково воодушевляли преданность своему долгу и геройская отвага.

Впрочемъ французскій авторъ въ воодушевленномъ и краснорѣчивомъ описаніи отдаетъ полную справедливость нашихъ морякамъ, даже и безъ флота ухитрившимся обезсмертить себя блистательными подвигами не только на Дунаѣ, но и въ открытомъ морѣ. Извѣстная читателю война нашихъ моряковъ вооруженныхъ торпедами броненосцевъ, по словамъ г. Меррюо, —

„доказала знаніе своего дѣла и отвагу офицеровъ, отличную дисциплину матросовъ, особенно же искусстно пріобрѣтенное ими въ обращеніи съ торпедами и миноносными катерами... Отвага русскихъ моряковъ не остыла даже подъ впечатлѣніемъ неудачи ихъ предпріятія у Сулины. И удивительное дѣло! Въ подобныхъ встрѣ-

чахъ, въ продолженіе сѣверо-американской междуусобной войны бывшихъ столь часто смертоносными для моряковъ-минеровъ, экипажи русскихъ миноносокъ по большей части были избавлены отъ послѣдствій ихъ предпріимчивой отваги. Несмотря на градъ снарядовъ и необходимость дѣйствовать совершенно открыто, они почти всегда возвращались цѣлы и невредимы"...

Смѣлымъ Богъ владѣетъ! О знаменитомъ боѣ *Весты* авторъ отзывается какъ объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ морскихъ военныхъ событій минувшей войны, и присовокупляетъ: „Этотъ фактъ весь къ „чести и славѣ Русскихъ. Ихъ флотъ при-„выкъ къ подобнымъ блестящимъ подви-„гамъ! Чтобъ убѣдиться въ томъ, мы не „нуждались въ этомъ новомъ образчикѣ „его безстрашія." Изо всѣхъ этихъ событій авторъ выводитъ поученіе, вопервыхъ, что во всякой войнѣ, въ которой окажутся на одной сторонѣ превосходство флота, а на другой держава болѣе сухопутно-военная чѣмъ морская, торпедамъ должно принадлежать главное значеніе. „*Торпеды окажутся достаточною обороной береговъ*... Этотъ фактъ доказанъ до полной очевидности новымъ опытомъ послѣдней войны," и этого же взгляда рѣшилось отнынѣ держаться и прусское адмиралтейство. Съ другой стороны, опытъ послѣдней войны показываетъ какъ трудно дойти до того чтобы броненосецъ былъ дѣйствительно неуязвимъ. Первостепенный броненосецъ можетъ быть пущенъ ко дну то ударомъ тарана простаго деревяннаго фрегата, какъ было при Лиссѣ, то почти микроскопическою лодкой, чѣмъ-то въ родѣ плавающей доски въ сравненіи съ желѣзнымъ чудовищемъ, или, наконецъ, „простой пассажирскій пароходъ (*Веста*) смѣло борется съ большимъ броненоснымъ корветомъ, нейдетъ ко дну хотя и пробитъ его гранатами, встрѣчаетъ его ружейною пальбой и въ заключеніе пробиваетъ его палубу, взрываетъ его котелъ и принуждаетъ его къ отступленію..."

Авторъ не сомнѣвается что въ рукахъ русскихъ моряковъ такой превосходный матеріалъ какъ турецкій флотъ оказалъ бы несравненно бо̀льшія услуги чѣмъ у Турокъ. „Но какая разница въ числѣ *и особенно* въ качествѣ судовъ!" восклицаетъ онъ, и въ подробности исчисляетъ съ одной стороны всѣ суда турецкаго флота, имѣвшаго во всякое время возможность сосредоточить всѣ свои силы въ Черномъ Морѣ, и суда безусловно лишеннаго этой возможности *Русскаго Балтійскаго флота*. Въ сравненіи съ турецкимъ флотомъ, можно ли было впрочемъ назвать даже „морскою силой" тѣ нанятые на время войны и наскоро вооруженные нѣсколько пассажирскихъ пароходовъ съ какимъ-нибудь десяткомъ миноносныхъ катеровъ, которые были главными дѣятелями въ обезсмертившей нашихъ моряковъ борьбѣ на Черномъ Морѣ? *)

№ 190.

Москва, 24-го іюля.

Коренная перемѣна во внутренней политикѣ князя Бисмарка, коей внѣшнимъ выраженіемъ послужилъ принятый въ недавнюю сессію рейхстага таможенный тарифъ, еще не можетъ считаться окончательно завершившеюся. Князю Бисмарку удалось совершенно выбить національ-либераловъ изъ ихъ крѣпкой и вліятельной позиціи въ рейхстагѣ; но это еще не все. Кромѣ обще-имперскаго парламента, каждое изъ германскихъ государствъ имѣетъ свой отдѣльный сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ, и если большинство этихъ сеймиковъ потеряло почти всякое политическое значеніе, а иногда не имѣло никакого вліянія на ходъ дѣлъ въ имперіи, то нельзя того же сказать о Прусскомъ ландтагѣ. Прусскій сеймъ, со времени основанія имперіи, былъ ни чѣмъ какъ „суккурсаломъ" имперскаго сейма, и въ немъ князь Бисмаркъ находилъ послушное орудіе для проведенія своихъ имперскихъ плановъ: подъ видомъ мѣстныхъ прусскихъ интересовъ тутъ проводились законопроекты обнимавшіе самую значительную часть союзной территоріи. „Культурная борьба" велась здѣсь еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ нежели въ рейхстагѣ. Не только распредѣленіе партій сложилось здѣсь одинаково, но и личный составъ былъ почти совершенно тождественный съ составомъ имперскаго парламента;

---

*) Приводя названія выстроенныхъ при началѣ войны русскихъ оборонительныхъ судовъ, г. Моррюо забавно переводитъ: *Trône n'est pas à toi (Престолъ принадлежитъ не мнѣ)* названіе русской броненосной батареи *Не тронь меня!*

въ прусской палатѣ представителей едва ли найдется хоть бы десятокъ депутатовъ которые не засѣдали бы въ имперскомъ парламентѣ. Во время послѣдней сессіи этого послѣдняго, въ немъ произошла совершенная перетасовка: націоналъ-либеральная партія потерявшая значительное число мѣстъ еще въ прошлогодніе выборы, но все еще превосходившая численностью каждую изъ остальныхъ фракцій, подъ конецъ сессіи подверглась внутреннему разложенію; до двадцати членовъ, Баварцевъ по преимуществу, открыто заявили о своемъ выступленіи изъ партіи, а въ послѣдніе дни стало извѣстно что и самъ вожакъ этой партіи, г. Беннигсенъ, покинулъ своихъ ратоборцевъ подъ благовиднымъ предлогомъ „удаленія въ частную жизнь."

Но въ прусскомъ ландтагѣ все пока обстоитъ еще по старому. Націоналъ-либералы еще составляютъ въ немъ большинство, и еслибъ ему предстояло собраться вновь въ теперешнемъ его составѣ, то партія отвергнутая княземъ Бисмаркомъ не преминула бы конечно воспользоваться своимъ положеніемъ чтобъ отомстить канцлеру за свое пораженіе въ рейхстагѣ. Но этого не будетъ, такъ какъ прусская палата представителей закончила свою сессію въ прошедшую весну, и осенью этого года предстоятъ новые выборы.

Понятно что правительство должно будетъ употребить всѣ усилія дабы не допускать перевыбора націоналъ-либераловъ, и борьба предстоитъ ожесточенная. Приготовленія къ этой борьбѣ, которая кончится мѣсяца черезъ два, дѣлаются уже теперь. Казалось бы что побѣда правительства, столь могущественнаго въ Пруссіи, не можетъ подлежать сомнѣнію уже потому что система выборовъ здѣсь, обусловленная значительнымъ цензомъ, существенно отличается отъ демократической системы имперскихъ выборовъ, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ и потому болѣе благопріятной для агитаціи. Тѣмъ не менѣе, органы націоналъ-либераловъ не теряютъ надежды что имъ удастся отстоять себя и удержаться при прежнемъ большинствѣ въ ландтагѣ и этимъ путемъ добиться обратнаго движенія и въ имперской внутренней политикѣ, такъ какъ „немыслимо," замѣчаетъ *Національная Газета*, „чтобъ имперія и величайшее изъ союзныхъ государствъ, Пруссія, управляемы были по двумъ различнымъ системамъ."

Надежды эти основаны на томъ что побѣда правительства въ Пруссіи возможна была бы лишь при дружномъ содѣйствіи консервативовъ съ клерикалами. Но клерикальные органы вовсе не выказываютъ рвенія къ продолженію этого союза, изъ чего заключаютъ что дѣло примиренія съ папскимъ престоломъ опять на чемъ-то запнулось. Это подтверждается офиціознымъ объясненіемъ въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, объявляющимъ лишенными основанія всѣ газетные слухи о предстоящемъ въ скоромъ времени заключеніи конкордата, причемъ добавляется что папскій нунцій при Баварскомъ дворѣ, монсиньйоръ Мазелла, въ Киссингенѣ, не находится, и въ этомъ году тамъ не будетъ.

Сверхъ того, націоналъ-либеральные органы утѣшаются тѣмъ что во время предстоящихъ выборовъ не замедлитъ уже оказаться реакція противъ новой экономической политики. Народъ убѣдится де что ожидаемыхъ облегченій податныхъ тяготей еще долго придется ожидать, между тѣмъ какъ пошлины на хлѣбъ, петролей и другіе предметы первой необходимости уже отозвались чувствительнымъ для большинства населенія вздорожаніемъ жизненныхъ потребностей.

Не смотря однако на самоувѣренный тонъ какимъ излагаются всѣ эти соображенія въ націоналъ-либеральныхъ органахъ, послѣдніе едва ли сами убѣждены въ томъ что они предсказываютъ. Князь Бисмаркъ и прежде, во время самого тѣснаго союза своего съ либерами, неоднократно говорилъ имъ что они сильны только его силой и что большинство избирателей покинетъ ихъ коль скоро онъ отвернется отъ нихъ. Прошлогодніе выборы въ рейхстагъ уже достаточно доказали что князь Бисмаркъ не преувеличиваетъ своего вѣса въ странѣ. Но въ прошедшемъ году князь Бисмаркъ еще не имѣлъ въ виду окончательно разойтись со своими бывшими союзниками. Онъ еще разчитывалъ на возможность обращенія ихъ на путь истинный, и та комбинація которая сложилась вслѣдствіе союза консервативовъ съ ультрамонтанами для проведенія таможеннаго тарифа представлялась чѣмъ-то химерическимъ. Теперь же, когда казавшееся невозможнымъ совершилось, и націоналъ-либералы рейхстага, разстроенные въ сво-

ихъ рядахъ. окончательно отброшены въ лагерь оппозиціи, уже не можетъ быть сомнѣнія что вся сила правительства будетъ направлена къ тому чтобы не допустить торжества этой партіи на выборахъ въ прусскій ландтагъ, и въ томъ за кѣмъ останется побѣда едва ли возможно сомнѣваться.

Борьба съ либерализмомъ очевидно есть въ настоящее время существенный пунктъ въ политическихъ планахъ князя Бисмарка, и нельзя не отмѣтить что, случайно или нѣтъ, но та же самая реакція наступила нынѣ и въ Австріи, которая по установившемуся мнѣнію слѣдуетъ за княземъ Бисмаркомъ на буксирѣ. И здѣсь либеральная партія, то-есть нѣмецкіе централисты, предъ коими Цислейтанскому правительству приходилось неоднократно класть оружіе, сильно пострадали на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой перемѣны будетъ то что такъ-называемая „военная партія" въ Австріи будетъ менѣе связана въ своихъ дѣйствіяхъ и свободнѣе устремится къ исполненію своей „миссіи на Востокѣ," предначертанной для нея княземъ Бисмаркомъ.

№ 191.

Москва, 25-го Іюля.

Воскресная телеграмма *Агентства Рейтера*, возвѣстившая о прибытіи вновь въ Безикскую бухту шести англійскихъ броненосцевъ и объ ожидаемомъ также прибытіи французской эскадры въ Салоники, не можетъ не возбуждать мысли о возможной связи этихъ странныхъ демонстрацій съ недавними перемѣнами въ Константинополѣ и съ отставкой Хайреддинъ-паши отъ должности великаго визиря. Давно перемѣны въ турецкомъ министерствѣ не возбуждали такъ много толковъ какъ эта послѣдняя. Англійскій посолъ то и дѣло добивался аудіенціи у султана и усиленно настаивалъ на удержаніи Хайреддина; французскій посолъ не менѣе де энергически поддерживалъ эти представленія; намекали что и совѣты германскаго посла были въ томъ же смыслѣ. Увѣренность въ успѣхѣ стараній, можетъ-быть соединенныхъ и съ косвенными угрозами, была такъ сильна что еще наканунѣ паденія Хайреддина, въ вѣнскихъ и константинопольскихъ телеграммахъ, объявляли за рѣшенное что министерскій кризисъ въ Турціи миновалъ, и что султанъ принялъ де безъ оговорокъ програму Хайреддина. На дѣлѣ же вышло иначе, и на другой день стало извѣстно что великій визирь уволенъ вмѣстѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-пашой, что упразднена и самая должность визиріата, и что первымъ министромъ назначенъ Аарифи-паша, а для управленія иностранными дѣлами вновь вызванъ изъ Парижа Сафветъ-паша. Такимъ образомъ, поневолѣ, все дѣло выставилось какъ бы ударомъ для англійскаго вліянія въ Стамбулѣ. Замѣчательно притомъ что султанъ, какъ бы опасаясь всѣмъ памятныхъ примѣровъ, поступилъ хитро и обставилъ себя гарантіей: до принятія окончательнаго рѣшенія, онъ созвалъ совѣтъ улемъ, который и рѣшилъ что програма Хайреддина не можетъ быть принята, какъ несогласная съ основными ученіями Корана.

Програма эта, впрочемъ, была выдвинута лишь въ самое послѣднее время, хотя Хайреддинъ-паша давно уже находился во власти, бывъ вызванъ самимъ султаномъ и возведенъ имъ на первый постъ несмотря на недовѣріе какое питали къ этому выходцу изъ Туниса настоящіе Турки. Не трудно прослѣдить какъ вырабатывалась эта програма припомнивъ идеи какія давно проводились въ англійскихъ корреспонденціяхъ. Корреспонденты, подобно тому какъ и министры англійскіе, охотно воздавали хвалу добрымъ намѣреніямъ султана, но вся бѣда была де въ томъ что султанъ хочетъ непремѣнно самъ входить во всѣ подробности, и притомъ черезчуръ поддается вліянію своихъ дворцовыхъ приближенныхъ. Главными врагами Хайреддина выставлялись военный министръ Османъ-паша, какъ противникъ де всякихъ реформъ, и любимецъ султана гофъ-маршалъ Саидъ-паша. Но собственно министерскій кризисъ начался съ тѣхъ поръ какъ султанъ вызвалъ изъ ссылки извѣстнаго Махмудъ-Недимъ-пашу, бывшаго вѣрнаго слугу Абдулъ-Азиса. Съ этихъ поръ и стала развиваться програма Хайреддина, которая повидимому заключается въ томъ чтобы султанъ передалъ всю власть великому визирю, съ правомъ составить однородное министерство, а также назначать и всѣхъ другихъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію, а самъ вовсе не вмѣшивался бы въ

дѣла довольствуясь тѣмъ чтобы „царствовать, а не управлять,“—*le sultan règne, mais ne gouverne pas*,“—такова была перифраза въ которой хотѣли видѣть нѣкое торжество западныхъ идей, конституціонализма, министерской отвѣтственности и не вѣсть какихъ благъ для возрожденной Турціи. Попросту же изъ великаго визиря хотѣли создать всемогущаго тайкуна или maire du palais. При этомъ, конечно, имѣлись въ виду и другіе планы, о коихъ менѣе извѣстно. Помимо того что они по всему вѣроятію имѣли связь съ египетскимъ затрудненіемъ, почти несомнѣнно что въ программу входило „преобразовать“ или, вѣрнѣе, прибрать къ рукамъ турецкіе финансы, и въ одной англійской газетѣ было замѣчено что „временное“ пораженіе Хайреддина остановило планы которые уже изучались въ видахъ этого преобразованія.

Кстати замѣтить что и въ Египтѣ, какъ слышно, дѣла идутъ пока не совсѣмъ согласно съ видами Англіи. Новый хедивъ, какъ говорятъ, оказывается неудовлетворительнымъ. Онъ выразилъ будто бы сильное желаніе чтобы г. Риверсъ Выльсонъ не возвращался въ Каиръ. Франція и Англія желали де возстановить министерство Нубаръ-паши, но принцъ Тевфикъ и слышать не хочетъ о немъ, и вообще не желаетъ видѣть въ Каирѣ никого изъ тѣхъ лицъ коихъ обѣ державы желали бы водворить въ египетской столицѣ. Этихъ противодѣйствій не предвидѣли де когда думали что низложеніе Измаилъ-паши поправитъ все дѣло. Впрочемъ, надѣются что дѣло обойдется и положеніе не замедлитъ исправится.

Что касается константинопольскаго кризиса, то англійская печать на первыхъ порахъ отнеслась къ нему довольно спокойно, отчасти можетъ-быть желая прикрыть неудачу слишкомъ явныхъ стараній сэръ-Генри Леярда. Только *Daily Telegraph* увидѣлъ въ паденіи Хайреддина „торжество русской интриги“ и „предостереженіе для Британскаго правительства “ Напротивъ, *MorningPost*, забывая завѣдомый фактъ что сэръ-Генри Леярдъ горой стоялъ за программу Хайреддина, хладнокровно толкуетъ что она заслуживала неудачи, такъ какъ еслибъ она была принята, то „такому всемогущему подданному проще было бы открыто взять себѣ какъ отвѣтственность, такъ и власть своего государя, занявъ его мѣсто, въ сущности упраздненное.“ Газета *Times* однако, не скрываетъ что неудача Хайреддина особенно выдается вслѣдствіе „поддержки которая ему была оказана дипломатическими представителями Франціи и Англіи.“ Но лондонскій органъ утѣшаетъ себя оригинальнымъ образомъ. Хайреддинъ потерпѣлъ де неудачу также какъ и Мидхатъ, потому что пытался навязать свою политику „европейскими методами,“ тогда какъ надо принимать во вниманіе характеръ Турокъ, и ими де легче руководить „ихъ собственнымъ способомъ и чрезъ посредство ихъ собственной офиціальной касты чѣмъ при помощи чужестранцевъ и чуждыми для нихъ способами.“ Отсюда можно заключать что англійская политика еще не считаетъ дѣло проиграннымъ. Впрочемъ, всѣ газеты въ одинъ голосъ высказываютъ что „новая система“ въ Турціи не можетъ долго продержаться, а иныя и прямо ожидаютъ что Хайреддинъ - паша вскорѣ возвратится къ дѣламъ.

Болѣе интересною представляется статья *Times*, отъ 2 августа, содержаніе коей передано телеграфомъ. Вѣроятно по поводу годовщины Берлинскаго трактата, лондонская газета, обозрѣвая результаты его, находитъ ихъ весьма значительными, но—замѣчательное дѣло! — по этому поводу мы не слышимъ ни слова восхваленія мудрости англійскихъ министровъ, или твердости англійской политики, а вся признательность откровенно воздается „государственному человѣку бывшему третейскимъ судьей дипломатическаго спора.“ Лондонскую газету особенно поражаетъ то обстоятельство что „сколь ни близки были въ послѣднія 50 лѣтъ отношенія между Россіей и Пруссіей, но какъ только дѣло коснулось спора между западными державами и Россіей, то Германія, подъ вліяніемъ князя Бисмарка, высказалась въ пользу Запада.“ Справедливость этого замѣчанія можно понять развѣ въ томъ смыслѣ что мы не достаточно заинтересовали Германію въ своемъ дѣлѣ, ибо, конечно, со стороны нашей политики было бы ошибкой ожидать чтобы Германія стала безкорыстно заботиться о нашихъ интересахъ болѣе чѣмъ о своихъ. Но то же самое полагаемъ, не менѣе справедливо и относительно интересовъ Запада, то-есть прямѣе говоря Англіи. Какъ до войны нашей съ Турціей, такъ и во время ея,

лордъ Дарби, бывшій тогда министромъ, дважды обращался ко князю Бисмарку съ мольбой о посредничествѣ и встрѣчалъ холодный отказъ будущаго „честнаго маклера.“ А потому видѣть въ прошлогоднемъ фактѣ, какъ это дѣлаетъ *Times*, залогъ или гарантію что „и при будущемъ теченіи Восточнаго вопроса, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Западъ (читай: Англія) удержитъ свое вліяніе на восточныя дѣла“ быть-можетъ слишкомъ гадательно.

Но что̀ означаетъ и какъ понимать этотъ намекъ на „будущее теченіе Восточнаго вопроса,“ высказываемый какъ разъ въ то время когда послѣднія русскія войска уже оставили Турцію, и въ тотъ самый день когда англійскіе броненосцы являются незванными гостями вновь въ Безикскую бухту?..

Увы, съ выступленіемъ послѣдняго русскаго солдата изъ Восточной Румеліи, дѣйствительно, наступаетъ для этой несчастной страны тяжелая пора, въ которой даже близорукіе наблюдатели не могутъ не предвидѣть почти неизбѣжнаго повторенія тѣхъ ужасовъ какими была вызвана недавно оконченная война...

Если вникнуть въ положеніе Восточной Румеліи, то въ ней на каждомъ шагу встрѣчаются искусно подготовленные Берлинскимъ конгрессомъ зачатки неурядицъ и столкновеній. Съ одной стороны, всѣ усилія конгресса и уполномоченной отъ него международной коммиссіи стремились „къ обезличенію Южной Болгаріи и созданію абстрактной Восточной Румеліи,“ какъ выражался на дняхъ нашъ филиппопольскій корреспондентъ, между тѣмъ съ другой стороны, въ состоящемъ изъ Болгаръ огромномъ большинствѣ ея населенія весьма естественно должно разгорѣться національное чувство въ сосѣдствѣ самостоятельнаго княжества Болгарскаго... Въ настоящее время коммиссія, какъ замѣчаетъ нашъ корреспондентъ, „махнула рукой на осуществленіе своей цѣли,“ тѣмъ не менѣе „австрійскій, англійскій и турецкій коммиссары, при всякомъ случаѣ, создаютъ затрудненія для администраціи, думая какъ-нибудь да замутить воду ..“

Итакъ, само по себѣ положеніе созданное Берлинскимъ конгрессомъ для Болгаръ Восточной Румеліи есть въ высшей степени трудное и опасное. А тутъ еще и вліяніе членовъ европейской коммиссіи, которые, вмѣсто того чтобы стараться объ упроченіи порядка, только и ждутъ случая какъ бы создать затрудненія и вызвать недоразумѣнія и смуты.

У Болгаръ только и надежда что на созданную Русскими милицію. Но долго ли сохранится эта милиція въ томъ видѣ какъ ее создали Русскіе? Вмѣшательство Европы стремится внести и въ этотъ послѣдній оплотъ болгарской національности зачатки внутренняго разложенія. Главнымъ орудіемъ этого разложенія былъ представленный коммиссіей и утвержденный султаномъ начальникъ Болгарской милиціи, Левантинецъ по происхожденію, генералъ Виталисъ. По словамъ всѣхъ очевидцевъ, съ назначеніемъ Виталиса, еще на глазахъ Русскихъ, началась въ милиціи „невообразимая неурядица:“ офицерскія должности были раздаваемы разнымъ искателямъ приключеній всѣхъ возможныхъ національностей, никогда не бывшимъ на военной службѣ, тщетно искавшимъ счастія и въ Тунисѣ, и въ Египтѣ, и въ Константинополѣ, и изгнаннымъ отовсюду вслѣдствіе своей неспособности или недобросовѣстности. Понятно что съ подобными начальниками Болгарской милиціи, столь быстро созданной, грозило не менѣе быстрое разложеніе; дѣло дошло до того что сформированные Русскими благонадежные офицеры ея сочли долгомъ своимъ обратить на эту неурядицу вниманіе генералъ-губернатора обстоятельною докладною запиской, выражавшею увѣренность что „серіозное образованіе милиціи нисколько не противно предначертанной Европой программѣ,“ и выражая надежду что просьба ихъ, „въ интересахъ страны, получитъ полное удовлетвореніе.“ „Намъ позволятъ отнестись скептически къ этой надеждѣ,“ присовокупляетъ филиппопольская газета *Марица*, откуда мы заимствуемъ послѣднія подробности, „хотя намъ и говорятъ будто наступила пріостановка въ дѣлѣ внутренняго разложенія нашей милиціи... но всего сдѣланнаго до сихъ поръ будетъ еще недостаточно пока останется желать столь многаго въ качествахъ и военной способности высшаго управленія...“ Сейчасъ полученная телеграмма передаетъ извѣстіе вѣнской *Политической Корреспонденціи* что болгарская милиція уже прекращаетъ свое существованіе и уступаетъ свое мѣсто чисто-турецкой. Это по крайней мѣрѣ вполнѣ откровенно.

А между тѣмъ, еще до выступленія изъ Восточной Румеліи Русскихъ, стали показываться зловѣщіе признаки: въ сосѣднемъ Адріанопольскомъ санджакѣ, съ выступленіемъ Русскихъ, христіане какъ и прежде становятся совершенно беззащитными противъ жестокой мстительности Турокъ; въ самой Румеліи, въ Айдосскомъ округѣ, возвратившіеся турецкіе выселенцы мѣстами уже начали рѣзню; въ несчастномъ Карловѣ нѣсколько женщинъ и мальчишекъ бросили два-три камня въ возвратившихся туда Евреевъ, въ которыхъ были узнаны проводники, руководители и пособники Турокъ при произведенныхъ послѣдними избіеніяхъ и грабежахъ, и, благодаря австрійскому коммиссару Каллаю и и англійскому Митчелю, это ничтожное дѣло было раздуто почти до размѣровъ международнаго вопроса, въ надеждѣ вызвать немедленное вступленіе турецкихъ войскъ въ Болгарію и занятіе Балканскихъ проходовъ. Въ числѣ безпрестанно возвращающихся въ Восточную Румелію турецкихъ выселенцевъ узнано не мало переодѣтыхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ низамъ (регулярнаго войска), и всѣ эти выселенцы вооружены съ ногъ до головы, привыкли владѣть оружіемъ и пылаютъ уже не одною ненавистью, но и жаждой мщенія къ Болгарамъ...

Въ виду всего этого, какъ не понять значенія слѣдующихъ словъ нашего филиппопольскаго корреспондента: „Проявляются *серіозныя опасенія*... Малѣйшій безпорядокъ, малѣйшее столкновеніе, можетъ повести за собою цѣлый рядъ несчастій. На сторожѣ подобныхъ случайностей стоятъ и Турки, и Англичане, и Австрійцы.“

Итакъ, едва успѣлъ выступить изъ Восточной Румеліи послѣдній русскій солдатъ, какъ уже обнаружились новые подготовленные Берлинскимъ конгрессомъ...

Agence Générale Russe заявляетъ что извѣстія съ Востока „свидѣтельствуютъ о дѣйствительно критическомъ положеніи.“ Верхъ куріоза въ томъ что это обстоятельство внушаетъ этому странному органу, который прежде такъ радовался что благодаря Берлинскому конгрессу все какъ нельзя лучше улажено и устроено, слѣдующее замѣчаніе: „Кризисъ этотъ предвидѣли и предсказывали всѣ (!) на ту минуту какъ послѣдній русскій солдатъ оставитъ территорію Балканскаго полуострова. Осуществленіе этого факта, котораго такъ опасались одни, такъ желали другіе, по этому самому, привело умы въ волненіе.“

Вы это предвидѣли,— такъ чему же вы радовались?

№ 192.

Москва, 28-го іюня.

А.

Въ 1863 году былъ у насъ Польскій мятежъ, возбужденный иностранной интригой которая была увѣрена что Россія, послѣ освобожденія крестьянъ, находится въ революціонномъ кризисѣ. Для поддержанія мятежа была разыграна дипломатическая комедія. Въ парламентахъ дѣлались запросы о дѣйствіяхъ Русскаго правительства, насъ судили и осуждали, насъ увѣщевали, намъ ставили требованія, намъ грозили. Все это вызвало въ Россіи сильное патріотическое движеніе, какого не ожидали политическіе игроки, разчитывавшіе на крайнюю деморализацію общества и на слабость правительства въ Россіи. Патріотическое движеніе въ нашемъ народѣ и рѣшимость съ какою стало дѣйствовать наше правительство сразу прекратили эту гнусную игру. Мятежъ былъ подавленъ, интрига была посрамлена, и Россія сразу заняла подобающее ей въ Европѣ положеніе. Но интрига въ то время имѣла все-таки тѣнь повода и призракъ нѣкотораго основанія для своихъ дѣйствій. Ею былъ поднятъ польскій вопросъ, который былъ нѣкогда предметомъ международныхъ соглашеній. Представьте же себѣ что нѣчто въ томъ же родѣ предпринимается теперь, послѣ побѣдоносной войны которую выдержала Россія, хотя, надо признаться, также и послѣ Берлинскаго конгресса, гдѣ она была судима „верховнымъ европейскимъ ареопагомъ“,— предпринимается по поводу дѣлъ не входящихъ ни съ какой стороны въ область дипломатіи. Русскія дѣла становятся предметомъ запросовъ въ парламентахъ, и иностранныя правительства осмѣливаются дѣлать Россіи указанія не имѣя ни тѣни какого-либо повода. Та же что̀ и въ польскомъ дѣлѣ интрига вызвала у насъ призракъ внутренней революціи, воспользовавшись организаціей созданною польскими

карбонаріями при помощи такъ-называемой „интернаціоналки“, подобрала испорченныхъ мальчишекъ и женщинъ якобы замысливших социальный переворотъ, и посредствомъ нанятыхъ вожаковъ возбуждаетъ ихъ къ возмутительнымъ выходкамъ, къ убійствамъ и поджогамъ, точно также какъ въ Константинополѣ та же интрига выгоняла на улицу *софтъ* когда ей было нужно разыграть комедію турецкой революціи и турецкаго парламента,—и вотъ теперь хотятъ превратить нашу „революцію“ въ международный вопросъ...

28 іюля, въ англійскомъ парламентѣ, который самъ сталъ посмѣшищемъ въ собственной странѣ, запрашивались у правительства ея британскаго величества свѣдѣнія о томъ „какимъ образомъ Русскіе подданные, по одному подозрѣнію въ политическихъ проступкахъ, тысячами угоняются на рабство въ Сибирь.“ Изъ газетъ мы узнаемъ всѣ подробности этого куріознаго запроса. Одинъ изъ ирландскихъ эксцентриковъ, г. Коуэнъ, воспылалъ любопытствомъ и, кромѣ вышеприведеннаго вопроса, пожелалъ получить еще отвѣтъ, знаетъ ли правительство ея величества о какомъ-то русскомъ кораблѣ на которомъ до 700 мущинъ и женщинъ, „получившихъ образованіе“, отправлены на островъ Сахалинъ запакованными въ помѣщеніяхъ „безъ достаточнаго свѣта, воздуха и пищи, и что изъ нихъ 250 умерли на бортѣ корабля, а 150 высажены умирающими“; потомъ ораторъ хотѣлъ знать, правда ли что „цѣлые отряды казаковъ были насильно выгнаны изъ своихъ домовъ и селеній и принуждены поселиться у устья Уссури“; наконецъ, тотъ же парламентскій шутъ спросилъ были ли сдѣланы правительствомъ ея величества увѣщанія (*remonstrances*) Россіи „противъ подобнаго обращенія съ предполагаемыми политическими преступниками“, по примѣру того какъ подобныя увѣщанія дѣлались Неаполитанскому правительству въ 1855 году, самой Россіи при польскомъ возстаніи 1863 года, и, наконецъ, Турціи въ 1876 г. по поводу дѣйствій Шефкетъ-паши.

Что̀ долженъ былъ бы сказать министръ ея британскаго величества въ отвѣтъ на подобную выходку? Еслибъ она была только нелѣпою случайностію, то подсекретарь иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ бы, конечно, въ такомъ смыслѣ: „Досточтимый членъ вѣроятно не въ своемъ умѣ (такая откровенность допускается въ парламентскихъ объясненіяхъ) что обращается ко мнѣ съ подобными вопросами. Онъ точно также пожалуй потребуетъ отъ меня отчета и о томъ что̀ дѣлается на лунѣ. Но я могу отвѣчать только за дѣйствія правительства ея величества и за то что̀ входитъ въ сферу его обязанностей, а мы вовсе не отвѣтственны за дѣйствія Россіи и намъ дѣла нѣтъ до того что тамъ дѣлается.“ Когда же сцена заранѣе слажена, тогда разговоръ принимаетъ совсѣмъ иной тонъ, притворно серіозный, какъ было и въ настоящемъ случаѣ. О запросѣ за нѣсколько дней было сдѣлано предувѣдомленіе, и когда онъ послѣдовалъ, то г. Боркъ всталъ и пресеріозно отрапортовалъ любопытному Ирландцу по всѣмъ пунктамъ: что до министерства иностранныхъ дѣлъ доходили де различныя вѣсти о бывшихъ въ разныхъ частяхъ Россіи многочисленныхъ арестахъ, и о послѣдовавшихъ за этими арестами ссылкахъ, но что онъ, г. Боркъ, не въ состояніи офиціально сообщить о назначеніи арестованныхъ лицъ; точно также и относительно переселенія казаковъ онъ не можетъ ни утверждать, ни отрицать фактовъ: о караблѣ же онъ получилъ увѣдомленіе (*we have been informed*) что таковой дѣйствительно былъ спеціально снаряженъ для перевозки преступниковъ, но что впрочемъ „утверждалось“ что на немъ не было политическихъ преступниковъ, и что „приспособленія на бортѣ были столь гуманны, насколько то совмѣстимо съ охраной узниковъ“. И ни одной улыбки не вызвала эта странная рѣчь которую министръ проговорилъ не моргнувъ глазомъ, какъ затверженный урокъ! Ну, а еслибы везлись политическіе преступники на Сахалинъ, или обращеніе съ ними было бы столь же гуманное какъ дѣйствія англійскихъ властей, какъ англійская политика, развѣ это сколько-нибудь касается г. Борка? Ему болѣе пристало бы позаботиться о гуманномъ обращеніи съ греческими священниками на островѣ Кипрѣ (подчиненномъ министерству иностранныхъ дѣлъ), которыхъ безъ суда сажали въ тюрьму и брили имъ бороды наравнѣ съ другими арестантами, за то, напримѣръ, что одинъ срубилъ вѣтку съ дерева въ своемъ же саду, а другой не оказалъ должнаго турецкому заптію уваженія.

Въ особенности всякаго должно поразить почему ничего подобнаго никогда не

позволяютъ себѣ Англичане относительно другихъ странъ. Франція не сотнями, а десятками тысячъ перевозила ссыльныхъ коммунниковъ въ Новую Каледонію. Германія приняла и продолжаетъ принимать весьма суровыя мѣры противъ соціалистовъ. Самые крайніе эксцентрики понимаютъ что смѣшно заводить рѣчь объ этомъ въ англійскомъ парламентѣ, и во всякомъ случаѣ правительство никогда не поощритъ подобныхъ вопросовъ. Никому также не вздумается спросить зачѣмъ князь Бисмаркъ устраняетъ парламентскіе порядки въ Германіи, и не предполагаетъ ли правительство ея величества сдѣлать Германскому правительству какія-либо на этотъ счетъ remonstrances. Россію же безъ церемоніи сравниваютъ съ бывшимъ Неаполитанскимъ королевствомъ или даже съ Турціей...

Фактъ прискорбно свидѣтельствующій о ненормальности нашихъ международныхъ отношеній. Какъ ни старались мы нашею податливостью и уступчивостью снискать милостивое о насъ мнѣніе иностранцевъ, изъ силъ добиваясь доказать имъ нашу гуманность и европеизмъ, мы достигаемъ какъ разъ противоположнаго результата. Но въ презрительномъ обращеніи съ нами есть разчетъ. Въ ту минуту когда наше правительство приняло, наконецъ, энергическія мѣры для подавленія шайки *софтъ* которая служитъ орудіемъ враговъ Россіи, англійскіе министры имѣютъ въ виду смутить наше правительство и побудить его ослабить свои дѣйствія, въ виду де того что онѣ возбуждаютъ говоръ въ Европѣ и набрасываютъ на него тѣнь, а съ тѣмъ вмѣстѣ поддержать и ободрить бунтарей и обнадежить ихъ участіемъ Европы.

Заключительныя слова въ отвѣтѣ г. Борка почти обличаютъ такіе виды. На приглашеніе обратиться къ Россіи съ представленіями за нигилистовъ, онъ отвѣчалъ: „Не въ обычаѣ Англійскаго правительства дѣлать увѣщанія другимъ правительствамъ въ случаяхъ подобнаго рода, если только оно не имѣетъ *нѣкотораго основанія думать что его увѣщанія поведутъ къ благодѣтельнымъ* (разумѣется въ смыслѣ желаній Англіи) *и практическимъ результатамъ.*“ Значитъ, Англійское правительство не отказывается предпринять дипломатическую компанію за нигилистовъ, если окажется надежда на нѣкоторую податливость со стороны Русскаго правительства...

Пусть теперь *Agence Générale Russe*, обычнымъ этому листку тономъ кокотки, отречется отъ всякаго намѣренія нелиберально обращаться съ нигилистами и ссылать ихъ на Сахалинъ, какъ недавно листокъ этотъ утѣшалъ нашихъ друзей въ Европѣ обѣщаніемъ желаемыхъ ими „либеральныхъ учрежденій“ въ Россіи.

Б.

Въ числѣ разнаго рода вопросовъ намъ только свойственныхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ такъ-называемый „волчій вопросъ“ или точнѣе вопросъ о сокращеніи расхода въ 15 милліоновъ рублей, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, ежегодно взносимыхъ плательщиками податей и налоговъ въ пользу волка.

Наши земства уже давно заняты „разработкой“ этого вопроса и расходуютъ, въ свою очередь, значительныя суммы на истребленіе хищнаго звѣря. Мѣры принимаемыя земствомъ весьма разнообразны, но въ большей части мѣстностей за каждаго убитаго волка выплачивается отъ 3 до 5 рублей какимъ бы способомъ звѣрь ни былъ затравленъ. Несмотря на это, почти отовсюду слышатся жалобы что количество звѣря не только не уменьшается, а, напротивъ того, увеличивается весьма быстро, число же соискателей премій за убитыхъ волковъ остается сравнительно ограниченнымъ.

Обстоятельство это привело нѣкоторыя земскія собранія къ мысли о необходимости распространить въ средѣ крестьянъ усовершенствованныя ружья. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Олонецкой губерніи, именно земствамъ Повѣнецкому и Каргопольскому. Изъ появившагося недавно въ мѣстной газетѣ отчета видно что въ 1876 году Каргопольское земство выписывало штуцера, и что примѣру его послѣдовало въ слѣдующемъ году земство Повѣнецкаго уѣзда. Независимо отъ этого, оба земства, въ видахъ „облегченія затрудненій охотниковъ въ пріобрѣтеніи пороха „по удешевленнымъ цѣнамъ, содержали въ „городахъ Повѣнцѣ и Каргополѣ пороховые склады.“ Все это, по словамъ *Олонецкихъ Вѣдомостей* „не привело къ удовлетворительнымъ результатамъ“ даже въ той губерніи гдѣ охотники составляютъ значительную часть населенія. Неудача,

какъ видно, не охладила предпринимателей: „необходимость въ распространеніи „хорошихъ ружей среди крестьянъ,“ замѣчаетъ названная газета, „дѣлается годъ отъ году очевиднѣе.“ Дѣйствительно, въ Олонецкой губерніи въ 1878 году волками зарѣзано около 5 тысячъ головъ домашняго скота, частью „среди дня у самыхъ „селеній, на глазахъ крестьянъ.“ Нужно полагать что Олонецкое земство будетъ продолжать свои опыты. Примѣру его послѣдуютъ можетъ-быть и другія земства, затрачивая на пріобрѣтеніе ружей и штуцеровъ крупныя суммы изъ земскихъ доходовъ; но дѣло истребленія хищныхъ звѣрей едва ли значительно подвинется отъ этого. Частныхъ усилій земства въ этомъ дѣлѣ едва ли достаточно: хорошія ружья стóятъ не дешево и ихъ потребовалось бы распространить въ большомъ количествѣ. Найдется ли, наконецъ, среди населенія такое число охотниковъ на волка какое необходимо: организовать волчью охоту среди населенія очень трудно.

Опыты со стрихнинными пилюлями и отравленною приманкой гдѣ они употреблялись, какъ извѣстно, также не привели къ ощутительнымъ результатамъ.

Есть другое болѣе, какъ намъ кажется, существенное средство для борьбы съ хищникомъ.

Уже давно въ военныхъ кругахъ толкуютъ о примѣненіи охоты на звѣря къ обученію стрѣльбѣ. Но это встрѣчало до сихъ поръ неодолимое препятствіе въ запрещеніи охотиться со строевымъ ружьемъ и казенными патронами, отпускъ коихъ былъ предъ войной такъ незначителенъ что патроновъ едва хватало на самую элементарную учебную стрѣльбу. Съ настоящаго лѣта, въ дѣлѣ обученія стрѣльбы наступилъ рѣшительный поворотъ: измѣнены условія стрѣльбы, придуманы разнаго рода новые мишени и приборы успѣвшіе уже стать предметомъ спекуляціи; патроновъ отпускается въ изобиліи, по 150 штукъ на человѣка. Есть полная возможность воспользоваться охотой для обученія солдата стрѣльбѣ при условіяхъ наиболѣе подходящихъ къ стрѣльбѣ боевой, по подвижной и притомъ весьма небольшой цѣли. Такая стрѣльба всегда считалась важнымъ элементомъ стрѣлковаго образованія, и если практиковалась до сихъ поръ только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, чуть ли не одними стрѣлковыми баталіонами, то лишь оттого что сопряжена со значительнымъ расходомъ патроновъ.

Измѣнились и условія строеваго обученія войскъ. По введеннымъ въ нынѣшнее лѣто уставамъ, обученіе разсыпному строю и всѣмъ боевымъ эволюціямъ обязательно перенесено на мѣстность пересѣченную; каждое движеніе, каждый выстрѣлъ поставленъ въ зависимость отъ мѣстности, расположенія и движенія противника.

Строевыя ученья съ боевыми патронами всегда считались однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ фронтоваго образованія, точно такъ же какъ и „военныя прогулки“ во всякую погоду на болѣе или менѣе значительныя разстоянія.

Соединить всѣ эти элементы обученія вмѣстѣ и организовать охоту въ широкихъ размѣрахъ не можетъ быть безполезно для войскъ, тѣмъ болѣе что каждый выстрѣлъ могъ бы получить характеръ призоваго.

На охотѣ, подстрекаемый личнымъ интересомъ, солдатъ пріучился бы быстро прицѣливаться и стрѣлять не иначе какъ навѣрняка, то-есть не только разумно „беречь патроны,“ но и зарядъ въ стволѣ. Стрѣлковая цѣпь выучилась бы быстро двигаться по всякаго рода мѣстности, держать при этомъ направленіе, не разрываться, не сходиться слишкомъ тѣсно. Командиры пріобрѣли бы навыкъ руководить людьми находящимися въ волненіи, а безцѣльныя теперь и потому скучныя „военныя прогулки“ получили бы интересъ въ глазахъ войскъ.

Независимо отъ всего этого, войска могли бы пріобрѣсти походный навыкъ: приловчились бы быстро располагаться бивакомъ, быстро снимать его чтобы двинуться дальше. Выяснились бы и относительныя достоинства и недостатки тѣхъ или другихъ предметовъ солдатскаго снаряженія, тѣхъ или другихъ повозокъ нашего обоза, которые до сихъ поръ испытывались такъ-сказать мирными способами и оказались во время минувшей войны обузой для войскъ.

Ко всему этому нужно прибавить что войска получали бы и не малый доходъ отъ своей дѣятельности въ видѣ премій за убитаго звѣря. Можетъ-быть оказалось бы возможнымъ завести въ войскахъ полушубки и другія принадлежности зимняго похода, недостатокъ которыхъ стóилъ столькихъ жертвъ въ минувшую кампанію.

Ежегодный пятнадцатимилліонный убытокъ который несетъ теперь населеніе, самъ

по себѣ, независимо отъ изложенныхъ выгодъ для войскъ, такъ важенъ что нельзя не пожелать чтобы военныя облавы на волка были испытаны прежде нежели дозволить земствамъ тратить свои средства на пріобрѣтеніе дорого стоящихъ штуцеровъ безо всякой ощутительной пользы для дѣла.

№ 193.

Москва, 28-го іюля.

Къ намъ обращаются печатно съ укоромъ что мы не оказали должнаго вниманія помѣщенной въ *Сборникѣ Государственныхъ Знаній* статьѣ г. Кауфмана „Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы“, статьѣ гдѣ вопросъ о нашемъ денежномъ обращеніи разсматривается де „всесторонне и съ безспорно-научнымъ знаніемъ дѣла.“ Упущеніе это, повидимому, тѣмъ важнѣе что и самой статьѣ, и ея автору, нашими экономистами чрезъ посредство ихъ привилегированнаго органа, газеты *Голосъ* выданы самые блестящіе аттестаты. Въ этихъ аттестатахъ значится, напримѣръ, что статья г. Кауфмана такова что „серіозно возражать съ успѣхомъ на ея доводы очень не легко, а въ газетной статьѣ почти невозможно“, почему она и должна де быть „весьма непріятна для *Московскихъ Вѣдомостей*“. Самъ же авторъ статьи оказывается обладающимъ не только полнымъ знаніемъ экономической науки, но и остроуміемъ и, что̀ особенно подчеркивается, высокимъ патріотизмомъ, побуждающимъ его „неоднократно, съ настойчивостью почти излишнею, говорить о необходимости жертвовать всякими экономическими интересами, какъ второстепенными, первостепеннымъ политическимъ интересамъ связаннымъ со всякою войной“.

Сдѣлаемъ пріятное для нашихъ экономистовъ, остановимся нѣсколько подолѣе на столь рекомендуемой ими статьѣ. Она состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть есть не что̀ иное какъ второе, исправленное, изданіе отдѣльной брошюры того же автора, вышедшей еще въ августѣ прошлаго года подъ заглавіемъ *Обзоръ проектовъ вышедшихъ въ 1861—1878 годахъ по вопросу о преобразованіи кредитной денежной системы*, гдѣ въ ряду разсматриваемыхъ тутъ проектовъ (гг. Е. И. Ламанскаго, Гольдмана, Вагнера, Н. Х. Бунге), въ особой главѣ скромно озаглавленной: „мой проектъ“, фигурируетъ и проектъ самого г. Кауфмана. Вся суть этой части статьи—указаніе хирургическихъ пріемовъ для произведенія надъ Россіей той „мучительной операціи“ какою признается подъемъ курса денежной единицы до al pari посредствомъ извлеченія изъ обращенія массы бумажныхъ денегъ,—причемъ наилучшимъ пріемомъ, конечно, оказывается предлагаемый авторомъ статьи. Провѣрять этотъ выводъ, впрочемъ, не представляетъ пока никакого интереса. Прежде чѣмъ судить какимъ пріемомъ лучше совершить мучительную операцію слѣдуетъ рѣшить есть ли вообще необходимость прибѣгать къ ней. Вторая часть статьи г. Кауфмана и посвящена именно доказательству этой якобы необходимости. Вся эта часть статьи направлена противъ насъ и нашихъ мнѣній, вся она имѣетъ задачей научить насъ и публику какъ слѣдуетъ смотрѣть на кредитный рубль съ юридической, политической и экономической сторонъ. Съ любой изъ этихъ точекъ зрѣнія требуется признать что вышеупомянутая операція безусловно необходима.

Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе юридическая постановка вопроса о кредитныхъ билетахъ. Дѣлается ссылка на *Полное Собраніе Законовъ*, куда вошли манифесты признавшіе бумажныя деньги государственнымъ долгомъ и сохранившіе всю свою силу, и торжественно, съ подчеркиваніемъ, объявляется что „на каждаго предъявителя кредитныхъ билетовъ законъ смотритъ какъ на довѣрившаго Государственному Казначейству ***вкладъ золотою или серебряною монетой***, вкладъ ***для храненія***, подлежащій возврату немедленно по востребованію. Такимъ образомъ кредитные билеты поставлены на одну доску съ ***сохранною распиской***. Очевидно что послѣ этого разсуждать о томъ лежатъ ли на казначействѣ обязательства по кредитнымъ билетамъ все равно что воду толочь.“

Никто, конечно, не станетъ утверждать чтобы на казначействѣ не лежало никакихъ обязательствъ по кредитнымъ билетамъ: эти обязательства несомнѣнны и весьма серіозны. Но едва ли также много найдется людей, внѣ группы нашихъ экономистовъ и ихъ учениковъ, которые рѣшились бы не въ шутку истолковывать эти обязательства въ томъ смыслѣ какой даетъ имъ

остроумный экономистъ-патріотъ г. Кауфманъ. Не говоря о томъ что въ нашихъ законахъ о кредитныхъ билетахъ нѣтъ постановленій которыя приравнивали бы ихъ къ сохраннымъ распискамъ и оставляя совсѣмъ въ сторонѣ эту поэтическую вольность увлекшагося патріота, разберемъ юридическую фикцію на которую онъ опирается. Шейлокъ у Шекспира требовалъ во имя закона чтобы по его распискѣ было произведено полное взысканіе, и не хотѣлъ знать что̀ станется съ „царственнымъ венеціанскимъ купцомъ" послѣ того какъ изъ его груди будетъ вырѣзанъ фунтъ мяса; такъ и наши экономисты, тоже во имя закона, требуютъ чтобы казначействомъ выплачивалось полными золотыми и серебряными рублями по государственнымъ кредитнымъ билетамъ, столь же мало, какъ и Шейлокъ, обращая вниманія на то какою болью должна отозваться эта операція на всемъ экономическомъ организмѣ государства. Только Шейлокъ не скрывалъ что настаивая на своемъ толкованіи закона домогается гибели ненавистнаго ему купца, а нашъ экономистъ, высказывая вышеприведенный юридическій взглядъ, выставляетъ въ то же время на видъ свои заботы о финансовыхъ силахъ Русскаго народа, замѣчая что „имѣющуюся еще юную силу должно беречь, что ей нужно дать окрѣпнуть и лишь потомъ ей предъявлять требованія, ей доступныя." Какъ вяжется съ этимъ предъявляемое къ этой еще юной силѣ требованіе подчиниться предлагаемой критической финансовой операціи, объ этомъ авторъ не говоритъ ни слова. Въ качествѣ экономиста, онъ не можетъ не знать что подобныя финансовыя операціи не могутъ обойтись безъ серіознаго потрясенія равновѣсія въ народномъ хозяйствѣ, что чѣмъ колоссальнѣе такія операціи тѣмъ глубже бываютъ причиняемыя ими потрясенія, послѣ которыхъ равновѣсіе въ народномъ хозяйствѣ не скоро возстановляется. Но трактовать объ этомъ считается излишнимъ. Можно де и должно говорить о вредѣ какой могутъ причинить выпуски бумажныхъ денегъ и пріостановка ихъ размѣна, но слѣдуетъ умалчивать о вредѣ какой неизбѣжно должны причинить изъятіе этихъ денегъ и возстановленіе размѣна, а если зайдетъ о немъ рѣчь — воскликнуть: fiat justitia, pereat mundus, забывая что у юристовъ есть еще и другое, гораздо болѣе уважительное правило, гласящее что summum jus — summa injuria.

Въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о кредитныхъ билетахъ, примѣненіе поставленной г. Кауфманомъ юридической фикціи было бы истинно вопіющею несправедливостью. Страна была бы подвергнута величайшимъ потрясеніямъ ради возврата золотыхъ и серебряныхъ вкладовъ людямъ которые такихъ вкладовъ не дѣлали, ради взысканія по сохраннымъ распискамъ предметовъ которые на сохраненіе не давались...

Перейдя съ юридической почвы на политическую, г. Кауфманъ ставитъ тезисъ что рекомендуемая имъ критическая финансовая операція необходима по патріотическимъ соображеніямъ — для приведенія Россіи въ положеніе готовности къ войнѣ. Пусть эта колоссальная операція потрясетъ весь установившійся экономическій бытъ сверху до низу, пусть она потребуетъ долгаго, очень долгаго времени чтобы путемъ „человѣческихъ страданій связанныхъ съ такими переходными обстоятельствами" (по выраженію одного изъ нашихъ экономистовъ, весьма спокойно разсуждающаго въ своемъ кабинетѣ объ этихъ страданіяхъ) примѣниться къ новымъ насильственно внесеннымъ въ жизнь условіямъ. За то у правительства будетъ подъ руками, на случай войны, готовый рессурсъ въ выпускахъ вновь бумажныхъ денегъ съ меньшею чѣмъ нынѣ потерей на курсѣ, и съ перспективой немедленно послѣ войны приступить къ повторенію той же операціи изъятія кредитныхъ билетовъ и возстановленія ихъ размѣна...

Крайняя странность такой аргументаціи невольно бросается въ глаза. Въ выданномъ г. Кауфману газетой *Голосъ* похвальномъ аттестатѣ даже прямо отрицается чтобы нѣчто подобное могло быть высказано этимъ докторомъ политической экономіи. Утверждается даже что мы взвели клевету на г. Кауфмана приписавъ ему вышеприведенныя сужденія. Но такъ думать можетъ только тотъ кто не читалъ ни самой статьи г. Кауфмана, ни даже подстрочныхъ примѣчаній къ ней сдѣланныхъ редакціей издаваемаго г. Безобразовымъ *Сборника Государственныхъ Знаній*, — примѣчаній, имѣющихъ цѣлію ослабить впечатлѣніе тѣхъ мѣстъ статьи гдѣ указывается на неизбѣжность для Россіи бумажно-денежныхъ выпусковъ, роняю-

щихъ курсы, въ случаѣ всякой большой войны, не ослабляя однако тѣхъ мѣстъ гдѣ доказывается необходимость каждый разъ прибѣгать къ изъятію ихъ изъ обращенія, ради подъема курсовъ. Редакція находитъ нужнымъ сдѣлать оговорку когда г. Кауфманъ категорически заявляетъ что „мы не въ состояніи воевать безъ содѣйствія бумажно-денежныхъ выпусковъ.“ Но уже не требуется никакой оговорки когда тотъ же авторъ говоритъ: „Разъ существуетъ хотя бы одна вѣроятность что для войны можетъ представиться надобность въ бумажно-денежномъ рессурсѣ, его необходимо на готовѣ держать свободнымъ для всякой войны. Развѣ не послѣ всякой войны приходится возстановлять ряды войска, его вооруженіе и всякія иныя приспособленія къ могущей открыться кампаніи? Совершенно такое же значеніе должно имѣть возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія. Всякій понимаетъ что изувѣченные солдаты, попорченныя пушки и ружья, истрепавшіяся палатки и ослабѣвшіе кони, хорошо послужившіе въ одну войну, въ другую войну способны оказать лишь плохія услуги. Но то же вполнѣ примѣняется и къ денежному обращенію.“ Чтò же, какая задача ставится всѣмъ этимъ правительству въ отношеніи къ денежному обращенію съ политической точки зрѣнія? Не непрестанная ли работа Сизифа, работа попеременной порчи и починки всего строя денежнаго обращенія, съ поперемѣннымъ переходомъ отъ высокихъ курсовъ къ низкимъ, отъ сильно расширенныхъ размѣровъ денежнаго обращенія къ сильно сжатымъ и обратно, отъ сильныхъ толчковъ въ одну сторону къ таковымъ же въ другую? И всѣ толчки должна выносить именно та „еще юная сила,“ о которой тутъ же говорится что ее „должно беречь, что ей нужно дать окрѣпнуть.“ И ничего лучшаго наша экономическая доктрина не могла придумать для согласованія своихъ началъ съ государственными политическими требованіями!

Но самыя сильныя доказательства въ пользу предлагаемой экономистами критической финансовой операціи, г. Кауфманъ, какъ экономистъ, естественно долженъ былъ искать не на юридической, не на политической, а на экономической почвѣ. Онъ и взялъ на себя доказать страшное экономическое зло бумажно-денежнаго обращенія примѣрами какъ изъ жизни другихъ странъ, такъ и изъ нашей собственной жизни.

Такихъ примѣровъ, однако, приведено очень не много, и самый выборъ ихъ поражаетъ своею странностью. Вся аргументація (если оставить въ сторонѣ изобильныя ругательства направленныя какъ противъ кредитныхъ билетовъ, такъ и противъ людей смотрящихъ на нихъ не такъ какъ предписываетъ доктрина) ограничивается ссылками на экономическіе кризисы бывшіе у насъ въ 1860 и 1875 годахъ, да на различіе экономическихъ судебъ Франціи и Германіи послѣ франко-германской войны. Изъ числа этихъ примѣровъ, разборъ ссылки на кризисъ 1875 года былъ бы пустою тратой словъ. Смѣшно доказывать что крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка и послѣдовавшій за нимъ процессъ г. Струсберга не имѣютъ ничего общаго съ нашими бумажно-денежными выпусками. Это очевидно каждому, и надо быть доктринеромъ чтобы не краснѣя сказать будто не Ландау съ Полянскимъ, пользуясь выработаннымъ экономистами устройствомъ нашихъ банковъ, затѣяли игру окончившуюся извѣстнымъ скандаломъ, а сами милліоны русскихъ кредитныхъ рублей „блуждали въ поискахъ за Струсбергами!“ Но за чтò г. Кауфмана можно поблагодарить, такъ это за указаніе на примѣръ Франціи и Германіи, одинаково ревностно приступившихъ послѣ войны 1870—1871 къ возстановленію своихъ силъ. И тамъ и тутъ, по замѣчанію автора, вслѣдъ за застоемъ вызваннымъ войной произошло промышленное оживленіе. Но во Франціи этотъ переходъ „совершился разсудительно“, а въ Германіи „сопровождался бѣшеною спекулятивною вакханаліей, окончившеюся тяжкимъ кризисомъ.“ Прекрасно; но какое значеніе могутъ имѣть эти факты въ смыслѣ доказательства вреда бумажныхъ денегъ? Развѣ спекулятивная вакханалія въ Германіи была вызвана бумажными деньгами? Развѣ Франція избавилась отъ кризиса благодаря тому что не подверглась бѣдствію бумажно-денежнаго обращенія? Нѣтъ, совершенно наоборотъ. Германія пострадала не вслѣдствіе бумажнаго, а вслѣдствіе черезчуръ обильнаго металлическаго обращенія созданнаго пятимилліардною контрибуціей. Франція же избѣгла кризиса несмотря на большой бумажно-денежный выпускъ. Въ обоихъ случаяхъ, между печальными экономическими явленіями и бу-

мажными деньгами никакой связи, ни прямой, ни косвенной, не оказывается. Изъ примѣра Франціи явствуетъ только то что бумажно-денежные выпуски, при благоразумной постановкѣ этого дѣла, не ведутъ ко вреднымъ послѣдствіямъ,—мысль которую мы не разъ высказывали.

Неизвѣстно въ какихъ видахъ, но ужь никакъ не въ интересахъ ни науки, ни просто правды, г. Кауфманъ выставляетъ насъ сторонниками именно безразсудной постановки государственныхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Намъ случалось не разъ указывать на то что большіе бумажно-денежные выпуски вызванные Крымскою войной вовсе не сопровождались экономическимъ кризисомъ, пока въ прежнихъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленіяхъ, принимавшихъ вклады въ неограниченомъ размѣрѣ съ уплатой умѣреннаго, но достаточнаго процента, существовала такъ-сказать корректива этихъ выпусковъ; что кризисъ былъ вызванъ лишь изгнаніемъ вкладовъ изъ этихъ учрежденій, которое лишило ихъ значенія регулятора денежнаго обращенія и было первымъ шагомъ къ послѣдовавшей за тѣмъ банковой реформѣ. Все это высказано было нами прямо и ясно. И что же? г. Кауфманъ обращается къ намъ съ укоромъ будто мы по отношенію къ кризису вызванному изгнаніемъ вкладовъ изъ ломбардовъ „разказываемъ басни,“ „коверкаемъ историческіе факты,“ „валимъ съ больной головы на здоровую,“ и этимъ „сами себя выдаемъ головой!“ Примѣръ кризиса вызваннаго тогдашнимъ изгнаніемъ вкладовъ вовсе де ничего не говоритъ ни противъ „экономической доктрины,“ ни въ пользу бумажно-денежныхъ выпусковъ; напротивъ, онъ прямо де подтверждаетъ вѣрность этой доктрины безусловно осуждающей выпуски. „*Развѣ существуетъ,*“ спрашиваетъ г. Кауфманъ,— „*даже тѣнь какого бы ни было различія* между объясненіемъ кризиса 1860 года выпусками кредитныхъ билетовъ и объясненіемъ того же кризиса выпускомъ на волю вкладовъ? *Никакого*. Это только два способа выраженія гласящіе одно и то же. Обиліе вкладовъ скучившихся послѣ войны въ старыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ было не что иное какъ обиліе кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ для войны... Безразсудность нашей денежной политики въ томъ главнѣйшимъ образомъ и заключалась что *послѣ* войны кредитные билеты *второй* разъ были выпущены въ обращеніе чрезъ посредство выпуска на волю вкладовъ. И если *Московскія Вѣдомости* признаютъ что этотъ выпускъ *вкладовъ* на волю повелъ къ страшному кризису, то этимъ онѣ признаютъ что оживленіе промышленности вызванное военными крымскими выпусками для страны *гибельное*.“

Итакъ, г. Кауфманъ не въ штуку утверждаетъ что между двумя указанными объясненіями кризиса 1860 года нѣтъ никакой разницы, даже „тѣни разницы“, и что выпускъ вкладовъ былъ ничѣмъ инымъ какъ только выпускомъ въ второй разъ кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ для Крымской войны?

Допустимъ сперва что это изгнаніе вкладовъ изъ ломбардовъ было ничѣмъ болѣе какъ повтореніемъ выпуска кредитныхъ билетовъ сдѣланнаго во время Крымской войны. Но одинаковы ли были въ оба раза условія этихъ выпусковъ, одинаковыми ли гарантіями оба они были обставлены? Нѣтъ. При *первомъ* выпускѣ была твердая гарантія что въ обращеніи останется только та часть выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ которая нужна и доколѣ она нужна для экономическаго оборота, а весь избытокъ не замедлитъ выйти изъ обращенія и вернуться въ казну въ формѣ ломбардныхъ вкладовъ. При такъ-называемо *второмъ* выпускѣ не было уже ни этой и ни иной гарантіи противъ могущаго оказаться избытка въ денежныхъ знакахъ противъ существующихъ правильныхъ размѣровъ экономической въ нихъ потребности. Этому избытку, съ пониженіемъ процента по вкладамъ, не оставалось никакого безвреднаго исхода. Выброшеннымъ изъ банка вкладамъ оставалось только или лежать безъ употребленія въ сундукахъ съ явнымъ ущербомъ для ихъ владѣльцевъ, или быть брошенными на рискованныя предпріятія. Такова разница между этими *первымъ и вторымъ* выпусками кредитныхъ билетовъ, разница достаточно объясняющая почему *первый* не сопровождался вредными экономическими послѣдствіями, а *второй* причинилъ страшный кризисъ. Не замѣтить такой разницы непростительно даже нашему доктору политической экономіи.

Но это не все. Изгнаніе вкладовъ изъ ломбардовъ отнюдь не было, какъ желаютъ выставить эту мѣру наши экономисты бюрократическаго закала, только вторичнымъ

выпускомъ тѣхъ кредитныхъ билетовъ которые уже разъ были выпущены для военныхъ цѣлей. Принять такое объясненіе то же что̀ смотрѣть сквозь пальцы на подмѣнъ картъ въ игрѣ. Значеніе пониженія процентовъ по вкладамъ отнюдь не исчерпывается насильственнымъ вталкиваніемъ въ обращеніе только того избытка выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ который естественнымъ путемъ искалъ временнаго превращенія въ процентный казенный долгъ. Еслибы было такъ, кризисъ далеко не достигъ бы тѣхъ размѣровъ въ какихъ онъ разыгрался. Сказанный избытокъ, выразившійся въ накопившихся въ ломбардѣ вкладахъ, составлялъ всего третью часть той массы кредитныхъ билетовъ которая была выпущена для Крымской войны и не повела ни къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Но пониженіемъ процентовъ по вкладамъ было вызвано востребованіе вкладовъ изъ ломбардовъ въ такихъ размѣрахъ что избытокъ потерялъ скоро всякое значеніе: истребованіе вкладовъ превысило цифру этого избытка въ нѣсколько разъ. Но и это не самое главное. Существеннѣйшая разница между выпускомъ билетовъ для войны и изгнаніемъ вкладовъ заключается въ томъ что первый никого не толкалъ ни въ какія непривычныя предпріятія, второе же искусственно вызывало ихъ.

Для чего же господа наши экономисты прибѣгають къ отрицанію разницы тамъ гдѣ она очевидна, и къ непозволительнымъ натяжкамъ, помощью коихъ результаты изгнанія вкладовъ изъ ломбардовъ приписываются ими неповинному въ этихъ результатахъ выпуску кредитныхъ билетовъ для Крымской войны? Имъ хочется выгородить себя отъ всякой за нихъ отвѣтственности. Это желаніе выгородить себя сквозитъ въ ихъ словахъ; оно сказывается между прочимъ и въ томъ что редакція *Сборника Государственныхъ Знаній* не могла воздержаться чтобы не оговорить въ подстрочномъ примѣчаніи къ статьѣ г. Кауфмана „что это пониженіе процентовъ по банковымъ вкладамъ было произведено въ то время когда въ нашей финансовой администраціи (при министрѣ финансовъ Брокѣ) не было и помину ни о какой финансовой доктринѣ и всякая доктрина презиралась.“ Не правда. Мѣры министра финансовъ Брока были внушены именно доктриной и ей вполнѣ соотвѣтствуютъ. Да развѣ сѣтованія нашихъ экономистовъ что капиталы у насъ „накапливаются въ Государственномъ Банкѣ гдѣ остаются непроизводительными для народнаго хозяйства“ не сродни той мысли которая выгнала вклады изъ ломбардовъ?

№ 195.

Москва, 30-го Іюля.

А.

Вопросъ о контролѣ церковныхъ суммъ, повидимому, подвигается къ разрѣшенію. Уже восемь лѣтъ тому назадъ, именно въ 1871 году, *Московскія Вѣдомости* обратили общественное вниманіе на этотъ вопросъ. Починъ въ этомъ положенъ былъ не потерявшею до сихъ поръ своего значенія статьей по поводу 21% сбора съ церковныхъ суммъ на духовно-учебныя заведенія, напечатанною въ издававшейся тогда при *Московскихъ Вѣдомостяхъ Современной Лѣтописи* (1871 года, № 8, отъ 1 марта). Въ ней, съ полнымъ знаніемъ дѣла, доказывалось что многомилліонныя въ своей сложности церковныя суммы находятся въ безконтрольномъ завѣдываніи церковныхъ старость, что только незначительная часть ихъ записывается въ церковныя книги, а остальныя въ видѣ такъ-называемыхъ „темныхъ суммъ“ или расходуются произвольно, или же исчезають неизвѣстно куда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *въ точномъ* исполненіи Высочайше утвержденной инструкціи церковнымъ старостамъ, указывались и способы дѣйствительнаго учета финансовыхъ операцій въ нашихъ церквахъ. Статья эта, принадлежащая одному изъ московскихъ протоіереевъ В. Г. Н., вызвала цѣлый рядъ статей въ различныхъ изданіяхъ по возбужденному вопросу, и вскорѣ послѣдовалъ циркуляръ Святѣйшаго Синода о неуклонномъ контролированіи церковныхъ суммъ. Казалось бы и конецъ дѣлу; не тутъ-то было. Несмотря на циркуляръ, хозяйство церковное попрежнему осталось внѣ требуемаго закономъ контроля. Первую и серіозную попытку осуществить требованія его на практикѣ сдѣлалъ одинъ изъ московскихъ благочинныхъ, протоіерей А. Г. Никольскій. Вскорѣ послѣ паденія Коммерческаго Ссуднаго Банка, онъ принялся настойчиво вводить учетъ церковныхъ суммъ въ под-

вѣдомыхъ ему московскихъ приходахъ, но встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ старостъ рѣшительное сопротивленіе. Хотя и странно доказывать что чужія деньги ввѣренныя кому бы то ни было, хотя бы самому состоятельному и честнѣйшему лицу, должны же повѣряться, что контроль не можетъ быть обиденъ ни для кого, энергическому отцу протоіерею пришлось не разъ доказывать и это, вести борьбу съ противниками контроля и терпѣть отъ нихъ пораженія... Между тѣмъ, при всѣхъ препятствіяхъ, контроль и въ не широкой сферѣ далъ замѣчательные результаты: доходы отъ одной свѣчной операціи въ девяти церквахъ благочинія возрасли болѣе чѣмъ въ семь разъ. Изъ опубликованныхъ протоіереемъ Никольскимъ свѣдѣній видно что въ доконтрольное время въ 1872 году свѣчная прибыль въ этихъ церквахъ доходила до 1.418 руб., и въ 1875 до 2.001 руб., а въ контрольное время, въ 1878 году, возвысилась до 15.252 руб. Интересны и частности этого возвышенія дохода подъ вліяніемъ контроля. Въ одной, напримѣръ, церкви, до учета, эта прибыль выражалась цифрой въ 59 руб., а при учетѣ выразилась въ 408 руб., въ другой церкви прежде она доходила до 230 руб., а теперь возвысилась до 2.114 руб., въ третьей прежде составляла 188, а въ настоящее время поднялась до 1.983 руб.

Отецъ Никольскій не находитъ „результаты своего контроля вполнѣ соотвѣтствующими желаніямъ“ и значитъ признаетъ отчетныя цифры не выражающими *дѣйствительнаго* прихода суммъ въ контролированныхъ церквахъ. Пусть однако эти цифры безусловно вѣрны: предположимъ что повсемѣстный контроль церковныхъ суммъ въ Россіи повыситъ церковные доходы въ семь разъ какъ и въ данномъ случаѣ; затѣмъ помножимъ общую, приблизительную, впрочемъ, сумму церковныхъ доходовъ въ десять милліоновъ ежегодно на этого множителя; получимъ 70 милліоновъ. Не станемъ дознаваться, да и дознаться не можемъ, куда теперь идутъ эти милліоны, допускаемъ что они тратятся на мѣстныя церковныя нужды, но не можемъ не замѣтить что, оставаясь темными суммами, при безконтрольномъ употребленіи, онѣ не могутъ и на мѣстѣ принести всей пользы. Пусть и на будущее время церковныя деньги расходуются на благолѣпіе храмовъ, улучшеніе богослуженія, на устройство школъ, богадѣлень и пр., лишь бы только расходы дѣлались не въ потемкахъ. Контроль не унизитъ старостъ, не оскорбитъ прихожанъ и жертвователей на храмы, не возвыситъ вліянія клерикальной партіи, какъ готовы сказать наши газеты.

Исторія вопроса о контролѣ церковныхъ суммъ показываетъ что однихъ бумажныхъ предписаній начальства не достаточно для его осуществленія; для этого нужна настойчивость властей. Онѣ должны побуждать и приходскіе причты и благочинныхъ къ исполненію законныхъ требованій о контролѣ. Высшая же церковная власть можетъ съ успѣхомъ воспользоваться ревизіями церковныхъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ епархіяхъ.

Не должно забывать тоже и объ устройствѣ свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ. Такой заводъ въ нижегородской епархіи даетъ средства на полное содержаніе въ семинаріи сыновей всего духовенства не пользующихся казенными стипендіями, и дочерей его въ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

Съ разрѣшеніемъ вопроса о повсемѣстномъ контролѣ церковныхъ суммъ и правильномъ устройствѣ свѣчной операціи можетъ-быть совершенно измѣнятся условія матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства.

В.

Деревенскіе пожары обыкновенно приписываются неосторожному обращенію съ огнемъ, „лучинѣ“ которою освѣщаются избы, деревяннымъ постройкамъ и т. п.; но мало обращается вниманія на устройство печей, въ особенности борововъ печныхъ трубъ. Пожары у насъ бываютъ преимущественно лѣтомъ, когда крестьяне убираются засвѣтло. Зимой когда на крышѣ лежитъ снѣгъ, лопнувшій боровъ не сопровождается пожаромъ, а лѣтомъ сопровождается неизбѣжно Нужно замѣтить еще что тамъ гдѣ строятъ курныя избы пожаровъ бываетъ меньше.

Нельзя не порадоваться задуманному въ Петербургѣ учрежденію „Общества для предупрежденія и пресѣченія пожаровъ,“ въ программу котораго вводится между прочимъ „собираніе и разработка статистическихъ свѣдѣній о пожарахъ,“ въ видахъ уясненія причинъ этого бѣдствія.

Въ числѣ мѣръ коими Общество намѣрено противодѣйствовать пожарамъ, помимо заботъ объ улучшенiи огнегасительныхъ средствъ и снарядовъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ популяризацiя свѣдѣнiй „клонящихся къ усовершенствованiю средствъ охраны отъ огня" посредствомъ изданiя брошюръ, устройства выставокъ и народныхъ чтенiй. Надо полагать что Общество займется также изслѣдованiемъ способовъ возведенiя самыхъ построекъ.

Почти одновременно съ проектомъ устройства противупожарнаго Общества появилось нѣсколько проектовъ имѣющихъ въ виду предупредить пожары лучшимъ выборомъ строительнаго матерiала, замѣнить дерево и солому матерiаломъ несгораемымъ, удешевивъ этотъ матерiалъ и работы въ той мѣрѣ „чтобы постройка обходилась не дороже, а даже дешевле возведенiя домовъ изъ дерева, крытаго обыкновенною соломой."

Мы получили изданную на дняхъ въ Петербургѣ редакцiей журнала *Хозяйственный Строитель* брошюру подъ заглавiемъ *Постройки изъ саманнаго кирпича*, написанную профессоромъ Куроѣдовымъ. Саманный или воздушный кирпичъ состоитъ изъ смѣси глины или земли съ соломой. Смѣсь эта формуется въ кирпичи, просушивается на воздухѣ и затѣмъ употребляется на стройку. Матерiалъ этотъ съ небольшими измѣненiями уже давно употребляется въ нѣкоторыхъ болѣе безлѣсныхъ мѣстностяхъ Россiи: въ Новороссiйскомъ краѣ, въ Малороссiи, на Кавказѣ, въ Крыму, въ области войска Донскаго. Еще въ 1846 году, г. Лялинъ въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ* обращалъ вниманiе на постройки изъ этого матерiала, который и до сихъ поръ однако не нашелъ себѣ широкаго примѣненiя, не вытѣснивъ даже общеупотребительныхъ въ Малороссiи мазанокъ. Распространенiю этого матерiала препятствуетъ болѣе значительная цѣнность построекъ сравнительно съ другимъ матерiаломъ, затруднительность изготовленiя саманнаго кирпича домашними средствами и недостатокъ мастеровъ занимающихся его приготовленiемъ. Только съ устраненiемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, постройки изъ саманнаго кирпича могутъ пойти въ ходъ, но и то не вездѣ. Въ мѣстностяхъ богатыхъ лѣсомъ, напримѣръ на сѣверѣ Россiи, гдѣ крестьяне строятъ даже роскошныя деревянныя избы, часто двухъэтажныя, саманный кирпичъ едва ли можетъ найти себѣ примѣненiе. Брошюра предлагаетъ „для сельскихъ построекъ „принять два типа: для бѣднѣйшаго класса—съ глино-соломенными крышами, а „для достаточнаго—съ черепичными, принявъ за образецъ голландскую черепицу," и устроить съ этою цѣлью черепичные заводы: по большимъ рѣкамъ, въ мѣстностяхъ имѣющихъ хорошую глину. Каждый горшечникъ можетъ изготовлять черепицу и устройство завода не превыситъ, какъ говоритъ г. Куроѣдовъ, 500 рублей. Можно желать распространенiя черепицы, но нельзя ожидать чтобъ она вошла во всеобщее обязательное употребленiе. Черепица требуетъ хорошей глины, что̀ встрѣчается не вездѣ, и доставка черепицы, какъ матерiала тяжелаго, обойдется не такъ-то дешево, а это повлечетъ за собой то что бо́льшая часть домовъ будутъ покрываемы отнюдь не черепицей; а соломой съ мѣстною глиной. Наконецъ, какъ опредѣлить, принадлежитъ ли строитель къ „достаточному" или къ „бѣднѣйшему классу. Обязательность строить лишь изъ извѣстнаго матерiала очень напоминаетъ еще недавно упраздненное предписанiе закона чтобы войлокъ для трубъ брать непремѣнно съ фабрики Глазенапа.

Что̀ касается предложенiя устройства глино-соломенныхъ крышъ, то оно въ иныхъ мѣстахъ было бы встрѣчено съ большимъ неудовольствiемъ. Во многихъ мѣстахъ Россiи кроются не только такъ называемые навѣсы и сараи, но весь дворъ, и это не прихоть, не невѣжество, а положительная необходимость обусловленная климатомъ и хозяйственными потребностями. Желательно бы знать, во что̀ обойдется въ этомъ случаѣ „глино-соломенная" крыша, болѣе тяжелая, а слѣдовательно требующая хорошихъ стропилъ. Нужно замѣтить что у насъ можно встрѣтить два начертанiя крышъ: двухскатную крышу съ конькомъ и четырехскатную въ видѣ пирамиды. Это послѣднее начертанiе наиболѣе употребляется бѣднымъ людомъ и возводится надъ одинокимъ, а не надъ двойнымъ срубомъ. На стропила и обрѣшетину идутъ въ этомъ случаѣ просто жерди, которыя не могутъ выдержать тяжести глино-соломенныхъ крышъ.

Намъ кажется поэтому что лучше не устанавливать какихъ бы то ни было нор-

мальныхъ чертежей и „типовъ,“ а просто принять мѣры къ удешевленію и улучшенію построекъ. Нѣтъ причины чтобы строительныя общества съ солидными капиталами не могли образоваться и у насъ. Общества располагая знающими мастерами могли бы возводить постройки сообразно съ мѣстными условіями и потребностями, но правильно въ архитектурномъ отношеніи. Печи, а главное трубы устраивались бы надлежащимъ образомъ, чтò въ значительной мѣрѣ сократило бы число пожаровъ безъ излишней регламентаціи.

№ 196.

Москва, 31-го Іюля.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано официальное извѣщеніе о томъ что русское гражданское управленіе Восточной Румеліи окончило возложенную на него задачу еще ранѣе того срока который былъ положенъ Берлинскимъ трактатомъ для очищенія русскими войсками занятыхъ ими территорій, и что благодаря этому обстоятельству новая администрація этой провинціи, созданная органическимъ статутомъ, могла открыть свои дѣйствія подъ охраной русскаго знамени. Фактъ этотъ есть неопровержимое свидѣтельство того что именно только благодаря стараніямъ самой Россіи и могли быть приведены въ исполненіе тѣ части Берлинскаго трактата которыя прославлялись какъ торжество надъ русскою политикой и какъ необходимыя для интересовъ намъ враждебныхъ. Насколько эти планы совмѣстны съ прочнымъ умиротвореніемъ, это уже и теперь становится предметомъ многихъ сомнѣній. Но если будущее отъ насъ сокрыто, то приложенное къ правительственному сообщенію извлеченіе изъ отчетной записки бывшаго генералъ-губернатора Восточной Румеліи (воспроизведенное въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты) достаточно показываетъ съ какими едва преодолимыми трудностями пришлось бороться нашимъ властямъ во исполненіе возложеннаго на нихъ долга. Записка эта даетъ нѣкоторый просвѣтъ и на то съ какими надеждами оставила русская власть провинцію которая была ввѣрена ея попеченію.

Многое въ этой обстоятельной и откровенной запискѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе, но мы ограничимся лишь немногими указаніями. Легко, напримѣръ, представить себѣ затруднительное положеніе русскихъ властей когда, въ теченіе восьми мѣсяцевъ со времени подписанія прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго мира по день прибытія въ Восточную Румелію европейской коммиссіи, южные Болгары не сознавали того глубокаго измѣненія въ ихъ положеніи которое являлось послѣдствіемъ Берлинскаго трактата, когда они „не хотѣли вѣрить“ въ этотъ трактатъ и оставались въ твердомъ убѣжденіи что „онъ останется мертвою буквой, и что въ концѣ концовъ совершится миръ Санъ Стефанскій.“ Записка откровенно излагаетъ, ничего не умаляя и не скрывая, волненія и агитаціи разныхъ партій въ Южной Болгаріи, протесты какіе готовились противъ рѣшенія ея участи и усилія какія дѣлались нашими властями чтобъ успокоить волненіе умовъ. Приходилось разъяснять Болгарамъ что управленіе данное Восточной Румеліи Берлинскимъ трактатомъ клонится де не къ обращенію края вновь въ турецкій вилаетъ, а „къ созданію изъ него особой автономной провинціи съ серіознымъ обезпеченіемъ правъ и преимуществъ всѣхъ гражданъ.“ И если эта задача могла быть исполнена, то, какъ сказано въ запискѣ, лишь при двухъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: „вопервыхъ, благодаря обаянію русскаго имени и тому уваженію, покорности и любви которыя сумѣлъ стяжать себѣ Императорскій коммиссаръ, и вовторыхъ, благодаря созданному имъ надежному, хорошо дисциплинованному и преданному Россіи земскому войску, которымъ администрація смѣло могла пользоваться какъ твердымъ оплотомъ мира и спокойствія.“

Но какъ не велико было обаяніе русскаго имени, одними убѣжденіями нельзя было заставить освобожденный народъ разстаться съ дарованною и уже испытанною имъ независимостью. Если этого не хотѣли понять въ Европѣ, то наше управленіе въ Южной Болгаріи видѣло необходимость охранить болгарскіе интересы, „при нарушеніи коихъ край, послѣ отхода нашихъ войскъ, неминуемо сталъ бы жертвой значительныхъ кровавыхъ безпорядковъ,“ и потому старалось раскрывать глаза европейской коммиссіи „на дѣйствительное положеніе вещей и направленіе умовъ въ краѣ“ и „направлять косвеннымъ пу-

темъ ея работы“ въ такомъ смыслѣ чтобы болгарскому большинству была дана возможность гласно выражать свои стремленія и желанія.

Интересно разказывается въ запискѣ объ отношеніяхъ въ какихъ находилась наша администрація къ европейской коммиссіи. Эта коммиссія „пріѣхала въ Филиппополь съ предвзятыми мыслями какъ относительно направленія дѣятельности русской администраціи, такъ и относительно направленія умовъ въ краѣ.“ Русскую власть коммиссія хотѣла было подчинить себѣ, контролировать ея дѣйствія и направлять ихъ по своему, при убѣжденіи что Болгарамъ вовсе де не непріятны турецкіе порядки, и что стоило де лишь подорвать вліяніе Россіи „чтобы побудить Румеліотовъ спокойно вернуться подъ столь недавно снятое съ нихъ иго.“ При такихъ отношеніяхъ, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго что „восьмимѣсячное совмѣстное пребываніе въ Филиппополѣ европейской коммиссіи и русской администраціи обозначилось неоднократными столкновеніями ихъ по разнымъ вопросамъ, касавшимся какъ настоящаго такъ и будущаго положенія края.“ Русская власть, въ лицѣ какъ главнокомандующаго арміей такъ и Императорскаго коммиссара, конечно отстояла свою самостоятельность, вслѣдствіе чего, какъ значится въ запискѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени роли измѣнились, и коммиссія, сама нуждаясь въ русской охранѣ, стала прислушиваться къ совѣтамъ даваемымъ ей русскою властью, а далѣе „коммиссары пришли къ заключенію что для нихъ наилучшее—это воспользоваться опытностію и совѣтами этой власти, для достиженія желаемаго всѣми мирнаго образованія изъ Восточной Румеліи автономной провинціи, по началамъ самоуправленія.“

Характеристично также что по поводу единственнаго случая безпорядковъ вызванныхъ появленіемъ европейской коммиссіи, а именно въ Сливнѣ въ минувшемъ мартѣ при ревизіи кассы директоромъ финансовъ Шмидтомъ, — въ запискѣ русскаго генералъ-губернаторства Восточной Румеліи высказано убѣжденіе что „подстрекателями этихъ волненій являлись лица хотѣвшія доказать Европѣ что лишь введеніемъ турецкихъ войскъ можетъ быть обезпечено спокойствіе въ странѣ по выступленіи русской оккупаціонной арміи.“

Не мѣшаетъ еще отмѣтить оригинальный проектъ коимъ европейская коммиссія „возымѣла стремленіе оказать пособіе жителямъ Румеліи“ посредствомъ займа, и которому воспротивилась русская администрація. Вѣроятнѣе всего, этимъ способомъ коммиссія, при посредствѣ подвѣдомаго ей финансоваго управленія провинціи, имѣла просто въ виду заручиться крупною суммой которою могла бы распоряжаться не на нужды края, а по своему усмотрѣнію, напримѣръ для водворенія баши-бузуковъ, между тѣмъ какъ на провинціи лежитъ долгъ Русскому правительству за содержаніе оккупаціоннаго корпуса.

Русская администрація иначе озаботилась пособіемъ нуждающимся жителямъ. Вопервыхъ, для обезпеченія продовольствія и обсѣмененія полей былъ воспрещенъ временно вывозъ изъ страны хлѣба какъ зерномъ, такъ и мукой. Помимо того, еще въ октябрѣ 1878 года, распоряженіемъ Императорскаго коммиссара было ассигновано 160.000 фр. на пособіе „бѣженцамъ“ и 200.000 фр. на пособіе жителямъ наиболѣе пострадавшихъ городовъ: Эски-Загры, Ени-Загры, Карлова, Калофера и Сопота; жителямъ Эски-Загрскаго и Ени-Загрскаго округа было выдано, кромѣ того, Императорскимъ коммиссаромъ заимообразно 35.000 руб. звонкою монетой; жителямъ Хаскіойскаго округа было выдано заимообразно на покупку скота 5.000 руб.; на пособіе наиболѣе нуждающимся жителямъ Сливенской губерніи было отпущено по распоряженію сливенскаго губернатора 20.000 франковъ. Щедрое пособіе получали отъ русскихъ властей и турецкіе эмигранты, тысячамъ коихъ выдавалось ежедневное пропитаніе изъ интендантскихъ складовъ.

Кромѣ этой первой насущной потребности, русская администрація, понятнымъ образомъ, обременена была множествомъ заботъ повседневнаго управленія, улучшеніемъ суда, народнымъ образованіемъ, общественными работами, созданіемъ милиціи и жандармеріи. Обо всемъ этомъ болѣе или менѣе подробно сказано въ отчетной запискѣ русскаго генералъ-губернаторства. Между прочимъ, въ ней говорится и объ организованныхъ русскими властями сельскихъ караулахъ и гимнастическихъ дружествахъ, о коихъ было такъ много шума въ иностранныхъ корреспонденціяхъ какъ о нѣкоей тайной организаціи для сопротивленія исполненію Берлинскаго трак-

тата. Въ сущности же это была простая необходимая мѣра для огражденія жителей отъ прежнихъ своеволій и неистовствъ, и „уже въ Родопѣ были примѣры нападеній баши-бузуковъ на мирныя селенія, блестяще отраженныхъ сельскими караулами.“ Такой же характеръ имѣла организація милиціи и жандармеріи, которыя не могли внушать кому-либо безпокойства; по своей численности, онѣ не могли и думать о столкновеніи съ турецкою арміей: милиціи всего устроено 9 пѣшихъ дружинъ, по 1.000 человѣкъ, и 2 конныя сотни, по 150 человѣкъ въ каждой; жандармовъ на всю провинцію назначено 727. Ясно что эти силы должны были только охранять спокойствіе въ краѣ и обезпечивать мирныхъ жителей. Тѣмъ не менѣе, организація этой земской военной силы была одною изъ главнѣйшихъ заботъ нашей администраціи. О ней съ гордостью говорится въ запискѣ, и высказано мнѣніе что „во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось, Русскіе уходятъ оставляя Болгаръ вполнѣ способными оградить себя отъ всякихъ покушеній на ихъ жизнь и имущество.“

Не смотря на все это, записка свидѣтельствующая о безкорыстной дѣятельности русской администраціи, объ исполненіи предначертаній данныхъ ей правительствомъ, оставляетъ сомнѣнія относительно будущаго. Искусственная организація придуманная враждебною намъ дипломатіей и нынѣ испытываемая только благодаря невѣроятнымъ усиліямъ сдѣланнымъ самою Россіей стоитъ въ зависимости отъ слишкомъ многихъ условій, данныя для коихъ находятся на колеблющейся почвѣ явныхъ и скрытыхъ дипломатическихъ интригъ. Въ самой запискѣ сказано что „для окончательнаго успокоенія края необходимо дальнѣйшее попеченіе: 1) о поддержаніи милиціи, полиціи и жандармеріи въ должномъ порядкѣ, и 2) правильное разрѣшеніе вопроса объ эмиграціи.“ Но отчетная записка помѣчена 20-мъ іюня; съ тѣхъ поръ прошло немного болѣе мѣсяца, и сооруженная русскими администраторами земская стража доведена почти до полной дезорганизаціи ея новымъ начальникомъ генераломъ Виталисомъ; а подъ видомъ водворенія мусульманскихъ выходцевъ, какъ говорятъ, провинція постепенно наполняется переодѣтыми и вооруженными турецкими низамами. Въ отчетной запискѣ русскаго генералъ-губернаторства сказано что „начатое уже примѣненіе органическаго статута обѣщаетъ Восточной Румеліи блестящую будущность *если только* Порта исполнитъ данныя ею завѣренія не пользоваться своимъ правомъ посылки гарнизоновъ въ Балканы, и *если* примѣненіе статута будетъ поручено лицамъ стоящимъ на высотѣ возлагаемой на нихъ задачи.“ *Если* и *если!* Также и далѣе: „будущее страны зависитъ нынѣ всецѣло отъ вопроса о допущеніи или недопущеніи турецкихъ гарнизоновъ въ Балканы или о занятіи турецкими войсками вообще какого-либо пункта Восточной Румеліи. Если этого занятія не будетъ, то можно ручаться за поддержаніе мира и спокойствія въ странѣ.“ Но это именно и значитъ что будущность этой страны зависитъ отъ враговъ ея будущности. Мы знаемъ что въ Англіи ничего такъ страстно не желаютъ какъ видѣть появленіе турецкихъ войскъ въ Румеліи, и англійскій посолъ употребляетъ всѣ усилія чтобы добиться этой демонстраціи надъ ненавистными ему Болгарами. Допустимъ даже что Порта съ своей стороны расположена исполнить данныя ею завѣренія по крайней мѣрѣ въ эту минуту: но кто поручится за неизмѣнность порядка вещей въ самомъ Константинополѣ? Появленіе англійской эскадры въ Безикѣ вызываетъ зловѣщія воспоминанія. По крайней мѣрѣ, объясненію данному въ палатѣ англійскимъ морскимъ министромъ что командиру эскадры не было дано спеціальнаго приказа идти въ Безику, а онъ могъ де зайти туда просто при обычной крейсеровкѣ, никто не даетъ вѣры. Въ самомъ Лондонѣ убѣждены что флотъ отправился въ Безику чтобы быть поближе къ Дарданелламъ „на случай революціи въ Константинополѣ.“

№ 197.

Москва, 1-го августа.

Между тѣмъ какъ Россія, повинуясь наложеннымъ на нее въ Берлинѣ обязательствамъ, очистила къ 3 августа весь Балканскій полуостровъ, который еще годъ тому назадъ ея побѣдоносныя войска держали въ своихъ рукахъ, Австрія готовится, съ своей стороны, ступить еще одинъ шагъ по предначертанному ей чужою рукой пути и окончательно завладѣть добычей доставленною ей, по неисповѣдимому стеченію

дипломатическихъ судебъ, побѣдами русской арміи. Но эта держава ничего не дѣлаетъ просто; наступательное движеніе ея „за Митровицу" для занятія Новобазарскаго санджака есть дѣло рѣшеное; такъ утверждаютъ всѣ, да и мудрено было бы, кажется, не прибрать того что „плыветъ въ руки." Тѣмъ не менѣе это дѣло все еще запинается о какія-то не совсѣмъ разъясненныя затрудненія; австрійскія войска собираются очень медленно „въ походъ," точно имъ предстоитъ настоящая кампанія, и „Новая Австрія," какъ называютъ австрійскія пріобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ, все еще не округлила своихъ границъ. Тѣ немногочисленныя политическія сферы, кои однѣ блюдутъ въ Австріи идею и интересы государственнаго единства, должны много лавировать прежде чѣмъ удастся подготовить почву для столь простаго въ каждомъ другомъ государствѣ акта и искусно комбинировать для своихъ цѣлей многоразличные центробѣжные элементы которые стремятся врозь и такъ осложняютъ мудреную задачу Габсбургской имперіи.

Графъ Таафе, министръ внутреннихъ дѣлъ въ Цислейтаніи и будущій глава цислейтанскаго кабинета, взялъ на себя сформированіе новой „имперской партіи," менѣе строптивой нежели прежніе либералы-централисты и болѣе податливой на замыслы относительно „миссіи на Востокѣ" которые до сихъ поръ съ жаромъ преслѣдовала одна лишь военная партія, то-есть тѣсный сравнительно кружокъ лицъ находящихся въ ближайшемъ общеніи съ императорскимъ дворомъ. Графу Таафе удалось побороть нѣмецкихъ либераловъ на послѣднихъ выборахъ и привлечь на свою сторону крупныхъ землевладѣльцевъ большей части цислейтанскихъ земель. Сверхъ того, графъ Таафе повелъ переговоры съ Чехами дабы побудить ихъ ко вступленію въ рейхсратъ и, если вѣрить послѣднимъ изъ безконечнаго ряда противорѣчивыхъ извѣстій по этому предмету, Чехи обѣихъ фракцій окончательно склонились на сторону увѣщаній будущаго министра-президента и рѣшились, безъ особенныхъ гарантій, отступиться отъ своего „пассивнаго протеста" и принять участіе въ преніяхъ цислейтанскаго рейхсрата, причемъ впрочемъ еще остается открытымъ вопросомъ пристанутъ ли Чехи къ „имперской партіи" формируемой графомъ Таафе, или же они примкнутъ къ оппозиціи. Для характеристики будущаго кабинета графа Таафе слѣдуетъ еще прибавить что онъ повидимому разчитываетъ, какъ на надежныхъ союзниковъ, на польскихъ депутатовъ, коихъ будетъ въ новомъ рейхсратѣ значительно болѣе нежели въ прежнемъ, такъ какъ послѣдняя избирательная кампанія въ Галиціи, благодаря содѣйствію оказанному имъ подъ рукой агентами правительства, была особенно благопріятна для Поляковъ и крайне неудачна для галицкихъ Русскихъ. На графа Потоцкаго, состоящаго въ интимной дружбѣ съ графомъ Таафе и предназначеннаго занять мѣсто въ его будущемъ кабинетѣ, возложена, по словамъ вѣнскаго корреспондента одной берлинской газеты, задача умѣрять излишнюю заносчивость краковскихъ патріотовъ, дабы не усиливать „безъ нужды" натянутыхъ отношеній къ Россіи.

Этимъ способомъ шансы на болѣе успѣшное движеніе Австріи впередъ по пути къ Эгейскому морю считаются гораздо лучше обставленными нежели при прежнемъ рейхсратѣ, и по этому поводу заранѣе потираютъ руки... въ Берлинѣ. Тамошняя печать съ большимъ удовольствіемъ отмѣтила окончательный выходъ русскихъ войскъ изъ Балканскаго полуострова и на этотъ разъ не скрываетъ что и въ ея глазахъ соблюденіе Россіей установленнаго для того срока было „важнѣйшимъ пунктомъ Берлинскаго трактата." До самой послѣдней минуты, разсуждаютъ тѣ же газеты, можно было сомнѣваться въ томъ исполнитъ ли Россія свое обязательство и выпуститъ ли изъ рукъ драгоцѣнный залогъ. Но теперь можно де вздохнуть свободно. „Болгарія" и „Восточная Румелія," эти новыя созданія международнаго права, „свободны отъ матеріальнаго секвестра „Россіи. Между Россіей и Константинополемъ нынѣ клиномъ вдался новый государственный организмъ находящійся подъ „надзоромъ Европы. Разстояніе между Петербургомъ и Константинополемъ стало „значительно длиннѣе, и можно съ увѣренностью сказать что если въ будущемъ „сдѣланъ будетъ дальнѣйшій шагъ къ ликвидаціи турецкой конкурсной массы, то „кураторомъ этой массы будетъ не Россія."

Берлинская газета изъ которой мы выписали эти чрезвычайно характерныя строки съ обычною осторожностью не договариваетъ кому именно достанется попечи-

тельство надъ будущею массой турецкаго банкротства. Но дня два спустя та же газета привела выписку изъ одной брошюры на французскомъ языкѣ, появившейся недавно въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ *Два Пролива*, въ которой проводится параллель между Зундомъ и Дарданеллами. Выписки изъ этой брошюры какъ бы дополняютъ недосказанное.

Въ этой брошюрѣ доказывается что южные Славяне обязаны своимъ освобожденіемъ ни кому иному какъ Германіи, такъ какъ лишь благодаря ея доброжелательному нейтралитету Россія имѣла возможность предпринять свой походъ противъ Турціи. Подобно тому, разсуждаетъ авторъ брошюры, какъ зачатковъ германскаго единства и могущества слѣдуетъ искать въ битвѣ при Сольферино, побѣды при Садовой и Седанѣ положили основу тому что̀ нынѣ завершилось на Балканскомъ полуостровѣ, и еслибъ единству Германіи угрожала опасность, то южные Славяне имѣли бы слабые виды на осуществленіе своихъ національныхъ надеждъ. Между стремленіями государственныхъ людей въ Берлинѣ и Бѣлградѣ существуетъ де полная солидарность. Независимость южныхъ Славянъ настолько въ интересахъ Германіи какъ и независимость италіянская и скандинавская. Германія есть де центръ коего крылья простираются до обоихъ названныхъ проливовъ и далѣе оныхъ чрезъ Балканскій и Скандинавскій полуострова. Въ случаѣ опасности „съ востока", какъ центръ, такъ и оба крыла нуждаются де во взаимной поддержкѣ и помощи и должны оную другъ другу оказывать, какъ въ Остзейскомъ, такъ и въ Черномъ Морѣ. Въ случаѣ войны между Россіей и Германіей, которую шведскій публицистъ предвидитъ въ недалекомъ будущемъ, южные Славяне, по его мнѣнію, не могутъ не поднять оружія противъ Россіи въ защиту Германіи. Продолжая выводить свои бредни, авторъ брошюры предвидитъ „освобожденіе" Польши, Финляндіи и Остзейскаго края.

Берлинская газета, разумѣется, сопровождаетъ эти нелѣпости улыбкой и называетъ ихъ мечтаніями слишкомъ отдаленными. Но для насъ знаменательно уже то что серіозный органъ берлинской печати счелъ нужнымъ остановить вниманіе своихъ читателей на подобныхъ фантазіяхъ. Мало ли какіе куріозы появляются въ „богатой" литературѣ политическихъ памфлетовъ? Мало ли съ какою цѣлью подносятся публикѣ подобнаго рода измышленія? Но мы не привыкли къ тому чтобы передовые столбцы солидныхъ берлинскихъ газетъ посвящались нелѣпымъ бреднямъ.

№ 198.

Москва, 2-го августа.

Въ виду страшной тревоги вызванной въ Восточной Румеліи извѣстіемъ о рѣшеніяхъ берлинскаго конгресса, ея тогдашній русскій генералъ-губернаторъ принужденъ былъ объяснить ея населеніямъ что установленный конгрессомъ порядокъ имѣетъ цѣлію не возвращеніе ея подъ турецкое иго, а „созданіе изъ нея особой автономной провинціи съ *серіознымъ обезпеченіемъ* правъ и преимуществъ всѣхъ гражданъ."

Этого объясненія было достаточно чтобы успокоить взволнованныхъ Болгаръ. Затѣмъ, вся задача русскаго управленія въ Восточной Румеліи должна была состоять въ томъ чтобъ оправдать на дѣлѣ это успокоительное объясненіе. Къ этому уполномочивали его торжественныя заявленія самого берлинскаго ареопага; этого требовало достоинство Россіи говорившей его устами.

Полагаясь на созданное русскою администраціей „надежное, дисциплинированное и преданное Россіи земское войско," отчетъ генералъ-губернатора съ гордостью замѣчаетъ что „во всякомъ случаѣ, что̀ бы ни случилось, Русскіе уходятъ оставляя Болгаръ *вполнѣ способными* оградить себя отъ всякихъ покушеній на ихъ жизнь и имущество."

Если сначала главнымъ препятствіемъ встрѣченнымъ русскою администраціей при исполненіи ея задачи, была уполномоченная Берлинскимъ конгрессомъ международная коммиссія прибывшая на мѣсто съ предубѣжденіемъ что сто́итъ лишь подорвать вліяніе Россіи „чтобы побудить Руміотовъ спокойно вернуться подъ столь недавно снятое съ нихъ иго," то современемъ, по мнѣнію отчета, „коммиссары пришли къ заключенію что для нихъ всего лучше было воспользоваться опытностью и совѣтами русской власти, для достиженія *желаемаго всѣми* мирнаго образованія

изъ Восточной Румеліи *автономной* провинціи...

Итакъ повидимому было сдѣлано все чтобы согласно желаніямъ *заявленнымъ* на Берлинскомъ конгрессѣ *серіозно* обезпечить болгарскіе интересы, „при нарушеніи коихъ край," говоря словами приведеннаго отчета, „послѣ отхода нашихъ войскъ, неминуемо сталъ бы жертвой значительныхъ кровавыхъ безпорядковъ."

Первою, самою надежною гарантіей выставлялась болгарская милиція; что же касается избраннаго международною коммиссіей начальника ея генерала Виталиса, то хотя его назначеніе и не было встрѣчено сочувственно ни Болгарами, ни Русскими, но могло ли всякое предубѣжденіе не исчезнуть предъ словами коими онъ извѣстилъ о своемъ назначеніи юное болгарское войско, предупреждая его что девизъ его впредь долженъ быть „честь и отечество?" „Вступая въ исполненіе возложенныхъ на меня обязанностей," гласитъ его первый по милиціи приказъ, „я не сомнѣваюсь что мы *всѣ будемъ идти рука объ руку*, и для исполненія *нашего* дѣла вы встрѣтите во мнѣ *друга* готоваго *всегда защищать ваши интересы*. Съ сего дня, для разрѣшенія тѣхъ или другихъ военныхъ вопросовъ, *обращайтесь ко мнѣ*, и вы убѣдитесь что *главнѣйшая моя цѣль* состоитъ въ этихъ немногихъ словахъ: *честь и отечество*..."

Но вотъ русскія войска ушли изъ *обезпеченной* Румеліи, и быстро мѣняются декораціи. Помѣщенныя въ №№ 192 и 193 нашей газеты письма изъ Филиппополя въ яркихъ чертахъ живописуютъ рядъ выходокъ разнузданнаго Левантинца съ французскимъ жаргономъ о чести: единственная цѣль его растоптать болгарское національное чувство и не только вызвать призракъ небывалаго бунта во ввѣренномъ ему войскѣ, но и доказать что „бунтъ" возбужденъ интригами русскихъ офицеровъ. Все это необходимо генералу Виталису чтобы достигнуть первой предписанной ему цѣли: подать поводъ къ превращенію *болгарской* милиціи въ *чисто-турецкую*. „Восточно-Румелійское правительство," сообщаетъ вѣнская *Политическая Корреспонденція*, „постановило *очистить* милицію отъ національнаго болгарскаго элемента и пополнять ее впредь мусульманами, и на офицерскія должности милиціи и жандармеріи назначаются Греки и мусульмане." Но Виталисъ уже не скрываетъ отъ болгаръ что этимъ не ограничатся послѣдствія *выдуманнаго имъ* „бунта". „Вы увидите какъ улетучится вдругъ изъ вашихъ рукъ," вопилъ онъ на дняхъ предъ недоумѣвающей болгарскою милиціей, „и *та незначительная свобода* которою васъ одарила Европа! Знайте что на границахъ Восточной Румеліи стоитъ на стражѣ 80.000 турецкаго войска; его назначеніе — образумить васъ! Не обманывайтесь, крѣпкоголовые сумасброды, не думайте что опять придетъ русское войско освободить и защитить васъ. Нѣтъ! Не бывать болѣе этому! Вы же сами ничего не сумѣете сдѣлать съ вашими порчеными ружьями бьющими на 300 шаговъ когда турецкія бьютъ на 1.800. Ваши 4 пушки ни къ чему не годны." „Ваши *Московы* уже уѣхали восвояси," по словамъ нашего корреспондента повсюду вторятъ Виталису мусульмане, „*теперь пора намъ разчитаться*..."

И вотъ эти 80.000 турецкаго войска оказываются собранными уже въ то время когда и самъ Виталисъ еще не заговаривалъ о выдуманномъ имъ бунтѣ. Чего они ждали, это угадать не трудно: они ждали лишь выступленія Русскихъ, ибо тогда, съ такимъ agent provocateur какъ этотъ Виталисъ, дѣло конечно не можетъ стать за изобрѣтеніемъ предлога ко вмѣшательству. Все это ясно теперь: надо *образумить* Болгаръ, надо выбить изъ нихъ всякую надежду, а для мусульманъ настала пора *разчитаться* съ ними, и какимъ образомъ понимаютъ Турки этого рода „разчеты," это достаточно выяснили они предъ цѣлою Европой.

Но князь Богороди, вопреки *неловкости* одного выраженія въ своемъ первомъ воззваніи, казавшійся энергическимъ защитникомъ правъ болгарской національности?

Увы! И князь Богороди также, съ выступленіемъ русскихъ войскъ, становится вдругъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ мгновенно превратился въ креатура англійскаго коммиссара Митчеля и австрійскаго Каллая. Не безъ его же согласія „Восточно-Румелійское *правительство*," какъ извѣщала *Политическая Корреспонденція*, постановило превращеніе болгарской милиціи въ турецкую. Какъ французскій полковникъ Виталисъ вдругъ очутился просто Левантинцемъ, агентомъ тайной полиціи Турціи, такъ и Болгаринъ по происхож-

денію, князь Богороди, сталъ просто прежнимъ Фанаріотомъ Алеко пашой...

Еще немного, и о берлинскихъ „гарантіяхъ“ не будетъ и помину. Восточная Румелія превратится въ такой же турецкій санджакъ какъ и Адріанопольскій, съ тою разницей развѣ что въ Восточной Румеліи мусульманамъ предстоитъ еще *образумить* ее и *разчитаться* съ нею...

А между тѣмъ въ Лондонѣ, бывшій первый коммиссаръ Англіи сэръ-Друммондъ Вольфъ, столь громко заявлявшій *при Русскихъ* будто всѣ сочувствія его на сторонѣ Болгаръ, всевозможными клеветами на нихъ уже подготовляетъ теперь общественное мнѣніе Англіи къ оправданію предстоящихъ „разчетовъ“ мусульманъ съ Болгарами Восточной Румеліи. Теперь оказывается что ничего иного не доносилъ онъ своему правительству и въ то самое время когда онъ такъ усердно увѣрялъ и Русскихъ и Болгаръ что онъ „вполнѣ убѣдился въ правотѣ дѣла послѣднихъ!“ Устраненіемъ всякаго повода къ продленію занятія русскими войсками Восточной Румеліи старались ускорить уходъ ихъ чтобы затѣмъ разомъ вычеркнуть всѣ призрачныя гарантіи“ въ видѣ „fiche de consolation для Россіи исходатайствованныя „честнымъ маклеромъ“ на Берлинскомъ конгрессѣ въ пользу Восточной Румеліи...

Очень вѣроятно что эта систематическая отмѣна всѣхъ „благодѣяній“ Берлинскаго конгресса руками самихъ же уполномоченныхъ имъ коммиссаровъ не ограничится Восточною Румеліей. За нею на очереди будетъ и сосѣднее Болгарское княжество. Нашъ филиппопольскій корреспондентъ указываетъ на собираемые уже теперь съ этою цѣлію горючіе матеріалы въ тѣхъ округахъ Болгаріи гдѣ живетъ густое турецкое населеніе. Возвращающіеся массами въ Болгарію турецкіе „муаджиры (выселенцы),“ не скрываютъ что пособіе выдано имъ англійскими „благодѣтелями“ и что имъ данъ лозунгъ „быть наготовѣ·“ А въ чемъ состоитъ пособіе? Они не имѣютъ чѣмъ прикрыться; они нищенствуютъ и кое-какъ пробиваются подаяніемъ; но они *снабжены полнымъ и отличнымъ вооруженіемъ*...

Турецкія шайки то и дѣло врываются въ предѣлы Княжества, и князь Александръ уже вынужденъ объявить осадное положеніе въ его пограничныхъ губерніяхъ.

На дняхъ, органъ лондонскаго города, *Times* воздавалъ хвалу князю Бисмарку за то что этотъ „честный маклеръ,“ при всякомъ спорѣ на берлинскомъ конгрессѣ между Россіей и западными державами, становился на сторону Запада, т.-е. Англіи. Противъ этого рѣзко протестуетъ органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*. „Спорные вопросы между Россіей и западными державами на конгрессѣ,“ объясняетъ эта газета, „касались Батума, Добруджи, военныхъ издержекъ, Софіи и вообще болгарской границы. По всѣмъ этимъ пунктамъ Германія склоняла вѣсы въ пользу Россіи, и вообще Россіей не дѣлалось никакого предложенія на конгрессѣ котораго бы не поддерживала Германія.“ Выходитъ, по свидѣтельству газеты германскаго канцлера, будто ни о возвращеніи Туркамъ двухъ частей освобожденной Болгаріи, ни о правѣ назначенія султаномъ офицеровъ въ восточно-румелійскую милицію, ни даже по вопросу о Балканскихъ проходахъ, на Берлинскомъ конгрессѣ, со стороны представителей Россіи, не было возбуждено серіознаго спора въ которомъ Германія могла бы поддержать ихъ? „Быть болѣе Русскою чѣмъ сама Россія не было задачей германской политики,“ иронически заключаетъ берлинская газета, оправдывая своего патрона предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

№ 199.

Москва, 3-го августа.

А.

Съ наступленіемъ годовщины Берлинскаго трактата, когда наступилъ срокъ исполненія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ частей его, всѣмъ участникамъ его пришлось бросить взглядъ на содѣянное ими чтобъ оцѣнить результаты. Нашимъ правительствомъ было обнародовано краткое извѣщеніе о томъ что касающаяся его часть обязательствъ строго исполнена въ положенный срокъ. Прежде и послѣ того были сдѣланы въ различной формѣ заявленія останавливающія на себѣ вниманіе и другими членами принимавшими участіе въ пресловутомъ ареопагѣ. Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, предъ за-

крытіемъ сессіи, въ засѣданіи палаты депутатовъ 31 іюля, при обсужденіи бюджета иностранныхъ дѣлъ, была произнесена рѣчь, въ коей онъ изложилъ объясненія иностранной политики страны. Затѣмъ англійскимъ министрамъ, на обычномъ банкетѣ даваемомъ въ ихъ честь лондонскимъ лордъ-меромъ, неизбѣжно было коснуться предмета который за годъ предъ тѣмъ далъ поводъ къ шумнымъ оваціямъ въ ихъ пользу. Наконецъ, въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, извѣстномъ органѣ германскаго канцлера, появилась замѣчательная статья переданная намъ по телеграфу, въ которой, подъ видомъ полемики съ газетой *Times*, дается объясненіе того маклерства которое годъ тому назадъ было слажено въ Берлинѣ. Только одна Австрія не присоединила еще своего голоса къ общему ретроспективному обзору, молча дѣлая свое дѣло. Интересно взглянуть съ какими чувствами оглядываются участники берлинскаго соглашенія на дѣло рукъ своихъ.

Нашей странѣ выпала на долю самая трудная часть по исполненію, и о томъ съ какими сомнѣніями, съ какою неувѣренностью за будущее пришлось русскимъ властямъ оставить поле ихъ трудовъ, мы уже говорили на дняхъ, и не станемъ возвращаться къ этому. Но болѣе ли довольны другіе, и прежде всего наши противники? Они должны имѣть всѣ поводы быть вполнѣ довольными, но можно думать что и они едва ли свободны отъ сомнѣній. По крайней мѣрѣ въ рѣчи лорда Биконсфильда звучали совсѣмъ не тѣ ноты какихъ можно было ожидать при этомъ случаѣ отъ его краснобайства. Ему нельзя было обойти вовсе молчаніемъ результаты Берлинскаго трактата, которымъ онъ такъ хвастался прошлымъ годомъ на такомъ же банкетѣ и за который получилъ орденъ Подвязки. Но онъ былъ необычно кратокъ. „Насъ упрекали, сказалъ онъ, что мы заключили, трактатъ совершенно непрактичный, а этотъ непрактичный трактатъ вполнѣ приведенъ въ исполненіе.“ Исполненіе, впрочемъ, британскій премьеръ понимаетъ по своему, и онъ указалъ на него лишь въ слѣдующемъ: „Въ настоящую минуту, несмотря на предсказанія противнаго, нѣтъ болѣе, я полагаю, ни одного русскаго солдата во владѣніяхъ султана.“ Съ своей точки зрѣнія лордъ Биконсфильдъ пожалуй и правъ, когда вся цѣль его политики заключалась въ томъ чтобы добиться скорѣйшаго ухода Русскихъ и помѣшать имъ устроить прочный порядокъ въ освобожденномъ ими краѣ. Но всѣ знаютъ что содержаніе Берлинскаго трактата заключалось не въ одномъ этомъ, что въ немъ были и другіе пункты. О нихъ лордъ Биконсфильдъ счелъ болѣе удобнымъ сохранить молчаніе. Лишь для приличія прибавилъ онъ только слѣдующія слова: „Приходится иногда слышать что другой воюющій не былъ такъ вѣренъ въ исполненіи своихъ обязательствъ, и что имъ не осуществлена еще обѣщанная реформа неурядицы *(maladministration)* своихъ провинцій. Но справедливо припомнить что лишь немного дней протекло съ тѣхъ поръ какъ его владѣнія освобождены отъ присутствія иноземцевъ.“ Однако еще справедливѣе было бы припомнить то что провинціи гдѣ Портой обѣщано было произвести реформы вовсе не были заняты иноземными войсками. Русская окупація недавно кончившаяся, ограничивалась провинціями коимъ дано было спеціальное устройство самимъ трактатомъ; Порта же обязалась ввести и въ другихъ провинціяхъ, сообразуясь съ мѣстными потребностями, учрежденія по образцу Восточной Румеліи, и, какъ извѣстно, до сихъ поръ даже и намека не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ, а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ относительно Арменіи, эти обязательства не только явственно занесены въ трактатъ, но и поставлены подъ наблюденіе державъ.

Впрочемъ, къ чему останавливаться на затрудненіяхъ Порты въ приступѣ къ реформамъ, когда остается безо всякаго движенія постановленіе Берлинскаго трактата которое не требуетъ никакихъ затратъ, а просто немного доброй воли,—разрѣшеніе вопроса объ исправленіи греческой границы. Но ни самъ лордъ Биконсфильдъ на банкетѣ, ни одна изъ англійскихъ газетъ по поводу его рѣчи, ни слова не проронили объ этомъ вопросѣ, а также и о другомъ, который хотя и не былъ предметомъ совѣщаній конгресса, но несомнѣнно былъ въ связи съ послѣдними событіями, именно о недавнихъ перемѣнахъ въ Египтѣ и переговорахъ ими вызванныхъ. Между тѣмъ, всего за недѣлю предъ тѣмъ, весьма пространная рѣчь французскаго министра была почти исключительно посвящена этимъ двумъ вопро-

самъ. По греческому вопросу, изъ рѣчи г. Ваддингтона было видно что Франція ни на минуту не оставляла принятой ею инипіативы по этому дѣлу, которая, несмотря на всѣ проволочки Порты, привела къ тождественной нотѣ державъ съ требованіемъ о назначеніи турецкихъ уполномоченныхъ. Еще подробнѣе говорилъ онъ объ египетскихъ дѣлахъ, высказавъ притомъ что Франціи „необходимо имѣть не только финансовое, но и политическое вліяніе на Египетъ.“ Рѣчь эта произвела въ то время крайне непріятное впечатлѣніе въ Англіи, и газета *Times*, со вздохомъ вспоминая о блаженной памяти времени когда лордъ Пальмерстонъ безо всякой церемоніи осаживалъ порывы Тьера относительно Египта, въ сотый разъ повторяла: „наше положеніе въ Египтѣ очевидно стало хуже, и наше вліяніе уменьшилось если сравнить наши отношенія къ Измаилъ-пашѣ годъ или два тому назадъ. Хедивъ можетъ-быть былъ неспособный правитель; его финансы были конечно въ плачевномъ положеніи; но, повторяемъ, поскольку дѣло касалось нашихъ политическихъ интересовъ, настоящихъ или будущихъ, намъ не было никакого повода жаловаться.“ Англіи поневолѣ пришлось слѣдовать за Франціей, и сознаніе этой стѣснительной связи вырвало у лондонскаго публициста, по поводу рѣчи г. Ваддингтона, слѣдующее признаніе: „Были сильнѣйшія причины для сохраненія того международнаго соглашенія которое называлось англо-французскимъ союзомъ; но даже и за эту великую выгоду можно заплатить слишкомъ дорого, и въ Египтѣ, какъ мы опасаемся, мы слишкомъ дорого заплатили.“

Итакъ, умолчанія лорда Биконсфильда какъ о греческомъ затрудненіи, такъ и объ египетскихъ дѣлахъ, не лишены значенія. Мы едва ли ошибаемся видя въ этомъ признакъ что Англія далеко не безусловно довольна настоящимъ дѣлоположеніемъ.

Впрочемъ, и рѣчь г. Ваддингтона, несмотря на ея пространность, не высказываетъ опредѣленныхъ имѣющихся въ виду рѣшеній какъ греческаго, такъ и египетскаго вопросовъ, а ограничивается только надеждами.

Откровеннѣе всѣхъ, по обыкновенію, заявленіе органа князя Бисмарка, вызванное самодовольнымъ замѣчаніемъ *Times*, о томъ что де князь Бисмаркъ, въ спорѣ возникшемъ между Россіей и западными державами, склонилъ вѣсы въ пользу Запада, и предсказаніемъ что и впредь будетъ такъ. Относительно прошедшаго *Сѣверогерманская Газета* рѣшительно отрицаетъ такое толкованіе. Напротивъ, по ея увѣренію, на конгрессѣ не было ни одного предложенія Россіи которое не было бы поддержано Германіей, и по всѣмъ пунктамъ за которые ратовала Россія, Германія склоняла де вѣсы въ ея пользу и отстояла ихъ, вовсе не разчитывая на признательность съ ея стороны, а единственственно руководясь намѣреніями императора въ виду дружбы соединяющей обоихъ монарховъ. Толковать иначе, по словамъ берлинской газеты, значитъ или не знать дѣла, или умышленно сѣять раздоръ между обѣими странами. „Но, прибавляетъ она, быть болѣе русскою чѣмъ сама Россія не было задачей германской политики.“

Урокъ и намекъ, которые не худо принять къ свѣдѣнію. Берлинскимъ трактатомъ никто, какъ видно, не особенно доволенъ, потому что онъ былъ не рѣшеніемъ, а только отсрочкой. Послѣ него отнюдь не чувствуется того успокоенія которое обыкновенно слѣдуетъ за трактатами выражающими результаты войнъ, каковы бы ни были ихъ выгоды или невыгоды для той или другой стороны. Послѣ Парижскаго трактата 1856, послѣ Версальскаго мира 1871 наступилъ отдыхъ. Берлинскій трактатъ не даетъ отдыха потому что все оставилъ *en suspens*, а потому теперь слѣдуетъ особенно озаботиться установленіемъ полезныхъ международныхъ отношеній.

Б.

Возвращаемся къ вопросу о пожарахъ въ селеніяхъ и мѣрахъ противъ нихъ. Въ № 195 *Московскихъ Вѣдомостей* мы высказали предположеніе что пожары эти происходятъ не столько отъ неосторожности въ обращеніи съ огнемъ сколько отъ дурнаго возведенія построекъ и особенно печей и трубъ; что поэтому, не устанавливая какихъ бы то ни было нормальныхъ чертежей и типовъ, необходимо принять мѣры къ удешевленію и улучшенію построекъ, чему могло бы, по нашему мнѣнію, много содѣйствовать образованіе строительныхъ обществъ съ солидными капиталами, располагающихъ знающими мастерами.

Какъ велика потребность въ такихъ обществахъ можно видѣть на примѣрѣ Оренбурга, гдѣ несмотря на выдачу страховыми обществами болѣе двухъ милліоновъ рублей за сгорѣвшія зданія, несмотря на пособія отъ *Краснаю Креста*, какъ сказано въ отчетѣ уполномоченнаго П. В. Жуковскаго, „недостатокъ матеріаловъ и рабочихъ для строительнаго дѣла замедляетъ ходъ „работъ". Г. Жуковскій въ виду этого вынужденъ былъ выписать изъ Самары рабочую артель изъ 50 человѣкъ, а губернаторъ ходатайствовать чтобы кирпичъ заготовленный на постройку семинаріи былъ уступленъ нуждающимся въ строительномъ матеріалѣ погорѣльцамъ.

Если работы почти на два съ половиной милліона рублей не могутъ привлечь необходимаго числа рабочихъ рукъ, то можно полагать что достать гдѣ-нибудь въ селеніи знающаго печника и сколько-нибудь годный матеріалъ почти невозможно. Вотъ почему, какъ сказано въ одномъ изъ полученныхъ нами по поводу упомянутой статьи письмѣ, „крестьяне изъ экономіи „употребляютъ полуобожженный кирпичъ, „который зимой отъ сырости крошится и „трубы даютъ трещины," а это обусловливаетъ пожаръ даже независимо отъ того что крестьяне „не дѣлаютъ основаній для трубы" и плохо „утверждаютъ ее выше потолка".

Для устраненія этого необходимъ, конечно, надзоръ, но въ такой же мѣрѣ и предоставленіе матеріальной возможности возводить постройки какъ слѣдуетъ, безъ чего могутъ только повторяться случаи въ родѣ бывшаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, гдѣ послѣ опустошительнаго пожара исправникъ вовсе запретилъ соломенныя крыши, вслѣдствіе чего бѣдные мѣщане „не одну зиму" оставались вовсе безъ крышъ.

Лицо сообщившее намъ этотъ фактъ указываетъ, между прочимъ, на одинъ недостатокъ предлагаемыхъ теперь г. Куроѣдовымъ, хотя и давно извѣстныхъ, построекъ изъ саманнаго кирпича, недостатокъ при коемъ прочное возведеніе ихъ безъ каменьщиковъ было бы дѣломъ сомнительнымъ. „Низъ стѣнъ такихъ построекъ *ото*„*прѣваетъ* отъ сырости и обсыпается, а „сырость эта неизбѣжна гдѣ крестьяне вы„нуждены держать при себѣ въ избѣ зяб„кій скотъ", для котораго въ противномъ случаѣ пришлось бы строить особыя помѣщенія. Г. Куроѣдовъ, признавая что отъ дѣйствія сырости земляной кирпичъ „медленно разрушается", будто бы даже медленнѣе обыкновеннаго, все-таки совѣтуетъ „стѣны построекъ болѣе долговѣчныхъ „располагать на плитномъ фундаментѣ, вы„сотой около 8 вершковъ", даже при сухомъ и твердомъ грунтѣ, а при болѣе плохомъ „увеличивать высоту фундамента до „одного аршина или аршина съ четвертью," что безо всякаго сомнѣнія довело бы постройку до весьма значительной и едва ли доступной теперь большинству крестьянъ цѣнности.

Наконецъ, вотъ еще недостатокъ саманныхъ построекъ который, вмѣстѣ съ другими, задерживаетъ ихъ распространеніе: это то что онѣ „требуютъ много времени „для просушки, и чтобы зимовать въ та„кой избѣ надо возвести ее весной," разумѣется руками опять-таки опытнаго мастера.

Но изъ какого бы матеріала постройка ни возводилась, безъ правильнаго устройства печей и трубъ возможность пожаровъ, а съ ними и потеря имущества не устранимы: горятъ и каменные дома, лопаются отъ огня и дѣлаются негодными даже отлично сложенныя кирпичныя стѣны. Вотъ почему на это обстоятельство необходимо прежде всего обратить серіозное вниманіе.

Когда сельскіе пожары не будутъ начинаться съ крышъ, они станутъ менѣе губительны, особенно если будетъ обращено вниманіе на планировку селеній, на засажденіе деревьями узаконенныхъ пространствъ между избами, на улучшеніе и умноженіе пожарнаго инструмента. „Когда на крышѣ „загораются десятки возовъ сухой соломы, „распространяется на дальнее разстояніе „такой жаръ что трудно подступиться", и почти невозможно ничего сдѣлать съ тѣми слабыми средствами какія обыкновенно имѣются подъ руками.

Такимъ образомъ, главнѣйшею мѣрой противъ опустошительныхъ пожаровъ должно быть предоставленіе крестьянину матеріальныхъ выгодъ болѣе правильнаго возведенія постройки, выгодъ ему ощутительныхъ. У насъ существуетъ земское страхованіе сельскихъ построекъ. Принимая избу на страхъ, очень можно размѣръ страховой преміи поставить въ зависимость отъ устройства печей, трубъ и крышъ. Чѣмъ онѣ лучше тѣмъ премія должна быть меньше. Каждому агенту страховаго отъ огня

общества извѣстно что при пріемѣ на страхъ строеній и имущества необходимо брать во вниманіе самый характеръ постройки, взвѣшивая вѣроятность пожара въ страхуемомъ зданіи. Принимается во вниманіе даже степень удобства тушенія пожара, что точно также можетъ быть принимаемо въ разчетъ земствомъ при страхованіи, и это можетъ быть сильнѣе чѣмъ что-либо другое побудило бы крестьянъ засаживать пролеты между избами деревьями ослабляющими, какъ извѣстно, силу пламени. Далѣе, также въ интересахъ страхованія, печи въ избахъ и трубы должны подвергаться ежегодному осмотру, и въ случаѣ надобности починкѣ. На эту починку можетъ-быть даже выгодно выдавать въ случаѣ нужды пособіе, такъ какъ страховой капиталъ земства несомнѣнно выгадываетъ съ уменьшеніемъ вѣроятности пожара.

Не менѣе важно предоставить крестьянину возможность пользоваться при стройкѣ матеріаломъ болѣе пригоднымъ нежели полуобожженный кирпичъ и услугами порядочнаго печника. Въ эту сторону должны быть всего болѣе направлены заботы возникающаго противупожарнаго общества. Крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ знаетъ и видитъ что его печь плоха, но отчасти по безпечности, отчасти по недостатку средствъ оставляетъ все на „авось“. Весьма полезны будутъ заботы противупожарнаго общества о болѣе удобномъ и дешевомъ пріобрѣтеніи пожарнаго инструмента, но обратить вниманіе на постройку зданія еще важнѣе, а здѣсь требуется положительная помощь.

Земство, наконецъ, прямо заинтересованное въ дѣлѣ предупрежденія пожаровъ, должно обязательно принять въ этомъ дѣлѣ дѣйствительное участіе. Намъ доводилось слышать что одно изъ препятствій къ образованію у насъ строительныхъ обществъ для селъ есть крайняя затруднительность имѣть дѣло непосредственно съ самими крестьянами, отчасти не сознающими необходимости улучшенія стройки, отчасти лишенныхъ возможности дѣлать разомъ затраты на постройку; долговыя же отношенія съ мелкими закащиками совершенно неудобны для предпринимателя. Эти счеты можетъ вести только земство, у котораго имѣются къ тому несравненно бо́льшія средства и которое обязано заботиться о предотвращеніи пожаровъ.

№ 200.

Москва, 4-го августа.

А.

Новый поворотъ во внутренней политикѣ Австріи, о коемъ мы говорили на дняхъ, совершился скорѣе чѣмъ можно было ожидать. Объ этомъ свидѣтельствуетъ офиціальная телеграмма изъ Вѣны извѣщающая что императоръ Францъ-Іосифъ, на пути въ Гастейнъ для свиданія съ императоромъ Вильгельмомъ подписалъ въ Мюнхенѣ приказъ объ отставкѣ цислейтанскаго кабинета Штремайера и поручилъ графу Таафе составленіе новаго кабинета. Основываясь на толкахъ австрійской печати, предварявшихъ готовившуюся перемѣну, надо полагать что порученіе данное графу Таафе знаменуетъ собой новую попытку къ примиренію славянскихъ элементовъ съ австрійскимъ государственнымъ порядкомъ, которую лѣтъ девять тому назадъ предпринялъ было кабинетъ Гоэнварта, и которая въ то время не увѣнчалась успѣхомъ. Насколько графъ Таафе будетъ счастливѣе своего предшественника по политикѣ примиренія покажетъ ближайшее будущее. Но болѣе благопріятнымъ предзнаменованіемъ служитъ уже то обстоятельство что Чехи на этотъ разъ окончательно отступились отъ своей системы пассивнаго сопротивленія существующему государственному порядку, и рѣшили вступить въ цислейтанскій рейхсратъ, къ чему кабинетъ Гоэнварта не успѣлъ ихъ побудить.

Графъ Таафе именно съ того началъ что старался уговорить Чеховъ обѣихъ фракцій защищать и отстаивать свои стремленія на почвѣ той самой конституціи которую они оспариваютъ въ принципѣ, вмѣсто голаго отрицанія которое осуждало ихъ на политическое бездѣйствіе въ теченіе почти шестнадцати лѣтъ. Переговоры которые велъ графъ Таафе съ вожаками чешскихъ партій и преимущественно съ Dr. Ригромъ, вожакомъ старо-Чеховъ, и съ графомъ Кламъ-Мартиницемъ, главой богемскихъ феодаловъ, сохранились въ строгой тайнѣ, и лишь въ послѣдніе дни въ печать проникли достовѣрныя извѣстія объ условіяхъ на какихъ состоялось соглашеніе. Въ одной изъ вѣнскихъ нѣмецкихъ газетъ появился пространный отчетъ о бесѣдѣ которую имѣлъ на дняхъ г. Ригеръ

съ редакторомъ этой газеты. Изъ этого отчета мы узнаемъ что условіе заключается главнымъ образомъ въ обязательствѣ которое принялъ на себя графъ Таафе поддержать давнишнее требованіе Чеховъ, объ измѣненіи избирательнаго порядка въ Чешскій сеймъ. Что же касается отношенія Богеміи къ центральной власти въ Цислейтаніи и къ рейхсрату, то этотъ вопросъ оставленъ открытымъ, и Чехи рѣшились добиваться измѣненія этого порядка въ самомъ рейхсратѣ.

Существующій нынѣ порядокъ выборовъ въ Чешскій сеймъ разчитанъ на то чтобы нѣмецкое населеніе имѣло перевѣсъ надъ чешскимъ, хотя въ дѣйствительности оно гораздо малочисленнѣе послѣдняго. Избирательные округи были раздѣлены на сельскіе и городскіе, и число послѣднихъ было гораздо значительнѣе, такъ какъ нѣмецкое населеніе въ Богеміи сосредоточено главнымъ образомъ въ городахъ. Промышленный классъ, гдѣ также преобладаетъ нѣмецкій элементъ, пользовался особымъ политическимъ преимуществомъ и избиралъ своихъ кандидатовъ чрезъ посредство торговыхъ палатъ, всегда подчинявшихся вліянію правительства. Напротивъ, классъ землевладѣльцевъ организованъ былъ по отношенію къ выборамъ такимъ образомъ что чешскіе магнаты не пользовались избирательнымъ правомъ соразмѣрно съ политическимъ вѣсомъ своимъ въ странѣ. Всѣ „крупные землевладѣльцы“ составляли одну избирательную курію, и всѣ члены куріи имѣли одинаковое право голоса; но крупнымъ землевладѣльцемъ признавался какъ тотъ кто уплачивалъ не менѣе 250 гульденовъ прямыхъ налоговъ, такъ и магнатъ платящій до 30.000 гульденовъ.

Заручившись обѣщаніемъ что новое правительство будетъ содѣйствовать болѣе справедливому распредѣленію избирательныхъ привилегій въ Богеміи, Чехи согласились подчиниться покамѣсть общей конституціи, несмотря на то что они считаютъ нарушеніемъ своихъ историческихъ правъ такое устройство рейхсрата, при коемъ всѣ коронныя земли имперіи Габсбурговъ управляются центральнымъ парламентомъ избираемымъ непосредственно, а не мѣстными сеймами, и безъ назначенія особыхъ министровъ заступающихъ въ кабинетѣ интересы каждой изъ коронныхъ земель. Г. Ригеръ не скрылъ однако предъ своимъ собесѣдникомъ что Чехи отнюдь не отказываются отъ своихъ федеративныхъ стремленій, и по прежнему настаиваютъ на томъ что теперешняя цислейтанская конституція заключаетъ въ себѣ прямое нарушеніе самобытныхъ правъ закрѣпленныхъ исторіей за Чешскимъ народомъ, не менѣе чѣмъ за Мадьярскою національностью.

Нѣмецкіе централисты въ Австріи крайне раздражены этимъ новымъ оборотомъ вещей, который совершенно перепуталъ ихъ разчеты. До послѣдняго времени они не теряли надежды что Чехи, или по крайней мѣрѣ болѣе либеральная ихъ фракція, младо-Чехи, вступивъ въ рейхсратъ, пойдутъ рука-объ руку съ ними и путемъ оппозиціи вновь формируемому кабинету станутъ добиваться осуществленія своихъ собственныхъ національныхъ стремленій. Разчеты эти оказались теперь напрасными, хотя и прежде трудно было понять въ чемъ именно австро-нѣмецкіе либералы усматривали точки соприкосновенія между собой и Чехами. Австро-нѣмецкая партія, значительно пострадавшая на послѣднихъ выборахъ, отличалась въ послѣдніе годы ярою оппозиціей политикѣ графа Андраши на Востокѣ; но она осуждала эту политику не съ той точки зрѣнія съ какой она не могла возбуждать симпатіи и въ Славянахъ. Вѣнскіе органы этой партіи возмущались не тѣмъ что графъ Андраши, вѣрный мадьярскимъ традиціямъ, былъ непримиримымъ врагомъ стремленій южныхъ Славянъ къ освобожденію отъ мусульманскаго ига; они, напротивъ, находили что онъ слишкомъ мало заботится о сохранности Турціи. Своею враждебностью къ Россіи, во все продолженіе послѣднихъ событій на Востокѣ, вѣнская печать оставила за собой даже англійскую. Такого рода тенденціямъ австрійскіе Славяне, конечно, не могутъ сочувствовать. Точно также имъ нѣтъ повода возставать и противъ расширенія австрійской территоріи чрезъ присоединеніе Босніи и Герцеговины, расширеніе обѣщающее имъ еще большее усиленіе славянскаго элемента въ составѣ австрійскихъ народностей.

Правда, политическая программа графа Андраши, какъ всѣмъ извѣстно, есть не что иное какъ осуществленіе идеи князя Бисмарка, которая не можетъ внушать особеннаго довѣрія австрійскимъ Славянамъ. Можно было бы думать что австро-нѣмец-

кіе централисты, съ своей стороны, усвоили себѣ эту идею, и что ихъ оппозиція графу Андраши объясняется тѣмъ что они признаютъ его недостаточно послушнымъ орудіемъ германскаго имперскаго канцлера. На самомъ же дѣлѣ нѣмецкая партія въ Австріи отнюдь не усвоила себѣ тѣхъ идей о миссіи Австріи въ будущемъ которыя преподаются ей изъ Германіи. Нѣмецкимъ патріотамъ въ Вѣнѣ повидимому все еще мерещится возможность возстановленія прежняго преобладанія Австріи въ самой Германіи, и князь Бисмаркъ, вытолкнувшій Австрію изъ Германіи, имъ ненавистенъ

Не удивительно поэтому что австрійскимъ Славянамъ не можетъ улыбаться союзъ съ нѣмецкою партіей, которую они признаютъ болѣе „нѣмецкою,“ то-есть болѣе враждебною Славянамъ, нежели теперешнюю Германію.

В.

Въ то самое время когда „послѣдній русскій солдатъ“ оставлялъ почву Балканскаго полуострова, въ чемъ по мысли творцовъ Берлинскаго трактата заключается чуть ли не вся сущность его исполненія, австрійскій солдатъ введенный на этотъ полуостровъ по волѣ того же Берлинскаго ареопага вдругъ усмотрѣлъ чрезвычайную надобность въ „большемъ подчиненіи Австріи занятыхъ ею областей.“

Въ центрѣ столицы Босніи, Сараевѣ, 9 августа вспыхнулъ пожаръ истребившій торговую часть города. Уже на другой день послѣ пожара вѣнскія газеты спѣшатъ придать ему политическій характеръ, стараясь доказать слабость авторитета Австріи въ глазахъ населенія и необходимость въ скорѣйшемъ занятіи Ново-Базарскаго санджака чтобъ образумить населеніе занятыхъ провинцій.

Вскорѣ догадка вѣнскихъ газетъ получила формальное подтвержденіе со стороны австрійскаго начальства въ Босніи. Нѣсколько взрывовъ бывшихъ во время пожара и столь ничтожныхъ что о нихъ не было даже упомянуто въ первомъ извѣстіи объ этой катастрофѣ, наводятъ администрацію на мысль сдѣлать тщательный осмотръ пожарища и обыскъ уцѣлѣвшихъ домовъ. Результаты разслѣдованія получились де поразительные. Найдены склады оружія и патроновъ, а это „вмѣстѣ съ другими признаками“ убѣдило австрійскія власти что „въ Босніи готовится возстаніе.“ Успѣли въ нѣсколько дней даже опредѣлить его размѣры и сообразить что „число „войскъ стоящихъ въ этой провинціи не„достаточно для охраненія спокойствія“ въ странѣ, которую они занимаютъ уже цѣлый годъ и гдѣ жители формально обезоружены.

Замѣчательнымъ образомъ это открытіе совпало съ борьбой военнаго министерства съ графомъ Андраши по вопросу объ оккупаціи Новаго Базара. Премьеръ соглашался на оккупацію Ново-Базарскаго санджака лишь въ томъ случаѣ если это не потребуетъ новыхъ войскъ, военное министерство доказывало противное. Въ Вѣнѣ, вслѣдствіе этого разногласія, уже ждали перемѣнъ въ составѣ военнаго министерства; но такъ кстати вспыхнувшій пожаръ измѣнилъ все: военная партія взяла верхъ, и Андраши подалъ въ отставку, которая, если вѣрить *Neue Freie Presse*, уже принята императоромъ.

„Роковая необходимость“ занять Ново-Базарскій санджакъ не на время только, а прочнымъ образомъ и большими массами австрійскаго войска, доказана. Австрія получаетъ основаніе быть настойчивѣе въ своихъ переговорахъ съ Портою по этому дѣлу...

Кто однако поручится что съ занятіемъ Новаго Базара Австрія пріобрѣтетъ возможность исполнить „возложенную на нее Берлинскимъ трактатомъ миссію?“ Легко можетъ случиться что какой-нибудь новый пожаръ столь же своевременно предупредитъ о готовящемся возстаніи и во вновь присоединяемомъ санджакѣ, и укажетъ такую же „необходимость“ двинуться дальше, все въ тѣхъ же видахъ большаго поддержанія авторитета въ занятыхъ Австріей, въ силу Берлинскаго трактата, областяхъ Турціи.

№ 202.

Москва, 7-го августа.

Англійскій парламентъ закрытъ тронною рѣчью королевы столь же мало замѣчательною какъ была и вся минувшая сессія. Рѣчь эта не болѣе какъ блѣдное отраженіе министерскихъ рѣчей не задолго предъ тѣмъ произнесенныхъ на банкетѣ лорда-мера. Это была шестая сессія то-

рійскаго парламента, возвысившаго лорда Беконсфильда на высоту о которой онъ едва ли когда могъ мечтать. Хотя законъ о семилѣтнемъ срокѣ парламента даетъ право продлить его еще на одну сессію, хотя министрамъ не можетъ быть желательно разстаться съ нынѣшнимъ безпрекословно послушнымъ большинствомъ, при неизвѣстности пріобрѣтутъ ли они еще таковое же въ будущемъ парламентѣ, и хотя кабинетъ тщательно сохраняетъ тайну своихъ намѣреній; однако все сильнѣе утверждается убѣжденіе что эта сессія будетъ послѣднею, и что въ концѣ осени или въ началѣ января будущаго года произойдутъ общіе выборы. Обѣ партіи еще съ прошедшаго года дѣятельно готовятся къ этому событію, и нынѣшнимъ лѣтомъ приготовленія шли еще горячѣе и занимали всѣхъ гораздо болѣе чѣмъ происходившее въ парламентѣ. Почти каждый день появляются въ газетахъ извѣщенія что такой-то согласился выступить кандидатомъ въ какомъ-либо бургѣ или графствѣ на будущихъ выборахъ, въ консервативномъ или либеральномъ интересѣ; многіе изъ нынѣшнихъ депутатовъ готовятся перемѣнить свои ненадежныя мѣста; вездѣ гдѣ есть возможность партіи намѣреваются вырвать мѣста у своихъ противниковъ. Г. Гладстонъ, которому не счастливится въ столицѣ, переселяется изъ Гринича въ Шотландію, по приглашенію отъ Эдинбургскаго графства; лордъ Гартингтонъ, офиціальный вождь либераловъ, напротивъ оставляетъ свое покойное мѣсто въ Шотландіи чтобы дать генеральную битву торіямъ въ сѣверномъ Ланкаширѣ. Торіи, съ своей стороны, готовятся удержать за собою не только столицу, недавно перешедшую на ихъ сторону, и Ланкаширъ, но даже вторгнуться въ завѣтныя твердыни радикализма, напримѣръ въ Бёрмингамъ, гдѣ намѣренъ выступить извѣстный своею неудавшеюся поѣздкой въ Хиву капитанъ Барнеби. Политики ловятъ на лету малѣйшіе намеки на близость выборовъ, и иные хотѣли видѣть такой намекъ въ замѣчаніи лорда Беконсфильда на банкетѣ лорда-мера что ему не скоро вновь придется присутствовать на такомъ празднествѣ, хотя другіе хотѣли видѣть въ этихъ словахъ указаніе на желаніе его почить на лаврахъ и передать власть маркизу Солсбери.

Тайну свою лордъ Беконсфильдъ, этотъ первый мастеръ парламентскихъ интригъ изъ нынѣшнихъ политическихъ дѣятелей Англіи, конечно не выдастъ до послѣдней минуты. Но есть много причинъ полагать что нынѣшній парламентъ не соберется болѣе. Вообще парламенты рѣдко доживаютъ узаконенный семилѣтній срокъ, и теперь наиболѣе удобный моментъ правительству прибѣгнуть къ его возобновленію послѣ успѣшнаго окончанія Афганской войны и въ виду надежды на скорое окончаніе войны въ южной Африкѣ; такимъ образомъ, опираясь еще на Берлинскій трактатъ, оно можетъ похвалиться успѣшнымъ ходомъ своей иностранной политики если оно ничего не сдѣлало для поправленія внутренняго положенія страны угнетенной безпримѣрнымъ промышленнымъ кризисомъ; а показать свою заботливость въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо удобнѣе предъ новымъ парламентомъ чѣмъ въ последнюю сессію умирающей палаты. Это мнѣніе подтверждается и тѣмъ что всѣ рѣчи произнесенныя въ послѣднее время выдающимися лицами обѣихъ партій на митингахъ были какъ бы избирательными манифестами. Въ томъ же смыслѣ появляются и статьи въ разныхъ журналахъ. Изъ этихъ манифестовъ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе рѣчь лорда Солсбери на митингѣ консервативной ассоціаціи рабочихъ Лондона 4 августа, и статья г. Гладстона въ августовской книжкѣ *Nineteenth Century*, озаглавленная „Страна и правительство," такъ какъ въ этихъ двухъ заявленіяхъ всего рѣзче и нагляднѣе выражается съ какими лозунгами обѣ партіи готовятся приступить къ борьбѣ.

Г. Гладстонъ, какъ былъ, такъ и остается врагомъ иностранной политики нынѣшняго кабинета. Но въ связи съ этимъ онъ взводитъ теперь на правительство Беконсфильда болѣе серіозное обвиненіе въ томъ что оно не только пренебрегло важными и неотложными внутренними дѣлами, но и отняло у парламента возможность заняться ими вслѣдствіе навязанныхъ странѣ вовсе ненужныхъ затрудненій. Уже прошлымъ годомъ г. Гладстонъ указывалъ на 21 предметъ законодательныхъ работъ, давно напрасно требующихъ вниманія парламента. Къ этому перечню *недоимокъ* (*arrears*) онъ теперь прибавляетъ еще 9 вопросовъ, не менѣе важныхъ, и замѣчаетъ: „Всѣ эти требованія возникли въ предѣлахъ имперіи, выросли изъ потребностей и обязательствъ давно признанныхъ, от-

нюдь не зависѣвшихъ отъ выбора или иниціативы какой-либо администраціи, но требовавшихъ неустанной и терпѣливой работы всякаго правительства и всякаго парламента." Правительству же лорда Биконсфильда вмѣсто этой законной заботы, какъ выражается г. Гладстонъ, „благоугодно было вызвать какъ бы изъ дѣвственной почвы цѣлый лѣсъ новыхъ вопросовъ, коихъ было бы достаточно чтобы занять парламентъ и государство при отсутствіи всякихъ другихъ дѣлъ," и взвалить ихъ на безъ того обремененный парламентъ. Изъ такихъ вопросовъ, произвольно поднятыхъ дѣйствіями нынѣшняго министерства, г. Гладстонъ перечисляетъ слѣдующее: 1) Восточная Румелія; 2) греческая граница; 3) Критъ и другія европейскія провинціи Турціи; 4) Армяне; 5) Турція въ Азіи; 6) Кипръ; 7) суэзскія акціи; 8) египетскій долгъ; 9) египетское наслѣдство; 10) сѣверо-западная граница Индіи; 11) надзоръ надъ Афганистаномъ; 12) финансы Остъ-Индіи; 13) законодательство объ оружіи, печати и налогахъ въ Индіи; 14) присоединеніе Трансвааля; 15) война съ Зулуями. Главный же упрекъ его въ томъ что всѣ эти затрудненія вызваны не только безъ нужды, но и не къ чести Англіи. „Еслибы, пишетъ онъ, эта невыносимая масса обязательствъ и отвѣтственности была навлечена при исполненіи миссіи Англіи какъ борца за свободу, защитницы слабыхъ, цивилизующей наставницы Индіи, посредницы мира, мы все же чувствовали бы тяжесть взявъ ее на себя и видѣли бы что она сопряжена съ прискорбнымъ недочетомъ нашихъ обязанностей къ нашимъ ближайшимъ ближнимъ у себя дома, дѣла коихъ есть первая и настоятельнѣйшая обязанность парламента... Еслибы, въ любомъ изъ этихъ пятнадцати дѣлъ, мы пріобрѣли какой-либо важный аванпостъ для нашей имперіи, какое-либо новое ручательство нашей безопасности, новый недоступный прежде рынокъ торговлѣ и промышленности, какую-либо твердую основу выгоды и силы, мы не могли бы высоко поднять голову между націями, но мы имѣли бы то что иные считаютъ приличнымъ комфортомъ для націи лавочниковъ, мелкое удовлетвореніе самоодобренія въ созерцаніи выгодъ, хотя бы способъ коими онѣ достигнуты не выдерживалъ критики .. Но во всѣхъ спорныхъ вопросахъ возникавшихъ въ совѣтахъ Европы мы были борцами не за свободу, а за угнетеніе. Ни на одинъ дюймъ не прибавилось свободной почвы черезъ наше дѣйствіе или при нашей доброй волѣ. Сербія, Черногорія, Болгарія, Греція, можетъ - быть Румынія — всѣ онѣ менѣе вслѣдствіе нашего вліянія чѣмъ были бы безъ насъ. Въ первый разъ теперь можно сказать по справедливости что въ дѣлѣ великаго кризиса человѣческой судьбы лучше было бы для интересовъ справедливости и свободы еслибы Британская нація не существовала... Нѣтъ націи съ которою мы тѣснѣе закрѣпили бы узы дружбы нашими дѣйствіями въ эти послѣдніе годы; но мы опаснымъ образомъ играли преданностью Индіи, оттолкнули отъ себя девяносто милліоновъ живущихъ въ Россіи и отшатнулись сами отъ христіанъ Турціи, одинаково какъ отъ Грековъ такъ и отъ Славянъ, не пріобрѣтя уваженія мусульманъ. И все это мы сдѣлали не затѣмъ чтобъ увеличить наше могущество, а чтобъ умножить наши обязательства."

Нѣтъ надобности въ подробности слѣдовать за критикой г. Гладстона въ нѣкоторыхъ изъ этихъ „ненужныхъ" затрудненіяхъ. Изъ вышеприведеннаго достаточно видно что главнымъ предметомъ дѣятельности парламента онъ желаетъ видѣть внутреннія дѣла и полагаетъ что „Румелія, греческая граница, австрійское движеніе, или всякая другая путаница Турецкаго вопроса не были бы серіознымъ предметомъ парламентской заботы" еслибы правительство относилось къ этимъ вопросамъ какъ слѣдуетъ; другія державы не бросали де своихъ домашнихъ дѣлъ изъ-за Восточнаго вопроса. Г. Гладстонъ не скрываетъ отъ себя что „палата общинъ быстро становится неспособною для должнаго и достаточнаго исполненія своихъ обязанностей," и сила его упрека правительству состоитъ въ томъ что оно де еще болѣе ослабило эту палату удвоивъ ея работу. Результатомъ такого ослабленія дѣятельности черезчуръ обремененнаго парламента было и ослабленіе его финансоваго контроля, причемъ г. Гладстонъ указываетъ что нынѣшняя администрація, въ теченіе пяти лѣтъ, увеличила круглымъ числомъ на 10 милліоновъ регулярные расходы страны и, кромѣ того, за два послѣдніе года, оставила непокрытые дефициты, въ совокупности около пяти милліоновъ.

Возстановленіе этого контроля, и вообще правильной и нормальной дѣятельности парламента, г. Гладстонъ считаетъ главною задачей, которая должна быть рѣшена будущими выборами, причемъ избирателямъ предстанетъ вопросъ въ такой формѣ: „Какіе люди наиболѣе пригодны для этой работы? Либералы подъ знаменемъ лорда Гранвиля и лорда Гартингтона, или приверженцы лорда Беконсфильда, очищенные нѣкимъ таинственнымъ возрожденіемъ, и готовые отказаться отъ своихъ словъ, измѣнить свои обычаи, отречься отъ того чему поклонялись и поклоняться тому отъ чего отрекались?"

Но торіи кажется и не думаютъ о такомъ превращеніи. Они всего менѣе думаютъ о внутреннихъ реформахъ и скорѣе готовы обличать въ революціонныхъ свойствахъ бо́льшую часть программы г. Гладстона по внутреннимъ дѣламъ. Не даромъ же лордъ Беконсфильдъ обозвалъ „зловреднымъ" (*pernicious*) весьма невинное замѣчаніе лорда Гартингтона касательно ненормальныхъ условій англійскаго землевладѣнія. Какъ будто членъ одной изъ богатѣйшихъ аристократическихъ фамилій, сынъ герцога Девонширскаго и наслѣдникъ обширныхъ помѣстій въ Ланкаширѣ могъ имѣть на умѣ революціонные планы, нѣчто въ родѣ передѣла земли. Но торіямъ выгодно произвести такое впечатлѣніе, а иностранная политика, помимо своихъ опредѣленныхъ цѣлей, служитъ еще средствомъ отвлекать вниманіе націи. Это весьма рѣзко сказалось въ рѣчи лорда Солсбери на митингѣ консервативной ассоціаціи когда онъ, восхваляя заслуги правительства по иностраннымъ дѣламъ, придавалъ цѣну не столько достигнутымъ результатамъ сколько тому что эта политика была де искреннею политикой возвеличившею Англію. Вотъ его слова: „Нѣтъ сомнѣнія что въ послѣдніе годы дѣла глубочайшей важности для нашей страны и для міра, совершенно заслоняющія вопросы чисто домашняго интереса, приковывали къ себѣ вниманіе Англійскаго народа. И помните что, судя объ иностранной политикѣ которой слѣдовало правительство, не должно останавливаться на отдѣльной чертѣ и спрашивать себя велика ли выгода какую Англія можетъ извлечь изъ даннаго шага. Вы должны скорѣе смотрѣть на это какъ на часть великой исторической политики и спросить многимъ или малымъ обязана Англія этой политикѣ. Мы дѣлали усилія обезпечить стратегическую позицію драгоцѣнному союзнику; мы взяли важную морскую позицію; мы усилили и сдѣлали неприступною единственную доступную границу Индіи; мы обезпечили наши колоніальныя владѣнія на крайнемъ югѣ. Но обо всѣхъ этихъ вещахъ не слѣдуетъ судить въ отдѣльности; ихъ сила и заслуга въ томъ что онѣ суть части цѣлаго, звенья въ длинной цѣпи; это главы въ той великой исторической политикѣ которой Англія слѣдовала можно сказать съ царствованія королевы Елизаветы. И чтобы судить о цѣнѣ этой политики, вы должны расширить взглядъ. Предположите что полтораста лѣтъ тому назадъ возникла бы школа подобная тѣмъ о коихъ мы слышимъ нынѣ, которая стала бы убѣждать Англійское правительство что такія вещи какъ завоеваніе Индіи, или Канады, или Гибралтара, или Мальты, или Мыса Доброй Надежды,—что все это не важно, а что важно только смотрѣть у себя дома за своею приходскою политикой. Думаете ли вы что вы были бы теперь великою, многочисленною, цвѣтущею націей какова вы есть? Мы не выдумывали новой политики; мы слѣдовали по пути проложенному стопами длиннаго ряда предковъ. На короткое время,—на минуту въ исторіи націи,—школа называвшаяся „Манчестерскою школой", пріобрѣла, хотя самымъ несправедливымъ образомъ, временное вліяніе на государственныя дѣла, и одно время ей внимали въ кабинетѣ нашихъ предшественниковъ. Мы пренебрегли этимъ неблаговиднымъ соучастіемъ. Мы слѣдовали старой политикѣ какою она была прежде чѣмъ по ней прошло это облачко. И мы питаемъ увѣренность что поддерживая такимъ образомъ благороднѣйшія преданія Англіи мы получимъ высшую награду—одобреніе нашихъ соотечественниковъ".

Таковы предъ нами лозунги и программы обѣихъ партій, но которая изъ нихъ одержитъ побѣду при будущей борьбѣ, на это едва ли съ увѣренностью могутъ отвѣтить даже вожаки ихъ. Взаимное раздраженіе показываетъ только что борьба будетъ ожесточенная, и вѣроятнѣе что та или другая одержитъ верхъ лишь малымъ большинствомъ, и тогда тѣмъ большее значеніе получитъ кучка непримиримыхъ Ирландцевъ, отъ коихъ будетъ зависѣть склонять вѣсы на чью-либо сторону. Въ такомъ

случаѣ значеніе парламента еще болѣе упадетъ чѣмъ даже при нынѣшней палатѣ; во внѣшнихъ же дѣлахъ, всякое правительство будетъ попрежнему дѣйствовать вполнѣ независимо.

Ошибочно было бы думать чтобы внѣшняя политика Англіи при лордѣ Гранвилѣ могла стать иною чѣмъ при лордѣ Беконсфильдѣ. Она только можетъ быть приправлена инымъ соусомъ, и вмѣсто „британскихъ интересовъ" будетъ прикрываться интересами Европы, какъ это рекомендуетъ г. Гладстонъ. Замѣчательно что даже г. Гладстонъ, при всемъ своемъ сочувствіи освобожденію христіанъ, приписываетъ какое-то магическое значеніе трактатамъ 1856 года, и всю бѣду видитъ въ отступленіи отъ нихъ. Первый такой грѣхъ онъ видитъ въ союзѣ трехъ Императоровъ, который былъ де „обидой" для Англіи, а Англійское правительство сдѣлало де ошибку выдвинувъ „британскіе интересы", вмѣсто того чтобы держаться европейскаго концерта и настоять на возвращеніе къ трактатамъ 1856 года, которые были де важны не только для всѣхъ правительствъ Европы, но и для народовъ Турціи, „для коихъ новая хартія свободы была освящена включеніемъ въ трактатъ 1856 года".

Хороша была эта хартія свободы! По этому взгляду г. Гладстона можно судить можно ли, и при перемѣнѣ министерства, ожидать дѣйствительной, а не мнимой, перемѣны въ восточной политикѣ Англіи...

№ 203.

Москва, 8-го августа.

Недавно, по поводу процесса Осинскаго, Лешернъ фонъ-Герцфельдъ и Волошенка, мы обращали вниманіе на безпрестанно повторявшіеся загадочные побѣги политическихъ арестантовъ. Какъ видно изъ одного этого дѣла, тремъ обвиненнымъ въ немъ преступникамъ, до окончательнаго привода ихъ предъ Кіевскій военно-окружный судъ, удавалось *до пяти разъ* скрываться изъ-подъ рукъ правосудія. Даже Стефановичъ, организаторъ самаго серіознаго изо всѣхъ этого рода дѣлъ,—о возбужденіи обманомъ къ бунту значительной массы крестьянъ Чигиринскаго уѣзда,—также успѣлъ бѣжать изъ Кіевской тюрьмы за границу.

Всѣ эти странные побѣги до нѣкоторой степени объясняются подробностями дѣла производившаго въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ о государственныхъ преступникахъ Владиславѣ и Генрихѣ Избицкихъ, причемъ раскрылись обстоятельства побѣга Владислава Избицкаго и его товарища Беверлея изъ Кіевскаго же тюремнаго зàмка.

Вотъ самыя выдающіяся обстоятельства этого побѣга: камеры обоихъ арестантовъ были смежныя, съ одною общею печью, и въ каждой изъ этихъ камеръ продѣлано было по одному отверстію внизу и вверху; надъ этими камерами, въ третьемъ этажѣ, разобранъ каменный подпечникъ; на чердакѣ пробито отверстіе въ вентиляціонной трубѣ, въ которую вдѣланъ желѣзный прутъ такъ прочно и крѣпко что по привязанному къ нему 25 аршинному холщевому канату оба бѣглеца спустились въ подземный рукавъ, откуда, по пробитіи каменной стѣны, сдѣланъ подъ тюремную ограду подкопъ слишкомъ въ двѣ сажени. Всѣ эти столь шумныя работы, для производства коихъ въ цѣломъ строеніи, отъ чердака до подвала, очевидно требовалось множество рукъ и не мало времени, повидимому никѣмъ не были замѣчены, несмотря на то что наканунѣ побѣга арестантъ Коваль заявлялъ одному изъ ключниковъ что какой-то арестантъ предлагалъ ему участвовать въ предстоявшемъ побѣгѣ.

Само собою разумѣется что всѣ эти работы не могли быть произведены безъ помощи многихъ инструментовъ. Дѣйствительно, были найдены въ камерѣ Беверлея *складной ножъ*, въ камерѣ Избицкаго *рашпиль*; въ третьемъ этажѣ, надъ камерой Избицкаго, *молотокъ, ножъ, стамеска и желѣзный прутъ;* въ сосѣдней камерѣ *топоръ*; подъ тюремною оградой *свѣчка*...

Какимъ образомъ, послѣ обычнаго во всѣхъ тюрьмахъ строгаго обыска поступающихъ туда арестантовъ, очутились въ ихъ рукахъ всѣ эти инструменты, также какъ и *тѣсто* для заклеиванія *бумагой* отверстія въ трубѣ и послужившій къ изготовленію 25-ти-аршиннаго каната *холстъ*,—обо всемъ этомъ, судя по отчету, никто даже не полюбопытствовалъ справиться...

Впрочемъ, самъ тюремный смотритель объяснилъ что въ третьемъ этажѣ подготовительныя къ побѣгу работы могли быть

производимы не бѣжавшими арестантами, а кѣмъ-нибудь еще другимъ, такъ какъ на полу тамъ была найдена фуражка Нашлись ли любопытные справиться кому бы могла принадлежать найденная фуражка, этого изъ отчета также не видно.

Работамъ преступниковъ въ третьемъ этажѣ благопріятствовало то обстоятельство что помѣщенія его надъ камерами Беверлея и Избицкаго были опорожнены за производствомъ въ нихъ въ то время ремонтныхъ исправленій. Изъ отчета можно догадываться что на рабочихъ производившихъ эти исправленія пало подозрѣніе въ содѣйствіи побѣгу арестантовъ. Но смотритель тюрьмы объявилъ наотрѣзъ что ему неизвѣстны имена ни этихъ рабочихъ, ни поставившаго ихъ подрядчика. Однако кто-нибудь изъ служащихъ въ тюрьмѣ рядился же съ этимъ подрядчикомъ; кто-нибудь да платилъ же ему деньги за работу или выдавалъ свидѣтельство на полученіе платы...

Хотя съ перваго взгляда и можетъ показаться сомнительнымъ чтобы вольные рабочіе, безо всякой надобности, оставили въ камерѣ свои инструменты и свою фуражку, но если вспомнить что въ числѣ мастеровыхъ, а особенно подрядчиковъ, именно въ Кіевѣ, есть не мало завзятыхъ польскихъ „патріотовъ“ одного разбора съ Избицкимъ, то нельзя не пожалѣть и не подивиться что по поводу оставленныхъ инструментовъ и фуражки не было произведено обстоятельнаго слѣдствія.

Не странно ли также что ремонтныя работы производимыя неизвѣстными людьми, непосредственно надъ камерами государственныхъ преступниковъ, были оставлены безо всякаго надзора со стороны тюремнаго начальства и, по объясненію смотрителя, послужили даже поводомъ къ оставленію всей этой части тюрьмы „безъ караула,“ благодаря чему, взобравшись въ третій этажъ по дымовой трубѣ, бѣжавшіе преступники преспокойно поднялись на чердакъ „по лѣстницѣ?“

Не менѣе удивительны объясненія смотрителя касательно подкопа. Бѣжавшій арестантъ Избицкій заявилъ что подкопъ сдѣланъ не имъ, а за „нѣсколько лѣтъ прежде.“ Можно было бы ожидать что смотритель будетъ съ негодованіемъ отрицать это заявленіе, которымъ въ сущности обвинялось тюремное начальство во многолѣтней непростительной небрежности, такъ какъ подкопъ выходилъ на поверхность земли у внѣшней стороны тюремной ограды. Оказалось противное. Смотритель наивно подвердилъ, — какъ будто такъ и должно быть, — что подкопъ сдѣланъ „*гораздо раньше*“...

Нельзя ли отсюда заключить что по нашимъ тюремнымъ порядкамъ упущеніе подобнаго рода есть дѣло обычное, не заслуживающее особаго вниманія, такъ что провинившіяся въ немъ лица не несутъ въ этомъ отношеніи серіозной отвѣтственности?..

Чему же болѣе удивляться, въ виду этого образчика, — тому ли что у насъ такъ часто повторяются исчезновенія важныхъ политическихъ преступниковъ, или тому что эти побѣги остаются безъ серіознаго изслѣдованія даже когда оказывается, какъ въ настоящемъ случаѣ, заговоръ многихъ арестантовъ, при соучастіи *внѣшнихъ* пособниковъ, а весьма вѣроятно и нѣкоторыхъ тюремныхъ служителей? Притомъ, если дѣло Избицкихъ подлежало военному закону, то и дѣло о попыткѣ ихъ бѣжать изъ тюрьмы также, кажется, должно бы подлежать военному закону...

Впрочемъ, фактъ о сношеніяхъ Избицкаго съ посторонними лицами обнаруживается съ самаго начала этого дѣла. Такъ, Марія Избицкая, сильно компрометтировавъ своихъ братьевъ при дознаніи 27 марта, показаніемъ что провела съ ними весь вечеръ 26 марта дома и что они вышли только на разсвѣтѣ, вдругъ измѣнила это показаніе на формальномъ слѣдствіи, и засвидѣтельствовала, *на этотъ разъ совершенно согласно со своими братьями*, что вечеръ 26 марта она провела не *дома*, а возвратившись домой уже не *застала тамъ братьевъ;* показала же она на дознаніи противное потому де что „была смущена и взволнована обыскомъ.“ На судъ же Марія Избицкая просто не явилась, за что была оштрафована 25 рублями.

Не менѣе страннымъ можетъ показаться и тотъ фактъ что по показанію Владислава съ людьми соціально-революціонной партіи онъ „сблизился“ только въ тюрьмѣ. Такъ или нѣтъ, но изъ этого показанія выходитъ по крайней мѣрѣ то что государственнымъ преступникамъ въ тюрьмѣ вообще предоставлялась возможность бесѣдовать и сговариваться между собою...

Впрочемъ, повидимому это дѣло не осталось безъ нѣкоторыхъ послѣдствій для

смотрителя тюрьмы. Въ отчетѣ сначала упоминается о немъ какъ о лицѣ исполняющемъ эту должность, а передавая судебное слѣдствіе отчетъ уже называетъ его „бывшимъ“ смотрителемъ. Изъ этой перемѣны можно заключить что смотритель былъ смѣщенъ. Но иное дѣло простая *административная* отвѣтственность которая ограничивается потерей мѣста, иное дѣло отвѣтственность *военно-уголовная*, которая могла бы повести къ раскрытію цѣлаго заговора.

Дѣло Избицкаго замѣчательно и еще кое-чѣмъ кромѣ обнаруженныхъ имъ безобразій нашихъ тюремныхъ порядковъ. Въ этомъ дѣлѣ выдаются рельефнѣе чѣмъ въ прежде бывшихъ процессахъ, между прочимъ, нѣкоторыя недоразумѣнія нашей судебной практики.

Подсудимые, не отрицая оказаннаго имъ пособія, наотрѣзъ отказались назвать своихъ многочисленныхъ пособниковъ или указать ихъ примѣты. Отказъ этотъ повторяется безпрестанно, иногда безо всякой надобности, какъ будто единственно для того чтобы поглумиться. Такъ Владиславъ Избицкій, показавъ что 26 марта 1878 года онъ провелъ вечеръ у знакомаго объявилъ что назвать этого знакомаго „не желаетъ;“ Генрихъ же объяснилъ что имени этого знакомаго онъ не знаетъ, сообщить же его примѣты тоже „не желаетъ;“ у Владислава, при обыскѣ, найдены двѣ запрещенныя книги; одну изъ нихъ онъ призналъ своею, другая же, именно 3-й томъ сочиненій Чернышевскаго, принадлежитъ де не ему, а опять-таки „знакомому“ котораго онъ также назвать „не желаетъ;“ по дѣлу о побѣгѣ изъ тюремнаго замка Владиславъ сознается что взломъ въ стѣнѣ сдѣланъ не имъ, а *другими арестантами*, то-есть при сообщничествѣ цѣлаго заговора, но назвать этихъ арестантовъ онъ „не желаетъ;“ также „не хочетъ“ онъ назвать и то лицо кому принадлежалъ холстъ, по которому онъ спустился съ чердака въ подвалъ; наконецъ, проломъ въ печкѣ его камеры также сдѣланъ де не имъ, а другимъ человѣкомъ „влѣзавшимъ въ печь изъ комитетскаго коридора,“ но и этого человѣка онъ также назвать не можетъ.

Закономъ обвиняемому *разрѣшается* не отвѣчать на предлагаемые вопросы. Но изъ этого *разрѣшенія* еще не слѣдуетъ чтобы судъ могъ относиться равнодушно къ тому насколько обвиняемый воспользуется этимъ *разрѣшеніемъ*. Если сознаніе и раскаяніе, подтвержденныя чистосердечнымъ раскрытіемъ истины, смягчаютъ предъ судомъ виновность подсудимаго и ведутъ къ пониженію степени наказанія, то не въ той ли же мѣрѣ нераскаянность и наглое запирательство должны отягчать виновность и усиливать кару? Нѣтъ сомнѣнія что напоминаніе этого правила предсѣдателемъ суда обвиняемому, серіозное увѣщаніе какъ во имя долга, такъ и собственной пользы его могли бы подѣйствовать на многихъ не совсѣмъ зачерствѣлыхъ преступниковъ.

Что̀ же однако? Не разъ случалось что приступая къ допросу, предсѣдатель считалъ долгомъ своимъ любезно предупредить обвиняемаго что онъ имѣетъ „право“ не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Скажите, къ чему это напоминаніе и предупрежденіе? Не должно ли оно производить на обвиняемаго дѣйствіе приглашенія, почти поощренія къ запирательству?

Въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ особенно страннымъ долженъ казаться такой взглядъ суда на разрѣшеніе обвиняемому отказываться отъ дачи показаній. Законъ признаетъ за преступленіе самый фактъ недонесенія о покушеніи противъ основныхъ законовъ Имперіи. Но если фактъ укрывательства политическихъ преступниковъ и ихъ сообщниковъ и пособниковъ подвергаетъ тяжкой отвѣтственности ни въ чемъ другомъ неповиннаго человѣка, то какимъ же образомъ тотъ же самый фактъ не вмѣняется ему въ вину какъ только онъ самъ совершитъ политическое преступленіе? Въ виду закона безусловно обязывающаго каждаго раскрывать въ государственныхъ преступленіяхъ всю извѣстную ему истину, можетъ ли судъ признавать за преступникомъ *право* скрывать истину?

Законъ запрещаетъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ исторженія показанія у преступника, но онъ не обезоруживаетъ судъ при исполненіи его главной задачи. *Какъ новое преступленіе*, отказъ обвиняемаго открыть своихъ соучастниковъ и пособниковъ долженъ влечь за собою приговоръ *по совокупности преступленій*, то-есть назначеніе высшей мѣры опредѣленнаго закономъ наказанія. Только, какъ contre-partie того же принципа, полное сознаніе обвиняемаго можетъ заслу-

жить ему допускаемое закономъ облегченіе его участи.

№ 204.

Москва, 9-го августа.

Письма нашего филиппопольскаго корреспондента достаточно обнаруживали печальное положеніе южной Болгаріи, или такъ-называемой Восточной Румеліи, и старанія назначеннаго генералъ-губернаторомъ начальника милиціи, генерала Виталиса, разстроить ввѣренную ему земскую силу, — главный результатъ усилій бывшаго русскаго временнаго управленія. Понятна интрига съ какою это дѣлается. Но ошибочно было бы думать чтобъ и сѣверное Болгарское княжество, поставленное въ болѣе благопріятныя условія и получившее самостоятельнаго князя, было избавлено отъ враждебныхъ ему интригъ и чуждо опасностей. Извѣстно что во многихъ мѣстностяхъ княжества, преимущественно населенныхъ болѣе сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ, обнаружилось искусно организованное вооруженное движеніе Турокъ; не только разбойничьи шайки бродятъ по дорогамъ, но цѣлые отряды инсургентовъ нападали на села, грабили ихъ и даже вступали въ битву съ высылавшимися противъ нихъ княжескимъ правительствомъ войсками. Движеніе это явно направляется извнѣ. Съ какою же цѣлью?

Корреспондентъ газеты *Times*, вѣроятно по данной ему инструкціи, вздумалъ объѣхать Болгарію, начиная отъ румынской границы до Софіи. Съ большимъ удивленіемъ читали мы въ двухъ нумерахъ этой газеты два длинныя письма посвященныя преимуществено статистическимъ соображеніямъ о пропорціональномъ отношеніи населеній княжества по исповѣданіямъ и племенамъ, прежде и послѣ войны. Неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ этотъ свѣдущій экспертъ утверждаетъ что до войны мусульманское населеніе составляло двѣ пятыхъ всѣхъ жителей княжества, и этимъ заявленіемъ онъ еще повидимому хочетъ показать свое безпристрастіе, замѣчая будто, по увѣренію самихъ Турокъ, они составляли половину всего населенія сѣверной Болгаріи. Затѣмъ, бѣгло проѣхавъ по пути до Софіи, корреспондентъ сумѣлъ въ точности узнать число жителей въ настоящее время во встрѣтившихся ему городахъ и селеніяхъ, съ отношеніемъ остающихся магометанъ ко христіанамъ, и затѣмъ примѣняя и обобщая свои выводы ко всей странѣ, онъ дѣлаетъ разчетъ что до 200.000 мусульманъ принуждены были оставить страну, высказывая твердое убѣжденіе что эта цифра вполнѣ характеризуетъ де „это тяжкое бѣдствіе;“ затѣмъ онъ полагаетъ что и теперь мусульманъ осталось никакъ не менѣе 480.000 на милліонъ съ небольшимъ христіанъ; кстати, онъ мимоходомъ ясно рисуетъ картину видѣннаго имъ разрушенія мусульманскихъ кварталовъ въ Плевнѣ, Ловчѣ, Тырновѣ и другихъ мѣстахъ. Къ чему могла бы понадобиться такая фантастическая статистика, основанная вся на соображеніяхъ и предположеніяхъ корреспондента, и для которой онъ не могъ привести никакихъ твердыхъ данныхъ? Какую пользу можно извлечь изъ этихъ гадательныхъ цифръ?

Разгадка не замедлила появиться въ передовой статьѣ *Times*, написанной именно по поводу этихъ корреспонденцій, которыя дали поводъ лондонскому публицисту представить въ новомъ свѣтѣ инсуррекціонное движеніе мусульманъ въ Болгарскомъ княжествѣ. Движеніе это, видите ли, свидѣтельствуетъ о неспособности Болгаръ пользоваться свободой, въ такой мѣрѣ что положеніе страны пожалуй теперь хуже чѣмъ при Туркахъ, коимъ въ заслугу Англичане готовы поставить самыя природныя богатства страны. Для газеты *Times* „вполнѣ ясно что Турки, какъ ни велики были ихъ ошибки, не были, въ сущности, притѣснительными правителями. Они совершали по временамъ жестокія и несправедливыя дѣянія, глубоко западавшія въ сердцахъ христіанскаго населенія, но при всѣхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ они отличались терпимостью и разсудительностью.“ Теперь, разумѣется, въ глазахъ Англичанъ все пошло нестерпимо хуже, и *Times* замѣчаетъ: „Прискорбно что опасность заключается въ неискоренимой повидимому враждѣ раздѣляющей жителей, и теперь даже болѣе угрожающей когда страна находится подъ христіанскимъ управленіемъ.“ Тутъ намъ раскрывается и тайна вычисленій досужаго корреспондента газеты. Находя весьма понятнымъ и естественнымъ появленіе вооруженныхъ отрядовъ Турокъ въ Балканахъ и другихъ

горныхъ округахъ, въ виду уже испытанныхъ ими самыхъ тяжкихъ несчастій, тогда какъ прежде они были господствующимъ классомъ, *Times* присовокупляетъ: „Если вычисленіе нашего корреспондента о числѣ мусульманъ въ провинціи близко къ истинѣ, то очевидно что эти отряды могутъ представить весьма большую опасность. Когда около трети населенія полуустроенной провинціи питаетъ горькую непріязнь къ новому правительству, то нельзя не признать такого положенія дѣлъ весьма серіознымъ.“ Отсюда и нравоученіе что „никакія учрежденія не помогутъ обезпечить благополучіе и прочный прогрессъ народа пока религіозная и національная вражда не будетъ сдерживаема безпристрастнымъ управленіемъ.“

Для приличія князю Александру и его болгарскимъ министрамъ дается совѣтъ озаботиться этимъ предметомъ. Но уже изъ приведеннаго можно видѣть что у лондонской газеты долженъ быть наготовѣ иной рецептъ, который она тотчасъ же откровенно и рекомендуетъ. „Есть, говоритъ она, одно правительство отъ коего мы съ довѣріемъ можемъ ожидать примѣра безпристрастія. Австрія взяла на себя, въ Босніи и Герцеговинѣ, задачу весьма сходною съ тою какую теперь предстоитъ исполнить Болгарскому правительству; но она въ *гораздо лучшемъ* положеніи справиться съ задачей, вслѣдствіе неотразимой военной силы которою она можетъ располагать. Ей предстоитъ идти во главѣ по этому пути *(to lead the way)*.“ Поэтому-то лондонскій публицистъ крайне сожалѣетъ о несвоевременной отставкѣ графа Андраши. И этому приглашенію дается тѣмъ большое значеніе слѣдующимъ заключеніемъ: „Средство для исправленія бѣдствій страны нельзя найти въ простой перемѣнѣ формы правительства или перемѣнѣ правителей. Это потребуетъ справедливой опытной администраціи; и остается еще видѣть можетъ ли это дать нынѣшнее болгарское министерство.“

Эти незаслуженныя нареканія на бѣдное правительство княжества существующаго всего не болѣе двухъ мѣсяцевъ, весьма серіозны, ибо изобличаютъ планы для коихъ противникамъ Россіи и славянскихъ населеній нужно не допускать успокоенія на Балканскомъ полуостровѣ, а напротивъ выгодно возбуждать тамъ новыя смуты теперь когда русскія войска удалились восвояси. Еслибы даже правительство князя Александра на первыхъ порахъ и сдѣлало нѣкоторые промахи, то справедливо ли объявлять его никуда не годнымъ когда въ то же время для Турціи допускаются всякія извиненія въ неисполненіи реформъ обѣщанныхъ ею болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, еще по Парижскому трактату? Позволительно ли ставить князю Александру въ вину мятежное движеніе противъ его правительства, завѣдомо организованное и построенное извнѣ, когда въ окрестностяхъ самой турецкой столицы почти ежедневно совершаются безнаказанно грабежи и убійства, и объ этомъ знаютъ и жалуются живущіе тамъ резиденты державъ, объ этомъ пишется въ стамбульскихъ газетахъ?

Такъ скоро по уходѣ Русскихъ, и при самомъ началѣ самостоятельной жизни княжества, произносимый приговоръ о неспособности его управленія что-нибудь да значитъ. Вопервыхъ, Англичанамъ есть интересъ возбуждать всякія смуты въ княжествѣ и кстати запугивать его Австріей, которой де „съ довѣріемъ“ можно поручить „безпристрастное“ водвореніе порядка, для того чтобы тѣмъ легче осуществить англійскіе замыслы касательно закрѣпленія турецкой власти надъ Восточною Румеліей. Но нельзя думать чтобы такое предложеніе въ пользу Австріи дѣлалось вовсе даромъ. Британскій левъ не такъ безкорыстенъ, и вѣрнѣе что здѣсь намекъ на дальнѣйшій намекъ на раздѣлъ болѣе широкій чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ. Не даромъ англійскія корреспонденціи изъ Константинополя принимаютъ все болѣе и болѣе печальный тонъ. Планъ утвердить Хейреддина въ качествѣ всемогущаго палатнаго мера, къ которому перешла бы вся власть султана, и подъ его просвѣщеннымъ покровительствомъ ввести Англичанъ во всѣ управленія, не удался, и теперь корреспонденты не видятъ въ чемъ можетъ быть спасеніе Турціи. Константинопольскій корреспондентъ *Manchester Guardian* увѣряетъ будто сами Турки (разумѣется тѣ изъ нихъ которые истинные патріоты) ожидаютъ спасенія только отъ Англіи и „понимая свое неумѣніе и трудность найти между ними пригодныя орудія для введенія новой системы, желали бы чтобы дружественныя державы ссудили имъ на время услуги нѣсколькихъ способныхъ людей во всѣ департаменты.“

И, по его словамъ, недавнее появленіе британской эскадры въ Безикѣ, какъ разъ во время дворцоваго переворота жертвой коего палъ Хайреддинъ, внушило было „надежды что Англія *наконецъ* готовится сдѣлать нѣчто побольше простыхъ совѣтовъ."

Но если планы затянуть понемногу въ свои руки все управленіе въ турецкой столицѣ пока встрѣчаютъ препятствія, то въ азіятскихъ провинціяхъ Англіей уже сдѣланъ починъ въ широкомъ смыслѣ къ исполненію той системы англійскихъ резидентовъ, вмѣшивающихся во всѣ подробности управленія, которыя привели къ такимъ выгоднымъ для нея результатамъ въ Индіи. Изъ газеты же *Times* узнаемъ что для одной Арменіи Англійскимъ правительствомъ назначенъ цѣлый штабъ семи консуловъ въ разные города, исключительно все военныхъ, и подъ главнымъ руководствомъ подполковника Выльсона, и обязанностью ихъ должно де быть: „освѣдомляться о положеніи различныхъ классовъ населенія въ консульскихъ округахъ, помогать турецкимъ властямъ *совѣтами*, и *указывать* имъ средства коими можетъ быть достигнута экономія и администрація упрощена и сдѣлана болѣе пригодною; отъ нихъ также требуется замѣчать и возражать *(remonstrate)* противъ всѣхъ случаевъ угнетенія и подкупности мѣстныхъ чиновниковъ." Кто же, стало-быть, будетъ управлять Арменіей: турецкіе чиновники или эти англійскіе офицеры? Это, какъ поясняется, дѣлается для надзора надъ исполненіемъ LXI статьи Берлинскаго трактата. Но вѣдь эта статья обязывала Порту „исполнить безъ замедленія улучшенія и реформы требуемыя *мѣстными потребностями* въ провинціяхъ обитаемыхъ Армянами и обезпечить ихъ безопасность отъ Черкесовъ и Курдовъ, и затѣмъ „извѣщать о принимаемыхъ съ этою цѣлью мѣрахъ державы, которыя будутъ имѣть надзоръ за ихъ примѣненіемъ." Слѣдовательно это дѣло касается не одной Англіи, а и всѣхъ другихъ, и полагать должно что и реформы и улучшенія требуемыя „мѣстными потребностями" должны означать предоставленіе провинціямъ обитаемымъ христіанами большей доли самоуправленія, по образцу учрежденій Восточной Румеліи, какъ это и заявлено въ трактатѣ, а не простое подчиненіе ихъ англійскимъ офицерамъ.

№ 203.

Москва, 10-го августа.

7 августа, съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, министръ финансовъ, генералъ адъютантъ Грейгъ, въ сопровожденіи директора своей канцеляріи г. Мицкевича, отправился изъ Петербурга въ Бологое, откуда проѣдетъ въ Рыбинскъ. Посѣщеніемъ этого важнаго центра хлѣбной торговли поѣздка министра финансовъ не ограничится. По газетнымъ извѣстіямъ, изъ Рыбинска онъ поѣдетъ на пароходѣ до Кинешмы, пересядетъ тамъ на желѣзную дорогу и посѣтитъ Иваново-Вознесенскъ. Изъ этого мануфактурнаго центра министръ проѣдетъ на ярмарку въ Нижній-Новгородъ, гдѣ, какъ полагаютъ, выскажетъ свой взглядъ на современное экономическое и финансовое положеніе Россіи. Съ Нижегородской ярмарки, этого едва ли не важнѣйшаго изъ нашихъ торговыхъ центровъ, онъ отправится по Волгѣ на пароходѣ до Царицына, откуда спустится до рыбныхъ промысловъ и главнѣйшихъ ватагъ въ низовьяхъ Волги и Ахтубы. Здѣсь, какъ полагаютъ, будетъ затронутъ вопросъ объ акцизѣ на соль, давно признанномъ вреднымъ для промысловъ и особенно для сельскаго хозяйства. Посѣтивъ рыбопромышленные центры, министръ возвратится по Волгѣ въ Царицынъ, проѣдетъ по Волго-Донской дорогѣ и затѣмъ на пароходѣ спустится по Дону къ портамъ Азовскаго моря, Таганрогу, Маріуполю и Бердянску. Здѣсь, въ азовскихъ портахъ, доселѣ не устроенныхъ, не приноровленныхъ къ правильному ходу торговли, разрѣшится окончательно, какъ предполагаютъ, вопросъ о наилучшемъ ихъ устройствѣ.

Судя по приведенной программѣ, поѣздка министра финансовъ не должна остаться безъ серіозныхъ результатовъ, и результаты эти, конечно, будутъ тѣмъ плодотворнѣе чѣмъ въ большей мѣрѣ окажется въ нихъ знакомство съ дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ положеніемъ дѣлъ, съ бытовыми условіями русской экономической жизни, съ практическими нуждами нашего торгово-промышленнаго и сельско-хозяйственнаго люда. Въ желаніи пріобрѣсти такое знакомство заключается какъ надо думать, весь смыслъ предпринятой

поѣздки. Предпринимая ее, министръ финансовъ тѣмъ самымъ какъ бы свидѣтельствуетъ что не считаетъ возможнымъ основать замышляемыя имъ мѣры на тѣхъ воззрѣніяхъ какія сложились въ имѣющей столь мало общаго со всею русскою жизнью спертой атмосферѣ петербургскаго рутинно-бюрокротическаго и спекулятивно-биржеваго міра. Эти воззрѣнія имѣютъ быть провѣренными данными которыя будутъ вынесены изъ предпринятой поѣздки. Не съ цѣлію ли подобной провѣрки министръ финансовъ, какъ ожидается, выскажетъ, при проѣздѣ чрезъ Нижній Новгородъ, и свой взглядъ на современное экономическое и финансовое положеніе Россіи? Да и въ какихъ иныхъ видахъ умѣстно было бы заводить рѣчь по этому предмету предъ съѣхавшимися на ярмарку съ разныхъ концовъ Россіи представителями торговаго и промышленнаго міра? Для того чтобы возвѣстить имъ неизмѣнно установившійся взглядъ и безповоротно рѣшенныя мѣры, безо всякаго вниманія къ ихъ соображеніямъ и мнѣніямъ объ этихъ мѣрахъ и ихъ послѣдствіяхъ, не было бы никакой надобности ни обращаться къ ярмарочному купечеству съ устною бесѣдой, ни даже пріѣзжать на ярмарку. Дѣло было бы сдѣлано гораздо короче и проще, безъ всякихъ недоразумѣній, простымъ извѣщеніемъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, прочитавъ которое, всѣ узнали бы къ какой будущности, хорошей или дурной, но все равно неизбѣжной, предстоитъ всѣмъ готовиться. Позволительно, поэтому, думать что бесѣда министра финансовъ вовсе не будетъ имѣть характеръ подобнаго извѣщенія, а напротивъ будетъ направлена именно къ тому чтобы вызвать находящихся на ярмаркѣ представителей торгово-промышленнаго міра на откровенныя заявленія о томъ въ какой мѣрѣ согласны или несогласны заявленные въ ней взгляды съ практически знакомыми имъ интересами торговли и промышленности, и чтобы затѣмъ принять въ соображеніе всѣ подобныя заявленія. Можно надѣяться что ожидаемая рѣчь министра финансовъ будетъ принята ярморочнымъ купечествомъ именно въ такомъ смыслѣ и не будетъ оставлена безъ желаемыхъ на нее отзывовъ. Чѣмъ правдивѣе будутъ эти отзывы, и чѣмъ болѣе будетъ представлено фактовъ въ ихъ подтвержденіе, тѣмъ лучше для дѣла.

Частію изъ этихъ отзывовъ, въ особенности же изъ собственныхъ наблюденій и разспросовъ, министру финансовъ во время его поѣздки предстоитъ, между прочимъ, убѣдиться въ какой мѣрѣ правдивы безпрестанно повторяемыя въ нашей печати, но не подкрѣпляемыя никакими фактическими данными, увѣренія о будто бы чрезмѣрномъ и вредномъ обиліи денежныхъ знаковъ созданномъ выпусками кредитныхъ билетовъ въ минувшую войну, и о таковомъ же вредѣ нашихъ нынѣшнихъ чрезмѣрно де низкихъ курсовъ. Предстоитъ убѣдиться дѣйствительно ли эти выпуски кредитныхъ денегъ были, какъ выражаются люди самозванно именующіе себя представителями науки, „хмѣлемъ“ вызвавшимъ „пьяное торгово-промышленное веселье,“ дѣйствительно ли эти выпуски причинили вредъ „честной и солидной части торгово-промышленнаго міра,“ и были полезны лишь „подонкамъ торгово-промышленнаго міра, тѣмъ его представителямъ у которыхъ своего ничего за душою нѣтъ, которые не могутъ и не хотятъ имѣть ничего дѣйствительно своего, собственнымъ правильнымъ трудомъ нажитаго, у которыхъ глаза вѣчно широко раскрыты лишь на чужое.“

Болѣе чѣмъ сомнительно чтобы во время своей поѣздки министръ финансовъ могъ собрать факты въ подтвержденіе этихъ выдаваемыхъ за „научное“ взглядовъ. Но есть не мало основаній ожидать что онъ, если обратитъ на то вниманіе, усмотритъ не мало данныхъ въ доказательство вреда какимъ можетъ отозваться, а пожалуй уже и отзывается на ходѣ нашихъ дѣлъ, сокращеніе существующихъ размѣровъ денежнаго обращенія и повышеніе вексельныхъ курсовъ. Доказательства тому представитъ, можетъ-быть, именно нынѣшняя Нижегородская ярмарка, на которой не могутъ не отозваться недавній трехсотмилліонный заемъ и еще болѣе недавній, хотя и не особенно значительный пока, подъемъ вексельныхъ курсовъ. Третій Восточный заемъ былъ для Нижегородской ярмарки не то что Второй, хотя оба заключены на одинаковыя суммы по 300 милліоновъ. Второй заемъ отвлекъ отъ обычныхъ путей обращенія огромную массу денегъ *послѣ* завершенія оборотовъ Нижегородской ярмарки. Третій заемъ отвлекъ *и* продолжаетъ отвлекать отъ торгово-промышленныхъ оборотовъ массы де-

негъ *до* начала и *въ самое теченіе* Нижегородской ярмарки. Вслѣдствіе такого различія, на прошлогодней ярмаркѣ нужды въ наличныхъ деньгахъ не ощущалось, а на нынѣшней не можетъ не чувствоваться. Этотъ созданный объявленнымъ предъ ярмаркой крупнымъ займомъ (коему предшествовало извлеченіе Государственнымъ Банкомъ изъ обращенія не малой суммы кредитныхъ билетовъ изъ суммъ Втораго займа) недостатокъ наличныхъ денегъ уже сказался весьма ощутительнымъ подъемомъ учетнаго процента. Чтобы судить въ какой мѣрѣ онъ поднялся, достаточно взглянуть на маклерскія отмѣтки Петербургской биржи о высотѣ частнаго дисконта. Въ теченіе прошлогодней Нижегородской ярмарки этотъ дисконтъ стоялъ на 4—5 процентахъ, теперь, во время нынѣшней ярмарки, онъ стоитъ на 6—6$^3/_4$ процентахъ, то-есть почти на два процента выше, тогда какъ еще недавно, какихъ-нибудь два мѣсяца назадъ, въ началѣ іюня, частный дисконтъ держался всего на 4$^1/_4$—5$^1/_4$ процентахъ.

О чрезмѣрномъ ли обиліи денегъ не знающихъ куда дѣваться, о чрезмѣрной ли насыщенности денежнаго обращенія свидѣтельствуетъ такой сильный подъемъ учетнаго процента? Радоваться ли ему, и стремиться ли къ дальнѣйшему повышенію дисконта новыми сокращеніями находящейся въ обращеніи наличности? И кто легче уживается съ высокимъ дисконтомъ, „честная и солидная часть“ или „подонки торгово-промышленнаго міра?“

Сильно отозвавшись на высотѣ учетнаго процента, послѣдній трехсотмилліонный заемъ отозвался, хотя въ гораздо меньшей степени, и на высотѣ вексельныхъ курсовъ. Повысились они не вслѣдствіе сокращенія бумажно-денежнаго обращенія, — размѣры его пока не измѣнились противъ существовавшихъ предъ объявленіемъ займа, и масса кредитныхъ билетовъ отвлеченныхъ займовою операціей отъ торгово-промышленныхъ оборотовъ еще не уничтожена,—повысились они, какъ можно утверждать безъ опасенія впасть въ крупную ошибку, преимущественно вслѣдствіе того что въ Третьемъ Восточномъ займѣ, какъ извѣстно, заграничные банкиры приняли столь большое участіе что онъ на половину изъ внутренняго займа обратился на дѣлѣ въ иностранный. А всякій крупный иностранный заемъ неизбѣжно ведетъ у насъ къ подъему вексельныхъ курсовъ (конечно, только временному): ежегодные крупные заграничные займы предшествовавшіе послѣдней войнѣ доказали это какъ нельзя лучше, замѣнивъ собою практиковавшуюся дотолѣ систему поддержки курсовъ трасировкой векселей. Но помимо этого естественнаго вліянія которое должно было оказать на курсы участіе иностранцевъ въ займѣ, на уровнѣ ихъ несомнѣнно должна отзываться и спекулятивная игра заграничныхъ биржевыхъ мастеровъ,—игра для которой этотъ заемъ далъ имъ достаточный матеріалъ. Подъемъ нашихъ курсовъ несомнѣнно выгоденъ имъ; чѣмъ выше курсы поднимутся, тѣмъ крупнѣе будутъ ихъ барыши уже на однѣхъ пріобрѣтенныхъ ими облигаціяхъ. Но въ той ли же мѣрѣ выгоденъ этотъ подъемъ курсовъ для русскаго торгово-промышленнаго міра? Не является ли онъ поощреніемъ привоза иностранныхъ товаровъ, пониженіемъ взимаемыхъ съ нихъ таможенныхъ пошлинъ и уменьшеніемъ покровительства русскому производству? А какъ долженъ отозваться подъемъ курсовъ на русскомъ земледѣліи?

О вліяніи вексельныхъ курсовъ на интересы нашего земледѣлія, въ нашей печати принято упоминать только вскользь и не иначе какъ съ усмѣшкой и издѣвательствомъ. Не такъ судятъ люди дѣйствительно знающіе. Приводимъ, для примѣра, изъ берлинской *National-Zeitung* (№ 349) слѣдующее сужденіе, помѣщенное въ названной газетѣ какъ сообщеніе изъ изъ свѣдущаго источника:

„До войны, когда рубль ходилъ приблизительно по три марки, считалось аксіомой что о правильномъ ввозѣ русской ржи нечего было и думать если цѣна на рожь на Берлинской и Штеттинской биржахъ падала ниже 140 марокъ. Съ тѣхъ поръ мы видѣли что оказалось возможнымъ получать изъ Россіи большія количества ржи и тогда когда цѣна ея на упомянутыхъ биржахъ упала даже ниже 120 марокъ. Объясняется это цѣнностью валюты. При цѣнѣ 120 марокъ на Берлинской биржѣ, петербургскій отправитель можетъ платить за четверть ржи: если курсъ рубля 2 марки—7 руб. 50 коп.; при курсѣ въ 3 марки, только 5 руб. Считая расходы и барышъ перекупщиковъ по 1 рублю съ четверти, получимъ, такъ какъ провозъ изъ внутреннихъ провинцій въ Петербургъ

обойдется не дешевле 3 руб., то производитель не можетъ получить за товаръ на мѣстѣ болѣе 3 р. 50 коп. Если же цѣна ржи въ Петербургѣ 5 руб., производителю досталось бы не болѣе рубля. За такую цѣну не отдастъ ржи ни одинъ производитель не будучи вынужденъ на это. Напротивъ, цѣна въ 3½ руб. такова что въ большинствѣ случаевъ производитель охотнѣе спуститъ товаръ нежели будетъ выжидать повышенія цѣнъ. При курсѣ въ 3 марки, цѣна ржи въ Берлинѣ должна бы подняться до 180 марокъ чтобы русскій купецъ получилъ возможность платить производителю 3½ рубля. Конечно, эти послѣдніе 3½ руб. въ сравнении съ товарами нерусскаго происхожденія имѣютъ бо́льшую цѣну, но русскій крестьянинъ, при ограниченности своего спроса на иностранный товаръ, имѣетъ мало случаевъ это замѣтить, да во всякомъ случаѣ и 3½ руб. по 2 марки на всемірномъ рынкѣ сто́ятъ столько же сколько 2½ при курсѣ въ 3 марки; и производитель продавая за 3½ руб. при курсѣ въ 2 марки получаетъ, по внутренней стоимости денегъ, по крайней мѣрѣ на 133 процента больше нежели получилъ бы при той же берлинской цѣнѣ ржи, но при курсѣ рубля въ 3 марки, когда, по приведенному выше разчету, ему достался бы только 1 руб.“

Вѣрны или не вѣрны приведенныя сужденія берлинской газеты? А если вѣрны, то имѣютъ ли основаніе русскіе земледѣльцы, то-есть почти вся масса народа, сѣтовать на происшедшее вслѣдствіе войны пониженіе курса, и могутъ ли они порадоваться его повышенію?

Наши газетные экономисты, когда имъ указывали на выгодность пониженныхъ курсовъ для русскаго земледѣлія, обыкновенно твердили что выгоды эти только кажущіяся, только мнимыя, а не дѣйствительныя, что получая за свой хлѣбъ больше рублей, русскій крестьянинъ и русскій помѣщикъ получаютъ въ сущности не больше, а пожалуй меньше чѣмъ прежде, ибо получаютъ рубли обезцѣненные. Берлинская газета простою ариѳметическою выкладкой уличаетъ этихъ господъ или въ неспособности понять дѣло, или въ умышленномъ представленіи его въ ложномъ видѣ. Нѣтъ, выгода русскихъ земледѣльцевъ не кажущаяся. И по разцѣнкѣ на звонкіе рубли, русскій производитель хлѣба получаетъ за каждую четверть много болѣе при курсѣ рубля въ двѣ марки чѣмъ при курсѣ въ три марки, не говоря уже о томъ что пониженіе курса обезпечило самой сбытъ, дало возможность сбывать хлѣбъ въ гораздо большемъ количествѣ, не смотря на препятствующую тому конкурренцію другихъ странъ производящихъ избытки хлѣба для заграничнаго сбыта. Для русскаго же крестьянина и вообще для производителей хлѣба, не покупающихъ иностранныхъ товаровъ, а потому не имѣющихъ нужды разцѣнивать вырученныя за хлѣбъ деньги на звонкую монету, выгода отъ пониженныхъ курсовъ еще больше. Для всѣхъ этихъ людей,—а они составляютъ огромную массу народа,—вопросъ о подъемѣ вексельныхъ курсовъ сводится къ тому, должны ли они продавать свой хлѣбъ вдвое и втрое дешевле чѣмъ нынѣ, должны ли они отдавать его, вмѣсто 3½ рублей, за одинъ рубль. Ничѣмъ другимъ какъ именно такимъ уменьшеніемъ доходовъ русскаго земледѣльца хочетъ облагодѣтельствовать Русскую землю петербургская экономическая доктрина. И рекомендуя мѣру ведущую къ такимъ результатамъ наши доктринеры имѣютъ еще наглость утверждать что всѣ ихъ заботы направлены къ подъему „податныхъ силъ“ Русскаго народа!

№ 206.

Москва, 11-го августа.

Событія въ Австріи смѣняются съ быстротой не совсѣмъ обычною для тяжеловѣснаго и сложнаго механизма теперешней монархіи Габсбурговъ. Образованіе новаго Цислейтанскаго кабинета съ графомъ Таафе во главѣ хотя и было давно предвидѣно, тѣмъ не менѣе декреты императора подписанные въ Мюнхенѣ 12 августа о новыхъ назначеніяхъ явились ранѣе чѣмъ всѣ ожидали, ибо предполагалось что новый кабинетъ будетъ сформированъ лишь по открытіи сессіи рейхсрата. Составъ кабинета, за исключеніемъ президента, также былъ сюрпризомъ для многихъ. Но еще бо́льшую сенсацію произвелъ послѣдовавшій выѣздъ, затѣмъ принятіе отставки графа Андраши, который въ теченіе двадцати лѣтъ былъ самымъ вліятельнымъ государственнымъ человѣ-

комъ Габсбургской монархіи и руководителемъ ея иностранной политики.

Отставка эта, какъ и слѣдовало ожидать, весьма чувствительно отозвалась въ Берлинѣ. „Это есть событіе не только австрійское, но общеевропейское,“ восклицаетъ *Національная Газета*. Берлинская газета рѣшительно не довольствуется объясненіемъ даннымъ по этому поводу личнымъ органомъ графа Андраши, *Пештскимъ Ллойдомъ*, который силится умалить политическое значеніе отставки графа Андраши и утверждаетъ что онъ удаляется отъ дѣлъ единственно потому что нуждается въ отдыхѣ и можетъ де тѣмъ болѣе доставить себѣ необходимый покой въ виду того что миссія его нѣкоторымъ образомъ успѣшно заключена: во внѣшней политикѣ онъ можетъ де поздравить себя съ полнымъ осуществленіемъ Берлинскаго трактата; что же касается внутренней политики, то графъ Андраши имѣетъ де полное основаніе не питать никакихъ опасеній за дорогую его сердцу систему австро-венгерскаго дуализма. Вотъ почему онъ и избралъ настоящій благопріятный моментъ и вышелъ въ отставку по личному побужденію, безо всякаго толчка со стороны.

Совершенно иначе объясняетъ дѣло берлинская газета, основываясь на „достовѣрныхъ“ свѣдѣніяхъ своего пештскаго корреспондента. По словамъ послѣдняго, отставка графа Андраши находится въ тѣсной связи съ министерскимъ кризисомъ въ Цислейтаніи. Вновь составленный коалиціонный кабинетъ графа Таафе есть де лишь первый шагъ къ исполненію весьма обширнаго плана къ коему стремятся политики нынѣ вошедшіе въ силу при дворѣ. Существующая система дуализма далеко де не такъ безопасна какъ стараются доказать офиціозные органы въ Пештѣ и въ Вѣнѣ. Имѣется де въ виду дѣйствительное примиреніе съ Чехами и полное измѣненіе программы внутренней политики, которую до сихъ поръ направляли такъ-называемые конституціоналисты. Коалиціонное министерство нынѣ составленное должно де послужить переходомъ къ этой коренной перемѣнѣ, которая еще несовсѣмъ созрѣла. Имѣлось въ виду сохранить графа Андраши до поры до времени, дабы не возбуждать прежде времени тревоги въ Мадьярахъ и свергнуть его въ послѣдствіи, когда почва къ перемѣнѣ была бы достачно подготовлена. Тогда графа Андраши замѣнилъ бы графъ Кламъ-Мартиницъ, истинный представитель того направленія которое нынѣ получаетъ преобладаніе, но не желавшій пока выдвигаться впередъ. Но графъ Андраши, прозрѣвъ всю эту подготовленную противъ него интригу, потребовалъ себѣ немедленной отставки и тѣмъ разстроилъ де всѣ планы своихъ противниковъ. Берлинская печать, какъ само собою разумѣется, воздаетъ хвалу заслугамъ графа Андраши въ дѣлѣ тѣснаго политическаго союза между Германіей и Австріей, и тѣ изъ органовъ этой печати которые принадлежатъ къ національно-либеральной партіи пользуются этимъ случаемъ, какъ новымъ поводомъ для мрачныхъ размышленій и предсказаній по поводу „реакціи“ въ которую ударился князь Бисмаркъ и которая, по ихъ мнѣнію, не осталась безъ вліянія и на ходъ дѣлъ въ Австріи.

Замѣчательно, однако, что и вѣнская нѣмецкая печать, которая, въ противоположность берлинской, всегда отличалась крайнею враждебностью къ графу Андраши, сразу приняла враждебное положеніе и противъ кабинета графа Таафе обязаннаго своимъ происхожденіемъ, если вѣрить приводимому выше объясненію, политической интригѣ направленной противъ графа Андраши. Кабинетъ этотъ пока не полонъ; въ немъ не достаетъ еще двухъ министровъ: просвѣщенія и финансовъ. Эти два важные портфеля графъ Таафе, какъ слышно, имѣетъ въ виду предложить либераламъ-централистамъ, дабы такимъ образомъ придать новому министерству характеръ вполнѣ коалиціоннаго. Но органы нѣмецкихъ централистовъ рѣшительно отказываются отъ такой комбинаціи и заявляютъ о намѣреніи этой партіи стать на сторону энергической оппозиціи. Болѣе всего они раздражены назначеніемъ новаго „земскаго“ министра для Богеміи, подобнаго министру Галиціи уже ранѣе существовавшему въ лицѣ г. Зѣмялковскаго, перешедшаго въ этомъ качествѣ и въ новый кабинетъ. Министромъ Богеміи назначенъ г. Пражакъ (Prazak), который, собственно говоря, не можетъ считаться представителемъ богемскихъ Чеховъ, такъ какъ онъ состоитъ вожакомъ фракціи моравскихъ Чеховъ и всегда высказывался противъ слиянія этой фракціи съ партіей богемскихъ Чеховъ. Тѣмъ не менѣе вѣн-

скія нѣмецкія газеты усматриваютъ въ назначеніи г. Пражака начало торжества системы федерализма, будто бы угрожающаго гибелью австрійскимъ Нѣмцамъ. *Neue Freie Presse*, сообщая краткія біографическія свѣдѣнія о новыхъ министрахъ, причисляетъ и графа Таафе, бывшаго еще недавно членомъ централистскаго кабинета, къ приверженцамъ федерализма, припоминая что въ 1868 году, когда кабинетъ князя Ауэрсперга подалъ въ отставку и подвергся переформированію, члены онаго распались на двѣ фракціи, изъ коихъ каждая подала императору письменное изложеніе своей программы: одна изъ нихъ, составлявшая большинство, высказалась за систему нѣмецкаго централизма, а меньшинство, къ которому принадлежитъ и графъ Таафе, уже тогда рекомендовало примиреніе съ Богеміей и Галиціей.

Изъ тѣхъ же біографическихъ свѣдѣній мы узнаемъ, между прочимъ, слѣдующую интересную подробность о г. Земялковскомъ: въ 1863 году онъ былъ преданъ военному суду за содѣйствіе возстанію Поляковъ въ Россіи и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на три года, и отбылъ это наказаніе. Легко представить себѣ какъ подобный земскій министръ Галиціи отстаиваетъ въ кабинетѣ интересы галицкихъ Русскихъ.

Вѣнскія газеты не настолько однако поглощены заботами о внутренней политикѣ чтобы совершенно забыть про задачи предстоящія Австріи внѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ стали обращать въ послѣднее время особенное вниманіе на Румынію. Отзываясь съ крайнимъ неодобреніемъ о пріобрѣтеніяхъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ и о готовящемся занятіи Ново-Базарскаго санджака, газеты эти тѣмъ усерднѣе рекомендуютъ принятіе Румыніи подъ покровительство Австріи. Румынія, такъ доказываетъ *Neue Freie Presse*, стала естественною союзницей Австріи послѣ послѣдней войны, коей результаты будто бы поселили въ Румынахъ непримиримую ненависть къ Россіи за ея „вѣроломный“ образъ дѣйствій противъ нихъ. Въ Славянахъ, и особенно въ Славянахъ Балканскаго полуострова, Австріи никогда де не удастся искоренить ихъ симпатію къ Россіи. Румынія же, сдѣлавшаяся независимою, предназначена стать оплотомъ противъ Россіи. Вслѣдствіе этого названная газета относится весьма сочувственно къ попыткамъ полнѣйшаго сближенія съ Румыніей, видимымъ признакомъ котораго она считаетъ визитъ сдѣланный на дняхъ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ князю Карлу въ его лѣтней резиденціи въ замкѣ Синаи. *Neue Freie Presse* указываетъ на то что до сихъ поръ члены Австрійскаго царствующаго дома не посѣщали Румынскаго двора, и думаетъ что теперешняя поѣздка эрцгерцога Альбрехта тѣмъ болѣе не должна пройти не замѣченною что эрцгерцогъ Альбрехтъ до послѣдняго времени считался главнымъ ревнителемъ политической дружбы съ Россіей.

№ 208.

Москва, 13-го августа.

А.

Вновь Россія должна возблагодарить Провидѣніе охраняющее драгоцѣнные дни нашего Государя. Только теперь стало извѣстно о покушеніи, по истинѣ адскомъ, которое готовилось къ 18 августа 1878 года и о которомъ свидѣтельствуетъ обвинительный актъ по дѣлу о 28 преступникахъ обвиненныхъ на этихъ дняхъ Одесскимъ военно-окружныхъ судомъ.

Съ цѣлію взорвать на воздухъ весь экипажъ Государя Императора, по словамъ обвинительнаго акта, „мѣщанинъ Виттенбергъ (Еврей) и боцманматъ Логовенко (дезертиръ изъ Черноморскаго флота) изготовили Вольтовъ столбъ, заложили проводники и запасы и приготовили все необходимое для взрыва въ такомъ мѣстѣ гдѣ Государь Императоръ необходимо долженъ былъ проѣзжать по дорогѣ отъ пристани въ городъ.“ Все было готово, давно задуманное злодѣяніе казалось неизбѣжнымъ,—что же воспрепятствовало исполненію его? Случай, самая ничтожность котораго даетъ сильнѣе чувствовать дѣйствіе Провидѣнія. За *два дня* до ожиданнаго прибытія Государя Императора въ Николаевъ, 16 августа, офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ, Ермолаевъ и Палеологъ, встрѣчая на пристани прибывшій изъ Одессы пароходъ, замѣтили въ числѣ пассажировъ молодаго человѣка, показавшагося имъ подозрительнымъ, и препроводили его въ полицейское управленіе. Задер-

жанный оказался дворяниномъ Іосифомъ Щепанскимъ. При обыскѣ его, между фальшивыми печатями и разными бумагами найденъ клочекъ бумаги съ надписью, карандашемъ: „Инженерная, № 10, спросить студента Рашкова.“ На указанной этимъ адресомъ квартирѣ были найдены два главные виновника замышленнаго злодѣянія, Виттенбергъ и Логовенко, а также главныя орудія злодѣянія: составныя части Вольтова столба, запасы, проводники, гальваническая батарея, деревянные ящики съ элементами электрической батареи, заряженный револьверъ, револьверные заряды и 42 экземпляра революціонныхъ прокламацій. Виттенбергъ и Логовенко были арестованы, а найденные у нихъ взрывные аппараты и вещества секвестрованы. Такимъ образомъ было предупреждено исполненіе замышленнаго злодѣянія. Но не замѣчательно ли? Сама полиція, въ этомъ случаѣ, дѣйствовала безсознательно: хотя ей и было извѣстно что нигилистами заготовлялись въ Николаевѣ разныя взрывныя вещества, но съ какою цѣлію, это было ей неизвѣстно даже по арестованіи Виттенберга и Логовенка. Цѣль эта,—покушеніе на жизнь Государя Императора,—сдѣлалась извѣстна только въ послѣдствіи, когда Логовенко, уже находясь подъ арестомъ, разказалъ своему товарищу по заключенію, обвиняемому въ сообщничествѣ съ революціонною партіей чиновнику Кіевской контрольной палаты, Веледницкому, всѣ подробности адскаго замысла.

Какъ извѣщала помѣщенная нами третьяго дня телеграмма *Международнаго Агентства*, 10 августа долженъ былъ исполниться смертный приговоръ Одесскаго военно-окружнаго суда, въ Одессѣ,—надъ обвиненными Чубаровымъ, Лизогубомъ и Давиденкомъ, а въ Николаевѣ,—надъ Виттенбергомъ и Логовенкомъ.

Къ характеристикѣ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ слѣдуетъ замѣтить что всѣ они уже въ прежнее время привлекались „въ качествѣ *обвиняемыхъ*“ по разнымъ государственнымъ преступленіямъ. Такъ, Чубаровъ былъ обвиняемъ по Чигиринскому дѣлу; Лизогубъ, черниговскій и подольскій помѣщикъ, уже въ 1874 году былъ обвиняемъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ „среди народа“ (подольскій *помѣщикъ* пропагандирующій „среди народа“!), но только съ апрѣля 1878 былъ поставленъ подъ негласный надзоръ полиціи вслѣдствіи „крайне-революціонныхъ стремленій“ обнаруженныхъ имъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1877 года; Іосифъ Давиденко, хотя всего 22 лѣтъ, уже два раза былъ привлекаемъ къ судебной отвѣтственности: по дѣлу о покушеніи на убійство заподозрѣннаго нигилистами въ „шпіонствѣ“ Гориновича и по дѣлу объ организаціи Чигиринскаго возстанія; а Виттенбергъ въ 1877 году, въ продолженіе шести недѣль, содержался на Николаевской морской гауптвахтѣ...

Всего удивительнѣе то что Логовенко уже въ 1877 году, *стало-быть въ военное время*, былъ списанъ со шкуны *Лебедь*, на которой служилъ, и присланъ въ экипажъ, говоря словами обвинительнаго акта, „по обвиненію въ самовольной отлучкѣ, *неисполненіи приказанія командира* шкуны, *возмущеніи команды* противъ устава о съѣздѣ на берегъ и *развращеніи оной въ религіи!*“ По двумъ изъ этихъ преступленій, въ военное время, закономъ постановлена смертная казнь. Какимъ же образомъ Логовенко, по прошествіи года, оказался не только живъ и на свободѣ, но и при прежней своей должности боцманмата?..

Щепанскій, противъ воли своей послужившій орудіемъ чудеснаго спасенія жизни Государя Императора, также привлекался въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о распространеніи соціалистскихъ воззрѣній среди рабочихъ и тоже состоялъ „подъ надзоромъ полиціи...“

Изъ остальныхъ обвиненныхъ въ Одессѣ преступниковъ, Ѳомичевъ, сынъ дьячка, былъ привлекаемъ къ суду по дѣлу о распространеніи революціонной пропаганды среди нижнихъ чиновъ 60-го пѣхотнаго полка; потомственный почетный гражданинъ Ковалевъ и дворянинъ Эйтнеръ, бывшій учитель одесскаго училища, также привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ дѣламъ; крестьянинъ Владимірской губерніи Комовъ, обвинявшійся въ государственномъ преступленіи, былъ оправданъ приговоромъ особаго присутствія Правительствующаго Сената!

Что же касается обвиненныхъ матросовъ Скорбнякова и сына священника Никитина, то они оба не разъ были наказаны по суду за побѣгъ, пьянство, дерзость и воровство. Вотъ наши революціонеры, или вѣрнѣе, вотъ орудія вражеской политической интриги!

B.

Окончаніе Афганской войны и мирный трактатъ навязанный Англичанами эмиру Якубъ-хану совершенно измѣняютъ всѣ прежде бывшія отношенія. Вопреки выраженному лордомъ Солсбери, въ нотѣ 19 декабря прошлаго года, мнѣнію будто бы вслѣдствіе возвращенія русской миссіи изъ Кабула, Англійское правительство считаетъ „какъ бы возстановленными и имѣющими вновь обязательную силу всѣ *взаимныя* обязательства касательно Средней Азіи,“ именно это и не можетъ быть допущено, такъ какъ Англійское правительство своимъ трактатомъ съ Афганистаномъ само уничтожило почву бывшаго соглашенія если таковое имѣло какую-нибудь силу. *Взаимныя* обязательства относились къ Афганистану, причемъ употреблены были большія старанія и не малыя дипломатическія тонкости чтобъ обозначить его болѣе или менѣе фиктивныя границы и опредѣлить его двусмысленное положеніе въ качествѣ буффера для огражденія Индіи. Теперь, Англія сама озаботилась распорядиться съ Афганистаномъ по своему, не безпокоясь никакою взаимностью: она *измѣнила* его южную границу, взявъ себѣ тамъ чтò ей было угодно, подчинила себѣ эмира, приставила къ нему смотрителя въ качествѣ резидента, и такимъ образомъ привела эту страну въ вассальныя къ себѣ отношенія, совершенно по примѣру владѣній Индіи.

На эту перемѣну особенно обращаютъ вниманія извѣстія англійскихъ газетъ изъ Индіи, которыя лучше всего характеризуютъ новыя отношенія. Исполняя принятыя обязательства, эмиръ спросилъ у майора Каваньяри совѣта касательно писемъ полученныхъ имъ отъ генерала Кауфмана, и хотя эти письма были весьма невиннаго содержанія,—въ одномъ было поздравленіе эмира со вступленіемъ на престолъ, а въ другомъ генералъ Кауфманъ извѣщалъ о предстоящемъ выѣздѣ своемъ въ Петербургъ, — тѣмъ не менѣе англійскій резидентъ поручилъ своему опекаемому увѣдомить русскаго генерала что впредь всѣ его сообщенія должны быть направляемы къ Афганскому эмиру чрезъ посредство вице-короля Индіи.

Едва ли Россія можетъ согласиться чтобы русскій генералъ-губернаторъ обращался какъ подчиненный къ англійскому проконсулу въ Индіи съ просьбой о дозволеніи переслать свое сообщеніе другому его подчиненному. Еслибы по сосѣдству возникло у насъ какое-нибудь дѣло съ Афганистаномъ, то намъ пришлось бы требовать объясненій отъ Англійскаго правительства въ Лондонѣ, а не въ Калькуттѣ. Взявъ страну подъ свою опеку, оно не можетъ уклониться и отъ отвѣтственности за нее. Хотя въ мирномъ трактатѣ съ Якубъ-ханомъ, Англійское правительство и уговорилось не вмѣшиваться во внутреннее управленіе, но принявъ подъ свой надзоръ его иностранныя сношенія, оно волей-неволей должно будетъ отвѣчать еслибъ онъ или его подданные подали сосѣдямъ поводъ къ неудовольствію. Не знаемъ выгодно ли это для Англіи, но она сама взяла на себя эту обузу.

Напрасно было бы думать что Англія теперь успокоится и не будетъ болѣе тревожить насъ новыми дипломатическими придирками. Въ Англіи очень интересуются толками о возвращеніи нами Кульджи Китайцамъ, очень безпокоятся нашею экспедиціей противъ Туркменъ и вопросомъ не поведетъ ли она къ занятію Мерва, который, по выраженію герцога Аргайля, приводитъ въ *мервное* содроганіе руссофобовъ. Можно даже ожидать что появленіе англійскихъ агентовъ въ города Афганистана, на самой нашей границѣ, на основаніи заключеннаго трактата, поведетъ къ новымъ интригамъ противъ Россіи и къ новымъ дипломатическимъ требованіямъ. Нашъ ярый недругъ, сэръ-Генри Роулинсонъ, уже начерталъ програму дѣйствій противъ Россіи въ Азіи, въ статьѣ „о результатахъ Афганской войны“, помѣщенной въ послѣднемъ нумерѣ *Nineteenth Century*. Экспедиція наша противъ Туркменъ не даетъ спать этому генералу и дипломату, и вотъ его заключеніе: „Афганское рѣшеніе не полно. Трактатъ долженъ быть дополненъ всѣми законными предосторожностями. Персія должна быть отвлечена отъ Россіи *coûte que coûte*. Сама Россія не должна быть оставлена въ неизвѣстности о нашихъ намѣреніяхъ. Должно заставить ее понять (*she must be made to understand*), пока еще есть время ей измѣнить свои наступательныя приготовленія, что ей не дозволятъ безпрепятственно утвердиться на афганской границѣ въ Мервѣ, въ Серахѣ, даже въ Абивердѣ *), ни возобновлять интриги про-

*) Аулъ въ землѣ Текинцевъ.

тивъ Британскаго могущества въ Индіи. Ее, въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы предостеречь что въ случаѣ надобности, для самообороны (!) мы готовы помочь Туркменамъ, съ коими она не имѣетъ никакой зоконной ссоры, оружіемъ и деньгами, или даже повернуть карты противъ нея поощряя усилія Узбековъ возвратить себѣ свободу." И что всего удивительнѣе, авторъ *увѣренъ* въ успѣхѣ своей программы лишь бы только хорошенько притопнуть на Россію. „Я не сомнѣваюсь, говоритъ онъ, что мы вполнѣ можемъ постоять за себя на Востокѣ какъ и на Западѣ: нужно только принять твердое положеніе и смѣлый языкъ сознательной силы и сознательнаго права." (!!)

Эти слова не просто только дышутъ непримиримою ненавистью къ Россіи они вызываютъ Британское правительство прямо ко враждебнымъ дѣйствіямъ. Не должно забывать офиціальнаго положенія человѣка который трактуетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ что не допускаетъ нашего права судить самимъ о законности ссоры съ Туркменами и увѣренъ что „смѣлый языкъ" заставитъ насъ исполнить все что угодно Англіи. Это пишетъ не парламентскій шутъ въ родѣ мистера Кенили, или безвѣстный писака, а человѣкъ имѣвшій и имѣющій вліяніе на политику Англіи. Генералъ-майоръ сэръ-Генри Роулинсонъ, бывшій посланникъ въ Персіи и служившій въ Индіи, состоитъ постояннымъ членомъ Остъ-Индскаго совѣта въ Лондонѣ при министрѣ Индіи; слѣдовательно, по всѣмъ вопросамъ касающимся Индіи и Средней Азіи онъ все равно что членъ кабинета и даже болѣе, такъ какъ онъ можетъ направлять политику послѣдовательнѣе чѣмъ мѣняющіеся министры противныхъ партій. Въ 1868 году онъ написалъ меморандумъ въ которомъ указывалъ на опасность для Индіи отъ русскихъ завоеваній въ Средней Азіи, и его указаніямъ слѣдовали лордъ Кларендонъ и лордъ Гранвиль въ своихъ представленіяхъ Россіи. Теперь, въ Афганистанѣ приведена лордомъ Литтономъ въ исполненіе его же, „Роулинсоновская", какъ ее называютъ, политика, и вотъ готова уже новая программа. О Мервѣ повидимому даже была рѣчь, такъ какъ въ разговорѣ объ афганскихъ дѣлахъ, который происходилъ въ палатѣ общинъ наканунѣ закрытія парламента, подсекретарь Индіи г. Стенгопъ заявилъ: „мы недавно получили отъ Россіи самое торжественное обѣщаніе что она не займетъ Мерва." Въ дипломатическихъ сношеніяхъ избѣгаются рѣзкія выраженія какія читаемъ въ статьѣ сэръ-Генри Роулинсона. Его дѣло разжигать страсти, возбуждать полемику въ печати, а министры потомъ обращаются къ намъ съ дружескими рѣчами о „соглашеніяхъ" чтобъ успокоить это искусственное волненіе умовъ. Мы уже много разъ видѣли какъ это дѣлается.

Новая программа сэръ-Генри Роулинсона для Англіи въ сущности излагаетъ и для Россіи весьма ясную программу, хотя разумѣется не въ смыслѣ его желаній. Именно намъ слѣдовало бы занять Мервъ. Экспедиція противъ Туркменъ-Теке найдена же была необходимою и стоила расходовъ. Надо извлечь изъ этого выгоду; занятіе Мерва не только связало бы воедино наши доселѣ разомкнутыя Каспійскую и Туркестанскую линіи, но и обезоружило бы интриги Англичанъ. Дипломатическій же разговоръ нашъ съ Англіей слѣдуетъ считать конченнымъ. Она не нашла нужнымъ возвратиться къ прежнему „соглашенію" объ Афганистанѣ, а прибрала эту страну къ рукамъ. Чего же ей болѣе? Слѣдуетъ не только остерегаться ненужныхъ заявленій, но уклоняться и отъ всякаго разговора о Мервѣ какъ о дѣлѣ не касающемся Англіи какъ и мы не безпокоили ее запросами о занятіи Кветты или о присвоеніи теперь части Афганской территоріи.

Этимъ мы упростили бы и вмѣстѣ усилили бы наше положеніе въ Азіи и Англія стала бы тѣмъ осмотрительнѣе въ отношеніи къ намъ что она афганскою затѣей отнюдь не усилила своего положенія, по мнѣнію многихъ компетентныхъ авторитетовъ напримѣръ сэръ-Джорджа Кампбелля, и пріобрѣтенныя ею выгоды представляются имъ крайне сомнительными. Исправленіе границы въ „научномъ" смыслѣ привело къ занятію пунктовъ не имѣющихъ иного сообщенія между собой какъ кружнымъ путемъ черезъ Индію, и къ занятію проходовъ обитаемыхъ дикими горцами, отъ нападеній коихъ Англичане откупаются регулярною данью; Афганцы не станутъ дружелюбнѣе отъ того что ихъ заставляютъ „быть друзьями" посредствомъ войны, къ тому же война уже повела къ распаденію владѣній прежняго эмира: Бадакшанъ и Ваханъ отторглись, Гератъ и Маймене также въ сомнительномъ подчиненіи нынѣшнему эмиру; въ самой Индіи, въ Бомбей-

скомъ и Мадрасскомъ президентствахъ, были волненія, и финансы ея напряжены до крайности. Все это мы можемъ имѣть въ виду и совершенно спокойно относиться къ англійскимъ заискиваніямъ.

Кстати, мы только что получили оттиснутую отдѣльною брошюрой статью петербургскаго профессора г. Мартенса, которая была напечатана въ *Revue de droit international*, подъ заглавіемъ „Россія и Англія въ Средней Азіи.“ Профессоръ старается доказать что интересы Россіи и Англіи въ Средней Азіи совершенно тождественны, и что имъ слѣдовало бы установить тамъ свои взаимныя отношенія, вмѣсто недовѣрія и антогонизма, „на взаимномъ довѣріи, на искреннихъ объясненіяхъ, на взаимномъ уваженіи пріобрѣтенныхъ правъ и законныхъ отношеній каждой.“ Благодушная утопія,—но нельзя согласиться съ почтеннымъ профессоромъ касательно возможности ея осуществленія. Самъ же онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „англійская политика въ Средней Азіи въ полной гармоніи съ англійскою политикой на Востокѣ: въ Турціи какъ и въ Средней Азіи Англія имѣла въ виду лишь свой исключительный интересъ.“ О томъ же насколько наша добросердечная сговорчивость способствовала убѣжденію Англичанъ въ истинѣ положеній которыя такъ принимаетъ къ сердцу г. Мартенсъ,—это очень хорошо видно въ приложенномъ имъ краткомъ историческомъ очеркѣ прежнихъ переговоровъ и соглашеній.

№ 209.

Москва, 14-го августа.

Отставка графа Андраши подошла какъ нельзя болѣе кстати ко времени наступающаго обычнаго осенняго политическаго затишья чтобы дать обильную пищу для газетныхъ сужденій и гаданій. Но въ преувеличенномъ всеобщемъ вниманіи имъ возбужденномъ есть одна черта особенно обращающая вниманіе: это, съ одной стороны, весьма распространенное въ самыхъ разнородныхъ сферахъ сожалѣніе объ удаленіи его отъ руководства политикой Австро-Венгерской монархіи, а съ другой, тонъ мрачнаго сомнѣнія о томъ что̀ затѣмъ послѣдуетъ. Жалѣютъ о графѣ Андраши очень многіе и почти вездѣ: жалѣютъ въ Берлинѣ, жалѣютъ въ Лондонѣ, жалѣютъ въ Парижѣ, жалѣютъ въ Пештѣ его соотечественники, жалѣютъ въ Вѣнѣ его бывшіе противники нѣмецкіе централисты, которымъ еще болѣе противенъ вновь сформированный цислейтанскій кабинетъ, который былъ поводомъ если не причиной удаленія графа Андраши. Не жалѣютъ о немъ развѣ Славяне Австріи, для коихъ его политика была полнымъ воплощеніемъ прижавшаго ихъ къ стѣнѣ нѣмецко-мадьярскаго дуализма. Что же касается сомнѣній, то они положительно всеобщія, такъ какъ до сихъ поръ не выяснилось какое новое развитіе примутъ теперь дѣла имперіи Габсбурговъ, осужденной повидимому на безконечные политическіе опыты для поддержанія неустойчиваго равновѣсія. Интересно бросить взглядъ на мотивы коими объясняются эти разнообраныя сожалѣнія. Всѣмъ извѣстно что графъ Андраши никогда не былъ и не претендовалъ быть центральною фигурой европейской политики. Его роль была болѣе скромная: не только во внѣшнихъ, но и во внутреннихъ дѣлахъ онъ былъ скорѣе послушнымъ орудіемъ обстоятельствъ.

Сожалѣнія выражаемыя германскою печатью легко понять. Графъ Андраши былъ твердымъ сторонникомъ крѣпкаго союза Австріи съ Германіей, въ немъ видѣли надежное ручательство что Австрія не приступитъ ни къ какому союзу враждебному Германіи. Но и тутъ не совсѣмъ понятно чрезмѣрное сожалѣніе, если оно выражаетъ сомнѣніе за будущее. Почти одновременно съ увольненіемъ графа Андраши произошло свиданіе императоровъ Австрійскаго и Германскаго въ Гастейнѣ, и оно было истолковано какъ новое подтвержденіе тѣсной дружбы связующей обѣ монархіи. Затѣмъ, трудно и представить себѣ какимъ образомъ Австрія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могла бы найти себѣ политику независимую отъ Германіи, и мы не знаемъ еще насколько можно вѣрить предположенію будто назначаемый нѣкоторыми слухами въ преемники графу Андраши чешскій феодалъ Кламъ-Мартиницъ считается враждебнымъ князю Бисмарку и сторонникомъ союза съ Франціей.

Но вотъ что̀ удивительно. Во Франціи, если вѣрить парижскому корреспонденту *Times*, также жалѣютъ о графѣ Андраши по причинѣ какъ разъ противоположной.

Онъ де обнаружилъ удивительный тактъ во всемъ что̀ касалось Франціи: „Избѣгая столкновенія съ Россіей, оставаясь другомъ Германіи, онъ сумѣлъ, не скажу, подготовить или даже сдѣлать возможнымъ союзъ съ Франціей, но не сдѣлать невозможнымъ такого союза въ любую данную минуту, а бо̀льшаго нельзя было и требовать отъ самаго искуснаго государственнаго человѣка.“ Правда, одну минуту это высокое мнѣніе Французовъ о бывшемъ австро-венгерскомъ канцлерѣ было заслонено облачкомъ. Во время Берлинскаго конгресса мирное пріобрѣтеніе Босніи сначала вызвало де почти такое же раздраженіе какъ захватъ Кипра Англіей, и „сдѣлало имя графа Андраши почти столь же непопулярнымъ въ Парижѣ какъ и имя лорда Биконсфильда.“ Но это чувство вскорѣ прошло, и всѣ стали удивляться политикѣ графа Андраши, сумѣвшаго заставить конгрессъ разыграть пріятную комедійку которую Австрія заключила согласіемъ принять ту самую Боснію которую графъ Андраши давно себѣ намѣтилъ. Такимъ образомъ удивительный геній графа Андраши сумѣлъ служить и нашимъ и вашимъ, офиціально дружа и держась союза съ Германіей и въ то же время поддерживая во Франціи надежды на возможможность союза съ нею.

Англія, какъ подобаетъ, не отстаетъ отъ общаго хора сожалѣній. Не даромъ же англійскіе министры открыто заявляли что именно это занятіе Босніи было де едва ли не главнымъ и самымъ лучшимъ результатомъ Берлинскаго конгресса. Поэтому ихъ сожалѣнія и вызваны сомнѣніями о томъ какимъ образомъ и въ какомъ смыслѣ будетъ продолжаема эта политика которая считалась согласною съ интересами Англіи. Только здѣсь, въ сомнѣніяхъ выражаемыхъ англійскою печатью, выражается нѣкоторая двойственность. Съ одной стороны, и теперь въ Англіи не только не жалѣютъ о подаркѣ сдѣланномъ Австріи на счетъ Турціи, но и не прочь одобрить превращеніе занятія Босніи и Герцеговины въ полное присоединеніе, и газета *Times* обѣщаетъ Австріи „нравственное сочувствіе Европы если ея государственные люди рѣшатся принять выпавшее наслѣдство и включить въ имперію ея новыя владѣнія.“ Опасеніе внушаетъ только мысль что самая будущность австрійскаго занятія представляется отчасти загадкой. При дворѣ императора Франца-Іосифа есть де смѣлые честолюбивые люди, мечтающіе найти въ новыхъ территоріяхъ утѣшеніе для Габсбургскаго дома за утрату германской гегемоніи, Венеціи и Ломбардіи. Вліяніе графа Андраши, который дѣйствовалъ въ искреннемъ согласіи съ Англіей и Германіей, и было де въ этомъ отношеніи ручательствомъ что „Австрія будетъ слѣдовать своему естественному направленію на Востокѣ независимо отъ Россіи“ При отсутствіи же его, направленіе дѣлъ можетъ пожалуй попасть въ руки людей слишкомъ стремительныхъ. Съ другой стороны, въ иныхъ газетахъ напримѣръ въ ярой туркофильской *Pall Mall Gazette*, выражается полное убѣжденіе что дальнѣйшее движеніе Австріи не можетъ быть иначе какъ съ полнаго одобренія Германіи, и что графъ Андраши потому и вышелъ въ отставку что, какъ патріотическій Венгерецъ, не могъ долѣе принимать участіе въ этихъ планахъ. „Перемѣны недавно совершившіяся въ европейской системѣ суть только прелюдія еще бо̀льшихъ предстоящихъ перемѣнъ. Мы вѣроятно увидимъ расширеніе австрійской территоріи до Эгейскаго моря; вѣроятно также поглощеніе нѣсколькихъ такъ-называемыхъ независимыхъ маленькихъ государствъ.“ Россія, по мнѣнію англійской газеты, будетъ безсильна этому помѣшать, даже еслибъ Австрія захватила весь Юго-Востокъ Европы, но конечно придется подумать о вознагражденіи Германіи, которое въ точности можетъ быть еще не рѣшено ею самою. „Предъ нею значительный выборъ, и онъ опредѣлится обстоятельствами, можетъ быть еще не совсѣмъ созрѣвшими.“

Ясно почему подозрѣніе о возможности дальнѣйшаго движенія Австріи начинаетъ возбуждать ревнивое недовѣріе въ Англіи, которая сама мечтаетъ воспользоваться наслѣдіемъ Турціи. Австрія нужна и полезна Англіи только какъ противодѣйствіе Россіи, но какъ въ греческомъ вопросѣ англійская политика рада всячески поощрять и раздувать антагонизмъ Грековъ противъ Славянъ, но въ то же время отнюдь не расположена способствовать ихъ національнымъ претензіямъ, предвидя въ нихъ, по ихъ торговой предпріимчивости, опасныхъ для себя соперниковъ, такъ точно и предполагаемая австрійская эксплуатація Балканскаго полуострова не можетъ нравиться

Англичанамъ. А между тѣмъ, досужимъ публицистамъ не приходитъ въ голову что помимо Австріи и Англіи, помимо даже Россіи, которая въ этихъ начинающихся пререканіяхъ за раздѣлъ безцеремонно отодвигается на второй планъ, хотя и она не менѣе другихъ въ правѣ позаботиться о своихъ интересахъ,—есть населенія Балканскаго полуострова, которымъ прежде чѣмъ кому-либо принадлежитъ право на наслѣдіе.

Смыслъ всѣхъ толковъ возбужденныхъ отставкой графа Андраши тотъ что въ сущности сама Австрія находится теперь въ кризисѣ. Захватъ Босніи и Герцеговины затянулъ ее на скользкій путь. Удаленіе графа Андраши можетъ означать болѣе дѣятельное движеніе Австріи на Востокъ, наперекоръ оппозиціи Мадьяръ; съ другой же стороны, старанія Вѣнскаго двора сблизиться съ Чехами какъ будто указываютъ на то что онъ не расположенъ къ уступкамъ на Западѣ, и вступленіе Чеховъ въ кабинетъ едва ли можетъ нравиться въ Берлинѣ. Но каковъ бы ни былъ выборъ Австріи, когда ей придется окончательно рѣшиться, будетъ, всего вѣроятнѣе, возбужденъ *Австрійскій* вопросъ.

№ 210.

Москва, 16-го августа.

Брошюра профессора Мартенса, подъ заглавіемъ *La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale*, о которой мы на дняхъ упоминали, заслуживаетъ вниманія потому что въ ней высказано одно безспорное заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ между Англіей и Россіей въ Средней Азіи, и одно крайне сомнительное предположеніе касательно будущаго. Нельзя ничего возразить противъ заключенія что война Англичанъ съ Афганцами и мирный трактатъ ихъ съ нынѣшнимъ эмиромъ произвели „радикальную перемѣну“ въ порядкѣ вещей который былъ основаніемъ всѣхъ прежнихъ дипломатическихъ переговоровъ и обязательствъ между Англіей и Россіей. „Изъ этихъ переговоровъ и обязательствъ явствуетъ,“ говоритъ г. Мартенсъ, „что существенная перемѣна въ международномъ положеніи Афганистана должна по необходимости уничтожить всѣ международныя обязательства принятыя Русскимъ и Англійскимъ правительствами. Полное подчиненіе Афганистана Англійскому правительству есть совершившійся фактъ, благодаря мирному трактату заключеному съ эмиромъ Кабульскимъ. Съ этой точки зрѣнія соглашеніе состоявшееся между Англіей и Россіей въ 1873 году имѣетъ теперь не болѣе какъ историческое и теоретическое значеніе.“ Совершенно справедливо. Какимъ же образомъ, придя къ этому результату, г. Мартенсъ находитъ „очевиднымъ“ и „абсолютно необходимымъ“ искать теперь новаго соглашенія между обѣими державами? Какимъ образомъ можетъ вытекать „очевидность“ и „необходимость“ новыхъ соглашеній и обязательствъ когда всѣ прежнія, разжигавшія безо всякой нужды страсти и только возбуждавшія недоразумѣнія и новыя притязанія кончились, уничтоженныя самимъ дѣйствіемъ Англіи, какъ это убѣдительно доказано авторомъ въ историческомъ обзорѣ бывшихъ переговоровъ?

Эта часть его труда тѣмъ болѣе имѣетъ цѣну что она изложена исключительно на основаніи офиціальныхъ документовъ обнародованныхъ Англійскимъ правительствомъ въ его *Синихъ Книгахъ*. Но прежде чѣмъ приступить къ этому обзору, профессоръ международнаго права задается вопросомъ: примѣнимо ли международное право къ націямъ полудикимъ? Намъ пріятно заявить что авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, потому что азіятскія страны, и въ особенности ханства Средней Азіи, не имѣютъ де прочной общественной организаціи и что въ ихъ предѣлахъ обитаютъ народы дикіе, кочевые, живущіе грабежами и убійствами, а правительства ихъ не могутъ отвѣчать за вѣрное исполненіе принятыхъ обязательствъ. Отсюда должно слѣдовать что эти страны *не могутъ* быть предметомъ взаимныхъ условій между цивилизованными государствами, такъ какъ это значило бы ставить подобныя условія въ зависимость отъ полудикарей и принимать ихъ безотвѣтственными пайщиками уговора. Посмотримъ же въ какой мѣрѣ былъ этотъ принципъ соблюденъ въ переговорахъ между Англіей и Россіей. Намъ нѣтъ надобности слѣдить хронологически, вмѣстѣ съ г. Мартенсомъ, весь ходъ ихъ, такъ какъ исторія эта всѣмъ довольно хорошо извѣстна. Мы остановимся лишь на тѣхъ обстоятельствахъ которыя освѣщаютъ намъ въ какомъ духѣ

были начаты и ведены Англіей эти переговоры, и съ какою главною цѣлью.

Уже съ 1864 года, при первыхъ шагахъ русскихъ войскъ въ среднеазіятскихъ степяхъ, начались приставанія къ намъ Англіи, до такой степени что нашъ кабинетъ счелъ нужнымъ изложить поводы дѣйствій Россіи и обозначить окончательную цѣль ихъ въ циркулярѣ князя Горчакова, отъ 21 ноября 1864 года. Уже изъ этого циркуляра можно видѣть какъ русская дипломатія сама тяготилась русскимъ движеніемъ въ Средней Азіи. Въ немъ встрѣчается такая фраза: „Крайне необходимо (*urgent*) обозначить эти линіи (русскихъ передовыхъ фортовъ) окончательнымъ образомъ, дабы избѣжать опасныхъ и почти неизбѣжныхъ увлеченій которыя могутъ повести къ безграничному расширенію.“ Откровенность эта тогда же удивила многихъ, и разумѣется ей не повѣрили, и вмѣсто ожидаемаго успокоенія, циркуляръ только поощрилъ дальнѣйшую назойливость. Г. Мартенсъ по этому поводу замѣчаетъ: „Въ виду закоренѣлыхъ предубѣжденій и предразсудковъ Англіи въ отношеніи къ Россіи, циркуляру слѣдовало бы быть менѣе откровеннымъ и болѣе *московскимъ* (*la circulaire aurait peut-être dû être moins franche et plus moscovite*“) (стр. 25).

Дѣйствительно, мы кажется слишкомъ торопились успокоивать, и тѣмъ только повредили себѣ. Въ 1865 году почтенный президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, покойный сэръ-Родрикъ Мурчисонъ, въ публичной рѣчи доказывалъ несообразность опасеній русскаго похода въ Индію, и лордъ Россель, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, писалъ что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія сэръ-Родрика Мурчисона. А также и позднѣе, въ 1867 году, сэръ-Стаффордъ Норткотъ, какъ статсъ-секретарь Индіи, писалъ вицекоролю: „завоеванія Россіи съ Средней Азіи не подаютъ ни малѣйшаго повода къ представленіямъ вызываемымъ подозрѣніями или страхомъ съ нашей стороны.“

Но начало было сдѣлано, и мы дались въ ловушку. Въ 1868 году, послѣ того какъ извѣстный сэръ-Генри Раулинсонъ обнародовалъ свой меморандумъ, агитація возобновилась съ большимъ шумомъ и натискомъ на нашу дипломатію. Лордъ Кларендонъ, въ началѣ 1869 года, поспѣшилъ обратиться къ нашему послу въ Лондонѣ съ вопросомъ: „Какимъ бы образомъ успокоить общественное мнѣніе въ Англіи?“ Нѣкоторыя любопытныя подробности начавшихся переговоровъ показываютъ всю опасность подобныхъ сношеній. Лордъ Кларендонъ первый предложилъ мысль о „нейтральномъ поясѣ въ Азіи,“ дабы владѣнія обѣихъ имперій не пришли въ соприкосновеніе. Мы немедленно приняли предложеніе. Но англійскій министръ спохватился и измѣнилъ свое мнѣніе, предложивъ, вмѣсто того, признать Аму-Дарью „какъ бы фиктивною линіей“ между обѣими державами. На это конечно невозможно было согласиться нашему правительству. Однако, при свиданіи съ лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ, князь Горчаковъ старался успокоить англійскаго министра, и когда тотъ упомянулъ о „честолюбіи генераловъ,“ то на это замѣтилъ что „со стороны вновь назначеннаго генералъ-губернатора Кауфмана нечего опасаться.“ (Стр. 37 и 38). Здѣсь кстати замѣтить что и позднѣе, въ 1870 году, англійскій посолъ, сэръ-Андру Бьюкананъ, въ своемъ донесеніи, удостовѣрялъ что „русское министерство иностранныхъ дѣлъ энергически противилось расширеніямъ территоріи въ Азіи.“ Затѣмъ послѣдовали переговоры съ пріѣхавшимъ изъ Индіи г. Форсайтомъ „объ общихъ основаніяхъ политическаго равновѣсія для странъ раздѣляющихъ русскія и англійскія владѣнія въ Азіи,“ и тутъ встрѣчаемъ новый куріозъ. Мы полагали что эти переговоры велись *bona fide*, а лордъ Дарби въ 1875 году объявилъ что „г. Форсайтъ не былъ уполномоченъ соглашаться на признаніе Афганистана нейтральною территоріей.“ Такія недоразумѣнія постоянно повторялись и когда шла рѣчь о границахъ Афганистана. Эта исторія слишкомъ извѣстна; извѣстно также что Россія согласилась съ мнѣніемъ Англіи и приняла предложенную ею границу этого ханства. Не станемъ также касаться хорошо извѣстныхъ запросовъ Англіи и отвѣтовъ Россіи касательно Хивы, но любопытно отмѣтить что немедленно затѣмъ, съ 1874 года, англійскіе министры заводятъ уже рѣчь о Мервѣ. „Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1874 по 1878, пишетъ г. Мартенсъ, лондонскій кабинетъ мучилъ своими запросами Русское правительство чтобъ узнать имѣетъ ли оно намѣреніе снарядить экспедицію противъ этого интереснаго селенія,“ и

хотя оно было внѣ предѣловъ прежнихъ соглашеній и въ дипломатической корреспонденціи нѣтъ и слѣда какого-либо обязательства Россіи относительно Мерва, тѣмъ не менѣе „британскій представитель при Русскомъ дворѣ, повидимому, претендовалъ что экспедиція противъ Мерва была бы нарушеніемъ русскихъ обязательствъ.“

Наше правительство, наконецъ, задумало сдержать претензіи Англіи желавшей контролировать каждый шагъ Россіи въ Азіи, и въ 1875 году княземъ Горчаковымъ былъ написанъ меморандумъ, въ которомъ, излагая основанія соглашенія касательно Афганистана какъ нейтральной полосы и разграниченія сферъ вліянія, канцлеръ въ то же время замѣчалъ: „Все время понималось что, съ той и другой стороны, оба правительства вполнѣ сохраняли свободу дѣйствій и оцѣнки относительно мѣръ необходимыхъ для ихъ собственной безопасности.“ Англійское правительство и тутъ нашло нужнымъ „исправить“ нѣкоторыя выраженія, такъ какъ оно де *иначе* понимало переговоры о границахъ Афганистана; но оно сумѣло оцѣнить важность признанія *ею* полной свободы дѣйствій (*complete liberty of action*), а кстати вновь опять ввернуло слово о Мервѣ. Тогда князь Горчаковъ, для избѣжанія недоразумѣній, въ депешѣ 3 февраля 1876 года, объявилъ пренія относительно промежуточной полосы оконченными, „какъ оказавшіяся мало практичными,“ и повторилъ о сохраненіи обоими правительствами полной свободы дѣйствій, хотя и придерживаясь достигнутаго соглашенія.

Все это мы прочли въ книгѣ г. Мартенса. Спрашивается, согласуется ли исторія этихъ переговоровъ съ принятымъ имъ основнымъ принципомъ о непримѣнимости европейскаго международнаго права къ странамъ варварскимъ. Напротивъ, мы здѣсь постоянно встрѣчаемъ толки о „нейтральныхъ территоріяхъ,“ „фиктивной линіи границы,“ „политическомъ равновѣсіи,“ „разграниченіи сферъ вліянія,“ и все это въ примѣненіи къ странамъ варварскимъ, кочевымъ, неустроеннымъ, подверженнымъ анархіи. Казалось бы, надо сказать слава Богу что вся эта непроглядная путаница наконецъ прекратилась. Однако, г. Мартенсу, несмотря на фіаско прежнихъ стараній, хотѣлось бы найти новое соглашеніе, основанное „на взаимномъ довѣріи, на искреннемъ признаніи пріобрѣтенныхъ правъ и законныхъ стремленій каждой стороны.“ Бѣда въ томъ что эти прекрасныя мечтанія никого не убѣдятъ. Къ кому обращается г. Мартенсъ? Конечно, не къ дипломатіи нашей, которая все время убѣждала Англію въ чистотѣ нашихъ намѣреній. Насъ упрекать въ недовѣріи нельзя. Мы не тревожили Англію запросами, требованіями, упреками. Англичане же знаютъ чего хотятъ, и старанія г. Мартенса оправдать въ этомъ отношеніи нашу дипломатію излишни. Все время, подъ предлогомъ фантастическихъ переговоровъ, забота Англичанъ была вовсе не о нейтральной территоріи, а о томъ чтобы навсегда остановить русское движеніе въ Азіи. Еслибы Россія стала третьеклассною державой, или вовсе перестала существовать, или степи Средней Азіи могли бы стать океаномъ, для Англіи было бы еще пріятнѣе.

Странно также читать разсужденія о томъ что борьба этихъ двухъ великихъ державъ въ Азіи была бы одинаковымъ бѣдствіемъ для нихъ обѣихъ, и кто бы ни одержалъ въ ней верхъ, былъ бы самъ наканунѣ утраты своихъ владѣній въ Азіи, вслѣдствіе поднятія азіятскихъ народовъ, и что поэтому каждая изъ нихъ лучше обезпечиваетъ для другой ея владѣнія своимъ присутствіемъ. Всѣ наши средне-азіятскія владѣнія, и по численности населенія, и по характеру ихъ, ничтожество въ сравненіи съ силой самой Россіи Англичане же въ Индіи горсть среди 200 милліоннаго населенія. Англичане трепещутъ за Индію; намъ ли трепетать за Ташкентъ? Россія безъ Средней Азіи была и осталась бы тою же Россіей какая она есть, а чѣмъ стала бы Англія безъ Индіи? Безпокоиться же о томъ что стали бы мы дѣлать съ 200 милліонами Индусовъ еслибъ одержали верхъ надъ Англіей кажется намъ совершенно напрасною заботой. Россія не мечтаетъ о завоеваніи Индіи, но если Англію безпокоитъ возможность борьбы, если эта перспектива страшитъ ее, то всего лучше было бы внушить ей чтобъ она не задирала и не оскорбляла державу, теперь уже сопредѣльную ей... Намъ же, смѣемъ думать, нѣтъ ни малѣйшей надобности, для безопасности нашихъ средне-азіятскихъ владѣній, въ присутствіи Англичанъ въ Индіи. Россія сумѣетъ удержать свои владѣнія и тогда еслибъ Индія стала независима отъ Англіи...

№ 211.

Москва, 17-го августа.

А.

Недавно вышла въ свѣтъ интересная по своей оригинальности брошюра г. Залѣсскаго, подъ заглавіемъ: *Проектъ замѣны налоговъ подушнаго, соляного и государственнаго на недвижимую городскую собственность налогомъ на квадратную сажень помѣщенія.*

Обращаемъ на нее вниманіе, потому что того гляди какая-нибудь городская дума или земская управа поспѣшитъ принять въ руководство изложенныя въ этой брошюрѣ воззрѣнія.

Въ основѣ своей проектъ г. Залѣсскаго очень не сложенъ. „Прямые налоги,“ говоритъ г. Залѣсскій, „удовлетворительны „лишь въ тѣхъ случаяхъ когда они при„влекаютъ къ платежу *всѣхъ*, взимаются „сообразно средствамъ плательщиковъ, „т.-е. подоходны,“ и когда они прямо пропорціональны этимъ средствамъ, т.-е „прогрессивны.“ Если это не достигается, то прежде всего потому что нѣтъ *точной*, *постоянной*, а главное *удобо-уловимой* единицы для ихъ измѣренія. Никто не оспаривалъ еще необходимотти соразмѣрять взносы со средствами плательщиковъ налога; но теорія и практика всегда указывали затруднительность и почти полную невозможность совершенно справедливой раскладки такого налога. Такимъ образомъ весь вопросъ о наиболѣе правильной системѣ общаго подоходнаго налога сводится къ вопросу о способѣ его разверстки, къ вопросу объ уловимости размѣра дѣйствительныхъ платежныхъ силъ привлекаемаго къ платежу лица.

Исходя изъ этого начала г. Залѣсскій предположилъ что каждый человѣкъ живетъ соотвѣтственно своимъ средствамъ, и что размѣръ занимаемаго имъ помѣщенія, будучи пропорціоналенъ средствамъ къ жизни, является „вѣрнымъ и постоян„нымъ признакомъ матеріальной состоя„тельности.“ Богатый живетъ просторнѣе, комфортабельнѣе, бѣдный тѣснѣе; поэтому вполнѣ де справедливо и возможно измѣрять эти средства количествомъ квадратныхъ саженъ занимаемаго имъ помѣщенія.

Такая единица измѣренія представляется г. Залѣсскому тѣмъ болѣе удобною что съ принятіемъ ея „привлекаются къ налогу всѣ безъ изъятія“ и что количество квадратныхъ саженъ занимаемыхъ помѣщеній легко опредѣляется и контролируется какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ. Вся трудность введенія такого налога будетъ заключаться не въ обложеніи отдѣльныхъ лицъ, а въ опредѣленіи нормы обложенія принятой единицы въ зависимости отъ мѣстности. Помѣщеніе одного и того же размѣра въ столицѣ и въ провинціальномъ городѣ, на бойкой улицѣ или въ предмѣстьѣ, въ деревнѣ или уѣздномъ городкѣ, на паровомъ или конномъ пути сообщенія, въ торговой или земледѣльческой мѣстности, стóитъ не одно и то же, а слѣдовательно служитъ представителемъ не одной и той же степени благосостоянія, точно также какъ не одно и то же квартира въ подвалѣ и въ бель-этажѣ. Опредѣливъ тщательнымъ образомъ величину налога на сажень помѣщенія въ различныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ качества мѣста, по мнѣнію г. Залѣсскаго, разверстать налогъ между плательщиками было бы дѣломъ относительно весьма не труднымъ если привлечь къ сбору налога домохозяевъ, особенно въ городахъ.

Оставимъ въ сторонѣ подробности взиманія и провѣримъ основную мысль проекта. Математически невѣрно будто степень платежныхъ силъ даннаго лица можетъ быть измѣряема числомъ квадратныхъ саженъ занимаемаго имъ жилья. Двѣ семьи занимаютъ одинаковую по пространству и качеству квартиру, но одна состоитъ изъ трехъ душъ, другая изъ шести. Предположивъ что всѣ прочія условія одинаковы, нельзя не видѣть что средства первой семьи вдвое больше. Справедливѣе было бы разверстывать налогъ пропорціонально числу квадратныхъ саженъ приходящихся на каждаго обитателя квартиры. Только этимъ опредѣляется степень удобствъ жизни. Но какъ только введена такая поправка въ опредѣленіи единицы измѣряющей средства плательщика, сейчасъ же встрѣтятся многочисленныя затрудненія въ разверсткѣ и контролѣ сборовъ. На домъ имѣющій 300 квадратныхъ саженъ помѣщенія по системѣ г. Залѣсскаго придется примѣрно 75 рублей налога, независимо отъ того будутъ ли жить тутъ десять человѣкъ или тридцать. По нашему выйдетъ не такъ: налогъ съ двухъ домовъ изъ которыхъ въ одномъ 10, а въ другомъ 30 жильцовъ

долженъ быть различенъ. Въ одномъ на жильца приходится 10, а въ другомъ 30 саженъ; раздѣливъ 150 рублей налога пропорціонально этимъ числамъ найдемъ что налогъ на квадратную сажень въ домѣ съ 10 жильцами будетъ втрое больше.

При такихъ условіяхъ окладъ дома будетъ безпрестанно мѣняться и ускользать отъ провѣрки. Дума, куда домовладѣлецъ долженъ вносить собранный съ жильцовъ налогъ, можетъ знать число квадратныхъ саженъ въ помѣщеніяхъ даннаго дома, но лишена всякой возможности вести учетъ постоянно мѣняющагося числа жильцовъ въ квартирахъ; самый учетъ былъ бы такъ сложенъ что на практикѣ пришлось бы ввести нѣсколько сроковъ для провѣрки числа жильцовъ по квартирамъ, вслѣдствіе чего вышло бы что въ данную треть или полугодіе квартира была бы обложена напримѣръ 10 рублями, тогда какъ въ дѣйствительности слѣдовало бы вносить только пять, и наоборотъ. Наконецъ, кто будетъ платить за квартиру въ данномъ домѣ которая въ день провѣрки или раскладки налога занята, а затѣмъ простоитъ полгода пустою?

Независимо отъ изложеннаго, мысль г. Залѣсскаго кажется намъ невѣрною и по другимъ причинамъ. Квартира составляетъ *потребность* и, какъ таковая, подлежитъ всѣмъ законамъ потребности. При одинаковыхъ матеріальныхъ средствахъ, болѣе развитой классъ будетъ всегда имѣть болѣе просторную и удобную квартиру, но справедливо ли облагать его за это бо̀льшимъ налогомъ, который былъ бы налогомъ не на средства къ жизни, а на образованіе и воспитаніе?

Намъ кажется что именно по этой причинѣ нигдѣ и не введена система опредѣленія достатка лишь по одной просторности квартиры, даже принимая и ея обстановку, а взяты въ соображеніе и иные признаки состоятельности. Нѣкоторые изъ нихъ имѣетъ въ виду и г. Залѣсскій. „Жилыя помѣщенія нуждаются въ службахъ: „конюшняхъ, сараяхъ, прачешныхъ, кухняхъ, ледникахъ и коровникахъ,“ говоритъ онъ, и предлагаетъ обложить всѣ эти угодья съ квадратной сажени. Въ результатѣ такого обложенія получились бы куріозы.

Какъ и кто, напримѣръ, будетъ опредѣлять для чего держатся одна, двѣ коровы? Между тѣмъ это знать нужно, потому что жилецъ по проекту г. Залѣсскаго платитъ за коровникъ 15 коп. съ сажени, а молочница при тѣхъ же двухъ коровахъ по 25 коп. У перваго содержаніе коровъ можетъ быть признакъ достатка, у другой—бѣдности. То же и съ извощикомъ, прачкой и другими работниками.

Оставляемъ въ сторонѣ разсужденія г. Залѣсскаго о финансовомъ успѣхѣ проектируемой имъ системы, основанныя на гадательныхъ данныхъ.

Изложенныхъ выше доводовъ и примѣровъ, какъ намъ кажется, слишкомъ достаточно чтобы не согласиться съ мнѣніемъ автора будто съ принятіемъ „предлагаемой имъ единицы обложенія въ рукахъ „финансоваго управленія окажется налогъ „*неоспоримо* самый удовлетворительный „изо всѣхъ существующихъ нынѣ.“ Это черезчуръ смѣло!

B.

Телеграфъ на дняхъ удивилъ міръ вѣстью о возобновленіи Тройнаго Союза. Турецкое правительство получило де отъ своего посла въ Берлинѣ *конфиденціальную* депешу объ этомъ предметѣ, а услужливый телеграфъ спѣшитъ разослать то что̀ турецкій дипломатъ въ Берлинѣ счелъ нужнымъ облечь въ форму секретнаго донесенія. Отдавая отчетъ о недавнемъ свиданіи Германскаго и Австрійскаго императоровъ въ Гастейнѣ, турецкій посолъ сообщаетъ что „между Монархами трехъ сѣверныхъ державъ продолжаетъ существовать полное согласіе относительно политики которой они рѣшили держаться на Востокѣ.“

„При Гастейнскомъ свиданіи,“ продолжаетъ де доносить все тотъ же нескромный дипломатъ, „приняты весьма важныя и притомъ благопріятныя для Россіи рѣшенія кои будутъ имѣть большое вліяніе на судьбы Турціи.“ Кто пойметъ смыслъ этихъ загадочныхъ рѣчей?

Странно что берлинская *офиціозная* печать не пропускаетъ почти ни одного дня безъ какой-нибудь желчной выходки противъ Россіи, а въ то же время лондонская печать ликуетъ по поводу свиданія двухъ императоровъ въ Гастейнѣ, толкуя оное какъ событіе окончательно закрѣпившее тѣсное единеніе между Германіей и Австріей, съ устраненіемъ Россіи. Такого рода сужденія мы встрѣчаемъ преимущественно въ торійскихъ органахъ; но

берлинскія газеты, воздерживаясь сами отъ положительныхъ заключеній по этому поводу, тѣмъ усерднѣе воспроизводятъ англійскіе комментаріи къ Гастейнскому свиданію, подобно тому какъ онѣ же поспѣшили передать содержаніе брошюры появившейся въ столицѣ Швеціи и доказывавшей что Германія составляетъ нынѣ важнѣйшій оплотъ противъ Россіи, и что южные Славяне, обязанные Россіи своимъ освобожденіемъ, должны въ будущемъ искать въ Германіи, а не въ Россіи, опору для своей независимости и національнаго процвѣтанія. Объ этой брошюрѣ мы уже имѣли случай упомянуть со словъ берлинскихъ газетъ. Вѣнскія газеты также обратили на нее вниманіе, и, если вѣрить послѣднимъ, брошюра эта имѣетъ своимъ авторомъ не кого иного какъ самого шведскаго короля Оскара.

Мы сами не имѣли случая познакомиться изъ первыхъ рукъ съ содержаніемъ этой брошюры *). Но вѣнскія газеты излагаютъ его совершенно иначе нежели берлинскія. Изъ нихъ мы узнаемъ что царственный авторъ этой брошюры проникнутъ искреннимъ доброжелательствомъ къ Россіи и всячески старается разсѣять предубѣжденіе объ ея ненасытныхъ завоевательныхъ замыслахъ, доказывая что Россія, по самой природѣ вещей, не можетъ оставаться равнодушною къ будущей судьбѣ двухъ проливовъ—Босфора и Зунда—составляющихъ ключъ ея морскихъ сообщеній. За то вѣнскія газеты крайне негодуютъ что во всѣхъ политическихъ выкладкахъ на счетъ будущаго шведскій публицистъ не отводитъ Австріи никакого мѣста и взираетъ на нее какъ на явленіе столь же искусственное и преходящее какъ и сама Оттоманская имперія.

№ 212.

Москва, 18-го августа.

Одна изъ петербургскихъ газетъ сообщила на дняхъ слухъ объ имѣющемся въ правительственныхъ сферахъ предположеніи измѣнить двѣ статьи нашего Уложенія о Наказаніяхъ трактующія о кражѣ. Было бы, дѣйствительно, желательно чтобъ означенныя статьи были измѣнены ранѣе коренной переработки нашего уголовнаго кодекса, давно предпринятой, но которой мы повидимому не скоро дождемся. Измѣненіе этихъ статей важно не только само по себѣ, но и по своимъ послѣдствіямъ для нашего уголовнаго процесса. Газета сообщившая этотъ слухъ придаетъ этому вопросу такой смыслъ какъ будто дѣло идетъ главнымъ образомъ о „значительномъ смягченіи“ наказаній за кражи.

Но нашъ уголовный кодексъ вообще отличается скорѣе излишнею мягкостью наказаній за преступленія противъ частныхъ лицъ нежели наоборотъ, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть особенной надобности въ отдѣльныхъ измѣненіяхъ предваряющихъ общій пересмотръ всего кодекса. Наказанія за кражу положены въ немъ, правда, строже сравнительно съ наказаніями за преступленія противъ жизни; но наказанія эти строги не столько на дѣлѣ сколько на бумагѣ. Нашъ законъ отличаетъ простую кражу отъ кражи квалифицированной. За простую кражу положено тюремное заключеніе до одного года, и она подходитъ подъ юрисдикцію мировыхъ судей. Но кража на сумму свыше 300 рублей, а также всякая кража съ отягчающими обстоятельствами изъята отъ подсудности мировымъ судьямъ, такъ какъ наказанія за нихъ сопровождаются лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и въ силу этого такія кражи подсудны суду присяжныхъ. По системѣ принятой въ Уложеніи о Наказаніяхъ, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (въ отличіе отъ лишенія всѣхъ правъ состоянія) есть наказаніе *исправительное*. Тѣмъ не менѣе оно пожизненное. Для лицъ привилегированныхъ сословій оно сопряжено со ссылкой *на житье* въ губерніи Сибирскія или другія отдаленныя, и эта ссылка тоже пожизненная. Лица привилегированныхъ сословій подвергаются лишенію правъ за *всякую* кражу и за всякое мошенничество, хотя бы эти преступленія не сопровождались никакими отягчающими обстоятельствами, и потому дворяне, купцы и лица духовнаго званія за кражи и обманы всегда судятся съ присяжными. Но ссылка на житье замѣняется для лицъ податныхъ сословій, въ средѣ коихъ главнымъ образомъ набирается контингентъ воровъ, отдачей въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или въ

*) *Deux détroits*. Quelques reflexions sur la phase actuelle de la question d'Opient. Stockholm. 1879.

рабочій домъ на срокъ не превышающій четырехъ лѣтъ. Такое наказаніе вообще говоря, не можетъ считаться наказаніемъ чрезмѣрнымъ. Но однимъ изъ главныхъ признаковъ установленныхъ нашимъ закономъ для разграниченія простой кражи отъ кражи квалифицированной служитъ взломъ. Понятіе о взломѣ какъ отягчающемъ вину обстоятельствѣ при кражѣ есть въ сущности понятіе заимствованное нами извнѣ, ибо не слѣдуетъ забывать какое ничтожное препятствіе въ большинствѣ случаевъ представляютъ замки и прочіе затворы употребляемые нашимъ народомъ. Во сколько разъ болѣе тяжкою и достойною строгаго наказанія бываетъ, напримѣръ, кража лошади, хотя и изъ незапертаго помѣщенія, сравнительно съ кражей какой-нибудь ничтожной цѣнности сопровождаемой взломомъ замка уступающаго самому слабому усилію похитителя? А между тѣмъ конокрады у насъ судятся большею частью у мировыхъ судей. Окружные же суды загромождены производствами о кражахъ со взломомъ, кражахъ часто совершенно ничтожныхъ. Вотъ почему неудивительно что наказанія постигающія у насъ воровъ по приговорамъ окружныхъ судовъ рѣдко достигаютъ высшей установленной закономъ степени. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ виновные въ квалифицированной кражѣ отдаются въ арестантскія роты или въ рабочій домъ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года, и если принять въ соображеніе что арестантскія роты и рабочіе дома, даже тамъ гдѣ они существуютъ, мало чѣмъ отличаются отъ обыкновенныхъ нашихъ тюремъ, и если отличаются, то развѣ къ лучшему (въ смыслѣ гигіеническихъ условій); если, далѣе, обратить вниманіе на то что пенитенціарныхъ тюремъ (арестантскихъ ротъ и рабочихъ домовъ) во многихъ мѣстахъ не существуетъ вовсе и самъ законъ предписываетъ въ этомъ случаѣ замѣнять заключеніе въ оныхъ простымъ тюремнымъ заключеніемъ на тотъ же срокъ,—то и выходитъ что наказанія за простую кражу и за кражу со взломомъ въ большинствѣ случаевъ отличаются одно отъ другаго лишь тѣмъ что въ одномъ случаѣ виновнаго постигаетъ лишеніе правъ, въ другомъ нѣтъ. Но не говоря уже о томъ что всякая *пожизненность* наказанія, которое по мысли закона должно имѣть характеръ исправительнаго, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе,—давно уже дознано что такая *capitis diminutio* ровно ничего не значитъ въ глазахъ нашего простолюдина, а между тѣмъ „лишеніе правъ“ есть главное основаніе почему измѣняется подсудность и виновный въ какой-нибудь ничтожной кражѣ, но „со взломомъ“, отсылается не къ близкой и скорой расправѣ у мироваго судьи, а подвергается сложной и продолжительной процедурѣ предварительнаго слѣдствія, преданія суду и, наконецъ, торжественнаго суда съ присяжными, которые нерѣдко, въ виду несоотвѣтствія между виной подсудимаго и продолжительностью предварительной процедуры проведенной подсудимымъ въ той же тюрьмѣ, завершаютъ дѣло оправдательнымъ вердиктомъ, несмотря на очевидность факта, или даже на сознаніе подсудимаго.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, правосудіе нисколько не выигрываетъ въ строгости отъ того что законъ караетъ нѣкоторые виды кражи съ „особенною“ строгостью. На общемъ же ходѣ правосудія такое положеніе дѣлъ отзывается еще болѣе вреднымъ образомъ. Это именно потому что дѣла о кражахъ со взломомъ составляютъ не менѣе 60% общаго количества дѣлъ разсматриваемыхъ судами съ участіемъ присяжныхъ. Чрезъ это наши уголовные трибуналы обременены массой дѣлъ часто ничтожныхъ по своему содержанію и слишкомъ простыхъ чтобы важная обстановка суда и сложность процедуры являлись въ примѣненіи къ нимъ имѣющими разумный смыслъ. Это, въ свою очередь, притупляетъ интересъ къ дѣлу присяжныхъ и, кромѣ того, заставляетъ и коронныхъ судей относиться къ своей обязанности съ холоднымъ формализмомъ. Болѣе же всего этотъ порядокъ отзывается вредно на процедурѣ преданія суду, ибо судебныя палаты, на предварительное разсмотрѣніе которыхъ восходитъ всякое дѣло подлежащее суду съ присяжными, бываютъ такъ обременены *количествомъ* обвинительныхъ актовъ и заключеній о прекращеніи слѣдствій что для нихъ нѣтъ физической возможности разсмотрѣть каждое дѣло съ тою тщательностью которая имѣлась въ виду закономъ при учрежденіи обвинительныхъ камеръ, и все производство по преданію суду въ большинствѣ случаевъ является у насъ лишь не нужною и замедляющею теченіе уголовныхъ дѣлъ формальностью.

Въ виду этого, легко понять что разрѣшеніе вопроса объ измѣненіи наказаній за кражу,—вопросъ на который серіозные юристы давно уже обратили вниманіе,—имѣетъ первостепенную важность для всего строя нашего уголовнаго судопроизводства.

Если вѣрить приведенному выше извѣстію, предполагается измѣнить наказанія за кражу предусмотрѣнныя 2-ю частью 1.647 и 1648 стт. Улож. о Нак. Здѣсь рѣчь идетъ о кражахъ со „взломомъ втораго рода“, то-есть когда взломъ ограничивался разбитіемъ или поврежденіемъ оконъ, или внутреннихъ въ зданіи дверей, шкафовъ, сундуковъ, ларцовъ, или иныхъ хранилищъ, или же отбитіемъ замковъ бывшихъ на тѣхъ хранилищахъ, а также о похищеніи запертыхъ хранилищъ и о кражѣ посредствомъ подобранныхъ или похищенныхъ ключей. Но при частномъ исправленіи закона было бы безопаснѣе и вѣрнѣе не касаться размѣра наказаній, а только измѣнить компетенцію. Какое могло бы встрѣтиться затрудненіе для передачи дѣлъ этого рода, при той же мѣрѣ наказаній, въ вѣдѣніе мироваго суда? Если въ иныхъ случаяхъ квалификаціонной кражи годовое заключеніе въ тюрьмѣ оказывается недостаточною карою, то нѣтъ причины не предоставить мировому суду назначать за дѣла этого рода два съ половиною года въ арестантскихъ ротахъ. Для подсудимаго былъ бы достаточною гарантіей аппелляціонный и кассаціонный порядокъ обжалованія установленный въ сферѣ мировой юстиціи. А между тѣмъ не внѣшній признакъ, нерѣдко совершенно не соотвѣтствующій внутреннему характеру преступныхъ дѣяній, опредѣлялъ бы судьбу ихъ направляя ихъ либо въ окружный судъ съ присяжными, либо къ мировому судьѣ. Большая или меньшая степень наказанія присуждалась бы не по внѣшнему признаку, а по сущности дѣла насколько она раскроется при разбирательствѣ суда, который вѣдалъ бы всѣ дѣла этого рода какъ простыя, такъ и съ отягчающими обстоятельствами; съ другой же стороны эта мѣра освободила бы судебныя палаты, въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, отъ массы дѣлъ которыми онѣ обременяются безъ толку и безъ пользы и нерѣдко во вредъ правосудію и въ подрывъ общественной нравственности

№ 214.

Москва, 20-го августа.

Берлинская печать всѣхъ оттѣнковъ съ особенною настойчивостію указываетъ въ послѣднее время на охлажденіе будто бы наступившее между Германіей и Россіей. Органы этой печати какъ бы сговорились истолковывать въ смыслѣ такой перемѣны каждый новый фактъ, хотя бы съ виду онъ не имѣлъ никакой связи со взаимными отношеніями этихъ двухъ державъ. Такого рода толкованіе случилось намъ читать и по поводу отставки графа Андраши, которая никакъ не можетъ придти къ благополучному концу, и по поводу занятія австрійскими войсками Ново-Базарскаго санджака, занятія, къ которому австрійскія войска никакъ не соберутся приступить, и даже по поводу предстоящаго бракосочетанія короля Испанскаго съ австрійскою эрцгерцогиней!

Но замѣчательнѣе всего то что берлинскія газеты признаютъ самымъ главнымъ признакомъ упомянутаго охлажденія рѣзкія выходки нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ противъ Германіи, причемъ органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, возлагаетъ отвѣтственность за эти „враждебныя манифестаціи“ на Русское правительство. „Русская печать, насколько намъ извѣстно“, разсуждаетъ названная офиціозная газета, „состоитъ подъ цензурой, за исключеніемъ газетъ издаваемыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ; но и столичныя газеты не слишкомъ свободны въ сужденіяхъ по вопросамъ внутренней политики. Почему же главное управленіе по дѣламъ печати не пользуется своимъ вліяніемъ для обузданія агитаціи и по вопросамъ иностранной политики, и допускаетъ безнаказанное раздраженіе общественнаго мнѣнія съ цѣлью нарушенія добрыхъ отношеній между Германіей и Россіей?“

Это, что̀ называется, съ больной головы на здоровую. Прежде чѣмъ обращаться съ такими упреками къ русской печати, слѣдовало бы оглянуться вокругъ себя и обратить вниманіе на ту систематическую къ Россіи непріязнь какою проникнуты многіе органы германской печати. И это не со вчерашняго дня. Если судить о взаимныхъ отношеніяхъ между обѣими державами на основаніи того что̀ пишется

и писалось о Россіи напримѣръ въ *Кельнской* или во *Всеобщей* (аугсбургской) *Газетѣ*, то можно было бы придти къ заключенію что между Германіей и Россіей давно уже дѣло близко къ открытой враждѣ. А вѣдь эти газеты не принадлежатъ революціонной партіи, которая, по мнѣнію органа князя Бисмарка, одна виновна въ стремленіи разстроить взаимную дружбу между Россіей и Германіей? Слѣдуетъ принять въ соображеніе что враждебныя Россіи нѣмецкія изданія служатъ органомъ политическихъ партій имѣющихъ большее или меньшее вліяніе на дѣла, чего нельзя сказать о русскихъ газетахъ. Разсужденія ихъ могутъ быть умны или глупы; они могутъ соотвѣтствовать политическимъ интересамъ страны, или представлять собою праздный говоръ; но сами собою никакъ не могутъ вести къ „нарушенію добрыхъ отношеній" между державами, никакъ въ этихъ элукубраціяхъ нельзя искать ключа къ политикѣ Россіи, и мы не думаемъ чтобы въ этомъ отношеніи могли ошибаться въ Берлинѣ. Впрочемъ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* не говоритъ что петербургскія газеты, враждующія въ послѣднее время противъ Германіи, дѣйствуютъ такъ по чьему-либо указанію и внушенію. Но она дѣлаетъ Русское правительство какъ бы отрицательно отвѣственнымъ за то что̀ ей не нравится въ сужденіяхъ русскихъ газетъ. И это на томъ основаніи что русская печать находится подъ страхомъ контроля высшаго цензурнаго учрежденія, которое, по мнѣнію берлинской газеты, должно было бы обуздать черезчуръ рѣзкія нападки петербургскихъ публицистовъ на руководителя германской политики. Выходки эти, дѣйствительно, бываютъ часто глупы и нелѣпы; особенно забавны ярыя филиппики противъ „реакціонныхъ стремленій" германскаго канцлера. Но какъ же возлагать на правительство отвѣтственность за эти выходки въ силу того что оно имѣетъ возможность положить имъ конецъ?

Нигдѣ столько гадостей не печатается какъ въ русскихъ газетахъ подъ рукою сильнѣйшаго въ мірѣ правительства, этого, къ сожалѣнію, нельзя отрицать. Грубѣйшая ложь, клевета, ругательства, личныя выходки разчитанныя на возбужденіе страстей въ незрѣлыхъ умахъ, все это, дѣйствительно, характеризуетъ русскую печать, и нельзя сказать чтобы правительство вовсе не было отвѣтственно за тонъ въ ней господствующій; но нѣтъ ни малѣйшаго повода къ тому чтобъ иностранный министръ пользовался со стороны нашихъ властей бо̀льшими правами чѣмъ всякое частное лицо внутри государства. Нашъ законъ ограждаетъ отъ рѣзкихъ нападокъ иностранныхъ коронованныхъ особъ и ихъ дипломатическихъ представителей въ Россіи. Но въ немъ не имѣется особыхъ постановленій въ огражденіе достоинства чужеземныхъ министровъ, и послѣдніе подходятъ въ этомъ отношеніи подъ дѣйствіе общихъ законовъ ограждающихъ частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печатнымъ словомъ. Равнымъ образомъ, просторъ сужденія, предоставляемый нашимъ закономъ, не такъ тѣсенъ чтобъ оно не могло выходить за предѣлы того что̀ въ данную минуту соотвѣтствуетъ желанію правительства. Есть, правда, спеціальный законъ, на основаніи котораго правительство можетъ тотъ или другой вопросъ „изъять изъ обсужденія" печати. Но самое изданіе спеціальнаго постановленія, въ дополненіе къ общему закону о печати, доказываетъ что русской печати предоставлено свободно обсуждать все то что не поставлено подъ спеціальный запретъ. Само собою разумѣется что спеціальные запреты могутъ быть налагаемы лишь въ собственномъ интересѣ государства и относительно общихъ вопросовъ которые правительство находитъ полезнымъ въ данную минуту изъять изъ публичнаго обсужденія. Всякое же спеціальное распоряженіе въ угоду иностранному правительству было бы оскорбленіемъ національнаго достоинства Россіи и уничиженіемъ ея правительства.

№ 215.

Москва, 21-го августа.

Толки объ отставкѣ графа Андраши продолжаютъ занимать иностранную печать, можетъ-быть за неимѣніемъ другаго предмета, не приводя впрочемъ ни къ какому опредѣленному взгляду на значеніе этого событія. Въ послѣднее время, особенно замѣтна наклонность увѣрить что оно не означаетъ никакой перемѣны ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, и что не предстоитъ никакихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ между держа-

вами. Въ Англіи, повидимому, перестали опасаться чтобы съ удаленіемъ графа Андраши австрійская политика не стала дѣйствовать заодно съ Россіей, на что виденъ былъ намекъ въ сожалѣніяхъ *Times* и въ замѣчаніи этой газеты что графъ Андраши умѣлъ дѣйствовать независимо отъ Россіи и въ полномъ согласіи съ Германіей и Англіей. Теперь и такая руссофобская газета какъ *Morning Post* съ удовольствіемъ замѣчаетъ „признаки говорящіе о присутствіи твердаго и зоркаго направленія въ иностранной политикѣ Австро-Венгріи,“ и находитъ что отставку графа Андраши отнюдь не слѣдуетъ истолковывать какъ признакъ слабости или нерѣшительности. Другая лондонская газета, *Eastern Budget*, считающаяся органомъ австро-венгерскаго посольства, нашла нужнымъ разъяснить что никакой перемѣны во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи не предусматривается вслѣдствіе выхода графа Андраши, и въ доказательство того насколько онъ продолжаетъ пользоваться довѣріемъ своего государя указывается на тотъ фактъ что императоръ Францъ-Іосифъ спрашивалъ его совѣта въ выборѣ ему преемника. Графъ Андраши указалъ сначала на графа Корольи, австро-венгерскаго посла въ Лондонѣ, который, однако, самъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе по малому знакомству съ парламентскою процедурой, которая въ Австро-Венгріи отличается особенною сложностью. Въ берлинскую *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* сообщаютъ изъ Вѣны что и баронъ Геймерле имѣется въ виду на постъ министра иностранныхъ дѣлъ также по рекомендаціи графа Андраши.

Большое значеніе хотятъ приписывать поѣздкѣ графа Андраши въ Гастейнъ, почти тотчасъ послѣ его выхода въ отставку, для свиданія съ княземъ Бисмаркомъ. Телеграммы извѣщали какъ эти два государственные мужа проводили долгіе часы въ уединенныхъ бесѣдахъ. Полагаютъ что бесѣды князя Бисмарка были обильны „совѣтами и сообщеніями первой важности для возрастающаго согласія кабинетовъ Вѣнскаго и Берлинскаго.“ А нѣкоторыя изъ вѣнскихъ газетъ уже прямо провозгласили что между Австріей и Германіей будетъ заключенъ формальный союзъ.

Странно что о заключеніи этого союза заговорили по поводу отставки графа Андраши, который былъ у себя орудіемъ германской политики и, сколько извѣстно, не могъ быть препятствіемъ къ заключенію такого союза.

Самое интересное разъясненіе публикѣ далъ графъ Андраши въ разговорѣ съ однимъ изъ редакторовъ *Wiener-Tagblatt*, гдѣ разговоръ этотъ разказанъ съ большою подробностью. Публика всегда падка на такія *quasi*-конфиденціи разглашаемыя немедленно на весь міръ телеграфомъ.

Графъ Андраши не сказалъ корреспонденту ничего такого чего бы онъ не могъ сказать, и его откровенность какъ нельзя болѣе согласуется съ прежними успокоительными объясненіями по поводу его желанія удалиться отъ дѣлъ. Онъ увѣряетъ что необходимъ отдыхъ для поправленія здоровья послѣ долголѣтнихъ трудовъ. О намѣреніяхъ Австріи графъ Андраши не сказалъ ничего новаго, кромѣ нѣсколькихъ туманныхъ фразъ которымъ можно дать какой угодно смыслъ. Онъ полагаетъ что еслибъ Австрія не заняла Босніи, то она отреклась бы отъ своихъ правъ на Востокѣ, причемъ онъ хвалится что сумѣлъ сохранить мирныя отношенія между Австріей и Россіей и отнялъ у послѣдней всякій поводъ жаловаться на австрійскую политику въ Восточномъ вопросѣ... О графѣ Андраши жалѣютъ въ Берлинѣ, жалѣютъ въ Лондонѣ, жалѣютъ и въ Парижѣ. Теперь, изъ его скромнаго признанія явствуетъ что и намъ приходится жалѣть о его удаленіи. Слѣдующее затѣмъ замѣчаніе его болѣе загадочно. „Задача внести цивилизацію въ магометанскій элементъ падаетъ теперь,“ сказалъ графъ Андраши, „на Турцію, единственную державу способную исполнить эту миссію среди 200.000.000 (!!!) магометанскихъ подданныхъ Турціи въ Азіи и Африкѣ.“ Графъ Андраши, въ откровенномъ разговорѣ съ корреспондентомъ, коснулся и вопроса о Новомъ Базарѣ, занятіе котораго предпринимается де единственно для обезпеченія „торговыхъ сношеній Австріи съ Салониками, для укрѣпленія австрійской позиціи въ Босніи и для обезпеченія исполненія Берлинскаго трактата.“ Въ успокоеніе же противниковъ дальнѣйшаго расширенія Австріи графъ Андраши выразилъ надежду что занятіе Ново-Базарскаго санджака совершится безъ кровопролитія, что, однако, мало ободрительно въ устахъ политика который съ полною увѣренностью

предсказывалъ что и занятіе Босніи имѣло быть не болѣе какъ „военною прогулкой.“

Съ такимъ же оптимизмомъ относительно будущаго высказался графъ Андраши и во взглядѣ на внутреннія дѣла, въ полномъ убѣжденіи что существующій дуализмъ, который предоставляетъ Мадьярамъ такое несоразмѣрное вліяніе на дѣла имперіи, есть „результатъ историческаго развитія.“ Никакія подобныя увѣренія не устранятъ однако факта что отставка графа Андраши, о которой давно и не разъ заходила рѣчь во все время восточныхъ замѣшательствъ, но которая постоянно оказывалась пуфомъ и отсрочивалась, совпала именно съ большими перемѣнами въ составѣ цислейтанскаго министерства. Какое значеніе этихъ послѣднихъ перемѣнъ, это до сихъ поръ и не выяснилось, а это могло бы болѣе всего другаго освѣтить какъ причины, такъ и возможныя послѣдствія отставки графа Андраши.

Всѣ эти толки и объясненія, догадки и заключенія различныхъ газетъ, а также одновременная куріозная перепалка берлинскихъ офиціозныхъ органовъ съ петербургскою печатью по поводу нападокъ послѣдней на князя Бисмарка, можетъ-быть и не имѣютъ никакого значенія. Но если, какъ говорится, нѣтъ дыма безъ огня, то можно думать что вся эта болтовня служитъ прикрытіемъ и признакомъ нѣкоего дипломатическаго фехтованія, о которомъ разумѣется публика ничего истиннаго не узнаетъ пока оно не приведетъ къ желательному для затѣявшихъ оное распредѣленію ролей.

Любопытнымъ образцомъ того до какой степени въ Европѣ привыкаютъ во всемъ видѣть руку князя Бисмарка можетъ служить слѣдующій разказъ александрійскаго корреспондента газеты *Times*. Два мѣсяца тому назадъ, когда Измаилъ-паша былъ еще вице-королемъ Египта и когда его побуждали подписать отреченіе, онъ, какъ передаетъ теперь корреспондентъ, произнесъ слѣдующее пророчество: „Вы, Англичане, сдѣлали ошибку; каковъ „бы я ни былъ и что̀ бы я ни дѣлалъ, „при мнѣ англійскіе интересы въ Египтѣ преобладали. Желѣзныя дороги, таможни, почта, телеграфы и гавани, все „это было подъ англійскою администраціей. „Чтобы пріобрѣсти больше, вы пригласили Французовъ. Затѣмъ вы стали колебаться, и Бисмаркъ, который далеко видитъ впередъ, сталъ толкать васъ пока „вы не дошли до прямаго вмѣшательства. „Помните мои слова, Бисмаркъ видитъ „что̀ и я вижу, именно что Египетъ станетъ Шлезвигъ-Гольштейномъ для Англіи и Франціи.“

Въ самомъ дѣлѣ, въ *Times* уже жалѣютъ объ Измаилъ-пашѣ, и между представителями Англіи и Франціи уже идутъ постоянныя размолвки..

№ 216.

Москва, 22-го августа.

Мы сегодня намѣрены познакомить читателей съ грандіознымъ проектомъ по устройству водяныхъ сообщеній въ Россіи, имѣющихъ для ней громадную важность.

Государства опередившія насъ въ дѣлѣ путей сообщенія, окончивъ постройку сѣти своихъ главныхъ желѣзныхъ дорогъ, тотчасъ же принялись за улучшеніе водяныхъ сообщеній. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во Франціи приступили къ сооруженію большаго водяного пути соединяющаго Средиземное море съ Сѣвернымъ, Canal de l'Est. Затѣмъ пошла рѣчь о Grand Canal du Midi для соединенія Средиземнаго моря съ Атлантическимъ Океаномъ, въ обходъ Гибралтара, и дѣло уже близко къ осуществленію. Во Франціи уже приводится въ исполненіе проектъ устройства цѣлой сѣти каналовъ, раздѣленныхъ по тамошнему обычаю на три класса, какъ раздѣлены тамъ желѣзныя дороги и шоссе; каналы вошедшіе въ первый классъ, въ разрядъ государственныхъ, углубляются и расширяются; строится много каналовъ втораго и третьяго классовъ. Кромѣ каналовъ для судоходства, строятъ также оросительные каналы; таковъ уже открытый каналъ въ Южной Франціи, имѣющій 180 верстъ длины. Италія, уже со временъ Леонарда да-Винчи имѣющая прекрасную сѣть каналовъ, построила близь Турина оросительный каналъ „Кавуръ.“ Германія также принялась за водяныя сообщенія. Кромѣ извѣстнаго морскаго канала въ обходъ Даніи, между Килемъ и Глюкштадтомъ, уже приступлено къ улучшенію прежнихъ или къ устройству новыхъ сообщеній Одера, Рейна и Майна съ Дунаемъ; Шпре, Эльбы и Везера съ Вислой. Англія, устроив-

шаяся у себя дома, пріостановила постройку желѣзныхъ дорогъ въ Индіи и ведетъ тамъ *тысячеверстные* каналы, судоходные и оросительные.

Начиная съ сороковыхъ и кончая семидесятыми годами, государства, одно за другимъ, должны были заняться постройкой сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ что было не до водяныхъ сообщеній. Но желѣзныя дороги скоро произвели свое дѣйствіе, которое втянуло почти каждаго производителя во всемірную конкурренцію. Развитіе всемірной конкурренціи заставляетъ сокращать, сколь возможно непроизводительные расходы провоза и обращаетъ къ самымъ дешевымъ путямъ провоза, водянаго.

Для Россіи особенно важенъ вопросъ о водныхъ путяхъ. Грузы нашей внѣшней, а отчасти и внутренней торговли громоздки и проходятъ громадныя разстоянія; издержки провоза ложатся на нихъ тяжело. Мы имѣемъ богатѣйшій въ мірѣ (Донецкій) каменноугольный бассейнъ, но онъ лишенъ водяныхъ сообщеній съ мѣстами главнаго потребленія топлива, напримѣръ съ Волгой. Нельзя возить уголь по рельсамъ за 700, за 800, а тѣмъ болѣе за тысячу верстъ. Дешево провозить уголь можно лишь по водѣ.

Можно полагать что постройка сѣти главныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи будетъ окончена съ сооруженіемъ Сибирской желѣзной дороги, и уже теперь Министерство Путей Сообщенія обратило особенно заботливое вниманіе на запущенные у насъ водные пути.

При обозрѣніи проектовъ и изслѣдованій Министерства Путей Сообщенія въ текущемъ году, Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе, между прочимъ, на замѣчательный проектъ инженера Данилова (М. А.), строившаго главныя желѣзныя дороги за Москвой: Московско-Рязанскую (2-е отдѣленіе), Рязанско-Козловскую, Грязе-Царицынскую Лозово-Севастопольскую и пр Въ полученной недавно книжкѣ *Журнала Министерства Путей Сообщенія* мы прочли статью г. Л. П. излагающаго въ общихъ чертахъ проектъ г. Данилова.

Мысль о водномъ соединеніи Каспійскаго и Азовскаго морей — мысль старая, ей уже три вѣка. Даже Турція, когда она владѣла низовьями Дона, была озабочена этою мыслью. Султанъ Селимъ началъ было строить каналъ между Волгой и Дономъ; каналъ этотъ превосходно сохранился до сихъ поръ, но онъ былъ проведенъ безъ нивеллировки, на авось и совершенно неудачно. Отъ Петра Великаго, конечно, не укрылась важность соединенія Каспійскаго и Азовскаго морей. Овладѣвъ Азовомъ, онъ тотчасъ же принялся строить сперва каналъ параллельный Селимовскому (между Камышенкою и Иловлею), а затѣмъ, по неудачѣ перваго, другой, Ивановскій Иванъ-озеро находится въ Тульской губерніи, и изъ него вытекаютъ Донъ и Шатъ, впадающая въ Улу, притокъ Оки. Сохранились не только слѣды этихъ каналовъ, но и каменныхъ шлюзовъ на нихъ. Постройка была остановлена шведскими войнами, которыя потребовали строившихъ каналъ войскъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ первой половинѣ нынѣшняго, много хлопотали объ этихъ каналахъ, не разъ принимались ихъ достраивать и улучшать, но работы пришлось бросить вслѣдствіе неопредолимыхъ техническихъ затрудненій. Оказалось невозможнымъ соединить водой Волгу и Донъ около Царицына или выше. Въ наши дни была построена Волго-Донская желѣзная дорога, но перевозка грузовъ по ней затруднительна и развивается очень туго.

Въ концѣ прошлаго столѣтія академикъ Палласъ обратилъ общее вниманіе на Манычскую низменность, — громадный оврагъ который идетъ отъ Каспійскаго моря до Азовскаго. Это подало мысль о возможности соединенія ихъ чрезъ Манычъ. Профессоръ Парротъ, инженеры Деволантъ и Богдановичъ, академикъ Бэръ и г. Бергштрессеръ послѣдовательно изучали Манычскую низменность.

Общее очертаніе сихъ водныхъ путей таково: отъ лимана Маныча лежащаго почти въ срединѣ между морями течетъ къ Дону Западный Манычъ впадающій въ него немного южнѣе Сѣвернаго Донца, а къ сторонѣ Каспійскаго моря — Восточный Манычъ, частію разливающійся въ озера, частію доходящій до моря развѣтвленными руслами. Такимъ образомъ, каналъ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями собственно говоря готовъ; оставалось бы его расчистить и регулировать. Но бѣда въ томъ что въ Манычѣ мало воды; весной онъ многоводенъ, но къ началу лѣта пересыхаетъ, особенно Восточный Манычъ. Искали откуда взять воду для Маныча. Въ него впадаетъ лишь рѣчка Калаусъ, текущая съ

холмовъ сѣверныхъ отроговъ Кавказа, но она маловодна. Нѣсколько южнѣе и выше Маныча течетъ рѣка Кума. Деволантъ пробовалъ захватить ея воды въ Манычъ, но убѣдился что ихъ слишкомъ недостаточно. Оказывалось что не откуда взять воды для Манычскаго канала, и мысль о немъ была брошена. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отправлена была на Манычъ и Куму экспедиція состоявшая изъ профессора Барботъ де-Марни, г. Костенко и др., но она подтвердила крайнюю трудность устройства канала по Манычу.

Инженеръ Даниловъ, производя изысканія Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, былъ пораженъ массой воды въ рѣкахъ Малкѣ и Терекѣ. Достаточно сказать что Терекъ въ Моздокѣ несетъ отъ 27 до 57 куб. саж. въ секунду, тогда какъ расходъ воды въ Гангѣ доходитъ лишь до 23 куб. саж. Затѣмъ, Терекъ около Моздока на 595 ф. выше уровня Чернаго моря, тогда какъ водораздѣлъ Манычской низменности лежитъ ниже на 514 ф.; только на 81 ф. онъ выше уровня Чернаго моря. Г. Данилову пришло на мысль отвести воды Терека къ Манычу,—и этимъ трехсотлѣтній вопросъ о соединеніи морей Каспійскаго и Азовскаго былъ рѣшенъ въ теоріи. Каналъ между Каспійскимъ и Азовскими морями уже есть; теперь нашлась и вода для него.

Правда, воду приходится вести издалека: между Терекомъ и Манычемъ нуженъ каналъ верстъ въ триста длиной. Прежде о такомъ длинномъ питательномъ каналѣ не смѣли и думать, но теперь онъ никого не поразитъ. Недавно открытый Гангскій каналъ въ Индіи имѣетъ 1.000 верстъ длины, Западно-Джумнскій съ вѣтвями 6.675 верстъ. Техника въ устройствѣ каналовъ сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи. Устройство ихъ упростилось; допускаются уклоны, легкіе и дешевые плотины и мосты. Теперешніе каналы относительно прежнихъ представляютъ такую же разницу какъ Николаевская желѣзная дорога и рельсовая колея въ новонаселяемомъ штатѣ Сѣверной Америки. Есть не мало примѣровъ постройки каналовъ за три-четыре тысячи рублей съ версты.

Каналъ отъ Терека до Маныча г. Даниловъ полагаетъ сдѣлать не только питательнымъ, но и оросительнымъ. Сотни тысячъ десятинъ въ Калмыцкой степи, этомъ скотномъ дворѣ Россіи, гдѣ часто скотъ гибнетъ отъ засухи и безкормицы, не только дадутъ земли для поселенія, но и улучшатъ положеніе скотоводства.

Проектируя судоходный каналъ по самому Манычу, г. Даниловъ задается цѣлію рѣшить при томъ еще другой важный вопросъ — обходъ мелководныхъ устьевъ Волги, истинное бѣдствіе для судоходства. Отъ устьевъ Калауса до Дона каналъ пойдетъ долиной Маныча (около 320 верстъ), а на востокъ отъ этихъ устьевъ полагается вести каналъ къ Астрахани (350 верстъ) съ вѣтвію къ Серебряковской пристани (90 верстъ). Восточной части канала надо дать профиль чтобы морскія суда могли безъ перегрузки вступать въ Волгу. Сдѣлать это не трудно: наибольшая осадка судовъ Общества *Кавказъ и Меркурій* плавающихъ по Каспію 9,5 фут., по Волгѣ 5 фут. 7 дюймовъ.

Послѣдствія счастливаго осуществленія проекта были бы громадныя. Каменный уголь стоилъ бы на Волгѣ лишь двумя или тремя копѣйками дороже чѣмъ на Дону. Хлѣбъ, лѣсъ, соль, желѣзо, чугунъ съ Волги, керосинъ и нефть съ Каспія приходили бы водянымъ путемъ въ Азовское море; нефть, керосинъ, хлопокъ и пр. съ Каспія безъ перегрузки вступали бы въ Волгу. Припомнимъ кстати что Поти-Тифлисская желѣзная дорога построена весьма дурно. Англичане отличились у насъ не меньше Французовъ. Уклоны дороги требуютъ двойныхъ локомотивовъ Ферли, да и тѣ мѣстами тащатъ не болѣе пяти вагоновъ. Такъ что продолженіе дороги отъ Тифлиса до Баку сулитъ не Богъ знаетъ какую благодать.

Вслѣдствіе замѣчаній сдѣланныхъ однимъ спеціалистомъ, г. Даниловъ дополнилъ сѣть своихъ каналовъ еще соединеніемъ ихъ съ Кубанью. Многоводная Кубань при устьяхъ Урупа течетъ на 530 ф. выше уровня Чернаго моря. Вполнѣ возможно взять воду изъ Кубани, вести ее каналомъ до Маныча, причемъ устроить еще орошеніе мѣстности по обѣимъ сторонамъ Ростовско-Владикавказской дороги. Дѣлая же этотъ каналъ судоходнымъ и пользуясь Кубанью можно открыть водный путь въ обходъ Донскихъ гирлъ. Потребуется постройка 80 верстъ питательнаго и до 270 судоходныхъ каналовъ, съ обходомъ еще и устья Кубани.

Таковъ грандіозный проектъ г. Данилова. Замѣтимъ что еслибъ осуществился еще

поворотъ Аму-Дарьи въ старое русло, то каналы Данилова открыли бы водный путь изъ Чернаго моря въ глубину Средней Азіи.

Если примѣнить всѣ новѣйшія упрощенія и пріемы постройки каналовъ, то вся сѣть каналовъ г. Данилова обошлась бы около 40—50 милл. руб. сер.,—цифра которой теперь никто не испугается.

Правительство разрѣшило г. Данилову производство изысканій, и четыре съемочныя партіи уже отправились на мѣсто. До окончанія изысканій было бы преждевременно судить о подробностяхъ проекта. Пожелаемъ же ему успѣха и скораго осуществленія. Во всякомъ случаѣ, препятствія къ тому не могутъ заключаться въ финансовыхъ обстоятельствахъ Россіи. Министръ финансовъ на Нижегородской ярмаркѣ приглашалъ нашихъ торговцевъ и промышленниковъ не вѣрить тревожнымъ слухамъ, а продолжать производить и торговать. Нѣтъ сомнѣнія что то же самое можно бы сказать и всѣмъ предпринимателямъ крупныхъ, но серіозныхъ, не дутыхъ предпріятій.

№ 217.

Москва, 23-го августа.

Есть добрые люди заботливо снимающіе съ насъ отвѣтственность за мнѣнія которыя нами высказываются и которыя имъ не нравятся. Такъ, въ одной петербургской газетѣ было недавно заявлено что сужденія наши по экономическимъ вопросамъ не имѣютъ де ничего общаго съ „воззрѣніями почтеннаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей*,“ и сужденія эти приписаны какимъ-то постороннимъ „начинающимъ писателямъ,“ какимъ-то „новѣйшимъ сотрудникамъ *Московскихъ Вѣдомостей*,“ „перемѣнѣ состава ихъ редакціи.“ Издатель *Московскихъ Вѣдомостей* очень благодаритъ этихъ господъ за ихъ любезность, но къ сожалѣнію не можетъ принять ихъ добрую услугу. *Московскія Вѣдомости* всегда были и донынѣ остаются непосредственнымъ органомъ только своего издателя, который и несетъ полную отвѣтственность за всѣ сужденія своей газеты излагаемыя въ ея передовыхъ статьяхъ.

Господа предпочитающіе, вмѣсто дѣльнаго опроверженія не нравящихся имъ сужденій, заниматься разслѣдованіемъ вопроса намъ ли принадлежатъ наши сужденія, ссылаются на то что прежде высказывались нами иныя, несходныя съ нынѣшними, мнѣнія по экономическимъ вопросамъ. Но „вѣкъ живи, вѣкъ учись,“ говоритъ пословица. Правда, въ прежнее время наши сужденія по экономическимъ вопросамъ ближе подходили къ чужой установившейся доктринѣ; теперь же они ближе подошли къ живому дѣлу и не заботясь о согласіи съ доктриной заботятся о томъ чтобы вѣрно соотвѣтствовать фактамъ къ которымъ относятся. Отстаивая то что казалось намъ вѣрнымъ, мы никогда не становились слѣпыми поклонниками какихъ бы то ни было ученій, никогда не переставали относиться къ нимъ свободно, всегда готовые исправить въ нихъ то что оказалось бы невѣрнымъ и расширить наши понятія по требованію опыта. Факты обозначившіеся въ послѣдніе годы заставили насъ признать ошибочность въ примѣненіи нѣкоторыхъ теорій; вотъ и все. Чтобъ угодить господамъ считавшимъ насъ своими единомышленниками, мы должны были бы отрицать факты или толковать ихъ такъ чтобы приладить къ доктринѣ; мы предпочли измѣнить сужденія противорѣчившія дѣйствительности. Наши доктринеры, правда отрицаютъ чтобы въ русской жизни въ послѣдніе годы появились какіе-либо факты которыми могла бы быть оправдана такая перемѣна мнѣній. Но факты бросались въ глаза каждому способному видѣть, и между прочимъ не ускользнули отъ вниманія государственнаго человѣка управляющаго судьбами сосѣдней намъ имперіи. Едва ли можно сомнѣваться что впечатлѣніе вынесенное княземъ Бисмаркомъ изъ наблюденій надъ происходившимъ въ Россіи не осталось безъ вліянія на его рѣшеніе разойтись съ фритредерами и рѣзко измѣнить свою экономическую политику.

Надо быть слѣпымъ чтобы не видѣть тѣхъ добрыхъ результатовъ какими отозвались въ нашей экономической жизни пониженіе вексельныхъ курсовъ и выпуски кредитныхъ билетовъ въ послѣдніе годы, и смѣшно было бы отказаться отъ этихъ результатовъ только потому что они достигнуты путемъ не одобряемымъ доктриной. Впрочемъ мы, отнюдь не желаемъ на мѣсто одной доктрины ставить другую; мы вовсе не проповѣдуемъ что пониженіе курсовъ до какого бы то ни было низкаго уровня всегда и во всякомъ случаѣ есть дѣло выгодное; мы не думаемъ утверждать

что выпускъ бумажныхъ денегъ, въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, всегда, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ есть дѣло пригодное. Требуется внимательное изученіе причинъ ведущихъ къ пониженію курсовъ, дабы можно было успѣшно имъ противодѣйствовать; требуется изученіе денежнаго обращенія, дабы возможно было регулировать его не подвергая экономическую жизнь насильственной ломкѣ. При такомъ изученіи слѣдуетъ пользоваться уроками опыта. Между прочимъ, у насъ, какъ извѣстно, двадцать лѣтъ тому назадъ государственныя кредитныя учрежденія удовлетворительно исполняли роль регулятора денежнаго обращенія. Естественно поставить вопросъ, не приблизились ли бы мы къ удовлетворительному рѣшенію задачи еслибы на нынѣшній Государственный Банкъ была возложена та функція которую исполняли прежнія государственныя кредитныя установленія.

Наши такъ-называемые экономисты, правда не способны не только обсуждать, но и понять этотъ вопросъ. Имъ кажется смѣшнымъ когда имъ говорятъ что въ бывшихъ кредитныхъ учрежденіяхъ мы имѣли коррективу бумажнаго денежнаго обращенія, что пріемъ вкладовъ въ этихъ учрежденіяхъ былъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ противъ его излишествъ. И, что̀ забавно, всѣхъ менѣе понимаютъ это, всѣхъ болѣе смѣются надъ этимъ именно экономисты *Голоса*, которые безпрестанно ссылаются, съ благоговѣніемъ какъ мусульмане на свой Коранъ, на статьи печатавшіяся нѣкогда въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ особенности на статью г. Безобразова „О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія.“ Не мѣшало бы, однако, этимъ господамъ перечесть эту статью; хотя она и не представляетъ собою такого капитальнаго труда какимъ они хотятъ ее прославить, но въ ней есть дѣльныя замѣчанія, безъ чего, конечно, она и не попала бы на страницы *Русскаго Вѣстника*. Экономисты *Голоса* могли бы вычитать изъ нея напримѣръ слѣдующее: „Пріемъ вкладовъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ былъ неотъемлемою принадлежностью, предохранительнымъ клапаномъ всей системы денежнаго обращенія созданной съ учрежденіемъ кредитныхъ билетовъ“ *).

*) См. майскую книжку *Русскаго Вѣстника* за 1863 годъ, стр. 376.

По прочтеніи сего, можетъ-быть эти господа легче поняли бы и то что недавно высказывалось нами о той формѣ государственнаго кредита которая практиковалась у насъ въ эпоху Крымской войны, когда вмѣсто процентныхъ займовъ преимущественно выпускались кредитныя билеты. Часть этихъ кредитныхъ билетовъ оставалась въ обращеніи въ качествѣ безпроцентнаго долга, а другая часть сама собою возвращалась къ источнику и становилась процентнымъ долгомъ въ видѣ вкладовъ въ государственныя кредитныя учрежденія.

Какимъ образомъ этотъ порядокъ, предоставляя казнѣ удобное и подручное средство находить средства для чрезвычайныхъ расходовъ, въ то же время служилъ регуляторомъ денежнаго обращенія, понять не трудно. Но наши экономисты, возглашающіе: „дайте намъ хорошую политику, и мы дадимъ вамъ хорошіе финансы,“ не могутъ взять въ толкъ что̀ слѣдовало дѣлать казнѣ съ притекающими въ нее вкладами. Они знаютъ что вклады эти изъ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій частію раздавались въ ссуду, частію заимствовались казной на расходы не покрываемые бюджетомъ. Но что̀ было дѣлать съ тѣмъ избыткомъ вкладовъ который превышалъ требованія ссудъ и потребность казны въ чрезвычайныхъ средствахъ,—избыткомъ, который въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ выразился цифрой 120 милліоновъ рублей *)? А между тѣмъ отвѣтъ на это самый простой: платить по нимъ проценты и оставить ихъ безъ движенія пока не явится на нихъ спросъ. Это невозможно для частныхъ банковъ, но не представляло никакихъ затрудненій для банковъ казенныхъ. Притокъ ста двадцати милліоновъ въ кассы ломбардовъ былъ именно результатомъ правильнаго дѣйствія предохранительнаго клапана, возвращеніемъ въ казну той части выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ которая, оставаясь въ обращеніи, могла причинить экономическій вредъ, и которая потому сама стремилась обратиться въ процентный долгъ. Казнѣ пришлось бы только платить какихъ-нибудь шесть милліоновъ рублей, или нѣсколько болѣе еслибы притокъ вкладовъ продол-

*) Наличность въ этихъ учрежденіяхъ, простиравшаяся къ 1855 году до 20½ милліоновъ, возрасла къ 1 іюля 1857 года до 140 милліоновъ.

жалъ еще нѣкоторое время возрастать,—цифра очень не высокая сравнительно съ тѣми затрудненіями въ какія поставила себя казна когда, внявъ совѣтамъ доктринеровъ, сломала свои кредитныя учрежденія и всю систему своего кредита, начавъ эту ломку изгнаніемъ вкладовъ изъ ломбардовъ, то-есть пониженіемъ процента далеко ниже нормы соотвѣтственной росту капиталовъ на денежномъ рынкѣ. Съ ноября 1857 года, прежнія государственныя кредитныя учрежденія перестали быть регуляторомъ нашего денежнаго обращенія. Съ этого роковаго мѣсяца получилъ свое начало страшный экономическій кризисъ, ознаменовавшійся такъ называемою акціонерною лихорадкой, разсѣявшій по вѣтру многія сотни милліоновъ накопленныхъ сбереженій и пустившій по міру много людей бывшихъ предъ тѣмъ состоятельными. Къ тому же ноябрю 1857 года относится и быстрое паденіе нашего вексельнаго курса,—паденіе бывшее тогда положительно вреднымъ, ибо не сопровождалось тѣми выгодами какими болѣе чѣмъ вознаграждается паденіе курсовъ во время послѣдней Восточной войны.

Не было ли бы дѣломъ положительно полезнымъ создать вновь регуляторъ денежнаго обращенія, подобный тому какой мы имѣли до несчастной мѣры принятой 20 іюля 1857,—регуляторъ составляющій, какъ сказано въ вышеприведенной выпискѣ изъ статьи г. Безобразова въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *неотъемлемую принадлежность* той системы денежнаго обращенія какою мы пользуемся?

№ 218.

Москва, 24-го августа.

Одно изъ самыхъ интересныхъ объясненій отставки графа Андраши придумано лондонскою торійскою газетой *Pall Mall Gazette*. Уже разъ намекала она что это событіе должно облегчить развитіе плановъ князя Бисмарка; теперь же нашла нужнымъ и пояснить свою мысль. Эта ультрашовинистская англійская газета, которая самого лорда Беконсфильда готова заподозрить въ нерадѣніи объ англійскихъ интересахъ, не успокоивается общими увѣреніями что австро-венгерская политика и безъ графа Андраши останется прежнею; она всюду видитъ ковы и замыслы противъ Англіи, и теперь объявляетъ что событія въ послѣднее время обратившія взоры всѣхъ на Австрію не болѣе какъ предвѣстники дальнѣйшаго исполненія первоначальныхъ уговоровъ заключенныхъ при основаніи такъ-называемаго Трехъ-Императорскаго союза. Все что теперь ни творится въ Европѣ, все это было де давнымъ давно условлено между дворами трехъ имперій, причемъ конечно каждая изъ нихъ должна была получить себѣ выгоду: Россіи предоставлялось удовольствіе вести войну противъ Турціи и получить вознагражденіе тамъ *гдѣ* не заинтересованы оба ея сосѣда-союзника, то-есть въ Азіятской Турціи; Австрія за то должна де была получить вознагражденіе въ Босніи и *далѣе* до Эгейскаго моря у Салоникъ; а что касается Германіи, то хотя лондонская газета не претендуетъ знать что именно ею выговорено себѣ въ вознагражденіе, однако для нея очевидно что оно должно пасть „насчетъ самой Австріи въ одномъ направленіи за содѣйствіе къ расширенію ея въ другомъ.“ Что таковъ планъ у руководителя германской политики, это видятъ теперь и слѣпые. Уже очень давно, еще до Франко-Прусской войны, мы неоднократно раскрывали этотъ планъ, рискуя прослыть фантазерами. Вытолкнуть Австрію изъ Германіи и направить ее на Востокъ какъ наслѣдницу Турецкой имперіи, и на ея счетъ пополнить и окончательно объединить Германію, вотъ куда съ самаго начала клонилась политика Бисмарка. Но чтобъ этотъ планъ находился въ условіяхъ Тройнаго Союза, чтобы въ этомъ состоялъ уговоръ трехъ сѣверныхъ дворовъ и въ томъ числѣ Россіи, это мы оставляемъ на отвѣтственности торійской газеты, которая находитъ что часть этого будто бы условленнаго между тремя державами плана осуществилась: Россія де вела войну въ которой сокрушила военную силу Турціи и получила Батумъ; теперь насталъ чередъ для полученія выгодъ другими союзниками, и прежде всего Австріей: занятіе Босніи было де лишь началомъ предпріятія, концомъ коего будетъ „основаніе новой Австріи съ владѣніями покрывающими бо́льшую часть того что недавно еще было Европейскою Турціей, и можетъ быть бо́льшую часть того что теперь значится въ видѣ независимой или полунезависимой территоріи.“ Двойственный харак-

теръ Австро-Венгерской монархіи дѣлалъ особенно труднымъ первый шагъ, и для подготовленія его графъ Андраши былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ чтобъ удержать Венгрію спокойною какъ во время войны, такъ и при занятіи Босніи; для дальнѣйшаго же осуществленія плана онъ именно, какъ Мадьяръ, уже не пригоденъ, и потому долженъ былъ выйти въ отставку.

Между тѣмъ какъ газета *Times* успокоивается касательно всякихъ честолюбивыхъ намѣреній со стороны Австріи, которыя могли бы быть опасны для интересовъ англійской политики, надеждой на оппозицію Мадьяръ, *Pall Mall Gazette* находитъ что „о сопротивленіи Венгріи не можетъ быть и рѣчи," ибо перемѣна въ положеніи Австріи есть дѣло рѣшенное и есть вопросъ не просто внутренней, а международной политики, „въ которомъ князь Бисмаркъ принимаетъ такое же участіе какъ и графъ Андраши, а можетъ-быть и гораздо болѣе" Также и размолвкѣ будто бы между Россіей и Германіей, о чемъ иные дѣлали заключеніе вслѣдствіе недавней перебранки берлинской офиціозной печати съ петербургскою, торійская газета не придаетъ никакого значенія, и совѣтуетъ своимъ читателямъ „не разсчитывать на это." И основаніе для такого заключенія весьма характеристично: „Русскимъ государственнымъ людямъ, по словамъ *Pall Mall Gazette*, можетъ-быть и не совсѣмъ нравится то что̀ теперь предлагается, и предложеніе можетъ-быть идетъ далѣе чѣмъ они ожидали. Но они должны были его предвидѣть и Россіи легко найти расширеніе *своихъ* вознагражденій (то-есть въ Азіи), безъ опасенія столкнуться со своими ближайшими сосѣдями и не пересѣкая ихъ замысловъ."

Итакъ, Россія предприняла войну и войска ея доходили до воротъ Константинополя затѣмъ чтобы потомъ наслѣдіе всей Европейской Турціи (съ независимыми и полунезависимыми областями) передать по принадлежности Австріи... И это не просто въ силу необходимости, а по заранѣе будто бы условленному, добровольному уговору!

Но во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, какъ видно, ни слова не поминается о Берлинскомъ трактатѣ, коимъ недавно еще такъ гордились въ Англіи какъ мирною побѣдой надъ русскою политикой. Забыты и заявленія англійскихъ министровъ о томъ что занятіе Австрійцами Босніи было едва ли не главнымъ и лучшимъ результатомъ Берлинскаго конгресса. Теперь, какъ видно, дальнѣйшіе планы Австріи не совсѣмъ нравятся Англичанамъ и возбуждаютъ недовѣріе. Правда, *Pall Mall Gazette*, въ порывѣ откровенности, признаетъ что князь Бисмаркъ, по добротѣ своей, не совсѣмъ забывалъ и Англію въ своихъ широкихъ планахъ, неоднократно и настойчиво предлагая ей Египетъ, и это предложеніе было де повторено еще разъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ; но такое дружелюбное вниманіе было у него не безъ задней мысли: поссорить Англію съ Франціей и тѣмъ уменьшить шансы союза между ними, который могъ бы помѣшать „мирному" исполненію его плановъ. Такъ какъ слѣдовательно эта карта отнята у Англіи, а планы Австріи тѣмъ не менѣе остаются въ извѣстной степени несогласными съ британскими интересами, то весьма возможно что англійская дипломатія теперь, когда русскія войска возвратились изъ Турціи восвояси и не внушаютъ ей болѣе тревоги, не прочь искать сближенія съ Россіей. Съ этой точки зрѣнія, предполагаемая размолвка между Россіей и Германіей истолковывается Англичанами какъ нерасположеніе Россіи войти въ виды Бисмарковой политики и досаду на нее за это въ Берлинѣ. Отсюда, пожалуй, открываются Англичанамъ виды начать подходы къ дружеской *entente* съ Россіей, не преминувъ конечно цѣной такого сближенія выговорить какую-нибудь новую фикцію международнаго права въ Азіи.

Въ Англіи понимаютъ что тѣсныя дружескія отношенія между Россіей и Германіей не такого рода чтобы легко могли порваться, и въ особенности понимаютъ что личная дружба соединяющая обоихъ Монарховъ обезпечиваетъ миръ между ними. Тѣмъ не менѣе, въ самыхъ осторожныхъ сужденіяхъ сказывается нѣкоторое злорадство, и *Times*, напримѣръ, ищетъ объясненія нѣкоторой холодности между Россіей и Германіей въ томъ будто бы что „русскій союзъ не имѣетъ прежней цѣны для Германіи," по той причинѣ что послѣдняя война будто бы ослабила Россію и „обрѣзала крылья ея честолюбію." Поэтому, какъ ни прочна дружба между ними въ настоящее время, *Times* находитъ что „нельзя ручаться за болѣе отдаленное будущее..."

Не достаточно ли все это свидѣтельствуетъ о глубокомъ недовѣріи и розни между всѣми державами въ настоящее время? Вотъ еще одинъ любопытный примѣръ, также явившійся вслѣдствіе правительственныхъ перемѣнъ въ Австріи. Назначеніе преемникомъ графу Андраши барона Геймерле, бывшаго предъ этимъ австрійскимъ посломъ въ Римѣ, было истолковано какъ свидѣтельство сближенія Австріи съ Италіей и какъ указаніе на предстоящій союзъ Австріи и Италіи съ Германіей для противодѣйствія возможному союзу Россіи съ Франціей. Не едва разнеслась эта любопытная вѣсть какъ случился куріозъ. Въ Вѣнѣ вышла въ свѣтъ брошюра полковника Алоизія Геймерле, брата посла и бывшаго долгое время военнымъ агентомъ при австрійскомъ посольствѣ въ Римѣ: въ этой брошюрѣ не только изобличаются всѣ происки партіи *Italia irredenta*, направленные противъ цѣлости Австрійской монархіи, но прямо возлагается на Итальянское правительство и его агентовъ отвѣтственность за это „революціонное движеніе.“ И *Пештскій Ллойдъ* подчеркнулъ еще значеніе этой брошюры замѣчаніемъ что полковникъ Геймерле изложилъ въ ней результаты своихъ наблюденій „которыя были облегчены драгоцѣнными свѣдѣніями какія могъ ему доставить его братъ“ (то-есть посолъ). Этимъ въ свою очередь вызвано сильнѣйшее раздраженіе въ Италіи, и *Riforma* слѣдующимъ образомъ отвѣтила на выходки австрійскихъ газетъ: „Въ Австріи давно уже обнаружилось направленіе враждебное Италіи. Частныя инсинуаціи приписывающія Италіи воображаемые проекты приняли характеръ вызова. Эти намѣренные вызовы со стороны Австріи заставляютъ насъ быть настороже. Когда рука хватается за рукоять меча, то мечъ будетъ обнаженъ невольно, роковымъ образомъ. У Италіи есть сила какой нѣтъ у Австріи: единство, цѣльность, однородность. Австрія есть амальгама, смѣсь народовъ враждебныхъ, соперничающихъ въ своихъ интересахъ и стремленіяхъ. Италія не вызываетъ, но она не можетъ допустить и не хочетъ чтобъ ее вызывали. Пусть Австрія подумаетъ объ этомъ!“

Такія взаимныя любезности — хорошая подготовка къ союзу который будто бы устроилъ баронъ Геймерле въ бытность свою въ Римѣ...

№ 219.

Москва, 25-го августа.

Въ Петербургѣ засѣдаетъ въ настоящее время конференція представителей желѣзныхъ дорогъ участвующихъ въ русско-германскомъ прямомъ сообщеніи. Конференція эта выходитъ далеко изъ ряда обычныхъ съѣздовъ упомянутыхъ представителей собирающихся почти ежегодно для пересмотра тарифовъ прямаго сообщенія и правилъ перевозки. Теперешняя конференція собралась по особому поводу. Въ прошломъ іюнѣ, въ Гейдельбергѣ былъ урочный съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ русско-германскаго прямаго сообщенія. На этомъ съѣздѣ, королевская Восточно-Прусская желѣзная дорога предъявила русскимъ дорогамъ „категорическій ультиматумъ,“ угрожая выйти изъ прямаго сообщенія если тарифы нашихъ дорогъ не будутъ до 1 января 1880 года пересмотрѣны сообразно съ новыми мѣстными тарифами германскихъ дорогъ. Извѣстно что эти новые германскіе тарифы имѣютъ быть опредѣлены сообразно принципамъ желѣзнодорожной тарифной реформы проектированной княземъ Бисмаркомъ, но еще окончательно имъ не проведенной. Представители русскихъ дорогъ на Гейдельбергскомъ съѣздѣ были озадачены неожиданнымъ предложеніемъ Восточно-Прусской желѣзной дороги, или проще говоря, Германскаго правительства; Восточно-Прусская дорога есть дорога казенная. Наши представители отказались дать отвѣтъ немедленно, ссылаясь на то что ихъ инструкціи не предвидѣли случая отказа германскихъ дорогъ отъ прямаго сообщенія и указывая еще на то что вопросъ о желѣзнодорожной тарифной реформѣ въ Германіи не рѣшенъ окончательно. Восточно-Прусская дорога осталась при своемъ требованіи, и было рѣшено собраться всѣмъ представителямъ желѣзныхъ дорогъ русско-германскаго сообщенія въ Петербургѣ.

Этотъ съѣздъ теперь открылся. Со стороны Германіи въ немъ участвуютъ представители желѣзныхъ дорогъ Восточно-Прусской, Южно-Прусской, казенныхъ саксонскихъ, ганноверскихъ и Рейнской, Магдебурго-Гальберштадтской и Верхне-Силезской. Со стороны Россіи имѣются представители желѣзныхъ дорогъ: С.-Петербурго-Варшавской, Динабурго-Витеб-

ской, Орловско-Витебской, Грязе-Царицынской, Московско-Брестской, Варшавско-Вѣно-Бромбергской, Митавской, Балтійской, Курско-Харьково-Азовской, Козлово-Воронежско-Ростовской и Орловско-Грязской. Предсѣдателемъ съѣзда избранъ *представитель Восточно-Прусской желѣзной дороги* г. Герлахъ.

Мы имѣемъ самыя краткія газетныя извѣстія о ходѣ занятій Петербургской конференціи. Публикѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ въ чемъ именно состоитъ предложеніе Восточно-Прусской желѣзной дороги, какихъ именно измѣненій въ тарифахъ она требуетъ; точно также вполнѣ неизвѣстно въ чемъ состоятъ возраженія и требованія русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Газетныя извѣстія излагаются такъ какъ будто извѣстители сами не придаютъ никакого значенія Петербургской конференціи, внѣ предѣловъ хозяйства и разчетовъ желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ, конференція эта рѣшаетъ вопросы величайшей государственной важности, каковыми нельзя не считать вопросы о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, и особенно о международныхъ. Князь Бисмаркъ не даромъ придаетъ этимъ вопросамъ первостепенное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ. Еще до заявленія князя Бисмарка, съ окончаніемъ постройки главной сѣти желѣзныхъ дорогъ повсюду стало выясняться громадное вліяніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на ходъ торговли и промышленности. Желѣзнодорожные тарифы опредѣляютъ районы и пути сбыта для цѣлыхъ мѣстностей; нѣсколько копѣекъ разницы, напримѣръ, по тарифу дифференціальному открываютъ или закрываютъ возможность доступа хотя бы заволжскаго хлѣба въ порты; тѣ же нѣсколько копѣекъ разницы могутъ направить грузы нашихъ внутреннихъ губерній въ черноморскіе или балтійскіе порты. Нѣтъ ничего легче какъ помощію тарифа привлечь наши внутренніе грузы къ прусскимъ портамъ и отвлечь ихъ отъ нашихъ балтійскихъ и даже черноморскихъ. Измѣненія желѣзнодорожнаго тарифа дѣйствуютъ не менѣе могущественно на торговлю и промышленность чѣмъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ или колебанія вексельныхъ курсовъ. Купцу или фабриканту все равно терять ли извѣстныя суммы на провозѣ по желѣзнымъ дорогамъ или вслѣдствіе таможни и курса.

Между тѣмъ такой важный факторъ государственнаго хозяйства какъ желѣзнодорожные тарифы, благодаря случайностямъ исторіи желѣзныхъ дорогъ, почти всегда предоставленъ произволу желѣзнодорожныхъ компаній которыя ни о какихъ государственныхъ интересахъ не помышляютъ и помышлять не могутъ. Имъ нужно выручить больше денегъ за перевозку, а до послѣдствій тарифовъ имъ нѣтъ дѣла. Пока Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ было выгодно возить кирпичъ изъ Коломны, она возила его, понизивъ тарифъ на столько что быстро убила судоходство. Потомъ дорога достала себѣ лучшіе грузы, прекратила (помощію тарифа) возку кирпича, и кирпичные заводы въ Коломнѣ закрылись не имѣя ни судоходства, ни рельсоваго пути, и до сихъ поръ подняться не могутъ. Желѣзной дорогѣ выгоднѣе, напримѣръ, возить необработанные продукты чѣмъ обработанные, и вотъ она еще болѣе понизитъ тарифъ на хлѣбъ, и окажется что его выгоднѣе перемалывать вдали отъ мѣста производства, хотя это и поднимаетъ цѣну на муку. Подобная случайность, какъ извѣстно, мѣшаетъ развитію мельницъ на Волгѣ. Надежда на взаимную конкурренцію остается теперь лишь у закоченѣлыхъ экономистовъ. Не говоримъ о стачкахъ компаній по путямъ сообщенія, уничтожающихъ конкурренцію: она возможна лишь при такой густой сѣти какой ни Германія, ни Россія долго еще не будутъ имѣть.

Бельгія и затѣмъ Германія сохранили у себя обширныя сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, и правительство имѣетъ тамъ сильное вліяніе въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которое князь Бисмаркъ хочетъ еще усилить. На Петербургской конференціи большинство членовъ со стороны Германіи суть представители казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; съ нашей стороны представители только частныхъ компаній и нѣтъ ни одного представителя правительства. Мудрено ли что при такомъ составѣ съѣзда онъ приметъ во вниманіе исключительно государственные интересы Германіи?

И дѣйствительно. *Голосъ* сообщаетъ намъ что конференція въ первыхъ же двухъ засѣданіяхъ пришла къ „весьма существеннымъ результатамъ,“ а именно: „изысканы уже новыя основанія для новаго товарнаго тарифа Русско-Герман-

„скаго желѣзнодорожнаго союза. Построенный на новыхъ началахъ тарифъ дастъ „возможность русскимъ желѣзнымъ дорогамъ удовлетворить требованіямъ ихъ „уставовъ и въ то же время примѣнить „на германскихъ дорогахъ ихъ мѣстный „тарифъ съ незначительными лишь отступленіями, неизмѣняющими, впрочемъ, коренныхъ началъ преобразованнаго недавно тарифа германскихъ желѣзныхъ „дорогъ."

Но вѣдь въ уставахъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ ни о какихъ вопросахъ государственнаго хозяйства не упоминается; тамъ назначаются лишь предѣльныя цифры тарифовъ. Между тѣмъ, тарифъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ глубоко обдуманъ сообразно съ потребностями Германіи. *Голосъ* прибавляетъ что въ слѣдующихъ засѣданіяхъ съѣзда рѣчь уже должна была идти только о деталяхъ. Если сообщеніе *Голоса* вѣрно, то наше дѣло, можно опасаться, плохо. Германія кажется уже слишкомъ легко побѣдила насъ по желѣзнодорожнымъ тарифамъ, которые несравненно болѣе важны чѣмъ удобства прямаго сообщенія.

Исходъ Петербургской конференціи заставляетъ подумать о томъ не пора ли и намъ озаботиться выкупомъ желѣзныхъ дорогъ, особенно дорогъ имѣющихъ международное значеніе. Франція уже приступила къ выкупу желѣзныхъ дорогъ; князь Бисмаркъ имѣетъ цѣлію расширить чрезъ выкупъ сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, Гладстонъ, какъ извѣстно, давно уже проектировалъ выкупъ ихъ въ Англіи...

№ 221.

Москва, 27-го августа.

На дняхъ, въ *Times*, отъ 30 августа, была помѣщена корреспонденція изъ Кабула, описывавшая торжественное вступленіе 24 іюля въ столицу Афганистана миссіи майора Каваньяри, который былъ назначенъ состоять и постояннымъ резидентомъ при эмирѣ, съ правомъ посылать агентовъ въ любой пунктъ страны гдѣ найдетъ нужнымъ по своему усмотрѣнію. Почетъ британскому представителю былъ оказанъ полный; изъ описанія корреспондента не было видно чтобъ Афганцы встрѣтили новыхъ гостей изъявленіями восторга. Корреспондентъ могъ только засвидѣтельствовать что собравшіяся на это зрѣлище толпы народа держали себя „чинно и крайне почтительно". Тѣмъ не менѣе онъ уже спѣшилъ вывести изъ этого самое благопріятное заключеніе, и замѣчалъ: „Мирное путешествіе посольства безъ всякихъ приключеній и почетный и торжественный пріемъ онаго при вступленіи въ Кабулъ, можно надѣяться, заставятъ умолкнуть пессимистовъ склонныхъ сомнѣваться во власти эмира надъ своей страной. Иные изъ нихъ позволяли себѣ даже сомнѣваться въ томъ дѣйствительно ли Якубъ-ханъ намѣревался принять британское посольство при своемъ дворѣ." Корреспонденція эта произвела очень пріятное впечатлѣніе на англійскую печать, разсѣявъ всѣ подобныя сомнѣнія.

И вотъ какъ громъ грянуло извѣстіе которое разбило всѣ надежды и оправдало всѣ опасенія пессимистовъ. Не прошло и полутора мѣсяца пребыванія англійскаго посольства въ Кабулѣ какъ его присутствіе вызвало тамъ бунтъ. Телеграмма изъ Симлы не отличается ясностью, но не можетъ скрыть серіозный характеръ событія. Непонятно какимъ образомъ посольство могло подвергнуться нападенію взбунтовавшагося полка Афганскихъ солдатъ, требовавшихъ выдачи недоплаченнаго имъ жалованья; но важно то что въ бунтѣ тотчасъ же приняла участіе чернь, и что вся ея ярость направлена была на англійское посольство, а когда эмиръ хотѣлъ прекратить бунтъ, то и противъ него самого, такъ что онъ былъ осажденъ мятежниками. Въ посольствѣ, вечеромъ 3 сентября, когда разразился мятежъ, вспыхнулъ пожаръ, и по первой телеграммѣ участь Каваньяри и другихъ служащихъ оставалась неизвѣстною. Но англійскимъ войскамъ тотчасъ же отданъ приказъ, однимъ немедленно двинуться на Кабулъ, другимъ стягиваться къ афганской территоріи. Сегодняшнія телеграммы не оставляютъ уже сомнѣнія въ печальной участи недавнихъ почетныхъ гостей эмира. Самъ посолъ убитъ, и вмѣстѣ съ нимъ вырѣзана вся его эскорта, послѣ отчаяннаго сопротивленія.

Событіе это какъ нельзя болѣе оправдываетъ увѣренія злополучнаго эмира Ширъ-Али что онъ не могъ отвѣчать за безопасность англійскихъ агентовъ въ Афганистанѣ, и его постоянный отказъ при-

нять таковыхъ (что̀, впрочемъ, было согласно съ трактатомъ заключеннымъ Англичанами съ его отцомъ), какъ при свиданіи съ лордомъ Мео въ 1869 году, такъ и потомъ, при извѣстныхъ переговорахъ его министра съ сэръ-Луисомъ Пелли въ Пешаверѣ въ 1876 году, уже при нынѣшнемъ вице-королѣ, — переговорахъ прерванныхъ самими Англичанами задолго еще не только до появленія русской миссіи, но и до начала русско-турецкой войны. Потомъ уже эта послѣдняя миссія была выставлена Англіей какъ благовидный предлогъ для перемѣны ея прежнихъ отношеній къ Афганистану. Но Ширъ-Али съ отчаянія сталъ искать сближенія съ Русскими, видя какъ настойчиво Англичане хотѣли навязать ему своихъ резидентовъ, вопреки всѣмъ договорамъ. Газетная полемика затемнила это дѣло, но вся исторія о томъ какъ Англичане вынудили покойнаго эмира на ссору ясно изложена герцогомъ Аргайльскимъ въ его книгѣ (*The Eastern Question from the treaty of Paris 1856 to the treaty of Berlin 1878 and to the second Afghan war*), о которой было подробно разказано въ іюльскомъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника.* *) Но сбылись не одни предчувствія Ширъ-Али, а также предсказанія людей свѣдущихъ, кого называли пессимистами. Когда, наканунѣ закрытія парламента, 14 августа былъ возбужденъ г. Грантомъ Дёффомъ разговоръ объ афганскихъ дѣлахъ, сэръ-Джорджъ Кампбеллъ, возражая на похвальбы объ удачномъ окончаніи Афганской экспедиціи, говорилъ: „Какъ и можно было ожидать, вы имѣли успѣхъ при началѣ второй Афганской войны, какъ то же было и при началѣ первой Афганской войны; но я утверждаю что правительство не въ правѣ говорить тономъ людей слагающихъ съ себя военные доспѣхи, когда въ дѣйствительности затрудненія только начинаются и предстоятъ."

Извѣстное изреченіе будто исторія не повторяется весьма нерѣдко опровергается опытомъ. Но удивительно какъ часто повторяются человѣческія ошибки. Хорошо памятная Англичанамъ исторія первой Афганской войны должна бы заставить ихъ правительство повнимательнѣе отнестись къ предостереженіямъ тѣхъ кого называли пессимистами, но кто въ сущности лучше другихъ знали дѣло, проведя бо̀льшую часть жизни въ Индіи. Если была разница между начальными результатами обоихъ предпріятій, то скорѣе въ пользу перваго. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Англичане, дѣйствительно, сначала съ необыкновенною легкостью покорили всю страну, полонили Достъ-Магомета и отправили его съ большею частью его семейства, въ томъ числѣ и съ малолѣтнимъ тогда Ширъ-Али, заложникомъ въ Индію, посадили на его мѣсто другаго эмира, и сильные англійскіе гарнизоны около двухъ лѣтъ занимали разные пункты. И все это не отвратило страшнаго возстанія 1841 года, когда эмиръ Шахъ-Суджа былъ свергнутъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ англійскимъ резидентомъ, а англійскій отрядъ въ Кабулѣ при отступленіи былъ истребленъ весь, за исключеніемъ одного доктора, который спасся чудомъ чтобы принесть печальную вѣсть. Тогда этотъ урокъ подѣйствовалъ, и Англичане надолго отказались отъ властолюбиваго вмѣшательства въ Кабулѣ. Что̀ же могло побудить ихъ теперь думать иначе и внушать корреспонденту *Times* надежду что „съ теченіемъ времени эмиръ и Афганскій народъ перестанутъ дуться при воспоминаніи о прошедшемъ, и не будутъ болѣе досадовать или смотрѣть съ подозрѣніемъ на присутствіе британскихъ офицеровъ въ разныхъ частяхъ страны"? Правда, и въ прошлогоднюю войну Афганцы не могли и не пытались оказать сильное сопротивленіе англійскимъ войскамъ; но, за исключеніемъ одной битвы въ Курумской долинѣ, война не ознаменовалась серіозными военными дѣйствіями; столица не была занята, и по смерти Ширъ-Али, Англичане поспѣшили завязать мирные переговоры съ Якубъ-ханомъ, который съ готовностью отозвался на предложенія кажется именно затѣмъ чтобъ съ ихъ поддержкой утвердить свою непрочную власть. Удивительно только что взрывъ ненависти противъ Англичанъ послѣдовалъ такъ скоро послѣ ихъ появленія въ столицѣ. Это свидѣтельствуетъ не объ успокоеніи страстей, а скорѣе объ усилившейся враждѣ къ Англичанамъ.

Ошибка Англичанъ была и есть та что они думали возможнымъ привести Афганистанъ въ такое же положеніе какъ и множество мелкихъ индійскихъ владѣній, сохраняющихъ призрачную независимость,

---

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюль № 7-й, статью Р. *Исторія сношеній Англіи съ Афганистаномъ.*

но состоящихъ на привязи подъ присмотромъ англійскихъ резидентовъ, тогда какъ Афганистанъ нужно завоевать совсѣмъ чтобы держать его въ покорности. Давно уже не припомнимъ какой англійскій авторитетъ утверждалъ будто тѣ кто первые войдутъ съ оружіемъ въ эту страну, будутъ ли то Русскіе или Англичане, сдѣлаютъ Афганцевъ своими врагами. Не знаемъ насколько вѣрно это наблюденіе, но Англичане дважды уже сдѣлали эту ошибку, и въ первый разъ она еще была извинительна малымъ знакомствомъ съ характеромъ страны и ея народа. Теперь же непостижимо какимъ образомъ ошибку лорда Пальмерстона и лорда Окланда могли повторить лорды Беконсфильдъ и Литтонъ, въ виду прежняго опыта и наперекоръ мнѣнію двухъ бывшихъ вице-королей Индіи, лорда Портбрука и недавно умершаго лорда Лоренса, который спасъ Индію во время сипайскаго мятежа 1857 года, наперекоръ мнѣнію многихъ другихъ Англо-Индійцевъ и многихъ генераловъ, служившихъ и теперь служащихъ въ Индіи!

Бунтъ въ Кабулѣ, показавшій что англійское посольство тамъ не можетъ быть безопасно безъ постояннаго занятія его сильнымъ отрядомъ англійскихъ войскъ, долженъ будетъ еще болѣе измѣнить положеніе Англичанъ въ этой странѣ. За оскорбленіе посольства придется отомстить,—а затѣмъ что? Вопреки завѣреніямъ *Times* едва ли вѣроятно чтобъ Англичане вторично оставили страну, какъ они это сдѣлали въ 1843 году. Война и потомъ навязанный Якубъ-хану миръ имѣли цѣлью поддержать *престижъ* Англіи въ Индіи и вообще въ Азіи. Какъ, послѣ такого возвѣщенія, отказаться и сознаться въ неудачѣ? А единственная альтернатива есть полное покореніе страны. Чего это будетъ стоить, это другой вопросъ. Генералъ сэръ-Генри Норманъ полагалъ что потребуется три милліона фунтовъ ст. ежегодно и 30.000 войска чтобы держать подъ властью меньшую часть Афганской территоріи. Слѣдовательно, придется увеличить въ полтора раза, если не удвоить англійскую армію въ Индіи. А Индія и теперь изнемогаетъ подъ бременемъ расходовъ.

Въ довершеніе всего, это непріятное происшествіе въ Кабулѣ случилось когда Англійское правительство обременено множествомъ другихъ заботъ. Газеты уже приготовляли къ возможному разрыву съ Бирманіей, который могъ ежеминутно произойти вслѣдствіе капризовъ и жестокости юнаго короля Тибоу, котораго въ англійскихъ газетахъ изображаютъ какъ нѣкоего Нерона или Коммода, услаждающагося убійствами; готовились также прикрутить магараджу Кашемирскаго, за то де что въ его владѣніяхъ голодъ, а онъ не принимаетъ мѣръ противъ этого бѣдствія. Въ самой Индіи далеко не спокойно, и, какъ ни глухо объ этомъ сообщаютъ въ англійскихъ газетахъ, но тамъ несомнѣнно проявляется нѣкое броженіе. Въ Деканѣ давно уже, подъ именемъ *дакойтовъ*, появились опасныя шайки убійцъ и поджигателей, и хотя извѣщалось будто главные вожаки переловлены, однако и послѣднія извѣстія упоминаютъ что „насилія“ все еще продолжаются и вновь были случаи убійствъ совершенныхъ *дакойтами* близь Гейдерабада. Въ Мадрасскомъ же президентствѣ недовольство приняло характеръ мѣстнаго мятежа. Тамъ, въ округѣ Румпы, шайка въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ нѣкоего Чендріи, атаковала англійскій отрядъ и была прогнана съ урономъ „послѣ жаркой битвы“, какъ гласитъ калькуттская телеграмма *Times*, прибавляя надежду что посланныя подкрѣпленія быстро подавятъ „эту жалкую попытку къ возмущенію“. Остается еще прибавить что и война съ Зулуями далеко не окончена.

Вотъ къ какимъ затрудненіямъ привела Англію бойкая политика лорда Беконсфильда.

№ 222.

Москва. 28-го августа.

По мѣрѣ того кака публика начинаетъ все болѣе сознавать вредъ многихъ финансовыхъ и экономическихъ мѣръ какія послѣдовательно принимались у насъ въ послѣднія десятилѣтія по внушенію иноземной доктрины, положеніе ея закоренѣлыхъ послѣдователей становится все затруднительнѣе. Имъ все болѣе приходится чувствовать себя какъ бы въ положеніи подсудимыхъ, и они, сознательно или безсознательно, не брезгаютъ прибѣгать ко многоразличнымъ уверткамъ. По однимъ пунктамъ обвиненія они просто отмалчи-

ваются, по другимъ — стараются, помощію разныхъ адвокатскихъ софизмовъ, доказать что содѣяннымъ не причинено никакого вреда, по третьимъ — избираютъ для своей защиты систему запирательства. Эта послѣдняя система съ особеннымъ упорствомъ практикуется относительно изгнанія вкладовъ изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, — изгнанія, коему начало было положено несчастною мѣрой пониженія процентовъ по ломбарднымъ вкладамъ, принятою 20 іюля 1857 года. Мѣсяцъ тому назадъ, мы уже обращали вниманіе читателей на попытки доктринеровъ выгородить себя изъ отвѣтственности за эту мѣру, вредность коей отрицать невозможно. Вся отвѣтственность сваливается ими на тогдашняго министра финансовъ Брока, при которомъ будто бы „не было и помину ни о какой финансовой доктринѣ и всякая доктрина презиралась.“ Въ виду такого явно ложнаго заявленія, намъ, какъ и всякому человѣку сколько-нибудь знакомому съ тогдашнимъ ходомъ дѣлъ, нельзя было не сказать: „не правда; мѣры министра финансовъ Брока были внушены именно доктриной и ей вполнѣ соотвѣтствуютъ.“ Но такого категорическаго опроверженія оказывается недостаточно. Къ намъ обращаются печатно съ вызовомъ чтобы мы подтвердили наше рѣзкое слово „не правда.“ Но въ доказательствахъ у насъ embarras de richesse; мы затрудняемся въ выборѣ на что̀ именно сослаться. Въ экономической литературѣ того времени, когда задумывалась и принималась вышеупомянутая мѣра, разногласія относительно ея почти вовсе не было. Но чтобъ остановиться на чемъ-нибудь, сошлемся, на первый случай, на свидѣтельство лица ближе другихъ знакомаго со всѣмъ что̀ касается государственныхъ кредитныхъ учрежденій, на свидѣтельство лица спеціально изучившаго операціи этихъ учрежденій и нынѣ занимающаго постъ управляющаго Государственнымъ Банкомъ. Свидѣтельство это имѣетъ тѣмъ большую цѣну что относится ко времени когда весь экономическій вредъ причиненный изгнаніемъ ломбардныхъ вкладовъ не успѣлъ еще обозначиться, когда онъ сказывался только финансовыми затрудненіями правительства созданными неожиданно сильнымъ востребованіемъ изъ ломбардовъ лежавшихъ въ нихъ вкладовъ. Вотъ что̀ писалъ въ началѣ 1859 года Е. И. Ламанскій въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ статьѣ озаглавленной *Вклады въ банкахъ или билеты непрерывнаго дохода:* „Пониженіе процентовъ на вклады въ кредитныхъ установленіяхъ привѣтствуемо было радостными ожиданіями. Дѣйствительно, нельзя было, съ точки зрѣнія частной предпріимчивости, не радоваться быстрому пониженію процентовъ до такой нормы (3%) *) при которой капиталы должны были искать себѣ болѣе выгоднаго помѣщенія внѣ банковъ, принявшихъ столь дѣйствительныя мѣры къ искусственному изгнанію капиталовъ... Понизивъ проценты по вкладамъ, банки въ то же время уменьшили проценты въ ссудахъ, и вмѣсто 5% отдавали сами заемщикамъ деньги за 4%. Мѣры эти въ совокупности ясно показываютъ что кредитныя учрежденія были обременены наличными капиталами, и что слѣдовало найти симъ послѣднимъ другое употребленіе... Вотъ почему мѣры эти нашли столько защитниковъ и встрѣтили *почти единодушное одобреніе экономистовъ*.“

Ими руководило при этомъ желаніе вызвать капиталы въ частныя предпріятія. И они достигли этой цѣли. Частныя предпріятія, вслѣдъ за изгнаніемъ ломбардныхъ вкладовъ, дѣйствительно, вдругъ стали расти какъ грибы, только, къ несчастію, не много превзошли ихъ своею долговѣчностію и въ своемъ крушеніи унесли за собою сотни милліоновъ въ теченіе многихъ лѣтъ накопленныхъ публикою сбереженій. Но виноватъ во всемъ этомъ министръ финансовъ Брокъ, а не экономисты при единодушномъ одобреніи коихъ онъ дѣйствовалъ!

Послѣ того какъ отечественные капиталы, насильственно направленные доктриной на ложную дорогу, были безвозвратно погублены въ вызванныхъ ими эфемерныхъ предпріятіяхъ, ея же послѣдователями пущена была въ ходъ, оказавшаяся на практикѣ не менѣе вредною, мысль о благодѣтельности для Россіи предпріятій учреждаемыхъ на занятые заграничные капиталы, о чрезвычайныхъ выгодахъ которыя Россія будто бы можетъ получить отъ широкаго пользованія заграничнымъ кредитомъ. И эта мысль о благодѣтельности будто бы для Россіи проливаемаго на нее Европой золотаго дождя была принята и въ теченіе многихъ лѣтъ примѣнялась на прак-

---

*) Пониженіе процентовъ на этомъ, какъ извѣстно, не остановилось.

тикѣ въ широкихъ размѣрахъ. Въ результатѣ получилась весьма стѣснительная для страны задолженность иностранцамъ и, какъ послѣдствіе ея, постоянная, тягостная и весьма убыточная экономическая и финансовая зависимость отъ иностранцевъ. На это обстоятельство не разъ уже было обращено вниманіе, но наши экономисты предпочитаютъ отмалчиваться по этому серіозному пункту. Все чего до сихъ поръ можно было добиться отъ нихъ по этому предмету ограничивается завѣреніемъ что упомянутая задолженность еще не угрожаетъ Россіи тѣми послѣдствіями какія обозначились по отношенію къ Турціи и Египту (еще бы Россія очутилась въ подобномъ положеніи!) да голословнымъ, противорѣчащимъ факту, отрицаніемъ того что наши иностранные долги ставятъ насъ въ зависимое положеніе отъ иностранцевъ. Послушать этихъ господъ, такъ окажется что должникъ нисколько не зависитъ экономически отъ своего заимодавца! Къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказывается что заимодавецъ есть въ сущности собственникъ достоянія, или части достоянія своего должника.

Но весьма сдержанные и не словоохотливые по приведенному выше пункту, доктринеры оказываются за то весьма словоохотливыми въ приписываніи себѣ разныхъ заслугъ предъ государствомъ. Повѣрить имъ на слово, такъ окажется что безъ содѣйствія ихъ экономической доктрины не могло бы осуществиться ни одно изъ великихъ дѣяній нынѣшняго царствованія, которыя требовали экстраординарныхъ денежныхъ средствъ для своего осуществленія. По этой части недавно былъ прочтенъ цѣлый рядъ лекцій однимъ кіевскимъ экономистомъ, скрывшимъ свое имя за прозрачными иниціалами Н. Б., въ формѣ напечатанныхъ въ *Кіевлянинѣ* писемъ къ г. Н. Р., автору извѣстной нашимъ читателямъ брошюры: *Отчего произошло паденіе курса нашего бумажнаго рубля и что можно сдѣлать для его возвышенія?* Сущность этихъ эпистолярныхъ лекцій сводится къ тому чтобы внушить публикѣ что не руководись правительство извѣстною доктриной, оно должно было бы: осудить народную предпріимчивость на вѣчный застой; „отказаться отъ выкупной операціи и отъ разрѣшенія главной задачи при упраздненіи крѣпостнаго права—образованія сословія крестьянъ-собственниковъ,“ „не строить желѣзныхъ дорогъ при помощи иностранныхъ капиталовъ, то-есть ограничиться, быть-можетъ, одною пятою долей настоящей сѣти, а вмѣстѣ съ тѣмъ отложить помыслы о развитіи значительной отпускной торговли и объ усиленіи нашего военнаго могущества“ и т. д. Всѣмъ этимъ, если повѣрить автору кіевскихъ писемъ, мы обязаны экономической доктринѣ. Благодаря ей разрушена прежняя кредитная система, которая де „въ теченіе всего царствованія императора Николая была тормазомъ народной предпріимчивости и заставила насъ во время первой Восточной войны обратиться къ выпуску кредитныхъ билетовъ;“ благодаря ей консолидированы заимствованія сдѣланныя государствомъ изъ вкладовъ внесенныхъ въ прежнія кредитныя установленія, причемъ сокращеніе этого долга доставило де правительству возможность пользоваться внутренними процентными займами, а частнымъ лицамъ—основывать акціонерныя предпріятія; благодаря ей пріисканы средства для выкупа освобожденными крестьянами ихъ надѣловъ, что̀ способствовало прекращенію обязательныхъ отношеній; благодаря ей дѣлались займы облагодѣявшіе Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ которыми соединены важнѣйшіе города Европейской Россіи и т. д., и т. д.

Масса фальши заключающейся въ однихъ этихъ внушеніяхъ кіевскаго экономиста (не говоря уже о многомъ другомъ высказанномъ въ его письмахъ) такъ велика что вполнѣ разоблачить ее сразу крайне затруднительно, на что̀, можетъ-быть, и разсчитывается. Попробуемъ, однако, сдѣлать въ этомъ отношеніи что̀ возможно въ газетной статьѣ.

Начнемъ со взгляда на прежнія государственныя кредитныя установленія какъ на тормазъ народной предпріимчивости. На чемъ основывается эта громкая, но пустозвонная фраза? Были ли въ дѣйствительности государственныя кредитныя учрежденія подобнымъ тормазомъ? Нѣтъ, они такимъ тормазомъ не были. Это не наше только мнѣніе; оно довольно ясно высказывалось многими и многими, между прочимъ и г. Ламанскимъ въ его выше цитованной статьѣ писанной еще въ 1859 году. Но мнѣнія, чьи бы они ни были, могутъ быть ошибочны, а потому сошлемся на факты. Приведемъ наблюденія надъ ходомъ нашей экономической жизни относя-

щіяся къ тому времени когда государственныя кредитныя учрежденія, будто бы тормозившія экономическое движеніе, дѣйствовали со всею своею силой. Вотъ что читаемъ въ статьѣ г. Безобразова *О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи:* *) „Коренное оживленіе нашихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ принадлежитъ къ 1854—1857 годамъ. Оно началось еще до заключенія мира. Оно проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ, необычайною бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннихъ ярмаркахъ... Апогей этого движенія, внутри Россіи, былъ въ 1855 и 1856 годахъ, о которыхъ рѣшительно всѣ участники нашей промышленной и коммерческой дѣятельности говорятъ какъ о золотомъ времени. И простые рабочіе, и фабричные, и фабриканты, и купцы, всюду говорили намъ объ этомъ времени: „мы тогда озолотились.“ Фабрики не успѣвали изготовлять товары, которые быстро расхватывались; строились новыя фабрики и расширялись старыя; удваивалось число рабочихъ часовъ, работали ночью; цѣны на всѣ товары и заработки росли неимовѣрно...“

Не будетъ продолжать сдѣланной выписки. И приведеннаго уже достаточно чтобы видѣть что дѣйствовавшія въ 1855—1856 годахъ государственныя кредитныя учрежденія нисколько не были тормазомъ описанному здоровому экономическому оживленію. Говоримъ: здоровому, хотя г. Безобразовъ и держится противнаго мнѣнія, основываясь между прочимъ на томъ что въ то время будто бы „о сбереженіи накопленнаго, о благонадежномъ помѣщеніи капиталовъ никто не думалъ.“ Нѣтъ, параллельно съ экономическимъ оживленіемъ шла въ то время и забота о сбереженіи накопленнаго, неопровержимое доказательство чему представляетъ тотъ самый фактъ возраставшаго прилива вкладовъ въ ломбарды который натолкнулъ на злосчастную мысль упразднить эти полезныя учрежденія. Но не бывъ тормазомъ для здороваго экономическаго оживленія, наши прежнія ломбардныя учрежденія не допускали вреднаго, эфемернаго возбужденія предпріимчивости. И уничтоженіе такой въ высшей степени полезной преграды не замедлило отразиться на нашемъ экономическомъ организмѣ разорительною лихорадкой... Этимъ, и только этимъ результатомъ въ данномъ случаѣ и могутъ похвалиться экономическіе доктринеры.

Они ставятъ далѣе въ особенную себѣ заслугу консолидацію позаимствованій сдѣланныхъ прежде государствомъ изъ ломбардныхъ вкладовъ. Упоминая объ этомъ, они, надо полагать, всего болѣе разчитываютъ на эффектъ который долженъ быть произведенъ громкимъ словомъ „консолидація.“ Но вѣдь дѣло тутъ не въ эффектности, а въ экономической пользѣ. А кому и какая была польза отъ этой консолидаціи? Казнѣ? Но вѣдь ей (а стало-быть и всѣмъ платящимъ подати и налоги) по бумагамъ выпущеннымъ въ замѣнъ консолидированныхъ вкладовъ пришлось платить значительно бо́льшую сумму процентовъ чѣмъ какая требовалась для удовлетворенія вкладчиковъ. Публикѣ? Но вѣдь она на дѣлѣ такъ пострадала отъ консолидаціи вкладовъ что для экономистовъ лучше вовсе не касаться этой стороны дѣла. Къ четырехпроцентнымъ непрерывно-доходнымъ билетамъ, какъ ни выхвалялъ ихъ г. Ламанскій, публика сразу, вполнѣ основательно, хотя и инстинктивно почувствовала такую антипатію что они съ трудомъ, всевозможными мѣрами, между прочимъ обращеніемъ въ эти бумаги сиротскихъ капиталовъ, могли быть навязаны ей лишь на весьма ничтожную сравнительно сумму. Довѣрчивѣе приняты были, въ замѣнъ вкладовъ, банковые пятипроцентные билеты. Но послѣдствія такой замѣны для публики не заставили себя ждать, и скоро показали ей разницу между вкладными и банковыми билетами. Между тѣмъ какъ по первымъ капиталъ всегда могъ быть полученъ обратно сполна, безо всякой потери, реализація вторыхъ, пріобрѣтенныхъ рубль за рубль, рѣдко могла состояться безъ чувствительныхъ потерь въ капитальной суммѣ. Размѣръ этихъ потерь бываетъ то больше, то меньше, какъ и по всякой бумагѣ обращающейся на биржѣ и подверженной всѣмъ случайностямъ денежнаго рынка и биржевыхъ спекуляцій, но чтобы показать до чего иногда доходили эти потери, сошлемся хоть на биржевыя цѣны фондовъ въ 1867 году. Въ этомъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, пятипроцентные банковые билеты цѣнились всего по 76 р. 50 к. за 100 рублей. Не трудно понять какъ

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1863 года, № 5, стр. 377 и 378.

отзывалось это на интересахъ любаго изъ вкладчиковъ прежнихъ ломбардовъ, обмѣнявшихъ свои вклады на банковые билеты подвергавшіеся такому обезцѣненію. Накопленный долгими сбереженіями капиталъ, напримѣръ, въ десять тысячъ вдругъ обращался всего въ 7.650 рублей безо всякой вины въ томъ самого вкладчика, который искалъ благонадежнаго помѣщенія для своихъ сбереженій. Кто и что причиной такой потери $23\frac{1}{2}$ процентовъ всего накопленнаго капитала? Кто, если не экономическая доктрина и рекомендованная ею консолидація вкладовъ? Но наши господа экономисты, тщательно вычисляющіе всякій ущербъ понесенный кѣмъ бы то ни было отъ пониженія вексельнаго курса, считаютъ недостойнымъ своего вниманія останавливаться на громадныхъ потеряхъ причиненныхъ восхваляемою ими консолидаціей вкладовъ.

Эта консолидація, утверждаютъ они, между прочимъ, „доставила правительству возможность пользоваться внутренними процентными займами...“ И г. Н. Б., авторъ писемъ въ *Кіевлянинѣ*, говоритъ это не краснѣя? Такъ вспомните, по крайней мѣрѣ, что вслѣдъ за ликвидаціей прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, единственною доступною формой внутренняго государственнаго кредита оказались лотерейные займы, и что третій выпускъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ, на номинальную сумму какихъ-нибудь 15 милліоновъ, могъ состояться лишь по убыточному курсу 83 за сто. Сравните же финансовую и экономическую выгодность этихъ займовъ съ выгодностью заимствованій изъ ломбардныхъ вкладовъ, и скажите затѣмъ какъ великъ успѣхъ пріобрѣтенный столь превозносимыми вами консолидаціей вкладовъ и разрушеніемъ прежней кредитной системы.

Вамъ кажется что экономическая доктрина помогла выкупной операціи и успѣху всего крестьянскаго дѣла вообще. Но подумали ли вы о томъ что безъ разрушенія прежней кредитной системы, вся эта операція могла быть совершена еще успѣшнѣе и несравненно безобиднѣе для всѣхъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ?

Крестьянская реформа не могла совершиться безъ серіозныхъ пожертвованій со стороны бывшихъ владѣльцевъ крестьянъ, и дворянство вынесло на своихъ плечахъ всю тяжесть этой необходимой государственной реформы. Но была ли необходимость въ томъ чтобы вознагражденіе опредѣленное помѣщикамъ за отошедшіе отъ нихъ въ пользу крестьянъ надѣлы было ниже назначенной закономъ нормы? Была ли необходимость чтобы выкупные платежи взимаемые съ крестьянъ въ размѣрѣ этой нормы поступили въ пользу ихъ бывшихъ владѣльцевъ лишь частію, а не сполна?

Безъ разрушенія прежнихъ кредитныхъ учрежденій, столь затруднявшій экономистовъ избытокъ накопившихся въ нихъ вкладовъ далъ бы возможность уплатить помѣщикамъ за выкупаемые крестьянскіе надѣлы наличными деньгами рубль за рубль. Еслибъ этихъ вкладовъ оказалось недостаточно, великое значеніе реформы было бы достаточнымъ оправданіемъ чрезвычайнаго выпуска кредитныхъ билетовъ для этой цѣли. При системѣ ломбардныхъ вкладовъ, служившей регуляторомъ нашего бумажнаго денежнаго обращенія, этотъ чрезвычайный выпускъ не причинилъ бы никакихъ серіозныхъ потрясеній. Выпущенные кредитные билеты не замедлили бы притечь обратно въ ломбардныя кассы въ качествѣ вкладовъ, подобно билетамъ выпущеннымъ во время Крымской войны. Уплатой процентовъ по этимъ вкладамъ правительство было бы затруднено не только не болѣе, а напротивъ гораздо менѣе чѣмъ уплатой процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ и 5% банковымъ билетамъ втораго выпуска, причемъ самые размѣры крестьянскихъ платежей могли быть значительно сокращены. Что же касается помѣщиковъ, полученіе выкупныхъ платежей сполна избавило бы ихъ отъ громадныхъ потерь съ которыми сопряжена была для нихъ продажа банковыхъ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ чуть не за половину ихъ номинальной стоимости. Не этою ли понесенною помѣщиками громадною потерей, затруднившею имъ переходъ отъ прежняго къ новому экономическому порядку, гордятся господа доктринеры? Не тѣмъ ли что выгоды отъ позднѣйшаго возвышенія цѣны выкупныхъ бумагъ попали не въ тѣ руки въ какія слѣдовало?

То же самое слѣдуетъ сказать и о постройкѣ желѣзнодорожной сѣти. Эти господа воображаютъ что постройка ея была бы невозможна безъ помощи иностранныхъ капиталовъ. Но развѣ на эту постройку не могли быть направлены тѣ сотни милліоновъ которыя, благодаря докт-

ринѣ, погибли при вызванной изгнаніемъ вкладовъ экономической лихорадкѣ? Развѣ для этой цѣли правительство не могло также съ полнымъ успѣхомъ воспользоваться выпусками кредитныхъ билетовъ (съ сожженіемъ ихъ послѣ того какъ они возвратились бы въ ломбарды въ видѣ процентныхъ вкладовъ), и развѣ уплата процентовъ по массѣ вкладовъ вызванныхъ этими выпусками была бы для казны затруднительнѣе уплатъ по консолидированнымъ облигаціямъ?

Скажутъ что намъ, Русскимъ, на первыхъ порахъ, было чуждо устройство акціонерныхъ компаній для желѣзно-дорожныхъ сооруженій. Но въ устройствѣ для этой цѣли непремѣнно акціонерныхъ компаній не предстояло и надобности. Правительство могло съ успѣхомъ строить дороги само или хозяйственнымъ, или подряднымъ способомъ. Этимъ, между прочимъ, былъ бы предрѣшенъ и стоящій нынѣ повсюду на очереди вопросъ о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ изъ частныхъ рукъ.

Этотъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, какъ извѣстно, приходится не по сердцу представителямъ экономической доктрины. Они признаютъ его вреднымъ, между прочимъ,—почему бы вы думали?—Потому, учитъ, г. Поль Леруа-Больё въ *Revue des deux Mondes*, что поступленіе желѣзныхъ дорогъ въ распоряженіе государства имѣло бы своимъ результатомъ усиленіе правительственной власти. Мы понимаемъ это ученіе во Франціи. Но въ Россіи имѣетъ ли оно смыслъ?

№ 223.

Москва, 31-го августа.

Совершившееся на прошедшей недѣлѣ свиданіе Государя Императора съ императоромъ Вильгельмомъ до сихъ поръ еще есть событіе дня въ европейскомъ политическомъ мірѣ, событіе тѣмъ болѣе знаменательное что оно было неожиданностью: по свидѣтельству берлинскихъ газетъ, даже лица свиты императора Вильгельма и сопровождавшія его къ русско-германской границѣ ничего не знали объ этой поѣздкѣ до самаго дня отъѣзда въ Александрово. Понятно что берлинская печать, много занимавшаяся Россіей въ послѣднее время, и притомъ въ тонѣ который весьма мало гармонировалъ съ отношеніями дружбы и родства, вновь торжественно подтвержденными недавнимъ свиданіемъ, была не мало озадачена этимъ событіемъ, и толкамъ по этому поводу, равно какъ и о миссіи генерала Мантейфеля въ Варшаву, нѣтъ конца. Замѣчательно однако что наиболѣе офиціозные органы не принимали участія въ этихъ пересудахъ. Противъ обыкновенія, ни *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, ни *Почта* не комментировали столь выдающагося событія и ограничились передачей фактическихъ извѣстій о поѣздкѣ императора. Лишь спустя недѣлю послѣ свиданія, *Провинціальная Корреспонденція*, въ еженедѣльномъ обозрѣніи событій, упомянувъ о свиданіи въ Александровѣ присовокупила къ этому нѣсколько словъ, которыя поспѣшилъ вчера передать намъ берлинскій телеграфъ, и которыя гласятъ слѣдующее: „свиданіе это послужило новымъ свидѣтельствомъ сердечныхъ отношеній между обоими Монархами.“ И только. Зато надѣлала шума выходка *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* по поводу миссіи генерала Мантейфеля. Наканунѣ отъѣзда императора Вильгельма, когда еще не было ничего извѣстно о предстоявшемъ свиданіи Монарховъ, названная газета сочла нужнымъ опровергнуть извѣстіе *Національной Газеты* будто миссія генерала Мантейфеля въ Варшаву состоялась по соглашенію съ княземъ Бисмаркомъ, находящимся нынѣ въ Гастейнѣ, и будто генералъ Мантейфель, предъ своимъ отъѣздомъ, находился въ дѣятельной телеграфной перепискѣ съ имперскимъ канцлеромъ. Офиціозная замѣтка заявляла что извѣстіе это „есть чистая выдумка.“ Въ Германіи привыкли думать что въ области дипломатическихъ сношеній ничто не дѣлается безъ вѣдома и согласія имперскаго канцлера. Всѣмъ показалось очень страннымъ что князь Бисмаркъ счелъ вообще нужнымъ публично опровергать подобный слухъ, и опроверженіе это было тѣмъ поразительнѣе что оно совпало съ извѣстіемъ о свиданіи въ Александровѣ. Такъ какъ связь между поѣздкой Мантейфеля и этимъ свиданіемъ была очевидна, то доказанное „отреченіе“ отъ всякаго участія со стороны князя Бисмарка естественно отнесено было и къ этому второму событію. Отсюда возникли толки о предстоящемъ выходѣ въ отставку князя Бисмарка въ виду столь

явнаго, засвидѣтельствованнаго его собственнымъ органомъ, разногласія между нимъ и императоромъ. Слухъ объ отставкѣ князя Бисмарка дня два держался упорно, и не мало встревожилъ всѣ европейскія биржи, особенно берлинскую. Берлинскія газеты старались успокоить тревогу, и *Національная Газета* поспѣшила заявить что по свѣдѣніямъ ею полученнымъ, князь Бисмаркъ зналъ заранѣе о готовившемся свиданіи Монарховъ и высказалъ по этому поводу свое мнѣніе. Но *Національной Газетѣ* плохо вѣрили послѣ недавняго официознаго опроверженія ея извѣстія. Сама же *Сѣверо-Германская Газета* продолжала хранить молчаніе и ничѣмъ не отозвалась на толки порожденные ея замѣткой. Лишь спустя недѣлю, органъ князя Бисмарка вновь заговорилъ объ этомъ предметѣ. Но эта вторая замѣтка едва ли можетъ способствовать успокоенію умовъ. Въ ней вновь подтверждается вѣроятность перваго сообщенія о томъ что поѣздка генерала Мантейфеля совершилась помимо участія князя Бисмарка, причемъ намекается довольно прозрачно на то что свиданіе въ Александровѣ, подготовленное поѣздкой Мантейфеля, произошло по иниціативѣ самихъ Монарховъ.

Странное, чтобы не сказать болѣе, поведеніе прусской официозной печати пришлось разумѣется по вкусу всѣмъ враждебнымъ Россіи партіямъ, особенно въ Вѣнѣ, и утѣшило ихъ послѣ впечатлѣнія произведеннаго на нихъ свиданіемъ въ Александровѣ. Если вѣрить имъ, то князь Бисмаркъ окончательно рѣшилъ походъ на Россію. Берлинская же печать относится къ дѣлу гораздо болѣе трезво и сдержанно, и ограничивается увѣщаніями обращенными къ русской печати, которая должна де вразумиться нравоученіемъ вытекающимъ изъ событій послѣднихъ дней и прекратить свои враждебныя нападки на Германію.

Мы, съ своей стороны, очень мало вѣримъ въ серіозность и искренность всѣхъ этихъ манифестацій идущихъ изъ Берлина. Мы не думаемъ чтобъ это намѣренное и слишкомъ выставляемое на показъ „будированіе" князя Бисмарка было само себѣ цѣлью. Равнымъ образомъ неестественъ и натянутъ весь этотъ шумъ изъза враждебныхъ нападокъ на Германію со стороны той или другой петербургской газеты. Никто не увѣритъ насъ будто въ Берлинѣ въ самомъ дѣлѣ убѣждены что все что̀ пишется въ русскихъ газетахъ непремѣнно выражаетъ собою настроеніе правительственныхъ сферъ. А между тѣмъ, вотъ уже болѣе мѣсяца какъ германская печать, не исключая официозной, на всѣ лады разрабатываетъ тему о враждебности къ Германіи русской печати, преувеличенно тревожась этими „симптомами пробуждающейся національной вражды" и намѣренно не замѣчая во сколько разъ больше вражды и систематическаго злословія противъ Россіи сказывается, и притомъ не со вчерашняго дня, во многихъ органахъ германской печати, принадлежащихъ политическимъ партіямъ и стало-быть гораздо болѣе вліяющихъ на ходъ событій нежели та или другая петербургская газета.

Весь этотъ шумъ и вся эта напускная тревога германской печати имѣетъ пока, какъ кажется, одинъ реальный поводъ: это желаніе побудить Россію, во что̀ бы то ни стало, отступиться отъ своей таможенной политики относительно Германіи. Во всѣхъ безчисленныхъ разсужденіяхъ берлинскихъ газетъ по поводу отношеній между Германіей и Россіей, вопросъ о таможенныхъ сношеніяхъ такъ или иначе возвращается какъ неизбѣжный припѣвъ. Вопросъ этотъ дѣйствительно болѣе чѣмъ когда-либо выдвинулся теперь на первый планъ. Предсказаніе князя Бисмарка въ рейхстагѣ, при обсужденіи тарифа, что онъ заставитъ производителей русскаго сырья нести тѣ пошлины которыми онъ обложилъ привозимые въ Германію продукты, пока далеко не оправдалось. А между тѣмъ, въ Россіи обращено было наконецъ вниманіе на то вопіющее обстоятельство что балтійскіе порты были главнѣйшими посредниками нашей отпускной торговли въ прямой ущербъ нашимъ портамъ. Нѣмецкія газеты зорко слѣдятъ за быстрою перемѣной совершающеюся на Балтійскомъ побережьѣ, и съ прискорбіемъ отмѣчаютъ несомнѣнные признаки паденія отпускной торговли Кенигсберга, Данцига и Штеттина и возрастанія Либавы. И вотъ это „бѣдствіе" ставится въ вину Россіи, и ей доказываютъ что она не должна и не можетъ, оставаясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Германіей, заботиться о своихъ интересахъ.

№ 224.

Москва, 1-го сентября.

Впечатлѣніе въ Лондонѣ при извѣстіи о катастрофѣ постигшей англійскую миссію въ Кабулѣ, какъ видно изъ полученныхъ сегодня англійскихъ газетъ, было ошеломляющее. Безпечная увѣренность въ спокойномъ теченіи дѣлъ была такъ велика что изъ членовъ кабинета только одинъ статсъ-секретарь Ирландіи случайно находился въ Лондонѣ; всѣ же остальные разъѣхались въ разныя стороны на отдыхъ. Телеграфъ принялся работать между Лондономъ, Симлой и мѣстопребываніями различныхъ министровъ, но до самаго вечера субботы газетные репортеры не могли добиться въ точности будетъ ли вскорѣ созванъ совѣтъ министровъ для обсужденія чрезвычайнаго событія; узнали только что министръ Индіи, лордъ Кранбукъ, спѣшилъ возвратиться въ столицу съ сѣвера Англіи.

Что касается печати, то она на первыхъ порахъ совершенно сбита съ толку, и это легко понять когда вся задача ея, кромѣ весьма немногихъ оппозиціонныхъ органовъ, состояла въ томъ чтобы раздувать значеніе достигнутыхъ результатовъ и радоваться успѣшному поддержанію *престижа* Англіи. Публика систематически подготовлялась къ вѣроятнымъ общимъ выборамъ въ смыслѣ благопріятномъ для нынѣшняго кабинета. Въ этотъ самый день, въ утреннихъ субботнихъ газетахъ, еще раздавались похвалы его политикѣ. *Saturday Review*, радуясь тому что русское вліяніе навсегда изгнано изъ Афганистана, съ самодовольнымъ торжествомъ возглашаетъ: „На доказательства невозможности добиться допущенія англійской миссіи въ Кабулъ данъ отвѣтъ настоящею миссіей. Право Индійскаго правительства контролировать внѣшнюю политику Афганистана формально уступлено.“ И чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ эти похвальбы были напечатаны, вдругъ такой ударъ!

Подробностей о катастрофѣ противъ того что̀ было намъ сообщено по телеграфу мы находимъ въ газетахъ пока весьма немного. Любопытно только то что, кромѣ прямыхъ извѣстій дошедшихъ до англійскихъ властей на афганской границѣ, одновременно было сообщено о вспыхнувшемъ бунтѣ самимъ эміромъ въ двухъ письмахъ, въ одномъ изъ коихъ онъ увѣдомлялъ что „смятеніе достигло крайней степени,“ и что самъ онъ „вмѣстѣ съ пятью приверженцами находится въ осадѣ,“ а это въ сущности могло значить только то что онъ былъ плѣнникомъ въ рукахъ взбунтовавшагося народа. Послѣ того уже разнесся слухъ о его смерти.

Стараться умалять важность трагическаго событія было невозможно. Напротивъ, министерскія газеты заявляютъ что „никакими мѣрами кромѣ полнаго возмездія нельзя уничтожить неблагопріятное впечатлѣніе которое должно быть произведено во всей Азіи избіеніемъ миссіи Каваньяри.“ Необходимость возмездія, и притомъ какъ можно быстрѣйшаго, не оспаривается никѣмъ. Даже оппозиціонная *Daily News*, которая постоянно ратовала противъ афганскаго предпріятія, требуетъ наискорѣйшихъ мѣръ въ этомъ направленіи, и всѣ утѣшаются по крайней мѣрѣ тѣмъ что войскамъ отданъ приказъ немедленно двинуться на Кабулъ. „Если военныя власти въ Индіи сумѣютъ показать себя въ минуту испытанія, если войска, транспорты и запасы могутъ быть собраны въ готовности тотчасъ же,“ успокоиваетъ *Times*, „то Кабулъ можетъ быть занятъ и мятежники наказаны прежде чѣмъ пожаръ успѣетъ распространиться.“ Слишкомъ много *если*, состоятельность которыхъ сомнительна. Съ одной стороны офиціальная телеграмма изъ Симлы сообщаетъ что Робертсъ идетъ на Кабулъ (путь не близкій), а съ другой извѣстіе оттуда же гласитъ что Робертсъ требуетъ подкрѣпленій и что походъ на Кабулъ немедленно состояться не можетъ. Всѣ должны были признать серіозный характеръ событія и видѣть въ немъ не простую вспышку мѣстнаго бунта, а нѣчто похожее на общее возстаніе, и потому нельзя не усомниться въ возможности быстрыхъ дѣйствій. Отъ Курама, самаго ближняго пункта, до Кабула по прямой линіи сто двадцать миль пути по странѣ дикой, бѣдной, скудной запасами. Отсюда должно начаться движеніе, а между тѣмъ объ этой самой мѣстности калькуттскій корреспондентъ *Times*, въ телеграммѣ отъ 7 сентября, въ одно время съ печальною вѣстью, сообщалъ что „Курамская долина переполнена разбойниками изъ горныхъ племенъ до такой степени что торговля черезъ Шатаргарданъ почти остановилась.“ Это въ мѣстности занятой Англичанами и еще въ мирное время: что̀ же далѣе за

горнымъ переваломъ и при всеобщемъ возбужденіи въ странѣ коего страшнымъ признакомъ было избіеніе англійской миссіи? Нельзя отрицать что теперь придется войну вести иначе чѣмъ прошлымъ годомъ, когда небольшими демонстраціями хотѣли принудить эмира къ покорности и въ то же время завѣрить Афганцевъ что война велась не противъ нихъ, а только противъ эмира. Одна англійская газета объявила Афганцевъ „неблагодарными“ за то что они не поняли этого тонкаго различія. Тѣмъ не менѣе, поддерживать эту фикцію долѣе невозможно. Приходится признать что война ведется противъ народа и двинуть болѣе сильные отряды которые могли бы занять страну прочнымъ образомъ, и предположивъ что войска скоро могутъ быть собраны, для нихъ потребуются большіе запасы и транспорты, заготовленіе коихъ можетъ встрѣтить большія затрудненія, такъ какъ во время прошлогодней экспедиціи, по офиціальнымъ отчетамъ, пало 40.000 верблюдовъ отъ недостатка фуража, а по свѣдѣніямъ корреспондентовъ гораздо болѣе, и пополнить теперь эту убыль не легко. Очевидно что увѣренія изъ Индіи о немедленномъ движеніи войскъ были посланы лишь затѣмъ чтобы нѣсколько смягчить тяжелое впечатлѣніе трагической вѣсти.

Съ тою же цѣлью придумываются и другія „смягчающія обстоятельства.“ Такъ въ *Times* появилось письмо одного корреспондента который всю вину за катастрофу хочетъ сложить на „крайнее безразсудство и близорукость“ Якубъ-хана, который не сумѣлъ де озаботиться безопасностью принятыхъ имъ гостей (хороши гости!), помѣстивъ ихъ въ деревянныхъ зданіяхъ среди города, гдѣ невозможно было защищаться въ случаѣ нападенія. Корреспондентъ ставитъ въ контрастъ съ этимъ осторожную заботливость Ширъ-Али о миссіи генерала Столѣтова, которую онъ помѣстилъ не въ городѣ, а въ своихъ садахъ, и благоразумно запретилъ кому-либо посѣщать иностранцевъ, которые „были его собственными гостями.“ Но поѣздка генерала Столѣтова была предпринята при исключительныхъ обстоятельствахъ въ качествѣ временной дружественной миссіи, а майоръ Каваньяри явился не гостемъ, а въ качествѣ *постояннаго* резидента въ Кабулѣ; онъ былъ не добровольно принятъ, а по принужденію, во исполненіе условій мира послѣ „побѣдоноснаго“ предпріятія, какъ имъ хвалились въ Англіи. Кстати объ этихъ побѣдахъ и похвальбахъ. *Пель-Мельская Газета* объясняетъ „оглушающее“ впечатлѣніе вѣсти изъ Индіи именно этими „недостойными похвальбами“ которыя послѣдовали за окончаніемъ афганской кампаніи и изображали ее предъ не свѣдущею публикой „какъ рядъ блестящихъ успѣховъ которые могли быть совершены только англійскими войсками,“ и „это хвастовство принималось за трезвую истину.“ Но на этомъ мороченіи публики, не столько впрочемъ своей сколько посторонней, всегда основывалась англійская политика, и если упомянутый корреспондентъ *Times*, не находитъ „достаточно сильныхъ выраженій чтобы заклеймить глупость распоряженій Якубъ-хана“ относительно охраны англійской миссіи, то что же остается сказать о самомъ Британскомъ правительствѣ которое посадило въ Кабулѣ своего резидента, предварительно употребивъ все возможное чтобы сдѣлать Афганцевъ своими врагами?

Укоряя Якубъ-хана въ слабости, не хотятъ признать разницы въ его положеніи съ положеніемъ его отца. Надо припомнить что Ширъ-Али хотѣлъ передать престолъ не Якубъ-хану, а своему младшему сыну Абдаллѣ. Въ Афганистанѣ очень цѣнится знатность рода и, при многоженствѣ, обращается вниманіе и на родъ матери. Мать Якубъ-хана была чуть ли не простая наложница не важнаго рода. Поэтому у него и не было сильныхъ сторонниковъ. Поэтому также, когда, по смерти Абдаллы, Ширъ-Али, выѣзжая изъ Кабула, оставилъ Якуба своимъ намѣстникомъ, этотъ послѣдній не посмѣлъ вступать въ переговоры съ Англичанами, а ежедневно получалъ инструкціи отъ отца, и только по смерти его могъ начать переговоры о мирѣ. Отсюда легко себѣ представить какъ, при незнатности его происхожденія, должна была ослабѣть его власть когда на него стали смотрѣть какъ на ставленика Англіи.

Настоящее положеніе страны, поверженной въ анархію, страшно затруднитъ положеніе Англичанъ. Для нихъ неизбѣжна дилемма на которую мы указывали, то-есть либо вовсе оставить Афганистанъ, либо окончательно покорить его и придти такимъ образомъ въ непосредственное сосѣдство съ Россіей...

— ———

№ 226.

Москва, 3-го сентября.

Въ № 216 нашей газеты мы познакомили читателей съ проектомъ инженера Данилова о соединеніи морей Каспійскаго и Азовскаго судоходнымъ каналомъ и объ орошеніи Калмыцкой степи. Послѣ того мы получили письмо полковника Блюма вызванное проектомъ г. Данилова, и въ виду важности вопроса охотно даемъ ему мѣсто.

Г. Блюмъ не мало поработалъ въ видахъ соединенія Каспійскаго и Азовскаго морей чрезъ каналъ по Манычу. Участвуя въ работахъ по тріангуляціи Сѣвернаго Кавказа, онъ имѣлъ случай подробно изслѣдовать восточную часть Кумо-Манычской низменности между лиманомъ Маныча и Каспійскимъ моремъ. Повидимому, г. Блюмъ прониველлировалъ эти триста верстъ, и не встрѣтивъ въ нихъ препятствія къ проведенію судоходнаго канала, составилъ свой проектъ Манычскаго канала, который онъ полагалъ питать однѣми весенними водами.

Мысль о возможности воспользоваться Кумо-Манычскою низменностью для соединенія морей Каспійскаго и Азовскаго, какъ намъ случилось уже упомянуть, принадлежитъ еще прошлому столѣтію. Она была высказана еще Палласомъ въ его путешествіи по Россіи въ 1786 году. Вслѣдъ затѣмъ произведенъ былъ цѣлый рядъ изслѣдованій, и извѣстный инженеръ Деволанъ подробно изучалъ вопросъ на мѣстѣ. Онъ нашелъ невозможнымъ провести каналъ по Манычу за недостаткомъ воды, такъ какъ весеннія воды въ немъ быстро высыхаютъ. Деволанъ хотѣлъ воспользоваться водами Кумы, текущей южнѣе и выше Маныча; но и въ ней воды оказалось недостаточно. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ состоялась извѣстная экспедиція г. Бергштрессера пытавшагося пробраться на лодкѣ изъ Азовскаго моря въ Каспійское; но она не окончила своей задачи по недостатку средствъ и позднему времени года. Данныя собранныя этою экспедиціей были разсмотрѣны Министерствомъ Путей Сообщенія, вмѣстѣ со всѣми прежними, и состоялся такой приговоръ:

„Манычская низменность вовсе не способна для устройства водянаго сообщенія и потребовала бы учрежденія резервуара при впаденіи рѣки Калауса въ Манычъ (а Калаусъ маловоденъ!), прорытія канала въ песчаной мѣстности и шлюзованія его. Работы эти потребовали бы огромныхъ издержекъ и, при всемъ томъ, нельзя было бы приступить къ нимъ съ увѣренностью что вода, особенно въ восточной части, не уйдетъ въ грунтъ и каналы не останутся сухими“ *).

Изслѣдованія г. Блюма, произведенныя позже въ 1863 и 1864 годахъ, показали что проведеніе канала въ восточной части Кумо-Манычской низменности возможно. Да и какъ сомнѣваться въ томъ теперь когда мы видимъ въ Индіи огромные каналы проходящіе по 250 верстъ песками? (А у насъ, замѣтимъ въ скобкахъ, до сихъ поръ не могутъ довести Кумы до Каспійскаго моря: она пропадаетъ въ пескахъ меньше чѣмъ за сотню верстъ до него).

Но, такъ или иначе, Манычскому каналу не доставало воды, и Министерство Путей Сообщенія положило на изслѣдованія г. Бергштрессера такое окончательное мнѣніе: „издержки на подобное предпріятіе, даже при увѣренности въ успѣхѣ, въ техническомъ отношеніи не могутъ соотвѣтствовать пользѣ какую отъ нихъ ожидать должно; но тѣмъ не менѣе результатъ производства изслѣдованій мѣстности, почти вовсе неизвѣстной, можетъ быть полезенъ для составленія соображеній къ орошенію края и къ способствованію заселенія его.“ Надо замѣтить что казна предъ тѣмъ истратила не одну сотню тысячъ рублей на облѣсеніе этого края. По докладу Министерства, Высочайше повелѣно „предположенія объ устройствѣ непосредственно воднаго сообщенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ оставить безъ послѣдствій.“

Изслѣдованія г. Блюма, какъ они ни были важны и интересны, не могли измѣнить поводовъ къ этой резолюціи, и его проектъ не имѣлъ успѣха. Было доказано, правда, что каналъ въ восточной части Кумо-Манычской низменности возможенъ, даже легко осуществимъ, но воды для него все-таки не найдено. Никому не приходила въ голову возможность захватить сюда, за 300 верстъ, воды Терека. Эта мысль пришла г. Данилову. Предложеннымъ имъ способомъ легко можно обводнить Калмыцкую степь, причемъ не только заселеніе, но даже облѣсеніе ея становится дѣломъ весьма

*) *Журн. Главн. Упр. Пут. Сообщ.* 1860 т. 1, стр 118.

осуществимымъ. Этимъ совершенно измѣнено положенiе вопроса, и изысканiя по проекту г. Данилова уже разрѣшены и состоялись.

Г. Блюмъ высказываетъ еще смѣлую мысль о проведенiи морскаго канала между Азовскимъ и Каспiйскимъ морями, причемъ уровень послѣдняго долженъ быть поднятъ на три и даже на двѣнадцать саженъ (уровень Каспiя на 86 ф. ниже уровня Чернаго моря). Правда, еще Палласъ замѣтилъ что „еслибы не было песчаныхъ кряжей которые заперли устье Кумы, то Каспiйскому морю стоило бы подняться на нѣсколько саженъ чтобы покрыть водами своими низкую степь около Манычa, чрезъ который въ прежнее время Каспiйское море сообщалось съ Азовскимъ.“ Но Палласъ замѣтилъ это мимоходомъ, не вдаваясь въ проекты. Морской каналъ г. Блюма рѣшилъ бы вопросъ радикально; никакихъ питательныхъ каналовъ не требовалось бы, и пришлось бы лишь проститься съ орошенiемъ мѣстности. Но осуществимъ ли этотъ проектъ? Техника не знаетъ еще случаевъ переливанiя одного моря въ другое, имѣющее иной уровень, Суэзскiй каналъ былъ проведенъ между двумя частями Океана, но самъ же строитель этого канала отступилъ предъ проектомъ обводненiя Сахары вслѣдствiе величайшихъ техническихъ трудностей. Какiя перемѣны произошли бы на берегахъ Каспiйскаго моря при поднятiи его уровня на 12 саженъ? Палласъ замѣчаетъ что даже при нѣсколькихъ саженяхъ поднятiя, Кумо-Манычская низменность была бы залита Какiе размѣры надо придать каналу? Сколько десятковъ такихъ рѣкъ какъ Волга надо влить въ Каспiйское море чтобы поднять его уровень хоть на сажень? Сколько десятковъ лѣтъ надо ждать поднятiя этого уровня при самомъ крупномъ размѣрѣ канала? Впрочемъ, мы не беремся рѣшать въ какой мѣрѣ исполнимъ или неисполнимъ смѣлый проектъ г. Блюма; но во всякомъ случаѣ, изложенный теперь въ самыхъ общихъ чертахъ, проектъ этотъ дастъ техникамъ какiя-либо полезныя указанiя. Практическое соединенiе судоходнымъ каналомъ морей Каспiйскаго и Азовскаго принесло бы несомнѣнную и громадную пользу. Въ виду важности вопроса, мы сочли за лучшее передать мысль г. Блюма въ общее обращенiе. Вспомнимъ проекты важнѣйшихъ русскихъ путей сообщенiй: чѣмъ полезнѣе былъ проектъ для государства, тѣмъ больше встрѣчалъ онъ всяческiя возраженiя и затрудненiя. Изъ чего только не создавали тормозовъ для этихъ проектовъ! Вспомнимъ Либавскую дорогу: какъ трудно она рождалась на свѣтъ и въ какомъ видѣ родилась! Г. Блюмъ, отдавая свою мысль въ печать, конечно, первый будетъ огорченъ если ею воспользуются для того чтобы затормозить дѣло соединенiя Каспiйскаго и Азовскаго морей, а кто поручится что это не случится?

Мы обратили вниманiе на проектъ г. Данилова потому что онъ доведенъ имъ до полной практической ясности. Постройка каналовъ по его проекту также проста какъ постройка дома; желательно только чтобъ онъ еще болѣе ограничилъ размѣръ задачи. Главная потребность нашей торговли и промышленности состоитъ въ судоходномъ пути отъ Азовскаго моря до Каспiя, чтобы можно было дешево возить каменный уголь на Волгу, чтобы волжскiе и каспiйскiе грузы получили выходъ въ Азовское и Черное моря Для этого нуженъ судоходный каналъ по долинѣ Манычa и питательный къ нему каналъ отъ Терека. Въ высшей степени важно также обойти неудобныя для судоходства Волжскiя гирла и дать доступъ на Волгу морскимъ судамъ. Для этого нуженъ каналъ изъ низины Манычa къ Астрахани. Не лучше ли было бы ограничиться этими каналами оставивъ на долю будущаго обходъ Донскихъ гирлъ, то-есть проведенiе канала изъ Кубани? Кубанскiе каналы—орудiе обоюдуострое. Ими легко можетъ воспользоваться англiйскiй транзитъ въ Персiю и Среднюю Азiю, что̀ вовсе не въ нашихъ интересахъ. Самая мысль о постройкѣ Кубанскихъ каналовъ, впрочемъ, не принадлежитъ г. Данилову, и, сколько намъ извѣстно, онъ готовъ отказаться отъ этой части своего проекта.

Намъ случилось слышать опасенiя что отводъ части водъ Терека въ Манычскiй каналъ будетъ вреденъ для прибрежныхъ Тереку мѣстностей. Это вовсе несправедливо. По проекту г. Данилова, изъ Терека можно взять отъ 12 до 20 к. саж. въ секунду при общемъ количествѣ проточной воды отъ 27 до 57 к. саж. въ секунду. Берега Терека, особенно около Кизляра, постоянно страдаютъ отъ наводненiй; въ одномъ Кизлярѣ ежегодно тратятъ до 24.000 руб. на укрѣпленiе береговъ. Въ виду этихъ наводненiй, уже бы-

ли сдѣланы попытки отвести часть водъ Терека къ сѣверу, но до сихъ поръ отводили лишь небольшое ихъ количество и потому не достигалось значительныхъ результатовъ.

227.

Москва, 4-го Сентября.

Чѣмъ глубже всматриваешься въ дѣло, чѣмъ тщательнѣе взвѣшиваешь значеніе различныхъ явленій въ исторіи нашего денежнаго обращенія, тѣмъ все болѣе убѣждаешься въ неразрывной связи его съ кредитными учрежденіями того типа какими обладала Россія до 20 іюля 1857 года, то-есть до той минуты когда, подъ вліяніемъ чужеземной доктрины нисколько не приноровленой къ особенностямъ существующихъ у насъ экономическихъ и иныхъ условій, было приступлено къ разгрому этихъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминая важнѣйшіе факты изъ исторіи нашихъ прежнихъ, упраздненныхъ государственныхъ кредитныхъ установленій, невольно приходишь еще и къ тому заключенію что въ теченіе всего времени пока дѣятельность ихъ была въ полномъ ходу, существовавшая на дѣлѣ тѣсная связь ихъ съ государственнымъ бумажноденежнымъ обращеніемъ вовсе не сознавалась и не замѣчалась. И лица стоявшія во главѣ кредитныхъ установленій, и сторонніе финансисты и экономисты, видѣли въ этихъ учрежденіяхъ, помимо средствъ къ полученію прибылей (главнымъ образомъ отъ разности между вкладнымъ и ссуднымъ процентами) имѣвшихъ то или другое спеціальное назначеніе, лишь посредника между вкладчиками и заемщиками, будутъ ли послѣдними землевладѣльцы, домовладѣльцѣ, купцы или казна, все равно. По общимъ понятіямъ, вся полезная роль кредитныхъ учрежденій исчерпывалась услугами какія оказывались ими публикѣ и казнѣ, съ одной стороны, предоставленіемъ прочнаго и выгоднаго помѣщенія для сбереженій, съ другой—выдачей нуждающимся ссудъ на выгодныхъ, нестѣснительныхъ условіяхъ. О томъ же что наши государственныя кредитныя учрежденія, оказывая эти важныя услуги, были въ то же время норегуляторомъ всего нашего денежнаго обращенія, никому и въ голову не приходило. Но какъ всякая сила въ природѣ проявляетъ свое дѣйствіе независимо отъ того сознаются ли людьми всѣ или лишь нѣкоторыя стороны этого дѣйствія, такъ и нашъ государственный кредитный механизмъ постоянно стремился быть регуляторомъ нашего денежнаго обращенія, хотя эта роль за нимъ и не признавалась. Вся исторія этого кредитнаго механизма есть рядъ фактовъ непререкаемо свидѣтельствующихъ о томъ что имъ непрерывно исполнялась эта присущая ему функція, и параллельно тому рядъ мѣръ принимавшихся для парализованія этой естественной, но непонятной и непризнанной функціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Въ государственно-важныхъ, благодѣтельныхъ результатахъ дѣйствія кредитнаго механизма постоянно усматривалось лишь серіозное неудобство съ которымъ необходимо бороться.

Извѣстенъ фактъ что уже въ двадцатыхъ годахъ „вклады начали обременять кассы кредитныхъ установленій.“ Въ чемъ состоитъ смыслъ этого явленія? Онъ не былъ ясенъ для современниковъ стоявшихъ слишкомъ близко къ дѣлу чтобы видѣть его со всѣхъ сторонъ и во всей полнотѣ, но для нынѣшняго поколѣнія, отдаленнаго отъ факта цѣлымъ полустолѣтіемъ и умудреннаго опытомъ, понять смыслъ указаннаго факта не трудно. Размѣры бумажнаго денежнаго обращенія были въ то время не нормальные; масса находившихся въ обращеніи ассигнацій (не имѣвшихъ притомъ за собою всей той полноты денежныхъ свойствъ какія присвоены кредитнымъ билетамъ) далеко превосходила потребность мало развитой экономической жизни въ денежныхъ знакахъ; правительство сознавало необходимость сокращенія этой массы, и еще одновременно съ утвержденіемъ организаціи кредитныхъ установленій дѣлало, въ 1817 и 1818 годахъ, займы для извлеченія ассигнацій изъ обращенія. Займы эти были шести процентные по курсамъ 83 и 85 за сто, то-есть на дѣлѣ занятыя суммы доставались казнѣ значительно болѣе чѣмъ за семь процентовъ. Накладность такихъ займовъ (уплаты по коимъ донынѣ ложатся не малою тяжестью на нашъ государственный бюджетъ) и непригодность ихъ для достиженія предположенной цѣли, по счастію, вскорѣ были замѣчены, и новыхъ займовъ для извлеченія ассигнацій изъ обращенія уже не заключалось. Но

это не значило чтобы денежное обращеніе не нуждалось въ иныхъ, болѣе пригодныхъ и менѣе накладныхъ мѣрахъ къ его упорядоченію. Въ прiискиваньи такихъ мѣръ не было надобности. Въ кредитныхъ установленіяхъ была готовая корректива денежнаго обращенія; здѣсь былъ открытый резервуаръ для помѣщенія той части денежныхъ знаковъ которая превышала экономическую въ нихъ потребность. Дѣйствіе этой коррективы и проявилось наглядно уже въ двадцатыхъ годахъ притокомъ вкладовъ въ кассы казенныхъ банковъ свыше размѣровъ предъявляемаго заемщиками спроса на ссуды. Такимъ образомъ, уже въ двадцатыхъ годахъ возникъ тотъ же самый вопросъ что̀ и въ 1857: что̀ дѣлать съ избыткомъ вкладовъ? И какъ въ 1857, такъ и двадцатыхъ годахъ, никто не остановился на той простой мысли что не требовалось ничего болѣе какъ оставить въ сундукахъ притекшія въ кассы ассигнаціи, на которыя не предъявлялось спроса ходомъ экономической жизни, и которыя не вслѣдствіи искусственныхъ мѣръ, а самою силой вещей стремились выйти изъ обращенія и превратиться изъ безпроцентнаго долга въ процентный. Такое превращеніе, совершившееся самой собой, безъ потрясеній денежнаго рынка, неизбѣжныхъ при заключеніи всякого крупнаго займа, обошлось бы казнѣ не дорого; ей пришлось бы платить по вкладамъ двадцатыхъ и дальнѣйшихъ годовъ только 5%, а не $7^1/_5$%, какъ по займу 1817 года, заключенному съ цѣлію сожженія ассигнацій. До какой бы крупной цифры ни достигла сумма избытка вкладовъ по которымъ казнѣ пришлось бы такимъ образомъ платить 5% изъ своихъ текущихъ средствъ, уплата этихъ процентовъ съ лихвой окупалась бы упорядоченіемъ денежнаго обращенія и притомъ не вышла бы изъ предѣловъ тѣхъ суммъ какія въ 1817 году предполагалось ежегодно заносить въ государственную расходную смѣту именно на предметъ постепеннаго уменьшенія количества ассигнацій. Но, повторяемъ, этого никому не пришло въ голову. Какъ въ 1857 году, такъ и въ двадцатыхъ годахъ, приливъ вкладовъ, которому слѣдовало радоваться, былъ принятъ за явленіе вредное, противъ котораго нужно принимать мѣры. При сходствѣ во взглядахъ на приливъ вкладовъ, оказалось въ обоихъ случаяхъ и замѣчательное сходство въ самыхъ мѣрахъ принимавшихся въ виду сказаннаго явленія. Сущность этихъ мѣръ: дать приливающимъ въ кассы денежнымъ капиталамъ иное направленіе и стѣснить самый приливъ этихъ капиталовъ пониженіемъ процента по вкладамъ, съ одновременнымъ пониженіемъ и процентовъ по ссудамъ. Помимо другихъ мѣръ принимавшихся съ цѣлію не допустить чтобы стекавшіяся въ кассы ассигнаціи лежали въ нихъ праздно, мы видимъ съ 1830 года пониженіе вкладныхъ процентовъ съ 5 на 4, соотвѣтствующее пониженію тѣхъ же процентовъ съ 4 на 3 съ ноября 1857 года...

Нѣтъ сомнѣнія что прямыя послѣдствія мѣръ 1830 и 1857 годовъ не были совершенно одинаковы. Пониженіе процентовъ въ 1830 году нисколько не затруднило государственныхъ кредитныхъ учрежденій въ ихъ операціяхъ, ни въ чемъ не подорвало ихъ дѣятельности какъ посредника между заемщиками и людьми ищущими вѣрнаго помѣщенія для своихъ сбереженій; тогда какъ пониженіе процентовъ въ 1857 году сдѣлало продолженіе этихъ операцій невозможнымъ; повлекло за собою ликвидацію самихъ кредитныхъ учрежденій, сопровождавшуюся громадными финансовыми затрудненіями для правительства въ ту самую пору когда ему предстояло рѣшать трудныя финансовыя задачи крестьянской реформы; лишило помѣщиковъ всякихъ пособій кредита именно въ ту пору когда этотъ кредитъ былъ для нихъ самою насущною потребностью, и вызвало во всей странѣ страшную по своей разорительности экономическую лихорадку. Но при всей указанной разницѣ между послѣдствіями этихъ двухъ родственныхъ мѣръ, между ними есть и сходство. Обѣ онѣ парализовали дѣятельность нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій какъ регулятора денежнаго обращенія, первая, правда, только отчасти и временно, а вторая окончательно. Обѣ, хотя и не въ равной степени, сопровождались вредными результатами въ общемъ ходѣ экономической жизни страны. Правда, пониженіе процентовъ въ 1830 году не вызвало акціонерной лихорадки, но оно вызвало иную экономическую болѣзнь,—общую манію закладывать въ ломбардѣ свои имѣнія не только безъ достаточной, но и безо всякой въ томъ экономической надобности, закладывать по тому что „всѣ закладываютъ,“ манію разорительную не для одного Го-

голевскаго Пѣтуха, манію несвоевременно о непроизводительно обременившую долгами почти всю поземельную собственность.

Мы сказали что пониженіе процентовъ въ 1830 году парализовало регулирующее дѣйствіе прежнихъ кредитныхъ установленій не вполнѣ, а лишь отчасти и временно. Это явствуетъ изъ исторіи этихъ установленій. И послѣ 1830 вклады продолжали притекать и „обременять“ собою, напримѣръ, прежній Коммерческій Банкъ, постоянно передававшій эти излишки вкладовъ въ такъ-называвшійся Заемный Банкъ. Скоплявшіеся въ этомъ послѣднемъ Банкѣ бумажно-денежные капиталы, за недостаткомъ частыхъ на нихъ требованій, тогдашнее финансовое управленіе, вмѣсто того чтобъ оставить безъ движенія или сжечь, заботилось непремѣнно пустить въ обращеніе. Дѣло стояло такъ что бумажныя деньги пускались этимъ путемъ въ обращеніе вовсе не потому чтобъ это вызывалось настоятельною необходимостью предпріятій и нуждъ требующихъ пріисканія экстраординарныхъ средствъ для своего осуществленія и удувлетворенія, что̀ было бы дѣломъ добрымъ, полезнымъ и во многихъ отношеніяхъ болѣе выгоднымъ чѣмъ пріобрѣтеніе средствъ для необходимыхъ нуждъ и предпріятій путемъ заключенія займовъ; нѣтъ, но нарочно выдумывались предпріятія единственно съ цѣлію выпустить бумажныя деньги, „доставить капиталамъ Банка производительное обращеніе...“ Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ мѣры непрерывно и настойчиво парализовавшія дѣйствіе нашихъ бывшихъ кредитныхъ установленій по отношенію къ отличительному, хотя и не признанному, свойству ихъ быть, при существовавшихъ и нынѣ существующихъ у насъ условіяхъ, регуляторомъ бумажнаго денежнаго обращенія,—эти установленія никогда не утрачивали этого свойства. И они проявили его самымъ нагляднымъ образомъ послѣ бумажно-денежныхъ выпусковъ Крымской войны, когда путемъ накопленія вкладовъ въ банкахъ быстро, успѣшно и безо всякихъ столь нравящихся нашимъ доктринерамъ „горькихъ лѣкарствъ“ и „мучительныхъ операцій“ совершалось превращеніе въ процентный долгъ той части кредитныхъ билетовъ которая при тогдашнемъ, дореформенномъ ходѣ экономической жизни, не могла безъ вреда оставаться въ обращеніи по исполненіи того назначенія для котораго кредитные билеты были выпущены.

Отъ прошлаго времени обратимся къ настоящему. Изо всѣхъ стоящихъ на очереди вопросовъ, ни одинъ, можно сказать, не обращаетъ нынѣ на себя вниманія въ той степени какъ вопросъ о денежномъ обращеніи со включеніемъ всего находящагося съ нимъ въ прямой или косвенной связи. Со всѣхъ сторонъ только и слышатся что громкія жалобы на несовершенства и недостаточную устойчивость нашего денежнаго обращенія, да не менѣе пламенныя желанія чтобы русская денежная система была приведена въ порядокъ. Въ виду этого, можетъ ли быть нежелательно возстановленіе у насъ кредитной системы отичающейся спеціальнымъ свойствомъ возстановлять равновѣсіе въ денежномъ обращеніи въ случаяхъ нарушенія его чрезвычайными бумажно-денежными выпусками? Эта кредитная система была въ высшей степени благодѣтельна даже въ то время когда сказанное свойство ея не было сознано, когда всякое полезное проявленіе этого свойства считалось вреднымъ и встрѣчало немедленное усиленное противодѣйствіе. Менѣе ли благодѣтельна была бы она возстановленная нынѣ, когда мы, наученные горькимъ опытомъ, въ полной мѣрѣ сознавъ чего въ ней лишились по нашему неразумію и легкомыслію, и признавъ непонятное прежде ея свойство, стали бы пользоваться ею умѣючи?

Вопросъ представляется намъ недопускающимъ отрицательнаго отвѣта. Но другой вопросъ: можетъ ли быть возстановлена прежняя кредитная система въ настоящее время, при измѣнившихся объстоятельствахъ, — этотъ другой вопросъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, легко можетъ казаться спорнымъ. Сомнѣніе, и даже болѣе чѣмъ сомнѣніе въ возможности возстановленія прежней кредитной системы сказалось, между прочимъ, въ заслуживающей вниманія статьѣ по этому предмету, появившейся на дняхъ въ № 235 *Современныхъ Извѣстій*. „*Московскія Вѣдомости*“, —такъ начинаеся эта статья,—

„съ особенною любовью обращаются въ послѣднее время къ проекту—возвратить Государственному Банку прежнюю обязанность Сохранныхъ Казенъ. Сохранныя Казны своими операціями исполняли; между прочимъ, обязанность регулятора денежнаго обращенія, были своего рода губ-

кой, которая оттягивала излишекъ кредитныхъ билетовъ, не находившихъ употребленія въ общемъ народномъ оборотѣ. Паденіе нашей денежной валюты или другими словами, особенно осязательное пониженіе вексельнаго курса нашего послѣдовало одновременно съ пониженіемъ процента въ Сохранныхъ Казнахъ, и еще болѣе съ ихъ упраздненіемъ и вообще преобразованіемъ банковой системы, когда избытокъ денежныхъ знаковъ выброшенъ былъ такимъ образомъ насильственно въ обращеніе и естественно долженъ былъ понизить денежный курсъ. Отсюда началась и акціонерная горячка со всѣми ея плачевными послѣдствіями.

„До сихъ поръ въ наблюденіяхъ *Московскихъ Вѣдомостей* все вѣрно, и онѣ основательно замѣчаютъ что вмѣсто того чтобы понижать проценты, слѣдовало правительству принять на себя тягость Сохранныхъ Казенъ, обремененныхъ вкладами, и зачислить себя должникомъ у народа на всю ту сумму которая не покрывалась обратными требованіями и займами у Сохранныхъ Казенъ. Но это дѣло прошлаго. Вопросъ въ томъ: какимъ же образомъ возможенъ возвратъ къ старой системѣ при настоящемъ положеніи, когда у насъ существуетъ цѣлая фаланга банковъ, помимо Государственнаго?“

Обсуждая поставленный такимъ образомъ вопросъ, нашъ почтенный оппонентъ прежде всего высказываетъ мнѣніе что возвратиться къ прежней системѣ, то-есть возложить на нынѣшній Государственный Банкъ функціи ликвидированныхъ кредитныхъ установленій, „невозможно хотя бы и хотѣли“. Сдѣлать это, думаетъ онъ, нельзя „иначе какъ новою монополизаціей общественнаго кредита, упраздненіемъ или по крайней мѣрѣ сильнымъ ограниченіемъ частной банковой дѣятельности“. „Можно было бы совсѣмъ не тужить“, говоритъ онъ далѣе, о послѣдствіяхъ такого упраздненія или ограниченія, „еслибъ они касались однихъ банковыхъ предпринимателей“; но видъ-- “старинный Государственный Банкъ въ сущности былъ земельный или, точнѣе, землевладѣльческій, дворянскій банкъ. Государственный Коммерческій Банкъ съ его отдѣленіями совершалъ обороты сравнительно маловажные. Монополія предоставлена была не только кредитору, но отчасти и заемщику. Неужели возвращаться къ этому положенію?... При существованіи спеціальныхъ земельныхъ банковъ, въ которыхъ всѣ имѣнія успѣли уже заложиться и перезаложиться, Государственный Банкъ останется безъ дѣла, съ одними вкладами безъ заемщиковъ; между тѣмъ монополія омертвитъ торговлю и промышленность, стѣснитъ предпріятія“...

Всѣ эти сужденія кажутся намъ не болѣе какъ результатомъ недоразумѣній, къ которымъ отчасти, можетъ-быть, поданъ поводъ и недостаточно ясною постановкой нами вопроса о желаемомъ возстановленіи прежней кредитной системы, вслѣдствіе того что мы нѣсколько разъ намѣчали только общую мысль о немъ, но еще ни разу не входили въ его разработку. Мы доказываемъ только то что упраздненіе государственныхъ кредитныхъ учрежденій прежняго типа было большою ошибкой, и думаемъ что сознанную ошибку всегда желательно исправить. Мы находимъ далѣе что новая банковая система не имѣетъ важнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ свойствъ прежней системы. Но это не значитъ чтобы прежнія кредитныя учрежденія были совершенны во всѣхъ отношеніяхъ и чтобы было желательно возстановленіе ихъ съ сохраненіемъ не только ихъ сильныхъ, но и слабыхъ сторонъ. Равнымъ образомъ, это не значитъ чтобы въ столь дорого купленной новой банковой системѣ не было ровно ничего хорошаго, и чтобы не было желательно сохранить это хорошее и на будущее время. И мы полагаемъ что все что есть здороваго въ новой банковой системѣ, все что въ ней было шагомъ впередъ противъ прежней, останется жить и процвѣтать и при возстановленіи всѣхъ полезныхъ сторонъ прежней системы. Нѣтъ рѣчи ни о возвратѣ къ банковой монополіи; ни о возвратѣ къ прежнему пренебреженію коммерческаго кредита; ни о возстановленіи системы сложныхъ процентовъ: ни о раздробленіи нынѣшняго Государственнаго Банка на прежнія Сохранныя Казны, банки Заемный и Коммерческій, Приказы Общественнаго Призрѣнія и т. д. Но большимъ шагомъ впередъ была бы такая мѣра при которой менѣе полезное уступило бы мѣсто болѣе полезному. Захирѣетъ и погибнетъ при этомъ только вредное, Но странно было бы бояться этого.

Требуется пока только одно—установленіе въ Государственномъ Банкѣ непрерывнаго пріема безсрочныхъ вкладовъ, въ

какихъ бы то ни было размѣрахъ, за процентъ не ниже существующей цѣны найма капиталовъ (съ исключеніемъ премій за рискъ), съ тѣмъ чтобы такой не чрезмѣрный, но достаточный для привлеченія ищущіхъ вполнѣ вѣрнаго помѣщенія капиталовъ процентъ оставался неизмѣннымъ (разумѣется не на вѣки, а до наступленія пока еще весьма отдаленной эпохи кореннаго измѣненія экономическихъ условій въ которыхъ въ теченіе столѣтія жила и продолжаетъ жить Россія). Какъ высокъ долженъ быть этотъ процентъ, мы, за неимѣніемъ всѣхъ необходимыхъ для его опредѣленія данныхъ, конечно, сказать въ точности не можемъ. Но не боясь впасть въ ошибку можно смѣло сказать что онъ никакъ не можетъ быть ниже четырехъ процентовъ. Какова бы впрочемъ, ни была норма неизмѣннаго вкладнаго процента въ Государственномъ Банкѣ, необходимая для того чтобъ онъ сталъ регуляторомъ денежнаго обращенія,—будутъ ли этою нормой 4%, 4½% или 5%,—должно ли и можетъ ли одно только установленіе этой неизмѣнной нормы (и ничего болѣе) имѣть своимъ непремѣннымъ результатомъ монополизацію всего общественнаго кредита, стѣсненіе предпріятій, омертвеніе торговли и промышленности, упраздненіе или сильное ограниченіе частной банковой дѣятельности и осужденіе самаго Государственнаго Банка на смѣшную участь оставаться безъ дѣла, съ одними вкладами безъ заемщиковъ?

Развѣ назначеніе постоянной нормы вкладнаго процента, значительно вешнаго противъ платимаго нынѣ Государственнмъ Банкомъ по текущемъ счетамъ и имѣющаго усилить притокъ въ него вкладовъ, сдѣлало бы этотъ Банкъ не годнымъ для продолженія той обширной учетно-ссудной операціи которая занимаетъ видное мѣсто въ его нынѣшнихъ оборотахъ и выразилась, напримѣръ, къ 1 минувшаго іюля цифрой свыше 190 милліоновъ рублей, не включая сюда переучета векселей учтенныхъ частными банками?

Развѣ, далѣе, частные акціонерные банки коммерческаго кредита, съ капиталомъ (болѣе 95 милліоновъ рублей) почти въ 3½ раза превосходящимъ капиталъ Государственнаго Банка и всѣхъ его конторъ и отдѣленій вмѣстѣ взятыхъ,—развѣ эти частные банки съ установленіемъ постояннаго повышеннаго вкладнаго процента въ Государственномъ Банкѣ, лишились бы возможности продолжать свои нынѣшнія учетно-ссудныя операціи, выразившіяся къ 1 іюля громадною цифрою свыше 250 милліоновъ рублей?

Но что же за симъ, при безпрепятственномъ продолженіи сказанныхъ учетно-ссудныхъ операцій, могло бы хоть въ какой-нибудь мѣрѣ грозить полезнымъ и выгоднымъ предпріятіямъ стѣсненіемъ, торговлѣ и промышленности—омертвеніемъ?

Скажутъ что частные банки вынуждены будутъ сократить свои учетно-ссудныя операціи вслѣдствіе уменьшенія средствъ для производства оныхъ при отвлеченіи вкладовъ изъ ихъ портфелей въ кассы Государственнаго Банка. Но, вопервыхъ, ничто не помѣшаетъ банкамъ пріобрѣвшимъ довѣріе публики удержать значительную массу вкладовъ небольшимъ повышеніемъ своего вкладнаго процента противъ казеннаго; вовторыхъ, еще менѣе препятствій предстоитъ имъ пользоваться, при недостаткѣ собственныхъ вкладовъ, избыткомъ вкладовъ въ Государственномъ Банкѣ, путемъ столь знакомой имъ и небезвыгодной операціи переучетовъ и перезалоговъ.

Если бы при этомъ, можетъ-быть, и сократился размѣръ получаемыхъ частными банками прибылей, то параллельно съ тѣмъ сократился бы размѣръ возможныхъ при нынѣшнемъ порядкѣ убытковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, частные банки стали бы на болѣе твердое и правильное основаніе, занявъ въ общей системѣ банковаго кредита подобающую имъ роль суккурсаловъ Государственнаго Банка и по регулированію денежнаго обращенія, и по учетно-ссудной операціи. Вкладная операція перестала бы при этомъ грозить частнымъ банкамъ тѣми убытками какими сопровождался притокъ въ нихъ вкладовъ, напримѣръ, въ послѣдніе два года, когда они вынуждены были вклады принятые по сравнительно высокому проценту передавать на текущій счетъ въ Государственный Банкъ за процентъ низкій. Необходимость для частныхъ банковъ избѣгать подобныхъ убытковъ побуждала ихъ, съ одной стороны, къ пониженію процентовъ съ цѣлію оттолкнуть отъ себя вклады, во вредъ интересамъ правильности денежнаго обращенія, съ другой—пускать принятые вклады въ биржевую спекуляцію торговли бумагами и векселями, вопреки основному сво-

ему назначенію быть пособниками русской торговли и промышленности, а не биржевыми игроками. Затѣмъ, по учетно-ссудной операціи, больше чѣмъ нынѣ расширеніе переучета и перезалога, конечно, ставило бы частные банки въ положеніе нѣкоторой подчиненности контролю Государственнаго Банка, но такая подчиненность была бы для частныхъ банковъ весьма полезна, между прочимъ, для предохраненія отъ увлеченія операціями подобными Струсберговской. Съ другой стороны, частные банки операціей переучета облегчали бы для самого Государственнаго Банка именно ту функцію коммерческаго кредита которая для него особенно затруднительна — опредѣленіе кредитной способности кредитующихся.

Во всякомъ случаѣ, и при поддержаніи учетно-ссудной операціи частныхъ банковъ въ ея нынѣшнихъ размѣрахъ, и при сокращеніи ея, интересы благонадежныхъ предпріятій, торговли и промышленности не должны потерпѣть никакого ущерба, ибо всякое сокращеніе учета въ частныхъ банкахъ было бы возмѣщено соотвѣтственнымъ расширеніемъ онаго въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Говорить о томъ какъ отозвалось бы установленіе повышеннаго неизмѣннаго вкладнаго процента въ Государственномъ Банкѣ на городскихъ общественныхъ банкахъ едва ли есть надобность, ибо тутъ едва ли можетъ быть разногласіе между людьми знакомыми съ положеніемъ ихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, если что̀ и могло бы воспрепятствовать столь желательному присвоенію Государственному Банку функціи регулятора нашего бумажно-денежнаго обращенія, то ужь никакъ не опасеніе затронуть нынѣшій строй городскихъ общественныхъ банковъ, который самъ по себѣ требуетъ серіозной передѣлки.

Наконецъ, что касается земельнаго кредита, которому было бы желательно возвратить тѣ выгодныя условія въ какихъ онъ находился до разгрома прежнихъ кредитныхъ установленій, то говорить о немъ при настоящемъ случаѣ совсѣмъ не у мѣста.

Какія же, за всѣмъ этимъ, могутъ оказаться препятствія къ возстановленію необходимой связи между нашею денежною системой и государственными кредитными учрежденіями, связи которая, какъ засвидѣтельствовалъ опытъ, не можетъ быть безнаказанно разрываема? На основаніи какихъ вѣскихъ соображеній позволительно было бы утверждать что возстановить эту, 22 года тому назадъ существовавшую, связь невозможно?

№ 228.

Москва, 5-го сентября,

А.

Берлинскія независимыя газеты, подобно намъ не мало удивлены тѣмъ что единственною манифестаціей тамошнихъ правительственныхъ органовъ по поводу свиданія въ Александровѣ была краткая замѣтка появившаяся въ *Провинціальной Корреспонденціи*, спустя почти недѣлю послѣ свиданія, замѣтка въ которой сказано что свиданіе „послужило новымъ свидѣтельствомъ сердечныхъ отношеній между Монархами.“ Берлинскія газеты сопоставляютъ это лаконическое замѣчаніе органа Германскаго правительства съ тѣмъ что̀ было высказано по поводу свиданія въ Александровѣ въ *Journal de St.-Pétersbourg*, который усматривалъ въ свиданіи „залогъ сердечныхъ отношеній между обѣими *державами*“ и полагалъ что „нѣсколько раздражительная полемика возникшая было между ними, хотя и не лишенная всякаго основанія, не можетъ устоять предъ воспоминаніями о великихъ сообща пережитыхъ событіяхъ.“ Казалось бы что изъ этого сопоставленія само собою вытекаетъ заключеніе что не русская печать виновна въ томъ что „полемика“ эта продолжается и понынѣ. Тѣмъ не менѣе, берлинскія газеты попрежнему придаютъ дѣлу такой видъ какъ будто источникъ раздраженія не въ Берлинѣ, а въ Петербургѣ.

Толки возобновились въ послѣдніе дни съ особенною живостью вслѣдствіе появившейся во французской газетѣ *Soleil*, служащей органомъ партіи орлеанистовъ, „бесѣды“ которую имѣлъ недавно одинъ изъ ея редакторовъ съ княземъ А. М. Горчаковымъ, къ которому онъ явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ „дипломата занимающаго одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ европейской политикѣ“ (берлинскія газеты думаютъ что дипломатъ этотъ герцогъ декакзъ). Упомянутый публицистъ

разказываетъ что князь Горчаковъ принялъ его и пустился съ нимъ въ бесѣду, изъ дружбы къ дипломату его рекомендовавшему. Прежде всего, такъ гласитъ разказъ французскаго публициста: князь Горчаковъ заявилъ что онъ уже неоднократно просилъ отставки, такъ какъ ему теперь 81 годъ и 2 мѣсяца и онъ де считаетъ себя въ правѣ отдохнуть, но до сихъ поръ просьба его не принималась, и ему было лишь дозволено, въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ проведенныхъ имъ въ Вильдбадѣ и Баденѣ, воздержаться отъ всякихъ служебныхъ занятій. Упомянувъ затѣмъ о нападкахъ на него берлинской печати, князь Горчаковъ замѣтилъ де что эти нападки нисколько не нарушаютъ его душевнаго спокойствія, хотя онъ не можетъ не прибавить что онѣ крайне несправедливы. „Такъ одна берлинская газета,“ продолжалъ де князь Горчаковъ, „недалѣе какъ вчера выразилась что моя политика ходульная. Какъ „будто моя политика неизвѣстна всѣмъ и „не оставалась одною и тою же въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ!“

Переходя затѣмъ ко Франціи князь Горчаковъ, по словамъ того же разкащика, сказалъ будто бы слѣдующее: „Я всегда „думалъ и всѣмъ высказывалъ что ослабленіе вашей страны на долгое время „создало бы прискорбный пробѣлъ въ европейскомъ концертѣ. Нѣтъ сомнѣнія что „этому убѣжденію, котораго я никогда не „скрывалъ, я обязанъ тою враждой которой удостоилъ меня германскій канцлеръ.“ Собесѣдникъ спросилъ затѣмъ князя Горчакова что̀ онъ думаетъ о возможности коалиціи между Германіей, Австріей и Италіей противъ Россіи и Франціи. Князь Горчаковъ уклонился де отъ отвѣта на этотъ вопросъ, но замѣтилъ что Россія ни въ какомъ случаѣ не боится нападенія извнѣ; Франціи же онъ совѣтуетъ быть насторожѣ и припомнить изреченіе одного изъ ея баснописцевъ что осмотрительность есть мать мудрости. Въ заключеніе разговора, князь Горчаковъ повторилъ увѣреніе въ своей „глубокой любви ко Франціи,“ чему онъ въ послѣдніе годы далъ де неоднократныя доказательства. „Это „вы можете передать отъ меня вашимъ „соотечественникамъ. Я считаю дѣломъ „первостепенной важности чтобы Франція „занимала въ Европѣ то мѣсто которое „принадлежитъ ей помногимъ причинамъ. „Въ этомъ, повторяю, интересъ не одной „Франціи, но и прочихъ націй. Приниженіе Франціи было бы преступленіемъ противъ цивилизаціи (un crime de lèsecivi„lisation).“

Мы сочли нужнымъ воспроизвести существенныя части этой „бесѣды“ главнымъ образомъ потому что въ Берлинѣ приняли сообщеніе орлеанистской газеты совершенно серіозно, не допуская, повидимому, никакого сомнѣнія относительно его достовѣрности.

Нашъ *Journal de St.-Petersbourg* несовсѣмъ полагается на достовѣрность этого сообщенія, хотя и не берется отразить его. Упомянутая газета замѣчаетъ лишь слѣдующее: „Если вѣрно что русскій го„сударственный канцлеръ говорилъ о сим„патіяхъ которыя Россія всегда питала „ко Франціи и о необходимости чтобъ эта „страна поднялась вновь въ интересахъ „равновѣсія и европейскаго мира, то съ „другой стороны должно замѣтить что по„литическіе люди Франціи, къ какой бы „партіи они ни принадлежали, сдѣлали „все отъ нихъ зависящее чтобъ эти сим„патіи остались безплодными, ибо они не „платили Россіи никакою взаимностью. „Въ продолженіе всей послѣдней войны, „за немногими и рѣдкими исключеніями, „не было печати которая относилась бы „къ Россіи враждебнѣе парижской.“

Это замѣчаніе нашей французской газеты совершенно вѣрно, а потому и нельзя допустить чтобы французскій собесѣдникъ князя Горчакова точно передалъ то что̀ онъ слышалъ изъ устъ нашего государственнаго канцлера, если только разговоръ этотъ вообще имѣлъ мѣсто. Усомниться во всей этой исторіи можно еще потому что въ самой Франціи любезности князя Горчакова далеко не вызвали того восторга который можно было бы ожидать.

Б.

Много было толковъ о поученіи народа, о распространеніи между грамотными людьми назидательныхъ книжекъ. Но если рѣчь идетъ о народѣ, если есть желаніе распространять свѣтъ въ народныхъ массахъ, наставлять, поучать среди ихъ людей, вразумлять ихъ касательно ихъ обязанностей, ограждать ихъ отъ вредныхъ вліяній которыми такъ обильно наше вре-

мя, то никакія книжки. никакія tracts не могутъ быть такъ полезны и дѣйственны какъ церковное слово. Слава Богу, для нашего народа и нынѣ, какъ всегда, только церковное слово имѣетъ авторитетъ истины, только для него простой русскій человѣкъ, раскрываетъ не только слухъ свой, но и душу; лишь то чтò сказано ему во имя Церкви, подъ знаменіемъ Креста, убѣждаетъ его и во всякомъ случаѣ принимается имъ съ должнымъ уваженіемъ. А потому и желательно чтобы въ наше время голосъ церковной каѳедры раздавался чаще, слышнѣе и дѣйственнѣе. Было бы желательно что бы церковная проповѣдь, неизмѣняя своему существенному характеру, не превращаясь въ орудіе партій и интересовъ земныхъ, хотя бы и почтенныхъ, со священной высоты своей обозрѣвала кругъ жизни, принимала къ свѣдѣнію возникающія въ ней явленія и не оставляла безъ вниманія вопросы порождаемые временемъ и волнующіе людей.

Послѣ покушенія 2 апрѣля, церковный староста Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, Е. В. Богдановичъ, возымѣлъ счастливую мысль издавать отдѣльно выпусками, но подъ общимъ заглавіемъ (*Каѳедра Исаакіевскаго собора*) проповѣди сказанныя въ этомъ храмѣ и относящіяся къ современной нравственной язвѣ. За дѣло это онъ принялся со свойственною ему горячностію и одушевленіемъ. Вышло восемь выпусковъ проповѣдей разнаго достоинства, но имѣющихъ одно направленіе и одну цѣль. Эти книжки выпущенныя во множествѣ раздаются желающимъ безплатно. Роздано уже до 70.000 экземпляровъ. По примѣру того же неутомимаго общественнаго дѣятеля и такимъ же способомъ издается теперь другой рядъ церковныхъ поученій подъ заглавіемъ *Московская Церковная Каѳедра.* Вышло шесть выпусковъ и роздано уже до 20.000 экземпляровъ. Читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* уже извѣстны двѣ послѣ вошедшія въ это изданіе проповѣди, сказанныя высокопреосвященнымъ Макаріемъ столь достойно занимающимъ нынѣ каѳедру святителей Платона и Филарета. Въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ *Московской Церковной Каѳедры* появилось также слово викарія этой каѳедры, преосвященнаго Амвросія, изобличающее лжеученія которыя въ наше время волнуютъ незрѣлые или ослѣпленные умы. Читатели найдутъ ее въ сегодняшнемъ нумерѣ.

№ 229.

Москва, 6-го сентября.

А.

Прошло болѣе полуторы недѣли со времени перваго извѣстія о гибели всей англійской миссіи въ Кабулѣ, и до сихъ поръ обстоятельства этого событія весьма мало разъяснились. Неизвѣстно въ какомъ положеніи остается теперь самъ эмиръ. Разнесся было слухъ о его смерти, но слухъ этотъ не подтвердился. Потомъ, по депешѣ *Daily Telegraph*, въ Симлѣ перестали уже сомнѣваться въ соучастіи самого эмира въ кабульскомъ избіеніи, и къ этому прибавлялось что въ Кабулѣ отданъ приказъ прервать совершенно сообщеніе съ Англичанами, что значительныя силы враждебныхъ Момудовъ заняли Дакку, а дорогу въ Кабулъ большая армія Афганцевъ. На другой день пришло въ *Times* извѣстіе изъ Кандагара что эмиръ вытребовалъ войска изъ Герата и Балха и призываетъ гилзайскія племена въ Кабулъ для священной войны противъ Англіи. А вслѣдъ затѣмъ, другая депеша извѣщала о новомъ письмѣ будто бы отъ эмира, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе и огорченіе по поводу избіеній и обѣщаетъ наказать виновныхъ. *Saturday Review* справедливо обратила вниманіе на странность факта что эмиръ имѣлъ возможность и случай посылать гонцовъ съ письмами къ англійскимъ аванпостамъ въ то время какъ онъ, по его словамъ, не могъ удостовѣриться въ участи англійскаго посла и, послѣ безуспѣшной попытки усмирить бунтъ, самъ осажденъ мятежниками.

Англійскія газеты сами сбиты съ толку разнорѣчіемъ извѣстій. А эта сбивчивость свидѣтельствуетъ что Афганистанъ какъ бы запертъ, и никто въ сущности точно не знаетъ чтò дѣлается за новою *научною* границей англійскихъ владѣній. *Standard* передаетъ вѣсть изъ Лагора будто по разсказамъ шикарпурскихъ купцовъ торгующихъ съ Среднею Азіей, бунтъ въ Кабулѣ былъ „результатомъ русскихъ интригъ,“ а именно такимъ образомъ: Эйюбъ-ханъ, братъ эмира и губернаторъ Герата, съ

самаго вступленія Якуба на престолъ обнаруживалъ неповиновеніе, а русскіе агенты уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ будто бы работали въ Гератѣ подстрекая Эйюба отложиться и обѣщая ему поддержку, вслѣдствіе чего Эйюбъ и далъ приказаніе гератскимъ полкамъ произвести въ Кабулѣ бунтъ противъ эмира и Англичанъ. Къ этому корреспондентъ прибавляетъ отъ себя: „эти шикарпурскіе купцы обыкновенно хорошо знаютъ все чт̀о дѣлается въ Афганистанѣ и Средней Азіи, и ихъ разказы вѣроятно основаны на фактахъ; извѣстіе это считается весьма серіознымъ.“ Разумѣется оно служитъ поводомъ для коментаріевъ самой *Standard* и ей подобнымъ газетамъ.

Одно только обстоятельство выяснилось достаточно, невозможность немедленнаго похода на Кабулъ, хотя газеные корреспонденты съ самаго начала свидѣтельствовали что походъ нельзя начать ранѣе 9 октября. Вѣрность этого предположенія потомъ подтвердилась извѣстіемъ изъ Симлы, отъ 14 сентября, что британская армія начнетъ движеніе черезъ 25 дней и вѣроятно достигнетъ Кабула 20 октября. Отсрочка можетъ казаться странною въ виду того какъ еще близко къ границѣ должны быть полки только что вернувшіеся изъ Афганистана, а Кандагаръ еще и не былъ очищенъ англійскими войсками. Нами были уже приведены указанія англійскихъ газетъ на причины этого промедленія; они сводятся къ неимѣнію готовыхъ транспортовъ и некомплекту полковъ. Но отсрочка снова подтверждаетъ что военныя власти Индіи считаютъ походъ дѣломъ весьма серіознымъ. Генералъ Робертсъ, имѣющій уже въ своемъ распоряженіи въ Курумской долинѣ 6.500 человѣкъ, потребовалъ себѣ въ подкрѣпленіе еще четыре полка, и военныя власти, по извѣстіямъ отъ 13 сентября, рѣшили довести численность Курумской и Хайберской колоннъ до 12.000 человѣкъ въ каждой. На первое же время, изъ Курумской долины только выдвинутъ отрядъ для занятія Шатаргарданскаго перевала Изъ Англіи также шлются подкрѣпленія: транспортъ *Малабаръ* уже выходитъ съ 1.000 челевѣкъ; готовятся еще четыре транспорта.

Нынѣшній британскій кабинетъ кичился тѣмъ что возстановилъ значеніе Англіи въ Европѣ, и канцлеръ казначейства, которому довелось держать рѣчь на митингѣ на другой день послѣ грустной вѣсти изъ Кабула, не задумался поторить похвальбу о вновь пріобрѣтенномъ *престижѣ* Англіи. Но мы не слышимъ ни одного сочувственнаго Англіи отзыва въ европейской печати. Французская печать, такъ удивлявшаяся мудрости и ловкости лорда Беконсфильда и рукоплескавшая его восточной политикѣ, болѣе чѣмъ холодно, почти съ злорадствомъ, отозвалась о его неудачѣ. Нѣсколько дней къ ряду она разсуждала о событіи, и все въ одномъ тонѣ. Вотъ какую мораль прочла съ перваго же дня самая англофильская газета, *Journal des Débats*: „Это непріятный урокъ для политики лорда Литтона и для оптимизма который недавно обнаруживали лордъ Беконсфильдъ съ товарищами. Вотъ результатъ трактата навязаннаго Якубъ-хану, и едва скрытое вассальное подчиненіе эмира не замедлило произвести ожидаемыя послѣдствія. Итакъ, цѣль которую преслѣдовала политика лорда Беконсфильда не достигнута, и если научныя границы были заняты, то нравственныя границы англійскаго вліянія замѣтно отодвинулись.“ Въ слѣдующихъ статьяхъ, предсказывая что затрудненія Англіи не кончатся и занятіемъ Кабула, *Débats* наконецъ заключаетъ что звѣзда лорда Беконсфильда блѣднѣетъ, прочтя ему нотацію что вмѣсто „внезапныхъ порывовъ,“ ему слѣдовало бы руководиться „постоянствомъ въ рѣшеніяхъ, умѣренностью въ желаніяхъ и полнымъ согласіемъ съ союзниками.“ Газета *Temps* также находитъ что „событія осудили новую (?) англійскую политику.“ *National* выражаетъ ту же мысль рѣзче: „Мятежъ въ Кабулѣ есть ироническій отвѣтъ судьбы на хвастливыя рѣчи лорда Беконсфильда. Англійскому премьеру придется можетъ-быть пойти гораздо дальше чѣмъ онъ намѣревался когда впервые погружался въ вопросъ о научныхъ границахъ.“ *République Francaise*, обсуждая затрудненія предстоящія Англіи, отвергаетъ какъ совершенно недоказанныя обвиненія русскихъ интригъ. *Soir* предсказываетъ что „поправить неполитичную политику лорда Беконсфильда и его эластическаго вице-короля лорда Литтона будетъ стоить вдесятеро больше денегъ и крови чѣмъ послѣдняя афганская война.“ Другіе сравниваютъ англійскаго премьера съ капитанами американскихъ пароходовъ которые предпочитаютъ взорвать котелъ чѣмъ дать сопернику перегнать себя.

Италіанская печать обнаружила не большее сочувствіе. Всѣ главные органы ея видятъ въ кабульскомъ событіи „Немезиду политики самохвальныхъ приключеній“. *Fanfulla* подозрѣваетъ что у лорда Биконсфильда дурной глазъ и что онъ вредитъ интересамъ своей страны повсюду: въ Бирманіи, на Мысѣ Доброй Надежды, въ Афганистанѣ и въ Турціи. По словамъ *Diritto*, кабульское избіеніе не единственный фактъ безпокоящій Европу. Она приписываетъ всѣ возникающія враждебныя отношенія между великими державами дѣйствіямъ Англійскаго правительства въ послѣдніе четыре года.

Въ берлинской *Tageblatt* мы прочли слѣдующее: „Можно искренно оплакивать участь этихъ убитыхъ людей, но въ то же время въ нихъ слѣдуетъ видѣть жертвы той отвратительной англійской политики расширенія которая, какъ неправедно захватила Индію, такъ точно наложила алчную руку и на Афганистанъ, и теперь должна платиться въ Кабулѣ, какъ недавно было и въ землѣ Зулу, за эту прожорливую страсть завоеваній.“ *Post* находитъ что избіеніе въ Кабулѣ есть не только великій ударъ Англійской націи, особенно ея настоящему правительству, но что онъ долженъ отозваться самыми тяжкими послѣдствіями для всей Индійской имперіи. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* и *Börsen-Courrier* предвидятъ затрудненія съ Россіей вслѣдствіе соглашенія съ нею Англіи, возбраняющаго присоединеніе Афганистана.

Характеристична слѣдующая телеграмма одного корреспондента *Daily News* изъ Мейнингена, въ Бернскомъ кантонѣ, отъ 11 сентября: Съ понедѣльника (8 сентября) я проѣхалъ большое пространство этой земли туристовъ и останавливался во многихъ мѣстахъ. Повсюду, въ отеляхъ большихъ городовъ и уединенныхъ гостиницахъ, только и рѣчи о новомъ британскомъ бѣдствіи въ Кабулѣ. Нѣмцы, Французы и Италіянцы пе могутъ удержаться отъ насмѣшки надъ этимъ замѣчательнымъ крушеніемъ научной границы.“

Б.

1 сентября, женская классическая гимназія г-жи Фишеръ праздновала свою годовщину и первый выпускъ своихъ воспитанницъ окончившихъ въ ней полный курсъ ученія. Торжество было скромное и семейное, но очень знаменательное. Ровно за семь лѣтъ предъ симъ, было открыто это до сихъ поръ не бывалое учебное заведеніе въ составѣ двухъ первыхъ классовъ. Предпріятіе г-жи Фишеръ казалось въ то время дѣломъ эксцентрическимъ и несбыточнымъ. Замѣчательно что недовѣріемъ и недоброжелательствомъ было оно встрѣчено именно со стороны тѣхъ кому слѣдовало бы привѣтствовать его и желать ему успѣха. У насъ въ большомъ ходу вопросъ о высшемъ образованіи женщины, объ открытіи для нея всѣхъ спеціальностей знанія и всѣхъ сферъ общественной дѣятельности наравнѣ съ мужскою половиною. Люди, пламенѣвшіе этимъ вопросомъ, должны были бы кажется болѣе всѣхъ радоваться попыткѣ поставить женское образованіе въ совершенно равныя съ мужскимъ условія, а вышло напротивъ: не явное ли это доказательство глубокой лживости тѣхъ крикливыхъ требованій которыя такъ часто заявляются у насъ во имя либерализма и прогресса? Г-жа Фишеръ, задумывая свое предпріятіе, не задавалась вопросами о правахъ женщины. Ее занималъ вопросъ о воспитаніи въ его общемъ значеніи. Она спросила себя: если дѣвочки должны учиться отъ дѣтства до зрѣлаго возраста, если есть женскія гимназіи, если въ нихъ ученіе продолжается столько же или почти столько же какъ и въ мужскихъ, то почему же не примѣнить и къ женскому воспитанію учебную систему которая признана наилучшею и вездѣ служитъ основою высшаго образованія? Какая надобность тѣхъ изъ дѣвочекъ которыя могутъ и хотятъ учиться вести непремѣнно худшимъ путемъ вмѣсто испытаннаго лучшаго и давать имъ поверхностное, существенно лживое образованіе, вмѣсто основательнаго и серіознаго, внутренно развивающаго душевныя способности въ ихъ гармоническомъ соотвѣтствіи? Разнаго рода поприща общественной дѣятельности на которыя заманиваютъ женщину—дѣло очень сомнительное; но есть же сферы по истинѣ женскія. Не выступая на чуждыя поприща, женщина тѣмъ не менѣе можетъ нуждаться въ серіозномъ образованіи для плодотворнаго вліянія въ несомнѣнно принадлежащей ей сферѣ. То вѣрнѣе и глубже укореняется въ жизни общественной что проникаетъ въ сферу вліянія женщины. Классическая система которая водворена теперь въ нашемъ отечествѣ окажется тѣмъ

плодотворнѣе и обезпеченнѣе въ своей будущности, чѣмъ болѣе будетъ понимать его силу и будетъ заинтересована въ немъ женщина, мать и воспитательница будущихъ поколѣній. Классическая система особенно нуждается въ этомъ содѣйствіи для того чтобъ укорениться на нашей почвѣ. Унасъ педагогическое дѣло не имѣетъ преданій; у насъ оно есть дѣло новое; наше нынѣшнее общество мало понимаетъ и мало цѣнитъ пользу правильной школы, и нѣтъ въ нашемъ обществѣ могущественныхъ факторовъ которые были бы заинтересованы ея водвореніемъ и развитіемъ. Напротивъ, есть много интересовъ фальшивыхъ, но болѣе или менѣе вліятельныхъ, которые враждуютъ противъ нея; есть предразсудки и самолюбія которые не могутъ помириться съ ней. Въ наши дни, только степенью повыше, повторяется комедія Фонъ-Визина. Какъ Простаковымъ и Скотининымъ казалось страннымъ и ненужнымъ учить географіи и цифири Митрофанушку, такъ точно Простаковы и Скотинины нашихъ дней протестуютъ противъ классической школы находя ее ненужною и изнурительною.

Почтенная основательница женской классической гимназіи, желая дать полезное направленіе возбужденной въ женской средѣ потребности ученія, была одушевлена также желаніемъ способствовать укорененію школы которая должна освободить насъ отъ ученическаго отношенія къ другимъ народамъ и положить начало самостоятельному образованію въ нашемъ отечествѣ. Она рѣшилась основать свою гимназію тотчасъ послѣ реформы мужскихъ гимназій, и устроила ея учебную часть въ точномъ и полномъ соотвѣтствіи съ уставомъ этихъ послѣднихъ. Тѣ же предметы, въ тѣхъ же размѣрахъ и въ томъ же порядкѣ послѣдованія были приняты ею въ учебный планъ женской гимназіи. Задача была тѣмъ труднѣе что и мужскія гимназіи на первыхъ порахъ крайне нуждались въ педагогическихъ силахъ требуемыхъ новымъ устройствомъ. Но мы все еще недостаточно оцѣнимъ трудность дѣла предпринятаго С. Н. Фишеръ если не примемъ въ соображеніе что она приступила къ своему дѣлу безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ видовъ на помощь, съ надеждою только на помощь Божію. Она не могла ожидать достаточнаго количества ученицъ для того чтобъ обезпечить существованіе своей школы; но ея преданность, самоотверженность и сила убѣжденія преодолѣли всѣ трудности которыя казались непреодолимыми. Дѣло пошло съ возрастающимъ и поразительнымъ успѣхомъ. Оно обратило на себя вниманіе правительства, завоевало уваженіе общества, пріобрѣло европейскую извѣстность.

Въ ученіи не было никакихъ послабленій противъ мужскихъ гимназій, о чемъ ежегодно свидѣтельствовали испытанія которыя были еще строже и требовательнѣе чѣмъ въ мужскихъ гимназіяхъ. Эти испытанія всегда были ведены лицами съ авторитетомъ и знаніемъ. Незабвенный Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ считалъ своимъ долгомъ непремѣнно присутствовать при экзаменахъ гимназіи г-жи Фишеръ. Воспитанницы нынѣ окончившія курсъ помнятъ съ какимъ живымъ интересомъ и съ какою въ то же время строгою требовательностью велъ онъ экзамены, входя во всѣ подробности предмета и не оставляя ничего неразъясненнымъ и сомнительнымъ въ успѣхахъ испытуемыхъ. Воспитанницы принятыя съ самаго начала во второй классъ должны были въ теченіе года пройти курсъ двухъ классовъ для того чтобы перейти въ третій. Въ виду засвидѣтельствованныхъ успѣховъ заведенія, воспитанницамъ окончившимъ курсъ шести классовъ Высочайше дарованы права домашнихъ учительницъ. Онѣ уже могли состязаться съ абитуріентами мужскихъ гимназій. Латинскія и греческія *extemporalia* ихъ были на Парижской выставкѣ, и эксперты присудили за нихъ г-жѣ Фишеръ почетное званіе. Часть воспитанницъ, окончивъ курсъ шестиклассной прогимназіи, ограничились достигнутымъ успѣхомъ, другія пошли далѣе. Курсъ VII и VIII классовъ былъ не только не пониженъ, но усиленъ противъ мужскихъ гимназій. Воспитанницы г-жи Фишеръ были начитаннѣе въ древнихъ авторахъ чѣмъ воспитанники мужскихъ гимназій, и вообще преподаваніе въ двухъ высшихъ классахъ, по характеру и размѣрамъ превышаетъ обыкновенный гимназическій уровень. Занятіями въ классическихъ языкахъ и литературахъ руководитъ здѣсь главнымъ образомъ одинъ изъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ филологовъ нашихъ, профессоръ Ѳ. Е. Коршъ. Испытанія зрѣлости которыми заключился минувшій годъ, при самыхъ строгихъ гарантіяхъ правильности, дали блистательный результатъ. Испытаніями изъ древнихъ

языковъ руководилъ председатель Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія А. И. Георгіевскій, а изъ математики заслуженный профессоръ А. Ю. Давидовъ.

Итакъ, задача разрѣшена, дѣло оправдано, успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Въ виду этихъ блистательныхъ результатовъ, на этихъ дняхъ совѣтъ Московскаго Университета постановилъ ходатайствовать о допущеніи дѣвицъ окончившихъ курсъ гимназіи г-жи Фишеръ къ университетскимъ занятіямъ въ факультетахъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ.

Вотъ отвѣтъ на всѣ безсовѣстные толки о трудности, неопреодолимости, изнурительности учебной системы введенной въ наши гимназіи. Воспитанницы г-жи Фишеръ всѣхъ классовъ, при столь замѣчательныхъ успѣхахъ, пользуются, слава Богу, полнымъ здоровьемъ, о чемъ и свидѣтельствуютъ ихъ цвѣтущія лица.

Окончили полный курсъ гимназіи въ истекшемъ учебномъ году четыре воспитанницы: Иванова (золотая медаль), Локтева (серебряная медаль), Языкова и Покровская. Въ нынѣшнемъ году оканчивающихъ курсъ болѣе чѣмъ вдвое противъ этого числа.

Актъ гимназіи г-жи Фишеръ начался молебствіемъ со многолѣтіемъ Государю Императору и Августѣйшему Дому, которое совершалъ преосвященный Алексій, епископъ Можайскій, принимающій живое участіе въ судьбахъ этого заведенія гдѣ воспитывается и его племянница. Законоучитель гимназіи священникъ Виноградовъ (котораго дочь также воспитывается здѣсь и находится уже въ VIII классѣ) сказалъ прекрасное напутственное слово. Присутствовали почечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, помощникъ попечителя С. С. Ивановъ, окружный инспекторъ Я. И. Вейнбергъ, преподаватели, родители и родственники воспитанницъ. По прочтеніи отчета за истекшій учебный годъ, были вызываемы удостоившіяся наградъ и аттестатовъ зрѣлости воспитанницы которыя принимали ихъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ, изъ рукъ преосвященнаго владыки.

По окончаніи торжества, когда оставались лишь немногіе изъ присутствовавшихъ, попечитель округа, князь Мещерскій, лично зная каждую изъ окончившихъ курсъ дѣвицъ, слѣдивъ за ихъ успѣхами отъ дѣтскихъ лѣтъ до нынѣшняго полнаго разцвѣта, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами, которыя глубоко тронули какъ ихъ, такъ и ихъ почтенную воспитательницу. Вотъ эти слова, записанныя въ точности, и ими заключимъ мы нашъ отчетъ:

„Наше сегодняшнее празднество имѣетъ семейный характеръ, вполнѣ свойственный этому прекрасному учебному заведенію. Признавая себя какъ бы членомъ этого семейнаго кружка, я хотѣлъ при разставаніи выразить вамъ искреннія, сердечныя пожеланія полнаго успѣха и на новомъ вашемъ поприщѣ. Прежніе успѣхи ваши служатъ залогомъ будущихъ, но трудъ васъ ожидающій тяжелъ, и тяжелъ вдвойнѣ. Онъ тяжелъ какъ трудъ жизни, но при этомъ собственно на *васъ* возлагается еще долгъ строгимъ исполненіемъ обязанностей стараться доказать превосходство воспитавшаго васъ училища, выразить благодарность вашей уважаемой воспитательницѣ, всею душой потрудившейся для вашей пользы; наконецъ, какъ *первыя* окончившія курсъ, служить добрымъ примѣромъ вашимъ младшимъ сестрамъ по училищу. Но если трудъ великъ, то, съ другой стороны, на долю вашу выпало особое счастье — пользоваться примѣромъ и наставленіями *такой* руководительницы. Я слышу что вы рѣшились остаться при гимназіи и продолжать пользоваться наставленіями почтенной Софіи Николаевны. Поздравляю васъ со столь разумнымъ рѣшеніемъ. Лучшаго нельзя было и придумать. Великое дѣло—*научиться учить*... Итакъ, слѣдуйте въ точности примѣру Софіи Николаевны и благодарите Бога что можете потрудиться подъ ея руководствомъ. Но, какъ я уже сказалъ, главный трудъ, главная задача не школа, а *жизнь*. Достоинство школы — доставить нужный запасъ для житейскаго пути. Не могу не припомнить прекрасное напутственное слово, произнесенное сегодня вашимъ достойнымъ законоучителемъ, всѣми нами уважаемымъ и любимымъ отцомъ Виноградовымъ—запастись надо не однимъ свѣтильникомъ науки, но и особенно елеемъ любви къ ближнему, въ широкомъ святомъ христіанскомъ значеніи этихъ словъ. Если это правда вообще, то тѣмъ болѣе въ дѣлѣ воспитанія женскаго. Женщина, на какомъ бы поприщѣ ни суждено ей Провидѣніемъ

дѣйствовать, всегда по преимуществу *сестра милосердія;* теплою, святою любовью къ ближнему она творитъ чудеса. Вотъ потому-то вы вдвойнѣ счастливы, такъ какъ въ *этой* школѣ вы обогатились не однимъ запасомъ серіозныхъ научныхъ свѣдѣній, но и прекрасныхъ, трогательныхъ примѣровъ исполненія нравственнаго долга. Припомните и храните на всю жизнь данные вамъ живые примѣры безпредѣльнаго терпѣнія, настойчивости въ добрѣ, мужествѣ въ борьбѣ съ житейскими невзгодами. Въ особенности храните свято воспоминанія о тѣхъ скорбныхъ дняхъ въ жизни училищной семьи, которые однако нынѣ являются свѣтлымъ и утѣшительнымъ назиданіемъ, когда воспитательница ваша, трудясь неустанно, обычнымъ чередомъ, на пользу гимназіи, проводила у постели страждущихъ вашихъ подругъ безсонныя мучительныя ночи, недѣлями, мѣсяцами—безъ ропота, безъ унынія, стараясь ободрить и утѣшить и больную, и ея родныхъ, и васъ... Итакъ, вновь напоминаю вамъ слова вашего достойнаго пастыря: главное въ жизни—христіанская любовь къ ближнимъ, къ будущимъ вашимъ ученицамъ и воспитанницамъ. Старайтесь быть добрыми христіанками, и вы будете достойными воспитательницами.

„Еще разъ желаю вамъ отъ души полнаго успѣха въ школѣ и въ жизни, и прошу васъ твердо вѣрить что мнѣ, какъ вашему старому и доброму знакомому, какъ постоянному свидѣтелю вашихъ многолѣтнихъ добросовѣстныхъ трудовъ, будетъ особенно радостно оказывать вамъ всегда полное и искреннее содѣйствіе."

№ 230.

Москва, 7-го сентября.

Обнародованный на дняхъ королевскій декретъ о распущеніи Прусскаго ландтага и назначеніи новыхъ выборовъ, которые должны окончиться 7 октября, есть событіе первостепенной важности не для одной Пруссіи, но и для всей Германіи. Отъ результата этихъ выборовъ зависитъ окончательный исходъ борьбы въ которую князь Бисмаркъ вступилъ со своими недавними союзниками, націоналъ-либералами. Борьба эта увѣнчалась успѣхомъ въ имперскомъ сеймѣ, но она не можетъ считаться завершенною пока Прусскій сеймъ останется при прежнемъ составѣ, съ преобладающимъ въ немъ націоналъ-либеральнымъ большинствомъ. Ничто такъ не характеризуетъ переходнаго состоянія въ какомъ находится устройство Германской имперіи какъ взаимное отношеніе между этими двумя учрежденіями, имперскимъ и Прусскимъ парламентомъ. Каждое изъ государствъ входящихъ въ составъ Германской имперіи сохранило свое мѣстное представительство; но эти многочисленныя палаты разсѣянныя по лицу германскаго отечества составляютъ въ сущности лишь декоративную подробность имѣющую своимъ назначеніемъ укротить центробѣжныя силы и замирить тотъ ревнивый духъ оппозиціи противъ преобладанія Пруссіи, который хотя рѣдко выступаетъ наружу, но очень еще силенъ въ Германіи, особенно въ южныхъ ея странахъ. Съ учрежденіемъ рейхстага и союзнаго совѣта, эти мѣстные сеймы никакого вліянія, ни прямаго, ни косвеннаго, на внутреннюю политику не имѣютъ, и князь Бисмаркъ можетъ весьма спокойно не знать ихъ. Они ему ни въ чемъ не мѣшаютъ. Иное дѣло Прусскій сеймъ. Компетенція его, правда, строго разграничена съ рейхстагомъ. Глухой или явной оппозиціи противъ имперской власти въ этомъ сеймѣ тоже быть не можетъ, ибо все чѣмъ усиливается власть имперіи идетъ въ прокъ и Пруссіи, и пока политика князя Бисмарка вполнѣ согласовалась съ тенденціями большинства рейхстага, которое состояло главнымъ образомъ изъ націоналъ-либераловъ, сильныхъ общественнымъ вѣсомъ среднихъ классовъ, и Прусская палата представителей не была ему помѣхой. Но теперь роли перемѣнились. Князь Бисмаркъ порвалъ связь съ націоналъ-либералами, и въ рейхстагѣ они перешли въ оппозицію. Но рейхстагъ въ прошедшемъ году возобновленъ, и во время выборовъ разрывъ между имперскимъ канцлеромъ и либеральными партіями уже обозначился настолько что при могущественномъ вліяніи правительства націоналъ-либералы понесли первое пораженіе и явились въ рейхстагъ уже значительно ослабленною фалангой. Разрывъ еще рѣзче обозначился въ послѣднюю сессію рейхстага, когда по поводу таможенной реформы совершилось сближеніе князя Бисмарка съ партіей центра что въ свою очередь ознаменовалось пе-

ремѣнами далеко выходящими за предѣлы экономическаго преобразованія и привело къ паденію трехъ прусскихъ министровъ, въ томъ числѣ министра исповѣданій г. Фалька, главнаго пособника князя Бисмарка въ „культурной борьбѣ."

Прусскій же ландтагъ оставался донынѣ въ прежнемъ составѣ, то-есть съ преобладающимъ либеральнымъ большинствомъ, и притомъ такимъ которое почти совершенно совпадаетъ, по личному составу, съ прежнимъ составомъ рейхстага. На этой же аренѣ національ-либералы стараются всѣми силами сосредоточить оставшіяся въ ихъ распоряженіи средства борьбы, дабы удержать за собой преобладаніе хоть здѣсь. Имъ вовсе не желательно продолжать борьбу недавно и столь неудачно начатую противъ князя Бисмарка, ибо они хорошо сознаютъ что это борьба неравная и что они будутъ побиты и здѣсь. Но они знаютъ что они будутъ имѣть шансы на возстановленіе своего прежняго политическаго значенія лишь въ томъ случаѣ если результатъ выборовъ будетъ въ ихъ пользу. Для князя Бисмарка въ сущности безразличны всѣ программы внутреннихъ политическихъ партій. Это онъ самъ объявилъ въ прошедшую сессію и доказалъ сближеніемъ своимъ съ партіей центра Но онъ считается лишь съ тѣми кто составляетъ дѣйствительную силу. Еще недавно, говорятъ, онъ выразился такъ: „Я поддерживаю моихъ друзей; враговъ „моихъ я стараюсь побороть, а съ остальными стараюсь войти въ соглашеніе." Національ-либералы перестали быть друзьями князя Бисмарка; но чтобы не прослыть его врагами они желаютъ быть тѣми „остальными" съ кѣмъ князь Бисмаркъ имѣлъ бы интересъ вступить въ соглашеніе.

Вотъ причины почему предстоящіе въ Пруссіи выборы возбуждаютъ большой интересъ и избирательная агитація ведется съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Правительственные органы печати пока относятся къ національ-либераламъ съ прежнею враждой, упрекая ихъ за то что они не поддержали экономическихъ преобразованій. Но національ-либералы, въ своемъ избирательномъ манифестѣ, обнародованномъ нѣсколько дней тому назадъ, заговорили тономъ большой умѣренности, видимо стараясь оставить открытымъ путь къ примиренію. Возможность такого примиренія тѣмъ вѣроятнѣе что въ послѣдніе дни опять упали надежды на прекращеніе культурной борьбы. О переговорахъ которые ведутся между императорскимъ правительствомъ и папскою куріей, попрежнему, нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Но правительственные органы сочли нужнымъ формально опровергнуть нѣкоторые изъ безчисленныхъ слуховъ появляющихся по этому поводу въ газетахъ, а клерикальные органы, въ свою очередь, вновь заговорили тономъ нѣкотораго раздраженія, видимо разочаровавшись въ своихъ черезчуръ сангвиническихъ надеждахъ. Особенно подѣйствовала на нихъ послѣдняя манифестація со стороны министра исповѣданій, г. фонъ-Путкаммера, преемника г. Фалька. Г. фонъ-Путкаммеръ принадлежитъ къ партіи прусскихъ феодаловъ, имѣющихъ своимъ органомъ *Крестовую Газету*, всегда возстававшую противъ „культурной борьбы." Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, г. фонъ-Путкаммеръ, на одномъ банкетѣ, высказалъ что онъ далеко не во всемъ одобряетъ систему своего предмѣстника. Слова эти были приняты съ восторгомъ клерикальными органами, и они провозгласили лозунгъ: „долой систему Фалька," вполнѣ повидимому убѣжденные что и правительство одобритъ этотъ лозунгъ и что не замедлитъ отмѣна ненавистныхъ имъ „майскихъ законовъ." Вестфальское католическое духовенство обратилось съ адресомъ къ министру исповѣданій, и воздавая льстивую хвалу его добрымъ намѣреніямъ, просило его ускорить возстановленіе вліянія этого духовенства на школу. На этотъ адресъ г. фонъ-Путкаммеръ далъ отвѣтъ какого клерикалы повидимому не ожидали. Министръ вполнѣ признаетъ что ничто на свѣтѣ не можетъ замѣнить благодѣтельнаго вліянія христіанской вѣры на воспитаніе и не отвергаетъ участія духовенства въ дѣлѣ воспитанія. Но католическое духовенство, заявляетъ онъ, само виновато въ томъ что государство, коему исключительно принадлежитъ власть и распоряженіе дѣломъ народнаго воспитанія, вынужденнымъ нашлось устранить это духовенство отъ вліянія на школьное дѣло.

Этотъ отвѣтъ министра сильно смутилъ клерикаловъ убѣдивъ ихъ что они далеко еще не покончили съ системой Фалька, и что г. фонъ-Путкаммеръ не такъ радикально расходится со своимъ предмѣстни-

комъ какъ они думали. А что отвѣтъ этотъ обнародованъ предъ началомъ выборовъ это было истолковано такъ что правительство не желаетъ оставлять народъ подъ впечатлѣніемъ будто оно окончательно отступается отъ майскихъ законовъ.

№ 231.

Москва, 10-го сентября.

А

Князь Бисмаркъ прибылъ въ Вѣну, и телеграфъ извѣщаетъ о преисполненномъ радости пріемѣ его въ австрійской столицѣ. Это въ порядкѣ вещей. Германскій канцлеръ взялся за Австрію, и ей ничего не остается болѣе какъ явиться смиренною и покорною исполнительницей его предначертаній, радуясь что по крайней мѣрѣ ей самой они въ данную минуту представляются не безвыгодными. Въ самомъ дѣлѣ, не заманчиво ли легкимъ способомъ и на чужой счетъ загладить память о недавнихъ тяжкихъ утратахъ? Смущаться же мыслью что покровительство Германіи можетъ дать потомъ поводъ къ вопросу о „компенсаціяхъ", австрійскіе государственные люди не имѣютъ и права: они зашли уже такъ далеко что имъ нѣтъ возврата.

Къ этой поѣздкѣ давно всѣ были приготовлены съ той минуты какъ было возвѣщено о намѣреніи князя Бисмарка отдать визитъ сдѣланный ему въ Гастейнѣ графомъ Андраши. Естественно ожидать что эти свиданія, при ихъ эффектной обстановкѣ, должны подать поводъ ко множеству толковъ. Уже теперь идетъ рѣчь о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза между обѣими имперіями.

Не дожидаясь какое впечатлѣніе пріѣздъ германскаго канцлера въ Вѣну произведетъ на публику, офиціозные органы Вѣны и Берлина уже спѣшатъ объяснить какими глазами слѣдуетъ смотрѣть на это событіе. Телеграфъ передалъ намъ почти дословно статью вѣнской офиціозной *Montagsrevue* и вѣнское письмо „отъ лица высокочтимаго" напечатанное въ ближайшемъ органѣ германскаго канцлера, *Сѣверо-германской Всеобщей Газеты*. Оба органа свидѣтельствуютъ что цѣль поѣздки князя Бисмарка болѣе чѣмъ простая вѣжливость, а именно закрѣпленіе союза между Австріей и Германіей. Вѣнская газета говоритъ объ этомъ союзѣ нѣсколько глухо; она толкуетъ о „вѣрныхъ ручательствахъ мира," о разъясненіи общихъ интересовъ Австріи и Германіи; но намекаетъ что можетъ-быть окажется необходимость положить договоромъ между обѣими державами предѣлъ опаснымъ колебаніямъ. Манифестація въ берлинской газетѣ яснѣе и рѣзче. Въ этомъ письмѣ прежде всего бросается въ глаза оговорка что вѣнское свиданіе, хотя оно и есть „надежнѣйшее доказательство *интимности* отношеній не только между обоими государственными людьми, но и *между обоими государствами*," въ то же время не означаетъ еще разрыва ни въ какомъ направленіи. Оговорка эта дѣлается прежде чѣмъ гдѣ-либо было высказано подобное опасаніе. Далѣе поясняется что единеніе между Германіей и Австріей не имѣетъ никакого вызывающаго характера относительно Россіи. Но при этомъ дѣлается тонкое различіе. Успокоеніе дается подъ условіемъ. Насъ убѣждаютъ что германско-австрійская дружба не можетъ быть бѣльмомъ на глазу Россіи если только она будетъ *честно* относиться къ Берлинскому трактату; но эта дружба есть де грозное *memento* для панславизма „который со скрежетомъ принужденъ теперь забиться въ уголъ." Къ этому присовокупляется грозное предостереженіе что если эта партія (то-есть панславизмъ) отъ скромныхъ желаній захочетъ перейти къ дѣлу, то „она встрѣтитъ Германію и Австрію идущими грудь съ грудью и рука съ рукой".

Итакъ, различаются Россія Берлинскаго трактата, и Россія *панславизма*, то-есть, Россія которая должна покорно слѣдовать чужому велѣнію до самопожертвованія, до пролитія своей крови въ интересахъ не только чуждыхъ, но и противныхъ ей, и Россія которая на Востокѣ имѣетъ свою, завѣщанную вѣками, политику, свои цѣли отъ которыхъ она не можетъ отречься. Только первая Россія допускается. Россіи состоящей на привязи и исполняющей чужое дѣло дозволяется и войны вести и миры заключать. Она воевала, но съ тѣмъ чтобы Турцію мирно завоевала Австрія. Россія освободила единовѣрныя ей племена, но съ тѣмъ чтобъ и тѣ изъ нихъ которыя уже пользуются самостоятельностію подчинились враждебному и имъ, и ей австро-мадьярскому владычеству. Рус-

скія войска очистили Турцію, а Австрія забираетъ одну за другою провинціи султана, о неприкосновенности владѣній котораго она, повидимому, такъ ревниво заботилась. Занявъ Боснію и Герцеговину, австрійскія войска вступили и въ Новобазарскій санджакъ. Австрія тянется къ Эгейскому морю и уже вошла клиномъ между независимыми славянскими княжествами, которымъ предстоитъ отказаться отъ своей, столь дорого стоившей имъ, независимости и отдать во вражскія руки всѣ источники своей жизни. Германскій канцлеръ и до войны и во время войны на Востокѣ объявлялъ что Германія не имѣетъ тамъ ни малѣйшаго интереса за который бы она могла пожертвовать костями хотя бы одного изъ своихъ солдатъ. Но развѣ Австрія переселяющаяся на Востокъ и подчиняющая себѣ его народности есть интересъ Россіи? Панславизмъ на который дѣлается столь грозный окрикъ, это есть не что̀ иное какъ Россія самостоятельная. Слѣдуя своимъ инстинктамъ и исполняя свое дѣло на Востокѣ, Россія освобождала единовѣрныя ей народности. Прежде всѣхъ Греція пріобрѣла независимость. Адріанопольскій миръ, давшій свободу Греціи, оставилъ Болгаръ томиться еще полвѣка подъ иновѣрнымъ игомъ. Если въ послѣднее время возникла рознь между Болгарами и Греками, вслѣдствіе панэллинскихъ стремленій, то и Греки вскорѣ поймутъ что германо-австрійскіе планы, простирающіеся до Эгейскаго моря, столь же гибельны для развитія ихъ какъ и славянскихъ народностей.

Результаты русской политики на лицо: это свободная Греція, свободная Румынія, свободныя княжества Сербіи и Черногоріи, свободная Болгарія. Всѣ эти страны, конечно, желаютъ сохранить дорого доставшуюся имъ независимость. И вотъ въ этомъ усматривается тотъ „панславизмъ“ который долженъ не смѣть и думать „отъ скромныхъ желаній перейти къ дѣлу.“ Этотъ яростный окрикъ можно объяснить только опасеніемъ что княжества, дорожа пріобрѣтенною независимостью, не захотятъ войти въ Бисмарковы планы и подчиниться австрійской гегемоніи...

Б.

Въ настоящее время въ Министерствѣ Путей Сообщенія собраны и сведены уже результаты доходности движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ при дѣйствіи новаго налога на грузы и на пассажировъ съ 1 января по 1 іюля 1879 года, сравнительно съ доходностью за тотъ же періодъ прошлаго года, когда налога не было. Получаются любопытные результаты. По нѣкоторымъ дорогамъ оказывается немаловажный переборъ (напримѣръ, Кинешма-Иваново до 36%, Харьковъ-Николаевъ—25%, Либавская—19%, Рыбинскъ-Бологово—13%, Балтійская—9%, Лодзинская фабричная—27%, Царскосельская—4%, Сестрорѣцкая—15%, Варшаво-Вѣнская и Бромбергская—4 и 5%, Волго-Донская—9%, Московско-Нижегородская—3%). Но по другимъ, и важнѣйшимъ, оказывается значительный недоборъ. Онъ доходитъ до 28% на юго-западныхъ дорогахъ, до 23—на Грязе-Борисоглѣбской, до 20—на Тамбово-Козловской и столько же на Саратовской, до 9—на Московско-Рязанской, до 12—на Новоторжской, до 18—на Петербурго-Варшавской, до 14—на Варшавско-Тереспольской, до 4—на Воронежско-Ростовской, до 9 — на Курско-Кіевской; до 15—на Митавской, до 8—на Поти-Тифлисской, до 13—на Владикавказской, до 9—на Рязанско-Козловской, и пр. На Николаевской желѣзной дорогѣ тоже недоборъ, хотя незначительный, на $0,_7$%. Въ общемъ же результатѣ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи оказывается *недоборъ* на $9,_{32}$%. Въ виду такого результата позволительно спросить: слѣдуетъ ли удержать этотъ новый налогъ, возбудившій столько ропота во всѣхъ классахъ населенія, налогъ служащій къ отягощенію не только частныхъ лицъ, но и казны, которая должна приплачивать по гарантіямъ за то что̀ окажется въ недоборѣ по желѣзнымъ дорогамъ? И еслибы притомъ очистился въ пользу государственнаго казначейства излишекъ не поглощаемый издержками взиманія и приплаты, сто̀итъ ли этотъ излишекъ несоразмѣрнаго, для платящихъ, отягощенія?

№ 232.

Москва, 11-го сентября.

Берлинская *Почта*, второй послѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* офиціозный органъ князя Бисмарка, замѣ-

чаетъ по поводу поѣздки имперскаго канцлера въ Вѣну что „не станутъ возвѣщать колокольнымъ звономъ о предполагаемыхъ, быть-можетъ, при этомъ свиданіи оборонительныхъ и наступательныхъ союзахъ и тому подобномъ.“ Однако и берлинская печать не отрицаетъ того что поѣздка князя Бисмарка сопровождалась чуть ли ни колокольнымъ звономъ и придаетъ этому особенное значеніе. О ней возвѣщено было мѣсяцемъ раньше, и съ тѣхъ поръ вѣнская и берлинская официозная печать не переставала всячески выдвигать на первый планъ это „необычайное событіе“ и указывать съ удареніемъ на различіе между имъ и недавнимъ свиданіемъ въ Александровѣ, о коемъ официозная берлинская печать демонстративно молчала. По этому случаю припоминаютъ что князь Бисмаркъ давно уже публично заявилъ объ интимности своихъ отношеній къ руководителю австро-венгерской политики, графу Андраши, и тогда уже противополагалъ эти отношенія *другимъ*, менѣе откровеннымъ и дружественнымъ. Это было 19 февраля 1878 года, когда пронесся первый слухъ о заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, и князь Бисмаркъ давалъ въ публичномъ засѣданіи рейхстага отвѣтъ на запросъ объ иностранной политикѣ. Имперскій канцлеръ сказалъ тогда: „Наши отношенія къ Австріи суть „отношенія полной откровенности и *взаимнаго довѣрія*;“ послѣднія слова были собственноручно подчеркнуты княземъ Бисмаркомъ при просмотрѣ корректуры официальнаго текста его рѣчи. „Не только „монархи и правительства обѣихъ странъ,“ продолжалъ далѣе князь Бисмаркъ, „но „я лично состою, къ моей чести и радо„сти въ отношеніяхъ самой интимной друж„бы съ графомъ Андраши, такъ что о каж„домъ вопросѣ возбуждаемомъ имъ въ ин„тересахъ Австріи онъ говоритъ со мною „совершенно открыто. Онъ убѣжденъ что „я ему отвѣчаю съ полною правдивостью, „и я знаю что онъ говоритъ мнѣ всю „правду.“

Въ то время Берлинскій трактатъ еще только подготовлялся и берлинская печать продолжала доказывать что Германія не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ интересовъ на Востокѣ и что роль ея ограничивается обязанностью честнаго и безпристрастнаго посредника, или маклера, между двумя равно союзными Германіи державами, коихъ интересы сталкиваются на Балканскомъ полуостровѣ.

Совсѣмъ иное проповѣдуютъ теперь тѣ же берлинскія газеты: „Недавній восточный кризисъ и его исходъ,“ читаемъ мы въ одной изъ берлинскихъ газетъ, имѣлъ „для насъ ту великую выгоду что для „насъ лишь теперь (то-есть по заключеніи „Берлинскаго трактата) выяснилось какъ „тѣсно связаны между собою и покрыва„ютъ другъ друга вѣрно-понятые интере„сы Германіи и Австріи на Востокѣ. Съ „другой стороны, совершенно выяснился „тотъ пунктъ до котораго Германія могла „поддерживать Россію и отъ котораго она „должна ей противодѣйствовать.“ Какой именно этотъ пунктъ берлинская газета точнѣе не опредѣляетъ; но изъ дальнѣйшихъ ея разсужденій оказывается что теперешнее „развитіе австрійскаго военнаго могущества на Ломѣ“ совершается не столько въ интересахъ Австріи, сколько Германіи, и что Австрія этимъ отплачиваетъ Германіи за поддержку ея притязаній на Берлинскомъ конгрессѣ. Своимъ теперешнимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій на юго-востокѣ Австрія оказываетъ де услугу и Германіи, ибо „только во времена крайней своей слабости Пруссія относилась безучастно и равнодушно къ ходу событій на Балканскомъ полуостровѣ.“ А между тѣмъ давно ли эта самая берлинская газета съ восторгомъ вторила изреченію князя Бисмарка что дѣла Востока совершенно чужды Германіи, такъ что изъ-за нихъ она не пожертвуетъ здоровыми костями хотя бы одного померанскаго мушкетера?

Теперь же говорятъ что солидарность и тождественность интересовъ Германіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ такъ очевидны и признаны обѣими сторонами что поѣздка князя Бисмарка въ Вѣну имѣетъ собственно цѣлью лишь формально закрѣпить соглашеніе простирающееся на далекое будущее, соглашеніе уже состоявшееся, ибо князь Бисмаркъ едва ли де рѣшился бы связать свое личное присутствіе съ предпріятіемъ въ успѣхѣ коего его онъ не былъ бы напередъ увѣренъ. Кто полагаетъ что поѣздка эта имѣетъ цѣлью заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза между Германіей и Австріей, тотъ скорѣе де умаляетъ нежели преувеличиваетъ значеніе этой поѣздки. Имѣется де въ виду созданіе такого по-

ложенія вещей чтобы не было надобности въ заключеніи такихъ союзовъ.

Гораздо опредѣленнѣе высказываютъ свои ожиданія по поводу пріѣзда князя Бисмарка откровенно враждебныя Россіи и всему славянству вѣнскія газеты. „Въ „чемъ заключается самый выдающійся ин„тересъ Австріи по отношенію къ Восточ„ному вопросу въ настоящую минуту?" спрашиваетъ *Новая Свободная Печать*, и отвѣчаетъ: „въ томъ чтобы Берлинскій „трактатъ былъ исполненъ во всѣхъ его „пунктахъ, и чтобы созданіе Болгарскаго „государства и славянская федерація на „Балканскомъ полуостровѣ остались по„прежнему химерой."

Другой, и притомъ офиціозный вѣнскій органъ, еще точнѣе излагаетъ политическую программу ближайшаго будущаго которая окончательно установится во время пребыванія князя Бисмарка въ Вѣнѣ. Программа эта изложена въ письмѣ изъ Берлина напечатанномъ въ *Политической Корреспонденціи* отъ 17 сентября. „Теперь не время далѣе разрушать," сказано въ этомъ письмѣ, „а напротивъ сохранять," и сохранить нужно турецкое владычество. Въ этомъ заключается важнѣйшее значеніе—чего бы вы думали?—дальнѣйшаго расширенія австрійской оккупаціи на Балканскомъ полуостровѣ. Австрія проникнувъ въ долину Лома будетъ де оплономъ оттоманскаго владычества, признаннаго необходимымъ въ интересахъ европейскаго мира. И прежде всего, по мнѣнію офиціознаго корреспондента вѣнской газеты, оплотъ этотъ нуженъ для Турціи въ Восточной Румеліи. Тамошніе Болгары уже успѣли де доказать что созданный тамъ порядокъ нуждается въ существенныхъ измѣненіяхъ дабы установилась прочная власть способная оградить и упрочить сохраненіе мира. Населеніе Восточной Румеліи не сумѣло де разумно воспользоваться дарованнымъ ему „избыткомъ свободы", и корреспондентъ думаетъ что придется, хотя бы и вопреки желаніямъ Россіи, отмѣнить совершенное устраненіе изъ страны турецкихъ гарнизоновъ. Съ этой стороны корреспондентъ предвидитъ возникновеніе важныхъ вопросовъ, относительно которыхъ каждая изъ великихъ державъ должна будетъ принять опредѣленное положеніе, и этимъ вопросамъ будетъ де оказано должное вниманіе на вѣнскихъ переговорахъ.

Въ какомъ смыслѣ состоится рѣшеніе по этимъ вопросамъ, объ этомъ отчасти можно судить по демонстраціи устроенной 15 сентября въ мѣстечкѣ Преполье, составляющемъ конечный пунктъ австрійскаго занятія въ Ново-Базарскомъ санджакѣ. Здѣсь данъ былъ банкетъ гдѣ встрѣтились командующій австрійскими войсками герцогъ Виртембергскій и начальникъ турецкихъ войскъ любезно очистившихъ мѣсто Австійцамъ, Гузни-паша. На банкетѣ, герцогъ Виртембергскій провозгласилъ тостъ „за союзъ между Австріей и Турціей" и турецкій паша отвѣчалъ ему въ томъ же духѣ.

Этотъ австро-турецкій союзъ провозглашенный на бивакѣ непрошеныхъ гостей Турціи озадачилъ нѣсколько даже вѣнскія газеты. Но если вѣрно что Турцію предлагается вознаградить за потерю Ново-Базарскаго санджака предоставленіемъ ей вновь права занять Восточную Румелію своими гарнизонами, то препольскій тостъ есть зловѣщее предзнаменованіе новыхъ и неисчислимыхъ бѣдствій для несчастной страны.

№ 233.

Москва, 12-го сентября.

Рѣзкій контрастъ между тѣмъ что̀ говорится нынѣ въ нашей печати и тѣмъ что̀ еще такъ недавно высказывалось въ той же самой печати невольно бросается въ глаза. Особенно ярко обозначился этотъ поворотъ мнѣній во взглядахъ на экономическое положеніе Россіи.

Припомните что̀ писалось по этому предмету два, три мѣсяца тому назадъ. Въ какой безотрадной картинѣ рисовалось и настоящее и будущее Русской земли, повергнутой будто бы въ бездну золъ только что выдержанною ею войной! Какой поднялся гамъ когда мы, сравнивъ экономическое положеніе Россіи до войны съ тѣмъ въ какомъ очутилась она послѣ войны, утверждали что несмотря на нее, несмотря на выпуски ассигнацій и паденіе вексельнаго курса, положеніе это не только не ухудшилось, но во многомъ и значительно улучшилось! Напрасно, въ доказательство улучшенія въ ходѣ дѣлъ, ссылались мы на развитіе нашей отпускной торговли, на оживленіе промышленности, на успѣшный исходъ Нижегородской и другихъ ярмарокъ.

Петербургскіе экономисты настойчиво утверждали что видѣть въ указанныхъ фактахъ что-либо благопріятное значитъ „извращать смыслъ самыхъ простыхъ экономическихъ явленій давно съ математическою точностью объясненныхъ наукой и не подлежащихъ болѣе сомнѣнію въ кругу образованныхъ людей.“ Согласно этой „наукѣ,“ въ поворотѣ къ лучшему предписывалось видѣть вредъ и зло: „Несомнѣнное возбужденіе у насъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ есть возбужденіе *лихорадочное*, вызванное преимущественно выпускомъ во время войны полумилліарда кредитныхъ билетовъ,“ возбужденіе, „за первымъ періодомъ коего *не можетъ не послѣдовать* періода экономической реакціи.“ Всѣмъ и каждому ставилось поэтому въ священную обязанность „напоминать публикѣ о *непремѣнномъ* наступленіи этого періода печали и воздыханій“...

То ли читаемъ мы теперь въ тѣхъ самыхъ газетахъ которыя, во имя науки, такъ безповоротно осудили начавшееся у насъ со времени минувшей войны экономическое оживленіе? Прислушаемся, для примѣра, къ тому что̀ говоритъ та самая газета (*Голосъ*) изъ которой приведены столь характерныя выписки. Вотъ сдѣланный ею, въ передовой статьѣ, отзывъ о только что окончившейся Нижегородской ярмаркѣ:

„Благополучная развязка нынѣшней Нижегородской ярмарки, вслѣдъ за необычайно счастливою прошлогоднею ярмаркой, составляетъ явленіе весьма знаменательное. Оно, вопервыхъ, свидѣтельствуетъ о серіозномъ промышленномъ оживленіи Россіи, которое весьма замѣчательно послѣ всеобщаго экономическаго застоя предшествовавшаго войнѣ, и которое не объясняется только однимъ заключеніемъ мира, всегда и вездѣ оживляющаго промышленность. Двѣ сряду отличныя ярмарки не объясняются однимъ этимъ фактомъ. Оставляя пока въ сторонѣ всякія теоретическія экономическія соображенія, нельзя не видѣть въ упомянутомъ явленіи дѣйствія здоровыхъ и крѣпкихъ производительныхъ силъ страны, которыя не только вынесли жертвы войны, но для которыхъ война какъ бы послужила даже толчкомъ къ пробужденію.

„Вовторыхъ, нельзя не видѣть въ этомъ явленіи другаго, еще болѣе утѣшительнаго свидѣтельства о внутреннемъ здоровьѣ нашего народнаго хозяйства. Необычайный успѣхъ прошлогодней Нижегородской ярмарки не увлекъ нашихъ производителей до того чтобъ они, какъ бывало прежде, непомѣрно увеличили размѣры своего производства“...

Читаешь, и не вѣришь своимъ глазамъ, не вѣришь чтобъ это говорилось въ той самой газетѣ которая еще такъ недавно, въ *глубокомъ убѣжденіи* что смыслъ экономическихъ явленій объясненъ наукой съ математическою точностью, объявляла *лихорадкой* то самое въ чемъ теперь видитъ *здоровье*. О неизбѣжной экономической реакціи, о непремѣнномъ наступленіи періода „печали и воздыханій“ нѣтъ болѣе и рѣчи.

Какъ явствуетъ изъ приведеннаго примѣра, наши экономисты начинаютъ мало-по-малу излѣчиваться отъ того ослѣпленія въ какомъ держала ихъ усвоенная ими чужеземная доктрина, волей-неволей отрекаясь отъ навѣянныхъ ею заблужденій. У нихъ не достаетъ только честности для откровеннаго сознанія въ томъ что прежде они ошибались и только теперь начинаютъ видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Говоря нынѣ то самое за что̀ еще такъ недавно обвиняли другихъ въ невѣжествѣ, шовинизмѣ и потворствѣ дурнымъ страстямъ, они дѣлаютъ видъ какъ будто говорятъ не то же самое что̀ десять мѣсяцевъ тому назадъ было высказано нами, а нѣчто другое, и что въ возникшемъ тогда разногласіи правы были они, а не мы. Благопріятный ходъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ выставляется ими частію результатомъ того что „возбуждающія газетныя статьи“ какихъ-то „призванныхъ и непризванныхъ органовъ“ нашихъ производителей и „московскіе промышленные оптимисты“ встрѣтили отпоръ „въ петербургской печати и совѣтахъ благоразумія ею постоянно преподававшихся съ прошлаго года...“

Отказываясь на дѣлѣ отъ прежнихъ ошибокъ, но не желая въ томъ признаться, эти господа ставятъ себя въ самое смѣшное положеніе. Прежде они считали своимъ назначаніемъ лѣчить больной экономическій организмъ, отрезвлять пьяное промышленное веселье. Теперь они берутъ на себя задачу пичкать лѣкарствами и подвергать операціямъ организмъ признанный ими самими здоровымъ, отрезвлять людей трезвыхъ, которыхъ сами они признали имѣющими полное „самообладаніе.“ Гово-

ря о Третьемъ Восточномъ Займѣ, который они такъ пламенно желали обратить на изъятіе кредитныхъ билетовъ и подъемъ курсовъ, то-есть на измѣненіе тѣхъ условій при которыхъ наша экономическая жизнь отъ болѣзненнаго застоя перешла къ здоровому оживленію, они докторально замѣчаютъ что „если подписка на послѣдній заемъ отвлекла нѣкоторую массу наличныхъ денегъ отъ промышленныхъ и внутреннихъ коммерческихъ оборотовъ, и если этотъ заемъ временно возвысилъ наши иностранные вексельные курсы, то оба эти обстоятельства, вмѣстѣ съ возвышеніемъ учетнаго процента, могли подѣйствовать только *отрезвляющимъ образомъ* на нашу промышленность.“ Куріозомъ отрезвленія здоровой, трезвой и отличающейся самообладаніемъ промышленности дѣло тутъ не ограничивается. Наши экономисты забыли что еслибы русская промышленность и нуждалась въ отрезвленіи, то и тогда Третій Восточный Заемъ оказался бы лѣкарствомъ даннымъ не благовременно. Фабричное производство идетъ цѣлый годъ, а не полтора, два мѣсяца предъ Нижегородскою ярмаркой. Еслибы наши производители увлеклись и непомѣрно расширили размѣры своего производства, заемъ объявленный не задолго предъ началомъ ярмарки не могъ бы уже оказать на нихъ никакого отрезвляющаго дѣйствія. Вызванное имъ отвлеченіе денегъ отъ коммерческихъ оборотовъ могло бы только затруднить сбыть уже заготовленнаго; повысившійся вслѣдствіе займа курсъ, поощряющій иностранную конкурренцію, равно какъ и возвысившійся учетный процентъ, могъ только подорвать прежде сдѣланные разчеты.

Впрочемъ, мы имѣемъ основанія полагать что все сейчасъ сказанное будетъ въ непродолжительномъ времени высказываться и остальною печатью, да еще не безъ укора намъ за то что мы говоримъ это недостаточно сильно. Съ тѣми сужденіями которыя высказывались ею въ періодъ объявленія подписки на Третій Восточный Заемъ она уже распростилась самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, только и слышались что горькія жалобы на паденіе вексельнаго курса и пламенныя мольбы о принятіи мѣръ для его подъема. Въ концѣ августа, *Голосъ*, выдавая нашему промышленному и торговому міру аттестатъ свидѣтельствующій объ его здоровьѣ и самообладаніи, еще роптал на него что онъ „не расположенъ оказывать нравственную поддержку мѣропріятіямъ нужнымъ для бумажноденежной реформы.“ Но настал сентябрь,— и что̀ читаемъ мы въ передовой статьѣ того самаго *Голоса* который еще такъ недавно жаждалъ повышенія нашей валюты? О повышеніи валюты экономисты этой газеты не могутъ уже и думать безъ содроганія. „Что̀ станется съ нашею отпускною торговлей,“ восклицаютъ они (*Голосъ* № 243), „если стоимость валюты повысится?“

Измѣнился радикально взглядъ этихъ экономистовъ и на самыя мѣры исправленія валюты. Прежде они признавали единственными для сего мѣрами — извлеченіе кредитныхъ билетовъ и займы съ этою цѣлію; теперь ведутъ рѣчь уже о *безыскусственномъ* улучшеніи валюты путемъ исправленія столь ненавистнаго прежде этимъ экономистамъ торговаго баланса. „*Усиленіе отпускной торговли* продуктами земледѣлія,“ читаемъ въ вышеупомянутой статьѣ *Голоса*, „сверхъ благотворнаго вліянія на общій экономическій бытъ Россіи, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, составляетъ *почти единственное средство* къ безыскусственному исправленію стоимости нашего денежнаго знака.“ То же самое убѣжденіе вновь самымъ категорическимъ образомъ высказывается и въ полученномъ сегодня нумерѣ *Голоса*, съ замѣчаніемъ что „едва ли найдется экономистъ который не согласился бы съ вышесказаннымъ.“

Въ виду такихъ заявленій, есть надежда что наши экономисты поймутъ въ непродолжительномъ времени что кромѣ указываемаго ими „почти“ единственнаго средства, и въ связи съ нимъ, имѣются и другія: сокращеніе привозной торговли подъемомъ таможеннаго тарифа, воздержаніе отъ внѣшнихъ займовъ и отъ всего увеличивающаго заграничные платежи и т. д.

№ 234.

Москва, 13-го сентября.

Наши читатели уже знакомы какъ съ ходомъ преній, такъ и съ главными рѣшеніями международной телеграфной конференціи засѣдавшей этимъ лѣтомъ въ Лондонѣ. Въ № 212 *Московскихъ Вѣдомостей* сообщены были свѣдѣнія о занятіяхъ этой

конференціи почерпнутыя главнымъ образомъ изъ заграничныхъ источниковъ. На дняхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появился официальный обзоръ ея постановленій; помѣщаемъ его въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты, такъ какъ онъ значительно пополняетъ и поправляетъ свѣдѣнія иностранной печати. Если не ошибаемся, обзоръ *Правительственнаго Вѣстника* есть первое офиціальное сообщеніе исходящее отъ одного изъ правительствъ участвовавшихъ въ Лондонской конференціи.

Телеграфный Союзъ, въ которомъ принимаетъ участіе и Россія, касается лишь международныхъ сношеній. Какія же существенныя выгоды относительно нашихъ заграничныхъ телеграфныхъ сообщеній даютъ рѣшенія Лондонской конференціи?

Съ 20 марта (1 апрѣля) будущаго года вводится для заграничныхъ телеграммъ, вмѣсто теперешняго двадцатисловнаго, однословный тарифъ. Теперь, какъ бы ни мала была депеша, она оплачивается не меньше какъ за двадцать словъ; прибавка одного-двухъ словъ сверхъ двадцати считается за десять словъ; можно будетъ посылать телеграмму въ четыре слова, платя только за четыре слова. Это представило бы большія удобства для публики еслибы за каждое слово приходилось платить по разчету столько же или немного болѣе того что̀ теперь сто̀итъ слово телеграммы. Чтобы дать знать что „товаръ пришелъ,“ что „N. выѣхалъ,“ вовсе не нужно писать двадцать словъ. Да и для телеграфа однословный тарифъ представилъ бы удобства. Ему подавались бы депеши болѣе обдуманно и сжато написанныя, и онъ былъ бы избавленъ отъ работъ, при скопленіи депешъ, надъ трухой словъ добавляемыхъ только потому что все равно надо же платить за двадцать словъ. Но Лондонская конференція не сочла возможнымъ перейти прямо къ однословному тарифу. Нѣкоторыя государства опасались что при однословномъ тарифѣ телеграфный сборъ ихъ сильно упадетъ. Поэтому, въ видѣ переходной мѣры, придумано взимать, кромѣ платы за каждое слово, дополнительную таксу (taxe additionnel) съ каждой какъ короткой такъ и длинной телеграммы. Эта добавочная такса будетъ „равняться платѣ причитающейся за пять словъ телеграммы“ и пойдетъ въ раздѣлъ между государствами участвующими въ передачѣ депеши „пропорціонально принадлежащихъ „имъ пословныхъ таксъ.“ Наименьшій объемъ депеши можно положить въ четыре слова (два на адресъ, два на содержаніе и подпись); значитъ, самая дешевая депеша за границу будетъ не двадцатисловная, какъ прежде, а девятисловная. Это будетъ удобствомъ для коммерціи, обходящейся часто краткими и условными телеграммами. Но для чего же при этомъ возвышена плата за обширныя депеши имѣющія не меньшее право на удобства какъ и депеши мелкія? Въ прежнее время, тотъ же Телеграфный Международный Союзъ, при двадцатисловномъ тарифѣ, взималъ за 50 словъ лишь двойную плату, за 100 словъ только тройную.

Но переходныя мѣры этимъ не кончаются.

„Лондонская конференція,“ говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, „дала значительный просторъ въ примѣненіи новой „системы тарифа каждымъ управленіемъ „договаривающихся государствъ... Каждое „управленіе въ правѣ измѣнять какъ число словъ принятыхъ для опредѣленія добавочной платы, такъ и размѣръ пословной таксы, съ тѣмъ впрочемъ чтобы плата за пятнадцатисловную телеграмму, какъ „за ожидаемую при новомъ тарифѣ среднюю длину депешнаго текста, соотвѣтствовала нормальнымъ таксамъ.“

Весьма естественно что при такомъ „просторѣ“ въ примѣненіи новой системы управленіями различныхъ государствъ разнообразіе окажется большое, и степень выгодъ для публики будетъ различная. *Правительственный Вѣстникъ* уже сообщаетъ что, „судя по высказаннымъ въ конференціи взглядамъ,“ Англія не будетъ брать добавочной платы, а чтобы возмѣстить ее повыситъ тарифъ на всѣ заграничныя депеши. При этомъ крупныя депеши будутъ платить за мелкія. Слышно еще что въ другихъ государствахъ потребуютъ чтобы въ краткихъ депешахъ (меньше такого-то числа словъ) адресъ состоялъ лишь изъ двухъ словъ; отсюда необходимость ввести на телеграфныхъ станціяхъ книги адресатовъ, за что̀ будетъ взиматься еще новая плата. При такомъ порядкѣ, краткими депешами будутъ пользоваться лишь торговыя фирмы, редакціи газетъ (которымъ краткія депеши мало требуются) и немногія частныя лица, а не масса публики. Условность рѣшеній Лондонской конферен-

ціи допускаетъ впрочемъ много другихъ комбинацій, весьма отдаляющихъ достиженіе ея цѣлей.

Будемъ надѣяться что у насъ будетъ сдѣлано все возможное для облегченія публики. *Правительственный Вѣстникъ* ничего не говоритъ о намѣреніяхъ нашего правительства по этому предмету.

Рѣшенія Лондонской конференціи, въ томъ видѣ какъ они состоялись, особаго значенія не имѣютъ. Гораздо важнѣе для насъ принципы заявленные на ней нашимъ правительствомъ. На конференціи обсуждалось между прочимъ введеніе въ Телеграфный Международный Союзъ однообразной платы за депеши по примѣру Всеобщаго Почтоваго Союза. Предлагалось чтобы напримѣръ депеши изъ Оренбурга и Гавра въ Лондонъ оплачивались одинаковою суммой. Предложеніе Германіи не прошло; оно возбудило безконечныя пренія и счеты интересовъ, и чуть не разстроило самую конференцію. „Къ Россіи, говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, они (делегаты государствъ) „отнеслись какъ къ „государству исключительному по его пространству, по протяженію его сѣти и по „особымъ, не испытываемымъ въ Западной „Европѣ условіямъ устройства и содержанія телеграфовъ. Поставленное внѣ всякихъ стремленій, Русское правительство „могло принять на себя роль примирительную. Удерживая одну сторону отъ увлеченія рѣзкими тарифными преобразованіями, оно убѣждало другую *не искать „отъ телеграфной эксплуатаціи выгодъ „обременительныхъ для публики.*"

Дѣйствительно, телеграфное дѣло въ нѣкоторыхъ странахъ имѣетъ свой особый бюджетъ, отдѣльный отъ общаго государственнаго бюджета Государство почти ничего не даетъ на развитіе телеграфнаго дѣла, и оно должно развиваться изъ собственнымъ источниковъ; мало того, требуется чтобы телеграфъ давалъ доходъ государству, и такимъ образомъ подвергается налогу быстрота сношеній. Нигдѣ, конечно, подобный взглядъ не былъ бы такъ вреденъ какъ въ Россіи. Только телеграфныя проволоки могутъ побороть наши громадныя пространства при необходимой теперь скорости сношеній; телеграфъ еще дѣло новое у насъ; множество городовъ и важныхъ пунктовъ еще не имѣютъ телеграфныхъ станцій; призванныя на помощь желѣзнодорожныя станціи могутъ оказывать лишь весьма неудовлетворительное въ этомъ дѣлѣ подспорье; потребность въ телеграфѣ растетъ быстро, и теперешняя сила сѣти, число проводовъ на главныхъ линіяхъ, не удовлетворяетъ потребности. Весьма естественно что представителей русскаго телеграфа должна была поразить мысль о налогѣ на телеграфныя сношенія.

У насъ еще недавно окончена постройка главной телеграфной сѣти, на которую правительство сдѣлало значительныя затраты, и вотъ доходъ уже нѣсколько лѣтъ сряду покрываетъ всѣ расходы по телеграфу и даетъ даже избытки. Значительную долю ихъ правительство употребляетъ на расширеніе сѣти, и лишь остатокъ, правда, иногда также весьма значительный, поступаетъ въ казну. Такъ чистаго дохода телеграфная сѣть доставила:

Въ 1872	1.044.256	р.
„ 73	983.809	„
„ 74	1.030.701	„
„ 75	832.470	„
„ 76	1.160.649	„
„ 77	1.584.951	„

Изъ этихъ суммъ употреблено на устройство новыхъ телеграфныхъ линій, на подвѣшиваніе дополнительныхъ проводовъ, на переносъ телеграфа съ почтовыхъ трактовъ на желѣзныя дороги и новые тракты, на устройство станцій и городскихъ телеграфовъ:

Въ 1872	902.527	р.
„ 73	448.220	„
„ 74	386.816	„
„ 75	503.997	„
„ 76	615.625	„
„ 77	569.752	„

И затѣмъ въ казну поступило:

Въ 1872	141.729	р.
„ 73	535.589	„
„ 74	643.885	„
„ 75	328.473	„
„ 76	545.024	„
„ 77	1.015 199	„

Въ 1877 телеграфныя сношенія, какъ извѣстно, чрезвычайно усилились, и чистый доходъ отъ телеграфа возросъ до небывалой цифры 1.584.951 руб. Въ 1878 году телеграфный сборъ нѣсколько понизился, но надо полагать что доходъ все-таки былъ не много менѣе милліона. Вообще за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по распространенію сѣти за послѣднія пять лѣтъ въ казнѣ скопилось до $3^1/_2$ милліо-

новъ рублей избытковъ полученныхъ отъ телеграфа. Этотъ избытокъ теперь больше чѣмъ кстати.

Положеніе телеграфнаго дѣла въ Россіи еще далеко отъ введенія однословнаго тарифа во внутреннія сношенія. У насъ еще нѣтъ однообразной тарифной платы даже въ Европейской Россіи, обѣ наши столицы находятся въ различныхъ телеграфныхъ поясахъ, и тарифъ нашъ все еще остается ненормально высокимъ. Ближайшая наша потребность состоитъ въ пониженіи тарифа, и это одинаково требуется какъ въ интересахъ публики, такъ и казны. Вездѣ пониженіе таксы какъ по почтѣ, такъ и по телеграфу сопровождалось скорымъ усиленіемъ дохода. Но возможно ли приступить къ пониженію тарифа когда проводы едва могутъ справиться съ поступающимъ на нихъ количествомъ депешъ? На большихъ телеграфныхъ станціяхъ, на бойкихъ проводахъ, телеграфисты и телеграфистки работаютъ нерѣдко много лишнихъ часовъ сверхъ назначеннаго дежурнаго времени, выбиваются изъ силъ и нерѣдко падаютъ въ обморокъ отъ изнеможенія. Можно судить какъ страдаетъ отъ этого быстрота, а иногда и точность передачи депешъ.

Телеграфное вѣдомство, повидимому, признаетъ необходимость немедленныхъ мѣръ къ расширенію и усиленію нашей сѣти. Очень жаль что представленіе его о проведеніи новыхъ проводовъ между Москвой и Петербургомъ не было утверждено своевременно, и что только теперь поставили столбы по другой сторонѣ Николаевской дороги; дѣйствующіе проводы идутъ по желѣзнодорожнымъ столбамъ уже обремененнымъ проволоками и желѣзной дороги, и казны. Телеграфное вѣдомство, какъ слышно, принимаетъ мѣры къ введенію у насъ улучшенныхъ аппаратовъ, и въ будущемъ году будутъ уже сдѣланы опыты со снарядомъ Витстона, обѣщающимъ большое ускореніе въ передачѣ депешъ. Вообще на распространеніе сѣти, по свѣдѣніямъ петербургскихъ газетъ, Телеграфный Департаментъ испрашиваетъ на 1880 годъ 1.200.000 рублей (въ томъ числѣ 200.000 на подводный кабель отъ Баку до Чекишляра), причемъ въ телеграфной смѣтѣ оказывается небольшой дефицитъ, около 350.000 руб. Доходовъ на 1880 годъ исчислено 6.563.825 руб. расходовъ 6.907.066 руб.

Безъ сомнѣнія, казна отпуститъ средства необходимыя для дальнѣйшаго развитія телеграфной системы. Экономія бываетъ и вредная, а тутъ она навѣрное такова. Не говоря о томъ что бюджетное исчисленіе доходовъ по телеграфу у насъ всегда ниже дѣйствительнаго поступленія, можно ли оставлять телеграфное дѣло въ теперешнемъ положеніи, когда теряются уже существенныя гарантіи быстрой и вѣрной передачи депешъ? Три милліона остатковъ отъ телеграфа, и въ томъ числѣ 2 милліона за военные годы, теперь приходятся очень кстати, и принципъ заявленный нашимъ правительствомъ на Лондонской конференіи ручается въ томъ что телеграфное дѣло пойдетъ у насъ не назадъ, а какъ всегда впередъ.

№ 235.

Москва, 15-го сентября.

Въ теченіе трехъ дней которые князь Бисмаркъ провелъ въ Вѣнѣ, онъ обнаруживалъ большую дѣятельность; по крайней мѣрѣ, телеграфъ ежедневно до малѣйшихъ подробностей извѣщалъ въ которомъ часу и во сколько минутъ онъ принималъ или отдавалъ визиты, и по скольку времени при этомъ бесѣдовалъ съ высокими и важными лицами, начиная отъ императора Франца-Іосифа до французскаго посла въ Вѣнѣ, у котораго князь Бисмаркъ пробылъ два часа, объясняя что союзъ Германіи съ Австріей отнюдь де не направленъ противъ Франціи, съ которою Германія желаетъ де сохранить самыя лучшія отношенія. Любопытно что оказалось недостаточнымъ переговорить съ венгерскимъ министромъ-президентомъ г. Тисой; найдено нужнымъ чтобъ и другіе венгерскіе министры, гг. Сапарь, Селль и Сенде, также пріѣхали въ Вѣну. Остались ли всѣ стороны одинаково довольны переговорами,—этого разумѣется пояснять не станутъ, и шумныя разглагольствія офиціозной печати назначались конечно не на то чтобы раскрывать публикѣ сущность дѣла. Тѣмъ не менѣе, теперь когда князь Бисмаркъ, послѣ безпримѣрныхъ овацій въ Австрійской столицѣ, возвратился уже въ Берлинъ, можно сказать что намѣренно-демонстративный характеръ приданный его поѣздкѣ произвелъ свой эффектъ. Въ те-

ченіе цѣлой недѣли всеобщее вниманіе было приковано къ его пребыванію въ Вѣнѣ, и онъ самъ, чрезъ подручные ему органы, возбуждалъ и направлялъ толки которыхъ онъ былъ предметомъ. Телеграфъ разносилъ то что̀ было ему нужно для произведенія эффекта. Разсылая цѣлыя статьи офиціозныхъ органовъ Берлина и Вѣны, агентство Вольфа весьма кратко и глухо извѣщало о впечатлѣніи въ другихъ политическихъ центрахъ, и ограничивалось передачей замѣчанія *République Française* что Франціи подобаетъ соблюдать внимательную сдержанность, и столь же краткимъ сообщеніемъ что газета *Times* видитъ въ фактѣ посѣщенія княземъ Бисмаркомъ Вѣны обезпеченіе мира. Только изъ полученныхъ газетъ мы полнѣе узнаемъ первое впечатлѣніе произведенное событіемъ на англійскую печать, которое для насъ тѣмъ интереснѣе что демонстрація была явно направлена въ смыслѣ нѣкоего предостереженія по адресу Россіи.

Демонстрація противъ Россіи не могла не понравиться англійской печати, и она *con amore* вошла въ виды германской политики разъясняемые берлинскими офиціозами. Еще наканунѣ пріѣзда князя Бисмарка въ Вѣну, *Daily Telegraph* разъяснялъ что Германія уже не нуждается въ „покровительствѣ Россіи,“ и что сближеніе ея съ Австріей есть вѣсть продолжительнаго мира, а на другой день эту же тему стали развивать и другіе органы. *Standard* полагаетъ что соображенія будущаго привели князя Бисмарка къ убѣжденію что продолженіе интимныхъ отношеній давно существовавшихъ между Германіей и Россіей можетъ оказаться затруднительнымъ для германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. „Другія времена другая дружба,“ замѣчаетъ торійскій органъ, и выводитъ заключеніе что князь Бисмаркъ не прочь заявить Европѣ что теперь общіе интересы и „общая опасность“ все тѣснѣе сближаютъ бывшихъ соперниковъ 1866 года. *Times* также понимаетъ что если князь Бисмаркъ желалъ усилить значеніе „весьма необычной вѣжливости“ оказанной имъ графу Андраши, то отсюда слѣдуетъ заключить что онъ былъ равнодушенъ ко впечатлѣнію какое это могло произвести въ Россіи. Органъ Лондонскаго Города поясняетъ и взаимные интересы опасности якобы сближающіе теперь Германію съ Австріей: „Панславизмъ и претензіи *Italia Irredenta* могли бы сильно поколебать Габсбургскую имперію еслибы Германія оставалась пассивною. Но Нѣмцы смотрятъ на Австрію какъ на піонера германской цивилизаціи, держащаго передовую стражу на окраинахъ варварства и охраняющаго претензію тевтонскаго честолюбія на наслѣдіе Турокъ.“ Лондонская газета не берется судить насколько князь Бисмаркъ, „самый положительный изъ дипломатовъ,“ раздѣляетъ эти взгляды, но для нея достаточно что онъ нашелъ благоразумнымъ подкрѣпить Австрію, „даже цѣной охлажденія Россіи.“

Все это мы могли ожидать встрѣтить въ англійскихъ газетахъ. Но не странно ли что въ одно время съ этими разсужденіями онѣ не вѣрили чтобъ упомянутое сближеніе и всѣ эти демонстраціи означали заключеніе какого-либо опредѣленнаго союза между обѣими державами. *Standard* убѣжденъ что „оборонительный и наступательный союзъ, въ старомъ значеніи этихъ словъ, едва ли будетъ заключенъ между Германіей и Австріей,“ а по мнѣнію *Times*, такой союзъ не только невѣроятенъ, но и не нуженъ, ибо Австрія и безъ того „дѣйствовала заодно съ Германіей во все время послѣдняго развитія Восточнаго вопроса, и австрійскія войска никогда не посмѣли бы занять Боснію еслибы германская политика не обѣщала нѣчто поболѣе доброжелательнаго нейтралитета.“ Докучную мысль о неизвѣстномъ и сомнительномъ будущемъ *Daily Telegraph* отгонялъ такими разсужденіями: „Можно бы думать что князь Бисмаркъ захочетъ округлить созданную имъ имперію присоединеніемъ Вѣны и восьми милліоновъ Нѣмцевъ вокругъ нея; но этимъ онъ конечно вызвалъ бы продолжительную войну, имѣя во флангѣ Францію, и даже при успѣхѣ отрѣзалъ бы германское племя отъ связи съ юго-востокомъ Европы, которая держится чрезъ союзъ съ Австріей. Не лучше ли практически *присоединить* (*to annex*) всю Австрію посредствомъ искусной дипломатіи чѣмъ отрывать у нея нѣмецкую фракцію ожесточенною и опасною войной?“ Что̀ лучше? Это германскій канцлеръ знаетъ и безъ совѣтовъ англійскихъ публицистовъ. Во всякомъ случаѣ, любопытно отмѣтить какого рода соображенія вызваны демонстративною поѣздкой князя Бисмарка даже тамъ гдѣ его пан-

славистскій походъ могъ бы возбудить только безусловную радость. На „опредѣленный союзъ“ Германіи съ Австріей едва ли бы взглянули благопріятно въ Лондонѣ; онъ означалъ бы новые планы на Турцію, и только успокоивая себя англійскія газеты убѣждаютъ всѣхъ что сближеніе обѣихъ имперій ничего болѣе не означаетъ какъ „обезпеченіе“ мира.

Эти всеобщія увѣренія „мирнаго“ значенія поѣздки князя Бисмарка и сами по себѣ очень характеристичны. Всякая необходимость такихъ увѣреній развѣ не означаетъ нѣкоторой тревоги? Мы знаемъ что тревожныя ожиданія дѣйствительно были. Парижскій корреспондентъ *Daily News*, за два дня до поѣздки князя Бисмарка, извѣщалъ что въ Парижѣ торжество Бисмарковой политики въ Вѣнѣ было неожиданностью, такъ какъ французскій посолъ въ Вѣнѣ г. Тейсеранъ де-Боръ постоянно доносилъ что Австрія не вступитъ въ союзъ съ Германіей, а графъ Бейстъ подтверждалъ эти оптимистическія депеши Послѣдній даже самъ былъ де до такой степени удивленъ что готовъ былъ бы выйти въ отставку еслибъ изъ поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну возникло положеніе угрожающее для Франціи. На другой день, впрочемъ, корреспондентъ присовокупилъ что биржа успокоилась истолкованіемъ что союзъ Австріи съ Германіей „прямо враждебенъ“ только Россіи и есть „не болѣе какъ простая предосторожность противъ крайне проблематическаго союза Россіи съ Франціей, о которомъ въ самой Франціи рѣшительно никто и не помышляетъ.“ Но помимо этого указанія и принимая во вниманіе что французская печать болѣе чѣмъ когда-либо осторожна во всемъ что касается Германіи, не лишенъ значенія фактъ что въ бытность германскаго канцлера въ Вѣнѣ французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Леперъ, при посѣщеніи укрѣпленій Монбельяра, нашелъ своевременнымъ сказать слѣдующія слова: „Мы желаемъ мира, и ничего болѣе, но если кто пожелаетъ другаго, мы готовы.“ И эти слова, тотчасъ разнесенныя повсюду телеграфомъ, какъ говорятъ, были поводомъ посѣщенія княземъ Бисмаркомъ французскаго посла въ Вѣнѣ и продолжительной съ нимъ бесѣды. Послѣ того, Агентствомъ Гаваса заявлено что слова г. Лепера были де переданы не точно, и что министръ хотѣлъ де только поставить на видъ мирную и сдержанную политику своего правительства. Какъ бы то ни было, эпизодъ этотъ хорошо характеризуетъ мирныя увѣренія касательно значенія поѣздки князя Бисмарка.

Изо всего этого можно заключить что для успокоенія возбужденныхъ толковъ всего вѣрнѣе могло бы подѣйствовать подозрѣніе что цѣль поѣздки не увѣнчалась успѣхомъ. Нѣкоторыя извѣстія и намекаютъ на это. Интересенъ въ этомъ отношеніи отзывъ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, которая такъ громко предвозвѣстила намъ о поѣздкѣ князя Бисмарка. Она вдругъ понизила тонъ, и не заикаясь болѣе о панславизмѣ, объясняетъ проще цѣль поѣздки чрезвычайною важностью для князя Бисмарка удостовѣриться „о причинахъ и послѣдствіяхъ выхода въ отставку графа Андраши,“ и освѣдомиться о взглядѣ „рѣшающей инстанціи въ Австро-Венгріи.“ Обмѣнъ мнѣній доставилъ де полное удовольствіе обѣимъ сторонамъ и далъ новое ручательство ихъ мирной политикѣ и благопріятному соглашенію ихъ экономическихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ, къ чему же былъ этотъ грозный окрикъ на панславизмъ, съ напоминаніемъ о *честномъ* исполненіи Берлинскаго трактата, и почему для столь простой цѣли какъ „благопріятное соглашеніе экономическихъ интересовъ“ князь Бисмаркъ не могъ довольствоваться письменными сообщеніями? Должны ли мы понимать это пониженіе тона какъ неудачу князя Бисмарка вовлечь въ свои планы венгерскихъ министровъ, не желающихъ чтобъ Австрія шла далѣе насчетъ Турціи, или же, напротивъ, этимъ кроткимъ тономъ хотятъ прикрыть достигнутое соглашеніе котораго значеніе обнаружится въ свое время?

№ 237.

Москва, 17-го сентября.

Берлинская печать весьма пристально слѣдитъ за работами желѣзнодорожной коммиссіи засѣдающей въ Петербургѣ для пересмотра дѣйствующихъ нынѣ тарифовъ прямаго русско-германскаго сообщенія. Извѣстно что Германское правительство съ княземъ Бисмаркомъ во главѣ расходится во взглядахъ и на этотъ предметъ съ тѣми партіями которыя воспротивились

недавней таможенной реформѣ. Князь Бисмаркъ, стремящійся къ огражденію не только отечественнаго фабричнаго производства, но и земледѣлія, находитъ что сельское хозяйство въ Германіи не имѣетъ возможности конкуррировать съ привозимымъ туда русскимъ сырьемъ, и потому счелъ нужнымъ обложить таможенною пошлиной хлѣбное зерно, лѣсъ и скотъ идущіе изъ Россіи. Противники таможенной реформы, кромѣ принципіальныхъ возраженій, выставляли главнымъ образомъ тотъ доводъ что сырье изъ Россіи идетъ въ Германію не столько на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей сколько транзитомъ для вывоза изъ балтійскихъ портовъ Германіи въ прочія европейскія страны; что этой отпускной торговлѣ русскими продуктами обязаны своимъ процвѣтаніемъ всѣ приморскіе города Восточной Пруссіи, и что тарифъ можетъ нанести смертельный ударъ торговому процвѣтанію Кенигсберга, Данцига, Мемеля и Штеттина, издавна привлекшихъ къ себѣ почти всю сѣверо-западную отпускную торговлю Россіи. Князь Бисмаркъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ въ имперскомъ парламентѣ проводилъ, какъ извѣстно, ту мысль что прусскимъ портамъ нечего опасаться подобныхъ послѣдствій отъ новаго тарифа, ибо, по его мнѣнію, русская отпускная торговля закрѣплена за прусскими портами столь многочисленными и прочными узами что ея не уклонитъ отъ установившагося и привычнаго пути даже значительное возвышеніе издержекъ провоза сравнительно съ болѣе дешевымъ путемъ къ русскимъ балтійскимъ портамъ. Однако, при окончательномъ установленіи тарифа на сырье, были приняты во вниманіе опасенія за судьбу прусскихъ портовъ, и прусской транзитной торговлѣ предоставлены всевозможныя льготы. Продукты идущіе въ Германію не для мѣстнаго потребленія, а для дальнѣйшей отправки, не подлежатъ таможенной пошлинѣ, и даже удержана возможность продолжать другую отрасль коммерціи, съ успѣхомъ практиковавшуюся въ сѣверо-восточной Германіи: сдабриваніе тамошняго плохаго зерна посредствомъ смѣшенія съ русскимъ для сбыта за границу. Словомъ, непримиримый, повидимому, антагонизмъ между протекціонною системой возвѣщенною княземъ Бисмаркомъ и его противниками изъ націоналъ-либераловъ былъ устраненъ когда пришлось разрѣшить вопросъ о дальнѣйшей эксплуатаціи русской отпускной торговли прусскими портами.

Но князь Бисмаркъ не считаетъ еще своего дѣла оконченнымъ. Для полнаго успѣха своей реформы онъ признаетъ необходимымъ предоставить государству бóльшую власть надъ желѣзными дорогами въ дѣлѣ провозныхъ тарифовъ, имѣя въ особенности въ виду дифференціальные тарифы, то-есть разнообразныя скидки съ платы за провозъ сообразно съ разстояніемъ, при существованіи которыхъ легко можетъ быть парализована цѣль имѣвшаяся главнымъ образомъ въ виду при установленіи таможеннаго тарифа, а именно высшее обложеніе идущихъ изъ-за границы продуктовъ дабы затруднить имъ конкурренцію съ отечественнымъ производствомъ. Но и тутъ, какъ при вопросѣ о тарифѣ, явилась коллизія между общею цѣлью тарифа и тѣмъ особеннымъ положеніемъ въ коемъ находятся прусскіе приморскіе порты относительно русской отпускной торговли. Подобно тому какъ германскій таможенный тарифъ, обременяя идущіе за границу чрезъ Германію русскіе продукты, отклонилъ бы послѣдніе отъ прусскихъ къ русскимъ портамъ, провозъ къ которымъ избавилъ бы ихъ отъ излишняго обложенія, точно также и измѣненіе желѣзнодорожнаго тарифа можетъ имѣть то же дѣйствіе, если германскія дороги ведущія къ прусскимъ портамъ не станутъ привлекать русскіе грузы разными льготами дифференціальнаго тарифа, вслѣдствіе коихъ провозъ изъ внутреннихъ губерній Россіи былъ бы все-таки выгоднѣе къ Кенигсбергу и Данцигу нежели къ Либавѣ и Ригѣ.

По этимъ-то соображеніямъ, берлинскія газеты націоналъ-либеральнаго лагеря преимущественно отстаивающія интересы портовъ Восточной Пруссіи чрезвычайно интересуются исходомъ желѣзнодорожной конференціи въ Петербургѣ, и очень бы желали чтобы результатъ ея не оказался невыгоднымъ для прусскихъ портовъ.

Дабы придать бóльшую убѣдительность своей агитаціи въ пользу огражденія интересовъ Кенигсберга, Данцига и Мемеля, сказанныя газеты приводятъ цифры которыя не лишены назидательности и для насъ. Указывается именно что уже теперь наступила значительная перемѣна въ направленіи русской отпускной торговли, перемѣна далеко невыгодная для Пруссіи.

Либава и Ревель становятся все болѣе и болѣе опасными конкуррентами Кенигсберга и Данцига, а этому горю надо де помочь. Любопытно то что берлинскія газеты жалуются на это явленіе въ такомъ тонѣ какъ будто бы рѣчь шла о нарушеніи неотъемлемаго права прусскаго балтійскаго прибрежья служить на вѣчныя времена исходнымъ пунктомъ для русской отпускной торговли. Берлинскіе либералы были бы пожалуй не прочь еслибы князь Бисмаркъ прибѣгнулъ и къ дипломатическимъ представленіямъ, дабы ввести въ „должныя“ границы возрастающую конкурренцію русскихъ балтійскихъ портовъ и заставить Россію вознаградить прусскіе портовые города за убытки.

Убытки эти,—и это также достойно вниманія,—приписываются въ настоящее время главнымъ образомъ паденію курса русскихъ бумажныхъ денегъ. По конвенціи заключенной въ 1875 году между русскими и германскими желѣзными дорогами, былъ установленъ курсъ бумажнаго рубля для взаимныхъ разчетовъ между дорогами въ 270 марокъ. Но въ послѣдующіе затѣмъ годы, годы войны, курсъ бумажнаго рубля упалъ до 200 марокъ. Вслѣдствіе этого, фрахтъ за одинъ вагонъ изъ Орла до Кенигсберга сталъ дороже нежели отъ Орла до Риги, и излишекъ этого фрахта возросъ мало-по-малу отъ 10 до 80 марокъ. Это не замедлило отозваться на общемъ направленіи русской отпускной и провозной торговли. Кенигсбергское купечество, въ своемъ торговомъ отчетѣ за 1878 годъ, указываетъ что количество русскаго зерна вывезеннаго изъ этого порта въ этомъ году было менѣе противъ 1877 года на 221.225 тоннъ, то-есть болѣе чѣмъ на половину. А въ Ревелѣ, согласно тому же отчету, количество вывоза за послѣднія шесть лѣтъ возрасло съ 3 милліоновъ до $17^1/_2$ милліоновъ рублей, а привозъ съ 27 до 44. Въ Либавѣ за то же время вывозъ съ 5 милліоновъ достигъ 13 милліоновъ, а привозъ съ 14 до 22.

Кенигсбергское купечество опасается что это постепенное возрастаніе торговаго значенія Ревеля и Либавы „насчетъ Кенигсберга“ будетъ идти еще быстрѣе „вслѣдствіе русской желѣзнодорожной политики.“

Мы не знаемъ въ чемъ именно кенигсбергское купечество усматриваетъ особенную зловредность русской желѣзнодорожной политики для прусскихъ портовъ. Но позволительно думать что совѣщанія происходящія нынѣ въ Петербургѣ, на которыя повидимому возлагаются особенныя надежды въ Берлинѣ, не поведутъ къ измѣненію новаго порядка вещей, который, не въ обиду будь сказано почтенному кенигсбергскому купечеству, представляется несравненно болѣе естественнымъ и законнымъ нежели закрѣпощеніе русской торговли прусскимъ приморскимъ портамъ.

№ 238.

Москва, 18-го сентября.

Привыкнувъ разглагольствовать что Россія постоянно и неизмѣнно грозитъ опасностью Европѣ, англійскія газеты хотятъ увѣрить себя что германо-австрійскій союзъ есть гарантія всеобщаго мира, такъ какъ ни та, ни другая изъ этихъ державъ „по своей природѣ не наступательна,“ и потому союзъ ихъ лишь направленъ „противъ наступательныхъ стремленій другихъ,“ и разумѣется прежде всего противъ главнаго виновника всѣхъ бѣдъ — неугомоннаго *панславизма*. Но такъ какъ Россія все-таки существуетъ, то даже созерцанія ея безсилія въ Европѣ, вмѣсто успокоенія, даетъ Англичанамъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ. Хорошо де что въ Европѣ на Россію прикрикнулъ князь Бисмаркъ, но какъ быть въ Азіи куда пожалуй, именно вслѣдствіе этого, еще съ бóльшимъ задоромъ направится русское честолюбіе? Такова тема которую, одумавшись, развиваетъ англійская печать, послѣ первыхъ изъявленій радости по поводу вѣнскихъ свиданій.

„Нѣтъ ничего невѣроятнаго,“ разсуждаетъ *Morning Post*, „что когда Россія притиснута постановленіями Берлинскаго трактата, для поддержанія коего князь Бисмаркъ и графъ Андраши подаютъ другъ другу руку, то ея честолюбіе и разочарованіе будутъ искать излить весь свой гнѣвъ на ненавистную Англію... Миръ между обоими государствами можетъ оставаться долгое время не нарушимымъ по наружности; но лучше бы ужь открыто признать существованіе этого страстнаго желанія причинять намъ вредъ.“ Къ тому же заключенію, путемъ логическихъ разсужденій, приходитъ и *Times*. Объясняя что закрѣпленіе союза между Германіей и Ав-

стріей знаменуетъ „новый поворотъ въ европейской политикѣ" и обезпеченіе противъ „наступательной политики Россіи," и озабочиваясь мыслью какія это должно имѣть послѣдствія для русской политики, *Times* признаетъ возможнымъ что, „ощутивъ преграду на Западѣ, Россія тѣмъ съ большимъ вниманіемъ обратится къ преслѣдованію своихъ цѣлей на Востокѣ." Органъ Лондонскаго Города, не желая обнаруживать излишнюю придирчивость, великодушно допускаетъ что „пока собственные интересы Англіи не затронуты, ей нельзя жаловаться если Россія принимаетъ мѣры которыя отъ времени до времени оказываются нужными чтобъ упрочить и обезпечить ея положеніе въ Азіи." Тѣмъ не менѣе, присовокупляетъ газета, „политика Средней Азіи и ея отношеніе къ интересамъ и цѣлямъ двухъ европейскихъ державъ, въ ней заинтересованныхъ, естественно будутъ привлекать къ себѣ тревожное вниманіе государственныхъ людей нашей страны. Австро-германское соглашеніе конечно обезпечиваетъ миръ Европы, но еще посмотримъ какія отъ того произойдутъ послѣдствія для политическаго равновѣсія въ Азіи."

Этотъ новый пароксизмъ безнокойства относительно Средней Азіи вспыхнулъ еще въ началѣ прошедшей недѣли. Первое время послѣ Кабульской катастрофы англійскія газеты остерегались приводить это событіе въ связь съ русскими махинаціями. Но извѣстіе о бунтѣ въ Гератѣ, послѣдовавшемъ за бунтомъ въ Кабулѣ, лишило ихъ всякаго самообладанія и привело въ неописанное раздраженіе, хотя въ Гератѣ не одинъ Англичанинъ не палъ жертвой. Тутъ уже не остается де болѣе никакихъ сомнѣній: полки солдатъ совершившихъ злодѣяніе въ Кабулѣ пришли изъ Герата, гдѣ въ то же самое время происходитъ такой же бунтъ: явно что тутъ происки Россіи. Вообще, такъ какъ дѣла въ Афганистанѣ повернулись для Англичанъ такъ какъ того, по ихъ мнѣнію, могло пожелать Русское правительсво, то неизбѣжнымъ заключеніемъ являлось что совершившіяся событія непремѣнно должны быть дѣломъ русскихъ агентовъ. Полное убѣжденіе въ этомъ высказывается въ *Morning Post*, *Daily Telegraph* и *Pall Mall Gazette*. Отсюда выводится что Англіи предстоитъ двойная обязанность: не только вступить въ Кабулъ, но и принять мѣры „чтобы Гератъ пересталъ быть гнѣздомъ чужеземныхъ происковъ."

Что заключается въ этомъ внезапномъ и безпричинномъ взрывѣ злобы на Россію? Досада ли это на очевидно возрастающія затрудненія предстоящей Англичанамъ новой задачи въ Афганистанѣ? Несомнѣнно что всѣ извѣстія о волненіяхъ въ Гератѣ, съ одной стороны, и въ сѣверномъ Афганистанѣ, съ другой, свидѣтельствуютъ что приготовляемый новый англійскій походъ въ страну будетъ серіознѣе прошлогодней войны, и что кабульское происшествіе не было случайною вспышкой, какъ многимъ хотѣлось изображать его. Оно было прямымъ послѣдствіемъ Гандамакскаго договора. Притомъ о положеніи эмира, заключившаго этотъ договоръ, до сихъ поръ нѣтъ достаточно вѣрныхъ свѣдѣній. Эмиръ продолжаетъ посылать самыя трогательныя письма вице-королю, въ которыхъ увѣряетъ въ своей преданности Англичанамъ и обѣщаетъ примѣрно наказать дерзкихъ бунтовщиковъ. Но самая власть его крайне сомнительна, а между тѣмъ послѣдніе посланцы его, по слухамъ, прибыли просить чтобъ англійскія войска не ходили въ Кабулъ. И это въ то время когда уже черезъ недѣлю-другую долженъ начаться походъ, замедлившійся на цѣлый мѣсяцъ необходимыми приготовленіями; въ то время когда отряды пограничныхъ горныхъ племенъ, будто бы дружественныхъ Англичанамъ, уже начали нападать на ихъ передовые посты. Или, можетъ-быть, раздраженіе противъ Россіи, якобы виновницы новыхъ затрудненій, вызывается затѣмъ чтобы маскировать непредусмотрительность правительства лорда Беконсфильда, ослабить нападки оппозиціи и примирить націю съ новыми жертвами какъ не предвиденными и неизбѣжными? Или же, наконецъ, мы должны понимать этотъ маневръ какъ признакъ какихъ-либо новыхъ домогательствъ съ коими Англія готовится обратиться къ нашему правительству? Во всякомъ случаѣ любопытно отмѣтить связь которую англійская печать вдругъ открыла между средне-азіятскими дѣлами и результатами поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну.

Такъ какъ европейскія дѣла, вслѣдствіе этой поѣздки, въ настоящую минуту болѣе на очереди, то нельзя пройти молчаніемъ что въ одно время съ вѣнскими бесѣдами произошло свиданіе англійскаго и

французскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ, для чего г. Ваддингтонъ ѣздилъ въ Діеппъ, гдѣ лордъ Солсбери пользуется морскими купаньями. Объ этомъ свиданіи также возвѣщено было заранѣе, а равно и о вопросахъ предстоявшаго совѣщанія которые касались Египта и Греціи. Теперь присовокупляютъ что шла рѣчь кстати и о германско-австрійскомъ соглашеніи. Важность бывшихъ переговоровъ доказывается тѣмъ что, по возвращеніи изъ Діеппа, г. Ваддингтонъ тотчасъ же далъ отчетъ въ совѣтѣ кабинета о результатѣ своего свиданія съ британскимъ министромъ. Парижскій корреспондентъ *Daily News* увѣряетъ что по греческому вопросу г. Ваддингтонъ не добился ничего, и лордъ Солсбери остался де при своемъ взглядѣ, выраженномъ въ его депешахъ, то-есть что Англія отнюдь не станетъ поддерживать никакихъ требованій отъ Порты въ этомъ дѣлѣ. Вообще, по словамъ корреспондента, англійскій министръ держалъ себя очень сдержано, и его цѣлью было понудить Францію отказаться отъ ея претензіи „стоять на пути Англіи въ Египтѣ.“ Кромѣ того, онъ былъ подъ впечатлѣніемъ что Франція „компрометтировала“ себя съ Россіей, въ чемъ г. Ваддинтонъ разувѣрялъ его, а лордъ Солсбери, въ свою очередь, успокоивалъ его что онъ не боится чтобы Германія и Австрія напали на Францію „если имъ не дано будетъ къ тому никакого повода.“ Корреспондентъ въ заключеніе присовокупляетъ что бесѣда обоихъ министровъ была продолжительна и подъ конецъ стала пріятною.“

Вотъ закулисные переговоры, которые ведутся у всѣхъ на виду, и услужливый телеграфъ тотчасъ разноситъ вѣсть о нихъ, хотя результаты ихъ будутъ до поры до времени скрыты отъ публики. Неужели можно вѣрить что все это дѣлается для успокоенія Европы?

Въ дополненіе къ тому что̀ мы уже говорили объ отзывахъ англійской печати по поводу поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну считаемъ не лишнимъ присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе въ дошедшемъ до насъ послѣ того нумерѣ *Standard*, отъ 23 (11) сентября: „Объясненіе политики князя Бисмарка въ Восточномъ вопросѣ, которое такъ часто предлагалось и пренебрегалось, установлено теперь безошибочно. Дозволить Россіи напасть на Турцію и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, причинить ей ущербъ, но недозволять чтобъ этотъ ущербъ простерся на Австрію, а тѣмъ менѣе на Германію; дать Русскому правительству полную свободу дѣйствій пока эта свобода означала только свободу жертвовать тысячами солдатъ и милліонами денегъ; ждать конца кампаніи, и затѣмъ принять предосторожности, черезъ посредство Англіи и Австріи, чтобы плоды кампаніи не дали солидной выгоды Россіи: таковы были главныя цѣли какія имѣлъ въ виду князь Бисмаркъ со времени поднятія Восточнаго вопроса до закрытія Берлинскаго конгресса.“

Приглашаемъ читателей сравнить эти сроки съ тѣмъ что̀ въ тотъ же самый день было высказано нами.

№ 239.

Москва, 19-го сентября.

Нынѣшній день (1 октября н. с.) будетъ навсегда памятенъ для Германской имперіи. Отнынѣ вступаютъ въ силу и вводятся повсемѣстно въ ней новые судебные законы, выработанные и утвержденные три года тому назадъ. Судебное объединеніе Германіи предусмотрено имперскою конституціей, равно какъ и введеніе общаго кодекса уголовнаго и гражданскаго права. Уголовный кодексъ введенъ одновременно съ созданіемъ имперіи въ томъ видѣ какъ успѣли выработать его еще въ эпоху Сѣверо-Германскаго Союза. Со введеніемъ теперь однообразнаго процесса, для полнаго юридическаго единства не достаетъ только гражданскаго кодекса (за исключеніемъ торговаго и вексельнаго уставовъ, которые также давно существуютъ). Но и этотъ кодексъ представляющій наибольшую трудность какъ первый опытъ кодификаціи чрезвычайно разнообразнаго матеріальнаго гражданскаго права, основаннаго на мѣстныхъ обычаяхъ, Римскомъ правѣ и положительныхъ законахъ за многіе вѣка, не далекъ отъ своего осуществленія: надъ разработкой его дѣятельно трудится коммиссія изъ лучшихъ юристовъ Германіи, и ожидаютъ что года черезъ три проектъ кодекса будетъ готовъ.

Какъ ни различны политическіе взгляды германскихъ партій на значеніе и объемъ имперской власти, какъ еще ни силенъ партикуляризмъ въ большинствѣ государствъ

(кромѣ Пруссіи) входящихъ въ составъ имперіи, намъ не случалось до сихъ поръ встрѣтить въ германской печати какіе-либо протесты противъ юридическаго объединенія. Всѣ признаютъ тамъ что однообразные законы о наказаніяхъ за преступленія и объ имущественныхъ правахъ, равно какъ однообразный судъ для примѣненія этихъ законовъ, есть благо для населенія и успѣхъ на пути развитія гражданственности. Этотъ вопросъ поставленъ внѣ предѣловъ политическихъ пререканій и споровъ о большемъ или меньшемъ объединеніи отдѣльныхъ государствъ въ имперіи. Такъ смотрятъ на дѣло въ Германіи, которая все-таки есть болѣе федеративное государство нежели цѣльный государственный организмъ и гдѣ партикуляризмъ и стремленіе отдѣльныхъ странъ къ сохраненію своихъ особенностей освящены исторіей и въ извѣстной мѣрѣ признаны теперешнимъ устройствомъ.

Невольно припоминается при этомъ какъ странно отнесся къ подобному вопросу съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1874 году. Былъ поднятъ вопросъ о необходимости коренной переработки первой части X тома нашего Свода Законовъ (составляющаго нашъ гражданскій кодексъ) и устраненія потерявшихъ мысль особенностей, въ родѣ обломковъ Литовскаго Статута включенныхъ въ X т. лишь въ видѣ частныхъ законовъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Нашлись юристы которые на этомъ съѣздѣ старались провести смыслъ что отдѣльныя мѣстности въ Россіи имѣютъ право на сохраніе этихъ особенностей, и что отмѣна ихъ и изданіе общихъ и однообразныхъ гражданскихъ законовъ для всей Имперіи были бы „насиліемъ надъ историческими особенностями пользующихся оными мѣстностей.“ Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ постановленіе большинства съѣзда, состоявшееся въ смыслѣ указанной идеи, съ особеннымъ жаромъ поддержанной однимъ рѣчистымъ ораторомъ, повліяло на наши законодательныя сферы. Но дѣло въ томъ что первая часть X тома до сихъ поръ остается не пересмотрѣнною, и ничего не слышно о разработкѣ новаго гражданскаго уложенія, о чемъ уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ (при изданіи новыхъ судебныхъ уставовъ) было такъ много толковъ.

Германскіе судебные уставы, вступающіе въ силу съ настоящаго дня, заслуживаютъ внимательнаго изученія. Со временъ знаменитыхъ Кодексовъ Наполеона, разомъ пересоздавшихъ весь юридическій бытъ и строй Франціи и послужившихъ первоообразомъ для реформъ во всѣхъ континентальныхъ государствахъ Европы, германскіе судебные уставы представляютъ первый опытъ совершенно новой и самостоятельной законодательной работы. Все что̀ наука права теоретически выработала новаго въ текущее столѣтіе, весь огромный запасъ практическихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ французской системы, собранный съ особеннымъ тщаніемъ,—все это послужило матеріаломъ при работѣ нѣмецкихъ юристовъ. Нѣмецкіе судебные уставы во многомъ отступили отъ французскаго первообраза, хотя основные принципы —устность, гласность и состязательность процесса — сохранены и въ Германіи во всей неприкосновенности. Главное преимущество ихъ заключается въ устраненіи излишняго формализма и значительныхъ упрощеніяхъ производства, дающихъ большій просторъ какъ судьямъ, такъ и сторонамъ при судопроизводствѣ.

Не вдаемся въ подробности и не будемъ разбирать всѣ особенности новаго германскаго судебнаго порядка. Но мы имѣемъ въ виду въ послѣдствіи представить нашимъ читателямъ общій очеркъ нѣмецкаго судоустройства и судопроизводства, обращая преимущественно вниманіе на тѣ особенности коими онъ отличается отъ нашихъ судебныхъ уставовъ.

Для націоналъ-либераловъ, которые главнымъ образомъ трудились надъ этою реформой, примѣшивается къ нынѣшнему торжеству и капля горечи. Дѣло въ томъ что высшій трибуналъ, состовляющій общую для всей Германіи кассаціонную инстанцію и носящій названіе Имперскаго суда (Reichsgericht), будетъ засѣдать не въ столицѣ имперіи, не въ Берлинѣ, а въ Лейпцигѣ. Мѣстопребываніе имперскаго суда было опредѣлено особымъ закономъ, состоявшимся лишь въ прошедшемъ году. Въ это время націоналъ-либералы уже много потеряли изъ своего преобладающаго вліянія въ рейхстагѣ, и хотя по проекту правительства Имперскій судъ имѣлъ быть учрежденъ въ Берлинѣ, большинство рейхстага высказалось за Лейпцигъ. За Лейпцигъ стояло и большинство Союзнаго Совѣта, и имперскій канцлеръ, къ великой досадѣ націоналъ-либераловъ, уступилъ...

Вотъ почему главное торжество нынѣш-

няго дня, открытіе верховнаго Имперскаго суда разыграется не въ Берлинѣ, а въ Лейпцигѣ.

№ 240.

Москва, 20-го сентября.

Въ берлинской *Національной Газетѣ*, которая никогда не была проводникомъ русскихъ взглядовъ и интересовъ, вдругъ появилась корреспонденція изъ Петербурга, полученная притомъ, какъ гласитъ предпосланная ей замѣтка самой газеты, „со стороны особенно авторитетной,“ и заключающая въ себѣ критику послѣднихъ результатовъ „Горчаковской“ (какъ сказано въ газетѣ) политики. На эту статью послѣдовало возраженіе *Сѣверо-Германской Газеты*, которая нашла нужнымъ поправить нѣкоторыя неточности. И этимъ объясненіямъ придана такая важность что агентство Вольфа передавало ихъ почти дословно

Мы имѣемъ теперь предъ глазами полный текстъ этихъ статей. По прочтеніи ихъ невольно подумаешь что петербургская корреспонденція *Національной Газеты* затѣмъ только и понадобилась чтобы подать поводъ къ поправкѣ. Но прежде чѣмъ говорить объ этой поправкѣ, касающейся только одного пункта, интересно взглянуть на самую „критику послѣдствій Горчаковской политики,“ какъ она изображается будто бы съ русской, и притомъ будто бы *офиціозной* стороны, въ письмѣ изъ Петербурга. Въ ней указывается рядъ ошибокъ, начиная съ „событій 1875 года,“ о коихъ глухо упоминается, до заключенія Санъ-Стефанскаго трактата „на свою руку,“ не спрашивая въ этомъ вопросѣ ни у кого совѣта, такъ что и для Германіи этотъ трактатъ былъ совершеннымъ „сюрпризомъ, какъ и для всякаго другаго,“ и кончая послѣднею ошибкой—„публичнымъ выраженіемъ досады по поводу разочарованій.“ Въ сущности же всѣ эти ошибки сводятся де къ тому что не найдя поддержки въ Германіи для своихъ плановъ, русская политика тѣмъ не менѣе продолжала себя тѣшить иллюзіями до послѣдняго времени. Такъ какъ графъ Шуваловъ, во время своей памятной поѣздки въ Петербургъ, не могъ де добиться поддержки Германіи для велико-болгарскаго плана, то пришлось капитулировать, и будто „князь Горчаковъ воскликнулъ что онъ теперь вполнѣ расквитался съ Германіей.“ Но, свидѣтельствуетъ петербургская корреспонденція берлинской газеты, и это еще не образумило русскую политику: поддерживались мечты о возможности „офиціознаго возстановленія офиціально разорваннаго Санъ-Стефанскаго договора,“ и вотъ пришлось де испытать новое униженіе — „съ ропотомъ и неохотой подчиниться приказу Европы, убѣдясь что въ Берлинѣ не станутъ поддерживать и продолженіе русской оккупаціи, хотя бы подъ самою стыдливо-прикрытою формой.“

Такъ изображаются наши ошибки, а теперешнее наше положеніе представляется въ самомъ плачевномъ видѣ, въ особенности въ виду того что отношенія установившіяся въ Гастейнѣ и Вѣнѣ направлены къ тому чтобы „связать Россію“ и лишить ее всякой возможности какимъ-либо образомъ выразить свою досаду. Намекается что мы еще не пожали всѣхъ горькихъ плодовъ нашего легкомыслія и самомнѣнія, и что предстоитъ еще нѣчто худшее. „Наше положеніе,“ пишетъ въ нѣмецкую газету откровенный, да еще *авторитетный* петербургскій критикъ нашихъ ошибокъ, „таково что мы можемъ потерять и тотъ остатокъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ который намъ оставленъ Берлинскимъ трактатомъ.“ Въ дальнѣйшей части письма весьма толково излагается планъ дѣйствій противъ Россіи, на основаніи австро-германскихъ соглашеній. Независимыя княжества Балканскаго полуострова, которыя до сихъ поръ видѣли свою естественную опору въ Россіи, предполагается отвратить отъ нея и приписать къ Австріи, а чтобъ ускорить достиженіе этого результата, угрожается появленіемъ турецкой арміи въ Балканахъ, но это, присовокупляютъ, „понадобится лишь въ случаѣ крайности, и въ этомъ не будетъ надобности если удастся поставить княжества подъ прямое вліяніе Австріи путемъ трактатовъ.“ Послѣ этого, разумѣется, для Россіи не останется болѣе никакого дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, и она будетъ „окончательно и безповоротно оттѣснена оттуда.“ Князя Бисмарка не будетъ де болѣе смущать „угощеніе Французовъ симпатіями князя Горчакова.“ Противъ Франціи ему де нужна помощь Австріи, и для него весь вопросъ въ томъ какія силы послѣдняя могла бы выдвинуть

противъ Россіи, а „при вновь сложившемся положеніи Австрія (то-есть съ Сербіей, Болгаріей, Румыніей подъ своими знаменами) всегда будетъ въ состояніи выставить въ Галиціи такую силу которая лишитъ Россію всякой возможности предпринять что-либо серіозное противъ Германіи.“ Всякая такая попытка со стороны Россіи представляется „безуміемъ,“ въ особенности „въ виду“ *извѣстнаго* внутренняго ея положенія.“ И германскому канцлеру въ резервѣ этого политическаго созвѣздія остается еще Англія, интересы коей совпадаютъ де „со всякимъ стремленіемъ направленнымъ къ тому чтобы привести Россію въ изолированное положеніе.“

Таково, стало-быть, положеніе въ которое привела Россію ея политика въ послѣдніе четыре года. Интересно что все это изложено въ видѣ корреспонденціи изъ Петербурга. Такая форма могла понадобиться развѣ для замѣчанія что „не всѣ въ Петербургѣ одобряли этотъ образъ дѣйствій, и были высокопоставленные политики которые предсказывали дурныя послѣдствія,“ и затѣмъ чтобы въ концѣ письма прибавить: „Такова перспектива открывающаяся предъ нами по окончаніи доблестной войны, послѣ того какъ подъ дуновеніемъ рѣзкаго реалистическаго вѣтра, повѣявшаго изъ Берлина, разсѣялся туманъ всевозможныхъ иллюзій.“

Что касается замѣтки на эту статью, помѣщенной въ Бисмарковской *Сѣверо-Германской Газетѣ* и почти дословно переданной намъ телеграфомъ, то она, если можно, выставляетъ еще въ худшемъ видѣ непредусмотрительность русской политики. Замѣтка эта не опровергаетъ указаній на сложившееся нынѣ положеніе, а ограничивается поправкой только одного факта. По словамъ статьи въ *Національной Газетѣ*, Россія послѣ побѣдоносной войны понесла неудачу, не найдя въ Германіи поддержки своимъ планамъ. Официозная же газета объявляетъ, ссылаясь на „подлинные акты,“ что Россія *не искала* такой поддержки. Она вела де переговоры съ одною Англіей, которые и привели къ ограниченію Болгаріи Балканами. „Россія,“ утверждаетъ *Сѣверо-Германская Газета*, „никогда не домогалась поддержки Германіи въ пользу великой Болгаріи, а еслибъ она этого искала, то Германія едва ли бы въ своихъ интересахъ этому воспротивилась.“ Конечно, прибавляетъ она, Германія не стала бы воевать для поддержки Россіи, но у нея не просили и мирной дипломатической поддержки. Замѣчаніе излишнее, такъ какъ всякій понимаетъ что ни о какой войнѣ не могло быть рѣчи когда бы установилось полное согласіе между Германіей и Россіей.

Нельзя сказать чтобы въ Россіи вовсе не раздавалось голоса напоминавшаго о необходимости свести счеты съ Германіей, коль скоро Россія дала увлечь себя Восточнымъ вопросомъ, неожиданно для нея возбужденнымъ. *Московскія Вѣдомости*, съ самаго начала Герцеговинскихъ смутъ, постоянно совѣтовали либо потушить начинавшійся пожаръ, при нашихъ тогдашнихъ добрыхъ отношеніяхъ къ Портѣ, не обращаясь къ Европѣ, либо столковаться съ Германіей. Это было постояннымъ нашимъ *ceterum censeo*, съ того самаго момента когда волненія начавшіяся въ Герцеговинѣ стали угрожать возбужденіемъ этого роковаго вопроса. Предъ войной наша дипломатія отказывалась отъ всѣхъ своихъ требованій, а войны все-таки не могла отвратить. Войну намъ пришлось вести съ опаской, оглядываясь по сторонамъ, а когда цѣной великихъ жертвъ мы достигли блестящихъ результатовъ, явилась надобность идти на конгрессъ, и на немъ отдать одинъ за другимъ плоды нашихъ побѣдъ. Берлинскій официозный органъ намекаетъ что могло бы быть иначе еслибы русская политика сговорилась съ Германіей вмѣсто того чтобы торговаться со своими врагами, но что̀ помѣшало этому, въ чемъ было препятствіе отвращавшее нашу политику отъ такого соглашенія, газета осторожно умалчиваетъ. Не пускаясь въ ненужныя догадки, легко понять что у Германіи есть свои интересы, относительно коихъ она пожелала бы быть вполнѣ обезпеченною еслибы мы хотѣли получить ея поддержку для взаимнаго обезпеченія нашихъ восточныхъ интересовъ. Подобное соглашеніе въ извѣстной мѣрѣ связало бы въ нѣкоторыхъ пунктамъ свободу нашихъ дѣйствій, но вопросъ былъ въ томъ бо́льшую ли важность имѣла для насъ свобода дѣйствій для сентиментальныхъ сочувствій чужимъ интересамъ чѣмъ болѣе близкіе къ намъ и жизненные для Россіи историческіе ея интересы на Востокѣ. По тѣмъ ли по другимъ ли причинамъ, однако, мы сохранили полную свободу дѣйствій. Она наше

единственное утѣшеніе, единственная выгода какую мы выносимъ изъ нашихъ неудачъ. Мы могли бы обезпечить наши интересы на Босфорѣ, могли бы отстоять Санъ-Стефанскій договоръ и обойтись безъ конгресса, могли бы продлить по крайней мѣрѣ оккупацію, но мы отъ всего этого отказались, за то мы не связаны никакимъ уговоромъ.

Упрекъ Бисмарковой газеты что мы не искали своевременно поддержки Германіи заключаетъ въ себѣ намекъ на то что есть еще и теперь возможность для Россіи выйти изъ положенія изолированнаго. Наша свобода дѣйствій смущаетъ князя Бисмарка. Мы купили ее дорогою цѣной, теперь намъ предлагаютъ продать ее за безцѣнокъ...

№ 241.

Москва, 21-го сентября.

А.

Разоблаченія такъ и сыплются. Дипломатія рѣшительно перешла въ газеты. *Пештскій Ллойдъ*, офиціозная венгерская газета, въ свою очередь поясняетъ ходъ событій. *Сѣверо-Германская Газета* ставила въ упрекъ русской дипломатіи что та, въ вопросахъ столь важныхъ для Россіи, не умѣла или не хотѣла вступить въ какія-либо полезныя для себя соглашенія съ Германіей. Въ Берлинѣ, говоритъ она, до Берлинскаго конгресса съ русской стороны было ведено мало переговоровъ, въ Вѣнѣ недостаточно, и переговоры были ведены только въ Лондонѣ. *Пештскій Ллойдъ* подтверждаетъ это. Венгерская газета тоже свидѣтельствуетъ что русская дипломатія почти вовсе обѣгала Берлинъ, но переговаривалась съ Вѣной, хотя и недостаточно. По заключеніи Санъ-Стефанскаго трактата русская дипломатія, минуя Берлинъ, вела де нѣкоторые переговоры съ Вѣнскимъ кабинетомъ касательно главныхъ постановленій этого трактата. Чему же однако удивляться что русская дипломатія не переговаривалась тогда съ Берлиномъ, а находила не лишнимъ обратиться къ Вѣнскому кабинету? Не самъ ли руководитель германской политики энергически заявлялъ что Германія никакого прямаго отношенія къ восточнымъ дѣламъ не имѣетъ и заранѣе согласна на все въ чемъ согласятся между собою Австрія съ Россіей? Русская дипломатія слѣдовала такимъ образомъ прямому указанію князя Бисмарка, хотя быть-можетъ онъ желалъ въ этомъ случаѣ иного... Но и съ Вѣнскимъ кабинетомъ русской дипломатіи не приходилось много толковать. Графъ Андраши круто поставилъ такія условія что лучше было не пускаться въ дальнѣйшіе съ нимъ переговоры. Ожидалось что послѣ Вѣнской неудачи русская дипломатія обратится къ германскому канцлеру и найдетъ способъ заинтересовать его дѣлами въ которыхъ онъ для Германіи не находилъ никакого интереса; вмѣсто того, она обратилась къ Лондонскому кабинету... Затѣмъ послѣдовалъ Берлинскій конгрессъ на основаніи соглашенія состоявшагося между Россіей и Англіей.

Однако все это уже прошлое; гораздо интереснѣе вопросъ, въ какой мѣрѣ были искренни германскіе и австрійскіе офиціозные органы, громогласно возвѣщавшіе о тѣсномъ соглашеніи между Австріей и Германіей относительно будущаго. Не много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ насъ обильно осыпали увѣреніями чуть не въ союзѣ заключенномъ между Австріей и Германіей, какъ уже показываются признаки свидѣтельствующіе что не все обстоитъ благополучно именно тамъ откуда такъ громко неслись восторженные клики германо-австрійской дружбы, долженствовавшіе озадачить и испугать насъ.

Въ этомъ отношеніи не лишены интереса полупризнанія и замаскированныя опасенія *Пештскаго Ллойда*. На дняхъ эта газета завела рѣчь о преемникѣ графа Андраши, баронѣ Гаймерле, увѣряя что онъ отнюдь не будетъ „маріонеткой“ въ рукахъ прежняго министра или „исполнительнымъ чиновникомъ заботящимся лишь о точности исходящихъ бумагъ.“ Этотъ подходъ былъ нуженъ для того чтобы высказать опасенія по двумъ направленіямъ. Припомнимъ что *Сѣверо-Германская Газета* первоначально объясняла цѣль поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну необходимостью увѣриться что преемникъ графа Андраши и въ особенности „рѣшающая инстанція Австріи“ будутъ попрежнему слѣдовать политикѣ благопріятной Германіи. Какъ слышно, такимъ же образомъ пояснялъ князь Бисмаркъ цѣль своей поѣздки въ Вѣну и русскому послу графу Убри, увѣряя его что тамъ ничего такого не условлено что могло бы встревожить

Россію. Изъ этихъ осторожныхъ намековъ *Пештскій Ллойдъ* заключаетъ что князю Бисмарку не остались неизвѣстными стремленія вліятельныхъ сферъ въ Вѣнѣ которыя стоятъ за сближеніе съ Франціей, съ тѣмъ чтобы на мѣсто прежняго союза Трехъ Императоровъ состоялся союзъ Австріи съ Россіей и Франціей. Замѣчено что вліятельное лицо которому приписываютъ наибольшія старанія въ этомъ смыслѣ (эрцгерцогъ Альбрехтъ) отсутствовало изъ Вѣны во время пребыванія тамъ Бисмарка, что̀ де глубоко огорчило послѣдняго. *Пештскій Ллойдъ* задается вопросомъ: въ состояніи ли будетъ баронъ Гаймерле также успѣшно противиться этому могущественному вліянію.

Но у венгерскаго органа имѣется еще и другая забота. Онъ боится что новый австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ увлечется желаніемъ превзойти своего предшественника и поведетъ свою „геніальную“ политику въ восточномъ направленіи. *Пештскій Ллойдъ* напоминаетъ слова Андраши: „наше дѣйствіе на Востокѣ окончено,“ и умоляетъ пощадить Австрію отъ новыхъ экспериментовъ въ этомъ направленіи.

Подобные намеки столь вліятельнаго органа какъ *Пештскій Ллойдъ* произвели сильное впечатлѣніе въ Вѣнѣ и отозвались прежде всего переполохомъ на биржѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно ли пробудиться отъ мечты что всемогущій князь Бисмаркъ устроилъ все къ лучшему, и узнать что его самого привела въ Вѣну боязнь изолированнаго положенія, и что сближеніе съ нимъ не безопасно...

Б.

Недавно, мы обратили вниманіе читателей на поразительную метаморфозу неожиданно совершившуюся во взглядахъ петербургскихъ экономистовъ. Вчера еще съ ужасомъ говорили они объ оказавшихся послѣ войны признакахъ экономическаго оживленія и не видѣли въ этомъ оживленіи ничего иного кромѣ промышленной *лихорадки*,—и вотъ вдругъ въ тѣхъ же самыхъ признакахъ увидѣли они „утѣшительныя свидѣтельства о внутреннемъ *здоровьѣ* нашего народнаго хозяйства.“ Люди, требовавшіе во что̀ бы то ни стало поднятія вексельнаго курса, вдругъ стали восклицать: „что̀ станется съ нашею отпускною торговлей если стоимость валюты повысится?“ Люди, вчера не признававшіе иныхъ мѣръ для улучшенія валюты кромѣ искусственнаго сокращенія размѣровъ денежнаго обращенія, вдругъ самымъ рѣшительнымъ и настойчивымъ образомъ заговорили о *безыскусственномъ* улучшеніи валюты путемъ исправленія торговаго баланса (усиленіемъ отпускной торговли)...

Само собою разумѣется что такая перемѣна мнѣній была бы дѣломъ не только не предосудительнымъ, но хорошимъ, лишь бы у этихъ господъ достало честности откровенно сознаться въ ошибкѣ. Но честности-то у нихъ и нѣтъ. Фактъ крутаго поворота въ ихъ мнѣніяхъ (серіознаго или несеріознаго, это другой вопросъ) засвидѣтельствованъ документально, и отрицать его невозможно. Тѣмъ не менѣе они разчитываютъ замять этотъ фактъ и выставить дѣло такъ какъ будто свѣтъ перевернулся не въ ихъ, а въ чужихъ глазахъ Къ какимъ школьническимъ продѣлкамъ приходится прибѣгать для этого, показываетъ статья въ № 255 *Голоса*.

Написана она явно въ pendant и подражаніе нашей замѣткѣ въ № 233 *Московскихъ Вѣдомостей*. Приводится выдержка изъ одной нашей статьи, и сопровождается такимъ восклицаніемъ:

„Кто бы могъ повѣрить, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, что выписанныя выше строки будутъ напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ?* .. Еслибы не былъ упомянутъ источникъ выписанныхъ выше строкъ, то можно было бы подумать что онѣ прямо взяты изъ того что писано было нами о бумажноденежномъ вопросѣ и что возбуждало противъ насъ такое сильное негодованіе на столбцахъ той же самой московской газеты.“

Затѣмъ этотъ злополучный экономистъ выражаетъ изумленіе по поводу будто бы оказавшейся рѣзкой перемѣны въ нашихъ мнѣніяхъ. Въ заключеніе, намъ великодушно извиняются „странныя выходки“ противъ „экономистовъ - доктринеровъ“, такъ какъ де „эти выходки не болѣе какъ тактическіе выстрѣлы которыми хотятъ прикрыть отступленіе, долженствующее сколько-нибудь не походить на бѣгство.“

Но какая же это, однако, статья *Московскихъ Вѣдомостей* могла подать поводъ къ торжеству нашихъ противниковъ?

Таковою оказывается передовая статья № 227 *Московскихъ Вѣдомостей*. Пред-

меть которому была посвящена эта статья —„кредитныя учрежденія того типа какими обладала Россія до 20 іюля 1857 г., то-есть до той минуты когда, подъ вліяніемъ чужеземной доктрины нисколько не приноровленной къ особенностямъ существующихъ у насъ экономическихъ и иныхъ условій, было приступлено къ разгрому этихъ учрежденій.“ Разсматривались нами эти учрежденія именно съ той ихъ стороны что они постоянно были „регуляторомъ нашего денежнаго обращенія,“ что и доказывалось примѣрами изъ ихъ исторіи. „Эта кредитная система,“ говорили мы, между прочимъ, „была въ высшей степени благодѣтельна даже въ то время когда сказанное свойство ея не было сознано, когда всякое полезное проявленіе этого свойства считалось вреднымъ и встрѣчало немедленно усиленное противодѣйствіе. Менѣе ли благодѣтельна была бы она возстановленная нынѣ, когда мы, наученные горькимъ опытомъ, въ полной мѣрѣ сознавъ чего въ ней лишились по нашему неразумію и легкомыслію, и признавъ непонятое прежде ея свойство, стали бы пользоваться ею умѣючи?“

Мы, конечно, можемъ только порадоваться если статья наша, сущность коей заключается въ приведенной сейчасъ выпискѣ, пришлась по вкусу петербургскимъ экономистамъ. Это, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о серіозномъ улучшеніи ихъ вкуса. Мы постоянно это говорили, и въ этомъ состоялъ нашъ споръ съ петербургскими экономистами. Въ № 171 *Московскихъ Вѣдомостей* мы писали:

„Новые выпуски (кредитныхъ билетовъ), конечно оправдываемые дѣйствительною въ нихъ надобностью, весьма удобно могутъ быть дѣлаемы и безъ насильственнаго сокращенія денежнаго обращенія. Для того же чтобъ эти выпуски не оказались экономически вредными, для гарантированія экономическаго быта отъ болѣзненныхъ явленій чрезмѣрной денежной раздутости, требуется мѣра не имѣющая ничего общаго съ искусственными изъятіями бумажныхъ денегъ до и послѣ выпусковъ: нужно созданіе естественнаго регулятора денежнаго обращенія. Образчикъ такого регулятора мы уже имѣли въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ той формы въ какой они существовали до конца пятидесятыхъ годовъ. Пока дѣйствовалъ этотъ регуляторъ, выпуски кредитныхъ билетовъ не производили никакихъ вредныхъ экономическихъ послѣдствій: противъ этого не спорятъ даже завзятые противники нашихъ кредитныхъ денегъ. Деньги превышавшія экономическую въ нихъ потребность стекались въ кассы въ видѣ вкладовъ, обращаясь временно въ безсрочный процентный долгъ и могли снова расходиться по странѣ при предъявленіи на нихъ спроса самою экономическою жизнью, причемъ казна освобождалась отъ уплаты процентовъ. Лишь когда былъ уничтоженъ этотъ благодѣтельный регуляторъ, произошелъ тотъ кризисъ который наши экономисты такъ любятъ ставить въ виду бумажнымъ деньгамъ, чтобы выгородить отъ отвѣтственности свою собственную доктрину банковыхъ учрежденій. Ни что не мѣшаетъ, однако, создать вновь неосмотрительно разрушенный регуляторъ денежнаго обращенія, обезпечивъ тѣмъ государству удобство пользоваться, въ случаѣ нужды, рессурсомъ бумажно - денежныхъ выпусковъ, и одновременно гарантировать страну отъ опасности чрезмѣрной полноты денежнаго обращенія. Благодаря такому регулятору, размѣры необходимаго странѣ денежнаго обращенія опредѣлялись бы въ каждую данную минуту дѣйствительнымъ, естественнымъ ходомъ экономической жизни, а не гадательными и фиктивными кабинетными разчетами, чѣмъ, какъ можно полагать, были бы устранены причины многихъ кризисовъ, вызываемыхъ, при разныхъ обстоятельствахъ, то избыткомъ, то недостаткомъ въ денежныхъ знакахъ.“

Мысли высказанныя въ приведенной сейчасъ выпискѣ приводили тогда нашихъ экономистовъ въ ярость. Отъ тѣхъ же мыслей, выраженныхъ, два мѣсяца спустя, въ № 227 *Московскихъ Вѣдомостей*, они въ восторгѣ...

Впрочемъ, въ особенный восторгъ привела ихъ не вся статья № 227 *Моск Вѣд.*, а лишь нѣсколько строкъ ея, нарочито ими выписанныхъ. Какія же это строки такъ имъ понравившіяся что они готовы сами подъ ними подписаться? Приведемъ ихъ буквально:

„Изо всѣхъ стоящихъ на очереди вопросовъ, ни одинъ, можно сказать, не обращаетъ нынѣ на себя вниманія въ той степени какъ вопросъ о денежномъ обращеніи со включеніемъ всего находящагося съ нимъ въ прямой или косвенной связи.

Со всѣхъ сторонъ только и слышатся что громкія жалобы на несовершенства и недостаточную устойчивость нашего денежнаго обращенія, да не менѣе пламенныя желанія чтобы русская денежная система была приведена въ порядокъ. Въ виду этого, *можетъ ли быть нежелательно возстановленіе у насъ кредитной системы* отличающейся спеціальнымъ свойствомъ возстановлять равновѣсіе въ денежномъ обращеніи въ случаяхъ нарушенія его чрезвычайными бумажно-денежными выпусками?"

Изъ-за чего же спорили съ нами господа петербургскіе экономисты если имъ также какъ и намъ желательно *возстановленіе* прежней кредитной системы? Еще на дняхъ они не хотѣли и слышать ни о ней самой, ни о ея благотворномъ вліяніи на наше денежное обращеніе,—и вотъ вдругъ они признаютъ за свои тѣ самыя строки въ которыхъ выражены и желаніе возстановить эту кредитную систему, и спеціальное свойство этой системы возстановлять равновѣсіе въ денежномъ обращеніи! Какая новая метаморфоза во мнѣніяхъ этихъ господъ, въ дополненіе ко всѣмъ предыдущимъ!

Довольно характеристиченъ пріемъ употребленный для того чтобы нѣсколько маскировать предъ публикой сдѣланный фокусъ-покусъ. Они ставятъ слово „сокращеніе," вмѣсто словъ „регулированіе" и „возстановленіе равновѣсія." Предполагается что въ публикѣ, у которой рябитъ въ глазахъ отъ совершаемыхъ предъ нею манипуляцій, никому и въ голову не придетъ что кромѣ перевѣса бываетъ и недовѣсъ, что кромѣ полнокровія бываетъ и малокровіе, что кромѣ пресыщенія бываетъ и голодъ. При удачномъ исполненіи фокуса, эффектъ могъ бы выйти удивительный. *Московскія Вѣдомости* желаютъ регулированія, установленія равновѣсія въ денежномъ обращеніи и въ торговыхъ и промышленныхъ оборотахъ,—значитъ, онѣ желаютъ ничего иного какъ *сокращенія* и того, и другаго, и третьяго. Что при извѣстныхъ обстоятельствахъ экономической жизни, вмѣсто сокращенія, можетъ требоваться *расширеніе*,—объ этомъ умалчивается.

Впрочемъ, наши петербургскіе интеллигенты сами мало разчитываютъ на успѣхъ своихъ публичныхъ фокусовъ. Имъ удобнѣе и выгоднѣе дѣлать фокусы за кулисами. Это желаніе давно и крѣпко утвердилось въ нихъ, и по отношенію къ этому пункту никакой метаморфозы въ ихъ мнѣніяхъ не оказывается. „Для ежедневной печати, обращающейся въ массѣ публики, теперь далеко еще не настало время обсужденія спорныхъ подробностей разныхъ мѣръ предстоящихъ правительству въ дѣлѣ устройства бумажной денежной системы,—восклицали петербургскіе экономисты еще въ прошломъ году, и та же самая мысль повторяется въ статьѣ № 255 *Голоса*, ликующей по поводу нашихъ мнѣній о разрушенныхъ доктриной нашихъ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Далеко не такую пѣсню пѣли господа доктринеры въ ту эпоху когда въ нашихъ административныхъ сферахъ, по ихъ выраженію, „не было и помину ни о какой финансовой доктринѣ и всякая докрина презиралась."

№ 242.

Москва, 22-го сентября.

А.

Князь Бисмаркъ или его органъ, *Сѣверо-Германская Газета*, объясняетъ неудачи русской политики тѣмъ что она не хотѣла искать у Германіи поддержки для своихъ плановъ на Востокѣ, а въ *Національной Газетѣ* указано что ошибки русской политики начались еще „съ событій 1875 года." Оба эти замѣчанія, въ своей связи, придаютъ особый интересъ ряду статей въ парижской газетѣ *Figaro*, подъ заглавіемъ *Германія и Франція въ 1875 году*, писанныхъ г. Эрнестомъ Доде. Раскрытіе этого „дипломатическаго эпизода" предпринято съ цѣлью поднять въ глазахъ Французовъ авторитетъ герцога Деказа, бывшаго въ то время французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и оказавшаго де неоцѣненную услугу Франціи своимъ тактомъ, такъ какъ де онъ сумѣлъ отвратить отъ нея большую опасность не сдѣлавъ никакой уступки и не прервавъ переустройства французской арміи. Эту заслугу г. Доде не обинуясь ставитъ въ параллель съ заслугой Тьера, очистившаго страну отъ непріятельскихъ войскъ, и требуетъ для ней отъ Французовъ одинаковаго признанія.

Разумѣется, во всѣхъ подобныхъ раскрытіяхъ невозможно искать полной истины. Г. Доде и не претендуетъ на это, а ручается лишь за истину того что̀ сообщаетъ; но недосказанная истина можетъ также вести къ ошибочному заключенію какъ и невѣрное сообщеніе. Но его разказъ интересенъ еще тѣмъ что рисуетъ тогдашнія политическія отношенія и проливаетъ свѣтъ на то въ чемъ, по берлинскому сужденію, была первая „ошибка“ русской политики въ „событіяхъ 1875 года.“

Мимолетная тревога была и осталась весьма загадочнымъ дѣломъ. Извѣстно что тревога эта распространилась въ европейской публикѣ съ появленія, въ началѣ весны 1875 года, въ лондонской *Times*, письма „французскаго корреспондента, въ которомъ разказывалось что военная партія въ Германіи, встревоженная быстрымъ возрожденіемъ Франціи послѣ погрома, сожалѣетъ что условія мира не были болѣе суровы для побѣжденнаго и ищетъ новаго предлога для ссоры чтобъ отнять у Франціи Бельфоръ и наложить на нее десять милліардовъ контрибуціи. Предлогъ же хотѣли найти въ развитіи французскихъ вооруженій, въ коихъ видѣли явныя приготовленія къ отместкѣ. Извѣстіе это, какъ намъ хорошо памятно, возбудило большой шумъ. Закипѣла дѣятельная дипломатическая работа, въ которой главную роль играли Англія и Россія, принявшія на себя миротворное посредничество чтобъ отвратить не нужную войну. Англія, впрочемъ, только суетилась, а вся тяжесть дѣла пала на Россію. Съ пріѣздомъ Русскаго Монарха въ Берлинъ, 11 мая, тревога разомъ стихла, какъ будто ея не бывало, и князь Горчаковъ потомъ, въ своемъ циркулярѣ, подтвердилъ мирныя успокоенія. Полагали будто этотъ циркуляръ былъ первымъ поводомъ къ размолвкѣ между обоими канцлерами, и разказываютъ что князь Бисмаркъ жаловался что княземъ Горчаковымъ были приписаны ему намѣренія какихъ онъ никогда не имѣлъ. Вотъ все что̀ стало тогда извѣстно публикѣ объ этомъ дѣлѣ.

Г. Доде разказываетъ нѣсколько иначе. Онъ свидѣтельствуетъ что извѣстное письмо въ *Times* явилось не случайно, а было написано извѣстнымъ постояннымъ парижскимъ корреспондентомъ этой газеты, г. Бловицемъ, по внушенію герцога Деказа, который желалъ воспользоваться услугами вліятельнаго англійскаго органа въ вопросѣ неудобномъ тогда для французской печати. Но и самое письмо г. Бловица появилось когда уже была подготовлено почва, послѣ долгихъ и щекотливыхъ переговоровъ, скрытыхъ отъ публики. Собственно же опасенія Франціи, которыя герцогъ Деказъ поспѣшилъ передать въ Лондонъ и Петербургъ, возникли много ранѣе, и г. Доде старается доказать что не военная партія въ Германіи, но самъ князь Бисмаркъ всячески задиралъ Францію; военные же авторитеты, съ графомъ Мольтке во главѣ, только поддерживали мнѣніе канцлера о необходимости предупредить военныя приготовленія Франціи, указывая на сформированіе четвертыхъ баталіоновъ во французскихъ полкахъ, на закупку лошадей за границей, между прочимъ и въ Германіи, на то что Бельфоръ остается клиномъ въ тѣлѣ Германіи и т. п. Уже въ началѣ марта, французскій посолъ въ Берлинѣ, г. де-Гонто-Биронъ, встревоженный всѣмъ что̀ видѣлъ и слышалъ и что̀ ежедневно печаталось въ берлинскихъ офиціозныхъ газетахъ, писалъ герцогу Деказу, который не теряя ни минуты увѣдомилъ о томъ всѣ европейскіе дворы, и въ особенности своихъ пословъ въ С.-Петербургѣ и Лондонѣ. Въ то же время г. де-Гонто-Биронъ старался осторожнымъ образомъ добиться объясненій отъ г. фонъ-Бюлова, который въ началѣ отрекся отъ всякой отвѣтственности правительства за газетныя статьи, но послѣ, когда французскому послу пришлось повторить свои жалобы, сказалъ со вздохомъ: „что вы хотите? Все это надѣлалъ вашъ законъ о кадрахъ.“

Изъ множества признаковъ якобы возбудившихъ серіозныя опасенія Французскаго правительства, особенный интересъ имѣютъ два слѣдующія указанія. Въ то время находился въ Берлинѣ въ отпуску германскій посланникъ въ Греціи, г. фонъ-Радовицъ, ѣздившій предъ тѣмъ по порученію князя Бисмарка въ Петербургъ. Встрѣтясь съ нимъ, французскій посолъ заговорилъ о злобѣ дня, повторяя что Франція не желаетъ войны, что вызвало де слѣдующее восклицаніе г. фонъ-Радовица: „Можете ли вы намъ утверждать что Франція не надѣется заключить союзы, что она не помышляетъ объ отместкѣ, и что если мы дадимъ ей волю дѣйствовать,

то нечего опасаться ея? Нашъ интересъ, также какъ и спокойствіе Европы, требуютъ чтобы мы не дожидались пока Франція соберется съ силами. Согласитесь что съ философской и христіанской точки зрѣнія я правъ." Въ тоже время французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Мюнхенѣ передавалъ свой разговоръ съ баварскимъ министромъ-президентомъ, который не скрывалъ что „вооруженія Франціи заботятъ князя Бисмарка," и присовокупилъ: „онъ полагаетъ что вы ищете отместки и хочетъ ее предотвратить. Не давно онъ думалъ было заставить васъ взять половину Бельгіи и вступить съ нимъ въ союзъ противъ папства. Теперь онъ намѣренъ запретить ваши военныя преобразованія. Онъ предоставляетъ Россіи свободу на Востокѣ, и такъ какъ она одна могла бы вступиться между имъ и вами, то онъ старался отвлечь ея отъ участія къ вамъ." И г. Доде увѣряетъ что князь Бисмаркъ дѣйствительно употреблялъ старанія заинтересовать Россію въ свою пользу, что объ этихъ стараніяхъ знали въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, и что миссія г. фонъ-Радовица относилась именно къ этому дѣлу.

Вотъ первый намекъ на связь всей этой странной исторіи съ возбужденіемъ восточныхъ замѣшательствъ,—связь о которой никто въ Европѣ не думалъ весной 1875 года. Россія оставалась тогда глуха къ приманкѣ на Востокѣ, и это дало ей рѣшающій голосъ въ начинавшейся распрѣ на Западѣ. „Еще до пріѣзда Русскаго Государя въ Берлинъ," пишетъ г. Доде, „князь Бисмаркъ уже твердо зналъ что С.-Петербургскій кабинетъ не пожертвуетъ требованіямъ своей политики на Востокѣ своимъ правомъ вмѣшательства въ дѣла европейскія и отвергнетъ матеріальныя вознагражденія при обстоятельствахъ которыя могли бы сдѣлать ихъ необходимыми." Нѣкоторыя черты о настроеніи русской дипломатіи, приводимыя въ разказѣ г. Доде, весьма характеристичны. По его словамъ, когда г. фонъ-Радовицъ замѣтилъ что вооруженія Франціи безпокоятъ Германію, князь Горчаковъ расхохотался, а немного дней спустя произнесъ будто бы слѣдующія слова: „Я все еще спрашиваю себя зачѣмъ ко мнѣ присылали Радовица. Я ничего тутъ не понимаю. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ удостовѣриться что Россія не только не станетъ воевать, но еще воспротивится войнѣ." Французскаго же посла князь Горчаковъ будто бы успокоилъ слѣдующими словами: „Вы правы, и вамъ нечего защищать ваше правительство. Я лучше всякаго знаю что оно помогало дѣлу европейскаго умиротворенія и что оно не ищетъ нарушить его. Я имѣю только одно сказать вамъ: будьте сильны, будьте сильны!" Послѣ онъ подтвердилъ этотъ совѣтъ и успокоеніе формальнымъ обѣщаніемъ что Россія употребитъ свое вліяніе въ Берлинѣ въ пользу Франціи. Развязка извѣстна.

Очевидно что первая „ошибка" приписываемая русской дипломатіи берлинскою *Національною Газетой* касается именно этого страннаго эпизода въ 1875 году. Изъ разказа г. Доде все-таки не совсѣмъ ясно, дѣйствительно ли Германія готова была напасть на Францію, и не имѣлось ли въ виду только заставить ее внушительною демонстраціей сократить свои вооруженія, съ тѣмъ чтобъ и Германія могла сдѣлать то же. Англійскій министръ, лордъ Дарби, хотя и поддерживалъ миротворныя старанія Россіи, но говорилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ что онъ „не можетъ вѣрить" чтобы Франціи угрожала немедленная опасность. Еще интереснѣе разговоръ нашего посла въ Парижѣ князя Орлова съ герцогомъ Деказомъ, который на вопросъ что станетъ дѣлать Франція въ случаѣ нападенія, увѣрялъ что французскія войска отступятъ за Луару не защищаясь и „предоставятъ Европѣ видѣть Францію занятою непріятелемъ и опустошенною безъ сопротивленія." Русскій посолъ не хотѣлъ вѣрить такому рѣшенію и поспѣшилъ къ маршалу Макъ-Магону, но тотъ предувѣдомленный министромъ повторилъ то же самое, и „это ускорило дѣйствіе Россіи." Наконецъ, г. Доде сообщаетъ слѣдующее свѣдѣніе: „Въ совѣтѣ нѣкоторые министры выражали мнѣніе что слѣдовало отвѣтить на требованія Германіи разоруженіемъ. Они утверждали что лучше подчиниться этой прискорбной крайности чѣмъ подвергаться нападенію, послѣдствія коего легко было предвидѣть. При такой дилеммѣ, очевидно не было выбора: слѣдовало разоружиться. Однако, не было ли возможности избѣжать заразъ и униженія и войны?" Счастливое рѣшеніе этого вопроса авторъ и ставитъ въ особенную заслугу герцогу Деказу.

Еще одно замѣчаніе. Франція обращалась ко всѣмъ дворамъ, но отчего всѣ, кромѣ Россіи, держали себя очень осторожно? Мы сейчасъ упоминали о недовѣріи лорда Дарби къ серіозности тревоги. Графъ Андраши былъ также очень сдержанъ въ разговорахъ съ французскимъ посломъ маркизомъ Гаркуромъ, и наконецъ на настоянія послѣдняго что онъ думаетъ о безпокойствѣ Германіи будто бы по поводу вооруженій Франціи, возражалъ: „О, это вопросъ очень щекотливый!“ и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ: „Бисмаркъ хочетъ воевать съ вами, но если вы не дадите ему предлога, то Россія сумѣетъ помѣшать ему.“

Б.

Г. Модестовъ, странствующій профессоръ римской словесности, свидѣтельствуетъ въ фельетонѣ *Голоса* свое истинное почтеніе и совершенную преданность классической учебной системѣ, но находитъ что система эта въ Россіи должна быть поставлена не такъ какъ въ остальномъ мірѣ, а по оригинальнымъ воззрѣніямъ русскихъ филологовъ на сей предметъ. Кто же эти русскіе филологи выработавшіе новый способъ преподаванія древнихъ языковъ? Г. Модестовъ съ достодолжною скромностію не называетъ ихъ по имени, но обѣщаетъ раскрыть свои воззрѣнія въ фельетонѣ той же газеты, сѣтуя на законодательство которое преобразовало наши гимназіи не спросясь его. Всего же болѣе сѣтуетъ онъ на покойнаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, Павла Михайловича Леонтьева, за то что онъ разумѣлъ это дѣло такъ какъ разумѣетъ его весь образованный міръ гдѣ господствуетъ классическая учебная система, а не такъ какъ понимаетъ ее русскій національный филологъ, г. Модестовъ. Но кто же виноватъ? Отчего воззрѣнія г. Модестова остаются доселѣ тайной для цѣлаго міра, и почему, въ то время когда шелъ вопросъ объ этой системѣ, онъ держалъ подъ спудомъ сокровище своихъ воззрѣній, не обращая ихъ во благо своему любезному отечеству? Не самъ ли онъ виноватъ что наше законодательство не могло воспользоваться его мудростью? Поводомъ къ элукубраціи г. Модестова послужили статьи *Московскихъ Вѣдомостей* относящіяся къ разнымъ фазамъ нашей учебной реформы подобранныя еще покойнымъ Павломъ Михайловичемъ для календаря Лицея Цесаревича Николая, и перепечатанныя оттуда въ іюньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за сей годъ, подъ общимъ заглавіемъ „Наша учебная реформа.“ Онъ находитъ ихъ слабыми по содержанію и сухими по изложенію, приписывая ихъ покойному П. М. Леонтьеву, о которомъ отзывается свысока и съ неменьшею строгостію чѣмъ отзывался нѣкогда о знаменитыхъ филологахъ Германіи, куда г. Модестовъ, въ молодые свои годы, ѣздилъ на казенный счетъ учиться, за недостаткомъ въ Россіи національныхъ филологовъ. Г. Модестовъ во всякомъ случаѣ поступилъ бы лучше еслибы просто повѣдалъ свою тайну, не касаясь памяти Леонтьева, который не виноватъ что г. Модестовъ не создалъ въ Россіи своей особой классической школы, не похожей на существующую. Что же касается до статей *Московскихъ Вѣдомостей* воспроизведенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, которыми г. Модестовъ не доволенъ, то онъ ошибается относительно ихъ авторства. Случилось такъ что всѣ эти подобранныя покойнымъ Леонтьевымъ статьи были изъ числа писанныхъ не имъ, а его товарищемъ по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*. А потому, если г. Модестовъ непремѣнно хочетъ браниться, то онъ можетъ съ этимъ обращаться къ состоящему понынѣ въ живыхъ издателю *Московскихъ Вѣдомостей*.

№ 244.

Москва, 24-го сентября.

Посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ дипломатическія разоблаченія послѣднихъ дней всѣ одновременно направлены къ тому чтобы засвидѣтельствовать о политическомъ одиночествѣ Россіи, и конечно не одни интересы исторической правды руководили всѣми этими перьями принявшимися вдругъ раскрывать міру сокровенныя нити политическимъ сплетеній послѣднихъ лѣтъ. Дѣятельное участіе которое приняла въ этомъ берлинская печать, всегда столь молчаливая и сдержанная въ вопросахъ иностранной политики, еще болѣе доказываетъ что всѣ эти разоблаченія имѣли опредѣленную цѣль, и что именно руководитель германской политики имѣетъ надобность поставить Россіи на видъ со-

вершенныя ею ошибки, дабы обратить ее на „путь истинный.“ Но изо всего этого вытекаетъ и то что Россія вполнѣ сохранила свободу своихъ дѣйствій, а это едва ли не лучшій отвѣтъ на всѣ запугиванья какими столь усердно угощаютъ Россію съ разныхъ сторонъ...

Не только нашъ берлинскій корреспондентъ, но и многія берлинскія газеты стали уже поговаривать о новыхъ попыткахъ сближенія между Германіей и Россіей. Русскій посолъ во Франціи, князь Орловъ, былъ на дняхъ въ Берлинѣ на возвратномъ пути изъ Петербурга къ своему посту, и имѣлъ свиданіе съ княземъ Бисмаркомъ. Князь Горчаковъ долженъ въ скоромъ времени проѣхать изъ Баденъ-Бадена въ Петербургъ и ожидаютъ что онъ также остановится въ Берлинѣ, гдѣ якобы и произойдетъ свиданіе и примиреніе между обоими канцлерами. При этомъ обращается вниманіе на то что императоръ Вильгельмъ съ возвращенія своего изъ Страсбурга пребываетъ въ Баденъ-Баденѣ, и что вилла занимаемая тамъ княземъ Горчаковымъ находится бокъ-о-бокъ съ домомъ гдѣ живетъ императоръ. Слухъ о предстоящемъ свиданіи между обоими канцлерами живо интересуетъ политическій міръ. Онъ былъ сообщенъ впервые газетою *Times*. Затѣмъ парижская орлеанистская газета *Soleil*, присвоивающая себѣ особенный авторитетъ относительно извѣстій касающихся князя Горчакова (послѣ пресловутой бесѣды ея редактора съ русскимъ государственнымъ канцлеромъ), опровергла этотъ слухъ, и телеграфъ поспѣшилъ возвѣстить объ этомъ опроверженіи. „Все это,“ замѣчаетъ одна берлинская газета, „производитъ на насъ такое впечатлѣніе какъ будто многія извѣстія пускаются въ ходъ именно съ тою цѣлію дабы направить общественное вниманіе на фальшивые пути и возбудить тревогу и недовѣріе съ разныхъ сторонъ.“

Этотъ упрекъ направленъ главнымъ образомъ противъ органовъ орлеанистской партіи во Франціи, которую берлинская печать особенно не долюбливаетъ и крайне негодуетъ на нее за сообщенія, относящіяся къ 1875 году, въ статьяхъ г. Эрнеста Доде приписываемыхъ внушенію герцога Деказа. Но именно берлинская-то печать, болѣе чѣмъ всякая другая, и служитъ въ настоящее время орудіемъ агитаціи. Теперь она всячески старается выставить непріязненное положеніе въ которое сталъ будто бы князь Бисмаркъ къ Россіи. Такъ вѣнскій корреспондентъ *Journal des Débats* сообщилъ на дняхъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о свиданіи которое имѣлъ князь Бисмаркъ въ Вѣнѣ съ тамошнимъ французскимъ посломъ г. Тессеранъ де-Боромъ. Германскій канцлеръ, еще будучи въ Гастейнѣ, выразилъ будто бы желаніе дать Франціи самыя успокоительныя объясненія о его поѣздкѣ въ Вѣну и смыслѣ тѣснѣйшаго сближенія съ Австріей. Для этого онъ желалъ свидѣться съ французскимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ. Но какъ устроить это свиданіе? Князю Бисмарку предложили сдѣлать визитъ всѣмъ представителямъ державъ; но онъ рѣшительно отклонилъ это. Когда же, по пріѣздѣ въ Вѣну, ему стало извѣстно что русскій посолъ въ отпуску, то онъ самъ предложилъ посѣтить всѣхъ находившихся на лицо иностранныхъ представителей, изъ чего явствуетъ де что князю Бисмарку было не по нутру именно свиданіе съ представителемъ Россіи. Этотъ послѣдній выводъ повторяютъ и берлинскія газеты.

Еще замѣчательнѣе другая дополнительная подробность о пребываніи князя Бисмарка въ Вѣнѣ, съ такою же поспѣшностью воспроизведенная берлинскою печатью Объѣзжая съ визитами иностранныхъ представителей при Вѣнскомъ дворѣ, князь Бисмаркъ не миновалъ и турецкаго посла Эдхемъ-пашу. Объ этомъ свиданіи появился одновременно разказъ въ турецкой газетѣ *Вакитъ* и въ парижской *Temps*. Свиданіе это было де весьма сердечное. Когда, послѣ первыхъ привѣтствій, рѣчь зашла объ общемъ положеніи Турціи, созданномъ Берлинскимъ трактатомъ, турецкій посолъ сознался князю Бисмарку что „этотъ трактатъ, возбудившій первоначально такой ропотъ въ Турціи, оказывается нынѣ якоремъ спасенія для ней.“ Князь Бисмаркъ высказалъ свое удовольствіе по поводу измѣнившагося такимъ образомъ взгляда Турціи, прибавивъ что Германія „живо интересуется судьбою Турціи и постарается по возможности оградить ея существованіе и преуспѣяніе,“ и что Германія съ Австріей „будутъ строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ Берлинскаго трактата и будутъ энергически противодѣйствовать всякой попыткѣ воздвигнуть къ тому какія бы то ни было препятствія.“

Берлинскія газеты, конечно, очень хорошо понимають что подобныя сообщенія и коментаріи коими они сопровождаются не могуть не усиливать того взаимнаго раздраженія между русскимъ и нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ, на которое эти газеты болѣе всего жалуются, возлагая при этомъ главную вину на русскую печать. Мы не говоримъ уже о той ожесточенной враждѣ которая сказывается въ настоящее время противъ Россіи со стороны органовъ нѣмецкой католической партіи. Эти послѣдніе, въ особенности газета *Германія*, всячески стараются раздуть пламя и пускаются въ длинныя историческія изыскаянія чтобы доказать что Россія всегда была злѣйшимъ врагомъ Пруссіи, и что всѣ бѣдствія испытанныя ею въ началѣ этого столѣтія, во время Наполеоновскихъ войнъ, были послѣдствіемъ вѣроломства Россіи.

Совсѣмъ инымъ тономъ говорятъ берлинскія газеты о Франціи. Вторя князю Бисмарку, разсыпавшемуся въ дружественныхъ увѣреніяхъ предъ г. Тессеранъ-де-Боромъ, берлинскія газеты всѣхъ оттѣнковъ стараются увѣрить Францію что Германія дышетъ нѣжностью къ ней и къ ея республиканскимъ учрежденіямъ и что Франція болѣе всего должна остерегаться интригъ орлеанистовъ. Этихъ послѣднихъ берлинскія газеты не перестаютъ изобличать въ зловредныхъ замыслахъ и въ желаніи ниспровергнуть установившійся порядокъ и возстановить монархію, для чего лучшимъ средствомъ признается де война съ Германіей, такъ какъ во Франціи внутренніе перевороты всегда идутъ рука объ руку со внѣшними столкновеніями. Орлеанисты поддерживаютъ де главнымъ образомъ дружественную связь съ Россіей; къ нимъ относилось поощрительное воззваніе князя Горчакова „будьте сильны“ сказанное въ 1875 и повторенное въ настоящемъ году. Они же стараются нынѣ освѣжить въ памяти событія 1875 года и выставить дѣло такимъ образомъ какъ будто бы Германія уже совсѣмъ готова была тогда опрокинуться на Францію и нанести ей смертельный ударъ, но была остановлена вслѣдствіе заступничества Россіи. Въ дѣйствительности же, если вѣрить берлинскимъ газетамъ, дѣло происходило чуть ли не наоборотъ: Франція, руководимая тогдашними министрами орлеанистами, будто бы готовилась напасть на Германію поощряемая къ тому Россіей, но планъ этотъ разстроился де благодаря необыкновенной предусмотрительности Бисмарка.

Но какъ ни заигрываютъ берлинскія газеты съ французскими республиканцами, проповѣдуя имъ миръ какъ единственный путь къ упроченію теперешняго государственнаго порядка, имъ въ сущности очень хорошо извѣстно что нѣтъ той партіи въ Франціи которая въ своемъ сердцѣ не таила бы жажды мести противъ Германіи, и что рано или поздно расплата съ Франціей неизбѣжна

А въ этомъ случаѣ никакое „тѣснѣйшее единеніе“ съ Австріей не можетъ избавить Германію отъ необходимости обезпечить себя со стороны России. И какъ бы демонстративно ни выставляли въ Берлинѣ изолированное положеніе Россіи, про себя тамъ думаютъ иное...

№ 245.

Москва, 25-го сентября.

Мы сообщали уже что полугодовой опытъ налога на пассажировъ и товары большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, далъ результатъ неудовлетворительный. По всей нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ за первую половину текущаго года оказался недоборъ въ 9% по сборамъ съ пассажировъ и со спѣшныхъ товаровъ. На нѣкоторыхъ линіяхъ недоборъ превышаетъ 20%—фактъ почти не встрѣчаемый въ желѣзнодорожной статистикѣ и объясняющійся единственно вліяніемъ новаго налога. Недосчитавшись 9% по валовому сбору, огромное большинство желѣзнодорожныхъ обществъ потребуетъ отъ казны соотвѣтствующей прибавки къ приплатамъ по гарантіи облигацій и акцій; гарантія, какъ извѣстно, дана въ металлическихъ рубляхъ, и число обществъ требующихъ отъ казны приплатъ сильно возрасло; такъ и Риго-Динабургская и Орлово-Витебская дороги берутъ уже постоянно возрастающія приплаты; осталось не больше пяти, шести обществъ обходящихся по гарантіи безъ пособій отъ казны. Недочетъ желѣзныхъ дорогъ будетъ недочетомъ самой казны и сильно сократитъ поступленія отъ новаго налога.

При ближайшемъ же разсмотрѣніи относящихся сюда данныхъ, послѣдствія но-

ваго налога являются еще болѣе печальными.

Поступленіе желѣзнодорожныхъ сборовъ за первую половину настоящаго года, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не публиковано. Не такъ ведутся подобныя публикаціи во Франціи, Германіи, Бельгіи и пр. Отчетныя вѣдомости о валовомъ сборѣ желѣзныхъ дорогъ имѣютъ большое значеніе и для торговли, и для промышленности, и для биржи; заграничныя желѣзнодорожныя общества собираютъ относящіяся сюда цифры по телеграфу, и центральныя бюро на основаніи ихъ публикуютъ еженедѣльно, и не позже какъ черезъ недѣлю или двѣ, таблицы сборовъ желѣзнодорожной сѣти. При такомъ порядкѣ, малѣйшее измѣненіе въ ходѣ торговли замѣчается тотчасъ же. У насъ Министерство Путей Сообщенія дѣятельно хлопочетъ о своевременномъ опубликованіи поступленій валоваго сбора желѣзныхъ дорогъ, но оно должно опаздывать не встрѣчая въ желѣзнодорожныхъ обществахъ должнаго содѣйствія. Тщетно министерство и инспекція обращаются къ компаніямъ съ предписаніями, напоминаніями, просьбами, — наши общества не хотятъ знать никакихъ обязанностей относительно государственныхъ интересовъ. Въ послѣднее время Министерство приняло такую мѣру: оно публикуетъ какія общества наиболѣе запоздали, но и это не дѣйствуетъ. Такъ таблица сборовъ за іюнь была отпечатана лишь 28 іюля, потому что управленіе С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги доставило свѣдѣнія къ 11 іюля, а правленіе Московско-Рязанской только къ 22-му. Министерство и само не спѣшитъ публикаціей таблицъ помѣщая ихъ въ ежемѣсячномъ *Журналѣ Министерства Путей Сообщенія*, хотя и издаетъ еженедѣльный *Указатель распоряженій* по этому Министерству.

Послѣднюю вѣдомость о сборахъ мы имѣемъ за іюнь. Что́ же оказывается? Число пассажировъ проѣхавшихъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ въ первые пять мѣсяцевъ этого года не уменьшилось, а возрасло. Въ соотвѣтствующее время 1878 число пассажировъ было 10.629.006, въ 1879 оно поднялось до 11.296.428; на долю новыхъ желѣзныхъ дорогъ (Уральской, Донецкой, Старо-русской) не придется и 100 т. пассажировъ; остальныя 500 т. прибыли на старой сѣти.

Въ министерской вѣдомости показывается лишь общій сборъ по дорогамъ, съ пассажирскаго и товарнаго движенія вмѣстѣ. Со введеніемъ налога на пассажировъ и спѣшные товары слѣдовало бы, повидимому, открыть въ вѣдомостяхъ по сборамъ соотвѣтствующія графы, но до сихъ поръ еще не собрались это сдѣлать. По частнымъ свѣдѣніямъ мы знаемъ что общая сумма сбора съ пассажировъ и съ товаровъ большой скорости упала на 9%.

Число пассажировъ возрасло, а сборъ съ нихъ упалъ. Какъ могло это случиться? Нѣтъ сомнѣнія что значительная часть пассажировъ I класса перешла во II-й и бо́льшая часть пассажировъ II класса въ III-й. Публика должна была отказываться отъ удобствъ переѣзда чтобы хотя нѣсколько уменьшить для себя тяжесть налога; первые два класса вагоновъ обложены 25%, третій — 15%.

Столь возвышенныя цѣны не по силамъ для русскихъ пассажировъ. При нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, большинство проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣдутъ не для прогулки или прихоти, а по крайней необходимости; переѣзды бываютъ у насъ часто временемъ особаго стѣсненія и нужды для семей и отдѣльныхъ лицъ; для другихъ, напримѣръ, для торговыхъ людей, адвокатовъ и проч. переѣзды необходимы по роду занятій. Понятно что высота новаго налога возбуждаетъ много нареканій. А между тѣмъ развитіе желѣзнодорожнаго дѣла клонится всюду къ установленію болѣе дешевыхъ поѣздовъ, особенно для рабочихъ; у насъ же рабочіе перемѣщаются за сотни, даже за тысячу верстъ.

Еще худшее вліяніе оказалъ новый налогъ на перевозку товаровъ большой скорости. Здѣсь оказывается наибольшее сокращеніе. Въ прошломъ году за первые пять мѣсяцевъ перевезено было 4.121.020 пудовъ спѣшныхъ товаровъ; въ нынѣшнемъ за то же время только 2.905.189 пудовъ. Уменьшеніе почти на 30%. Оно никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено сокращеніемъ общаго товарнаго движенія по сѣти, которое дѣйствительно нѣсколько уменьшилось въ текущемъ году. За пять мѣсяцевъ прошлаго года перевезено товаровъ малой скорости 866.029.653 пуд., а въ нынѣшнемъ — 800.896.651 пудъ, что́ представляетъ уменьшеніе на 7,5%, а это далеко отъ 30. Къ тому же паденіе товарнаго движенія почти цѣликомъ приходится

на юго-западныя дороги; въ прошломъ году перевезли онѣ 92.609.283 пуд., а въ нынѣшнемъ только 51.336.170 пудовъ. На многихъ желѣзныхъ дорогахъ движеніе товаровъ малой скорости увеличилось, тогда какъ паденіе перевозокъ большой скорости оказывается по всѣмъ дорогамъ, кромѣ двухъ: Балтійской и Варшавско-Вѣнской. Самое сокращеніе торговаго движенія произошло не отъ того чтобы на сѣть поступило меньше грузовъ, а отъ того что они прошли по ней меньше дорогъ, меньшіе концы. Грузовъ принятыхъ непосредственно отъ отправителей въ текущемъ году было даже больше: 469.314.305 пуд. противъ 468.018.504 пуд прошлаго года; уменьшилась лишь передача грузовъ съ дороги на дорогу. Такъ и на юго-западныхъ дорогахъ принято прямо отъ отправителей только на 14 милліоновъ пудовъ менѣе, а общее количество перевозки уменьшилось на 41 милліонъ пудовъ. По перевозкамъ же большой скорости оказывается полное паденіе.

Сокращеніе перевозки спѣшныхъ товаровъ почти на треть не можетъ не отозваться вредно на многихъ отрасляхъ промышленности. Въ Россіи товары быстрой перевозки по желѣзнымъ дорогамъ вовсе не состоятъ изъ дорогихъ предметовъ и произведеній для которыхъ не очень чувствительна надбавка провозной платы, — у насъ отправляютъ съ большою скоростію преимущественно товары портящіеся при медленной доставкѣ: фрукты, живность, мясо, молочные скопы, рыбу и пр. Это товары сравнительно недорогіе, и надбавка 25% провозной платы для нихъ много значитъ; уйти имъ съ желѣзной дороги некуда; при начертаніи нашихъ водныхъ путей эти товары не могутъ быть доставляемы спѣшно пароходами. Налогъ на спѣшные товары вполнѣ равняется пошлинѣ на нихъ. Это своего рода возстановленіе на каждой желѣзнодорожной станціи внутреннихъ таможень, а онѣ тяжелѣе пограничныхъ. Пошлина заключающаяся въ налогѣ на перевозку товаровъ большой скорости ограничиваетъ районъ сбыта произведеній нуждающихся въ ней и потому тормозитъ развитіе производительности страны. Эта пошлина будетъ на-руку только иностранцамъ. Фрукты, рыба, живность могутъ теперь приходить изъ-за границы въ порты, въ Петербургъ, напримѣръ не платя почти никакой пошлины, но фрукты и виноградъ съ русскаго Юга, рыба съ Волги должны оплатить тяжкія внутреннія заставы. При нашихъ разстояніяхъ слѣдовало бы облегчать всѣми мѣрами, а не затруднять движеніе спѣшныхъ товаровъ, вынужденныхъ прибѣгать къ возвышенной платѣ за перевозку. Налогъ на спѣшные товары тѣмъ удивительнѣе, наконецъ, что онъ можетъ дать казнѣ сравнительно ничтожныя суммы.

Можно надѣяться что казна откажется отъ такого неудачнаго и такого неудавшагося налога какъ сборъ съ пассажировъ и товаровъ большой скорости перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ. Порукой въ томъ служитъ та легкость съ какою казна при первыхъ затрудненіяхъ отказалась отъ сбора съ пассажировъ перевозимыхъ пароходами; этотъ сборъ былъ установленъ вмѣстѣ со сборомъ съ желѣзнодорожныхъ пассажировъ и отмѣненъ еще до приведенія въ дѣйствіе, въ виду затрудненій для торговли на Волгѣ, которыя ожидались прошлою весной.

Вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ лишь въ самое послѣднее время обратилъ на себя общее вниманіе. До сихъ поръ ему не давали большаго значенія, ограничиваясь въ концессіяхъ назначеніемъ предѣльнаго, наибольшаго тарифа. Не мудрено что на налогъ съ товаровъ большой скорости никто не посмотрѣлъ съ точки зрѣнія тарифа. Оказывается, однако, что тарифы — самое слабое мѣсто нашего еще не установившагося желѣзнодорожнаго дѣла, въ которомъ такое множество слабыхъ мѣстъ. Приписываемое себѣ желѣзнодорожными обществами право почти безконтрольнаго измѣненія тарифовъ оказывается силою могущественно вліяющею на всѣ отрасли промышленности и способною вступить въ удачную борьбу съ государственными мѣрами. Мы давно и много разъ приводили относящіеся сюда факты, приведемъ теперь примѣръ. Надо ожидать что назначенная недавно коммиссія по желѣзной промышленности приметъ мѣры для покровительства ей и положитъ на иностранное желѣзо пошлину, ну, хоть въ 30 к. съ пуда. Пройдя чрезъ всяческія представленія, департаменты, комитеты, — пошлина будетъ наконецъ утверждена. Между тѣмъ достаточно сойтись двумъ-тремъ начальникамъ эксплуатаціи пограничныхъ дорогъ, и они однимъ почеркомъ уничтожатъ всю силу указа о пошлинѣ съ желѣза, они сдѣлаютъ для иностраннаго желѣза около 30 к. съ пуда

сбавки съ провозной платы на значительное разстояніе. Для желѣзнодорожныхъ обществъ существуютъ интересы ихъ кассы, а не государства; внутреннее желѣзо не уйдетъ отъ нихъ; перевозка иностраннаго дастъ лишнія деньги въ кассу; и они привлекутъ его къ себѣ, понизятъ на него тарифъ. Нормаленъ ли такой порядокъ? Надо сказать что у насъ нѣтъ еще и задатковъ законодательства по желѣзнодорожнымъ тарифамъ, и произволъ компаній въ этомъ дѣлѣ ничѣмъ не ограниченъ. Лучше всего, конечно, выкупить желѣзныя дороги въ казну, но и пока нельзя оставлять дѣло въ теперешнемъ положеніи. Правительству придется принять цѣлый рядъ мѣръ относительно тарифовъ желѣзныхъ дорогъ, и потому особенно хорошо было бы видѣть въ числѣ первыхъ подобныхъ мѣръ,—сложеніе налога по крайней мѣрѣ съ товаровъ большой скорости.

246.

Москва, 27-го сентября.

Опубликованная на-дняхъ таможенная вѣдомость о ходѣ нашей внѣшней торговли по Европейской границѣ въ первые семь мѣсяцевъ (по 1 августа) текущаго года сообщаетъ не мало свѣдѣній заслуживающимъ полнаго вниманія. Остановимся на тѣхъ которыя относятся къ привозной торговлѣ.

Сильно сократившіеся въ 1877 году обороты по привозной торговлѣ съ тѣхъ поръ непрерывно и неуклонно идутъ въ гору. Это прогрессивное движеніе особенно рѣзко обозначалось въ 1878 году въ сильно возросшихъ размѣрахъ привоза почти всѣхъ безъ исключенія товаровъ и въ поступленіи таможенныхъ сборовъ достигшихъ цифры 79.644.579 рублей (кредитныхъ), на 35 604.123 руб. болѣе противъ 1877 года и на 23.169.779 р. болѣе противъ бюджетныхъ предположеній. То же самое продолжаетъ обозначаться и въ текущемъ году. По таможеннымъ донесеніямъ полученнымъ въ Министерствѣ Финансовъ по 13 сего сентября, итогъ поступившихъ таможенныхъ сборовъ превышаетъ прошлогодній, за соотвѣтственный періодъ времени, на 6.339.054 рублей, или слишкомъ на $11^{1}/_{2}$%. Изъ таможенной вѣдомости по 1 августа также явствуетъ возрастаніе привоза почти всѣхъ товаровъ упоминаемыхъ въ этой вѣдомости; исключеніе составляютъ только рельсы, паровозы, каменный уголь, сода, соль, сельди, свинецъ и хлопокъ, привозъ коихъ, сравнительно съ 1878 годомъ, уменьшился.

Въ виду такого хода дѣла, съ фискальной точки зрѣрія мало чего остается желать. Но если смотрѣть на дѣло съ чисто экономической точки, нельзя не замѣтить въ ходѣ привозной торговли нѣкоторыхъ явленій которыя едва ли можно признать благопріятными. Отмѣтимъ пока только два факта рѣзко бросающіеся въ глаза: небывалое увеличеніе привоза, вопервыхъ, чугуна и вовторыхъ бумажной пряжи.

На нашу чугуноплавильную и желѣзодѣлательную промышленность, послѣ долгаго пренебреженія связанныхъ съ ними первостепенныхъ интересовъ, обращено наконецъ серіозное вниманіе. Особая коммиссія трудится надъ выработкой условій которыя обезпечили бы этой промышленности необходимые шансы успѣха и развитія. И вотъ, какъ бы нагляднымъ доказательствомъ необходимости поторопиться этимъ дѣломъ, являются таможенныя цифры. Въ такихъ размѣрахъ какъ въ текущемъ году, ни желѣзо, ни чугунъ никогда еще не ввозились въ Россію. Возрастаніе привоза желѣза ограничивается, правда, сотнями тысячъ пудовъ, но привозъ чугуна увеличился на нѣсколько милліоновъ пудовъ. Вотъ цифры ввоза къ намъ иностраннаго чугуна не въ дѣлѣ:

Съ	1	янв.	по	1	августа	1872 — 904.653	пуд.
"	1	"	"	1	"	1873 — 721.558	"
"	1	"	"	1	"	1874—1 284.175	"
"	1	"	"	1	"	1875—1.649.918	"
"	1	"	"	1	"	1876 - 1.705.289	"
"	1	"	"	1	"	1877 -- 1.208.889	"
"	1	"	"	1	"	1878 2.704.009	"
"	1	"	"	1	"	1879—*6.171 618*	"

Ввозъ свыше *шести милліоновъ*, пудовъ одного чугуну не въ дѣлѣ, не считая желѣза и чугунныхъ, и желѣзныхъ издѣлій, въ какіе-нибудь семь мѣсяцевъ! Есть о чемъ призадуматься, когда и при годовомъ ввозѣ едва достигавшемъ половины этой цифры, отечественное производство чуть держалось, чувствуя себя осужденнымъ на попятные шаги, вмѣсто столь желательнаго движенія впередъ. Должно надѣяться, впрочемъ, что вышеприведенная поразительная цифра не останется безъ вліянія на опредѣленіе упомянутою ком-

миссiей нормы таможеннаго покровительства въ какомъ нуждается отечественная металлическая промышленность. Не будетъ упущено изъ виду, какъ можно разчитывать, и то обстоятельство что всякое таможенное покровительство можетъ быть обращено въ ничто, если правленiя желѣзныхъ дорогъ не будутъ ограничены въ ихъ правѣ произвольнаго пониженiя тарифовъ, на что̀ мы уже обращали вниманiе въ № 245 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Не менѣе чѣмъ увеличенiе ввоза чугуна, обращаетъ на себя вниманiе необычайно возросшiй привозъ бумажной пряжи. Приведемъ относящiяся сюда цифры. Бумажной пряжи было ввезено въ Россiю изъ-за границы:

Съ	1	янв.	по	1	августа	1872—178.058	пуд.
„	1	„	„	1	„	1873—185.544	„
„	1	„	„	1	„	1874—192.423	„
„	1	„	„	1	„	1875—217.725	„
„	1	„	„	1	„	1876—189.099	„
„	1	„	„	1	„	1877— 74.065	„
„	1	„	„	1	„	1878—218.385	„
„	1	„	„	1	„	1879—*517.127*	„

Гдѣ искать причины такого внезапнаго увеличенiя привоза бумажной пряжи болѣе чѣмъ вдвое, если не въ установленiи съ 1 января текущаго года 40 копѣечной пошлины на хлопокъ, безъ соотвѣтственнаго возвышенiя пошлинъ на издѣлiя изъ него? При такихъ обстоятельствахъ, пошлина, легшая всею своею тяжестью на отечественныя филатуры, обратилась какъ бы въ премiю иностраннымъ филатурамъ, чѣмъ онѣ, конечно, и не замедлили воспользоваться. Ущербъ русскихъ бумагопрядиленъ естественно обратился въ прямую выгоду бумагопрядиленъ иностранныхъ. Это особенно бросается въ глаза при сопоставленiи увеличенiя привоза бумажной пряжи съ уменьшенiемъ привоза хлопка. Ввозъ бумажной пряжи въ семь мѣсяцевъ текущаго года, сравнительно съ соотвѣтственными мѣсяцами прошлаго года, увеличился на 298.742 пуд. Для изготовленiя такого количества пряжи, полагая отъ 18% до 20% на угаръ, нужно отъ 364.319 до 373.427 пудовъ хлопка. Какъ нарочно, почти на такую цифру и уменьшился привозъ къ намъ хлопка, именно, какъ показываетъ таможенная вѣдомость, на 366.624 пуд.

Финансовые разчеты какiе имѣлись при установленiи пошлины на хлопокъ несомнѣнно оправдались и, можетъ-быть, даже превзошли ожиданiя. Въ какiе-нибудь семь мѣсяцевъ 40 копѣечная пошлина съ привознаго хлопка уже дала казнѣ около полутора миллiона (1.459.514 р.) металлическихъ рублей; сверхъ того, вызванное этою пошлиной увеличенiе привоза бумажной пряжи почти на 300.000 пудовъ подняло таможенные сборы почти на миллiонъ (970,911) рублей, если даже предположить что все увеличенiе относится только къ некрашеной пряжѣ (въ противномъ случаѣ выгода казны была бы еще больше). Но каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону, и при оцѣнкѣ финансовыхъ выгодъ нельзя упускать изъ виду экономическiя невыгоды коими онѣ куплены. А въ данномъ случаѣ эти экономическiя невыгоды довольно значительны.

Опредѣлить точные размѣры этихъ невыгодъ, конечно, невозможно; но они могутъ быть опредѣлены приблизительно. Еслибы не было вызвано искусственно увеличенiе привоза пряжи на 298.742 пуд., еслибы привозъ ея остался на прошлогодней цифрѣ, а взамѣнъ того привезенъ былъ бы хлопокъ для выдѣлки этого количества пряжи на отечественныхъ бумагопрядильняхъ, казна, конечно, потерпѣла бы нѣкоторый убытокъ: вмѣсто миллiона рублей пошлины съ пряжи, она получила бы около 150.000 рублей пошлины съ хлопка, т.-е. на 800.000—850.000 рублей менѣе. Но за то въ странѣ остались бы выгоды отъ переработки 364.319—373.427 пудовъ хлопка въ 298.742 пуд. пряжи. А эти выгоды во много разъ превосходятъ сравнительно ничтожную сумму 850.000 рублей. 298.742 пуд. некрашеной пряжи, если взять въ основанiе разчета среднюю цѣну изъ послѣдне-опубликованнаго *Обзора Внѣшней Торговли Россiи*, стоятъ 9.939.146 рублей; хлопокъ же изъ котораго она выдѣлана, по такой же средней цѣнѣ, стоитъ всего (при угарѣ отъ 18% до 20%) отъ 3.497.462 до 3.584.899 рублей. На стоимость обработки приходится такимъ образомъ отъ 6.351.684 до 6.441.684 рублей. Все ли равно на чью долю выпадетъ эта сумма, пойдетъ ли она въ пользу русскихъ фабрикъ и русскихъ рабочихъ, или въ пользу фабрикъ и рабочихъ иноземныхъ? Выкупаетъ ли потерю этой суммы русскою промышленностью и русскимъ трудомъ полученный казной избытокъ дохода въ 850.000 рублей? А еще надо замѣтить что этотъ избытокъ, по всей вѣроятности, могъ

бы быть полученъ казною безо всякаго ущерба для отечественной промышленности, еслибы, при установленіи пошлины на хлопокъ, была соотвѣтственно возвышена пошлина на издѣлія изъ онаго. Нельзя не пожелать чтобы на эту сторону дѣло было обращено вниманіе при предстоящемъ составленіи бюджета на будущій годъ.

№ 247.

Москва, 28-го сентября.

Нѣтъ ничего удивительнаго что собранія Англійскаго кабинета начались нынѣшнею осенью нѣсколько ранѣе обыкновеннаго. Тому есть достаточная причина въ новомъ оборотѣ афганскихъ дѣлъ, вынудившемъ на новую экспедицію, цѣль коей на этотъ разъ сама столица Афганистана. Послѣ долгихъ приготовленій, войска уже перешли новую „научную" границу, установленную Гандамакскимъ трактатомъ, и отрядъ генерала Робертса, идущій по наиболѣе краткой дорогѣ на Кабулъ изъ Курумской долины, какъ извѣщалъ телеграфъ, имѣлъ уже первое дѣло съ непріятелемъ и долженъ быть теперь не далеко отъ цѣли своего похода, если уже не достигъ ея. Естественно что эти обстоятельства, а еще болѣе дальнѣйшій ходъ дѣлъ и рѣшеніе вопроса что̀ дѣлать послѣ занятія афганской столицы и отмщенія убійства англійскаго посла и его свиты, должны были потребовать совѣщаній англійскихъ министровъ. Скорѣе можно было удивляться что кабинетъ не былъ созванъ ранѣе, немедленно послѣ извѣстія о гибели майора Каваньяри, болѣе мѣсяца тому назадъ. Но въ то время министры только что разъѣхались на отдыхъ, послѣ хоть и безплодной, но крайне утомительной сессіи и, кромѣ того, по всему вѣроятію, правительство желало нѣсколько сгладить первое впечатлѣніе неудачъ его политики въ Афганистанѣ тѣмъ что не обнаруживало торопливости, какъ бы не придавая большаго значенія печальному случаю.

Обыкновенно не въ обычаѣ разглашать что̀ происходитъ на этихъ совѣщаніяхъ англійскихъ министровъ. На этотъ разъ, однако, сдѣлано исключеніе, и по телеграфу разослано извѣстіе что въ засѣданіи кабинета бывшемъ въ понедѣльникъ не принято никакого рѣшенія касательно созванія парламента въ чрезвычайную сессію. Газета *Times* пояснила это тѣмъ что будущая политика относительно Афганистана можетъ де быть установлена только по занятіи Кабула. Тогда де и потребуется спросить объ оной мнѣніе парламента, но, по словамъ лондонской газеты, министерство полагаетъ что это произойдетъ не такъ скоро. Такъ какъ при правительствѣ лорда Беконсфильда газета *Times* не разъ пользовалась привилегіей давать публикѣ намеки о намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ министерства, то не удивительно что и это новое, нѣсколько загадочное прорицаніе лондонскаго оракула возбудило разные толки. Такъ, въ вѣнскую *Neue Freie Presse* телеграфируютъ изъ Лондона что кромѣ афганскихъ дѣлъ, британское министерство сильно озабочено и нѣкоторыми важными комбинаціями на юго-востокѣ Европы; со времени посѣщенія княземъ Бисмаркомъ Вѣны, англійская дипломатія обнаруживаетъ де такое возбужденіе и такую дѣятельность какія она проявляла только въ эпоху заключенія Санъ-Стефанскаго трактата. Къ этому извѣщенію присовокупляется что, повидимому, со стороны Англіи готовится какой-то новый неожиданный сюрпризъ. Подобные гадательные толки можетъ-быть основываются только на томъ что въ торійской *Standard* была высказана нѣкоторая тревога по поводу плановъ германскаго канцлера связанныхъ съ его поѣздкой въ Вѣну, на что̀ берлинская *Tribune* не безъ язвительности замѣтила что въ Англіи, повидимому впали въ такую же ошибку какъ въ Россіи: недавно еще, когда дѣло шло объ ослабленіи значенія Россіи на Востокѣ, не было человѣка болѣе популярнаго въ Лондонѣ какъ князь Бисмаркъ, но англійская дружба разомъ де охладѣла когда было замѣчено что Германія не заботится ни объ англійской, ни о русской политикѣ, а слѣдуетъ своей собственной, германской.

Все это, впрочемъ, скорѣе только отголоски толковъ возбужденныхъ необычайною обстановкой какая была придана поѣздкѣ князя Бисмарка въ Вѣну. Что же касается извѣщанія газеты *Times* о результатѣ совѣщаній кабинета въ началѣ этой недѣли, то оно объясняется много проще, если допустить что значеніе его ограничивается чисто англійскими дѣлами, имѣющими особенную важность для ны-

нѣшняго кабинета. Извѣстіе гласитъ только что не имѣется въ виду созывать парламентъ на осеннюю сессію по поводу афганскихъ дѣлъ. Это противорѣчитъ не только общимъ ожиданіямъ, но также и всѣмъ правиламъ и обычаямъ. Хотя объявленіе войны и есть прерогатива короны, по закону для всякаго расхода сопряженнаго съ нею требуется разрѣшеніе парламента. Такъ, въ 1867 году парламентъ былъ созванъ осенью для разрѣшенія кредитовъ на Абиссинскую экспедицію Такъ и въ прошломъ году парламентъ засѣдалъ въ ноябрѣ по случаю начала Афганской войны, ибо хотя эта послѣдняя велась на счетъ бюджета Индіи, но, на основаніи акта 1858, подчинившаго владѣнія бывшей Остъ-Индской компаніи прямому управленію короны, требуется согласіе парламента для употребленія доходовъ Индіи на издержки военныхъ операцій „которыя могутъ быть ведены за внѣшними границами Индійскихъ владѣній ея величества.“ Въ настоящемъ случаѣ едва ли можно сослаться что теперешняя экспедиція не есть новое предпріятіе, а лишь продолженіе де прошлогоднихъ операцій, на которыя уже было дано разрѣшеніе парламентомъ. Это невѣрно даже въ техническомъ смыслѣ. Прошлогодняя война съ Афганистаномъ была закончена миромъ, который былъ выраженъ въ Гандамакскомъ трактатѣ, и о немъ было возвѣщено до закрытія сессіи. Трактатъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и войска уже были отведены обратно, за исключеніемъ только Кандагара, гдѣ еще оставался не успѣвшій выступить англійскій отрядъ когда пришло извѣстіе о смерти сэръ-Луиса Каваньяри. Слѣдовательно никакъ нельзя считать прежнія операціи не законченными и новый походъ ихъ продолженіемъ. Еслибы стали утверждать что Гандамакскій трактатъ остается въ силѣ и не отвергается самимъ эмиромъ, который прибылъ въ британскій лагерь, и что походъ предпринятъ не для войны съ Афганистаномъ, а лишь для отместки за убійство англійскаго посла, то во всякомъ случаѣ остается фактъ что военныя операціи ведутся „за границами Индійскихъ владѣній ея величества,“ что онѣ сопряжены съ новыми расходами, и что, слѣдовательно, на это необходимо разрѣшеніе парламента. По этимъ соображеніямъ можно думать что извѣщеніе *Times* означаетъ болѣе того что въ немъ заключается, и очень можетъ-быть что осенней сессіи не предвидится потому что предполагается распущеніе парламента съ назначеніемъ затѣмъ общихъ выборовъ. Тогда, разумѣется, удобнѣе представить объясненіе начатаго предпріятія новому парламенту и отъ него же испросить требуемыя полномочія.

Для кабинета лорда Биконсфильда есть много поводовъ не дожидаться законнаго окончанія срока нынѣшняго парламента, который онъ имѣетъ право продлить еще на одну сессію, и поторопиться новыми выборами. Какъ ни непріятно разстаться съ надежною опорой покорнаго большинства, при неизвѣстности будетъ ли такая и впредь, но послѣдняя сессія показала что нынѣшній парламентъ, въ которомъ кучка ирландскихъ *непримиримыхъ* или „гомъ-рулеровъ“ стала заправлять всѣми дебатами, сильно деморализованъ. Собственно говоря, министерство уже пропустило наиболѣе благопріятную минуту для распущенія. Такая минута представлялась когда еще свѣжи были лавры привезенные англійскими министрами съ Берлинскаго конгресса, или по крайней мѣрѣ тотчасъ по закрытіи послѣдней сессіи, когда Афганская война закончилась Гандамакскимъ миромъ и получена была вѣсть о пораженіи Сетевайо, и когда шумные толки о поѣздкѣ князя Бисмарка въ Вѣну еще не набросили тѣни сомнѣнія на то что выгоды Берлинскаго трактата предназначены для Англіи. Но и теперь, повидимому, правительству выгоднѣе поспѣшить выборами чѣмъ откладывать ихъ. Оно еще можетъ воспользоваться въ свою пользу впечатлѣніемъ которое будетъ произведено занятіемъ Кабула. Промедленіе же только дастъ время оппозиціи усилить свою организацію и умножать нападки на политику правительства, съ указаніемъ ея недочетовъ и промаховъ. Можно сомнѣваться удастся ли либераламъ вырвать власть у лорда Биконсфильда; но ихъ приготовленія явно указываютъ надежду ихъ на эту возможность. Во внѣ парламентской агитаціи они сильно опередили противниковъ. Между тѣмъ какъ за исключеніемъ премьера, ни одинъ изъ министровъ не прерывалъ еще своего отдыха, рѣдкую недѣлю газеты не приносятъ рѣчи какого-либо либеральнаго вождя на томъ или другомъ митингѣ. Лордъ Гартингтонъ, г. Чильдерзъ, г. Грантъ Дэффъ, сэръ-Вильямъ Гаркортъ,

одинъ за другимъ произносили рѣчи, и въ нихъ видна энергія показывающая что, по ихъ ожиданіямъ, минута борьбы близка. Въ ихъ нападкахъ на политику правительства замѣтна также ловкая перемѣна тактики. Вообще они не обличаютъ уже эту политику какъ безусловно негодную и вредную саму по себѣ, а стараются болѣе ставить на видъ неспособность обнаруженную министрами, сравнивая достигнутые результаты съ ихъ же собственными прежними заявленіями о цѣляхъ какія ими были себѣ поставлены, и съ ожиданіями какія съ увѣренностью были заявляемы. Популярность кабинета уже видимо начала слабѣть. Это обнаруживается между прочимъ и въ томъ что послѣ каждой рѣчи выдающагося либеральнаго вождя, *Times*, а за нею и другія вліятельныя столичныя газеты, въ статьяхъ по этому поводу, стараются смягчить впечатлѣніе рѣчей, обходя молчаніемъ или затемняя главные доводы и обрушиваясь всею силой на аргументы болѣе слабые, такъ что только по прочтеніи текста рѣчи оказывается что она совсѣмъ не то чѣмъ представляется по сужденію газеты. Другимъ признакомъ служитъ то что органъ финансовыхъ сферъ, *Economist*, державшійся довольно нейтрально во все время восточныхъ замѣшательствъ, въ послѣднихъ нумерахъ круто перемѣнилъ тонъ и прямо выражаетъ желаніе чтобы кабинетъ былъ свергнутъ, не заботясь о томъ кѣмъ онъ будетъ замѣненъ: либералами ли, или хотя и консервативами, но только въ иномъ составѣ, напримѣръ подъ руководствомъ лорда Дарби. Не значитъ ли это что на популярности лорда Беконсфильда начинаетъ отзываться и продолжительный упадокъ торговли и промышленности? Въ довершеніе затрудненій, въ Ирландіи начинаетъ опять разгараться аграрная агитація, которую раздуваютъ г. Парнеллъ и другіе парламентскіе гомърулеры, которые, пользуясь бѣдствіями фермеровъ вслѣдствіе неурожая, прямо приглашаютъ ихъ требовать отъ ландлордовъ сбавки ренты съ угрозами иначе вовсе не платить оной.

Разумѣется, все это не означаетъ что кабинету лорда Беконсфильда уже грозитъ паденіе. Либераламъ нужно будетъ на выборахъ отнять много мѣстъ у консервативовъ чтобы повернуть большинство въ свою пользу. За министерство также до сихъ поръ стоитъ огромное большинство лондонской печати, съ газетой *Times* во главѣ, что несомнѣнно означаетъ что оно еще пользуется большою силой въ странѣ. Но торійскому кабинету, въ виду всего изложеннаго, есть полный разчетъ обновить свое парламентское большинство, если это возможно, и потому замѣтку *Times* можно понять какъ первый намекъ что выборы можетъ-быть послѣдуютъ еще въ концѣ нынѣшняго года.

№ 248.

Москва, 29-го сентября.

Тронная рѣчь которою императоръ Австрійскій открылъ 8 октября цислейтанскій рейхсратъ заключаетъ въ себѣ первое достовѣрное указаніе на характеръ и содержаніе тѣхъ таинственныхъ переговоровъ для которыхъ князь Бисмаркъ счелъ нужнымъ лично отправиться въ Вѣну. Нельзя сказать чтобъ указаніе это отличалось ясностью; даже сопоставляя его съ другими, менѣе торжественными, но болѣе словоохотливыми, заявленіями различныхъ офиціозныхъ органовъ печати, все-таки трудно еще составить себѣ хотя бы приблизительно-вѣрное понятіе о свойствѣ новаго „тріумфа" политики князя Бисмарка. По словамъ горячихъ приверженцевъ канцлера, онъ увѣнчалъ то зданіе на сооруженіе котораго посвятилъ всѣ свои могучія силы Императоръ Австрійскій въ своей тронной рѣчи выразился что „происходившіе недавно переговоры подаютъ „радостную надежду на благопріятное регулированіе сношеній и торговли съ Германскою имперіей." Съ своей стороны органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, напутствуя удаляющагося графа Андраши и восхваляя его заслуги какъ главнаго виновника соглашенія съ Германіей, прибавляетъ что германскіе государственные люди „издавна считали конечною цѣлью германскаго „объединительнаго движенія дальнѣйшій „союзъ съ Австріей въ формѣ соотвѣтствующей настоящимъ взаимнымъ отношеніямъ этихъ державъ." *Дальнѣйшій* союзъ съ Австріей какъ конечная цѣль внутренняго объединительнаго движенія— что именно это значитъ? Эти общія фразы не предназначены, конечно, къ тому чтобы вскрыть суть соглашенія или при-

поднять завѣсу, но въ нихъ какъ бы брошенъ разчитанный намекъ. Эти фразы какъ бы заставляютъ припомнить историческій ходъ развитія германскаго объединительнаго движенія, причемъ многіе, конечно, пустятся и въ соотвѣтствующія предположенія насчетъ содержанія „дальнѣйшаго“ союза съ Австріей. Первый шагъ къ нынѣшнему „объединенію“ Германіи, совершившійся въ 1866 году, послѣ погрома при Садовой, былъ въ то же время и дѣломъ разъединенія. Старый Германскій Союзъ, обнимавшій не только всю нынѣшнюю Германію, но и Австрію, былъ разрушенъ. Мѣсто его заступилъ Сѣверо-Германскій Союзъ простиравшійся лишь на страны къ сѣверу отъ рѣки Майна. Баварія, Виртембергъ, Баденъ и прочія мелкія германскія княжества лежащія къ югу отъ названной рѣки, очутились на первыхъ порахъ въ положеніи самостоятельныхъ членовъ международнаго союза. Но это была лишь кажущаяся самостоятельность: въ дѣйствительности южно-германскія государства уже тогда отреклись отъ таковой и заключили съ королемъ Прусскимъ, какъ главой вновь созданнаго Союза, трактаты по коимъ они совершенно подчинялись прусской военной гегемоніи на случай внѣшней войны. Спустя четыре года насталъ этотъ *casus foederis*, и Никольсбургское соглашеніе возымѣло силу: южная Германія стала подъ знамена Пруссіи чтобы затѣмъ открыто присоединиться къ созданному въ 1866 году Союзу и образовать съ нимъ новую Германскую имперію. Съ тѣхъ поръ замолкла рѣчь о дальнѣйшемъ развитіи германскаго объединительнаго движенія. Въ Германіи какъ будто забыли что и Австрія своими цислейтанскими провинціями входила прежде въ составъ Германіи и что 8 милліоновъ Нѣмцевъ тамъ обитающихъ не перестаютъ причислять себя къ „германскому отечеству.“ И вотъ теперь, послѣ посѣщенія Вѣны княземъ Бисмаркомъ, узнаютъ изъ его газеты что дальнѣйшій союзъ съ Австріей, который уже заключенъ, или по крайней мѣрѣ вполнѣ подготовленъ, есть нѣчто такое что̀ составляетъ и всегда составляло конечную цѣль германскаго *объединительнаго* движенія. Далеко ли отсюда до прямаго намека что соглашеніе состоявшееся въ Вѣнѣ имѣетъ нѣчто общее съ тѣми соглашеніями какія существовали съ 1866 по 1870 годъ между Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и южными германскими государствами? Изъ рѣчи Австрійскаго императора можно заключить лишь что соглашеніе выразится развѣ въ томъ что Германія отступится по отношенію къ Австріи отъ той таможенной обособленности которую она недавно провозгласила принципомъ своей экономической политики. Но вотъ теперь еще какъ бы намекается что при первомъ военномъ столкновеніи въ которое вовлечена будетъ, или сама затѣетъ Германія, не замедлятъ наступить болѣе существенныя послѣдствія новыхъ отношеній?

Дѣйствительно, вслѣдъ за офиціозною печатью независимая германская печать, какъ бы повинуясь сигналу, вдругъ прервала свое молчаніе по щекотливому вопросу о будущей судьбѣ имперіи Габсбурговъ, и теперь мы читаемъ весьма откровенныя соображенія о томъ что австрійскія нѣмецкія земли не могутъ навсегда остаться исключенными изъ общенія съ великимъ германскимъ отечествомъ, общенія которое „было нарушено упраздненіемъ Вѣнскаго трактата 1815 года коимъ установленъ былъ Германскій Союзъ.“ Съ 1870 года германская печать тщательно обходила этотъ вопросъ. Теперь же оказывается, по мнѣнію вліятельнѣйшихъ органовъ этой печати, что „по зрѣломъ размышленіи“ нельзя было и въ мысляхъ имѣть чтобы восемь милліоновъ австрійскихъ Нѣмцевъ остались навсегда чужды Германіи.

Не довольствуясь этими общими соображеніями о воспринятіи вновь въ лоно Германскаго отечества отторгнутыхъ отъ него, чрезъ сознаніе Германской имперіи, австрійскихъ Нѣмцевъ, германская печать нашла уже для нихъ и спеціальное назначеніе. Это — огражденіе и дальнѣйшее расширеніе нѣмецкаго вліянія и могущества на юго-востокѣ Европы. Провозглашенный всего два года тому назадъ княземъ Бисмаркомъ принципъ, по коему Германія не имѣетъ никакихъ прямыхъ интересовъ на Востокѣ и не пожертвуетъ ради тамошнихъ дѣлъ здоровыми костями хотя бы одного померанскаго мушкетера, этотъ принципъ, безусловно одобренный въ свое время германскимъ общественнымъ мнѣніемъ, нынѣ не менѣе рѣшительно отвергается какъ „точка зрѣнія недостойная столь великой державы какъ Германія“ „Откажемся на-

всегда,“ замѣчаетъ по этому поводу *Національная Газета*, „отъ мнѣнія будто намъ нѣтъ никакого дѣла до юго-восточной части нашего материка и будто вся задача нашей иностранной политики ограничивается предусмотрѣніемъ и подготовленіемъ будущихъ войнъ съ Франціей.“

Въ перспективѣ, Балканскій полуостровъ рисуется берлинскою печатью какъ обширный рынокъ для свободнаго сбыта произведеній австро-германской промышленности, а въ вѣнской *Политической Корреспонденціи* въ то же время объявляется что проектируется федерація всѣхъ независимыхъ княжествъ Балканскаго полуострова, долженствующихъ подъ исключительнымъ вліяніемъ Австріи „служить оплотомъ противъ Россіи,“ и недавняя поѣздка князя Болгарскаго въ столицу Румыніи истолковывается какъ первый шагъ къ установленію такой федераціи.

Въ общемъ выводѣ, изъ новыхъ разоблаченій мы не узнаемъ почти ничего о соглашеніи состоявшемся въ Вѣнѣ. Желаніе Австріи обратить Балканскій полуостровъ въ свой рынокъ—старая новость. Мечты о федераціи на нижнемъ Дунаѣ—тоже пѣсня старая. Обращаетъ на себя вниманіе лишь походъ на Востокъ вновь дружно открытый въ германской печати? Что̀ онъ означаетъ? Или пока это лишь торгъ за дѣятельное участіе Германіи въ восточныхъ дѣлахъ.

№ 250

Москва, 2-го октября.

Англичане въ Кабулѣ. Вторая въ теченіи одного года Афганская война достигла цѣли, если считать таковою занятіе Кабула, даже нѣсколько ранѣе чѣмъ многіе считали возможнымъ по тѣмъ приготовленіямъ какія признавались необходимыми для полнаго обезпеченія похода отъ неудачи. Ожидали, на основаніи сообщеній корреспондентовъ, что генералъ Робертсъ не въ состояніи будетъ начать походъ ранѣе 5 октября, но ему удалось на нѣсколько дней ускорить приготовленія и выступить 1 числа новаго стиля уже за Шатаргарданскій проходъ. Движеніе большими силами по необходимости было медленное, въ особенности въ виду необходимости охранять линію сообщенія отъ нападеній хищныхъ горцевъ, а таковыя были сдѣланы уже 2 октября. По мѣрѣ приближенія къ Кабулу, начались и настоящія битвы. Объ успѣшномъ сопротивленіи афганскихъ полковъ, плохо обученныхъ и вооруженныхъ, и въ добавокъ лишенныхъ единства и общаго вождя, арміи обладающей всѣми новѣйшими усовершенствованіями военнаго искусства, невозможно было и думать. Всѣ знали что англійскія войска, немного раньше или позже, должны будутъ занять афганскую столицу, и дѣйствительно, по словамъ телеграммъ, генералъ Робертсъ вступилъ въ нее третьяго дня, въ воскресенье, 12 октября, занявъ наканунѣ цитадель города Балагиссаръ, служившую обыкновенно розиденціей эмира и гдѣ было совершенно убійство англійскаго посла.

Сравнительная скорость съ какою совершена экспедиція вѣроятно, возвыситъ значеніе такъ-называемой „научной“ границы пріобрѣтенной Англичанами по Гандамакскому договору. Каково бы ни было ея значеніе для лучшей обороны Индіи,—на этотъ счетъ мнѣнія различныхъ англо-индійскихъ авторитетовъ значительно расходятся,—она несомнѣнно дала возможность Англичанамъ скорѣе исполнить новое предпріятіе, такъ какъ всѣ главные проходы были уже въ ихъ рукахъ. Изъ Али-Хейля, передоваго англійскаго пункта въ Курумской долинѣ, былъ двинутъ отрядъ для занятія Шатаргардана въ тотъ же день какъ пришла вѣсть объ убіеніи Каваньяри; слѣдовательно, путь въ Кабулъ все время оставался открытымъ, и предстояло только организовать экспедиціонный корпусъ, а эта задача облегчалась тѣмъ что войска, послѣ недавно только оконченной прежней войны, находились еще по близости. Затрудненіе, и большое затрудненіе представляла только организація транспорта, и это было главною помѣхой скорому движенію. Не должно забывать что отъ Шатаргардана до Кабула всего 75 англійскихъ миль (113 верстъ). Цѣлый мѣсяцъ потребовался на приготовленія, и десять дней на переходы, которые правда, сопровождались битвами.

О характерѣ этихъ битвъ трудно судить по тѣмъ телеграммамъ которыя разсылаются англійскимъ военнымъ начальствомъ. Сами англійскія газеты жалуются что запрещеніе частнымъ корреспондентамъ сопровождать войска лишаетъ возможности получать точное понятіе о происходящемъ.

Обязанности газетныхъ корреспондентовъ Индійское правительство, какъ извѣстно, рѣшило поручить нѣсколькимъ офицерамъ штаба. Въ вѣрности извѣстій нѣтъ никакого повода сомнѣваться. Но тѣмъ не менѣе они, вмѣстѣ съ болѣе подробными донесеніями генерала Робертса, оставляютъ нѣсколько странное впечатлѣніе. 6 октября онъ былъ уже въ виду Кабула, у Чарасіаба, и выслалъ по всѣмъ дорогамъ къ столицѣ развѣдочные отряды, которые наткнулись на сильнаго непріятеля и потому отошли. Тутъ произошла первая битва, которая, по донесенію генерала, была самая упорная, хотя Англичане и потеряли въ ней всего 85 человѣкъ, захвативъ у непріятеля 12 пушекъ. Въ это время уже являлись къ Робертсу старшины предмѣстій Кабула съ покорностью, и онъ выражалъ надежду что страна успокоится, такъ какъ „народъ видитъ безполезность сопротивленія.“ Казалось бы послѣ этого можно было ожидать что на слѣдующій день онъ будетъ въ Кабулѣ. Однако это случилось лишь чрезъ четыре дня, и послѣ новыхъ битвъ. 7 октября битва длилась весь день, перестрѣлка продолжалась и по наступленіи темноты и, по словамъ телеграммы *Times*, „закатъ солнца помѣшалъ пѣхотной атакѣ.“ 8 числа генералъ Робертсъ подошелъ къ самому Кабулу и выражалъ мнѣніе что если „удастся атаковать непріятельскія толпы спустившіяся съ Балагиссарскихъ высотъ, то Афганцы не въ состояніи будутъ оказать дальнѣйшее сопротивленіе.“ Однако и потомъ, 10 октября, онъ телеграфировалъ что 8-го числа Бекеръ не могъ атаковать непріятеля вслѣдствіе наступленія темноты.“ Слѣдовательно и этотъ день прошелъ весь или въ битвѣ, или въ обходныхъ движеніяхъ. На слѣдующій день, то-есть уже 9-го, Бекеръ соединился съ Макферсономъ, но непріятель ночью бѣжалъ, бросивъ орудія, и, по словамъ депеши англійскаго генерала, „такъ разсѣялся“ что посланная въ погоню кавалерія могла захватить только немногіе мелкіе отряды. Но и послѣ того все-таки прошелъ еще день, и генералъ Робертсъ вступилъ въ Балагиссаръ только 11 октября. Все это не даетъ отчетливой картины, и мы видимъ только что битвы продолжались три дня сряду прежде чѣмъ было сломлено сопротивленіе. О потеряхъ Англичанъ во всѣхъ этихъ битвахъ мы пока ничего не знаемъ.

О движеніи другихъ отрядовъ покамѣстъ очень мало извѣстій. Выдвинутый изъ Кандагара отрядъ, занявшій Келатъ-и-Гильзай, выступилъ оттуда по направленію къ Газнѣ, но достигъ ли ея—неизвѣстно. Также не знаемъ двинулся ли къ Джеллалабаду Хайберскій отрядъ, о которомъ извѣщали только что онъ занялъ Дакку. Этотъ послѣдній отрядъ имѣетъ большую важность, такъ какъ ему предназначено открыть и установить для генерала Робертса постоянное сообщеніе послѣ занятія Кабула, въ виду того что съ наступленіемъ зимы Шатаргардаскій проходъ заносится снѣгомъ и бываетъ непроходимъ. Впрочемъ, въ англійскихъ газетахъ высказываютъ мнѣніе что съ занятіемъ Кабула, находящагося въ плодородной долинѣ, забота о непрерывности сообщенія для транспортовъ не будетъ уже имѣть прежняго значенія, такъ какъ продовольствіе отряда будетъ обезпечено.

Военная часть предпріятія окончена, по крайней мѣрѣ что касается прямой ея цѣли: похода для занятія афганской столицы. Но политическая сторона вопроса остается нетронутою и не разъясненною, даже въ большей мѣрѣ чѣмъ то было до заключенія Гандамакскаго договора. Необходимость этой новой экспедиціи именно доказала всю несостоятельность этого договора. Чѣмъ и какъ предполагается его дополнить—на это не встрѣчаемъ даже намековъ въ наиболѣе свѣдущихъ о намѣреніяхъ правительства англійскихъ газетахъ. Говорятъ даже будто правительство и не принимало еще никакого рѣшенія, предоставляя пока вести дѣло военнымъ рукамъ. Вообще, однако, съ увѣренностью высказываютъ что въ принятой политикѣ не будетъ отступленія ни относительно пребыванія англійскаго резидента при эмирѣ, ни относительно подчиненія иностранныхъ сношеній его страны англійскому контролю. Для обезпеченія же безопасности британскаго представителя будутъ приняты мѣры. Но это явно должно повести рано или поздно къ подчиненію страны англійской власти, хотя бы на первое время нѣсколько маскированному. Возвѣщеніе о подчиненіи Афганистана было бы въ настоящее время непопулярно въ Англіи, а потому, въ виду вѣроятности скорыхъ общихъ выборовъ, избѣгаютъ возбуждать толки объ этомъ и говорятъ только о мѣрахъ для обезпеченія безопасности англійскаго предста-

вителя. Но какія же это могутъ быть мѣры? Еслибы при покойномъ майорѣ Каваньяри вмѣсто 70 человѣкъ свиты былъ для охраны цѣлый полкъ, онъ конечно могъ бы продлить сопротивленіе, но едва ли могъ бы держаться цѣлый мѣсяцъ, въ ожиданіи выручки изъ Индіи въ случаѣ возмущенія вызваннаго его присутствіемъ. А мѣсяцъ, какъ показала нынѣшняя экспедиція, кратчайшій срокъ для похода на Кабулъ, даже когда горные проходы не завалены снѣгомъ, да еще при томъ условіи чтобы большія части войска постоянно находились въ готовности вблизи границы. Это годится для наказанія, но не для предупрежденія возможности новыхъ возстаній. Для обезпеченія безопасности англійскаго резидента одно средство—держать постоянные англійскіе отряды въ различныхъ пунктахъ самой страны. На первое время такъ, вѣроятно, и предполагается, и генералъ Робертсъ не тотчасъ же оставитъ Кабулъ. А тамъ, какъ можетъ-быть надѣется правительство, Англичане постепенно освоются и съ мыслью о постоянномъ занятіи Афганистана.

На первое время занятіе будетъ необходимо хотя бы для поддержанія власти самого эмира, которая и предъ тѣмъ не была тверда, ибо съ самой смерти Ширъ-Али страна находится, можно сказать, въ состояніи разложенія. Въ этомъ отношеніи интересны нѣкоторыя свѣдѣнія добытыя лагорскимъ корреспондентомъ *Daily News* о времени пребыванія майора Каваньяри при дворѣ Якубъ-хана. Между ними уже была размолвка по поводу того что Каваньяри непремѣнно хотѣлъ сопровождать эмира когда тотъ собирался отправиться для усмиренія возставшихъ провинцій Афганскаго Туркестана, а эмиръ опасался что если онъ отправится усмирять непокорныхъ подданныхъ въ сопровожденіи „кафира,“ то это еще болѣе поколеблетъ его власть и возбудитъ противъ него неудовольствіе. Такъ эта экспедиція эмира и не состоялась. Удостовѣрено также что столкновенія между свитой эмира и кабульскими солдатами, къ которымъ присоединялись и горожане, начались еще до прибытія гератскихъ полковъ. Когда же прибыли послѣдніе, то ихъ начальники прямо укоряли эмира за допущеніе Англичанъ въ Кабулъ, а эмиръ оправдывался предъ ними тѣмъ что только необходимость заставила его согласиться на союзъ съ Англіей, и старался задобрить ихъ выдачей трехмѣсячнаго жалованья. Если таковы были настроеніе страны и положеніе эмира два мѣсяца тому назадъ, то, спрашивается, тверже ли будетъ его власть безъ посторонней поддержки, теперь, когда онъ является въ свою столицу въ свитѣ этихъ самыхъ, ненавистныхъ народу, Англичанъ противъ которыхъ его подданные, безъ вождей, такъ упорно сражались день за днемъ и шагъ за шагомъ, а онъ смотрѣлъ на это избіеніе съ колесницы побѣдоноснаго англійскаго генерала? Конечно, нельзя думать что онъ всѣмъ этимъ привлекъ любовь своего народа, а тѣмъ болѣе чтобы въ виду этого признали его власть отдаленныя провинціи, которыя уже предъ тѣмъ почти отложились.

Вторженіе Англичанъ въ Афганистанъ до такой степени измѣнило все положеніе что трудно и предвидѣть какъ повернутся дѣла. Англичане въ Кабулѣ и Кандагарѣ; Бадахшанъ, Ваханъ, провинціи Афганскаго Туркестана, Гератъ, отложились отъ власти эмира. Возьмутъ ли на себя Англичане покорить для него эти непокорныя области? Они могутъ это сдѣлать если захотятъ не стѣсняться расходами, но мы полагаемъ что на первое время у нихъ будетъ довольно дѣла и въ самомъ Кабулѣ. Прежнее quasi-соглашеніе между Россіей и Англіей теперь окончательно рухнуло. Прежняго Афганистана не существуетъ болѣе; предъ нами теперь независимыя владѣнія Бадахшанъ, Ваханъ, Афганскій Туркестанъ, Гератъ. Мы пріобрѣтаемъ теперь полнѣйшую свободу дѣйствій, и намъ необходимо позаботиться о своемъ положеніи въ Средней Азіи не стѣсняясь дѣйствіями Англичанъ. Мы во всякомъ случаѣ знаемъ что они ищутъ утвердиться въ Кабулѣ вовсе не съ дружественными намъ цѣлями. Газета *Times* давно уже, по заключеніи Гандамакскаго трактата, объявляла что тамъ должна быть сторожевая башня для наблюденія за нашими дѣйствіями. Но не нужнѣе ли сторожевая башня намъ для наблюденія за англійскими дѣйствіями?

№ 251.

Москва, 3-го октября.

Новое германское судоустройство, введенное въ дѣйствіе съ 1 октября, имѣетъ

то существенное отличіе отъ нашей судебной организаціи что въ немъ вся судебная *власть*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, представляется исходящею исключительно отъ верховной власти. Выборныхъ судей въ Германіи нѣтъ. Низшіе органы суда, вѣдающіе тѣ дѣла которыя соотвѣтствуютъ нашей такъ-называемой мировой юстиціи, точно также назначаются отъ короны какъ и члены высшихъ коллегіальныхъ судовъ. При этомъ для всѣхъ безъ различія судей установлена одна общая квалификація, заключающаяся въ слѣдующемъ: Судьей можетъ быть лишь тотъ кто по окончаніи трехлѣтняго курса юридическихъ наукъ въ университетѣ выдержалъ еще два послѣдовательные государственные экзамена долженствующіе служить подтвержденіемъ теоретической и практической подготовки кандидата на судейскую должность. Между первымъ и вторымъ экзаменами должно пройти не менѣе трехъ лѣтъ, проведенныхъ на службѣ при судахъ, или въ прокуратурѣ, или же въ качествѣ помощника у адвоката. Та же самая квалификація установлена и для поступленія въ прокуратуру и адвокатуру причемъ не только веденіе дѣлъ отъ имени тяжущихся предоставлено во всѣхъ судахъ (не исключая и мировой юстиціи) одной лишь офиціально-признанной адвокатурѣ, но и сами тяжущіеся не имѣютъ права въ дѣлахъ спорныхъ лично защищать свои интересы предъ судомъ, а обязаны поручить таковую защиту адвокату.

Правила о несмѣняемости судей во всемъ схожи съ узаконеніями на этотъ счетъ въ другихъ государствахъ.

Итакъ первое существенное различіе между нашими мировыми судьями и единоличными судьями (Amstrichter) которые въ Германіи составляютъ низшую степень суда заключается въ томъ что послѣдніе суть коронные судьи пользующіеся, одинаково съ прочими членами магистратуры, прерогативой несмѣняемости. Съ устраненіемъ выборнаго начала отпала и необходимость поставить мировую юстицію какъ бы внѣ общаго судоустройства, какъ это пришлось сдѣлать у насъ. Аппелляціонную инстанцію надъ амтсгерихтомъ составляетъ первая степень коллегіальнаго суда, ландгерихтъ, вполнѣ соотвѣтствующая нашимъ окружнымъ судамъ. Той степени суда которая соотвѣтствовала бы нашимъ мировымъ съѣздамъ въ Германіи нѣтъ.

Но этимъ не исчерпывается различіе между нашею и германскою мировою юстиціей.

Второе важное отличіе заключается въ предѣлахъ подсудности. Подсудность эта, съ одной стороны, гораздо шире, а съ другой уже чѣмъ у насъ. Она шире по отношенію къ классамъ населенія ей подвѣдомственнымъ, такъ какъ спеціальнаго крестьянскаго суда, подобнаго нашему волостному суду, въ Германіи почти вовсе нѣтъ, ибо хотя въ отдѣльныхъ общинахъ и установлены общинные суды (изъ выборныхъ представителей общины) для разбирательства гражданскихъ споровъ не превышающихъ 60 марокъ (20 руб.), но это, вопервыхъ, не сословный судъ, такъ какъ къ нему могутъ прибѣгать всѣ жители общины, а вовторыхъ, этотъ судъ не облеченъ судебною властью дѣйствующею принудительно и имѣетъ скорѣе характеръ третейскаго суда, такъ какъ каждая сторона имѣетъ право перенести дѣло къ амтсрихтеру и притомъ не въ смыслѣ аппелляціи, а какъ въ первую степень суда. За то по предѣламъ власти присвоенной германскимъ единоличнымъ судьямъ компетенція ихъ несравненно уже компетенціи нашей мировой юстиціи. По дѣламъ гражданскимъ амтсгерихтъ вѣдаетъ всѣ споры коихъ цѣнность не превышаетъ 300 марокъ, то-есть ста рублей по нормальному курсу. По цѣнности исковъ германскіе единоличные суды пользуются такимъ образомъ властью въ пять разъ меньшею нежели наши мировые судьи. Но изъ указаннаго правила о подсудности по цѣнѣ иска, германскій законъ установляетъ цѣлый рядъ исключеній, въ смыслѣ расширенія подсудности амтсгерихту, — исключеній которыя не мѣшало бы принять во вниманіе и у насъ. Исключенія эти относятся до такихъ разбирательствъ при коихъ быстрота суда составляетъ самую насущную потребность, и гдѣ судебныя проволочки, неизбѣжныя при сложной процедурѣ въ коллегіальномъ судѣ, часто грозятъ уничтожить самый предметъ спора. Въ этомъ отношеніи нашъ законъ подчиняетъ мировымъ судьямъ, безъ ограниченія цѣны, лишь иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Германскій же законъ указываетъ очень много юридическихъ пререканій кои, въ интересахъ быстроты и близости суда, отнесены, безъ различія цѣны иска, къ подсудности мѣстнаго единолич-

наго суда. Таковы, напримѣръ: споръ о наймѣ помѣщеній всякаго рода; споры между хозяевами и прислугой, нанимателями и рабочими; между проѣзжающими и всѣми лицами съ которыми они приходятъ въ имущественное соприкосновеніе въ качествѣ проѣзжающихъ, и прочія дѣла того же рода.

Уголовная компетенція германскихъ единоличныхъ судовъ еще болѣе своеобразна. Въ сущности амтсрихтеръ, какъ уголовный судья, уже не есть судья единоличный, такъ какъ ему придаются два засѣдателя, шеффена, участвующіе съ нимъ вмѣстѣ какъ въ разбирательствѣ дѣла, такъ и въ постановленіи приговора. Амтсрихтеръ дѣйствуетъ единолично лишь по привлеченію обвиняемаго къ суду и при процедурѣ предшествующей судебному засѣданію, да по приведенію въ исполненіе судебнаго приговора. При разбирательствѣ же дѣла въ публичномъ засѣданіи, шеффены засѣдаютъ рядомъ съ судьей, и послѣдній пользуется лишь преимуществами предсѣдателя. Шеффены имѣютъ ту общую черту съ присяжными что подобно послѣднимъ призываются въ судъ изъ мѣстныхъ обывателей и на основаніи списковъ составленныхъ сообща для тѣхъ и другихъ. Та и другая функція обязательна для всѣхъ жителей пользующихся правами гражданства въ данномъ округѣ и соотвѣтствующихъ извѣстнымъ условіямъ нравственной безупречности, причемъ въ Германіи не установлено для должности шеффена или присяжнаго никакого имущественнаго ценза, а требуется лишь чтобы вносимые въ списки не состояли въ частномъ услуженіи и не пользовались вспоможеніемъ изъ фондовъ для неимущихъ.

Отличаются шеффены отъ присяжныхъ тѣмъ что участвуютъ въ разрѣшеніи не только фактическихъ вопросовъ (о виновности и признакахъ преступнаго дѣянія), но и во всей совокупности дѣла и совѣщаются вмѣстѣ съ судьей пользуясь одинаковымъ съ нимъ правомъ голоса.

Несмотря, однако, на важную гарантію представляемую германскимъ закономъ обвиняемому и въ маловажныхъ проступкахъ чрезъ институтъ шеффеновъ, кругъ подсудности этого суда далеко не равняется по степени власти нашему мировому суду.

Суду шеффеновъ подсудны лишь проступки за которые въ уголовномъ законѣ положены наказанія не свыше трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія или денежный штрафъ не свыше 600 марокъ. Наши мировые суды, какъ извѣстно, судятъ дѣла по коимъ въ законѣ положено тюремное заключеніе до одного года, если оно не сопряжено съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ.

Слѣдуетъ замѣтить что германскій уголовный кодексъ даетъ суду при опредѣленіи наказаній несравненно большій просторъ нежели наше Уложеніе о Наказаніяхъ. Кражи и мошенничества всѣхъ видовъ были бы поэтому вовсе изъяты отъ подсудности шеффеновъ еслибы законъ ограничился указаннымъ опредѣленіемъ, ибо германскій кодексъ не знаетъ тѣхъ дробленій и подраздѣленій на роды и виды кражи кои имѣются въ нашемъ законѣ, а предоставляетъ суду примѣнять болѣе или менѣе строгое наказаніе смотря по тяжести вины, и намѣчаетъ лишь крайніе предѣлы наказуемости, которые простираются отъ одного мѣсяца тюрьмы до нѣсколькихъ лѣтъ тяжкаго заключенія (Zuchthaus) соотвѣтствующаго нашей каторгѣ. Вслѣдствіе этого въ новомъ кодексѣ судопроизводства пришлось какъ бы дополнить уголовный кодексъ, подчинивъ суду шеффеновъ всѣ кражи, растраты, присвоенія и мошенничества на сумму не свыше 25 марокъ, и такимъ образомъ установивъ для таковыхъ наказаніе не свыше трехмѣсячной тюрьмы.

Сверхъ того, также въ виду широкой власти суда при примѣненіи наказяній за преступленія, нѣмецкій законъ представляетъ высшимъ степенямъ суда передавать уже поступившія къ нимъ дѣла въ судъ шеффеновъ, если эти дѣла, по мнѣнію суда, не должны вести къ наказанію свыше трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, или 600 марокъ штрафа, хотя бы по закону и опредѣленъ былъ болѣе высокій максимумъ наказанія. Это опредѣленіе чрезвычайно важно и много облегчаетъ высшіе суды отъ наплыва маловажныхъ дѣлъ. У насъ, напротивъ, дѣло разъ поступившее въ высшій судъ не можетъ уже быть передано въ низшій судъ, а это составляетъ не послѣднюю причину чрезвычайнаго обремененія нашего суда присяжныхъ совершенно ничтожными дѣлами.

Такова низшая степень суда въ Германіи соотвѣтствующая нашимъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ.

№ 252.

Москва, 4-го октября.

Рѣчь предсѣдателя Московскаго Биржеваго Комитета Н. А. Найденова, произнесенная имъ на обѣдѣ который московское купечество давало 19 минувшаго сентября въ честь министра финансовъ генералъ-адъютанта С. А. Грейга пришлась не по нраву петербургскимъ экономистамъ. Конечно, трудно было бы и ожидать чтобъ она имъ понравилась. Въ этой рѣчи, какъ извѣстно, отъ имени Московскаго биржеваго общества, соединяющаго въ себѣ купечество не только Москвы, но и разныхъ другихъ городовъ русскихъ, и составляющаго главное представительство мануфактурной промышленности всей центральной Россіи, прямо и рѣшительно выраженъ былъ протестъ противъ *тяжелаго гнета иноземныхъ ученій пагубно влiявшихъ* на развитіе отечественой промышленности, и столь же прямо и рѣшительно выражено желаніе чтобы министръ финансовъ „поборолъ тѣ враждебныя начала которыя стремятся поколебать и умалить значеніе матеріальнаго благосостоянія нашего отечества.“ Все это нашимъ доктринерамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Не удивительно, поэтому, что эти господа, подкапываясь чуть не подъ каждое слова непріятной имъ рѣчи и прибѣгая къ разнымъ увертвамъ, силятся представить эту рѣчь въ смѣшномъ и нелѣпомъ видѣ, подорвать ея значеніе, извратить ея смыслъ, увѣрить кого-то что и самъ авторъ ея, и тѣ отъ чьего лица онъ говорилъ, не знаютъ чего хотятъ, не понимаютъ что̀ говорятъ. Но гнѣвъ омрачаетъ разсудокъ, что̀ и оказалось въ данномъ случаѣ. Умопомраченіе дошло до того что нѣсколько сочувственныхъ словъ о бывшемъ министрѣ финансовъ М. Х. Рейтернѣ показались въ Петербургѣ совершено несовмѣстимыми съ протестомъ противъ экономическихъ ученій пагубно влiявшихъ на отечественную промышленность; точно также не допускается возможности „нелицемѣрно“ одобрять великія преобразованія нынѣшняго царствованія и въ тоже время не быть сторонниками экономической доктрины. Какъ, восклицаютъ они, „развѣ на всѣхъ этихъ преобразованіяхъ и мѣропріятіяхъ М. Х. Рейтерна не отразились въ значительной степени многія *иноземныя ученія?*“

И хоть бы былъ въ рѣчи г. Найденова малѣйшій поводъ къ подобному восклицанію! Рѣчь эта вовсе не входила въ подробный разборъ реформъ нынѣшняго царствованія, иначе, можетъ-быть, въ ней убѣдительно было бы изложено какимъ тормазомъ для этихъ реформъ были иныя ученія, и насколько болѣе добра принесли бы странѣ эти реформы еслибы благотворное вліяніе ихъ не парализовалось въ значительной степени вліяніемъ непригодной намъ доктрины. Равнымъ образомъ, рѣчь вовсе не задавалась цѣлью представить полную оцѣнку дѣятельности бывшаго министра финансовъ М. Х Рейтерна, иначе, можетъ-быть, въ ней были бы должнымъ образомъ оттѣнены не однѣ свѣтлыя, но и темныя ея стороны. Вопреки увѣренію газетныхъ экономистовъ, г. Найденовъ въ своей рѣчи вовсе не ставилъ недавнее управленіе М. Х. Рейтерна „превыше всякихъ похвалъ.“ Вотъ единственное относящееся къ нему мѣсто рѣчи:

„Съ учрежденіемъ биржевыхъ обществъ на новыхъ основаніяхъ, промышленное сословіе пріобрѣло возможность обсуждать дѣла касающіяся его потребностей и представлять по этимъ предметамъ ходатайства на правительственное усмотрѣніе. При сочувствіи съ которымъ относился къ дѣламъ промышленности вашъ почтенный предмѣстникъ Михаилъ Христофоровичъ, ходатайства эти стали удостаиваться вниманія высшаго правительства; мнѣнія купечества стали приниматься въ соображеніе при различныхъ новыхъ мѣропріятіяхъ.“

Какое противорѣчіе съ протестомъ противъ пагубнаго гнета иноземныхъ ученій могли усмотрѣть въ этихъ словахъ наши доктринеры? Вѣдь благодарное за то что мнѣнія его принимались иногда въ соображеніе при различныхъ мѣропріятіхъ, купечество заявленіемъ этой благодарности вовсе не одобряетъ этихъ мѣропріятій во всей ихъ совокупности; оно выражаетъ только нѣкоторое довольство уже однимъ тѣмъ что принятіе въ соображеніе его мнѣній служило иной разъ хоть отчасти противовѣсомъ той доктринѣ которою иныя „мѣропріятія“ внушались.

Все это конечно не безызвѣстно нашимъ петербургскимъ экономистамъ. Они сами знаютъ что въ досадившей имъ рѣчи существенныхъ противорѣчій не оказывается. Но если ихъ нѣтъ, то имъ необходимо ихъ выдумать,—и они усердно ихъ выдумываютъ. Перечислять эти мнимыя противорѣ-

чія и входить въ ихъ разборъ, послѣ приведеннаго образца, не стòитъ.

Но замѣчательнѣе всѣхъ кривыхъ толковъ о рѣчи г. Найденова полное умолчаніе объ отвѣтной рѣчи генералъ-адъютанта С. А. Грейта. Какая бы могла быть причина такого къ ней невниманія?

Обѣ рѣчи, и предсѣдателя Московскаго Биржеваго Комитета, и министра финансовъ, одна другую дополняютъ; въ обѣихъ въ значительной мѣрѣ выразился результатъ богатаго запаса впечатлѣній вынесенныхъ изъ поѣздки по Россіи ея министра финансовъ, съ одной стороны, имъ самимъ, съ другой—людьми промышленнаго и коммерческаго міра. И ни тотъ, ни другіе, конечно, не виновны въ томъ если эти впечатлѣнія не таковы какихъ желалось бы инымъ политико-экономамъ.

Изо дня въ день эти господа пѣли одну и ту же пѣсню. Матеріальное благосостояніе Россіи потрясено, экономическое положеніе ея изъ рукъ вонъ плохо. Оказавшееся въ ней промышленное оживленіе—одинъ миражъ, „пьяное веселье", не здоровье, а болѣзнь. Противъ этого оживленія необходимо принять мѣры какъ противъ злой лихорадки, иначе неизбѣженъ тяжкій кризисъ, періодъ „печали и воздыханій." Такія и имъ подобныя рѣчи, раздававшіяся непрерывно уже не одинъ годъ и отозвавшіяся даже во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ фразой о „временномъ искусственномъ возбужденіи торговыхъ оборотовъ," — такія рѣчи можетъ быть еще звучали въ ушахъ министра когда онъ начиналъ свою поѣзду. Но вотъ онъ побывалъ въ Ярославлѣ, Шуѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ и посмотрѣлъ на тамошнія промышленныя заведенія, посѣтилъ Нижегородскую ярмарку, присмотрѣлся къ ходу ея торговыхъ дѣлъ, бесѣдовалъ нѣсколько разъ со многими представителями разнообразныхъ отраслей торговли и промышленности. Какой былъ первый результатъ этого непосредственнаго ознакомленія съ ходомъ дѣлъ, помимо чужихъ глазъ и очковъ, помимо бюрократическихъ донесеній и кабинетныхъ выводовъ доктрины? Вотъ чтò сказалъ генералъ-адъютантъ Грейтъ на обѣдѣ данномъ въ честь его 15 августа ярмарочнымъ купечествомъ: „Здѣсь и на пути сюда могъ я ближе при„смотрѣться къ ходу отечественной про„изводительности и бесѣдовать съ ея пред„ставителями. Я ожидалъ многаго, но то „чтò я видѣлъ и вижу превзошло мои ожи„данія и ободрило меня на будущіе труды. „Съ вѣрою въ Россію я принялъ благо„словеніе Государя въ день назначенія меня „министромъ финансовъ; вѣра эта ни на „минуту не ослабѣвала; ни люди, ни со„бытія не могли ее поколебать, а здѣсь, „на Волгѣ и Приволжьѣ, глядя на бойко „и весело работающее населеніе, глядя на „кипучую дѣятельность фабрикъ и заво„довъ, на цвѣтущую торговлю, вѣра эта „еще болѣе окрѣпла. Вспоминая какими „исполинскими шагами шагнула Россія на „всѣхъ путяхъ народнаго развитія въ 25 „лѣтъ царствованія нашего Государя Александра Николаевича, не остается мѣста „*тоскливымъ чувствамъ унынія и сомнѣ„ній*... Продолжайте же, господа, рабо„тать, продолжайте производить и торго„вать въ мирѣ и спокойствіи; не давайте, „прошу васъ, вѣры тревожнымъ слухамъ „и разнымъ предсказаніямъ."

Послѣ произнесенія этой рѣчи прошло болѣе мѣсяца. Ярмарочное купечество успѣло разъѣхаться по домамъ, ободренное словами министра, и министръ, продолжавшій между тѣмъ свой объѣздъ и имѣвшій во время его возможность провѣрить насколько не похожа живая дѣйствительность на обычное изображеніе ея получаемое сквозь призму мертвой доктрины, прибылъ наконецъ въ Москву, посѣщеніемъ коей имѣла окончиться предпринятая имъ поѣздка. Послѣдовалъ извѣстный обѣдъ 19 сентября, на которомъ генералъ-адъютантъ Грейгъ вновь обратился съ рѣчью къ представителямъ русской торговли и промышленности.

Рѣчь эта могла придтись по вкусу нашимъ доктринерамъ еще менѣе чѣмъ столь досадившая имъ рѣчь г. Найденова. Этотъ послѣдній, отъ имени русскаго торговаго и промышленнаго міра, выражалъ протестъ противъ пагубнаго для промышленности тяжелаго гнета „иноземныхъ ученій" и указывалъ въ промышленныхъ силахъ Россіи средство побороть тѣ „враждебныя начала которыя стремятся поколебать и умалить значеніе матеріальнаго благосостоянія нашего отечества." А чтò отвѣчалъ министръ на рѣчь такого содержанія,—рѣчь, которую недовольные ею выставляютъ какъ какую-то, конечно зловредную, „демонстрацію?" „Слова привѣтливой рѣчи вашего предсѣдателя," сказалъ генералъ - адъю-

тантъ Грейгъ, обращаясь къ московскому купечеству, „награждаютъ меня превыше „всякихъ заслугъ... Для многихъ изъ васъ „я новый человѣкъ, со многими знакомъ „лишь недавно; но сердце сердцу вѣсть „даетъ, и я чувствую что мы свои и, на-„дѣюсь, своими останемся. На ваше со-„дѣйствіе я всегда буду разчитывать и „всегда буду радъ прислушиваться къ ва-„шимъ совѣтамъ Цѣну такихъ совѣтовъ „я знаю ужь и теперь.“

Этого мало. Въ рѣчи своей министръ финансовъ, въ прямой отвѣтъ на указанныя стремленія поколебать и умалить значеніе матеріальнаго благосостоянія Россіи, въ недопускающихъ перетолкованія словахъ выразился такъ: „Я видѣлъ какъ ра-„ботаетъ промышленная Россія, какъ она „развивается, какъ многообразна и *своеоб-„разна* она въ своихъ могучихъ проявле-„ніяхъ, какъ богата она своею будущ-„ностью. Но богата она не одною будущ-„ностью... не бѣдна та страна которая „непосредственно вслѣдъ за войной стоив-„шею милліардъ рублей сводитъ безъ не-„дочета свою государственнную роспись „и въ короткій промежутокъ восьми мѣся-„цевъ съ избыткомъ покрываетъ два зай-„ма въ шестьсотъ милліоновъ рублей.“

Подобныя слова полны значенія въ устахъ министра, который еще такъ недавно, въ 1876 году, въ бытиость свою государственнымъ контролеромъ, въ *Объяснительной Запискѣ къ Отчету Государственнаго Контроля за 1875 годъ*, выражалъ взглядъ на будущее финансоваго положенія Россіи отзывавшійся именно тѣми „сомнѣніями“ какія пропагандировались экономистами и въ заграничной, и въ петербургской печати. Перемѣна и тона, и мнѣній бросается въ глаза, и въ виду этой перемѣны понятнымъ становится въ какомъ смыслѣ употреблена министромъ фраза: Какъ „ослабѣвающія силы бойца древней бытовой „басни крѣпли и возстановлялись отъ сопри-„косновенія съ матерью землей, такъ, чув-„ствую я, и мои силы окрѣпли и возстано-„вились отъ соприкосновенія съ Матерью „Россіей.“

Не мудрено что въ виду этого наши доктринеры, распространяясь о своихъ взглядахъ на то что̀ выражено въ рѣчи представителя московскаго купечества, предпочли умолчать о взглядахъ на тотъ же предметъ лица къ которому эта рѣчь была обращена.

№ 253.

Москва, 5-го октября.

Общая организація германскихъ новыхъ судовъ, кромѣ низшихъ органовъ соотвѣтствующихъ нашему мировому суду сходна съ организаціей коллегіальныхъ судовъ во всѣхъ прочихъ странахъ Европы принявшихъ за образецъ французское судоустройство. Первую инстанцію суда составляютъ земскіе или окружные суды — ландгерихты; имъ въ дѣлахъ гражданскихъ подсудны всѣ дѣла превосходящія по цѣнѣ иска компетенцію амтсгерихтовъ, а по уголовнымъ всѣ проступки и преступленія за которые назначаются наказанія болѣе строгія нежели какія можетъ постановить единоличный судья. Вторую и послѣднюю инстанцію разсматривающую существо дѣла составляютъ, какъ по уголовнымъ такъ и по гражданскимъ дѣламъ, оберландгерихты, соотвѣтствующіе нашимъ судебнымъ палатамъ. Наконецъ, верховнымъ кассаціоннымъ трибуналомъ является имперскій судъ, одинъ для всей имперіи, который засѣдаетъ въ Лейпцигѣ. Впрочемъ, и оберландгерихтамъ присвоено отчасти значеніе кассаціонной инстанціи, а именно по всѣмъ дѣламъ подсуднымъ амтсгерихту, для коихъ окружные суды (ландгерихты) служатъ аппелляціонною инстанціей. И у насъ, какъ извѣстно, была рѣчь о томъ чтобы кассаціонною инстанціей для мировыхъ учрежденій служилъ не Правительствующій Сенатъ, а судебныя палаты, и этотъ вопросъ, поднятый еще при составленіи судебныхъ уставовъ, былъ затѣмъ вновь возбужденъ когда практика показала какъ много неудобствъ порождаетъ обремененіе Сената огромною, подавляющею массой ничтожныхъ дѣлъ поступающихъ на кассацію изъ мировыхъ съѣздовъ. Парализуя дѣятельность нашего верховнаго кассаціоннаго суда, этотъ порядокъ отзывается вредно и на интересахъ сторонъ прибѣгающихъ къ кассаціи, ибо быстрота производства, столь существенная въ дѣлахъ простыхъ и незначительныхъ по цѣнѣ, совершенно невозможна при нашихъ разстояніяхъ и необходимости отправлять въ Петербургъ всякую кассаціонную жалобу на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ. Но у насъ существеннымъ препятствіемъ къ установленію иного порядка, который избавилъ бы Сенатъ отъ ненужнаго бремени, выставляли то со-

ображеніе что наша мировая юстиція, какъ выборная, стоитъ внѣ всякой органической связи съ общимъ строемъ суда, причемъ, по мнѣнію многихъ, было бы неудобно установить іерархическую подчиненность мировыхъ учрежденій судебнымъ палатамъ. Мы, съ своей стороны, этого неудобства никогда не признавали, и полагаемъ что рано или поздно сила вещей все-таки приведетъ къ необходимости внести эту поправку въ наше судоустройство, такъ какъ всѣ прочія средства кои до сихъ поръ были употребляемы въ видахъ облегченія Сената и ускоренія производства въ ономъ оказались недостаточными. Но въ Германіи, гдѣ судьи низшей инстанціи не выбираются, а назначаются отъ короны, съ одной стороны не могло и представиться указаннаго „неудобства" іерархическаго свойства, а съ другой, тамъ не возникало и сомнѣнія въ томъ что кассацію маловажныхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, гораздо лучше предоставить *нѣсколькимъ* трибуналамъ нежели заставить ихъ восходить, въ интересахъ однообразнаго примѣненія законовъ, къ верховному трибуналу; дѣла маловажныя по цѣнѣ большею частію несложны и въ юридическомъ отношеніи, и по нимъ не можетъ возникать столь важныхъ недоразумѣній по истолкованію смысла законовъ чтобы необходимо было возводить эти недоразумѣнія на разрѣшеніе высшаго въ государствѣ суда.

Не входя въ подобный разборъ всѣхъ особенностей коими новый германскій порядокъ отличается отъ прочихъ относительно самаго судопроизводства, укажемъ лишь на двѣ изъ нихъ, относящіяся къ производству по торговымъ дѣламъ въ гражданскомъ процессѣ и къ суду присяжныхъ въ уголовномъ.

По первоначальному проекту германскихъ судебныхъ законовъ предполагалось учредить въ торговыхъ центрахъ особые трибуналы для дѣлъ торговаго свойства. Коммиссія юристовъ назначенная рейхстагомъ для разсмотрѣнія законопроектовъ предположила въ началѣ вовсе отмѣнить особую процедуру для торговыхъ дѣлъ и подчинить оныя общему порядку суда, даже безъ привлеченія для сужденія по этимъ дѣламъ представителей изъ торговаго сословія. Противники спеціальнаго коммерческаго судопроизводства доказывали что коронные судьи-юристы наиболѣе компетентны и по вопросамъ возникающимъ изъ торговыхъ сдѣлокъ, и что если ихъ свѣдѣнія о различныхъ обычаяхъ существующихъ въ торговлѣ будутъ недостаточны, то для уясненія этого рода вопросовъ коронные судьи могутъ прибѣгать къ вызову въ судъ свѣдущихъ по торговой части людей и выслушивать ихъ заключенія въ качествѣ экспертовъ, подобно тому какъ и по другимъ техническимъ вопросамъ суду предоставлено обращаться къ экспертамъ, коихъ мнѣніе однако для суда не обязательно. Но это предположеніе юристовъ встрѣтило энергическое противодѣйствіе со стороны германскаго купечества, которое пустило въ ходъ всѣ средства агитаціи, путемъ митинговъ и петицій къ правительству и въ парламентъ, дабы отстоять особый порядокъ торговаго судопроизводства. Результатомъ этой борьбы былъ компромиссъ, состоявшійся при дѣятельномъ вмѣшательствѣ князя Бисмарка. Компромиссъ этотъ заключается въ томъ что коммерческіе трибуналы хотя и не учреждены въ видѣ самостоятельныхъ судовъ, но сохранены какъ особыя отдѣленія окружныхъ судовъ (ландгерихтовъ). Такія отдѣленія открываются вездѣ гдѣ имѣется въ томъ надобность, и состоятъ изъ предсѣдателя, изъ коронныхъ судей и изъ двухъ представителей отъ купечества назначенныхъ на три года изъ лицъ торговаго сословія, причемъ кандидаты предлагаются торговыми палатами и утверждаются правительствомъ. Должность члена торговаго отдѣленія суда есть почетная и не сопряжена ни съ какимъ денежнымъ содержаніемъ. Торговому трибуналу предоставлено разрѣшать дѣла руководствуясь не только законами, но и существующими въ торговомъ мірѣ обычаями. Торговыя отдѣленія ландгерихтовъ, съ сословными представителями, составляютъ, однако, лишь первую инстанцію суда; по апелляціи же на ихъ рѣшенія, дѣла поступаютъ въ оберъландгерихтъ, гдѣ засѣдаютъ одни юристы; а кассаціонную инстанцію составляетъ имперскій судъ, замѣнившій собою верховный для всей Германіи торговый трибуналъ, засѣдавшій въ Лейпцигѣ. Приверженцы самостоятельнаго коммерческаго судопроизводства добивались не только сохраненія этого верховнаго торговаго трибунала, но и учрежденія особыхъ апелляціонныхъ торговыхъ судовъ. Но въ этомъ они потерпѣли полную неудачу.

Мы сочли нужнымъ указать въ общихъ чертахъ на то какъ въ Германіи разрѣшенъ спорный вопросъ относительно торговаго судопроизводства, въ виду того что вопросъ этотъ у насъ остается открытымъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ — со времени изданія судебныхъ уставовъ. И у насъ предполагалось учредить, вмѣсто существующихъ коммерческихъ судовъ, особыя торговыя отдѣленія при окружныхъ судахъ, съ участіемъ представителей отъ купечества; однако коммерческіе суды все еще продолжаютъ самостоятельное существованіе. Но главное неудобство въ томъ что наши коммерческіе суды, находясь въ переходномъ состояніи и въ ожиданіи реформы, дѣйствуютъ пока на основаніи устарѣвшаго устава, изданнаго въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и подчинены не кассаціонному суду, а подлежащимъ закрытію старымъ департаментамъ Сената, которые служатъ для нихъ и аппелляціонною, и кассаціонною инстанціей, такъ какъ нашъ старый порядокъ судопроизводства не зналъ различія между аппелляціей и кассаціей. Давно пора вывести наше торговое судопроизводство изъ переходнаго состоянія въ коемъ оно находится и обновить оное примѣненіемъ тѣхъ новыхъ началъ на которыхъ построенъ весь остальной гражданскій процессъ. Примѣръ Германіи доказываетъ что это и не особенно трудно.

Обращаясь къ германскому уголовному процессу съ присяжными, не можемъ не указать прежде всего на то что этотъ судъ назначается лишь для самыхъ тяжкихъ преступленій, а именно для тѣхъ кои влекутъ за собою наказанія свыше пяти лѣтъ смирительной тюрьмы (соотвѣтствующей нашей каторгѣ), до смертной казни включительно. Преступленія печати не изъяты изъ подсудности присяжныхъ если они по закону подпадаютъ указанной мѣрѣ наказанія. Всѣ же проступки и преступленія кои по положеннымъ за нихъ наказаніямъ стоятъ въ срединѣ между подсудностью амтсгерихта и суда присяжныхъ, вѣдаются окружными судами въ составѣ 5 коронныхъ судей. Но и приговоры окружныхъ судовъ постановляемые безъ присяжныхъ не подлежатъ аппелляціи.

Другая особенность нѣмецкаго процесса съ участіемъ присяжныхъ заключается въ устраненіи процедуры преданія суду, которая по нашему закону обязательно предшествуетъ разбирательству съ присяжными и столь ненужнымъ образомъ замедляетъ быстроту суда, не представляя въ то же время почти никакой гарантіи для большинства подсудимыхъ. Новые нѣмецкіе законы могутъ послужить вѣскимъ аргументомъ въ пользу упраздненія нашихъ обвинительныхъ камеръ, которыхъ, впрочемъ, никто у насъ особенно и не отстаиваетъ.

№ 254.

Москва, 6-го октября.

Нѣкій вліятельный французскій политикъ, имя коего не упоминается, въ бесѣдѣ съ парижскимъ корреспондентомъ *Manchester Guardian* выразился что при настоящемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ онъ находитъ внѣшнее положеніе Франціи какъ нельзя болѣе благопріятнымъ, такъ что, по его разчетамъ, черезъ немного лѣтъ не ей придется искать союзовъ, а ея союза будутъ искать другіе. Но чтобъ это было такъ, присовокупилъ онъ, нужно одно условіе, а именно чтобы во Франціи не дѣлали ошибокъ, чтобы нынѣшнее республиканское правительство утвердилось прочнѣе и чтобы поддерживающее его большинство перестало дробиться на партіи. Въ послѣдніе дни извѣстія изъ Парижа рисуютъ, однако, положеніе внутреннихъ дѣлъ Франціи далеко не въ смыслѣ желаній анонимнаго французскаго патріота. Въ странѣ вновь поднимается агитація, и нѣкоторые симптомы оной способны подтвердить опасенія тѣхъ кто еще со времени паденія кабинета Дюфора предсказывали что республика во Франціи неизбѣжно должна будетъ пойти по наклонной плоскости радикализма. Президента Греви и его нынѣшній кабинетъ г. Ваддингтона, конечно, нельзя заподозрить въ потворствѣ радикализму; однако всѣмъ извѣстно что кабинетъ далеко не однороденъ, и что нѣкоторые элементы въ немъ болѣе радикальны чѣмъ другіе. Онъ сдѣлалъ уже много уступокъ радикаламъ: въ вопросѣ объ амнистіи, возвративъ изъ ссылки коммуниковъ тысячами; въ рѣшеніи перенести палаты изъ Версаля въ Парижъ; наконецъ въ законопроектѣ Ферри о высшемъ преподаваніи, который прошелъ уже въ палатѣ депутатовъ, но долженъ встрѣтить сильную оппозицію въ сенатѣ.

И вотъ, когда еще не рѣшенъ этотъ послѣдній вопросъ, породившій разладъ въ рядахъ самихъ республиканцевъ, такъ какъ многіе умѣренные, съ г. Жюлемъ Симономъ во главѣ, рѣшительно противъ проекта Ферри, министерству создается новое затрудненіе требованіемъ полной амнистіи для тѣхъ немногихъ главныхъ вожаковъ коммуны, виновныхъ въ убійствахъ и поджогахъ, которые остаются еще въ Новой Каледоніи. Агитація эта получила особенное значеніе потому что за полную амнистію начала рьяно ратовать *République Française*, остающаяся органомъ г. Гамбетты (эта газета есть его собственность), несмотря на то что онъ прекратилъ дѣятельное участіе въ ней съ тѣхъ поръ какъ сталъ президентомъ палаты Первая статья въ этомъ смыслѣ возбудила только удивленіе. Думали что она могла появиться безъ вѣдома г. Гамбетты, котораго въ то время не было въ Парижѣ. Но настойчивость съ какою газета продолжаетъ требовать полной амнистіи опровергала это предположеніе. *Journal des Débats* не сомнѣвается что это дѣлается по внушенію г. Гамбетты и видитъ въ этомъ нападеніе на министерство. Вслѣдъ за *République Française*, *Presse* и другія газеты, которыя были прежде противъ амнистіи вообще, теперь начинаютъ соглашаться съ доводами *République Française* что частная амнистія неизбѣжно должна привести къ полной. Помимо факта возбужденія этого новаго вопроса, интересны доводы которые приводятся въ пользу полной амнистіи. Указываютъ, вопервыхъ, на невозможность провести строгое различіе между прощенными коммуниками, которые пользуются теперь полными гражданскими и политическими правами во Франціи, и остальными ихъ товарищами остающимися въ пенитенціарныхъ колоніяхъ. Потомъ указываютъ на то что возвратившіеся коммуники держали себя тихо и спокойно, стараясь стушеваться (впрочемъ, только на первое время, какъ видно будетъ ниже), какъ будто это было не обязанностью съ ихъ стороны, а какою-то заслугой требующею награды. Наконецъ, *République Française* требуетъ полной амнистіи „не только по соображеніямъ справедливости и гуманности, но и въ интересѣ республиканской партіи,“ указывая что пока хотя одинъ коммуникъ остается въ изгнаніи, могутъ де повторяться такія вещи какъ выборы въ Бордо человѣка лишеннаго гражданскихъ правъ, выборы порождающіе постоянные раздоры въ рядахъ республиканской партіи. Этотъ послѣдній аргументъ самый опасный, такъ какъ ставитъ цѣной единства партіи постоянную уступчивость самымъ крайнимъ и опаснымъ ея элементамъ.

Собранія совѣта министровъ, о коихъ возвѣщали телеграммы, указываютъ что министерство предвидитъ возможность возбужденія въ палатѣ вопроса о полной амнистіи, и готовится къ тому. Значитъ агитація за амнистію имѣетъ уже довольно серіозное значеніе.

Агитація не ограничивается газетными сужденіями; она сопровождается и другими тревожными признаками, которые также, какъ говорятъ, были предметомъ совѣщаній министровъ. „Оваціи сдѣланныя въ Бордо Луи Блану и Бланки,“ пишетъ парижскій корреспондентъ *Times*, „дѣйствія соціалистическихъ комитетовъ, и двое похоронъ амнистированныхъ коммуниковъ доказываютъ что законный авторитетъ правительства начинаетъ колебаться. Также и возвращенные коммунники, которые въ началѣ подавали примѣръ осторожности и умѣренности тѣмъ кто хотѣлъ извлечь пользу изъ ихъ прибытія, живо втянулись въ потокъ фанатическихъ мнѣній, до того что теперь воображаютъ что имъ предстоитъ прощать Францію, а не самимъ получать отъ нея прощеніе. Преступленія коммуны публично восхваляются, зачинщики ихъ превозносятся какъ граждане заслужившіе благодарность страны, а кто дерзаетъ протестовать противъ этого подвергается оскорбленію и брани.“

Неприглядная картина послѣдствій помилованія людей участвовавшихъ въ самомъ гнусномъ возмущеніи! Но что она едва ли преувеличена, доказывается такимъ характеристичнымъ фактомъ какъ выборъ нѣкоего Эмбера (Humbert) въ члены Парижскаго муниципальнаго совѣта. Кто этотъ Эмберъ? Помилованный коммуникъ и бывшій редакторъ *Père Duchêne*, самой грязной газеты, которая выходила во время коммуны въ 1871 году и одна только дозволялась ею. Но съ его именемъ связано и болѣе трагическое и кровавое воспоминаніе. Въ числѣ жертвъ коммуны былъ нѣкто г. Шоде, республиканскій адвокатъ и журналистъ, который имѣлъ мужество про-

тестовать въ газетѣ *Siècle* противъ тиранніи коммуны; вслѣдъ за тѣмъ въ *Père Duchêne* 12 апрѣля появилась злобная статья спрашивавшая „скоро ли г. Шоде будетъ преданъ суду и растрѣлянъ?“ На слѣдующій же день онъ былъ арестованъ, продержанъ въ тюрьмѣ до 23 мая и затѣмъ растрѣлянъ безъ суда. Теперь, предъ выборами въ муниципальный совѣтъ, у г. Эмбера потребовали объясненій по этому поводу, и оказалось что онъ одобрялъ и теперь одобряетъ это преступленіе. И этотъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе, выбранъ членомъ Парижскаго муниципальнаго совѣта! Мало того, рѣчи произнесенныя имъ при этомъ случаѣ были такъ возмутительны что прокуроръ рѣшилъ начать противъ него судебное преслѣдованіе, также какъ и противъ газеты *Marseillaise*, которая провозгласила что избраніе г. Эмбера есть „пощечина данная Тьеру и Макъ-Магону и всѣмъ подчиненнымъ имъ префектамъ, депутатамъ, генераламъ и т. п.“

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ органъ г. Гамбетты настойчиво продолжаетъ стоять за полную амнистію, зная что министерству невозможно согласиться на нее, такъ какъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ президентъ совѣта г. Вадигтонъ, въ рѣчи произнесенной въ Лаонѣ, положительно объявлялъ вопросъ объ амнистіи окончательно рѣшенымъ. Въ виду этого, тактика *République Française* представляется весьма загадочною. Она какъ бы показываетъ что бывшій диктаторъ теперь не прочь принять власть если кабинетъ будетъ свергнутъ. Иные думаютъ, впрочемъ, что онъ желаетъ только сохранить свою популярность, зная что кабинетъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на требуемую мѣру, и что еслибы даже она прошла въ палатѣ, то навѣрное была бы отвергнута въ сенатѣ. Но это значитъ играть съ огнемъ. Когда вопросъ о полной амнистіи будетъ поднятъ въ палатѣ, а министерство выскажется противъ нея и будетъ принуждено поставить кабинетный вопросъ, то если большинство будетъ за полную амнистію, кабинету останется только выйти въ отставку и уступить мѣсто другому, болѣе радикальному. Распустить палату и обратиться къ общимъ выборамъ по такому жгучему вопросу значитъ повергнуть страну въ хаосъ самаго опаснаго броженія. Опереться на сенатъ также неудобно, ибо въ такомъ случаѣ надо искать опоры въ консервативныхъ монархическихъ элементахъ, а нѣкоторые изъ нихъ, особенно орлеанисты и бонапартисты, сами не прочь поддержать требованіе полной амнистіи, въ надеждѣ что эта мѣра скорѣе поведетъ ко крушенію республики. Единственнымъ благополучнымъ исходомъ было бы еслибы въ палатѣ нашлось большинство противъ одной амнистіи. Но найдется ли оно когда многіе убѣждены что въ самомъ кабинетѣ есть лица сочувствующія этой мѣрѣ? Замѣткѣ *Agence Havas* что кабинетъ „единодушно“ рѣшилъ не отступать отъ своего положенія по этому вопросу мало вѣрятъ. Офиціозное заявленіе считается вѣрнымъ лишь въ томъ смыслѣ что рѣшенія кабинета принимаются большинствомъ, послѣ чего они обязательны для всѣхъ членовъ. Но многія газеты не стѣсняясь объявляютъ что министры Фрейсине, Леперъ и Тираръ говорили на совѣтѣ въ пользу амнистіи, хотя и остались въ меньшинствѣ. А такъ какъ взгляды этого меньшинства раздѣляются г. Гамбеттой, то газета *Télégraphe* дѣлаетъ отсюда логическій выводъ что гг. Вадингтонъ и Леройе, главные противники амнистіи, должны будутъ выйти въ отставку какъ только соберутся палаты, и что новый кабинетъ образуется де вѣроятно подъ водительствомъ г. Фрейсине, который, вмѣстѣ съ предсѣдательствомъ въ совѣтѣ, возьметъ себѣ и портфель иностранныхъ дѣлъ. Названная газета полагаетъ что объ удаленіи вмѣстѣ съ тѣмъ президента республики не можетъ быть и рѣчи, и что г. Греви останется на своемъ посту.

Не лишены интереса нѣкоторыя указанія что на эти внутреннія дѣла Франціи обращено зоркое вниманіе германскаго канцлера. По словамъ корреспондента *Daily News*, князь Бисмаркъ, при свиданіи съ проѣзжавшимъ чрезъ Берлинъ французскимъ посломъ при Русскомъ дворѣ, генераломъ Шанзи, повторилъ ему увѣреніе въ дружественномъ отношеніи Германіи къ его странѣ, но присовокупилъ что онъ ни за что̀ не можетъ поручиться если г. Вадингтонъ перестанетъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ. Разказываютъ также будто князь Бисмаркъ, при свиданіи въ Вѣнѣ съ г. Тессераномъ де-Боромъ сказалъ французскому послу что „монархическія націи въ Европѣ обязаны внимательно наблюдать за тѣмъ что̀ происхо-

дить во Франціи,“ поспѣшивъ, впрочемъ, прибавить что присутствіе во главѣ правительства такихъ людей какъ гг. Греви и Ваддингтонъ „не оставляетъ никакого предлога для безпокойства.“

№ 256.

Москва, 8-го октября.

Третьяго дня телеграммы одновременно принесли намъ два интересныя заявленія—вступительный циркуляръ новаго австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Гаймерле и рѣчь произнесенную въ субботу маркизомъ Солсбери на банкетѣ въ Манчестерѣ. Австрійскій циркуляръ довольно блѣденъ и вращается лишь въ общихъ безцвѣтныхъ увѣреніяхъ въ томъ что графъ Гаймерле намѣренъ держаться политики своего предшественника. Не такова рѣчь англійскаго министра. О поѣздкѣ лорда Солсбери въ Манчестеръ было возвѣщено заранѣе, рѣчи его ожидали съ нетерпѣніемъ, къ ней подготовляли публику почти съ такою же таинственностью какъ и къ надѣлавшей столько шума поѣздкѣ германскаго канцлера въ Вѣну. Какъ мы уже имѣли случай упоминать, въ Англіи нынѣшнею осенью началась сильнѣе чѣмъ когда-либо избирательная агитація, въ ожиданіи возможности общихъ выборовъ, хотя никто не знаетъ распуститъ ли правительство парламентъ въ нынѣшнемъ году или продлитъ его еще на одну сессію. Надежды либераловъ усиливались тѣмъ что рѣчи министровъ въ послѣднее время приняли замѣчательно апологетическій тонъ, и вмѣсто прежней похвальбы, говорившіе недавно на митингахъ канцлеръ казначейства сэръ-Стаффордъ Норткотъ и министръ внутреннихъ дѣлъ г. Кроссъ ограничились только довольно слабыми возраженіями на нападки оппозиціонныхъ ораторовъ. Всѣ ожидали что лордъ Солсбери, который вмѣстѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ считается главнымъ руководителемъ политики министерства, обнаружитъ въ своей рѣчи иной полетъ, и противниковъ кабинета нѣсколько смущало опасеніе какого-нибудь новаго сюрприза. Они теперь могутъ успокоиться, такъ какъ рѣчь лорда Солсбери не подарила сюрпризомъ въ смыслѣ какого-нибудь новаго предпріятія Англіи.

Сюрпризъ въ ней другаго рода. Она любопытна какъ новое толкованіе англійской политики. Тонъ рѣчи лорда Солсбери также отчасти апологетическій. Онъ также болѣе оправдываетъ прошедшія дѣйствія чѣмъ говоритъ о будущемъ. Но какая разница между тѣмъ что̀ говорилось прежде имъ самимъ и его другими товарищами о подвигахъ его дипломатіи и теперешними объясненіями достигнутыхъ ею результатовъ! Прежде мы слышали что Англія спасла миръ, свободу и безопасность Европы, она крикнула де Россіи: „до сихъ поръ и не далѣе;“ такъ по крайней мѣрѣ хвастались англійскіе министры. Берлинскій трактатъ былъ ихъ спеціальнымъ торжествомъ. Онъ долженъ былъ дать Турціи не только крѣпкую военную и политическую границу, но и возможность возрожденія при благопріятныхъ условіяхъ, Англіи же онъ далъ средства наблюсти чтобъ оно было достигнуто. Въ послѣднее время ораторамъ оппозиціи не трудно было однако обнаружить всю несостоятельность этихъ ожиданій. И вотъ теперь лордъ Солсбери, не пускаясь уже въ споры, смѣло перемѣняетъ фронтъ и толкуетъ цѣль и смыслъ Берлинскаго трактата совсѣмъ иначе. Цѣль Англіи только де оберегать отъ Россіи Константинополь, для чего она и захватила въ свои руки Кипръ. Объ остальномъ же она теперь не очень безпокоится, благо что эту задачу берутъ на себя другіе. Защита Балканъ болѣе не нужна, ибо на стражѣ Порты стоятъ теперь австрійскія войска, и на эти послѣднія, по словамъ лорда Солсбери, Англія можетъ де положиться даже гораздо болѣе чѣмъ на турецкихъ солдатъ. Англія, толкуетъ англійскій министръ, не нашла въ Турціи національности которую она могла бы противопоставить Россіи, а потому она и полагается на Австрію что та не дастъ Россіи подвигаться далѣе.

Кто могъ ожидать чтобы самъ лордъ Солсбери столь рѣшительно и откровенно призналъ что въ сущности Англія идетъ на буксирѣ за другими? Конечно, въ его рѣчи это сказалось невольно; ему хотѣлось выставить только прочность положенія созданнаго Берлинскимъ трактатомъ и выгодность онаго для Англіи. Но ставя другихъ на стражѣ англійскихъ интересовъ, онъ тѣмъ самымъ признаетъ что сама Англія безсильна руководить и направлять европейскую политику, даже въ

дѣлахъ наиболѣе ее интересующихъ. Лордъ Солсбери надѣется уже не на Турцію охраняемую Англіей, а только на Австрію, но и эта надежда, какъ видно, весьма не тверда, такъ какъ пришлось подкрѣпить ее другою. Относительно Австріи у лорда Солсбери вырвалась зловѣщая фраза: „Крѣпость и независимость Австріи суть ручательство за прочность европейскаго мира.“ Какъ недавно эта самая фраза говорилась о Турціи! Но англійскаго министра особенно успокоили событія послѣднихъ недѣль, дающія ему поводъ думать что „еслибъ Австрія подверглась нападенію, то она не останется одна,“ и ему внушило живѣйшую радость извѣстіе о „заключеніи наступательно-оборонительнаго союза Австріи съ Германіей.“

При такомъ истолкованіи, англійская политика является именно въ томъ свѣтѣ какою она всегда намъ представлялась. Во все время пререканій съ Англіей, во все время ея вздорныхъ угрозъ и мишурныхъ приготовленій къ войнѣ, мы постоянно доказывали что сама по себѣ Англія безсильна предпринять противъ насъ что-либо серіозное. Мы сдѣлали ей большія уступки, казалось бы ей было чѣмъ похвалиться, но вотъ, вмѣсто того, англійскимъ министрамъ приходится уже укрываться за Австріей и Германіей и отводить самой Англіи чуть не третью роль.

Отчасти вѣроятно чтобы сгладить впечатлѣніе раскрывающихся для всѣхъ обстоятельствъ, англійскія газеты намекаютъ таинственно на какія-то соглашенія, якобы уже состоявшіяся, Австріи съ Турціей и Англіи съ Австріей. Вѣнскій корреспондентъ *Daily Telegraph* сообщалъ даже что князь Бисмаркъ выразилъ де желаніе чтобъ и Англія присоединилась къ австрогерманскому союзу. „Техническія военныя соглашенія,“ таинственно замѣчалъ корреспондентъ, „не измѣнятся отъ присоединенія Англіи къ договору.“ Рѣчь лорда Солсбери на даетъ однако намека въ подтвержденіе этого сенсаціоннаго извѣстія. По замѣчанію же *Daily News*, „никто не знаетъ какъ долго политика Австріи въ Восточномъ вопросѣ можетъ идти въ согласіи съ англійскою, или что мы можемъ идти шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ нею.“

Слова лорда Солсбери объ Афганистанѣ телеграфъ передалъ намъ слишкомъ кратко. Мы узнали только что онъ сдѣлалъ историческій обзоръ событій въ Афганистанѣ и объявилъ что цѣль Англіи есть оборона, а не увеличеніе. Эта фраза давно стала стереотипною въ устахъ англійскихъ министровъ. Для обороны они взяли Кипръ, для обороны англійскія войска пришли и въ Кабулъ, причемъ теперь не подлежитъ сомнѣнію что они не скоро оставятъ страну. Какъ ни старались нѣкоторыя англійскія газеты доказывать будто новый походъ ни въ чемъ не измѣняетъ ни политики принятой относительно Афганистана, ни основаній Гандамакскаго договора, цѣлью коего было де сдѣлать Афганистанъ „сильнымъ, независимымъ и дружественнымъ Англіи,“ но теперь уже большинство англійскихъ органовъ признали необходимость „постояннаго военнаго занятія важнѣйшихъ пунктовъ страны,“ въ тѣхъ видахъ что „если даже присутствіе британскихъ гарнизоновъ не устранитъ вовсе мятежныхъ движеній, то оно дастъ средства скоро подавлять ихъ.“ Что же это какъ не подчиненіе страны? И все для обороны, для того чтобы сдѣлать Афганцевъ друзьями Англіи! Лучше всякихъ газетныхъ толковъ характеризуютъ намѣренія Англичанъ первыя распоряженія генерала Робертса въ Кабулѣ. Онъ объявилъ жителямъ что Балагиссаръ и всѣ зданія мѣшающія военному занятію будутъ разрушены; жители должны уплатить тяжелую контрибуцію; Кабулъ и окрестности будутъ отданы подъ управленіе военнаго губернатора, и въ нихъ провозглашено осадное положеніе; все оружіе должно быть выдано, и всякій найденный по прошествіи восьми дней съ оружіемъ будетъ предаваемъ казни. Сегодняшняя телеграмма извѣщаетъ что прямое управленіе страной поневолѣ остается въ рукахъ Англичанъ, такъ какъ Якубъ-ханъ объявилъ о рѣшеніи отречься отъ власти и не уступилъ увѣщаніямъ генерала Робертса перемѣнить намѣреніе. Вслѣдствіе сего генералъ уже принялъ мѣры для продолженія администраціи. Это очевидно не уменьшаетъ затрудненій Англичанъ, ибо рѣшеніе Якубъ-хана свидѣтельствуетъ что онъ сознаетъ до какой степени сталъ ненавистенъ своему народу вслѣдствіе поддержки его Англичанами.

А тутъ телеграфъ извѣщаетъ еще о новомъ затрудненіи, не особенно важномъ, но которое есть, можетъ-быть, отраженіе событій въ Афганистанѣ. Англійскій резидентъ на военномъ посту въ Ассамѣ

убитъ племенемъ Нагаями (Nagas), по имени коего называется и самый постъ — *Naga-Hills*. Ассамъ — провинція въ сѣверо-восточномъ углу Индіи, по среднему теченію Брахмапутры, у подножія Гималаевъ. Тамъ Англичанами разведены обширныя чайныя плантаціи, но страна окружена множествомъ горныхъ племенъ, которыя постоянно дѣлали набѣги и вызывали дорого стоившія экспедиціи для ихъ наказанія. Такъ, въ 1871—72 году были предприняты экспедиціи противъ Лушаевъ и Холонговъ (*Haulongs*), похитившихъ 12-лѣтнюю Мери Уинчестеръ. Племя Нагаевъ прежде также было очень безпокойно, и съ 1854 по 1865 годъ совершено ими было 19 нападеній, но въ послѣднемъ году въ ихъ землѣ устроенъ военный постъ, и съ тѣхъ поръ до сего времени они держали себя спокойно. Въ этомъ-то посту теперь погибъ англійскій резидентъ.

№ 257.

Москва, 9-го октября.

Къ изложенному нами общему очерку новыхъ судебныхъ учрежденій Германской имперіи остается добавить нѣсколько словъ объ имперскомъ судѣ, который занимаетъ относительно всей судебной организаціи такое же положеніе какъ кассаціонные департаменты Правительствующаго Сената у насъ. Параллель между Германскимъ имперскимъ судомъ и нашими кассаціонными департаментами не лишена назидательности.

Имперскій судъ засѣдаетъ въ Лейпцигѣ. Главное назначеніе его служить высшею кассаціонною инстанціей, то-есть такимъ судебнымъ учрежденіемъ, которое, не вдаваясь въ изслѣдованіе и разборъ фактической стороны дѣла, наблюдаетъ лишь за правильнымъ и однообразнымъ примѣненіемъ и толкованіемъ закона. Судебною инстанціей въ тѣсномъ смыслѣ слова, и притомъ первою и послѣднею, имперскій судъ служитъ лишь для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, причемъ дѣла этого рода судятся безъ участія присяжныхъ. Въ качествѣ кассаціоннаго суда имперскій судъ раздѣляется на департаменты (сенаты) и этихъ департаментовъ не два только какъ у насъ, а нѣсколько. У насъ, какъ извѣстно, также возникалъ вопросъ объ умноженіи числа кассаціонныхъ департаментовъ въ видахъ ускоренія производства. Но эта мысль была оставлена главнымъ образомъ по тому соображенію что при умноженіи числа департаментовъ могло бы быть нарушено главное назначеніе кассаціоннаго суда—однообразное толкованіе законовъ. Но, вопервыхъ, наши кассаціонные департаменты по закону 10-го іюня 1877 года все-таки подверглись нѣкоторому дробленію, ибо въ каждомъ департаментѣ образовано по нѣскольку отдѣленій; а вовторыхъ, извѣстно что наши сенатскія рѣшенія далеко не отличаются однообразіемъ въ толкованіи законовъ, и не мало есть спорныхъ въ юридической практикѣ вопросовъ относительно которыхъ можно указать кассаціонныя рѣшенія діаметрально-противоположныя одно другому. Въ Германіи придаютъ не меньшее чѣмъ у насъ значеніе авторитету „судебнаго прецедента“ въ кассаціоной практикѣ; но это не помѣшало учрежденію нѣсколькихъ гражданскихъ и нѣсколькихъ уголовныхъ депатаментовъ имперскаго суда. Однообразіе же въ толкованіи законовъ ограждено тамъ слѣдующимъ правиломъ положительно выраженымъ въ законѣ: отдѣльный департаментъ, гражданскій или уголовный, *не имѣетъ права* собственною властью отступить отъ толкованія закона выраженнаго по однородному вопросу въ какомъ-либо изъ рѣшеній состоявшихся прежде въ другомъ департаментѣ или въ общемъ собраніи оныхъ, и если подобное отступленіе признается нужнымъ, то размотрѣніе дѣла переносится изъ департамента въ общее собраніе всѣхъ департаментовъ.

Сравнивая далѣе новый кассаціонный судъ въ Германіи съ нашимъ, нельзя не обратить вниманія на ихъ численный составъ, отъ коего такъ много зависитъ быстрота производства, составляющая одно изъ самыхъ существенныхъ условій правильнаго судопроизводства. Имперскій судъ состоитъ уже теперь, при самомъ открытіи судебныхъ учрежденій, изъ 60 членовъ, кромѣ одного оберъ-президента и президентовъ по одному на каждый департаментъ. Если вспомнимъ что Германскій имперскій судъ вовсе освобожденъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ подсудныхъ мировой юстиціи, составляющихъ у насъ не менѣе трехъ четвертей общаго количества дѣлъ поступающихъ въ кассаціонные департаменты, то

нельзя будетъ не согласиться что въ Германіи рабочая сила судебнаго механизма соразмѣрена съ большею предусмотрительностью нежели у насъ, вслѣдствіе чего напередъ можно сказать что тамъ не придется вносить въ послѣдствіи разныхъ поправокъ и дополненій въ организацію верховнаго трибунала, къ какимъ пришлось прибѣгнуть у насъ дабы облегчить Сенатъ отъ бремени которое оказалось ему совершенно не по силамъ.

У насъ кассаціонные департаменты образованы были въ 1866 году, при самомъ введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, всего въ составѣ 8 сенаторовъ, по 4 на каждый департаментъ, считая въ томъ числѣ и первоприсутствующихъ. Чрезмѣрное обремененіе не замедлило сказаться, и очень скоро послѣ открытія новыхъ судовъ теченіе правосудія стало замедляться вслѣдствіе чрезмѣрной продолжительности кассаціоннаго производства. По мѣрѣ дальнѣйшаго расширенія судебной реформы, составъ кассаціонныхъ дептртаментовъ, правда, увеличивался, но крайне недостаточно, такъ что рабочая сила Сената, съ увеличеніемъ количества притекавшихъ въ него дѣлъ, не только не возрастала, а еще болѣе уменьшалась. Уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда судебная реформа обняла почти тотъ самый районъ на который распространяется и теперь, кассаціонное производство стало двигаться все медленнѣе и медленнѣе. Уголовный кассаціонный департаментъ выбивался изъ силъ чтобы придать возможную быстроту по крайней мѣрѣ арестантскимъ дѣламъ, то-есть такимъ по коимъ подсудимые, выжидая рѣшающаго слова Сената (до воспослѣдованія коего уголовные приговоры не приводятся въ исполненіе), несли излишнюю тягость предварительнаго ареста, который по нашимъ законамъ никогда, даже по дѣламъ влекущимъ за собою простое тюремное заключеніе, не зачисляется въ счетъ срока самого наказанія. Но и тутъ кассаціонное производство рѣдко продолжалось менѣе 4 - 6 мѣсяцевъ. По дѣламъ же гражданскимъ средняя продолжительность кассаціоннаго производства равняется цѣлому году по самому умѣренному разчету, и случаи когда ксасаціонная жалоба по гражданскому дѣлу залеживается въ Сенатѣ до двухъ лѣтъ весьма не рѣдки.

На сколько указанное зло стало чувствительно на самыхъ первыхъ порахъ судебной реформы, видно изъ того что уже въ 1868 году (судебныя учрежденія открыты въ 1866 году) пришлось прибѣгнуть къ особымъ мѣрамъ съ цѣлью сокращенія привода дѣлъ въ Сенатъ, а именно къ установленію кассаціонныхъ залоговъ по всѣмъ гражданскимъ и по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ. Эти залоги были и остались весьма тяжкимъ бременемъ для тяжущихся, такъ какъ сумма оныхъ (100 рублей для дѣлъ производящихся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и 10 р. для дѣлъ разсматриваемыхъ мировыми учрежденіями) не соразмѣрена, подобно исковой и аппелляціонной пошлинѣ, съ цѣной иска, а потому часто совершенно преграждаетъ путь къ правосудію верховнаго суда лицамъ неимущимъ. Тѣмъ не менѣе и введеніе залоговъ мало помогло, и сенатское производство не ускорилось.

Наконецъ, въ 1877 году сдѣланъ былъ еще дальнѣйшій шагъ въ преобразованіи кассаціонныхъ департаментовъ Сената и къ огражденію его отъ чрезмѣрнаго наплыва дѣлъ. По закону 10 іюня того года, подсудимый присужденный къ содержанію подъ стражей (по приговору мироваго съѣзда, окружнаго суда или судебной палаты) и приносящій на приговоръ кассаціонную жалобу можетъ быть оставелнъ на свободѣ лишь по представленіи залога. Это уже не кассаціонный залогъ установленный закономъ 1868 года 10 или 25 р. по уголовнымъ дѣламъ, а залогъ налагаемый на привлекаемыхъ къ уголовному суду какъ мѣра обезпеченія явки на судъ. Цифра этого залога не установлена и зависитъ отъ усмотрѣнія судебныхъ властей; нерѣдко этотъ залогъ пристирается на тысячи и десятки тысячъ рублей, причемъ требуются непремѣнно наличныя деньги, и не допускается поручительство. Понятнятно какъ стѣснителенъ для многихъ подобный порядокъ.

Сверхъ указаннаго правила, законъ 10 іюня 1877 года установилъ коренную перемѣну въ организаціи кассаціонныхъ департаментовъ и въ порядкѣ дѣлопроизводства. Департаменты подраздѣлены на отдѣленія: послѣднія разрѣшаютъ всѣ дѣла не возбуждающія особенныхъ недоразумѣній, и эти рѣшенія излагаются безъ подробностей мотивировки. Во всеобщее свѣдѣніе публикуются лишь наиболѣе важныя рѣшенія департаментовъ, и притомъ по усмотрѣнію самого Сената, тогда какъ до то-

го *всѣ* рѣшенія публиковались, и одно изготовленіе рѣшеній къ печатанію должно было отнимать огромную массу времени и труда.

Тѣмъ же закономъ, наконецъ значительно увеличенъ личный составъ кассаціоннаго суда. Всѣхъ сенаторовъ по новому штату 51; въ Уголовномъ департаментѣ 26, въ Гражданскомъ 22, и трое первоприсутствующихъ.

Сравнительно съ личнымъ составомъ Германскаго имперскаго суда, нашъ кассаціонный судъ, при всѣхъ стѣсненіяхъ по доступности (коихъ въ Германіи нѣтъ), все-таки значително уступаетъ первому, ибо помимо того что дѣла мировой юстиціи вовсе изъяты изъ компетенціи имперскаго суда, нашъ кассаціонный судъ имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ всю Европейскую Россію съ Царствомъ Польскимъ, коихъ населеніе по численности далеко превосходитъ населеніе Германіи, не говоря уже о невыгодахъ пространства и средствъ сообщенія которыя на нашей сторонѣ.

Впрочемъ и безъ всякихъ сравненій съ иностранными учрежденіями того же рода, опытъ двухъ лѣтъ протекшихъ со времени послѣднихъ перемѣнъ въ нашемъ кассаціонномъ судѣ успѣлъ уже доказать что и эти послѣднія мѣры далеко не достигли цѣли и очень мало ускорили дѣлопрозводство въ Сенатѣ. Тяжущимся и понынѣ приходится выжидать по цѣлымъ годамъ разрѣшенія кассаціонныхъ жалобъ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ что дѣйствительного и кореннаго улучшенія можно ожидать лишь отъ освобожденія кассаціонныхъ департаментовъ отъ кассаціоннаго пересмотра дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ установленій.

№ 258.

Москва, 10-го октября.

Странное дѣло. Всякіе успѣхи въ русской экономической жизни упорно отрицались у насъ именно въ то время когда они обозначались всего нагляднѣе, какъ въ прошломъ году; общаго же признанія эти успѣхи дождались только теперь, хотя именно текущій годъ ознаменовался многими неблагопріятными обстоятельствами, не могшими не отозваться вредно на экономическомъ бытѣ. Въ ряду этихъ обстоятельствъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ извѣстная чумная агитація, внѣшняя и внутренняя, послужившая не малымъ тормазомъ торговой и промышленной дѣятельности въ первые мѣсяцы этого года. Промышленные и торговые люди знаютъ въ какой мѣрѣ сократился сбытъ всякихъ фабрикатовъ, напримѣръ, въ Волжское понизовье, въ этотъ край который двигателямъ агитаціи угодно было ославить „чумнымъ“. Въ не меньшей мѣрѣ должна была отозваться эта агитація и на всей нашей отпускной торговлѣ, успѣшному ходу коей не могли не препятствовать карантинные барьеры воздвигавшіеся повсюду по шедшимъ изъ Берлина внушеніямъ. Но на всѣхъ этихъ и многихъ подобныхъ имъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ наша печать почему-то не находитъ нужнымъ останавливаться. Ей болѣе нравится выставлять обнаружившійся въ первые мѣсяцы текущаго года фактъ одновременнаго возрастанія привоза и сокращенія отпуска какъ признакъ начинающейся экономической реакціи, какъ доказательство того что недавній благопріятный поворотъ въ ходѣ дѣлъ былъ де только временный, что онъ и не могъ де быть инымъ какъ только временнымъ и скоропреходящимъ.

Общій ходъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ въ текущемъ году, дѣйствительно, не таковъ чтобъ имъ можно было вполнѣ удовлетвориться. Возрастаніе размѣровъ привоза почти всѣхъ иностранныхъ товаровъ, хотя и сопровождающееся нѣкоторымъ увеличеніемъ казеннаго дохода, не есть фактъ которому, при обстоятельствахъ въ какихъ мы находимся, можно было бы только радоваться. Съ другой стороны, опубликованныя таможеннымъ вѣдомствомъ свѣдѣнія свидѣтельствуютъ что отпускъ нашихъ товаровъ за границу въ первые семь мѣсяцевъ текущаго года значительно сократился противъ отпуска въ тѣ же мѣсяцы прошлаго года, хотя и не въ такой мѣрѣ какъ можно было опасаться въ виду ознаменовавшихъ текущій годъ вышеупомянутыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Такъ по отпуску главнаго нашего продукта, хлѣба, оказывается недочетъ простирающійся за первые семь мѣсяцевъ, сравнительно съ тѣмъ же періодомъ прошлаго года, до 3.180.000 четвертей. Недочетъ крупный, но конечно не слѣдуетъ преувеличивать его зна-

ченіе. Вопервыхъ, отпускъ хлѣба въ 1878 году, дошедшій, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, почти до 42 милліоновъ четвертей (41.815.188 ч.), былъ до такой степени небывалый, въ такой мѣрѣ исключительный, что брать для сравненія прошлый годъ едва ли было бы основательно. А оставивъ въ сторонѣ прошлый годъ, мы не найдемъ въ ряду прежнихъ лѣтъ ни одного который могъ бы сравниться съ текущимъ какъ по размѣрамъ отпуска хлѣба вообще, такъ и по размѣрамъ отпуска пшеницы, ржи и овса въ отдѣльности. Достаточно сказать что въ семь мѣсяцевъ текущаго года отпущено хлѣба слишкомъ на $5^1/_2$ милліоновъ четвертей болѣе чѣмъ въ соотвѣтственный періодъ 1877 года,—а 1877 годъ по отпуску хлѣба, какъ извѣстно, далеко ушелъ впередъ отъ всѣхъ предшедшихъ лѣтъ. Вовторыхъ, нельзя не обратить вниманія на то что даже и сравнительно съ прошлымъ годомъ, относительно неблагопріятный оборотъ нашей отпускной торговли ограничивается преимущественно первыми пятью мѣсяцами текущаго года; въ іюнѣ же и іюлѣ мѣсяцахъ замѣчается уже серіозное улучшеніе. Такъ въ минувшемъ іюнѣ отпускъ хлѣба превзошелъ прошлогодній іюньскій вывозъ на 624.574 четвертей, затѣмъ въ минувшемъ іюлѣ вывозъ опять былъ больше прошлогодняго іюльскаго отпуска на 656.616 четвертей,—благодаря чему недочетъ въ отпускѣ хлѣба, простиравшійся къ 1 іюня до 4.461.000 четвертей, сократился до 3.180.000 четвертей. Если такъ пойдетъ и впредь,—а приходящія одно за другимъ свѣдѣнія о ходѣ торговли въ послѣднія недѣли едва ли позволяютъ въ этомъ сомнѣваться,—то можно надѣяться что къ концу года недочета совсѣмъ не окажется, и хлѣбный отпускъ сравняется съ прошлогоднимъ, если не превзойдетъ его. Заслуживаетъ вниманія что обозначившійся послѣ мая мѣсяца въ отпускной торговлѣ оборотъ къ лучшему относится къ вывозу не одного только хлѣба, но и другихъ продуктовъ, напримѣръ льна и льнянаго и конопляного сѣмени. На льнѣ это сказалось особенно выразительно. Къ 1 іюня вывозъ его былъ меньше чѣмъ по 1 іюня прошлаго года на 856.520 пудовъ; къ 1 августа отпускъ льна уже превзошелъ прошлогодній отпускъ по то же число на 55.490 пудовъ. Правда, помимо количественнаго недочета въ нашемъ отпускѣ за первые семь мѣсяцевъ текущаго года замѣчался еще недочетъ, такъ сказать, качественный: преимущественный отпускъ менѣе цѣннаго хлѣба на счетъ сокращенія вывоза болѣе дорогихъ сортовъ. Въ прошломъ году преобладалъ отпускъ хлѣба изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ, причемъ этому преобладанію особенно посодѣйствовало прекращеніе военныхъ дѣйствій открывшее разомъ, при самомъ началѣ навигаціи, выходъ изъ этихъ портовъ грузамъ которые задерживались тамъ пріостановкой въ 1877 году торговаго судоходства; въ текущемъ году первое мѣсто занимаетъ пока отпускъ хлѣба изъ портовъ Балтійскихъ. Въ прошломъ году на первомъ мѣстѣ стоялъ отпускъ пшеницы; въ текущемъ году первое мѣсто въ хлѣбной торговлѣ занялъ отпускъ ржи. Такъ стояло дѣло до 1 августа, то-есть въ періодъ независимый отъ результатовъ новой жатвы. На сколько измѣнится пропорція въ отпускѣ разныхъ видовъ хлѣба вслѣдствіе результатовъ жатвы покажетъ будущее. Но еслибы даже въ осенніе мѣсяцы вывозъ пшеницы и не выровнялся съ прошлогоднимъ, едва ли и въ такомъ случаѣ отпускъ текущаго года оказался бы менѣе выгоднымъ для Россіи чѣмъ прошлогодній: въ текущемъ году нашъ хлѣбъ идетъ за границу по цѣнамъ далеко оставляющимъ за собой прошлогоднія, по цѣнамъ о которыхъ въ недавнее еще время наше земледѣліе не смѣло и мечтать.

Приведенные факты и соображенія позволяютъ смотрѣть на ходъ нашей отпускной торговли безъ особой тревоги за ближайшее будущее. Онъ не предвѣщаетъ пока оскудѣнія денежныхъ средствъ у сельскаго населенія, оскудѣнія которое повело бы, между прочимъ, къ сокращенію спроса на издѣлія русскихъ фабрикъ и заводовъ, на что въ печати уже дѣлаются намеки. Съ этой стороны, подъему народнаго благосостоянія, слава Богу, ничто пока не угрожаетъ подрывомъ. Менѣе здоровою стороной нашей внѣшней торговли оказывается не отпускъ, а привозъ. На какомъ бы высокомъ уровнѣ ни держался нашъ отпускъ (размѣры коего, притомъ, не могутъ не зависѣть отъ колебаній въ степени урожая какъ у насъ, такъ и въ странахъ куда нашъ хлѣбъ сбывается), но если онъ будетъ только держаться на немъ, а между тѣмъ привозъ будетъ идти все въ гору и въ гору, какъ это было въ го-

ды предшествовавшіе послѣдней войнѣ, то въ общемъ значеніи оборотовъ по внѣшней торговлѣ не замедлитъ совершиться невыгодная для насъ перемѣна. И чѣмъ бо́льшая доля средствъ даваемыхъ населенію успѣшнымъ ходомъ отпускной торговли будетъ употребляться на закупки иностранныхъ продуктовъ, тѣмъ меньшая доля этихъ средствъ останется для поддержанія отечественнаго производства. Эту сторону дѣла нельзя оставлять безъ вниманія, и нельзя не думать о мѣрахъ которыя предотвратили бы отъ страны невыгоды чрезмѣрнаго возрастанія привоза.

О подобныхъ мѣрахъ наша печать боится даже заикнуться. Она не допускаетъ и смысла чтобы возможно было удержать и впредь выгодную для насъ пропорцію между привозомъ и вывозомъ. Это выставляется положительно невозможнымъ, ибо „западно-европейскія государства не могутъ изъ года въ годъ оставаться въ долгу у нашей страны за вывозимое изъ нея сырье; рано или поздно они должны разсчитаться за наши товары своими товарами, или же въ крайнемъ случаѣ сократить свои закупки.“

Западно-европейскія государства не могутъ оставаться у насъ въ долгу; это имъ не къ лицу. Ну, а для Россіи оставаться въ долгу у иностранцевъ, это ничего, это въ порядкѣ вещей?

Дѣйствительно, долгое время у насъ считалось что такъ тому и слѣдуетъ быть. Изъ года въ годъ наша внѣшняя торговля шла такимъ образомъ что мы ежегодно оставались въ долгу у иностранцевъ, и всѣ приходили въ восторгъ отъ хода этой торговли, и предъ послѣднею войной весьма опасались чтобы въ немъ не произошло какой перемѣны. Никто не хотѣлъ видѣть ничего неблагопріятнаго въ томъ что привозъ постоянно превышалъ отпускъ, и что въ одно пятилѣтіе 1872—1876 мы, вмѣсто того чтобы расплатиться по европейской торговлѣ товарами за товары (не говоря уже о томъ что товарами же слѣдовало бы покрыть какъ платежи по заграничнымъ долгамъ, такъ и заграничные расходы казны и русскихъ путешественниковъ), остались за привозные продукты въ долгу у иностранцевъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, на сумму свыше 391 милліоновъ рублей.

Въ 1877 и 1878 годахъ, отношеніе нашего отпуска къ привозу впервые послѣ длиннаго ряда лѣтъ измѣнилось къ нашей выгодѣ. И вотъ, у насъ спѣшатъ объявить что принятое нашимъ балансомъ направленіе удержаться не можетъ. Но почему же не можетъ? Вѣдь добилась же Америка того что ея торговый балансъ, тоже бывшій долгое время невыгоднымъ, сдѣлался, наконецъ, постоянно для нея выгоднымъ. Еще недавно, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, привозъ товаровъ въ Соединенные Штаты превышалъ отпускъ оттуда на огромныя суммы десятковъ и сотень милліоновъ долларовъ. А что̂ мы видимъ въ послѣдніе годы? Отпускъ оказывается болѣе привоза:

Въ 1873—1874	году *)	на	18.876.698	долларовъ.
„ 1875—1876	„	„	79.643.481	„
„ 1876—1877	„	„	151.913.482	„
„ 1877—1878	„	„	257.786.964	„

Не менѣе благопріятнымъ для Соединенныхъ Штатовъ характеромъ отличалась ихъ внѣшняя торговля и въ послѣднемъ 1878—1879 году, и еще недавно въ англійскихъ газетахъ заявлялся фактъ перехода цѣнныхъ бумагъ въ огромныхъ размѣрахъ въ руки Американцевъ именно вслѣдствіе превышенія размѣровъ ихъ отпускной торговли надъ размѣрами привозной. Такимъ образомъ, сильно задолжавшая другимъ странамъ въ эпоху пережитыхъ ею тяжкихъ испытаній, Америка быстро выплачиваетъ теперь этотъ долгъ и находится на пути къ тому чтобъ изъ должницы стать ихъ кредиторомъ. Почему бы и намъ не послѣдовать примѣру Америки и не стать сознательно на такую же дорогу?

Америка достигла своего нынѣшняго торговаго положенія тѣмъ что сдержала расширеніе привоза установленіемъ высокаго таможеннаго тарифа, причемъ нисколько не побоялась того что другія страны, изъ нежеланія оставаться у нея въ долгу, сократятъ свои закупки американскихъ товаровъ,—чѣмъ, какъ дѣтей, пытаются запугать насъ. Почему бы не сдѣлать того же и намъ? Нашъ тарифъ, въ общей сложности, слишкомъ вдвое ниже американскаго, а между тѣмъ нѣтъ никакихъ сколько-нибудь уважительныхъ соображеній въ пользу того чтобы мы относились къ иностраннымъ товарамъ вдвое благосклоннѣе чѣмъ наши заокеанскіе друзья, и чтобы

*) Финансовый годъ въ Соединенныхъ Штатахъ считается съ 1 іюля одного года по 30 іюля другаго.

русская казна довольствовалась поступленіемъ таможеннаго дохода въ размѣрѣ какихъ-нибудь 13 процентовъ съ общей цѣнности привоза, когда американская казна считаетъ необходимымъ чтобы таможенный доходъ составлялъ 29 процентовъ съ цѣнности привоза.

Изо всѣхъ странъ міра, Америка въ экономическомъ отношеніи находится въ положеніи наиболѣе подходящемъ къ нашему, и потому примѣръ ея для насъ наиболѣе поучителенъ. Послѣдовавъ этому примѣру въ тарифномъ вопросѣ, мы могли бы сознательно упрочить тотъ выгодный оборотъ въ ходѣ русскихъ дѣлъ который во время и послѣ войны неожиданно обозначился самъ собою безъ чьей-либо о томъ заботы.

№ 259.

Москва, 11-го октября.

Въ отзывахъ о рѣчи лорда Солсбери, какіе намъ удалось прочесть до сихъ поръ, кажется, упускаютъ изъ виду то что эта рѣчь была имъ произнесена, прежде всего, вовсе не для иностранной, а для своей, отечественной публики. Это избирательный манифестъ изложенный самымъ энергическимъ и дѣятельнымъ членомъ кабинета, который, весьма вѣроятно, мѣтитъ со временемъ заступить мѣсто премьера во главѣ торійской партіи. Лордъ Солсбери и поѣхалъ-то въ Ланкаширъ завѣдомо для избирательной агитаціи. Торіи очень боятся утратить на будущихъ выборахъ это обширное и многолюдное графство, въ коемъ до сихъ поръ они, за исключеніемъ немногихъ центровъ въ родѣ Бэрмингама и Манчестера, пользовались почти монопольно поддержкою на выборахъ. Тревогу консервативовъ еще болѣе усиливаетъ явное кокетничанье съ либералами лорда Дарби, который пригласилъ быть у себя гостемъ вождя оппозиціи лорда Гартингтона, при ожидаемой его поѣздкѣ въ Ланкаширъ съ тою же цѣлью для какой ѣздилъ лордъ Солсбери. Обстоятельство это уже подало поводъ къ толкамъ о рѣшительномъ союзѣ лорда Дарби съ либералами, съ тѣмъ чтобы занять въ ихъ рядахъ видное мѣсто, а лордъ Дарби пользуется въ Ланкаширѣ огромнымъ вліяніемъ.

Итакъ, на рѣчь лорда Солсбери, кажется, прежде всего слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія избирательнаго маневра. О томъ насколько она удачна въ этомъ смыслѣ трудно судить людямъ не посвященнымъ въ тайны интригъ англійскихъ политическихъ партій. Во внутреннихъ вопросахъ лордъ Солсбери представляетъ контрастъ своему главѣ, лорду Биконсфильду: онъ крайній торій и противникъ даже умѣренныхъ нововведеній; за недостаткомъ интереса къ домашнимъ дѣламъ, онъ желаетъ ослѣпить націю блестящею иностранною политикой, и давно высказывалъ это; по его словамъ, нынѣшній кабинетъ воскрешаетъ давнишнюю политику Англіи, традиціонную со временъ Елизаветы. Но и съ этой точки зрѣнія рѣчь лорда Солсбери является не особенно ловкою. Мы уже говорили о значеніи какое въ нашихъ глазахъ представляетъ рѣчь лорда Солсбери для объясненія англійской политики, и полный текстъ ея въ полученныхъ англійскихъ газетахъ не измѣняетъ впечатлѣнія какое произвело содержаніе ея переданное по телеграфу. Въ основаніи англійской политики лордъ Солсбери ставитъ вражду и постоянный антагонизмъ по отношенію къ Россіи, и не будучи въ состояніи опровергнуть упреки своихъ противниковъ въ безуспѣшности англійскихъ стараній, онъ все-таки съ торжествомъ указываетъ своимъ слушателямъ что желательные результаты достигнуты благодаря другимъ. Такимъ образомъ его радуютъ газетные толки о союзѣ между Австріей и Германіей, потому что въ этомъ онъ усматриваетъ неблагопріятный для Россіи порядокъ вещей. Нельзя сказать чтобы была блестящею политика гдѣ Англіи отводится третья роль, причемъ ей остается случайно извлекать выгоду изъ обстоятельствъ слагающихся независимо отъ нея. Но лордъ Солсбери вѣроятно хорошо знаетъ своихъ соотечественниковъ, знаетъ что они готовы имѣть выводы какимъ бы то ни было путемъ.

При этомъ, въ сущности, онъ только съ особенною откровенностью высказалъ то къ чему всегда стремилась англійская политика, тогда какъ прежде это искуснѣе маскировалось, а именно загребать жаръ чужими руками. При лордѣ Пальмерстонѣ Англія мастерски умѣла направлять въ этомъ смыслѣ политику Наполеона III; теперь лордъ Солсбери охотно передаетъ въ

руки Австріи и Германіи дѣятельную роль въ антагонизмѣ по отношенію къ Россіи. Довольна ли Австрія возлагаемою на нее англійскою службой, и допускаетъ ли князь Бисмаркъ мысль чтобъ онъ работалъ на Англію, а не ради германскихъ интересовъ, — это другой вопросъ. По крайней мѣрѣ въ Австріи, на которую лордъ Солсбери возлагаетъ лестныя надежды что она можетъ теперь стоять на стражѣ Порты даже вѣрнѣе чѣмъ турецкіе солдаты, остались, какъ видно изъ сужденій вѣнскихъ газетъ, не совсѣмъ довольны тѣмъ что англійскій министръ начертывалъ программу для имперіи Габсбурговъ. Въ Германіи также нашлись недовольные рѣчью лорда Солсбери, а *Франкфуртская Газета* даже отозвалась что въ легкомысленной игрѣ миромъ и спокойствіемъ Европы нѣтъ политиковъ „болѣе недобросовѣстныхъ“ чѣмъ руководители англійской политики.

По цинизму откровенности лорду Солсбери должно отдать пальму первенства предъ всѣми его предшественниками. Предоставляя впредь Австріи и Германіи стоять для отпора Россіи, онъ указываетъ своимъ соотечественникамъ что Англія не забыла и себя. Она взяла Кипръ. Оппозиція очень осмѣивала этотъ подвигъ. Но лордъ Солсбери наивно говоритъ что Англія всегда такъ дѣйствовала, и что заботы объ интересахъ Европы всегда давали ей выгоду: „Когда интересы Европы „были сосредоточены въ Испаніи, Англія „взяла Гибралтаръ; когда интересы Ев„ропы были сосредоточены въ Италіи, Ан„глія взяла Мальту; теперь, когда есть „шансъ что интересы Европы будутъ со„средоточены въ Малой Азіи или Египтѣ, „Англія взяла Кипръ.“ Чтò можетъ быть проще и прелестнѣе этого наивнаго объясненія англійскаго участія къ общимъ дѣламъ? Итакъ вся цѣль англійской политики, по словамъ лорда Солсбери, сводится къ тому что Англія старается пользоваться чужими стараніями тамъ гдѣ сама безсильна на серіозное предпріятіе, а при случаѣ „охулки на руку не положитъ.“

Въ рѣчи лорда Солсбери разсыпано много другихъ перловъ откровенности, но это такъ-сказать второстепенные пункты, которые только подтверждаютъ и поясняютъ основный догматъ его политическаго ученія. Его презрительные отзывы о народностяхъ Балканскаго полуострова, его взглядъ на турецкія реформы, все это вполнѣ согласно съ духомъ его прежнихъ заявленій. На одной только фразѣ его стòитъ еще остановиться. Прежніе государственные люди Англіи по крайней мѣрѣ изъ приличія всегда говорили о турецкихъ реформахъ. Лордъ Солсбери и тутъ откровеннѣе признается что какъ бы ни были желательны реформы въ Турціи сами по себѣ, но что и безъ нихъ Англіи все равно выгодно защищать ее, а въ подтвержденіе указываетъ что и въ прежнее время политика ея не обращала вниманія на характеръ тѣхъ правительствъ которыя брала подъ защиту: „Конституція Польши была самая отвратительная какую только можно вообразить, и однако Польша пользовалась сочувствіемъ и усердіемъ либеральной Европы въ теченіе полустолѣтія, не по своимъ заслугамъ, а потому что она была барьеромъ противъ движенія державы которой опасались.“ Не замѣчательно ли это признаніе вѣковой фальши которая бывало заставляла насъ чуть не со стыдомъ оправдываться предъ иностранцами? Несмотря на свое благоговѣніе предъ дипломатическимъ преданіемъ, лордъ Солсбери не совсѣмъ, какъ видно, усвоилъ себѣ традиціонные тактическіе пріемы, и не даромъ въ Англіи онъ заслужилъ отъ иныхъ противниковъ прозваніе *enfant terrible!*

Объ Афганскомъ вопросѣ лордъ Солсбери не сказалъ ничего новаго, но извратилъ многое. То онъ говоритъ что Англія должна была обезопасить себя въ Афганистанѣ отъ русскихъ интригъ, то самъ же заявляетъ что имъ было прислано приказаніе еще бывшему вице-королю Индіи настоять на присутствіи въ странѣ англійскихъ агентовъ еще въ то время „когда все предвѣщало миръ.“ Исправлять неточность и невѣрность изложенія благороднымъ лордомъ его афганской политики намъ нѣтъ надобности, и мы можемъ предоставить ему вести споръ объ этомъ съ герцогомъ Аргайлемъ, бывшимъ министромъ Индіи, и съ бывшимъ вице-королемъ лордомъ Нортбрукомъ, которымъ въ подробности извѣстенъ весь ходъ прежнихъ переговоровъ съ Афганистаномъ и по его поводу. Отмѣтимъ только двѣ выдающіяся несообразности. Лордъ Солсбери говоритъ будто при заключеніи Гандамакскаго мира Англія расположена была, согласно съ прежнимъ намѣреніемъ, предпочесть Кандагаръ для резиденціи своего посла, но

что самъ Якубъ-ханъ настаивалъ на пребываніи посла въ Кабулѣ. А между тѣмъ въ англійскихъ газетахъ мы находимъ положительное увѣреніе что Якубъ-ханъ, во время переговоровъ въ Гандамакѣ, совѣтовалъ помедлить отправленіемъ посольства въ Кабулъ пока страна болѣе успокоится, но на его мнѣніе не обратили вниманія потому что лордъ Литтонъ торопился обозначить успѣхъ своей политики немедленнымъ прибытіемъ посольства въ Кабулъ. Потомъ лордъ Солсбери очень эффектно говоритъ что Англія не могла допустить чтобъ Афганистанъ былъ единственнымъ исключеніемъ, отказываясь принять англійскаго представителя, тогда какъ такого отказа Англія не встрѣчала ни въ какихъ другихъ странахъ, цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ. Но онъ опускаетъ прибавить что повсюду въ другихъ странахъ англійскіе представители являются наравнѣ съ другими, а въ Афганистанѣ Англія требовала и требуетъ исключительнаго представительства, для руководства всѣми внѣшними сношеніями страны, и Афганцы очень хорошо понимали что это значитъ ея подчиненіе. Они только не могли понять что это дѣлается Англіей единственно въ видахъ „обороны," а не господства, какъ говоритъ лордъ Солсбери. Какъ дикіе горцы, они еще не научились различать эти тонкости цивилизованной дипломатіи.

Интересно бы кстати узнать также ли въ видахъ „обороны" ѣздилъ въ землю Туркменъ-Теке капитанъ (нынѣ майоръ) Бутлеръ о которомъ англійскій посолъ лордъ Лофтусъ увѣрялъ наше правительство что онъ былъ „простой путешественникъ на свой счетъ, а не агентъ Британскаго правительства." У этого „путешественника на свой счетъ" начались какія-то пререканія съ Индійскимъ правительствомъ изъ-за денежныхъ счетовъ. Майоръ Бутлеръ обнародовалъ что былъ посланъ лордомъ Литтономъ „съ тайною миссіей," въ которой онъ и успѣлъ, но вслѣдствіе представленій Русскаго правительства былъ отозванъ когда уже былъ въ 40 миляхъ отъ Мерва, а по возвращеніи въ Индію впалъ въ немилость, причемъ ему даже не были возвращены необходимыя издержки. Индійское же правительство, съ своей стороны, обнародовало что майоръ Бутлеръ *согласился* отправиться, на свой рискъ и отвѣтственность, собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у Туркменовъ, подрядившись исполнить это за 1.000 ф. ст., и „эта сумма была ему уплачена." Интересно было бы узнать поболѣе обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Если Индійскимъ правительствомъ, которому майоръ Бутлеръ прямо адресовалъ всѣ свои сообщенія, собирались эти свѣдѣнія о Туркменахъ не для „обороны," то можетъ-быть это сдѣлалось изъ дружбы — къ Туркменамъ!..

№ 260.

Москва, 12-го октября.

Самымъ важнымъ мѣстомъ въ министерской рѣчи лорда Солсбери было безъ сомнѣнія то гдѣ руководитель иностранной политики Британской имперіи возвѣстилъ міру сохраняемый до сихъ поръ въ тайнѣ результатъ недавней поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну, удостовѣривъ что между Германіей и Австріей заключенъ формальный оборонительный трактатъ и прибавивъ что извѣстіе это должно быть принято всѣми кому „дороги интересы Европы", то-есть кому ненавистна Россія, какъ „благая вѣсть великой радости." Сообщеніе свое лордъ Солсбери основалъ, правда, лишь на газетныхъ извѣстіяхъ; но передача газетнаго слуха устами столь компетентными, понятно, произвела на первыхъ порахъ впечатлѣніе полнѣйшаго подтвержденія этого слуха, тѣмъ болѣе что услужливый телеграфъ, поспѣшившій передать во всѣ концы міра содержаніе рѣчи англійскаго министра, опустилъ его ссылку на газетныя сообщенія. Тѣмъ поразительнѣе что именно рѣчь лорда Солсбери, послѣ оглашенія полнаго ея текста, послужила поводомъ, если не къ прямому опроверженію указанной „благой вѣсти", то по крайней мѣрѣ къ замѣтной реакціи противъ толковъ о полнѣйшемъ единеніи установившемся между Вѣной и Берлиномъ, единеніи направленномъ противъ Россіи. Реакція эта замѣтнымъ образомъ сказалась въ наиболѣе выдающихся органахъ германской печати. Берлинскій офиціозный телеграфъ счелъ нужнымъ передать намъ вчера весьма рѣзкую выходку одной провинціальной нѣмецкой газеты, ***Франкфуртскаго Журнала***, противъ англійской политики вообще, выходку вы-

званную рѣчью лорда Солсбери, причемъ названный органъ высказывается и противъ трактата съ Австріей съ цѣлью огражденія неприкосновенности Турціи, находя что лучшею политикой Германіи въ Восточномъ вопросѣ была бы и впредь политика невмѣшательста. Въ томъ же духѣ излагають свои мнѣнія по поводу рѣчи лорда Солсбери и выдающіеся органы берлинской печати, и притомъ тѣ самые которые еще нѣсколько дней тому назадъ были весьма склонны вѣрить что формальный трактатъ между Германіей и Австріей дѣйствительно существуетъ. Замѣчательно что первое „положительное" извѣстіе о заключеніи такого трактата было пущено въ ходъ изъ англійскаго же источника. Въ корреспонденціи изъ Берлина отъ 14 октября лондонской газеты *Stanadard*, слывущей органомъ лорда Солсбери, возвѣщено было что только на дняхъ окончательно установлены были пункты соглашенія подготовленнаго въ Вѣнѣ во время пребыванія тамъ князя Бисмарка. Это сообщеніе было принято на первыхъ порахъ довольно довѣрчиво и германскою печатью, а *Кельнская Газета*, которая извѣстна своею враждебностью къ Россіи, поспѣшила дополнить оное завѣреніемъ что между императоромъ Вильгельмомъ и княземъ Бисмаркомъ „не существуетъ никакого охлажденія" вслѣдствіе Австро-Германскаго трактата направленнаго противъ Россіи, и что императоръ Вильгельмъ подписалъ оный безъ колебаній, несмотря на свою пріязнь къ Россіи, убѣдившись изъ доводовъ князя Бисмарка въ необходимости онаго. Берлинская печать усматривала подтвержденіе этихъ слуховъ о трактатѣ еще въ томъ что 16 октября собрался въ Берлинѣ такъназываемый „дипломатическій комитетъ" Германскаго Союзнаго Совѣта, коему графъ Стольбергъ сдѣлалъ какое-то сообщеніе отъ имени князя Бисмарка. Этотъ дипломатическій комитетъ существуетъ, какъ извѣстно, на основаніи германской конституціи, дабы союзныя государства имѣли возможность контролировать иностранную политику имперскаго правительства. Онъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ, изъ делегатовъ Виртемберга и Саксоніи и еще двухъ представителей прочихъ членовъ Союза, назначаемыхъ въ него Союзнымъ Совѣтомъ. Но съ 1870 года комитетъ этотъ сибирался всего въ третій разъ, и берлинскія газеты высказывали увѣренность что на этотъ разъ поводомъ къ созванію комитета могло быть не что иное какъ сообщеніе ему новаго соглашенія съ Австріей, которое есть де внутренее дѣло Германіи по крайней мѣрѣ настолько же насколько оно касается международныхъ сношеній, относительно которыхъ князь Бисмаркъ такъ неохотно допускаетъ надъ собою контроль.

И вотъ теперь, когда британскій министръ публичнымъ упоминаніемъ объ австро-германскомъ оборонительномъ трактатѣ, казалось бы, устранилъ послѣднюю тѣнь сомнѣнія на этотъ счетъ, берлинская печать не только не усмотрѣла въ этомъ новаго аргумента въ пользу своего собственнаго прежняго предположенія, но, какъ бы спохватившись, стала провѣрять насколько оно вѣрно и въ концѣ концовъ пришла къ убѣжденію что слухъ пущенный въ ходъ изъ англійскихъ источниковъ, и настойчиво оттуда поддерживаемый, именно по этой причинѣ подлежитъ большому сомнѣнію. Такъ разсуждаетъ *Національная Газета*, и внезапно измѣнившійся взглядъ ея на союзъ съ Австріей есть явленіе котораго нельзя не отмѣтить, тѣмъ болѣе что одновременно съ этимъ и наиболѣе солидныя изъ вѣнскихъ газетъ также сочли нужнымъ разувѣрить публику относительно слишкомъ далеко простирающихся толковъ о политическомъ единеніи между Австріей и Германіей, облеченномъ будто бы въ формальный трактатъ.

Такого же рода опроверженіе прочли мы на дняхъ въ вѣнской *Presse*. Затѣмъ и *Пештскій Ллойдъ* принялся увѣрять что не только де не было и рѣчи объ оборонительномъ союзѣ между Австріей и Германіей, но что даже всякая идея о взаимной гарантіи владѣній обѣихъ державъ на основаніи *uti possidetis* была устранена изъ разговоровъ бывшихъ во время пребыванія князя Бисмарка въ Вѣнѣ. Пештская газета, въ доказательство невозможности такой сдѣлки, приводитъ то соображеніе что какъ отъ Австро-Венгріи нельзя требовать чтобъ она приняла всѣ послѣдствія возможнаго столкновенія между Германіей и Франціей, такъ, съ своей стороны, и Германія не могда бы признать себя солидарною съ Австро-Венгріей при всѣхъ событіяхъ которыя могутъ произойти.

Какъ понимать эти вдругъ ретиво посыпавшіяся отнѣкиванія? Были ли мистификаціей публики прежніе толки о союзѣ, или ее теперь хотятъ мистифировать опроверженіями? Встревожились ли тѣмъ что англійскій министръ неосторожно обнаружилъ прежде времени дипломатическую тайну? Но вѣдь о ней прежде толковали же всѣ газеты, и самъ лордъ Солсбери основывался на газетныхъ слухахъ, хотя, правда, въ его радости по ихъ поводу высказывалась почти увѣренность въ ихъ справедливости. Или, быть-можетъ, нашли что именно эта увѣренность его, заходя слишкомъ далеко, скорѣе ослабляетъ чѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе прежнихъ таинственныхъ намековъ? При калейдоскопической игрѣ ежедневно мѣняющихся слуховъ, коими держатъ публику *en suspens*, нѣтъ пользы доискиваться кто главный виновникъ въ „легкомысленной игрѣ миромъ и спокойствіемъ Европы", о которой упоминаетъ *Франктфуртскій Журналъ*. Покамѣсть мы видимъ только что и въ этомъ основномъ пунктѣ своей рѣчи, которымъ лордъ Солсбери такъ хотѣлъ порадовать своихъ слушателей, онъ оказался настоящимъ *enfant terrible*.

Кстати ко всѣмъ этимъ опроверженіямъ, отмѣтимъ спеціальную берлинскую телеграмму въ полученномъ сегодня нумерѣ *Pall Mall Gazette*, въ которой также выдается теперь за фактъ что „никакого письменнаго обязательства или формальнаго трактата между Германіей и Австріей не существуетъ." Германское министерство иностранныхъ дѣлъ, спрошенное объ этомъ, дало де положительный отвѣтъ что нѣтъ никакого формальнаго союза, допустивъ, однако, что между обоими правительствами существуютъ „полная гармонія взглядовъ и общее согласіе." Телеграмма присовокупляетъ: „Есть основаніе полагать что императоръ Вильгельмъ отказался согласиться на всякую политику которая могла бы поставить Германію въ прямой антагонизмъ съ Россіей, и можно считать рѣшеннымъ что при его жизни всякая подобная политика со стороны Германіи внѣ вопроса. Императоръ, какъ говорятъ, недавно самъ далъ это понять вполнѣ ясно."

Наконецъ въ *Политической Корреспонденціи* опубликовано даже „офиціальное" письмо полученное изъ Берлина и опровергающее толкованія лорда Солсбери о вѣнскомъ соглашеніи. По телеграммѣ еще трудно судить о настоящемъ значеніи этого письма, но въ чемъ авторъ его несомнѣнно справедливъ, это въ приписываемомъ имъ Англіи умыслѣ захватить при первомъ благопріятномъ случаѣ Константинополь. Лордъ Солсбери въ своей рѣчи чуть только не немекалъ на это...

№ 261.

Москва, 13-го октября.

А.

Новыя комбинаціи въ политическомъ положеніи дѣлъ, комбинаціи, участниками коихъ являются великія европейскія державы, отвлекли вниманіе отъ того что̀ происходитъ на Балканскомъ полуостровѣ. Вопросъ объ исполненіи Берлинскаго трактата не сходилъ съ языка западно-европейской дипломатіи и печати только до тѣхъ поръ пока требовалось настоять на исполненіи его Россіей. Мы были до крайности точны. Въ назначенный срокъ русскія войска очистили Балканскій полуостровъ. Результатомъ этого была безцеремонная похвальба англійскихъ и австрійскихъ министровъ что ихъ усилія достигнуты, что „въ существенныхъ чертахъ" Берлинскій трактатъ *исполненъ*. Было бы и странно, впрочемъ, ожидать отъ „недобросовѣстныхъ" (по откровенному выраженію *Франкфуртскаго Журнала*) европейскихъ политиковъ чтобъ они придали важность чему-нибудь въ чемъ не заключалось бы ихъ прямой цѣли: противодѣйствія Россіи или случайнаго, выгоднаго для нихъ самихъ, захвата. Берлинскій трактатъ заключаетъ въ себѣ, однако, многое о чемъ европейская дипломатія разсуждала, конечно, pro forma, лишь для соблюденія приличія, но что̀ для Россіи имѣетъ весьма *существенное значеніе*.

Вчерашняя телеграмма изъ Цетинья принесла извѣстіе, не совсѣмъ впрочемъ неожиданное, о новомъ столкновеніи Черногорцевъ съ Албанцами. Депеша выражается глухо: она говоритъ что результатъ столкновенія не извѣстенъ, но что оно было *кровопролитное*. Итакъ, не прошло двухъ лѣтъ по прекращеніи войны, какъ вслѣдъ за громогласнымъ возвѣщеніемъ исполненія ре-

дижированнаго мирнаго трактата являетсь надобность въ новомъ кровопролитіи!

Кровопролитіе это не случайное и, какъ мы уже сказали, не неожиданное. Оно не имѣетъ сходства съ не очень далекимъ по времени вторженіемъ Албанцевъ въ предѣлы Сербской территоріи, имѣвшимъ хоть тотъ счастливый для Сербіи исходъ что ей были отведены нѣкоторыя лишнія пограничныя мѣстности, дающія возможность предупреждать подобные хищническіе набѣги изъ предѣловъ Турціи. Припомнимъ выгоды выпавшія на долю Черногоріи за веденіе геройской съ ея стороны войны и какимъ путемъ шло ихъ осуществленіе. Въ этомъ отношеніи иронія судьбы сказывается едва ли не всего поразительнѣе. Въ признаніи своей независимости отъ Порты Черногорія, въ противоположность другимъ княжествамъ на Балканскомъ полуостровѣ, не нуждалась. Во все время двухъ послѣдовательныхъ войнъ оружіе ея было побѣдоносно какъ въ Герцеговинѣ, такъ и въ сторону юга, въ Албаніи. Злополучный Берлинскій трактатъ сокращаетъ ея завоеванія, въ особенности въ сторону Герцеговины, самымъ безцеремоннымъ образомъ. Значительныя части уже занятой Черногорцами территоріи отходятъ въ пользу непрошеныхъ возстановителей спокойствія — Австрійцевъ. Столь важное для Черногоріи сообщеніе съ моремъ подвергается надзору и контролю австрійской полиціи. Лишь въ сторону Албаніи за ней остаются ея пріобрѣтенія и отводятся еще не взятыя крѣпости Подгорица и Спужъ, уже предоставленныя, впрочемъ, Черногоріи Санъ-Стефанскимъ договоромъ, и безъ обладанія коими для нея было бы немыслимо обладаніе и остальною территоріей. Такъ круто поступаетъ съ Черногоріей Берлинскій трактатъ, и однако она покоряется ему безпрекословно. Всѣ постановленія трактата обязательныя для нея самой, какъ напримѣръ, очищеніе тѣхъ мѣстностей которыя отошли къ Австріи, исполняются немедленно. Герцеговинцы участвовавшіе въ черногорскомъ войскѣ приводятся въ полномъ порядкѣ чтобы сложить оружіе предъ Австрійцами. Во все время Боснійской оккупаціи Черногорія добросовѣстно соблюдаетъ нейтралитетъ, такъ что взаимныя отношенія совершаются, какъ бы и дѣйствительно къ „общему удовольствію,“ поѣздкой князя Черногорскаго въ Вѣну и пріѣздомъ австрійскаго главнокомандующаго, герцога Виртембергскаго, въ Цетинье.

Совершенно инымъ образомъ исполнялись „обязательныя“ постановленія того же Берлинскаго трактата по отношенію къ самой Черногоріи. Исторія занятій европейской коммиссіи по регулированію Турецко-Черногорской границы достаточно извѣстна; припомнимъ лишь что ей *четыре* раза приходилось прерывать свои занятія и обращать вопросы на рѣшеніе назначившихъ ее державъ. Причиной тому были отчасти неточныя представленія участниковъ конгресса о деталяхъ постановленной ими границы, чтò дало турецкимъ коммиссарамъ возможность при малѣйшемъ поводѣ тормозить дѣло и возбуждать безполезныя пререканія; но еще болѣе тормозили дѣло несогласія самихъ европейскихъ коммиссаровъ между собою, такъ какъ англійскій, французскій и австрійскій коммиссары считали своею обязанностью во чтò бы то ни стало соглашаться съ турецкими представителями. Коммиссія эта, какъ извѣстно, разошлась постановивъ что ничего не можетъ рѣшить, и можетъ лишь случиться что она соберется въ маѣ 1880 года или когда будетъ досужно...

Но гораздо серіознѣе всѣхъ этихъ мелкихъ пререканій о границѣ является для Черногоріи то сопротивленіе которое Порта возбуждала и не перестаетъ возбуждать въ самомъ населеніи уступленныхъ ею областей противъ передачи ихъ Черногоріи. Занятіе Подгорицы и Спужа отсрочивалось цѣлые мѣсяцы. Газеты сообщали тогда что оно послѣдовало лишь вслѣдствіе настояній Россіи, равно какъ и удаленіе скутарійскаго вали Гуссейнъ-паши, на котораго Черногорское правительство формально жаловалось Портѣ. Послѣднее извѣстіе оказалось, однако, не точнымъ, такъ какъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ продолжаетъ оставаться въ Скутари. Какъ бы то ни было, занятіе Подгорицы и Спужа потребовало отъ Черногоріи принятія многихъ мѣръ предосторожности и сосредоточенія значительныхъ военныхъ силъ. Оно еще совершилось мирно, но при предстоящемъ занятіи дальнѣйшихъ отходящихъ къ Черногоріи позицій, Плавы и Гусинья, Черногорцы очевидно ждутъ серіознаго сопротивленія. *Политической Корреспонденціи* сообщалось изъ Константинополя, что представитель

Черногоріи Станко Радоничъ, послѣ неоднократныхъ безуспѣшныхъ представленій Портѣ объ ея обязанности сдать мирно Черногоріи Гусинье и Плаву, заявилъ категорически что на эти позиціи, если онѣ не будутъ сданы къ 27 (15) октября, будутъ двинуты 15.000 Черногорцевъ, а въ цетиньской корреспонденціи той же газеты читаемъ: „Все еще нерѣшенное дѣло о Плавѣ и Гусиньѣ ждетъ, повидимому, рѣшенія въ родѣ Гордіева узла, и притомъ не въ очень далекомъ будущемъ... Военные матеріалы, запасы пороха и продовольствія уже на мѣстѣ, ежечасно ожидаютъ приказа къ движенію арміи... Такимъ образомъ среди глубокаго мира и потребности въ немъ мы очутимся въ войнѣ.“ Срокъ назначенный въ упомянутомъ ультиматумѣ черногорскаго представителя, если извѣстіе *Политической Корреспонденціи* вполнѣ точно, еще не насталъ, а уже произошла кровопролитная битва. Нельзя сомнѣваться что вчерашнее телеграфное извѣстіе о столкновеніи между Черногорцами и Албанцами есть прямой результатъ положенія въ которое ставитъ Черногорію недобросовѣстность Порты.

Б.

На дняхъ получили мы наконецъ офиціальную таблицу сборовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ за первую половину текущаго года. Таблица эта вполнѣ подтверждаетъ высказанныя нами соображенія о новомъ желѣзнодорожномъ налогѣ. Оказывается что общій недоборъ дохода по пассажирскому и товарному движенію сравнительно съ прошлымъ годомъ простирается до пяти милліоновъ (4.958.550 руб.) которые, по всей вѣроятности, придется казнѣ доплатить по гарантіямъ желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій; въ прошломъ году собрано за первое полугодіе 5.213 руб. на версту, а въ нынѣшнемъ 4.754 руб., то-есть на $9,_{22}\%$ менѣе. Недоборъ происходитъ отъ уменьшенія перевозокъ большой скорости и отъ перехода пассажировъ въ низшіе классы вагоновъ. Движеніе товаровъ малой скорости сократилось незначительно. Въ 1878 году за первые шесть мѣсяцевъ перевезено 1.024.327.516 пудовъ; за то же время въ текущемъ году 994.168.100 пуд., т.-е. 30.369.416 пудовъ или около *трехъ* процентовъ менѣе. Такая разница не могла понизить общій валовый доходъ на *девять съ третью* процентовъ.

Перевозка товаровъ большой скорости за тотъ же періодъ пала съ 5.366.885 пуд. до 3.422.900 пуд., т.-е., на 1.943.985 пуд., или свыше чѣмъ на *тридцать шесть* процентовъ.

Переходъ пассажировъ въ низшіе классы вагоновъ происходитъ въ больших размѣрахъ. Общее число пассажировъ возрасло съ 13.767.467 до 14.279.119, а сборы все-таки пали.

Въ новой таблицѣ мы опять-таки не находимъ графы показывающей отдѣльно сборы съ пассажировъ и съ перевозокъ большой скорости, хотя они имѣютъ самостоятельное значеніе въ виду новаго налога на пассажирское и скорое товарное движеніе. Оставимъ въ сторонѣ важность помянутыхъ данныхъ для государственнаго хозяйства, но не можемъ не замѣтить что любая торговая контора, уже въ однихъ видахъ ясности и правильпости счетовъ, открыла бы въ подобныхъ обстоятельствахъ особые счеты соотвѣтствующіе происшедшей въ дѣлахъ перемѣнѣ,—и даже при гораздо меньшей перемѣнѣ чѣмъ послѣдствія новаго желѣзнодорожнаго налога.

Офиціальныя таблицы валовыхъ сборовъ съ желѣзныхъ дорогъ поражаютъ своею рутиной. Кажется, теперь ни для кого не секретъ новый таможенный и желѣзнодорожные тарифы Германіи, а также вызванные ими переговоры между германскими и русскими желѣзными дорогами касательно новыхъ правилъ русско-германскаго прямаго сообщенія. Можно было надѣяться что въ виду поднявшихся вопросовъ офиціальныя таблицы дадутъ намъ соотвѣтствующія данныя. Чтó же мы въ нихъ находимъ? Сообщаются лишь данныя о товарахъ малой скорости переданныхъ на русскія желѣзныя дороги *съ* заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ и не публикуется никакихъ цифръ о товарахъ вывезенныхъ изъ Россіи по прямому желѣзнодорожному сообщенію. Но чѣмъ же первыя данныя важнѣе послѣднихъ? Не можетъ быть также чтобы послѣднія было трудно собрать.

Новая таблица валовыхъ сборовъ по желѣзнымъ дорогамъ продолжаетъ заносить на черную доску тѣ желѣзнодорожные общества которыя опоздали съ представленіемъ свѣдѣній и задержали печатаніе

таблицы. Лодзинская дорога доставила ихъ 12 августа, Харьково-Николаевская 13-го, а С.-Петербурго-Варшавская, которой правленіе помѣщается въ Петербургѣ, лишь 24 августа. Таблица же отпечатана 31 августа, то-есть два мѣсяца спустя послѣ срока ея (1 іюля), тогда какъ чуть не всюду подобныя таблицы печатаются не позже какъ черезъ двѣ недѣли. *Журналъ* же *Министерства Путей Сообщенія*, при которомъ разсылается таблица, полученъ нами въ октябрѣ. Куріозно что нѣкоторыя компаніи публикують въ газетахъ свои сборы даже раньше представленія ихъ въ Министерство Путей Сообщенія. Право, не знаешь чему тутъ больше удивляться: положенію занятому Министерствомъ относительно компаній или компаній относительно Министерства.

№ 263.

Москва, 15-го октября.

А.

Въ настоящее время на разсмотрѣніи одного изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій находится проектъ Министерства Финансовъ о передачѣ купцу Шевелеву пароходства въ Приморской области Восточной Сибири. По этому проекту купецъ Шевелевъ, непремѣнно съ начала навигаціи 1880 года, обязывается учредить срочные рейсы, съ одной стороны, между Владивостокомъ и Ханькоу, съ заходомъ въ Шанхай и Нагасаки, а съ другой—между Владивостокомъ и Николаевскомъ *), надо думать тоже съ заходомъ на Сахалинъ, хоть объ этомъ и не упоминается въ газетныхъ извѣстіяхъ о содержаніи названнаго проекта.

Говоря объ этомъ проектѣ, газеты сильно раздуваютъ значеніе задуманнаго предпріятія, увѣряя что оно окажетъ громадное вліяніе на чайную торговлю Россіи съ Китаемъ. Но не слѣдуетъ забывать что развитіе пароходства въ Татарскомъ проливѣ и въ Японскомъ морѣ никакъ не можетъ дать такого результата. Никогда масса чаевъ не пойдетъ въ Россію ни чрезъ Владивостокъ, ни чрезъ Николаевскъ; даже при улучшеніи сухопутнаго пути отъ Владивостока до Усури и пароходства на Амурѣ по обѣимъ этимъ рѣкамъ,—гдѣ, кромѣ другихъ затрудненій, предстоитъ столько перегрузокъ,— чаи этимъ путемъ будутъ идти развѣ только въ Забайкальскій край. Уменьшить количество чаевъ идущее чрезъ Тяньцзинъ можно только прямымъ отправленіемъ ихъ изъ Ханькоу и Фучао въ Одессу, за что и берутся суда Добровольнаго Флота.

Тѣмъ не менѣе, учрежденіе правильнаго пароходства въ Восточномъ Океанѣ конечно имѣетъ важное значеніе и обѣщаетъ много для русской торговли и для экономическаго развитія всего прибрежья Восточнаго Океана. Но вопросъ въ томъ: будетъ ли въ состояніи содѣйствовать всему этому компанія устраиваемая г. Шевелевымъ?

Учрежденіе правильнаго срочнаго пароходства въ водахъ Приморской области дѣло далеко не легкое, особенно въ виду слабаго развитія нашей военно-морской части въ этихъ водахъ. При этомъ нужно взять во вниманіе еще и то что Приморская область Восточной Сибири управляется особымъ губернаторомъ, командующимъ въ то же время Сибирскою флотиліей и подчиненнымъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, пребывающему въ Иркутскѣ. Управленіе губернатора Приморской области находится въ Николаевскѣ, а подвѣдомое ему управленіе морскою частью во Владивостокѣ. Уже изъ этого можно судить съ какими затрудненіями можетъ встрѣтиться учрежденіе срочнаго пароходства, котораго правленіе въ тысячѣ случаевъ неизбѣжно должно сноситься и съ гражданскимъ, и съ морскимъ вѣдомствами края, находящимися одно отъ другаго въ тысячахъ верстъ и зависимыхъ, въ свою очередь, отъ далекаго Иркутска, не говоря уже о сношеніяхъ съ еще болѣе отдаленнымъ высшимъ морскимъ управленіемъ въ Петербургѣ.

До настоящаго времени все судоходство въ Приморской области и въ Охотскомъ морѣ находится въ рукахъ иностранныхъ судохозяевъ. Изъ русскихъ пароходныхъ фирмъ извѣстна въ этихъ водахъ пока одна только фирма Филиппеуса.

Въ виду этого, надо думать, что прежде чѣмъ взяться за предпріятіе, г. Ше-

*) Замѣтимъ, между прочимъ, что если Николаевскъ включенъ въ число мѣстъ, посѣщеніе которыхъ обязательно для компаніи, то необходимо будетъ имѣть различные пароходы по мелководью устья Амура, а это много усложняетъ дѣло.

велевъ объяснилъ кому слѣдуетъ какимъ образомъ онъ нашелъ возможность „дать „дѣлу такое направленіе чтобъ оно не могло „терпѣть отъ конкурренціи иностранныхъ „торговыхъ судовъ."

Дѣло идетъ несомнѣнно о выдачѣ концессіи болѣе или менѣе выгодной, съ хорошею помильною платой, а можетъ-быть, независимо отъ этого, и съ ежегодною субсидіей.

Помильная плата за срочные пароходные рейсы между извѣстными портами дѣло обычное не только у насъ, но и за границей; и если рѣчь идетъ о помильной платѣ на данныхъ линіяхъ, особенно между Владивостокомъ и Николаевскомъ, то размѣры ея едва ли могутъ быть незначительны.

Извѣстно что помильная плата и прямыя субсидіи весьма часто ведутъ не къ пользѣ, а ко вреду для дѣла. О казенной помощи которою пользуется, напримѣръ, Русское Общество Пароходства, говорено было очень много, какъ о мѣрѣ сдѣлавшей названное Общество почти монополистомъ въ водахъ Чернаго Моря. Эта помощь устраняла всякую конкурренцію русскихъ же предпринимателей съ обществомъ Пароходства и Торговли, она тормозила образованіе новыхъ русскихъ пароходныхъ компаній. Но въ данномъ случаѣ, говорятъ, дѣло идетъ объ устраненіи иностранныхъ конкуррентовъ уже болѣе или менѣе прочно основавшихся на Востокѣ. Притомъ, нельзя де утверждать чтобы выдача субсидій и Русскому Обществу въ свое время была вполнѣ излишнею: при началѣ предпріятія, когда требуются громадныя затраты и издержки, полученіемъ субсидіи въ томъ или другомъ размѣрѣ часто обусловливается возможность поставить дѣло правильно и прочно.

Но какъ стоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ? Имѣются ли достаточныя основанія даже заводить рѣчь о субсидіяхъ?

Кромѣ проекта компаніи г. Шевелева, существуетъ печатный проектъ другой подобный же компаніи, и мы находимъ подъ нимъ подпись того же г. Шевелева. Компанія эта представляетъ, повидимому, самое раціональное основаніе. Въ ней участвуютъ всѣ фирмы наши въ Китаѣ, и къ соучастію приглашаются и другіе чайные торговцы, слѣдовательно люди непосредственно заинтересованные дѣломъ и люди непосредственно отвѣтственные за успѣхъ, напримѣръ, коммиссіонеры въ Китаѣ отъ нашихъ чайныхъ торговцевъ. Кромѣ прямой выгоды для акціонеровъ отъ пониженія фрахта, проектъ обѣщаетъ, при самой надежной постановкѣ дѣла, еще 11% прибыли на складочный капиталъ, не требуя отъ казны ни субсидій, ни привилегій. Зачѣмъ же нужна другая компанія для той же цѣли, но уже съ привилегіями и субсидіями?

Г. Шевелевъ, одинъ или съ компаніей (неизвѣстно), имѣлъ пароходъ *Батракъ*, который, какъ говорили, дѣйствовалъ успѣшно именно въ тѣхъ самыхъ водахъ которыя назначаются поприщемъ новой компаніи; и однако не было надобности ни въ субсидіи, ни въ привилегіи. Пароходъ *Батракъ* разбился, но конечно страховое общество уплатило вознагражденіе за потерю.

Опытъ пароходства на Амурѣ, гдѣ русское частное пароходство одержало верхъ надъ иностранцами, тогда какъ привилегированныя компаніи не могли справиться съ дѣломъ и устранить иностранную конкурренцію, доказываетъ что нѣтъ никакой надобности ни въ субсидіяхъ, ни въ привилегіяхъ тамъ гдѣ прямымъ побужденіемъ является выгода пароходовладѣльца.

Наконецъ, не имѣется никакихъ гарантій что дѣло задуманное нынѣ г. Шевелевымъ не будетъ передано иностранцамъ*). Все что говорятъ теперь о компаніи Шевелева говорилось въ свое время и о компаніи Филиппеуса; и если теперь дѣло идетъ объ образованіи новой компаніи, то этимъ ясно свидѣтельствуется что компанія Филиппеуса не достигла своей цѣли. Напомнимъ, въ заключеніе, что въ печати уже было заявлено о намѣреніи Сахалинской компаніи продать свои привилегіи иностранной же компаніи.

Б.

Въ нумерѣ 222-мъ *Русскаго Инвалида* находимъ подробныя свѣдѣнія о предсто-

*) Въ газетныхъ статьяхъ о проектѣ Шевелева, его называютъ представителемъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фирмъ (Токмаковъ и К°, бывшая Окуловъ, Токмаковъ и К°), но г. Шевелевъ заявилъ въ газетныхъ объявленіяхъ, что онъ вышелъ изъ этой фирмы, въ которую поступилъ по смерти г. Окулова; какъ же онъ является снова представителемъ той же фирмы?

ящемъ пересмотрѣ Положенія объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства, о составѣ назначенной для этого коммиссіи и о сущности предстоящей ей задачи. „Военный совѣтъ,“ говорится въ запискѣ *Русскаго Инвалида*, „разсмотрѣвъ отчетъ эме„ритальной кассы военно-сухопутнаго вѣ„домства за 1878 годъ и имѣя въ виду „что значительное приращеніе капитала „эмеритуры къ 1 января 1879 года даетъ „положительное указаніе какъ на возмож„ность лучшаго обезпеченія въ отставкѣ „заслуженныхъ воиновъ, такъ и на своe„временность принятія особыхъ мѣръ къ „устройству участи ихъ осиротѣлыхъ се„мействъ,“ призналъ необходимымъ приступить къ пересмотру положеній объ эмеритальной кассѣ и „къ составленію новыхъ со„ображеній о дальнѣйшихъ ея дѣйствіяхъ.“

Пересмотръ Положенія объ эмеритальной кассѣ дѣло обычное. На основаніи статьи 112 Положенія о кассѣ, этотъ пересмотръ долженъ быть производимъ каждые десять лѣтъ, считая съ 1860 года, если „не представится только особой надобности собирать коммиссію ранѣе указаннаго срока.“ Въ силу этого постановленія, въ 1870—71 годахъ состоялся первый пересмотръ устава эмеритальной кассы, приведшій къ увеличенію окладовъ пенсій и къ нѣкоторому обезпеченію семействъ тѣхъ лицъ кои не выслужили права на полученіе пенсіи. Второй пересмотръ долженъ бы состояться лишь въ будущемъ году, но „постоянно изъ году въ годъ увеличивающееся приращеніе“ капиталовъ указывало на положительную необходимость приступить къ этому дѣлу гораздо ранѣе, что и предполагалось исполнить въ 1877 году.

Открытіе военныхъ дѣйствій весной 1877 года заставило отложить это дѣло до окончанія военныхъ дѣйствій, какъ вслѣдствіе „невозможности командировать въ коммис„сію лицъ стоящихъ въ рядахъ арміи,“ такъ конечно и по той причинѣ что война могла вызвать расходы изъ эмеритальной кассы. Въ этихъ именно видахъ было положено чтобы при пересмотрѣ устава послѣ войны коммиссія „вошла въ соображеніе „о томъ съ какого именно срока должны „быть примѣнены выработанныя ею льго„ты,“ то-есть со времени ли объявленія войны, или же съ 1 мая 1878 года, когда „стекъ девятнадцатилѣтній періодъ назна„ченія эмеритальныхъ пенсій.

Этотъ пунктъ имѣетъ особое значеніе. Усиленное назначеніе эмеритальныхъ пенсій вызванное минувшею кампаніей не ослабило кассы. Она процвѣтаетъ попрежнему, и отчетъ ея показалъ къ 1879 году „значительное приращеніе“ суммъ. Но не обусловлено ли это приращеніе столь же значительною скромностью окладовъ, далеко не обезпечивающихъ именно тѣхъ изъ заслуженныхъ воиновъ кои всѣхъ болѣе имѣютъ право на вниманіе кассы? Состояніе капиталовъ кассы даетъ право разчитывать не только на лучшее, но на положительно хорошее обезпеченіе какъ оставшихся въ живыхъ жертвъ этой блистательной войны, такъ особенно на прочное „устройство участи осиротѣлыхъ се„мействъ.“ Необходимо устроить такъ чтобы правилами о назначеніи пенсій лицамъ оставляющимъ службу за ранами и семействамъ убитыхъ самые оклады ихъ пенсій рѣзче отличались отъ окладовъ за мирную службу. Правда, всѣ разчеты кассы и право на пенсію находятся въ извѣстной зависимости какъ отъ числа платныхъ лѣтъ, такъ и отъ размѣра взносовъ, но въ основаніи кассы лежитъ капиталъ образовавшійся не изъ взносовъ, а пожалованный кассѣ какъ учрежденію назначенному обезпечить слугъ государства. Въ виду этого постановлено что правомъ на эмеритальную пенсію при обыкновенныхъ условіяхъ пользуются лишь тѣ изъ членовъ ея кои прослужили не менѣе 25 лѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствующимъ уставомъ лицамъ выходящимъ въ отставку за ранами и семействамъ убитыхъ предоставлены нѣкоторыя льготы. Развить эти льготы и распространить ихъ на жертвъ минувшей войны, такова должна быть первая забота коммиссіи, хотя бы для этого пришлось значительно сократить размѣръ тѣхъ улучшеній кои достанутся на долю лицъ выслуживающихъ пенсіи въ мирное время.

Другая важная задача есть обезпеченіе семействъ членовъ кассы прослужившихъ менѣе 25 лѣтъ. Настоящій размѣръ выдачъ этимъ семействамъ такъ скуденъ что не можетъ удовлетворить даже самыхъ насущныхъ потребностей, достигая въ иныхъ случаяхъ только 96 рублей. Было бы справедливо установить новую градацію этихъ выдачъ, принявъ во вниманіе какъ число платныхъ лѣтъ, такъ и сумму взносовъ сдѣланныхъ членомъ кассы.

Не окажется ли возможнымъ этотъ последній пріемъ исчисленія размѣра выдачъ изъ эмеритальной кассы распространить и на всѣхъ ея членовъ, устранивъ такимъ образомъ какъ замѣчаемое теперь излишнее „изъ году въ годъ“ увеличивающееся приращеніе капиталовъ кассы, ведущее только къ благополучію потомковъ на счетъ ихъ предковъ по службѣ, такъ равно и разнаго рода несообразности могущія вызывать справедливыя нареканія? Но дѣйствующему въ настоящее время „Положенію объ эмеритальной кассѣ,“ оклады пенсій распредѣлены по чинамъ, а такъ какъ въ военномъ вѣдомствѣ правила о производствѣ въ чины офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства различны то и случается что два лица прослужившія одинаковое число лѣтъ въ одной и той же должности, получавшія одинаковое содержаніе, а стало-быть сдѣлавшіе одинаковый взносъ въ кассу, получаютъ пенсіи различающіяся на сотни рублей лишь потому, напримѣръ, что въ этой должности гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства можетъ быть статскимъ совѣтникомъ, а офицеръ только подполковникомъ. Вообще при опредѣленіи пенсій исключительно по чинамъ, гражданскіе чины военнаго вѣдомства имѣютъ значительное преимущество предъ офицерами, такъ какъ правила о производствѣ первыхъ въ большинствѣ случаевъ даютъ возможность болѣе быстраго повышенія.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія еще на одну странность вызываемую дѣйствующимъ положеніемъ, на которую не можетъ не натолкнуться коммиссія, въ составъ которой входятъ представители ото всѣхъ главныхъ учрежденій военнаго вѣдомства. Участіе въ эмеритальной кассѣ для служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ вообще обязательно, но есть разрядъ должностей занимающимъ кои, даже въ офицерскихъ чинахъ, предоставляется право не быть членами кассы, какъ, напримѣръ, преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній. Большинство ихъ, участвуя въ кассѣ нѣсколько лѣтъ, прекращаютъ затѣмъ взносы „по безвыгодности дальнѣйшаго платежа.“ Эта безвыгодность обусловливается все тою же ошибочною системой опредѣленія размѣра пенсій по чинамъ, а не по получаемому на службѣ содержанію или по суммѣ взносовъ. Получая ежегодно значительное содержаніе въ видѣ поурочной платы и обязанныя по уставу дѣлать пропорціонально большіе взносы, лица эти, при назначеніи пенсій по чинамъ, пользуются несоразмѣрно малыми эмеритальными окладами, что̀ и вынуждаетъ ихъ въ извѣстное время отстраняться отъ дальнѣйшаго участія въ кассѣ взносами. Нельзя не пожелать чтобы такой порядокъ былъ устраненъ вмѣстѣ съ причиной его обусловливающею. Постоянный избытокъ средствъ кассы даетъ право разчитывать что настоящій пересмотръ коснется разныхъ сторонъ Положенія болѣе серіознымъ образомъ нежели первый, бывшій десять лѣтъ назадъ.

№ 264.

Москва, 16-го октября.

А.

Нескончаемая легенда объ австрогерманскомъ союзѣ обогатилась въ последніе дни нѣсколькими новыми чертами, которыя хотя и оставляютъ непосвященныхъ въ прежнемъ невѣдѣніи насчетъ истинной сущности дѣла, но которыхъ однако нельзя не отмѣтить уже потому что въ этомъ новомъ хорѣ „сказаній“ приняли участіе и германскіе офиціозные голоса.

Кельнская Газета, выдающаяся въ германской печати своею враждебностію къ Россіи, особенно усердствовала съ самаго начала въ распространеніи всяческихъ слуховъ объ указанномъ союзѣ, постоянно напирая на его враждебную Россіи тенденцію. Самая последняя и наиболѣе обстоятельная версія этихъ слуховъ, появившаяся въ этой газетѣ 23 октября, приведена нами вчера въ *Послѣдней Почтѣ*. Новый поворотъ въ политикѣ германскаго канцлера ознаменовавшійся австрогерманскимъ соглашеніемъ выставляется этимъ новѣйшимъ разказомъ въ свѣтѣ трагической коллизіи. Императоръ Вильгельмъ, по сказанію кельнскаго листка, долго не рѣшался скрѣпить своимъ согласіемъ ту политику которой имперскій канцлеръ положилъ начало во время своего пребыванія въ Вѣнѣ. Ему пришлось де выдержать внутреннюю борьбу и превозмочь свое сердечное влеченіе къ Россіи прежде чѣмъ одобрить соглашеніе „имѣвшее, правда, лишь мирныя цѣли, но мо-

гущее однако вовлечь Германію въ борьбу съ Россіей.“ Но имперскій канцлеръ поставилъ вопросъ очень круто, и императоръ Вильгельмъ пожертвовалъ де и на этотъ разъ своими сердечными влеченіями чувству долга. Князь Бисмаркъ употребилъ де промежутокъ времени между возвращеніемъ своимъ изъ Вѣны и отъѣздомъ въ Фарцинъ на то чтобъ убѣдить своихъ товарищей по министерству въ томъ что Европѣ угрожаютъ какія-то опасности и что эти опасности слѣдуетъ предупредить, а въ случаѣ нужды—встрѣтить смѣло. Все министерство, повѣствуетъ далѣе кельнскій листокъ, прониклось доводами князя Бисмарка, и къ императору Вильгельму, находившемуся въ то время въ Баденъ-Баденѣ, былъ отряженъ вице-призидентъ министерства, графъ Стольбергъ-Вернигероде, чтобы побудить его величество подписать протоколъ составленный по соглашенію между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши и предназначенный для подписи обоихъ императоровъ. Восемь дней потребовалось на то чтобъ устранить всѣ сомнѣнія императора Вильгельма и превозмочь его колебанія. Сильнѣйшимъ аргументомъ послужило конечно то что, какъ утверждаетъ *Кельнская Газета*, на случай еслибъ императоръ не согласился, прошеніе имперскаго канцлера объ увольненіи уже лежало готовое въ императорскомъ кабинетѣ. Актъ соглашенія подписанъ де императоромъ Вильгельмомъ 15 октября.

Таково сказаніе кельнскаго листка, которое въ ряду многихъ другихъ сказаній едва ли могло бы претендовать на достовѣрность, особливо въ виду явной тенденціозности сообщеній этой газеты, еслибъ одинъ изъ прусскихъ министровъ, г. Путкаммеръ, не взялъ на себя подкрѣпить своимъ авторитетомъ разказъ *Кельнской Газеты*. По сообщенію берлинскихъ газетъ, г. Путкаммеръ былъ на дняхъ въ Эссенѣ и произнесъ тамъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, коснулся иностранной политики и, воздавая хвалу императору Вильгельму, сослался на приведенное выше сообщеніе *Кельнской Газеты* какъ на примѣръ его самоотверженія.

Но не успѣли газеты сообщить объ этой манифестаціи преемника г. Фалька, какъ заговорила *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, несомнѣнный органъ князя Бисмарка, и эта-то замѣтка офиціозной газеты, появившаяся вчера и немедленно переданная намъ берлинскимъ телеграфомъ, составляетъ самый любопытный эпизодъ во всей этой цѣпи quasi-разоблаченій.

Замѣтка эта гласитъ что „было бы ошибочно думать что прусскій министръ просвѣщенія обладаетъ достовѣрными свѣдѣніями объ актахъ касающихся имперской политики и имѣетъ возможность подкрѣплять справедливость слуховъ передаваемыхъ *Кельнскою Газетой*.“

Офиціозная газета не отрицаетъ что г. фонъ-Путкаммеръ говорилъ именно такъ какъ передаютъ прочія газеты. Равнымъ образомъ она воздерживается отъ какого-либо замѣчанія насчетъ вѣрности сообщенія *Кельнской Газеты*. Офиціозное опроверженіе, если таковое заключается въ замѣткѣ министерскаго органа, направлено исключительно противъ авторитета прусскаго министра исповѣданій и просвѣщенія въ дѣлахъ касающихся имперской иностранной политики; ему указано что онъ не долженъ былъ высказываться публично о такихъ предметахъ которые выходятъ за предѣлы его вѣдомства. Такимъ образомъ, оставляя попрежнему въ полумракѣ пресловутый вопросъ объ австро-германскомъ соглашеніи, замѣтка *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* носитъ характеръ какъ бы указанія на новый поворотъ во внутренней политикѣ князя Бисмарка.

Выходъ въ отставку г. Фалька, этого главнаго бойца въ „культурной борьбѣ“ составлявшей самую выдающуюся черту внутренней политики которой слѣдовала теперешняя Германская Имперія съ самаго ея основанія, и замѣна его г. фонъ-Путкаммеромъ, ознаменовали тотъ радикальный, какъ казалось, переломъ во внутренней жизни Германіи который произошелъ съ того времени какъ князь Бисмаркъ оттолкнулъ отъ себя партію націоналъ-либераловъ и, ради своей экономической реформы, воспользовался услугами партіи центра, своихъ вчерашнихъ заклятыхъ враговъ. Г. фонъ-Путкаммеръ принадлежитъ къ партіи крайнихъ прусскихъ консерватиковъ, которая всегда была противъ культурной борьбы. Со времени своего вступленія въ должность, онъ пользовался каждымъ случаемъ дабы заявлять публично о своемъ неодобреніи „системы Фалька“ какъ въ области церковной политики, такъ и въ дѣлѣ народнаго обра-

зованія. Эти публичныя манифестаціи новаго министра болѣе всего наполняли скорбію сердца націоналъ-либераловъ и поддерживали въ ультрамонтанахъ надежду на близкое ихъ торжество, то-есть на отмѣну ненавистныхъ имъ майскихъ законовъ, которую они продолжаютъ ставить непремѣннымъ условіемъ мира между католической церковью и государствомъ.

Между тѣмъ совершились новые выборы въ Прусскій ландтагъ. Эти выборы должны были рѣшить вопросъ обладаетъ ли націоналъ-либеральная партія, лишенная поддержки князя Бисмарка, такимъ политическимъ вліяніемъ чтобъ удержать за собой положеніе какое она занимала въ прежнемъ составѣ ландтага. Націоналъ-либералы надѣялись что они сохранятъ за собою большинство и что князь Бисмаркъ будетъ вынужденъ считаться съ ними. Но выборы доказали какъ велики популярность и политическое вліяніе князя Бисмарка. Націоналъ-либералы потерпѣли страшное пораженіе, и въ новомъ составѣ ландтага явятся въ столь уменьшенномъ числѣ что имъ невозможно будетъ составить большинство даже когда они будутъ дѣйствовать заодно, съ одной стороны, съ прогрессистами, а съ другой, со свободными консервативами. Ультрамонтаны въ соединеніи съ феодалами составляютъ въ новой палатѣ большинство превышающее всѣ остальныя фракціи вмѣстѣ взятыя.

Но князь Бисмаркъ, повидимому, не придаетъ особенной цѣны своему торжеству и не особенно радъ комбинаціи при которой партія центра должна занять въ парламентскихъ дѣлахъ ту роль которую до послѣдняго времени играли въ рейхстагѣ и въ Прусскомъ ландтагѣ націоналъ-либералы. Ему нужно было только смирить строптивость послѣднихъ и доказать имъ что вся сила ихъ не въ нихъ самихъ, а въ немъ и въ той покорности съ которою они слѣдовали за нимъ несмотря на капризные повороты принимаемые иногда его политикой. Это и удалось ему. Націоналъ-либералы появляются нынѣ въ ландтагѣ уже не такими какими изъ него вышли: г. Ласкеръ, тотъ изъ вождей этой партіи который больше всего старался сохранить ея самобытность и который по этому самому былъ наиболѣе антипатиченъ князю Бисмарку, провалился на послѣднихъ выборахъ. А г. Бенигсенъ, который послѣ разрыва между націоналъ-либералами и княземъ Бисмаркомъ заявилъ о совершенномъ удаленіи своемъ въ частную жизнь, внезапно перемѣнилъ рѣшеніе и принялъ депутатское полномочіе вновь предложенное ему его старыми приверженцами въ Ганноверѣ. Это рѣшеніе г. Бенигсена принято въ Германіи какъ знакъ полнаго обращенія націоналъ-либераловъ на „путь истинный“ Полагаютъ даже что князь Бисмаркъ лично уговорилъ г. Бенигсена занять прежнее положеніе въ средѣ своей партіи дабы съ его помощью образовать въ новомъ ландтагѣ такое правительственное большинство, при которомъ не было бы надобности прибѣгать къ помощи ультрамонтановъ.

Дабы нѣсколько задобрить своихъ старыхъ приверженцевъ, князь Бисмаркъ, повидимому, не прочь принести имъ въ жертву г. фонъ-Путкаммера, тѣмъ болѣе что послѣдній усердствовалъ не въ мѣру и, кажется, зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ противодѣйствіи системѣ Фалька. Націоналъ-либеральные органы съ нѣкотораго времени уже говорятъ тономъ увѣренности о томъ что г. фонъ-Путкаммеръ вскорѣ долженъ удалиться отъ дѣлъ, и вчерашнюю замѣтку *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* можно, пожалуй, истолковывать въ смыслѣ предвѣстія отставки г. фонъ-Путкаммера.

Б.

Въ №№ 184 и 187 *Московскихъ Вѣдомостей* мы обратили вниманіе читателей на вышедшую лѣтомъ этого года въ Кіевѣ брошюру г. Н. Р.; *Отъ чего произошло паденіе курса нашего бумажнаго рубля и что можно сдѣлать для его возвышенія?* Не раздѣляя иныхъ изъ воззрѣній и мнѣній ея автора, не отрицая также нѣкоторыхъ его ошибокъ, мы въ то же время не могли не признать существенныхъ ея достоинствъ, дѣлающихъ эту брошюру отраднымъ явленіемъ въ нашей экономической литературѣ, столь бѣдной и по количеству и по качеству. Мы привѣтствовали эту брошюру какъ живое слово, какъ выраженіе самостоятельной мысли, совершенно не похожее на то рутинное подгоняніе всякихъ экономическихъ явленій подъ заученныя формулы какимъ, не входя въ разсужденіе примѣнимы ли онѣ къ даннымъ случаямъ жизни, обычно занимаются наши экономисты, воображающіе будто въ

этомъ-то и состоитъ служеніе наукѣ и не замѣчающіе что такого рода служеніе ей давно уже мѣтко охарактеризовано извѣстною русскою пословицей: „затвердила сорока Якова одно про всякаго." Брошюра г. Н. Р. бросила яркій свѣтъ именно на ту сторону затронутаго имъ вопроса которой у насъ почти вовсе не касались, надо полагать потому что о ней нѣтъ рѣчи въ книжкахъ по которымъ учились наши экономисты. Въ своей брошюрѣ г. Н. Р. указалъ огромное вліяніе какое имѣютъ на высоту вексельныхъ курсовъ наши заграничные долги и ихъ возрастаніе. Рядомъ крупныхъ фактовъ и вѣскихъ соображеній доказываетъ онъ къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ ведетъ наша задолженность иностранцамъ, и какія хроническія затрудненія создаетъ она для нашихъ финансовъ и для всей нашей экономической жизни. Вѣрность сдѣланнаго авторомъ указанія въ этомъ направленіи, въ существенныхъ чертахъ, не подлежитъ сомнѣнію. Съ отмѣченнымъ имъ фактомъ, не подходящимъ подъ привычныя книжныя формулы которымъ наши доктринеры хотѣли бы подчинить русскую жизнь, необходимо считаться. Этого факта нельзя упускать изъ виду ни при какомъ обсужденіи мѣръ объ исправленіи какъ нашихъ финансовъ вообще, такъ и нашего денежнаго обращенія въ частности.

Но считаться съ этимъ фактомъ всего менѣе можетъ быть по душѣ нашимъ финансистамъ которые ничего такъ не желаютъ какъ чтобы колесо русскихъ финансовъ, которое, къ крайнему ихъ сожалѣнію, со времени послѣдней войны начало вертѣться въ иную сторону, вновь было пущено по наклонной плоскости возрастающей задолженности иностранцамъ. Не удивительно, поэтому, что выраженная въ брошюрѣ г. Н. Р. мысль не нашла почти никакого отголоска въ нашей печати, отнюдь не скупой на словоизліянія по поводу всякаго вздора. Лишь послѣ нашихъ указаній на брошюру г. Н. Р., появился отзывъ о ней—и то не въ столичныхъ, а въ провинціальной газетѣ, въ *Кіевлянинѣ*, гдѣ г. Н. Б. взялъ на себя трудъ, что называется, „отдѣлать" брошюру отличающуюся столь же непріятнымъ для нашихъ финансистовъ содержаніемъ какъ и тѣ рѣчи которыми обмѣнялись министръ финансовъ и предсѣдатель Московскаго биржеваго комитета на извѣстномъ обѣдѣ 19 сентября. Въ №№ 91, 92 и 95 *Кіевлянина* появились, въ видѣ „писемъ къ автору" упомянутой брошюры, три статьи (изданныя потомъ отдѣльною брошюрой) долженствовавшія доказать что г. Н. Р. совсѣмъ незнакомъ съ предметомъ о которомъ говоритъ, что факты на которыхъ онъ основывается, а слѣдовательно и выводы изъ нихъ, не вѣрны, что вся брошюра его поэтому не стóитъ вниманія и что, наоборотъ, мѣры основывавшіяся на извѣстной доктринѣ и приведшія Россію къ той задолженности и экономической зависимости отъ иностранцевъ съ какою мы нынѣ имѣемъ дѣло были великимъ для Русскаго государства благодѣяніемъ. О томъ каковы эти благодѣянія мы уже сказали нѣсколько словъ въ № 222 *Московскихъ Вѣдомостей;* но входить въ подробную оцѣнку всего наговореннаго въ „Письмахъ" г. Н. Б. мы не имѣли досуга, предоставляя это самому автору разбираемой имъ брошюры. Ниже читатели найдутъ заслуживающій полнаго вниманія „Отвѣтъ" г. Н. Р. на „Письма" г. Н. Б., изъ котораго сами могутъ судить на чьей сторонѣ бóльшая вѣрность фактовъ и выводовъ.

Охотно давая мѣсто этому „Отвѣту," отличающемуся тѣми же достоинствами какъ и самая брошюра г. Н. Р., мы не перестаемъ расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ по инымъ пунктамъ, но эти пункты не тѣ по которымъ идетъ у него споръ съ экономистами того лагеря къ коему принадлежитъ г. Н. Б., и мы предоставляемъ себѣ высказаться о нашихъ разногласіяхъ съ г. Н. Р. въ другое время.

№ 265.

Москва, 17-го октября.

Перемѣны турецкихъ министровъ происходятъ такъ часто что давно бы, казалось, пора привыкнуть къ нимъ, и странно что можетъ возбуждать удивленіе и толки назначеніе новаго великаго визиря. Въ особенности странно видѣть это послѣ ликованій послѣдняго времени касательно прочнаго устройства созданнаго на юго-востокѣ Европы Берлинскимъ трактатомъ. При прочномъ устройствѣ, статочное ли дѣло тревожиться тѣмъ что султанъ отдалилъ отъ себя одного пашу и приблизилъ другаго? Не злая ли иронія сказалась въ томъ

что въ одно время съ ликующими нотами лорда Солсбери въ Манчестерѣ, телеграфная проволока изъ Стамбула зазвучала скорбною для Лондона вѣстью о томъ что султанъ рѣшился наконецъ призвать къ себѣ въ министры извѣстнаго Махмудъ-Недима! Прошло уже нѣсколько дней послѣ этого событія, а безпокойство все еще не улеглось. Самые разнообразные толки наполняютъ газеты. Былъ слухъ будто нѣкоторыя посольства открыто выразили неудовольствіе по поводу новаго турецкаго министерства. Вѣнская *Deutsche Zeitung* провѣдала даже о намѣреніи Англійскаго правительства, въ случаѣ упроченія Махмудъ-Недима, отозвать сэръ-Генри Лейярда изъ Константинополя, оставивъ въ турецкой столицѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ „принять нѣкоторыя морскія мѣры для обезпеченія англійскихъ интересовъ,“ которымъ де, по мнѣнію Лондонскаго кабинета, грозитъ опасность. Новымъ турецкимъ кабинетомъ недовольны также и въ Австріи.

Все это очень странно. Начать съ того что нынѣшняя перемѣна вовсе не неожиданность. Ее предвидѣли съ тѣхъ поръ какъ султанъ дозволилъ бывшему такъ долго въ опалѣ пашѣ возвратиться въ столицу, и особенно когда султанъ сталъ принимать его во дворцѣ. При паденіи Хайреддинъ-паши уже возникъ страхъ что Махмудъ-паша будетъ его преемникомъ, и когда, вслѣдствіе дипломатическихъ настояній, этого не случилось, а образованъ былъ кабинетъ подъ начальствомъ Аарифи, личности совершенно безцвѣтной и незначительной, то всѣ знали что его министерство лишь переходное. Всѣ признаютъ что Махмудъ-Нѐдимъ отличается твердою волей, энергіей и дѣятельностью, что онъ искусный и опытный администраторъ. Всѣ нынѣшніе главные турецкіе дѣятели поочередно перебывали во главѣ власти, и ни одному изъ нихъ не удалось показать свою дѣятельность замѣтнымъ улучшеніемъ въ положеніи имперіи. Какъ бы ни была трудна, положимъ даже неразрѣшима, эта задача, во всякомъ случаѣ не видно почему Махмудъ долженъ править хуже другаго. Чѣмъ же можно объяснить это непреодолимое отвращеніе къ нему западныхъ друзей Турціи? Съ его именемъ, правда, соединено непріятное воспоминаніе о прекращеніи Турціей платежа процентовъ по оттоманскимъ займамъ во время его визирата 1875 года. Но это дѣло уже давно прошедшее, и ни одинъ изъ его преемниковъ не подумалъ о возобновленіи платежей. Напротивъ, въ иностранныхъ корреспонденціяхъ писали что именно Махмудъ-Недимъ, въ случаѣ назначенія его министромъ, скорѣе всякаго другаго постарается о возстановленіи турецкихъ финансовъ, дабы удовлетвореніемъ иностранныхъ кредиторовъ Порты снять пятно съ своего имени. Болѣе понятно то основаніе подозрительности къ нему что онъ слыветъ, или слылъ въ прежнее время, приверженцемъ сближенія съ Россіей. Трудно, однако, повѣрить чтобъ и это могло быть единственнымъ объясненіемъ недовольства по поводу его назначенія. Со времени его послѣдняго визирата, громовыя событія совершили радикальную перемѣну въ отношеніяхъ. Въ настоящее время Портѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться разрыва съ Россіей. Въ 1875 и 1876 годахъ было иное дѣло: смуты начавшіяся тогда въ Герцеговинѣ привлекали вниманіе державъ, и Махмудъ-Недимъ, также какъ его повелитель, покойный султанъ Абдулъ-Азизъ, желали избѣгнуть разрыва съ Россіей. Существовало убѣжденіе что они готовы были принять Берлинскій меморандумъ, несмотря на то что онъ былъ отвергнутъ Англіей. Но противъ этого приняты были экстренныя мѣры: памятная революція турецкихъ софтъ низвергла Махмудъ-Недима, а затѣмъ былъ *устраненъ*, при помощи англійскихъ ножницъ, и самъ султанъ. Вотъ это воспоминаніе скорѣе всего даетъ ключъ къ тому чтобы понять недовѣріе въ иныхъ сферахъ къ Махмуду, а равно и причину побудившую султана Абдулъ-Гамида призвать его вновь къ дѣламъ. Дѣло совсѣмъ не въ томъ будто Махмудъ-Недимъ приверженецъ русской политики, русскаго вліянія, а въ томъ что онъ противникъ иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Турціи, противникъ назойливой чуждой опеки. Но главное въ томъ что Махмудъ-Недимъ никогда не приметъ участія въ интригахъ направленныхъ противъ самого султана. Его патріотизмъ самаго простаго типа и выражается непоколебимою преданностью династіи. Между тѣмъ, со смерти несчастнаго Абдулъ-Азиза, всѣ безъ исключенія министерства въ Турціи различались только большею или меньшею угодливостью англійскому послу. Не тайна что нынѣшній султанъ, видѣвшій насильственное устраненіе двухъ своихъ

предшественниковъ, видѣвшій какъ мало помогли ему заботливые друзья во время войны его съ Россіей, и принужденный еще вознаградить добрыхъ друзей подарками своихъ владѣній, давно желалъ освободиться отъ этой тягостной опеки. Не чувствуя себя спокойнымъ на своемъ престолѣ при всѣхъ своихъ прежнихъ министрахъ, которые чтобъ удержаться на мѣстѣ полагались только на иностранную поддержку; слыша то и дѣло настоянія и угрозы по поводу увольненія или начначенія того или другаго лица, Абдулъ-Гамидъ давно желалъ окружить себя людьми вполнѣ преданными и особенно приблизить Махмудъ-Недима, всегда бывшаго въ сторонѣ отъ интригъ. Но такое объясненіе назначенія новаго турецкаго кабинета слишкомъ просто Лучше приписать это назначеніе, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, вѣнскій корреспондентъ *Times*, „интригѣ давно подготовляемой русскимъ посломъ княземъ Лобановымъ - Ростовскимъ.“

Есть, впрочемъ, и другой разказъ, которому особенно даютъ вѣру въ вѣнскихъ газетахъ, — разказъ, по которому причиной перемѣны въ турецкомъ министерствѣ было недовольство султана британскимъ посломъ, навлекшимъ на себя подозрѣнія своими тѣсными сношеніями съ Мидхатомъ, подозрѣнія еще болѣе усилившіяся вслѣдствіе поѣздки сэръ-Генри Леярда въ Сирію. Это, пожалуй, не совсѣмъ лишено основанія.

Англійская опека все время настаиваетъ что единственное средство для поправленія Турціи состоитъ въ томъ чтобы султанъ далъ полную волю министрамъ, конечно не иначе какъ англійскимъ креатурамъ, которые передали бы все управленіе въ руки англійскихъ инспекторовъ и офицеровъ. Это стремленіе довольно характеристично выступаетъ въ недавно обнародованной небольшой *Синей Книгѣ* касательно представленій сэръ-Генри Леярда Портѣ. Въ депешѣ лорду Солсбери онъ доноситъ, отъ 12 іюня, что въ виду анархіи продолжающейся въ восточныхъ провинціяхъ Азіятской Турціи, онъ нашелъ что пора сдѣлать „весьма серіозныя представленія Портѣ.“ Въ чемъ же онѣ заключались? Онъ обращалъ де вниманіе Порты на то что если она не озаботится, то у нея вскорѣ будетъ армянскій вопросъ, подобный болгарскому, ибо „тѣ же самыя интриги ведутся теперь въ Малой Азіи чтобы создать (!) Армянскую національность и положеніе вещей которое дало бы поводъ къ жалобамъ христіанъ и къ европейскому вмѣшательству.“ Уже изъ этой фразы можно видѣть въ чемъ должна выразиться заботливость англійскаго посла объ улучшеніяхъ для огражденія христіанъ. О томъ чтобы дать имъ права или автономію, въ депешахъ нѣтъ ни слова. Въ нихъ говорится что „правительство ея величества и теперь не желало бы понуждать Порту къ исполненію въ полной мѣрѣ обѣщанныхъ реформъ,“ но оно желало бы видѣть, по крайней мѣрѣ, начало ихъ, въ виду того что „христіане Азіятской Турціи горько разочарованы“ неисполненіемъ обѣщаній данныхъ Портой Англійской королевѣ, а „начало“ реформъ, то-есть все то чего желаетъ Англія, есть единственно назначеніе Европейцевъ (разумѣется Англичанъ, а не Русскихъ) на должности судебныхъ чиновниковъ и инспекторовъ трибуналовъ, а также на офицерскія мѣста въ жандармеріи Эрзерумскаго вилаета. На такомъ приступѣ къ реформамъ Англія, по словамъ Леярда, въ правѣ настаивать, и только это и развивается въ депешахъ отъ 23 іюня и 17 іюля.

Это было до поѣздки Леярда въ Сирію и Малую Азію. Что касается цѣли этой поѣздки, то она остается весьма загадочною. Но во всякомъ случаѣ, изъ перепечатаннаго нами письма бейрутскаго корреспондента *Nord* видно что сэръ - Генри Леярдъ ѣздилъ совсѣмъ не для ознакомленія съ положеніемъ христіанъ; его поѣздка была рядомъ овацій, банкетовъ и празднествъ данныхъ въ его честь турецкими властями. Даже константинопольскій корреспондентъ *Times* признаетъ что „его превосходительство видѣлъ населеніе въ праздничныхъ нарядахъ и чиновниковъ въ полныхъ мундирахъ, и это можетъ - быть объясняетъ тотъ фактъ что благопріятное впечатлѣніе вынесенное имъ изъ поѣздки по Сиріи не совсѣмъ согласно съ тѣмъ что я узнаю отъ людей которые видятъ населеніе и чиновниковъ въ будничныхъ одеждахъ.“ За то сэръ-Генри Леярдъ имѣлъ случай произнести въ Дамаскѣ рѣчь въ которой говорилъ: „По моемъ возвращеніи я не премину воспользоваться случаемъ чтобы выразить его величеству султану удовольствіе съ какимъ я вижу успѣхи дѣлаемые Сиріей... Я поздравляю васъ со счастливымъ выборомъ который его вели-

чество сдѣлалъ назначивъ вашимъ правителемъ Мидхатъ-пашу." Сэръ-Генри Леярду нужно было имѣть случай высказать такое свидѣтельство чтобы не смѣли говорить что администрація его друга Мидхата оказалась неудачною, а нужно это ибо ему извѣстно что истые Турки ненавидятъ этого Мидхата какъ „осязательный результатъ чуждаго вмѣшательства въ турецкія дѣла," по выраженію корреспондента *Times*, и англійскій посолъ знаетъ также что султанъ противъ воли долженъ былъ дать Сирію въ управленіе Мидхату.

Въ виду этихъ указаній становится болѣе понятнымъ почему назначеніе Махмудъ-Недима такъ не нравится Англіи. Это желаніе султана освободиться отъ англійской опеки, это проявленіе независимости въ выборѣ министра, сильно не на руку тѣмъ для кого Берлинскій трактатъ служитъ только шагомъ къ развитію дальнѣйшихъ плановъ касательно Турціи. Не даромъ газета *Times* отозвалась что въ новомъ турецкомъ министерствѣ „нѣтъ надежды на постоянное преобладаніе честныхъ совѣтовъ."

№ 266.

Москва, 18-го октября.

Только на дняхъ появились послѣдніе отчеты о лѣтнихъ занятіяхъ войскъ. Занятія эти имѣли въ настоящемъ году исключительное значеніе. Предъ самымъ почти лагернымъ сборомъ, войска получили новый строевой уставъ, въ которомъ, говоря словами одного отчета, „многое діаметрально противоположено тому что̀ требовалось прежнимъ уставомъ и что̀ было прочно усвоено войсками." Нѣсколько ранѣе устава появилась новая инструкція объ обученіи стрѣльбѣ и, наконецъ, наставленіе о самоокапываніи.

Такимъ образомъ, во время лагерей настоящаго года войска занимались не повтореніемъ хорошо заученнаго, а знакомились съ аза съ совершенно новыми требованіями по всѣмъ статьямъ военнаго образованія.

Нѣтъ сомнѣнія что при такихъ условіяхъ многое не могло быть усвоено вполнѣ—срокъ былъ слишкомъ коротокъ; но достигнутые результаты вообще признаются удовлетворительными.

Опубликованные отчеты признаютъ что наибольшихъ успѣховъ сравнительно съ прочими отдѣлами строеваго образованія удалось достигнуть всюду въ обученіи стрѣльбѣ, хотя и не вездѣ требованія инструкціи исполнены въ полномъ объемѣ; послѣднее обстоятельство, какъ полагаютъ многіе, будетъ повторяться изъ года въ годъ. Вообще же при новой инструкціи солдатъ только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ службы окончитъ полный курсъ стрѣльбы, что̀ едва ли желательно при сокращенныхъ срокахъ службы, когда ежегодно въ ряды арміи вводится значительное число новобранцевъ.

Успѣхъ по землекопству, считаемый болѣе слабымъ, нельзя однако не признать удовлетворительнымъ, особенно если принять за minimum успѣхъ въ этомъ дѣлѣ войскъ 1-го корпуса, находившихся въ исключительныхъ, а по словамъ отчета „въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ относительно веденія лѣтнихъ занятій." Вотъ примѣръ: „въ одномъ пунктѣ 85-й пѣхотный Выборгскій полкъ, въ теченіе самаго „непродолжительнаго времени, возвелъ три „ряда прекрасно примѣненныхъ къ мѣстности закрытій для пѣхоты и артиллеріи." А это главное что требуется отъ войскъ въ бою.

Иначе шло дѣло усвоенія войсками вновь изданнаго строеваго устава. Уже въ самомъ началѣ встрѣтились въ этомъ дѣлѣ серіозныя затрудненія, частію въ видѣ прежнихъ привычекъ войскъ и войсковыхъ начальниковъ, частію возникшія изъ самыхъ требованій новаго устава.

Этотъ новый уставъ, точно также какъ и наставленіе о самоокапываніи, по духу совершенно отличенъ отъ прежняго. Онъ даетъ широкій просторъ дѣятельности младшихъ командировъ, именно командировъ ротъ, намекая лишь въ общихъ чертахъ что̀ дѣлать и оставляя на ихъ усмотрѣніе какъ употребить ту или другую строевую форму въ бою. Обученіе на открытой мѣстности безъ заранѣе составленной тактической задачи, безъ обозначеннаго противника, по новому уставу совершенно невозможно. Короче сказать, по новому уставу войска учатся уже не „фронту," а маневрированію, исполняютъ лишь то что они, по мнѣнію устава, должны будутъ дѣлать въ бою. Къ сожалѣнію, однако, едва ли всѣ нововведенія внесенныя въ уставъ вполнѣ согласуются съ боевыми требованіями.

Еслибъ это было дѣйствительно такъ, еслибы требованія устава во всѣхъ отношеніяхъ были соображены съ боевыми условіями, то на ученьяхъ едва ли представилось бы такое множество недоразумѣній и ошибокъ кои замѣчались этимъ лѣтомъ. Новый уставъ примѣнялся войсками не мирной выучки, а прошедшими, и притомъ блистательно, суровую боевую школу. Трудно предположить чтобы наши офицеры, побывавшіе въ серіозныхъ дѣлахъ, распоряжавшіеся подъ огнемъ и въ критическія минуты, затруднялись на мирномъ плацу исполнить то чтó хорошо соображено съ боевыми условіями и требованіями. Это невозможность. Германская армія измѣнила въ 1870 году свой образъ дѣйствій во время самой войны, послѣ первыхъ же указаній боеваго опыта, и затрудненій въ примѣненіи новыхъ формъ тамъ не встрѣчалось.

Другой, болѣе важный, разрядъ ошибокъ обусловленъ привычками начальствующихъ лицъ. Въ военное время, въ бою, высшіе начальники только руководятъ войсками, указываютъ имъ цѣли, возлагаютъ на нихъ извѣстныя задачи, не вмѣшиваясь въ детали исполненія. Командиръ корпуса, дивизіи, полка, занявшись дѣйствіями какой-нибудь одной мелкой части, обратясь такъ сказать въ ея командира, не могъ бы руководить боемъ. Австрійцы, у которыхъ правило это постоянно нарушалось въ прежніе годы, постоянно терпѣли пораженія, иногда полныя, какъ напримѣръ подъ Садовой. Въ нашихъ войскахъ этотъ недостатокъ существуетъ только въ мирное время. Новый уставъ устраняетъ его вовсе. Но устраненное на бумагѣ не устранилось, какъ оказалось, на дѣлѣ. Начальники крупныхъ частей, напримѣръ въ Красносельскомъ лагерѣ, постоянно вмѣшивались на маневрахъ въ дѣйствія младшихъ, измѣняли ихъ распоряженія, дѣлали тутъ же замѣчанія и выговоры. Они попрежнему хотѣли водить за руку каждаго ротнаго командира, заставляя его такимъ образомъ заботиться не о пріисканіи наилучшей формы примѣненія требованій устава къ дѣлу, а о соблюденіи одной лишь внѣшности дѣла и объ удовлетвореніи вкусовъ того или другаго начальника чтобъ избѣгнуть выговора. Еслибы такое нарушеніе духа устава было допущено и на будущее время, то новый уставъ остался бы мертвою буквой. Къ счастію, по окончаніи Красносельскихъ большихъ маневрòвъ на это было обращено особое вниманіе и указанное нарушеніе духа устава вызвало энергическое порицаніе въ приказѣ по округу: такой образъ дѣйствій открыто признанъ вреднымъ; прямо сказано что высшіе начальники поступая такъ „подаютъ войскамъ дурной примѣръ неисполненія приказаній.“ Въ виду этого надо думать что на будущее время занятія войскъ пойдутъ успѣшнѣе и что командиры мелкихъ частей дѣйствительно будутъ пріучаться въ мирное время къ необходимой имъ въ бою самодѣятельности.

Все тѣ же дурныя старыя привычки помѣшали занятіямъ кавалеріи. Превосходный успѣхъ по всѣмъ частямъ ея строеваго образованія и весьма слабое усвоеніе правилъ сторожевой и развѣдывательной службы замѣчены во многихъ мѣстахъ. Служба эта, кромѣ знанія, требуетъ большаго навыка, сноровки и, стало быть, практики въ мирное время. Кавалерія въ военное время должна быть глазами арміи. Только при этомъ она оправдываетъ тѣ громадныя затраты коихъ требуетъ ея содержаніе въ мирное время въ составѣ почти боевомъ. При недостаточномъ навыкѣ кавалеріи въ развѣдывательной службѣ, нельзя ручаться что и въ будущемъ не очутится сюрпризомъ во флангѣ арміи цѣлый непріятельскій корпусъ, и не повторится то что случилось подъ Плевной, гдѣ наши войска *неожиданно* наткнулись на цѣлую армію Османъ-паши.

Помимо навыка, отъ кавалерійскаго офицера настоящаго времени требуется значительное военное образованіе. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ, нерѣдко высказываемый въ военно-литературныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ нашемъ офиціальномъ *Военномъ Сборникѣ*, далеко еще не усвоенъ у насъ, иначе трудно было бы объяснить послѣдовавшее на дняхъ стѣсненіе по пріему въ Николаевское Кавалерійское Училище, куда впредь будутъ принимаемы почти исключительно одни своекоштные пансіонеры, а между тѣмъ сумма требуемая съ этихъ пансіонеровъ весьма значительна. Еще страннѣе что до сихъ поръ наши наиболѣе образованные казачьи офицеры проходятъ курсъ не кавалерійскаго, а пѣхотныхъ училищъ, и являются на службу въ казачьи войска совершенно незнакомыми съ тѣмъ что имъ необходимо знать.

№ 267.

Москва, 19-го октября.

Совѣты которые въ изобиліи расточались лорду Гартингтону предъ его поѣздкой въ Ланкаширъ, а затѣмъ отзывы преданной министерству печати о произнесенной имъ рѣчи, одинаково свидѣтельствуютъ что Англія вступила въ избирательный періодъ и что популярность кабинета лорда Биконсфильда начинаетъ сильно падать. Лордъ Гартингтонъ, также какъ и лордъ Солсбери, почти исключительно посвятилъ свою рѣчь иностраннымъ дѣламъ. Судя поэтому, обѣ партіи одинаково согласны поставить темой спора на будущихъ выборахъ иностранную политику. Явленіе весьма необычное въ Англіи.

Для насъ оно представляетъ особый интересъ потому что Россія занимаетъ первое мѣсто въ политикѣ Англіи. Рѣчь лорда Солсбери была яростною до неприличія филиппикой противъ нашей страны. Не такова рѣчь лорда Гартингтона. Ловко маневрируя въ избирательномъ фехтованіи, мастерски группируя предъ своими слушателями промахи правительства, онъ также имѣлъ въ виду постороннюю публику и хотѣлъ показать ей въ болѣе симпатичномъ видѣ политику своей партіи. Въ общемъ тонѣ, какъ и въ оттѣнкахъ выраженія, явное преимущество на сторонѣ рѣчи лорда Гартингтона. На первый взглядъ видна какъ будто большая разница и въ сущности дѣла. Но такъ ли это? Лордъ Солсбери хвалился что его политика вовсе не новая, а продолженіе всегдашней традиціи Англіи. Что же, развѣ либералы готовы отступить отъ этой традиціи?

Лордъ Гартингтонъ не оставляетъ насъ въ заблужденіи. Онъ говоритъ что „международныя обязательства, что бы ни случилось, должны быть уважаемы, до тѣхъ поръ пока обстоятельства при коихъ они были заключены остаются безъ измѣненія.“ „Мы знаемъ, повторяетъ онъ, что обязательства которыя приняло на себя правительство должны быть уважаемы.“ Политика лорда Солсбери объявляется ораторомъ „безнравственною,“ но всѣ послѣдствія оной глава либераловъ принимаетъ *en bloc*, „пока не измѣнятся обстоятельства.“ Такимъ образомъ безмолвно признается что при данныхъ обстоятельствахъ (при иныхъ условіяхъ, и лордъ Солсбери дѣйствовалъ бы иначе) дѣла велись какъ слѣдовало. Не даромъ такъ слабо и нерѣшительно протестовала официальная оппозиція въ періодъ наибольшаго развитія политики кабинета. Теперь, когда онъ завершенъ, оппозиція готова даже принять наслѣдіе со всѣмъ его бременемъ.

Либераламъ, готовящимся вырвать власть у противниковъ, такое заявленіе было необходимо чтобъ отразить инсинуаціи торіевъ будто они равнодушны къ интересамъ имперіи. Но либеральные органы, послѣ рѣчи лорда Гартингтона, толкуютъ что либеральное правительство, не отрекаясь отъ заключенныхъ торіями обязательствъ, внесетъ здравый смыслъ въ ихъ исполненіе, постарается устранять ненужныя и опасныя затрудненія, и, вмѣсто узкаго эгоизма, придастъ всей политикѣ болѣе благородный полетъ. Тутъ препирательство переходитъ въ странный споръ о словахъ, въ которомъ оба спорящіе часто повторяютъ одно и то же. Лордъ Солсбери болѣе говоритъ о величіи Англіи, о важности для нея извѣстныхъ позицій въ Европѣ и Азіи; лордъ Гартингтонъ— болѣе о благахъ мира и благоденствія; первый ищетъ бо́льшаго участія Англіи въ европейскихъ дѣлахъ, второй желалъ бы нѣсколько ограничить его, но такъ какъ вовсе отказаться отъ него невыгодно для Англіи, то онъ намѣренъ придать этому участію видъ заботы о защитѣ слабыхъ и свободныхъ противъ сильныхъ и притѣснителей. Только часто ли подобныя заботы согласуются съ интересами Англіи? Вся политика либеральнаго Пальмерстона свидѣтельствуетъ о противномъ. Онъ всегда былъ врагомъ освобожденія христіанъ Турціи, прославлялъ гуманность пашей и убѣждалъ своихъ соотечественниковъ ссужать имъ деньги; онъ же былъ авторомъ перваго вторженія Англичанъ въ Афганистанъ въ сороковыхъ годахъ, для подчиненія Англіи „слабаго и свободнаго“ народа. Онъ не задумался пригрозить всею силой Англіи слабой Греціи по ничтожному дѣлу Еврея Пасифико, и также безцеремонно обошелся съ Португаліей. Единственно чѣмъ могутъ похвалиться либералы, это уступкой Греціи Іоническихъ острововъ, да и она сдѣлана въ то время когда были виды посадить принца Альфреда на Греческій престолъ; но объ этой уступкѣ до сихъ поръ горько жа-

лѣютъ Англичане и не могутъ простить ее г. Гладстону.

Важнѣйшимъ пунктомъ англійской политики постоянно было стремленіе остановить осуществленіе какихъ-то честолюбивыхъ замысловъ Россіи. Лордъ Солсбери играетъ на той же струнѣ; но и лордъ Гартингтонъ не меньше говоритъ о противодѣйствіи могуществу Россіи, хотя инымъ, болѣе спокойнымъ тономъ. Въ рѣчахъ обоихъ лордовъ одинаково встрѣчаются фразы о счастіи міра, о независимости Европы, о коихъ слѣдуетъ де заботиться Англіи. Разница лишь въ примѣненіи этихъ заботъ къ положенію народовъ слабыхъ, обиженныхъ до сихъ поръ историческою судьбой. Лордъ Солсбери, слѣдуя прежнимъ примѣрамъ, готовъ топтать эти племена, убѣжденный что изъ нихъ нельзя сдѣлать орудія противъ Россіи. Лордъ Гартингтонъ теперь, когда нѣтъ уже прежней Турціи, считаетъ ошибкой такое презрѣніе, и въ его словахъ сквозитъ что онъ не отчаивается, при извѣстной ловкости, обратить эти племена въ противниковъ Россіи. За эту цѣну онъ, пожалуй, не прочь бы помочь имъ.

Когда дѣло касается Россіи, оба оратора весьма близко подходятъ другъ къ другу. Понимая что Турція не въ состояніи болѣе служить барьеромъ противъ Россіи, лордъ Солсбери возлагаетъ эту задачу на Австрію и готовъ даже приписать себѣ честь австро-германскаго соглашенія, хотя, какъ сказалъ въ своей рѣчи, узналъ о немъ только изъ газетъ. Лордъ Гартингтонъ, съ своей стороны, также находитъ что комбинація направленная противъ Россіи дѣло очень хорошее, и не видитъ только тутъ заслуги кабинета, желая, напротивъ, присвоить оппозиціи честь проницательности: „Мы-де всегда говорили правительству что ему не зачѣмъ одному щетиниться противъ Россіи, такъ какъ объ обузданіи ея честолюбія вѣрнѣе позаботятся Австрія и Германія. Значитъ, правительство убѣдилось нашими доводами.“

Относительно пользы этого соглашенія для Англіи оба политика согласны, но они расходятся во взглядѣ на Австрію. Лордъ Солсбери видитъ въ Австріи надежнаго часоваго. У лорда Гартингтона имѣются сомнѣнія насчетъ Австріи. Онъ видимо опасается какъ бы Австрія, зарясь на наслѣдіе Турціи, не попала сама въ положеніе „больнаго человѣка;“ ему кажется что опытъ слишкомъ рискованъ, что онъ грозитъ „расторженіемъ“ самой Австріи. Къ сомнѣніямъ относительно Австріи даютъ конечно, поводъ еще и другія соображенія. Какъ объясняетъ либеральный *Economist*, цѣлью Англіи было всегда имѣть оплотами противъ Россіи независимую Турцію и независимый Афганистанъ, „въ томъ смыслѣ что они не должны зависѣть ни отъ кого кромѣ Англіи.“ Потому газета не признаетъ въ державѣ „надъ которою Англія не имѣетъ никакого контроля“ такого же оплота какой представляла Турція, „которая не имѣла другихъ интересовъ кромѣ англійскихъ и другой политики кромѣ внушаемой Англіею.“ Просто и ясно.

Затѣмъ, какъ лордъ Солсбери, такъ и лордъ Гартингтонъ, въ одинаковой степени, признаютъ что Англія одна безсильна на серіозное предпріятіе противъ насъ и нуждается въ союзахъ. Лордъ Гартингтонъ высказывается противъ демонстративной политики, понимая что она можетъ вовлечь въ войну; онъ справедливо признаетъ что хотя Англія безопасна отъ вторженія, но за то подвергается большему риску вслѣдствіе разбросанности своихъ владѣній. Тѣ же самыя опасенія воздержали и нынѣшній кабинетъ отъ активнаго заступничества за Турцію.

Оппозиція, какъ извѣстно, сильно возражала противъ политики нынѣшняго правительства по афганскимъ дѣламъ; но врядъ ли либеральный кабинетъ, буде таковой займетъ мѣсто нынѣшняго, рѣшится сдѣлать Афганистанъ попрежнему независимымъ. Лордъ Гартингтонъ критикуетъ лишь прежнія дѣйствія правительства въ этомъ дѣлѣ, а относительно будущаго, столь же осторожно какъ и лордъ Солсбери, уклонился что-либо высказать. Впрочемъ, даже газета *Economist* замѣтила относительно Афганистана что „возвратиться вспять конечно невозможно.“

Энергія съ какою либералы взялись за избирательную агитацію показываетъ что они замѣчаютъ падающую популярность консервативнаго кабинета. Этотъ упадокъ объясняется большими затрудненіями какія создала неумѣлая суетливость правительства. Въ виду такого обстоятельства, чтобы привлечь избирателей на свою сторону, либералы обѣщаютъ что они

лучше сумѣютъ справиться съ этими затрудненіями, причемъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, лордъ Гартингтонъ заявляетъ что его партія готова принять все наслѣдіе лорда Беконсфильда, со всѣми сдѣланными имъ обязательствами.

№ 268.

Москва, 20-го октября.

Давно ли, кажется,—съ тѣхъ поръ не прошло и трехъ недѣль,—нашу печать заботило сокращеніе отпуска хлѣба за границу? Указывался обнаружившійся дефицитъ въ хлѣбномъ отпускѣ за первую половину текущаго года сравнительно съ первою половиной минувшаго, выражалось сомнѣніе въ томъ чтобы, въ виду посредственнаго урожая, этотъ дефицитъ перваго полугодія могъ быть неверстанъ во второе, и дѣлались отсюда неблагопріятные для народнаго благосостоянія выводы. А чѣмъ озабочена печать въ настоящее время? Чрезмѣрно усиленнымъ отпускомъ русскаго хлѣба за границу и слишкомъ высокими цѣнами по которымъ продается онъ иностранцамъ! Въ Петербургѣ высказываются даже въ пользу мѣръ которыя воспрепятствовали бы русскимъ продавцамъ хлѣба брать за него съ иностранцевъ повышенныя цѣны, и весьма энергически возстаютъ противъ недавняго выпуска кредитныхъ билетовъ, вызваннаго де спекуляціей по торговлѣ хлѣбомъ „для повышенія на него цѣнъ, съ тѣмъ чтобы продать его дороже за границу.“ За этотъ выпускъ кредитныхъ билетовъ (на сумму 28.350.000 рублей въ періодъ съ 17 сентября по 8 октября) всего болѣе достается Государственному Банку, которому поставляются на видъ и отсутствіе будто бы всякой потребности въ этомъ выпускѣ, и причиненный будто бы имъ вредъ. „Мы не можемъ допустить мысли,“ восклицаютъ наши мудрецы, „что 1,160 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, находившихся къ 8 октября въ обращеніи, не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ правильной торговли въ Россіи...“ „Не удивительно,“ замѣчаютъ они далѣе, указывая на сдѣланный выпускъ, „что цѣна кредитному рублю стала падать въ Берлинѣ, и что огромный отпускъ хлѣба изъ Россіи въ нынѣшнемъ году не въ состояніи совладать съ этимъ пониженіемъ нашей валюты на заграничныхъ рынкахъ...“

Замѣтимъ прежде всего что при сужденіи о томъ оправдывается ли обстоятельствами выпускъ 28.350.000 кредитокъ, слѣдуетъ спрашивать достаточна ли для надобностей торговаго положенія сумма — не 1.160 милліоновъ, которая образовалась послѣ выпуска, а 1.132 милліоновъ, которою ограничивались размѣры нашего денежнаго обращенія предъ выпусками сдѣланными, какъ извѣстно, послѣ 17 сентября. Что же, достаточна эта послѣдняя сумма для надобностей того положенія которое было создано исключительными обстоятельствами хлѣбной торговли въ послѣдніе недѣли и мѣсяцы?

Чтобъ имѣть какія-нибудь данныя для отвѣта на такой вопросъ, обратимся къ размѣрамъ потребностей торговли въ денежныхъ средствахъ при обстоятельствахъ менѣе исключительныхъ чѣмъ нынѣшнія. Припомнимъ что происходило у насъ ровно годъ тому назадъ.

Къ 1 сентября 1878 года, кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи 1.199 милліоновъ рублей, почти на 67 милліоновъ болѣе чѣмъ къ 1 и къ 17 сентября текущаго года. Что же, оказалась прошлаго года эта цифра почти 1.200 милліоновъ достаточною для требованій торговли, обычно идущей въ сентябрѣ и октябрѣ живѣе чѣмъ въ другое время?

Нѣтъ, понадобился выпускъ кредитныхъ билетовъ, и сумма ихъ въ обращеніи поднялась къ 1 октября 1878 свыше 1.214 милліоновъ, а къ 9 октября свыше 1.222 милліоновъ рублей. Понадобился, такимъ образомъ, выпускъ слишкомъ 23 милліоновъ въ тотъ самый періодъ въ который въ нынѣшнемъ году послѣдовалъ выпускъ 28 милліоновъ. И понадобился этотъ 23 милліонный выпускъ въ дополненіе не къ 1.132, какъ въ нынѣшнемъ году, а къ 1.199 милліонамъ!

Но можетъ-быть, этотъ прошлогодній сентябрьско-октябрьскій 23 милліонный выпускъ былъ сдѣланъ въ удовлетвореніе нуждъ не торговли, а Государственнаго Казначейства?

Нѣтъ, Государственное Казначейство въ ту пору въ новыхъ выпускахъ денегъ не нуждалось. Только что получивъ крупныя суммы по Второму Восточному займу оно въ то время выплачивало изъ нихъ свой такъ-называемый „текущій долгъ“

своему Государственному Банку. Къ 1 сентября 1878 года этого долга, по балансу Банка, значилось 548.691.000; къ 1 октября эта цифра сократилась до 482.512.000, то-есть слишкомъ на 66 милліоновъ. Всѣ эти 66 милліоновъ ушли въ сентябрѣ на коммерческія операціи Банка, но ихъ не хватило, и въ дополненіе къ нимъ потребовалось выпустить для этихъ же сентябрьскихъ операцій еще $15^{3}/_{4}$ милліоновъ рублей кредитокъ, да не ограничиваясь этимъ, употребить на тѣ же операціи еще милліонную сумму изъ $7^{1}/_{2}$ милліонаго выпуска первыхъ чиселъ октября. Сентябрьско-октябрьскія коммерческія операціи прошлаго года, хотя онѣ шли съ гораздо меньшею живостью чѣмъ въ текущемъ году, потребовали такимъ образомъ отъ Государственнаго Банка свыше 82 милліоновъ. Вклады въ банкахъ, Государственномъ и акціонерныхъ, простиравшіеся къ 1 сентября 1878 года до $637,_{8}$ милліоновъ, сократились къ 1 октября до $572,_{7}$, то-есть на $65,_{1}$ милліоновъ; учетно-ссудныя операціи ихъ въ тотъ же мѣсяцъ возросли съ $390,_{9}$ до $426,_{4}$, то-есть на $35^{1}/_{2}$ милліоновъ ..

Такъ шло дѣло въ прошломъ году. Никакого вреда отъ такой поддержки оказанной коммерческимъ оборотамъ не произошло, что доказывается экономическими результатами истекшаго съ тѣхъ поръ года.

Было ли, послѣ этого, какое-нибудь основаніе поступить иначе въ текущемъ году? Если въ такомъ усиленіи денежныхъ средствъ, если въ указанныхъ размѣрахъ поддержки нуждалась торговля въ минувшемъ году, при обстоятельствахъ, сравнительно, нормальныхъ, то меньшія ли денежныя средства, меньшая ли поддержка нужны ей въ текущемъ году, при обстоятельствахъ исключительныхъ? Если прошлаго года, при сравнительно менѣе оживленномъ ходѣ дѣлъ, при сравнительно низкихъ цѣнахъ хлѣба, 1.200 милліоннаго денежнаго обращенія оказалось недостаточно и понадобился выпускъ 23 милліоновъ денегъ, то при нынѣшнемъ усиленномъ торговомъ оживленіи и при небывало высокихъ цѣнахъ, когда оборотъ съ однимъ и тѣмъ же количествомъ хлѣба требуетъ несравненно бóльшихъ суммъ, какъ утверждать что для торговли за глаза довольно 1.132 и хотя бы даже 1.160 милліоновъ? Какъ возставать противъ временнаго выпуска какихъ-нибудь 28 милліоновъ кредитокъ для поддержки дѣла, отъ болѣе или менѣе успѣшнаго исхода коего зависитъ столь многое въ ходѣ всей нашей экономической жизни въ предстоящемъ году? Не должна ли скорѣе возникнуть мысль что денежная поддержка оказанная торговлѣ въ послѣдній періодъ недостаточно велика, что она не шла въ уровень съ предъявленною ходомъ дѣлъ потребностью въ ней?

И дѣйствительно, какою суммой выразилась въ періодъ съ сентября по 8 октября *экстренная* помощь *экстреннымъ* торговымъ нуждамъ въ наличныхъ средствахъ? Идетъ ли она въ сравненіе съ цифрой 82 милліоновъ, которою выразилась подобная же экстренная помощь въ соотвѣтственный періодъ прошлаго года?

Вся эта экстренная помощь ограничилась нынѣ всего только цифрой вышепоказаннаго выпуска кредитныхъ билетовъ, да какими-нибудь $2^{1}/_{2}$ или тремя милліонами уплаченными послѣ 1 сентября казной Государственному Банку въ счетъ ея „текущаго долга." Пошедшій въ гору учетный процентъ наглядно свидѣтельствуетъ какъ недостаточна подобная помощь.

И въ виду этого, вмѣсто того чтобы посѣтовать на столь скромный размѣръ помощи оказанной столь важному для Россіи дѣлу какъ ея хлѣбная торговля, у насъ выступаютъ съ замѣчаніями что Государственный Банкъ при подобныхъ обстоятельствахъ вовсе не долженъ былъ „подавать руку помощи..."

Выпускъ кредитокъ на 28.350.000 р. повелъ, видите ли, къ пониженію курса! Ну, еслибъ и такъ,—что для насъ вреднѣе: ничтожное и кратковременное пониженіе вексельнаго курса, или порождаемыя недостаткомъ наличныхъ денегъ затрудненія и заминки въ благопріятной развязкѣ торгово-хлѣбной операціи, отъ исхода коей въ значительной степени зависитъ экономическое положеніе страны въ продолженіе цѣлаго года?

Но этого мало. Самое предположеніе что при данныхъ обстоятельствахъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на сумму какихъ-нибудь 28 милліоновъ могъ понизить курсы не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Кто серіозно изучалъ наши бумажно-денежные выпуски и колебанія нашихъ вексельныхъ курсовъ, тотъ не могъ не убѣдиться какъ мало высота сихъ послѣднихъ зависитъ у насъ отъ нѣсколько бóльшаго, или нѣ-

сколько меньшаго количества обращающихся бумажныхъ денегъ, хотя бы разница въ этихъ количествахъ равнялась не 28, а напримѣръ 80 милліонамъ. Подробнѣе мы поговоримъ объ этомъ въ другое время. Теперь же ограничимся указаніемъ на ближайшіе факты. Недавній 28 милліонный выпускъ, говорятъ, понизилъ наши курсы въ Берлинѣ... До того что̀ произошло съ нашимъ рублемъ въ Берлинѣ, намъ никакого дѣла нѣтъ. Но за то мы можемъ отмѣтить фактъ что въ Россіи, напримѣръ въ Петербургѣ, сказанный выпускъ не только не повелъ къ пониженію курсовъ, а напротивъ сопровождался ихъ повышеніемъ.

17 сентября, до начала выпуска, когда денежное обращеніе ограничивалось 1.132.165.000 рублями, курсы на Петербургской биржѣ были:

На Лондонъ . . . . $25^{1}/_{8}$, $^{1}/_{4}$
„ Парижъ . . . . $265^{1}/_{2}$, $266^{3}/_{4}$

8 октября, послѣ выпуска, когда денежное обращеніе возрасло до 1.160.515.000 рублей, на той же биржѣ состоялись такія отмѣтки:

На Лондонъ . . . . $25^{5}/_{8}$, $^{1}/_{2}$
„ Парижъ . . . . 270, $269^{1}/_{4}$

№ 270.

Москва, 23-го октября.

Прусскій министръ исповѣданій, г. фонъ-Путткамеръ, дозволилъ себѣ нескромность весьма мало обычную со стороны столь высокаго представителя хорошо дисциплинованной прусской бюрократіи: онъ первый заговорилъ публично объ австро-германскомъ союзѣ, относительно котораго имперское правительство до сихъ поръ хранитъ полнѣйшее молчаніе, не считая нужнымъ ни подтверждать, ни опровергать многоразличные слухи порожденные въ европейской печати сентябрьскою поѣздкой въ Вѣну князя Бисмарка. За эту нескромность г. фонъ-Путткамеръ подвергся также не совсѣмъ обычному для министра публичному выговору со стороны правительственной печати. Но весь этотъ эпизодъ,— если только не подозрѣвать тутъ напередъ условленнаго маневра,—имѣлъ то послѣдствіе что благодаря ему получилась возможность заглянуть за кулисы и узнать кое-что объ истинномъ значеніи сказаннаго соглашенія. Вотъ почему нельзя не поблагодарить г. фонъ-Путткамера за его нескромность.

Сущность дѣла уже извѣстна читателямъ по краткимъ сообщеніямъ которыя передалъ въ свое время телеграфъ. Но всего любопытнѣе тѣ толки которые эта исторія породила во враждебной преемнику г. Фалька либеральной берлинской печати. Для ознакомленія съ этими толками необходимо еще разъ припомнить обстоятельства дѣла. 22 октября въ *Кельнской Газетѣ* появилась корреспонденція изъ Берлина, въ которой сообщались „достовѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ заключеніе австро-германскаго соглашенія.“ Совершенно ново въ этомъ сообщеніи было указаніе на борьбу которую пришлось превозмочь князю Бисмарку прежде чѣмъ ему удалось осуществить его новый политическій замыселъ, борьбу съ дружелюбными чувствами къ Россіи глубоко вкоренившимися въ сердцѣ императора Вильгельма. Борьба эта кончилась де въ пользу князя Бисмарка, изъ чего ясно вытекало то заключеніе что соглашеніе, о коемъ рѣчь, прямо направлено противъ Россіи. Въ Германіи однако хорошо знаютъ какъ *Кельнская Газета*, служа издавна органомъ всѣхъ враждебныхъ Россіи политическихъ махинацій, пользуется всякимъ случаемъ чтобы распространять безо всякаго разбора извѣстія такъ или иначе невыгодныя для Россіи, а потому болѣе солидные органы нѣмецкой печати отнеслись къ указанному сообщенію весьма скептически. Но совсѣмъ иной видъ получило дѣло когда, на другой день послѣ появленія въ *Кельнской Газетѣ* упомянутаго разоблаченія, прусскій министръ исповѣданій и народнаго просвѣщенія, на обѣдѣ данномъ въ честь его въ Эссенѣ, провозгласилъ тостъ за императора, и при этомъ сказалъ слѣдующее:

„Вы вѣроятно прочитали вчерашнюю „*Кельнскую Газету* и узнали изъ нея какъ „нашъ императоръ превозмогъ самаго себя „и принесъ свои сердечныя влеченія въ „жертву благу своего народа. Онъ сдѣ„лалъ это въ сознаніи своего долга; онъ „заключилъ союзъ который, какъ должно „надѣяться, переживетъ многіе годы и „сохранитъ миръ Европѣ.“

Извѣстно какъ откликнулась на эту выходку министра правительственная печать: *Сѣверо-Германская Всеобщая Газе-*

та поспѣшила заявить что о „содержаніи вѣнскаго соглашенія могутъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія лишь весьма немногія лица“ и что „имѣя въ виду имперскій законъ о разграниченіи вѣдомствъ, весьма ошибочно было бы думать что прусскій министръ исповѣданій имѣетъ точныя свѣдѣнія объ актахъ имперской политики и можетъ удостовѣрить что изо всѣхъ противорѣчивыхъ газетныхъ слуховъ вѣрно именно сообщеніе *Кельнской Газеты*.“

Либеральная печать не замедлила воспользоваться всѣмъ этимъ эпизодомъ для своихъ цѣлей, а именно чтобы выставить всю „невозможность“ ненавистнаго ей г. фонъ-Путткамера, какъ министра дозволившаго себѣ столь неслыханное въ лѣтописяхъ прусской исторіи нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей и предѣловъ своего вѣдомства. Но, съ другой стороны, либеральная печать нашла также крайне недостаточнымъ офиціозное опроверженіе вызванное рѣчью министра въ Эссенѣ, и потому настаивала на томъ что г. фонъ-Путткамеръ не могъ не имѣть свѣдѣній о свойствѣ состоявшагося соглашенія и что, стало-быть, сообщеніе *Кельнской Газеты*, получивъ неожиданно столь авторитетное подкрѣпленіе, должно быть принято за истину.

Но спустя нѣсколько дней, *Національная Газета* сочла нужнымъ возвратиться къ эссенской рѣчи г. фонъ-Путткамера и подвергнуть оную болѣе тщательному разбору, результатъ котораго далеко уже не такъ благопріятенъ авторитету г. фонъ-Путткамера въ вопросахъ иностранной политики. Названная газета попрежнему находитъ непростительнымъ со стороны послѣдняго публичное подтвержденіе имъ газетнаго слуха. Но самый слухъ этимъ подтвержденіемъ уже не удостовѣряется, а напротивъ газета приводитъ цѣлый рядъ соображеній по которымъ нельзя де допустить чтобы соглашеніе между Австріей и Германіей имѣло тенденцію направленную противъ Россіи. Она полагаетъ что г. фонъ-Путткамеръ сознательно далъ дѣлу враждебную Россіи окраску въ угоду своимъ эссенскимъ слушателямъ, которые состояли большею частію изъ ультрамонтанъ. Именно имъ наиболѣе де по сердцу былъ бы враждебный противъ Россіи поворотъ въ политикѣ Германіи. Два года тому назадъ,—такъ разсказываетъ *Національная Газета*,—ультрамонтаны замыслили другаго рода махинацію, избравъ орудіемъ своихъ замысловъ Францію: они свергли тогда республиканское министерство Жюль Симона и посадили на его мѣсто кабинетъ Броля-Фурту, причемъ все было подготовлено къ государственному удару долженствовавшему ниспровергнуть Французскую республику, а затѣмъ имѣлось въ виду воспользоваться тогдашнею войной на Востокѣ, которая связывала свободу дѣйствій великихъ державъ, чтобы напасть на Италію и раздавить ее силой фанцузскаго оружія. Затѣмъ ультрамонтаны предполагали, чрезъ своихъ приверженцевъ въ Австріи, побудить послѣднюю къ союзу съ Франціей, такъ чтобы, послѣ полнаго разстройства существовавшаго тогда сближенія между Германіей, Австріей, Италіей и Россіей, Германіи остался одинъ лишь союзникъ въ лицѣ Россіи. Весь этотъ планъ рушился потому что маршалъ Макъ-Магонъ воспротивился замыслу о насильственномъ ниспроверженіи республики, что было необходимо для начала дѣла. *Національная Газета* полагаетъ что недавнее соглашеніе между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши не могло не имѣть въ виду прежде всего именно этой махинаціи ультрамонтанъ, и что оборонительный союзъ, если таковой заключенъ, направленъ своимъ остріемъ гораздо скорѣе на западъ нежели на востокъ, ибо нѣтъ де никакого повода думать что Россія, чьею дружбой Германія пользовалась столько лѣтъ и съ такою пользой для себя, вдругъ стала въ такое положеніе относительно послѣдней что пришлось бы заключать противъ нея оборонительные союзы! Давно ли, однако, та же самая газета, устами своего петербургскаго корреспондента, старалась доказать что враждебный для Россіи поворотъ въ политикѣ князя Бисмарка вполнѣ естественъ?

Далѣе *Національная Гезета* находитъ крайне бестактнымъ со стороны прусскаго министра его указанія на то что императору Вильгельму пришлось превозмочь себя для того чтобы согласиться на тѣснѣйшее сближеніе съ Австріей. Это не могло де не вызвать раздраженіе во многихъ вліятельныхъ сферахъ Австріи, которыя и безъ того не успѣли еще подавить въ себѣ чувства озлобленія противъ Германіи за понесенныя отъ нея пораженія. Въ подтвержденіе своихъ словъ, названная газета приводитъ сообщеніе своего вѣнскаго

корреспондента, отъ 27 октября, гдѣ говорится что въ Вѣнѣ уже теперь чувствуется новое и очень могущественное вѣяніе, коему, правда, едва ли удастся вовсе уничтожить заключенное соглашеніе, но которое уже ослабило существующую интимность. Въ Вѣнѣ не думаютъ де чтобы г. фонъ-Путткамеръ дѣйствовалъ безъ намѣренія, а скорѣе склонны предположить что онъ сознательно держитъ сторону ультрамонтанъ и своимъ подтвержденіемъ слуха заключающаго въ себѣ враждебную демонстрацію противъ Россіи имѣлъ въ виду ускорить осуществленіе ихъ замысловъ. Но въ Вѣнѣ до сихъ поръ имѣются де могучія вліянія склоняющіяся въ пользу союза съ Россіей, и имъ-то выходка прусскаго министра пришлась какъ нельзя болѣе кстати.

Рядомъ съ этимъ во всякомъ случаѣ любопытнымъ сообщеніемъ изъ Вѣны, во многихъ другихъ газетахъ начинаетъ всплывать извѣстіе что Берлинскій и Вѣнскій кабинеты усердно стараются о привлеченіи Россіи къ австро-германскому соглашенію. О томъ же пишетъ и нашъ берлинскій корреспондентъ.

Такимъ образомъ, еще такъ недавно раздававшіяся въ австро-германской печати грозныя рѣчи о новой политической комбинаціи совершенно изолирующей Россію, эта „благая вѣсть великой радости" возвѣщенная лордомъ Солсбери, сводятся уже германскими газетами ко второму, исправленному и дополненному, изданію пресловутаго Тройнаго Союза.

Но этимъ, разумѣется, не кончится нескончаемая игра съ австро-германскимъ соглашеніемъ, которую столь оживленно ведетъ германская печать теперь уже при явномъ соучастіи берлинскихъ министровъ...

№ 271.

Москва, 24-го октября.

Вызванный требованіями оборотовъ по русской хлѣбной торговлѣ, недавній выпускъ кредитныхъ билетовъ на сумму 28.350.000 рублей, въ періодъ съ 17 сентября по 8 текущаго октября, вновь подалъ поводъ къ обычнымъ у насъ сужденіямъ о вексельныхъ курсахъ и о размѣрахъ денежнаго обращенія въ Россіи. На этотъ выпускъ денегъ указываютъ какъ на причину послѣдовавшаго будто бы паденія курсовъ; въ этомъ выпускѣ хотятъ видѣть каплю переполняющую уже и безъ того полную до краевъ чашу нашего денежнаго обращенія.

Въ № 268 *Московскихъ Вѣдомостей* мы привели нѣсколько соображеній и фактовъ свидѣтельствующихъ въ какой мѣрѣ голословны и опрометчивы подобныя сужденія въ данномъ случаѣ. Но и вообще, утверждать что выпускъ какихъ-нибудь 28.350.000 рублей самъ по себѣ, при всякихъ обстоятельствахъ, есть достаточная и прямая причина пониженія курсовъ, — утверждать это могутъ только тѣ кто не слѣдили за ходомъ нашихъ бумажно-денежныхъ выпусковъ параллельно съ колебаніями вексельныхъ курсовъ и не провѣряли фактами теоретически установленной, но во многихъ случаяхъ весьма сомнительной на практикѣ, тѣсной связи высоты курсовъ съ количествомъ выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ. Фактическая провѣрка преувеличеннаго представленія объ этой связи свидѣтельствуетъ рядомъ цифръ какъ мало вообще зависитъ у насъ высота вексельныхъ курсовъ отъ нѣсколько бо́льшаго или нѣсколько меньшаго количества бумажныхъ денегъ, и какъ сильно, наоборотъ, вліяніе на уровень курсовъ причинъ иного свойства. Въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи колебаній высоты нашихъ курсовъ и размѣровъ нашего бумажно-денежнаго обращенія.

Остановимся сперва на тѣхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ которые производились у насъ въ началѣ истекающаго десятилѣтія, въ 1871 — 1874 годахъ, независимо отъ какихъ-либо чрезвычайныхъ нуждъ Государственнаго Казначейства и коммерческихъ надобностей. Кредитные билеты въ теченіе всего этого четырехлѣтія выпускались въ обращеніе съ малопонятною цѣлію усиленія размѣннаго фонда, имѣющаго вообще весьма малое значеніе для денежнаго обращенія при отсутствіи размѣна. Начиная съ марта 1871 до наступленія 1875 года, у насъ шла непрерывная покупка Государственнымъ Банкомъ золота и серебра на спеціально съ этою цѣлью выпускаемыя бумажныя деньги. Масса обращающихся кредитныхъ билетовъ увеличилась вслѣдствіе этого въ четыре года слишкомъ на $81^1/_2$ милліоновъ рублей. Вмѣсто 715.810.000 рублей бумажныхъ денегъ зна-

чившихся въ обращеніи по балансу Государственнаго Банка къ 1 января 1871 года, мы видимъ въ балансѣ того же Банка къ 1 января 1875 года цифру 797.313.000. Какъ же отозвался на вексельномъ курсѣ этотъ болѣе чѣмъ восьмидесятимилліонный выпускъ?

При сравнительно маломъ бумажно-денежномъ обращеніи, вексельный курсъ на Лондонъ, 5 января 1871 года, былъ на Петербургской биржѣ $30^5/_8$, $30^{13}/_{16}$, $30^{11}/_{16}$ пенсовъ за рубль. При значительно расширенномъ бумажно-денежномъ обращеніи, мы видимъ на той же Петербургской биржѣ 3 января 1875 года курсовыя отмѣтки на Лондонъ: $33^1/_2$, $33^7/_{16}$ пенсовъ за рубль. Увеличеніе размѣровъ бумажно-денежнаго обращенія слишкомъ на 11 процентовъ не только не повело къ пониженію курса, а напротивъ сопровождалось повышеніемъ его почти на десять процентовъ!

1875 годъ прошелъ безъ всякихъ измѣненій въ размѣрахъ денежнаго обращенія. 797.313.000 рублей обращавшихся въ странѣ къ 1 января 1875 года перешли безъ всякаго придатка и въ балансъ Государственнаго Банка къ 1 января 1876. Но остались ли точно также безъ перемѣны вексельные курсы? Взгляните на курсовыя отмѣтки Петербургской биржи:

	На Лондонъ.	На Парижъ.
3 янв. 1875 года	$33^1/_2$, $37^3/_{16}$	$349^1/_2$, $350^1/_2$, $349^1/_2$
2 „ 1876 „	$31^1/_8$, $30^{15}/_{16}$	324

Никакихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ не было, а курсы сильно упали. Предполагалось поднять курсы сокращеніемъ бумажно-денежнаго обращенія. Съ января 1876 года, двери кладовыхъ Государственнаго Банка отворились чуть не настежь. Быстро уплывало изъ нихъ накопленное годами золото на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, и частію на покупку фондовыхъ бумагъ для поддержки и ихъ курсовой цѣны. Въ девять мѣсяцевъ, по 1 октября, запасъ золота съ 201 милліоновъ уменьшился до 124, то-есть почти на 77 милліоновъ; одновременно, болѣе чѣмъ на милліонъ рублей, сократился и запасъ серебра. Сумма обращавшихся кредитныхъ билетовъ съ 797.313.000 руб. понизилась къ 1 октября 1876 до 734.015.000, то-есть уменьшилась слишкомъ на 63 милліона. Чѣмъ же увѣнчалась эта энергическая поддержка курсовъ, никогда еще не практиковавшаяся у насъ въ такихъ размѣрахъ? Повело ли къ повышенію курсовъ изъятіе изъ обращенія 63 милліоновъ кредитныхъ билетовъ? Вотъ курсовыя отмѣтки на Петербургской биржѣ 1 октября 1876 г.

На Лондонъ.	На Парижъ.
$30^5/_8$, $30^1/_2$	322, 324

Вмѣсто повышенія, оказалось пониженіе.

Дорого обошедшаяся безплодная попытка поддержки курсовъ была, наконецъ, брошена. Итоги ея результатовъ пока еще не сведены. Она, конечно, нѣсколько мѣсяцевъ продержала курсы на искусственной высотѣ, но едва ли къ выгодѣ Россіи, по крайней мѣрѣ къ несомнѣнной невыгодѣ русской торговли и промышленности, созданіемъ для нихъ обстановки прямо противоположной той которая, въ послѣдствіи, повела къ ихъ оживленію. Все выпущенное изъ кладовыхъ Банка золото сполна, и еще съ большою лихвой, уплыло за границу къ иностранцамъ, съ тѣмъ чтобы потомъ, въ слѣдующемъ же году, въ критическія для насъ минуты, тѣ же иностранцы отказали намъ въ этомъ самомъ золотѣ, искусственно подготовивъ извѣстное фіаско постигшее объявленный въ маѣ 1877 внѣшній заемъ. Нѣтъ худа безъ добра, и неудача этого займа обратилась къ нашей выгодѣ въ томъ отношеніи что, принудивъ обратиться, вмѣсто внѣшняго, ко внутреннему кредиту, указала какіе неистощимые рессурсы имѣетъ Россія въ этомъ послѣднемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта неудача спасла насъ отъ того гибельнаго возрастанія задолженности иностранцамъ, которое легко могло бы послѣдовать въ случаѣ полной и быстрой удачи внѣшняго займа 1877 г. Но не таковъ, какъ кажется, былъ взглядъ на это дѣло тѣхъ кому принадлежала идея поддержки курсовъ продажей накопленнаго Банкомъ золота, и конечно не разчетъ воспользоваться внутреннимъ кредитомъ руководилъ операціей сокращенія количества обращавшихся внутри Россіи денегъ. Этою операціей было искусственно создано безденежье, имѣвшее результатомъ, вопервыхъ, столь невыгодный для русской торговли и промышленности высокій подъемъ учетнаго процента, вовторыхъ, слабый успѣхъ перваго вызваннаго военными приготовленіями стомилліоннаго внутренняго займа (4-й выпускъ 5% банковыхъ билетовъ). На эти результаты сокращенія денежнаго обращенія въ 1876 году до сихъ поръ такъ мало обращалось вниманія что на нихъ стоитъ остановиться. Начнемъ съ учета.

Еще до начала вышеозначенной операціи, учетный процентъ пошелъ было быстро въ гору подъ вліяніемъ извѣстной Струсберговской исторіи. Въ виду ея, дисконтъ былъ поднятъ Государственнымъ Банкомъ: 5 сентября 1875 года — до 5% по векселямъ и по ссудамъ подъ товары и до 6% по ссудамъ подъ процентныя бумаги и по спеціальнымъ текущимъ счетамъ; 6 октября — до $5^1/_2\%$ по векселямъ и товарамъ и до $6^1/_2$ по процентнымъ бумагамъ и спеціальнымъ счетамъ; 20 октября — до 6% по первой и до 7% по второй категоріи. Но такое движеніе къ повышенію было не продолжительно. Паника вызванная банковымъ крахомъ миновала, и учетъ въ Государственномъ Банкѣ не замедлилъ понизиться уже съ 29 ноября того же 1875 г. на полпроцента по всѣмъ операціямъ.

Но вотъ, съ января 1876 года началась операція сокращенія денежнаго обращенія ради поддержки курсовъ. Какъ отозвалась она на высотѣ учета? Приведемъ цифры изъ извѣщеній Государственнаго Банка.

По Государственному Банку, его конторамъ и отдѣленіямъ взималось:

1. По учету векселей и по ссудамъ подъ товары:

23 января 1876 года	$5^1/_2\%$
Съ 24 января	6%
„ 10 апрѣля	$6^1/_2\%$
„ 19 іюня	7%

2. По ссудамъ подъ процентныя бумаги:

23 января 1876 года	$6^1/_2\%$
Съ 24 января	7%
„ 10 апрѣля	$7^1/_2\%$
„ 19 іюня	8%

3. По кредиту по спеціальнымъ текущимъ счетамъ:

23 января 1876 года	$6^1/_2\%$
Съ 24 января	7%
„ 10 апрѣля	$7^1/_2\%$
„ 19 іюня	8%
„ 15 сентября	9%

Операція поддержки вексельныхъ курсовъ, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ размѣровъ учета, сопровождалась для русской торговли и промышленности несравненно болѣе тяжкими послѣдствіями чѣмъ банковый кризисъ связанный съ именемъ Струсберга! Переживая тяжкій кризисъ, не имѣя возможности добыть наличныхъ денегъ подъ самыя надежныя обезпеченія иначе какъ за непомѣрно высокій процентъ, представители русской торговли и промышленности могли видѣть въ то же самое время какъ искусственною поддержкой вексельнаго курса поощрялся, въ подрывъ имъ, для иностранной торговли, сбытъ въ Россію продуктовъ иноземной промышленности... И случилось такъ что самая высокая норма учета пришлась какъ разъ къ тому времени года когда русская отпускная хлѣбная торговля, для успѣшнаго исхода своихъ оборотовъ, всего болѣе нуждается въ наличныхъ денежныхъ средствахъ!

Лишь по прекращеніи операціи изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, дисконтъ въ Государственномъ Банкѣ былъ пониженъ противъ 15 сентября, по всѣмъ тремъ вышеозначеннымъ категоріямъ, съ 13 октября на полпроцента, и съ 20 октября еще на полпроцента. Но и послѣ этихъ пониженій, учетъ все еще оставался (по крайней мѣрѣ что касается кредита по спеціальнымъ текущимъ счетамъ) болѣе высокимъ чѣмъ какимъ былъ въ самый разгаръ банковой паники 1875 года. При этомъ слѣдуетъ упомянуть что подъ вліяніемъ особо сложившихся обстоятельствъ, между прочимъ вслѣдствіе экстренной потребности въ деньгахъ для усиленной закупки иностранныхъ товаровъ (чтобъ избѣжать уплаты золотой пошлины) и для участія въ займѣ требовавшемся въ виду политическаго положенія, — частный дисконтъ продолжалъ идти въ гору и послѣ пониженія его Государственнымъ Банкомъ. Именно, частный дисконтъ, по отмѣткамъ Петербургской биржи, былъ:

31 августа—6 сентября . . .	7—8%
1 октября	$7^1/_2$—$8^1/_2\%$
2 ноября	$7^1/_2$—9%
3 декабря	$8^1/_2$—$9^1/_2\%$

И вотъ, при сокращенномъ количествѣ денегъ въ странѣ, при высокомъ учетѣ, открылась 9 ноября подписка на стомилліонный выпускъ банковыхъ билетовъ. Удивляться ли что у публики, при всемъ сочувствіи къ цѣлямъ займа, не нашлось наличныхъ средствъ чтобы разобрать немедленно все предложенное количество банковыхъ билетовъ, и что значительная доля ихъ осталась на рукахъ у Государственнаго Банка? Что причиной такого неуспѣха было не что иное какъ искусственно созданное безденежье показываютъ результаты позднѣйшихъ внутреннихъ займовъ. При денежномъ обращеніи въ 767 милліоновъ (къ 1 ноября 1876 года), публика не

могла ссудить казнѣ и ста милліоновъ. При денежномъ обращеніи въ 833—847 милліоновъ (къ 1 іюня и къ 1 іюля 1877 года), она имѣла возможность внести въ казну много болѣе ста милліоновъ, хотя и не могла покрыть въ срокъ всю сумму двухсотмилліоннаго Перваго Восточнаго Займа. При размѣрахъ денежнаго обращенія превысившихъ милліардъ, не встрѣчало уже болѣе затрудненій заключеніе трехсотмилліонныхъ Втораго и Третьяго Восточныхъ Займовъ.

Но возвратимся къ вексельнымъ курсамъ.

Съ прекращеніемъ искусственнаго держанія ихъ на извѣстномъ уровнѣ, они быстро пошли подъ гору и къ 1 апрѣля 1877 года понизились до $27^{1}/_{4}$, $27^{3}/_{4}$ на Лондонъ и до $286^{1}/_{2}$, 290 на Парижъ. Но не выпуски кредитныхъ билетовъ, не размѣры бумажно-денежнаго обращенія были тому причиной. Указанный апрѣльскій курсъ стоялъ въ то время когда кредитныхъ билетовъ, со включеніемъ временно-выпущенныхъ, было въ обращеніи всего 780.122 000 рублей, на 17.191.000 рублей менѣе чѣмъ 3 января 1875 года, когда курсы стояли: на Лондонъ $33^{1}/_{2}$, $33^{7}/_{16}$ и на Парижъ $349^{1}/_{2}$ и $350^{1}/_{2}$.

Есть ли послѣ этого надобность доказывать что дальнѣйшее пониженіе курсовъ вовсе не было результатомъ собственно расширенія нашего денежнаго обращенія?

Остановимся, однако, на нѣкоторыхъ особенно обращающихъ на себя вниманіе моментахъ.

Въ виду разныхъ неудачъ и затрудненій приключившихся нашимъ арміямъ на обоихъ театрахъ войны, въ виду полной неудачи нашего внѣшняго займа, курсы падаютъ 4 октября 1877 года до $22^{13}/_{32}$, $22^{17}/_{32}$ на Лондонъ и 234, $234^{1}/_{4}$ на Парижъ.

Вся сумма кредитныхъ билетовъ находившихся въ обращеніи къ 1 октября 1877 года была 943.222.000 рублей.

Выпуски бумажныхъ денегъ послѣ этого продолжались, но дѣла наши шли лучше, и курсы стали идти въ гору. Въ январѣ 1878 года наши войска приблизились къ Константинополю,—и что мы видимъ? Облигаціи неудавшагося внѣшняго займа быстро реализуются, и курсы 3 февраля поднимаются до $25^{9}/_{16}$, $25^{23}/_{32}$, $25^{19}/_{32}$ на Лондонъ и до $267^{1}/_{2}$, 270, 269 на Парижъ.

А вѣдь кредитныхъ билетовъ къ 1 февраля 1878 года находилось въ обращеніи 1.041.822.000 рублей, почти на сто милліоновъ болѣе чѣмъ за четыре мѣсяца предъ тѣмъ когда курсы дошли до минимума!

Наступилъ февраль 1878 года. Выпуски бумажныхъ денегъ вс[illegible]родолжались, масса ихъ въ обращені[illegible] росла. Но вотъ получено извѣстіе о подписаніи прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго мира, и курсовыя отмѣтки на Петербургской биржѣ 21 февраля состоялись $26^{1}/_{8}$, $26^{1}/_{4}$, $26^{1}/_{8}$ на Лондонъ и 274, $273^{1}/_{2}$ на Парижъ. Курсы оказались выше чѣмъ 15 апрѣля 1877 года, несмотря на то что сумма кредитныхъ билетовъ въ обращеніи увеличилась съ тѣхъ поръ на $277^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей.

На чемъ бы остановилось это повышеніе курсовъ, несмотря на бумажно-денежные выпуски, еслибъ условіямъ Санъ-Стефанскаго мира было суждено не остаться только на бумагѣ, не говоря уже о томъ вліяніи на курсы которое могло бы, напримѣръ, произвести заняніе Дарданеллъ и Константинополя?

Къ 1 октября 1878 года итогъ нашего бумажно-денежнаго обращенія достигъ, можно сказать, своего максимума— 1.214.785.000 рублей. Курсы 3 октября стояли:

На Лондонъ	$24^{3}/_{32}$, 24
На Парижъ.	$251^{1}/_{2}$, 251

Насталъ, затѣмъ, февраль текущаго 1879 года, и 1 февраля являются уже такія курсовыя отмѣтки:

На Лондонъ	$22^{15}/_{16}$, 23
На Парижъ	242, $242^{1}/_{2}$, $242^{1}/_{4}$

А вѣдь денежное обращеніе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ протекшихъ съ 1 октября 1878 года не только не возросло, а напротивъ сократилось почти на 55 милліоновъ (на 54.920.000)!

Продолжать ли?

Какой же смыслъ имѣетъ, послѣ всего этого, утвержденіе что настоятельно требовавшійся ходомъ торговыхъ дѣлъ выпускъ 28.350.000 кредитныхъ билетовъ съ 17 сентября по 8 текущаго октября долженъ былъ отозваться на курсахъ? И такой вѣсъ имѣютъ сужденія господъ утверждающихъ это о томъ что и безъ этого выпуска размѣры нашего денежнаго обращенія совершенно достаточны при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ?

Послѣдовавшій съ 6 сего октября подъемъ учета въ Государственномъ Банкѣ,

послѣ того какъ этотъ учетъ, съ 12 февраля 1877 года, болѣе двухъ съ половиною лѣтъ держался на неизмѣнномъ уровнѣ,—этотъ подъемъ учета служитъ, кажется, вѣскимъ доказательствомъ противнаго.

№ 272.

Москва, 25-го октября.

Войска Ахалъ-Текинскаго отряда возвратились въ Чекишляръ не достигнувъ никакого результата. Въ послѣдствіи дѣло придется начинать вновь, при условіяхъ можетъ-быть менѣе благопріятныхъ. Вынужденное обстоятельствами возвращеніе въ Чекишляръ нашихъ войскъ Текинцы припишутъ нашей слабости и своей доблести. Ихъ самонадѣянность и дерзость усугубятся. Нельзя не сознаться что при штурмѣ укрѣпленія Денгиль-Тепе наши войска потерпѣли неудачу, заставившую отрядъ немедленно отойти назадъ и наконецъ вернуться на берегъ Каспія.

Офиціальной реляціи объ этомъ дѣлѣ нѣтъ, обнародованъ только бюллетень о потеряхъ, но и того, вмѣстѣ съ газетными корреспонденціями, достаточно чтобы прослѣдить ходъ боя и понять главныя причины неудачи штурма глиняныхъ стѣнъ ахалъ-текинской твердыни.

Войска, испытанныя кавказскія войска, вели себя геройски: не считая врага, они кинулись на штурмъ съ охотниками и офицерами впереди. Охотники, смѣшавшись съ непріятелемъ, распѣвали даже *Сѣни*... Но вотъ настала рѣшительная минута: „предъ лицемъ всѣхъ баталіоновъ очутил„ся ровъ въ сажень шириной и высокая „стѣна;“ поддерживая другъ друга, солдаты карабкаются на стѣну, они почти уже влѣзли, но атакованные превосходными силами непріятеля, котораго было двадцать на одного, „подаются назадъ;“ непріятель настойчиво преслѣдуетъ ихъ, насѣдаетъ: вотъ-вотъ онъ захватитъ наши орудія, но вдругъ храбрые баталіоны остановились, сомкнулись и дружными „ура“ опрокинули непріятеля, который бѣжалъ въ крѣпость. Затѣмъ, утомленные боемъ, ослабленные потерями, наши баталіоны отступаютъ. Неудача.

На войска видимо была возложена задача свыше матеріальной возможности. Въ Денгиль-Тепинскомъ дѣлѣ принимали участіе только семь баталіоновъ, составъ коихъ равнялся почти ротѣ по штатамъ военнаго времени. Утверждаютъ что въ стрѣлковомъ баталіонѣ было, во время штурма, всего на все 120 штыковъ, то-есть немногимъ больше полуроты. Вообще же въ отрядѣ во время боя было не свыше 1.400 человѣкъ противъ непріятеля располагавшаго пятнадцатью тысячами пѣхоты и кавалеріи.

Въ основу стратегическаго замысла, вмѣсто строгаго расчета, положенъ рискъ. Взять съ горстью людей открытою силой укрѣпленное мѣсто обнесенное рвомъ въ сажень и высокою стѣной, обороняемое восемью тысячами пѣхоты, можно лишь въ томъ случаѣ если противникъ совершенно деморализованъ, или при нечаянномъ нападеніи, если приняты всѣ мѣры способствующія исполнить задачу быстро, если предусмотрѣны способы отпарировать попытку непріятеля воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ. Ничего подобнаго не оказывается въ штурмѣ Денгиль-Тепе. 27-го августа рѣшено было наступать къ Денгиль-Тепе и взять крѣпость штурмомъ. 28-го начинается исполненіе, и съ перваго шага неаккуратно. Вмѣсто 3 часовъ утра, авангардная колонна флигель-адъютанта князя Долгорукова выступила *часомъ раньше*, а баталіоны генерала Борха *двумя часами позднѣе* чѣмъ было приказано. Такимъ образомъ, отрядъ наступаетъ двумя эшелонами, въ разстояніи не четырехъ, а слишкомъ шестнадцати верстъ другъ отъ друга. Послѣдствія этого обнаружились еще на маршѣ, оставивъ въ покоѣ авангардъ, противникъ сумѣлъ сдѣлать кавалерійскую атаку на второй эшелонъ и тѣмъ еще нѣсколько задержалъ его маршъ. Далѣе, при встрѣчѣ съ противникомъ, авангардъ не могъ разомъ предпринять ничего рѣшительнаго: между атакой передовыхъ укрѣпленій Денгиль-Тепе и главнымъ штурмомъ образовался значительный промежутокъ, позволившій противнику угадать намѣренія нашихъ войскъ и принять противъ нихъ свои мѣры. А между тѣмъ, какъ видно, были минуты когда успѣхъ казался вѣроятнымъ: второй эшелонъ на маршѣ получилъ отъ начальника штаба двѣ записки одного содержанія: „поспѣшите поскорѣй, очень нужно.“

Авангардъ оказался слабъ чтобы разомъ овладѣть передовою позиціей противника, которая была взята только съ приходомъ

втораго эшелона, то-есть много позже чѣмъ было возможно это сдѣлать.

Подготовка къ штурму главнаго укрѣпленія длилась только съ небольшимъ часъ а, при слабости нашего отряда, не могла быть достаточною. Этотъ часъ только помогъ Текинцамъ придти въ порядокъ послѣ неудачи на передовыхъ позиціяхъ. Правда, наша артиллерія сдѣлала нѣсколько обваловъ въ стѣнѣ, но они больше послужили въ пользу непріятелю чѣмъ нашимъ войскамъ. Въ самую критическую минуту штурма, чрезъ эти бреши ринулся противникъ на наши войска и потѣснилъ ихъ.

Штурмъ производился, какъ говорится, голыми руками: для перехода черезъ ровъ, для эскалады высокихъ стѣнъ, не было никакихъ приспособленій, что также не могло не повредить успѣху, вынудивъ войска идти на штурмъ слишкомъ мелкими частями. Правда, по уставу слѣдовало перестроить баталіоны по-ротно, разбить ихъ на четыре группы, но уставъ имѣетъ дѣло съ тысячными баталіонами, тогда какъ въ Денгиль-Тепинскомъ дѣлѣ нѣкоторые баталіоны были меньше роты въ боевомъ составѣ.

Мѣръ на случай неудачи принято не было. За штурмующими не было никакого резерва; даже кавалерія была услана туда гдѣ она могла понадобиться только по окончаніи штурма, на случай удачи; да и то еще вопросъ, не полезнѣе ли въ азіятской войнѣ оставлять путь отступленія открытымъ. Такъ думаютъ старые опытные Кавказцы, у которыхъ это вошло даже „въ обычай," какъ замѣчаетъ почтенный авторъ печатаемой ниже замѣтки о Денгиль-Тепинскомъ штурмѣ. Во всякомъ случаѣ, еслибы кавалерія была близко, вылазка Текинцевъ можетъ-быть даже послужила бы къ нашей выгодѣ: „Найдись," говоритъ корреспондентъ, „кавалерія, во „время нашего отступленія на нашемъ лѣ„вомъ флангѣ, для нея представилось бы „дѣло какого могутъ желать только ру„баки кавалеристы." Вышедшій изъ-за укрѣпленій противникъ могъ быть разсѣянъ, и наши на плечахъ бѣгущаго непріятеля могли ворваться въ укрѣпленія. Вышло иное, но войска не виноваты...

Ахалъ-Текинская экспедиція была задумана въ широкихъ размѣрахъ. Отрядъ собранный лѣтомъ подъ Чекишляромъ по силѣ превосходилъ дивизію. Какимъ образомъ могло случиться что въ рѣшительную минуту, на главномъ пунктѣ, въ бою отъ исхода котораго зависѣлъ, какъ оказалось, успѣхъ всего дѣла, у насъ была сила по численности не достигавшая даже полутора баталіона по составу военнаго времени?..

Рискъ съ которымъ предпринятъ штурмъ Денгиль-Тепе ничѣмъ не оправдывается. Даже въ томъ случаѣ еслибъ онъ удался, положеніе отряда было бы критическое: онъ былъ слишкомъ слабъ чтобъ удержать пунктъ, обладаніе которымъ не могло стоить дешево. Потеря штурмовавшихъ достигаетъ чуть не трети всего изъ состава; размѣръ этой потери невозможно приписать единственно неудачному обороту который приняло дѣло. Несоразмѣрно большая потеря обусловлена громаднымъ численнымъ превосходствомъ противника, которому нельзя отказать ни въ мѣткости огня, ни въ дерзости нападенія.

Послѣ этого легко судить была ли возможность съ однимъ баталіономъ, на рукахъ котораго масса раненыхъ, держать открытыми свои сообщенія и отражать нападенія непріятеля, силы котораго еще далеко не исчерпывались числомъ защитниковъ Денгиль-Тепе...

№ 273.

Москва, 26-го октября.

Вскорѣ по закрытіи Константинопольской конференціи, послѣ того какъ Порта рѣшительно отвергла представленія державъ касательно обезпеченія ея христіанскихъ подданныхъ и когда всѣ тревожились ожидаемыми послѣдствіями этого упорства, тогдашній военный министръ англійскій, г. Гарди, въ страстномъ азартѣ возглашалъ въ палатѣ общинъ что *принуждать* Турцію было бы не только дѣломъ несправедливымъ, но и „противнымъ нравственности и религіи." Г. Гарди, возведенный въ званіе пера съ титуломъ лорда Кранбрука, и понынѣ остается членомъ кабинета, занимая постъ министра Индіи. Съ религіей англійскихъ министровъ гармонируетъ и политика ихъ. На дняхъ еще лордъ Солсбери цинически признавался что эта политика никогда не справлялась хорошо или дурно то правительство которое она брала подъ свою защиту, и что

потому „вопросъ о реформированной или нереформированной Турціи“ не можетъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія Англіи.

Вдругъ случилось нѣчто неправдоподобное. Всѣ были озадачены телеграммами о какомъ-то ультиматумѣ предъявленномъ Портѣ Англіей, о категорическомъ требованіи англійскимъ посломъ исполненія обѣщанныхъ реформъ, съ назначеніемъ для этого срока, по истеченіи котораго Англія приступитъ де къ экзекуціоннымъ мѣрамъ; грозили даже низложеніемъ султану. Наконецъ, дѣйствительно является англійское военное судно въ Вурлахѣ и отдается приказаніе всей англійской эскадрѣ Средиземнаго Моря идти въ турецкія воды. Константинопольская телеграмма Вольфова агентства, опровергая извѣстіе будто Англія обращалась къ Портѣ съ ультиматумомъ, подтверждаетъ, однако, что Порта „узнавъ о посылкѣ англійскаго военнаго судна въ турецкія воды,“ вступила въ сношенія съ англійскимъ посломъ. А въ агентство Рейтера телеграфируютъ изъ Константинополя же что турецкій посланникъ въ Лондонѣ, Мусурусъ-паша, уже обѣщалъ лорду Солсбери что требуемыя Англіей реформы будутъ исполнены, вслѣдствіе чего англійская эскадра, получившая было приказъ отправиться въ турецкія воды, останется въ Мальтѣ.

Итакъ, Англія вдругъ предстала намъ въ необычной роли. Она требуетъ, угрожаетъ, и англійскіе министры не только не находятъ въ „принужденіи“ Порты угрозой экзекуціи ничего безнравственнаго и противнаго христіанской религіи, но и въ политическихъ взглядахъ ихъ, какъ видно, произошла радикальная перемѣна; они забываютъ что до сихъ поръ ставили себѣ въ заслугу отказъ присоединиться къ Берлинскому меморандуму, потому что въ этомъ злополучномъ документѣ предусматривалось обсужденіе „дальнѣйшихъ мѣръ“ въ случаѣ еслибы Порта не дала гарантій своимъ христіанскимъ подданнымъ. Теперь Англія единолично, безъ совѣщанія съ другими, готовится принять „дальнѣйшія мѣры,“ пріостановленныя пока уступчивостью Порты. За что же такъ озлобленно осуждалась прежняя политика Россіи, вся направленная къ тому чтобъ избѣжать войны общимъ давленіемъ на Порту, которое не давало бы Россіи никакого преимущественнаго положенія? Чтобъ обезоружить подозрительность, Россія предлагала тогда Англіи первую роль и соглашалась удовольствоваться демонстраціей флотовъ. Или Англіи было нужно чтобы русскія войска нанесли Турціи сокрушительные удары для того чтобы теперь вѣрнѣе прибрать ее подъ свой протекторатъ?

Англія хочетъ серіозно настоять на своей мало-азіатской конвенціи и заставить Порту принять англійскія реформы которыя должны быть цѣной огражденія ея азіятскихъ владѣній отъ Россіи на будущее время. Изъ документовъ обнародованныхъ въ англійской *Синей Книгѣ* намъ извѣстенъ общій планъ этихъ англійскихъ реформъ и къ чему сводится протекторатъ Англіи. Кому не памятно сколько нареканій на русское честолюбіе вызывалъ пресловутый Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ, послужившій даже поводомъ къ европейской коалиціи противъ Россіи и Крымской войнѣ? Между тѣмъ русскій протекторатъ по этому трактату сводился единственно къ праву заступничества за своихъ единовѣрцевъ, и русская политика никогда не присвоивала себѣ вмѣшательства и участія въ турецкомъ управленіи. Не таковъ духъ и смыслъ присвояемый Англичанами своей конвенціи. Англіей предъявленъ былъ Портѣ цѣлый обширный планъ, по коему вся судебная, полицейская и административная власть въ азіятскихъ провинціяхъ должна быть поставлена подъ контроль европейскихъ (то-есть англійскихъ) инспекторовъ. Само собою разумѣется что эти благодѣтели не согласились бы взяться за трудъ безвозмездно, и не на счетъ Англіи предполагалось ихъ вознагражденіе. Порта такъ и поняла это; и не отвергая проекта, она предъявляла только возраженія противъ подробностей и ссылалась на разстройство финансовъ. Такъ объ этомъ безплодно и продолжались переговоры съ турецкими министрами. Когда, въ концѣ лѣта, сэръ-Генри Лейрдъ приставалъ къ Портѣ требуя чтобъ она показала по крайней мѣрѣ добрую волю приступомъ къ реформамъ хотя бы въ одной провинціи, бывшій тогда великимъ визиремъ Хайреддинъ-паша отвѣчалъ что Порта изучаетъ введеніе реформъ не въ одной, а въ трехъ провинціяхъ, но затрудняется приступить къ реформамъ за недостаткомъ фондовъ. Весьма вѣроятно что теперешняя энергія Англіи

была обусловлена вступленіемъ во власть извѣстнаго Махмудъ - Недима, который считался русскимъ приверженцемъ и извѣстенъ какъ Турокъ старой школы и противникъ иностраннаго вмѣшательства. По крайней мѣрѣ извѣстно что проекты новаго кабинета въ которомъ онъ участвуетъ встрѣтили рѣзкую оппозицію со стороны пословъ, возражавшихъ противъ всякой ипотеки турецкихъ таможенныхъ доходовъ и государственныхъ имуществъ, уже служащихъ къ обезпеченію прежнихъ заимодавцевъ Турціи. Но извѣстно также что этой оппозиціи не встрѣчала Порта во временныхъ ссудахъ которыя она получала отъ мѣстныхъ банкировъ подъ эти же обезпеченія. И на нихъ же основывались разные иностранные планы, между прочимъ Француза Фреми, для поправленія турецкихъ финансовъ съ подчиненіемъ ихъ европейскому контролю по примѣру Египта. Оппозиція же собственному плану Порты, который недостаточно извѣстенъ, оттого по всему вѣроятію и явилась что при помощи новаго займа она разчитывала сама взяться за реформы, безъ докучной чужой помощи и опеки.

Такъ, понемногу, раскрываются виды Англіи. Любопытный свѣтъ проливаетъ на нихъ теперь недавняя корреспонденція изъ Смирны въ газетѣ *Times*. Описывая неурядицу и безнаказанно происходящіе въ азіятскихъ провинціяхъ грабежи и разбои, корреспондентъ замѣчаетъ: „Неудивительно что жители Малой Азіи начинаютъ обращать съ жадностью свои взоры на Англію какъ на единственную державу которую они считаютъ способною помочь имъ. Весьма лестно для національной гордости слышать повсюду, гдѣ я ни былъ, выражаемыя желанія чтобъ Англія взяла на себя управленіе страной. И не можетъ быть сомнѣнія что Англія, съ ея богатствомъ, энергіей и ея индійскимъ опытомъ, лучше всякой другой цивилизованной державы способна очистить Авгіево стойло Малой Азіи и возвратить странѣ ея прежнее благоденствіе и процвѣтаніе.“ Для вящаго убѣжденія корреспондентъ поясняетъ что это было бы не безвыгодно для самой Англіи: „Выгоды которыя Англія пріобрѣла бы отъ своего протектората надъ Малою Азіей несомнѣнны. Малая Азія по природѣ страна почти безграничныхъ рессурсовъ, и торговля и земледѣліе которыя теперь въ Англіи страдаютъ отъ застоя нашли бы здѣсь новую почву для возрожденія и процвѣтанія. Для капитала нашелся бы болѣе обширный и быстрый оборотъ въ странѣ которая лежитъ на большомъ торговомъ пути съ Востокомъ чѣмъ на дѣвственной почвѣ колоніи посреди враждебныхъ дикарей.“ Чтобъ еще болѣе прельстить своихъ соотечественниковъ заманчивою картиной, корреспондентъ прибавляетъ что и „для спортсмена Малая Азія представляетъ такое же превосходное поле какъ для капиталиста и фермера.“ Но главную практическую выгоду корреспондентъ усматриваетъ въ томъ что „турецкое населеніе Малой Азіи состоитъ изъ природныхъ воиновъ, и при хорошихъ офицерахъ и хорошемъ устройствѣ они могутъ доставить непобѣдимую военную силу. Притомъ и содержаніе этой арміи стоило бы дешево, и могло бы быть покрыто доходами самой страны. Имѣя такую армію въ своемъ распоряженіи, Англіи нечего будетъ страшиться русскаго нападенія или перерыва сообщеній съ Индіей. Мы могли бы построить желѣзную дорогу отъ Средиземнаго Моря къ Персидскому заливу безъ опасеній, хотя Карсъ и Ардаганъ теперь и въ русскихъ рукахъ. Нашъ путь въ Индію былъ бы охраняемъ неодолимымъ гарнизономъ и на вѣрность его можно было бы слѣпо положиться. Будь Малая Азія въ нашихъ рукахъ, участь Константинополя получила бы лишь второстепенное значеніе.“ И въ довершеніе всего корреспондентъ совѣтуетъ спѣшить, ибо иначе Малая Азія якобы неизбѣжно достанется Россіи, а всякому путешественнику по Турціи въ настоящее время очевидно что „Турецкая имперія на дѣлѣ покончилась, и ея разложеніе не можетъ долго замедлить.“

Едва ли подлежитъ сомнѣнію что планы основанные на такого рода убѣжденіи руководятъ въ настоящее время англійскою политикой. Но осуществятся ли эти планы безъ борьбы?

Увы, обѣщанному Берлинскимъ трактатомъ успокоенію на Востокѣ повидимому не суждено осуществиться...

№ 274.

Москва, 27-го октября.

Германская печать съ замѣчательною настойчивостью продолжаетъ обсуждать вопросъ объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи, замѣчательною въ особенности потому что печать эта, пользуясь по закону и фактически значительною долей свободы, тѣмъ не менѣе превосходно дисциплинована, отличается обыкновенно большою сдержанностью когда на очереди стоитъ какой-либо щекотливый вопросъ иностранной политики и всегда руководствуется въ этихъ случаяхъ сигналами изъ правительственныхъ сферъ. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не любитъ баловать публику офиціальными свѣдѣніями по части дипломатіи; онъ рѣшительно отвергаетъ пользу *Книгъ* разныхъ цвѣтовъ радуги, періодически подносимыхъ прочимъ европейскимъ парламентамъ, и весьма рѣдко пускается и въ устныя разъясненія своей политики въ представительныхъ собраніяхъ. Германская печать всѣхъ оттѣнковъ охотно подчиняется этому режиму, и чѣмъ важнѣе дѣло въ данную минуту занимающее германскую дипломатію, тѣмъ менѣе германская печать бываетъ словоохотлива. Для примѣра достаточно вспомнить критическія минуты пережитыя европейскою дипломатіей весной 1875 года, когда вопросъ о новой войнѣ между Германіей и Франціей висѣлъ на волоскѣ: объ этомъ эпизодѣ европейская публика получила болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія лишь въ послѣднее время, и то благодаря нескромности французскихъ органовъ партіи орлеанистовъ. Точно также переговоры между папскою куріей и имперскимъ правительствомъ, которые дѣятельно ведутся съ самой смерти Пія IX, до сихъ поръ облечены въ строжайшую тайну и германская печать весьма рѣдко касается этого предмета.

Совсѣмъ иное замѣчается въ той же печати относительно недавно возникшаго „жгучаго“ вопроса объ измѣнившихся отношеніяхъ между Германіей и Россіей, внѣшнимъ поводомъ къ которому послужили сентябрьскіе переговоры князя Бисмарка. Въ чемъ заключаются результаты этихъ переговоровъ, до сихъ поръ неизвѣстно, и на этотъ счетъ не имѣется ни одного офиціальнаго заявленія; тронныя рѣчи произнесенныя съ тѣхъ поръ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ ни однимъ словомъ не упомянули о Вѣнскомъ соглашеніи. За то въ печати это соглашеніе и тѣснѣйшее сближеніе съ Австріей, съ одной стороны, и „натянутость отношеній къ Россіи“—съ другой, съ тѣхъ поръ уже не сходили съ очереди, и даже, дѣло небывалое, - одинъ изъ прусскихъ министровъ публично закрѣпилъ своимъ авторитетомъ сообщеніе по этому предмету одной изъ самыхъ тенденціозныхъ газетъ; правда, слова министра подверглись замѣчанію со стороны офиціозныхъ органовъ, но замѣчаніе это не ослабило впечатлѣнія и не разсѣяло порожденнаго выходкой г. фонъ-Путткамера недоумѣнія, ибо фактическаго опроверженія не послѣдовало. Въ широкомъ потокѣ рѣчей и толковъ германской печати по поводу указаннаго вопроса нельзя, однако, не замѣтить двухъ весьма рѣзко различающихся теченій.

И тутъ и тамъ возобновились рѣчи о Тройномъ Союзѣ, о коемъ всѣ молчали со времени Берлинскаго трактата, какъ бы согласившись признавать этотъ союзъ (значеніе котораго всегда скрывалось въ туманѣ) упраздненнымъ силою самыхъ событій. Теперь объ этомъ союзѣ снова заговорили. Но между тѣмъ какъ одни органы германской печати (наиболѣе враждебные Россіи) усматриваютъ разрывъ онаго, то-есть выступленіе изъ него Россіи, въ новомъ соглашеніи заключенномъ между Австріей и Германіей, другіе напротивъ всячески клонятъ свои рѣчи къ тому что Россія можетъ и должна озаботиться о томъ чтобы быть опять въ „союзѣ третьимъ.“

Кельнская Газета, стоящая во главѣ органовъ ратующихъ противъ Россіи и продолжаетъ настаивать на томъ что новѣйшее соглашеніе между Германіей и Австріей прямо направлено *противъ* Россіи и вызвано ничѣмъ инымъ какъ ея коварными и воинственными замыслами, предметомъ коихъ служитъ Германія. Дѣло вовсе де не въ томъ чтобы помочь Австріи удержать свою долю вліянія на Балканскомъ полуостровѣ и противодѣйствовать тамъ завоевательнымъ планамъ Россіи; нѣтъ, Россія угрожаетъ де самой Германіи, вопервыхъ, подзадоривая Францію и стараясь о вступленіи въ союзъ съ нею, а вовторыхъ, еще болѣе „замѣтнымъ увеличеніемъ своей военной силы на границѣ съ Германіей.“ Здѣсь сосредоточены де за время послѣ

окончанія Восточной войны огромныя массы кавалеріи которыя внушають Германіи серіозныя опасенія. *Силезская Газета*, подтверждая съ своей стороны извѣстіе о чрезмѣрныхъ массахъ кавалеріи на русско-прусской границѣ, дополнила его слухомъ, будто Германское правительство сдѣлало по этому поводу дипломатическое представленіе въ Петербургѣ. Къ этому присоединяются выходки противъ русской печати, которая будто бы всячески раздуваетъ пламя вражды Русскаго народа къ Германіи. Словомъ, судя по тону нѣмецкихъ газетъ этого лагеря, можно думать что въ Германіи затѣвается точь-въточь такой же маневръ какой предпринятъ былъ, хотя и неудачно, княземъ Бисмаркомъ противъ Франціи въ 1875 году.

Но всѣ эти враждебныя противъ Россіи родомонтады уравновѣшиваются разсужденіями которыя мы читаемъ въ прочихъ болѣе солидныхъ органахъ германской печати. Эти органы, въ противность *Кельнской Газетѣ*, настаиваютъ, напротивъ, на томъ что вѣнское соглашеніе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Балканскій полуостровъ. Совершенно ошибочно де думать что Германія относится вполнѣ безразлично къ Восточному вопросу. Германія не могла де не обратить вниманіе на существующія въ Россіи стремленія не только забрать въ свои руки распоряженіе будущею судьбой племенъ обитающихъ на Балканскомъ полуостровѣ, но стать въ то же положеніе и по отношенію къ славянскимъ народамъ Австріи. Германія де слишкомъ заинтересована судьбой Австріи чтобы взирать равнодушно на стремленія русскаго панславизма. Сверхъ того, и вопросъ объ окончательномъ упраздненіи турецкаго владычества также связанъ для нея съ интересами далеко не совпадающими съ исключительными стремленіями русской національной партіи. Однако, нельзя сказать чтобы здѣсь имѣлъ мѣсто непримиримый антогонизмъ. Русскому правительству слѣдуетъ де только признать тотъ фактъ что необходимъ компромиссъ взаимныхъ интересовъ по отношенію къ Восточному вопросу, и что компромиссъ этотъ можетъ состояться не на основаніи праздныхъ и не практичныхъ изысканій о томъ кто кому болѣе обязанъ за услуги оказанныя въ прошедшемъ а путемъ примиренія реальныхъ интересовъ въ будущемъ; и тогда соглашеніе окажется де вполнѣ возможнымъ и практически осуществимымъ.

Такъ приблизительно разсуждаетъ *Національная Газета*, въ нумерѣ отъ 3 ноября, и какъ бы въ подкрѣпленіе этихъ разсужденій она приводитъ со словъ нѣмецкой *Петербургской Газеты*, которую признаетъ хорошо свѣдущею, слѣдующее нѣсколько таинственное сообщеніе:

„Расположеніе императора Вильгельма „къ Россіи не подверглось рѣшительно „никакой перемѣнѣ. Это можно смѣло „утверждать послѣ того какъ еще въ послѣдніе дни императоръ Вильгельмъ, со„гласно сообщеніямъ полученнымъ нами „съ весьма свѣдущей стороны, по нѣ„сколькимъ поводамъ подтвердилъ этотъ „фактъ самымъ точнымъ и положитель„нымъ образомъ. Лицо, отъ котораго мы „имѣемъ эти свѣдѣнія, заключаетъ по нѣ„которымъ признакамъ что въ высшихъ „сферахъ вообще возобладало стремленіе „къ повороту открывающему перспективу „въ новую эпоху исторіи нашихъ дней, „а именно къ расширенію основанной не„давно мирной лиги, которая въ извѣст„номъ случаѣ можетъ превратиться въ „воинственную лигу противъ нарушителя „мира, каковымъ представляется фран„цузскій радикализмъ. Возможно такимъ „образомъ что мы стоимъ наканунѣ но„выхъ неожиданностей, которыя должны „произвести еще бóльшую сенсацію неже„ли извѣстіе о заключеніи австро-герман„скаго союза, хотя въ дѣйствительности „это будетъ лищь блестящимъ увѣнчані„емъ того зданія коему въ указанномъ сою„зѣ было положено основаніе.“

№ 276.

Москва, 29-го октября.

Берлинскій корреспондентъ *Morning Post* не такъ давно сообщалъ весьма интересныя свѣдѣнія о задуманныхъ въ Германіи „довольно обширныхъ мѣрахъ по устройству и усиленію арміи“, начиная съ укомплектованія и постановки на военную ногу 15 корпуса и устройства совершенно новыхъ лазаретовъ и госпиталей въ мѣстахъ расквартированія войскъ.

Извѣстіе это явившееся слѣдомъ за толками объ Австро-Германскомъ соглашеніи не было опровергнуто, что̀ придаетъ ему

нѣкоторый интересъ независимо отъ самаго значенія задуманныхъ мѣръ, въ числѣ коихъ важнѣйшее мѣсто занимаетъ предположенное усиленіе артиллеріи еще 72 новыми батареями, то-есть чуть не пятьюстами орудій.

Организовать вновь 72 батареи, снабдивъ ихъ орудіями, выученными людьми и лошадьми скоро нельзя. Такая мѣра очевидно разчитывается на болѣе или менѣе отдаленное будущее, но она интересна по своему внутреннему значенію.

Еще война 1870—71 годовъ обратила общее вниманіе на землекопство. Ловкость и быстрота съ которою окапывались французскія войска породили мысль что въ будущихъ войнахъ успѣхъ будетъ на сторонѣ того кто лучше сумѣетъ работать лопатою.

Минувшая кампанія придала особое значеніе этому предположенію. Турки дѣйствительно извлекли большую пользу изъ своего умѣнья быстро и хорошо возводить укрѣпленія, овладѣніе которыми обходилось такъ дорого нашимъ войскамъ.

Вслѣдъ за этою войной повсемѣстно почти обращено серіозное вниманіе на обученіе войскъ землекопству, и у насъ конечно въ особенности.

Усиленныя занятія землекопствомъ заставляютъ своевременно позаботиться о развитіи того рода оружія которое играетъ главную роль въ борьбѣ противъ всякаго рода укрѣпленій, именно артиллеріи

Замѣтивъ въ 1870 году что существовавшіе тогда въ германской артиллеріи снаряды были почти недѣйствительны противъ стрѣлковъ расположенныхъ въ ложементахъ и ровикахъ, германское военное вѣдомство немедленно по заключеніи мира приступило къ усовершенствованію своей артиллеріи.

Точно такимъ же образомъ послѣ русско-турецкой войны оно приступаетъ къ дальнѣйшему развитію ея численнаго состава Наполеонъ I сравнивалъ сраженіе съ „осадой разыгрывающеюся въ теченіе „нѣсколькихъ часовъ" и утверждалъ что перевѣсъ будетъ на сторонѣ того кто скрытно отъ противника сумѣетъ „сосре„доточить на избранномъ пунктѣ наиболь„шее число снарядовъ." Эти сужденія въ особенности примѣнимы къ теперешнимъ полямъ сраженій гдѣ при развитіи землекопства атакующій будетъ видѣть только груды земли и торчащія изъ-за нихъ жерла орудій. Тщетно пытаться взять такую позицію открытою силой: нужно прежде разгромить верки противника и сломить огнемъ артиллеріи физическія и нравственныя силы обороны. Если въ прежнія войны артиллерія играла важную роль, то съ развитіемъ землекопства значеніе артиллерійскаго огня и сосредоточеніе большихъ массъ орудій пріобрѣтаетъ почти исключительное значеніе.

Задуманное Германіей сформированіе разомъ 72 новыхъ батарей служитъ краснорѣчивымъ тому доказательствомъ.

Но предполагаемое сформированіе этихъ батарей, вмѣстѣ съ пресловутымъ сближеніемъ между Австріей и Германіей, служатъ новымъ примѣромъ того какимъ образомъ арміи должны готовиться къ войнѣ: наканунѣ войны нельзя создать ничего прочнаго, солиднаго. Все должно быть готово заранѣе: и люди, и оружіе, и союзники. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего мелкаго, неважнаго, что̀ бы можно было оставить безъ вниманія.

Почти одновременно съ извѣстіемъ о предстоящемъ усиленіи германской арміи, именно 24 октября, *Агентству Рейтера* телеграфировали изъ Бѣлграда „что отно„шенія между Русскимъ и Сербскимъ пра„вительствами продолжаютъ быть самыя „лучшія", и что въ Бѣлградѣ „ожидаютъ присылки изъ Россіи 10 батарей бронзовыхъ орудій." Если это справедливо, сербская артиллерія значительно усилится, чему нельзя не порадоваться, но другія мѣры задуманныя, по газетнымъ извѣстіямъ, сербскимъ военнымъ министерствомъ внушаютъ сомнѣнія. Утверждаютъ, напримѣръ, что сербская армія будетъ снабжена ружьями системы Маузера, какъ извѣстно, принятой въ Германіи.

Ружье Маузера имѣетъ неоспоримыя достоинства, но оно едва ли пригодно для сербскихъ войскъ. Сербская армія слишкомъ слаба по численному составу чтобы могла выступить противъ кого-либо въ п ле одна. Сербіи всегда придется искать союзниковъ, и они рядомъ съ нею: это Болгарія и Черногорія. Это такъ естественно что въ Вѣнѣ уже подозрѣваютъ заключеніе между Сербами и Болгарами наступательнаго и оборонительнаго союза, несмотря на то что Сербское правительство, по словамъ *Политической Корреспонденціи*, „самымъ рѣшительнымъ об„разомъ опровергаетъ всѣ извѣстія о пе-

„реговорахъ по этому предмету между „княжествами.“

Будетъ или не будетъ немедленно заключенъ между славянскими княжествами Балканскаго полуострова военный договоръ, это менѣе важно нежели установленіе матеріальнаго единства въ ихъ вооруженной силѣ. Ружья и пушки ихъ должны быть если не одной системы, то одного калибра и съ одинаковымъ патрономъ. Равно и строевыя эволюціи слѣдовало бы привести такъ-сказать къ одному знаменателю. Въ этомъ отношеніи господствуетъ пока полнѣйшее разнообразіе, къ устраненію котораго должны быть теперь же направлены всѣ усилія ихъ правительствъ. Во всякомъ случаѣ, при выборѣ для вооруженія системы штуцера, было бы всего ближе принять образецъ которымъ снабжены войска державы близкой по своимъ политическимъ интересамъ и родственной нежели образецъ принятый въ арміи государства, интересы котораго совсѣмъ иные. Примѣръ этому еще такъ недавно былъ данъ опять-таки государствами Германіи, гдѣ до 1870 года на югѣ былъ принятъ австрійскій калибръ, а на сѣверѣ—прусскій.

Такая мѣра должна бы въ то же время служить отвѣтомъ на толки о союзѣ между Германіей и Австріей внушившіе даже Туркамъ мысль о прочномъ укрѣпленіи Салоникъ и съ моря, и съ сухаго пути, тогда какъ принятіе системы Маузера Сербіей, надолго устанавливая рознь въ военномъ устройствѣ Балканскаго полуострова, способно только вновь возбудить мысль ввести ихъ „въ сферу военнаго вліянія“ того государства, которое явилось непрошеннымъ умиротворителемъ Босніи и военно-таможеннымъ досмотрщикомъ на морскомъ побережьи Черногоріи. Толки объ этомъ уже были, и если смолкли, то развѣ въ виду другихъ дѣлъ отвлекавшихъ вниманіе Австріи съ одной стороны къ Новому Базару, а съ другой къ Берлину.

№ 277.

Москва, 30-го октября.

Правительственный Вѣстникъ обнародовалъ на дняхъ *Правила о ссудныхъ кассахъ*. По ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ правилъ оказывается что онѣ, какъ впрочемъ и не могло быть иначе, суть не что иное какъ буквальное воспроизведеніе закона 24 апрѣля о ссудныхъ кассахъ, и лишь дополнены указаніями на размѣръ залога для ссудныхъ кассъ (отъ 7.000 до 1.000 рублей), сообразно распредѣленію городовъ по классамъ для уплаты сбора по свидѣтельствамъ на право торговли, а также указаніями на порядокъ представленія и храненія этихъ залоговъ и формой для книгъ обязательныхъ для веденія въ ссудныхъ кассахъ. Эти указанія законъ 24 апрѣля предоставилъ выработать и издать по ближайшемъ между собою соглашеніи министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, что̀ и было исполнено пять мѣсяцевъ послѣ изданія закона. Вотъ почему нѣсколько странно что *Правительственный Вѣстникъ*, воспроизведя, сверхъ указанныхъ министерскихъ дополненій, и самый текстъ закона 24 апрѣля и поставивъ все вмѣстѣ подъ заглавіемъ „Правила о ссудныхъ кассахъ постановленныя Высочайше утвержденнымъ 24 апрѣля 1879 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта,“ въ скобкахъ добавляетъ: „утверждены министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ 24 сентября 1879 года.“

Какъ бы то ни было, но правила о ссудныхъ кассахъ, дополненныя министерскими указаніями, вступаютъ наконецъ въ полную силу и подлежатъ теперь повсемѣстному примѣненію. Они обязательны во всѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ имѣющихъ городское устройство.

Сущность этихъ правилъ заключается въ слѣдующемъ: Заниматься ссудами подъ залогъ движимаго имущества дозволяется только лицамъ получившимъ на то разрѣшеніе отъ административной власти. Разрѣшеніе это имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ и дается только тѣмъ изъ просителей относительно которыхъ, по личному убѣжденію лица разрѣшающаго или по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, не встрѣчается къ тому препятствій со стороны нравственной ихъ благонадежности. Содержатель ссудной кассы обязанъ представить залогъ который предназначается для обезпеченія могущихъ пасть на содержателя ссудной кассы по производству его промысла взысканій. Залогъ этотъ долженъ быть немедленно пополненъ въ случаѣ присужденія содержателя кассы къ денежному взысканію за какое-либо упущеніе. Размѣръ роста взимаемаго по ссудамъ предо-

ставляется взаимному соглашенію закладопринимателя и заемщика; но условія эти должны быть изложены письменно въ квитанціи вырѣзываемой изъ шнуровой книги установленной формы, выдаваемой содержателю кассы ежегодно изъ городской управы. Дубликатъ этой квитанціи (ярлыкъ) прикрѣпляется къ закладываемой вещи. При неуплатѣ ссуды въ установленный по соглашенію срокъ, заемщику предоставляется двухмѣсячная льгота, и лишь за тѣмъ взысканіе обращается на закладъ. Но продажа просроченныхъ закладовъ производится не иначе какъ публично чрезъ особыхъ аукціонистовъ, или чрезъ полицію, съ публикаціей за двѣ недѣли до продажи. Закладъ поступаетъ въ собственность содержателя кассы лишь въ томъ случаѣ если цѣна предложенная при продажѣ не покрываетъ всей суммы взысканія. Продажи отмѣчаются въ особой книгѣ, также выдаваемой содержателю кассы по установленному образцу. За правильностью веденія книгъ и вообще за примѣненіемъ правилъ наблюдаетъ особая депутація, состоящая изъ трехъ лицъ избираемыхъ мѣстною думой, и одного лица по назначенію полицейскаго начальства. За всякое нарушеніе указанныхъ правилъ положены денежныя взысканія отъ 50 до 300 рублей; но присвоеніе, растрата или отдача въ пользованіе заложенныхъ предметовъ разсматриваются какъ присвоеніе и растрата чужаго движимаго имущества и влекутъ за собою болѣе строгія уголовныя взысканія.

Правила эти несомнѣнно принесутъ свою долю пользы уже потому что ими значительно упрощенъ тотъ устарѣлый, какъ и бо́льшая часть нашихъ гражданскихъ законовъ, порядокъ займа съ реальнымъ обезпеченіемъ движимымъ имуществомъ, который содержится въ первой части десятаго тома Свода Законовъ. Сверхъ того, давно пора было подвергнуть строгому контролю и регламентаціи тѣ вертепы ростовщичества которые развелись за послѣдніе годы въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, подъ наименованіемъ *частныхъ ссудныхъ кассъ*. Но было бы весьма ошибочно думать что указанными правилами положенъ предѣлъ ростовщичеству вообще и особливо тому наиболѣе презрѣнному и пагубному виду онаго который гнѣздится въ темныхъ углахъ, среди бѣднѣйшихъ классовъ, безъ вывѣсокъ, и орудуетъ безо всякихъ письменныхъ сдѣлокъ уже потому что народъ къ нему прибѣгающій безграмотенъ.

Новый законъ предусматриваетъ лишь „открытіе ссудной кассы безъ надлежащаго разрѣшенія,“ за что́ полагаетъ денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей съ закрытіемъ самой кассы. Но настоящій ростовщикъ и не подумаетъ заводить такого рода кассу; ему вывѣска совсѣмъ не нужна, ибо этимъ онъ такъ или иначе привлекаетъ на себя контроль власти. Темный и безграмотный людъ къ нему прибѣгающій знаетъ дорогу къ нему и безъ вывѣски и привлекается незамѣтными для глазъ нитями, какими подобный паукъ умѣетъ осѣтить свой мрачный закоулокъ. Противъ этого рода ростовщиковъ нашъ законъ пока совершенно безсиленъ, ибо кара существовавшая за взиманіе лихвенныхъ процентовъ, по ст. 1.707 Улож. о Нак., должна считаться отмѣненною съ изданіемъ закона объ отмѣнѣ узаконеннаго роста, отъ 28 марта сего года. Ростовщикъ не имѣющій обстановки кассы ссудъ можетъ продолжать теперь свое ремесло съ большею смѣлостью нежели прежде, ибо легальнаго повода къ привлеченію его къ отвѣтственности теперь нѣтъ никакого, и новыя правила о кассахъ ссудъ въ сущности не содержатъ абсолютнаго запрещенія давать ссуды подъ залогъ движимости помимо этихъ кассъ, такъ что и въ гражданскомъ (не-уголовномъ) порядкѣ суда едва ли есть возможность оспаривать дѣйствительность сдѣлокъ этого рода.

Этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ законѣ не остался не замѣченнымъ. Въ Высочайше утвержденномъ 28 марта сего года мнѣніи Государственнаго Совѣта объ отмѣнѣ узаконеннаго роста постановлено слѣдующее: предоставить министру юстиціи, по сношеніи съ главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ правилъ о мѣрахъ взысканія за такія злоупотребленія заимодавцевъ которыя, съ отмѣною отвѣтственности за взятіе болѣе шести процентовъ въ годъ, должны быть почитаемы дѣйствіями ростовщическими.

Нужно надѣяться что эти правила не заставятъ себя долго ждать, и лишь тогда ремесло вольнопрактикующихъ ростовщиковъ станетъ неудобнымъ и правила о ссуд-

ныхъ кассахъ получатъ свое значеніе и станутъ дѣйствительнымъ средствомъ къ огражденію нуждающихся въ мелкомъ кредитѣ отъ эксплуатаціи недобросовѣстныхъ людей.

№ 278.

Москва, 31-го октября.

Рѣчь британскаго премьера на годичномъ банкетѣ при вступленіи въ должность новаго лорда-мера города Лондона, содержаніе коей намъ вчера передалъ телеграфъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о начавшей склоняться къ упадку популярности его кабинета, которая была вся основана на показѣ и хвастовствѣ. Герцогъ Аргайль, прошедшимъ годомъ, въ одной изъ своихъ пылкихъ филиппикъ противъ министровъ, воскликнулъ: „васъ, господа, наконецъ, раскусили“ (*you are at last found out*). Фраза эта какъ нельзя лучше выражаетъ нынѣшнее положеніе торійскаго кабинета. Онъ сумѣлъ было привлечь къ себѣ сочувствіе націи политикой, отъ которой ожидались не бывало блестящіе результаты. Но эта политика только вовлекла страну во множество затрудненій, коимъ и конца не предвидится: такое мнѣніе распространяется въ массахъ, и это не могло ускользнуть отъ вниманія бойца столь опытнаго въ борьбѣ партій какъ лордъ Беконсфильдъ, — и вотъ мы видимъ что въ минуту когда, послѣ торгово-промышленнаго кризиса пережитаго Англіей, едва начали показываться признаки лучшаго времени, онъ заботится о томъ какъ бы не встревожить чуткіе промышленные классы, и успокоиваетъ ихъ въ сохраненіи мира. Въ этомъ состоитъ вся его рѣчь если выбросить изъ нея хламъ пустозвонныхъ фразъ какими онъ старается привести успокоительныя увѣренія въ согласіе со своею прежнею, имперскою политикой. Онъ все еще трубитъ что только могущество и вліяніе Англіи могутъ обезпечивать миръ. Ораторъ самъ знаетъ что въ этой истинѣ ему не убѣдить никого на материкѣ, гдѣ политики для своихъ цѣлей и интересовъ вовсе не разчитываютъ на величіе Англіи, а просто принимаютъ свои мѣры. Газета *Times* также очень хорошо понимаетъ это, замѣчая что успокоительныя увѣренія британскаго премьера были бы гораздо удовлетворительнѣе если бы сохраненіе европейскаго мира зависѣло не отъ Англіи. Характеристично сознаніе лорда Беконсфильда, хотя и прикрытое витіеватыми фразами, что для Англіи самой крайне важно сохраненіе мира.

Какой рѣзкій контрастъ представляетъ эта рѣчь съ недавнею маркиза Солсбери! Та вся была проникнута воинственнымъ азартомъ, при неукротимой враждѣ противъ Россіи. Въ этой враждебности полагалъ онъ весь смыслъ англійской политики, и хотя имъ не было сказано ничего новаго въ этомъ отношеніи, но многихъ крайне удивила необычная рѣзкость выраженій, не дозволительная министру иностранныхъ дѣлъ даже въ видахъ избирательнаго маневра. Прошло не болѣе трехъ недѣль, и вотъ слово самого главы кабинета зазвучало тихимъ елейнымъ тономъ... Нельзя объяснить это тѣмъ что лордъ Солсбери произносилъ избирательный манифестъ въ Ланкаширѣ, который для торіевъ очень важно удержать за собою на будущихъ выборахъ, а самъ премьеръ держалъ рѣчь на обычномъ банкетѣ лондонской торговой корпораціи. На такомъ же банкетѣ, еще въ прошломъ году, лордъ Беконсфильдъ гремѣлъ какъ Тиртей.

Бо́льшая часть англійскихъ газетъ выражаютъ нѣкоторое разочарованіе по поводу рѣчи лорда Беконсфильда. Всѣ вѣроятно ожидали услышать отъ него какой-нибудь намекъ на недавнюю демонстрацію Англіи противъ Порты, надѣлавшую столько шума. Но объ этомъ казусѣ и вообще о Портѣ, также какъ о Россіи, британскій сфинксъ ни слова. Умолчаніе бросается въ глаза. У многихъ было впечатлѣніе что вся эта исторія именно была затѣяна въ виду ноябрьскаго банкета, на которомъ долженъ былъ говорить премьеръ. Въ самомъ дѣлѣ, Англія вдругъ энергически потребовала отъ Порты реформъ, угрожая экзекуціей. Порта поспѣшила чрезъ своего посла въ Лондонѣ обѣщать все угодное Англіи: какой случай похвастаться на банкетѣ въ Гильдъ галлѣ; но обо всемъ этомъ не было ни слова...

Исторія эта дѣйствительно начинаетъ принимать нѣсколько комическій оборотъ, и толкованія англійскихъ газетъ не смягчаютъ, а развѣ усиливаютъ смѣшную сторону дѣла. Теперь, говорятъ онѣ, Порта знаетъ что Англія не намѣрена шутить,

и это ее образумитъ. Какимъ же образомъ? Предполагалось ли что демонстрація заставитъ султана перемѣнить министровъ непріятныхъ англійскому послу? Но недавно назначенные турецкіе министры преспокойно остаются на своихъ мѣстахъ, и англійскія газеты находятъ даже что это и лучше, что реформы вѣрнѣе могутъ быть исполнены людьми пользующимися довѣріемъ султана чѣмъ при помощи лицъ ему подозрительныхъ. Обѣщаній всегда готовы были вволю давать всѣ турецкіе министры, и неужели чтобъ исторгнуть еще одно новое обѣщаніе потребовалось пригрозить Портѣ флотомъ?

Теперь въ англійской печати объясняютъ что всѣ извѣстія изъ Константинополя о дѣйствіи Англіи были крайне преувеличены, и что въ представленіяхъ ея, какъ ни были они настоятельны, не было ничего похожаго на ультиматумъ, не говоря уже объ угрозѣ низложенія султана. Печать даже радуется что оказалось возможнымъ не двигать флота изъ Мальты. „Флоты, это неудобныя и опасныя орудія дипломатіи“, замѣчаетъ *Times*, „и въ данномъ случаѣ употребленіе подобнаго способа могло бы вызвать нѣкоторые сложные и щекотливые вопросы.“ Совершенно вѣрно, но объ этомъ слѣдовало подумать заранѣе и не браться за опасное орудіе безъ крайней необходимости.

Такъ и остается загадкой изъ-за чего загорѣлся сыръ-боръ, а равно и то почему все такъ скоро опять улеглось. Положительныхъ свѣдѣній о требованіяхъ Англіи до сихъ поръ нѣтъ. Было одно только положительное извѣстіе что сэръ-Генри Лейрдъ требовалъ отъ султана, въ доказательство искренности его благихъ намѣреній, назначить Бекеръ-пашу, то-есть извѣстнаго бывшаго англійскаго полковника Валентина Бекера, состоящаго теперь безъ дѣла, на постъ губернатора въ Эрзерумѣ, на что Порта однако возразила что такое назначеніе неудобно, а обѣщала назначить Бекера начальникомъ жандармеріи въ Арменіи. Повидимому, и Порта съ трудомъ вѣритъ чтобъ Англійское правительство могло рекомендовать ей на высшій отвѣтственный постъ въ Малой Азіи человѣка который былъ исключенъ изъ англійской службы за гадкій безнравственный поступокъ. Еще менѣе правдоподобно чтобы только это требованіе хотѣли подкрѣпить посылкой флота.

Впрочемъ, каковы бы ни были недавнія намѣренія Англіи, любопытнѣе было бы узнать, что было причиной столь быстрой перемѣны фронта. Не вѣрнѣе ли объясняется она извѣстіемъ о намѣреніи Порты обратиться по этому поводу съ циркулярною нотой къ державамъ? Вѣнскій корреспондентъ *Times* что-то слишкомъ настойчиво убѣждаетъ что это не могло бы послужить къ выгодѣ Порты, такъ какъ между державами не можетъ быть разногласія о главномъ пунктѣ, то-есть о томъ что нынѣшняя турецкая администрація требуетъ радикальныхъ реформъ, „хотя бы мнѣнія державъ и могли разойтись относительно различныхъ условій предложенныхъ Британскимъ правительствомъ для реформы этой администраціи.“

Но вѣдь въ этихъ-то условіяхъ и заключается вся сущность дѣла...

№ 279.

Москва, 1-го ноября.

Открытая 18-го и закончившаяся 27 октября очередная сессія Московскаго уѣзднаго земскаго собранія выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. На обсужденіе гласныхъ въ эту сессію былъ предложенъ серіозный вопросъ, на который въ послѣднее время обращалось не мало вниманія многими другими уѣздными и губернскими земствами, и по которому уже успѣла образоваться чуть не цѣлая литература, — вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли. Московское уѣздное земское собраніе усердно занялось этимъ вопросомъ и посвятило ему почти все время опредѣленное закономъ для его обычныхъ засѣданій, такъ что для обсужденія цѣлаго ряда докладовъ по многимъ подвѣдомымъ земству предметамъ не достало времени, почему предположено испросить разрѣшенія на созывъ экстреннаго собранія въ послѣднихъ числахъ ноября.

Читатели, полагаемъ, не безъ интереса слѣдили за преніями по упомянутому вопросу, отодвинувшему на задній планъ всѣ прочіе. Эти пренія велись, можетъ-быть, съ излишнею горячностію, сопровождаясь даже отчасти комическими эпизодами, въ родѣ временнаго выхода части гласныхъ изъ залы собранія. Но едва ли, однако, было бы справедливо возлагать на глас-

ныхъ всю вину въ указанномъ и подобныхъ ему признакахъ недостатка самообладанія и спокойствія при обсужденіи важнаго вопроса. Нѣкоторую излишнюю горячность почти неизбѣжно вызывала самая постановка вопроса, его слишкомъ широкая, „книжная" мотивировка, подсказанная, какъ надо полагать, нашею „литературой." Эти нездоровыя литературныя вѣянія вредно тяготѣютъ у насъ на ходѣ дѣлъ не въ одномъ только земствѣ, и благодаря этимъ вѣяніямъ, мы давно уже привыкли къ тому что наши такъ-называемые „земскіе дѣятели"

Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Взятое просто, дѣло вовсе не подавало даже и повода къ тѣмъ преніямъ которыя изо дня въ день отвлекали земство отъ мысли о прочихъ его занятіяхъ. Для московскаго земства дѣло стоитъ такъ: съ одной стороны, хозяйство въ крупныхъ имѣніяхъ ведется безуспѣшно или вовсе оставляется; въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ (конечно, съ нѣкоторыми исключеніями) составилось твердое убѣжденіе что земельное хозяйство въ Московскомъ уѣздѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ процвѣтать не можетъ, что занятіе имъ здѣсь безвыгодно или прямо убыточно. На эту тему не мало было говорено и прежде; весьма утвердительно указывалось на это и во время недавнихъ преній въ Московскомъ уѣздномъ собраніи. Очевидно что такихъ владѣльцевъ принадлежащая имъ земля можетъ только тяготить, что они рады были бы сбыть эту землю съ рукъ, лишь бы нашелся покупщикъ которому можно было бы продать ее не за безцѣнокъ. Съ другой стороны, въ той же самой мѣстности, имѣются налицо люди которые очень дорожатъ этою самою, пренебрегаемою крупными владѣльцами, землей, берутъ ее внаймы и во многихъ случаяхъ весьма рады были бы пріобрѣсти ее въ собственность еслибы нашлись на то средства; это подмосковные крестьяне, и послѣ заявленій сдѣланныхъ ими въ Московскомъ уѣздномъ собраніи, едва ли можетъ еще возникать сомнѣніе относительно желанія ихъ расширить свое землевладѣніе. Такимъ образомъ имѣются въ виду и продавцы, и покупщики земель. Но для того чтобы между тѣми и другими, къ *обоюдной ихъ выгодѣ*, могли состояться сдѣлки по продажѣ и куплѣ земель не достаетъ посредничества кредита. „Владѣльцы," какъ замѣтилъ въ земскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ крестьянъ, „совершенно извѣрились въ крестьянахъ, они не хотятъ сдавать своихъ земель крестьянамъ даже въ аренду, потому что крестьяне не аккуратные плательщики; но этого не было бы еслибы крестьяне могли гдѣ-нибудь выгодно занять денегъ для уплаты владѣльцамъ за землю всей суммы сразу. Тогда владѣльцы отнеслись бы къ крестьянамъ иначе." Не будетъ ли, при такихъ обстоятельствахъ, полезнымъ дѣломъ создать кредитное учрежденіе которое ссужало бы крестьянамъ деньги подъ залогъ земель покупаемыхъ ими у сосѣднихъ владѣльцевъ? Не будетъ ли такое учрежденіе *равно благодѣтельно* какъ для тѣхъ крестьянъ которымъ оно поможетъ пріобрѣсти нужную имъ землю, такъ и для тѣхъ землевладѣльцевъ которымъ оно поможетъ съ выгодой продать землю не дававшую въ ихъ рукахъ надлежащаго дохода?

Такова практическая суть дѣла, поскольку оно въ данномъ случаѣ прямо касалось Московскаго земства. И если-бы вопросъ былъ поставленъ въ этихъ, ограниченныхъ обозначившеюся потребностью, тѣсныхъ рамкахъ, трудно предполагать чтобы пренія о немъ зашли такъ далеко какъ это случилось на дѣлѣ; по всей вѣроятности, они весьма мало бы удалились по сущности отъ тѣхъ какія обычно бываютъ въ городскихъ думахъ, когда тамъ идетъ рѣчь объ учрежденіи городскаго общественнаго банка и объ отдѣленіи въ основной его капиталъ части городскаго общественнаго капитала. Но вопросъ былъ поставленъ иначе. Имѣлось въ виду обсужденіе не простаго мѣстнаго земскаго дѣла, а великой общей, многосложной, государственной задачи. Рѣчь шла не о простомъ посредничествѣ кредита между владѣльцами желающими продавать землю, съ одной стороны, и крестьянами желающими купить эту землю, съ другой. Рѣчь шла объ общемъ обѣдненіи крестьянъ, объ общемъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства и объ его причинахъ. Основаніе кредитнаго учрежденія для содѣйствія крестьянамъ къ пріобрѣтенію поземельной собственности предлагалось не какъ нѣчто нормальное, не въ видахъ обоюдной пользы продавцовъ и покупщиковъ земли, а какъ чрезвычайная мѣра политически-соціальнаго свойства, требуемая

исключительно въ видахъ общаго улучшенія быта крестьянъ. Неудивительно что при такой постановкѣ вопроса, въ возбужденныхъ имъ преніяхъ не замедлило выдвинуться на передній планъ чуть не все что̀ имѣетъ какое-либо вліяніе на крестьянскій бытъ, напуская почти непроглядный туманъ на простой вопросъ о задуманномъ кредитномъ учрежденіи. Велись рѣчи и о недостаточности крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, и о тягости лежащихъ на крестьянской землѣ податей, и объ относительныхъ выгодахъ и невыгодахъ общиннаго и частнаго землевладѣнія, и о переселеніи крестьянъ въ многоземельныя мѣстности, и о степени замкнутости крестьянской общины, и о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, и о падежахъ скота, и о путяхъ сообщенія, и о кустарной промышленности, и объ отхожихъ промыслахъ, и о кабацкомъ пьянствѣ, и о народномъ образованіи, и о многомъ, многомъ, что̀ дѣлало пренія весьма интересными для сторонняго слушателя, но мало подвигало и скорѣе тормозило подлежавшее рѣшенію практическое дѣло.

Указанною непомѣрно раздутою постановкой вопроса объясняется отчасти и то что нѣкоторые гласные съ самаго начала преній стали въ рѣшительную оппозицію учрежденію банка для содѣйствія крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель: главнымъ мотивомъ такой оппозиціи было именно то соображеніе что однимъ учрежденіемъ такого банка было бы сдѣлано далеко не все, а пожалуй даже очень мало, для желаемаго *общаго* подъема крестьянскаго благосостоянія... Между тѣмъ, если не общей для всѣхъ, то частной пользы для многихъ отъ подобнаго банка (хотя не на тѣхъ основаніяхъ которыя были предположены управой) никто, въ принципѣ, не отрицалъ. Такъ подтвердилась на дѣлѣ извѣстная истина что le mieux est l'ennemi du bien *). Въ заключеніе преній, вопросъ, правда, былъ рѣшенъ въ принципѣ, постановленіемъ ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ учрежденіи при губернской управѣ банка съ указанною цѣлію,—но рѣшенъ при отсутствіи нѣсколькихъ гласныхъ, не пожелавшихъ принять участіе въ голосованіи.

Итакъ возбужденный Московскимъ уѣзднымъ земствомъ вопросъ поступаетъ на обсужденіе губернскаго земства не разработаннымъ въ тѣхъ деталяхъ, въ сужденіи о коихъ уѣздные земскіе представители, какъ ближе стоящіе къ землѣ, вообще много компетентнѣе губернскихъ гласныхъ, уже по самому своему положенію болѣе отвлеченно относящихся къ дѣлу. Нельзя не пожелать, въ интересахъ дѣла, чтобъ обсужденіе его въ новой инстанціи обошлось безъ вышеуказанныхъ уклоненій отъ предмета. Все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Такъ и многіе изъ вопросовъ затронутыхъ въ послѣднюю сессію Московскаго уѣзднаго земскаго собранія требуютъ обсужденія, но обсужденіе ихъ будетъ гораздо плодотворнѣе если разработка каждаго изъ нихъ будетъ идти отдѣльно и самостоятельно; лишь при такомъ условіи, эти вопросы не будутъ тормозить другъ друга, а напротивъ разъясненіе одного будетъ содѣйствовать другому. Иначе, земству можетъ грозить опасность разыграть роль Тентетникова, который также задавался задачей разомъ „обнять Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность: словомъ, все такъ и въ томъ видѣ какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ" А вѣдь Тентетниковъ не даромъ выведенъ Гоголемъ въ качествѣ и съ эпитетомъ „коптителя неба!"

Желательно также чтобы возбужденному вопросу объ „обѣднѣніи крестьянъ" не придавалось такого всеобъемлющаго значенія, которое многимъ, пожалуй, было бы на руку ему придать. Говорить объ общемъ, повсемѣстномъ обѣднѣніи крестьянъ, то-есть почти всего населенія Россіи, значило бы толковать о томъ чего нѣтъ. Развѣ объ общемъ обѣднѣніи населенія свидѣтельствуютъ наши государственные бюджеты? Эти бюджеты удвоились, а народъ тяготится ими едва ли болѣе чѣмъ тяготился когда они были вдвое менѣе. Не свидѣтельствуютъ объ общемъ обѣднѣніи и цифры числящихся за населеніемъ податныхъ недоимокъ: эти недоимки не болѣе, если не менѣе, тѣхъ какія числились за тѣмъ же населеніемъ, напримѣръ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, предъ началомъ Крымской войны, несмотря на то что бюджетъ былъ тогда слишкомъ вдвое меньше нынѣшняго. Не на обѣднѣніе народа

*) Лучшее—врагъ хорошаго.

указываетъ и развитіе промышленности изготовляющей въ огромныхъ массахъ предметы именно крестьянскаго спроса, и измѣненіе характера множества ярмарокъ, перешедшихъ отъ преимущественной торговли панскими къ торговлѣ крестьянскими товарами, и т. д. и т. д., факты „обѣднѣнія крестьянъ“ и „упадка крестьянскаго хозяйства“ остаются, конечно, фактами,—но это факты не общіе, а частные, мѣстные, чѣмъ долженъ опредѣляться и самый объемъ и характеръ мѣръ для ихъ устраненія.

Точно также и причины приведшія по мѣстамъ къ упадку крестьянскаго хозяйства весьма различны, и было бы большою ошибкой подводить ихъ къ одному знаменателю. Въ послѣднемъ Московскомъ уѣздномъ собраніи, по отношенію къ Московскому уѣзду, главною, или по крайней мѣрѣ одною изъ главныхъ причинъ такого упадка выставлялся недостаточный размѣръ земель находящихся во владѣніи крестьянъ. Было представлено не мало примѣровъ подтверждающихъ это самымъ несомнѣннымъ образомъ. И однако не представляется возможнымъ обобщить указанную причину и распространить вполнѣ ея значеніе и на одинъ Московскій уѣздъ. Даже въ тѣсныхъ предѣлахъ одного этого уѣзда оказывается поразительное разнообразіе экономическихъ условій, оказываются мѣстности съ плохимъ крестьянскимъ хозяйствомъ при достаточномъ количествѣ земли, и съ хорошимъ положеніемъ хозяйства при малоземельѣ. Тѣмъ бо́льшая осторожность и осмотрительность требуются, конечно при опредѣленіи причинъ обѣднѣнія въ болѣе обширныхъ районахъ, представляющихъ еще большее разнообразіе условій быта. Объ этомъ, конечно, было бы излишне напоминать, еслибъ у насъ не были въ такомъ ходу апріорическіе кабинетные выводы и сужденія, вліяніе которыхъ, при податливости съ какою они усвоиваются, можетъ вредно отозваться на практическихъ мѣрахъ.

№ 280.

Москва, 2 ноября.

„Палата депутатовъ“, говоритъ *Сѣверо-Американская Газета*, „окончила общія „пренія о бюджетѣ. Увертюра предстоящей „парламентской драмы, намѣтившая всѣ „ея главные мотивы, сыграна.“ Опредѣлилось до нѣкоторой степени взаимное положеніе партій и ихъ отношеніе къ правительству по важнѣйшему предмету занятій настоящей сессіи, желѣзнодорожному закону. Въ преніяхъ принимали участіе и прогресситы, и націоналъ-либералы, и консервативы съ клерикальномъ центромъ. „Партія,“ прибавляетъ органъ германскаго канцлера, „партія наиболѣе слабая, наиболѣе пострадавшая на выборахъ оказывается, и самою задорною.“

Рѣчь идетъ о погрессистахъ какъ единственной партіи рѣшительно высказавшейся, хотя и мимоходомъ, при обзорѣ бюджета, противъ всей политики правительства и главнымъ образомъ противъ выкупа въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Всѣ остальныя партіи отнеслись къ желѣзнодорожному закону иначе. „Можно при-„знать за прочно установившійся фактъ,“ замѣчаетъ одинъ изъ органовъ національно-либеральной партіи, „что сущест-„венныя возраженія противъ желѣзнодо-„рожнаго законопроекта послѣдуютъ лишь „со стороны незначительнаго меньшинства „палаты, такъ какъ консервативы въ полномъ „составѣ, большинство націоналъ-либера-„ловъ и часть партіи центра *въ принципѣ* „не противъ законопроекта,“ но только въ принципѣ, такъ какъ „даже сторонники его“ не могутъ де не признать что законопроектъ этотъ возбуждаетъ не мало возраженій и опасеній.

Всѣ возраженія противъ законопроекта въ общихъ чертахъ сводятся однако къ весьма немногимъ пунктахъ. Посредствомъ желѣзнодорожнаго тарифа „министръ, говорятъ націоналъ либералы, можетъ почти неограниченно хозяйничать не только въ дѣлахъ торговой политики, но и чисто финансовой, по крайней мѣрѣ доколѣ не будетъ изданъ общеимперскій желѣзнодорожный тарифъ, да и тотъ едвали въ состояніи предотвратить всѣ возможныя злоупотребленія.“ Не менѣе важныя опасенія возбуждаетъ „чрезмѣрная централи-

зація управленія" дорогами, результатомъ коей можетъ быть недостатокъ вниманія къ интересамъ той или другой провинціи. „Наибольшія сомнѣнія вызываетъ финансовая сторона пріобрѣтенія государствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ," въ виду бюджетныхъ затрудненій и биржевой спекуляціи, уже теперь играющей на повышеніе акцій всѣхъ линій кои намѣрено пріобрѣсти правительство. „Поэтому," замѣчаетъ *Націоналъ-либеральная Корреспонденція*, „необходимо весьма тщательно „взвѣсить, насколько заключаемыя съ же„лѣзнодорожными обществами условія со„отвѣтствуютъ финансовымъ интересамъ „государства."

На этотъ именно пунктъ были направлены всѣ стрѣлы пущенныя въ желѣзнодорожный законопроектъ при обсужденіи бюджета, но умыселъ другой тутъ былъ:" подъ видомъ возраженій противъ желѣзнодорожнаго проекта, какъ замѣчаетъ *Магдебуріская Газета*, скрывается опасеніе „чрезмѣрнаго подъема политической силы правительства."

Для либеральныхъ партій это замѣчаніе совершено вѣрно. Именно изъ этого основнаго мотива развиваются всѣ высказываемыя ими желанія и требуемыя поправки къ законопроекту. Для устраненія „злоупотребленій тарифомъ" и „централизаціи," онѣ требуютъ „предоставить ландтагу большее „вліяніе при установленіи нормы тарифа," организовать „особый желѣзнодорожный совѣтъ," предоставивъ провинціальнымъ властямъ и учрежденіямъ нѣкоторыя права относительно желѣзныхъ дорогъ и возложивъ на ихъ сопряженную съ тѣмъ отвѣтственность. Финансовую сторону дѣла оппозиціонныя партіи желали бы подвергнуть постоянной опекѣ, такъ чтобы палатѣ былъ представленъ планъ погашенія желѣзнодорожнаго долга и чтобы только часть доходовъ желѣзныхъ дорогъ была употребляема на текущія нужды государства, вся же остальная сумма шла на погашеніе долга.

Притязанія эти повидимому не встрѣтятъ полнаго отказа со стороны правительства, такъ какъ министръ путей сообщенія, Майбахъ имѣлъ случай заявить въ Союзномъ Совѣтѣ что онъ „не „претендуетъ на исключительное право „устанавливать тарифъ, а напротивъ готовъ допустить участіе палатъ въ этомъ дѣлѣ."

Но правительственный взглядъ на финансовую операцію, на доходность желѣзныхъ дорогъ и значеніе правительственныхъ дорогъ рѣзко расходится въ взглядами оппозиціи. Противники законопроекта указываютъ что биржевая спекуляція и малодоходность казенныхъ дорогъ представятъ при настоящихъ финансовыхъ затрудненіяхъ государства почти не оборимыя трудности при осуществленіи законопроекта. „Акціи дорогъ кои правительство намѣрено „пріобрѣсти," говорилъ въ палатѣ депута"товъ Рихтеръ, поднялись на биржѣ небывалымъ образомъ, "въ виду выгоднаго обмѣна на правительственныя бумаги, съ выпускомъ „коихъ государственный долгъ возрастетъ „до $3\frac{1}{2}$ милліардовъ марокъ;" что де отзовется неблагопріятно на цѣнѣ государственнаго кредита и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ и тѣмъ чувствительнѣе что уже теперь государственныя дороги даютъ только 3,6 процента дохода, тогда какъ проценты кои приходится платить съ затраченнаго на нихъ капитала достигаютъ 4,4. Въ этихъ видахъ, замѣтилъ г. Рихтеръ, уже въ прошлую сессію бюджетная коммиссія предлагала пріостановиться покупкой желѣзныхъ дорогъ, и предложеніе ея отвергнуто только 179 голосами противъ 175.

Правительство, отвѣчалъ на эти доводы министръ путей сообщенія, г. Майбахъ, правда, скорбитъ о существованіи спекуляціи, но полагаетъ что „она не можетъ „повредить государству. Акціонерамъ пріятно обмѣнять во всякомъ случаѣ не вполнѣ вѣрныя бумаги на государственыя."

Относителено доходности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ министръ замѣтилъ что она далеко выше, что онѣ въ дѣйствительности даютъ почти восемь процентовъ на затраченный капиталъ, и что мнѣніе о незначительности ихъ дохода основано на ошибочномъ пріемѣ исчисленія. Впрочемъ, доходность дорогъ въ глазахъ правительства есть дѣло второстепенное. „Мы не спрашиваемъ," сказалъ г. Майбахъ, „доходны ли шоссе, каналы, выгодо ли „въ финансовомъ отношеніи регулированіе „фарватеровъ, даютъ ли доходъ крѣпости. „Мы признаемъ ихъ необходимыми для „государства." Между правительствомъ и тѣми кто хлопочетъ о доходности желѣзныхъ дорогъ непримиримое разногласіе. „Они смотрятъ на дорогу какъ на промыш„ленное заведеніе, какъ на сигарную фа-

„брику,“ правительство же видитъ въ нихъ средство „для развитія производительныхъ „силъ страны, учрежденіе важное для во„енной обороны государства.“ „Мысль о „преимуществахъ частныхъ дорогъ“, добавилъ г. Майбахъ, англійскаго издѣлія „и для Пруссіи не пригодна.“

Согласятся или не согласятся съ этими доводами противники законопроекта, успѣхъ его обезпеченъ, тѣмъ болѣе что въ рукахъ правительства остается сильное средство составить необходимое большинство голосовъ. Клерикальная партія предлагаетъ свои услуги, конечно, за приличное вознагражденіе. Органы ея партіи тщетно отстраняются отъ всякихъ сужденій какъ въ пользу, такъ и противъ законопроекта, но уже одно это выжидательное положеніе принятое центромъ заставляетъ либеральныя партіи быть сговорчивѣе.

№ 281.

Москва, 3-го ноября.

А.

Заявленія европейской, и въ особенности германской, печати показали какъ поспѣшно было заключеніе маркиза Солсбери провозгласившаго сближеніе между Германіей и Австріей „благою вѣстью“ для англійскихъ замысловъ. При первыхъ слухахъ о демонстраціи англійскаго флота противъ Константинополя, германская печать поспѣшила объяснить что британскіе министры жестоко заблуждаются если думаютъ что „прочія державы“ останутся безучастными зрителями какого бы то ни было *coup de main* со стороны Англіи на берегахъ Босфора. А затѣмъ берлинскія газеты пошли еще далѣе и стали доказывать что и въ Малой Азіи, и Сиріи не можетъ быть предоставлена Англіи свобода распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбой этихъ странъ.

Вообще берлинская печать въ послѣднее время совсѣмъ измѣнила свои взгляды на Востокъ и отношенія къ нему Германіи. Недалеко то время, такъ доказывала на дняхъ берлинская *Національная Газета*, когда переднія страны Азіи понадобятся Европѣ для выведенія туда избытка своего населенія и для разработки ихъ естественныхъ богатствъ на пользу всего цивилизованнаго міра. Весьма де ошибочно мнѣніе будто Англичане наиболѣе пригодны для этой культурной миссіи. Англичане очень падки на крупныя содержанія выпадающія на долю многихъ изъ нихъ являющихся просвѣтителями варварскихъ странъ. Но дѣйствительную работу за этихъ англійскихъ „цивилизаторовъ“ совершаютъ де и теперь толпы привлекаемыхъ Англичанами нѣмецкихъ тружениковъ. Въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать соединенія Эгейскаго моря посредствомъ желѣзныхъ дорогъ съ бассейномъ Дуная, въ свою очередь связаннаго съ остальною Европой, и тогда установится прямой путь „отъ Гамбурга чрезъ Салоники съ долиной Евфрата.“ Вотъ почему Германія де считаетъ близко ея касающимся все то что̀ нынѣ совершается въ области политики по отношенію къ передней Азіи, ибо теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, завязываются узлы предстоящихъ въ недалекомъ будущемъ рѣшительныхъ перемѣнъ въ судьбѣ всѣхъ владѣній видимо разлагающейся Оттоманской имперіи.

Одновременно съ этимъ берлинская печать отмѣчаетъ всѣ слухи клонящіеся къ тому чтобъ иначе освѣтить значеніе австро-германскаго единенія, къ коему будто бы готовится приступить и Россія. Лицемѣрность этихъ слуховъ отчасти изобличается недавними объясненіями венгерскаго министра-президента г. Тисы предъ Венгерскою палатой представителей по поводу законопроекта о будущемъ устройствѣ „благопріобрѣтенной“ Австріей Босніи. Мадьярскій министръ, оправдываясь въ упрекахъ оппозиціи обвинявшихъ правительство за согласіе съ „русской политикой,“ призналея что оккупація повела къ охлажденію отношеній между Австріей и Россіей, прибавивъ къ этому что „слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предпочесть Боснію подъ владычествомъ Австро-Венгріи чѣмъ еслибы тамъ господствовала номинально Турція, въ дѣйствительности же Россія или панславизмъ.“

Не куріозно ли, въ виду подобныхъ откровенностей со стороны одного изъ оффиціальныхъ представителей Австро-Венгергерскаго правительства, что признакомъ готовности Россіи подчиниться политическому положенію созданному чрезъ австро-

венгерскую комбинацію выдаются заявленія *Agence Générale Russe*, усердно передаваемыя въ послѣдніе дни по телеграфу въ берлинскія газеты, заявленія въ коихъ французскій листокъ издаваемый въ Петербургѣ старается доказать что сведенный къ настоящимъ своимъ размѣрамъ австро-германскій союзъ оказывается ни чѣмъ инымъ какъ открытою для всѣхъ желающихъ честнаго исполненія Берлинскаго трактата мирною почвой, и что въ немъ нѣтъ ничего тревожнаго для всѣхъ державъ искренно желающихъ мира. Берлинскія газеты относятся съ ироніей къ этимъ заявленіямъ почитаемаго офиціознымъ петербургскаго листка, которыя онѣ находятъ черезчуръ усердными, и пользуются ими лишь для того чтобы вновь воздать хвалу проницательности князя Бисмарка...

Видимымъ признакомъ вновь установившихся дружественныхъ отношеній между обѣими державами берлинскія газеты считаютъ неоднократныя посѣщенія Берлинскаго двора членами Россійскаго Императорскаго Дома въ послѣднія недѣли. На этой недѣлѣ ожидаютъ прибытія въ Берлинъ Государя Наслѣдника Цесаревича съ Его Августѣйшею Супругой, на обратномъ пути въ Петербургъ. До пріѣзда въ Берлинъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, по словамъ тѣхъ же газетъ, предполагалъ остановиться на три дня въ Вѣнѣ, куда къ этому времени имѣлъ прибыть изъ замка Гёдёллё императоръ Австрійскій. Въ Берлинѣ Августѣйшіе путешественники пробудутъ, какъ слышно, два дня.

Довольно странно однако что нѣкоторыя берлинскія газеты сочли нужнымъ, по поводу этихъ и другихъ предстоящихъ еще, по ихъ словамъ, въ ближайшемъ будущемъ свиданій, напомнить что, по мнѣнію Прусскаго короля Фридриха Великаго и его современника австрійскаго министра Кауница, „личныя встрѣчи между монархами не желательны.“ Quant à l'entrevue, писалъ Фридрихъ II по поводу предложеннаго ему свиданія съ королемъ Георгомъ II, c'est presque toujours l'écueil d'amitié entre des grands princes

Б.

По поводу нашей статьи о штурмѣ Денгиль-Тепе мы получили нѣсколько замѣтокъ и съ удовольствіемъ даемъ мѣсто одной изъ нихъ, принадлежащей перу опытнаго боеваго „Кавказца,“ возбуждающаго вопросъ о мѣрахъ кои слѣдуетъ принять въ будущемъ для обезпеченія успѣха новой экспедиціи, а равно и теперь для поддержанія нашего авторитета въ степи.

Мы замѣтили что „вынужденное обсто„тельствами возвращеніе въ Чекишляръ „нашихъ войскъ Текинцы припишутъ на„шей слабости и своей доблести, вслѣд„ствіе чего ихъ самонадѣянность и дер„зость усугубятся.“

Событія подтвердили это предположеніе: Текинцы уже начали дерзкіе набѣги въ наши владѣнія.

Такой образъ дѣйствій совершенно въ духѣ этого народа: при возвращеніи отъ границъ Ахалъ-Теке нашихъ рекогносцировочныхъ партій, Текинцы всегда значительными скопищами дѣлали на нихъ нападенія, пытались отбить верблюдовъ, а иногда доходили и до такой дерзости что рѣшались напасть на Чекишляръ и прилежащій къ нему аулъ Гасанъ-Кули.

Текинцы всегда были высокаго мнѣнія о своей доблести и непобѣдимости. „Текинскіе Туркмены,“ писалъ одинъ ханъ къ генералу Ломакину въ 1874 году, „по„добны степнымъ птицамъ, для которыхъ „постелью служитъ песокъ; искусству ло„вить ихъ я не смѣю учить васъ...“

Въ виду этого нельзя не признать справедливыми опасеній почтеннаго Кавказца что „неудача Ахалъ-Текинскаго отряда „дурно повліяетъ на народы восточной „части Каспійскаго моря,“ а можетъ-„быть „отразится и въ Туркестанскомъ „краѣ,“ конечно если не будутъ приняты внушительныя мѣры для поддержанія нашего авторитета.

Одною изъ такихъ мѣръ повидимому признано усиленіе Ахалъ-Текинскаго отряда и зимовка его въ Чекишлярѣ въ кибиткахъ. Присутствіе въ Чекишлярѣ значительной военной силы, конечно, необходимо для поддержанія порядка въ степи и для наказанія Текинцевъ за дерзкіе набѣги, но для этого нѣтъ надобности держать тамъ весь отрядъ. Степная зима съ ея вьюгами и отсутствіе корма сами собою положатъ предѣлъ предпріимчивости хищниковъ; зимовка же всего отряда въ кибиткахъ, на берегу, можетъ отозваться неблагопріятно на здоровьѣ войскъ и, какъ думаетъ опытный „Кавказецъ,“ только за-

труднить обезпеченіе успѣха будущей экспедиціи. Авторъ печатаемой замѣтки полагаетъ что „принимая въ соображеніе ограниченность нашихъ морскихъ и сухопутныхъ перевозочныхъ средствъ“ экспедиціонный отрядъ слѣдуетъ формировать не на восточномъ, а на западномъ берегу Каспія, съ тѣмъ чтобы поревести его къ Чекишляру лишь когда тамъ будетъ заготовлено продовольствіе по крайней мѣрѣ на полгода и подготовлено все необходимое для немедленнаго начатія военныхъ дѣйствій, особенно верблюды и кормъ для нихъ.

Все это кажется тѣмъ справедливѣе что настоящій составъ отряда авторъ признаетъ неудовлетворительнымъ. Въ сводномъ отрядѣ, составленномъ изъ мелкихъ частей слишкомъ много „стремительности,“ естественнаго „желанія отличиться,“ но „мало разсудительности,“ столь необходимой въ тяжеломъ степномъ походѣ. Все это тѣ недостатки сводныхъ отрядовъ составленныхъ изъ мелкихъ частей которые давали себя чувствовать въ колоннахъ направленныхъ къ Хивѣ съ запада и порывавшихся придти въ Хивинскій оазисъ раньше главныхъ силъ. Составъ артиллеріи Ахалъ-Текинскаго отряда точно также требуетъ преобразованій. Необходимость брать съ боя крѣпости обнесенныя широкими рвами съ высокими глиняными стѣнами указываетъ, конечно, на необходимость имѣть въ артиллеріи орудія способныя произвести обвалы въ этихъ стѣнахъ, но съ другой стороны превосходство численнаго состава противника, масса кавалеріи коими онъ располагаетъ, даютъ поводъ думать что скорострѣльныя батареи, митральезы, принесли бы экспедиціонному отряду большую пользу, „наводя паническій страхъ на непріятеля,“ выбрасывая въ него по триста, четыреста пуль въ минуту.

Сформированный на этихъ началахъ отрядъ будетъ имѣть всѣ средства одержать полный успѣхъ надъ азіатскими скопищами и преодолѣть всѣ трудности похода въ дикихъ и малонаселенныхъ мѣстахъ, если начальниками его будутъ люди умѣющіе вселить въ подчиненныхъ довѣріе и привязанность къ себѣ. „Недостаточно,“ какъ справедливо замѣчаетъ Кавказецъ, чтобы во главѣ отряда стоялъ опытный начальникъ, каковы покойный генералъ Лазаревъ и вновь назначенный генералъ Тергукасовъ,“ необходимо чтобы „второстепенные начальники были выбраны со всею строгостью.“ Только тогда ничто не будетъ упущено, и вмѣсто риска всюду станетъ строгій разчетъ, при которомъ въ азіятской войнѣ неудачи быть не можетъ.

Самонадѣянный, дерзкій Текинецъ преклонится только предъ неотразимою, сокрушающею силой, не торопясь, шагъ за шагомъ, прочно захватывающею его землю; напротивъ, всякій набѣгъ, какъ бы онъ блестящъ ни былъ, не поведетъ къ прочнымъ результатамъ: это доказываютъ всѣ сношенія наши съ Текинцами въ прежнее время, какъ справедливо замѣтилъ г. Куропаткинъ въ своей статьѣ *Туркменія* и *Туркмены*, напечатанной въ октябрьской книжкѣ *Военнаго Сборника*.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на политическія отношенія наши къ Персіи по Ахалъ-Текинскому вопросу.

Совершенно справедливо что Персидское правительство было бы весьма довольно установленіемъ въ Ахалъ-Теке прочнаго порядка, ограждающаго отъ нападеній и разоренія пограничныя области Персіи, гдѣ теперь, въ виду текинскихъ набѣговъ, „даже пахарь выходитъ на работу не иначе какъ съ ружьемъ, а каждый домъ представляетъ военный блокгаузъ;“ однако это не исключаетъ извѣстной доли политической ревности. Текинцы, въ виду приближенія грозной русской силы, не разъ обращались съ мнимыми изъявленіями покорности къ Персидскому правительству, которое не прочь было принять ихъ въ свое подданство. Текинцы, повидимому, успѣли внушить Персамъ довѣріе къ своимъ изъявленіямъ, такъ что представители ихъ были приняты шахомъ въ Тегеранѣ. Это былъ такой же обманъ какъ и всѣ депутаціи являвшіяся въ Красноводскъ, но обманъ этотъ все-таки имѣлъ успѣхъ въ Тегеранѣ вызвавъ виды не совсѣмъ намъ благопріятные, тѣмъ болѣе что Персы давно имѣютъ претензіи на Мервъ который не болѣе какъ только сто лѣтъ назадъ принадлежалъ имъ и жители котораго, вынуждаемые недостаткомъ земель, арендуютъ у Персидскаго правительства нѣсколько участковъ.

Вотъ почва на которой легко могутъ имѣть успѣхъ враждебныя намъ постороннія вліянія въ Тегеранѣ, поддерживая духъ

противленія въ Текинцахъ и удерживая Персовъ отъ какой бы то ни было помощи нашимъ войскамъ, хотя бы торговымъ путемъ, въ видѣ поставки продовольствія и погонцевъ съ повозками.

№ 283.

Москва, 5-го ноября.

Въ знойный день 28 августа подъ Текинскимъ укрѣпленіемъ Денгиль-тепе наши войска испытали неудачу. Только *два мѣсяца спустя*, въ послѣднихъ числахъ октября въ „офиціальной части" газеты *Кавказъ* и позднѣе въ *Русскомъ Инвалидѣ* появилось нѣчто въ родѣ отчета объ этомъ дѣлѣ.

Говоримъ: нѣчто въ родѣ отчета, потому что въ статьяхъ нѣтъ ни требуемой дѣломъ обстоятельности, ни полноты, но за то есть очевидные пропуски и умолчанія именно по тѣмъ пунктамъ кои требуютъ разъясненія. Однако статьи о которыхъ идетъ рѣчь составлялись прямо по рапорту генерала Ломакина. Надо удивляться что этому извлеченію отдано предпочтеніе предъ подлиннымъ документомъ, будемъ думать, съ большею полнотой и отчетливостью раскрывающимъ истину.

Какъ бы то ни было, извѣстія сообщаемыя названными статьями, и мѣстами дословно сходныя, слѣдуетъ признать за достовѣрныя. Воспользуемся ими для повѣрки газетныхъ корреспонденцій; этотъ разъ весьма подробныхъ и совершенно согласныхъ между собою.

По газетнымъ извѣстіямъ отрядъ вступившій въ Текинскій оазисъ состоялъ изъ шести баталіоновъ, весьма слабаго состава; въ штурмѣ же Денгиль-тепе участвовало 1.400 человѣкъ. Такъ ли это? Офиціальныя статьи не даютъ прямаго отвѣта; въ нихъ сказано только:

„Изъ всего состава отряда, численностью въ 2.467 человѣкъ пѣхоты, 850 кавалеріи, 271 артиллеріи, 202 милиціи, въ дѣлѣ 28 числа участвовало 3.024 человѣка."

Весь отрядъ состоялъ изъ шести баталіоновъ и одной роты (саперной) слѣдовательно въ баталіонахъ maximum было по 400 человѣкъ считая тутъ и нестроевыхъ. Изъ этого состава, каждый баталіонъ выдѣлилъ одну роту то-есть четверть своего состава для прикрытія обоза, такимъ образомъ въ дѣлѣ 28 числа могли принять и приняли участіе только 1.800 человѣкъ пѣхоты, но изъ этого числа баталіонъ Ширванцевъ, то-есть около 300 человѣкъ не участвовали въ штурмѣ, оставаясь далеко въ резервѣ, и штурмъ вели тольво *полторы тысячи* человѣкъ, что̀, за исключеніемъ офицеровъ, составитъ *именно около 1.400 штыковъ*.

Задача поставленная этой горсти людей оказывается болѣе тяжелою нежели писали газетные корреспонденты: „Денгиль-тепе," сказано въ офиціальныхъ извѣстіяхъ,—

„расположенъ четырехъугольникомъ, съ сѣверной и западной стороны обнесеннымъ глубокимъ, двухсаженнымъ, съ крутыми покатостями рвомъ, съ глинистымъ брустверомъ за нимъ, *вторымъ рвомъ за брустверомъ*, частями наполненнымъ водой. Сверхъ того, мѣстами позади этой ограды для усиленія обороны, уставлены сплошь кибитки изъ которыхъ часть наполнены до верху землей, а часть имѣютъ глубокія вырытыя внутри ямы; за кибитками вновь ровъ и брустверъ... Пространство впереди укрѣпленія изрѣзано множествомъ оросительныхъ канавъ и цѣлою сѣтью невысокихъ (до 2 футовъ) глиняныхъ стѣнъ ограждающихъ каждый мелкій участокъ поливаемой земли."

Выбить противника располагающаго 7—8 тысячами пѣшихъ борцовъ изъ-за канавъ и валиковъ, взять штурмомъ передовое укрѣпленіе, затѣмъ главный валъ, перейти чрезъ водяной ровъ и кибитки, а за ними опять спускаться въ ровъ и лѣзть на новую стѣну—вотъ что̀ долженъ былъ сдѣлать отрядъ въ 1.400 пѣхотинцевъ. Дѣло очевидно непосильное, особенно когда приходится спускаться въ ровъ и лѣзть на стѣны голыми руками, безъ приспособленій, подъ огнемъ. Порядокъ разстроивается, и превосходство массы должно возымѣть свое дѣйствіе; такъ и случилось.

Распорядитель едва ли взвѣсилъ всѣ эти обстоятельства. Офиціальная статья даетъ поводъ думать что предъ штурмомъ не было сдѣлано даже обязательнаго осмотра доступности тѣхъ пунктовъ куда направлялась атака, вслѣдствіе чего войска праваго фланга „встрѣтили уже въ самыхъ

„размѣрахъ передоваго рва неодолимое „препятствіе и многіе изъ храбрецовъ, „взлѣзшіе по одиночкѣ, съ помощью това- „рищей на брустверъ, поплатились жизнью." Между тѣмъ, противъ западнаго фаса крѣпости были направлены наиболѣе утомленныя передовымъ боемъ части колонны князя Долгорукова, составлявшія наибольшую массу штурмовавшихъ. Именно три баталіона, силою до девятисотъ человѣкъ.

На лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ (сѣверный фасъ) наши ворвались внутрь укрѣпленія, но что̀ могли сдѣлать тамъ пятьсотъ, шестьсотъ солдатъ разбившихся кучками!

Отдавая приказъ идти на штурмъ распорядитель полагалъ, какъ говорятъ офиціальныя статьи, что „продолжительное „сосредоточенное дѣйствіе 12 орудій не „могло не нанести непріятелю огромной „потери и не произвести на него поражающее дѣйствіе," отчего и можно де было думать что „населеніе и защитники „Денгиль-тепе доведены до той крайности, „которая обяжетъ ихъ къ изъявленію покорности," тѣмъ болѣе что они предлагали вступить въ переговоры съ явною де цѣлью выиграть время и затѣмъ очистить Денгиль-тепе ночью.

Но все это только слова. Доведенный до мнимой „крайности," „объятый паникою" противникъ, „продолжаетъ съ валовъ повсюду *усиленный* огонь," который едва ли можетъ быть принятъ за признакъ деморализаціи.

Этотъ усиленный огонь былъ скорѣе доводомъ противъ нежели въ пользу штурма, точно также какъ и свѣдѣнія что противникъ намѣренъ бросить укрѣпленіе. Оставалось только продолжать усиленную канонаду и принять мѣры къ тому чтобы настичь и разбить въ открытомъ полѣ отступающую пѣхоту противника, который, какъ показало даже Денгиль-тепинское дѣло, не можетъ въ открытомъ бою удержаться противъ натиска нашей пѣхоты. Распорядитель какъ будто боялся что Денгиль-тепе достанется намъ безъ штурма. Офиціальныя статьи въ одно слово говорятъ что генералъ Ломакинъ „боялся медлить рѣшеніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій отряда," что онъ долженъ былъ рисковать въ виду „ограниченности запасовъ продо- „вольствія и отсутствія свѣдѣній о ходѣ „подвозовъ съ базы."

Надо полагать что все это генералу Ломакину было извѣстно еще утромъ 28 августа, въ Яроджѣ, столь же точно какъ и въ 5 часовъ подъ Денгиль-тепе, когда отдавался приказъ къ штурму. Взятіе Денгиль-тепе нисколько не измѣнило бы положенія продовольственнаго вопроса; напротивъ, штурмъ только ослаблялъ отрядъ, дѣлалъ его менѣе способнымъ держаться въ занятомъ съ боя пунктѣ до подвоза запасовъ, въ виду большихъ силъ Текинцевъ собиравшихся у Асхабада.

Обстоятельства предшествовавшія штурму Денгиль-тепе какъ они изложены въ названныхъ статьяхъ не менѣе замѣчательны. Изъ Яроджи отрядъ двинулся двумя колоннами почти равнаго состава съ тою лишь разницею что при задней колоннѣ генерала Борха слѣдовалъ весь обозъ подъ особымъ прикрытіемъ шести ротъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій.

Колонна Борха въ 10 часовъ утра находилась въ 8 верстахъ отъ Денгиль-тепе, къ которому прибыла однако только въ три часа, употребивъ на восьмиверстный маршъ пять часовъ. Это обстоятельство заставило сократить время необходимое для подготовки штурма. Правда, колонна генерала Борха имѣла стычку съ текинскою конницей, но такое замедленіе въ маршѣ нельзя приписать ничтожной стычкѣ. Колонну задерживалъ можетъ-быть вагенбургъ, который не рѣшились оставить на рукахъ прикрытія, по силѣ равнаго частямъ шедшимъ на штурмъ сѣвернаго фаса...

Когда подошелъ къ Денгиль-тепе такъ-называемый авангардъ, объ этомъ офиціальныя статьи умалчиваютъ вовсе. Но въ нихъ есть указаніе что вторая половина слѣдовала за первою „въ пяти верстахъ," хотя ей въ то же время, все также по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, было приказано сообразовать свои движенія не съ движеніями авангарда при коемъ слѣдовалъ самъ генералъ Ломакинъ, а съ маршемъ тяжелаго большаго обоза. Если при началѣ марша, не будучи тревожима противникомъ, колонна генерала Борха дѣйствительно была только въ пяти верстахъ отъ авангарда, то послѣдній въ *десятомъ* часу былъ въ двухъ верстахъ отъ того пункта съ котораго началъ дѣйствія противъ передовыхъ укрѣпленій. Не позже какъ въ одиннадцать часовъ авангарду данъ

отдыхъ въ 600 саженяхъ отъ непріятеля и не позже полудня началась атака. Такимъ образомъ выходитъ что между колоннами образовался интервалъ по крайней мѣрѣ въ три часа пути. Что-нибудь одно: или авангардъ началъ дѣло рано, или колонна Борха запоздала,—а это ясно показываетъ недостатокъ разчета марша и также связи въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ всего отряда, недостатокъ тѣмъ болѣе замѣтный что между взятіемъ передоваго укрѣпленія авангардомъ и приходомъ второй колонны образовалась пауза, которою и воспользовался противникъ.

№ 284.

Москва, 6-го ноября.

Посѣщеніе Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ столицы Австрійской Имперіи, продолжавшееся три дня, за коимъ послѣдовало посѣщеніе Берлинскаго двора, о чемъ извѣстилъ насъ даже телеграфъ, дали новую пищу иностранной печати для толковъ различнаго рода, преимущественно о расширеніи австро-германскаго союза вступленіемъ въ него Россіи. Но при этомъ отдѣльные органы, какъ бы напередъ заучивъ требуемую въ данномъ случаѣ гармонію, выводятъ свои особенныя ноты, и каждый по своему вторитъ общей темѣ о „возобновленіи Тройственнаго Союза.“ Тѣ изъ нихъ кои слывутъ офиціозными ограничиваются неопредѣленными аккордами о „несомнѣнномъ политическомъ значеніи“ этого событія, предваряя однако публику чтобъ она не слишкомъ вдавалась въ область догадокъ и ограничилась бы тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, подтверждаемымъ сказанными посѣщеніями, что „существуетъ великая разница между раздающимися изъ Петербурга и Москвы враждебными (?) голосами“ и настроеніемъ высшихъ политическихъ сферъ, попрежнему проникнутыхъ чувствами искренней взаимной дружбы между тремя дворами. Другіе, какъ напримѣръ *Neues Wiener-Tageblatt*, утверждаютъ что дѣло ограничивается актомъ вѣжливости, который ни въ чемъ не измѣнитъ внутренней сущности вновь сложившихся политическихъ комбинацій. Откровеннѣе же всѣхъ выражаются тѣ изъ органовъ австро-германской печати кои издавна отличались своими нападками на Россію и въ послѣднее время дали полную волю своей ярости, въ то же время лицемѣрно сваливая вину съ больной головы на здоровую и указывая на русскую печать какъ на главную и единственную нарушительницу добрыхъ отношеній между тремя державами. Эти послѣдніе органы, между коими первое мѣсто принадлежитъ *Кельнской Газетѣ*, также толкуютъ нынѣ о возобновленіи Тройственнаго Союза. Но по ихъ словамъ Россія сдѣлала первый шагъ къ этому новому сближенію со своими западными сосѣдями; она, по выраженію нѣкоторыхъ другихъ берлинскихъ газетъ того же лагеря, „отправилась въ политическую Каноссу“ и принесла покаяніе (въ чемъ?). Но *Кельнская Газета* и этимъ не довольствуется, и старается предостеречь Австрію и Германію противъ коварства Россіи. Названная газета придаетъ дѣлу такой видъ какъ будто и прежній Тройственный Союзъ былъ дѣломъ Россіи и послужилъ исключительно для осуществленія *ея* замысловъ. Россіи, видите ли, удалось этимъ путемъ совершить „первый раздѣлъ Турціи,“ и нельзя де не опасаться чтобы возобновленіе союза не послужило для нея удобнымъ средствомъ дабы въ свое время приступить ко второму раздѣлу. Какое безстыдство, какая наглость! Россія, которая послѣ тяжкой войны не пріобрѣла и не желала пріобрѣсти для себя ни одной пяди изъ европейскихъ владѣній Турціи, выставляется искусительницей Австріи и Германіи, изъ коихъ первая отхватила себѣ значительную часть Европейской Турціи, а вторая заявляетъ о своемъ намѣреніи проникнуть на плечахъ Австріи до Эгейскаго моря и даже въ Малую Азію и преградить въ будущемъ всякіе пути „панславизму,“ то-есть естественнымъ и законнымъ стремленіямъ всѣхъ живыхъ силъ Балканскаго полуострова.

Но подобное извращеніе фактовъ нужно для того чтобы подъ видомъ предостереженія Германіи указать Россіи что ей оказывается великая и незаслуженная милость: Германія оставила де ей „золотой мостъ къ возвращенію на путь истинный,“ пренебрегая опасностями скрывающимися въ замыслахъ Россіи. Россія должна хоть чѣмъ-нибудь отплатить за оказываемую ей любезность и вступить по крайней мѣрѣ въ области экономическихъ интересовъ на путь

„дружественныхъ и сосѣдственныхъ отношеній,“ какихъ давно уже добивается отъ нея Германія. Еслибы таковъ былъ результатъ совершающагося нынѣ вновь политическаго сближенія, то *Кельнская Газета* нашла бы хоть въ этомъ утѣшеніе. И тутъ опять на Россію сваливается вся вина, и съ ея стороны выставляется прегрѣшеніемъ то что́ князь Бисмаркъ, въ самое послѣднее время, провозгласилъ единственно вѣрною и разумною системой экономической политики. Къ Россіи предъявляется требованіе объ облегченіи таможенныхъ сношеній и о большей свободѣ привоза для продуктовъ германской промышленности въ то самое время какъ въ Германіи не только таможенный тарифъ возвышенъ значительно на всѣ предметы фабричнаго производства, но введены пошлины на привозный хлѣбъ и прочіе предметы первой необходимости идущіе туда преимущественно изъ Россіи.

Но самою лучшею иллюстраціей придирчивости къ Россіи по предмету пограничныхъ сношеній можетъ послужить послѣдовавшая на дняхъ со стороны Прусскаго правительства „репрессалія“ относительно русскихъ судовъ плававшихъ на прусской части рѣки Нѣмана. Подробности этого дѣла еще не выяснены вполнѣ; но то что теперь уже извѣстно изъ телеграммъ и краткихъ газетныхъ извѣстій вполнѣ характеризуетъ положеніе вещей. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* излагаетъ дѣло такъ: Прусскій предприниматель Шиллеръ напрасно старался получить требуемое позволеніе для своего парохода *Falke* предназначеннаго плавать по русскому участку рѣки Нѣмана, тогда какъ русскій пароходъ ходилъ безпрепятственно по прусскому участку цѣлый годъ. Вслѣдствіе этого, прусскій министръ торговли, по соглашеніи съ прусскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отдалъ приказъ о воспрещеніи русскимъ пароходамъ плавать по прусскому участку Нѣмана. *Journal de St.-Pétersbourg* болѣе мѣсяца тому назадъ коснулся вопроса о пароходѣ *Falke* и сообщилъ что затрудненія которыя прусскій пароходъ встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ рѣчныхъ властей были устранены распоряженіемъ изъ Петербурга. Наша французская газета встрѣтила поэтому съ недовѣріемъ первое извѣстіе о сказанномъ запрещеніи, полагая что оно основано на недоразумѣніи. Но вслѣдъ затѣмъ телеграфъ передалъ содержаніе замѣтки берлинскаго правительственнаго органа, подтверждающей дѣйствительность запрета положеннаго на русскіе пароходы по низовьямъ Нѣмана. Впрочемъ, эта замѣтка въ то же время подтверждаетъ и то что сообщилъ *Journal de St.-Pétersburg*, а именно что изъ Петербурга послѣдовало письменное разрѣшеніе для прусскаго парохода плавать по русскому участку Нѣмана; но, добавляетъ берлинская офиціозная газета, и затѣмъ мѣстныя власти въ Ковнѣ продолжали ставить г. Шиллеру разныя затрудненія, вслѣдствіе чего и сдѣланъ упомянутый запретъ. Выходитъ такимъ образомъ что Прусское правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ „крайнимъ мѣрамъ,“ каковыми признаютъ это распоряженіе и прусскія газеты, указывая притомъ что ничего подобнаго не бывало до сихъ поръ между Россіей и Пруссіей,—не вслѣдствіе упорства центральной власти, которая напротивъ удовлетворила домогательство предъявленное къ ней по этому предмету, а потому что мѣстные органы не подчинились будто бы распоряженію послѣдовавшему изъ Петербурга. Кара постигла Русское правительство за то что оно не держитъ въ повиновеніи своихъ подчинныхъ...

При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду что запретъ послѣдовавшій на дняхъ будетъ имѣть лишь „теоретическое“ значеніе въ теченіе предстоящихъ зимнихъ мѣсяцевъ, когда плаваніе по Нѣману и безъ того немыслимо. И это предусмотрѣно прусскимъ министерскимъ распоряженіемъ, которое предвидитъ даже невозможность для русскаго парохода вернуться теперь же въ Россію, и дозволяетъ ему перезимовать въ Тильзитѣ. Но если, съ одной стороны, дѣло не было къ спѣху, а съ другой, имѣлось въ виду столь важное „смягчающее вину обстоятельство“ какъ письменный актъ свидѣтельствовавшій о томъ что центральная русская власть по крайней мѣрѣ неповинна ни въ какой строптивости, то какая же была надобность спѣшить наложеніемъ строгой кары? Неужели нѣсколькихъ мѣсяцевъ естественнаго прекращенія навигаціи было бы недостаточно, по мнѣнію прусскаго министерства, чтобы побудить Русское правительство привести ковенскія власти въ границы должнаго повиновенія? Зачѣмъ понадобилось именно теперь принять рѣшительныя, хотя нео-

существимыя, мѣры строгости и придать дѣлу такую огласку?

Не ясно ли что и тутъ дѣло не столько въ реальныхъ фактахъ сколько въ химерическихъ запугиваніяхъ?

№ 283.

Москва, 7-го ноября.

Константинопольская телеграмма Рейтерова Агентства извѣстила что султанъ утвердилъ представленный Портой проектъ реформъ для европейскихъ провинцій и что имѣютъ быть учреждены провинціальныя коммиссіи для наблюденія за исполненіемъ реформъ, а также что султанъ утвердилъ и проектъ реформъ для азіятскихъ провинцій; телеграмма присовокупляла что оттоманскій посланникъ въ Лондонѣ, Мусурусъ-паша, увѣдомилъ оттуда что лордъ Солсбери вполнѣ удовольствовался его сообщеніями. Такимъ образомъ, хотя мы не знаемъ въ чемъ заключаются проекты реформъ утвержденные султаномъ, можно думать что они въ извѣстной мѣрѣ согласуются съ видами Англіи.

Если это извѣстіе вѣрно, то оно выставляетъ въ новомъ свѣтѣ загадочныя умолчанія рѣчи лорда Беконсфильда. Англійская печать, какъ видно изъ полученныхъ газетъ, выражаетъ дѣйствительно разочарованіе по поводу этой рѣчи которая поражаетъ не только блѣдностью, но и необычнымъ оратору неряшествомъ стиля. Но послѣ первой минуты удивленія нѣкоторые стали догадываться что сфинксъ хотѣлъ удивить публику именно тѣмъ что не задалъ ей никакой сенсаціонной загадки: съ одной стороны, для него было важно не тревожить публику, только что обрадованную начавшимся, слабымъ, оживленіемъ торговыхъ дѣлъ, а съ другой—недосказанные намеки на недавнее дѣйствіе Англіи въ Константинополѣ были некстати, потому что положеніе было слишкомъ серіозно и лордъ Беконсфильдъ именно своимъ умолчаніемъ хотѣлъ де показать что теперь дѣла скоро заступятъ мѣсто фразъ.

Какъ бы то ни было, но теперь толки о рѣчи лорда Беконсфильда не представляютъ интереса. Любопытнѣе было бы узнать въ чемъ заключаются тѣ реформы которыя наконецъ удовольствовали Англію, и согласны ли онѣ съ тѣми слухами которые ходили о требованіяхъ предъявленныхъ сэръ-Генри Леярдомъ. Пока намъ сообщаютъ только увѣреніе того же Мусурусъ-паши что лордъ Солсбери убѣдился въ лживости слуха о предполагаемомъ сближеніи Турціи съ Россіей.

Итакъ, разгадка причины лихорадочной дѣятельности обнаруженной Англіей будто бы по поводу реформъ объясняется именно такъ какъ намъ представлялось съ самаго начала. Всякая возможность сближенія между Россіей и Турціей, или даже просто установленіе между ними добрыхъ и довѣрчивыхъ отношеній пугаетъ англійскую дипломатію. Мы видѣли что все время пока во главѣ власти въ турецкой столицѣ стояли друзья Леярда—Ахметъ-Вефики, Сафветы, Хайреддины, онъ очень благодушно относился къ безконечнымъ отговоркамъ Порты; но лишь только султанъ рѣшилъ возвратить изъ ссылки Махмудъ-Недима, бывшаго вѣрнаго слугу Абдулъ-Азиза, слугу, котораго въ то памятное время понадобилось удалить прежде чѣмъ расправиться съ самимъ султаномъ, какъ англійскій посолъ сталъ протестовать противъ всякаго назначенія его на какую-либо должность, а когда это не помогло, то круче потребовалъ принятія англійскаго плана реформъ и позвалъ флотъ изъ Мальты... Теперь, для удовлетворенія и успокоенія Англіи, султанъ, какъ гласитъ телеграмма, принужденъ еще принять „принципъ отвѣтственности“ министровъ. Вѣроятно, они будутъ отвѣтственны предъ англійскимъ посломъ...

Кромѣ предполагаемаго сближенія Турціи съ Россіей, есть и другіе слухи которые безпокоятъ столько же Англію какъ и другаго добраго опекуна Оттоманской имперіи, Австро-Венгрію. Оба опекуна зорко наблюдаютъ не только за Турціей, но и за юными свободными княжествами Балканскаго полуострова. Въ послѣднее время начали очень таинственно поговаривать о сношеніяхъ между Сербіей, Черногоріей, Болгаріей и Румыніей, о поѣздкахъ министровъ этихъ странъ, состоявшихся уже и предполагаемыхъ свиданіяхъ ихъ князей и о переговорахъ ихъ для заключенія союзовъ. Стараніямъ этимъ приписывалась идея составить коалицію княжествъ въ видахъ самообороны отъ посторонняго вмѣшательства и для поддержанія тѣхъ національныхъ интересовъ ко-

торые Берлинскимъ трактатомъ остались на половину неудовлетворенными, и инициатива этого предпріятія приписывалась князю Александру Болгарскому. Но вотъ *Wiener-Tagblatt*, отъ 12 ноября, выступилъ уже съ положительнымъ извѣстіемъ, полученнымъ, по увѣренію газеты, изъ достовѣрнаго источника, что де 6 ноября заключенъ уже формальный оборонительный и наступательный (?!) союзъ между Болгаріей, Сербіей и Черногоріей. Трактатъ этотъ, состоящій изъ 24 статей, обозначаетъ де условія на коихъ эти три балканскія государства должны оказывать другъ другу взаимную военную помощь. Нѣкоторыя изъ статей относятся къ тому случаю если Берлинскій трактатъ встрѣтитъ сопротивленіе со стороны Албанцевъ; бо́льшая же часть, впрочемъ, относится къ случаямъ могущимъ возникнуть вслѣдствіе расширительныхъ замысловъ одной великой европейской державы. Въ случаѣ если Австро-Венгрія задумаетъ раздвинуть свою имперію за предѣлы Ново-Базарскаго округа, въ трактатѣ прямо де выражено что три договаривающіяся государства обязуются мобилизовать большіе военные контингенты, причемъ Сербія выставитъ до 120.000 человѣкъ, Болгарія—90.000 и Черногорія—26.000. Постановленіе относительно главнаго начальства надъ этими силами предоставлено позднѣйшему рѣшенію, что́, какъ толкуютъ, означаетъ или что по этому пункту не могли уговориться, или что главное начальство будетъ дано русскому генералу. Заключительныя статьи трактуютъ де о преобразованіи военныхъ силъ трехъ государствъ и о пополненіи военныхъ запасовъ. Къ слухамъ объ этомъ трактатѣ прибавляютъ еще что когда возникла идея такой Балканской лиги, то предполагалось де и участіе въ ней Турціи, но неизвѣстно оставлена ли эта мысль или только пока отложено ея исполненіе. Передавая всѣ эти толки, вѣнскій корреспондентъ *Times* съ оттѣнкомъ презрѣнія выражаетъ мнѣніе что все это не болѣе какъ планы, а далеко не факты.

Мы понимаемъ что планы подобнаго рода не могутъ нравиться тѣмъ кто самое существованіе этихъ пасынковъ Европы допускаетъ лишь скрѣпя сердце. Зато мы, съ своей стороны, не могли бы не порадоваться вѣрному чутью этихъ молодыхъ народовъ, только что начавшихъ жить самостоятельною жизнью: взаимное согласіе и союзъ, это ихъ сила и залогъ безпрепятственнаго развитія. Не менѣе порадовала бы на́съ и мысль привлечь къ этому союзу Турцію. Со стороны послѣдней теперь юнымъ государствамъ, освободившимся отъ ея управленія, нечего болѣе опасаться, а ей эти отторгшіеся отъ нея члены могли бы послужить надежнымъ щитомъ, такъ какъ „экспансивные" замыслы совершаются на ея счетъ и не менѣе опасны для нея самой какъ и для бывшихъ ея провинцій.

Мы не знаемъ на какомъ законномъ основаніи могли бы быть сдѣланы возраженія противъ осуществленія этого плана. Вѣдь радовались же всѣ въ Европѣ громко раздутой демонстраціи австро-германскаго союза, а англійскій министръ кощунственно призналъ ее за новое евангеліе. Балканскія княжества нынѣ независимыя государства и точно также могутъ вступать между собой въ союзы какъ и другія. Правда, онѣ не великія державы, но тѣмъ вѣрнѣе что союзъ ихъ никому не можетъ быть опасенъ. Если не пустое фарисейство всеобщія увѣренія въ потребности мира и спокойствія, то закрѣпленіе связей между этими молодыми народами должно бы радовать всѣхъ. Тревожное же безпокойство по этому поводу, напротивъ, явно изобличаетъ притязанія хищниковъ.

Участіе Турціи въ упомянутой комбинаціи Балканскихъ княжествъ отнюдь не противорѣчило бы видамъ русской политики, которую всегда превратно изображали на Западѣ, но которая никогда не стремилась къ ниспроверженію Турецкой имперіи, домогаясь только облегченія участи ея христіанскихъ подданныхъ и желая, напротивъ, сохранить ея существованіе въ единственно-возможной формѣ, при верховной власти султана и автономіи частей. Не вина Россіи если ея указанія были отвергнуты, и послѣдовала война, причинившая Турціи гораздо бо́льшій ущербъ. Но теперь союзъ независимыхъ княжествъ съ Портой для цѣлей общей обороны выразилъ бы прежнюю мысль Россіи въ формѣ еще болѣе удовлетворительной.

Мы убѣждены, притомъ, что осуществленіе такой комбинаціи и вмѣстѣ добрыя отношенія между Россіей и Турціей,—то „сближеніе," возможность коего какъ бѣльмо въ глазу у англійскихъ министровъ,—отозвались бы гораздо бо́льшимъ

облегченіемъ и въ участи христіанъ еще остающихся подвластными султану чѣмъ всѣ планы англійскихъ реформъ, съ англійскими жандармами въ родѣ Бекеръ-паши и англійскими сборщиками податей и судьями *ejusdem generis*, получающими огромные оклады жалованья съ цѣлью прибрать страну къ рукамъ по примѣру Индіи. Мы остаемся, повторяемъ, пока въ невѣдѣніи какіе проекты реформъ утверждены султаномъ; но позволяемъ себѣ припомнить что, по 23 статьѣ Берлинскаго трактата, реформы въ европейскихъ провинціяхъ султана, а по 61 статьѣ, реформы въ Арменіи, поставлены подъ наблюденіе всѣхъ европейскихъ державъ, а не одной Англіи, и что въ означенныхъ статьяхъ упоминается вовсе не объ англійскихъ чиновникахъ, а объ учрежденіяхъ автономныхъ, требуемыхъ мѣстными потребностями. Что касается остальныхъ азіятскихъ провинцій, въ коихъ по толкованію англійскихъ газетъ, на основаніи конвенціи съ Портой, обязательство дано одной Англіи, то конвенція эта не существуетъ для другихъ державъ которыя на основаніи стародавнихъ капитуляцій съ Портой, въ правѣ отстаивать свои интересы.

№ 286.

Москва, 8-го ноября.

На дняхъ, въ германской журналистикѣ былъ пущенъ слухъ будто русской печати „запрещено“ говорить о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ кому бы то ни было, за исключеніемъ Турціи и Англіи, да и то относительно послѣдней „рекомендована де сдержанность почти равносильная запрещенію.“

Должно-быть подъ вліяніемъ этого слуха извѣстная часть германской печати вновь заговорила о концентраціи русскихъ войскъ на восточныхъ границахъ Германіи, о русскомъ панславизмѣ угрожающемъ де самому существованію Австріи и вынуждающемъ эту державу къ сближенію съ Германіей, которая только одна и можетъ сдерживать Россію.

За германскою печатью, въ видѣ подголоска, пошла и австрійская, доходящая до изобрѣтенія небылицъ. *Пештскій Ллойдъ* увѣряетъ, напримѣръ, что въ Россіи дѣлаются обширныя приготовленія къ войнѣ, и что „какъ въ арміи, такъ и въ военныхъ школахъ обращено особенное вниманіе на изученіе географіи Австро-Венгріи.“

Куріозно что германскія газеты, въ свою очередь, настаиваютъ будто эти военныя приготовленія направлены противъ Германіи. „Россія,“ телеграфируютъ изъ Берлина въ *Кельнскую Газету*, „сосредоточила на нашей восточной границѣ, въ Литвѣ и Польшѣ, 300 баталіоновъ пѣхоты, 150 эскадроновъ кавалеріи и 450 запряженныхъ орудій. Эта масса служитъ лучшимъ оправданіемъ нашему канцлеру столь рѣшительно дѣйствовавшему для заключенія оборонительнаго союза съ Австріей,“ которой, доскажемъ мы, и теперь еще изъ Берлина продолжаютъ толковать о необходимости этого союза въ виду замысловъ Россіи. Такъ на дняхъ *Сѣверо-Германская Газета*, завѣдомый органъ имперскаго канцлера, подъ видомъ отвѣта на одну изъ статей *Times*, перебираетъ всѣ возможныя для Австріи комбинаціи, доказывая что для противодѣйствія русскому панславизму и русской задирательной политикѣ, Австріи нѣтъ ничего выгоднѣе какъ сближеніе съ Германіей, и что всякій другой союзъ мыслимъ лишь въ томъ случаѣ еслибъ Австрія „не могла болѣе разсчитывать на Германію.“

Кельнская Газета, съ ея телеграммами о происходящемъ будто бы сосредоточеніи русскихъ войскъ на Восточной границѣ Германіи, играетъ какъ разъ въ руку въ *Сѣверо-Германской Газетѣ*, „фактически доказывая“ всю естественность и благонадежность такого союза.

Тщетно доказывать что никакой концентраціи русскихъ войскъ въ Литвѣ и Польшѣ не происходитъ: всѣ попытки въ этомъ смыслѣ толкуются иначе. „Если русская печать“, говоритъ, напримѣръ, *Кельнская Газета*, „опровергаетъ извѣстія о сосредоченіи войскъ, то лишь въ увѣренности что намъ не легко будетъ навести справки и узнать дислокацію русскихъ войскъ. Поэтому-то, конечно, *Journal de St.-Pétersburg*, который „ознакомленъ съ дѣломъ ближе другихъ газетъ,“ такъ и негодуетъ что мы обратили вниманіе на этотъ предметъ, упрекая насъ въ неисправимомъ недоброжелательствѣ.“ На самомъ дѣлѣ, прибавляетъ дѣйствительно неисправимо враждебная газета, по справкѣ

съ дислокаціей оказывается что „впереди линіи Динабургъ-Кіевъ стоитъ *почти половина* всей русской арміи, причемъ въ одной Польшѣ находятся слѣдующіе 155 баталіоновъ“ (перечисляются нумера полковъ, стрѣлковыхъ и резервныхъ баталіоновъ) „да въ добавокъ 80 эскадроновъ и 220 запряженныхъ орудій.“ „Если намъ,“ торжествуя добавляетъ берлинскій корреспондентъ названной газеты въ своей *телеграммѣ*, „если намъ могутъ указать что нѣкоторыя изъ названныхъ частей ушли изъ привислинскихъ губерній, мы готовы исправить неточность.“

Исправлять неточности добытаго окольными путями отрывка дислокаціи нѣтъ надобности, но не мѣшаетъ обратить вниманіе на нѣкоторые выводы кои можно сдѣлать изъ этихъ мнимыхъ разоблаченій мнимаго русскаго секрета. Положимъ что впереди линіи Динабургъ-Кіевъ стоитъ *триста* русскихъ баталіоновъ. Вѣроятно, статистическому отдѣленію германскаго генеральнаго штаба извѣстно что эти триста баталіоновъ составляютъ не половину, а *меньше трети* русской пѣхоты. Это вопервыхъ.

Вовторыхъ, отъ Калиша до Динабурга съ одной, и отъ Калиша до Кіева съ другой стороны, по картѣ такое же разстояніе какъ отъ Калища до Рейна, и вотъ на этомъ пространствѣ стоитъ больше трехъ четвертей германской арміи, которая и для мобилизаціи, и для сосредоточенія къ своей восточной границѣ располагаетъ несравненно бо́льшими перевозочными средствами, вслѣдствіе чего въ военномъ отношеніи съ полною строгостью можно сказать что не наша на германскихъ, а германская армія сосредоточена на русской западной границѣ.

Русская армія со времени введенія общеобязательной военной повинности имѣетъ постоянную дислокацію, которая не измѣняется даже въ видахъ удобствъ командованія, вслѣдствіе чего 1-я кавалерійская дивизія находится въ составѣ Московскаго округа, въ откомандировкѣ отъ своего корпуса находящагося въ Петербургскомъ округѣ, около Новгорода.

Наконецъ, 155 баталіоновъ, расположенные въ Польшѣ, составляютъ силу уравновѣшивающую расположенную вдоль нашихъ границъ не только со стороны Германіи, но и со стороны Австріи массу войскъ.

Все это и въ Кельнѣ, и въ Берлинѣ знаютъ очень хорошо, и если продолжаютъ толковать противоположное, то нельзя не заподозрить въ такихъ толкахъ предварительной подготовки къ шагу на подобіе „репрессалій“ по дѣлу парохода *Falke*. На это же намекаетъ и предпринимаемое, по словамъ англійскихъ газетъ, изслѣдованіе на мѣстѣ средствъ береговой обороны Германіи на Балтійскомъ морѣ, откуда Германіи пока никто не угрожаетъ, и гдѣ, какъ убѣдила Франко-Германская война, едва ли возможно какое-либо дѣйствительное нападеніе.

Но, кромѣ этого, толками о военныхъ приготовленіяхъ Россіи, всего легче прикрыть давно замышляемое значительное усиленіе германской арміи вызываемое „приростомъ ея населенія“ и необходимостью будто бы ввести однообразную организацію корпусовъ, „для чего требуется сформировать около 45 – 50 новыхъ батарей, нѣсколько ландверъ-баталіоновъ и кавалерійскихъ полковъ.“

На основаніи § 1 германскаго военнаго закона, измѣненія въ численности и составѣ арміи до 31 декабря 1881 года требуютъ предварительнаго измѣненія этого закона, а добиться этого отъ рейхстага при финансовыхъ затрудненіяхъ и всеобщей дороговизнѣ въ Германіи болѣе нежели трудно, тѣмъ болѣе что тамъ существуетъ убѣжденіе будто правительство намѣрено употребить на усиленіе арміи не болѣе не менѣе какъ весь двадцатипятимилліонный избытокъ новыхъ таможенныхъ доходовъ сравнительно съ прежними.

Не ясно ли что толки о мнимыхъ вооруженіяхъ и воинственныхъ замыслахъ Россіи возникли на почвѣ не одной только внѣшней политики? Не есть ли это причина что они поддерживаются съ такою настойчивостью даже въ то время когда офиціозная печать Германіи расположена говорить о возстановленіи добрыхъ отношеній между Россіей и Германіей?

№ 287.

Москва, 9-го ноября.

А.

Кіевскій экономистъ скрывающій свое имя за иниціалами Н. Б. сѣтуетъ на насъ за нѣсколько словъ сказанныхъ въ замѣт-

къ № 264 *Московскихъ Вѣдомостей:* мы взвели де на него напраслину, онъ не имѣлъ де никакого намѣренія „отдѣлать“ брошюру Н. Р. *), это де не въ его привычкахъ. Скромно цѣня свои ученыя заслуги, Н. Б. полагаетъ что его „привычки“, какъ и другихъ знаменитостей, должны быть всѣмъ хорошо извѣстны. Къ сожалѣнію, мы не были ознакомлены съ этимъ интереснымъ предметомъ. Равнымъ образомъ мы не считаемъ себя въ правѣ судить о руководящихъ Н. Б. намѣреніяхъ. Но что мы не взвели на него никакой напраслины, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый кто возьметъ на себя трудъ прочесть его письма къ Н. Р. напечатанныя въ *Кіевлянинѣ*, отъ 2, 4 и 11 минувшаго августа. Каковы были ихъ характеръ и содержаніе? Обращаясь прямо къ автору брошюры, ведя рѣчь постоянно во второмъ лицѣ множественнаго числа, Н. Б. безо всякихъ околичностей говорилъ что авторъ вовсе не знакомъ съ предметомъ о которомъ пишетъ, приводитъ невѣрныя цифры, дѣлаетъ ошибочные выводы, ставитъ несбыточныя гипотезы, забываетъ уроки исторіи, не знаетъ даже о существованіи непререкаемыхъ фактовъ; мысли его категорически и огуломъ объявлялись не имѣющими вѣса, причемъ критикъ даже извинялся предъ читателями въ томъ что утомлялъ ихъ вниманіе разборомъ этихъ мыслей. Автору брошюры давался затѣмъ благой совѣтъ поучиться. Въ заключеніе, за авторомъ, помимо спокойнаго тона и соблюденія литературнаго приличія, признавалось только одно достоинство — „искренность и чистота намѣреній,“ въ отличіе отъ „похвалившей его газеты,“ противъ вредоносности коей авторъ предостерегался какъ противъ совѣтовъ „отравителя.“ Высоко цѣня соблюденіе литературнаго приличія, критикъ, повидимому, до сихъ поръ не сознаетъ какимъ нарушеніемъ приличія были его собственныя письма. Онъ, кажется, и не подозрѣваетъ что эти письма были не ученою критикой фактовъ и мыслей изложенныхъ въ брошюрѣ, а высокомѣрно-поучительнымъ наставленіемъ прочитаннымъ ея автору ex cathedra тѣмъ своеобразно-снисходительнымъ тономъ какой бываетъ иногда умѣстенъ въ обращеніяхъ профессора къ его слушателямъ, но представляется крайне смѣшнымъ когда обращается къ людямъ вовсе не домогающимся чести записаться въ число учениковъ говорящаго.

Знакомые съ отвѣтомъ Н. Р. на направленныя противъ него письма *), читатели сами могутъ судить въ какой мѣрѣ кіевскій критикъ былъ въ правѣ трактовать такимъ образомъ автора брошюры. Оказывается что критикъ ни въ чемъ не поколебалъ существенныхъ выводовъ „отдѣланной“ имъ брошюры, что исправленіе усмотрѣнныхъ въ ней цифровыхъ и иныхъ неточностей служитъ лишь къ подтвержденію основныхъ ея положеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, столь строгій къ чужимъ погрѣшностямъ, Н. Б. самъ оказался виновнымъ въ неизвинительныхъ цифровыхъ ошибкахъ, въ смѣшеніи данныхъ за 1858—1868 съ данными за 1859—1869 годы, въ куріозныхъ противорѣчіяхъ самому себѣ, въ софистической логикѣ, часто сходящей у насъ съ рукъ лишь благодаря общей у насъ непривычкѣ къ анализу. Въ виду такихъ обвиненій, весьма серіозныхъ съ научной точки зрѣнія и подкрѣпленныхъ притомъ достаточными доказательствами, слѣдовало ожидать что кіевскій ученый поспѣшитъ представить по нимъ надлежащія разъясненія, что онъ не оставитъ, между прочимъ, необъясненнымъ и указанный ему фактъ радикальнаго разногласія его, по самому существенному пункту спора, съ г. Бунге, другимъ кіевскимъ экономистомъ. Но

Про взятки Климычу читаютъ.
А онъ украдкою киваетъ на Петра...

Очутившись въ неловкомъ положеніи непрошенаго и проболтавшагося учителя, онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, въ подписанной имъ передовой статьѣ № 127 *Кіевлянина*, изливается въ жалобахъ на перемѣну въ экономическихъ воззрѣніяхъ нашей газеты. Между тѣмъ въ той же самой статьѣ, онъ свидѣтельствуетъ о переворотѣ совершающемся нынѣ во всей экономической наукѣ. „Въ настоящее время,“ говоритъ онъ, „серіозные ученые не отвергаютъ значенія торговаго и платежнаго баланса, не ратуютъ за уничтоженіе таможенъ и за свободу торговли quand même, не проповѣдуютъ laisser faire, а на-

*) *Отъ чего произошло паденіе курса нашего бумажнаго рубля, и что можно сдѣлать для его возвышенія?* Н. Р. Кіевъ, 1879. 8°. 40 стр.

*) См. *Моск. Вѣд.* № 264.

противъ признаютъ благотворное вліяніе экономической политики не теряющей изъ вида государственныхъ цѣлей—блага цѣлаго, правъ и интересовъ всѣхъ и каждаго." Этотъ *переворотъ совершающійся въ наукѣ*, котораго сказать кстати, не замѣчаютъ только наши петербургскіе экономисты, является плодомъ „болѣе глубокаго и разносторонняго изученія экономической исторіи и массы накопившагося статистическаго матеріала." Если такъ, то почему же наша газета должна была бы оставаться, по выраженію Н. Б., при *требованіяхъ отвлеченной, устарѣвшей доктрины?*

Вы скажете что поворотъ въ экономической наукѣ не вполнѣ совпадаетъ съ поворотомъ въ нашихъ мнѣніяхъ, что онъ, напримѣръ, еще не коснулся ходячихъ воззрѣній на бумажныя деньги. Не коснулся сегодня, можетъ коснуться завтра. Историческія и статистическія изслѣдованія не замедлятъ развѣять и тѣ заблужденія которыя пока еще держатся въ построенномъ на слишкомъ зыбкихъ основаніяхъ ученіи о бумажно-денежномъ обращеніи. И давно уже пора нашимъ экономистамъ серіозно приняться за подобныя изслѣдованія, вмѣсто того чтобы вѣчно повторять зады чужой мысли. Пора имъ перейти къ историческому и статистическому изученію не воображаемыхъ, а дѣйствительныхъ условій нашего денежнаго обращенія. А пока этого нѣтъ, съ ними безпрестанно будутъ повторяться куріозы подобные случившемуся съ г. Бунге въ его прошлогоднемъ проектѣ преобразованія русской денежной системы. Въ какой просакъ попалъ при этомъ кіевскій профессоръ достаточно разъяснено, между прочимъ, г. Кауфманомъ *). Предлагая, въ видахъ преобразованія нашей денежной системы, прежде всего „возвратиться къ началамъ провозглашеннымъ манифестомъ 9 апрѣля 1812 года", г. Бунге самъ не зналъ что̀ предлагалъ и имѣлъ о рекомендуемыхъ имъ „началахъ" самыя смутныя понятія. Приписавъ графу Сперанскому мнѣнія которыя тому и не грезились, вычитавъ въ упомянутомъ манифестѣ объявленіе котораго въ немъ не содержится и не потрудившись хорошенько ознакомиться даже съ изслѣдованіями Е. И. Ламанскаго, г. Бунге вдругъ вообразилъ что этимъ манифестомъ даровано было у насъ „право гражданства" звонкой монетѣ какъ бы въ ограниченіе исключительнаго права какое до того предоставлено было будто бы ассигнаціямъ. На дѣлѣ же, цѣлью манифеста было не ограниченіе, а расширеніе сферы обращенія ассигнацій. Манифестъ обезпечилъ ассигнаціямъ все поле дѣйствія денегъ, узаконивъ, между прочимъ, что не только при разсчетахъ съ казной, но и по всякимъ частнымъ договорамъ, будутъ ли они заключены на серебро или на ассигнаціи, платежъ ассигнаціями ни въ какомъ случаѣ „не можетъ быть отринутъ."

Приведенный образчикъ знакомства нашихъ ученыхъ экономистовъ съ исторіей нашего денежнаго обращенія о которомъ они такъ докторально толкуютъ въ своихъ проектахъ дать ему иныя основы и формы можетъ служить нагляднымъ указаніемъ какой вѣсъ можно придавать ихъ сужденіямъ по этому предмету. На чемъ основываются эти сужденія, кромѣ чужой, на вѣру принятой доктрины да жалкихъ ссылокъ на нѣкоторые примѣры изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ другихъ странахъ? И какой смыслъ имѣютъ эти ссылки? При обращеніи бумажныхъ денегъ, одно изъ самыхъ существенныхъ условій есть степень довѣрія народа къ выпустившему деньги правительству, степень увѣренности въ незыблемости государственныхъ основъ на которыя опирается кредитъ. Что̀ же мы видимъ? Наши экономисты, говоря о русскихъ бумажныхъ деньгахъ, только и дѣлаютъ что ставятъ ихъ на одну доску съ турецкими каиме, австрійскими банкоцеттелями, французскими ассигнаціями временъ первой революціи и т. п. Имъ и въ голову не приходитъ взять при этомъ въ разсчетъ что Россія нѣсколько попрочнѣе Турціи и Австріи, что ея государственный строй нѣсколько поустойчивѣе французскаго революціоннаго строя прошлаго столѣтія, что Русскій народъ смотритъ на свою государственную власть и на все отъ нея исходящее не тѣми глазами какими глядятъ на свою лишь временно терпимую центральную власть ползущіе врозь разноплеменные народы Турціи и Австріи, и что уже по одному этому есть въ русскихъ бумажныхъ деньгахъ элементъ какого нѣтъ въ бумажныхъ деньгахъ другихъ странъ, и который не

*) См. *Сборникъ Государственныхъ Знаній*, т. VII, стр. 286—298.

допускаетъ безусловнаго примѣненія къ русскимъ деньгамъ заключеній вѣрныхъ только по отношенію къ деньгамъ обращавшимся въ иныхъ государствахъ.

Какъ мало примѣнимы эти заключенія выведенныя изъ чужаго опыта къ русскимъ условіямъ показали бросающіеся въ глаза факты послѣднихъ лѣтъ. Были сдѣланы крупные выпуски бумажныхъ денегъ, а сопровождались ли они тѣми послѣдствіями къ которымъ неизбѣжно должны были бы повести еслибы ходячія, якобы научныя, мнѣнія о бумажныхъ деньгахъ были дѣйствительно неоспоримыми истинами? Н. Б., правда, подсмѣивается надъ „увѣреніемъ одной нашей газеты“ что „наши финансы улучшились и наша промышленность начала процвѣтать.“ Но вѣдь объ этомъ свидѣтельствуютъ не одни увѣренія этой газеты, эти непререкаемые факты теперь не отрицаются уже почти никѣмъ. Они засвидѣтельствованы, между прочимъ, и министромъ финансовъ въ его публичныхъ рѣчахъ во время недавней его поѣздки по Россіи. Конечно, вольному воля. Ничто не мѣшаетъ кіевскому ученому повторять остроту что „Фамусовъ (Скалозубъ?) давно уже замѣтилъ, относительно сожженія Москвы въ 1812 году,—„„по „моему мнѣнію (сужденью) пожаръ способствовалъ ей много къ украшені(ѣ)ю.““

Обстоятельства русской жизни, не укладывающейся въ рамки предначертанныя для нея чужеземною доктриной, дѣйствительно сложились такъ что сторонникамъ этой доктрины въ настоящее время остается одно изъ двухъ: либо упорно отрицать очевидные факты, какъ дѣлаетъ кіевскій экономистъ, либо, какъ предпочитаетъ одинъ петербургскій экономистъ, признавъ эти факты, придти въ уныніе отъ такого „*печальнаго* (!!!) противорѣчія жизни съ наукой“ (печаль по случаю подъема народнаго благосостоянія!), находя себѣ нѣкоторое утѣшеніе лишь въ томъ что по нѣкоторымъ весьма туманнымъ и сбивчивымъ соображеніямъ, сказанное противорѣчіе не совсѣмъ еще „*тяюстно и безвыходно.*“ *) Хороша же наука ставящая на Руси людей въ такое глупое положеніе!

Итакъ, сѣтуйте на насъ сколько хотите за то что мы отказались отъ этой доктрины, считайте, если угодно, „глумленіемъ надъ учеными и надъ наукой“ ту улыбку которая невольно вызывается комическимъ положеніемъ въ какомъ очутились наши доктринеры, но не говорите, не подумавъ, будто мы позволяемъ себѣ искаженіе чужихъ мыслей и несправедливыя обвиненія. Сказавъ это, въ силу литературныхъ приличій, слѣдовало подтвердить сказанное прямыми указаніями. Гдѣ же и въ чемъ исказили мы мысли Н. Б.? когда и какое взвели на него несправедливое обвиненіе?

*) См. *Голосъ*, № 285.

Ему не понравилось одно мѣсто въ нашей замѣткѣ, гдѣ сказано что его письма имѣли, между прочимъ, цѣлію доказать что „мѣры основывавшіяся на извѣстной доктринѣ и приведшія Россію къ той задолженности и экономической зависимости отъ иностранцевъ съ какою мы нынѣ имѣемъ дѣло, были великимъ для Русскаго государства благодѣяніемъ.“ Очень сожалѣемъ что эта фраза ему не понравилась; но развѣ сказанное въ ней несправедливо? Развѣ въ его письмахъ нѣтъ панегирика всѣмъ тѣмъ мѣрамъ нашего финансоваго управленія которыя имѣли своимъ результатомъ нынѣшнюю задолженность Россіи иностранцамъ? Развѣ онъ не призналъ, рѣшительнѣе чѣмъ кто-либо, разгрома прежней кредитной системы, сопровождавшагося столь печальными для страны экономическими и финансовыми послѣдствіями *),—развѣ онъ не призналъ этого разгрома великимъ благодѣяніемъ для Россіи?

Н. Б. „недоумѣваетъ,“ далѣе, какіе это наши финансисты желаютъ чтобы колесо русскихъ финансовъ вновь было пущено по наклонной плоскости возрастающей задолженности иностранцамъ... Ахъ, г. кіевскій экономистъ, такихъ финансистовъ у насъ много, очень много, они попадаются на каждомъ шагу! Не ходя далеко, онъ въ самомъ Кіевѣ легко найдетъ одного изъ видныхъ финансистовъ такого пошиба хотя бы въ лицѣ вышеупомянутаго профессора Бунге. Прочтите его проектъ преобразованія русской денежной системы, и подивитесь какимъ громаднымъ увеличеніемъ металлическаго государственнаго долга жаждетъ онъ облагодѣтельствовать Россію! И замѣтьте при этомъ одну весьма оригинальную черту. Другіе финансисты,

*) См. *Моск. Вѣд.* № 312 прошлаго и № 222 текущаго года.

желающіе, подобно г. Бунге, увеличить русскій государственный долгъ въ огромныхъ размѣрахъ, вѣрять, по крайней мѣрѣ, что достигнуть этимъ путемъ возстановленія металлическаго обращенія. Г. Бунге домогается своимъ проектомъ увеличенія государственнаго долга даже не имѣя подобной вѣры, ибо, по собственному его выраженію, „экономическая исторія европейскихъ государствъ, кромѣ Англіи, не представляетъ примѣра чтобы финансовая операція относящаяся къ возстановленію металлическаго обращенія имѣла успѣхъ,“ да и въ самой Англіи „правительство для возстановленія размѣна не затратило ни одного фартинга“ (см изданную г. Бунге книгу *Русскія Бумажныя Деньги*. Кіевъ. 1871. Стр. 116).

Да, наконецъ, въ чемъ заключается существенный смыслъ писемъ Н. Б. къ Н. Р., въ чемъ, если не въ защитѣ займовъ для разныхъ цѣлей, а особенно займовъ для изъятія кредитныхъ билетовъ, и не въ попыткѣ успокоить тѣхъ кого могли бы встревожить послѣдствія иностранныхъ долговъ?

Б.

Въ числѣ поставленныхъ г. Леярдомъ султану условій сохраненія добрыхъ отношеній съ Англіей, самымъ тяжелымъ признаютъ назначеніе Англичанина Бекеръ-паши „блюстителемъ“ реформъ въ Малой Азіи. Облеченный извѣстными полномочіями, Бекеръ-паша водворяется въ Эрзерумѣ, городѣ весьма важномъ не только въ административномъ, но еще болѣе въ военномъ отношеніи.

Въ виду этого, не мѣшаетъ замѣтить что паша Валентинъ Бекеръ недавно издалъ замѣчательную въ военно-историческомъ отношеніи книгу *Война въ Болгаріи* (War in Bulgaria), въ концѣ коей онъ намѣчаетъ необходимыя для турецкой арміи реформы и, указывая на возможность столкновенія между Англіей и Россіей въ Азіи, предусматриваемую впрочемъ и кипрскою конвенціей, преподаетъ своимъ соотечественникамъ рядъ совѣтовъ къ веденію этой борьбы.

Занявъ высокое административное положеніе въ Малой Азіи, Бекеръ не замедлитъ, конечно, сдѣлать все чтобъ устранить, тамъ вліяніе Россіи и въ то же время постарается, конечно, тщательно изучить мѣстность и военныя средства края съ цѣлью наивыгоднѣйшей стратегической подготовки вѣроятнаго, по его мнѣнію, театра будущаго столкновенія Россіи съ Англіей.

А въ этомъ отношеніи Бекеръ-паша можетъ сдѣлать очень многое. Извѣстно, напримѣръ, что въ эпоху угрозъ г. Леярда султану, вынудившихъ согласіе на реформы, шла рѣчь будто Англія потребовала отъ Турціи уступки порта Арху на Черномъ Морѣ, недалеко отъ Батума. „Такого порта,“ замѣчаетъ *Тифлисскій Вѣстникъ*, „на Черномъ Морѣ нѣтъ, но „есть стоянка лазскихъ судовъ, имѣю„щая всѣ достоинства чтобы сдѣлаться „при извѣстныхъ искусственныхъ соору„женіяхъ портомъ ничуть не хуже Батум„скаго,“ отъ котораго Арху находится всего въ тридцати верстахъ. Съ занятіемъ и приведеніемъ въ порядокъ этой гавани въ видахъ намъ враждебныхъ, Батумская область очутилась бы, какъ замѣчаетъ названная газета, въ осадномъ положеніи вслѣдствіе постоянныхъ волненій между Лазами, поддерживать кои очень легко, благодаря удобству какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ сношеній.

Очень не мудрено что съ появленіемъ Бекеръ-паши въ Эрзерумѣ, Турція, если не сама, то по настоянію англійскаго посла, обратитъ вниманіе на эту, теперь пока ничтожную гавань, и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, не встрѣтитъ тѣхъ финансовыхъ затрудненій какія возникаютъ когда дѣло идетъ объ уплатѣ жалованья чиновникамъ.

Какъ бы то ни было, назначеніе Бекеръ-паши въ Малую Азію побуждаетъ насъ обратить вниманіе на оборонительныя средства вновь пріобрѣтенной территоріи и особенно на улучшеніе тамошнихъ путей сообщенія, слѣдуя старому, вѣрному правилу: si vis pacem para bellum.

№ 288.

Москва, 10-го ноября.

Прослѣдивъ многочисленные и разнообразные толки и сужденія коими нѣмецкая печать привѣтствовала и сопровождала недавнія посѣщенія Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ столицъ Австріи и Германіи, нельзя не замѣтить что при

всемъ благоприличiи и вѣжливости тона, соблюсти который въ особенности старались берлинскія солидныя газеты, общее впечатлѣніе таково что отношенія къ Россіи двухъ союзныхъ державъ отнюдь не измѣнились. Не только попрежнему замѣчается крайняя придирчивость ко всѣмъ дѣйствіямъ и предполагаемымъ замысламъ Россіи, но почти прекратились незадолго до сего раздававшіяся медоточивыя рѣчи о возможности для Россіи выйти изъ того „уединенія“ въ которое ее поставило вѣнское соглашеніе князя Бисмарка и возобновить на новыхъ основаніяхъ прежній Тройственный Союзъ. Два факта особенно характеризуютъ эту новѣйшую фазу въ настроеніи германской печати:

Вопервыхъ, пресловутая исторія по поводу парохода *Falke* и запрета постигшаго русскія суда на нижнемъ теченіи Нѣмана. Цитированное уже нами замѣчаніе *Journal des St.-Pétersbourg*, который прикинулся невѣрующимъ въ дѣйствительность постановленной прусскимъ министерствомъ репрессаліи, такъ какъ изъ Петербурга давно уже послѣдовало распоряженіе долженствовавшее успокоить раздраженіе прусскихъ властей,—это замѣчаніе было передано въ Берлинъ по телеграфу. И что̀ же! Оно не только не удовлетворило тамошнюю печать и не заставило ее отнестись съ прискорбіемъ къ „недоразумѣнію,“ а напротивъ еще болѣе подзадорило наиболѣе крикливые изъ берлинскихъ органовъ, разразившихся въ самый день пріѣзда Государя Наслѣдника Цесаревича въ Берлинъ цѣлымъ градомъ поистинѣ возмутительныхъ выходокъ противъ Россіи, причемъ засвидѣтельствованный нашею французскою газетой актъ смиренія не принятъ не только къ оправданію, но и къ смягченію вины. Такъ, напримѣръ, *Фоссова Газета*, радуясь тому что „Германія рѣшилась наконецъ *показать зубы* во всѣхъ отношеніяхъ недружелюбному сосѣду,“ выражаетъ надежду что Германія не ограничится изданнымъ запретомъ, но потребуетъ отъ Россіи формальнаго удовлетворенія. Другая берлинская газета *Staatsbürger-Zeitung* высказывается по этому поводу въ такихъ выраженіяхъ: „Распоряженіе министерства „подѣйствовало какъ пробужденіе отъ тя„желаго сна. Каждый Нѣмецъ знаетъ и „чувствуетъ теперь что Германія не на„мѣрена далѣе терпѣть *каверзы* (Nörge„leien) Россіи, и что Германское прави„тельство достаточно сильно чтобы стать „лицомъ къ лицу съ русскимъ колоссомъ, „когда онъ дозволяетъ себѣ самовольные „поступки противъ германскихъ гражданъ „и ихъ собственности. Говорятъ, правда, „что князь Горчаковъ приказалъ пропу„стить пароходъ *Falke*; но какое до этого „дѣло когда факты тому противорѣчатъ!“ Газета выражаетъ желаніе и надежду что та же мѣра будетъ распространена и на рѣку Вислу, и что она не будетъ отмѣнена пока Россія не докажетъ своей готовности къ „полной и неизмѣнной уступчивости.“ Въ чемъ эти доказательства требуемыя отъ Россіи должны заключаться, берлинская газета не объясняетъ; но очевидно что распоряженіе высшей власти отмѣнившее „обиду“ претерпѣнную въ Ковнѣ владѣльцемъ парохода *Falke*, о коемъ засвидѣтельствовалъ *Journal de St.-Pétersbourg*, признается еще далеко недостаточнымъ.

Приведенныя выписки изъ берлинскихъ газетъ съ одной стороны показываютъ до чего можетъ дойти наглость и извращеніе фактовъ когда имѣется въ виду „показать зубы“ и испугать пугливыхъ, а съ другой, свидѣтельствуютъ насколько правдиво и искренно обвиненіе постоянно возводимое прусскою офиціозною печатью на русскую печать, обвиненіе въ томъ будто бы русскія газеты *своими* враждебными выходками противъ Германіи разстроили взаимную дружбу между обѣими державами. Для полноты характеристики слѣдуетъ добавить что вышеприведенныя злобныя выходки двухъ берлинскихъ газетъ были перепечатаны безо всякихъ возраженій въ берлинской *Почтѣ*, служащей органомъ правительства.

Другой предметъ послужившій для берлинской печати обильнымъ источникомъ для нападокъ и всякаго рода выходокъ противъ Россіи, это сообщенныя *Кельнскою Газетой* „достовѣрныя“ свѣдѣнія о русскихъ войскахъ расположенныхъ, согласно вычисленіямъ этой газеты, въ слишкомъ большомъ количествѣ на западныхъ окраинахъ Россіи. *Крестовая Газета*, самый дружественный къ Россіи органъ нѣмецкой печати, сочла нужнымъ обратить вниманіе на эти свѣдѣнія, кои нами уже разобраны были на дняхъ. Консервативная газета дѣлаетъ видъ будто она желаетъ быть безпристрастною и допускаетъ

что „отчасти" теперешняя дислокація русскихъ войскъ можетъ быть обусловлена новою организаціей арміи; но не отрицаетъ и того что указанное *Кельнскою Газетой* сосредоточеніе можетъ быть истолковано какъ мѣра направленная противъ Германіи. Всѣ эти замѣчанія заставляютъ и *Національную Газету*, другой „безпристрастный" органъ берлинской печати, подозрительно покачать головой и выразить желаніе чтобы „со стороны Россіи послѣдовало разъясненіе по поводу столь необычайныхъ свѣдѣній."

Отъ Россіи требуются разъясненія по поводу разоблаченій *Кельнской Газеты* о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Мы, въ свою очередь, не будемъ допытываться отъ германскихъ газетъ гдѣ и въ какомъ количествѣ сосредоточены различныя части германской военной силы. По этому поводу германская военная администрація, равно какъ и германская печать, умѣютъ хранить молчаніе. Однако всѣмъ извѣстно что огромныя суммы были употреблены Пруссіей на возведеніе новыхъ и усиленіе старыхъ крѣпостей вдоль ея восточной границы. Точно также и Австрія въ послѣдніе годы усиленно перестраивала и расширяла свои сѣверо-восточныя укрѣпленныя мѣста. Это происходило въ пору самой интимной дружбы между тремя державами, когда князь Бисмаркъ провозглашалъ союзъ между Германіей и Россіей „превыше всякихъ башень." Въ то время, со стороны Россіи не было возбуждаемо никакихъ сомнѣній и подозрѣній вслѣдствіе упомянутыхъ крѣпостныхъ сооруженій. Да и въ настоящее время нѣтъ недостатка въ указаніяхъ несравненно болѣе вѣскихъ нежели увѣренія завѣдомо враждебной Россіи газеты, которыя могли бы подать поводъ къ тревожнымъ предположеніямъ со стороны Россіи.

На дняхъ только, въ коммиссіи Австрійскаго рейхсрата происходили предварительныя совѣщанія по поводу новыхъ предложеній касающихся арміи и военнаго бюджета. Министръ-президентъ графъ Таафе, какъ сообщаютъ по этому поводу вѣнскія газеты, старался убѣдить вожаковъ различныхъ партій что вопросъ объ арміи слѣдуетъ поставить внѣ сферы политическихъ пререканій, и при этомъ указалъ что положеніе дѣлъ на востокѣ настоятельно требуетъ чтобъ Австрія имѣла наготовѣ сильную армію. Главнымъ образомъ министры добивались чтобы парламентъ согласился на установленіе продолжительнаго, десятилѣтняго періода военнаго бюджета, такъ чтобы въ теченіе этого времени палаты не могли сокращать ни денежныхъ расходовъ на армію, ни численнаго состава оной, причемъ было прямо заявлено что „таково требованіе предъявляемое Австріи со стороны ея могучаго союзника," и что при неисполненіи этого условія „этотъ союзникъ можетъ быть потерянъ, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ не можетъ считать Австрію равною себѣ силой." И представители фракцій, по тѣмъ же извѣстіямъ, убѣдились этими доводами и обязались предъ министерствомъ провести новый законъ въ палатахъ „объективно," не дѣлая его предметомъ политическихъ пререканій между партіями.

Берлинскія газеты приняли это послѣднее извѣстіе съ большимъ удовольствіемъ, нисколько не скрывая что тутъ оказалось вліяніе того соглашенія между Германіей и Австріей коего содержаніе до сихъ поръ хранится въ тайнѣ, но относительно котораго съ самаго начала весьма прозрачно намекалось что Германія выговорила себѣ на случай войны приблизительно такія же права надъ военными силами Австріи какими она, по Никольсбургскому соглашенію 1866 года, пользовалась относительно армій южно-германскихъ государствъ.

На этомъ основаніи, берлинская печать именно въ послѣдніе дни чрезвычайно подняла тонъ, разсуждая о политическихъ комбинаціяхъ ближайшаго будущаго. Подводя итогъ тѣмъ силамъ отъ столкновенія и взаимодѣйствія которыхъ можетъ зависѣть „миръ Европы," берлинскія газеты принимаютъ австро-германскую силу за одну. „Не на бумажныхъ параграфахъ," такъ выражается по этому поводу *Національная Газета*, „и не на сентиментальныхъ чувствахъ того или другаго изъ государственныхъ людей покоится нынѣ миръ Европы, а на желѣзномъ фундаментѣ военной силы которой нѣтъ и не было равной."

Но если такъ, то почему та же самая газета прикидывается встревоженною тѣмъ что нѣкоторое количество баталіоновъ русской арміи расположены здѣсь, а не тамъ?

№ 290.

Москва, 12-го ноября.

Англійскіе политики рьяно пререкаются другъ съ другомъ; демонстраціи противныхъ партій и рѣчи ихъ вожаковъ оживленно чередуются въ предчувствіи что парламенту остается прожить всего одну сессію, если только онъ не будетъ распущенъ ранѣе. И всѣ пререканія вертятся главнымъ образомъ на иностранной политикѣ: либералы корятъ торійскихъ министровъ за то что они усиливаютъ раздраженіе между Англіей и Россіей; консервативы, со своей стороны, уличаютъ оппозицію въ недостаткѣ патріотизма и равнодушіи къ интересамъ Британской имперіи, на что либералы, въ свою очередь, опять возражаютъ что они не менѣе цѣнятъ достояніе и величіе страны, не менѣе ревностны къ отпору русскаго честолюбія, только они берутся исполнить это искуснѣе и не ссорясь съ Россіей. Все это терто, перетерто; все это до смерти надоѣло. Интереснѣе подмѣчать какъ въ этихъ пререканіяхъ отражается общее положеніе европейскихъ дѣлъ. Смѣшно въ самомъ дѣлѣ думать чтобы воинственный задоръ торійскихъ крикуновъ противъ Россіи могъ быть теперь менѣе напускнымъ чѣмъ полтора года тому назадъ когда Англія привозила горсть своихъ сипаевъ въ Средиземное Море на показъ. Но не подлежитъ сомнѣнію что теперь въ Европѣ ведется бойкая дипломатическая игра, въ которой ходы весьма тонко разчитаны, и задорныя рѣчи англійскихъ министровъ, по всему вѣроятію, имѣютъ въ этой игрѣ свое значеніе.

Послѣднимъ вкладомъ въ полемику англійскихъ политиковъ является рѣчь г. Форстера, бывшаго министра въ кабинетѣ г. Гладстона. Такъ какъ премьеръ въ Гильдгальской рѣчи своей удивилъ всѣхъ безмолвіемъ о самыхъ интересныхъ предметахъ, то г. Форстеру пришлось вернуться къ лорду Солсбери, превозносившему и прославлявшему какъ „благую вѣсть“ австро-германское соглашеніе за то что оно де направлено къ обузданію Россіи. Бывшій либеральный министръ, возражая лорду Солсбери, находитъ его рѣчь лишенною достоинства и самоуваженія Но полагаетъ ли г. Форстеръ что лордъ Солсбери ошибся въ своемъ толкованіи „благой вѣсти?“ Нѣтъ, споръ ихъ вовсе не о томъ. „Благая вѣсть,“ по лорду Солсбери, заключалась въ томъ что Германія поможетъ Австріи въ удержаніи Россіи за Балканами. „Конечно поможетъ,“ подтвердилъ и г. Форстеръ, объясняя почему: „У Германіи, со времени ея великой войны, была одна великая боязнь, — боязнь отместки со стороны Франціи. Эта боязнь всего вѣроятнѣе внушила нѣкоторымъ государственнымъ людямъ Германіи мысль что пожалуй де можетъ возникнуть союзъ между Франціей и Россіей.“ Именно вслѣдствіе этого, какъ объясняетъ г. Форстеръ, самъ онъ и другіе либералы вполнѣ убѣждены что Германія не допуститъ Россію до Константинополя, также какъ этого не допуститъ и Австрія, и что слѣдовательно Англіи о томъ заботиться нечего. Но онъ упрекаетъ лорда Солсбери, вкупѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ, въ безтактности за то что они будто бы „оказались воскомъ“ въ рукахъ князя Бисмарка и графа Андраши, играли на руку Германіи и Австріи и въ результатѣ отвратили гнѣвъ Россіи отъ этихъ двухъ странъ на Англію. Лорду Солсбери нужно де было попридержать языкъ.

Весьма кстати, рѣчь г. Форстера приводитъ на память замѣчаніе недавно сдѣланное одною англійскою газетой. Въ безалаберной борьбѣ французскихъ партій она подмѣтила одну черту: вопросъ объ арміи и ея организаціи, какъ бы по безмолвному соглашенію, всегда оставался въ сторонѣ. Мѣнялись президенты, Тьеръ, Макъ-Магонъ, Греви, еще чаще мѣнялись ихъ министры, мѣнялось самое большинство въ палатахъ, — то реакціонное, то радикальное, — интриговали претенденты, воюютъ клерикалы съ республиканцами, а военнаго вопроса никто не дерзалъ касаться въ видахъ партіи или интриги: явно что на него наложенъ запретъ націей. Для того чтобы поставить армію на прежнюю ногу потребовались громадные налоги, и страна несетъ ихъ безропотно, безнедоимочно. Ни одинъ голосъ, даже самаго завзятаго радикала, ни разу не поднимался за сокращеніе военнаго бюджета; напротивъ, всякое увеличеніе, при всѣхъ министрахъ, принималось палатами какъ дѣло безспорное. Военная повинность примѣняется со строгостью неслыханною при имперіи, и ее несутъ не жалуясь. Значитъ, вопросъ этотъ запалъ глубоко въ сердце народа и интересуетъ его въ сущ-

ности болѣе чѣмъ всѣ формы правленія и всѣ претенденты. Замѣчаніе вѣрное. Могутъ ли не задумываться надъ этимъ фактомъ германскіе политики, хотя бы они и не были высокаго мнѣнія о нынѣшнихъ правителяхъ страны? За легкомысліемъ эфемерно мѣняющихся правителей, они должны замѣтить эту твердую рѣшимость націи, которая налагаетъ узду на всѣ партіи безъ исключенія...

Г. Форстеръ едва ли справедливъ находя что лордъ Солсбери былъ слѣпымъ орудіемъ князя Бисмарка во вредъ Англіи. У англійскнхъ либераловъ своя идея: убѣждать насъ льстивыми словами объ интересахъ цивилизаціи, о нашей общей миссіи въ Азіи и т. п. Торійскіе политики смотрятъ на дѣло проще. Они понимаютъ что, послѣ недавняго прошлаго, возвратиться къ тѣмъ пріемамъ помощью коихъ имѣли успѣхъ лордъ Кларендонъ и лордъ Гранвиль, не такъ-то легко. Но они знаютъ также что для интересовъ Англіи не можетъ быть страшна Россія дѣйствующая не иначе какъ въ соглашеніи съ Германіей и Австріей. Кромѣ того, лордъ Солсбери могъ имѣть въ виду и политиковъ Франціи. Своею „благою вѣстью“ онъ хотѣлъ дать понять что она изолирована и что ей, въ свою очередь, остается только держаться Англіи...

Вотъ въ какомъ видѣ представляется положеніе дѣлъ изъ сопоставленія взаимныхъ пререканій англійскихъ вожаковъ. Мы можемъ только прибавить что повидимому игра еще не кончена, и успѣхъ ея далеко не обезпеченъ.

Въ послѣдніе дни явилась еще загадка... Французскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Сенъ-Валье, посѣтилъ въ Фарцинѣ князя Бисмарка, который въ эту минуту, говорятъ, очень боленъ. Тотчасъ всѣ пошли твердить что это не имѣетъ никакого политическаго значенія, что князь Бисмаркъ еще прежде приглашалъ къ себѣ г. де-Сенъ-Валье, и что это не болѣе какъ отвѣтъ на любезность Бисмарка, сдѣлавшаго въ Вѣнѣ визитъ тамошнему французскому послу; наконецъ, что при болѣзни князя Бисмарка невѣроятно чтобы при этомъ свиданіи зашли политическіе разговоры. Всѣ эти увѣренія какъ будто на то и разчитаны чтобы всякій про себя думалъ противное...

№ 291.

Москва, 13-го ноября.

Исключительныя метеорологическія условія истекающаго года заставлявшія повсюду серіозно опасаться неурожая, въ связи съ попеременными въ теченіи года переходами отъ заминокъ къ необычайному оживленію въ хлѣбной торговлѣ, долгое время, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, подавали поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и выводамъ. Однихъ печалило сокращеніе отпуска хлѣба за границу въ первые мѣсяцы года (сравнительно съ соотвѣтственными мѣсяцами прошлаго), такъ что они въ этомъ фактѣ и въ предполагаемомъ неурожаѣ уже готовы были видѣть „начало конца“ тому подъему народнаго благосостоянія какимъ ознаменовались послѣдніе два-три года. Другіе приходили въ ужасъ отъ чрезмѣрно-усиленнаго отпуска въ осенніе мѣсяцы и выражали опасеніе чтобы нашъ хлѣбъ, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ какія платятъ за него иностранцы, не ушелъ за границу въ такихъ размѣрахъ что мы сами, при недостаточномъ урожаѣ, останемся безъ хлѣба. „Не слѣдовало ли бы,“ серіозно спрашивали иные, „пріостановить на нѣкоторое время вывозъ хлѣба? Продавать можно только излишки, а если мы сами голодаемъ, то, по пословицѣ: своя рубашка къ тѣлу ближе...“ Третьихъ пугала не столько возможность недостатка хлѣба въ самой Россіи, сколько мысль какъ бы высокія цѣны на хлѣбъ не уменьшили размѣровъ нашего отпуска. „Искусственно поднятыя нашими южными спекулянтами цѣны на пшеницу,“ говорила одна изъ петербургскихъ газетъ, „нанесутъ сильный вредъ нашей отпускной торговлѣ. Подобная спекуляція заставитъ иностранныхъ потребителей искать замѣны нашей пшеницы, а однажды утраченный рынокъ не скоро вновь завоевывается.“ На основаніи такого соображенія рекомендовалось даже нѣсколько постѣснить оказывающій поддержку хлѣбо-торговцамъ денежный рынокъ дабы этимъ сдѣлать ихъ посговорчивѣе при продажѣ хлѣба иностраннымъ покупщикамъ.

Трудно судить о томъ на какихъ данныхъ основывались всѣ эти и подобныя имъ столь разнорѣчивыя мнѣнія. Въ то время когда они высказывались, свѣдѣнія

о результатахъ урожая нынѣшняго года еще не были собраны; о немъ можно было составлять себѣ лишь весьма гадательное представленіе по отрывочнымъ извѣстіямъ изъ разныхъ мѣстностей, извѣстіямъ большею частію носящимъ случайный характеръ. Теперь дѣло начинаетъ разъясняться. Точнаго итога результатамъ нынѣшняго урожая, правда, нельзя еще подвести и въ настоящее время. Но рядъ оффиціальныхъ сообщеній касающихся урожая во многихъ губерніяхъ все-таки даетъ возможность оріентироваться. Ниже читатели найдутъ извлеченныя преимущественно изъ такимъ оффиціальныхъ данныхъ „свѣдѣнія объ урожаѣ" обнимающія почти всѣ районы Европейской Россіи.

Урожай, какъ и всегда почти бываетъ въ Россіи, распредѣлился по разнымъ мѣстностямъ весьма неуравнительно. Нѣкоторые уѣзды и даже цѣлыя губерніи постигнуты неурожаемъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего выходящаго изъ ряда обычныхъ ежегодныхъ явленій въ такой обширной странѣ какъ Россія. Районы, гдѣ сборъ хлѣба оказывается недостаточнымъ, могутъ превосходить пространствомъ не только Англію, но и любое изъ прочихъ западно-европейскихъ государствъ, и тѣмъ не менѣе неурожай въ такихъ районахъ остается у насъ явленіемъ мѣстнымъ и не пріобрѣтаетъ характера общаго бѣдствія, вознѣщаясь урожаемъ во множествѣ другихъ нашихъ областей. Такой мѣстный характеръ остается и за недородомъ хлѣба въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ текущемъ году. Въ общемъ же выводѣ, результаты урожая оказываются если не блестящими, то во всякомъ случаѣ удовлетворительными, гораздо болѣе удовлетворительными чѣмъ можно было ожидать судя по погодѣ. Не былъ повсемѣстно блестящимъ и прошлогодній урожай, однако не подавалъ повода къ сѣтованіямъ; урожай же нынѣшняго года, судя по собраннымъ свѣдѣніямъ, если и уступаетъ нѣсколько прошлогоднему въ обиліи, то едва ли много. Въ общемъ выводѣ, урожай озимаго хлѣба хуже, за то урожай яровыхъ хлѣбовъ лучше прошлогодняго. Плохо уродилась рожь, за то хорошо уродилась пшеница.

Во всякомъ случаѣ, имѣющіяся въ виду свѣдѣнія о результатахъ урожая, особенно при большихъ хлѣбныхъ запасахъ остающихся отъ прежнихъ лѣтъ, не оставляютъ мѣста никакимъ опасеніямъ недостатка хлѣба какъ на удовлетвореніе внутренней въ немъ потребности, такъ и для сбыта его за границу въ большихъ размѣрахъ. Не представляютъ эти свѣдѣнія основаній и къ тому чтобы приписывать недостаточности урожая и обратившій на себя вниманіе общій, можно сказать небывалый, подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Удивительнаго въ этомъ встревожившемъ многихъ подъемѣ цѣнъ нѣтъ ничего. Помимо размѣровъ урожая, для объясненія этого подъема цѣнъ имѣется въ виду столько причинъ что можно лишь затрудняться на которой прежде всего слѣдуетъ остановиться.

Вопервыхъ, не безъ вліянія на быстрый подъемъ цѣнъ въ нашихъ портахъ осталась причина совершенно случайная, но у насъ довольно обычная — задержка въ пути идущихъ къ портамъ хлѣбныхъ грузовъ, задержка не позволяющая удовлетворять немедленно и сполна предъявленный изъ-за границы спросъ на хлѣбъ по недостатку въ портахъ наличныхъ запасовъ. Правда, въ моментъ самаго высокаго подъема хлѣбныхъ цѣнъ въ минувшемъ октябрѣ, иные у насъ относились съ сомнѣніемъ къ факту этой задержки хлѣба внутри Россіи. Но какъ разъ въ то самое время когда мы читали въ печати выраженіе этихъ сомнѣній была получена нами, 13 октября, телеграмма со станціи Калкуны, извѣщавшая о намѣреніи предсѣдателя коммиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла, генералъ-адъютанта графа Баранова, отправиться на Лозово-Севастопольскую дорогу въ виду дошедшихъ свѣдѣній что на этой дорогѣ оказываются „громадныя, все увеличивающіяся залежи хлѣба." Но Лозово-Севастопольская дорога не представляла въ данномъ случаѣ единственнаго исключенія.

Но всего болѣе, конечно, долженъ былъ вызвать подъемъ цѣнъ почти повсемѣстный неурожай въ Западной Европѣ. Въ Германіи результаты жатвы таковы что многіе тамъ, на основаніи ихъ, домогаются хотя бы временной пріостановки взиманія установленныхъ пошлинъ на привозимый хлѣбъ. Въ Австро-Венгріи и Италіи, неурожай во многихъ мѣстностяхъ грозитъ просто голодомъ. О размѣрѣ же неурожая въ Англіи можно судить уже изъ того что англійскіе министры, въ виду ропота Ирландцевъ на свое бѣдствен-

ное положеніе, публично заявляютъ, для успокоенія публики, что каковъ бы ни былъ неурожай въ Ирландіи, онъ все-таки не можетъ идти и въ сравненіе съ повсемѣстнымъ неурожаемъ въ самой Англіи... При усиленномъ спросѣ на русскій хлѣбъ для продовольствія населеній во всѣхъ этихъ постигнутыхъ неурожаемъ странахъ, можно ли удивляться что цѣны на хлѣбъ быстро пошли у насъ въ гору, какъ только размѣры неурожая въ этихъ странахъ достаточно обозначились?

Но имѣется въ виду и еще одна причина, которая тоже не могла остаться безъ вліянія на необыкновенную быстроту подъема хлѣбныхъ цѣнъ. Начало года ознаменовалось у насъ извѣстною „чумною" комедіей. Эта комедія не прошла безслѣдно для нашего отпуска. Почти повсемѣстныя карантинныя задержки кораблей везшихъ грузы изъ русскихъ портовъ не могли не отзываться убытками на интересахъ русскихъ продавцовъ хлѣба. Подъ вліяніемъ этихъ карантинныхъ стѣсненій не могли не сократиться самые размѣры нашего хлѣбнаго отпуска, и они дѣйствительно сократились, сократились именно въ первые пять мѣсяцевъ года, когда карантинныя мѣры противъ насъ были въ ходу, съ тѣмъ чтобы вслѣдъ за отмѣной этихъ мѣръ немедленно вновь расшириться и превзойти помѣсячные хлѣбные отпуски прошлаго года. Устроенные противъ насъ карантины обошлись намъ не дешево. Но еще дороже, какъ видимъ, приходится теперь расплачиваться за нихъ тѣмъ странамъ которыя ихъ устраивали. Тотъ хлѣбъ который иностранцы могли бы вывезти отъ насъ въ началѣ года, не торопясь и не набивая цѣнъ другъ предъ другомъ, имъ пришлось затребовать у насъ въ самое горячее время хлѣбныхъ оборотовъ, поднявъ тѣмъ цѣны къ своей невыгодѣ и къ выгодѣ русскихъ производителей хлѣба и хлѣботорговцевъ, получившихъ въ этомъ подъемѣ цѣнъ вознагражденіе за тѣ заминки и стѣсненія въ дѣлахъ которыя были искусственно созданы чужеземною интригой въ началѣ года. И вотъ къ этимъ русскимъ торговцамъ обращаются съ увѣщаніемъ чтобъ они не пользовались преимуществами своего нынѣшняго положенія и продавали русскій хлѣбъ иностранцамъ подешевле! Опредѣляющій цѣны экономическій законъ спроса и предложенія рекомендуется нарушить дабы иностранцы не потерпѣли отъ дороговизны русскаго хлѣба. Этотъ совѣтъ высказывается, правда, подъ видомъ заботливости о сохраненіи за русскимъ хлѣбомъ его европейскихъ рынковъ. Но ради такой цѣли можно было бы рекомендовать только воздерживаться отъ подъема цѣнъ выше тѣхъ по которымъ могутъ доставить его въ Европу другіе, напримѣръ Американцы, а никакъ не продешевлять своего товара. Въ настоящій же моментъ, кажется, и Американцы продаютъ хлѣбъ не дешевле нашего.

До какихъ размѣровъ дошелъ нашъ хлѣбный отпускъ въ настоящее время, менѣе ли онъ прошлогодняго, сравнялся ли съ нимъ, или превзошелъ его, пока неизвѣстно; но можно быть увѣрену что этимъ отпускомъ не причинено въ Россіи ничего похожаго на безхлѣбье. И конечно нужно имѣть слишкомъ своеобразный взглядъ чтобъ огорчаться тѣмъ что хлѣбъ нашъ въ текущемъ году идетъ за границу по цѣнамъ о которыхъ наше земледѣліе въ недавнее еще время даже не мечтало.

Конечно, всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону. Высокія цѣны на хлѣбъ, очень выгодныя для большинства населенія живущей земледѣліемъ Россіи, невыгодны для тѣхъ кто хлѣба не производитъ, невыгодны и для крестьянскаго населенія тѣхъ мѣстностей гдѣ своего хлѣба на годовое продовольствіе не хватаетъ, и гдѣ дополняютъ недочетъ своего хлѣба сторонними земледѣлію промыслами и заработками. Они, конечно, не могутъ радоваться тому что, напримѣръ, въ Москвѣ фунтъ чернаго хлѣба поднялся въ цѣнѣ съ 2 до $2^1/_2$ коп. Но принимая это во вниманіе, не слѣдуетъ упускать изъ виду того соображенія что указанное вздорожаніе хлѣба для людей живущихъ промыслами и заработками не будетъ тяжело при успѣшномъ ходѣ этихъ промысловъ и заработковъ. А эта успѣшность находится у насъ въ прямой зависимости отъ обилія средствъ въ рукахъ собственно земледѣльческаго населенія. Чѣмъ этихъ средствъ больше, тѣмъ большій и выгоднѣйшій спросъ предъявляется на работу и продукты промышленныхъ мѣстностей. Само собою разумѣется что если избытки средствъ полученные отъ выгодной продажи хлѣба пойдутъ преимущественно на закупку не русскихъ, а иностранныхъ товаровъ, то покупка вздорожавшаго хлѣба будетъ облегчена не русскому, а иностранно-

му рабочему люду. Но въ этомъ случаѣ есть весьма дѣйствительный способъ склонить вѣсы къ русской выгодѣ. Это пересмотръ нашего таможеннаго тарифа, ставшаго анахронизмомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какъ внутреннихъ, такъ и международныхъ.

№ 292.

Москва, 15-го ноября.

Не все улыбается правительству лорда Беконсфильда. Оно счастливо покончило войну съ Сетевайо; оно не только добыло научную границу на счетъ Афганистана, но и распоряжается по своему въ Кабулѣ, не показывая вовсе намѣренія оставить страну; наконецъ на дняхъ оно энергически взялось за подавленіе анархіи въ Малой Азіи, заставивъ султана угрозой флота послать извѣстнаго Бекеръ-пашу водворить миръ и благоденствіе между Курдами и Черкесами въ Арменіи. И вмѣсто отдыха послѣ такого подвига, лорду Беконсфильду приходится серіозно подумать о мѣрахъ для предотвращенія анархіи гораздо ближе, въ Ирландіи, гдѣ, по мнѣнію многихъ, такою опасностью стали грозить аграрныя волненія. Говорятъ что послѣднія засѣданія кабинета были всего болѣе заняты именно этимъ вопросомъ, и этому можно повѣрить. Ирландскія дѣла, это самое непріятное затрудненіе для всякаго англійскаго министра, какой бы онъ ни былъ партіи, какъ это испыталъ и лордъ Беконсфильдъ въ 1867 году, когда онъ только что послѣ успѣшнаго проведенія билля о парламентской реформѣ, сорвался именно на ирландскихъ дѣлахъ. Результатомъ министерскихъ совѣщаній въ настоящее время былъ арестъ трехъ агитаторовъ которые имѣютъ быть преданы суду за мятежныя рѣчи произнесенныя ими на одномъ митингѣ.

Положеніе дѣлъ предъ этимъ въ Ирландіи несомнѣнно приняло довольно тревожный характеръ, обязывающій всякое правительство озаботиться предупредительными мѣрами. Даже оппозиціонныя газеты, хотя и высказываютъ разныя мнѣнія о благоразуміи или пригодности принятыхъ мѣръ, признаютъ что правительство было въ правѣ и вѣроятно дѣйствовало на основаніи достаточныхъ свѣдѣній. Правительственные же органы прямо говорятъ о соціальномъ, даже соціалистическомъ движеніи, коему слѣдуетъ де положить конецъ. Въ чемъ же дѣло?

Англію, какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году постигъ неурожай, который тѣмъ чувствительнѣе что послѣдовалъ за четырехлѣтними неурожаями и безпримѣрнымъ застоемъ торговли. Тѣмъ же бѣдствіемъ страдаетъ и Ирландія, только повидимому въ большей степени. Лордъ Беконсфильдъ не согласенъ съ этимъ и въ послѣдней рѣчи своей въ Гильдгаллѣ упрекалъ Ирландцевъ за то что они не такъ мужественно переносятъ испытанія какъ ихъ братья Англичане, между тѣмъ какъ у нихъ урожай все-таки былъ много лучше чѣмъ въ Англіи. На этотъ счетъ, однако, мнѣнія различны; иные, правда, утверждаютъ что бѣдствіе имѣетъ лишь мѣстный характеръ и требуетъ мѣстныхъ мѣръ, другіе же опасаются общаго голода въ такомъ обширномъ размѣрѣ какъ въ 1847 году. Надо взять также въ соображеніе радикальную разницу въ положеніи обѣихъ странъ. Крайне немногочисленный классъ землевладѣльцевъ въ обѣихъ странахъ одинаково долженъ ограничиться полученіемъ меньшихъ доходовъ. Но затѣмъ въ Англіи главный убытокъ отъ неурожая несутъ фермеры, люди съ капиталомъ которые при случаѣ могутъ бросить земледѣліе и помѣстить свой капиталъ въ болѣе выгодное дѣло. И дѣйствительно, въ Англіи много арендъ пустуютъ. Англійскіе фермеры, это своего рода *gentry* низшаго разряда. Собственно же крестьяне тамъ суть сельскіе рабочіе по найму, которые во всякомъ случаѣ получили плату за полевые труды, каковъ бы ни былъ годъ, урожайный или нѣтъ. Притомъ, огромный процентъ народа составляетъ промышленный классъ, имѣющій сбереженія, ведущій подчасъ борьбу съ капиталистами. Фабричные рабочіе то бѣдствуютъ, то благоденствуютъ смотря по ходу торговли. Въ Ирландіи промышленное населеніе ничтожно, и большинство народа занято земледѣліемъ. Эти крестьяне-пролетаріи и есть фермеры снимающіе землю мелкими участками. Для нихъ неурожай есть несостоятельность, изгнаніе и голодная смерть. Послѣ голода 1847 года населеніе Ирландіи уменьшилось на три милліона отъ громадной смертности и эмиграціи въ Америку. Газета *Times* и теперь рекоменду-

отъ эмиграцію, но понятно что бѣдняки держатся крѣпко родной земли.

Агитація началась тотчасъ по закрытіи сессіи, когда самый безпокойный изъ *гомъ-рулеровъ*, членъ парламента, г. Парнеллъ, отправился въ объѣздъ по Ирландіи, организовалъ тамъ „центральную ассоціацію фермеровъ" (*Central Tenants' Association*) и началъ явно агитировать о сбавкѣ ренты помѣщиками. Собственники, подобно какъ и въ Англіи, сами понимаютъ необходимость сбавки, и во многихъ случаяхъ изъявляютъ готовность понизить ренту на 5, на 10 и болѣе процентовъ, соглашаются на отсрочки, прощаютъ недоимки. Но это не удовлетворяетъ. Требованія фермеровъ, открыто одобряемыя г. Парнелломъ, сводятся къ „разсудительной" сбавкѣ, по усмотрѣнію самихъ фермеровъ, а если де помѣщики на то не согласятся, то г. Парнеллъ и другіе ораторы совѣтуютъ вовсе не платить ренты и въ то же время оставаться на землѣ, не покидать своихъ фермъ, увѣряя что собственники не посмѣютъ согнать ихъ. Тутъ выражается давнишняя задушевная мечта всѣхъ Ирландцевъ—закрѣпленіе арендъ за фермерами (*fixity of tenure*) Не довольствуясь этимъ, г. Парнеллъ поднялъ и другую агитацію—о созданіи крестьянской поземельной собственности посредствомъ выкупа земельныхъ участковъ у помѣщиковъ при помощи правительства, на основаніи такъ-называемыхъ Брайтовыхъ статей поземельнаго акта 1870 года, которыя, сказать мимоходомъ, остаются почти безъ дѣйствія. Наконецъ, для облегченія народнаго бѣдствія, отъ правительства требуется чтобъ оно предприняло общественныя работы въ странѣ, и комитетъ сепаратистовъ (гомъ-рулеровъ) собирался явиться съ этою просьбой къ самому лорду Беконсфильду. Митинги для заявленія сочувствія ко всѣмъ такимъ требованіямъ не прерывались всю осень, до послѣдней минуты, когда арестъ трехъ агитаторовъ далъ народному чувству другое направленіе. Впрочемъ, въ томъ что агитація эта не совсѣмъ искусственная и бѣдствія народа очень велики убѣждаетъ фактъ что немногіе ландлорды, преимущественно изъ націоналистовъ, то-есть Ирландцевъ, добровольно дѣлали большія уступки фермерамъ. Такъ маіоръ О'Горманъ, *гомъ-рулеръ* и членъ парламента, понизилъ ренту на своихъ помѣстьяхъ отъ 40 до 70%; г. Кроу сдѣлалъ сбавку въ 20%, и возвратилъ излишекъ тѣмъ изъ фермеровъ которые уже уплатили ему ренту сполна; г. Уэстропъ простилъ своимъ фермерамъ полугодовой взносъ безо всякой просьбы съ ихъ стороны; г. Блёдъ и полковникъ Бутлеръ сдѣлали сбавки по 20%. Притомъ можно замѣтить что г. Парнеллъ, ставшій во главѣ агитаціи, самъ ирландскій помѣщикъ, а его братъ, тоже помѣщикъ, недавно предложилъ своимъ фермерамъ выкупить ихъ участки на весьма льготныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, о примѣрахъ щедрости очень рѣдко читаемъ въ газетахъ; напротивъ, гораздо болѣе находимъ въ нихъ письма изъ Ирландіи, доказывающія что фермеры въ состояніи де платить ренту, которая вовсе не высока, и даже охотно платили бы еслибъ ихъ не устрашалъ терроризмъ агитаторовъ.

Къ сожаленію, и это правда. Терроризмъ, обычный спутникъ аграрной агитаціи въ Ирландіи, проявился и въ настоящемъ случаѣ. Собственники и ихъ агенты давно уже стали получать письма отъ нѣкоего тайнаго комитета съ изображеніемъ гробовъ и угрозами что дни ихъ изочтены если они посмѣютъ требовать уплаты ренты отъ фермеровъ или сгонять ихъ; также и фермеры, искренно или притворно, заявляютъ что не смѣютъ платить единственно изъ страха угрозъ; авторовъ подметныхъ писемъ полиція никакъ не можетъ разыскать. По понятнымъ причинамъ, о мѣстностяхъ этихъ нарушеній закона и жертвахъ угрозъ очень осторожно упоминается въ газетахъ; впрочемъ, недавно полковникъ О'Каллаганъ, мировой судья въ Меріпортѣ, вслѣдствіе писемъ угрожавшихъ смертью не только ему, но и его женѣ, счелъ нужнымъ обратиться къ покровительству полиціи, и для охраны его присланы ему два констебля.

Полагаютъ что правительство давно уже осаждаютъ со всѣхъ сторонъ просьбы принять, наконецъ, мѣры строгости, что ему доставлено ландлордами много такихъ свѣдѣній которыя не могутъ быть сдѣланы гласными. Наконецъ, оно рѣшилось, и 19 ноября принялось за аресты. На всѣхъ важныхъ митингахъ, по распоряженію ирландскаго намѣстника, присутствовали репортеры для сообщенія о томъ, что на нихъ дѣлается, и это дало поводъ къ аресту трехъ агитаторовъ не такъ искусныхъ и осторожныхъ какъ ихъ руководи-

тель, г. Парнеллъ, а именно бывшаго фенія Девитта, адвоката Киллена и г. Джемса Дели, издателя газеты *Connaught Telegraph*. Всѣ трое были передъ тѣмъ на митингѣ въ Гэртинѣ и держали тамъ рѣчи. Девиттъ убѣждалъ что поземельная рента, „при всякихъ обстоятельствахъ, въ хорошіе и дурные годы, есть несправедливый и безнравственный налогъ на трудъ народа,“ что „ландлордизмъ есть открытый заговоръ противъ благоденствія и счастія народа, и заговоръ этотъ долженъ быть подавленъ тѣми кто страдаютъ отъ него.“ Г. Килленъ говорилъ затѣмъ что „съ тѣхъ поръ какъ проклятые феодальные законы были введены норманскими дикарями, земля Ирландіи была три раза конфискована, и всегда въ пользу аристократіи; теперь требуется четвертая консфискація или вѣрнѣе возвращеніе въ пользу народа, и онъ предоставляетъ слушателямъ рѣшить „перомъ ли это сдѣлать или мечомъ.“ Наконецъ, г. Дели безъ обиняковъ совѣтовалъ фермерамъ, не платить никому кромѣ лавочниковъ. Въ газетѣ своей онъ также постоянно помѣщалъ возмутительныя статьи. Всѣ они были арестованы въ одинъ день и отправлены въ тюрьму въ Слейго.

Аресты эти тотчасъ возбудили множество тревожныхъ слуховъ. Ожидали новыхъ арестовъ, между прочимъ и католическихъ священниковъ принимающихъ участіе въ агитаціи. Говорятъ о сосредоточеніи войскъ въ небольшихъ размѣрахъ для охраненія жизни и собственности въ мѣстахъ гдѣ можно опасаться вспышекъ, о намѣреніи усилить ирландскій гарнизонъ двумя баталіонами изъ Англіи. Потомъ ходятъ слухи якобы о движеніи американскихъ феніевъ, о томъ что фенійскіе агенты тайно бродятъ по всей странѣ раздувая волненіе, что въ Ирландію какъ-то доставлены тайные склады оружія, наконецъ будто фенійская организація обладаетъ быстрыми военными пароходами, готовыми предпринять нѣчто.

Покамѣсть сдѣланные аресты только подлили масла въ огонь и дали агитаціи новое направленіе. Повсюду не только въ Ирландіи, но и въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лондонѣ, Глазго, вездѣ гдѣ живутъ массами Ирландцы, арестами вызваны митинги для протеста и заявленія сочувствія жертвамъ. Собирается фондъ на издержки ихъ защиты въ судѣ. Высказывается увѣренность въ ихъ оправданіи. Дублинская *Nation* восклицаетъ: „Вся Ирландія станетъ за осужденными, вся страна поддержитъ ихъ, и результатомъ, какъ мы не сомнѣваемся, будетъ нравственное пораженіе правительства, честь и слава тѣмъ кого оно ищетъ предать въ жертву, и рѣшительная побѣда національнаго дѣла.“ Въ томъ же тонѣ вторятъ и всѣ ирландскія газеты. Устрашеніе арестами не укротило и поземельной агитаціи. На митингѣ въ Дублинѣ 21 ноября ораторствовали члены парламента гг. Смайтъ (*Smyth*), Грей (*Gray*) и Парнеллъ. Г. Смайтъ объявилъ эти аресты „ошибкой, глупостью и преступленіемъ.“ Г. Парнеллъ заявилъ что правительство хочетъ вызвать этимъ средствомъ народъ на незаконные пути, и упрашивалъ слушателей не доставлять этого удовольствія „мяснику бѣдныхъ Афганцевъ и истребителю Зулуевъ,“ а продолжать агитацію „конституціоннымъ способомъ.“ „Мы докажемъ нашимъ правителямъ что насъ не испугаютъ шарлатанства Дизраэли. Арестовъ ихъ мы не боимся. Увѣренные въ правотѣ нашего дѣла, мы будемъ идти до конца, не уклоняясь ни на дюймъ отъ своей цѣли, а именно права Ирландскаго народа владѣть землей Ирландіи.“ О вліяніи г. Парнелла можно судить по тому что назначенный на субботу митингъ въ Баллѣ прошелъ спокойно.

Нельзя не замѣтить что кабинетъ лорда Беконсфильда самъ отчасти виноватъ въ созданіи этого новаго затрудненія, предъ которымъ становится въ тупикъ. Кокетничанье его съ *гомъ-рулерами* было слишкомъ замѣтно въ то время когда голоса ихъ ему были нужны для поддержанія въ парламентѣ его восточной политики; за это Ирландцамъ давались взятки на вѣроисповѣдныя школы, коихъ иначе они никогда бы не получили. Потомъ правительство высказывало сочувствіе къ бѣдствіямъ англійскихъ фермеровъ и нарядило коммиссію для раслѣдованія причинъ упадка земледѣлія. Тутъ былъ разчетъ удержать этихъ фермеровъ на сторонѣ торіевъ, возбуждая смутныя надежды на возвращеніе къ хлѣбнымъ пошлинамъ. Мудрено ли что ирландскіе фермеры по своему стали искать себѣ облегченія? Что касается вождей агитаціи, то мы не увѣрены что и теперь они не думаютъ сорвать новую взятку для Ирландіи. Мы уже упо-

минали о ихъ требованіи чтобы правительствомъ были предприняты общественныя работы.

Вотъ еще черта говорящая о смѣлости и рѣшительности дѣйствій ирландскихъ націоналистовъ въ настоящую минуту. Клеймя позоромъ лорда Беконсфильда, имя коего вызвало свистки, г. Парнеллъ грозно крикнулъ и на англійскихъ либераловъ: „Пусть они знаютъ, что мы оставимъ лорда Беконсфильда и К° грабить британскихъ плательщиковъ налоговъ пока либеральная партія не образумится къ сознанію правъ нашего народа.“ Характеристично также письмо католическаго епископа въ Сальфордѣ, въ коемъ онъ одобряетъ что ирландскіе избиратели въ Англіи совѣщаются какъ лучше помочь интересамъ Ирландіи: „Вамъ нельзя ожидать ни отъ одной изъ великихъ политическихъ партій въ Англіи полной справедливости для законныхъ требованій Ирландіи.“

Ирландцы, какъ видно, сознаютъ свою силу между обѣими партіями, чѣмъ конечно не облегчается настоящее затрудненіе.

№ 293.

Москва, 16-го ноября.

Положеніе партіи въ Прусскомъ ландтагѣ достаточно обрисовалось. Никогда еще, замѣчаютъ нѣмецкія газеты, составъ палаты и правительства не былъ такъ однороденъ, никогда еще правительство не располагало такимъ прочнымъ и значительнымъ большинствомъ какъ теперь. Почти всѣ націоналъ-либералы подаютъ голоса вмѣстѣ съ консервативами въ пользу законопроектовъ „консервативнаго правительства.“ Собственно оппозицію составляютъ только прогрессисты, слабые числомъ, разбитые на выборахъ, хотя все еще задорные.

Между тѣмъ, казалось бы, внутреннее положеніе Германіи могло бы давать пищу для оппозиціи.

Сессіи мѣстныхъ ландтаговъ, Прусскаго, Баварскаго, Баденскаго, Саксонскаго, раскрыли тяжелое экономическое положеніе Германіи. Цѣны на жизненные продукты повсемѣстно поднялись „небывалымъ образомъ“, такъ что приходится хлопотать о возстановленіи давно уже отмѣненной таксы на хлѣбъ и мясо; заработная плата напротивъ упала; нѣкоторымъ мѣстностямъ, какъ напримѣръ Верхней Силезіи, грозитъ просто голодъ; бюджеты всюду заключены съ большими дефицитами, для покрытія коихъ требуются займы и увеличеніе налоговъ, и безъ того „весьма тяжелыхъ“ и неравномѣрныхъ.

Рядомъ съ этимъ въ послѣдніе годы, какъ замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „нравственность упала, религіозность тоже“ и въ такой степени какая не можетъ не возбуждать серіозныхъ опасеній если только не будутъ своевременно приняты должныя мѣры. Число преступленій возрасло въ „ужасающихъ размѣрахъ,“ внушающихъ опасеніе за будущее нравственное и экономическое благосостояніе страны. „Пьянство усилилось, „въ послѣдніе годы число шинковъ и трак„тировъ увеличилось въ значительной сте„пени.“ Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, подготовляютъ удобную почву для соціалистской пропаганды, особенно въ средѣ рабочаго класса.

За то съ соціально-революціонною пропагандой правительство ведетъ безпощадную борьбу. Законъ о противозаконныхъ сообществахъ и сочиненіяхъ даетъ ему сильное оружіе. Этотъ законъ дѣйствуетъ уже два года; однако и до сихъ поръ въ рѣдкомъ нумерѣ нѣмецкихъ газетъ не встрѣчается болѣе или менѣе длинный перечень запрещаемыхъ книгъ, журналовъ, сообществъ. Осадное положеніе Берлина и окрестностей, существующее уже годъ, отсрочено еще на годъ, какъ сообщаетъ сегодняшняя телеграмма изъ Берлина.

Но правительство не останавливается на внѣшнихъ проявленіяхъ зла. Рядъ законопроектовъ внесенныхъ въ Прусскій ландтагъ и особенно объяснительныя записки, обычно присоединяемыя къ законопроектамъ, показали что правительство стремится отнять почву у зла, или, какъ выражается *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, отнять у агитаціи возможность противопоставлять народъ государству какъ двѣ враждебныя силы и тѣмъ вредить здоровому развитію страны. „Съ тѣхъ поръ,“ прибавляетъ органъ близкой къ правительству вольно-консервативной партіи, „съ тѣхъ поръ какъ законъ о таможен„ныхъ пошлинахъ уволилъ въ отставку „политику laisser aller et faire, задачей „государства становится не только покро-

„вительство народному труду, но охране-„ніе экономически слабаго отъ эксплуата-„ціи, прикрывающейся личиной законно-„сти, но безстыдной, служащей главною „причиной распространенія въ народѣ со-„ціально-демократическихъ ученій.“

Такова подкладка законопроектовъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, о налогѣ на торговлю спиртными напитками, объ общинныхъ податяхъ и сборахъ. „Частное же-„лѣзно-дорожное общество смотритъ на „линію,“ говорилъ въ палатѣ прусскій министръ путей сообщенія, какъ на промы-„шленное предпріятіе, „какъ на сигарную фабрику;“ оно эксплуатируетъ страну въ интересахъ немногихъ владѣльцевъ акцій; правительство, напротивъ, стремится дать странѣ только удобные, дешевые пути сообщенія, руководясь дѣйствительными потребностями и не думая объ извлеченіи доходовъ.

„Но въ такомъ случаѣ“, замѣчаютъ органы прогрессистовъ, „государство возь-„метъ въ свои руки все страховое дѣло, „и оно уже замышляетъ это.“ „Въ са-момъ дѣлѣ“, отвѣчаетъ на это одинъ изъ правительственныхъ органовъ, „скоро про-„чтемъ извѣстіе что государство купило „дѣло общества „страхованія зеркальныхъ „стеколъ отъ боя.“ Но въ слѣдъ за шуткой, органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Газета*, весьма серіозно замѣчаетъ что всѣ эти запугиванья явно разчитаны на то чтобы возбудить замѣшательство и недовѣріе къ мѣрамъ кои придется принять въ страховомъ дѣлѣ. Правительство, конечно, не думаетъ взять въ свои руки всѣ многосложныя отрасли страхованія, но оно не можетъ не вступиться въ это дѣло. „Страхованіе отъ огня мо-„жетъ быть оставлено пока въ покоѣ,“ продолжаетъ Бисмаркова газета, „но стра-хованіе жизни крайне нуждается въ са-момъ строгомъ контролѣ.“ Дѣйствительно, даже при полной гласности отчетовъ такихъ обществъ публика не можетъ быть вполнѣ обезпечена: провѣрка этихъ отчетовъ требуетъ спеціальныхъ знаній. Государство можетъ и должно содѣйствовать этой провѣркѣ, тѣмъ болѣе что оно является здѣсь собственно „охранителемъ ин-„тереса наслѣдниковъ застраховавшагося. „Нѣтъ сомнѣнія что солидныя общества,“ прибавляетъ названная газета, „не только „не побоятся такого контроля, но напро-„тивъ примутъ даже на себя часть расхо-„довъ по этому дѣлу,“ такъ какъ увѣренность публики въ прочности предпріятія можетъ только увеличить его доходность. „Но правительство не можетъ остановиться „на этомъ; оно должно самостоятельно „вступиться въ страховое дѣло.“ И вотъ почему: „до сихъ поръ страхованіе жи-„зни приноситъ пользу только состоятель-„нымъ классамъ, будучи совершенно не-„доступно рабочему люду, наименѣе обез-„печенному и затрудняющемуся въ нако-„пленіи сбереженій.“ Такъ-называемые рабочіе союзы пытались помочь дѣлу, но безуспѣшно. Необходимо вмѣшательство государства: „хорошо организованное стра-„ховое правительственное учрежденіе, имѣ-„ющее повсюду свои агентуры, могло бы „предоставить рабочимъ классамъ всѣ бла-„годѣянія возможности страховать свою „жизнь.“ „Такимъ образомъ“, заключаетъ сказанная газета, „интересы рабочаго бы-„ли бы связаны прочною цѣпью съ инте-„ресами государства и изъ-подъ ногъ аги-„таціи исчезла бы почва.“

Эти замѣчанія органа имперскаго канцлера, брошенныя почти вскользь, очерчиваютъ однако программу дѣйствій и даютъ понять какими пріемами Прусское правительство лишаетъ силы оппозицію, не дѣлая ей ни малѣйшихъ уступокъ.

№ 294.

Москва, 17-го ноября.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ газеты *Times*, мы прочли преинтересное сообщеніе ея вѣнскаго корреспондента. Приводя слухъ о какихъ-то ожидаемыхъ большихъ перемѣнахъ въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ, корреспондентъ высказываетъ увѣренность что эти личныя перемѣны повлекутъ за собою переворотъ въ политикѣ Россіи. Ожиданіе же это онъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Несовсѣмъ удовлетворительное положеніе Россіи со времени Берлинскаго конгресса постепенно привело де къ убѣжденію въ русскихъ руководящихъ сферахъ что пора покончить съ неопредѣленною политикой на Востокѣ и, какъ это было послѣ Парижскаго трактата, „принять политику опредѣленную.“ Оба случая, хотя во многомъ весьма различные, представляютъ де нѣкоторую аналогію, такъ

какъ Россія, несмотря на многія пріобрѣтенныя ею въ послѣднемъ случаѣ выгоды, все-таки находитъ что имѣвшаяся въ виду цѣль достигнута лишь на половину и что у ней „почти еще менѣе поводовъ быть довольною этимъ результатомъ чѣмъ могла быть она довольна результатомъ послѣ пораженія въ 1855 году.“ Но между тѣмъ какъ послѣ Крымской политики, русская политика на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ избрала себѣ девизомъ пресловутое *la Russie se recueille*, теперь въ дѣйствіяхъ Россіи была де замѣтна двойственность и, въ одно время съ увѣреніями въ согласіи ея на полурѣшеніе, „ея мѣстные агенты во всѣхъ вопросахъ связанныхъ съ Берлинскимъ улаженіемъ дѣйствовали такъ какъ будто бы ихъ инструкціи предписывали имъ дѣйствовать въ ущербъ этому улаженію.“ Эти противоположныя теченія въ русской политикѣ, по замѣчанію корреспондента, „естественно“ пораждали сомнѣнія и опасенія касательно дѣйствительныхъ намѣреній Россіи, что̀ отражалось де и на ея внѣшнихъ дѣлахъ и „въ извѣстной мѣрѣ вело къ ея изолированію.“ Но корреспондентъ успокаиваетъ насъ надеждой что все это весьма вскорѣ должно перемѣниться, ибо въ русскихъ руководящихъ сферахъ замѣтили наконецъ невыгоды такого положенія дѣлъ и вскорѣ будутъ де приняты мѣры чтобы положить этому конецъ „устраненіемъ тѣхъ лицъ имена коихъ наиболѣе отождествились съ такою нерѣшительною политикой и изданіемъ такихъ инструкцій которыя поселятъ, по крайней мѣрѣ на время, общее убѣжденіе въ Европѣ что Россія рѣшилась помириться съ тѣмъ что̀ сдѣлано и болѣе не возбуждать Восточнаго вопроса. Но этого мало. Какъ „гарантія“ положительности такого заключенія, по увѣренію корреспондента, одновременно съ закрытіемъ Восточнаго вопроса, „будутъ немедленно предприняты обширныя внутреннія реформы въ Россіи, не допускающія и мысли о какомъ-либо значительномъ внѣшнемъ предпріятіи.“ Корреспондентъ внушительно прибавляетъ будто чрезъ немного дней уже можно будетъ судить о вѣрности его взгляда.

Должно-быть дипломатическая игра которая велась въ послѣднее время далеко еще, какъ мы замѣчали на дняхъ, не увѣрена въ успѣхѣ когда опасенія самостоятельнаго дѣйствія Россіи, несмотря на увѣренія въ ея безпомощномъ и изолированномъ положеніи, прикрываются такъ неловко. Хотятъ чтобы мы какъ можно скорѣе занялись какою-то обширною внутреннею ломкой, и чтобы мы забыли что у насъ есть и могутъ быть какіе-либо интересы на Востокѣ и гдѣ-либо... Не ожидаютъ ли наши доброжелатели колебаній и волненій въ Россіи, если они такъ увѣрены что внутреннія заботы заставятъ ее вовсе забыть о своихъ интересахъ?..

Газета *Times* по этому поводу замѣчаетъ что „хотя упомянутое измѣненіе русской политики строго относится только къ дѣламъ Европейской Турціи, но основательно ожидать что и наступательные планы въ Азіи также будутъ отложены.“ Надежду эту она подкрѣпляетъ неудачей нашей Ахалъ-Текинской экспедиціи, и при этомъ поздравляетъ насъ съ тѣмъ что мы ея не скрываемъ.

Въ то время какъ отъ насъ ожидаютъ благодушнаго *far niente* на всѣхъ пунктахъ русской политики, относительно средне-азіятскихъ дѣлъ вотъ еще любопытное сказаніе: Въ *Daily News* сообщаютъ изъ Петербурга, якобы съ весьма свѣдущей стороны, что тамъ получено извѣстіе о намѣреніи Англійскаго правительства будущею весной занять Гератъ въ союзѣ съ Персіей, и что это извѣстіе вызвало большое раздраженіе въ офиціальныхъ сферахъ и толки о немедленномъ принятіи мѣръ чтобы силой оружія отразить всякую такую попытку ограничить русскую политику въ Средней Азіи. Корреспондентъ однако успокоиваетъ англійскую публику замѣчая что онъ не можетъ понять „на какомъ основаніи и какими средствами“ Россія могла бы помѣшать исполненію подобнаго плана. Что неудача Текинской экспедиціи вызвала въ Англіи новые замыслы, это не подлежитъ сомнѣнію. Ходятъ слухи объ экспедиціи Англичанъ будущею весной не только на Гератъ, но и на Балхъ. Самый ярый изъ руссофобскихъ органовъ, *Pall Mall Gazette*, по поводу приведеннаго извѣстія въ *Daily News*, замѣчаетъ: „Можетъ-быть Россія въ послѣдствіи и поправитъ свое положеніе, но тѣмъ временемъ Гератъ будетъ въ надежныхъ рукахъ, и рѣшительная британская политика утвердится въ Афганистанѣ. Гератъ дѣйствителъно есть ключъ всей этой части Восточнаго вопроса, какъ Константинополь есть ключъ турецкой ча-

сти вопроса. Мы предвидимъ передѣлъ власти *(a redistribution of power)* во всемъ Старомъ Свѣтѣ, и если мы отступимъ отъ игры хотя бы на минуту, то много проиграемъ въ послѣдствіи."

Предоставляемъ судить о положеніи при которомъ политика Англіи, какъ полагаемъ не менѣе чѣмъ другихъ державъ, дорожитъ минутами. Торопясь занять Гератъ, Англія не стѣсняется ни затрудненіями въ Ирландіи, ни ежегодными дефицитами. А мы должны дать „гарантію полнаго бездѣйствія" посредствомъ углубленія въ „обширныя" внутреннія реформы...

№ 296.

Москва, 19-го ноября.

А.

Государь Императоръ посѣщаетъ свою первопрестольную столицу впервые въ этомъ году послѣ нечестиваго покушенія, объявшаго ужасомъ и негодованіемъ всю Русскую землю. Здѣсь, въ исторической Москвѣ, гдѣ такъ долго и такъ тяжко слагалась Русская земля и утверждалось величіе нашего государства, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ чувствоваться этотъ позоръ нашихъ дней и потребность рѣшительныхъ дѣйствій къ пресѣченію зла. Въ Москвѣ съ большею чѣмъ гдѣ-либо ясностью чувствуется что зло это не изъ народной русской почвы, что оно внесено къ намъ лукавою рукою вражды къ нашему народу, что намъ всѣмъ слѣдуетъ быть чуткими и зоркими, и крѣпко стоять на стражѣ противъ тайныхъ враговъ, ограждая отъ нихъ все слабое и несмысленное въ нашей средѣ. Никакіе враги ни внутренніе, ни внѣшніе не страшны пока живъ и силенъ нашъ народный духъ. Его должно возбуждать, и въ немъ искать врачеваніе нашихъ золъ. Онъ, и только онъ, можетъ дать намъ и крѣпость во браняхъ, и совѣты мудрости въ дѣлахъ.

Да будетъ благословенно прибытіе Государя Императора въ Его первопрестольную столицу! Да посрамятся враги Его и наши! Да почувствуетъ Государь въ Московскомъ Кремлѣ всю крѣпость и силу народной вѣрности и любви къ Нему!

Будущее неизвѣстно; никто не можетъ яснымъ разумѣніемъ предвидѣть какія событія готовятся въ мірѣ. Повсюду въ Европѣ слышится какая-то работа, но и начинатели событій не могутъ навѣрное сказать что̀ изъ нихъ выйдетъ. Все темно и смутно для разумѣнія. Но тѣмъ сильнѣе говоритъ въ русскомъ сердцѣ вѣра въ благословеніе Божіе почіющее на нашемъ возлюбленномъ Монархѣ. Что̀ бы ни ждало насъ впереди, мы глубоко и твердо вѣримъ что наше Отечество выйдетъ съ торжествомъ изъ всѣхъ испытаній.

Б.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ мы прочли что „вопросъ о военно-конной „Ахалъ-Текинской желѣзной дорогѣ получитъ въ скоромъ времени окончательное „разрѣшеніе," конечно въ смыслѣ утвердительномъ, и дорога будетъ построена отъ залива Михайловскаго до ахалъ-текинскаго города Кизылъ-Арвата, на протяженіи 220 верстъ.

Извѣстно что при снаряженіи Ахалъ-Текинской экспедиціи въ настоящемъ году наибольшія затрудненія встрѣтились въ дѣлѣ снабженія экспедиціоннаго отряда перевозочными средствами. До сихъ поръ наши войска дѣйствовавшія въ степяхъ формировали обыкновенно верблюжьи транспорты, не встрѣчая неодолимыхъ затрудненій въ сборѣ этихъ животныхъ. Бывали, правда, задержки, но всегда удавалось устранить ихъ своевременно. Не такъ было въ Ахалъ-Текинскую экспедицію, когда всего количества верблюдовъ такъ-таки и не удалось собрать, а прибывшій къ отряду транспортъ былъ далеко неудовлетвориteленъ: верблюды были слабы и изнурены.

Эти и другія причины повели къ тому что продовольствіе отряда вступившаго въ предѣлы Ахалъ-Теке было не достаточно обезпечено и вынуждало на рискованный образъ дѣйствій, какъ это объяснено въ офиціальномъ отчетѣ о штурмѣ Денгиль-Тепе: въ этотъ день, въ войскахъ генерала Ломакина, продовольствія оставалось немного, а свѣдѣній о „ходѣ подвозовъ съ базиса вовсе не было."

Въ степи, верблюжій караванъ очень надежное, очень удобное средство для подвоза тяжестей, но нельзя по произволу усиливать численный составъ его. Верблюдъ требуетъ воды и корма; обиліемъ того и другаго опредѣляется составъ ка-

равана, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сила дѣйствующаго отряда.

Предпринять вторую экспедицію послѣ неудачи первой необходимо съ особою предусмотрительностью. Успѣхъ долженъ быть вполнѣ обезпеченъ, а для этого, какъ показалъ опытъ, необходимо чтобы войска вступили въ непріятельскіе предѣлы въ значительныхъ силахъ, при совершенно достаточномъ и правильно организованномъ устройствѣ ихъ продовольственной части. Въ этихъ видахъ, устройство конно-желѣзной дороги отъ базиса до предѣловъ непріятеля имѣетъ громадное значеніе. Будутъ ли вагоны этой дороги перевозимы лошадьми, какъ предполагается, или верблюдами (что также имѣется въ виду на случай), дѣло значительно облегчится: транспортныхъ животныхъ потребуется меньше, они не будутъ утомляться въ такой степени какъ теперь, а движеніе транспортовъ окажется возможнымъ подчинить правильному разчету. Какія услуги можетъ оказать рельсовой путь въ этомъ случаѣ, показываетъ дорога проложенная въ Крымскую кампанію отъ Балаклавы къ лагерю Англичанъ, вполнѣ обезпечившая подвозъ съ мѣста разгрузки, что безъ рельсоваго пути не удавалось вовсе.

Но проведеніе дороги отъ Балаклавы къ лагерю Англичанъ и отъ Михайловскаго залива къ Кизылъ-Арвату двѣ вещи совершенно различныя. Союзники обладали небывалыми до того морскими перевозочными средствами, и доставка рельсъ со всѣмъ необходимымъ въ Балаклаву моремъ не представляла никакихъ затрудненій, тогда какъ наши перевозочныя средства на Каспійскомъ морѣ весьма ограниченны, а выгрузка тяжестей на берегъ сопряжена съ большими трудностями и, завися вполнѣ отъ погоды, не позволяетъ разчитывать на срочность обратныхъ рейсовъ пароходовъ подвозившихъ тяжести, которыхъ потребуется не мало для проведенія пути въ 220 верстъ; во всякомъ случаѣ, развѣ не многимъ меньше полумилліона пудовъ.

Далѣе. Постройка желѣзноконной дороги можетъ начаться только подъ прикрытіемъ войскъ, по мѣрѣ ихъ движенія впередъ, а между тѣмъ продовольствіе отряда не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ успѣха постройки, которая на первое время вовсе не освобождаетъ отъ необходимости составлять верблюжій транспортъ, и сила его должна быть тѣмъ значительнѣе что за Кизилъ-Арватомъ войска не будутъ уже имѣть иныхъ перевозочныхъ средствъ.

При такихъ условіяхъ возлагать на желѣзно-конную дорогу слишкомъ большія надежды нельзя; польза которую удастся извлечь изъ этого пути находится еще въ прямой зависимости отъ способа какой будетъ принятъ для исполненія работъ.

Постройка желѣзно-коннаго пути въ степяхъ, гдѣ рабочіе ежеминутно могутъ подвергнуться нападенію, едва ли можетъ быть предоставлена подрядчику и его вольно-наемнымъ мастеровымъ, для охраненія которыхъ потребовались бы болѣе или менѣе сильные отряды. Кромѣ того, перевозка и продовольствіе значительнаго числа рабочихъ, ни для какого инаго дѣла болѣе не годныхъ, легли бы новою тяжестью на тѣ же морскія средства, слабость коихъ дала почувствовать себя прошлою весною, когда формировался Ахалъ-Текинскій отрядъ.

Уже по этимъ соображеніямъ нельзя не признать наивыгоднѣйшимъ способомъ постройки производство работъ саперными и желѣзно-дорожными войсками, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться эксплуатація этого пути.

Путь на всемъ его протяженіи несомнѣнно потребуетъ „прочнаго занятія,“ охраны военною силой, иначе вслѣдствіе порчи его степными хищниками поддержаніе правильнаго, срочнаго сообщенія станетъ невозможнымъ. Каждая станція въ 25 верстъ должна будетъ обратиться въ военный этапъ значительной силы, въ составъ котораго непремѣнно должны войти и желѣзно-дорожныя части. Чтобы занять десять такихъ этаповъ потребуется не меньше двухъ баталіоновъ съ десятью сотнями казаковъ. Присоединивъ сюда вагонныхъ кучеровъ получимъ рабочую силу которая при пособіи людей наряжаемыхъ отъ войскъ вполнѣ достаточна для проведенія пути, гдѣ конечно не можетъ встрѣтиться надобность въ значительныхъ земляныхъ работахъ и въ трудныхъ мостовыхъ сооруженіяхъ, какія бываютъ необходимы на пароходныхъ путяхъ.

Надо полагать что и стоимость сооруженій обойдется дешевле. Проектируемый путь оцѣнивается приблизительно въ три милліона рублей.

Производство работъ войсками тѣмъ удобнѣе что весь матеріалъ необходимый для

сооруженія пути не только можетъ, но непремѣнно долженъ быть заготовленъ заблаговременно, съ тѣмъ чтобы на мѣстѣ оставалось только собрать и уложить путь. Въ теченіе зимы, въ мастерскихъ военнаго вѣдомства, всѣ эти работы могутъ быть произведены исподоволь, прочно и безъ расходовъ на наемъ рабочихъ. Самая перевозка тяжестей на мѣсто, благодаря этому, можетъ быть также производима исподоволь и различными путями: частью изъ Баку, частью изъ Астрахани и Петровска.

№ 297.

Москва, 20-го ноября.

Злоумышленники какъ будто не безъ намѣренія избрали Москву мѣстомъ своего покушенія. Они хотѣли еще наругаться надъ нами и обезславить Москву позоромъ своего покушенія. Богъ не допустилъ совершиться злодѣянію о которомъ нельзя и помыслить безъ ужаса. Чудо Божьяго Промысла видимо хранитъ священную жизнь Монарха Россіи. Но вражеской крамолѣ не удается и попытка запятнать честное имя Москвы. Она ли, наша твердыня, Москва ли, хранительница священныхъ преданій нашего отечества, колыбель государственнаго величія Россіи, Москва ли будетъ гнѣздомъ крамолы, или ея пособницей, или ея потворщицей? Но ей пора теперь явить во всей силѣ государственный духъ своей исторіи, тотъ духъ которымъ такъ дорога она для Россіи. Недовольно чуждаться зла, надо бороться съ нимъ, надо стряхнуть съ себя дремоту и дѣйствовать какъ Москва умѣла дѣйствовать въ великія минуты нашей исторіи. Къ ней прежде всѣхъ обращено слово Монарха, Который стяжалъ столько правъ на любовь и преданность Своего народа. Москва должна подать примѣръ другимъ; она дожна начать дѣйствовать. Въ чемъ же сила ожидаемаго дѣйствія? Въ оживленіи ея патріотизма, ея государственнаго духа, отрезвляющаго людей отъ праздномыслія и пустословія.

Проснемся же и соберемся вокругъ великихъ символовъ нашей народности, и будемъ не разслаблять правильное дѣйствіе государства, но укрѣплять его и способствовать ему, освѣщая пути его органамъ.

Изъ числа готовыхъ понятій особенно употребительны въ наше время, въ сужденіяхъ о предметахъ политическихъ, *либерализмъ* и *консерватизмъ*. Вы то и дѣло слышите о либералахъ и консерваторахъ, о либеральныхъ партіяхъ и партіяхъ консервативныхъ, и люди употребляющіе эти слова большею частью не сопровождаютъ ихъ никакою мыслію и сами не знаютъ что̀ говорятъ. Если рѣчь идетъ о государствѣ котораго мы граждане, о народѣ котораго мы дѣти, о дѣлѣ которому мы служимъ, объ общемъ интересѣ которому мы призваны способствовать, то вопросъ отнюдь не въ томъ либералы мы или консерваторы, весь вопросъ въ томъ хорошо ли мы служимъ, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мѣра дѣлу нашего служенія, а не въ томъ либеральнаго ли она пошиба или консервативнаго. Только слабоумныя головы могутъ придавать значеніе этимъ титуламъ, и думая служить дѣлу, будутъ заботиться не о томъ что̀ для дѣла полезно, а о томъ что̀ либерально или консервативно, только глупцы будутъ предлагать или будутъ дѣлать не то что̀ нужно въ данную минуту, а то что̀ помѣчено въ ихъ доктринѣ подъ тѣмъ или другимъ титуломъ. Иное дѣло тѣ у кого есть свои виды, не имѣющіе ничего общаго съ дѣломъ нашего служенія или ему враждебные: тѣмъ нужно и выгодно морочить слабыхъ людей и подъ либеральнымъ или консервативнымъ предлогомъ направлять ихъ во вредъ дѣлу которому они думаютъ служить...

Мы русскіе люди, наше отечество Россія: давайте жь намъ то что̀ требуется пользою нашей страны, что̀ можетъ послужить дѣйствительно во благо нашему народу. Если вы честные люди и не хотите быть въ дуракахъ, не думайте ни о консервативныхъ мѣрахъ. ни о либеральныхъ учрежденіяхъ, а заботьтесь только о томъ что̀ по искреннему и зрѣлому убѣжденію вашему соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны въ данное время.

Говорятъ, мы теперь на военномъ положеніи. Говорятъ, желѣзная диктатура воздвиглась въ главныхъ центрахъ Россійской Имперіи. О насъ жалѣютъ добрые люди въ разныхъ странахъ Европы, не скрывая въ то же время своей ненависти къ намъ. Пустые люди между своими считаютъ долгомъ своей либеральной совѣсти

скорбѣть о мѣрахъ столь нелиберальнаго характера какъ усиленіе власти ограждающей общественную безопасность. Въ Англійскомъ парламентѣ уже дѣлались сердобольные запросы о несчастныхъ жертвахъ свирѣпствующаго въ Россіи деспотизма.

Нельзя не скорбѣть о необходимости вызывающей суровыя мѣры, но нельзя не желать и не признавать полезными мѣръ вызываемыхъ необходимостью. Чѣмъ болѣе власть проникнута чувствомъ своего долга, чѣмъ неуклоннѣе ея правильное дѣйствіе, тѣмъ менѣе бываетъ необходимости прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ преслѣдованія и кары. Печальная необходимость вынуждающая принятіе исключительныхъ мѣръ есть всегда послѣдствіе слабаго или неправильнаго дѣйствія власти. Бываютъ обстоятельства, иногда реальныя, иногда мнимыя, причиняющія ея бездѣйствіе, и вотъ, мало-по-малу, часто изъ ничего, развивается печальная необходимость прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для возстановленія авторитета закона, для успокоенія общества, для огражденія порядка, для обезпеченія жизни, чести и собственности людей. Все это лежитъ на отвѣтственности государственной власти, и все дальнѣйшее возможно только при условіи что государственная власть крѣпка, вѣритъ въ святость своего призванія и не подвержена болѣзнямъ мнѣнія, парализующимъ ея дѣйствіе или направляющимъ его на ложные пути.

Мы были свидѣтелями явленій невѣроятныхъ, непостижимыхъ, совершенно невозможныхъ, при нормальномъ дѣйствіи власти. Горсть полоумныхъ, или развращенныхъ, или одичалыхъ людей, служа орудіемъ тайной крамолы, безчинствовала безнаказанно и дерзость ея росла не по днямъ, а по часамъ. Въ нѣдрахъ могущественнаго государства возникалъ призракъ революціи грозившей все поколебать и все разрушить. Отъявленные негодяи, бродяги, дезертиры чувствовали себя достаточно сильными чтобы затѣвать какое-то страшное дѣло, долженствовавшее охватить пожаромъ изъ конца въ конецъ всю громадную Русскую землю. Дѣло доходило до того что четырнадцатилѣтняя дѣвчонка посмѣивалась надъ властью и себя чувствовала властью... Еслибы государство у насъ дѣйствительно колебалось въ своихъ основахъ, разрушалось и падало, то явленія эти были бы дѣломъ естественнымъ. Но Россія, слава Богу, не рушится, государственная власть въ ней могущественна и незыблема. Что же могло быть причиной явленій которыхъ мы были недавно свидѣтелями? Бездѣйствуетъ власть, и появляются признаки хаоса; появляются эти признаки, значитъ, бездѣйствуетъ власть. Отчего же происходитъ бездѣйствіе власти могущественной и безспорной? Власть безсильная бездѣйствуетъ по безсилію; но если власть сильная и бездѣйствуетъ, то это можетъ быть только вслѣдствіе какихъ-либо парализующихъ ее мнѣній, или какой нибудь неправильности въ распорядкѣ ея органовъ...

№ 298.

Москва, 22-го ноября.

Политическія извѣстія и слухи послѣднихъ дней подаютъ берлинской печати поводъ къ усиленной увѣренности въ прочности европейскаго мира. Въ этомъ отношеніи, особенное вниманіе обратило на себя офиціозное сообщеніе *Рейтерова Агентства*, отъ 28 ноября: турецкому министру иностранныхъ дѣлъ заявлено со стороны Англіи что „лордъ Солсбери убѣдился нынѣ что Турецкое правительство не имѣетъ никакого намѣренія измѣнить свою политику относительно Англіи, такъ какъ Савасъ-паша далъ достаточныя доказательства искренняго желанія Порты исполнить требуемыя отъ нея реформы и не предпринимать ничего такого что было бы противно интересамъ Англіи на Востокѣ.“ Не менѣе интереса возбудила рѣчь произнесенная 25 ноября предъ своими избирателями г. Боркомъ, занимающимъ въ теперешнемъ англійскомъ кабинетѣ мѣсто втораго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, и заключавшая въ себѣ чрезвычайно горячее напутственное слово графу Шувалову, оставившему свой посольскій постъ въ Лондонѣ. Воздавъ хвалу его миролюбію, г. Боркъ выразилъ убѣжденіе что онъ „и въ Россіи будетъ не менѣе усерднымъ поборникомъ мира и упроченія столь желательныхъ дружественныхъ отношеній между Россіей и Англіей.“ Англійскій министръ думаетъ такъ потому что „графъ „Шуваловъ глубоко убѣжденъ въ рѣшительности настроенія господствующаго въ „Англіи относительно необходимости под-

„держанія великихъ интересовъ ея на Востокѣ; ему извѣстно что это убѣжденіе „глубоко вкоренилось въ сердце націи, и „что лордъ Беконсфильдъ съ успѣхомъ „опирался въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ на это настроеніе націи.“ Въ заключеніе министръ сообщилъ что Британское правительство „находится со многими правительствами въ дружественныхъ „переговорахъ касательно исполненія соглашеній выгодныхъ для всѣхъ и чрезвычайно благодѣтельныхъ для интересовъ „всего міра.“

Но усматривая успокоительныя признаки въ этихъ англійскихъ манифестаціяхъ, берлинская печать отнюдь не придаетъ серіознаго значенія громкимъ фразамъ коими со стороны Англіи стараются выставить предполагаемыя турецкія реформы дѣйствительно осуществленными. Берлинская печать очень хорошо понимаетъ и вовсе не скрываетъ что Турецкое правительство есть нынѣ мертвая сила, неспособная ни къ хорошему, ни къ дурному, и что только привлеченіемъ живыхъ народныхъ элементовъ въ странахъ подчиненныхъ султану возможно достигнуть чего-либо прочнаго. Но для этого берлинская печать считаетъ англійскую политику слишкомъ малодушною и узко эгоистичною; однако она все-таки радуется тому что Англіи удалось повидимому снова прибрать къ рукамъ Оттоманскую Порту и отодвинуть въ далекое будущее тотъ переворотъ который одинъ соотвѣтствуетъ требованіямъ историческаго прогресса.

Не менѣе любопытны мирныя выкладки тѣхъ же берлинскихъ газетъ основанныя на послѣднихъ сообщеніяхъ о содержаніи австро-германскаго соглашенія. Сообщенія эти исходятъ на этотъ разъ изъ французскихъ источниковъ. Въ *Journal des Débats* появилась на дняхъ дипломатическая корреспонденція, имѣющая очевидную связь съ недавнимъ пребываніемъ французскаго посла при Берлинскомъ дворѣ, г. Сенъ-Валье, въ гостяхъ у князя Бисмарка, причемъ, какъ поспѣшили заявить французскія офиціозныя газеты, послѣдній ознакомилъ представителя Франціи съ австро-германскимъ соглашеніемъ и тѣмъ вполнѣ успокоилъ возбужденную во Франціи по этому поводу тревогу. По словамъ названной французской газеты, сущность соглашенія заключается въ томъ что каждый изъ союзниковъ обязанъ въ случаѣ войны придти на помощь своему контрагенту, но лишь въ томъ случаѣ когда на противной сторонѣ окажется больше одной державы.

Берлинскія газеты думаютъ что въ этомъ сообщеніи заключается доля истины, но не вся истина. Что̀ именно не досказано, этого мы изъ осторожныхъ рѣчей берлинской печати не узнаемъ; но французское сообщеніе подвергается въ берлинскихъ газетахъ анализу, который не лишенъ интереса. Вѣнское соглашеніе, такъ разсуждаетъ *Національная Газета*, имѣетъ въ виду чисто оборонительныя цѣли; но противъ кого именно? На случай нападенія со стороны одной Франціи Германія сумѣетъ де съ нею справиться собственными силами, и нельзя думать чтобы князь Бисмаркъ для того предпринялъ свою поѣздку въ Вѣну чтобы заручиться помощью Австріи противъ одной Франціи. Поэтому нельзя де не придти къ такому заключенію что помощь Австріи выговорена на тотъ конецъ если одновременно съ Франціей Германіи будетъ предстоять столкновеніе и съ Россіей. Но какъ представить себѣ нападеніе съ двухъ сторонъ на Австрію, вслѣдствіе котораго, если вѣрно то что̀ сообщается о содержаніи соглашенія, для Германіи наступила бы обязанность явиться ей на помощь? Франція нынѣ совершенно отрѣзана отъ Австріи и вовсе не имѣетъ возможности напасть на нее непосредственно, въ чемъ нельзя де не усмотрѣть „благодѣтельныхъ“ для Австріи послѣдствій того пораженія которое ей нанесено было Германіей въ 1866 году. Что̀ же касается Италіи, то немыслимо чтобъ она одна вступила въ союзъ съ Россіей противъ Австріи. Другое дѣло если когда-либо состоится коалиція между Россіей и Франціей; въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, трудно де предвидѣть на чью сторону станетъ Италія. Изо всего этого названная газета выводитъ что сообщеніе *Journal des Débats* о содержаніи австро-германскаго соглашенія хотя и содержитъ въ себѣ истину, но не всю истину. Во всякомъ же случаѣ одно существованіе этого соглашенія есть, по ея мнѣнію, самая могучая гарантія мира. Другую гарантію мира берлинская газета, подобно англійской *Daily News*, усматриваетъ въ томъ что Россія „должна теперь обратить самое серіозное вниманіе на внутреннія реформы, въ коихъ она столь нуждается,“ тѣмъ болѣе что при желаніи колебать прочность сложившагося въ Европѣ политическаго

положенія, она наткнулась бы на такую силу которую она не въ состояніи была бы превозмочь.

Таковы соображенія берлинскихъ газетъ, внушающія имъ увѣренность въ прочномъ обезпеченіи теперешняго мирнаго положенія Европы. Едва ли однако нужно было вдаваться въ столь извилистыя выкладки чтобы придти къ такому заключенію. Гдѣ основанія заподазривать Россію въ замыслахъ на нарушеніе европейскаго мира? Отношенія ея къ Турціи въ послѣднее время были самыя дружественныя, и европейская печать предполагала возможность еще болѣе тѣснаго сближенія, для огражденія Турціи отъ весьма недвусмысленныхъ угрозъ со стороны Англіи. Что же касается разрыва между Россіей и какимъ-либо изъ ея европейскихъ сосѣдей, то объ этомъ никому и въ голову не приходило заводить рѣчь пока таинственное соглашеніе состоявшееся въ Вѣнѣ не было выдвинуто на первый планъ и не породило нескончаемыхъ толковъ и догадокъ объ его цѣли и содержаніи.

Догадки эти остаются до сихъ поръ догадками; но такъ какъ нельзя отрицать что со стороны Россіи не было подано ни малѣйшаго повода къ опасеніямъ за сохраненіе мира, то можно полагать что въ этой игрѣ химерическія тревоги были нужны для достиженія извѣстныхъ, уже не химерическихъ, цѣлей.

№ 299.

Москва, 23-го ноября.

Печатаемъ доставленный нашимъ корреспондентомъ отчетъ о штурмѣ Денгиль-Тепе, вполнѣ разъясняющій это дѣло запутанное неяснымъ, переполненнымъ недомолвокъ изложеніемъ въ статьяхъ газеты *Кавказъ* и *Русскаго Инвалида*, составленнымъ по офиціальному, однако, документу.

Разбирая эти статьи, мы выражали сомнѣніе въ необходимости штурма, замѣтивъ что всѣ доводы въ пользу доказываютъ противное. „Распорядитель,“ замѣтили мы, „какъ будто боялся что Денгиль-Тепе достанется намъ безъ штурма.“ Факты собранные нашимъ корреспондентомъ оправдываютъ наши сомнѣнія; никакой надобности въ штурмѣ не было и быть не могло. По словамъ самого Текме-сардара, онъ „послѣ первыхъ же выстрѣловъ авангардныхъ орудій“ просилъ два часа срока, обязываясь склонить Текинцевъ сложить оружіе. Огонь продолжался. Нѣсколько времени спустя Текме-сардаръ повторилъ свою просьбу, но получилъ отказъ. Бой идетъ. Текинцы уже начинаютъ уходить изъ крѣпости по дорогѣ на Асхабадъ. „Часа черезъ два очищенная крѣпость перешла бы въ наши руки вмѣстѣ со значительными запасами,“ но мы отрѣзали непріятелю путь отступленія, и тѣмъ „заставили его сопротивляться,“ „рѣшиться умереть съ оружіемъ въ рукахъ, такъ какъ другаго исхода имъ не оставалось.“ Это говорили сами Текинцы, и говорили правду: ихъ кавалерія еще раньше успѣла уйти къ Асхабаду. Этимъ, и только этимъ дѣйствіемъ, говоря словами статьи *Русскаго Инвалида*, „объясняется изумительная стойкость и ожесточеніе выказанныя непріятелемъ въ этомъ дѣлѣ.“

Но этого мало. Уже офиціальный отчетъ признаетъ что дѣйствіе нашей артиллеріи „противъ густо сплоченнаго непріятеля должно было быть ужасно. „Стойте вы,“ говорили Туркмены нашему корреспонденту, „стойте вы на мѣстѣ и продолжайте громить крѣпость изъ вашихъ пушекъ — Текинцы не продержались бы и до вечера.“ Каждый снарядъ дѣйствительно производилъ страшныя истребленія въ крѣпости, гдѣ кромѣ войска были собраны женщины, дѣти и старики со всѣмъ имуществомъ. Между тѣмъ наша артиллерія выпустила только 500 снарядовъ и 200 ракетъ.

До какого отчаянія были бы доведены Текинцы нашимъ артиллерійскимъ огнемъ, видно лучше всего изъ того достовѣрнаго факта что вслѣдъ за прекращеніемъ дѣла, послѣ отбитаго ими штурма, Текинцы рѣшились изъявить покорность, ожидая что „Русскіе не отвяжутся“ и что „дальнѣйшее сопротивленіе поведетъ только къ безплодному истребленію Текинскаго народа.“ Парламентеры были отправлены, но случайно завязавшаяся перестрѣлка помѣшала имъ добраться до нашего бивака. Предъ разсвѣтомъ Текинцы возобновили свою попытку, „приходятъ къ мѣсту нашего ночлега,“ и возвращаются съ радостною вѣстью что „грозный непріятель отступаетъ.“

Отступленіе начато въ три часа утра. Начнись оно часомъ позднѣе, и Денгиль-Тепе была бы въ нашихъ рукахъ, цѣль

экспедиціи была бы достигнута: непріятель изъявилъ бы покорность.

Между тѣмъ отступать не было дѣйствительнаго основанія. „По реву верблюдовъ,“ сказано въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, „слышно было что непріятель большими „массами направляется изъ аула.“ Отчего же мы не остались на позиціи до тѣхъ поръ пока всѣ Текинцы ушли изъ крѣпости. Остаться на позиціи было тѣмъ нужнѣе что люди были сильно утомлены. Важнѣйшею причиной отступленія распорядитель выставилъ „истощеніе у насъ патроновъ и снарядовъ,“ но они не были нужны противъ уходящаго непріятеля. Прибавимъ еще что артиллерія, состоявшая изъ 12 орудій и выпустившая только 500 снарядовъ, не могла чувствовать недостатка въ нихъ: изъ каждаго орудія среднимъ числомъ было сдѣлано съ небольшимъ по сорока выстрѣловъ, а всѣхъ снарядовъ при отрядѣ было по офиціальнымъ свѣдѣніямъ „три комплекта,“ стало быть гораздо больше.

Итакъ штурмъ и отступленіе безъ достаточныхъ основаній.

Распоряженія предшествовавшія штурму поразительны. При авангардной колоннѣ составлявшей половину всего отряда везлись штурмовыя лѣстницы, но о нихъ какъ видно *забыли*, поторопясь двинуться впередъ. Забыли о рекогносцировкѣ, забыли о лѣстницахъ, растянули тонкою линіей 1.200 человѣкъ на протяженіи трехъ верстъ. Такова тактическая обстановка штурма. Наши части дѣйствовали безъ всякой связи, „одна не могла даже видѣть что̀ дѣлается въ другой.“ И при этомъ-то расположеніи, въ резервѣ, гдѣ-то у обоза, оставляется баталіонъ въ составѣ роты.

Между тѣмъ въ крѣпостной оградѣ были пункты, атака противъ которыхъ могла имѣть успѣхъ, особенно направивъ противъ нихъ сосредоточенный огонь артиллеріи, которая вмѣсто того была разбросана повзводно на протяженіи опять-таки свыше пяти верстъ. Здѣсь мы приведемъ изъ офиціальнаго отчета *Русскаго Инвалида* фактъ ускользнувшій можетъ-быть отъ вниманія нашего корреспондента. По взятіи передоваго укрѣпленія стрѣлками и Кабардинцами, 2-я стрѣлковая рота была переведена на другое мѣсто и „открыла мѣткій огонь чрезъ выходъ устроенный въ брустверѣ по Текинцамъ стоявшимъ на банкетѣ западнаго фаса.“ „Вскорѣ однако выходъ этотъ былъ забранъ войлоками, разнымъ имуществомъ, и Текинцы были прикрыты отъ огня стрѣлковъ.“ Фланговый огонь есть самое дѣйствительное средство заставить противника очистить данный участокъ крѣпостнаго вала. Нашелся пунктъ въ оградѣ противника представлявшій несравненныя выгоды. На этотъ пунктъ должны были направиться всѣ усилія. Сюда должно было притянуть артиллерію спокойно обстрѣливавшую для чего-то сѣверный фасъ .. Необходимо было напрячь всѣ усилія чтобы не дать противнику поправить свою ошибку. Ничего не было сдѣлано, и всѣ мѣры противъ этого *ключа* всего западнаго вала ограничились щелканьемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ ружей... Послѣдствія были ужасны!

№ 300.

Москва, 24-го ноября.

А.

Открытіе французскихъ палатъ въ Парижѣ, въ первый разъ 27 ноября возвратившихся въ столицу послѣ войны 1870 года, возбуждало въ нѣкоторой степени общій интересъ не по одному этому обстоятельству. Несмотря на то что нынѣшняя сессія открылась лишь на короткое время, была распространена увѣренность что она ознаменуется какими-нибудь важными перемѣнами въ высшемъ управленіи страны; ожидали министерскаго кризиса, и главнымъ образомъ удаленія нынѣшняго министра-президента, г. Ваддингтона. Что положеніе кабинета во всякомъ случаѣ было не совсѣмъ надежно, это доказывается тѣмъ что онъ на первыхъ же порахъ нашелъ нужнымъ потребовать вотума довѣрія, а со стороны разныхъ группъ лѣвой, то-есть республиканскаго большинства, готовились запросы министерству. Прошла недѣля, и опасенія министерскаго кризиса начинаютъ стихать. Запросъ правительству о его внутренней политикѣ, какъ извѣщаетъ вчерашняя телеграмма, былъ наконецъ поставленъ вліятельнымъ членомъ лѣвой г. Бриссономъ, и, по выслушаніи объясненій г. Ваддингтона, палатой принятъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ съ выраженіемъ довѣрія кабинету. Такимъ об-

разомъ, кризисъ въ настоящую минуту можно считать конченнымъ. Но во Франціи министерства всего чаще падаютъ вслѣдствіе неожиданныхъ случайностей, а какъ нельзя заранѣе знать что таковыхъ не возникнетъ, то интреесно уяснить въ чемъ заключается или чѣмъ вызвано теченіе недовольства противъ правительства г. Ваддингтона, несомнѣнно обнаружившееся въ рядахъ большинства, которое поддерживаетъ его.

Недовольство это проявлялось по разнымъ поводамъ, но заявляемыя причины недостаточно объясняли его. Нѣсколько времени тому назадъ оно было гораздо рѣзче выражено чѣмъ теперь, именно когда вдругъ въ печати былъ поднятъ вопросъ о полной амнистіи всѣмъ участникамъ коммуны, и органъ г. Гамбетты, *République Française,* рьяно принялся поддерживать эту агитацію. Однако, вскорѣ агитація стихла, хотя названная газета и продолжаетъ отстаивать эту мѣру, а г. Луи Бланъ рѣшительно заявилъ намѣреніе поднять вопросъ о ней въ палатѣ. Теперь не ожидаютъ, впрочемъ, чтобы пренія о ней вызвали бурю въ палатѣ и повели къ паденію кабинета.

Затѣмъ начались нападки на министерство по поводу административнаго персонала, за то де что оно недостаточно обнаруживаетъ заботливость объ упроченіи республики, оставляя еще на мѣстахъ не мало завѣдомыхъ противниковъ ея. И замѣчательно что болѣе всего при этомъ доставалось упрековъ на долю премьера и министра иностранныхъ дѣлъ, г. Ваддингтона. Въ особенности же обратила на себя вниманіе крайне рѣзкая статья противъ него въ новомъ органѣ крайней лѣвой, *Revue Nouvelle,* по особымъ связямъ этого журнала съ г. Гамбеттой. Хотя въ его собственномъ органѣ, *République Française*, была сдѣлана оговорка противъ всякой солидарности съ упомянутою статьей, однако впечатлѣніе произведенное этимъ эпизодомъ осталось такое что нападки были направлены не столько противъ всего кабинета сколько именно противъ самого г. Ваддингтона, что̀ подало поводъ къ толкамъ что все дѣло ограничится удаленіемъ его съ немногими товарищами, а кабинетъ будетъ преобразованъ подъ предсѣдательствомъ г. Фрейсине пли Шалле-меля-Лакура, весьма близкихъ къ г. Гамбеттѣ.

На то же самое указывали и замѣчанія даже умѣренныхъ республиканскихъ газетъ въ первые дни по собраніи палатъ. Такъ, напримѣръ, *Temps*, отъ 1 декабря, употребляетъ большія старанія чтобъ оправдать логическую необходимость тактики лѣвой, направленной де къ тому чтобы путемъ запроса выяснить отношеніе кабинета къ республиканскому большинству. Что касается *République Française*, то она прямо объясняла что запросъ долженъ имѣть цѣлью показать нынѣшнимъ министрамъ что они могутъ сохранить довѣріе палаты только де „подъ условіемъ измѣненія политики,“ и ясно намекала что при случаѣ можетъ понадобиться назначить имъ „преемниковъ.“

Теперь запросъ состоялся, министры дали объясненія и получили довѣріе, причемъ правая сторона вовсе не участвовала въ голосованіи. Исхода этого можно было ожидать послѣ телеграммы извѣстившей что на сходкѣ делегатовъ отъ группъ лѣвой не удалось выработать минимума программы, принятія коей хотѣли потребовать отъ министерства, и что поэтому предоставлено всѣмъ группамъ высказываться и подавать голоса по усмотрѣнію.

Все это производитъ впечатлѣніе самое комическое. Съ одной стороны, явно что кабинетъ Ваддингтона не пользуется популярностью, что самое большинство изъ коего онъ вышелъ относится къ нему болѣе чѣмъ холодно, даже съ видимымъ недоброжелательствомъ; съ другой стороны, ему заявляется довѣріе послѣ запроса содержавшаго нападки именно на его внутреннюю политику. Явно что нападки эти не были серіозны, что подъ запросомъ о внутренней политикѣ скрывалась болѣе дѣйствительная причина недовольства, и что запросъ былъ только предлогомъ чтобы вынудить именно г. Ваддингтона выйти въ отставку. Рѣшеніе же его потребовать заявленія довѣрія и перемѣна тактики лѣвой въ послѣднюю минуту остаются закулисною тайной.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять въ чемъ могло быть разногласіе по внутреннимъ дѣламъ между республиканскимъ большинствомъ палаты и столь гибкимъ правительствомъ какъ нынѣшній кабинетъ. Замѣтимъ что въ запросѣ вовсе не было упомянуто о полной амнистіи. Поднимать о ней рѣчи въ общемъ запросѣ было и неудобно послѣ только что обнародован-

наго министромъ юстиціи Леройе отчета, въ которомъ указано что изъ остающихся непрощенными 830 коммунаровъ девять десятыхъ принадлежали къ категоріи обыкновенныхъ преступниковъ, убійцъ, воровъ и поджигателей, такъ что собственно споръ сводится всего къ 50 или 60 лицамъ, о которыхъ легко можно бы сговориться внѣ палаты. Также несущественны и упреки касательно будто бы удержанія на службѣ лицъ враждебныхъ республикѣ, ибо такихъ во всякомъ случаѣ, послѣ столькихъ очищеній персонала, должно остаться очень немного. Ратованія за свободу печати и сходокъ смѣшны въ устахъ тѣхъ радикаловъ которые жаловались на снисходительность правительства къ бонапартистскимъ газетамъ и къ легитимистскимъ банкетамъ. Что касается республиканскихъ принциповъ, то кабинетъ Ваддингтона оказывается какъ нельзя болѣе послушнымъ большинству, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ отождествленіе его съ законопроектомъ Ферри о высшемъ преподаваніи, который направленъ къ полному устраненію церкви отъ участія въ народномъ образованіи и возбуждаетъ такую вражду партій что даже многіе члены лѣваго центра и такіе республиканцы какъ Жюль Симонъ и Дюфоръ готовятся поднять оппозицію противъ этого законопроекта въ сенатѣ. Внесеніе этой мѣры, а также перемѣщеніе палаты въ Парижъ и прощеніе болѣе 3.000 коммунаровъ показываютъ что по внутреннимъ дѣламъ отъ г. Ваддингтона можно всего добиться.

За то въ теченіе этого года во французской печати произошла замѣтная разница въ сужденіяхъ объ иностранныхъ дѣлахъ. При всей замѣчательной воздержности ея въ этомъ отношеніи проглядываетъ недовольство настоящимъ положеніемъ Франціи. Въ сознаніи что страна теперь совсѣмъ оправилась отъ прежнихъ бѣдствій и пользуется завиднымъ благосостояніемъ въ сравненіи съ другими странами, бѣдствующими отъ всеобщаго продолжительнаго торговаго кризиса, проявляется желаніе чтобы страна заняла и болѣе достойное положеніе въ общихъ дѣлахъ европейской политики. Явно это не высказывалось, но объ этомъ желаніи свидѣтельствовались наблюдательные корреспонденты англійскихъ газетъ. И безъ ихъ указаній можно бы убѣдиться въ томъ по сильно измѣнившемуся въ послѣднее время тону французской печати, напримѣръ, о восточной политикѣ Англіи. Отъ тѣхъ же корреспондентовъ мы узнали о сильномъ неудовольствіи которое было возбуждено во Франціи по поводу австро-германскаго соглашенія, противъ французскаго посла въ Вѣнѣ, г. Тессерана де-Бора, за то что онъ не помѣшалъ этому соглашенію и тѣмъ лишилъ Францію возможной союзницы въ Австріи. Вѣнскій корреспондентъ *Times* изъ силъ выбивался доказать что и всякій другой на мѣстѣ г. Тессерана де-Бора былъ бы также безсиленъ сдѣлать что-нибудь, но онъ не могъ укрыть фактъ что этотъ представитель Франціи не только ничего не предпринялъ (что̀ пожалуй было и безполезно), но ничего и не зналъ о готовившемся событіи, что правительство при коемъ онъ аккредитованъ не потрудилось даже дать ему напередъ какія-либо объясненія, и что только самъ князь Бисмаркъ, по прибытіи въ Вѣну, благоволилъ лично успокоить его что соглашеніе не враждебно де для Франціи. Все это не лестно для самолюбія Французовъ и естественно ставится въ счетъ управляющему иностранными дѣлами г. Ваддингтону, отчего понятною становится и возрастающая непопулярность его.

А съ другой стороны, также мало можно сомнѣваться что г. Ваддингтонъ, по своей покладливости и недостатку иниціативы есть *persona grata* для всѣхъ кому не желательно скорое возвращеніе Франціи къ дѣятельному участію въ европейскихъ дѣлахъ, особенно для Англіи. Чѣмъ иначе объяснить похвалы расточаемыя ему въ англійской печати, которая беретъ его подъ свою защиту отъ возводимыхъ на него упрековъ, и убѣждаетъ что онъ своимъ патріотизмомъ оказалъ великія услуги своей странѣ. Не слишкомъ лестно странѣ слышать какъ аттестатъ въ патріотизмѣ выдается ея государственнымъ дѣятелямъ другою страной, въ особенности такою чьи интересы не совсѣмъ согласны съ ея собственными, а мы видимъ что Франція далеко не довольна первенствующею ролью которую захватываетъ Англія на Востокѣ.

Вотъ еще одно указаніе на связь едва не разыгравшагося во Франціи министерскаго кризиса гораздо болѣе со внѣшнею чѣмъ со внутреннею политикой. Наканунѣ открытія палатъ, парижскій корреспондентъ

Times выставлялъ на видъ недовѣріе возбужденное послѣдними событіями во Франціи, и особенно возвращеніемъ прощенныхъ коммунаровъ, „въ монархической Европѣ. которая начала было вѣрить въ мирную республику, поглощенную внутреннимъ развитіемъ страны.“ По словамъ корреспондента, объ этомъ недовѣріи извѣстно де всѣмъ членамъ кабинета, и онъ присовокупляетъ: „Когда одного посла дружественнаго ко Франціи спросили что онъ сдѣлаетъ если составится радикальное министерство, то онъ отвѣтилъ: „Это до такой степени ошеломило бы меня и моихъ товарищей что только родной воздухъ могъ бы возвратить насъ въ чувство.“

Б.

Собранныя нами и тщательно провѣренныя свѣдѣнія, которыя печатаемъ мы сегодня, рисуютъ со всѣми подробностями обстоятельства ужасающаго покушенія 19 ноября.

Мы имѣемъ дѣло съ исконнымъ, заклятымъ врагомъ нашего отечества; въ этомъ пора перестать сомнѣваться. Все адски разчитано на то чтобъ ударить Русскій народъ въ самое сердце, осквернить его святыню, наругаться надъ его вѣрованіями. Все разчитано на то чтобъ оклеветать и опозорить русскую народность. Благодаря нашей дремотѣ, нашей умственной незрѣлости, несмотрѣнію и бездѣйствію, былъ сфабрикованъ въ Россіи такъ называемый нигилизмъ. Наши дѣти похищались у насъ на глазахъ и дрессировались въ негодяевъ и злодѣевъ, лишенныхъ всякаго человѣческаго чувства и смысла, и имъ, подъ гнетомъ страха, поручались дѣла проклятія и нечестія. Теперь выбрана Москва для совершенія самаго гнуснаго злодѣянія. Злоумышленникъ назвался Сухоруковымъ чтобъ осквернить собою одно изъ лучшихъ именъ нашей исторіи. Въ жилищѣ злоумышленника, иконы въ позолоченныхъ окладахъ, лампадки, восковая свѣча съ позолотою, портреты Государя Императора, Императрицы и Наслѣдника, лубочная картинка патріотическаго содержанія: все утонченно придумано чтобъ обстановка казалась вполнѣ русскою. Для того чтобъ обмануть сосѣдей не требовалось доходить до такихъ подробностей какъ восковая свѣчка съ позолотой, какъ икона старовѣрческаго пошиба Даже въ задней комнатѣ не забыли зажечь лампадку, что вовсе не требовалось въ минуту покушенія, когда уже не зачѣмъ и не кого было обманывать. Все свидѣтельствуетъ что задумывая свое адское дѣло, злодѣй хотѣлъ чтобъ оно казалось дѣломъ русскимъ и пало позоромъ на Русскій народъ...

Заклятой врагъ нашего народа успѣлъ прокрасться къ намъ въ домъ въ то время когда мы спали. Ужели мы еще не проснемся, ужели и теперь не признаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, откуда идетъ отрава, и чья крамола обнаруживаетъ свое присутствіе у насъ дѣлами неслыханной дерзости и глубочайшей вражды?

Прежде врагъ старался привлечь русскихъ измѣнниковъ въ свой лагерь; теперь онъ поступаетъ искуснѣе, онъ самъ тайно прокрался въ нашъ лагерь...

Вездѣ слышатся и отовсюду несутся изъявленія негодованія возбуждаемаго ужаснымъ злоумышленіемъ. Но пора словъ и манифестацій миновала; требуется дѣло, а для дѣла требуется ясное разумѣніе...

№ 302.

Москва, 26-го ноября.

Поѣздка г. Гладстона въ Шотландію для избирательной агитаціи, въ виду его намѣренія выступить на будущихъ выборахъ кандидатомъ на представительство отъ Эдинбургскаго графства (Мидлотіанъ), есть въ Англіи событіе и возбуждаетъ немало интересныхъ вопросовъ, прежде всего о положеніи какое онъ занимаетъ не только въ рядахъ своей партіи, но и во всей странѣ.

Несмотря на усердіе съ какимъ огромное большинство лондонской печати продолжаетъ горой стоять за нынѣшнее правительство, есть много признаковъ что популярность кабинета Беконсфильда въ послѣднее время очень поколебалась. Лучше всего это доказывается, съ одной стороны, ревностью съ какою либеральные вожди участили свои нападки на промахи правительства, а съ другой—горячностью министерскихъ возраженій. О различныхъ эпизодахъ этой агитаціи, начавшейся съ осени, мы имѣли случай упоминать въ свое время. Г. Гладстонъ выступилъ на сцену послѣднимъ, когда большая часть другихъ

выдающихся политиковъ уже сказали свое слово, и сразу обнаружилась неизмѣримая разница между нимъ и всѣми остальными. Результатъ его поѣздки явился неожиданностью. Самый путь его былъ нѣчто въ родѣ оваціи. На всѣхъ станціяхъ ему устраивались встрѣчи. Многочисленныя толпы встрѣчали и провожали поѣздъ въ коемъ онъ ѣхалъ; разъ даже онъ принужденъ былъ держать рѣчь изъ окна вагона. По прибытіи въ шотландскую столицу, онъ ни дня не зналъ покоя, и почти цѣлую недѣлю произносилъ рѣчи въ Эдинбургѣ, Далькейтѣ, Пертѣ, Вестъ-Кальдерѣ, и его изумительная дѣятельность еще не пришла къ концу, такъ какъ онъ предлагаетъ посѣтить еще нѣкоторыя другіе города, и между прочимъ присутствовать на большой манифестаціи въ Гласго. Всѣ произнесенныя имъ до сихъ поръ рѣчи, занимающія въ совокупности до двадцати газетныхъ столбцовъ мелкой печати, немедленно и дословно передавались телеграфомъ въ Лондонъ и главнѣйшіе провинціальные города и, появляясь на другой день въ газетахъ, становились предметомъ всеобщихъ толковъ, вызывали самую жаркую полемику, въ такой мѣрѣ что несомнѣнно тому что̀ говорилъ онъ всѣ приписывали гораздо большее значеніе чѣмъ рѣчамъ г. Форстера или маркиза Гартингтона. По всѣмъ вопросамъ коихъ касался г. Гладстонъ, въ особенности по внутреннимъ дѣламъ, всего болѣе по части финансовъ, онъ говорилъ *en maître*. Пусть онъ давно отказался отъ предводительства партіи, пусть онъ добровольно становится въ ряды простыхъ воиновъ и приглашаетъ своихъ будущихъ избирателей сплотиться вокругъ лордовъ Гранвиля и Гартингтона; всѣ понимаютъ, какъ вѣроятно и самъ онъ, что только онъ есть истинный вождь его партіи.

Это уже начинаетъ высказываться и въ печати. Какъ ни щекотливъ предметъ, но газета *Economist* первая прямо коснулась его, замѣтивъ, вопервыхъ, что либераламъ гораздо легче достанется побѣда если во главѣ ихъ будетъ г. Гладстонъ чѣмъ безъ него, а во вторыхъ, что безъ него либеральной партіи нельзя составить кабинета, быть же ему простымъ членомъ, а не главой кабинета тоже невозможно.

Для посторонняго наблюдателя тутъ болѣе интересенъ другой фактъ, котораго не замѣчаютъ или не хотятъ видѣть англійскія газеты. Появляются признаки что въ самой Англіи парламентаризмъ начинаетъ сводиться къ личной борьбѣ, какъ это давно видимъ въ странахъ рабски и слѣпо принимавшихъ сколокъ ея представительныхъ учрежденій. Значеніе партій, какъ принциповъ, все болѣе сглаживается одновременно съ начинающимся дробленіемъ ихъ, и все болѣе выдвигаются личности. Прежде человѣкъ отпадавшій отъ партіи на половину терялъ вліяніе: теперь выходитъ почти наоборотъ. Для вождя партіи, у г. Гладстона, при всѣхъ его блестящихъ дарованіяхъ, много недостатковъ. Но онъ пользуется громадною личною популярностью, что доказала его нынѣшняя поѣздка, и столь же вѣрно, что поворотъ народнаго мнѣнія въ его пользу совпадаетъ съ паденіемъ эфемерной популярности лорда Биконсфильда. Не трудно уловить и причину поворота. Начинаютъ разочаровываться несоотвѣтствіемъ результатовъ Биконсфильдовской политики съ ея хвастливыми заявленіями и обѣщаніями. Сулили миръ и преобладаніе Англіи дешевою цѣной шести милліоновъ; вмѣсто того видятъ все новыя затрудненія, хлопоты, нескончаемыя мелкія войны въ Африкѣ и Азіи, возрастающіе расходы и ежегодные дефициты. Естественно что для выхода изъ этихъ затрудненій всѣ обращаютъ взоры къ г. Гладстону, И это до такой степени вѣрно что газета *Times*, которая, по поводу первыхъ рѣчей г. Гладстона въ Эдинбургѣ, обозвала его демагогомъ, потомъ измѣнила тонъ, и когда онъ раскритиковалъ финансовую политику министерства, преклонилась предъ его авторитетомъ и поспѣшила напомнить министрамъ что теперь вновь наступила пора озаботиться экономіей.

Но, помимо экономіи и множества внутреннихъ вопросовъ интересующихъ Англичанъ, г. Гладстонъ много говорилъ объ иностранныхъ дѣлахъ, и этотъ пунктъ конечно представляетъ наиболѣе интереса для Россіи, которой приходилось такъ много считаться съ англійскою политикой.

Странно! Г. Гладстонъ ставитъ въ вину министерству что оно, желая противодѣйствовать Россіи и возбудивъ ненависть ея 80-милліоннаго населенія къ Англіи, само въ то же время „усилило“ Россію, увеличивъ ея территорію пріобрѣтеніями Бессарабіи и Батума. Въ первый разъ слышимъ что мы за эти владѣнія обязаны не русскому оружію, а лорду Биконсфильду.

Хотѣлъ ли этимъ г. Гладстонъ сказать что лордъ Беконсфильдъ долженъ былъ *отнять* ихъ у Россіи? Также смѣшно слышать упреки будто только правительство лорда Беконсфильда, своею близорукою политикой, „научило Сербовъ, Румынъ, Болгаръ и Черногорцевъ искать помощи у Россіи какъ у единственнаго друга," тогда какъ эти народы, жаждавшіе только освобожденія, „ненавидѣли мысль о поглощеніи деспотическою Россіей" и готовы были бы довѣриться Англіи. Г. Гладстонъ также увѣренъ въ „завоевательныхъ замыслахъ" Россіи, и они ему тѣмъ понятнѣе что, на его взглядъ, будь Англія на мѣстѣ Россіи, она давно завоевала бы всю Турцію. Но ему непостижима та историческая связь которая соединяетъ Россію съ Христіанами Востока; онъ не хочетъ знать что въ Бессарабіи Россія только возвратила себѣ территорію которая полвѣка была русскою и пріобрѣтена была не отъ Румыніи а отъ Турціи. Но онъ долженъ бы знать что англійская политика, безразлично Пальмерстоновская и Беконсфильдовская, именно потому и не могла сочувствовать освобожденію этихъ народовъ что въ ихъ свободѣ и развитіи видитъ ущербъ для своихъ интересовъ. Убѣдительный примѣръ тому представляютъ отношенія Англіи къ Греціи, несмотря на соперничество Грековъ со Славянами.

Въ искренности личнаго сочувствія самого г. Гладстона къ этимъ народамъ мы не сомнѣваемся, и въ другой его рѣчи есть очень симпатическая фраза, относящаяся къ будущему. „Повидимому признано," говорилъ онъ, „что скоро долженъ пробить часъ, если уже не пробилъ, когда Турецкое владычество надъ этими прекрасными провинціями должно прекратиться, хотя бы по причинѣ его немощи. Къ кому же перейдетъ наслѣдіе Турціи? Оно не должно перейти ни къ Россіи, ни къ Австріи, ни къ Англіи, по какой бы то ни было англо-турецкой конвенціи; оно должно перейти къ самимъ народамъ этихъ странъ, населявшимъ ихъ въ теченіе многихъ столѣтій, къ тѣмъ кто подняли ихъ до извѣстной степени цивилизаціи когда великое бѣдствіе Оттоманскаго завоеванія обрушилось на эту часть земли и подавило начинавшуюся цивилизацію." Не отъ Россіи, конечно, встрѣтилось бы возраженіе или противодѣйствіе такому рѣшенію: оно было бы вполнѣ согласно съ ея интересами и съ ея традиціонною политикой. Но можно ли то же сказать объ Англіи и повѣрить чтобъ эта простая и справедливая мысль была усвоена ея политикой, а не осталась только благочестивымъ желаніемъ одного г. Гладстона? Даже когда бы онъ достигъ власти, допуститъ ли его партія, допустятъ ли британскіе „интересы" такое безкорыстіе? Онъ прибавилъ: „Надо зорко слѣдить за движеніями не одной только Россіи. Въ воздухѣ носятся планы другихъ авторовъ. Есть слишкомъ много поводовъ подозрѣвать что нѣкоторые государственные люди Австріи будутъ стараться расширить ея владѣніе и замѣнить одно господство другимъ." Итакъ, г. Гладстонъ не раздѣляетъ радости о „благой вѣсти" лорда Солсбери. Но можно ли полагать что Англія выступила бы дѣятельною противницей такихъ австрійскихъ плановъ?

№ 303.

Москва, 27-го ноября.

Несмотря на многочисленные парламенты коими надѣлена Германія, такъ-называемая парламентская система правленія нигдѣ тамъ не привилась. Какъ въ Пруссіи, представляющей собою и имперію, такъ и во всѣхъ второстепенныхъ государствахъ Германіи, борьба политическихъ партій идетъ не изъ-за власти, и министерство нигдѣ не представляетъ собою господствующаго въ данную эпоху парламентскаго большинства. Вездѣ въ Германіи корона совершенно свободна въ выборѣ своихъ совѣтниковъ, и во главѣ управленія ставятся люди отнюдь не по положенію ихъ въ той или другой партіи, и весьма часто министры назначаются вопреки большинству. Самымъ разительнымъ примѣромъ служитъ въ этомъ отношеніи вся политическая карьера князя Бисмарка. Въ то время когда король Прусскій (теперешній императоръ) призвалъ его во главу управленія, либеральная доктрина была такъ заключена въ свою шаблонную рамку что и прусскіе конституціоналисты считали парламентскую систему непремѣнною принадлежностью представительнаго правленія, и всѣми силами враждовали противъ Бисмарка только потому что онъ „юнкеръ," а не ихъ избранникъ. Но дальнѣйшія событія показали либеральнымъ

доктринерамъ какъ узка ихъ теорія и какія дѣла можетъ совершить сильный государственный умъ не только независимо отъ парламентскаго большинства, но и вопреки ему, и съ тѣхъ поръ прусскіе либералы образумились и приняли положеніе о „непригодности системы парламентаризма для Германіи.“ Князь Бисмаркъ не пошелъ имъ на встрѣчу; за то они перешли на его сторону, и могучій министръ успѣлъ съ тѣхъ поръ поставить дѣло такъ что не партіи и парламентское большинство создавали правительство, а напротивъ, большинство парламента слагалось и пользовалось своею долей вліянія на ходъ дѣлъ лишь въ той мѣрѣ какъ оно подчинялось правительству и слѣдовало его указаніямъ.

Всѣмъ извѣстно какія изумительныя метаморфозы переживала, въ послѣдніе годы, самая многочисленная изъ политическихъ партій Германіи, національ-либералы. Двѣнадцать лѣтъ, начиная съ 1866 года, они были правительственною партіей по преимуществу, и забывая свою прежнюю непримиримую оппозицію „померанскому юнкеру,“ кичились тѣмъ что стали главною опорой князя Бисмарка въ его преобразованіяхъ. Но въ прошедшемъ году дѣло, какъ казалось, все-таки дошло до полнаго разрыва между ними и имперскимъ канцлеромъ. Принципъ фритредерства, одно изъ самыхъ неприкосновенныхъ началъ шаблонно-либеральной программы, былъ внезапно отвергнутъ княземъ Бисмаркомъ. Это было „ужь слишкомъ“ для его либеральныхъ союзниковъ, и они съ шумомъ перешли въ лагерь оппозиціи, громко заявляя о невозможности для нихъ отступиться отъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій. Но князь Бисмаркъ не смутился. Въ дѣлѣ таможенной реформы, союзниками его явились ультрамонтаны, тѣ самые ультрамонтаны, чья вражда противъ него выходила далеко за предѣлы парламентской борьбы и казалась совершенно непримиримою. И вотъ большинство опять образовалось на сторонѣ правительства

Въ настоящее время, когда дѣло сдѣлано и таможенный тарифъ рѣзко охранительнаго характера получилъ силу закона, парламентская физіономія снова начинаетъ мѣняться, и опять заискивающимъ и уступающимъ элементомъ является не правительство, а партіи. Засѣдающій теперь Прусскій сеймъ занятъ новою затѣей князя Бисмарка, столько же идущею въ разрѣзъ съ либеральною экономическою доктриной какъ и его таможенный тарифъ. Рѣчь идетъ о переходѣ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства. Національ-либералы, урѣзанные въ своемъ численномъ составѣ на выборахъ и познавъ чрезъ это всю тщету своей возобновленной послѣ многихъ лѣтъ оппозиціи, и не подумали сопротивляться предложенію правительства, а изъявили готовность поддержать его, обставивъ свое согласіе разными условіями о „гарантіяхъ,“ обезпечивающихъ контроль надъ финансовою стороной желѣзнодорожнаго управленія. Правительство, повидимому, не намѣрено спорить противъ этихъ „гарантій,“ весьма мало его стѣсняющихъ, но за то облегчающихъ либераламъ ихъ податливость. Съ другой стороны, ультрамонтаны, въ коихъ правительство нынѣ не нуждается, въ свою очередь выступаютъ противниками желѣзнодорожныхъ законопроектовъ, находя что обѣщанныя гарантіи не существенны и „недостаточно либеральны.“ Этотъ либеральный задоръ со стороны клерикаловъ-католиковъ въ Германіи есть одно изъ самыхъ куріозныхъ явленій и рядомъ съ подобострастными заявленіями либеральныхъ газетъ о томъ что „князь Бисмаркъ выразилъ свое благоволеніе (sic) вождямъ національ-либеральной партіи за ихъ поддержку правительства въ желѣзнодорожномъ вопросѣ,“ лучше всего характеризуетъ ту фальшь и неправду которая заключается въ современной намъ политической жизни Западной Европы, и показываетъ что борьба прикрывающаяся тѣми или другими кличками въ сущности ведется вовсе не изъ-за этихъ кличекъ.

Но рядомъ съ этими эфемерными явленіями, иное, болѣе глубокое и правдивое теченіе начинаетъ обнаруживаться съ каждымъ днемъ сильнѣе и заслуживаетъ серіознаго вниманія. Мы говоримъ о реакціи здраваго смысла. Общественное мнѣніе въ Германіи чутко прислушивается ко всякому заявленію которое поднимаетъ голосъ противъ ходячихъ либеральныхъ фразъ и встрѣчаетъ сочувственнымъ одобреніемъ такія мнѣнія которыя еще недавно представлялись великою ересью съ точки зрѣнія господствовавшихъ воззрѣній.

Наглядный тому примѣръ представили на дняхъ пренія во второй палатѣ Прусскаго сейма по поводу тюремнаго вопроса. Рѣчь шла о бюджетѣ министерства

внутреннихъ дѣлъ, коему въ Пруссіи подчинены тюрьмы. Вслѣдствіе выставленнаго въ смѣтѣ значительнаго расхода на тюремныя сооруженія по новѣйшей усовершенствованной системѣ, многіе ораторы подняли голосъ противъ той фальши, которая, благодаря доктринѣ, воцарилась и въ дѣлѣ уголовнаго правосудія. Тюрьма, доказывали эти ораторы, перестала для многихъ быть наказаніемъ, до такой степени что въ одномъ Берлинѣ бываетъ ежегодно не менѣе 50 случаевъ разбитія дорогихъ зеркальныхъ стеколъ нарочно съ цѣлью попасть въ тюрьму и получить тамъ тѣ удобства жизни коихъ лишены многіе и многіе честные труженики. Пресловутая теорія „исправленія," провозглашенная главною цѣлью и чуть не единственнымъ основаніемъ наказуемости преступленій, была подвергнута безпощадной критикѣ, и народные представители не одиночными голосами, но цѣлымъ многочисленнымъ рядомъ доказывали что тѣлесное наказаніе можетъ и должно замѣнить собою во многихъ случаяхъ тюремное заключеніе, составляющее нынѣ почти единственный способъ уголовной кары, обременяя страшнымъ образомъ бюджетъ государства, отвлекая отъ дѣла массу рабочихъ рукъ и въ добавокъ служа, вмѣсто исправленія преступниковъ, постоянною школой гдѣ преступники по профессіи получаютъ свое воспитаніе.

Все это высказывалось открыто въ стѣнахъ парламента и выслушано было съ замѣтнымъ сочувствіемъ; а возраженія, которыя были представлены немногими, отличались крайнею слабостью и отнюдь не дышали тѣмъ „негодованіемъ" какимъ несомнѣнно разразились бы противъ „апостоловъ кнута" наши фельетонисты еслибъ они участвовали въ этомъ собраніи.

№ 304.

Москва, 28-го ноября.

17 ноября, за два дня до взрыва адской мины подведенной слугами крамолы подъ полотно Курской желѣзной дороги, въ Петербургѣ окончился продолжавшійся три дня судъ по другому преступному дѣянію той же крамолы—покушенію на жизнь шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Дрентельна.

Выстрѣлъ въ шефа жандармовъ былъ сдѣланъ 13 марта; стало-быть съ тѣхъ поръ до открытія суда надъ Мирскимъ и его сообщниками протекло болѣе восьми мѣсяцвъ. Не мало людей, конечно, трудилось въ это время надъ розысками по этому дѣлу. Какимъ же результатомъ увѣнчалась эта работа? Насколько подвинула она дѣло искорененія крамолы?

Существеннѣйшія обстоятельства покушенія остались не разъясненными, главные дѣятели въ немъ, кому Мирскій служилъ орудіемъ, не открыты. „Өедоръ Ивановичъ," руководившій Мирскаго въ совершеніи покушенія, давшій ему денегъ на покупку лошади и револьвера, снабдившій его патронами и деньгами на выѣздъ изъ Петербурга, Өедоръ Ивановичъ, на свиданіе съ кѣмъ въ Публичную Библіотеку поспѣшилъ Мирскій послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла и который, по его мнѣнію, принадлежитъ къ „исполнительному комитету" и къ редакціи *Земли и Воли*,—этотъ Өедоръ Ивановичъ фигурируетъ въ процессѣ лишь въ качествѣ какого-то неуловимаго по своей безтѣлесности злаго духа. Осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ Мирскій *не пожелалъ* его назвать, лицо у котораго онъ ночевалъ наканунѣ преступленія, и изъ квартиры котораго онъ прямо отправился совершать порученное ему дѣло. Столь же неуловимыми оказались студентъ Медико-Хирургической Академіи Астафьевъ и судившійся еще въ 1877 году по большому политическому процессу „Ста девяноста трехъ" Тихоміровъ—лица хлопотавшія по чьему-то приказу о пріисканіи для Мирскаго въ Петербургѣ надежнаго помѣщенія въ первые дни послѣ покушенія и нашедшія таковое, при помощи Головина, въ квартирѣ Беклемишева, изъ которой, по показанію одного свидѣтеля, была, по слухамъ, отправлена за границу извѣстная Вѣра Засуличъ. На этой квартирѣ Мирскій пробылъ три дня: кто и гдѣ затѣмъ давалъ ему убѣжища въ остальныя двѣ недѣли до поступленія его, подъ именемъ Өедотова, учителемъ къ Семенскимъ—неизвѣстно. Такою же загадкой остаются и „рыжій господинъ" вслѣдъ за появленіемъ коего въ квартирѣ Беклемишева Мирскій немедленно скрылся оттуда, и тотъ предупредительный корреспондентъ, чье письмо, переданное Мирскому Верещагинымъ, побудило перваго немедленно бѣжать изъ деревенской усадьбы Семенскихъ. Оста-

лись, далѣе, неизвѣстными и лицо рекомендовавшее Мирскаго Семенской въ учители для ея сына, и бѣдно одѣтый высокаго роста молодой человѣкъ пересылавшій Мирскому чрезъ Семенскую какой-то свертокъ, и единомышленныя Мирскому лица пріѣзжавшія къ нему въ Таганрогъ изъ Ростова, и лицо къ которому, по порученію Мирскаго, Тарховъ ѣздилъ въ Ростовъ, и лицо съ фиктивнымъ именемъ „Яценко," доставившее Мирскому подложные виды...

Но на ряду съ этимъ множествомъ лицъ ускользнувшихъ отъ слѣдствія и суда, не мало и привлеченныхъ. Сколько именно людей было привлечено къ слѣдствію по этому дѣлу и арестовано—неизвѣстно. Многіе изъ арестованныхъ, конечно, не попали и не могли попасть въ число обвиняемыхъ, по неприкосновенности къ дѣлу. За всѣмъ тѣмъ, число лицъ привлеченныхъ къ дѣлу о покушеніи 13 марта въ качествѣ обвиняемыхъ оказалось 21.

Всѣмъ этимъ лицамъ не пришлось, однако, сѣсть на скамью подсудимыхъ. Двѣнадцать изъ нихъ *) освобождены отъ уголовнаго преслѣдованія *за неимѣніемъ уликъ*.

Затѣмъ, такъ какъ судебный приставъ Семенскій серіозно заболѣлъ, на судъ предстали лишь восемь человѣкъ.

Приговоръ по дѣлу этихъ восьми лицъ извѣстенъ. Виновными признаны только двое, Мирскій и Тарховъ. Всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ рѣшено считать по суду оправданными, *за недоказанностью* возникшихъ на нихъ *обвиненій*. Итакъ, только относительно Мирскаго и Тархова, выслѣженныхъ бомбардиромъ Щетининымъ, многомѣсячная работа множества лицъ занимавшихся розысками не пропала даромъ. Но и тутъ собранныя слѣдствіемъ данныя оказались доказательными для обвиненія по всѣмъ пунктамъ лишь одного Мирскаго; что же касается прапорщика Тархова, обвиненіе его по одному изъ пунктовъ осталось недоказаннымъ. Онъ зналъ о совершенномъ Мирскимъ покушеніи на жизнь шефа жандармовъ; онъ зналъ покушеніе это совершено въ интересахъ соціалистической партіи; зная это, онъ принялъ участіе въ составленіи для Мирскаго подложнаго вида на жительство съ цѣлью сокрытія его отъ преслѣдованія. Все это признано, и въ этомъ Тарховъ обвиненъ судебнымъ приговоромъ. Принявъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Мирскаго, Тарховъ вступалъ въ сношенія съ его единомышленниками. Какъ видно изъ показанія Щетинина, Тарховъ былъ заблаговременно извѣщенъ кѣмъ-то о предстоявшемъ пріѣздѣ къ нему Мирскаго, и говорилъ Щетинину что ожидаетъ къ себѣ изъ Петербурга одного студента который—„важное лицо." Достаточно ли такихъ и подобныхъ имъ данныхъ чтобы признать принадлежность Тархова къ тому преступному сообществу къ которому принадлежалъ Мирскій? На этотъ вопросъ приговоромъ суда данъ отвѣтъ отрицательный. Обвиненіе Тархова по этому пункту признано все-таки не доказаннымъ.

Итакъ, что же оказалось въ конечномъ результатѣ всего дѣла?

Такъ какъ осужденный Тарховъ признанъ не принадлежащимъ къ преступному сообществу, то оказывается что пойманъ только одинъ изъ многихъ слѣпо-покорныхъ, отлично выдрессированныхъ слугъ подпольнаго *жонда*, которыхъ онъ поочередно высылаетъ для исполненія своихъ преступныхъ „приговоровъ", подобно тому какъ *польскій жондъ* временъ маркиза Велёпольскаго высылалъ своихъ „жандармовъ-вѣшателей" и „кинжальщиковъ." Только орудіе преступленія 13 марта выслѣжено и подвергнуто карѣ; господа же, чья преступная воля замыслила это преступленіе, обдумала весь его планъ, пріискала средства къ его исполненію, избрала и послала человѣка чтобъ его совершить,—эти господа остались совершенно въ сторонѣ, поощряемые безнаказанностью къ составленію и исполненію новыхъ злодѣйскихъ плановъ...

Въ орудіяхъ для исполненія этихъ плановъ у нашего „исполнительнаго революціоннаго комитета" пока нѣтъ недостатка, какъ не было и у виленскаго „жонда" недостатка въ жандармахъ - вѣшателяхъ, пока законное правительство въ борьбѣ съ нимъ строго держалось рутиннаго формализма. Готовый контингентъ исполнителей воли „революціоннаго комитета" представляетъ, въ особенности, масса сбитыхъ съ толку молодыхъ людей, прошедшихъ своеобразный искусъ во время продолжи-

*) Ольга Головина, Татьяна Беклемишева, Елена Кестельманъ, Наталья Златогорская, Софья Фрессеръ, Алексѣй Шеманскій, Василій Бачинскій, Николай Рубанскій, Моисей Трахтманъ, Эсперъ Абаціевъ, Надежда Казначеева и Алексѣй Порошниковъ.

тельнаго нахожденія подъ слѣдствіемъ и судомъ по политическимъ дѣламъ, окончательно ожесточившихся въ крѣпостяхъ и казематахъ, и затѣмъ выпущенныхъ на всѣ четыре стороны по недостаточности уликъ и недоказанности обвиненія. Къ такой именно категоріи принадлежитъ и Мирскій. Это молодой шляхтичъ изъ югозападнаго края, католическаго исповѣданія. Ему всего 21 годъ, но онъ уже по разнымъ дѣламъ побывалъ и въ Кіевскомъ острогѣ, откуда подавалъ „его высокородію, господину прокурору *плѣннаго* соціалиста Мирскаго прошеніе," и затѣмъ въ Петербургской Петропавловской крѣпости, откуда былъ выпущенъ съ небольшимъ за два мѣсяца до покушенія на жизнь шефа жандармовъ...

Изъ цѣлой преступной организаціи, только одного этого молодаго шляхтича и могла настичь рука правосудія. Его разыскивали почти четыре мѣсяца, съ 13 марта до 6 іюля. Въ теченіе этого времени, много людей хлопотало чтобъ укрыть его отъ правительства, многіе пріискивали и давали ему съ этою цѣлію пристанище. Изо всѣхъ этихъ людей оказался уличеннымъ и осужденнымъ только послѣдній въ длинномъ ряду, Тарховъ, арестованный одновременно съ Мирскимъ по указанію того же Щетинина. Всѣ прочіе укрыватели преступника остались въ сторонѣ и внѣ всякой отвѣтственности.

Слѣдствію удалось открыть нѣкоторыя изъ мѣстъ служившихъ Мирскому убѣжищемъ, удалось найти лицъ которыя пріискивали и давали ему помѣщеніе, въ то время когда онъ розыскивался. Относящіеся сюда и выясненныя слѣдствіемъ факты стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Нѣсколько лицъ, съ помощію которыхъ скрывался Мирскій, сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ; но не нашлось формальныхъ доказательствъ того что этотъ фактъ долженъ быть вмѣненъ имъ въ вину, что пристанодержательство было сознательное. Слѣдователямъ надо было проникнуть въ тайники сокровенныхъ мыслей обвиняемыхъ, прочесть начертанное во глубинѣ ихъ сердецъ.

Вотъ, напримѣръ, Беклемишевъ. Онъ далъ пріютъ Мирскому въ своей квартирѣ въ Петербургѣ; Мирскій прожилъ у него три дня. Но гдѣ формальныя доказательства что Беклемишевъ зналъ *кому* онъ даетъ пріютъ, гдѣ доказательства завѣдомой ему предосудительности его поступка? *За нѣсколько дней* предъ тѣмъ онъ случайно познакомился съ Ольгой Головиной (освобожденной отъ суда за неимѣніемъ уликъ); она попросила его пріютить одного бѣднаго студента. Чего проще исполнить такую просьбу? Этого студента (который, по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, слылъ въ квартирѣ Беклемишева подъ наименованіемъ „судебнаго слѣдователя") привезъ къ Беклемишеву Головинъ, человѣкъ бывавшій подъ слѣдствіемъ по государственнымъ преступленіямъ и мало Беклемишеву знакомый. Давая убѣжище невѣдомому человѣку, почти немедленно вслѣдъ за дерзкимъ покушеніемъ на жизнь генерала Дрентельна, въ ту минуту когда весь Петербургъ только и толковалъ о скрывшемся преступникѣ, развѣ Беклемишевъ обязанъ былъ знать или справляться кто именно ищетъ у него пріюта?

Возьмемъ другаго подсудимаго, Головина. Онъ хлопоталъ о томъ чтобы найти помѣщеніе Мирскому. Онъ нарочно ходилъ для этого къ Беклемишеву, съ которымъ до того видѣлся не болѣе двухъ разъ, потомъ въ тотъ же день самъ привезъ къ нему Мирскаго, навѣщалъ его пока онъ тамъ жилъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Тихоміровымъ и присяжнымъ повѣреннымъ Ольхинымъ, оказался въ квартирѣ Беклемишева въ моментъ удаленія Мирскаго изъ этой квартиры, немедленно вслѣдъ за загадочнымъ появленіемъ въ ней загадочнаго „рыжаго господина" приходившаго единственно для произнесенія загадочныхъ словъ. Но гдѣ формальныя доказательства что Головинъ зналъ *о комъ* хлопочетъ, чѣмъ можетъ быть доказана сознательная преступность его дѣйствій? Почему не допустить что онъ безо всякихъ предосудительныхъ видовъ пріискивалъ помѣщеніе совершенно ему неизвѣстному человѣку и затѣмъ навѣщалъ его? Онъ дѣлалъ это по просьбѣ Астафьева, студента Медико-Хирургической Академіи. Какъ служащій въ конторѣ редакціи петербургской газеты *Русская Правда*, Головинъ, конечно, не могъ не знать о только-что поразившемъ всѣхъ покушеніи 13 марта и объ исчезновеніи преступника;—но развѣ это предписывало ему воздерживаться отъ пріисканія пріюта для невѣдомаго лица? Этого незнакомца привелъ къ Головину Тихоміровъ, одинъ изъ бывшихъ подсудимыхъ по извѣстному большому дѣлу о 193,—

но развѣ это обстоятельство такого рода чтобы возбудить въ Головинѣ сомнѣнія относительно политической благонадежности переданнаго на его попеченіе незнакомца? А что̀ извѣстно о прошедшемъ Головина? Онъ бывшій студентъ Технологическаго Института, привлекался къ дознанію вслѣдствіе указаній что въ 1874 году въ его квартирѣ бывали сходки агитаторовъ, но не попалъ въ вышеупомянутое число 193 преданныхъ суду. Въ нынѣшнемъ году онъ обратилъ на себя вниманіе своими близкими отношеніями къ кружку лицъ подвергшихся преслѣдованію по дѣлу о тайной типографіи Ненсберга, а также близостью своею къ супругамъ Луцкимъ, изъ коихъ Марія Луцкая обличена въ разсылкѣ листка *Земля и Воля*. Въ числѣ знакомыхъ Головина значится и вышеупомянутый скрывшійся и доселѣ не разысканный студентъ Медико-Хирургической Академіи Астафьевъ; гдѣ находится этотъ послѣдній—неизвѣстно, но Головинъ знаетъ что онъ скрылся за границу. Наконецъ, по показанію одной свидѣтельницы, Головинъ говорилъ съ Мирскимъ то на „вы,“ то на „ты.“ Гдѣ же во всемъ этомъ формальныя доказательства прикосновенности Головина къ дѣлу?

Вотъ еще подсудимая Семенская. Въ усадьбѣ Семенскихъ, въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ Петербурга, въ сторонѣ отъ Николаевской желѣзной дороги, Мирскій прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Она взяла Мирскаго въ учители къ своему сыну. Она доставляла ему какія-то посылки отъ третьяго лица. Но нѣтъ никакихъ формальныхъ доказательствъ противъ нея. Въ учители къ ней поступилъ „Ѳедотовъ“, а не „Мирскій“. Она напечатала 29 марта публикацію въ *Новомъ Времени*, и по этой публикаціи пришелъ къ ней неизвѣстный ей человѣкъ и рекомендовалъ ей тоже неизвѣстнаго ей Ѳедотова. Она поторопилась отправить его въ свою усадьбу, такъ что онъ былъ тамъ уже 1 апрѣля, въ первый день Пасхи. Но что̀ же неестественнаго въ такой торопливости? Не оставаться же было безъ учителя на Свѣтлой Недѣлѣ ребенку, только что отправленному по совѣту врачей, для поправленія здоровья, въ деревню къ бабушкѣ? Слишкомъ поспѣшный и совершенно неосмотрительный выборъ въ учители къ сыну лица совершенно невѣдомаго, конечно, предосудителенъ для матери, но лишь съ нравственной, а не съ политической точки зрѣнія. Неизвѣстный человѣкъ просилъ ее переслать къ Ѳедотову какой-то свертокъ, и она переслала. Что тутъ особеннаго? Иной, пожалуй, вскорѣ послѣ аттентата 2 апрѣля, затруднился бы передавать что-нибудь отъ одного неизвѣстнаго лица другому, тоже неизвѣстному. Но ей, какъ женщинѣ, извинительна въ этомъ случаѣ всякая неосторожность. Люди заботившіеся о пріисканіи Мирскому надежнаго убѣжища, когда дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ оказалось не безопаснымъ, не нашли ничего болѣе подходящаго какъ направить его именно къ Семенской. Но это ихъ, а не ея дѣло. Что можетъ быть далѣе выставлено противъ нея? Семенскіе, правда, находились въ близкихъ отношеніяхъ къ лицамъ сосланнымъ за преступную пропаганду; въ ихъ квартирѣ найдены сочиненія предназначенныя соціалистами для распространенія въ народѣ. Содѣйствіе Семенскихъ было необходимо для демонстраціи на похоронахъ студента Медико-Хирургической Академіи Чернышова, обвинявшагося въ государственномъ преступленіи и умершаго въ мартѣ 1876 года въ клиникѣ Вилліе. Чтобъ эта демонстрація состоялась, нужно было чтобы тѣло было выдано изъ клиники какому-нибудь родственнику, для погребенія на частныя средства. Такая родственница оказалась въ лицѣ Семенской, которая приходится двоюродною сестрой жены дяди студента Чернышева; тѣло было выдано ея мужу, судебному приставу, и демонстрація состоялась. Но личнаго участія Семенскихъ въ этой демонстраціи не было: они остались дома и не были на похоронахъ своего родственника. Все это также просто какъ и нахожденіе въ ея усадьбѣ Мирскаго подъ именемъ Ѳедотова.

Не останавливаясь на данныхъ добытыхъ слѣдствіемъ относительно Ольхина и Верещагина, обратимся къ Левенсону. Зная о принадлежности Мирскаго къ соціалистической партіи, онъ хлопочетъ объ освобожденіи его изъ Петропавловской крѣпости на поруки и достигаетъ этого въ январѣ 1879 года, при помощи денежнаго поручительства присяжнаго повѣреннаго Утина, но дѣлаетъ это по просьбѣ и во вниманіе къ нервному разстройству своей воспитанницы Елены Кесельманъ, невѣсты Мирскаго (освобожденной отъ суда за неимѣніемъ уликъ). По освобожденіи, Мир-

скій сперва живетъ у Левенсона; потомъ, переѣхавъ на отдѣльную квартиру, навѣщаетъ его и не прекращаетъ своихъ визитовъ почти до самаго дня покушенія: но все это при ихъ отношеніяхъ совершенно естественно. Имѣется, правда, въ виду показаніе того самаго бомбардира Щетинина благодаря которому состоялся арестъ Мирскаго и Тархова, — показаніе гласящее что Мирскій, когда возымѣлъ довѣріе къ Щетинину, указалъ ему Левенсона какъ лицо къ которому тотъ можетъ обратиться въ случаѣ пріѣзда въ Петербургъ, и которое, принадлежа къ составу исполнительнаго революціоннаго комитета, дастъ ему возможность сдѣлаться членомъ революціонной партіи. Но ни самъ Щетининъ, ни кто другой, повидимому, съ цѣлію провѣрки этого показанія не обращался къ Левенсону, и судить о томъ что̀ сдѣлалъ бы Левенсонъ для лица которое явилось бы къ нему съ паролемъ, — теперь невозможно.

Итакъ, въ общемъ выводѣ, неполнота слѣдствія не дала возможности позвать къ отвѣту цѣлую массу виновныхъ; отсутствіе уликъ освободило отъ суда цѣлую группу обвиняемыхъ; недостаточная, въ глазахъ суда, доказательность добытыхъ слѣдствіемъ уликъ повела къ оправданію всѣхъ остальныхъ, кромѣ Мирскаго и Тархова.

Мы указывали выше на множество лицъ ускользнувшихъ отъ суда и слѣдствія по этому дѣлу. Но еслибъ они и не ускользнули, удалось ли бы собрать противъ нихъ такія улики которыя никто, даже изъ нихъ самихъ, не былъ бы въ состояніи признать недоказательными? Вотъ вопросъ надъ которымъ, въ виду многихъ фактовъ, нельзя не задуматься. Теперь, руководившій Мирскаго и давшій ему средства на совершеніе дѣла „Ѳедоръ Ивановичъ" съ компаніей разгуливаетъ на свободѣ потому что не открытъ и не арестованъ. Но лучше ли было бы еслибъ этотъ Ѳедоръ Ивановичъ и весь личный составъ „исполнительнаго революціоннаго комитета," посидѣвъ подъ арестомъ, были выпущены на свободу оправданные судомъ за неимѣніемъ уликъ или по недоказанности обвиненій? Эта сторона дѣла невольно обращаетъ на себя вниманіе въ виду нетерпѣливо ожидаемыхъ всѣми результатовъ того изслѣдованія которое начато нынѣ по поводу злодѣйскаго замысла на Курской дорогѣ.

№ 305.

Москва, 29-го ноября.

Имѣя предъ глазами отзывы различныхъ органовъ заграничной печати по поводу адскаго покушенія 19 ноября, видимъ что впечатлѣніе имъ произведенное было повсюду потрясающее. Да и что̀ другое, кромѣ глубочайшаго омерзенія, возможно было высказать въ виду такого событія? Тутъ даже злорадству самыхъ отъявленныхъ недоброжелателей Россіи трудно было дать себѣ волю.

Но при этомъ заграничные политики считаютъ своимъ долгомъ войти въ наше положеніе и заняться нашими дѣлами. Искренность этого рода сужденій нѣсколько подозрительна когда мы видимъ съ чьей стороны проявляется нежданная заботливость, и тѣмъ болѣе когда сужденіе высказывается тонко умно и съ наблюдательностью, которой нельзя отказать въ извѣстной долѣ вѣрности и которая служитъ ловкимъ подходомъ къ неожиданному заключенію. Невѣжественныхъ или умышленно невѣрныхъ заключеній о внутреннемъ положеніи нашего отечества мы могли заранѣе ожидать, также какъ не прошеныхъ совѣтовъ и нравоученій. Мы могли также ожидать соболѣзнованій о томъ что преступное покушеніе усилитъ „реакцію" и отдалитъ тѣ внутреннія реформы которыя, какъ не ловко проговорилась *Suturday Review*, нерѣдко внушаются нашему правительству „иностранными совѣтниками." Удивительные, право, эти господа иностранные совѣтники. Ужь если для нихъ такъ ясно что все зло, всю внутреннюю слабость Россіи такъ легко устранить заимствованіемъ рекомендуемыхъ ими учрежденій, то почему они то заботятся объ укрѣпленіи Россіи, могущество которой такъ имъ непріятно и такъ пугаетъ ихъ?

Но вотъ интересная статья газеты *Times*. Въ первой части ея высказывается взглядъ на причины и значеніе нашихъ безобразій, во второй предлагается рецептъ. Въ первой части есть много вѣрнаго. Вотъ, напримѣръ, что̀ читаемъ: „Громадное большинство Русскаго народа привязано къ Царю крѣпчайшими узами, соединяя горячую преданность Его Особѣ съ благоговѣніемъ къ Его сану, и видитъ въ Немъ воплощеннаго представителя могущества,

славы и надеждъ *Святой Руси*, но тѣмъ не менѣе вѣрно что среди тѣхъ кого можно назвать образованными классами есть широко раскинутое и безпокойное недовольство, доходящее у молодыхъ и болѣе смѣлыхъ до революціоннаго бѣшенства.“ Упомянувъ затѣмъ о процессѣ Мирскаго и о „длинной и дерзкой рѣчи произнесенной имъ предъ судомъ, въ которой онъ оправдывалъ свое преступленіе,“ газета *Times* вотъ какъ объясняетъ это явленіе:

„Не слѣдуетъ заключать изъ дѣятельности нигилистовъ что зданіе русскаго общества и Русскаго правительства готово тотчасъ же развалиться на части. Россія въ сущности переживаетъ кризисъ который прошли почти всѣ цивилизованныя націи и который, какъ онъ ни остръ, всего вѣроятнѣе временный. Должно помнить что Россія внезапно прыгнула можно сказать изъ Среднихъ Вѣковъ въ полное сіяніе новѣйшаго прогресса. Перемѣны послѣдней четверти столѣтія были обширны и глубоки. Крѣпостное право было отмѣнено и открытъ былъ путь наплыву европейскаго прогресса въ его литературныхъ и научныхъ формахъ. Русскіе съ жадностью накинулись на все новое, поразительное и тревожное. Спекуляціи самыхъ новаторскихъ философовъ быстро подхватывались. Нечего удивляться что сырое, не перебродившее вино оказалось слишкомъ крѣпкимъ для слабыхъ, не привыкшихъ къ нему головъ. Новѣйшія идеи опьянили до безумія „Молодую Россію“ подобно тому какъ водка опьяняетъ до безумія Краснокожихъ, не привыкшихъ къ алкоголю. Въ политикѣ результаты особенно печальны. Въ нашей странѣ, и въ меньшей степени въ другихъ европейскихъ странахъ, популярныя понятія о политическомъ прогрессѣ развиваются медленно. Есть историческая непрерывность въ учрежденіяхъ, движеніяхъ и проектахъ перемѣнъ. Но въ Россіи широка и темна пропасть между прошедшимъ и будущимъ, между самодержавною системой и революціонными идеями. Нигилисты болѣе преступно разрушительны чѣмъ якобинцы или карбонаріи. Должно помнить, однако, что они, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ націи за собой. Средніе классы (?) и даже нѣкоторая часть дворянства и бюрократіи могутъ быть недовольны, но крестьянство, то-есть девятнадцать двадцатыхъ Русскаго народа, съ отвращеніемъ относятся къ революціоннымъ планамъ.“

При такомъ мнѣніи о нашей интеллигенціи, лондонскіе политики уже не рѣшаются подносить намъ панацею патентованныхъ либеральныхъ учрежденій. Это было бы и насмѣшкой послѣ вышеприведенной выписки; ловкая газета понимаетъ что такіе совѣты теперь были бы не въ пору. Но какъ оставить наше бѣдное отечество вовсе безъ рецепта? И вотъ придуманъ отличный. Врачъ щупаетъ нашъ пульсъ, видитъ горячку и предписываетъ абсолютный покой, завѣсить окна, удалить паціента подальше во внутреннія комнаты, и запретить ему даже думать о томъ что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ этотъ цѣлительный рецептъ: „Мы полагаемъ что никакія внутреннія реформы, какъ ни цѣнны онѣ сами по себѣ, не произведутъ и на половину того дѣйствія какъ увѣреніе, дѣломъ такъ же какъ и словомъ, въ томъ что иностранная политика имперіи будетъ отнынѣ рѣшительно мирною.“ Видите ли, все бѣдствіе, все неустройство, все недовольство есть не что̀ иное какъ „прямое послѣдствіе послѣдняго наступательнаго движенія,“ въ которое русское правительство, противъ его воли, было втянуто панславистскою партіей. Россіи необходима де такая же воздержная ото всего политика какъ послѣ Крымской войны, и тогда де все пойдетъ хорошо. Западная Европа въ этомъ де ей какъ нельзя болѣе будетъ сочувствовать, а что касается Россіи, то *Times* намъ ручается что если мирная политика возобладаетъ въ С.-Петербургѣ, то „навѣрное благоденствіе возстановится въ Россіи.“

Что̀ жь? Мы очень рады наслаждаться миромъ и предвкушать обѣтуемое благоденствіе, лишь бы врачи дали намъ къ тому возможность и не затѣвали дѣлъ къ которымъ Россія не можетъ быть равнодушна.

Послѣ Крымской войны долго не трогались вопросы имѣющіе важность для Россіи. А вотъ теперь, на дняхъ, мы слышали о приказѣ англійскому флоту идти въ Дарданеллы вопреки трактатамъ. Пока еще это не состоялось, но таже газета *Times* недавно поясняла что англійская угроза не пуфъ, что Турціи дано послѣднее предостереженіе, послѣ коего за словомъ послѣдуетъ дѣло. Такъ же толкуетъ и *Pall Mall Gazette*. Да, наконецъ, самъ под-

секретарь иностранныхъ дѣлъ, г. Боркъ, въ недавней рѣчи развязно увѣдомилъ что Англія ведетъ переговоры „съ нѣкоторыми державами.“ Нѣтъ почти англійской газеты которая бы не твердила что Турція близка къ паденію, и что предстоитъ принять мѣры. Фактъ этотъ признаетъ даже оппозиціонная *Daily News*. Стало-быть надо чтобы Россія легла въ постель и завѣсила свои окна.

Да, но не затѣмъ ли и нигилисты-то нужны, не затѣмъ ли и пару поддаютъ имъ, и на ноги ихъ поднимаютъ чтобы Россія сидѣла смирно и не мѣшала другимъ обдѣлать ея дѣла?

№ 306.

Москва, 30-го ноября.

А.

Осенью 1869 года, въ обѣихъ половинахъ Австро-Венгріи, установленъ такъ-называемый „военный законъ,“ въ силу коего имперія десять лѣтъ располагала арміей въ 800.000 по военному составу. Въ настоящемъ году истекаетъ срокъ дѣйствія этого закона. Министерству предстояло или возобновить дѣйствовавшій до сего законъ во всемъ его объемѣ, или же, измѣнивъ основныя начала организаціи, предложить иной срокъ и иныя цифры.

Министерство выбрало первую мѣру. Всѣ отношенія между обѣими половинами монархіи, государственныя, финансовыя, торговыя, установлены на десять лѣтъ; такимъ образомъ, десятилѣтній срокъ военнаго закона становится логическою необходимостью исключая повидимому всякую возможность пререканій.

Что касается мирнаго и военнаго состава арміи, то измѣненіе той или другой цифры невозможно безъ кореннаго измѣненія всей военной системы. Уменьшить составъ арміи въ мирное время, не измѣняя военнаго ея состава, можно не иначе какъ сокративъ срокъ службы подъ знаменами, опредѣляемый временемъ которое по опыту оказывается необходимымъ для обученія солдата и его военнаго воспитанія. Наоборотъ, если этотъ срокъ останется безъ измѣненія, то сокращеніе въ мирномъ составѣ неизбѣжно влечетъ за собою уменьшеніе въ цифрѣ военнаго времени.

Справедливо или нѣтъ, но какъ германская, такъ и австрійская печать утверждала что изъ Берлина было дано ясно понять что Германія не допускаетъ и мысли о томъ чтобы военная сила Австріи умалилась, и чтобъ Австрія дѣлала „финансовыя сбереженія насчетъ Германіи.“

При утвержденіи военнаго закона въ 1869 году онъ былъ признанъ конституціоннымъ какъ въ полномъ составѣ, такъ и во всѣхъ частяхъ, а потому продолженіе этого закона и всякія въ немъ измѣненія могутъ быть сдѣланы только при большинствѣ двухъ третей голосовъ.

Именно это опредѣленіе и поставило въ затруднительное положеніе министерство вообще, располагающее значительнымъ большинствомъ.

Венгерскій сеймъ принялъ правительственное предложеніе безъ измѣненій; въ Цислейтаніи же возникла оппозиція со стороны такъ-называемой „партіи вѣрныхъ конституціи,“ которая разчитывала что даже оставаясь въ меньшинствѣ можетъ отвергнуть правительственный законопроектъ, требующій двухъ третей голосовъ которыми не располагаетъ де министерство.

Первоначально оппозиція имѣла въ виду добиваться сокращеній въ составѣ арміи какъ по мирному, такъ и по военному времени, ссылаясь на затруднительное финансовое положеніе; но вскорѣ отъ перваго изъ требованій пришлось отказаться и ограничиться предложеніемъ г. Чедика сократить только мирный составъ и срокъ дѣйствительной службы, что̀ сулило сбереженіе въ три милліона гульденовъ.

Настойчивѣе отказывала оппозиція утвердить общій срокъ дѣйствія закона, но тутъ въ рядахъ оппозиціи возникло разногласіе: одни находили что военный законъ не можетъ быть утверждаемъ на десять лѣтъ потому что этотъ срокъ выходитъ изъ предѣла депутатскаго полномочія; говорили что такъ какъ депутаты избираются только на шесть лѣтъ, то этимъ срокомъ и должно ограничиться дѣйствіе военнаго закона. Другіе, именно большинство оппозиціи, хотѣли предоставить военному закону силу только на три года; наконецъ, крайнее меньшинство допускало утвержденіе военнаго закона лишь на одинъ годъ, что̀ безъ сомнѣнія равнялось бы полной дезорганизаціи арміи, сила которой одинъ годъ была бы опредѣлена въ восемь-

сотъ тысячъ, а въ слѣдующій можетъ быть только въ половину.

Ни съ однимъ изъ этихъ требованій правительство не могло согласиться, и сдѣлка становилась невозможною; оставалось убѣдить однихъ,—это отчасти и было достигнуто,—и пригрозить другимъ что правительство не остановится „ни предъ какими крайними средствами чтобы добиться принятія закона.“

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда палата депутатовъ рейхсрата начала обсужденіе военнаго закона. „Пренія эти въ „первый день не представляли особеннаго „интереса,“ замѣчаетъ вѣнскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, „такъ какъ ни „одинъ изъ ораторовъ не въ состояніи „привлечь къ себѣ вниманіе палаты, не „обладая ни краснорѣчіемъ, ни фактическимъ знаніемъ дѣла,“ не говоря уже о крайности мнѣній. Г. Чедикъ, одно изъ важныхъ лицъ оппозиціи, выступилъ не только какъ противникъ правительственной нормы состава мирнаго времени, но какъ врагъ сближенія съ Германіей и этимъ въ самомъ началѣ уже „похоронилъ свое предложеніе.“ Рехбауеръ явился съ „непріемлемымъ“ предложеніемъ утвердить законъ только на годъ.

Тѣмъ легче было правительственной партіи, какъ это сдѣлалъ министръ государственной обороны Горстъ, доказывать что тягость военной повинности въ Австріи легче нежели въ Германіи, Россіи, Франціи или Италіи. „Даже швейцарская милиція, замѣтилъ министръ, стóитъ столько же какъ и австрійская армія,“ и хотя правительство не прочь облегчить тягость воинской повинности, но въ данномъ случаѣ облегчать нечего. Населеніе, сказалъ между прочимъ г. Горстъ, „инстиктивно „сознаетъ приближеніе знаменательныхъ „событій и желаетъ не быть застигнутымъ „врасплохъ.“ При генеральныхъ преніяхъ побѣда осталась за министерствомъ, и палата большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двадцати рѣшила перейти къ обсужденію отдѣльныхъ статей законопроекта. И тутъ абсолютное большинство оставалось на сторонѣ правительства. Предложеніе г. Чедика было отвергнуто большинствомъ 174 голосовъ противъ 134, и затѣмъ численность арміи опредѣлена въ 800.000 по штатамъ военнаго времени.

Нѣсколько иначе шло дѣло когда пренія коснулись срока дѣйствія военнаго закона. Десятилѣтній срокъ не получилъ требуемаго большинства двухъ третей голосовъ; точно также отвергнуто и предложеніе оппозиціи о трехлѣтнемъ срокѣ. Вопросъ оставался открытымъ и рѣшенъ, согласно желанію министерства, только при третьемъ чтеніи, когда военный законъ былъ принятъ окончательно.

Самую интересную сторону преній о военномъ законѣ представляетъ положеніе принятое депутатами славянской національности: всѣ они выступили горячими сторонниками правительственнаго предложенія, еще разъ доказавъ какъ мало имѣютъ значенія крики о панславизмѣ будто бы готовящемъ гибель монархіи Габсбурговъ и вынуждающемъ ее ради собственной безопасности искать защиты у сосѣда...

Б.

Ничто не ново подъ луной. Намъ невольно припоминается прошлое, теперь совсѣмъ забытое. Поколѣніе вступающее нынѣ въ жизнь было тогда еще въ пеленкахъ: это было лѣтъ за семнадцать, за восьмнадцать предъ симъ, вскорѣ послѣ паденія крѣпостнаго права и когда готовился польскій мятежъ, подожженный интригой непріязненныхъ намъ державъ, которыя были увѣрены что великая реформа приведетъ насъ къ революціи. Явные признаки упадка духа въ обществѣ и дѣйствительно революціонное настроеніе нашей печати, хотя бывшей тогда подъ цензурой, убѣждали всѣхъ что Россія находится при послѣднемъ издыханіи, и что достаточно одного толчка, одной шумной европейской демонстраціи, чтобы Россія раздробилась на части, и программы въ родѣ тѣхъ какую высказалъ на этихъ дняхъ въ судѣ юный шляхтичъ Мирскій были тогда въ большомъ ходу даже въ высшихъ сферахъ нашего общества. Заговорить о русскомъ національномъ интересѣ казалось дѣломъ почти преступнымъ. Всякое слово русскаго патріотизма и всякое мнѣніе внушенное положительнымъ убѣжденіемъ сопровождалось неистовымъ гамомъ. Нужна была большая смѣлость чтобы защищать русское дѣло въ самой Россіи и возражать противъ растлѣвающихъ революціонныхъ и измѣнническихъ тенденцій. Въ 1863 году вспыхнулъ наконецъ польскій мятежъ; пролилась кровь. Вся

Европа, за исключеніемъ Пруссіи, но со включеніемъ Португаліи и Турціи, начала противъ насъ дипломатическій походъ, угрожавшій намъ войной. И вотъ въ скоромъ времени общественное настроеніе измѣнилось, патріотическій духъ овладѣлъ всѣми и примирилъ всѣ разногласія, все дурное умолкло или спряталось въ норы. Мятежъ былъ сломленъ, революціонный обманъ исчезъ. Европейская домонстрація прекратилась; наши враги отступили со срамомъ. Великая минута народной жизни! Не забыть ее тѣмъ кто ее пережилъ. Къ сожалѣнію, мы не воспользовались ею должнымъ образомъ. Мы недостаточно оцѣнили подъемъ національнаго духа и плодотворную силу патріотизма, и поспѣшили отъ нихъ отдѣлаться, вмѣсто того чтобъ укрѣпить ихъ и держаться ихъ въ нашихъ дѣлахъ...

Но пусть прошлое говоритъ само. Вотъ что̀ было нами писано 26 августа 1863 г. (*Моск. Вѣд.* 1863, № 187):

„Читатели помнятъ какое зрѣлище представляла русская журналистика при началѣ польскаго возстанія, какія въ русскихъ газетахъ печатались статьи или какое странное слышалось въ нихъ молчаніе. Мы помнимъ это печальное время когда нашъ голосъ раздавался одиноко и когда насъ упрекали въ кровожадности за то что мы старались припомнить и русскимъ людямъ, и Полякамъ, и напиравшей на насъ Европѣ, что есть на свѣтѣ страна называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ называемый Русскимъ, народъ, который, что̀ бы ни случилось, непремѣнно дастъ себя почувствовать. Онъ наконецъ и далъ себя почувствовать, и затѣмъ, въ скоромъ времени, измѣнилось зрѣлище представляемое нашею журналистикой; нѣмотствующіе заговорили, и наши публицисты пошли писать патріотическія статьи...

„Нынѣшній польскій мятежъ, наконецъ, обозначился во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Тайна этого возстанія — теперь не тайна для цѣлаго міра. Ни одинъ изъ серіозныхъ политическихъ людей въ Европѣ не назоветъ теперь этого мятежа народнымъ возстаніемъ, изъ котораго можетъ выйти что-нибудь положительное. Только нѣкоторыя закупленныя французскія газеты еще зарабатываютъ полученную ими мзду и вяло повторяютъ избитыя фразы, которыхъ никто уже не читаетъ. Все что̀ только есть лучшаго, умнаго и дѣльнаго въ Европѣ, все съ чѣмъ только можно считаться, понимаетъ всю безнадежность нынѣшняго польскаго дѣла, и относительно его сущности совершенно согласно съ сужденіемъ русскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія что лучшіе люди изъ самихъ Поляковъ понимаютъ это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, и еще менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ что громадное большинство населенія въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ полное право сѣтовать видя себя брошеннымъ безъ защиты и отданнымъ на жертву жандармовъ-вѣшателей. Исторія не представляетъ примѣра болѣе возмутительнаго положенія дѣлъ. Всѣ знаютъ что гражданская администрація въ Польшѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ измѣнниковъ, вольныхъ или невольныхъ, и болѣе невольныхъ чѣмъ вольныхъ; всѣмъ извѣстно что чиновники въ Царствѣ Польскомъ поощряются къ измѣнѣ законному правительству и во всякомъ случаѣ ничего не теряютъ отъ неисполненія своего долга, а за исполненіе долга, за вѣрность присягѣ, неминуемо подвергаются петлѣ или удару кинжаломъ изъ-за угла.

„Мы не разъ уже приводили, для примѣра, положеніе въ которомъ находилась наша сѣверная столица за годъ, за два предъ симъ. Россіи, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація которая разыгрывается теперь съ большимъ успѣхомъ въ Царствѣ Польскомъ. Пусть читатели вспомнятъ какіе элементы въ теченіе довольно долгаго времени господствовали надъ нашимъ обществомъ, развращая молодежь обоего пола. Нельзя безъ омерзенія подумать что эти элементы были близки къ тому чтобы превратиться въ такое же подземное правительство какое теперь властвуетъ въ Польшѣ. Пусть русская публика вспомнитъ этотъ недавній позоръ Россіи; пусть вспомнитъ она подъ какимъ ужаснымъ кошмаромъ находилось у насъ цѣлое здоровое и сильное общество; пусть вспомнитъ она какъ посѣдѣвшіе люди подличали предъ двѣнадцатилѣтними мальчишками, считая ихъ представителями новой мудрости долженствующей преобразить цѣлый міръ, какъ воспитатель пассовалъ предъ своимъ воспитанникомъ, какъ профессоръ боялся выставить студенту балъ

соотвѣтствующій его нахальному невѣжеству, какъ начальствующія лица и лица высокопоставленныя трепетали того что̀ скажетъ о нихъ полупомѣшанный фразеръ въ Лондонѣ,—пусть вспомнитъ она этихъ чиновниковъ прогрессистовъ, коммунистовъ и соціалистовъ, которыхъ такое множество расплодилось въ Россіи;—пусть вспомнитъ она ту шутовскую и тѣмъ не менѣе печальную революцію которую производили студенты на петербургскихъ улицахъ, и которая не осталась безъ серіозныхъ послѣдствій даже для всего министерства народнаго просвѣщенія, — пусть вспомнитъ она всѣ тѣ нелѣпости, безумства, весь тотъ неслыханный „нигилизмъ," который господствовалъ въ нашей литературѣ, и эту непонятную терроризацію, посредствомъ которой всякій мальчишка, наконецъ всякій негодяй, всякій „жуликъ" (sit venia verbo) могъ приводить въ смущеніе самыя безспорныя права, самые положительные интересы, наконецъ логику здраваго смысла. Все это было такъ недавно, все это еще у всѣхъ на свѣжей памяти, все это еще и теперь не совсѣмъ замерло, все это можетъ-быть еще (да сохранитъ насъ Богъ отъ такого позора!) отдохнетъ и очнется. Была же значитъ сила въ этихъ ничтожныхъ элементахъ; было же значитъ нѣчто такое что̀ давало имъ силу. Еще, казалось бы, одинъ шагъ, и у насъ началась бы настоящая терроризація... Были же и у насъ какія-то тайныя общества, какіе-то центральные комитеты, которые издавали свои прокламаціи; получались же и у насъ разными лицами подметныя писанія съ ругательствами и всякими угрозами. Въ сравненіи съ Русскимъ народомъ, съ этимъ великимъ, могущественнымъ цѣлымъ, всѣ эти элементы разложенія кажутся теперь ничтожною тлей, о которой стыдно говорить; но эта тля была же однако въ силѣ, эта тля воображала же себя близкою къ полному господству, и дѣйствовала же она съ удивительною самоувѣренностью. Что̀ давало ей эту силу? Что̀ внушало ей эту самоувѣренность? Представьте себѣ что вся эта революціонная гниль сосредоточилась бы не въ Петербургѣ, а въ какомъ-либо другомъ городѣ; представьте себѣ что всѣ эти элементы разложенія не находились бы ни въ какомъ отношеніи къ административнымъ сферамъ, и подумайте что̀ могли бы они значить и какое дѣйствіе могли бы они производить? Они могли бы быть только предметомъ смѣха. Что̀ же заставляло всѣхъ опасаться, что̀ же заставляло всѣхъ тревожно оглядываться, что̀ заставляло всѣхъ конфузиться и пасовать? Ничто иное какъ лишь то что всѣ эти элементы возникали и развивались въ Петербургѣ или подъ его вліяніемъ; ничто иное какъ лишь то что эти элементы дѣйствительно захватывали частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и на все. Многіе въ Петербургѣ полагали что это Земля Русская порождаетъ изъ своихъ нѣдръ элементы разложенія, а Земля Русская, недоумѣвая, видѣла въ этихъ элементахъ признаки какого-то новаго порядка вещей, новой системы, которая на нее налагалась. Раскрыть недоразумѣнія, распутать интригу которая, пользуясь обстоятельствами, умѣла поддерживать эти элементы, давать имъ ходъ и сообщать имъ ту фальшивую силу которою они такъ долго пользовались, внушая опасенія даже самымъ серіознымъ людямъ, было трудно. Представимъ же себѣ на минуту что наши высшія власти были бы такого же свойства и были бы точно также поставлены какъ польскія власти въ Варшавѣ, представимъ себѣ что вся наша администрація вдругъ наполнилась бы такими же неблагонадежными элементами какими наполнилась вся администрація въ Царствѣ Польскомъ, и которые не только не препятствовали бы развитію дѣйствій революціонной организаціи, а напротивъ всячески способствовали бы ей, и вотъ, даже безъ помощи ксендзовъ и европейской агитаціи, мы получили бы у себя явленіе совершенно аналогическое тому которое происходитъ теперь въ Польшѣ. И у насъ пожалуй стали бы вѣшать непокорныхъ помѣщиковъ, отказывающихъ въ контрибуціи подземнымъ властямъ, и у насъ были бы жертвы подобныя Минишевскому, и у насъ стали бы насильно загонять крестьянъ въ лѣса, какъ уже впрочемъ и были къ тому попытки. Нѣтъ сомнѣнія что въ Россіи подобная мистификація не могла бы продлиться; но смутъ и всякаго рода бѣдствій она причинила бы не мало, и бѣдствія эти обрушились бы главнымъ образомъ на мирныя населенія."

№ 307.

Москва, 1-го декабря.

Пренія о военномъ законѣ въ Австрійскомъ рейхсратѣ, о коихъ мы упоминали вчера, имѣли еще одинъ эпизодъ, весьма знаменательный въ виду того критическаго момента который нынѣ переживаютъ славянскія племена Австріи, по вопросу о будущемъ участіи ихъ въ политической жизни Габсбургской монархіи, отъ котораго они такъ долго отказывались. Новое министерство графа Таафе, съ самаго начала своего существованія, выставило примиреніе со Славянами выдающимся пунктомъ своей программы. Но въ чемъ именно имѣли выразиться уступки требованіямъ Славянъ долженствовавшія повести къ этому примиренію, это до сихъ поръ остается вопросомъ открытымъ. Между тѣмъ совершилось пресловутое „тѣснѣйшее сближеніе“ Австріи съ Германіей, котораго значеніе тоже остается загадкой, но которое во всякомъ случаѣ не могло не играть роли „струи холодной воды“ (любимая фраза князя Бисмарка) для австрійскихъ Славянъ. Такъ называемая вѣрно-конституціонная партія Цислейтаніи, то-есть нѣмецкіе централисты, сильно пріунывшіе послѣ выборовъ, которые значительно уменьшили ея численность и при которыхъ упомянутая программа новаго министерства служила главнѣйшимъ пунктомъ избирательной борьбы, эта партія снова подняла высоко голову послѣ сентябрьскаго свиданія въ Вѣнѣ, и поощряемая берлинскою печатью, принявшею внезапно крайне враждебный противъ „панславизма“ тонъ, рѣшилась помѣряться силами со своими противниками, коихъ ряды столь значительно усилились со вступленіемъ чешскихъ депутатовъ въ рейхсратъ. Новый военный законъ представлялъ къ тому особенно благопріятныя условія, такъ какъ одинъ изъ его параграфовъ заключаетъ въ себѣ отступленіе отъ конституціи, и потому для принятія его требуется большинство двухъ третей голосовъ. Здѣсь, стало-быть, и меньшинство, въ коемъ находится вѣрно-конституціонная партія, могло поставить правительству преграду и вынудить его къ отступленію отъ объявленной имъ программы. И вотъ, когда въ нижней палатѣ рейхсрата, открылись пренія по поводу важнѣйшаго пункта военнаго закона—десятилѣтняго дѣйствія онаго безъ измѣненій—генеральная атака противъ правительства поведена была главнымъ образомъ за его сближеніе со Славянами. Возражая на эти-то нападки графъ Таафе, въ засѣданіи 5 декабря, между прочимъ сказалъ что онъ „постарался облегчить Славянамъ вступленіе въ рейхсратъ,“ и что хотя онъ вполнѣ согласенъ что австрійскихъ Нѣмцевъ не должно *прижимать къ стѣнѣ*, но онъ будетъ стараться также о томъ чтобъ и Славянъ къ стѣнѣ не прижимать.“ Казалось бы, подобное заявленіе въ устахъ главы министерства должно было показаться вполнѣ естественнымъ, хотя бы только съ точки зрѣнія официальнаго безпристрастія. Не тутъ-то было. Австрійскіе Нѣмцы приведены были въ ярость этимъ отреченіемъ отъ знаменитой фразы графа Бейста, направленной противъ двухъ третей населенія Габсбургской монархіи. Многіе голоса изъ среды нѣмецкой партіи требовали чтобы президентъ палаты призвалъ министра къ порядку за его выраженіе будто онъ первый далъ возможность Славянамъ вступить въ Цислейтанскій парламентъ, такъ какъ де „возможность эта существуетъ на основаніи конституціи,“ и въ словахъ министра заключается де оскорбленіе конституціи.

Вчера, говоря объ австрійскомъ военномъ законѣ мы замѣтили что вопросъ о немъ при третьемъ чтеніи рѣшенъ согласно съ желаніемъ министерства. Такъ утверждали телеграфическія извѣстія изъ Вѣны, отъ 5 декабря. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается что правительственный законопроектъ получилъ 135 голосовъ противъ 119, слѣдовательно большинство недостаточное именно для 2-го параграфа настоящаго законопроекта. Значитъ законъ принятъ безъ 2-го параграфа.

Но сегодняшняя телеграмма изъ Вѣны извѣщаетъ что верхняя палата приняла единогласно новый законъ безъ всякихъ измѣненій въ правительственномъ проектѣ. Вѣнскіе органы нѣмецкой партіи увѣрены что нижняя палата вторично отвергнетъ второй параграфъ.

Вообще вѣнская нѣмецкая печать мечетъ громы и молніи противъ теперешняго министра-президента Цислейтаніи. Въ Берлинѣ тоже, повидимому, не довольны австрійскимъ министерствомъ, несмотря на великую дружбу воцарившуюся между Австріей и Германіей. Вотъ какъ высказы-

вается, напримѣръ, *Національная Газета*:

„Тутъ рѣчь идетъ о такихъ вещахъ въ которыхъ Германія имѣетъ очевидно весьма важный интересъ. Послѣ того какъ, вслѣдствіе свиданія канцлеровъ, между Германіей и Австріей установилось особенно интимное отношеніе и при этомъ приняты въ соображеніе разнаго рода случайности, о коихъ безъ настоятельной надобности не слѣдуетъ публично говорить, для насъ не можетъ быть безразлично то обстоятельство что австрійское министерство оказывается неспособнымъ провести необходимый военный законъ, между тѣмъ какъ Германія несетъ самыя тяжкія жертвы для поддержанія своей военной силы. Когда князь Бисмаркъ посѣтилъ Вѣну, кабинетъ графа Таафе былъ еще весьма юнымъ кабинетомъ. Ему приписывали реакціонные замыслы, но такъ какъ было извѣстно что реакціонные замыслы въ Австріи приводятся въ исполненіе не съ помощью Нѣмцевъ, а Славянъ, то къ опасеніямъ насчетъ внутренней политики новаго министерства присоединялось и другое опасеніе, что оно станетъ дѣлать уступки Чехамъ и пожалуй поставитъ себя въ нѣкоторую отъ нихъ зависимость. Но то что князь Бисмаркъ вступилъ въ дружескія сношенія съ Австріей, несмотря на министерство Таафе и что стало-быть онъ не опасался со стороны послѣдняго анти-нѣмецкихъ тенденцій, послужило успокоивающимъ признакомъ относительно намѣреній этого министерства. И дѣйствительно, сначала было казалось что виды на примиреніе съ Чехами не пойдутъ далѣе извѣстныхъ границъ. А вотъ теперь министерство Таафе открыто развернуло свое знамя; оно объявляетъ себя опорой Славянъ противъ нѣмецкаго элемента. Но стремленіе предоставить Чехамъ вліяніе въ Габсбургской монархіи очень плохо вяжется съ желаніемъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Германіей. Чеховъ надо разъ навсегда признать заклятыми врагами Германіи и слѣпыми приверженцами стремящейся къ панславистскимъ цѣлямъ Россіи.“

Есть и другой поводъ, почему берлинская печать стала въ послѣдніе дни относиться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ австро-германской интимности: переговоры о возобновленіи торговаго трактата между обѣими державами, истекающаго съ послѣднимъ днемъ этого года, не привели ни къ чему и, судя по всему, едва ли приведутъ къ установленію болѣе тѣсныхъ экономическихъ связей между Германіей и Австріей.

Не служитъ ли все это указаніемъ на то что знаменитое сентябрьское соглашеніе, о коемъ берлинская печать возвѣщала въ столь громкихъ словахъ, остерегаясь однако при этомъ сообщить въ чемъ собственно заключалась *суть* этого соглашенія, было далеко не тѣмъ чѣмъ старались выставить его?

№ 309.

Москва, 3-го декабря.

Въ числѣ законопроектовъ обсуждаемыхъ Прусскимъ ландтагомъ въ настоящую сессію, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ проектъ налога на торговлю спиртными напитками, долженствующаго, по мнѣнію министра финансовъ, доставить общинамъ около 13 милліоновъ марокъ (по курсу $6^1/_2$ м. рубл.) дохода.

Законопроектъ этотъ, какъ сказано въ приложенной къ нему объяснительной запискѣ, преслѣдуетъ двоякую цѣль. Вопервыхъ, правительство имѣло въ виду доставить общинамъ новый значительный источникъ доходовъ; вовторыхъ, сократить пьянство, уменьшивъ число заведеній торгующихъ спиртными напитками.

Еще не такъ давно, въ первой трети прошлаго столѣтія, потребленіе водки въ Пруссіи было очень мало распространено, особенно въ простомъ народѣ, пившемъ преимущественно пиво. Теперь иное. Число заведеній торгующихъ спиртными напитками доходитъ до 14.676. Въ Рейнской Пруссіи приходится одно такое заведеніе на 135 жителей, въ Вестфаліи на 149 человѣкъ. „Въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ,“ какъ замѣтилъ въ палатѣ депутатъ Кропатчекъ, „отношеніе еще менѣе выгодно.“

Въ послѣдніе два года, число заведеній торгующихъ спиртными напитками „увеличилось необычайно“ и по словамъ министра финансовъ, „далеко превосходитъ дѣйствительную потребность въ винѣ.“

При такихъ условіяхъ, правильная торговля напитками стала мало доходною, и содержатели заведеній начали изобрѣтать разнаго рода приманки: заводить у себя пѣніе, танцы, музыку и вообще, по словамъ объяснительной записки, „удоволь-

ствія сомнительныя какъ въ нравственномъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи." „Въ мѣстной газетѣ одного Силезскаго города," сказалъ въ палатѣ депутатъ Dr. Биттеръ, „въ одинъ день было публиковано о танцахъ въ 81 заведеніи, которыя всѣ конечно имѣютъ буфеты и торгуютъ спиртными напитками." Какое дѣйствіе должно это имѣть на нравственность и здоровье народа, понятно само собою. „Спросите проповѣдниковъ, спросите служащихъ при тюрьмахъ, спросите медиковъ, спросите кого угодно изъ лицъ кои по обязанности или по призванію входятъ въ соприкосновеніе съ міромъ преступниковъ," воскликнулъ въ палатѣ прусскій министръ финансовъ, „спросите этихъ людей, и они скажутъ что главная причина преступленій кроется въ пьянствѣ." „Директора домовъ заключенія," отвѣчалъ министру депутатъ Штроссеръ, „подтверждаютъ что три четверти содержащихся подъ стражей завѣдомые пьяницы."

Вотъ почему между прочимъ въ Пруссіи въ послѣдніе годы, когда увеличилось число кабаковъ, возрасло въ той же степени и населеніе тюремъ, которыя рѣшительно „переполнены заключенными," особенно въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по выраженію депутата Биттера, „кабаки обогатились, рабочіе обѣднѣли."

Съ увеличеніемъ пьянства и числа питейныхъ заведеній, увеличиваются замѣтнымъ образомъ расходы общинъ на призрѣніе бѣдныхъ, на тюрьмы, исправительные рабочіе дома и дома умалишенныхъ. Не менѣе вредное вліяніе оказываетъ пьянство и на исполненіе закона о воинской повинности: „нельзя приписать простой случайности," замѣтилъ въ палатѣ одинъ изъ ораторовъ, „что въ мѣстностяхъ гдѣ всего болѣе питейныхъ заведеній можетъ быть взятъ наименьшій контингентъ рекрутъ."

Развитіе пьянства всегда обращало на себя вниманіе Прусскаго правительства. На основаніи § 53 закона о промышленности, за питейными заведеніями и лицами въ нихъ торгующими установленъ особый надзоръ, причемъ въ случаѣ злоупотребленій у нихъ можетъ быть отнято право на торговлю. На открытіе питейныхъ заведеній требуется особое разрѣшеніе. Но мѣры эти оказываются мало дѣйствительными, отчасти по причинѣ частыхъ столкновеній полицейскихъ и судебныхъ властей, отчасти вслѣдствіе противодѣйствія самого общества. „Полиціи не достаетъ," какъ замѣталъ министръ финансовъ, „твердой почвы для ея мѣропріятій въ данномъ дѣлѣ... При всякомъ вмѣшательствѣ полиціи поднимается крикъ о произволѣ администраціи, о ея противозаконныхъ якобы дѣйствіяхъ, а эти вопли конечно не могутъ дѣйствовать поощрительно и поддерживать необходимую твердость."

Таковы причины вынудившія Прусское правительство предложить палатѣ поднять налогъ на эту торговлю, не разграничивая различныхъ ея видовъ.

Большинство палаты, вполнѣ соглашаясь въ необходимости принять мѣры противъ развитія пьянства, не одобрило однако проекта, который, по мнѣнію одного оратора, впрочемъ изъ партіи прогрессистовъ, напоминаетъ будто бы „двухъ лошадей заложенныхъ въ экипажъ одна спереди, другая сзади" и тянущихъ его въ разныя стороны. Сверхъ того, указываютъ что предлагаемая система обложенія должна отразиться неблагопріятнымъ образомъ именно на большихъ заведеніяхъ, коимъ придется платить болѣе мелкихъ, то-есть именно больше тѣхъ заведеній противъ которыхъ законъ преимущественно направленъ.

Не менѣе вреднымъ найдено обложеніе всѣхъ видовъ торговли. Коммиссія палаты предложила поэтому ограничить дѣйствіе закона одною водочною торговлей, совершенно устранивъ налогъ на пивные и винные погреба, такъ какъ правительство само признаетъ что пиво есть самый сильный врагъ водки: такъ въ инструкціи прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 26 августа 1861 года, рекомендуется мѣстнымъ властямъ „не препятствовать открытію новыхъ пивныхъ и винныхъ погребовъ, а напротивъ смотрѣть на нихъ какъ на желательныя и полезныя заведенія противодѣйствующія потребленію водки и пьянству."

Въ прусской печати законопроектъ вызвалъ не менѣе горячіе толки. Органы разныхъ партій почти одними и тѣми же словами указывали на тотъ важный, по ихъ мнѣнію, недостатокъ законопроекта и вводимой ими системы обложенія, что тягость налога одинаково распространяется какъ на вредныя, такъ и на дѣйствительно „необходимыя" мѣста торговли, къ каковымъ относятъ буфеты желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и нѣкоторыя гостиницы. Приз-

навалось полезнымъ всѣ такія заведенія вовсе не подвергать новому налогу.

Законопроектъ еще обсуждается: каковъ будетъ результатъ этого обсужденія, какимъ измѣненіямъ подвергнется проектъ въ коммиссіи и затѣмъ въ палатѣ, нельзя предвидѣть. Но возбужденные имъ толки имѣютъ для насъ нѣкоторое значеніе если только вѣрно передаваемое петербургскими газетами извѣстіе что „въ видахъ уменьшенія числа питейныхъ заведеній торгующихъ распивочно, между министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи вовсе постоялыхъ дворовъ изъ числа мѣстъ распивочной продажи, о дозволеніи открывать на городскихъ ярмаркахъ не болѣе какъ по четыре питейныя заведенія и о предоставленіи права давать разрѣшеніе на открытіе питейныхъ заведеній лишь правительственнымъ органамъ и земскимъ учрежденіямъ.“

Несомнѣнно что намъ еще болѣе Пруссіи нужно подумать о мѣрахъ къ уменьшенію пьянства. У насъ точно также мѣста торговли водкой подчинены извѣстному надзору, который приноситъ однако не бо́льшую пользу чѣмъ въ Пруссіи. Дѣйствительному сокращенію числа питейныхъ заведеній препятствовали финансовыя соображенія, причемъ опасались уменьшенія доходовъ по одной изъ крупныхъ статей нашего бюджета, забывая что уменьшеніе дохода съ водки должно не только сказаться увеличеніемъ поступленій по другимъ косвеннымъ и даже прямымъ налогамъ, но и повести къ сбереженіямъ по нѣкоторымъ расходнымъ статьямъ бюджета. Весь вопросъ заключается въ томъ, о закрытіи какихъ именно мѣстъ продажи слѣдуетъ заботиться. Едва ли запретъ продавать водку на постоялыхъ дворахъ можетъ содѣйствовать сокращенію пьянства; не случится ли совершенно обратнаго, не увеличится ли только доходность спеціальныхъ мѣстъ торговли водкой. Постоялый дворъ существуетъ для людей дорожныхъ, и водка въ его прейсъ-курантѣ, особенно зимой, есть необходимость, иначе постоялецъ пойдетъ въ кабакъ. Иное дѣло сократить число питейныхъ домовъ на ярмаркахъ и вообще стѣснить свободу ихъ открытія: тутъ всякая мѣра можетъ быть признана дѣйствительною и полезною.

№ 310.

Москва, 4-го декабря.

Телеграммы послѣднихъ трехъ дней изъ Индіи, извѣщающія о вдругъ начавшихся непрерывныхъ и упорныхъ битвахъ въ Афганистанѣ послѣ продолжительнаго затишья, заставляютъ обратить вниманіе на положеніе Англичанъ въ этой странѣ. Вторженіе ихъ туда въ октябрѣ мѣсяцѣ было предпринято затѣмъ чтобъ отомстить за избіеніе англійской миссіи, но газеты въ то время увѣряли что цѣль англійской политики остается неизмѣнною и будетъ держаться основаній Гандамакскаго трактата. Экспедиція была исполнена успѣшно; англійскіе генералы заняли столицу. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, а въ какомъ положеніи была страна, какія отношенія установились между ея жителями и завоевателями, объ этомъ почти ничего нельзя было судить по скуднымъ отрывочнымъ извѣстіямъ, пропускавшимся индійскими властями.

Между тѣмъ, въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, было нѣсколько событій возбудившихъ общій интересъ. Во первыхъ, вскорѣ по водвореніи генерала Робертса въ афганистанской столицѣ, случился взрывъ въ Бала-Гиссарѣ (цитадели Кабула, занятой Англичанами) большаго афганскаго склада зарядовъ. Изъ подробностей происшествія тогда стало извѣстно лишь то что взрывовъ было нѣсколько слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и причинившихъ пожаръ, что едва успѣли вывести войска, и что съ трудомъ успѣли отстоять главный пороховой складъ. Но причины происшествія такъ и остались неразъясненными, и до сихъ поръ неизвѣстно произошло ли оно отъ случайности, какъ гласила офиціальная телеграмма, или было слѣдствіемъ умысла. Почти одновременно съ тѣмъ пришло извѣстіе объ отреченіи эмира Якубъ-хана отъ престола. И опять оставалось неизвѣстнымъ, было ли это отреченіе добровольное или вынужденное, и какія причины побудили эмира отказаться отъ престола не назначивъ себѣ преемника. Зато, въ послѣднее время, мы узнали что генералъ Робертсъ нашелъ нужнымъ выпроводить бывшаго эмира въ Индію, подъ строгимъ конвоемъ, и такъ скрытно что въ Кабулѣ узнали объ этомъ лишь спустя нѣкоторое время. Вотъ фак-

ты которые должны были возбуждать интересъ въ публикѣ.

Изъ Афганистана не было тѣхъ обстоятельныхъ англійскихъ корреспонденцій какія, напримѣръ, посылались Англичанами изъ нашей арміи во время турецкой войны, или въ родѣ печатавшихся въ *Daily News* писемъ корреспондента сопровождавшаго нашу Ахалъ-Текинскую экспедицію. Индійское правительство въ началѣ послѣдней Афганской компаніи наложило запретъ на частныхъ корреспондентовъ, а потомъ, и то весьма недавно, когда запретъ былъ снятъ, подчинило ихъ очень стѣснительнымъ правиламъ. Въ корреспонденціяхъ изъ Афганистана большею частью передавались или официальныя свѣдѣнія, напримѣръ о передвиженіяхъ англійскихъ войскъ, о мелкихъ экспедиціяхъ для наказанія за грабежи, или же разныя совершенно благодушныя вѣсти и соображенія; такъ одинъ корреспондентъ недавно еще писалъ изъ Кандагара будто населеніе начинаетъ цѣнить выгоды англійскаго управленія, а другой телеграфировалъ изъ Кабула о бывшемъ тамъ парадѣ англійскихъ войскъ, который де произвелъ внушительное впечатлѣніе на жителей.

По такимъ даннымъ разумѣется нельзя было составить себѣ понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Афганистанѣ, а англійская печать и не старалась восполнить этотъ недостатокъ. Только въ одной провинціальной англійской газетѣ нашли мы перепечатку извѣстія изъ *Times of India* о томъ что „въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Кабулѣ были повѣшены 49 человѣкъ изъ коихъ 28 въ одинъ день". Замѣчательно что ни въ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ объ этомъ не было ни слова. Ихъ болѣе занимаютъ русскіе генералъ-губернаторы которые не вѣшаютъ нигилистовъ чѣмъ англійскіе офицеры которые вѣшаютъ Афганцевъ, хотя въ Кабулѣ этой суммарной расправѣ подвергаются провинившіеся только „въ ношеніи оружія", вопреки прокламаціи изданной на сей предметъ генераломъ Робертсомъ.

Одно это, случайно и окольнымъ путемъ пробившееся на свѣтъ, извѣстіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе Англичанъ въ Афганистанѣ и показываетъ какая ненависть возбуждена ими во всей странѣ. И вотъ ненависть эта теперь вспыхнула общимъ поголовнымъ возстаніемъ, которое мы давно предсказывали. 12 декабря 10.000 Афганцевъ атаковали близъ Кабула артиллерію и кавалерію, шедшія на соединеніе съ бригадой генерала Макферсона. Телеграмма объ этомъ была передана неясно, но въ ней говорилось что бой былъ упорный, упоминалось о взятыхъ и отбитыхъ пушкахъ. На другой день официальная депеша глухо гласила что непріятель атаковалъ холмы къ югу отъ Бала-Гиссара, но былъ де отраженъ съ большою потерей. Однако генералъ Робертсъ прибавлялъ: „противъ насъ составился сильный союзъ племенъ." Слѣдующая официальная телеграмма изъ Калькутты, отъ 13 декабря, также очень неясно передавала о боѣ; въ ней говорилось что Макферсонъ не могъ прогнать непріятеля съ высоты гдѣ онъ занималъ сильную позицію, но что генералъ Бекеръ возвратившись оттѣснилъ непріятеля и „окончательно" овладѣлъ высотой. Наконецъ, вчерашняя официальная депеша генерала Робертса еще болѣе знаменательна. Вмѣсто одержанія побѣды, онъ долженъ былъ самъ оставить высоты господствующія надъ Кабуломъ, и доноситъ что „непріятель подвигается впередъ большими массами." Въ успокоеніе публики, послѣдняя депеша изъ Калькутты присовокупляла что „правительство располагаетъ достаточными силами чтобы справиться съ обстоятельствами," что генералы англійскихъ отрядовъ въ Гандамакѣ и Джеллалабадѣ получили приказаніе идти на Кабулъ, и что „сообщенія не прерваны." Однако генералъ Робертсъ „опасается что движеніе распространится между племенами."

Вотъ какъ внезапно обрисовалось истинное положеніе дѣлъ! Въ лондонскихъ газетахъ нѣтъ ни одного серіознаго указанія на приближавшуюся грозу. Только *Daily News*, по поводу лаконической депеши вице-короля о движеніи Макферсона съ цѣлью воспрепятствовать соединенію враждебныхъ скопищъ, указала на несбыточность мечты чтобъ Афганцы спокойно подчинились англійской власти. Газета же *Times*, хотя и продолжаетъ твердить: „что касается военнаго положенія, то извѣстія вообще хороши," но съ политической точки зрѣнія совѣтуетъ правительству поскорѣе раздѣлаться съ Афганистаномъ...

Теперь, когда буря разразилась, можно спросить, зачѣмъ нужна была таинственность прежнихъ офиціальныхъ извѣстій? На этотъ вопросъ кстати отвѣтить другимъ: зачѣмъ вообще Англичане вошли въ Афганистанъ? Предполагавшаяся якобы опасность для Индіи давно устранена тѣмъ что по Гандамакскому трактату Англичане завладѣли горными проходами какіе имъ нужны, и пріобрѣли „научную границу". За убійство посла отомщено наложеніемъ на Кабулъ контрибуціи и казнью виновныхъ кого удалось поймать. Что же далѣе оставалось Англичанамъ дѣлать въ Кабулѣ? Низложеніе эмира съ которымъ они сами заключили Гандамакскій миръ, суммарныя вѣшанія десятками Афганцевъ за неисполненіе распоряженій англійскихъ генераловъ, и, наконецъ, поголовное возстаніе племенъ, свидѣтельствуютъ что Англичане не имѣли намѣренія оставлять Афганистанъ. Извѣстно, впрочемъ, что для легчайшаго англійскаго контроля надъ страной предполагалось раздробить ее на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, которыя всѣ должны быть вассальными Англіи, намекалось что для этого могла бы пожалуй понадобиться экспедиція въ Гератъ и другіе пункты. Но согласно ли все это съ цѣлью „создать независимый, сильный и дружественный Афганистанъ," которая, по заявленію англійскихъ министровъ, была единственною цѣлью ихъ политики?

Теперь, конечно, понадобится новая отместка за позоръ нанесенный британскому оружію непокорными горцами. Посмотримъ, останутся ли довольны этимъ новымъ проявленіемъ „бойкой иностранной политики" избиратели къ коимъ вскорѣ придется обратиться правительству лорда Биконсфильда.

А мы только что читали въ англійскихъ газетахъ пресеріозныя опасенія чтобы Россія, для отвлеченія внутренняго недовольства, не предприняла наступательныхъ замысловъ въ Азіи, угрожая тѣмъ спокойствію Англіи и „всей Европы".

№ 311.

Москва, 5-го декабря.

Палата представителей Прусскаго ландтага посвятила цѣлые три дня обсужденію, во второмъ чтеніи, законопроекта, коимъ министерство уполномочивается пріобрѣсти, за счетъ государства, четыре изъ существующихъ въ Пруссіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ рукахъ акціонерныхъ обществъ. Однако нельзя сказать чтобы продолжительныя пренія по этому предмету способствовали дѣйствительному и полному разъясненію всѣхъ цѣлей которыя побудили Прусское правительство приступить теперь къ столь обширной и весьма обременительной финансовой операціи, и почему выборъ палъ именно на эти четыре дороги. Эти щекотливые вопросы были тщательно обойдены при публичныхъ преніяхъ въ палатѣ; но повидимому они послужили главнымъ мотивомъ для принятія предложенія въ коммиссіи палаты обсудившей оное предварительно и келейно. Коммиссія поставила условіемъ принятія оною нѣкоторыя „гарантіи," въ силу коихъ правительство обязывается внести особые законопроекты о подчиненіи администраціи этихъ новыхъ правительственныхъ дорогъ контролю особыхъ выборныхъ органовъ. Въ самомъ началѣ втораго чтенія, министръ Вайбахъ заявилъ отъ имени правительства что гарантіи эти приняты и что соотвѣтствующіе законопроекты будутъ внесены въ эту законодательную сессію или въ началѣ будущей. Послѣ этого заявленія уже нельзя было сомнѣваться въ исходѣ дѣла; и дѣйствительно, законопроектъ принятъ большинствомъ 227 голосовъ противъ 167. Въ пользу его подали голосъ обѣ консервативныя фракціи и почти вся партія націоналъ-либераловъ; противъ, клерикалы и прогрессисты. Клерикалы мотивировали свою оппозицію болѣе всего опасеніемъ что настоящее предложеніе есть лишь первый шагъ къ осуществленію замысла князя Бисмарка, возвѣщеннаго имъ еще въ 1876 году, о сосредоточеніи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ Имперскаго правительства. Опасеніе это съ особенною рѣзкостью было выражено однимъ изъ самыхъ задорныхъ членовъ партіи центра, г. Кремеромъ: „У кого въ рукахъ желѣзныя дороги," сказалъ онъ, „тотъ обладаетъ всею полнотой власти и если Имперское правительство, то-есть Пруссія, будетъ владѣть всѣми желѣзными дорогами Германіи, тогда настанетъ конецъ федеративному государству; всѣ прочія германскія династіи потеряютъ всякое значеніе, и въ концѣ концовъ им-

ператоръ будетъ президентомъ Германской республики.“ Замѣчательно однако что представители старо-консервативной партіи, въ свою очередь, мотивировали свое *согласіе* на предложеніе тѣмъ же самымъ соображеніемъ, то-есть желаніемъ воспротивиться осуществленію имперской желѣзнодорожной монополіи. „Мы для того подаемъ голоса за пріобрѣтеніе дорогъ Пруссіей,“ говорили они, „чтобъ ихъ не пріобрѣла имперія,“ какъ будто Пруссія и имперія въ сущности не одно и то же. Къ тому же, въ самый законопроектъ включенъ пунктъ по которому Прусскому правительству предоставляется, буде окажется надобность, „переуступить свои права на вновь пріобрѣтаемыя дороги имперіи.“

Задняя мысль обойденная молчаніемъ при публичныхъ преніяхъ какъ противниками, такъ и приверженцами предложенія, явствуетъ изъ того что никому какъ бы и въ голову не пришло спросить, зачѣмъ эта операція понадобилась, и почему прусское правительство вздумало именно теперь увеличить свой государственный долгъ на сумму около 1.200 милліоновъ марокъ пріобрѣтеніемъ четырехъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а именно: Берлинъ-Штеттинской, Магдебургъ-Гальберштадтской, Ганноверъ-Альтенбекенской и Кельнъ-Минденской? Объ этомъ-то щекотливомъ вопросѣ, очевидно, даны были министерствомъ объясненія въ коммиссіи, и нѣтъ сомнѣнія что объясненія эти касались главнымъ образомъ соображеній стратегическаго свойства, о коихъ въ Германіи не любятъ говорить публично, но которыя однако составляютъ основу всѣхъ политическихъ комбинацій. Самое направленіе сказанныхъ четырехъ линій свидѣтельствуетъ что онѣ понадобились для того чтобы правительство имѣло въ своемъ полномъ распоряженіи непрерывный путь военныхъ сообщеній, отъ крайней сѣверо-восточной оконечности прусскихъ владѣній до береговъ Рейна. Націоналъ-либеральная партія, всегда съ особенною ревностью оберегающая все что нужно для поддержанія германскаго военнаго могущества, явилась и тутъ главною опорой правительства. Зато она удостоилась отъ князя Бисмарка милостиваго заявленія и нынѣ вновь предается ликованію. Это сказалось на банкетѣ членовъ этой партіи, происходившемъ на дняхъ въ Берлинѣ, на которомъ снова выступилъ ораторомъ и вожакомъ оной депутатъ Беннигсенъ. Мѣсяца два тому назадъ г. Беннигсенъ совсѣмъ было покинулъ своихъ приверженцевъ и возымѣлъ намѣреніе оставить навсегда парламентское поприще, въ виду того что партія эта въ опалѣ и потеряла всякую связь съ правительствомъ. Теперь связь эта возстановлена, и г. Беннигсенъ, „уступивъ настояніямъ друзей,“ снова принялъ на себя водительство своей партіи, въ которой онъ теперь господствуетъ нераздѣльно, такъ какъ г. Ласкеръ, котораго князь Бисмаркъ ненавидитъ, былъ забаллотированъ на выборахъ, и въ ландтагъ вовсе не попалъ.

Приведенные такимъ образомъ къ покорности націоналъ-либералы будутъ для князя Бисмарка не менѣе усердными и болѣе сподручными нежели партія центра помощниками для проведенія въ будущемъ году новаго закона о численности арміи и о военномъ бюджетѣ, такъ какъ теперь дѣйствующій законъ объ этомъ предметѣ принятъ въ 1874 году на семь лѣтъ. Что этотъ будущій законъ не умалитъ, а еще увеличитъ военную силу Германіи, это видно изъ тѣхъ заявленій коими берлинская печать сопровождаетъ превратности постигшія въ Австрійскомъ рейхсратѣ тамошній новый военный законъ. Онъ разсчитанъ на десять лѣтъ, и Австрійскіе министры въ Вѣнѣ и въ Пештѣ довольно прозрачно указали на то что это сдѣлано въ виду новаго соглашенія съ Германіей, настаивающею на томъ чтобы военная сила Австріи была поставлена на продолжительное время внѣ всякой зависимости отъ случайнаго парламентскаго большинства. Что австрійская либеральная партія успѣла въ своихъ видахъ поставить преграду этому закону, это крайне не понравилось въ Берлинѣ, и тамошнія газеты, преимущественно націоналъ-либеральнаго лагеря, прямо указываютъ на то что союзникъ Германіи „въ будущихъ войнахъ“ обязанъ быть наготовѣ не менѣе чѣмъ она, и что для этой цѣли никакія тягости не должны считаться слишкомъ обременительными.

А между тѣмъ, когда рѣчь идетъ о Россіи, тѣ же газеты говорятъ совсѣмъ иное. Несмотря на опроверженія появившіяся въ нѣкоторыхъ прусскихъ же и притомъ спеціально-военныхъ газетахъ, мы все еще встрѣчаемъ толки о чрезмѣрномъ скопленіи русскихъ войскъ близъ западной границы. На днямъ стало извѣстно что италіянскій сенаторъ Ячини, агитирующій въ

пользу разоруженія, получилъ письмо отъ князя Бисмарка, въ которомъ высказано что и онъ считаетъ разоруженіе необходимымъ условіемъ для облегченія экономическаго гнета тяготѣющаго надъ Европой, но полагаетъ что это „можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ если состоится соглашеніе между державами твердо рѣшившимися слѣдовать строго-консервативной политикѣ.“ Берлинская печать старается придать этимъ словамъ такой смыслъ какъ будто Россія и есть та держава которая не только сама не слѣдуетъ „строго-консервативной политикѣ,“ но напротивъ еще вынуждаетъ другихъ быть насторожѣ въ виду той чрезмѣрной военной силы которую Россія держитъ будто бы подъ ружьемъ.

Само собою разумѣется что „строгій консерватизмъ,“ о необходимости коего заявляетъ князь Бисмаркъ, относится, по мнѣнію берлинскихъ толкователей, ни къ чему иному какъ къ Берлинскому трактату...

№ 312.

Москва, 7-го декабря.

Вчерашняя офиціальная телеграмма изъ Калькутты представляетъ положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ еще болѣе серіознымъ для Англичанъ чѣмъ было за два дня предъ тѣмъ. Депеша не отличается ясностію; въ ней даже не помѣчено къ какому числу относится извѣщеніе о томъ что лагерь генерала Робертса находится при Шерпурѣ; въ ней страннымъ образомъ перепутаны факты съ сужденіями и предположеніями которыя очевидно вставлены для успокоенія публики, хотя впечатлѣніе все-таки выходитъ неуспокоительное. Два неблагопріятные факта выступаютъ въ этомъ офиціальномъ извѣщеніи. Сообщенія генерала Робертса прерваны. На это характеристично указываетъ заключеніе депеши, гласящей что если племена сами не разсѣются и если Робертсъ не произведетъ на непріятеля никакого впечатлѣнія, то „будетъ выдвинута впередъ большая боевая сила чтобы возстановить *прерванныя* сообщенія.“ Это явствуетъ впрочемъ изъ самаго контекста всей депеши. Генералъ Гоу, стоящій въ Джагдаллакѣ (передовой пунктъ, въ небольшомъ отъ Джеллалабада разстояніи, на пути въ Кабулъ, отдѣленный отъ послѣдняго опасными горными проходами), не могъ доселѣ двинуться впередъ вслѣдствіе возстанія всѣхъ племенъ на его фронтѣ, и все требовалъ подкрѣпленій. Сегодняшняя калькуттская телеграмма извѣщаетъ что положеніе этого генерала поправилось, что ему удалось возстановить сообщенія, что онъ двинулся къ Кабулу, на соединеніе съ Робертсомъ; но извѣстіе это слишкомъ кратко и неопредѣленно, и положеніе генерала Робертса по прежнему остается крайне сомнительнымъ. Зачѣмъ бы ему было съ такою заботливостью извѣщать что у него есть продовольствія на пять мѣсяцевъ, когда бы его сообщенія были безпрепятственны? А изъ совокупности всего этого выходитъ что онъ едва ли теперь не въ положеніи осажденнаго въ своей новой позиціи. Онъ извѣщаетъ что его первоначальная позиція (то-есть самый Кабулъ съ его окрестностями) была оставлена потому что была слишкомъ растянута и ее нельзя было безопасно удерживать. Въ виду офиціальнаго признанія что это оставленіе Кабула должно было воодушевить непріятеля, и что оно подниметъ племена на линіяхъ сообщенія, нельзя не заподозрить что это отступленіе не было стратегическимъ маневромъ, а вынуждено неудачами. Краткая депеша въ нынѣшнемъ нумерѣ *Daily News* о первомъ днѣ боя поясняетъ это. Въ ней сказано что непріятель прорывался къ самому Кабулу, но былъ отраженъ, и затѣмъ, сдѣлавъ обходъ вокругъ гробницы Бабера, „занялъ высоты къ югу отъ Бала-Гисара“. Но эти высоты господствуютъ какъ надъ цитаделью Бала-Гисара, такъ и надъ всѣмъ городомъ. А какъ мы уже знаемъ что въ послѣдующихъ битвахъ англійскимъ генераламъ не удалось сбить непріятеля съ этихъ высотъ, то генералу Робертсу ничего болѣе не оставалось какъ очистить Кабулъ. Положеніе британскаго генерала, сколько можно судить, таково: стянувъ выдвинутые имъ на западъ и юго-западъ отряды генераловъ Макферсона и Бекера, онъ вынужденъ былъ оставить Кабулъ. Устроившись на новой позиціи, онъ надѣется еще имѣть возможность перейти въ наступленіе, непонятно только зачѣмъ подается эта надежда когда, по его же собственному мнѣнію, „ничего не было бы достигнуто даже со взятіемъ трудныхъ и отъ Шерпу-

ра отдаленныхъ высотъ пока непріятель останется въ большихъ силахъ." А потому главную свою надежду онъ возлагаетъ на то что непріятель долженъ будетъ самъ собою вскорѣ разсѣяться ища себѣ продовольствія. Такое положеніе нельзя признать благопріятнымъ, тѣмъ болѣе что горные проходы завалены теперь снѣгами. По замѣчанію *Standard*, весною могутъ быть отправлены подкрѣпленія чтобъ удержать Кабулъ и для устрашенія собравшихся племенъ, „даже, если мы захотимъ, чтобы занять Гератъ и Бадакшанъ." Но въ ожиданіи пока весна улыбнется этимъ честолюбивымъ планамъ, что-то станется съ генераломъ Робертсомъ, если непріятелю не благоразсудится разойтись добровольно.

Другой фактъ подтверждаемый официальною калькуттскою депешей есть поголовный характеръ движенія всѣхъ афганскихъ племенъ противъ Англичанъ, которое англійской печати угодно называть мятежомъ. Перехвачено нѣсколько писемъ, излагавшихъ весь планъ нападенія на Кабулъ, и какъ оказывается, подобныя письма разосланы къ Шинваріямъ, Момандамъ и Афридіямъ. Всѣ эти племена разселены именно на линіяхъ сообщеній англійскаго генерала, а Афридіи обитаютъ по всему протяженію Хайберскаго прохода, составляющему въ настоящее время единственный путь изъ Индіи къ Кабулу.

Замѣчательно что этотъ послѣдній фактъ съ рѣдкимъ единодушіемъ признаютъ и всѣ сегодня полученныя англійскія газеты, хотя въ нихъ находятся только самыя первыя извѣстія о начавшихся битвахъ. Такъ рѣзокъ переходъ отъ недавняго оптимизма который внушался прежнимъ безмолвіемъ о томъ что̀ дѣлалось въ странѣ. Извѣстіе о нападеніяхъ Афганцевъ и о жаркихъ битвахъ съ большими потерями въ офицерахъ произвели въ Лондонѣ такое тяжелое впечатлѣніе и такъ велико было изумленіе что сразу исчезло довѣріе къ свѣдѣніямъ идущимъ отъ Индійскаго правительства.

Даже *Daily Telegraph*, который болѣе другихъ старается казаться *cheerful*, объявляетъ: „пока мы не получимъ вѣсти объ окончательномъ успѣхѣ, мирное занятіе Кабула на зиму нельзя считать обезпеченнымъ." Нѣкоторые министерскіе органы бодрятся, но не ловко. Такъ, *Morning Post* замѣчаетъ что „отступленіе съ какой-либо существенной позиціи въ Афганистанѣ будетъ немедленно истолковано какъ признакъ слабости." *Pall Mall Gazette* убѣждаетъ что въ такой обширной имперіи какъ Великобританская невозможно обойтись чтобы вездѣ было все тихо и спокойно, и что небольшое затрудненіе тамъ или тутъ есть де не болѣе какъ нормальный порядокъ вещей. Но газета *Times* не обинуясь называетъ это затрудненіе прямо „бѣдствіемъ," *disaster*, и говоритъ: „мы были къ этому приготовлены," хотя еще на прошедшей недѣлѣ эта самая газета утверждала что „военное положеніе" въ Афганистанѣ не подаетъ повода ни къ какимъ опасеніямъ.

Теперь, когда всѣми признается что прежнія увѣренія о мирномъ утвержденіи Англичанъ въ странѣ были лживы, припоминаются мелкіе факты, которые прежде какъ-то ускользали отъ вниманія. Такъ, при походѣ Англичанъ на Кабулъ, были извѣстія о безпощадномъ избіеніи англійскими солдатами *раненыхъ* была телеграмма одного корреспондента что, послѣ битвы при Чарасіабѣ, никому не давалось пощады и что̀ „плѣнные взятые въ бѣгствѣ застрѣливались." Г. Гаррисонъ въ *Fortnightly Review* обращалъ вниманіе на чудовищность самой прокламаціи генерала Робертса, въ которой обѣщалась награда за указаніе тѣхъ кто „подстрекали Афганцевъ сопротивляться британскимъ войскамъ," и объявлялось что „такія лица безъ пощады подвергнутся карѣ какъ мятежники."

Все это англійскою политикой, основанною на лжи, тщательно укрывается отъ публики, и мы лишь отрывочнымъ образомъ узнаемъ какъ ведутъ себя англійскія войска.

№ 313.

Москва, 8-го декабря.

Въ палату депутатовъ Прусскаго ландтага внесены на дняхъ четыре объемистые законопроекта о реформахъ во внутреннемъ управленіи.

Проекты эти, ставъ законами, замѣчаютъ нѣмецкія газеты, „должны завершить по „крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ планъ „административныхъ реформъ," начатыхъ еще въ 1872 году изданіемъ положенія объ

уѣздныхъ учрежденіяхъ (Kreisordnung) въ пяти восточныхъ провинціяхъ Пруссіи.

Всѣ четыре законопроекта суть такимъ образомъ лишь части одного цѣлаго. Первый, признаваемый и самымъ важнымъ, устанавливаетъ для всѣхъ провинцій Пруссіи по возможности однообразную организацію административныхъ органовъ. Второй опредѣляетъ кругъ дѣйствій этихъ учрежденій, и составляетъ, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, „необходимое дополненіе къ первому;“ третій касается устройства и дѣйствій административныхъ трибуналовъ (Verwaltungs-Gerichte), также вводимыхъ повсемѣстно; четвертымъ проектированы нѣкоторыя измѣненія въ положеніи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ, сдѣлать кои по указанію опыта признано необходимымъ, такъ какъ уѣздное положеніе вмѣстѣ съ провинціальнымъ (губернскимъ) будутъ введены повсемѣстно, но особымъ закономъ.

За исключеніемъ развѣ Ганновера, проекты не вводятъ ни новаго административнаго дѣленія государства, ни новыхъ учрежденій, равно какъ не уничтожаютъ и существующихъ. Все дѣло заключается въ согласованіи прежнихъ постановленій съ законами изданными въ 1872 и 1875 годахъ и въ устраненіи указанныхъ опытомъ недостатковъ препятствовавшихъ правильному и точному дѣйствію всего правительственнаго механизма, состоящаго изъ трехъ отдѣльныхъ отраслей: самоуправленія, администраціи и административно-судебныхъ установленій, разбирающихъ пререканія между различными учрежденіями, между администраціей и частными лицами.

Въ газетахъ не сообщаются въ полномъ составѣ упомянутые законопроекты, но приводимые ею обзоры и выдержки даютъ возможность составить довольно опредѣленное понятіе о духѣ реформы.

Законопроектъ объ организаціи административныхъ учрежденій первымъ своимъ параграфомъ прямо опредѣляетъ что „раздѣленіе монархіи на провинціи, губерніи (Regierungsbezirk) и уѣзды (Kreis) остается безъ измѣненія,“ съ тѣмъ однако что городъ Берлинъ выдѣляется изъ состава провинціи Бранденбургъ и образуетъ „самостоятельную административную единицу.“

Ожидали что дѣленіе провинцій на губерніи будетъ отмѣнено, но министръ, какъ замѣчаетъ *Кельнская Газета*, „по зрѣломъ обсужденіи вопроса“ не призналъ такую мѣру возможною, такъ какъ „прусскія „провинціи составляютъ нѣчто цѣлое лишь „въ территоріальномъ смыслѣ, тогда какъ „внутреннія отношенія и условія жизни „разныхъ частей ихъ часто весьма несход„ны.“ Губернской администраціи, напротивъ, дана бо́льшая самостоятельность и особенно ея представителю, функціи и власть котораго значительно расширены вслѣдствіе упраздненія состоявшаго при немъ особаго коллегіальнаго „управленія по внутреннимъ дѣламъ;“ сверхъ того, параграфъ 17 законопроекта объ административныхъ учрежденіяхъ предоставляетъ губернатору (президенту) право „отмѣнять тѣ постановленія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ коими онъ не согласенъ,“ распоряжаясь затѣмъ или „по личному усмотрѣнію“ или испрашивая указанія высшихъ властей. Тотъ же параграфъ даетъ губернатору право „по всѣмъ дѣламъ вхо„дящимъ въ кругъ обязанностей колле„гіальныхъ административныхъ мѣстъ дѣй„ствовать вообще помимо ихъ,“ если усмотритъ въ томъ неотлагательную нужду, особенно находясь лично на мѣстѣ гдѣ таковое распоряженіе окажется необходимымъ.

Тѣ же соображенія вызвали, безъ сомнѣнія, и отмѣну права коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ издавать полицейскія распоряженія, что̀ предоставляется прямо оберъ-президенту провинціи по отношенію ко всей территоріи или частямъ ея, и губернатору по отношенію къ уѣздамъ входящимъ въ составъ губерніи.

Замѣчательно что рядомъ съ этимъ вовсе устраняется появленіе административныхъ лицъ и учрежденій въ роли „сторонъ“ въ административномъ судѣ. Въ мотивахъ къ законопроектамъ высказывается по этому поводу что появленіе „наблюдающей и „контролирующей власти въ роли истца „(Klägers) въ административномъ трибу„налѣ явно не соотвѣтствуетъ ни значенію „власти, ни характеру суда.“ Столь же „неестественнымъ“ находитъ объяснительная записка и появленіе административныхъ властей въ роли отвѣтчика по жалобамъ частныхъ лицъ. Такъ какъ жалобы этого рода предполагаютъ существованіе распоряженія признаваемаго частнымъ лицомъ за нарушающее его права, то послѣдовательное проведеніе лежащей въ основѣ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній въ результатѣ „ставитъ на одну доску“

верховныя права государства съ правами частныхъ лицъ.

Въ тѣхъ же видахъ усиленія власти проектъ измѣненій въ положеніи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ расширяетъ и права ландрата въ надзорѣ за волостями входящими въ составъ уѣзда.

Не менѣе замѣчательно и проектируемое выдѣленіе Берлина съ его окрестностями изъ состава Бранденбургской провинціи. Столица должна, по выраженію законопроекта, составить особый „административный округъ,“ управляемый однако на началахъ весьма сходныхъ съ управленіемъ цѣлою провинціей и подчиненный какъ „оберъ-президенту“ начальнику Бранденбургской провинціи и какъ губернатору—президенту столичной полиціи, права котораго такимъ образомъ расширяются, тѣмъ болѣе что по всѣмъ важнымъ дѣламъ онъ непосредственно сносится съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. И такъ Берлинъ образуетъ настоящее генералъ-губернаторство, особенно пока въ немъ дѣйствуетъ такъ - называемое „малое осадное положеніе.“

„Депутаты ландтага,“ говоритъ *Кельнская Газета*, „имѣвшіе возможность изучить законопроекты находятъ ихъ въ общихъ чертахъ удовлетворительными.“ Въ прежніе годы мысль объ усиленіи административной власти лежащая въ основѣ всѣхъ четырехъ законопроектовъ вызвала бы гвалтъ со стороны либеральныхъ органовъ; заговорили бы о стѣсненіяхъ, объ административномъ произволѣ, обвинили бы правительство въ реакціонныхъ замыслахъ.... Теперь иначе. „Страна стала консервативнѣе и практичнѣе,“ говорятъ націоналъ-либералы. Нѣкоторые органы, какъ напримѣръ *Кенигсбергская Газета*, замѣчаютъ, правда, что „законопроекты явно направлены къ тому чтобъ усилить значеніе бюрократіи и возвратить утраченное ею положеніе,“ но въ результатѣ почти всѣ убѣждены что „реформа не встрѣтитъ рѣшительнаго противодѣйствія въ палатѣ,“ которую, замѣтимъ, со всѣхъ сторонъ и вопреки ея желаніямъ побуждаютъ окончить общія пренія о такихъ объемистыхъ законопроектахъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней остающихся до праздничнаго перерыва засѣданій. Тѣмъ страннѣе что законопроекты по утвержденіи ихъ должны войти въ силу только въ 1881 году

№ 315.

Москва, 10-го декабря.

Вчера телеграфъ передалъ намъ новое слово касающееся Россіи, произнесенное однимъ изъ англійскихъ министровъ на консервативномъ митингѣ въ Лидзѣ *). Въ газетахъ давно возвѣщалось объ этой демонстраціи которою правительственная партія готовилась устроить нѣчто въ родѣ отвѣта на оваціи въ честь г. Гладстону. Ожидали что для участія въ ней пріѣдетъ канцлеръ казначейства или кто другой изъ кабинетъ-министровъ. Но они должно-быть слишкомъ заняты теперь совѣщаніями объ афганскихъ дѣлахъ, и на митингъ въ Лидзѣ командировали меньшее свѣтило, именно г. Борка, помощника лорда Солсбери по иностраннымъ дѣламъ, того самаго г. Борка который въ прошедшемъ мѣсяцѣ произнесъ восторженный панегирикъ бывшему русскому послу въ Лондонѣ (тогда же переданный телеграфомъ во всѣ газеты) за то де что онъ вполнѣ убѣдился въ важности интересовъ Англіи.

Мы не знаемъ не разочаровалъ ли г. Боркъ своихъ слушателей не коснувшись того вопроса который въ настоящую

---

*) Перепечатываемъ здѣсь часть этой телеграммы: Боркъ заявилъ что англо-турецкая конвенція не возлагаетъ на Англію никакой особенной отвѣтственности, ибо онъ думаетъ что и безъ того если бы наступило предполагаемое либералами раздробленіе Турціи, то Англія не пожелала бы видѣть въ русскихъ рукахъ Малую Азію съ Месопотаміей и долиной Евфрата, ведущею въ Индію. Что касается иностранныхъ дѣлъ Англіи, то она находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ со всею Европой. Британское правительство признаетъ что Русско-Турецкая война оставила въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы такое положеніе вещей которое требовало отъ англійскихъ министровъ твердости и осторожности. Правительство полагаетъ впрочемъ что большая часть европейскихъ государственныхъ людей на сторонѣ Англіи. У Англіи нѣтъ спора ни съ одною европейскою державой; она желаетъ и надѣется что и съ Россіей останется въ добрыхъ отношеніяхъ. Онъ полагаетъ что несогласія съ Россіей вызваны не Императоромъ и Его мудрыми государственными людьми; послѣдніе знаютъ что Англія желаетъ мира и не противится законному развитію русской торговли и благосостоянію Россіи. Они знаютъ далѣе что Англія съ радостью привѣтствовала бы устраненіе внутреннихъ затрудненій Россіи; Англія не имѣетъ никакой симпатіи къ убійцамъ или къ тѣмъ кто хотятъ разрушить основанія порядка и закона.

минуту долженъ болѣе всего интересовать Англичанъ, то-есть афганскихъ дѣлъ и положенія генерала Робертса, вытѣсненнаго изъ Кабула. По крайней мѣрѣ въ переданной намъ части его рѣчи упоминается о разныхъ предметахъ внѣшней политики, а объ Афганистанѣ ни слова. За то г. Боркъ очень много занятъ Россіей, и его слова не лишены нѣкотораго для нея интереса. Мы узнаемъ что исторгнувъ у Турціи, посредствомъ извѣстной конвенціи, опеку надъ Малою Азіей, подъ предлогомъ охраненія цѣлости и независимости владѣній султана, Англія не приняла на себя никакой отвѣтственности, а имѣла въ виду только занять выгодное для борьбы съ Россіей положеніе. Протекторатъ надъ Малою Азіей ни къ чему Англію предъ Турціей не обязываетъ, такъ что явись возможность какой-нибудь выгодной сдѣлки которая обезпечила бы британскіе интересы лучше чѣмъ протекторатъ надъ Малою Азіей, то она пожалуй переуступила бы другому эту обширную часть неприкосновенныхъ владѣній султана. Но не въ этомъ сила, и не въ этомъ для насъ поученіе. Г. Боркъ объясняетъ что Англія находится въ наилучшихъ отношеніяхъ ко всей Европѣ, и что на сторонѣ Англіи стоитъ большее число государственныхъ людей Европы чѣмъ на сторонѣ Россіи (на чьей сторонѣ германскій канцлеръ?), но что Англія желаетъ и надѣется быть и къ Россіи въ добрыхъ отношеніяхъ. Итакъ, по словамъ представителя Англійскаго правительства, оно находится въ дружбѣ со всею Европой кромѣ Россіи съ которою тоже не желаетъ быть въ ссорѣ. Ссоры же съ Россіей, по сознанію г. Борка, возбуждены не правительствомъ Русскимъ; „мудрые государственные люди Россіи“ неповинны въ этомъ. Стало-быть въ этомъ повинны мудрые совѣтники королевы Викторіи? Намъ пріятно слышать это нечаянно проскользнувшее признаніе; но и не въ этомъ главный для насъ интересъ. Для насъ гораздо интереснѣе узнать что мудрые совѣтники Британской короны простираютъ свою примирительность къ Россіи до того что дозволяютъ ей имѣть свою торговлю и претендовать на нѣкоторое благосостояніе. По свидѣтельству г. Борка, русскіе государственные люди „знаютъ что Англія не противится *законному* развитію русской торговли и благосостоянія Россіи.“ Мы стало-быть можемъ надѣяться что Англія не будетъ намъ перечить если мы согласимся благоденствовать лишь въ *законныхъ* предѣлахъ. Есть стало-быть законъ опредѣляющій размѣры и свойство русской торговли и благосостоянія Россіи. Не думаемъ чтобы русскимъ государственнымъ людямъ было что-нибудь извѣстно о такомъ законѣ. Кто издалъ его и кто блюдетъ за его исполненіемъ? Кто скажетъ Россіи: „Стой, не далѣе! Твое благосостояніе выходитъ изъ предѣловъ законности.“ Мы не знаемъ такого закона; но намъ извѣстно что въ мудрыхъ государственныхъ людяхъ Англіи Россія имѣетъ строгихъ судей, опредѣляющихъ степень законности ея развитія. Уклоненія отъ законности влекутъ за собою кару, и вызываютъ внутреннія замѣшательства. Въ случаѣ же добраго поведенія намъ сулятъ награду. Г. Боркъ увѣряетъ насъ что Англія съ радостью „привѣтствовала бы“ устраненіе внутреннихъ затрудненій Россіи, такъ какъ „Англія не питаетъ симпатіи къ убійцамъ и вообще къ людямъ стремящимся разрушить основанія порядка и закона.“ Никто не думаетъ чтобы столь респектабельныя лица какъ государственные люди Англіи симпатизировали убійцамъ. Даже польскій подземный *жондъ*, открыто пользуясь содѣйствіемъ нашихъ нигилистовъ, отзывался о нихъ съ омерзеніемъ, и одинъ изъ главныхъ коноводовъ польскаго мятежа, извѣстный Мірославскій, объяснялъ своимъ что пока Россія остается Россіей надо развивать и плодить въ ней нигилизмъ, а когда изъ нея выдѣлится Польша, то она должна перевѣшать всѣхъ русскихъ нигилистовъ какіе въ ея предѣлахъ окажутся. Итакъ, можно не имѣть нѣжной симпатіи къ убійцамъ, но и не брезговать возможными послѣдствіями ихъ работы. Мы совершенно увѣрены что никто въ Англіи не чувствовалъ нѣжности и къ константинопольскимъ софтамъ, но смуты которыя чинились этими двигателями турецкаго прогресса какъ-то очень хорошо совпадали съ *законными* интересами англійской политики и потому конечно не были непріятны англійскимъ государственнымъ людямъ. Нравоученіе для насъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ развитіи нашего благосостоянія мы должны держаться законныхъ границъ, то-есть благоденствовать лишь насколько это дозволяется интересами Англіи; въ против-

номъ случаѣ мы можемъ испытать если не бѣдствія войны, то внутреннія затрудненія.

Кстати, въ англійскихъ газетахъ мы прочли что англійскій посолъ при нашемъ дворѣ лордъ Дёфферинъ, на возвратномъ пути къ своему посту, потому заѣхалъ въ Фарцинъ чтобъ извѣстить о настоящихъ отношеніяхъ между Англіей и Россіей германскаго канцлера, который очень де интересуется этимъ предметомъ, и что онъ выражалъ увѣренность въ возможности дружескаго соглашенія между обѣими державами. Любопытно бы знать по какому поводу говорится объ этой „возможности.“ Кажется все давно было благополучно улажено къ полному удовольствію англійскихъ министровъ. Они же еще обезпечили себя англо-турецкою конвенціею и хозяйничаютъ, хотя нельзя сказать чтобы слишкомъ успѣшно, въ Афганистанѣ. Какое же имъ еще нужно соглашеніе?

№ 316.

Москва, 11-го декабря.

Нашъ судебный корреспондентъ сообщилъ намъ на дняхъ о преступленіи поистинѣ ужасающемъ разбиравшемся 30 ноября Новгородскимъ окружнымъ судомъ въ старой Русѣ. Судились два мальчика, одинъ 12, другой 10 лѣтъ, за то что они *отрѣзали голову* третьему мальчику 9 лѣтъ. Мальчикъ этотъ былъ, какъ и его убійцы, деревенскимъ пастухомъ; они пасли всѣ вмѣстѣ овецъ въ полѣ, и тутъ произошла какая-то ссора между ними. Десятилѣтній Макаровъ уговорилъ другаго своего товарища, Григорьева, побить Карпа Пантелеймонова. Макаровъ бросилъ въ него камнемъ; отъ этого удара Карпъ упалъ лицомъ на землю; но когда онъ сталъ приподыматься, Макаровъ предложилъ Григорьеву отрѣзать ему голову чтобъ онъ на нихъ не пожаловался; и вотъ послѣдовало душу раздирающее дѣло: Григорьевъ ударилъ ножомъ по шеѣ Карпа; несчастный мальчикъ заплакалъ и закричалъ: „Алеша, не рѣжь меня!“, но Макаровъ схватилъ его, а Григорьевъ бывшимъ у него ножомъ отрѣзалъ ему голову, снявъ съ него предварительно шапку и шарфъ для того „чтобы лучше было рѣзать.“ Затѣмъ убійцы тщательно смыли съ своего платья слѣды звѣрскаго дѣла (что показываетъ что они дѣйствовали не совсѣмъ безъ разумѣнія) и возвратились домой. Они сознались въ своемъ ужасномъ дѣлѣ лишь послѣ того какъ оно было раскрыто. При дознаніи окольные люди дали о старшемъ мальчикѣ, Григорьевѣ, „одобрительный отзывъ,“ о Макаровѣ же было заявлено что онъ грубъ, любитъ драться и былъ замѣченъ въ мелкихъ кражахъ. На судѣ оказалось что Григорьевъ сирота, отецъ его давно умеръ; а мать больная чахоточная женщина, живетъ бобылкой, въ нуждѣ. Смотритель тюрьмы отозвался съ похвалой о поведеніи его въ тюрьмѣ, гдѣ онъ научился хорошо грамотѣ „о которой онъ раньше не имѣлъ и понятія.“

Каковъ же былъ результатъ судебной процедуры? Присяжные признали подсудимыхъ виновными, но дѣйствовавшими *безъ разумѣнія*, вслѣдствіе чего окружный судъ постановилъ отдать Григорьева и Макарова *родителямъ для домашняго исправленія*.

Возможно ли общественной совѣсти примириться съ сухимъ формализмомъ этого приговора? Отдать виновныхъ родителямъ для исправленія! Но не говоря ужь о томъ что у одного изъ нихъ и родителей почти нѣтъ вовсе, вѣдь это значитъ въ данномъ случаѣ прекратить тотъ процессъ нравственнаго перерожденія который по крайней мѣрѣ относительно одного изъ мальчиковъ константированъ на судѣ. И можно ли допустить что родители другаго мальчика исполнятъ возложенную на нихъ судомъ обязанность? Съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія онъ дѣйствовалъ, во всякомъ случаѣ на кого же какъ не на родителей падаетъ отвѣтственность за развитіе въ ребенкѣ столь звѣрскихъ инстинктовъ? Каковы же будутъ результаты будущаго „домашняго исправленія?“

Съ точки зрѣнія мертваго формализма, коимъ, увы! такъ часто руководствуются наши суды, приговоръ постановленный по упомянутому дѣлу не подлежитъ спору.

Судъ примѣнилъ статью 137 Улож. о Нак. въ которой сказано что „дѣти, коимъ болѣе семи лѣтъ, но менѣе десяти „лѣтъ отъ роду, не подвергаются опредѣленному въ законахъ наказанію, но „отдаются родителямъ или благонадежнымъ родственникамъ для домашняго исправленія. Сіе правило распространяется „и на имѣющихъ отъ десяти до четыр-

„надцати лѣтъ, когда судомъ признано „что преступленіе учинено ими *безъ разумѣнія*.“

Однако, если ближе вникнуть въ дѣло, нельзя не допустить что судъ имѣлъ возможность избѣжать такого исхода, который въ данномъ случаѣ былъ хуже всего. Приходилось нѣсколько отступить отъ буквы закона, но тѣмъ вѣрнѣе были бы соблюдены его духъ и намѣреніе. Законъ заботится прежде всего не о карѣ малолѣтнихъ преступниковъ, а объ исправленіи ихъ. Въ старой редакціи по Уложенію о Наказаніяхъ, малолѣтнихъ преступниковъ не достигшихъ 14-лѣтняго возраста предписано отдавать родителямъ для исправленія; но относительно того же предмета имѣются указанія новѣйшаго законодательства коихъ нельзя было оставить безъ вниманія. По Уставу о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ также поставлено главною цѣлью правосудія, и вотъ что мы читаемъ въ ст. 6 этого Устава: „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены „исправительные пріюты, несовершенно-„лѣтніе отъ 10 до 17 лѣтъ могутъ, въ „замѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, быть об-„ращаемы въ эти пріюты на срокъ опре-„дѣляемый мировымъ судьей, но съ тѣмъ „чтобы не оставлять ихъ тамъ по дости-„женіи 18-лѣтняго возраста.“ Итакъ, мировые судьи, коимъ подсудны лишь преступленія меньшей важности, имѣютъ право отдавать малолѣтнихъ преступниковъ въ пріюты для исправленія на срокъ до 8 лѣтъ. Неужели можно допустить что высшій судъ, въ случаѣ тяжкихъ, а иногда и ужасающихъ преступленій, вовсе лишенъ этой возможности и обязанъ во всякомъ случаѣ возвратить малолѣтнихъ преступниковъ ихъ родителямъ, не задаваясь вовсе вопросомъ есть ли какое-либо вѣроятіе чтобъ этимъ была достигнута *главная* цѣль закона, ни даже о томъ имѣются ли родители?

Если это такъ, если окружный судъ не имѣетъ никакой возможности отступить отъ буквы закона, приводящей къ столь противоположнымъ намѣренію того же закона результатамъ, то нельзя не пожелать чтобъ это противорѣчіе было какъ можно скорѣе устранено законодательнымъ путемъ, и чтобы возвращеніе малолѣтнихъ преступниковъ родителямъ для домашняго исправленія было вовсе исключено изъ Уложенія о наказаніяхъ, какъ оно устранено изъ позднѣйшаго Устава о наказаніяхъ.

Мы полагаемъ однако что еслибы судъ по дѣлу Макарова и Григорьева задался вопросомъ о томъ насколько осуществима возложенная имъ на родителей виновныхъ задача ихъ исправленія и рѣшилъ бы оную, въ чемъ нельзя сомнѣваться, отрицательно, то онъ могъ найти выходъ изъ затрудненія и при теперешнемъ законѣ. Въ Уложеніи о Наказаніяхъ имѣется ясное указаніе на то что отдача преступника не обладающаго вмѣняемостью на призоръ родителей или родственниковъ не считалась и прежде такою мѣрой которая можетъ быть примѣнена безусловно, безо всякой заботы о послѣдствіяхъ. Преступленіе совершенное больнымъ въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства не вмѣняется въ вину. Совершившій въ такомъ припадкѣ убійство, покушеніе на убійство, или на зажигательство, отдается, на основаніи ст. 96 Улож. о Наказ., вмѣсто дома умалишенныхъ, на попеченіе родителямъ, родственникамъ, опекунамъ, или, съ согласія ихъ, и посторонним, „съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное непрестанное смотрѣніе во время его болѣзни и лѣченія, предотвращая всякія дурныя или опасныя для другихъ, или же для него самого послѣдствія его припадковъ умоизступленія.“ Но къ этому законъ прибавляетъ еще слѣдующее: „Когда жъ родители больнаго или „его родственники, опекуны или посторон-„ніе, желающіе взять его на свое попече-„ніе, оказываются недостаточно благона-„дежными и *отъ нихъ нельзя ожидать* „*точнаго исполненія возлагаемой на нихъ* „*обязанности*, то страдающій припадками „умоизступленія отдается для лѣченія его „и присмотра за нимъ въ больницу, гдѣ „и оставляется до совершеннаго выздо-„ровленія.“

Отсюда, полагаемъ, ясно что законъ не довольствуется указаніемъ мѣры которая должна быть принята судомъ относительно невмѣняемыхъ преступниковъ, но предписываетъ *удостовѣриться* насколько эта мѣра можетъ быть полезна. Можно ли сомнѣваться что это намѣреніе законодателя, столь опредѣленно высказанное въ одномъ случаѣ, должно быть подразумеваемо и въ другомъ совершенно аналогичномъ?

Во всякомъ случаѣ нельзя, полагаемъ, не обратить серіознаго вниманія на это

ужасное дѣло и на необходимость предпринять что-либо дабы предотвратить въ будущемъ повтореніе столь поразительныхъ судебныхъ приговоровъ.

№ 317.

Москва, 12-го декабря.

Читатели, вѣроятно, еще не забыли недавнихъ толковъ вызванныхъ необычно оживленнымъ ходомъ нашей хлѣбной торговли въ минувшихъ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда ея обороты сильно отозвались на всѣхъ дѣлахъ биржеваго міра и потребовали, между прочимъ, экстреннаго выпуска кредитныхъ билетовъ. Полныхъ и точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этихъ оборотовъ еще нѣтъ. На дняхъ опубликованы офиціальныя свѣдѣнія о ходѣ нашей внѣшней торговли по Европейской границѣ, доходящія лишь до 1 октября. Но эти свѣдѣнія представляютъ уже достаточно данныхъ для сужденія о томъ въ какой мѣрѣ основательны были мнѣнія тѣхъ кто хотѣлъ видѣть въ упомянутомъ экстренномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ неизвинительную финансовую ошибку.

Стóитъ прослѣдить внимательно и последовательно вышедшія девять офиціальныхъ ежемѣсячныхъ таблицъ дающихъ отчетъ о нашей отпускной торговлѣ чтобы сразу замѣтить рѣзкую разницу между ходомъ этой торговли *до* и *послѣ* 1 іюня. Періодъ первыхъ пяти мѣсяцевъ текущаго года, до 1 іюня,—періодъ чумной агитаціи,—былъ для нашего отпуска временемъ относительнаго застоя и сокращенія оборотовъ. Четырехмѣсячный періодъ съ 1 іюня по 1 октября, наоборотъ, былъ временемъ оживленія и расширенія отпуска.

Въ первыя пять мѣсяцевъ текущаго года мы отпустили за границу всего 13.949.000 четвертей хлѣба; цифра, конечно, значительная, но она на 4.461.000 четвертей *менѣе* размѣровъ хлѣбнаго отпуска въ тѣ же пять мѣсяцевъ прошлаго 1878 года (18.411.000 четв.).

Въ слѣдующіе же четыре мѣсяца текущаго года отпускъ хлѣба выразился цифрой 15.716.000 четвертей, на 2.300.000 четвертей *болѣе* размѣровъ отпуска въ соотвѣтственныя мѣсяцы прошлаго года (13.415.000 четвертей).

Благодаря такому рѣзкому измѣненію въ ходѣ торговли, недочетъ хлѣбнаго отпуска противъ прошлаго года, простиравшійся къ 1 іюня до 25%, уменьшился къ 1 октября до 7% и даже ниже. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ хлѣбамъ различіе между періодами *до* и *послѣ* іюня сказалось еще рѣзче. Отпускъ овса, напримѣръ, къ 1 іюня оказывался упавшимъ противъ прошлаго года на 766.000 четвертей; къ 1 октября, за возмѣщеніемъ всего этого недочета, онъ оказывается больше прошлогодняго на 94.000 четвертей. Отпускъ кукурузы къ 1 іюня былъ ниже прошлогодняго на 131.000 четвертей; къ 1 октября, за покрытіемъ всей этой разности, онъ оказался больше прошлогодняго на 338.000 четвертей. И не на одномъ хлѣбномъ товарѣ обозначился указанный рѣзкій поворотъ послѣ 1 іюня. Возьмемъ, для примѣра, ленъ, самую важную у насъ, послѣ хлѣба, статью отпуска. Къ 1 іюня отпускъ его отсталъ отъ прошлогодняго на 856.000 пудовъ; къ 1 октября не только исчезъ со счетовъ этотъ крупный недочетъ, но оказался перевѣсъ противъ прошлогодняго отпуска на 698.000 пудовъ.

Результатъ оживленія торговли начиная съ іюня мѣсяца получился самый благопріятный. Уже къ 1 октября итогъ хлѣбнаго отпуска выразился цифрой близкою къ прошлогодней. Что же касается прежнихъ лѣтъ, то съ ними нынѣшній годъ нечего и сравнивать: *девятимѣсячный* отпускъ хлѣба въ нынѣшнемъ году почти сравнялся съ *годовымъ* отпускомъ 1877 года и далеко оставилъ за собою *годовые* отпуски любаго изъ прошедшихъ лѣтъ. Противъ минувшаго 1878 года, нынѣшній, правда, остался къ 1 октября много позади по отпуску пшеницы; но сравнительно со всѣми прочими прежними годами, нынѣшній идетъ далеко впереди и по отпуску пшеницы. До 1878, не было еще года когда бы *годовой* отпускъ пшеницы доходилъ до цифры какою къ 1 октября выразился *десятимѣсячный* отпускъ ея въ текущемъ году.

Само собою разумѣется что чѣмъ тише шла наша хлѣбная торговля въ началѣ года, въ первый пятимѣсячный періодъ, тѣмъ меньше требовалось и денежныхъ средствъ для ея веденія. И чѣмъ оживленнѣе пошла она начиная съ іюня, чѣмъ шире стали размѣры ея оборотовъ, тѣмъ въ бóльшихъ размѣрахъ потребовались для

нея и денежныя средства. Благодаря рѣзкому различію между двумя означенными періодами движенія нашей хлѣбной торговли, тѣсная зависимость отъ нея всего нашего денежнаго рынка, всѣхъ банковыхъ оборотовъ и самыхъ размѣровъ денежнаго обращенія обозначилась въ текущемъ году особенно наглядно.

Пока обороты по отпуску шли вяло, въ деньгахъ чувствовался избытокъ, и онѣ притекали въ банки. Кассовая наличность *) въ акціонерныхъ банкахъ росла и съ $51,_2$ милліоновъ (къ 1 января) поднялась къ 1 мая до $70,_6$; одновременно росъ перевѣсъ итога вкладовъ надъ размѣрами учетно-ссудной операціи: этотъ перевѣсъ, выражавшійся къ 1 января цифрой $8,_2$ милліоновъ, представлялъ къ 1 мая уже сумму $21,_1$ милл.; итогъ суммъ передаваемыхъ, за излишествомъ, акціонерными банками въ Государственный съ $31,_6$ милл. (къ 1 января) увеличился къ 1 мая до $54,_8$ милліоновъ. Однородныя явленія обозначались и въ самомъ Государственномъ Банкѣ. Цифра вкладовъ до востребованія, превышавшая въ немъ 1 января размѣры учетно-ссудной операціи на $92,_7$ милл., превышала ихъ къ 1 мая уже на $142,_8$ милліоновъ. Спросъ на наличныя деньги былъ такъ ограниченъ что частный дисконтъ, стоявшій въ началѣ января на 4—5%, понизился къ началу мая до $3\frac{1}{4}$—4%. Почувствовался временный излишекъ денежнаго обращенія, и итогъ обращающихся кредитныхъ билетовъ съ $1.188,_1$ милл. (къ 1 января) былъ сокращенъ къ 1 мая до $1.129,_7$ милл., то-есть въ четыре мѣсяца было изъято бумажныхъ денегъ на $58,_4$ милл.

Но оживилась хлѣбная торговля, и декорація быстро перемѣнилась. Началось вытребованіе внесенныхъ въ банки вкладовъ и, параллельно тому, возрастаніе учетно-ссудной операціи. Кассовая наличность въ банкахъ стала быстро уменьшаться. Вмѣсто передачи своихъ суммъ въ Государственный Банкъ, акціонерные банки стали нуждаться въ ссудахъ изъ него, въ видѣ переучета и перезалога. Временный избытокъ въ деньгахъ замѣнился ощутительнымъ въ нихъ недостаткомъ. Пошла въ ходъ усиленная продажа цѣнныхъ бумагъ, ронявшая ихъ курсы. Частный дисконтъ пошелъ въ гору. Начавшаяся операція изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія по необходимости остановилась.

Во всемъ этомъ, правда, не осталась безъ вліянія и реализація объявленнаго въ маѣ мѣсяцѣ Третьяго Восточнаго займа. Но это дѣйствіе было временное. Оно, конечно, затруднило доставаніе необходимыхъ наличныхъ средствъ какъ для оборотовъ по хлѣбной торговлѣ такъ и для разчетовъ на Нижегородской ярмаркѣ. Но суммы отвлеченныя отъ оборотовъ займомъ не замедлили къ нему вернуться. Однако это не измѣнило вышесказанныхъ признаковъ недостатка денежной наличности для потребностей торговыхъ оборотовъ. Какъ сильно выразилась эта потребность въ четырехмѣсячный періодъ оживленія хлѣбной торговли съ 1 іюня по 1 октября, всего лучше покажутъ цифры.

1 іюня въ акціонерныхъ банкахъ былъ перевѣсъ вкладовъ надъ размѣрами учетно-ссудной операціи, въ $4,_4$ милліона. 1 октября, наоборотъ, размѣры учетно-ссудной операціи превысили сумму вкладовъ почти на сорокъ милліоновъ ($39,_6$ милл.).

1 іюня кассовая наличность акціонерныхъ банковъ составляла $50,_1$ милл. Къ 1 октября она уменьшилась до $27,_8$ милл., то-есть слишкомъ на 22 милл.

1 іюня Государственный Банкъ былъ долженъ акціонернымъ $29,_6$ милл. 1 октября, наоборотъ, акціонерные банки оказались въ долгу у Государственнаго на $8,_2$ милл.

1 іюня акціонерные банки владѣли массой цѣнныхъ бумагъ на $60,_5$ милл. Къ 1 октября эта цифра сократилась до $38,_8$ милл., то-есть слишкомъ на 22 милл.

Въ итогѣ, торговые обороты къ 1 октября отъ однихъ акціонерныхъ банковъ потребовали наличныхъ денежныхъ средствъ на 127 милліоновъ болѣе того чѣмъ довольствовались 1 іюня.

Одновременно уплывала наличность и изъ Государственнаго Банка съ его конторами и отдѣленіями; 1 іюня вклады до востребованія превышали итогъ учетно-ссудной операціи на $141,_9$ милліоновъ. 1 октября, наоборотъ, итогъ учетно-ссудной операціи превысилъ сумму вкладовъ на $5,_1$ милл. Ста сорока семи милліоновъ какъ не бывало.

Не мудрено что при такой потребности въ деньгахъ для спѣшныхъ оборотовъ ча-

*) Со включеніемъ текущихъ счетовъ въ Государственномъ Банкѣ.

стный дисконтъ, стоявшій въ началѣ іюня на $4^1/_4-5^1/_4\%$, повысился 1 октября до $6-7^1/_4\%$, то-есть на два процента.

И при подобныхъ-то обстоятельствахъ, при столь сильно сказавшейся потребности въ деньгахъ, въ самый разгаръ оборотовъ отпускной торговли наверстывавшей недочеты первыхъ пяти мѣсяцевъ, у насъ раздавались голоса укорявшіе Государственный Банкъ за сдѣланный имъ выпускъ кредитныхъ билетовъ! Этотъ выпускъ характеризовался какъ поблажка спекулянтамъ.

Чтобъ угодить этимъ господамъ, слѣдовало затруднить для хлѣбныхъ торговцевъ возможность находить деньги для закупокъ хлѣба. Пусть бы эти торговцы извертывались какъ знаютъ. Имъ пришлось бы, по нуждѣ, для скорѣйшей выручки денегъ, торопиться продажей за границу хлѣба, понижая его цѣны, къ ущербу Россіи и къ выгодѣ иностранцевъ;—не бѣда, можно принести и не такую жертву экономической доктринѣ возбраняющей выпуски бумажныхъ денегъ. Хлѣбные торговцы вынуждены были бы, пожалуй, за недостаткомъ наличныхъ средствъ, сократить закупки хлѣба внутри Россіи, гдѣ хлѣбъ могъ бы остаться при этомъ на рукахъ у производителей въ ту самую минуту когда необычайный спросъ на него изъ-за границы предоставляетъ возможность особенно выгодаго сбыта;—и это не бѣда; аргументъ сохраняющій всю свою силу когда отъ правительства требуются милліардныя жертвы на постройку дорогъ, не долженъ имѣть никакой силы если возникаетъ вопросъ о выпускѣ бумажныхъ денегъ даже на сумму какихъ-нибудь тридцати милліоновъ. Пусть падали бы цѣны процентныхъ бумагъ, пусть высоко поднявшійся учетъ пошелъ бы еще выше въ гору, пусть, пользуясь этимъ, люди занимающіеся дисконтомъ наживались бы въ ущербъ торговцамъ и производителямъ хлѣба, а равно и всѣмъ вообще нуждающимся въ кредитѣ;—со всѣмъ этимъ можно помириться, лишь бы соблюсти доктрину.

№ 318.

Москва, 13-го декабря.

Разнорѣчія въ извѣстіяхъ съ театра войны иногда затемняютъ дѣло, а иногда напротивъ они-то и даютъ возможность нѣсколько уразумѣть истинное положеніе дѣлъ.

Генералъ Робертсъ въ настоящее время находится въ двухъ англійскихъ миляхъ къ сѣверу отъ Кабула въ укрѣпленномъ лагерѣ, куда онъ долженъ былъ укрыться отъ ударовъ многочисленнаго непріятеля. Силы Афганцевъ въ разныхъ депешахъ генерала Робертса показаны были различно: въ одной въ десять, въ другой въ двадцать, наконецъ въ тридцать тысячъ. Количество войскъ у самаго генерала Робертса показывается также различно. По однимъ извѣстіямъ, у него пять тысячъ шестьсотъ, по другимъ семь, по третьимъ, именно офиціальнымъ, свыше семи тысячъ. Далѣе, одни извѣстія говорятъ что сообщенія генерала Робертса прерваны, другія— что они возстановлены... Гдѣ же правда?

Вѣрно собственно то что генералъ Робертсъ вынужденъ укрываться въ Ширпурскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, имѣющемъ форму четырехъугольника. Все протяженіе укрѣпленій лагеря простирается до 8.000 ярдовъ, то-есть до восьми верстъ. Передній фасъ, или такъ-называемый фронтъ лагеря, имѣетъ длину около двухъ верстъ и состоитъ изъ стѣны вышиною въ 16 футовъ, со рвомъ, амбразурами и валгангомъ. Съ фланговъ лагерь прикрытъ насыпями и отдѣльными укрѣпленіями, съ юга „также укрѣпленъ." Всѣ вообще укрѣпленія находятся далеко не въ полномъ порядкѣ: западный и южный фасы не приспособлены къ артиллерійской оборонѣ, а на сѣверномъ и восточномъ приспособленія сдѣланы только въ послѣднее время. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, для обороны лагеря достаточно будто бы даже 2.500 человѣкъ, такъ что съ остальными пятью тысячами генералъ Робертсъ могъ бы выступить активно, но онъ предпочитаетъ выжидательный образъ дѣйствій, такъ какъ афганскія скопища, вслѣдствіе затрудненій въ продовольствіи, должны де въ скоромъ времени разойтись. Несостоятельность этихъ сужденій очевидна. Предшествовавшій занятію Ширпурскаго лагеря трехдневный бой, противъ силъ тогда далеко меньшихъ, показалъ что пяти тысячамъ Англичанъ нѣтъ возможности справиться съ афганскими скопищами, простирающимися теперь до тридцати тысячъ. Генералъ Робертсъ вынужденъ отсиживаться въ лагерѣ, что неизбѣжно и по той при-

чинѣ, каждому очевидной, что двѣ съ половиною тысячи не могутъ оборонять восемь верстъ укрѣпленій. Надо, во что̀ бы то ни стало, выручать Робертса. Кабулъ сообщается съ англійскими владѣніями двумя путями: по долинѣ рѣки Кабула чрезъ Джеллалабадъ на Пешаверъ, и Курумскою долиной чрезъ Шатаргарданъ на городъ Когатъ. Такимъ образомъ, линія Пешаверъ-Когатъ длиною въ 55 верстъ служитъ базисомъ генералу Робертсу. Путь отъ Пешавера до Ширпура имѣетъ около 290 верстъ и по официальнымъ свѣдѣніямъ, охраняется такъ-называемымъ Хайберскимъ корпусомъ генерала Брайта въ составѣ 12.000 человѣкъ при 30 орудіяхъ. Въ Курумской долинѣ дѣйствуетъ генералъ Вастонъ съ 9.000 при 20 орудіяхъ. На поддержку со стороны Вастона, по общему сознанію, генерала Робертсъ разчитывать не можетъ, какъ потому что тотъ слишкомъ занятъ происходящимъ у него предъ фронтомъ и на флангахъ, такъ и потому что Шатаргарданскій перевалъ теперь непроходимъ. Вся надежда возлагается только на войска собранныя между Пешаверомъ и Джагдаллакомъ, гдѣ въ послѣднее время стояла бригада Гоу, въ 60—70 верстахъ отъ Ширпура, имѣя какъ бы авангардъ въ Латабандскомъ перевалѣ изъ 700 человѣкъ при двухъ орудіяхъ.

Первый резервъ за который схватился генералъ Робертсъ были войска Гоу, которому и было предписано идти къ Ширпуру; такъ по крайней мѣрѣ извѣщали телеграммы изъ Калькутты, увѣрявшія даже что между Кабуломъ и Джагдаллакомъ нѣтъ непріятеля. Сообщалось будто Гоу 17 декабря уже выступилъ, но это оказалось невѣрнымъ, такъ какъ по послѣднимъ извѣстіямъ отъ двадцатыхъ чиселъ Гоу самъ подвергся нападенію Гилзаевъ, бросившихся 16-го числа на Джагдаллакскую цитадель. По всѣмъ извѣстіямъ, силы Гоу не простираются свыше двухъ тысячъ при шести орудіяхъ. Есть ли возможность съ этими силами пройти къ Робертсу? Послѣднія извѣстія говорятъ только что Гоу успѣлъ лишь „отразить“ нападеніе. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ долженъ прикрыть сосредоточеніе части войскъ Брайта и только тогда будетъ ему возможность открыть сообщеніе съ Робертсомъ. Удастся ли Англичанамъ исполнить этотъ планъ? Стянуть съ пути сообщеній всѣ войска едва ли дѣло исполнимое. Опыты кампаній 1839—1842 годовъ и прошлой показали Англичанамъ что съ племенами живущими на этомъ пути шутить нельзя: они многочисленны, всѣ воинственны и всѣ ненавидятъ Англичанъ. Если генералу Гоу располагающему двумя тысячами солдатъ потребовались подкрѣпленія на *выручку*, то едва ли менѣе шести тысячъ человѣкъ можно оставить для охраны всего пути. Не поэтому ли нѣкоторые считаютъ силу Брайта только въ шесть тысячъ, разумѣя можетъ-быть часть могущую выступить активно. Но чтобы сосредоточить такую силу въ одномъ пунктѣ линіи въ триста верстъ, при тяжелыхъ зимнихъ дорогахъ въ горахъ, потребуется не мало времени.

До тѣхъ поръ пока Брайтъ не соединился съ Робертсомъ положеніе обоихъ весьма затруднительное, особенно перваго въ случаѣ неудачи въ открытомъ полѣ. Англичане могутъ быть разбиты по частямъ, и потому врядъ ли Брайтъ рискнетъ двинуться впередъ пока всѣ его силы расположенныя между Пешаверомъ и Джагдаллакомъ не будутъ смѣнены другими войсками.

Но какъ ни серіозно военное положеніе Англичанъ въ Афганистанѣ, политическое едва ли не серіознѣе. Если у генерала Робертса большой запасъ продовольствія и онъ заперся въ хорошо укрѣпленной позиціи, а для выручки его задача состоитъ главнымъ образомъ въ организаціи транспорта, то чѣмъ же объясняется непомѣрная тревога англійской печати, отчего изчезло всякое довѣріе къ оптимизму официальныхъ извѣстій?

Всѣхъ несказанно удивило что, послѣ слабаго сопротивленія оказаннаго Афганцами какъ въ прошлогоднюю кампанію, такъ и при походѣ генерала Робертса на Кабулъ, они вдругъ обнаружили замѣчательную смѣлость и выдержку не только при оборонѣ, но и при атакѣ. Безъ пушекъ, съ плохими ружьями, они бросались на артиллерію и не дрогнувъ выдерживали кавалерійскія *шаржи*. Всѣ газеты также въ одинъ голосъ признаютъ что военныя дѣйствія Афганцевъ были ведены съ большимъ искусствомъ, обличающимъ хорошо задуманный планъ и стройную организацію. Какъ только начали появляться скопища племенъ вокругъ Робертса, все оставалось спокойно на линіи его сообщеній; но лишь только онъ принужденъ былъ оставить Кабулъ и заперся въ Ширпур-

скомъ лагерѣ, разомъ, какъ бы по данному сигналу, поднялись и племена на его сообщеніяхъ которыя тотчасъ же были прерваны, и ближайшій къ Робертсу генералъ самъ подвергся нападенію въ Джагдаллакѣ, и едва не были прерваны и его сообщенія со слѣдующимъ этапомъ.

И эта организація выросла какъ бы изъ-подъ земли на глазахъ Англичанъ, когда все управленіе было въ ихъ рукахъ.

Плохо въ Афганистанѣ, но въ политическомъ отношеніи не хорошо и въ Индіи. „Унизительно сознавать,“ читаемъ въ *Times*, „что нами утрачена возможность иниціативы, что Робертсъ только съ увѣренностью выжидаетъ слѣдующаго движенія непріятеля... *Наше господство въ Индіи зависитъ отъ возможности дѣйствовать съ энергіей когда необходимо.* Допустивъ разъ что мы сильны лишь настолько чтобы выжидать движеніе непріятеля, всякая надежда поддержать нашъ *престижъ* исчезнетъ.“ *Standard* въ свою очередь проговаривается такъ: „никто не можетъ сказать какое впечатлѣніе можетъ произвести въ самой Индіи извѣстіе даже о временной неудачѣ Британскаго оружія.“ Всего же прямѣе это выражено въ корреспонденціи *Manchester Guardian* изъ Пешавера, писанной до катастрофы: „Мы зашли слишкомъ далеко чтобъ отступить безъ опасности для нашего положенія и *престижа* въ Индіи. Вѣрно или нѣтъ, но умы туземцевъ увѣрены что мы боимся Россіи, и всякое отступленіе отъ нашего настоящаго положенія въ Афганистанѣ будетъ ими приписано этой причинѣ.“

Если вѣрно что таково настроеніе туземныхъ умовъ въ Индіи, то Англичане сами постарались создать его своими вѣчными толками о русскихъ интригахъ и замыслахъ на Индію, и это не послѣдняя изъ ошибокъ правительства лорда Беконсфильда и раболѣпной ему печати. Вотъ и теперь эта печать занята толками о русскихъ полуимперіалахъ будто бы найденныхъ въ Кабулѣ. Генералъ Робертсъ два мѣсяца сидѣлъ въ Кабулѣ, и мы ничего не слыхали объ этихъ русскихъ полуимперіалахъ, а теперь послѣ пораженія Англичанъ вдругъ заговорили о русскихъ полуимперіалахъ. Заговорили также о какихъ-то документахъ обрѣтенныхъ въ Кабулѣ, якобы компрометтирующихъ руское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. О нихъ и прежде еще таинственно намекали торійскіе органы, замѣчая что обнародованіе оныхъ неудобно потому что могло бы возбудить слишкомъ неудержимый взрывъ ненависти противъ Россіи. Газета *Nord* позволила себѣ усомниться въ существованіи этихъ документовъ, но *Pall Mall Gazette* берется доказать что таковые имѣются, прибавляя что „содержаніе ихъ еще важнѣе чѣмъ вообще подозрѣваютъ.“

№ 319.

Москва, 14-го декабря.

Берлинская печать продолжаетъ заниматься вопросомъ о разоруженіи, за которое будто бы высказался недавно князь Бисмаркъ въ письмѣ къ италіянскому сенатору Джачини. По какому поводу и въ какихъ именно выраженіяхъ высказался объ этомъ предметѣ князь Бисмаркъ, не видно. Газеты ограничиваются воспроизведеніемъ того чтò сообщила италіянская газета *Fanfulla*, а это сообщеніе крайне неопредѣленно. Г. Джачини издалъ недавно какую-то брошюру, озаглавленную такъ: *Консерватизмъ и естественное развитіе партій въ Италіи.* Какое отношеніе содержаніе этой брошюры, посвященной, судя по заглавію, внутреннимъ интересамъ Италіи, имѣетъ къ европейской международной политикѣ, мы изъ берлинскихъ газетъ также не узнаемъ. Но *Fanfulla* сообщаетъ что авторъ брошюры, лично знакомый съ княземъ Бисмаркомъ, получилъ отъ него письмо, въ коемъ имперскій канцлеръ говоритъ что разоруженіе, это единственное средство облегченія финансовъ и народной нищеты, возможно лишь на основаніи взаимнаго соглашенія тѣхъ державъ кои рѣшились держаться строго консервативной и мирной политики.“ Принимая это во вниманіе, князь Бисмаркъ поощряетъ де г. Джачини настойчиво продолжать начатую имъ агитацію. Вотъ все чтò стало извѣстно объ этой таинственной перепискѣ. Самый фактъ „миролюбивой“ манифестаціи германскаго имперскаго канцлера не подвергается сомнѣнію; напротивъ, сообщеніе итальянской газеты воспроизведено всѣми органами берлинской печати, не исключая и правительственныхъ. Послѣдніе ограничились просто перепечаткой; остальные же вдались въ комментаріи.

Первое извѣстіе о появившемся въ италіянской газетѣ сообщеніи, переданное по телеграфу въ Берлинъ, произвело тамъ впечатлѣніе какъ разъ противоположное тому какого бы слѣдовало ожидать. *Національная Газета* замѣтила что вопросъ о разоруженіи, поднятый офиціально, можетъ лишь послужить поводомъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ. Это тревожное предположеніе находило себѣ подкрѣпленіе въ недавнихъ раскрытіяхъ касательно событій 1875 года, раскрытіяхъ изъ коихъ видно что князь Бисмаркъ готовился тогда предъявить Франціи требованіе объ уменьшеніи ея военныхъ силъ, причемъ отказъ Франціи долженъ былъ послужить для Германіи предлогомъ къ новой войнѣ противъ нея, которая была предотвращена лишь благодаря посредничеству Россіи.

Но вслѣдъ затѣмъ сужденія по поводу заявленія князя Бисмарка измѣнились. Спустя нѣсколько дней послѣ появленія упомянутаго извѣстія, названная и другая берлинская газета занялись подробнѣе вопросомъ о разоруженіи. Мысль брошенная княземъ Бисмаркомъ вмѣняется ему въ великую заслугу, ибо она должна де показать міру что не одни утописты Лиги Мира вѣрятъ въ ея осуществленіе, а что она усвоена такими политическими сферами которыя обладаютъ великимъ нравственнымъ и матеріальнымъ вліяніемъ для ея поддержанія.

Казалось бы что печать питающая столь благія надежды должна прежде всего обратить взоры на ту среду которая всего ей ближе, и объяснить въ какой мѣрѣ Германія готова показать въ этомъ отношеніи примѣръ другимъ? Этого тѣмъ болѣе можно было ожидать что вопросъ о разоруженіи былъ на дняхъ публично поставленъ съ самой Германіи. Баварскій депутатъ Йерчъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ вожаковъ ультрамонтанской партіи, коснулся недавно этого вопроса въ Баварской палатѣ. Высказываясь по поводу совершенно излишнихъ по его мнѣнію расходовъ на содержаніе особыхъ дипломатическихъ представителей Германіи при дворахъ великихъ державъ, г. Йерчъ замѣтилъ что было бы гораздо лучше еслибы, вмѣсто этихъ безполезныхъ тратъ, Баварское правительство усилило свое представительство въ Берлинѣ, дабы вліять болѣе дѣйствительнымъ образомъ на тамошнюю „крайне измѣнчивую" политику. Ультрамонтанскій депутатъ не довѣряетъ этой политикѣ; онъ желалъ бы чтобы германскія союзныя правительства дѣятельнѣе пользовались своимъ законнымъ участіемъ въ имперскомъ управленіи для предотвращенія неожиданныхъ оборотовъ и главнымъ образомъ дабы облегчить военныя тягости германской націи. „Самъ князь Бисмаркъ," прибавилъ г. Йерчъ, „высказывается нынѣ за разоруженіе, и если это не случится, то мы въ скоромъ времени превратимся въ націю вооруженныхъ нищихъ."

Этотъ откровенный намекъ клерикальнаго депутата очень не понравился берлинскимъ газетамъ. Забывъ совершенно свои привѣтствія „новому вѣянію" исходящему изъ вліятельныхъ сферъ, берлинская печать старается доказать г. Йерчу что онъ слишкомъ преувеличиваетъ бѣдствіе причиняемое существующими размѣрами вооруженія; что Пруссія „никогда не слагала съ себя своихъ тяжелыхъ доспѣховъ" съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ какъ сила, и что ея „преданія возлагаютъ на нее обязанность не отставать отъ своихъ сосѣдей въ приготовленіяхъ необходимыхъ на случай военной борьбы." О томъ чтобы въ послѣднее время Пруссія менѣе сознавала эту необходимость военныхъ приготовленій нетолько нѣтъ ни малѣйшаго намека, но напротивъ оказывается что мы были совершенно правы высказавъ предположеніе что главная цѣль пріобрѣтенія государствомъ четырехъ важнѣйшихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи была военно-стратегическая, хотя объ этомъ умалчивалось во время преній въ Прусской палатѣ представителей. Это подтвердилъ самъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Мольтке, принявшій участіе въ обсужденіи желѣзнодорожнаго закона въ Палатѣ Господъ, куда проектъ поступилъ по принятіи онаго нижнею Палатой. Послѣ рѣчи графа Мольтке который доказывалъ что военныя соображенія должны быть поставлены на первомъ планѣ въ вопросѣ о пріобрѣтеніи дорогъ, берлинской печати какъ бы развязанъ былъ языкъ, и она въ свою очередь заговорила объ этомъ предметѣ.

Итакъ, вопросъ о разоруженіи впервые поставленный нынѣ на очередь и притомъ руководителемъ германской политики, по мнѣнію германской печати отнюдь не касается Германіи и не можетъ считаться вопросомъ по отношенію къ ней. Не мо-

жетъ онъ относиться и къ Австріи, ибо тамъ лишь на дняхъ состоялся военный законъ, въ силу коего численность австрійской арміи въ 800 тысячъ человѣкъ утверждена на 10 лѣтъ впередъ и поставлена такимъ образомъ внѣ всякаго вліянія измѣнчиваго парламентскаго большинства. Состоялся этотъ законъ послѣ долгой борьбы правительства противъ теперешняго большинства, которое противилось ему именно потому что считаетъ этотъ законъ чрезмѣрною тягостью для бѣдствующаго населенія, и берлинскія газеты нисколько не скрываютъ что Австрійское правительство при дѣятельномъ вмѣшательствѣ императора Франца-Іосифа, такъ хлопотало чтобы военный законъ состоялся вслѣдствіе настоянія со стороны Германіи, требовавшей чтобы боевая сила Австріи, вступившей съ ней въ „прочный и тѣсный союзъ,“ приведена была въ соотвѣтствіе съ боевою силой Германіи и подобно послѣдней изъята была на продолжительный періодъ отъ всякихъ колебаній и измѣненій.

Къ кому же именно относятся тѣ мечтанія коимъ берлинская печать предается по случаю „возбужденія мысли о разоруженіи,“ если по ея же выводамъ они не могутъ относиться ни къ Германіи, ни къ Австріи? Прямаго отвѣта осторожная берлинская печать не даетъ и на этотъ вопросъ. О Франціи не упоминается при этомъ ни однимъ словомъ; о русскихъ войскахъ, чрезмѣрно сосредоточенныхъ будто бы на западной границѣ, рѣчь уже прекратилась. Но тѣмъ усерднѣе изобличается „панславизмъ,“ въ лицѣ пражской газеты *Politik*, которая высказалась по поводу вопроса о разоруженіи въ томъ смыслѣ что нельзя ожидать осуществленія этого плана до тѣхъ поръ пока Франція не испытаетъ новой борьбы съ Германіей изъ-за Альзасъ-Лотарингіи.

„Что̀ за дѣло панславистамъ до Альзасъ-Лотарингіи?“ спрашиваетъ *Національная Газета*, и за неимѣніемъ прямаго отвѣта, котораго и не придумаешь, отвѣчаетъ что „ихъ интересъ заключается въ томъ чтобы западная Европа раздиралась войной, дабы восточная тѣмъ вѣрнѣе досталась въ добычу панславизму.“ Въ Прагѣ и Москвѣ издѣваются де надъ „консервативною и мирною политикой“ которая должна привести къ разоруженію... „Москва вишь виновата!“

№ 320.

Москва, 15-го декабря.

Мы быть-можетъ наканунѣ событія неоцѣнимаго по своимъ послѣдствіямъ для нашего отечества и для цивилизаціи вообще. Честь и слава Самарской экспедиціи, поставившей своею задачей практическое рѣшеніе вопроса о поворотѣ Аму-Дарьи въ Каспійское море!

Исправивъ нѣкоторыя неточности первоначальной передачи, воспроизводимъ уже сообщенную нами въ № 313 нашей газеты депешу начальника экспедиціи, чтобъ остановить вниманіе нашихъ читателей на достигнутыхъ результатахъ о которыхъ мы намѣрены сказать сегодня нѣсколько словъ:

„САМАРА, 7 декабря. Вамъ уже извѣстно что согласно приказанію Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-хана Хивинскаго, отъ 7 октября, плотины Бентъ и Шамуратъ сломаны, но раннею весной будущаго года Хивинцамъ предстоитъ срыть еще три плотины и углубить занесенную рѣчнымъ иломъ часть сухаго русла. Сообщаю послѣднее извѣстіе изъ Хивинскаго оазиса, отъ десятыхъ чиселъ ноября: хотя не всѣ работы окончены и несмотря на осенній низкій уровень рѣки, вода въ Аму-Дарьѣ, пройдя по Лаузану и Дарьялыку, приблизилась къ развалинамъ Куня-Ургенча, древней столицы Харезма. Итакъ, поворотъ Аму-Дарьи въ Узбой, осуществить который Русскіе стремятся болѣе полутораста лѣтъ, можно признать начавшимся. Въ средѣ Самарской экспедиціи по изслѣдованію средне-азіятскихъ путей родилась мысль воздвигнуть памятникъ на могилѣ погибшихъ сподвижниковъ Бековича-Черкаскаго вблизи сломанныхъ теперь Хивинцами плотинъ, чтобъ одновременно съ обводненіемъ Узбоя почтить память русскихъ воиновъ которые работали надъ исполненіемъ воли Петра Великаго чтобы воды Аму-Дарьи снова направить въ старый токъ.

Припомнимъ главныя фазы Аму-Дарьинскаго вопроса. До конца XVII или до начала XVIII столѣтія въ Европѣ, на основаніи показаній греческихъ географовъ, полагали что Аму впадаетъ въ Каспій, хотя отрывки изъ нѣкоторыхъ арабскихъ писателей и показанія Дженкинсона, прошедшаго въ Хивинскія владѣнія въ 1559

году, возбуждали уже сомнѣнія въ этомъ фактѣ. Темные слухи о прекращеніи теченія Аму въ Каспій доходили также и до Русскихъ. Только послѣ несчастной экспедиціи князя Бековича - Черкаскаго Петръ Великій сообщилъ академіямъ и ученымъ Запада достовѣрное извѣстіе о томъ что Аму перестала течь въ Каспій. Такое громадное измѣненіе въ теченіи одной изъ величайшихъ рѣкъ, поворотъ ея подъ угломъ въ девяносто градусовъ (какъ тогда казалось) не могъ не произвести впечатлѣнія. Самые берега живой и сухой Аму были недоступны для Европейцевъ; оставалось лишь строить гипотезы опираясь на показанія того или другаго географа или путешественника. Масса знанія, ума и труда была потрачена на эти теоріи, но почти безо всякаго результата.

Съ легкой руки Н. Н. Муравьева въ двадцатыхъ, а еще больше въ шестидесятыхъ годахъ, русскіе изслѣдователи, а затѣмъ и военныя экспедиціи стали проникать въ Закаспійскія степи, а наконецъ и въ Хивинскія владѣнія. Быстро была собрана масса отрывочныхъ фактовъ, но они мало освѣщали вопросъ о причинахъ катастрофы съ Аму-Дарьей. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ мы уже прослѣдили все сухое русло Аму отъ Балханскаго залива сперва до Игды, потомъ до Сары-Камыша, узнали что на этомъ громадномъ протяженіи сухаго русла (Узбоя) нѣтъ никакихъ препятствій къ возстановленію стараго тока; но мѣсто самаго поворота Аму, Хивинскій оазисъ, до 1873 года былъ намъ не доступенъ. Во время Хивинскаго похода мы могли собрать лишь бѣглыя свѣдѣнія о сухихъ руслахъ Аму; по условіямъ же мира съ Хивой, весь лѣвый берегъ Аму остался во владѣніи хана. Въ 1874—75 годахъ двинулись на Аму-Дарью наши ученыя экспедиціи, но имъ запрещалось выходить на хивинскій берегъ. И снова пришлось ограничиться блестящими гипотезами объ исторіи Аму-Дарьи. Опять была истрачена масса остроумія и знаній: по разновидностямъ рыбъ водящихся въ Аралѣ, по распредѣленію раковинъ, по напластыванью хребта Шейхъ-Джели (Аму-Дарья пересѣкаетъ его), старались разгадать тайну исторіи Аму—и, конечно, опять напрасно. Гг. Стебницкій, Лохтинъ и пр. опять доказали что ничего вѣрнаго о причинахъ поворота Аму мы не узнали. Экспедиціи наши прошли по краю зеленѣющаго оазиса, гдѣ исторія Аму должна была оставить, казалось, внятныя письмена, но подойти къ этимъ письменамъ было нельзя.

Въ 1876—77 годахъ, съ Кавказа двинулась въ Хиву экспедиція полковника Петрусевича съ инженеромъ Гельманомъ. Эта экспедиція уже не задавалась рѣшеніемъ вопроса о причинахъ измѣненія теченій Аму, а прямо приступила къ изученію сухихъ руслъ. Оказалось что нѣтъ никакихъ серіозныхъ препятствій къ возвращенію части водъ Аму въ Узбой, что для этого не требуется и большихъ работъ. Въ Хивинскомъ оазисѣ нашлось собственно четыре старыя русла Аму: 1) самое южное, Тоню-Дарья, проходящее у города Хивы, составляющее южную границу оазиса, наиболѣе занесенное песками, 2) Дауданъ уже знакомый намъ по Хивинскому походу (онъ и прежде былъ извѣстенъ у насъ), 3) Куня-Дарья-Лыкъ идущая въ крутыхъ берегахъ въ Сары-Камышскія озера и 4) самое сѣверное Лауза́нъ впадающее въ Дарья-Лыкъ: по этому руслу небольшая часть водъ Аму протекала еще лѣтъ двадцать пять назадъ и не доходила до Сыръ-Камыша только потому что Дарья-Лыкъ былъ прегражденъ многими плотинами. Экспедиція Петрусевича признала что возстановленіе стараго тока Аму лучше всего сдѣлать чрезъ Лаузанъ, который имѣетъ большее паденіе чѣмъ живое теченіе Аму и выходитъ изъ нея ниже всѣхъ хивинскихъ *арыковъ*. При возстановленіи тока по Лаузану, орошеніе Хивинскаго оазиса ничего не потерпитъ; а дельтѣ Аму, теперь залитой водой, поросшей камышомъ, почти необитаемой, была бы великая польза.

Страшное наводненіе лѣтомъ 1878 года доказало на дѣлѣ вѣрность заключеній коммиссіи. Воды Аму прорвались въ Дарья-Лыкъ и Лаузанъ, разрушили или обошли всѣ плотины и влились въ Сара-Камышскія озера. Испуганные наводненіемъ, затопившимъ цѣлые города, Хивинцы кинулись на плотины и живо починили ихъ. Высокая вода держалась не больше мѣсяца, много два, но она успѣла поднять уровень Сары-Камышскихъ озеръ сажени на четыре. Инженеръ г. Гельманъ посланный въ Хиву въ концѣ 1878 года нашелъ уже быстро уменьшавшееся теченіе по Узбою, но изъ опасенія текинскихъ шаекъ, не могъ изслѣдовать новыхъ береговъ Сары-Камыша.

То же опасеніе не дало возможности осмотрѣть подробно соединеніе Даудана и Тону-Дарьи, южныхъ сухихъ руслъ, съ Узбоемъ. По всѣмъ признакамъ, эти русла обходятъ Сары-Камышскую котловину. Оказалось также что уровень Сара-Камышскихъ озеръ стоялъ въ 1876 году на 7 саж. *ниже* уровня Каспія. Чтобы Сара-Камышъ снова получилъ истокъ въ Каспій, надо поднять уровень озеръ на 35 — 40 саж. и образовать громадное озеро, гдѣ масса воды терялась бы испареніемъ. Впрочемъ, имѣются основательные поводы сомнѣваться въ вѣрности этихъ свѣдѣній о Сары-Камышской котловинѣ *).

Результаты экспедицій Петрусевича и Гельмана можно резюмировать такъ:

1) Всего лучше направить Аму въ Лаузанъ и Дарья-Лыкъ.

2) Главное препятствіе къ возстановленію стараго тока Аму — противодѣйствіе Хивинскаго хана.

3) Было бы лучше обойти Сара-Камышскую котловину или особымъ каналомъ или пользуясь частями южныхъ старыхъ руслъ.

Надо сознаться что открытіе такой громадной впадины какимъ оказался Сары-Камышъ очень озадачило и сконфузило лучшіе умы между сторонниками поворота Аму. Не говоримъ о множествѣ вздора какой по этому случаю наговорили въ засѣданіяхъ Географическаго Общества въ Петербургѣ; но даже инженеры какъ г. Лохтинъ или такіе спеціалисты по средней Азіи какъ г. Куропаткинъ заявили серіозныя сомнѣнія.

Окончательное и побѣдоносное рѣшеніе вопроса выпало на долю Самарской экспедиціи.

Самарская экспедиція предпринявшая изслѣдованіе Аму-Дарьи могла дойти къ Хивинскому оазису лишь въ октябрѣ. Въ это время въ степи уже всюду рыскали Текинцы, ободренные нашею неудачею въ Ахалѣ; не было никакой возможности продолжать прежнія изслѣдованія — изучать южныя русла обходящія Сары - Камышъ. Но Самарская экспедиція могла сдѣлать и сдѣлала больше. Начальникъ экспедиціи вступилъ въ переговоры съ Хивинскимъ ханомъ, и тотъ обязался тотчасъ же открыть Лаузанъ для водъ Аму. Немедленно были сломаны нѣкоторыя плотины, часть русла Лаузана расчищена, и вода въ ноябрѣ уже дошла до Куня-Ургенча, древней столицы Харезма. Зимой воды Аму стоятъ низко; половодье бываетъ два раза весной и лѣтомъ (послѣ таянія снѣговъ въ горахъ), къ тому времени сломаютъ остальныя плотины, еще больше прочистятъ русла, и тогда образуется сильный токъ воды который промоетъ новое ложе рѣки. Это великая мирная побѣда надъ Хивой!

А что же Сары-Камышская котловина? Вѣдь вода по Лаузану и Дарья-Лыку придетъ въ Сары-Камышъ. Это несомнѣнно; но отъ начальника Самарской экспедиціи не укрылось обстоятельство, не замѣченное до тѣхъ поръ. Проводъ воды Аму въ Сары-Камышъ отнюдь не мѣшаетъ обойти эту котловину въ случаѣ еслибъ обходъ потребовался, а напротивъ поможетъ. Обводненіе Узбоя даже только до Сары-Камыша открываетъ возможность осѣдлой жизни для такого же пространства степи какъ Хивинскій оазисъ. Затѣмъ уже тѣ мѣстности гдѣ можно сдѣлать обходъ будутъ лежать у самой границы новаго оазиса.

Если новыя данныя о Сары-Камышѣ не вѣрны, если котловина не такъ глубока и велика, воды Аму наполнятъ ее и дойдутъ до Каспія. Замѣтимъ что разказы Туркменъ объ Аму вообще вполнѣ оправдались, а Туркмены разказываютъ что въ сороковыхъ годахъ, во время наводненія Аму въ родѣ прошлогодняго, воды Аму наполнили Сары-Камышъ и прошли далѣе до колодцевъ Чарышлы.

Если же котловина окажется дѣйствительно громадною и придется обходить ее, то съ обводненіемъ Узбоя до Сары-Камыша, обходъ будетъ простою инженерною задачей.

Чрезвычайно смѣлое и удачное рѣшеніе къ которому пришла Самарская экспедиція есть уже начало осуществленія завѣтной мысли Петра Великаго. Дай Богъ чтобы дѣло это пошло и далѣе съ энергіей и настойчивостью Петра! Совершилось бы событіе безкровное и мирное, но открывающее новые историческіе горизонты. Великая рѣка, несущая воды Гималаевъ и теряющая ихъ въ пескахъ, была бы возвращена цивилизованному міру, стала бы проводникомъ жизни и пробудила бы нашъ дремлющій омертвѣлый Каспій...

На случай еслибы Россія рѣшила прекратить теченіе Аму въ Аралъ и напра-

*) В. Лохтинъ. *Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ.* Спб. 1789.

вить всѣ воды ея въ Каспій, Хивинскій ханъ, изъявляя добрую волю помочь намъ въ этомъ, испрашиваетъ за то разныхъ милостей. Такъ, опасаясь что съ обводненіемъ Узбоя туда переселятся Туркмены и изъ его владѣній и перестанутъ платить ему подати, онъ проситъ сложить небольшую часть платимой имъ ежегодной контрибуціи. Эта просьба, полагаемъ, всего менѣе можетъ возбудить затрудненій. Малая дань платимая ханомъ имѣетъ цѣну не сама по себѣ, а болѣе какъ знакъ его подчиненности, и если его смущаютъ только опасенія нѣкотораго ущерба для своей казны, то простая справедливость съ нашей стороны дать въ замѣнъ ему облегченіе въ уплатѣ дани; во всякомъ случаѣ, это было бы проще чѣмъ, напримѣръ, поручиться что и на новыхъ поселеніяхъ прежніе подданные его, Туркмены, будутъ по прежнему платить ему тѣ же подати. Кромѣ того, онъ проситъ чтобъ и послѣ поворота рѣки, границей его владѣній по прежнему осталось нынѣшнее ложе Аму, а не Узбой, и чтобы Ходжейли и Кунградъ были снабжены водой Эта просьба также естественна, и исполнить ее тѣмъ легче что наши заботы о поворотѣ Аму-Дарьи внушены вовсе не желаніямъ уменьшить территорію Хивинскаго ханства. Болѣе сомнѣній можетъ возбудить ходатайство хана о признаніи озера Сары-Камышъ его владѣніемъ. Тутъ онъ проситъ уже не малой награды за свое усердіе помочь намъ: съ обводненіемъ и заселеніемъ всей этой мѣстности, его владѣнія почти удвоились бы. Но чрезъ это положеніе хана не стало бы менѣе отъ Россіи зависимымъ. Поворотъ Аму-Дарьи въ Каспійское море, напротивъ, только усилилъ бы зависимость Хивы отъ Россіи, и во всякомъ случаѣ ханъ могъ бы владѣть и новою своею территоріей не иначе какъ подъ условіемъ добраго поведенія и покорности Россіи.

№ 321.

Москва, 16-го декабря.

Съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдимъ мы за преніями въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Возбужденъ вопросъ о народной школѣ, но не такъ какъ въ прежнее время поднимались вопросы этого рода въ разныхъ земскихъ собраніяхъ. Послышались наконецъ умныя и дѣльныя сужденія, соотвѣтствующія дѣйствительнымъ потребностямъ жизни. Появился рѣдкій до сихъ поръ гость на пирахъ нашей интеллигенціи, русскій народный здравый смыслъ и дѣйствительно честное слово безъ заднихъ мыслей, безъ гримасъ и вычуръ. Рѣчь Д. Ѳ. Самарина была выслушана съ живѣйшимъ соувствіемъ въ собраніи, но выраженныя въ ней мысли и вызванныя ею сужденія другихъ гласныхъ возбудятъ не меньшее сочувствіе въ добрыхъ людяхъ и за стѣнами собранія. Мы радуемся за нашу народную школу видя съ какою ясностію и зрѣлостью начинаетъ разумѣть наше земство ея задачу; мы радуемся и за земство, видя какъ хорошо начинаетъ оно сознавать свою задачу въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Народная школа можетъ приносить истинную пользу только въ живой и тѣсной связи съ церковью,—вотъ главная мысль которую высказывали гласные Московскаго земства. Ее развивалъ г. Оленинъ, первый возбудившій въ собраніи вопросъ объ этомъ предметѣ; она же составляетъ главный предметъ рѣчи г. Самарина, которой содержаніе было подробно изложено въ № 313 нашей газеты. Всѣ принимавшіе участіе въ обсужденіи этого вопроса подтверждали, пополняли и разъясняли ту же мысль. Она не встрѣтила возраженій; она и не могла бы встрѣтить серіозныхъ возраженій.

У насъ часто въ разныхъ сферахъ возбуждается вопросъ объ усиленномъ преподаваніи Закона Божія, въ видахъ религіозно-нравственнаго воспитанія юношества. Но отвлеченное преподаваніе Закона Божія недостаточно, и можетъ вести къ результатамъ противоположнымъ ожиданію. Если мы хотимъ чтобы народная школа была дѣйствительно органомъ религіознаго воспитанія, то надобно чтобъ она не просто учила дѣтей народа Закону Божію, но пріучала ихъ къ Церкви, вводила ихъ въ церковную жизнь и чтобъ она оставляла въ нихъ не осадокъ словъ безплодный и бездѣйственный, а привязанность къ Церкви и ея установленіямъ въ которыхъ дѣйственно живетъ и совершается Слово Божіе. Такъ смотрятъ гласные Московскаго земства на задачу школы въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, признавая въ этомъ

воспитании ея главное назначеніе. При такомъ взглядѣ, необходимо требуется болѣе живое, болѣе дѣятельное участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Въ собраніи съ разныхъ сторонъ высказывалось желаніе чтобъ епархіальныя власти приняли подъ свой ближайшій надзоръ это дѣло и сообщили ему плодотворное направленіе.

Россія въ наступающемъ году будетъ праздновать двадцатипятилѣтіе нынѣшняго славнаго царствованія. Въ разныхъ мѣстахъ разнымъ образомъ приготовляются ознаменовать это торжество. Г. Самаринъ въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи предложилъ ознаменовать это торжество постановленіемъ отпускать ежегодно до 30.000 рублей на поддержаніе и усиленіе религіозно-воспитательнаго значенія народной школы и заодно съ этимъ на улучшеніе быта духовенства, что́, въ свою очередь, есть одна изъ настоятельнѣйшихъ современныхъ заботъ нашихъ. Ставя народное обученіе подъ сѣнь Церкви, мы съ улучшеніемъ школы улучшимъ до нѣкоторой степени и положеніе духовенства. Одно съ другимъ тѣсно связано въ идеѣ; одно съ другимъ должно быть связано и на дѣлѣ. Предлагаемая субсидія въ пользу духовенства призываемаго служить дѣлу школы не разрѣшаетъ, конечно, всего вопроса объ улучшеніи быта духовенства, но способствуетъ тому въ значительной степени. Г. Самаринъ и не думалъ предлагать эту мѣру какъ единственный способъ обезпечить должнымъ образомъ духовенство; но предлагаемая имъ счастливая комбинація приноситъ помощь духовенству черезъ народное обученіе.

Предложеніе Д. Ѳ. Самарина было принято въ собраніи съ горячимъ сочувствіемъ но дальнѣйшее обсужденіе его предстоитъ завтра. Будемъ надѣяться что добрая мысль станетъ добрымъ дѣломъ. Вы, желающіе блага народу, не скупитесь на Церковь, не скупитесь на ввѣряемое ей народное просвѣщеніе. Никакая иная затрата на пользу народа не будетъ такъ производительна какъ эта, если будетъ сдѣлана толково, заботливо, съ сердечнымъ участіемъ, которое не по верхамъ ходитъ, а вникаетъ въ подробности.

№ 322.

Москва, 17-го декабря.

А.

Вышедшій на дняхъ *Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію Государственной Росписи за смѣтный періодъ 1878 года, съ Объяснительною къ нему Запискою и Приложеніями*, сообщаетъ рядъ такихъ фактовъ на которыхъ нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ.

Чтобы лучше оцѣнить значеніе этихъ фактовъ, припомнимъ сужденія о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи которыя были въ такомъ ходу въ прошломъ (а отчасти и въ текущемъ) году что возражать противъ нихъ считалось почти непозволительнымъ.

Послѣдняя война нанесла де Россіи страшный ударъ, отъ котораго ей долго не оправиться: финансы ея разрушены, экономическое благосостояніе подорвано и истощено въ своихъ источникахъ,—такова была общая тема на которую изо дня въ день разыгрывались варіаціи и въ заграничной, и въ туземной печати. Только и было рѣчи что о безднѣ раскрывшейся предъ Россіей вслѣдствіе войны. Петербургскія газеты только и занимались что исчисленіемъ вызванныхъ войною громадныхъ издержекъ съ цѣлію показать публикѣ въ перспективѣ неизбѣжность *стомилліонныхъ хроническихъ дефицитовъ*. Эти дефициты должны де все болѣе ронять курсы, а упадокъ курсовъ долженъ де вести все къ большему возрастанію дефицитовъ. Россіи суждено де въ теченіе долгаго ряда лѣтъ вращаться въ этомъ ужасномъ, безвыходномъ кругу, такъ какъ всѣ пружины государственной финансовой машины уже натянуты до послѣдней крайности и ничего болѣе извлечь не могутъ... Lasciate ogni speranza: у насъ повсюду застой и спячка, мы съ каждымъ днемъ все болѣе разоряемся, весь экономическій бытъ страны пришелъ въ крайнее разстройство, всѣ отрасли народнаго хозяйства быстро падаютъ...

Все это говорилось тысячами голосовъ, на тысячу ладовъ, въ то самое время когда исполненіе государственной росписи доходовъ и расходовъ приближалось уже къ концу, и уже составлялись бюджет-

ныя смѣты на текущій 1879 годъ. Какимъ гамомъ было встрѣчено тогда выраженное нами въ № 284 *Московскихъ Вѣдомостей* 1878 года мнѣніе что экономическое и финансовое положеніе Россіи вовсе не такъ плохо какъ старались его представить!

У нашихъ пессимистовъ было впрочемъ нѣкоторое подобіе доводовъ въ подтвержденіе разстройства нашихъ финансовъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ теченіи коихъ доходы были болѣе расходовъ, такъ что къ 1 января 1876 года накопилось сбереженій болѣе сорока милліоновъ (40.547.843 р.), наступили года въ которые доходовъ не доставало на расходы, и сдѣланныя сбереженія стали уплывать на покрытіе дефицитовъ. Въ 1876 году, дефицитъ по исполненію обычнаго бюджета оказался въ $5^1/_2$ милліоновъ (5.538.368 р.), а въ 1877 году — уже въ 30 милліоновъ (30.003.211 р) На 1878 годъ, судя по этой прогрессіи, можно было ожидать еще бо́льшаго дефицита Въ 1876 и 1877 годахъ еще сводились концы съ концами, если не на дѣлѣ то хоть по бюджетнымъ росписямъ; бюджетъ 1876 года предполагалъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ 86.170 рублей; бюджетъ 1877 года предполагалъ таковое же превышеніе въ 8 522 рубля. Бюджетъ 1878 года уже былъ чуждъ всякихъ надеждъ: въ немъ прямо предвидѣлся крупный недочетъ въ доходахъ на покрытіе обыкновенныхъ (не относящихся къ чрезвычайнымъ военнымъ) расходовъ—недочетъ въ $27^1/_2$ милліоновъ (27.495.708 р.), который на дѣлѣ могъ выарости въ громадную цифру. Могъ потому что съ 1876 года обычный ростъ государственныхъ доходовъ прекратился. Вмѣсто прогресса, въ этомъ отношеніи оказался регрессъ. Доходовъ въ казну поступило:

въ	1875 году	576.493.152	руб.
„	1876 „	559.262.692	„
„	1877 „	548.830.831	„

Почему же не ожидать было въ 1878 г. дальнѣйшаго уменьшенія доходовъ? Къ тому же, дѣйствительные доходы въ 1876 г. были все еще выше предположенныхъ по бюджету на 2.518.173 руб., а въ 1877 г. поступило на дѣлѣ доходовъ уже на 9.374.392 руб. менѣе чѣмъ предположено по бюджету. Какъ же не думать что въ 1878 году бюджетныя ожиданія доходовъ будутъ обмануты еще на болѣе крупную цифру? А вѣдь бюджетные расходы все растутъ, цифры сверхсмѣтныхъ расходовъ ежегодно считаются десятками милліоновъ. Что̀ же должно выйти? По бюджету 1878 г., дефицитъ исчисленъ въ $27^1/_2$ милліоновъ; присоедините къ этой цифрѣ вѣроятный недоборъ доходовъ да нѣсколько десятковъ милліоновъ сверхсмѣтныхъ (не относящихся къ чрезвычайнымъ военнымъ) расходовъ: до какой же цифры долженъ выарости дефицитъ 1878 года?

Все это самодовольно выставляли на видъ господа пишущіе въ разныхъ петербургскихъ и непетербургскихъ газетахъ, съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ любуясь рисуемою ими мрачною картиной нашего финансоваго положенія.

Въ оффиціальной средѣ также шли непрерывныя разсужденія о неизбѣжности дефицитовъ въ обычномъ бюджетѣ какъ прямомъ послѣдствіи войны, и о необходимости установленія новыхъ налоговъ для покрытія этихъ неизбѣжныхъ дефицитовъ. Различныя возникавшія въ этомъ смыслѣ предположенія большею частію остались неизвѣстны публикѣ,—и было бы, конечно, обидой для оффиціальнаго міра допустить чтобы въ немъ могла возникнуть мысль (о которой было не мало толковъ въ печати) о созданіи у насъ табачной монополіи *съ отдачей ея на откупъ иностраннымъ капиталистамъ* и тому подобныя предположенія, возможныя только относительно государствъ находящихся въ положеніи Турціи или Египта. Но всѣмъ еще памятенъ проектъ положенія о разрядномъ налогѣ, опубликованный въ *Трудахъ Коммиссіи Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ* (т. XVI, ч. II). Въ *Объяснительной Запискѣ* къ этому проекту, „въ виду отсутствія равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ въ непосредственно слѣдующіе за войной годы,“ тономъ не допускающимъ сомнѣнія указывалось, вопервыхъ, на необходимость отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ осуществленіе предположеній о преобразованіи подушныхъ сборовъ, вовторыхъ, на „необходимость озаботиться изысканіемъ средствъ къ усиленію ежегодныхъ государственныхъ доходовъ“ вообще, и втретьихъ, „на необходимость введенія личнаго налога съ неподатныхъ сословій“ въ частности. Послѣднее выставлялось тѣмъ болѣе современнымъ и справедливымъ что „обществен-

ное мнѣніе въ средѣ самихъ сихъ сословій вполнѣ сознало неизбѣжность экстраординарныхъ расходовъ на войну и неоднократно заявляло о всеобщей готовности жертвовать своимъ достояніемъ на пользу отечества...“

Проектъ разряднаго налога, который, при страшныхъ тягостяхъ и неудобствахъ для плательщиковъ, могъ бы по разчетамъ коммиссіи, доставить казнѣ 17.400.000, а за вычетомъ расходовъ взиманія, 15.900.000 р., —проектъ этотъ, слава Богу, не осуществился. Но мысль о необходимости новыхъ налоговъ для поддержанія бюджетнаго равновѣсія не была оставлена. При составленіи бюджета на текущій годъ, признано было необходимымъ ввести пять новыхъ и дополнительныхъ налоговъ: 1) съ напитковъ выдѣлываемыхъ на водочныхъ заводахъ, 2) съ гербовой бумаги и марокъ, 3) со страхованія имуществъ отъ огня, 4) съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и съ перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ большой скорости и 5) съ хлопчатой бумаги сырца.

Отчетъ Государственнаго Контроля за 1878 годъ даетъ возможность, на основаніи не гадательныхъ, а тщательно провѣренныхъ фактовъ, судить о томъ въ какой мѣрѣ были согласны съ дѣйствительностью господствовавшія у насъ мнѣнія о нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи, въ какой мѣрѣ подорвано послѣднею войной благосостояніе Россіи, и въ какой мѣрѣ требовалось этою дѣйствительностью установленіе новыхъ налоговъ для поддержанія бюджетнаго равновѣсія.

Въ то самое время когда, по общимъ толкамъ, у насъ господствовали „застой и спячка,“ на дѣлѣ *оживленіе промышленности и торговли*, на ряду съ урожаемъ и выпусками кредитныхъ билетовъ, какъ засвидѣтельствовано контрольнымъ отчетомъ, повело къ усиленію государственныхъ сборовъ отъ податей, поземельнаго и лѣснаго налоговъ, отъ питейнаго дохода, отъ гербовыхъ пошлинъ. По выкупнымъ платежамъ и прямымъ податямъ, не только поступили сполна окладныя суммы, но и сдѣланы населеніями не малые взносы въ уплату накопившихся въ прежніе годы недоимокъ. По выкупнымъ платежамъ, недоимки эти уменьшились, благодаря взносамъ 1878 года, на 919.882 р.— цифра солидная, если взять въ разчетъ что въ 1875 году, который обычно выставляется апогеемъ финансовыхъ успѣховъ Россіи, недоимки эти сократились только на 45.828 рублей. Уплата недоимокъ по податямъ и выкупнымъ платежамъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ шла еще успѣшнѣе: недоимки эти уменьшились, благодаря уплатамъ сдѣланнымъ въ 1878 году, на 3.155.426 р., тогда какъ въ пресловутомъ 1875 году недоимки сократились только на 1.111.236 р.

Въ то самое время когда, вслѣдствіе воображаемаго упадка всѣхъ отраслей народнаго хозяйства и крайняго разстройства экономическаго быта, предполагалось сокращеніе поступленія всѣхъ вообще государственныхъ доходовъ, оказалось на дѣлѣ *значительное повышеніе почти по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ доходовъ*, и притомъ не только противъ 1877 года, вообще неблагопріятнаго въ этомъ отношеніи, но и *противъ всѣхъ предшествовавшихъ лѣтъ*. Именно доходовъ получено болѣе:

противъ 1877	года на	77.141.904
„ 1876	„ „	66.710.043
„ 1875	„ „	49.479.144
„ 1874	„ „	68.239.583

Ожидалось что предположенный по бюджету дефицитъ въ $27^1/_2$ милліоновъ вслѣдствіе недобора доходовъ и сверхмѣстныхъ кредитовъ обратится на дѣлѣ чуть не въ стомилліонный. Сверхсмѣтныхъ кредитовъ (кромѣ чрезвычайныхъ на военныя надобности) дѣйствительно оказалось на 29.219.900 рублей, и изъ нихъ, за исключеніемъ 5.048.972 рублей отнесенныхъ на запасные фонды Военнаго и Морскаго министерствъ, 24.171.028 увеличили собой бюджетную смѣту расходовъ. Но дефицита при всемъ этомъ вовсе не оказалось. Вмѣсто $27^1/_2$ милліоновъ дефицита безъ покрытія сверхсмѣтныхъ расходовъ, даже послѣ ихъ покрытія оказался *избытокъ доходовъ надъ расходами болѣе чѣмъ въ $27^1/_2$ милліоновъ рублей* (27.893.551 р.), ибо вмѣсто недобора предположенныхъ по бюджету доходовъ, *поступленіе ихъ превысило бюджетныя ожиданія болѣе чѣмъ на 67.723.727* рублей. Предполагалось, по бюджету, что изъ суммъ заключеннаго на военныя надобности въ 1877 году внѣшняго займа понадобится употребить въ 1878 году $27^1/_2$ милліоновъ на расходы по нормальнымъ смѣтамъ. На дѣлѣ же, нормальный бюджетъ не потребовалъ изъ занятыхъ суммъ ни одной копѣйки, а наоборотъ, изъ

текущихъ доходовъ, кромѣ уплаты процентовъ по сдѣланнымъ для военныхъ потребностей займамъ, оказалось еще возможнымъ употребить на чрезвычайныя военныя издержки болѣе 25$^1/_2$ милліоновъ рублей (25.708.084 р.).

Ни сверхсмѣтные расходы, ни уплата процентовъ по возросшему государственному долгу, ни упадокъ курсовъ, увеличившій тягость заграничныхъ уплатъ, ни вздорожаніе нѣкоторыхъ покупаемыхъ казною предметовъ, — ничто не оказалось въ состояніи нарушить бюджетное равновѣсіе: возрастаніе доходовъ, вслѣдствіе успѣховъ народнаго благосостоянія, все покрыло и еще дало крупную цифру для чрезвычайныхъ расходовъ военнаго времени. А надобно еще замѣтить что финансовые результаты 1878 года въ дѣйствительности еще благопріятнѣе тѣхъ которые показаны въ контрольномъ отчетѣ. Пожаръ 24 іюля 1879 года уничтожилъ отчетность Иркутской контрольной палаты по Иркутской губерніи и по областямъ Якутской, Забайкальской, Приморской и Амурской, вслѣдствіе чего, какъ заявлено государственнымъ контролеромъ, поступившіе въ 1878 году государственные расходы показаны въ суммѣ нѣсколько меньшей, а государственные расходы въ суммѣ большей противъ дѣйствительныхъ.

Таковы факты. Такого ли они рода чтобы сама собою возникала необходимость установленія новыхъ налоговъ для поддержанія равновѣсія въ нормальномъ государственномъ бюджетѣ?

Была пора, когда установленіе налоговъ съ этою цѣлью было дѣйствительно необходимостью. Былъ тяжелый финансовый 1866 годъ. Контролемъ былъ исчисленъ дефицитъ въ 60.600.000 рублей, который пришлось покрыть изъ займовъ и который былъ уже *не первымъ* въ ряду послѣдовательныхъ хроническихъ дефицитовъ. Въ счетахъ прежняго времени былъ такой безпорядокъ что неизвѣстно было въ точности сколько сдѣлано въ прежніе годы такихъ ассигновокъ по которымъ предстоитъ еще производить уплаты, и сколько именно имѣется налицо средствъ для этихъ уплатъ по расходамъ прежнихъ лѣтъ: предполагалось приблизительно что тѣхъ и другихъ будетъ по 23 милліона. При этомъ 1866 годъ оставлялъ въ наслѣдство 1867-му открытыхъ но не оплаченныхъ кредитовъ на 17.844.028 рублей, съ рессурсомъ для ихъ уплаты, въ видѣ пособій изъ государственнаго земскаго и общественнаго сборовъ, всего на сумму 3.730.330 рублей. Было отъ чего призадуматься. Были вѣскія основанія къ тому чтобъ озаботиться, помимо сокращенія расходовъ, также и установленіемъ новыхъ налоговъ. Въ то время, какъ извѣстно, были установлены дополнительная подушная подать съ сельскихъ обывателей въ размѣрѣ, среднимъ числомъ, по 50 копѣекъ съ души, и добавочный къ оброчной подати сборъ; былъ поднятъ акцизъ съ сахара (съ 20 на 30 коп. съ пуда); были сокращены размѣры перекура освобождаемаго отъ платежа питейнаго акциза; было урѣзано право земскихъ собраній облагать налогами свидѣтельства и билеты на право торговли, дабы поощрить торговцевъ брать таковыя свидѣтельства дающія доходъ казнѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ легли на страну большою тяжестью, но дѣйствительныя бюджетныя затрудненія, ставшія хроническими, были достаточнымъ для нихъ оправданіемъ.

То ли видимъ мы въ 1878 году, наканунѣ текущаго 1879?

Счеты по прежнимъ годамъ приведены въ строгій порядокъ. На каждый изъ неоплаченныхъ еще кредитовъ назначенныхъ въ прежніе годы имѣются въ готовности соотвѣтственныя наличныя суммы. Счеты прежнихъ лѣтъ не только не ложатся тяжестью на текущіе бюджеты, а напротивъ ежегодно составляютъ немаловажную статью дохода, хотя и не заносимую въ бюджетныя смѣты. Освобождающіяся отъ закрытія прежнихъ кредитовъ суммы, за покрытіемъ ежегодно обнаруживаемыхъ не имѣвшихся въ виду расходовъ прежнихъ лѣтъ, давали казнѣ:

Въ 1874 году	3.085.789 р.
„ 1875 „	1.124,090 „
„ 1876 „	1.722.562 „
„ 1877 „	1.987 749 „
„ 1878 „	1.310.556 „

Въ дефицитахъ 1876 и 1877 годовъ не было ничего тревожнаго. Они не требовали займовъ для своего покрытія, а покрывались изъ бюджетныхъ сбереженій прежнихъ лѣтъ, — сбереженій, накопленіе коихъ не имѣло бы смысла еслибъ они не обращались на возстановленіе случайныхъ нарушеній въ бюджетномъ равновѣсіи. А что эти дефициты были случайными, а не

хроническими доказательствомъ тому служатъ финансовые результаты 1878 года, которые, если не въ точности и не вполнѣ, то приблизительно и по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, имѣлись въ виду при составленіи бюджета на текущій годъ. Притомъ самые размѣры дѣйствительныхъ дефицитовъ 1876 и 1877 годовъ ниже тѣхъ какіе значатся по счетамъ. Цифры ихъ показаны выше дѣйствительныхъ вслѣдствіе отчисленія въ запасные фонды Военнаго и Морскаго министерстъ (въ 1876 году — 2.780.155 руб. и въ 1877 году 2.093.099 рублей такихъ суммъ которыя по всякому другому министерству были бы сброшены со счетовъ какъ ассигнованія на расходы въ которыхъ не встрѣтилось надобности.

Затѣмъ что же оказывается сравнительно съ 1866 годомъ?

Тогда были введены новые налоги въ виду того что 1866 годъ завершился дефицитомъ въ 60.600.000 рублей.

Въ 1878 году уставлены новые налоги въ виду того что оказался избытокъ доходовъ надъ расходами, — избытокъ въ 27.893.551 рублей.

Главная сила мотивовъ почему послѣдовало установленіе этихъ налоговъ заключается въ указаніи на дефицитъ предположенный по бюджету на 1878 годъ. Не будь его, не понадобилось бы и этихъ налоговъ. Одно увелеличеніе расходной смѣты не потребовало бы новыхъ налоговъ; оно съ лихвой могло быть покрыто естественнымъ ростомъ доходовъ и соблюденіемъ разумной экономіи. Но вотъ мнимый дефицитъ 1878 года обратился на дѣлѣ въ солидный избытокъ доходовъ. Слѣдуетъ ли, въ виду этого, сохранить и на будущее время установленные съ 1 января текущаго года экстренные налоги, введенные вслѣдствіе ошибочнаго представленія финансоваго положенія Россіи въ худшемъ противъ дѣйствительности видѣ? Должна ли страна и впредь расплачиваться за ошибки въ воззрѣніяхъ на ея экономическое положеніе? Многія серіозныя неудобства и не выгоды, уже обозначившіяся при взиманіи нѣкоторыхъ установленныхъ съ 1 января 1879 года экстренныхъ налоговъ, побуждаютъ обратить на этотъ вопросъ серіозное вниманіе.

Б.

На дняхъ телеграфъ сообщилъ намъ странныя слова сказанныя на митингѣ однимъ изъ правительственныхъ лицъ Англіи (см. № 315 *Московск. Вѣдом.*) допускавшимъ отъ имени Англійскаго правительства „*законное* развитіе торговли и благосостоянія Россіи.“ Мы подивились этимъ словамъ, и съ любопытствомъ ожидали англійскихъ газетъ чтобы посмотрѣть не найдемъ ли поясненія ихъ въ полномъ текстѣ рѣчи. Развертываемъ полученныя наконецъ англійскія газеты, и натыкаемся на куріозъ. Рѣчь г. Борка не во всѣхъ газетахъ приведена одинаково пространно, но и въ наиболѣе подробномъ текстѣ ея, въ газетѣ *Times*, означенныхъ выраженій, къ нашему удивленію, вовсе не находимъ. Также нигдѣ не находимъ и заявленія г. Борка, которое значилось въ телеграммѣ, о томъ что бо̀льшая часть европейскихъ государственныхъ людей на сторонѣ Англіи.

Телеграмма была передана намъ съ такою подробностью что въ значеніи ея мы не могли ошибиться. Въ петербургскихъ газетахъ, какъ издающихся на русскомъ языкѣ, такъ и въ *Journal de St.-Pétersbourg* и въ *St.-Petersburger Zeitung*, она была сообщена дословно въ томъ же видѣ какъ и намъ. Не перепуталъ ли нашъ телеграфъ, хотя и странно думать что путаница могла повести къ сочиненію небывалыхъ выраженій? Но и съ нѣмецкою печатью приключилась такая же мистификація. Вотъ, для примѣра, беремъ вѣнскую *Presse*, которая получаетъ телеграммы не отъ Вольфова Агентства, отъ котораго и нами была получена телеграмма о рѣчи г. Борка, а чрезъ вѣнское *Correspondenz-Bureau*, и въ нумерѣ означенной газеты отъ 22 декабря находимъ ту же телеграмму, изъ коей приводимъ слѣдующее мѣсто въ нѣмецкомъ текстѣ: „*Die Regierung glaube, dass die bei weitem grössere Zahl der europäischen Staatsmänner auf Seite Englands stehe. England hat keinen Streit mit irgend einer europäischen Macht; es wünsche und hoffe vielmehr, dass auch zu Russland in guten Beziehungen bleiben werde. Er sei der Ansicht, dass die Differenzen mit Russland hauptsächlich* durch ehrgeizige und rücksichtslose Parteien (послѣднихъ словъ, напечатанныхъ прямымъ шрифтомъ намъ

передано не было), *veranlasst werden, nicht durch den Kaiser und dessen weise Ctaatsmänner. Die letzteren wissen, dass England den Frieden wünsche und nicht der legitimen Entwickelung des russichen Handels und der Wohlfahrt Russlands entgegen sei.*" Беремъ французскія газеты, напримѣръ *Temps*, и тамъ находимъ то же изложеніе съ незначительною разницей въ словахъ. Въ англійскомъ же текстѣ г. Боркъ, прямо послѣ словъ о томъ что разногласія съ Англіей были де вызваны не правительствомъ Русскаго Императора, а какими-то честолюбивыми и ничѣмъ не стѣсняющимися партіями, тотчасъ переходитъ къ нашимъ внутреннимъ затрудненіямъ; слова же его о дозволеніи намъ „законнаго развитія торговли и благосостоянія" опущены, также какъ опущено и его лестное мнѣніе о большей части европейскихъ государственныхъ людей.

Что̀ означаетъ сей казусъ? Мы во всякомъ случаѣ въ правѣ считать сказанными слова которыя разнесены были телеграфомъ по всему свѣту и появились не только въ русскихъ, но и во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Самъ ли г. Боркъ или репортеры *Times* нашли неудобнымъ помѣщеніе ихъ на другой день въ полномъ текстѣ рѣчи? Цензура ли лорда Биконсфильда запретила? Оказывается что на томъ же митингѣ въ Лидзѣ былъ и канцлеръ казначейства, и также держалъ рѣчь, о чемъ въ телеграммѣ сказано не было. Онъ больше говорилъ о финансахъ, но не много коснулся и политики, и въ контрастъ между торійскимъ и прежними либеральными министерствами указалъ именно на то какъ они относились къ словамъ. Онъ напомнилъ какъ прежде въ словахъ и заявленіяхъ Англіи, произносимыхъ въ парламентѣ и запечатлѣнныхъ въ депешахъ, обманулись и Данія, и Польша, и утверждалъ будто только нынѣшнее правительство научило вѣрить слову Англіи, доказавъ что за нимъ слѣдуетъ дѣло. Ну, а что̀ же сказать о словахъ министра которыхъ цензура не пропустила въ печать?

Намъ пріятно, впрочемъ, видѣть что заявленіе г. Борка о несочувствіи политическимъ убійцамъ красуется *en toutes lettres* въ печатномъ текстѣ его рѣчи.

№ 323.

Москва, 18-го декабря.

Министерскій кризисъ во Франціи окончился такъ какъ и надо было ожидать въ виду совершенно фальшиваго положенія кабинета Ваддингтона. Какъ только начались нападки на этотъ кабинетъ, мы пришли къ заключенію что онѣ были направлены не противъ всего кабинета и вовсе не затѣмъ чтобы заставить его измѣнить програму, а лично противъ его предсѣдателя, г. Ваддингтона, съ цѣлью выбросить его изъ правительства. Теперь это заключеніе вполнѣ подтвердилось. Новый кабинетъ окончательно образовался подъ начальствомъ г. Фрейсине, бывшаго въ прежнемъ кабинетѣ министромъ публичныхъ работъ: вмѣстѣ съ предсѣдательствомъ въ совѣтѣ, онъ взялъ и портфель иностранныхъ дѣлъ, а г. Ваддингтонъ ушелъ вмѣстѣ съ г. Леономъ Сэ: оба они были послѣдними въ правительствѣ представителями кисло-сладкаго лѣваго центра, пытавшимися удержать въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами Франціи...

Пока страна главнымъ образомъ нуждалась въ матеріальномъ отдыхѣ послѣ погрома 1870 года, мы видѣли какъ различные мастера парламентской эквилибристики совершали свои опыты: то правый центръ со своимъ септеннатомъ, то лѣвый центръ со своею консервативною республикой. Но надо же было рѣшить главный вопросъ,—вопросъ о власти. Съ тѣхъ поръ какъ выборы дали лѣвой большинство въ палатѣ, ей и предстояло вѣдать дѣла государства, и странно было видѣть что власть все-таки оставалась въ рукахъ людей лѣваго центра, орлеанистовъ и доктринеровъ, составлявшихъ въ палатѣ лишь весьма незначительную группу. Кабинетъ г. Ваддингтона былъ коалиціей, сдѣлкой между разнородными элементами; онъ былъ лишенъ единства, пораженъ безсиліемъ, и въ послѣднее время влачилъ самое жалкое существованіе. Недолговѣчность его обнаружилась немедленно послѣ открытія палатъ когда ему были сдѣланы разные запросы, а министерство поставило вопросъ о довѣріи. Оно получило изъявленіе довѣрія, и тѣмъ не менѣе тотчасъ же началась перестройка кабинета. Сначала хотѣли пожертвовать только министромъ юстиціи, г. Леройе; но это не устранило

кризиса. Удивительно было что послѣ того министерство еще разъ получило *vote de confiance* въ засѣданіи 16 декабря, по поводу запроса о полной амнистіи, когда за правительство было подано 255 голосовъ противъ 57, причемъ правая сторона не участвовала въ голосованіи. И вотъ, вскорѣ затѣмъ, весь кабинетъ подалъ коллективную просьбу объ отставкѣ. Явно что всѣ эти изъявленія довѣрія давались лишь условно.

Причина продолжительности кризиса теперь также ясна. Члены лѣваго центра, гг. Ваддингтонъ и Леонъ Сэ, употребляли всѣ усилія чтобъ удержать по крайней мѣрѣ свои портфели. Участію г. Ваддингтона въ правительствѣ потому придавали важность что оно будто бы необходимо для успокоенія европейскихъ кабинетовъ, имѣющихъ къ нему большое довѣріе. Сами ли члены лѣваго центра употребляли этотъ маневръ для удержанія за собой власти или объ этомъ впечатлѣніи заботились иностранные друзья г. Ваддингтона, — не знаемъ, только это не удалось. Г. Ваддингтонъ шелъ на всевозможныя уступки; онъ соглашался передать постъ перваго министра другому лицу и остаться въ подчиненномъ положеніи; потомъ, когда на этихъ условіяхъ г. Фрейсине отказался составить кабинетъ, г. Ваддингтонъ взялся было самъ передѣлать свой кабинетъ, приглашая въ товарищи радикала г. Шалльмеля-Лакура. Все было безуспѣшно. *République Française*, органъ г. Гамбетты, дѣйствительнаго вождя республиканскаго большинства, объявлялъ что если хотятъ удовлетворить ожиданіямъ страны, то тотъ кому поручено будетъ составить кабинетъ долженъ имѣть полную свободу въ выборѣ своихъ товарищей. „Задача составить прочное министерство окажется легкою или невозможною, смотря потому какъ будетъ понято данное положеніе со всѣми его трудностями. Все будетъ невозможно если не сумѣютъ найти элементы большинства тамъ гдѣ они есть. Все станетъ легкимъ какъ только отдадутъ себѣ отчетъ что эти элементы находятся въ двухъ главныхъ группахъ парламентской лѣвой.“ Этими словами былъ произнесенъ приговоръ надъ министрами лѣваго центра. И вотъ, за день предъ симъ, какъ извѣщаетъ телеграфъ, г. Гамбетта, по желанію г. Греви, отправился на совѣщаніе съ нимъ; совѣщаніе было продолжительное и вполнѣ дружеское и, по словамъ *Temps*, должно было ускорить разрѣшеніе кризиса. Очевидно, г. Гамбетта убѣдилъ президента республики въ необходимости полной уступки, и г. Фрейсине, получивъ свободу дѣйствій, тотчасъ же составилъ кабинетъ, изъ коего исключены вовсе гг. Леонъ Сэ и бывшій премьеръ Ваддингтонъ. Послѣдній, какъ видно, такъ обидѣлся оборотомъ дѣлъ что не захотѣлъ принять предложенный ему въ утѣшеніе посольскій постъ въ Лондонѣ.

Прибавимъ мимоходомъ что г. Ваддингтонъ, помимо принадлежности къ лѣвому центру, былъ и лично непопуляренъ по безхарактерности своей политики. Нельзя сказать чтобъ его иностранная политика отличалась достоинствомъ. Ему довелось быть министромъ въ то время когда Франціи представился случай выступить на сцену. До Берлинскаго конгресса, Франція уклонялась отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, сознавая что не могла занять въ европейскомъ концертѣ положеніе согласное со своимъ достоинствомъ и значеніемъ. Мы помнимъ что органъ г. Гамбетты, *République Française*, настаивалъ чтобы Франція устранилась и отъ участія въ Берлинскомъ конгрессѣ. Но г. Ваддингтонъ увлекся тщеславіемъ и хотѣлъ показать что республиканской Франціи въ его лицѣ оказывается довѣріе монархическою Европой, и онъ явился на конгрессѣ въ высокой роли скрѣпителя чужихъ рѣшеній. Ни для Франціи, ни для хода совѣщаній на конгрессѣ, его присутствіе не имѣло значенія.

Можно думать что теперешняя перемѣна важнѣе всѣхъ бывшихъ во Франціи со времени заключенія мира въ 1871 году. Всѣ прежнія были лишь этапами перехода къ настоящей. Пора колебательныхъ опытовъ миновала. Теперь выступаетъ на сцену власть дѣйствительная. Продлится ли она, это будетъ зависѣть отъ людей кому она досталась, отъ ихъ умѣнья справиться съ обстоятельствами. Г. Фрейсине, президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ, на прежнемъ своемъ посту показалъ себя способнымъ администраторомъ и человѣкомъ съ широкими взглядами. Но главное, онъ человѣкъ близкій къ г. Гамбеттѣ, и онъ конечно выбралъ себѣ товарищей изъ того же круга. А какъ г. Гамбетта есть истинный вождь республиканскаго большинства, то это и придаетъ новому каби-

нету бо́льшую силу чѣмъ какую имѣли всѣ прежніе, и открываетъ ему возможность, при единствѣ взглядовъ, дѣйствовать съ инициативой. Совершившаяся перемѣна есть ничто иное какъ воцареніе г. Гамбетты. Онъ предпочитаетъ пока не выступать на авансцену и благоразумно довольствуется ролью президента палаты, но вся власть явно въ его рукахъ, и она тѣмъ дѣйствительнѣе что не стѣснена никакими формальностями, безконтрольна и безотвѣтственна. Обстоятельства сложились такъ что онъ обладаетъ наибольшимъ авторитетомъ во всей Франціи, и не потому только что стоитъ во главѣ республиканской партіи. Въ этомъ отношеніи могли бы поспорить съ нимъ другіе авторитеты. Но былъ моментъ когда онъ безспорно стоялъ во главѣ своей страны, былъ моментъ когда онъ представлялъ собою націю. Въ этотъ роковой моментъ тяжкой борьбы, когда страна гибла, онъ поднялъ власть на улицѣ, когда она была не въ радость, поднялъ въ виду огчаянной борьбы на жизнь и смерть Французскаго народа. Въ немъ, въ эту минуту кризиса, съ особенною энергіей сказалось чувство патріотизма. Одинъ, среди общаго крушенія, онъ не отчаивался за страну и бился до конца. Его усилія были напрасны, но они продлили сопротивленіе хотя и дорогою цѣной; они дали почувствовать націи что она еще жива и, хотя безоружная, хотя поверженная во прахъ, все-таки способна къ сопротивленію. Вотъ почему г. Гамбетта, кто бы онъ ни былъ и что̀ бы онъ ни былъ, есть въ дѣйствительности диктаторъ Франціи.

Таково значеніе происшедшей перемѣны правительства во Франціи. Какъ перемѣна эта скажется въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, къ лучшему или худшему для Франціи и для Европы, неизвѣстно; но вѣрно то что Франція становится теперь страною съ сильною властью, какою мы не видали ея со времени паденія Второй Имперіи.

№ 324.

Москва, 10-го декабря.

А.

Въ то время какъ политическіе люди Европы, и въ рѣчахъ и въ печати, безпрерывно возвращаются къ прославленію Берлинскаго трактата какъ самой вѣрной гарантіи мира, и тычутъ имъ въ глаза Россіи, предостерегая ее чтобъ она и не помышляла о перерѣшеніи созданнаго имъ положенія,—не странно ли что весьма существенное и безспорное постановленіе этого прославляемаго трактата остается не исполненнымъ и даже не на пути къ исполненію? Мы говоримъ не о греческомъ вопросѣ, о которомъ коммиссары Порты и Греціи никакъ не могутъ столковаться какъ понимать намѣренія державъ выраженныя въ трактатѣ, а объ условленномъ именно на случай такого разногласія посредничествѣ не хотятъ сговориться сами кабинеты. Нѣтъ, мы говоримъ о вопросѣ рѣшенномъ окончательно, объ отведенныхъ Черногоріи округахъ Плавы и Гусинья, которыя до сихъ поръ не переданы князю Николаю.

Уже около мѣсяца тому назадъ какъ вниманіе Порты было обращено на этотъ недочетъ съ ея стороны, и она послала Мухтаръ-пашу исполнить требованіе трактата. Разнеслась было вѣсть что и онъ, подобно Мегеметъ-Али-пашѣ, былъ убитъ Албанцами, рѣшившимися противиться передачѣ округовъ гдѣ есть ихъ родичи и образовавшими съ этою цѣлью пресловутую лигу, о которой только и слышно когда это бываетъ выгодно или дозволено Портѣ, но которая и не пошевельнулась когда Австрія осенью заняла Новобазарскій санджакъ по особой конвенціи съ султаномъ. Впрочемъ, хотя газеты и поспѣшили обнародовать некрологъ Мухтара, слухъ о его убійствѣ тотчасъ же оказался ложнымъ; оказалось что онъ не только здравствуетъ, но и привелъ для своей охраны 22 баталіона. Съ такою силой, казалось бы, не могло встрѣтиться серіозной помѣхи въ исполненіи даннаго ему порученія и его собственнаго обѣщанія окончательно сдать Гусинье и Плаву къ 12 декабря новаго стиля. Но увы! округи которые нельзя считать иначе какъ принадлежащими Черногоріи, до сихъ поръ не переданы по принадлежности, а случилось трагическое происшествіе, къ сожалѣнію подтвердившееся. Произошло кровавое столкновеніе: 300 Черногорцевъ собранныхъ на границѣ были атакованы 7.000 Албанцевъ, между коими оказалось изрядное число турецкихъ солдатъ и офицеровъ. Для того развѣ нужно было Мухтаръ-пашѣ приводить сюда

свои баталіоны? Что Черногорцы не были зачинщиками и что кровавое столкновеніе не было вызвано ихъ намѣреніемъ овладѣть силой своими округами доказывается какъ ихъ малочисленностью, такъ и тѣмъ что они съ безпримѣрнымъ у нихъ терпѣніемъ не отвѣчали на вызовъ.

Итакъ, была пролита кровь, а право утвержденное Европой остается безсильнымъ. Это не приноситъ чести ревнивымъ блюстителямъ Берлинскаго трактата якобы гарантирующаго умиротвореніе Востока.

Заботливость въ этомъ дѣлѣ была высказана только Россіей. Говорятъ, она обращалась къ державамъ, предлагая совокупно настаивать въ Константинополѣ на удовлетвореніи правъ Черногоріи; была также рѣчь о командированіи европейской коммиссіи на мѣста для передачи территоріи. Но русское предложеніе было встрѣчено болѣе чѣмъ холодно и не получило хода. Наши *офиціозы* хотятъ увѣрить что извѣстія иностранныхъ газетъ объ отклоненіи русскаго предложенія не точны, и что если совокупное дѣйствіе не было найдено удобнымъ, тѣмъ не менѣе всѣ державы сдѣлали порознь Портѣ настойчивыя представленія чтобы постановленіе Берлинскаго трактата о передачѣ Гусинья и Плавы не оставалось мертвою буквой. Пусть такъ, пусть вѣрно что всѣ державы порознь дѣятельно хлопочутъ объ убѣжденіи Порты; однако англійская печать радуется неудачѣ нашей дипломатіи какъ факту доказывающему что Россія столь же будто бы парализована во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ и во внутреннихъ. *Times* еще коварно замѣчаетъ что настойчивость Россіи за Черногорію должна разстроить тѣ добрыя отношенія которыя она такъ старалась предъ тѣмъ установить въ Константинополѣ.

Порта также разослала циркулярную депешу, въ которой она не отказывается отъ своихъ обѣщаній, но присовокупляетъ что она уже исполнила ихъ, провозгласивъ на мѣстѣ передачу Гусинья и удаливъ оттуда своихъ чиновниковъ; Берлинскій же трактатъ не обязываетъ де ее принуждать жителей къ покорности, и султанъ не можетъ де употреблять насиліе противъ мусульманъ. Впрочемъ, Порта надѣется что если ей дадутъ время, то Мухтаръ-пашѣ „удастся“ убѣдить Албанцевъ. Кромѣ того, она предлагала Черногоріи обмѣнъ на другую мѣстность, но это была явная уловка, такъ какъ Портѣ конечно извѣстно что на предлагаемое ею, взамѣнъ Гусинья, вознагражденіе со стороны Дульчиньйо не согласна Австрія. Отвѣты державъ на циркуляръ Порты неизвѣстны, но есть указанія что Австрія рекомендовала князю Николаю терпѣніе. Эту двуличность и лукавую уклончивость Порты только и осталось изобличать нашимъ *офиціозамъ*, не отказываясь въ то же время отъ надежды что настоянія державъ внушатъ Портѣ требуемую энергію чтобы положить конецъ затрудненію угрожающему новыми усложненіями.

Данныя для этихъ надеждъ намъ остаются неизвѣстными, кромѣ указаній на „собственный интересъ“ самой Порты. Но извѣстно что Порта бываетъ особенно склонна прибѣгать къ своей традиціонной затягивающей политикѣ когда встрѣчаетъ къ тому внушительное поощреніе со стороны.

Но возвратимся къ ликованіямъ по поводу неудачи русской дипломатіи въ черногорскомъ дѣлѣ. Газета *Times* воспользовалась именно этимъ случаемъ заявленія Россіей о несомнѣнныхъ правахъ Черногоріи чтобы выставить на видъ огромную разницу въ положеніи теперь и три года тому назадъ. „Между тѣмъ какъ Австрія и Германія, съ одной стороны, подобно Англіи, съ другой,“ читаемъ въ лондонской газетѣ, имѣютъ возможность оказывать благодѣтельное вліяніе на Турецкую имперію, гдѣ признаки что подобнымъ вліяніемъ пользуется Россія? Вотъ г. Гладстонъ говоритъ намъ что русское могущество на Востокѣ было будто бы весьма усилено нашею недавнею политикой. Гдѣ же доказательства? На простой взглядъ факты представляются такъ: Россія, которая три года тому назадъ дѣйствительно грозила всему положенію и будущности Турціи въ Европѣ, теперь лишена всякаго вліянія на ходъ событій.“

Итакъ, какія бы перемѣны ни предвидѣлись, главное — устранить отъ всякаго участія въ нихъ Россію. Но этого мало: такъ какъ, по сознанію *Times*, этотъ результатъ все-таки не болѣе какъ временный, то нужно еще убѣдить Россію отречься отъ самой себя. Органъ Лондонскаго Города говоритъ: „Мы должны всѣми мѣрами разстроить замыслы Россіи. Полагаемъ что это намъ удалось. Русское вліяніе ослаблено, если еще не замѣнено

другимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Обезпечивъ этотъ результатъ, мы не имѣемъ болѣе никакой злобы противъ Россіи, и порадуемся если ея правительству угодно будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нами (*to cooperate*) въ дружескомъ духѣ въ нашихъ различныхъ сношеніяхъ на Востокѣ." Вотъ оно, это дозволеніе *законной* дѣятельности Россіи, *законнаю* развитія ея благосостоянія, о чемъ недавно говорилъ г. Боркъ. Спасибо газетѣ за поясненіе: законъ для насъ въ томъ чтобы повиноваться Англіи въ дѣлахъ Востока, и еще „въ дружескомъ духѣ."

Другая англійская газета, *Daily News*, принесла намъ слѣдующія извѣстія. Ея петербургскій корреспондентъ, въ телеграммѣ отъ 25 (13) декабря, вопервыхъ, съ увѣренностью подтверждаетъ извѣстіе о какомъ-то „соглашеніи или уговорѣ между тремя имперіями," то-есть о возобновленіи Трехъ-Императорскаго Союза, а къ этому прибавляетъ еще слѣдующее: „До меня дошло свѣдѣніе о соглашеніи еще болѣе важномъ относительно европейскаго мира и улаженія затрудненій въ Азіи, въ коихъ заинтересованы Англія и Россія. Если, какъ имѣется основаніе полагать, съ обѣихъ сторонъ есть серіозное расположеніе найти *modus vivendi*, то задача обоихъ правительствъ будетъ значительно облегчена. Согласно съ этими ожиданіями, я слышу что Россіей будутъ приняты самыя энергическія мѣры противъ Туркменъ-Теке, результатъ коихъ, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть сомнителенъ."

Вотъ, слѣдовательно, цѣна которую намъ предлагаютъ за то чтобы мы безъ оглядки вошли въ чужіе виды: намъ позволяется энергически укрощать Текинцевъ. Однако въ этихъ странныхъ заискиваньяхъ обращаемыхъ къ намъ одновременно съ доказательствами нашего полнаго безсилія, какъ внутри такъ и внѣ, нельзя не видѣть какой-то лихорадочной торопливости: какъ будто боятся упустить удобную минуту связать насъ соглашеніями, въ предвидѣніи что общее положеніе дѣлъ въ Европѣ можетъ сложиться совсѣмъ иначе. Всѣ наши добрые друзья очевидно дорожатъ временемъ чтобы скорѣе забрать насъ въ руки. Пусть бы они пояснили почему ихъ такъ заботитъ и какая имъ польза въ соглашеніи съ Россіей когда она, по ихъ увѣренію, разбита параличемъ?

Б.

Еще преступный выстрѣлъ, еще покушеніе на цареубійство! На этотъ разъ предметомъ злодѣйскаго покушенія былъ вторично юный король Испаніи, и пуля едва миновала его новобрачную супругу. Преступникъ, девятнадцатилѣтній мальчишка, очевидно только слѣпой исполнитель. Послѣдняя Вольфова телеграмма, очень скупая на подробности, увѣдомляетъ только что преступникъ спалъ спокойно и что слѣдствіе началось. Посмотримъ къ чему-то придетъ это слѣдствіе. Но Испанія страна вулканическая, страна революцій, съ потрясенною династіей, съ претендентами, съ радикальными партіями идущими во глубь самого народа: тамъ подобныя покушенія, какъ они ни прискорбны, объясняются болѣе или менѣе внутреннимъ положеніемъ страны, ея собственными условіями и обстоятельствами, и потому не могутъ быть такъ возмутительны какъ въ нашемъ отечествѣ, въ нашихъ столицахъ, гдѣ направляетъ ихъ чуждая и враждебная самому народу рука...

№ 325.

Москва, 20-го декабря.

А.

Нѣмецкая печать привѣтствуетъ обыкновенно праздникъ Рождества Христова „обозрѣніемъ" прошедшаго года и притомъ съ точки зрѣнія болѣе возвышенной нежели обычный тонъ сужденій по поводу текущихъ событій. Обозрѣнія эти большею частью ограничиваются высокопарными фразами; но иногда въ нихъ прорываются откровенности, не совсѣмъ обычныя въ осторожной и сдержанной берлинской печати. Въ этомъ году общій строй этихъ обозрѣній выдержанъ въ минорномъ тонѣ. Органы національно-либеральной партіи въ особенности предаются размышленіямъ грустнаго свойства, и нельзя сказать чтобъ они не имѣли для этого достаточныхъ поводовъ. Вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ экономическимъ стѣсненіемъ, настоящая, необычайно жестокая въ западной Европѣ зима сказалась въ Пруссіи голодомъ свирѣпствующимъ на всемъ пространствѣ обширной провинціи Верх-

ней Силезіи, со всѣми аттрибутами этого народнаго бѣдствія, въ родѣ эпидемическаго тифа и пр. Политическимъ положеніемъ либеральная партія, недавно еще преобладавшая, также не можетъ быть довольна. Тревожныя размышленія возбуждаетъ не только совершившійся къ ущербу ея поворотъ во внутренней политикѣ, но даже тѣ предпріятія правительства кои осуществились лишь благодаря поддержкѣ тѣхъ же націоналъ - либераловъ. Органы ихъ высказываютъ откровенно что переходъ важнѣйшихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ Пруссіи въ казну только усиливаетъ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, ихъ безпокойное чувство съ коимъ взираютъ націоналъ - либералы на будущее. Соціалъ-демократы, притихшіе послѣ изданія прошлогодняго закона, продолжаютъ однако свою зловѣщую работу и втихомолку все болѣе и болѣе проводятъ въ массу рабочаго населенія свою пропаганду.

Подводя такіе весьма нерадостные итоги, органы берлинской почати находятъ утѣшеніе лишь въ томъ что они переносятся воспоминаніями къ прошедшему, умиляются размышленіями о великихъ событіяхъ приведшихъ къ созданію германскаго единства и почерпаютъ бодрость въ сознаніи что и теперь германская политика находится въ тѣхъ же рукахъ которыя создали это единство. Отъ внутреннихъ превратностей они обращаютъ взоры къ иностранной политикѣ и заключительнымъ аккордомъ нерадостной симфоніи все-таки попрежнему является неизмѣнный „апоѳеозъ“ князю Бисмарку. Темой для этого апоѳеоза взято однако не что-либо опредѣленное, не положительное дѣйствіе, а нѣчто, по словамъ тѣхъ же газетъ, совершенно неуловимое.

„Полнѣйшій переворотъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Россіи“, читаемъ мы въ *Національной Газетѣ*, „есть событие коему мало найдется равныхъ по значенію въ нашей политической исторіи. Но еслибы насъ спросили какой фактъ ознаменовалъ собою и подалъ поводъ къ такому не подлежащему сомнѣнію перевороту, то мы очутились бы въ положеніи плохо приготовленнаго къ экзамену кандидата.“ Эта неизвѣстность не мѣшаетъ однако названной газетѣ поставить этотъ „переворотъ“ на ряду съ двумя великими войнами которыя Германія выдержала съ Австріей и Франціей и которыя освободили Германію отъ узъ наложенныхъ на нее предшествовавшею исторіей, а также отъ вѣчной тревоги за безопасность своей западной границы. Новая заслуга князя Бисмарка заключается де въ томъ что „къ концу 1879 года Германія чувствуетъ себя столь же свободной“ по отношенію къ Россіи, о которой недавно еще думали что безъ тѣснаго союза съ ней Пруссія не можетъ существовать. „Теперь никто не осмѣлится усомниться въ томъ что мы свободны и независимы и по отношенію къ Россіи. Мастерской дипломатическій ходъ доставилъ намъ здѣсь то что̀ обыкновенно достигается лишь какъ результатъ кровавой войны.“

Поразительное открытіе! Союзъ Россіи, благодаря которому Германія, какъ неоднократно было засвидѣтельствовано авторитетными устами, главнымъ образомъ получила возможность справиться столь блестящимъ образомъ со своими врагами, былъ будто бы тяжелымъ игомъ для нея! И она будто бы изнывала подъ бременемъ этого ига въ то время когда существовалъ пресловутый Тройной Союзъ и когда дружба между обѣими державами была провозглашена княземъ Бисмаркомъ „стоящею превыше башенъ.“ Берлинскій конгрессъ и его произведеніе Берлинскій трактатъ тоже, какъ видно, Россіей навязаны были Германіи...

Берлинская газета, къ сожалѣнію, не опредѣляетъ точнѣе, въ этихъ ли именно фактахъ и комбинаціяхъ недавняго прошлаго усматриваетъ она результаты „несвободы“ Германіи. Но за то о будущемъ ея рѣчи болѣе откровенны. Тутъ прежде всего высказывается удовольствіе по тому поводу что „вслѣдствіе внутреннихъ смутъ“ въ Россіи положенъ предѣлъ честолюбивымъ ея замысламъ на Востокѣ, что ей прегражденъ путь къ Константинополю, и что „на наслѣдіе больнаго человѣка заявили свои права совершенно новые наслѣдники.“ Вліяніе Германіи пролагаетъ де себѣ путь къ нижнему Дунаю, и если на Балканскомъ полуостровѣ наступитъ новый и окончательный передѣлъ, то развитіе вещей совершится де совсѣмъ въ иномъ смыслѣ нежели привыкли смотрѣть до сихъ поръ на Восточный вопросъ.

Не довольствуясь этими общими указаніями, берлинская газета посвятила затѣмъ особую статью вопросу о „задачахъ Германіи послѣ окончательнаго паденія Тур-

ціи.“ Тутъ прежде всего подводятся итоги теперешнему положенію Турціи и доказывается что полное банкротство, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, султанскаго владычества гораздо ближе чѣмъ многіе думаютъ. Задача же Германіи послѣ этой неминуемой катастрофы заключается де въ томъ чтобы получить свою, и притомъ по возможности львиную, долю въ будущемъ наслѣдствѣ. Объяснить и примирить противорѣчіе между этимъ взглядомъ и тѣмъ который высказанъ былъ въ самомъ началѣ послѣдней Восточной войны княземъ Бисмаркомъ о полномъ безучастіи Германіи къ судьбѣ Турціи, — взглядомъ коему съ жаромъ вторила въ то время вся нѣмецкая печать,—названная газета не считаетъ нужнымъ. И понятно почему. Въ то время Германія еще не была свободна; надъ нею тяготѣлъ невыносимый гнетъ Россіи, и она вынуждена была прибѣгать къ лицемѣрію, какъ къ пріему свойственному людямъ подневольнымъ. А теперь другое дѣло. Теперь проповѣдуется такое положеніе что „государство можетъ ослабѣть и понизиться въ своемъ значеніи не потерявъ ни одной квадратной мили изъ своихъ владѣній, единственно вслѣдствіе того что его сосѣди возрастаютъ и умножаютъ свое могущество.“ Вотъ почему Германія не можетъ де спокойно взирать какъ другія націи подѣлятъ между собою будущее наслѣдіе Турціи, а должна принять въ этомъ участіе. Участіе это должно быть подготовлено теперь же, и притомъ чрезъ посредство Австріи. Этой послѣдней надо употребить всѣ усилія дабы теперь же прочно утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ и занять тамъ подобающее ей положеніе. Замѣчательно что относительно Австріи берлинская газета забываетъ ею самою высказанное положеніе и напротивъ прямо указываетъ что усиленіе Австріи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленіемъ Германіи. Повидимому, въ Берлинѣ перестали смотрѣть на Австрію какъ на самостоятельную силу съ которою возможны не только союзы, но и сосѣдственное соревнованіе и соперничество.

Впрочемъ, Австріи ставится одно непремѣнное условіе для той миссіи которая имѣетъ обезпечить интересы ея и Германіи при будущемъ раздѣлѣ Турціи: ей рекомендуется выдвинуть для этого впередъ только свои нѣмецкія силы. Австрійскіе Славяне считаются (и совершенно основательно) элементомъ ненадежнымъ въ дѣлѣ упроченія будущихъ германскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Б.

Недавно прусская спеціально - военная газета *Militär-Wochenblatt*, сравнивая событія нашей Ахалъ-Текинской экспедиціи съ походами Англичанъ въ Афганистанѣ, замѣтила что неблагопріятный оборотъ обѣихъ кампаній „помимо затрудненій въ „продовольствіи и другихъ неблагопріят„ныхъ условій, зависѣлъ главнымъ обра„зомъ отъ недостаточности силъ съ кои„ми предполагалось исполнить столь труд„ныя задачи“ какъ покореніе цѣлыхъ странъ съ воинственнымъ и предпріимчивымъ населеніемъ.

Къ сожалѣнію, сходство между обѣими кампаніями только кажущееся. Наша Ахалъ-Текинская экспедиція была предпринята въ обширныхъ размѣрахъ. Въ Чекишлярѣ было собрано не $8^1/_2$ баталіоновъ съ 8 или 9 эскадронами при 20 орудіяхъ, какъ полагаетъ *Militar Wochenblatt*, а $16^1/_2$ баталіоновъ, 22 сотни и 24 орудія. Если въ результатѣ на рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту у насъ оказался недостатокъ войскъ, то это зависѣло не отъ слабости экспедиціоннаго корпуса, а отъ ошибочныхъ распоряженій, вслѣдствіе коихъ къ Денгиль-Тепе пришли только шесть баталіоновъ въ составѣ шести ротъ.

Не взирая на временую можетъ - быть неудачу Англичанъ, намъ приходится поучиться у нихъ весьма многому, начиная съ состава отряда.

У генерала Робертса, напримѣръ, на 7 баталіоновъ пѣхоты имѣются тѣ же 24 орудія, что и у насъ на 16, а между тѣмъ на сообщеніяхъ генерала Робертса стоятъ еще 12 тысячъ съ 30 орудіями. Англичанамъ предстоялъ трудный походъ по горнымъ дорогамъ, но они не задумались везти сильную артиллерію, понимая важное значеніе этого рода оружія въ войнѣ съ плохо-вооруженнымъ и недисциплинованнымъ противникомъ.

Въ дѣлѣ организаціи обоза Англичанамъ пришлось бороться съ неимовѣрными трудностями. Въ предыдущую экспедицію ихъ въ Афганистанъ они потеряли около 60 тысячъ верблюдовъ, что составляетъ третью

часть всѣхъ ихъ въ Пенджабѣ. Нанять потребное количество животныхъ съ погонщами не представлялось никакой возможности, но англійская администрація не остановилась предъ этимъ затрудненіемъ: изъ Саида выслано 2.500 буйволовъ; было куплено въ Персіи и перевезено изъ Бушира въ Карачи много муловъ. Имѣлось въ виду пріобрѣсти часть вьючнаго скота даже въ Венгріи.

Покупка въ Персіи для насъ особенно поучительна, такъ какъ наши разчеты на персидскихъ наемныхъ черводаровъ вовсе не оправдались, разумѣется ко вреду для дѣла.

Но особенно поучительно устройство тыла войскъ генерала Робертса. На линію въ 300 верстъ, отъ Кабула до Пешавера, стянуто до 12 тысячъ человѣкъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ пунктахъ эшелонами въ укрѣпленіяхъ. Такое расположеніе дало возможность весьма быстро возстановить сообщенія съ генераломъ Робертсомъ, уже прерванныя было непріятелемъ и немедленно когда понадобилось подкрѣпить его хотя бы и небольшими силами. Не имѣя возможности разчитывать на исправное дѣйствіе телеграфа въ странѣ которой населенію нельзя довѣряться, Англичане пользуются оптическими сигналами *геліографомъ*, который оказалъ имъ неоцѣненную услугу даже во время сраженій. Ничего подобнаго не представляетъ наша Ахалъ-Текинская экспедиція, даже базисъ которой, Чокишляръ, весьма долго оставался вовсе безъ телеграфной связи съ западнымъ берегомъ Каспія На всемъ пути отъ Денгиль-Тепе назадъ до Чекишляра не было ни одного прочно занятаго опорнаго пункта гдѣ войска могли бы оправиться въ случаѣ неудачи.

Достигнувъ Кабула, генералъ Робертсъ не забылъ необходимыхъ предосторожностей; на случай неудачи, въ рукахъ Англичанъ былъ прочный опорный пунктъ, обширный Ширпурскій укрѣпленный лагерь, съ большимъ количествомъ продовольственныхъ запасовъ. Этотъ лагерь далъ Англичанамъ возможность послѣ проиграннаго трехдневнаго боя среди возставшаго населенія не уходить безъ оглядки изъ только что занятой страны, а напротивъ „выждать болѣе благопріятнаго времени“ когда силы непріятеля ослабѣютъ и когда „подойдутъ подкрѣпленія.“

Разчетъ генерала Робертса по крайней мѣрѣ въ настоящее время оказался вѣрнымъ, и Афганцы потерпѣли серіозное пораженіе стоившее Англичанамъ ничтожной потери: пяти убитыхъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ.

Между тѣмъ, послѣ неудачи подъ Денгиль-Тепе, наши войска были совсѣмъ въ иномъ положеніи: пришлось очистить страну и уйти обратно въ Чекишляръ, снимаясь съ иныхъ пунктовъ остановокъ слишкомъ поспѣшно, въ суматохѣ и безъ должнаго порядка.

Итакъ, сравнивая нашу Ахалъ-Текинскую экспедицію съ дѣйствіями Англичанъ въ Афганистанѣ, нельзя не признать что наши дѣйствія имѣли характеръ какого-то эфемернаго набѣга (Anlauf), тогда какъ Англичане предприняли настоящій правильный походъ (Feldzug), даже полная неудача котораго не могла имѣть столь невыгодныхъ для Англичанъ послѣдствій какія повлекъ за собою Денгиль-Тепенскій штурмъ. Война Англичанъ съ Афганистаномъ поучительна и въ другомъ еще отношеніи. События послѣдовавшія за Гандамакскимъ миромъ и занятіемъ Кабула въ настоящую кампанію наглядно показываютъ что болѣе или менѣе прочное занятіе въ непріятельской странѣ нѣсколькихъ пунктовъ не равносильно ея покоренію, что разсѣявъ вооруженныя скопища непріятеля необходимо еще озаботиться принятіемъ цѣлаго ряда мѣръ, которыя не допустили бы организоваться возстанію въ странѣ, для чего необходимо занять ее такими силами чтобы во всѣхъ занятыхъ пунктахъ была возможность выдѣлить часть войска для дѣйствій въ полѣ, для образованія подвижныхъ колоннъ. Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду что одна лѣтняя кампанія не приведетъ ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, что въ занятомъ краѣ придется оставить войска можетъ-быть надолго, придется зимовать, а это заставляетъ принять серіозныя мѣры къ устройству тыла дѣйствующаго отряда и его сообщеній. Идти налегкѣ значитъ напрасно жертвовать людьми и средствами.

№ 326.

Москва, 21-го декабря.

Цѣлый рядъ историческихъ разоблаченій ознаменовавшихъ послѣдніе мѣсяцы истекшаго уже нынѣ въ западной Европѣ 1879 года обогатился въ самые послѣдніе дни еще однимъ новымъ, любопытнымъ фактомъ, любопытнымъ тѣмъ болѣе что берлинская печать именно теперь занялась имъ.

Ближайшимъ поводомъ къ тому что̀ появилось по этому поводу въ берлинскихъ газетахъ послужили заключительныя строки въ запискахъ Н. В. Берга о послѣднемъ польскомъ мятежѣ, оконченныхъ печатаніемъ въ декабрьской книжкѣ *Русской Старины*.

Вотъ что̀ разказываетъ г. Бергъ:

„Въ заключеніе можно разказать что въ эти смутные для насъ дни, въ началѣ 1865 года, когда мы боролись съ угасающимъ возстаніемъ и старались сколь возможно скорѣе возстановить ниспровергнутый на огромныхъ пространствахъ порядокъ, князь Бисмаркъ отправилъ въ Дрезденъ, къ тамошнему уполномоченному агенту жонда народоваго, Клобуковскому, генералъ-адъютанта Трескова, сказать что „на дняхъ князь поѣдетъ въ Петербургъ и, конечно, будетъ говорить тамъ въ самыхъ высшихъ сферахъ о судьбахъ Польши: не найдутъ ли Поляки по этому поводу умѣстнымъ сдѣлать движеніе въ сторону Пруссіи: заявить торжественно что они не хотятъ оставаться въ зависимости отъ Россіи, а предпочитаютъ владычество Нѣмцевъ. Опираясь на такой фактъ, Бисмаркъ предложитъ въ Петербургѣ политическую комбинацію, вслѣдствіе которой Россія, по всѣмъ вѣроятіямъ, уступитъ Пруссіи часть Царства Польскаго по Вислу *), по крайней мѣрѣ, можно будетъ объ этомъ стараться, будетъ предлогъ.“

Берлинская *Volkszeitung* воспроизвела этотъ разказъ со словъ нѣмецкой *Познанской Газеты* и къ этому прибавила слѣдующее замѣчаніе: „Мы не можемъ судить насколько въ приведенномъ разказѣ истина смѣшана съ ложью; но что тутъ не все выдумано это видно изъ получившаго въ свое время огласку разговора князя Бисмарка съ данцигскимъ депутатомъ Гейнрихомъ Берендомъ.“

Этотъ разговоръ происходилъ въ 1863 году, на одномъ придворномъ балѣ, гдѣ г. Берендъ встрѣтилъ тогдашняго прусскаго министра-президента графа Бисмарка. Рѣчь зашла о тогдашнемъ натянутомъ положеніи вслѣдствіе коллективныхъ дипломатическихъ представленій западными державами Россіи по поводу Польши. Графъ Бисмаркъ высказалъ въ сущности слѣдующее: Есть два пути которые могутъ быть избраны Пруссіей относительно Польши: или дѣйствовать совмѣстно съ Россіей для энергическаго подавленія возстанія; такимъ образомъ былъ бы быстро созданъ совершившійся фактъ, противъ котораго напрасно стали бы протестовать западныя державы. Или же можно предоставить возстанію развиваться дальше, дать сильнѣе разгорѣться борьбѣ Русскихъ съ Поляками, и если затѣмъ Россія попроситъ помощи у Пруссіи, или же въ случаѣ еслибы Русскіе были совершенно вытѣснены изъ Польши, Пруссія могла бы двинуть туда свои войска и завладѣть Польшей для себя. Г. Берендъ, такъ разказываютъ берлинскія газеты, отнесся недовѣрчиво къ такимъ словамъ министра-президента; онъ сказалъ графу Бисмарку что ему очень лестно что г. министръ изволитъ съ нимъ такъ мило шутить. „Совсѣмъ нѣтъ,“ отвѣчалъ графъ Бисмаркъ, „я всегда говорю „серіозно о серіозныхъ вещахъ. То что̀ я „вамъ говорилъ, я говорилъ какъ министръ-„президентъ. Россія давно тяготится Поль„шей. Въ Петербургѣ мнѣ было сказано „что необразованная Россія не можетъ

---

*) Давнишнія затаенныя желанія Пруссіи, такъ-называемая Кнезбекова граница (Knesbeck'che Gränze).

Карлъ-Фридрихъ, фрейгеръ фонъ-Кнезбекъ (Knesbeck), родился въ 1768 году, умеръ въ 1848 году. Въ молодости писывалъ патріотическія пѣсни (Lob des Krieges) и составилъ нѣсколько стратегическихъ планов. Оказывалъ особенную дѣятельность въ 1806, 1811, 1812, 1813 и 1814 годахъ. Въ 1822 году получилъ чинъ генералъ-отъ-инфантеріи. Въ 1831 году командовалъ обсерваціоннымъ корпусомъ на польской границѣ. Выйдя въ отставку, получилъ званіе генералъ-фельдмаршала прусскихъ войскъ.

Оставшіяся послѣ него записки и бумаги присоединены къ архиву министерства королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ. Кнезбекъ твердилъ постоянно что „Пруссіи совершенно необходима граница по Вислу, что иначе она не можетъ быть вполнѣ безопасна со стороны Россіи.“ Вслѣдствіе этого „границу по Вислу“ стали называть въ Пруссіи Кнезбековою, и что̀ бы кто ни говорилъ, она всегда остается in votis Пруссаковъ. *Прим. Берга.*

„управлять образованною Польшей и что „Нѣмцы это лучше сумѣютъ. Въ три года „мы успѣли бы онѣмечить Поляковъ...“

Органъ князя Бисмарка *Сѣверо-Германская Газета* немедленно обратила вниманіе на всѣ эти воспоминанія и поспѣшила выдвинуть противъ нихъ свои возраженія. Министерская газета рѣшительно опровергаетъ все что̀ разказываетъ г. Бергъ. Генералъ-адъютантъ Тресковъ не былъ де посылаемъ въ 1865 году въ Дрезденъ, или къ кому бы то ни было изъ агентовъ польскаго національнаго жонда. Прусское правительство никогда де не искало случая вступить въ переговоры съ кѣмъ бы то ни было изъ агентовъ народнаго жонда и о существованіи какого-то Клобуковскаго оно не имѣло никакого понятія. Нужно де имѣть очень плохое понятіе о прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ чтобы допустить мысль будто бы оно считало нужнымъ и возможнымъ добиться содѣйствія польской революціонной партіи для того чтобы достигнуть уступки какой-либо части русскихъ владѣній въ Польшѣ.

Но министерская газета не ограничилась этимъ отрицаніемъ, а прибавляетъ отъ себя слѣдующія весьма интересныя сообщенія:

„Со времени кончины Императора Александра I возможность такой уступки была, правда, неоднократно затронута, но всегда, по иниціативѣ Россіи, въ смыслѣ антипольскомъ, съ цѣлью облегченія управленія Польшей. Императоръ Николай нѣсколько разъ предлагалъ королю Фридриху-Вильгельму IV уступить ему не только лѣвый берегъ Вислы, но и самую Варшаву. Въ послѣдній разъ это предложеніе было сдѣлано во время Крымской войны; но не встрѣтило сочувствія, ибо покойный король не имѣлъ желанія измѣнить количественное отношеніе между подданными своими которые говорятъ по-польски и тѣми которые говорятъ по-нѣмецки. Еще въ позднѣйшее время, а именно послѣ неудачныхъ попытокъ постигшихъ въ Варшавѣ графа Ламберта, Великаго Князя Константина и маркиза Велёпольскаго въ русскихъ правительственныхъ сферахъ поднимаемъ былъ вопросъ о *новомъ раздѣлѣ Польши*, дабы свалить на Пруссію часть затрудненій Россіи, на этотъ разъ однако предполагалось оставить Варшаву за собою какъ мѣсто стоянки русскихъ войскъ, а также по значенію Варшавы какъ крѣпости.“ Но и на сей разъ сообщеніе сдѣланное по этому предмету въ Берлинѣ не было де принято сочувственно, такъ какъ и въ то время присоединеніе къ Пруссіи новыхъ польскихъ провинцій не представлялось выгоднымъ съ точки зрѣнія ея германскаго призванія.

Всѣ эти интересныя сообщенія можно было бы просто принять къ свѣдѣнію. Но вотъ что̀ куріозно: *Сѣверо-Германская Газета* упрекаетъ нѣмецкія газеты разгласившія разказъ г. Берга и припомнившія при этомъ разговоръ князя Бисмарка съ Берендомъ, въ томъ что они въ этомъ случаѣ стали органами „панславистскихъ“ стремленій. Мы должны заступиться за берлинскія газеты. Онѣ сдѣлали это въ совершенно „патріотическомъ“ духѣ. Припомнивъ какъ императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ торжественно обѣщалъ Пруссіи такую границу которая установила бы во всѣхъ отношеніяхъ, какъ военномъ такъ и географическомъ, полную связь между Восточной Пруссіей и Силезіей, между которыми русскія владѣнія въ Польшѣ вдались клиномъ, берлинская печать сочла нужнымъ указать что „Россія до сихъ поръ не исполнила этого обѣщанія,“ а о „Кнезбековой границѣ,“ то-есть о присоединеніи къ Пруссіи всего лѣваго берега Вислы берлинскія газеты вспомнили съ замѣтнымъ умиленіемъ.

Въ чемъ же тутъ панславизмъ?

№ 327.

Москва, 22-го декабря.

Возвращаемся къ *Отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ*, о которомъ мы вели рѣчь въ № 322 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы остановились тогда единственно на свѣдѣніяхъ относящихся къ исполненію обыкновеннаго бюджета, не касаясь расходовъ вызванныхъ минувшею войной и средствъ для ихъ покрытія, равно какъ и другихъ расходовъ стоящихъ внѣ обычнаго бюджета, каковы, напримѣръ, расходы за счетъ такъ-называемаго желѣзнодорожнаго фонда. Пополнимъ теперь эти существенные пробѣлы.

Вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ во имя якобы непогрѣшимой науки, претендовавшимъ на астрономическую точность, обыкновенные бюджеты пережили у насъ

всѣ затрудненія эпохи военнаго времени не потребовавъ никакихъ чрезвычайныхъ средствъ, ни займовъ, ни выпусковъ бумажныхъ денегъ. Но покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ большою войной, у насъ какъ и вездѣ, конечно, не могло обойтись безъ помощи экстраординарныхъ рессурсовъ. Какіе же были эти рессурсы и какъ велики были покрытые изъ нихъ расходы?

Общій итогъ вызванныхъ войной расходовъ еще не подведенъ, да и едва ли можетъ быть скоро сосчитанъ. Эти расходы начались еще до войны, съ осени 1876 года, производились и во время войны и по заключеніи мира, и въ 1877—1878, и въ истекающемъ 1879 годахъ будутъ, по всей вѣроятности, производится и въ предстоящемъ, а можетъ-быть и не въ одномъ предстоящемъ 1880 году. Контрольный отчетъ сообщаетъ пока свѣдѣнія о расходахъ сдѣланныхъ на удовлетвореніе чрезвычайныхъ военныхъ надобностей до 1 января 1879 года. Оказывается что война потребовала слѣдующихъ суммъ:

Въ 1876 году	50.998.114	р.	47 к.
„ 1877 „	429.328.089	„	32 „
„ 1878 „	408.142.969	„	55 „
Итого	888.469.173	р.	24 к.*)

Не всю эту сумму пришлось заимствовать изъ экстраординарныхъ рессурсовъ. Часть ея,—правда, не большую,—доставилъ избытокъ средствъ обыкновенныхъ бюджетовъ. 1878 годъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ обычнаго бюджета, какъ ни сильно они возрасли, далъ избытокъ доходовъ въ 27.893.551 руб. 49 коп., который могъ быть сполна употребленъ на военныя издержки, да отъ сбереженій прежнихъ лѣтъ, за покрытіемъ сполна случайныхъ дефицитовъ 1876 и 1877 годовъ и за всѣми отчисленіями въ „запасные фонды“ Военнаго и Морскаго министерствъ, еще оставалось 1.657.854 р. 52 к., которые тоже пошли на военныя издержки. Всего, такимъ образомъ, нормальные источники государственныхъ доходовъ дали на войну свыше 29½ милліоновъ рублей,—сумму, повторяемъ, не большую, но во всякомъ случаѣ значительно превышающую ту какая понадобилась на всѣ издержки по „курсовой разницѣ при пріобрѣтеніи для войскъ золота“ въ 1877 и 1878 годахъ.

Итакъ, минувшая война потребовала въ теченіе 1876—1878 годовъ отъ экстраординарныхъ рессурсовъ всего 858.917.767 р. 23 к. Въ счетъ этой цифры, за этотъ періодъ времени, 616.258.734 р. 99 к. дали процентные займы *). Затѣмъ, недостающая сумма — 242.659.032 руб. 24 к. — должна была быть заимствована безъ процентовъ у Государственнаго Банка, который и имѣлъ сдѣлать приблизительно въ этомъ размѣрѣ экстренный выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Приведенная цифра, 242½ милліоновъ съ небольшимъ, есть maximum **) того выпуска кредитныхъ билетовъ который требовался собственно военными надобностями. Между тѣмъ, балансъ Государственнаго Банка къ 1 января 1879 года показываетъ что кредитныхъ билетовъ по это число было выпущено на 467.850.000 рублей, причемъ долгъ казны Банку опредѣлялся цифрой 462.535.773 руб. 47 коп. Ясно что помимо военныхъ издержекъ, выпуски бумажныхъ денегъ требовались еще и другими внѣ-бюджетными надобностями.

Одною изъ такихъ надобностей несомнѣнно было исполненіе расходовъ относимыхъ обычно на такъ-называемый желѣзнодорожный фондъ. Наличныя средства этого фонда до войны доставлялись главнымъ образомъ внѣшними желѣзнодорожными займами, послѣдовательными выпусками такъ-называемыхъ консолидированныхъ облигацій. Послѣдній изъ такихъ выпусковъ былъ сдѣланъ въ 1875 году.

*) Считая въ этомъ итогѣ, между прочимъ, и расходъ „на курсовую разницу при пріобрѣтеніи для войскъ золота,“ а именно:

Въ 1877 году	18.906.229	р.
„ 1878 „	6.909.243	„
Итого	25.815.472	р.

*) А именно:

	Рубли.	К.
Внѣшній заемъ 1877 года	106.408.573	25
4-й выпускъ банковыхъ билетовъ 1876 года	91.763.436	4
2-й Восточный заемъ	174.602.523	25
Изъ 1-го Восточнаго займа	243.484.202	45

**) Говоримъ: maximum, потому что въ итогѣ расходовъ покрытыхъ въ 1878 году значится, между прочимъ, свыше 40 милліоновъ суммъ еще не израсходованныхъ, а лишь подлежавшихъ отпуску въ 1879 и слѣдующихъ годахъ. Между тѣмъ авансомъ, въ счетъ смѣты 1879 года, въ 1878 году отпущено изъ кассъ всего съ небольшимъ 19 милліоновъ. Сравненіе этихъ двухъ цифръ показываетъ что выпускъ кредитныхъ билетовъ собственно для военныхъ надобностей безъ особыхъ неудобствъ могъ бы къ 1 января 1879 года ограничиться суммой 221 милліоновъ.

Съ тѣхъ поръ, желѣзнодорожныхъ займовъ заключаемо не было. Между тѣмъ, ежегодные расходы за счетъ желѣзнодорожнаго фонда въ періодъ 1876—1878 годовъ были не только не меньше, но напротивъ крупнѣе чѣмъ въ предшедшее пятилѣтіе *). Вся наличность фонда естественно оказалась недостаточною для покрытія этихъ расходовъ. Въ дополненіе къ ней понадобился отпускъ суммъ изъ Государственнаго Казначейства, простиравшійся въ 1876 году свыше 23½, въ 1877 свыше 51½ и въ 1878 до 41 милліоновъ, а въ общей сложности за три года свыше 116 милліоновъ,—цифра которою и опредѣляется приблизительно размѣръ выпуска кредитныхъ билетовъ, по 1 января 1879 года, на расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и устройству портовъ. Воздержаніе отъ заключенія желѣзнодорожныхъ займовъ въ послѣднее время, такимъ образомъ, не только не сопровождалось заминками въ работахъ по рельсовой сѣти и по устройству портовъ, но не помѣшало даже и увеличенію расходовъ по этой части. Никакого подрыва ни экономической жизни страны, ни финансовыхъ рессурсовъ казны отъ этого не произошло. Видимымъ бросающимся въ глаза результатомъ замѣны желѣзнодорожныхъ займовъ въ послѣдніе годы выпусками кредитныхъ билетовъ является лишь то что не произошло съ этой стороны новаго обремененія бюджета и платежныхъ силъ страны уплатой лишнихъ процентовъ...

Присоединяя къ выпуску бумажныхъ денегъ на военныя надобности еще выпускъ ихъ на подкрѣпленіе желѣзнодорожнаго фонда, получимъ въ итогѣ около 359 милліоновъ—цифра, которой еще очень далеко до 462½ милліоновъ и заимствованій сдѣланныхъ казначействомъ у Государственнаго Банка по 1 января 1879 года. Разница тутъ свыше 103 милліоновъ. Для чего могло понадобиться казначейству брать у Банка эту сумму, то-есть дѣлать дополнительный выпускъ кредитныхъ билетовъ въ этомъ размѣрѣ, когда это не требовалось ни обычнымъ бюджетомъ, ни чрезвычайными военными издержками, ни расходами за счетъ желѣзнодорожнаго фонда?

Приложенія къ Отчетамъ Контроля даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Они показываютъ какъ сильно возросъ за послѣдніе годы итогъ суммъ находящихся въ распоряженіи министра финансовъ у банкировъ за границей. Къ 1 января 1877 года такихъ суммъ было всего 79.319.231 р. 44 коп. Къ 1 января 1879 года ихъ оказалось 171.643.166 р. 58 к., то-есть слишкомъ на 92 милліоновъ болѣе.

До войны, суммы состоящія въ распоряженіи министра финансовъ у заграничныхъ банкировъ составлялись обыкновенно изъ желѣзнодорожныхъ займовъ; но въ 1877 и 1878 годахъ не заключалось такихъ займовъ. Поступали въ эти годы къ заграничнымъ банкирамъ суммы по внѣшнему 5% займу 1877 года; но всѣ суммы этого займа значатся по контрольному отчету израсходованными на военныя издержки. Итакъ, итогъ русскихъ денегъ въ рукахъ заграничныхъ банкировъ могъ вырос*ти только на счетъ выпуска кредитныхъ билетовъ спеціально для покупки иностранныхъ векселей безъ перевода по нимъ денегъ въ Россію и безъ расходованія ихъ за границей. Особый и не малый выпускъ бумажныхъ денегъ понадобился для усиленія кассъ заграничныхъ банкировъ! Не странно ли это?

Страннаго тутъ, однако, ничего нѣтъ. Намъ понадобилось имѣть громадную наличность за границей, наличность далеко превосходящую итогъ суммъ находящихся во всѣхъ казначействахъ внутри Имперіи,—намъ понадобилось имѣть эту наличность въ рукахъ заграничныхъ банкировъ для поддержанія нашего кредита у этихъ самыхъ банкировъ. Мы такъ много задолжали имъ и чрезъ ихъ посредство въ прежніе годы, до войны, что съ ихъ стороны появилось выраженіе сомнѣній въ состояніи ли мы исправно оплачивать купоны по заключеннымъ займамъ. Для успокоенія иностранной публики въ этомъ отношеніи, для внушенія ей что Россія далеко еще не имѣетъ надобности поступить съ этими купонами по примѣру Турціи, и потребовалось, посредствомъ спеціальнаго выпуска бумажныхъ денегъ, довести нашу денежную наличность у заграничныхъ банкировъ, къ немалой ихъ выгодѣ, до не-

*) Въ пятилѣтіе 1871—1875 годовъ, ежегодный расходъ изъ желѣзнодорожнаго фонда колебался между цифрами $54{,}_9$ и $78{,}_1$ милл. Между тѣмъ въ 1876 году эти расходы дошли до 79½ милл., въ 1877 до 80 милл. и въ 1878 до 85 милліоновъ.

слыханно громадной цифры *), далеко превосходящей всю массу годичныхъ платежей по всѣмъ государственнымъ займамъ, и внѣшнимъ, и внутреннимъ.

Но чтобы вполнѣ оцѣнить размѣры жертвы принесенной такимъ образомъ *ради поддержанія нашего заграничнаго кредита*, надобно взять во вниманіе еще слѣдующее. Суммы внѣшняго 5% займа 1877 года значатся употребленными сполна на военныя издержки; но только *значатся*. На дѣлѣ же пошла изъ этого займа (давшаго $106_{,4}$ милл. рублей кредитныхъ) на военные расходы сущая бездѣлица. Суммы этого займа чуть не полностью остались у иностранныхъ банкировъ, увеличивъ собою только итогъ суммъ находящихся въ распоряженіи министра финансовъ за границей.

Почти весь итогъ вызванныхъ войной расходовъ покрытъ, такимъ образомъ, единственно средствами данными внутреннимъ кредитомъ, частію процентнымъ, частію безпроцентнымъ. Заграничный же кредитъ содѣйствовалъ намъ въ критическую эпоху лишь какими-нибудь грошами!

И для поддержанія этого-то оказавшагося столь скупымъ для насъ кредита пришлось заключить самый невыгодный изо всѣхъ займовъ! Займы дѣйствительно пошедшіе на военныя надобности, то-есть займы внутренніе, заключались за умѣренные проценты, на выгодныхъ для казны условіяхъ, по 92, по 90, по 93 за сто, то-есть за ежегодный процентъ отъ $5_{,37}$ до $5_{,55}$. Внѣшній же заемъ въ видахъ поддержанія оказавшагося вовсе непригоднымъ для военныхъ надобностей заграничнаго кредита пришлось заключить на ростовщичьихъ условіяхъ, по 74 за сто, то-есть съ платежемъ болѣе $6^3/_4$% ($6_{,76}$), да еще съ единовременнымъ расходомъ по реализаціи въ размѣрѣ свыше $1^3/_4$ милліона рублей!

Хорошо или дурно то что помимо процентныхъ займовъ, для военныхъ надобностей, а также для желѣзнодорожныхъ расходовъ и устройства портовъ, сдѣланы бумажно-денежные выпуски,—объ этомъ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе. Фактъ остается тотъ, что эти выпуски не принесли вреда. Что по нимъ не платится процентовъ, это не тягость ни для казны, ни для плательщиковъ налоговъ. Что эти выпуски не разстроили финансовъ—это доказываютъ заявленные Государственнымъ Контролемъ финансовые результаты 1878 года. Что экономическая жизнь не пришла въ разстройство, а напротивъ стала на ноги вслѣдъ за бумажноденежными выпусками и оправилась отъ давившаго ее до войны кризиса — это тоже фактъ который, къ своему прискорбію, вынуждены были признать даже доктринеры.

Но внѣшній заемъ 1877 года, тяжеле всѣхъ прочихъ легшій на бюджетъ и страну... Въ чемъ его оправданіе?

Это заемъ заключенный не ради войны или на покрытіе какихъ-либо расходовъ. Это заемъ сдѣланный для того чтобы лежать въ сундукахъ заграничныхъ банкировъ, не въ интересѣ Россіи, а ради спокойствія иностранной публики.

Онъ оказался нужнымъ только потому что мы прежде заключали много иностранныхъ займовъ. Не будь этихъ прежнихъ займовъ, мы могли бы обойтись и безъ внѣшняго займа 1877 года, то-есть безо всей той тягости какая надолго наложена имъ на бюджетъ и страну.

Мы приглашаемъ обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ всѣхъ господъ сторонниковъ заключенія новыхъ внѣшнихъ займовъ для разныхъ цѣлей и особенно для извлеченія бумажныхъ денегъ изъ обращенія. Пусть, принявъ къ свѣдѣнію указаніе опыта, подумаютъ они о послѣдствіяхъ къ какимъ ведетъ усиленіе задолженности иностранцамъ.

№ 329.

Москва, 24-го декабря.

Со всѣхъ сторонъ подтверждается вѣрность высказаннаго нами взгляда на значеніе послѣдней перемѣны министерства во Франціи (№ 323 *Моск. Вѣд.*). Нельзя не замѣтить что на официальномъ пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ у президента республики, въ то время какъ новый премьеръ г. Фрейсине проходилъ мимо представителей иностранныхъ державъ, германскій посолъ князь Гогенлоэ предупредительно обратился къ нему и, подавъ ему руку, поспѣшилъ увѣдомить его что получена телеграмма отъ князя Бисмарка съ поруче-

*) Къ 1 января 1878 года эта наличность дошла до 193.318.326 р. 84 к., но въ теченіе прошлаго года сократилась на 21.675.160 р. 26 к.

ніемъ передать главѣ новаго кабинета что, хотя онъ и сожалѣетъ объ удаленіи бывшаго французскаго посла въ Берлинѣ г. де-Сенъ-Валье, но остается въ увѣренности что между Германіей и Франціей сохранятся вполнѣ мирныя и дружескія отношенія, на что̀ г. Фрейсине разумѣется отвѣчалъ любезностью въ томъ же духѣ. Еслибы происшедшая перемѣна касалась только вопроса личностей, еслибы не предполагалось что вмѣстѣ съ нею можетъ обозначиться и перемѣна въ положеніи Французскаго правительства не только внутри, но и во внѣшнихъ дѣлахъ, то разумѣется не было бы надобности въ такой поспѣшной демонстраціи сдѣланной княземъ Гогенлоэ по порученію германскаго имперскаго канцлера. Г. Фрейсине человѣкъ не новый, онъ уже былъ членомъ кабинета г. Ваддингтона, и касательно сохраненія мирныхъ отношеній могъ бы лично дать князю Гогенлоэ достаточныя увѣренія. Формальность эта и была исполнена новымъ премьеромъ въ обычномъ циркулярѣ ко французскимъ представителямъ за границей, въ коемъ онъ увѣдомлялъ ихъ о своемъ назначеніи и поручалъ передать державамъ при коихъ они аккредитованы о своемъ желаніи поддерживать дружескія сношенія бывшія при его предмѣстникѣ. Съ своей стороны всѣ иностранные послы въ Парижѣ сдѣлали визиты г. Фрейсине. Такія обычныя формальности бывали при всѣхъ министерскихъ перемѣнахъ. Въ данномъ случаѣ онѣ оказались недостаточными.

Демонстрація во дворцѣ президента республики, тотчасъ же разглашенная корреспондентомъ газеты *Times*, извѣстнымъ г. Бловицемъ, обличаетъ желаніе успокоить тревогу которая могла быть возбуждена разрѣшеніемъ французскаго кризиса въ томъ смыслѣ какъ это совершилось. Мы не ошиблись замѣтивъ что теперь, впервые со времени Второй Имперіи, Франція является вновь въ Европѣ въ положеніи государства съ которымъ приходится считаться. Не замѣчательно ли что это заявлено прежде всѣхъ Германіей?

Берлинскій корреспондентъ нашъ сообщалъ какого рода опасенія возбуждены въ тамошнихъ политическихъ сферахъ тѣмъ фактомъ что во Франціи власть вся переходитъ въ руки г. Гамбетты, и до какой степени тамъ жалѣютъ о выходѣ „миролюбиваго“ г. Ваддингтона. До нѣкоторой степени это проглядываетъ и въ крайне осторожныхъ отзывахъ германской печати. Даже офиціальная *Сѣверо-Германская Газета* замѣчаетъ что новый французскій кабинетъ образовался „наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ,“ и обращаетъ особое вниманіе на то что изъ него устранены такія лица какъ гг. Ваддингтонъ и Леонъ Сэ, которые, благодаря своимъ умѣреннымъ политическимъ идеямъ, сумѣли де заслужить уваженіе какъ Европы, такъ и Франціи. А *National-Zeitung* находитъ болѣе нужнымъ выставить на видъ тотъ фактъ что военнымъ министромъ во Франціи назначенъ дѣйствительно республиканскій генералъ, человѣкъ душой и тѣломъ преданный г. Гамбеттѣ. Всѣ эти замѣчанія мало соотвѣтствуютъ задушевной радости съ какою князь Гогенлоэ поздравлялъ г. Фрейсине.

Въ Англіи также, какъ видно, далеко не довольны оборотомъ дѣлъ во Франціи. Газета *Times*, парижскій корреспондентъ которой изъ силъ выбивался до послѣдней минуты доказывать что, какое бы ни образовалось министерство, г. Греви ни за что̀ де не согласится пожертвовать министрами лѣваго центра, не проронила ни слова о значеніи перемѣны. Другія газеты, хотя и съ большою осторожностью, указываютъ на слишкомъ быстрый поворотъ къ радикализму который будто бы обозначается во Франціи. Выражая надежду что и новый кабинетъ, не менѣе прежняго, будетъ заботиться о сохраненіи мира, въ Лондонѣ предвидятъ что онъ не въ состояніи будетъ избѣжать внутреннихъ смутъ. Объ этомъ можно будетъ судить лишь по дѣйствіямъ новыхъ министровъ, а по ихъ именамъ пока нельзя еще сдѣлать такого заключенія. Главною чертой перемѣны остается только полное устраненіе лѣваго центра отъ власти. Новый кабинетъ несомнѣнно представляетъ власть болѣе твердую Собственно же перемѣны были не обширныя: назначены всего четыре новые министра, шестеро сохранили прежніе портфели. Любопытно притомъ что наиболѣе радикальными членами кабинета остаются двое изъ членовъ прежняго кабинета, бывшіе товарищами г. Ваддингтона, именно министры внутреннихъ дѣлъ г. Леперъ и министръ народнаго просвѣщенія г. Жюль Ферри, который возбудилъ оппозицію въ сенатѣ своимъ законопроектомъ о преподаваніи, направленнымъ противъ іезуитовъ. Если это мѣра радикальная, то слѣдуетъ при-

помнить что ее готовы были отстаивать и два удалившіеся министра лѣваго центра. Что же касается четырехъ новыхъ министровъ, гг. Казо, Маньена, Варруа и генерала Фарра, то они вовсе не выдаются въ числѣ вождей политическихъ партій, и о нихъ газеты припоминаютъ слѣдующую особенность: всѣ они, вмѣстѣ съ новымъ премьеромъ, были въ большей или меньшей мѣрѣ связаны участіемъ въ дѣлахъ Турскаго, а потомъ Бордоскаго правительствъ во время непроизвольно доставшейся г. Гамбеттѣ диктатуры. Все это люди національной обороны. Г. Фрейсине быль тогда правою рукой диктатора; гг. Маньенъ, Варруа и Казо были также его дѣятельными пособниками. Генералъ Фарръ сражался на сѣверѣ Франціи, сначала отдѣльно, потомъ подъ командой генерала Федерба. Адмиралъ Жорегиберри, оставшійся морскимъ министромъ, отнюдь не радикалъ, также принадлежитъ къ числу командовавшихъ легіонами вербовавшимися тогда подъ знаменемъ диктатора, которому повиновалась Франція. Безспорно, нынѣшнее Французское правительство есть кабинетъ г. Гамбетты.

№ 330.

Москва, 28-го декабря.

Мы не имѣемъ ни желанія, ни повода, ни права обсуждать приговоръ Военно-Морскаго Суда надъ флигель-адъютантомъ Барановымъ. За то есть поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ по другому дѣлу, которое не дошло до суда. Судили флигель-адъютанта Баранова, а ожидался судъ надъ капитанъ-лейтенантомъ Рождественскимъ. Одиннадцать мѣсяцевъ продолжалось слѣдствіе какъ вдругъ, по прошествіи столь долгаго времени, послѣ допроса столькихъ свидѣтелей,—допроса отъ котораго приходилось даже падать въ обморокъ, — въ тотъ моментъ когда нужно было заключить слѣдствіе, оказалось что оно начато было неправильно, что жалоба г. Баранова не подлежала вѣдѣнію морскаго суда, такъ-какъ г. Рождественскій въ моментъ инкриминированнаго дѣйствія не состоялъ его подчиненнымъ. Итакъ, потребовалось производить почти цѣлый годъ слѣдствіе для того чтобы придти къ заключенію что его начинать не надлежало. Но въ морскомъ вѣдомствѣ до слѣдствія было, конечно, извѣстно что капитанъ-лейтенантъ Рождественскій, состоявшій прежде подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Баранова и прославлявшій тогда подвигъ *Весты*, уже не былъ его подчиненнымъ когда писалъ статью появившуюся въ *Моль*.

Извѣстно въ чемъ состоялъ скандалъ заставившій г. Баранова обратиться къ морскому суду. Было брошено нареканіе и сомнѣніе на дѣло съ которымъ связана честь не только флигель-адъютанта Баранова, но и русскаго флага. Г. Барановъ былъ оскорбленъ въ томъ что онъ, какъ морякъ называетъ своею святыней, и оскорбленіе было такого свойства что могло быть удовлетворено только доказательствами раскрытыми, взвѣшенными и установленными на спеціальномъ судѣ. Не успѣвъ довести дѣло до такого суда посредствомъ привлеченія оскорбителя къ отвѣтственности, г. Барановъ рѣшился самъ попасть подъ судъ. Его судили за нарушеніе дисциплины вслѣдствіе поданнаго имъ по начальству протеста, который былъ признанъ для Морскаго Министерства оскорбительнымъ. На судѣ онъ не оправдывался въ этомъ своемъ дѣйствіи и не старался смягчить его. Повидимому, онъ и не ожидалъ иного приговора какъ обвинительнаго, и заранѣе покорялся ему. Но онъ нашелъ себѣ удовлетвореніе въ томъ что могъ высказаться предъ морскимъ судомъ по дѣлу съ капитанъ-лейтенантомъ Рождественскимъ, который относительно своего бывшаго начальника очутился въ странной солидарности съ адмираломъ турецкаго флота, Гобартъ-пашой.

Припомнимъ скандалъ побудившій г. Баранова искать суда. Его бывшій подчиненный, храбрый офицеръ, самъ принимавшій участіе въ боѣ *Весты* съ турецкимъ броненосцемъ, награжденный за это дѣло Георгіевскимъ орденомъ, самъ участвовавшій въ составленіи донесенія объ этомъ дѣлѣ, писавшій о немъ восторженныя статьи, вдругъ, спустя нѣкоторое время, вышелъ предъ публику съ заявленіемъ въ которомъ усиленно старался уничтожить значеніе этого боя и подвергнуть сомнѣнію самую правдивость реляціи о немъ. Участникъ боя и восторженный цѣнитель его вдругъ превратился въ злаго порицателя, и заговорилъ о немъ тѣмъ

же тономъ какъ англійскій офицеръ состоящій на турецкой службѣ, стало быть какъ сугубый тогда врагъ нашъ. Какими судьбами русскій морякъ могъ такъ странно сблизиться съ Гобартъ-пашой въ оцѣнкѣ дѣла съ которымъ тѣсно связана честь русскаго флага? Мы не поставили бы такого вопроса еслибы видѣли себя въ необходимости предполагать непремѣнно что-нибудь нечестное въ побужденіяхъ г. Рождественскаго. Повидимому, онъ очутился незамѣтно въ ложномъ положеніи;ему представилось что побѣдоносный бой мизернаго парохода съ сильнымъ военнымъ броненосцемъ можетъ послужить вѣскимъ аргументомъ къ уничтоженію броненосцевъ въ нашемъ флотѣ, къ упраздненію военнаго флота и къ замѣнѣ его купеческими судами въ качествѣ крейсеровъ. Эта странная мысль повидимому такъ овладѣла г. Рождественскимъ что онъ рѣшился на самопожертвованіе, для того чтобы лишить силы этотъ опасный аргументъ въ пользу крейсеровъ противъ броненосцевъ. Но побѣда русской *Весты* надъ турецкимъ броненосцемъ столь же мало можетъ служить такимъ доказательствомъ, какъ и наоборотъ было бы нелѣпо доказывать ненадобность крейсеровъ въ томъ случаѣ еслибы *Фетхи-Булендъ* пустилъ ко дну или взорвалъ *Весту*. Побѣдоносный бой этого парохода служитъ доказательствомъ только русской отваги и самоотверженія, какими была обильно ознаменована послѣдняя война и на водѣ, и на сушѣ. Мы хотимъ объяснить себѣ какимъ образомъ русскій морякъ очутился противъ своихъ, противъ самого себя, въ союзѣ съ врагомъ своей страны; но попробуйте объяснить почему, во все продолженіе кампаніи, только одно дѣло вызвало небывалую литературную полемику со стороны непріятельскаго командира, — только дѣло связанное съ именемъ капитана Баранова? Неудивительно ли такое необычайное заявленіе изъ непріятельскаго лагеря съ саркастическими намеками на командира *Весты?* Въ самомъ дѣлѣ на что похожи слѣдующія слова г. Гобарта, напечатанныя имъ въ англійскихъ газетахъ: „Все это „хвастовство съ начала до конца. Безъ „сомнѣнія, Барановъ, который поступилъ „очень хорошо убѣжавъ, сочинилъ свою „побѣду за обѣдомъ, съ оставшимися въ „живыхъ офицерами, тогда когда погоня „была уже кончена?“

Г. Барановъ сѣтуетъ на невзгоды испытанныя имъ въ Морскомъ Министерствѣ. Сколько можно судить, онъ дѣйствительно имѣетъ сильныхъ недоброжелателей. Не знаемъ, во всемъ ли правъ онъ и во всемъ ли виноваты другіе. Вопросъ о личныхъ отношеніяхъ ускользаетъ отъ оцѣнки людей не близко стоящихъ, и неудобенъ для общественнаго обсужденія. Личныя столкновенія и несправедливости бывали всегда и бываютъ вездѣ. Но что́ менѣе обыкновенно и въ чемъ поистинѣ можно видѣть наше отечественное современное зло,—это недостатокъ того что̀ называется esprit public, неуваженіе къ самимъ завѣтнымъ патріотическимъ и государственнымъ интересамъ со стороны лицъ особенно призванныхъ блюсти ихъ и способствовать имъ.

Намъ нѣтъ надобности до личныхъ отношеній г. Баранова. Но мы не можемъ оставаться равнодушными когда въ чьемъ бы то ни было лицѣ оскорбляется наша народность, умаляется наша государственная честь. Бой *Весты* принадлежитъ быть можетъ къ безумнымъ по своей отвагѣ, но къ блистательнѣйшимъ подвигамъ подъ русскимъ флагомъ въ минувшую войну. Его высоко оцѣнили и свои, и чужіе. Въ исходѣ боя невозможно сомнѣніе послѣ показаній командира турецкаго броненосца, который дѣйствительно долженъ былъ бѣжать отъ маленькой *Весты* убѣдившись въ дѣйствительности ея выстрѣловъ, хотя бы только изъ опасенія взрыва снарядовъ покрывавшихъ его палубу.

Наконецъ, во всякомъ случаѣ, и каково бы ни было чье-либо о чемъ-либо мнѣніе, не обязателенъ ли безусловно и непререкаемо для всякаго правительственнаго вѣдомства авторитетъ Верховной Власти, признавшей и высоко оцѣнившей подвигъ командира *Весты?* Прилично ли изъ сферъ правительственныхъ бросать окольными путями нареканіе на дѣло, въ которомъ замѣшана и честь русскаго имени, и достоинство правительства?

О, дубинка Петра Великаго, какъ не вспомнить тебя!

Страхъ Божій есть начало Премудрости. Безъ этого спасительнаго страха не можетъ стоять никакое общество. Онъ особенно необходимъ въ правоправящихъ сферахъ, въ лицахъ уполномоченныхъ къ дѣйствію и поставленныхъ высоко. Общественныя нестроенія, государственныя неудачи и народныя бѣдствія бываютъ всег-

дашнимъ послѣдствіемъ упадка строгаго духа именно въ сферахъ вліятельныхъ. Мы жалуемся на многія прискорбныя явленія въ нашей общественной средѣ; но чтобы съ ними успѣшно бороться надо прежде всего препоясаться крѣпко.

Печать часто служитъ средствомъ агитаціи которая вноситъ въ общество смуту и шатаніе. Откуда эта агитація берется, чѣмъ она поощряется, чѣмъ поддерживается? Какія вліянія безотвѣтственно скрываются подъ газетными статьями и корреспонденціями? Понадобится вліятельному тузу перевернуться съ боку на бокъ, и вотъ землетрясеніе... Оживаютъ разныя партіи и высылаютъ своихъ бойцовъ; въ одно время, и въ своей и въ иностранной печати, появляются тенденціозныя, исполненныя всякой лжи, писанія, направленныя въ одну сторону. Вотъ напримѣръ періодически возобновляющіяся атаки на учебное дѣло. Для людей понимающихъ сущность вопроса не можетъ быть сомнѣнія въ достоинствѣ, пользѣ и необходимости учебной реформы совершившейся, слава Богу, въ наши дни; людямъ благомыслящимъ и честнымъ понятно что колебать посредствомъ газетной агитаціи не слѣдуетъ такое дѣло какъ воспитаніе юношества, и что всякое шатаніе школы отзывается пагубой на цѣлыхъ поколѣніяхъ; лицамъ же правительственнымъ, какого бы ни былъ каждый про себя мнѣнія о вопросѣ, должно быть непререкаемо и свято рѣшеніе власти ихъ создавшей, и имъ ни въ какомъ случаѣ недозволительно колебать, въ какихъ бы то ни было видахъ, разъ постановленный и неоднократно подтвержденный Верховною Властью законъ...

„У васъ порядокъ слабый,“ говорилъ на судѣ Баранова Грекъ Спиропуло, старый морякъ, воевавшій еще за независимость Греціи и бывшій участникомъ боя *Весты*.

№ 331.

Москва, 29-го декабря.

Перемѣна министерства во Франціи выдвинула вопросъ объ отношеніяхъ между Германіей и Франціей, которымъ обозначается самое больное мѣсто Европейскаго мира,—какъ ни старались въ послѣдніе мѣсяцы германскія газеты увѣрить будто Германія перестала уже чувствовать себя связанною съ этой стороны, а потому и совершенно свободна въ своихъ отношеніяхъ съ другой стороны...

До какой степени въ Германіи сильно стремленіе къ поддержанію этого послѣдняго убѣжденія видно изъ толковъ возбужденныхъ офиціальными привѣтствіями коими обмѣнялись въ день Новаго Года германскій посолъ въ Парижѣ, князь Гоэнлоэ, и новый глава Французскаго кабинета, г. Фрейсине. Телеграфъ поспѣшилъ передать во всѣ концы міра эти взаимныя любезности, и притомъ въ такой версіи которую сами нѣмецкія газеты признаютъ преувеличенною. На самомъ дѣлѣ рѣчь германскаго посла отличилась офиціально-вѣжливымъ тономъ, и въ ней вовсе не упоминалось о личной пріязни связывающей князя Гоэнлоэ съ г. Фрейсине и ихъ семейства. Сверхъ того, мы узнаемъ изъ парижскихъ корреспонденцій берлинскихъ газетъ что князь Гоэнлоэ нарочно говорилъ громко и внятно, „дабы князь Орловъ и графъ Бейстъ могли слышать каждое слово.“

Имѣется еще одно, не столь торжественное, указаніе на намѣренія самаго вліятельнаго нынѣ во Франціи человѣка, г. Гамбетты. Это разговоръ который онъ имѣлъ недавно съ корреспондентомъ американской газеты *New York Tribune*. Въ этомъ разговорѣ, г. Гамбетта высказался будто бы слѣдующимъ образомъ о внѣшней политикѣ Франціи: „Какъ ни сильно „желаніе Франціи получить обратно отнятыя у нея провинціи, она все-таки не „рѣшится предпринять съ этою цѣлью вой„ну; такая война была бы вѣроятна лишь „въ томъ случаѣ если бы Франція попала „въ руки военнаго диктатора, который вос„пользовался бы такою войной какъ пред„логомъ дабы раздуть воинственное на„строеніе народа. Прогрессъ міра долженъ „совершаться мирнымъ путемъ, а не си„лою войны; война отбросила бы дѣло рес„публики во Франціи на двадцать или три„дцать лѣтъ назадъ, за исключеніемъ развѣ „того случая *если бы Франція одержала „полную побѣду въ теченіе семидневной „кампаніи.*“

Несмотря на эти офиціальныя и неофиціальныя свѣдѣнія о миролюбіи Франціи, берлинскія газеты далеко не прониклись успокоительными мыслями. Въ особенности мало убѣдила ихъ манифестація г. Гам-

бетты. По этому поводу припоминаютъ что бывшій диктаторъ Франціи и тѣ друзья его которые нынѣ получили въ свои руки распоряженіе судьбой страны всегда были самыми ревностными поборниками идеи о возвращеніи потерянныхъ провинцій, что главныя нити агитаціи, безпрерывно поддерживаемой по этому предмету въ Парижѣ, и еще недавно, во время Рождественскихъ праздниковъ, ознаменовавшейся новою грандіозною демонстраціей въ пользу „порабощенныхъ дѣтей Франціи," сосредоточиваются въ интимномъ кругѣ будущаго президента Французской республики. Г. Гамбетта, правда, открыто всегда де высказывается въ томъ же смыслѣ какъ въ приведенномъ разговорѣ съ американскимъ корреспондентомъ; но всѣмъ извѣстно что ни онъ, ни друзья его, ни на минуту не допускали мысли что Альзасъ Лотарингія безвозвратно потеряна для Франціи. Заключительная оговорка въ послѣдней манифестаціи г. Гамбетты по этому поводу обезсиливаетъ его миролюбивыя заявленія, ибо мечта о „семидневной побѣдоносной кампаніи" показываетъ въ какую сторону направлены сокровенныя мысли людей правящихъ теперь судьбами Франціи. Г. Гамбетта знаетъ де очень хорошо что какъ будущій кандидатъ на президента онъ не можетъ не заявлять о необходимости поддерживать миръ, потребность котораго слишкомъ глубоко чувствуется большинствомъ французскаго населенія. Но въ то же время онъ старается де внушить своимъ клевретамъ изъ альзасскихъ патріотовъ что онъ надѣется и увѣренъ въ возвращеніи потерянныхъ провинцій дипломатическимъ путемъ. Берлинская газета, изъ которой мы заимствуемъ эти соображенія, полагаетъ что такіе виды слишкомъ ребячески-фантастичны, и что едва ли г. Гамбетта серіозно имѣетъ ихъ. Стало-быть онъ провѣдуетъ ихъ для того чтобы, съ одной стороны, поддерживать и распространять завѣтную для него и для большинства Французовъ идею, а съ другой, не испортить своихъ шансовъ на президентство республики. Изъ этого выводится слѣдующее назиданіе: „Германскимъ государственнымъ людямъ необходимо постоянно имѣть въ виду свое *caveant consules* и зорко слѣдить за г. Гамбеттой и его партіей, которые въ ближайшемъ будущемъ станутъ вѣроятно „исключительными властелинами Франціи."

Вотъ какія мысли высказываются германскою печатью рядомъ съ офиціальными любезностями, изъ коихъ князь Орловъ не долженъ былъ проронить ни одного слова. Несомнѣнно что въ нихъ гораздо болѣе искренно сказывается истинное настроеніе Германіи относительно Франціи и тѣ заботы отъ коихъ ни одинъ мыслящій человѣкъ въ Германіи не можетъ освободиться взирая на совершающіяся тамъ событія и предчувствуя ту катастрофу къ которой сила вещей роковымъ образомъ должна привести рано или поздно обѣ страны. Смертельная вражда между ними не можетъ быть замаскирована несмотря ни на какія старанія, и опасенія возрастаютъ вопреки успокоительнымъ завѣреніямъ и взаимнымъ любезностямъ. А между тѣмъ германская печать еще недавно какъ бы поставила себѣ задачей выставить Германію вполнѣ свободною ото всякихъ тревогъ со стороны Франціи, и потому полнѣ способною измѣнить по своей волѣ свои отношенія къ тому изъ своихъ союзниковъ которому она обязана всѣмъ своимъ успѣхомъ въ прежней борьбѣ съ Франціей и чей образъ дѣйствій и отношенія къ ней въ новомъ, неизбѣжномъ рано или поздно, столкновеніи будетъ имѣть не менѣе важное значеніе...